ОСТАННЯ АДРЕСА

Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках

ОСТАННЯ АДРЕСА ТОМ 1

ВИДАВНИЦТВО Сфера

ВИДАНО ЗА ФІНАНСОВОЇ ПІДТРИМКИ
СОЦІАЛ-ДЕМОКРАТИЧНОЇ ПАРТІЇ УКРАЇНИ
(ОБ'ЄДНАНОЇ)
ТА
ФОНДУ СПРИЯННЯ РОЗВИТКУ ЄВРЕЙСЬКИХ ГРОМАД
У РОСІЇ ТА УКРАЇНІ

PUBLISHED WITH THE FINANCIAL SUPPORT OF THE
SOCIAL-DEMOCRATIC PARTY OF UKRAINE (UNITED)
AND
JEWISH COMMUNITY DEVELOPMENT FUND IN RUSSIA
AND UKRAINE

Security Service of Ukraine
Institute for Political and Ethnic-National Researches
Ukrainian National Academy of Sciences

THE LAST ADDRESS

Shooting executions of Solovki prisoners of Ukrainian origin in 1937–1938

Volume 1

2nd edition,
revised and enlarged

PUBLISHING HOUSE
KYIV 2003

Служба безпеки України
Інститут політичних і етнонаціональних досліджень
Національної академії наук України

ОСТАННЯ АДРЕСА

Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках

Том 1

2-е видання,
доопрацьоване і доповнене

ВИДАВНИЦТВО Сфера
КИЇВ 2003

УДК 947.7:323.28
ББК 63.3(4УКР)
О76

Редакційна колегія: Сергій БОГУНОВ,
Володимир ПРИСТАЙКО,
Олександр ПШЕННІКОВ,
Юрій ШАПОВАЛ (відповідальний редактор)

Упорядники: Сергій КОКІН,
Петро КУЛАКОВСЬКИЙ,
Георгій СМИРНОВ,
Юрій ШАПОВАЛ

Археографічне опрацювання документів та науково-допоміжна робота:

Діана БОЙКО,
Ірина БУХАРЄВА,
Юлія ІВАНОВА,
Олена МЕЛЬНИК,
Вікторія ОКІПНЮК,
Марія ПАНОВА

Editorial Board: Sergii BOGUNOV
Volodymyr PRYSTAYKO
Oleksandr PSHENNIKOV
Yurii SHAPOVAL (executive editor)

Compilers: Sergii KOKIN
Petro KULAKOVSKYI
Georgii SMYRNOV
Yurii SHAPOVAL

Archeographical paper handling and subsidiary scientific work:

Diana BOYKO
Iryna BUKHAREVA
Yulia IVANOVA
Olena MELNYK
Viktoria OKIPNUK
Maria PANOVA

ISBN 966-7841-68-5
ISBN 966-7841-40-5 (Т. 1)

© Видавництво «Сфера», 1997–1999
© Видавництво «Сфера», художнє оформлення, 2003

Головна мета цього науково-документального видання — зберегти пам'ять про те, що саме Соловецький табір, ця, за висловом сучасника, «країна мук і відчаю», став останньою земною адресою для багатьох синів і дочок України.

Двотомник містить наукову розвідку «Соловецька трагедія 1937–1938 років: причини та наслідки», а також унікальні матеріали оперативної розробки соловецьких в'язнів, які дозволяють уявити і розкрити найпотаємніші сторони табірного побуту, переддень масових розстрілів, проливають світло на багато попередніх подій в Україні і колишньому СРСР, протоколи засідання Особливої трійки УНКВД Ленінградської області, на підставі яких відбулися масові розстріли соловецьких в'язнів у 1937–1938 роках.

Книжка є цінним джерелом для фахівців, для всіх, хто цікавиться історією України.

The main purpose of this scientific documentary edition is to retain memories of the fact that Solovki political prisoners' camp, that «land of sufferings and despair», according to one of the contemporaries, had become the last address in this word for many suns and daughters of Ukraine.

This two-volume edition contains scientific research «Tragedy of Solovki, 1937–1938: causes and effects», as well as unique operational papers on Solovki prisoners that help to envisage and to reveal the most undercover aspects of camp life and the atmosphere on the threshold of mass shootings; they also shed light on many events from the past of Ukraine and former USSR. It also contains records of sessions of Special Troika (three-member judicial committee) of Leningrad region' Department of NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs), based on which in 1937–1938 mass shootings of Solovki prisoners were held.

The book represents valuable source of information for specialists, as well as for those who are interested in Ukrainian history.

ЗМІСТ

Том 1

В.Пристайко, О.Пшенніков, Ю.Шаповал.
Соловецька трагедія 1937–1938 років: причини та наслідки XXIX

Розділ І. ПРАВДА КРІЗЬ РОКИ

№ 1. Лист СБ України до Управління ФСБ РФ по Архангельській області. 5 вересня 1997 р. 3
№ 2. Лист виконуючого обов'язки начальника Управління ФСБ РФ по Республіці Карелія В.Дубинського до СБ України з інформацією про нововіднайдене місце розстрілів соловецьких в'язнів. 24 вересня 1997 р. 4
№ 3. Лист директора Санкт-Петербурзького науково-інформаційного центру «Меморіал» до Державного архіву СБ України. 27 вересня 1997 р. 5
№ 4. Стаття В.Іофе до 1-го видання «Остання адреса». 28 вересня 1997 р. 6
№ 5. Лист директора Санкт-Петербурзького науково-інформаційного центру «Меморіал» до Державного архіву СБ України. 15 жовтня 1998 р. 10
№ 6. *С.Богунов.* Слово про Веніаміна Іофе. 11

Розділ ІІ. ШЛЯХ НА СОЛОВКИ
(Документи з архівно-слідчих справ майбутніх соловецьких в'язнів)

Документи стосовно А.Барбара, В.Підгаєцького, В.Удовенка, Г.Холодного зі справи «Спілки визволення України»

№ 1. Протокол допиту Г.Холодного. 23 серпня 1929 р. 15
№ 2. Звернення підслідного А.Барбара до слідчого ОДПУ Правдіна. 4 жовтня 1929 р. 20
№ 3. Додаткові свідчення В.Підгаєцького. 27 грудня 1929 р. 22
№ 4. Життєпис А.Барбара. 13 січня 1930 р. 25
№ 5. Постанова про пред'явлення обвинувачення В.Підгаєцькому. 21 січня 1930 р. 28
№ 6. Життєпис В.Удовенка. 1930 р. 29
№ 7. Витяг із Вироку Найвищого Суду УСРР. 19 квітня 1930 р. 32
№ 8. Лист В.Удовенка до Голови КПК при ЦК КПРС М.Шверника. 24 листопада 1961 р. 34
№ 9. Постанова у справі В.Удовенка. 28 липня 1962 р. 35
№ 10. Довідка про реабілітацію В.Удовенка. 4 вересня 1989 р. 37
№ 11. Висновок у справі В.Удовенка. 25 березня 1996 р. 37

Документи стосовно Й.Міодушевського, Р.Шишка зі «справи ксьондзів»

№ 12. Протокол допиту Й.Міодушевського. 28 січня 1930 р. 38
№ 13. Протокол допиту Й.Міодушевського. 4 лютого 1930 р. 40
№ 14. Протокол допиту Й.Міодушевського. 25 лютого 1930 р. 43
№ 15. Свідчення Р.Шишка. 16 квітня 1930 р. 44
№ 16. Додаткові свідчення Р.Шишка. 16 квітня 1930 р. 46
№ 17. Вирок Надзвичайної сесії Верховного Суду УСРР. 27 червня 1930 р. 46

Документи стосовно К.Шевченка
№ 18. Постанова про застосування запобіжного заходу стосовно К.Шевченка. 4 листопада 1930 р. ... 48
№ 19. Витяг з обвинувального висновку у справі К.Шевченка та інших. 23 травня 1931 р. ... 49
№ 20. Витяг з протоколу засідання Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР. 19 липня 1931 р. ... 52
№ 21. Висновок у справі К.Шевченка. 21жовтня 1989 р. ... 53

Документи стосовно М.Костр'уби
№ 22. З оперативного повідомлення у справі М.Костр'уби та інших. 29 жовтня 1931 р. ... 53
№ 23. Меморандум у справі М.Костр'уби та інших. 19 лютого 1932 р. ... 54

Документи стосовно К.Козлова
№ 24. Витяг з обвинувального висновку у справі К.Козлова та інших. 15 травня 1933 р. ... 55
№ 25. Витяг з протоколу засідання Колегії ОДПУ. 22 липня 1933 р. ... 60

Документи стосовно М.Зайця
(фігурант справи «Української військової організації»)
№ 26. Витяг з постанови партколегії ЦКК КП(б)У у справі М.Зайця. 16 березня 1933 р. ... 60
№ 27. Обвинувальний висновок у справі М.Зайця. Вересень 1933 р. ... 61
№ 28. Витяг з протоколу засідання Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР. 1 жовтня 1933 р. ... 62
№ 29. Лист З.Турчиної до прокуратури Донецької області. 23 жовтня 1990 р. ... 62
№ 30. Довідка про реабілітацію М.Зайця. 1990 р. ... 63

Документи стосовно Й.Зозуляка та інших
(фігуранти справи «Української військової організації»)
№ 31. Постанова про міру запобіжного заходу стосовно Й.Зозуляка. 28 жовтня 1937 р. ... 63
№ 32. Обвинувальний висновок у справі Й.Зозуляка. 1937 р. ... 64
№ 33. Витяг з протоколу стосовно Й.Зозуляка. 20 листопада 1937 р. ... 65
№ 34. Довідка про виконання вироку стосовно Й.Зозуляка. 23 листопада 1937 р. ... 66
№ 35. Ухвала Військового трибуналу Київського військового округу про реабілітацію Й.Зозуляка. 3 березня 1959 р. ... 66
№ 36. Ухвала Судової колегії з кримінальних справ Верховного Суду УРСР стосовно М.Барана. 19 вересня 1958 р. ... 68
№ 37. Огляд по архівно-слідчій справі у звинуваченні П.Демчука. 10 листопада 1958 р. ... 69
№ 38. Висновок у справі М.Козоріза. 17 грудня 1958 р. ... 72
№ 39. Ухвала Військової колегії Верховного Суду СРСР стосовно М.Косара-Заячківського. 4 квітня 1956 р. ... 74
№ 40. Ухвала Військового трибуналу Київського військового округу стосовно М.Лозинського. 24 вересня 1957 р. ... 76
№ 41. Оглядова довідка по архівно-слідчій справі В.Олійника. 15 листопада 1958 р. ... 78
№ 42. Ухвала Військового трибуналу Київського військового округу стосовно М.Полоза. 8 березня 1957 р. ... 79
№ 43. Оглядова довідка по архівно-слідчій справі Т.Репи. 13 жовтня 1956 р. ... 81
№ 44. Огляд по архівно-слідчій справі С.Рудницького. 20 лютого 1956 р. ... 82
№ 45. Висновок у справі В.Сірка. 29 листопада 1958 р. ... 84
№ 46. Оглядова довідка по архівно-слідчій справі Й.Фур'єра. 5 липня 1956 р. ... 85

Документи стосовно М.Ірчана, Л.Курбаса
(фігуранти справи «Української військової організації»)
№ 47. Висновок у справі М.Ірчана. 20 грудня 1955 р. ... 87
№ 48. Оглядова довідка по архівно-слідчій справі Л.Курбаса. 19 грудня 1955 р. ... 89

Документи стосовно К.Коника
(фігурант справи «Української військової організації»)
№ 49. Обвинувальний висновок у справі К.Коника. 1933 р. ... 91
№ 50. Витяг з протоколу Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР стосовно К.Коника 23 вересня 1933 р. ... 92

Документи стосовно А.Марцинюка
(фігурант справи «Української військової організації»)
№ 51. Зізнання А.Марцинюка. 31 грудня 1932 р. ... 93
№ 52. Протокол допиту А.Марцинюка. 2 січня 1933 р. ... 94
№ 53. Обвинувальний висновок у справі А.Марцинюка. Вересень 1933 р. ... 95
№ 54. Витяг з протоколу засідання Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР. 1 жовтня 1933 р. ... 97

Документи стосовно І.Мондока
(фігурант справи «Української військової організації»)
№ 55. Обвинувальний висновок у справі І.Мондока.1934 р. ... 97
№ 56. Заява Ф.Мондок. 11 квітня 1956 р. ... 99
№ 57. Заява Ф.Мондок. 1 липня 1956 р. ... 100
№ 58. Заява Ф.Мондок. 19 листопада 1956 р. ... 100
№ 59. Висновок у справі І.Мондока. 18 червня 1957 р. ... 101

Документи стосовно О.Сарвана
(фігурант справи «Української військової організації»)
№ 60. Заява О.Сарвана до Колегії ДПУ УСРР. 22 лютого 1933 р. ... 105
№ 61. Витяг із Постанови Центральної контрольної комісії КП(б)У. 31 травня 1933 р. ... 107
№ 62. Протокол допиту О.Сарвана. 10 червня 1935 р. ... 107
№ 63. Обвинувальний висновок у справі О.Сарвана. 1933 р. ... 109
№ 64. Архівна довідка за стенограмою виступу М.Кіллерога на об'єднаному пленумі ЦК і ЦКК КП(б)У у листопаді 1933 р. 30 липня 1956 р. ... 110
№ 65. Заява І.Сияка. 23 червня 1924 р. ... 111
№ 66. Заява І.Сияка. 22 жовтня 1925 р. ... 113
№ 67. Повідомлення про результати розгляду заяви І.Сияка. 14 листопада 1925 р. ... 114
№ 68. Постанова про відправлення заарештованого І.Сияка у розпорядження СПВ ДПУ УСРР. 2 лютого 1933 р. ... 114
№ 69. Рапорт начальника Спецкорпусу № 1 І.Нагорного Коменданту ДПУ УСРР про стан здоров'я заарештованого І.Сияка. 11 березня 1933 р. ... 115
№ 70. Висновок лікаря Санвідділу ДПУ УСРР Д.Озервера про стан здоров'я І.Сияка. 11 березня 1933 р. ... 115
№ 71. Обвинувальний висновок у справі І.Сияка. 1933 р. ... 116
№ 72. Заява Н.Сияк. 3 жовтня 1957 р. ... 117
№ 73. Протокол допиту свідка Н.Сияк. 10 березня 1958 р. ... 118
№ 74. Архівна довідка стосовно І.Сияка. 26 серпня 1958 р. ... 120
№ 75. Витяг із обвинувального висновку у справі контрреволюційної «Української військової організації» («УВО»). 20 жовтня 1933 р. ... 121

Документи стосовно І.Янка
№ 76. Автобіографія І.Янка до 1917 р. 5 січня 1934 р. ... 140
№ 77. Автобіографія І.Янка за 1918 р. 17 січня 1934 р. ... 141
№ 78. Автобіографія І.Янка з 1919 р. 21 лютого 1934 р. ... 142
№ 79. Обвинувальний висновок у справі І.Янка. 1934 р. ... 148
№ 80. Довідка у справі І.Янка. 27 серпня 1935 р. ... 149
№ 81. Довідка про реабілітацію І.Янка. 4 вересня 1963 р. ... 149
№ 82. Запит у справі І.Янка. 4 травня 1991 р. ... 150
№ 83. Довідка у справі І.Янка. 21 травня 1991 р. ... 151

Документи стосовно М.Яворського
№ 84. Обвинувальний висновок у справі М.Яворського. 1934 р. ... 151
№ 85. Витяг з протоколу засідання Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР. 25 травня 1934 р. ... 152
№ 86. Заява О.Яворської. 3 травня 1960 р. ... 153
№ 87. Довідка про М.Яворського. Жовтень 1960 р. ... 153
№ 88. Висновок у справі М.Яворського. 29 жовтня 1960 р. ... 154

Документи стосовно Р.Макаренка
№ 89. Протокол допиту Р.Макаренка. 21 червня 1933 р. ... 156
№ 90. Висновок у справі Р.Макаренка. 2 лютого 1934 р. ... 159
№ 91. Обвинувальний висновок у справі Р.Макаренка. 2 лютого 1934 р. ... 160
№ 92. Витяг з протоколу засідання Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР. 26 лютого 1934 р. ... 162

Документи стосовно С.Ярославенка
№ 93. Витяг з протоколу № 6 у справі С.Ярославенка. 8 грудня 1929 р. ... 162
№ 94. Наказ № 99 по Харківському державному пединституту. 7 грудня 1933 р. ... 163
№ 95. Додаток до протоколу № 47 засідання президії Районної контрольної комісії у справі С.Ярославенка. 21 грудня 1933 р. ... 164
№ 96. Витяг з протоколу засідання партколегії Комісії партійного контролю при ЦК ВКП(б) по Харківській області у справі С.Ярославенка. 7–8 квітня 1934 р. ... 165
№ 97. Автобіографія С.Ярославенка. 29 квітня 1934 р. ... 166
№ 98. Протокол допиту свідка у справі С.Ярославенка. 27 жовтня 1964 р. ... 167
№ 99. Запит у справі С.Ярославенка. 5 січня 1965 р. ... 168
№ 100. Відгук у справі С.Ярославенка. 16 січня 1965 р. ... 169
№ 101. Заява Л.Полташевської. 14 січня 1991 р. ... 170
№ 102. Відповідь на заяву Л.Полташевської. 30 січня 1991 р. ... 170

Документи стосовно Г.Епіка, М.Куліша, М.Любченка, Ю.Мазуренка, А.Панова, В.Поліщука, В.Підмогильного, В.Штангея
№ 103. Рапорт про результати обшуку у квартирі Г.Епіка. 5 грудня 1934 р. ... 171
№ 104. Протокол допиту Г.Епіка. 9 грудня 1934 р. ... 171
№ 105. Постанова про відправлення М.Куліша спеціальним конвоєм у розпорядження СПВ УДБ НКВС УСРР. Грудень 1934 р. ... 172
№ 106. Автобіографія М.Куліша. 16 грудня 1934 р. ... 173
№ 107. Протокол допиту М.Куліша. 25 грудня 1934 р. ... 174
№ 108. Заява Е.Штейнберга стосовно М.Куліша. 1935 р. ... 175
№ 109. Протокол допиту М.Любченка. 8 грудня 1934 р. ... 180
№ 110. Протокол допиту М.Любченка. 10 грудня 1934 р. ... 181
№ 111. Окрема ухвала партійного комітету журналу «Комуніст». 1934 р. ... 181
№ 112. Протокол допиту Ю.Мазуренка. 7 грудня 1934 р. ... 182
№ 113. Протокол допиту Ю.Мазуренка. 11 грудня 1934 р. ... 184

№ 114. Протокол допиту А.Панова. 23 грудня 1934 р. 185
№ 115. Протокол допиту А.Панова. 29 грудня 1934 р. 185
№ 116. Постанова про долучення до справи В.Поліщука речового доказу. 9 січня 1935 р. 186
№ 117. Протокол допиту В.Підмогильного. 12 грудня 1934 р. 187
№ 118. Заява В.Підмогильного. 14 грудня 1934 р. 187
№ 119. Протокол допиту В.Штангея. 31 грудня 1934 р. 188
№ 120. Вирок у справі № 0024 стосовно М.Любченка, Г.Епіка та інших. 28 березня 1935 р. 189
№ 121. Ухвала Військової колегії Верховного Суду СРСР про реабілітацію групи осіб. 4 серпня 1956 р. 192

Документи стосовно В.Крушельницької

№ 122. Постанова про арешт В.Крушельницької. 14 грудня 1934 р. 195
№ 123. Обвинувальний висновок у справі В.Крушельницької. 4 лютого 1935 р. 196
№ 124. Висновок у справі В.Крушельницької. 11 лютого 1935 р. 197
№ 125. Постанова у справі В.Крушельницької. 27 лютого 1935 р. 198
№ 126. Витяг з протоколу Особливої наради при наркомі внутрішніх справ СРСР. 10 квітня 1935 р. 199
№ 127. Лист Л.Крушельницької. 14 липня 1956 р. 199
№ 128. Протокол допиту Б.Френкеля. 26 жовтня 1957 р. 200
№ 129. Протест у справі В.Крушельницької. 7 березня 1958 р. 200

Документи стосовно З.Гольдберга

№ 130. Постанова про пред'явлення обвинувачення З.Гольдбергу. 17 березня 1935 р. 201
№ 131. Протокол допиту свідка у справі З.Гольдберга. 21 березня 1935 р. 202
№ 132. Протокол допиту З.Гольдберга. 8 квітня 1935 р. 202
№ 133. Обвинувальний висновок у справі З.Гольдберга. 1935 р. 204
№ 134. Постанова у справі З.Гольдберга. 16 червня 1935 р. 207
№ 135. Витяг з протоколу Особливої наради при НКВС СРСР. 13 серпня 1935 р. 208
№ 136. Висновок у справі З.Гольдберга. 20 березня 1980 р. 208

Документи стосовно І.Підгайця

№ 137. Постанова про початок попереднього слідства у справі І.Підгайця. 21 лютого 1935 р. 209
№ 138. Характеристика І.Підгайця. 1935 р. 209
№ 139. Додаткові свідчення І.Підгайця. 13 березня 1935 р. 210
№ 140. Постанова у справі І.Підгайця. 19 травня 1935 р. 212
№ 141. Заява Б.Рехсон. 19 травня 1989 р. 212
№ 142. Довідка про реабілітацію І.Підгайця. 6 вересня 1989 р. 213

Документи стосовно І.Дорожнього, О.Паламарчука, В.Сніжного, Д.Мартишевського

№ 143. Постанова про відправлення заарештованого І.Дорожнього у розпорядження ОВ УДБ НКВС УСРР і КВО. 15 серпня 1935 р. 213
№ 144. Постанова про прийняття запобіжної міри стосовно Д.Мартишевського. 8 липня 1935 р. 214
№ 145. Постанова про прийняття запобіжної міри стосовно О.Паламарчука. 5 липня 1935 р. 215
№ 146. Витяг з наказу № 7 по видавництву «Комуніст». 13 січня 1935 р. 215
№ 147. Постанова про пред'явлення обвинувачення В.Сніжному. 2 липня 1935 р. 216
№ 148. Заява В.Сніжного. 21 серпня 1935 р. 216

№ 149. Протокол допиту В.Сніжного. 21 серпня 1935 р. 217
№ 150. Протокол очної ставки В.Сніжного і М.Жигалка. 21 серпня 1935 р. 218
№ 151. Протокол Судового засідання. 22 жовтня 1935 р. 218
№ 152. Визначення у справі В.Сніжного та інших. 17 листопада 1959 р. 226

Документи стосовно М.Кулицького
№ 153. Протокол допиту М.Вонарського. 13 січня 1933 р. 227
№ 154. Свідчення Д.Врублевського. 21 січня 1934 р. 229
№ 155. Обвинувальний висновок у справі М.Кулицького. 22 червня 1935 р. 230
№ 156. Постанова у справі М.Кулицького. 25 червня 1935 р. 232
№ 157. Записка по ВЧ. 4 листопада 1935 р. 233
№ 158. Витяг з протоколу Особливої наради при наркомі внутрішніх справ СРСР. 10 грудня 1935 р. 233

Документи стосовно Й.Боберського
№ 159. Протокол допиту Й.Боберського. 19 серпня 1935 р. 233
№ 160. Додатковий протокол допиту Й.Боберського. 20 серпня 1935 р. 236
№ 161. Витяг з постанови у справі Й.Боберського. 20 серпня 1935 р. 238
№ 162. Постанова у справі Й.Боберського. 27 вересня 1935 р. 238
№ 163. Постанова у справі Й.Боберського. 20 жовтня 1935 р. 239
№ 164. Обвинувальний висновок у справі Й.Боберського. 17 грудня 1935 р. 239
№ 165. Витяг з протоколу Особливої наради при наркомі внутрішніх справ СРСР. 28 грудня 1935 р. 240
№ 166. Заява М.Боберської. 30 січня 1970 р. 241
№ 167. Висновок у справі Й.Боберського. 16 березня 1970 р. 241
№ 168. Довідка про реабілітацію Й.Боберського. 1970 р. 242

Документи стосовно М.Вороного, М.Зерова, А.Лебедя, Б.Пилипенка, П.Філіпповича
№ 169. Постанова про зняття запобіжної міри стосовно М.Вороного. 19 березня 1935 р. 243
№ 170. Протокол допиту М.Вороного. 22 березня 1935 р. 243
№ 171. Заява Б.Пилипенка. 21 квітня 1935 р. 245
№ 172. Постанова про направлення М.Зерова та інших заарештованих у розпорядження Особливого відділу Українського військового округу. 20 травня 1935 р. 246
№ 173. Постанова про продовження строку утримання А.Лебедя під вартою. 8 липня 1935 р. 247
№ 174. Свідчення М.Зерова. 14 листопада 1935 р. 247
№ 175. Постанова про направлення матеріалів слідства стосовно М.Зерова у Військову прокуратуру КВО. 15 листопада 1935 р. 249
№ 176. Витяг з протоколу допиту Є.Черняка. 21 червня 1933 р. 249
№ 177. Витяг з протоколу допиту М.Ялового. 20 червня 1933 р. 250
№ 178. Постанова про об'єднання матеріалів справи стосовно П.Філіпповича і М.Зерова в одне кримінальне провадження. 8 січня 1936 р. 250
№ 179. Обвинувальний висновок у справі М.Зерова, М.Вороного та інших. 8 січня 1936 р. 251
№ 180. Супровідний лист про направлення меморандумів стосовно засуджених М.Вороного, М.Зерова та інших. 28 березня 1936 р. 255
№ 181. Лист Головної Військової прокуратури СРСР про результати розгляду скарги М.Вороного. 31 липня 1937 р. 256

Розділ ІІІ. ВНУТРІШНЬОТАБІРНА «ЗМОВА»

(Документи з тюремних справ та матеріали оперативної розробки в'язнів)

Справи оперативної частини Соловецької в'язниці ГУДБ НКВС СРСР

Справа М.Баранника (№ П-13593)

№ 1. Довідка про М.Баранника. Жовтень 1937 р. 259
№ 2. Акт про виконання вироку стосовно М.Баранника. 4 листопада 1937 р. 260
№ 3. Висновок про реабілітацію М.Баранника. 17 липня 1989 р. 260

Справа В.Волгая (№ П-10068)

№ 4. Постанова Президії Вологодського обласного суду. 19 жовтня 1959 р. 261
№ 5. Постанова Президії Архангельського обласного суду. 12 жовтня 1961 р. 263

Справа І.Петрова (№ П-15659)

№ 6. Довідка про І.Петрова. Жовтень 1937 р. 264
№ 7. Акт про виконання вироку стосовно І.Петрова. 4 листопада 1937 р. 264
№ 8. Висновок про реабілітацію І.Петрова. 30 червня 1989 р. 265

Справа І.Підгайця (№ П-15379)

№ 9. Обвинувальний висновок у справі І.Підгайця. 25 вересня 1935 р. 265
№ 10. Повідомлення про І.Підгайця. 1935 р. 267
№ 11. Довідка про І.Підгайця. Жовтень 1937 р. 268
№ 12. Акт про виконання вироку стосовно І.Підгайця. 17 лютого 1938 р. 268
№ 13. Висновок про реабілітацію І.Підгайця. 20 вересня 1989 р. 269

Справа З.Альваля (Альвайля) (№ П-9410)

№ 14. Довідка про розгляд справ соловецьких в'язнів. 15 березня 1956 р. 270
№ 15. Лист заступника прокурора Одеської області В.Дрьомова до прокурора Ленінградської області Ципіна. 22 серпня 1958 р. 271
№ 16. Лист заступника прокурора Архангельської області Голуба до заступника прокурора Одеської області В.Дрьомова. 10 листопада 1958 р. 271
№ 17. Протест у справі З.Альвайля. 8 жовтня 1959 р. 272
№ 18. Протест у справі З.Альвайля. 24 грудня 1959 р. 274

Справа В.Баб'яка (№ П-14791)

№ 19. Меморандум у справі В.Баб'яка. Вересень-жовтень 1933 р. 275
№ 20. Довідка про В.Баб'яка. Жовтень 1937 р. 275
№ 21. Акт про виконання вироку стосовно В.Баб'яка. 3 листопада 1937 р. 276
№ 22. Висновок про реабілітацію В.Баб'яка. 17 липня 1989 р. 276

Справа М.Барана (№ П-11618)

№ 23. Лист начальника 3-го відділення Південного району ДМИТТАБУ НКВС до заступника начальника ДМИТТАБУ і начальника ІІІ відділу НКВС СРСР. 27 жовтня 1935 р. 277
№ 24. З повідомлення про М.Барана. Жовтень 1935 р. 278
№ 25. З оперативного повідомлення про М.Барана. 5 березня 1936 р. 279
№ 26. Протокол допиту М.Барана. 15 квітня 1937 р. 280
№ 27. Довідка про М.Барана. Жовтень 1937 р. 281
№ 28. Акт про виконання вироку стосовно М.Барана. 3 листопада 1937 р. 281
№ 29. Заява З.Герасимової Генеральному прокурору СРСР. 22 березня 1956 р. 282
№ 30. Ухвала у справі М.Барана. 10 липня 1956 р. 282

Справа А.Барбара (№ 67098-ФП)

№ 31. Прохання А.Барбара про помилування. 27 вересня 1931 р. 283
№ 32. Заява А.Барбара. 6 квітня 1935 р. 285

№ 33. Супровідний лист до заяви А.Барбара. 24 квітня 1935 р. 286
№ 34. Повідомлення СПВ ГУДБ про дозвіл А.Барбару листування зі своєю сім'єю. 26 травня 1935 р. 286
№ 35. Характеристика на А.Барбара. Жовтень 1937 р. 286
№ 36. Акт про виконання вироку стосовно А.Барбара. 3 листопада 1937 р. 287

Справа Ф.Бардашевського (№ П-14013)
№ 37. Характеристика на Ф.Бардашевського. 27 вересня 1936 р. 287
№ 38. Характеристика на Ф.Бардашевського. Квітень 1937 р. 288
№ 39. Довідка про Ф.Бардашевського. Жовтень 1937 р. 288
№ 40. Акт про виконання вироку стосовно Ф.Бардашевського. 3 листопада 1937 р. 289
№ 41. Висновок про реабілітацію Ф.Бардашевського. 17 липня 1989 р. 289

Справа Т.Вінницького (Ф.Кюнца) (№ П-12989)
№ 42. Оперативне повідомлення щодо відправки листів. 20 січня 1935 р. 290
№ 43. Довідка про Т.Вінницького (Ф.Кюнца). Жовтень 1937 р. 290
№ 44. Акт про виконання вироку стосовно Т.Вінницького. 3 листопада 1937 р. 291
№ 45. Висновок про реабілітацію Т.Вінницького. 17 липня 1989 р. 291

Справа А.Гарбуза (№ П-14794)
№ 46. Довідка про А.Гарбуза. Жовтень 1937 р. 292
№ 47. Акт про виконання вироку стосовно А.Гарбуза. 3 листопада 1937 р. 292
№ 48. Висновок про реабілітацію А.Гарбуза. 17 лютого 1989 р. 293

Справа В.Гоци (№ П-12929)
№ 49. З оперативного повідомлення про В.Гоцу. 7 серпня 1935 р. 293
№ 50. Агентурна записка СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС. 1 квітня 1936 р. 294
№ 51. З агентурної записки групи СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС. 21 квітня 1936 р. 295
№ 52. Довідка про В.Гоцу. Жовтень 1937 р. 297
№ 53. Акт про виконання вироку стосовно В.Гоци. 3 листопада 1937 р. 297
№ 54. Висновок про реабілітацію В.Гоци. 17 липня 1989 р. 298

Справа С.Гуцуляка (№ П-11370)
№ 55. Оперативне повідомлення про С.Гуцуляка, М.Ірчана. 24 квітня 1937 р. 298
№ 56. Довідка про С.Гуцуляка. Жовтень 1937 р. 299
№ 57. Акт про виконання вироку стосовно С.Гуцуляка. 3 листопада 1937 р. 300
№ 58. Постанова Президії Архангельського обласного суду у справі С.Гуцуляка. 10 березня 1965 р. 300

Справа П.Демчука (№ П-9152)
№ 59. Витяг з протоколу Судтрійки при Колегії ДПУ УСРР. 23 вересня 1933 р. 301
№ 60. Характеристика на ув'язненого П.Демчука. Червень 1936 р. 302
№ 61. Рапорт про П.Демчука. 2 вересня 1936 р. 302
№ 62. Рапорт стрільця М.Кураченцева стосовно П.Демчука. 1 грудня 1936 р. 302
№ 63. Рапорт старшого стрільця Баурина і стрільця Кураченцева стосовно в'язнів Гінзбурга і Демчука. 3 грудня 1936 р. 303
№ 64. Заява П.Демчука начальнику III відділу ББК НКВС і Прокурору ББК НКВС. 14 грудня 1936 р. 303
№ 65. Довідка про П.Демчука. Жовтень 1937 р. 304
№ 66. Акт про виконання вироку стосовно П.Демчука. 3 листопада 1937 р. 305

Справа В.Ільницького (Й.Телепяновича) (№ П-14795)
№ 67. Оперативне повідомлення про В.Ільницького (Й.Телепяновича). 1 грудня 1933 р. ... 305
№ 68. Довідка про В.Ільницького (Й.Телепяновича). Жовтень 1937 р. ... 307
№ 69. Акт про виконання вироку стосовно В.Ільницького (Й.Телепяновича). 3 листопада 1937 р. ... 308
№ 70. Висновок про реабілітацію В.Ільницького (Й.Телепяновича). 17 липня 1989 р. ... 308

Справа М.Ірчана-Бабюка (№ 0-21515)
№ 71. Спецзведення за матеріалами групи СПВ III частини 4-го відділення ББК ОДПУ. 13 червня 1934 р. ... 309
№ 72. Меморандум групи СПВ III частини 4-го відділення ББК ОДПУ. 27 червня 1934 р. ... 314
№ 73. Спецзведення групи СПВ III частини 4-го відділення ББК НКВС. Липень 1934 р. ... 315
№ 74. З оперативного повідомлення про М.Ірчана-Бабюка. 28 серпня 1934 р. ... 320
№ 75. З оперативного повідомлення про М.Ірчана-Бабюка. 23 жовтня 1934 р. ... 321
№ 76. Із спецзведення групи СПВ III частини 4-го відділення ББК НКВС. 16 грудня 1934 р. ... 322
№ 77. Із спецзведення групи СПВ III частини 4-го відділення ББК НКВС. 29 січня 1935 р. ... 326
№ 78. Характеристика на М.Ірчана-Бабюка. 4 квітня 1935 р. ... 329
№ 79. Агентурна записка СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС. 27 березня 1936 р. ... 329
№ 80. Агентурна записка СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС. 4 квітня 1936 р. ... 331
№ 81. Агентурна записка СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС. 14 квітня 1936 р. ... 331
№ 82. Агентурна записка СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС. 27 квітня 1936 р. ... 332
№ 83. З оперативного повідомлення про М.Ірчана-Бабюка. 22 серпня 1936 р. ... 333
№ 84. З оперативного повідомлення про М.Ірчана-Бабюка. 6 жовтня 1936 р. ... 333
№ 85. З оперативного повідомлення про М.Ірчана-Бабюка. 10 грудня 1936 р. ... 334
№ 86. Агентурне донесення СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС. 9 березня 1937 р. ... 334
№ 87. Агентурне донесення СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС. 10 березня 1937 р. ... 335
№ 88. З оперативного повідомлення про М.Ірчана-Бабюка та Й.Зозуляка. 7 квітня 1937 р. ... 335
№ 89. Агентурне донесення СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС. 12 травня 1937 р. ... 336
№ 90. Довідка про М.Ірчана-Бабюка. Жовтень 1937 р. ... 337

Справа М.Качанюка (№ П-14790)
№ 91. Довідка про М.Качанюка. Жовтень 1937 р. ... 337
№ 92. Акт про виконання вироку стосовно М.Качанюка. 3 листопада 1937 р. ... 338

Справа О.Книшика (№ П-12990)
№ 93. Із меморандуму групи СПВ III частини 4-го відділення ББК НКВС. 13 червня 1935 р. ... 339
№ 94. Довідка про О.Книшика. Жовтень 1937 р. ... 342
№ 95. Акт про виконання вироку стосовно О.Книшика. 3 листопада 1937 р. ... 342
№ 96. Висновок про реабілітацію О.Книшика. 17 липня 1989 р. ... 343

Справа П.Коренковського (№ П-15385) та І.Шаха (№ П-13595)
№ 97. Оперативне повідомлення про висловлювання ув'язнених. 13 червня 1934 р. ... 343
№ 98. Агентурне донесення. 8 вересня 1934 р. ... 345
№ 99. Довідка про П.Коренковського. Жовтень 1937 р. ... 347
№ 100. Акт про виконання вироку стосовно П.Коренковського. 3 листопада 1937 р. ... 348
№ 101. Висновок про реабілітацію П.Коренковського. 17 липня 1989 р. ... 348
№ 102. Довідка про І.Шаха. Жовтень 1937 р. ... 349
№ 103. Акт про виконання вироку стосовно І.Шаха. 3 листопада 1937 р. ... 350
№ 104. Висновок про реабілітацію І.Шаха. 17 липня 1989 р. ... 350

Справа А.Крушельницького (№ П-5186)
№ 105. Вирок у справі № 0025 стосовно А.Крушельницького, Ю.Бачинського. 28 березня 1935 р. ... 351
№ 106. Акт про бійку між А.Крушельницьким і П.Демчуком. 29 січня 1937 р. ... 352
№ 107. Заява А.Крушельницького про припинення голодування. 6 лютого 1937 р. ... 353
№ 108. Довідка про А.Крушельницького. Жовтень 1937 р. ... 353
№ 109. Акт про виконання вироку стосовно А.Крушельницького. 3 листопада 1937 р. ... 354
№ 110. Клопотання Спілки письменників України про реабілітацію А.Крушельницького. 19 березня 1957 р. ... 354
№ 111. Характеристика на письменника А.Крушельницького. Без дати. ... 354

Справа Й.Кубрака (№ П-10969)
№ 112. Довідка про Й.Кубрака. Жовтень 1937 р. ... 355
№ 113. Акт про виконання вироку стосовно Й.Кубрака. 3 листопада 1937 р. ... 355
№ 114. Протест у справі Й.Кубрака. Жовтень 1964 р. ... 356
№ 115. Довідка у справі Й.Кубрака. 16 жовтня 1990 р. ... 357

Справа Т.Кузьменка (№ П-15387)
№ 116. Витяг з протоколу засідання Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР. 9 червня 1934 р. ... 357
№ 117. Витяг з меморандуму у справі Т.Кузьменка. 13 лютого 1936 р. ... 358
№ 118. Лист III відділу УСВИРТАБУ НКВС начальнику III відділу БЕЛБАЛТТАБУ НКВС. 6 листопада 1935 р. ... 358
№ 119. Акт про виконання вироку стосовно Т.Кузьменка. 3 листопада 1937 р. ... 359
№ 120. Висновок про реабілітацію Т.Кузьменка. 17 липня 1989 р. ... 359

Справа М.Кузняка (№ П-12930)
№ 121. Меморандум у справі М.Кузняка. 3 жовтня 1933 р. ... 360
№ 122. Агентурне донесення 3-го відділення СПВ УДБ УНКВС по Саратовському краю. 1936 р. ... 361
№ 123. Довідка про М.Кузняка. Жовтень 1937 р. ... 361
№ 124. Акт про виконання вироку стосовно М.Кузняка. 3 листопада 1937 р. ... 362
№ 125. Висновок про реабілітацію М.Кузняка. 17 липня 1989 р. ... 362

Справа О.Курбаса (№ П-3843)
№ 126. Спецзведення СПВ III частини 4-го відділення ББК НКВС. 15 серпня 1934 р. ... 363
№ 127. Оперативне повідомлення про перебування на Соловках кіноекспедиції. 24 вересня 1934 р. ... 365
№ 128. Оперативне повідомлення про О.Курбаса. 2 жовтня 1934 р. ... 366
№ 129. Акт про виконання вироку стосовно О.Курбаса. 3 листопада 1937 р. ... 368

№ 130. Довідка у справі О.Курбаса. 15 травня 1956 р. 369
№ 131. Клопотання В.Чистякової про перегляд справи О.Курбаса. 1956 р. 370

Справа Ю.Максимюка (М.Гопкала) (№ П-14797)
№ 132. Довідка про Ю.Максимюка (М.Гопкала). Жовтень 1937 р. 371
№ 133. Акт про виконання вироку стосовно Ю.Максимюка (М.Гопкала). 3 листопада 1937 р. 371
№ 134. Висновок про реабілітацію Ю.Максимюка (М.Гопкала). 17 липня 1989 р. 372

Справа М.Манделя (№ П-14800)
№ 135. Меморандум у справі М.Манделя. 29 травня 1934 р. 372
№ 136. Витяг з наказу по 8-му Соловецькому відділенню ББК НКВС. 20 лютого 1937 р. 373
№ 137. Довідка про М.Манделя. Жовтень 1937 р. 374
№ 138. Акт про виконання вироку стосовно М.Манделя. 3 листопада 1937 р. 374
№ 139. Висновок про реабілітацію М.Манделя. 17 липня 1989 р. 375

Справа Ю.Машкевича (№ П-13569)
№ 140. Меморандум Вінницького обласного відділу ДПУ УСРР у справі Ю.Машкевича. Грудень 1933 р. 376
№ 141. Вирок стосовно Ю.Машкевича та інших. 23 травня 1935 р. 376
№ 142. Ухвала спеціальної колегії Верховного Суду РРФСР стосовно Ю.Машкевича та інших. 15 червня 1935 р. 378
№ 143. Оперативне повідомлення про Ю.Машкевича. 28 березня 1937 р. 379
№ 144. Довідка про Ю.Машкевича. Жовтень 1937 р. 379
№ 145. Акт про виконання вироку стосовно Ю.Машкевича. 3 листопада 1937 р. .. 380
№ 146. Висновок про реабілітацію Ю.Машкевича. 17 липня 1989 р. 380

Справа Ю.Озерського (№ П-10837)
№ 147. Характеристика на Ю.Озерського. Серпень 1936 р. 381
№ 148. Довідка про Ю.Озерського. Жовтень 1937 р. 381
№ 149. Акт про виконання вироку стосовно Ю.Озерського. 3 листопада 1937 р. 382

Справа М.Павлушкова (№ 67098-ФП)
№ 150. Заява М.Павлушкова. 16 квітня 1934 р. 382
№ 151. Заява М.Павлушкова. 25 травня 1934 р. 384
№ 152. Довідка про М.Павлушкова. Жовтень 1937 р. 385
№ 153. Акт про виконання вироку стосовно М.Павлушкова. 3 листопада 1937 р. 385

Справа В.Поліщука (№ П-11065)
№ 154. Постанова про В.Поліщука. 11 серпня 1937 р. 386
№ 155. Довідка про В.Поліщука. Жовтень 1937 р. 386
№ 156. Акт про виконання вироку стосовно В.Поліщука. 3 листопада 1937 р. 387
№ 157. Протест у справі В.Поліщука. 31 жовтня 1962 р. 387

Справа М.Полоза (№ П-4053)
№ 158. Заява М.Полоза наркому внутрішніх справ СРСР Г.Ягоді. 23 серпня 1934 р. 388
№ 159. Лист М.Полоза наркому внутрішніх справ УСРР В.Балицькому. 23 серпня 1934 р. 389
№ 160. Довідка про М.Полоза. Жовтень 1937 р. 391
№ 161. Акт про виконання вироку стосовно М.Полоза. 3 листопада 1937 р. 392

Справа С.Поповича (№ П-14601)
№ 162. Довідка про С.Поповича. Жовтень 1937 р. 392
№ 163. Акт про виконання вироку стосовно С.Поповича. 3 листопада 1937 р. 393
№ 164. Висновок про реабілітацію С.Поповича. 17 липня 1989 р. 393

Справа П.Приступи (№ П-15667)
№ 165. Меморандум у справі П.Приступи. 31 травня 1934 р. 394
№ 166. Агентурне донесення. 5 грудня 1934 р. 394
№ 167. Довідка про П.Приступу. Жовтень 1937 р. 395
№ 168. Акт про виконання вироку стосовно П.Приступи. 3 листопада 1937 р. 395
№ 169. Висновок про реабілітацію П.Приступи. 17 липня 1989 р. 396

Справа Т.Репи (№ П-4136)
№ 170. Постанова про заведення справи-формуляру на Т.Репу. 4 листопада 1933 р. 396
№ 171. Довідка про Т.Репу. Без дати. 397
№ 172. Акт про виконання вироку стосовно Т.Репи. 3 листопада 1937 р. 397

Справа О.Сарвана (№ П-6511, № П-5707)
№ 173. Розпорядження стосовно в'язнів О.Сарвана, Г.Садовського, Г.Кіпіяні. Жовтень 1936 р. 398
№ 174. Постанова про пред'явлення обвинувачення і визначення запобіжного заходу О.Сарвану. 27 грудня 1936 р. 398
№ 175. Постанова про затримання у таборі О.Сарвана. 8 березня 1937 р. 399
№ 176. Обвинувальний висновок у справі О.Сарвана. 7 березня 1937 р. 399
№ 177. Протокол судового засідання у справі О.Сарвана. 9 серпня 1937 р. 401
№ 178. Вирок у справі О.Сарвана. 9 серпня 1937 р. 402
№ 179. Розписка про отримання О.Сарваном копії вироку. 11 серпня 1937 р. 403
№ 180. Ухвала Спеціальної колегії Верховного Суду РРФСР у справі О.Сарвана. 17 вересня 1937 р. 403
№ 181. Довідка про О.Сарвана. Жовтень 1937 р. 404
№ 182. Акт про виконання вироку стосовно О.Сарвана. 3 листопада 1937 р. 404
№ 183. Ухвала Військового трибуналу Ленінградського військового округу. 25 грудня 1957 р. 404

Справа М.Сияка (№ П-14788)
№ 184. Меморандум у справі М.Сияка. 5 жовтня 1933 р. 406
№ 185. Довідка про М.Сияка. Жовтень 1937 р. 407
№ 186. Акт про виконання вироку стосовно М.Сияка. 3 листопада 1937 р. 407
№ 187. Висновок про реабілітацію М.Сияка. 17 липня 1989 р. 407

Справа О.Слісаренка (№ П-5179)
№ 188. Довідка про О.Слісаренка. Жовтень 1937 р. 408
№ 189. Акт про виконання вироку стосовно О.Слісаренка. 3 листопада 1937 р. 409
№ 190. Ухвала у справі О.Слісаренка. 19 вересня 1957 р. 409

Справа П.Солодуба (№ П-6911)
№ 191. Характеристика на П.Солодуба. 9 грудня 1933 р. 410
№ 192. Заява П.Солодуба до Колегії ОДПУ СРСР. 28 квітня 1934 р. 411
№ 193. З оперативного повідомлення про П.Солодуба. 27 травня 1934 р. 438
№ 194. Витяг з повідомлення про П.Солодуба. 2 серпня 1934 р. 439
№ 195. Спецзведення на П.Солодуба. 25 січня 1935 р. 440
№ 196. Оперативне повідомлення про П.Солодуба. 1 квітня 1935 р. 443
№ 197. Робоче зведення групи СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС СРСР. 7 травня 1936 р. 444

№ 198. Агентурна записка групи СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС СРСР. 18 травня 1936 р. 444
№ 199. Агентурне донесення групи СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС СРСР. 14 квітня 1937 р. 446
№ 200. Довідка про П.Солодуба. Жовтень 1937 р. 447
№ 201. Акт про виконання вироку стосовно П.Солодуба. 3 листопада 1937 р. 448
№ 202. Постанова у справі П.Солодуба. 19 квітня 1957 р. 448

Справа М.Стрельцова (№ П-14801)
№ 203. Меморандум III відділу УСТАБ ОДПУ. 1934 р. 449
№ 204. Оперативне повідомлення про М.Стрельцова. 1937 р. 450
№ 205. Робоче зведення групи СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС. 25 березня 1937 р. 451
№ 206. Довідка про М.Стрельцова. Жовтень 1937 р. 451
№ 207. Акт про виконання вироку стосовно М.Стрельцова. 3 листопада 1937 р. 452
№ 208. Висновок про реабілітацію М.Стрельцова. 17 липня 1989 р. 452

Справа П.Тимецького (№ П-13599)
№ 209. Меморандум у справі П.Тимецького. 31 травня 1934 р. 453
№ 210. Довідка про П.Тимецького. Жовтень 1937 р. 453
№ 211. Акт про виконання вироку стосовно П.Тимецького. 3 листопада 1937 р. 454
№ 212. Висновок про реабілітацію П.Тимецького. 17 липня 1989 р. 455

Справа М.Трофименка (№ П-12988)
№ 213. Меморандум у справі М.Трофименка. 21 листопада 1933 р. 455
№ 214. Довідка про М.Трофименка. Жовтень 1937 р. 456
№ 215. Акт про виконання вироку стосовно М.Трофименка. 3 листопада 1937 р. 456
№ 216. Висновок про реабілітацію М.Трофименка. 17 липня 1989 р. 456

Справа І.Туза (№ П-14789)
№ 217. Довідка про І.Туза. 10 липня 1935 р. 457
№ 218. Довідка про І.Туза. Жовтень 1937 р. 459
№ 219. Акт про виконання вироку стосовно І.Туза. 3 листопада 1937 р. 460
№ 220. Висновок про реабілітацію І.Туза. 17 липня 1989 р. 460

Справа М.Тютюнника (№ П-14798)
№ 221. Меморандум у справі М.Тютюнника. 5 жовтня 1933 р. 461
№ 222. Довідка про М.Тютюнника. Жовтень 1937 р. 462
№ 223. Акт про виконання вироку стосовно М.Тютюнника. 3 листопада 1937 р. 462
№ 224. Висновок про реабілітацію М.Тютюнника. 17 липня 1989 р. 463

Справа П.Фарини (№ П-10670)
№ 225. Меморандум у справі П.Фарини. 29 травня 1934 р. 463
№ 226. Оперативне повідомлення про П.Фарину. 12 травня 1935 р. 464
№ 227. Оперативне повідомлення про П.Фарину. 24 червня 1935 р. 465
№ 228. Агентурне донесення групи СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК. 28 березня 1937 р. 466
№ 229. Довідка про П.Фарину. Жовтень 1937 р. 468
№ 230. Акт про виконання вироку стосовно П.Фарини. 3 листопада 1937 р. 468
№ 231. Протест у справі П.Фарини. 28 червня 1963 р. 468
№ 232. Ухвала Військового трибуналу Київського військового округу. 19 липня 1963 р. 469

Том 2

Справа Й.Фур'єра (№ П-13594)

№ 233. Характеристика на Й.Фур'єра. Грудень 1936 р. 473
№ 234. Постанова про позбавлення заліків робочих днів Й.Фур'єра. 8 травня 1937 р. 474
№ 235. Агентурне донесення групи СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК. 29 травня 1937 р. 474
№ 236. Довідка про Й.Фур'єра. Жовтень 1937 р. 475
№ 237. Акт про виконання вироку стосовно Й.Фур'єра. 3 листопада 1937 р. 476
№ 238. Висновок про реабілітацію Й.Фур'єра. 17 липня 1989 р. 476

Справа М.Хижняка (№ П-13598)

№ 239. Меморандум у справі М.Хижняка. 1934 р. 477
№ 240. Агентурне донесення III частини 8-го відділення ББК НКВС СРСР. 10 листопада 1934 р. 477
№ 241. Прохання М.Хижняка Голові ЦВК СРСР М.Калініну та Голові ВУЦВК Г.Петровському. 22 лютого 1935 р. 480
№ 242. Характеристика на М.Хижняка. 28 липня 1936 р. 482
№ 243. Лист М.Хижняка до Й.Сталіна. 23 серпня 1936 р. 482
№ 244. Довідка про М.Хижняка. Жовтень 1937 р. 483
№ 245. Акт про виконання вироку стосовно М.Хижняка. 3 листопада 1937 р. 483
№ 246. Висновок про реабілітацію М.Хижняка. 17 липня 1989 р. 484

Справа В.Хуторянського (№ П-14799)

№ 247. Оперативне повідомлення про В.Хуторянського 1-ої групи СПВ 3-го відділу ДМИТТАБУ НКВС. 5 жовтня 1934 р. 484
№ 248. Довідка про В.Хуторянського. Жовтень 1937 р. 486
№ 249. Акт про виконання вироку стосовно В.Хуторянського. 3 листопада 1937 р. 487
№ 250. Висновок про реабілітацію В.Хуторянського. 17 липня 1989 р. 487

Справа Є.Черняка (№ П-3199)

№ 251. Витяг з протоколу Судтрійки при Колегії ДПУ УСРР. 23 вересня 1933 р. 488
№ 252. Довідка про Є.Черняка. Жовтень 1937 р. 488
№ 253. Довідка про виконання вироку стосовно Є.Черняка. 30 травня 1955 р. 489

Справа В.Шиманського (№ П-15837)

№ 254. Довідка про В.Шиманського. Жовтень 1937 р. 489
№ 255. Акт про виконання вироку стосовно В.Шиманського. 8 грудня 1937 р. 489
№ 256. Висновок про реабілітацію В.Шиманського. 29 вересня 1989 р. 490

Справа М.Яворського (№ 59881-ФП)

№ 257. З оперативного повідомлення про М.Яворського. 4 листопада 1932 р. 490
№ 258. Меморандум III відділу УСТАБ ОДПУ за перлюстрованим листом М.Яворського до представника Міжнародного Червоного Хреста СРСР. 10 квітня 1933 р. 492
№ 259. Спецдонесення ОВ III частини Соловецького відділення ББК ОДПУ за справою-формуляром М.Яворського. 20 грудня 1933 р. 493
№ 260. З оперативного повідомлення про М.Яворського. 28 травня 1934 р. 495

№ 261. Оперативне повідомлення про М.Яворського. 17 жовтня 1934 р. 495
№ 262. Оперативне повідомлення про М.Яворського. 3 грудня 1934 р. 496
№ 263. Оперативне повідомлення про М.Яворського та інших.
24 лютого 1935 р. 497
№ 264. Агентурне донесення СПВ III частини Соловецького відділення
ББК НКВС. 16 березня 1935 р. 498
№ 265. Оперативне повідомлення про М.Яворського та інших.
29 березня 1935 р. 500
№ 266. Оперативне повідомлення про М.Яворського. 1935 р. 501
№ 267. З повідомлення про М.Яворського та інших. Листопад 1935 р. 502
№ 268. Оперативне повідомлення про М.Яворського та інших.
19 листопада 1935 р. 505
№ 269. З оперативного повідомлення про М.Яворського.
27 листопада 1935 р. 506
№ 270. Оперативне повідомлення про М.Яворського та інших.
27 листопада 1935 р. 506
№ 271. Агентурне донесення СПВ III частини 8-го Соловецького відділення
ББК НКВС. 15 грудня 1935 р. 508
№ 272. Агентурне донесення СПВ III частини 8-го Соловецького відділення
ББК НКВС. 18 грудня 1935 р. 509
№ 273. Характеристика на М.Яворського. 26 січня 1936 р. 510
№ 274. Агентурне донесення СПВ III частини 8-го Соловецького відділення
ББК НКВС. 19 лютого 1936 р. 510
№ 275. З агентурної записки СПВ III частини 8-го Соловецького відділення
ББК НКВС. 21 лютого 1936 р. 511
№ 276. З оперативного повідомлення про М.Яворського. 5 березня 1936 р. 513
№ 277. З оперативного повідомлення про М.Яворського. 8 березня 1936 р. 513
№ 278. З оперативного повідомлення про М.Яворського. 4 травня 1936 р. 514
№ 279. З оперативного повідомлення про М.Яворського. 18 травня 1936 р. 514
№ 280. Заява М.Яворського до Центральної атестаційної комісії
ГУТАБУ НКВС. 30 червня 1936 р. 515
№ 281. Характеристика на М.Яворського. 5 липня 1936 р. 515
№ 282. З оперативного повідомлення про М.Яворського.
11 листопада 1936 р. 516
№ 283. З оперативного повідомлення про М.Яворського.
30 листопада 1936 р. 517
№ 284. З оперативного повідомлення про М.Яворського. 10 січня 1937 р. 517
№ 285. Агентурне донесення СПВ III частини 8-го Соловецького відділення
ББК НКВС. 9 лютого 1937 р. 518
№ 286. Агентурне донесення групи СПВ III частини 8-го Соловецького
відділення ББК НКВС. 23 лютого 1937 р. 518
№ 287. З оперативного повідомлення про М.Яворського. 24 лютого 1937 р. 518
№ 288. Оперативне повідомлення про М.Яворського. Лютий 1937 р. 519
№ 289. Агентурне донесення групи СПВ III частини 8-го Соловецького
відділення ББК НКВС. 5 березня 1937 р. 519
№ 290. Постанова про затримання у таборі М.Яворського як підслідного.
6 березня 1937 р. 520
№ 291. Агентурне донесення групи СПВ III частини 8-го відділення
ББК НКВС. 9 березня 1937 р. 521
№ 292. Оперативне повідомлення про М.Яворського. 21 березня 1937 р. 523
№ 293. Меморандум на М.Яворського. 22 березня 1937 р. 523
№ 294. Обвинувальний висновок у справі М.Яворського та І.Корсовецького.
Липень 1937 р. 527

Справа О.Яворського (№ П-14796)
№ 295. Меморандум у справі О.Яворського. 28 листопада 1933 р. 529
№ 296. Позачергове донесення начальника 9-го відділення ББТАБ ОДПУ про втечу О.Яворського. 21 травня 1934 р. 529
№ 297. Позачергове донесення СПВ III відділу УББТАБ ОДПУ про втечу О.Яворського. 1 червня 1934 р. 530
№ 298. Висновок уповноваженого ЕКВ III відділу УББТАБ ОДПУ про втечу О.Яворського. 12 червня 1934 р. 531
№ 299. Довідка про О.Яворського. 3 серпня 1934 р. 533
№ 300. Позачергове донесення про О.Яворського. 23 серпня 1934 р. 534
№ 301. Акт про порушення правил внутрішнього розпорядку О.Яворським. 6 липня 1937 р. 534
№ 302. Постанова про покарання О.Яворського. 7 липня 1937 р. 535
№ 303. Довідка про О.Яворського. Жовтень 1937 р. 535
№ 304. Висновок про реабілітацію О.Яворського. 17 липня 1989 р. 536

Справа М.Ящуна (№ П-14806)
№ 305. Спецзведення за агентурними матеріалами групи СПВ III частини 4-го Вигозерського відділення ББК НКВС. 19 вересня 1934 р. 537
№ 306. Меморандум у справі М.Ящуна. 7 жовтня 1934 р. 538
№ 307. З оперативного повідомлення про М.Ящуна. 28 жовтня 1934 р. 539
№ 308. Меморандум у справі М.Ящуна. 8 листопада 1934 р. 541
№ 309. Характеристика на М.Ящуна. 26 травня 1936 р. 543
№ 310. Довідка про М.Ящуна. Жовтень 1937 р. 543
№ 311. Акт про виконання вироку стосовно М.Ящуна. 3 листопада 1937 р. 544
№ 312. Висновок про реабілітацію М.Ящуна. 17 липня 1989 р. 544

Справа Й.Карпинського (№ П-1480713)
№ 313. Обвинувальний висновок у справі Й.Карпинського. 1930 р. 545
№ 314. Витяг з протоколу засідання Судтрійки при Колегії ДПУ УСРР. 12 травня 1930 р. 547
№ 315. Довідка про Й.Карпинського. Жовтень 1937 р. 547
№ 316. Акт про виконання вироку стосовно Й.Карпинського. 3 листопада 1937 р. 548
№ 317. Висновок про реабілітацію Й.Карпинського. 17 липня 1989 р. 548

Справа Й.Ковальського (№ П-15669)
№ 318. Заява Й.Ковальського до Г.Ягоди. 14 квітня 1936 р. 549
№ 319. Довідка про Й.Ковальського. Жовтень 1937 р. 550
№ 320. Акт про виконання вироку стосовно Й.Ковальського. 3 листопада 1937 р. 551
№ 321. Висновок про реабілітацію Й.Ковальського. 17 липня 1989 р. 551

Справа С.Ганьського (Ганького) (№ П-14544)
№ 322. Довідка про С.Ганьського (Ганького). Жовтень 1937 р. 552
№ 323. Акт про виконання вироку стосовно С.Ганьського (Ганького). 8 грудня 1937 р. 553
№ 324. Висновок про реабілітацію С.Ганьського (Ганького). 17 липня 1989 р. 553

Справа П.Мадери (№ П-13408)
№ 325. Заява ув'язненого П.Мадери начальнику Соловецької тюрми ГУДБ НКВС СРСР І.Апетеру. 15 серпня 1937 р. 554
№ 326. Пояснення ув'язненого П.Мадери начальнику Соловецької тюрми ГУДБ НКВС СРСР І.Апетеру. 30 серпня 1937 р. 555
№ 327. Довідка про П.Мадеру. Жовтень 1937 р. 559

№ 328. Акт про виконання вироку стосовно П.Мадери. 8 грудня 1937 р. 559
№ 329. Висновок про реабілітацію П.Мадери. 17 липня 1989 р. 560

Справа І.Опольського (№ П-13409)
№ 330. Довідка про І.Опольського. Жовтень 1937 р. 560
№ 331. Акт про виконання вироку стосовно І.Опольського. 8 грудня 1937 р. 561
№ 332. Висновок про реабілітацію І.Опольського. 17 липня 1989 р. 561

Справа О.Вальда-Франовського (№ П-16701)
№ 333. Довідка про О.Вальда-Франовського. Жовтень 1937 р. 562
№ 334. Акт про виконання вироку стосовно О.Вальда-Франовського.
1 листопада 1937 р. 563
№ 335. Висновок про реабілітацію О.Вальда-Франовського.
8 вересня 1989 р. 563

Справа М.Ерстенюка (№ П-16700)
№ 336. Довідка начальника III частини Соловецького відділення ББК НКВС
Мокеєва. 3 серпня 1934 р. 564
№ 337. Акт начальника СПВ 3-го відділення ББК НКВС Коновалова.
7 жовтня 1934 р. 564
№ 338. З меморандуму начальника III частини 8-го Соловецького відділення
ББК НКВС Акімова. Січень 1935 р. 565
№ 339. Довідка про М.Ерстенюка. Жовтень 1937 р. 565
№ 340. Акт про виконання вироку стосовно М.Ерстенюка.
1 листопада 1937 р. 566

Справа І.Грицая (№ П-10919)
№ 341. Оперативне повідомлення про І.Грицая. 8 вересня 1937 р. 566
№ 342. Довідка про І.Грицая. Жовтень 1937 р. 567
№ 343. Акт про виконання вироку стосовно І.Грицая. 17 лютого 1938 р. 567
№ 344. Лист В.Грицая. 21 червня 1956 р. 567
№ 345. Визначення у справі І.Грицая. 29 грудня 1958 р. 568

Справа Т.Кушніра (№ П-12985)
№ 346. Довідка про Т.Кушніра. Жовтень 1937 р. 569
№ 347. Акт про виконання вироку стосовно Т.Кушніра. 17 лютого 1938 р. 569
№ 348. Висновок про реабілітацію Т.Кушніра. 17 липня 1989 р. 570

Справа Ф.Галіщева (№ П-14767)
№ 349. Постанова у справі Ф.Галіщева. 14 травня 1932 р. 571
№ 350. Довідка про Ф.Галіщева. Жовтень 1937 р. 571
№ 351. Акт про виконання вироку стосовно Ф.Галіщева.
17 лютого 1938 р. 572
№ 352. Висновок про реабілітацію Ф.Галіщева. 17 липня 1989 р. 572

Справа М.Кулицького (№ П-13572)
№ 353. Постанова про арешт М.Кулицького. 27 квітня 1935 р. 573
№ 354. Запит помічника начальника III відділу ББК НКВС
до начальника відділу охорони ГУТАБ НКВС. 13 жовтня 1936 р. 573
№ 355. Довідка про М.Кулицького. Жовтень 1937 р. 574
№ 356. Акт про виконання вироку стосовно М.Кулицького.
17 лютого 1938 р. 575
№ 357. Висновок про реабілітацію М.Кулицького. 14 липня 1989 р. 575

Справа Г.Кіпіяні (№ П-13573)
№ 358. Довідка про стягнення стосовно ув'язненого Г.Кіпіяні.
[3 березня 1936 р.]. 576

№ 359. Вказівка про скасування всіх заліків ув'язненим О.Сарвану, Г.Садовському і Г.Кіпіяні. Жовтень 1936 р. ... 576
№ 360. Характеристика на Г.Кіпіяні. 28 листопада 1936 р. ... 577
№ 361. Вказівка начальнику УСО 3-го відділу про скасування заліків ув'язненому Г.Кіпіяні. 5 грудня 1936 р. ... 577
№ 362. Довідка про Г.Кіпіяні. Жовтень 1937 р. ... 577
№ 363. Слідчий матеріал про контрреволюційну шкідницьку діяльність в'язнів Г.Кіпіяні та інших. 10 січня 1938 р. ... 578
№ 364. Акт про виконання вироку стосовно Г.Кіпіяні. 17 лютого 1938 р. ... 578
№ 365. Висновок про реабілітацію Г.Кіпіяні. 14 липня 1989 р. ... 578

Справа К.Козлова (№ П-15645)
№ 366. Довідка про К.Козлова. Жовтень 1937 р. ... 579
№ 367. Акт про виконання вироку стосовно К.Козлова. 17 лютого 1938 р. ... 580
№ 368. Висновок про реабілітацію К.Козлова. 3 липня 1989 р. ... 580
№ 369. Довідка про реабілітацію К.Козлова. 28 липня 1993 р. ... 581

Справа І.Лушпана (№ П-11835)
№ 370. Довідка про І.Лушпана. Жовтень 1937 р. ... 581
№ 371. Акт про виконання вироку стосовно І.Лушпана. 17 лютого 1938 р. ... 582
№ 372. Постанова Президії Архангельського обласного суду. 28 лютого 1968 р. ... 582

Справа Ф.Воробйова (№ П-14119)
№ 373. Довідка про Ф.Воробйова. Жовтень 1937 р. ... 583
№ 374. Акт про виконання вироку стосовно Ф.Воробйова. 17 лютого 1938 р. ... 584
№ 375. Висновок про реабілітацію Ф.Воробйова. 14 липня 1989 р. ... 584

Справа М.Зайця (№ П-14241)
№ 376. Довідка про М.Зайця. Жовтень 1937 р. ... 585
№ 377. Акт про виконання вироку стосовно М.Зайця. 17 лютого 1938 р. ... 585
№ 378. Висновок про реабілітацію М.Зайця. 17 липня 1989 р. ... 586

Справа М.Коструба (№ П-13836)
№ 379. Довідка про М.Коструба. Жовтень 1937 р. ... 587
№ 380. Акт про виконання вироку стосовно М.Коструба. 17 лютого 1938 р. ... 587
№ 381. Висновок про реабілітацію М.Коструба. 31 липня 1989 р. ... 588

Справа А.Омеляна (№ П-13540)
№ 382. Довідка про А.Омеляна. Жовтень 1937 р. ... 588
№ 383. Акт про виконання вироку стосовно А.Омеляна. 17 лютого 1938 р. ... 589
№ 384. Висновок про реабілітацію А.Омеляна. 26 липня 1989 р. ... 589

Справа О.Пархоменка (№ П-15381)
№ 385. Витяг з наказу по 8-му Соловецькому відділу ББТАБУ. 18 вересня 1935 р. ... 590
№ 386. Витяг з протоколу засідання Президії ЦВК СРСР. 27 червня 1936 р. ... 591
№ 387. Довідка про О.Пархоменка. Жовтень 1937 р. ... 591
№ 388. Акт про виконання вироку стосовно О.Пархоменка. 17 лютого 1938 р. ... 591
№ 389. Висновок у справі О.Пархоменка. 26 липня 1989 р. ... 592

Справа В.Сніжного (№ П-15382)
№ 390. Меморандум у справі В.Сніжного. 21 січня 1936 р. ... 593
№ 391. Довідка про В.Сніжного. Жовтень 1937 р. ... 594
№ 392. Акт про виконання вироку стосовно В.Сніжного. 8 грудня 1937 р. ... 594
№ 393. Висновок про реабілітацію В.Сніжного. 11 вересня 1989 р. ... 594

Справа Я.Стрельбицького (№ П-14003)
№ 394. Меморандум у справі Я.Стрельбицького. 1934 р. ... 595
№ 395. Довідка про Я.Стрельбицького. Жовтень 1937 р. ... 596
№ 396. Акт про виконання вироку стосовно Я.Стрельбицького. 8 грудня 1937 р. ... 596
№ 397. Висновок про реабілітацію Я.Стрельбицького. 14 червня 1989 р. ... 597

Справа І.Янка (№ П-10698)
№ 398. Заява І.Янка Генеральному прокуророві СРСР Г.Акулову. 21 січня 1935 р. ... 598
№ 399. Довідка про І.Янка. Жовтень 1937 р. ... 598
№ 400. Акт про виконання вироку стосовно І.Янка. 8 грудня 1937 р. ... 599
№ 401. Заява М.Янка. 18 січня 1963 р. ... 599
№ 402. Довідка у справі І.Янка. 25 грудня 1990 р. ... 600

Справа Ф.Голембієвського (№ П-16694)
№ 403. Довідка про Ф.Голембієвського. Жовтень 1937 р. ... 601
№ 404. Акт про виконання вироку стосовно Ф.Голембієвського. 8 грудня 1937 р. ... 602
№ 405. Висновок про реабілітацію Ф.Голембієвського. 8 вересня 1989 р. ... 602

Справа В.Лукомського (№ П-14545)
№ 406. Постанова про застосування запобіжного заходу та пред'явлення обвинувачення В.Лукомському. 26 червня 1935 р. ... 603
№ 407. Витяг з протоколу засідання Головної атестаційної комісії Управління БАМТАБУ НКВС. 9 вересня 1935 р. ... 604
№ 408. Вирок у справі В.Лукомського та інших. 25 жовтня 1935 р. ... 604
№ 409. Довідка про В.Лукомського. Жовтень 1937 р. ... 605
№ 410. Акт про виконання вироку стосовно В.Лукомського. 8 грудня 1937 р. ... 606
№ 411. Висновок про реабілітацію В.Лукомського. 17 липня 1989 р. ... 606

Справа А.Марцинюка (№ П-13410)
№ 412. Лист начальника III відділу КАРТАБУ НКВС до уповноваженого 3-го відділення по ЦПО. Березень 1934 р. ... 607
№ 413. Характеристика на А.Марцинюка. 20 квітня 1937 р. ... 608
№ 414. Довідка про позбавлення А.Марцинюка заліків робочих днів. Серпень 1937 р. ... 608
№ 415. Довідка про А.Марцинюка. Жовтень 1937 р. ... 608
№ 416. Акт про виконання вироку стосовно А.Марцинюка. 8 грудня 1937 р. ... 609
№ 417. Висновок про реабілітацію А.Марцинюка. 17 липня 1989 р. ... 609

Справа Н.Ніколенка (№ П-11921)
№ 418. Перлюстрований лист до Н.Ніколенка. 28 вересня 1934 р. ... 610
№ 419. З оперативного повідомлення про Н.Ніколенка. 19 травня 1935 р. ... 611
№ 420. Агентурна записка СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС. 1936 р. ... 611
№ 421. Довідка про Н.Ніколенка. Жовтень 1937 р. ... 613
№ 422. Акт про виконання вироку стосовно Н.Ніколенка. 8 грудня 1937 р. ... 614
№ 423. Постанова Президії Київського обласного суду. 3 серпня 1960 р. ... 614
№ 424. Постанова Президії Архангельського обласного суду. 27 вересня 1969 р. ... 615

Справа М.Терлецького (№ П-14777)
№ 425. Витяг з протоколу засідання Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР. 10 листопада 1933 р. ... 616
№ 426. Оперативне повідомлення про М.Терлецького. 18 січня 1935 р. ... 616

№ 427. Довідка про М.Терлецького. Жовтень 1937 р. 617
№ 428. Акт про виконання вироку стосовно М.Терлецького. 8 грудня 1937 р. 617
№ 429. Висновок про реабілітацію М.Терлецького. 17 липня 1989 р. 618

Справа В.Удовенка (№ 67098-ФП)
№ 430. Характеристика на В.Удовенка. 13 квітня 1935 р. 618
№ 431. Робоче зведення № 65 групи СПВ 3-ої частини Соловецького відділення ББК НКВС. 18 жовтня 1936 р. 619
№ 432. Оперативне повідомлення про В.Удовенка. 20 листопада 1936 р. 619
№ 433. Довідка про В.Удовенка. Жовтень 1937 р. 620
№ 434. Акт про виконання вироку стосовно В.Удовенка. 8 грудня 1937 р. 620
№ 435. Висновок про реабілітацію В.Удовенка. 25 березня 1996 р. 621

Справа Г.Холодного (№ П-13547)
№ 436. Лист начальника СПВ ОДПУ Г.Молчанова до начальника Ярославського політізолятора Федор'яна. 5 квітня 1933 р. 622
№ 437. Рапорт начальника Ярославського політізолятора Федор'яна начальнику СПВ ОДПУ Г.Молчанову. Квітень 1933 р. 622
№ 438. Довідка про Г.Холодного. Жовтень 1937 р. 623
№ 439. Акт про виконання вироку стосовно Г.Холодного. 17 лютого 1938 р. 623
№ 440. Висновок про реабілітацію Г.Холодного. 26 липня 1989 р. 623

Справа С.Ярославенка-Прядуна (№ П-11369)
№ 441. Заява С.Ярославенка-Прядуна. 7 жовтня 1934 р. 624
№ 442. Повідомлення про С.Ярославенка-Прядуна та інших. 13 грудня 1935 р. 625
№ 443. Довідка про С.Ярославенка-Прядуна. Жовтень 1937 р. 626
№ 444. Акт про виконання вироку стосовно С.Ярославенка-Прядуна. 8 грудня 1937 р. 627
№ 445. Постанова Президії Архангельського обласного суду у справі С.Ярославенка-Прядуна. 10 березня 1965 р. 627

Справа Р.Макаренка (№ 60830-ФП)
№ 446. Лист начальника III відділу КАРТАБУ. 3 вересня 1934 р. 628
№ 447. Повідомлення про Р.Макаренка. 18 квітня 1935 р. 629
№ 448. Оперативне повідомлення про Р.Макаренка. 16 серпня 1935 р. 630
№ 449. Оперативне повідомлення про Р.Макаренка. 29 серпня 1935 р. 631
№ 450. Довідка про Р.Макаренка. Жовтень 1937 р. 632
№ 451. Акт про виконання вироку стосовно Р.Макаренка. 8 грудня 1937 р. 633
№ 452. Висновок про реабілітацію Р.Макаренка. 28 червня 1989 р. 633

Справа М.Туровського (№ П-15838)
№ 453. Лист С.Баконської до М.Туровського. 1 серпня 1930 р. 634
№ 454. Довідка про М.Туровського. Жовтень 1937 р. 635
№ 455. Акт про виконання вироку стосовно М.Туровського. 8 грудня 1937 р. 635
№ 456. Висновок про реабілітацію М.Туровського. 24 вересня 1989 р. 636

Розділ IV. «РОЗСТРІЛЬНІ» ПРОТОКОЛИ ТА ВІДБІРКОВО-ДОВІДКОВІ СПИСКИ ДО НИХ

№ 1. Протокол № 81 засідання Особливої трійки УНКВС Ленінградської області про повторне засудження осіб, обвинувачених за поданням Оперативної частини Соловецької тюрми. 9 жовтня 1937 р. 639

№ 2. Протокол № 82 засідання Особливої трійки УНКВС Ленінградської області про повторне засудження осіб, обвинувачених за поданням Оперативної частини Соловецької тюрми. 9 жовтня 1937 р. 669

№ 3. Протокол № 83 засідання Особливої трійки УНКВС Ленінградської області про повторне засудження осіб, обвинувачених за поданням Оперативної частини Соловецької тюрми. 9 жовтня 1937 р. 697

№ 4. Протокол № 84 засідання Особливої трійки УНКВС Ленінградської області про повторне засудження осіб, обвинувачених за поданням Оперативної частини Соловецької тюрми. 10 жовтня 1937 р. 735

№ 5. Протокол № 85 засідання Особливої трійки УНКВС Ленінградської області про повторне засудження осіб, обвинувачених за поданням Оперативної частини Соловецької тюрми. 14 жовтня 1937 р. 778

№ 6. Протокол № 134 засідання Особливої трійки УНКВС Ленінградської області про повторне засудження осіб, обвинувачених за поданням Оперативної частини Соловецької тюрми. 16 листопада 1937 р. 808

№ 7. Протокол № 198 засідання Особливої трійки УНКВС Ленінградської області про повторне засудження осіб, обвинувачених за поданням Оперативної частини Соловецької тюрми. 25 листопада 1937 р. 821

№ 8. Протокол № 199 засідання Особливої трійки УНКВС Ленінградської області про повторне засудження осіб, обвинувачених за поданням Оперативної частини Соловецької тюрми. 25 листопада 1937 р. 854

№ 9. Протокол № 303 засідання Особливої трійки УНКВС Ленінградської області про повторне засудження осіб, обвинувачених за поданням Оперативної частини Соловецької тюрми. 14 лютого 1938 р. 881

№ 10. Список осіб, репресованих в Україні, а також українців, репресованих за її межами, які відбували покарання на Соловках та були розстріляні 27 жовтня – 4 листопада 1937 року під Медвеж'єгорськом 913

№ 11. Список осіб, репресованих в Україні, а також українців, репресованих за її межами, які відбували покарання на Соловках та були розстріляні 10–25 листопада 1937 року і 14 лютого 1938 року у пустоші Койранкангас під Токсово 934

№ 12. Список осіб, репресованих в Україні, а також українців, репресованих за її межами, які відбували покарання на Соловках та були розстріляні 17 лютого 1938 року на Соловках у районі «командировки» Ісаково 940

Розділ V. Спогади

№ 1. Із книги *Семена Підгайного* «Українська інтелігенція на Соловках. Спогади 1933–1941». ... 943
№ 2. Лист історика-архівіста *М.Новикова*. 1989 р. ... 976
№ 3. Із спогадів *Ю.Чиркова* «Соловки». 1989 р. ... 977
№ 4. Уривок із спогадів *В.Мисика* «Сторінка пам'яті». 2 квітня 1965 р. ... 982
№ 5. Спогади *І.Гришина-Грищука* «Останні дні поета». 1990 р. ... 984

Список скорочень ... 989

Іменний покажчик ... 1000

Contents ... 1074

Володимир Пристайко,
заступник Голови СБ України,
генерал-лейтенант юстиції

Олександр Пшенніков,
радник Державного архіву СБ України,
полковник

Юрій Шаповал,
професор, доктор історичних наук,
керівник Центру історичної політології
Інституту політичних і етнонаціональних досліджень
Національної академії наук України

СОЛОВЕЦЬКА ТРАГЕДІЯ 1937–1938 РОКІВ: причини і наслідки

До середини 1937 року на Соловках було зібрано весь цвіт української підсовєтської інтелігенції та українських комуністичних кіл.

С.Підгайний.
Українська інтелігенція на Соловках.
Спогади 1933–1941 років

Я все більше переконуюсь, що нас вирішили повільно, але планово фізично знищити зовсім. Мені дали термін 5 років, але життя скорочують на 20 років.

Лесь Курбас.
Соловки, січень 1935 року

Про все, що нині коїться, історія згодом скаже своє слово.

Матвій Яворський.
Соловки, 30 листопада 1936 року

У 1997 році працівники Державного архіву Служби безпеки України (далі — ДА СБ України), українські історики-дослідники та ентузіасти Санкт-Петербурзького науково-інформаційного центру «Меморіал» об'єднали свої зусилля у з'ясуванні нових обставин загибелі в'язнів з України. Саме тоді пошукова група СБ України та видавництва «Сфера» привезла з Архангельська та з Соловків цінні матеріали (копії яких нині зберігаються у фондах ДА СБ України у Києві), що були частково надруковані у трьох томах видання «Остання адреса».

Перший том, крім вступної статті, містив подробиці, що стосуються розстрілів в'язнів, серед яких багато визначних представників української інтелігенції, а також «розстрільні» протоколи засідання особливої трійки Управління НКВД * по Ленінградській області (№ 81–85), на підставі яких, власне, і відбулася каральна акція.

---

* Тут і далі у вступній статті збережено усталені російськомовні абревіатури, що використовувались тодішніми органами держбезпеки.

Другий том, крім вступної статті, увібрав документальні матеріали з Управління Федеральної служби безпеки Російської Федерації по Архангельській області (далі — УФСБ РФ АО). Під час роботи над цим томом з'ясувалось, що чимало матеріалів про соловецьких в'язнів збереглося і в Україні в Державному архіві СБ України та його регіональних відділеннях.

І ці матеріали було використано. Унікальність публікації полягала в тому, що в ній було оприлюднено документи з так званих справ-формулярів, заведених на соловецьких в'язнів безпосередньо у таборі. Це, зокрема, оперативні матеріали, аналітика табірних чекістських структур, покликаних постійно відстежувати і оцінювати настрої і наміри в'язнів тощо.

Третій том з'явився тому, що у жовтні 1998 року до Державного архіву СБ України надійшов лист від директора Санкт-Петербурзького науково-інформаційного центру «Меморіал» Веніаміна Іофе (на превеликий жаль, він пішов з життя у 2002 році). У цьому листі йшлося про продовження пошуків місця, де були знищені 509 соловецьких в'язнів, засуджених за протоколами №№ 134, 198, 199, 303 засідання особливої трійки Управління НКВД по Ленінградській області.

Після одержання листа В.Іофе ми ще раз проаналізували матеріали тюремних справ, привезених пошуковою групою з архіву УФСБ РФ АО, і виокремили тих осіб, які проходили за згаданими протоколами. Потім вирішили поцікавитись, які документи на них є в Україні, у Києві та інших містах. З'ясувалось, що таких документів доволі багато, і тоді вони були надруковані окремим томом.

Згаданий тритомник мав позитивний резонанс в Україні і за її межами. Зокрема, газета «День» зазначала: «Звідки ми насправді знаємо, що і як відбувалося в історії? Спогади очевидців, літературні твори, кінострічки — джерела промовисті, але недостовірні. От документи не лукавлять, хоча зафіксовані в них факти, безперечно, коригують нашу свідомість, знання і мораль. Не дивно, що через десятиліття сухі канцелярські штампи можуть здаватися цинічнішими за найзухваліші метафори. Думаєш про це, гортаючи сторінки книги «Остання адреса. До 60-річчя соловецької трагедії.., де оприлюднено документи з тюремних справ, а також матеріали оперативної розробки соловецьких в'язнів із 1934 по 1937 рік»[1].

Однак наклад тритомного видання був доволі обмежений, а сам проект реалізувався упродовж кількох років, що ускладнювало дослідникам користування всім комплексом документів і матеріалів. І тоді ми вирішили підготувати друге, однотомне і доповнене нововиявленими документами, видання. Його ви тримаєте в руках.

Для того, щоб ввести в суть проблеми, акцентувати увагу на її найбільш значущих аспектах, варто на початку бодай коротко окреслити основні віхи того шляху, який, зрештою, привів багатьох наших визначних земляків, у першу чергу представників інтелігенції, до їх останньої земної адреси. Її для них визначила система, що сама себе довгі роки декларувала найпрогресивнішою й найгуманнішою. Недаремно чимало в'язнів — колишніх комуністів, не могли повірити, що сидять не випадково. Один з них, відомий діяч Компартії Західної України, вже на Соловках у квітні 1937 року так оцінював ситуацію: «Це не лінія партії, партії це не потрібно, а слід посадити тих, хто нас посадив, бо він скоїв злочин, і тяжкий злочин, оскільки тримати чесного комуніста у в'язниці можуть тільки злочинці, пілсудчики... Ось хто мене посадив, а не партія»[2].

Щоправда, у багатьох в'язнів прозріння все-таки відбувалося. Один з характерних прикладів — колишній ортодоксальний історик-марксист Матвій Яворський, свого часу науковий антагоніст Михайла Грушевського. Потрапивши на Соловки за абсолютно брехливим обвинуваченням в участі в «Українському національному центрі», він докорінно змінив свої погляди. Збереглося чимало повідомлень таємних інформаторів про його поведінку й розмови на Соловках. Він давав безжально влучні й точні оцінки тодішній політичній системі. Більше того, він кинув відвертий виклик цій системі, написавши 30 червня 1936 року заяву до Центральної атестаційної комісії ГУЛАГу, в якій відмовився від заліків робочих днів і відверто висловив все, що думав про антинародну й антиукраїнську сталінську політику. 26 грудня 1936 року на прохання одного із в'язнів допомогти написати заяву про помилування він відповів: «Щиро вам раджу не принижуватись перед червоними варварами. Вас все

одно не помилують, а якщо б і помилували, то коли б я був на вашому місці, я б відмовився від цієї пільги. Особисто я написав заяву-лист, в якій заявив, що сам я з табору не вийду. Я не хочу перебувати на волі, знаючи, що кращі сини України знемагають у соловецькому мішку. Я поділяю з ними чашу горя до кінця як вірний син своєї неньки-України»[3].

Ми навели дві різні оцінки, але однаковим був фінал життя тих, хто їх висловлював. І таких прикладів серед соловецьких жертв — безліч.

Сучасники називали соловецьку каторгу «Радянським Союзом у мініатюрі». Це насправді було так не тільки з огляду на те, що на Соловках були представлені всі нації і народності тодішнього СРСР, вся його географія — «от Москвы до самых до окраин» — а й тому, що ситуація на острові повною мірою відбивала поточну ситуацію в країні: інтенсивність здійснюваних репресій миттєво позначалась на кількості в'язнів і на ставленні до них.

«Соловецкий лагерь особого назначения», «Северные лагеря особого назначения» (СЛОН), «Соловецкая тюрьма особого назначения Главного управления государственной безопасности НКВД СССР» (СТОН) — навіть самі ці назви, що змінювались упродовж 1923–1939 років, відбивають значення Соловків для комуністичного режиму.

З Соловками, власне, пов'язаний «день народження» табірної системи в СРСР. 13 жовтня 1923 року постановою Ради Народних Комісарів СРСР було створено Соловецький табір особливого призначення з двома пересильно-розподільчими пунктами у Архангельську та Кемі. Управління табором було покладено на ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) СРСР[4]. 2 листопада 1939 року з'явився наказ НКВД СРСР № 001335 «Про закриття в'язниці ГУГБ на острові Соловки».

Ці дві дати і є хронологічними рамками існування СЛОНу/СТОНу. Для комуністичного режиму створення і підтримування цього грандіозного комбінату смерті протягом майже 16 років не було випадковістю чи даниною російській традиції. Це була нагальна потреба, одна з «підсистем страху», завдяки якій могла функціонувати вся система, створена більшовиками на руїнах Російської імперії.

«Соловецькі табори — країна мук і відчаю. Переважну більшість з тих, хто туди потрапляв, чекала загибель. У запліснявілих мурах монастиря, де колись ченці кадили фіміам покори всевишньому, тепер фабрикували романтичну брехню про любов-ненависть і царство Боже на землі» — ось так писав один із сучасників про Соловки[5]. Мешканці цієї «країни мук і відчаю» працювали на лісозаготівлях, прокладали залізничні колії, будували сумновідомий Біломорсько-Балтійський канал.

Не було в СРСР такої соціальної верстви, представники якої б не опинялись на Соловках. Це було справжнє єднання всіх трудящих — робітників, селян і, зрозуміло, «прошарку» — інтелігенції. Не забував режим і про релігійних діячів. За відомостями самих репресивних органів, у 1923–1924 роках було заарештовано 2 469 священнослужителів, а у 1931–1932 роках — 19 812[6]. Чимало з них опинились саме на Соловках. До того ж, на острові серед в'язнів були люди різних національностей. Значний відсоток серед них завжди становили українці.

«Українізація» Соловків почалася ще на початку XVIII століття, а найвизначнішим в'язнем за часів імператриці Катерини II був останній кошовий отаман Запорізької Січі Петро Калнишевський, який пробув тут 25 років у камінному мішку і 9 років в окремій камері, а помер на 112 році життя, так і не виїхавши з острова після відбуття строку.

Однак комуністичні концтабори фактично вже нікому не давали шансу на таке довголіття. За точним зауваженням одного з колишніх соловецьких в'язнів Семена Підгайного, якому пощастило вижити, до середини фатального 1937 року на Соловках було зібрано найкращих представників «української підсовєтської інтелігенції та українських комуністичних кіл». Тоді в цьому концтаборі були представники найрізноманітніших політичних партій і угруповань. Тут можна було побачити і монархістів-гетьманців, і федералістів, правих і лівих есерів, комуністів і соціал-демократів.

«Радянська влада», ота «радянська держава», про яку говорив академік Кримський, що вона нагороджує всіх рівно й однаково (його самого, так само, як і його «ворога» Грушевського), справді таки обдарувала всіх однаковими концтаборами. Опинившись на Со-

ловках (чи в інших таких же значних місцях) перед єдиною для всіх небезпекою, багато в'язнів забули про давні політичні чвари й незгоди, братались між собою і з гірким жалем та болем думали про перейдений шлях»[7]. Особливо гірким був цей шлях для представників інтелігенції, на яку комуністичний режим здійснював перманентне прицільне полювання. І це не було випадковістю.

Засновник більшовицької держави В.Ленін неодноразово підкреслював, що залучення старої інтелігенції до соціалістичного будівництва є специфічною формою класової боротьби[8]. А класової боротьби без насильства він собі не уявляв. Разом з тим, він вдавався й до гнучкої тактики, пропонуючи використовувати спеціалістів «по-старому», «по-буржуазному», тобто приваблюючи їх вищою, ніж у інших, заробітною платнею[9].

Однак залишилось дуже багато свідчень того, який з цих методів був для нього пріоритетним. Ще в березні 1919 року у розмові з американським журналістом Лінкольном Стефенсоном він відверто говорив: «Якщо ви хочете досягнути мети, яку ставить перед собою революція, то абсолютну, інстинктивну опозицію старих консерваторів і навіть твердих лібералів треба примусити замовкнути»[10].

Не випадково ленінську працю «Як організувати змагання?» вперше було надруковано в рік «великого перелому», 1929 року, коли Сталін розпочав «революцію згори». Це був не тільки тотальний наступ на селянство, а й черговий, жорсткий тур наступу на інтелігенцію. Потрібно було «незаперечне» виправдання дій режиму й це виправдання знайшли у більшовицькій «біблії» — творах Леніна. У надрукованій праці він називав «панів інтелігентиків», які виступали проти насильства, «сльотою», а інтелігенцію, яка саботувала Радянську владу (вважаючи її незаконною), — «ворогом народу», прирівнюючи її до шахраїв, трутнів і хуліганів.

Ленін не дуже шанував і тих, хто співпрацював з режимом, вважаючи, що цій частині інтелігенції притаманні такі риси, як нехлюйство, недбалість, неохайність, неакуратність, нервова поспішливість, схильність підміняти справу дискусією, роботу — розмовами. Далі читаємо: «Серед помилок, недоліків, промахів нашої революції чималу роль відіграють ці помилки та ін., що породжуються цими сумними, — але неминучими у даний момент — властивостями інтелігентів з нашого середовища і відсутністю достатнього контролю за організаторською роботою інтелігентів з боку робітників»[11].

Вже навіть на момент написання цієї ленінської праці, а тим більше, на час її публікації, більшовицькою владою було досягнуто значних успіхів в організації того контролю, про який йшлося. І значну роль у цьому відігравала комуністична спецслужба, організаційне становлення якої завершилося на початку 20-х років.

Саме з цього моменту, як зауважує, зокрема, колишній впливовий чекіст (він, до речі, народився в Україні й тут розпочав кар'єру) Павло Судоплатов у книзі спогадів, «ГПУ повинно було стати основним джерелом інформації для всіх рівнів радянського керівництва»[12]. Так воно й сталося.

15 листопада 1923 року було створено Об'єднане державне політичне управління при Раді Народних Комісарів СРСР з метою об'єднання зусиль тодішніх республік у боротьбі з політичною й економічною контрреволюцією, шпигунством та бандитизмом. Головою ОГПУ став Ф.Дзержинський. В УСРР відповідно до московських реформ 13 серпня 1924 року ВУЦВК та Раднарком УСРР затвердили положення про ГПУ УСРР. Було закріплено, що ГПУ засновується при РНК УСРР, а його Голова (він же повноважний представник ОГПУ СРСР) входить до складу Уряду з правом вирішального голосу. ГПУ повинно було виконувати всі завдання ВУЦВК і РНК УСРР, а в своїй оперативній діяльності керуватися директивами та розпорядженнями ОГПУ СРСР. Нагляд за справами, що їх відкривало ГПУ УСРР, повинен був здійснювати Прокурор УСРР через спеціально призначеного з цією метою помічника в межах, обумовлених окремими законодавчими актами.

Головою ГПУ УСРР з серпня 1923 року був Всеволод Балицький, а в листопаді того самого року він став членом Колегії ОГПУ СРСР. З березня 1924 року він очолив і НКВД УСРР. Пов'язані з його діяльністю факти й документи (в тому числі ті, що оминалися в офіційних дослідженнях історії комуністичних органів безпеки, як, наприклад, у книжці

«Всеукраинская чрезвычайная комиссия, 1918–1922 гг.» (Харьков, 1990), автори якої жодного разу не згадують імені Балицького), засвідчують, що ЧК-ГПУ завжди вели наполегливу й цілеспрямовану боротьбу за розширення сфер свого впливу [13].

Офіційно основними напрямками роботи чекістських підрозділів були такі: збирання інформаційних відомостей про все, що могло впливати на політичне життя, головним чином, про ставлення різних категорій населення до політики, здійснюваної комуністичним режимом; ретельний контроль за опозиційними партіями, антикомуністичними елементами з метою ліквідації противників режиму; недопущення заколотів, повстань, будь-яких опозиційних виступів; боротьба із саботажем, спекуляцією, посадовими злочинами; боротьба із бандитизмом у різних формах; боротьба зі злочинами в економічній сфері.

У лютому 1919 року ЦК РКП(б) відзначав, що «ЧК створені, існують і працюють лише як прямі органи партії (підкреслення наше. — *Авт.*), за її директивами і під її контролем» [14].

Таким чином, з самого початку поставлені партією у виняткове становище, органи ЧК-ГПУ ніби отримали «індульгенцію» за свої вчинені та можливі «гріхи». Збереглося надзвичайно багато документів, що підтверджують та яскраво ілюструють багатоаспектність та взаємну корисність партійно-чекістського «тандему».

Відзначені риси діяльності ЧК-ГПУ, насамперед, тісний альянс з партійними органами і навіть готовність підміняти їх у певних ситуаціях, ореол секретності, створення думки, що цей орган вдається до будь-яких методів винятково у державних інтересах, і, нарешті, реальна можливість використовувати важелі насильства (яке завжди можна було виправдати все тими ж «державними інтересами») — все це підштовхувало чекістів до того, щоб відігравати дедалі більшу, помітну роль у громадсько-політичному житті, дедалі вагоміше впливати на процес прийняття важливих рішень керівними партійними органами. В Україні ці процеси були пов'язані, насамперед, з діяльністю Всеволода Балицького, який очолював ГПУ-НКВД в Україні (з невеликою перервою) до травня 1937 року, а потім був репресований. Саме з його ім'ям пов'язане й постійне формування негативного ставлення до всього українського, як до «буржуазно-націоналістичного», а до української інтелігенції, як до джерела «контрреволюції».

Документи й факти свідчать, що із самого початку ключову роль у процесі формування думки партійно-політичного керівництва про тенденції та стан громадського життя відігравало Секретно-оперативне управління, яке було створене наказом № 20/114 по ВУЧК від 6 травня 1921 року. До цього управління (його очолив відомий чекіст Юхим Євдокимов, також знищений пізніше) в той час входили політичний відділ, особливий відділ, відділ боротьби з бандитизмом, оперативний відділ (допоміжний) і канцелярія. Першому із цих відділів було віддано роботу по «політичних партіях і політичних угрупованнях контрреволюційного характеру» [15].

Після створення 10 липня 1934 року НКВД до складу Головного управління державної безпеки — Главное управление государственной безопасности — ГУГБ (на місцях — Управління державної безпеки — Управления государственной безопасности — УГБ) увійшли такі відділи: оперативний, економічний, секретно-політичний, особливий, транспортний, іноземний, обліково-статистичний, тюремний і спецвідділ. Надзвичайно важливу роль відігравав Секретно-політичний відділ (раніше — Секретний відділ), такі самі відділи функціонували у місцевих управліннях НКВД. Зауважимо, що практично в усі часи в їх структурі приділялась увага «українській контрреволюції». Так, наприклад, влітку 1938 року Секретно-політичний відділ УГБ УНКВД Харківської області мав такі відділення: право-троцькістське; антирадянські політпартії; українська контрреволюція; сільське; радянське господарство; вузівське; церковне; обліково-статистичне. Зрозуміло, у СПО УГБ НКВД УРСР відділень було більше, але завжди серед них було таке, яке протидіяло «націоналістичній» інтелігенції.

Серйозної і спеціальної розробки потребують питання моральних критеріїв, за якими діяли чекістські органи. Тут можна вказати на одну характерну рису: з року в рік інструкції з добору кадрів все менше нагадували про відданість «справі пролетаріату». Керівників ЧК, а згодом ГПУ-НКВД, хвилювало насамперед інше — вміння працівників бути дисциплінованими, виконувати всі доручення, зберігати секретність у будь-якій справі.

Уявлення про тогочасні умови роботи дає невеличкий уривок з листа групи комуністів-чекістів до ЦК РКП(б) від 18 березня 1921 року: «Як це не сумно, але ми повинні зізнатися, що комуніст, потрапляючи до каральних органів, перестає бути людиною, а перетворюється на автомат, який вводиться в дію механічно. Навіть механічно мислить, бо в нього відібрали право не тільки вільно говорити, але й вільно індивідуально мислити... Тепер, якщо ми подивимося на комуністів, які знаходяться у пролетарських каральних органах, то ми побачимо, що вони стоять поза політичним життям Республіки, оскільки завдяки довгому перебуванню в каральних органах, завдяки одноманітній, черствій, механічній роботі, що полягає тільки у розшукуванні злочинців і в знищенні, вони поступово проти власної волі стають індивідами, які живуть окремим життям. В них розвиваються погані нахили, як пихатість, честолюбство, жорстокість, черствий егоїзм тощо, і вони поступово, для себе непомітно, відколюються від нашої партійної сім'ї, створюючи свою особливу касту, що страшенно нагадує касту колишніх жандармів... Будучи броньованим кулаком партії, цей самий кулак б'є по голові партії» [16].

Багато чого автори цього листа визначили дуже влучно. Тенденції, що виявилися ще на початку 20-х років, не тільки не зникли, а навпаки, зміцнилися в наступні роки. І бив «броньований кулак» у першу чергу не по голові партії, а по представниках інтелігенції, насамперед — старої української інтелігенції. Всебічне нагромадження «компромату» проти неї почалося досить рано, як і досить рано розпочалося розгортання політичних процесів за наперед підготовленим сценарієм.

Першим з них в Україні був процес над членами колишнього найпотужнішого конкурента більшовиків — Української партії соціалістів-революціонерів (УПСР) у травні 1921 року. Цей процес почали готувати з 1920 року. Він відомий ще під назвою «справа Голубовича» (від імені колишнього прем'єр-міністра УНР Всеволода Голубовича). Всі обвинувачення мали виключно політичний характер і були підпорядковані задуму «затаврувати» уряд Української Народної Республіки (за укладення миру з німцями у 1918 році, організацію повстанської діяльності, за Варшавську угоду 1920 року тощо).

Матеріали у цій справі збирали чекісти. Попереднє слідство здійснював заступник начальника Особливого відділу ВУЧК С.Дукельський, а В.Балицький очолював, за рішенням Політбюро ЦК КП(б)У від 29 березня 1921 року, спеціальну комісію, створену у зв'язку з процесом [17]. 9 квітня того самого року він доповів на засіданні Політбюро про підготовку процесу. В ухвалі цього вищого партійного органу було «підказано», як готувати обвинувальний акт: «В обвинувальному акті відзначити зв'язок з бандитами та білогвардійцями, як на Україні, так і за кордоном» [18]. 17 травня 1921 року своїм рішенням Політбюро ЦК КП(б)У чітко дає зрозуміти, якого саме змісту повинен набути процес: «Процес використати, щоб дати характеристику поведінки української інтелігенції» [19].

Так воно й сталося, хоча вироки у справі колишніх членів ЦК УПСР виявилися м'якими. Влада ніби демонструвала свою «гуманність», хоча на початку 30-х років дехто з учасників цього процесу знов буде «клієнтом» ГПУ у зв'язку зі сфабрикованою справою «Українського національного центру» і їхній життєвий фінал буде трагічним. А тоді, 1921 року, партійні органи й чекісти робили все, щоб розколоти українську інтелігенцію. Саме так сформулювало завдання Політбюро ЦК КП(б)У на своєму засіданні 4 червня 1921 року [20].

До речі, свідками на згаданому процесі були В.Затонський, колишні члени УПСР П.Любченко, О.Шумський, І.Кулик, В.Еллан-Блакитний, Ю.Мазуренко. Лише В.Блакитний помре власною смертю, а решта діячів (які належали до лівого крила УПСР, а згодом створили партію «боротьбистів», що 1920 року увійшла до КП(б)У і передала їй значну кількість провідних політичних, а особливо культурних сил), хоча вони й посідатимуть керівні позиції у комуністичному керівництві, були знищені. Олександра Шумського, наркома освіти України у 1924–1927 роках, навіть було оголошено лідером «національного ухилу» (разом з письменником Миколою Хвильовим та економістом Михайлом Волобуєвим). На початку 1927 року його усунули з посади й відправили працювати в Росію. У 1933 році його заарештовано, відправлено на Соловки, потім — на заслання у Красноярський край. 1946 року, коли він повертався в Україну, його було вбито за особистим розпорядженням Сталіна й Кагановича [21].

Цікаво, що у вже згаданому рішенні Політбюро ЦК КП(б)У у пункті «Про українську інтелігенцію» було записано: «а) У легалізації УПСР відмовити. Дозволити в'їзд на Україну для радянської або вченої (так у тексті. — *Авт.*) роботи окремим членам УПСР, які заявлять про свій вихід з партії та її засудять.

б) Доручити т. Затонському зібрати на свій розсуд кілька найбільш примітних громадських українських політичних діячів та запропонувати їм звернутися із закликом до української інтелігенції чесно слугувати радянській владі...»[22].

У передмові до стенограми процесу (видана у Харкові видавництвом ВУЧК окремою книжкою) спроба української інтелігенції створити власну державу оцінювалась як «ярмаркові прийоми хитрого хохла, який обдурює циган»[23].

Якщо вірити організаторам процесу, «трагедія української інтелігенції полягала ще й в тому, що вона не зрозуміла, що єдиний порятунок української культури, мови полягає у торжестві Радянських Республік»[24]. У передмові підкреслювалось, що «київський процес був свого роду останньою підсумковою рискою, підведеною історією під ідейним розвалом, гнилизною і розкладом української «самостійницької» інтелігенції»[25].

Таку «підсумкову риску» більшовицька влада підводитиме ще не раз, допоки не досягне головної мети — знищення або деморалізації найбільш визначних представників української інтелігенції.

Звертає на себе увагу й те, що «процес Голубовича» відбувся до відомого московського процесу над соціалістами-революціонерами 1922 року. По суті, в Україні вперше відпрацьовувалася «модель» показового політичного фарсу, покликаного, за точним висловом голландського дослідника М.Янсена, «показати народним масам, що соціалісти не мають права на існування в Росії, що лише комуністи мають право і здатні керувати країною; що зв'язуватися із соціалістами — значить прирікати себе на небезпеку. Іншими словами, процес повинен був одночасно закликати під прапори комунізму і залякати широкі прошарки населення»[26].

На початку 20-х років українську інтелігенцію, як і російську, намагалися «поставити на коліна» не лише за допомогою політико-ідеологічного викриття. Коли у 1922 році за кордон з більшовицької Росії було депортовано групу інтелектуалів, серед них були і представники України. Як відомо, саме цього року В.Ленін запропонував власне формулювання статті Кримінального кодексу РРФСР про контрреволюційні злочини з вимогою найвищої міри покарання за контрреволюційні дії, до яких, на його думку, належали антирадянська агітація та пропаганда. У записці наркомові юстиції Д.Курському він вимагав «відкрито виставити принципове і політично правдиве (а не тільки юридично вузьке) положення, що мотивує суть і виправдання терору, його необхідність і межі. Суд мусить не усувати терор; обіцяти це було б обманом чи самообманом, а обґрунтувати й узаконити його принципово, ясно, без облуди і без прикрас». Тут же пропонувалося розширити сферу дії такої міри покарання, як розстріл, з правом його заміни на вислання за кордон[27].

Характерно, що ці ленінські пропозиції адепти комуністичного режиму не друкували до 1937 року. А у 1991 році вперше були оприлюднені матеріали, що засвідчують: головним ініціатором ганебної акції 1922 року був саме Ленін. До речі, в одному з його листів до Сталіна є такі слова: «Арестовать несколько сот и **без объявления** мотивов — выезжайте, господа!... Харьков обшарить, **мы его не знаем,** это для нас «заграница». Чистить надо **быстро**...»[28].

Однак почистили не лише Харків. 23 червня 1922 року Політбюро ЦК КП(б)У, обговоривши питання «Про політичні виступи професури», запропонувало наркомату освіти та ГПУ «застосувати як один з репресивних заходів проти активістських елементів професури висилку за межі федерації»[29].

До 3 серпня 1922 року українська частина списку була підготовлена ГПУ. До неї увійшли 77 осіб, серед них 47 працівників вищих навчальних закладів (з них 32 професори — представники Харкова, Києва, Катеринослава, Одеси, Кам'янця-Подільського). Цей список був схвалений ЦК КП(б)У та Всеукраїнським Центральним Виконавчим Комітетом. 9 серпня 1922 року цей «список антирадянської інтелігенції, складений ГПУ України», було розглянуто й затверджено на засіданні спеціальної комісії ЦК РКП(б) в Москві[30]. В ніч з 17 на 18 серпня чекісти здійснили арешти.

Водночас у чекістів виникли свої міркування щодо запланованої акції, оскільки, на їх думку, українська еміграція може із захватом сприйняти нове інтелектуальне поповнення, ще міцніше згуртується і тоді ГПУ буде значно складніше вести роботу по її дезорганізації. Цю думку підтримали у ЦК КП(б)У, секретар якого (це був Д.Лебідь) 7 вересня 1922 року, доповідаючи Й.Сталіну, В.Куйбишеву та В.Молотову про арешти, писав, що «висилати українських професорів за кордон» взагалі недоцільно, оскільки там і так склалося досить потужне емігрантське угруповання, й звертався з проханням обмежитися висилкою у віддалені райони СРСР [31]. Врешті, багато кандидатів на вислання за кордон так і залишились кандидатами. Серед них були, зокрема, й одні з головних дійових осіб на майбутньому процесі «Спілки визволення України» — Сергій Єфремов та Володимир Чехівський.

Однак ГПУ продовжувало збирати проти них, а також проти інших представників української інтелігенції, «компромат», ініціювало прийняття в січні 1923 р. ухвали Політбюро ЦК КП(б)У про проведення чергової «чистки» вищих навчальних закладів «від політично шкідливих та антирадянських елементів» [32].

ГПУ і партійне керівництво були переконані у необхідності й ефективності саме показових процесів, оскільки вони дозволяли не тільки демонструвати інтелігенції, що може трапитися з тими, хто, бодай подумки, протистоїть владі, а й показували, що джерелом всіх труднощів є не політика режиму, а дії його ворогів або навіть тих, хто зовні поводить себе лояльно. У 1924 році відбувся новий показовий процес — «Київського обласного центру дії» («КОЦД»). Його учасниками стали представники так званої зміновіхівської інтелігенції, тобто ті представники частини старої інтелігенції, які за умов нової економічної політики (НЕПу) відмовилися від конфронтації з більшовиками. Серед них найбільш прикметним був академік Микола Василенко — міністр народної освіти за правління гетьмана Скоропадського. 1921 року він був обраний Президентом Української Академії наук, але більшовицький Раднарком України його не затвердив з огляду на минуле.

Цікаво, що в справі «КОЦД» у 1923 році було заарештовано понад 100 осіб, але чекісти за відсутністю доказів «злочину» змушені були багатьох звільнити: офіційно у справі проходило 26 осіб, а засудили лише 18. Справа «КОЦД» була потрібна її організаторам для того, щоб показати неприпустимість будь-якого інакомислення, будь-якої незгоди з владою, навіть у думках, адже ті, кому приписували участь у «КОЦД», власне, не встигли нічого зробити, все обмежувалося критичними розмовами [33]. Хоча серед інших вироків були й розстріли, їх замінили 10-річним засланням, а М.Василенко за клопотаннями представників наукової громадськості 1925 року був звільнений.

У зв'язку зі справою «КОЦД» варто окреслити ще одне цікаве питання, яке, поза сумнівом, потребує окремого дослідження. Йдеться не про вигадані чекістами організації, а про **реальні,** такі, які насправді існували. Збереглося чимало матеріалів, що підтверджують: опір більшовицькій владі, зокрема в Україні, мав зовсім не міфічний характер, а тому використання ЧК-ГПУ-НКВД комуністичним режимом у своїх політичних розрахунках ніби легітимізувалося розкриттям і знищенням тих сил, які насправді боролися з режимом.

Наприклад, у 1924–1925 роках групою молодих людей, переважно студентів (В.Артеменко, І.Шумигора, В. і А.Басович, М.Поліщук-Савченко, Л.Недерський, М.Куліних та ін.), було створено Українську національно-козацьку партію (УНКП). Її члени серед інших документів підготували навіть демократичну Конституцію Української республіки. УНКП було викрито. 1927 року розстріляли В.Артеменка та І.Шумигору, решта учасників також була піддана репресіям [34].

У 1929 році у Києві було викрито підпільну організацію — «Комітет визволення України» (КВУ). Серед її організаторів також переважно представники інтелігенції, зокрема, М.Левицький, В.Бондаренко, Б.Бондаренко, М.Брацлавський, В.Іщенко, Т.Дем'янчук, М.Ніколаєв, Марія Леонтович, Н.Павлушкова (племінниця академіка С.Єфремова) та ін. Члени КВУ підготували й розповсюдили «Заклик до всіх пригнічених Московщиною людей України», в якому підкреслювалося, що прийшов час «будувати власне життя. Час прийшов піклуватися про свободу рідного краю. Хай живе самостійна Україна!»

Зрозуміло, що за умов тотального доносительства про існування Комітету стало відомо ГПУ і того самого 1929 року відбувся погром: у липні троє учасників КВУ були розстріляні, а решта отримали різні терміни ув'язнення [35]. Діяльність такого роду організацій може бути темою окремого дослідження.

Як засвідчують документи, під час більшовицької нової економічної політики чекістські органи, виховані за умов громадянської війни, відчули не просто дискомфорт, а й серйозну небезпеку для власного існування. НЕП змінила фінансово-економічне становище «карающего меча революции». Це, зокрема, зафіксувала довідка «До питання про становище органів ГПУ УСРР», підготовлена у січні 1923 року і підписана В.Балицьким. Найімовірніше, цей документ був складений для Москви, але копію надіслали, як годиться, до ЦК КП(б)У. «Нова економічна політика, — зазначалося в ньому, — що погіршила стан значної частини органів, які перебували на держпостачанні, відбилася надзвичайно негативно і на становищі органів Держполітуправління. Позбавившись реальної підтримки інших державних організацій, що забезпечували нас предметами першої необхідності для секретної роботи до «непу» і які цілком відмовили нам в цій допомозі після переходу на самоокупаємість; введені у твердий бюджет, що цілком не відповідає реальній потребі, органи ГПУ змушені скоротити темп і характер роботи в тих областях, де це є, з точки зору захисту Республіки, прямо злочином» [36].

Вказуючи на проблеми ГПУ, В.Балицький торкнувся скорочення «чисельності центрального органу й підвідомчої йому периферії», відзначив, що на 1 січня 1922 року було 21970 гласних співробітників, а на 1 липня 1923 року — 9737 [37]. В цьому ж документі названо загальну чисельність гласних і таємних співробітників ГПУ — 16000 [38]. Відзначалася й «масова втеча» [39] співробітників з ГПУ, в т.ч. — членів партії: на 1 січня 1922 року комуністів в органах було 7812, а на 1 липня того самого року — 3427 осіб. «Таким чином, — писав В.Балицький, — за першу половину 1922 року з органів ГПУ пішли понад чотири тисячі членів партії... Оскільки ця тенденція, що викликана головним чином поганим матеріальним становищем, не локалізована, а у наступних місяцях збільшилась, перед органами ГПУ стоїть як чергове й першорядне завдання припинити зменшення загальної кількості членів партії, тобто вжити всіх заходів для поліпшення побуту й матеріального становища співробітників ГПУ» [40].

І таких заходів, зрозуміло, було вжито, оскільки партія розглядала органи як опертя своєї влади. В свою чергу чекісти ретельно відпрацьовували приділену їм увагу. 26 червня 1925 року на закритому засіданні Політбюро ЦК КП(б)У В.Балицький доповідав про роботу ГПУ. За його доповіддю ухвалили рішення про зміцнення матеріального становища чекістів і виділення додаткових коштів на «інформативну та контрдиверсійну роботу» [41].

Балицький знов привернув увагу партійного керівництва до української інтелігенції. Реакція була відповідною: «Створити комісію у складі Кагановича, Чубаря, Шумського, Гринька і Балицького для вивчення питання про українську інтелігенцію, нашої тактики щодо неї, зокрема стосовно Академії та Грушевського, залучення до роботи тощо» [42].

22 лютого 1926 року Політбюро ЦК КП(б)У знову повертається до питання «Про настрої серед української інтелігенції». Одним із доповідачів був, зрозуміло, В.Балицький. Надані ним матеріали значною мірою вплинули на зміст прийнятої ухвали: «Вважати за необхідне взяти курс на рішучу боротьбу з правими угрупованнями в середовищі української інтелігенції. Доручити тов. Балицькому через місяць подати доповідь про подальші заходи по розкладу правих угруповань у середовищі української інтелігенції» [43].

Характерно те, що у 1926 році у політичному звіті IX з'їзду КП(б)У Лазар Каганович, який очолював у 1925–1928 роках ЦК КП(б)У, вирішив відповісти на обвинувачення Карла Каутського в тому, що більшовики засвоїли мистецтво політичної поліції краще, ніж суть вчення Карла Маркса. «Ми, — підкреслював Л.Каганович, — не сперечаємось, що дійсно навчилися мистецтву політичної, як він висловився, поліції, що ГПУ у нас працює вельми непогано, і якби Каутський потрапив до нас, то ми надали б йому повну можливість в цьому переконатись особисто. Важко сперечатися, бо Каутський знав, що організація ГПУ не тільки не протистоїть, а й цілком випливає з вчення Маркса, бо ніхто інший як

Маркс перший висунув ідею диктатури пролетаріату, як ідею жорсткої диктатури, що придушує всякий спротив експлуататорських класів та їхніх лакеїв»[44].

Справді, ЧК-ГПУ-НКВД чудово відповідали у ленінсько-сталінському розумінні марксизму. А те, що саме з цього випливало, яскраво ілюструє, зокрема, ще один документ. Цей суворо засекречений службовий обіжник з грифом «Цілком таємно. Передруку не підлягає. Зберігати нарівні з шифром під відповідальність начальника органу ГПУ», віддрукований у кількості 75 примірників, з'явився у самий розпал здійснення більшовицької політики «українізації», у вересні 1926 року.

Як відомо, «українізація» була складовою частиною «коренізації» — політики в галузі національних відносин, прийнятої значною мірою під тиском «націонал-комуністів» та на вимогу В.Леніна X (березень 1921 року) та XII (квітень 1923 року) з'їздами РКП(б). Ця політика виходила з того, що царська Росія експлуатувала неросійські народи, і у спадщину від неї СРСР дістав фактичну економічну та культурну нерівність між російським і неросійськими народами. Саме тому було вирішено прискорити розвиток республік. Передбачалась їх індустріалізація, підготовка кадрів з представників корінних національностей, поширення освіти рідними мовами, розвиток національних культур, видавничої справи тощо. Оголошувалося про те, що партія має поборювати як російський шовінізм, так і місцевий націоналізм, але спочатку головний акцент було зроблено на необхідності боротьби з великодержавним (російським) шовінізмом.

Політика «коренізації» зробила значний вплив на розвиток неросійських народів тодішнього СРСР, зокрема українського народу, оскільки на практиці вона означала дерусифікацію. Незважаючи на те, що «українізація» була неоднозначним і доволі специфічним явищем, вона була сприйнята представниками інтелігенції, в першу чергу тими її представниками, які прагнули навіть в рамках бутафорської радянської державності підтримувати і зберігати національну культуру. Звичайно, не варто переоцінювати наслідки «українізації», але не слід водночас ігнорувати тогочасні здобутки, до яких можна віднести розквіт мистецтв, особливо літератури, театру, музики, кінематографу, значне поширення письменності та освіти всіх рівнів, утворення профільних установ з вивчення гуманітарних, природничих та технічних наук.

Оцінюючи цю добу, професор Григорій Грабович зауважує: «З багатьох джерел видно, що в очах широкої публіки такі інституції, як Українська Академія наук, набули надзвичайно високого авторитету. Таке ставлення до гуманістики могло в принципі стати парадигмою національного відродження в цілому, бо ж тогочасний гуманітарний дискурс, хоч і перевантажений авторитарною, волюнтаристською риторикою, міг бути (принаймні за своєю зовнішньою формою) дискурсом хай не відкритого, а все ж нетоталітарного суспільства. Попри всі труднощі цієї доби, ми бачимо в ній справжнє громадянське суспільство (інша річ, в совєтській державі воно не мало жодного шансу на виживання) — суспільство, засноване на справді патріотичному, україноцентричному консенсусі, де формальна ідеологія підпорядкована ширшому усвідомленню національних завдань...»[45].

Не випадково, політика «коренізації» викликала такий шалений опір російських шовіністів, в тому числі з вищого партійного керівництва. Ставлення Сталіна до цієї політики з самого початку не було одноманітним, бо вона стимулювала національну самосвідомість великих та малих неросійських народів, а тим самим їхнє прагнення до реального суверенітету. Цю свою позицію генсек ЦК РКП(б) доволі чітко відбив у виступах на XII з'їзді партії у квітні 1923 року та на IV нараді ЦК РКП(б) з відповідальними працівниками республік і областей у Москві 9–12 червня 1923 року.

Ось чому для Москви першорядного значення почав набувати не аналіз реальних національно-культурних процесів, а постійна боротьба з різного роду «національними ухилами» та проявами «буржуазного націоналізму», під які за тих умов неважко було підвести навіть просто відданість національним традиціям і патріотизм.

Надзвичайно цікаво описував тодішню ситуацію один з найвідоміших соловецьких в'язнів з колишньої партійно-державної номенклатури Петро Солодуб (його розстріляють у листопаді 1937 року). Колись він працював керуючим справами Раднаркому УСРР, а

перед арештом очолював Сектор перспективного планування у союзному Наркоматі важкої промисловості. У квітні 1934 року у заяві (надзвичайно великій за обсягом і цікавій за змістом) до Колегії ОГПУ СРСР він, згадавши про початок 20-х років, відверто напише: «У державному будівництві проходили два процеси на Україні. З одного боку група колишніх боротьбистів, а частково Раковський, Скрипник, Затонський, я та інші, прагнули до розвитку української державності, як економічно незалежного організму. З іншого боку — центр, підкоряючись необхідності планомірної організації виробництва і розподілу, йшов по лінії централізованого користування економічними ресурсами України» [46].

Така лінія диктувалася й безперервним зростанням впливу росіян у партійно-державному керівництві, переходом до політики прискореної індустріалізації (що вимагало централізації влади), посиленням націоналістичних настроїв серед неросійських народів, спричинених асиміляційною політикою радянізації та форсовано-примусовою колективізацією, від якої значно більше, ніж Росія, потерпіли тодішні неросійські республіки і яка ознаменувалася жахливим виплодом сталінської соціально-демографічної інженерії — голодом початку 30-х років.

Радикальна зміна партійної лінії на «коренізацію» відбулася між XVI (1930) і XVII (1934) з'їздами ВКП(б). Протягом 1930–1934 років в усіх неросійських республіках було розгорнуто чистку місцевих комуністів і безпартійної, а згодом і партійної інтелігенції, репресовано значну частину управлінських кадрів, які сформувались під час «коренізації».

А коли, власне, розпочалася контрукраїнізація? Довгий час дослідники вважали таким початком 1933-й рік, боротьбу з так званою скрипниківщиною, тобто з наслідками «національного ухилу», лідером якого було оголошено колишнього наркома освіти УСРР Миколу Скрипника (під тиском брехливих обвинувачень він покінчив життя самогубством 7 липня 1933 року). Проте, документи засвідчують, що протидію політиці «українізації» було започатковано значно раніше. Причому до цього безпосередньо була причетна комуністична спецслужба.

4 вересня 1926 року заступник Голови ГПУ УСРР Карл Карлсон, помічник начальника Секретного відділу (СВ) Ошер Абугов і тимчасово виконуючий обов'язки начальника 1-го відділення СВ Борис Козельський підписали службовий обіжник під назвою «Про український сепаратизм». Стрижень цього важливого документу орієнтував на збір всебічної інформації про прихильників «українізації», насамперед з числа представників «правої» української інтелігенції, тобто середовища українських інтелектуалів, зокрема тих, хто повернувся (або ще хотів повернутися) в Україну під впливом декларованої «українізації». Автори цього закритого листа відверто пояснюють, чому це слід робити:

«Та обставина, що українські націоналісти припинили відкриту боротьбу з Радянською владою і формально визнали її, не означає, що вони остаточно примирилися з теперішнім станом речей і щиро відмовились від ворожих задумів.

Тут наявною є не зміна ідеології, а зміна тактики...

Термін «культурної роботи» заступив гасло збройної боротьби за незалежність, що провалилося.

«Культурна боротьба» набула величезної популярності і втягнула до лав своїх прибічників переважну більшість найвидніших представників укр[аїнської] контрреволюції» [47].

У листі названо найбільш небезпечні, з точки зору ГПУ, осередки українства, які використовують умови «українізації» у своїх розрахунках. У першу чергу це — Українська Автокефальна Православна Церква (УАПЦ), «могутній оплот націоналізму і чудове агітаційне знаряддя», Всеукраїнська академія наук (ВУАН), яка «зібрала навколо себе компактну масу колишніх примітних діячів УНР» [48].

Докладно було проаналізовано ситуацію на селі, умови початку індустріалізації, тенденції в середовищі української еміграції. І все це заради того, щоб зробити висновок про те, що «на роботу по українській громадськості необхідно звернути найсерйознішу увагу» [49], та підкреслити зростання активності «ворожих нам соціальних і політичних прошарків» [50].

Отже, паралельно з офіційними деклараціями партійних керівників, ГПУ задовго до відкритого наступу на «українізацію» розгортало (зрозуміло, з відома парткерівництва) власну контрукраїнізацію, готуючи в такий спосіб компромат проти всіх, кого чекісти вва-

жали «небезпечними» для комуністичного режиму. Знаючи це, можемо тепер зрозуміти, чому так блискавично точно ГПУ-НКВД пізніше, вже з кінця 20-х років, буде трощити українську інтелігенцію.

І тут виникає питання, яке ще потребує уваги дослідників: на скільки справді небезпечними для комуністичного режиму в Україні були дії щирих прихильників «українізації»? Якою мірою, скажімо, діяльність академіка Михайла Грушевського, який повернувся з еміграції, могла шкодити більшовицькому істеблішменту?

Об'єктивно — значною мірою, оскільки Грушевський своєю історичною школою працював на утвердження ідеї української державності, тобто тому, що у пропонованому документі названо українським «сепаратизмом». Приклад з Грушевським, який відразу після приїзду до Києва потрапив під пильний багаторічний нагляд ГПУ, яскраво засвідчує весь трагізм ситуації під час оголошеної більшовиками «українізації». Трагізм, зрозуміло, для тих, хто сприйняв цю політику як довгострокову і принципову [51].

«Ріст шовіністичних тенденцій, — читаємо в листі ГПУ, — ставить перед органами ГПУ необхідність своєчасно реагувати на це явище, що має політичне значення першоступеневої ваги» [52].

Цей постулат пережив його творців. І в усі періоди комуністичного панування в Україні спецслужби приділяли увагу насамперед боротьбі з українським націоналізмом, із щонайменшими натяками на відродження ідеї української державності або навіть спробами підтримувати українські національні традиції.

Що стосується М.Грушевського, то його життя в більшовицькій Україні мало з самого початку трагічне забарвлення: фактично з моменту повернення, а саме з березня 1924 року, на нього було заведено справу-формуляр (яка акумулювала всі інформації про вченого), він був взятий на облік як «неблагонадійний» разом з іншими колишніми членами Української партії соціалістів-революціонерів (УПСР), частина з яких також повернулась в Україну. Відтоді Грушевський став постійним «клієнтом» ГПУ, співробітники і агенти якого постійно пильнували за його життям і діяльністю, контактами і навіть за науковою роботою.

Ретельно перлюструвалося його листування. Частину листів він так ніколи й не одержав. Під підозру й стеження потрапляли й ті особи, які писали Грушевському або перебували в колі його знайомих, висловлюючи йому підтримку. У справі-формулярі, яка містить переважно оперативні, а тому унікально важливі документи, збереглися вражаючі свідчення того, що не керівництво ВУАН, а саме співробітники ГПУ-НКВД (через тодішнє партійно-державне керівництво) вирішували долю можливих закордонних відряджень вченого, інші серйозні питання, пов'язані з його діяльністю.

Не можна не згадати тут слова Сергія Мельгунова про червоний терор: «Моральний жах терору, його розкладаючий вплив на людську психіку зрештою не в окремих вбивствах, і навіть не в кількості їх, а саме в системі» [53].

Ситуацію, в якій опинився Михайло Грушевський в останнє десятиліття свого життя, можна назвати справді трагічною. З самого початку повернення академіка в комунізовану Україну, незважаючи на підкреслену лояльність Грушевського і видані йому владою напередодні приїзду «охоронні грамоти» (аж дві!), його надії на можливість плідної праці були цинічно розтоптані комуністичною системою та її репресивно-каральними структурами.

Підсумком широкомасштабного й постійного збирання «компромату» на Грушевського став його арешт у Москві (під час наукового відрядження) 23 березня 1931 року і спроба зробити з нього лідера розгалуженої антирадянської підпільної організації «Український національний центр (УНЦ)». Спроба ця була невдалою через «непередбачувану» поведінку самого академіка, який у Москві спростував власні попередні «свідчення», слухняно дані ним під диктовку співробітників ГПУ УСРР у Харкові, куди його відправили після арешту у Москві. А для багатьох діячів, «вписаних» у справу «УНЦ», вирок у цій справі, винесений у закритому порядку в лютому 1932 року, став початком шляху на Соловки.

Окремо підкреслимо ще один момент. З появою у ВУАН Грушевський, на жаль, включився у академічну «вендету», у виснажливу боротьбу проти академіків С.Єфремова, А.Кримського та їх прибічників. Навряд чи варто сьогодні когось засуджувати, комусь висловлю-

вати симпатії, оскільки тепер добре відомо, що ні Грушевський, ні його академічні антагоністи не сприймали більшовицький режим. Відомо й те, якої шкоди заподіяла ця ворожнеча розвиткові ВУАН, а також, чим все закінчилось: у лютому 1928 року Політбюро ЦК КП(б)У заслухало підсумки роботи Комісії з вивчення роботи ВУАН, яка рекомендувала не допустити до керівництва академією жодну з двох ворогуючих груп.

Та тепер можемо констатувати: ще раніше зорієнтувалися чекісти, які уважно аналізували тенденції внутрішньоакадемічного життя. Нині з'ясовується те, чого ніколи не знав Грушевський, довіряючи обіцянкам керівників комуністичного режиму, що його оберуть Президентом ВУАН (вперше таку обіцянку йому дали ще під час його перебування в еміграції у Відні 1923 року). Виявляється, ці обіцянки з самого початку мали дуже мало шансів на реалізацію. Ще 15 березня 1924 року до начальника Контррозвідувального відділу ГПУ УСРР В.Іванова надійшов лист з Київського губернського відділу ГПУ. Автори цього документу всерйоз міркували над тим, як ***використовувати*** Грушевського: «Для його використання є дві принципові лінії — політична і чекістська.

Якщо буде визнано за необхідне використовувати його за політичною лінією, то буде раціональним посадити його на президентське крісло, даючи йому тим самим можливість перетворити академію в апарат, що проводить певні завдання під керівництвом партійних органів.

Якщо ГПУ УСРР визнає за можливе використання Грушевського за чекістською лінією, шляхом створення навколо нього сітки наших людей, які, прикриваючись його ім'ям, будуть проводити наші завдання, то в такому разі залучення Грушевського до керівництва академією було б небажаним, оскільки це створило б між ним і частиною українських кіл незлагоду і ворожнечу»[54].

На цьому документі знаходимо таку резолюцію: «Тов. Добродицькому. Дозволити скористатись незгодами, що виникають в українців, для загострення їх, зокрема Грушевського з Єфремовим. Решта — «філософія». В.Іванов»[55].

26 березня 1924 року до Київського губернського відділу ГПУ надходить відповідь на цитований лист з ГПУ УСРР. Тут, зокрема, читаємо: «На ваш запит про Грушевського повідомляємо свої міркування. Ніякої політичної користі для нас Грушевський на президентському кріслі Академії наук не являє. Першорядну важливість і значення для нас має посилення незгод у верхах української шовіністичної громадськості, зокрема з найсильнішою нині групою професора Єфремова та всередині її»[56].

Ця стратегія ГПУ безвідмовно діяла до моменту остаточного реформування ВУАН у 1928 році та фабрикації справи «Спілки визволення України» («СВУ»), за якою був заарештований академік С.Єфремов. У листопаді 1929 року він скаже своєму співкамернику: «Я Грушевському казав, коли заварилася ця каша, що постраждаю не тільки я, але й Академія, і сам він, оскільки врешті-решт візьмуться і за нього. Він сам вже був вражений та безпорадно виправдовувався, що не чекав, що це може трапитись»[57].

Цікаво, що коли наприкінці 1927 — у 1928 році Грушевський висловив прагнення до примирення з групою Єфремова-Кримського, це викликало занепокоєння партійних органів і ГПУ. Було вжито відповідних заходів до роздмухування конфлікту. І цей розкол приніс владі бажані результати у її зусиллях, спрямованих на «приручення» й комунізацію ВУАН.

Важливо показати, як саме фабрикувались обвинувачення проти Грушевського. Абсолютно точно писав свого часу професор О.Оглоблин про те, що Грушевський повернувся в Україну не для тихої кабінетної праці, а для «продовження боротьби за національну самостійність і соборність України, — тою зброєю, яка в його руках була найсильнішою — зброєю науки»[58].

І справді, Грушевський досить ефективно використовував цю «зброю науки». На свій лад це зафіксували в документах функціонери ГПУ-НКВД. Вивчення цих документів дозволяє уточнити багато моментів біографії самого Грушевського. З-поміж них особливо цінні ті, що стосуються 1934 року, останнього року життя Грушевського, його перебування в Москві, де за ним продовжувало пильнувати НКВД, підозрюючи його у зв'язках із засланими українськими діячами, а також у спробі організувати власну втечу за кордон. До речі, у співпраці з

«націоналістом» обвинувачували і комуністів. Характерні свідчення у зв'язку з цим залишив вже згаданий П.Солодуб: «За визначенням слідства, мене було втягнуто у організацію, до якої входили усі контрреволюційні націоналістичні угруповання, від Єфремова–Грушевського до комуністів включно.

Я вже казав, що до вступу у партію я нічого спільного не мав з українським націоналізмом і вів з ним боротьбу у всіх різновидах...» [59].

П.Солодуб пише, що С.Єфремова він бачив лише один раз, а М.Грушевського тричі. Щодо останнього в цій заяві є надзвичайно цінні штрихи: «Грушевського бачив тричі у житті: перший раз у Наркомпросі, він зайшов до мене з низкою прохань. При цій розмові я запропонував йому написати статтю про те, що Україна зобов'язана своїм існуванням комуністичній партії... Грушевський відмовився, заявивши: «Я не юний піонер і не завжди готовий...» [60].

Приклад з академіком М.Грушевським — лише один з багатьох прикладів тієї доби. В аналогічний спосіб ГПУ відстежувало й поступово формувало думку про «контрреволюційність» багатьох інших діячів.

Загострення соціально-економічної ситуації наприкінці 20-х років стимулювало невдоволення й спротив у найширших верствах населення, насамперед серед селянства. Характерно, що вони викликали появу опозиції й серед самої партійної інтелігенції, навіть серед комуністичних керівників. У сталінському оточенні складалася думка про те, що ці внутрішні труднощі, поєднані з низкою криз у міжнародних відносинах, послаблюють позиції СРСР, сприяють активізації «шкідницьких», «контрреволюційних», а особливо націоналістичних сил. На це треба було реагувати, тим більше, що чекісти безперервно постачали відповідну «інформацію до роздумів». Не випадково, саме наприкінці 20-х років постійно виникають «справи», в центрі яких опиняються представники інтелігенції, які працювали в промисловості, сільському господарстві. Саме на них режим списує всі недоліки й наслідки власної авантюристичної політики. Тут, скажімо, достатньо згадати відому «Шахтинську справу» 1928 року, на процесі якої таврували «старих спеців».

Та, зрозуміло, не забули й про «буржуазних націоналістів», багато з яких вже давно були об'єктами оперативної уваги. «Розрахуватися» з ними вирішили без зайвої дріб'язковості, по великому рахунку: розпочалася підготовка грандіозного політичного спектаклю — процесу в справі «Спілки визволення України» («СВУ»), що мав стати свого роду гаслом для наступу проти національного відродження України, уособленням якого була інтелігенція та діячі Української Автокефальної Православної Церкви (УАПЦ). Не даремно слідчий С.Брук, як згадував один з підсудних, на допитах повторював: «Нам треба українську інтелігенцію поставити на коліна, це наше завдання — і воно буде виконане; кого не поставимо — перестріляємо!» [61].

Тим самим процес «СВУ» перетворювався в трагічну інтродукцію не тільки фізичного, а й морального винищення української інтелігенції. І знову (як і у випадку з українськими есерами у 1921 році) це мав бути не просто суд, а суд над цілим періодом національно-визвольної боротьби українського народу. Окремі підсудні, яких добирало ГПУ, мали символізувати цей період, його філософію, світоглядні засади.

Основними діючими особами на процесі, що проходив у Харківському оперному театрі з 9 березня по 19 квітня 1930 року, були 45 осіб: 2 академіки ВУАН, 15 професорів вузів, 2 студенти, 1 директор середньої школи, 10 учителів, 1 теолог і 1 священик УАПЦ, 3 письменники, 5 редакторів, 2 кооператори, 2 правники, 1 бібліотекар. 15 підсудних працювали в системі ВУАН, 31 — колись входили до різних українських політичних партій, 1 був прем'єром, 2 — міністрами Уряду УНР, 6 — членами Центральної Ради.

Ключове питання, яке завжди виникає, коли йдеться про справу «СВУ»: що в обвинуваченні відповідає дійсності, а що існувало лише у головах чекістів, які, використовуючи індивідуальні методи шантажу, примушували свої жертви давати свідчення?

З одного боку, існує чимало свідчень того, що проти більшовицького режиму велася безкомпромісна боротьба. Ось про що, наприклад, свідчив священик УАПЦ Володимир Хуторянський: «Не дивлячись на арешти серед українців.., там, на Україні залишилося ще

багато народу, який працює. Там є ще багато наших братів-українців, які за всяких сприятливих умов здійснюють свою роботу. Ми через Українську автокефальну церкву здійснювали консолідацію своїх сил і я особисто працював у колишньому Брацлавському повіті, а потім мене перекинули на польський кордон...» [62].

З іншого боку, збереглося чимало свідчень того, що у такому вигляді, як це подавалося у 1929–1930 роках, «СВУ» не існувало. Ось, наприклад, уривок із заяви, написаної у березні 1957 року Всеволодом Ганцовим на ім'я тодішнього Голови Президії Верховної Ради СРСР К.Ворошилова: «Всього в ув'язненні та на засланні на Крайній Півночі я провів понад 22 роки. Це тяжке покарання було мені за мої «злочини» і за приналежність до організації «СВУ». Як я вже згадав вище, до організації «СВУ» я не належав і про існування такої організації не знав. Але у своїх свідченнях під час слідства я виходив із передбачення, що організація «СВУ» існувала і тільки я про це не знав. Лише після суду з розмов з іншими моїми співпроцесниками я дізнався, що організації «СВУ» взагалі ніколи не існувало, що вона була фіктивною. Всі без винятку засуджені по процесу особи, в тому числі й ті, яким приписувалась роль лідерів, як наприклад, Єфремов, Ніковський, говорили, що організації «СВУ» не було, що вони підтвердили зведений на них наклеп лише тому, що примушені були до цього вигаданими свідченнями інших ув'язнених, що вони їх дали під тиском слідчих органів» [63].

Підтверджується це й багатьма секретними службовими документами ГПУ, що збереглися. Ще 1928 року ГПУ завербувало кількох молодих людей, яким було запропоновано входити в контакт з «націоналістично настроєними» особами, подаючи відповідну інформацію. Саме ці молоді люди були серед тих, кого заарештувало ГПУ в період з 18 травня по 18 червня 1929 року у Києві. Свідчення саме цих осіб використали для того, щоб примусити студентів М.Павлушкова і Б.Матушевського свідчити проти віце-президента ВУАН, визначного літературознавця, академіка С.Єфремова, заарештованого у липні 1929 року, та інших майбутніх учасників процесу.

У грудні 1929 року підготовка процесу «СВУ» вступає у вирішальну фазу. Тоді в надрах ГПУ готується низка документів, що надходять до ЦК КП(б)У, ЦК ВКП(б) та ОГПУ СРСР. З ними знайомиться особисто Сталін. 2 січня 1930 року він надсилає до Харкова С.Косіору і В.Чубарю таку шифровку: «Когда предполагается суд над Ефремовым и другими? Мы здесь думаем, что на суде надо развернуть не только повстанческие и террористические дела обвиняемых, но и медицинские фокусы, имевшие целью убийство ответственных работников... Наша просьба согласовать с Москвой план ведения дела на суде» [64].

І справді, всі деталі процесу «СВУ» узгоджувалися з московським керівництвом, хоча ГПУ УСРР пропонувало й свою «драматургію» процесу. Її містили, зокрема, вже згадані секретні документи, підписані переважно начальником Секретного відділу ГПУ УСРР Валерієм Горожаниним (свого часу він мав безпосереднє відношення до фабрикації справи «Київського обласного центру дії», з 1930 року працював у Москві в ОГПУ-НКВД, знищений в листопаді 1937 року) і начальником другого відділення Секретного відділу Борисом Козельським (причетний до фабрикації багатьох справ, застрелився в Києві у службовому кабінеті в січні 1936 року). Саме їх можна вважати основними «диригентами» процесу «СВУ».

«Докладная записка о результатах работы по вскрытию украинского контрреволюционного подполья по Украине в связи с делом «СВУ», «Меморандум по делу Одесской филии «Спілки визволення України»», «Докладная записка о деятельности медицинской линии «СВУ», «Ориентировочный список арестованных по Киеву, которые подлежат представлению на процесс» та інші документи, що раніше не аналізувалися дослідниками, переконливо засвідчують сфабрикований характер справи «СВУ», розкривають «кухню» роботи ГПУ проти української інтелігенції, підтверджують, що ця справа формувалась як рішучий крок на шляху дискредитації політики «українізації», котру чекісти ніколи не сприймали як принципову і довготривалу лінію [65].

Розробляючи справу «СВУ», ГПУ підводило базу для наступних тотальних погромницьких акцій, що будуть масово започатковані у 1932–1933 роках. Саме тоді Сталін вирішив остаточно покінчити з «українізацією». Це не було випадковістю, оскільки усунення О.Шумського з посади наркома освіти (який de-facto відав сферою культури, науки, націо-

нальних відносин) не принесло бажаних результатів. М.Скрипник жорстко критикував свого попередника, а при цьому виступав ревним захисником української культури, утопічно вірячи у можливість синтезу просякнутих інтернаціоналізмом комуністичних ідей з національним відродженням.

Однак інакше думали в Москві. 14 грудня 1932 року Сталін та Молотов підписали постанову ЦК ВКП(б) та Раднаркому СРСР у зв'язку із проведенням хлібозаготівельної кампанії. Поза тим, цей документ вимагав «правильного проведення українізації» в Україні й поза її межами, в регіонах, де компактно мешкали українці. Документ також містив категоричну вимогу боротися з петлюрівськими та іншими «контрреволюційними» елементами. По суті, це означало смерть «українізації». 15 грудня 1932 року Сталін і Молотов підписали телеграму-директиву аналогічного змісту для місцевих керівників.

24 січня 1933 року з'явилась постанова ЦК ВКП(б), якою передбачалися кадрові зміни в більшовицькому керівництві України і за якою на посаду другого секретаря ЦК КП(б)У призначили Павла Постишева. Сталінське керівництво доручило йому шукати вихід із ситуації, що склалася у зв'язку із голодом, а також довершити остаточний погром українського відродження. Символами цього погрому стали самогубства М.Скрипника та письменника Миколи Хвильового у травні 1933 року.

Останній з 1930 року перебував на формулярному обліку ГПУ УСРР, хоча його постать ще значно раніше привертала увагу спецслужби. Навколо Хвильового завжди гуртувалося багато цікавих, талановитих людей, які сприймуть його самогубство як трагічний сигнал. Збереглася записка начальника Секретно-політичного відділу ГПУ УСРР М.Александровського з приводу цього самогубства, в якій, зокрема, наведено слова Майка Йогансена, підслухані інформатором: «Смішна аналогія йде мені у голову: є трафаретик — «9 січня цар розстріляв самодержав'я». У травні Хвильовий теж розстріляв, але не себе, а дещо більш важливе і значне...» [66].

Не за власним бажанням соловчанами стануть невдовзі багато з тих, з ким Хвильовий свого часу спілкувався, скажімо, засновники Вільної Академії Пролетарської Літератури (ВАПЛІТЕ) Михайло Яловий, Олекса Слісаренко, Григорій Епік, а також Микола Куліш та багато інших.

Об'єднаний листопадовий (1933 р.) пленум ЦК і ЦКК КП(б)У прийняв за доповіддю Постишева резолюцію, в якій було записано, що «в даний момент головною небезпекою є місцевий націоналізм, що поєднується з імперіалістичними інтервентами» [67]. Цей «даний момент» розтягнувся на кілька років і мав наслідком послідовне винищення інтелектуальних сил в Україні, погром у системі науки й освіти. При чому цього разу репресивна хвиля зачепила і комуністичну інтелігенцію, тих, хто ще вчора трощив «націоналістів», а сьогодні сам був оголошений ворогом системи, якій віддано слугував.

У цей період найбільш ефективно спрацював «вибуховий» матеріал, роками накопичуваний не лише проти тих, кого вважали потенційним або реальним ворогом, а й проти вчорашніх адептів системи. Цьому значною мірою сприяли події після вбивства 1 грудня 1934 року у Ленінграді С.Кірова, після чого Сталін особисто підготував «хартію» терору — постанову Центрального Виконавчого Комітету СРСР «Про порядок ведення справ про підготовку або здійснення терористичних актів». Згідно з цією постановою строк розслідування зменшувався до 10 днів, розгляд справ у суді провадився без участі адвоката й прокурора, оскарження вироку та клопотання про помилування не дозволялися, а вирок виконувався негайно після винесення.

Режим скористався загибеллю Кірова. Повною мірою це відчулося в Україні. Ось що згадував у зв'язку з цим відомий літературознавець Григорій Костюк: «Вже 4 грудня «Правда» повідомила про викриття двох великих груп «терористів-білогвардійців». Пішли чутки про арешти в Києві і Харкові. З уст до уст передають імена: П.Петренко, Г.Майфет, Г.Піддубний, В.Поліщук, В.Підмогильний, О.Влизько, Д.Фальківський. І раптом — арешти найближчих мені людей: Епіка, Мисика, Куліша. Це вже було понад усякі сили вдавати спокійного. Дихати стало важко» [68].

У цей час тривала партійна «чистка», ось чому за такими справами, як «Український національний центр» (1932), «Українська військова організація» (1933), «Об'єднання україн-

ських націоналістів» (1934), «Контрреволюційна боротьбистська організація» (1935, 1937), «Українська контрреволюційна націоналістична організація» (1936) та ін. проходили вже не тільки представники української інтелігенції, а й діячі з партійного й державного керівництва. Разом з іншими вони почали інтенсивно «українізувати» Соловки, Сибір, Середню Азію.

У різноманітний спосіб формувалися справи, за якими людей позбавляли волі. Архіви зберегли чимало свідчень про «механіку» роботи ГПУ-НКВД. Одне з них, наприклад, стосується справи, за якою було засуджено Миколу Зерова, Павла Филиповича, Ананія Лебедя, Бориса Пилипенка, Марка Вороного у лютому 1936 року. Разом з ними засудили педагога Леоніда Митькевича. Йому пощастило вижити й ось що він писав до Верховного Суду УРСР 19 липня 1956 року: «Від мене вимагали, щоб я оббрехав себе та інших, нібито я належав до «терористичної організації», на чолі якої стояв Максим Рильський... Я твердо вирішив померти, але не підписувати жахливої брехні на себе та інших... Я на суді винним себе не визнав, як не визнав і Лебідь А.Д. Решта визнавали себе винними, але коли ставилося питання конкретно, то нічого конкретного сказано не було... Цікавий сам факт встановлення «терористичної організації». На суді було оголошено, що на квартирі Максима Рильського у присутності Зерова, Филиповича і якогось молодого поета було прочитано вірш, здається, Франка, «Так посідаймо на голих лавах, та подумаймо по вбитих братах...», а оскільки це було після розстрілу 16 письменників, які визнали себе терористами, то значить і люди, які знаходились у кабінеті Максима Рильського, також терористи... Після суду мене викликав начальник особливого відділу... і почав: «Ми, зрозуміло, не віримо жодному слову Пилипенка, але вас необхідно ізолювати...».

Мені зараз зрозумілий процес суду. Це була ставка на знищення української інтелігенції...»[69].

Саме таку мету переслідувала й тотальна «чистка» системи освіти в Україні, започаткована у 1933 році. За змістом і масштабами це була безпрецедентна каральна операція, за допомогою якої режим домігся головного — примусив виховувати покоління, що покірно повторювало партійні догми, яким, хоча й не вірили, але не могли про це відверто говорити.

Зрозуміло, «чистки» не обмежувалися сферою освіти. З приходом у 1936 році до керівництва НКВД СРСР колишнього партійного працівника Миколи Єжова стало зрозуміло, що не омине вона й тих, хто, здавалося, вже «одержав своє» — багаточисельну армію радянських зеків, а серед них і соловецьких в'язнів з України.

26 вересня 1936 року Політбюро ЦК ВКП(б) ухвалило рішення про звільнення Генріха Ягоди від обов'язків наркома внутрішніх справ СРСР і призначило на цю посаду Миколу Єжова, який залишався за сумісництвом секретарем ЦК ВКП(б) і Головою Комісії партійного контролю, з тим, щоб він «дев'ять десятих свого часу віддавав НКВД»[70].

Фактично, Єжов прийшов в НКВД з готовим планом репресивних дій, в першу чергу, проти тих діячів, які могли скласти опозицію особисто Сталіну. Варто, наприклад, згадати хоча б те, як за часів «єжовщини» партійно-чекістському «тандему» вдалося поєднати тих, кого було оголошено правими ухильниками, з «троцькістсько-зінов'євським блоком». Концепцію такого поєднання Микола Єжов виклав у своїй ненадрукованій праці «Від фракційності до відкритої контрреволюції», над якою він почав працювати у 1935 році, невдовзі після вбивства С.Кірова. Вже тоді він сформулював апріорні обвинувачення у терористичних прагненнях колишніх учасників опозиції. Сталін власноруч (на прохання Єжова) відредагував рукопис і висловив рекомендації, які були враховані автором рукопису. Зрозуміло, що Єжов задумав працю, яка могла б стати програмою ліквідації всіх колишніх опозиціонерів та інакодумців у країні[71].

Не випадково, що вже 12 жовтня 1936 року Л.Каганович у листі до Г.Орджонікідзе зазначав: «У т. Єжова справи виходять добре! Він міцно, по-сталінськи, взявся за справу. З бандитами, контрреволюціонерами, троцькістами розправимося по-більшовицьки. Такого підлого, дворушницького, провокаторського обману історія ще не знала і тому революційна розправа повинна бути відповідною»[72].

Свій рішучий настрій Єжов яскраво продемонстрував у виступах на лютнево-березневому (1937 р.) пленумі ЦК ВКП(б). Ось що він, зокрема, підкреслював: «...Я повинен ска-

зати, що я не знаю жодного факту — я вже чотири з половиною місяці працюю в Наркомвнусправ — я ще не знаю жодного факту, коли б за своєю ініціативою подзвонили і сказали: «Тов. Єжов, щось підозріла ця людина, щось неблагополучне в ньому, займіться цією людиною», — факту такого не знаю... Частіше за все, коли ставиш питання про арешти, люди, навпаки, захищають цих людей... Я за звичай відповідаю: дякуй, сволото, що ми берем цю людину, дякуй, що шкідника берем» [73].

Єжов жорстко критикував «відомчий» підхід у діяльності багатьох господарських, громадських і державних керівників, що, на його думку, заважало виявленню «шкідників» і «шпигунів». Стало зрозуміло, що кривава хвиля «чисток» і викриття не обмине нікого. Більше того, новий нарком висловив незадоволення «відомчими міркуваннями» керівників самого НКВД (в першу чергу колишнього наркома Г.Ягоди), які, мовляв, уникали партійного контролю, що було наслідком «відсутності політичного чуття і більшовицької партійності» [74].

Ще одна цікава деталь. Єжов на пленумі визнав, що чекісти займались фальсифікацією, фабрикацією справ: «Я повинен прямо сказати, що існувала така практика: перш, ніж протокол давати на підпис обвинуваченому, його спочатку продивлявся слідчий, потім передавав начальству вище, а важливі протоколи доходили навіть до наркома. Нарком вносив вказівки, казав, що потрібно записувати так, а не так, а потім протокол давали підписувати обвинуваченому» [75]. Зрозуміло, Єжов засуджував цю практику, хоча, як засвідчують факти, вона була успішно продовжена за часів «єжовщини».

У резолюції, що її ухвалив пленум по доповіді М.Єжова, було поставлено завдання «чистити» і систематично зміцнювати органи НКВД «найкращими перевіреними кадрами партійних працівників» [76]. Мине час і 3 лютого 1940 року сам Єжов перед тим, як його розстріляють, у своєму останньому слові на закритому судовому засіданні Військової Колегії Верховного суду СРСР скаже: «Я почистив 14 000 чекістів. Але величезна моя провина в тому, що я мало їх почистив» [77].

У згаданій резолюції лютнево-березневого пленуму ЦК ВКП(б) містились і принципово важливі для подальшої долі багатьох політичних в'язнів Радянського Союзу положення. Зокрема, зазначалось: «Ще більш нестерпним є встановлений Наркомвнусправом СРСР тюремний режим стосовно засуджених, найбільш злісних ворогів Радянської влади — троцькістів, зинов'євців, правих есерів та інших.

Всі ці вороги народу, як правило, направлялись у так звані політізолятори, що були підпорядковані Наркомвнусправу СРСР. Політізолятори знаходились в особливо сприятливих умовах і більше скидалися на примусові будинки відпочинку, ніж на тюрми» [78].

Тут варто нагади, що в СРСР для ув'язнених фактично до 1930 року існував політичний режим, тобто режим, яким користувалися політв'язні. 1930 року він був ліквідований (Соловки були винятком, тут політрежим ще зберігався). Всі, хто вижив після цього, вважались ув'язненими за «контрреволюційні» злочини. Тепер Єжову здалося цього замало. Він вирішив зробити новий крок до ужорсточення, що для багатьох в'язнів означатиме, власне, крок до смерті. Саме з 1937 року в СРСР повернулися до старої назви «тюрма» замість назви «ізолятор» (ізолятори особливого призначення, які існували з 1930 до 1937 року, було перейменовано на тюрми особливого призначення).

26 квітня 1937 року було видано наказ № 041 «Про пересилку грошово-матеріальних цінностей ув'язнених і підслідних тюрем ГУГБ». Тепер всі речі, що належали цій категорії засуджених, пересилались разом з ними через конвой, а грошові суми і цінності пересилались через фельдзв'язок НКВД цінними пакетами безкоштовно [79]. 11 серпня 1937 року з'явився підписаний заступником Єжова М.Фриновським наказ № 047 у зв'язку із порушеннями таборами та місцями ув'язнення паспортного режиму. У цьому наказі згадувались інші документи, зокрема обіжник ОГПУ № 124 від 19 грудня 1933 року, наказ НКВД № 143 від 29 травня 1935 року, наказ НКВД № 00234 від 20 червня 1935 року. Цими документами, а також постановою Раднаркому СРСР, як виняток, дозволялось проживання у «режимних районах і містах» лише тим колишнім в'язням, які були ударниками і «на ділі довели свою відмову від злочинного минулого» [80]. У наказі було наведено приклади порушень встановлених правил і вимагалось забезпечити у подальшому такий порядок, за яко-

го «жоден колишній ув'язнений після звільнення не був би направлений в режимне місто-район, у якому йому за характером злочину проживати заборонено» [81].

Ініційовані новим керівником НКВД репресивні хвилі наростали. 3 квітня 1937 року було розширено повноваження Особливої наради при наркомі внутрішніх справ СРСР: їй було надано право засуджувати на термін до 8 років виправно-трудових робіт [82]. При цьому найвищим політичним керівництвом у взаємодії з НКВД було ініційовано різні масові операції.

Наведемо лише деякі приклади. Так, 31 липня 1937 року Політбюро ЦК ВКП(б) затвердило проект оперативного наказу № 00447 НКВД СССР «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов». По всій країні передбачалося заарештувати 259 450 осіб, з них 72 950 розстріляти. Для України ці цифри складали відповідно 28 100 і 6800 осіб. Наказ надавав право місцевим керівникам просити у керівництва НКВД додаткові «ліміти» на кількість осіб, що піддавалися репресіям.

4 серпня 1937 року Сталін підписав директиву ЦК ВКП(б) про проведення у двохтрьох районах відкритих процесів над шкідниками у сільському господарстві. Ця директива стимулювала пошук «ворогів народу» на селі. 11 серпня 1937 року М.Єжов видав наказ № 00485 «Про фашистсько-повстанську, шпигунську, диверсійну, поразницьку і терористичну діяльність польської розвідки в СРСР». 15 серпня 1937 року М.Єжов видав наказ № 00486 про початок репресій щодо «зрадників батьківщини, членів правотроцькістських шпигунсько-диверсійних організацій, засуджених військовою колегією і військовим трибуналом по першій та другій категоріях, починаючи з 1 серпня 1936 року» [83].

За деякими даними, з весни 1937 року, внаслідок різних операцій НКВД, в таборах опинились 700–800 тисяч осіб. Склалася ситуація, коли величезну кількість ув'язнених треба було терміново задіяти, не дати їм «простоювати». По-перше, чимало таборів розширювалися, виникали табори-монстри. По-друге, вирішили збільшити лісозаготівлі. Чому саме лісозаготівлі? Тому, що вони не потребували високої кваліфікації в'язнів і водночас охоплювали доволі значну їх кількість.

Для України 1937 рік також приніс значне збільшення заарештованих, а відтак і ув'язнених. Відкривались нові тюрми, зокрема ті, що були на консервації. Наприклад, 7 січня 1937 року заступник наркома внутрішніх справ УРСР К.Карлсон наказав (наказ № 002) відкрити тюрму міста Лебедин, що перебувала на консервації, і встановив для неї ліміт ув'язнених у 250 осіб [84]. І це — лише один з прикладів.

У липні 1937 року наказом за підписом заступника наркома внутрішніх справ УРСР В.Іванова були оголошені штати тюрем ГУГБ для утримання підслідних при НКВД УРСР і УНКВД Київської, Харківської, Дніпропетровської, Одеської, Вінницької, Донецької, Чернігівської областей і НКВД Молдавської АСРР [85].

Ескалація «ворогоманії» та «шпигуноманії» особливо відчутною стала після того, як на посаді наркома внутрішніх справ УРСР Всеволода Балицького змінив Ізраїль Леплевський. Він почав свою діяльність у відповідності із наказом М.Єжова від 14 червня 1937 року за № 968 [86] і був ревним реалізатором єжовської репресивної політики, слухняно проводячи вже згадані інспіровані центральним керівництвом НКВД акції — операцію по «куркулях» та «кримінальних злочинцях», розпочату 1 серпня 1937 року, по поляках, ініційовану НКВД СРСР 11 серпня 1937 року, по німцях, по румунській і харбінській лініях, по латишах, проведену в листопаді-грудні 1937 року. Завжди він просив центр збільшити «ліміти», тобто кількість визначених кандидатів у «вороги народу», виявляв неабияку ініціативу: «розгром» есерівського підпілля, колишніх боротьбистів, «церковно-сектантських кадрів», «антирадянського сіоністського активу» тощо [87].

Одним з найбільших його «досягнень» була справа «Буржуазно-націоналістичної антирадянської справи колишніх боротьбистів» (серпень 1937 р.), за якою було репресовано велику групу партійно-державних керівників УРСР, а Голова Раднаркому Панас Любченко прямо під час роботи Пленуму ЦК КП(б)У покінчив життя самогубством.

Не дивлячись на всі ці «успіхи», кар'єра Леплевського закінчилася типово для доби «великого терору»: на початку 1938 року його усунули з посади наркома, а 28 липня того самого року розстріляли.

З січня 1938 року, коли обов'язки першого секретаря ЦК КП(б)У почав виконувати Микита Хрущов, НКВД УРСР очолив Олександр Успенський. 14 листопада 1938 року він інсценував самогубство, залишивши у службовому кабінеті записку: «Труп шукайте у Дніпрі» і зник з Києва. Переховувався в Архангельську, Калузі, Муромі, а в квітні 1939-го був розшуканий, заарештований у місті Міасс Челябінської області, а 27 січня 1940 р. розстріляний [88].

Після О.Успенського обов'язки наркома внутрішніх справ України з 7 грудня 1938 р. до 2 вересня 1939 р. виконував Амаяк Кобулов, а потім на цю посаду було призначено Івана Сєрова [89]. Саме названі особи, а також, зрозуміло, представники партійно-державного керівництва, серед яких, в першу чергу, слід назвати Станіслава Косіора, Павла Постишева, Миколу Попова, Андрія Хвилю, Володимира Затонського, Микиту Хрущова та ін., реалізовували настанови керівництва ВКП(б) і НКВД СРСР.

На думку Ю.Самборського, який свого часу був працівником Постійного представництва України у Москві, вперше партійно-державне керівництво України було обвинувачене у «прагненні використати національну політику союзного уряду і партії у напрямку відмежування українських пролетарських мас від впливу російської культури і тим самим досягнення найшвидшої і повної українізації» ще у середині 20-х років. Однак тоді все обійшлося м'якими покараннями. Іншою була ситуація кінця 1932 — початку 1933 року. Ю.Самборський згадував, що у січні 1933 року йому довелось бути присутнім «у ЦКК на секретній доповіді представника ОГПУ. Предметом доповіді було секретне повідомлення про розкриття на Україні контрреволюційної організації і після цього про арешт близько 2 тисяч осіб, в тому числі близько 1 000 куркулів, які повернулися з місця заслання».

Виходячи з цієї наради, Самборський висловив здивування, що «арешт охопив таку велику кількість осіб, а йому про це нічого не відомо, а відтак невідомо також і Скрипникові, з яким він, як представник України у Москві, за культурно-просвітницькою лінією тісно зв'язаний і який, безсумнівно, повідомив би йому про такий визначний факт». Зустрівши у той самий день або наступного дня Полоза, Самборський поділився з ним своїми враженнями від доповіді і вони вирішили поговорити про те, що сталося, із Скрипником, але здійснити це вони не встигли, оскільки Ю.Самборського тієї ж ночі заарештували [90].

Репресивні акції після вбивства Кірова також торкнулися не тільки українських інтелектуалів, а й представників управлінського партійно-державного апарату. Значною мірою цьому сприяли «закриті листи» ЦК ВКП(б) до партійних організацій від 18 січня 1935 року та від 29 липня 1936 року, які, зокрема, орієнтували на пошуки «троцькістської контрреволюції» [91].

Характерним для України було те, що цю «контрреволюцію» знов зв'язали з «націоналістами». На січневому (1936 р.) пленумі ЦК КП(б)У П.Постишев підкреслював: «Троцькісти у своїй контрреволюційній боротьбі проти партії і Радянської влади мають тут на Україні свою специфіку. У чому полягає ця специфіка? Ця особливість діяльності троцькістів на Україні полягає в тому, що троцькісти вели й ведуть тут свою контрреволюційну роботу в блоці з різними націоналістичними та іншими контрреволюційними організаціями» [92].

Одним з тодішніх одіозних прикладів фабрикації такого роду «троцькістсько-націоналістичних» справ може бути довготривала справа «Контрреволюційної троцькістської організації на Україні», лідером якої було оголошено колишнього учасника троцькістської опозиції, колишнього Голову Держплану УРСР Юрія Коцюбинського [93].

Статистика свідчить, що у другому півріччі 1935 року, порівняно з першим півріччям цього ж року, кількість справ, що їх розглядали спецколегії обласних судів, збільшилась на 95,9%. Переважна більшість засуджених проходила за обвинуваченнями у «контрреволюційній» та «троцькістській» агітації [94]. За офіційними відомостями, у **1935** році в Україні було заарештовано 24934 осіб, у **1936** — 15717, у **1937** — 159573, у **1938** — 108006, у **1939** — 12000, у **1940** — близько 50 тисяч [95]. Зрозуміло, для того, щоб уявити загальну картину репресій, до цих цифр слід додати кількість ув'язнених у внутрішніх тюрмах НКВД (а вони були перевантажені), проаналізувати смертність у таборах (за деякими даними, у 1936 році вона становила 2%, у 1937–1938 роках — 6–7%), додати кількість репресованих

селян (тільки під час колективізації з України було виселено 1,2 мільйона осіб), а також депортованих.

Цікаво, що одним з перших наказів І.Леплевського після його появи в Україні був наказ «Про упорядкування режиму в тюрмах» (№ 00168 від 25 серпня 1937 р.). У ньому, зокрема, зазначалось, що «порядок утримання ув'язнених у ряді тюрем не відповідає вимогам, що ставляться до тюрем НКВД.» У наказі підкреслювалось, що таке становище «особливо неприпустиме нині, коли у тюрмах утримується значна кількість особливо небезпечних злочинців» [96]. Зрозуміло, було вжито відповідних заходів, що посилювали тюремний режим.

Чимало аспектів «єжовщини» ще потребують уважного і неупередженого дослідження. Наприклад, антисемітизм. За даними, які наводив у лютому 1998 року у виступі на Міжнародному симпозіумі «Сталінський терор, масові репресії, ГУЛАГ» (Гамбург, Німеччина) Голова Ради і керівник наукових програм Московського науково-інформаційного і просвітницького центру «Меморіал» Арсеній Рогинський, у 1935 році у НКВД працювало 40% євреїв, а у 1940 році їх залишилось 4%.

Наприкінці 1938 року терор в Україні почав вщухати, що не означало його повного припинення. Однак це — тема іншої, окремої розвідки.

Повертаючись до «єжовщини», ще раз підкреслимо, що її наслідком стало збільшення заарештованих, а відтак і ув'язнених. На осінь 1937 року у багатьох соловчан терміни ув'язнення закінчувались. Треба було вирішувати, що з ними робити, оскільки вихід на волю цих людей, засуджених у більшості за політичними статтями, був небажаний для режиму.

Соловецькі в'язні доволі швидко зрозуміли, що реально означають для них і поява у НКВД СРСР М.Єжова, і рішення лютнево-березневого (1937 р.) пленуму ЦК ВКП(б). Втім, деякі документи свідчать, що передчуття майбутньої трагедії виникло у багатьох ще раніше — відразу після вбивства Сергія Кірова.

Наприклад, вже 5 грудня 1934 року в одному з агентурних донесень читаємо про розмову ув'язнених С.Грушевського, П.Приступи, Ф.Корольова, що відбулась наступного дня після вбивства вождя ленінградських більшовиків. Вони почали обговорювати цей факт і констатували, що «зараз чекати покращення нашого становища нема чого, оскільки тепер буде вжито репресивних заходів як на волі, так і в таборі». «Якщо вбивство здійснено кимось з видних членів партії, — каже Грушевський, — через особисті питання, то ця справа не може набути великого політичного значення у бік репресій. А от, якщо вбивство здійснив політичний ворог, то буде погіршення для нас і більша ізоляція на волі. Так що слід чекати нового поповнення на Соловки. Грушевський поставив запитання Приступі, чи не думає він, чи не могло тут відбутися такого самого вбивства, як вбивство Столипіна, з метою підняти нову хвилю терору, на що останній відповів, що він такої самої думки» [97]. На думку ще одного в'язня, харківського письменника Миколи Стрельцова, вбивця С.Кірова «стояв однією ногою в НКВД» [98].

Збереглося чимало документів про те, як в'язні-українці реагували на посилення режиму щодо них, зокрема на відправку з інших таборів СРСР до Соловецького відділення ББК НКВД. Ось один з таких документів — агентурна записка Секретно-політичного відділу 3-ї частини 8-го Соловецького відділення ББК від 1 квітня 1936 року: «Арешт і відправка з Караганди подіяли приголомшуюче. Всі були обурені раптовим вилученням з роботи і терміновою відправкою під конвоєм у доволі важких умовах перевозки.

Чутно було багато нарікань на адміністрацію Карлагу, на ГУЛАГ в цілому...

У той же час давали поради.., мовчати, потрібно бути обережним, бо всі розмови будуть у кінцевому рахунку відомі органам НКВД.

Тоді почали співати... Організатором співу був Гоца. Першим помічником його — Миколаєнко.

Співали все народні пісні, всі галицькі пісні, релігійні, австрійські, польські, німецькі, чеські, угорські... Всі, крім російських. І крім революційних. Вийшло це випадково чи не випадково, але це факт» [99].

З особливою увагою соловецькі в'язні слідкували за подіями в Україні. Наприклад, у грудні 1935 року Ю.Самборський зауважив, що «останнім часом почали звозити у Солов-

ки українців з усіх таборів, це засвідчує, що з українцями ще не закінчили»[100]. У березні 1936 року М.Ірчан-Бабюк говорив: «Переслідування всього українського здійснюється з математичною планомірністю і допоки живий Сталін, Україна не перестане бути об'єктом чистки, що не припиняється»[101].

До речі, жорстким було ставлення не тільки до українських, а й до інших «націоналістів». У цьому зв'язку не можна не згадати цілком слушне зауваження Жака Россі, автора унікального «Довідника по ГУЛАГу», про те, що після жовтня 1917 року було багато засуджених за «буржуазний націоналізм». Спочатку серед них траплялись і росіяни, але на початок 20-х років вони зникають: «Авторові, який з 1937 до 1958 р. побував у десятках пенітенціарних закладів, **не довелось зустріти жодного росіянина з цим обвинуваченням** (підкреслення наше. — *Авт.*). Водночас, чисельність всіх неросійських «буржуазних націоналістів» систематично зростає»[102].

Однак повернімося до подій 1936 року, до розмов і оцінок соловецьких в'язнів. Вже згаданий М.Ірчан-Бабюк у грудні 1936 року, коментуючи виступ Сталіна на з'їзді Рад, сказав: «...У мене розвіялись всілякі ілюзії щодо пом'якшення моєї долі, а також щодо амністії. Всі, хто має 58-у статтю, тепер засуджені на фізичне знищення»[103]. Такого роду настрої, зокрема, знайшли відбиття у агентурному донесенні Секретно-політичного відділу 3-ї частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВД від 24 квітня 1937 року, в якому зазначалося: «Кремль повний «парашами» (тобто чутками. — *Авт.*) переважно в бік погіршення становища ув'язнених. Зрозуміло, все це пов'язується із загальним політичним станом. Раніше, тобто відразу після усунення Г.Ягоди, «параші» мали характер радісний, що, мовляв, режим буде послаблено, буде переглянуто справи, підсумком чого буде амністія, звільнення більшості ув'язнених тощо, а за останні дні, навпаки, «параші» мають характер посилення режиму стосовно ув'язнених.

Кузьменко говорить, що заліки всі зняті, всю 58 статтю буде переведено на тюремний режим, свободи нам не бачити. Та добре те, що знімають тих, хто нас посадив: ось заступника наркома НКВД України Кацнельсона знято... Питанням усунення Кацнельсона зацікавлені, напевно, всі українці... Ірчан М.Д. двічі вів розмови на «парашні» теми. Він вважає, що «параші» про погіршення становища ув'язнених більш вірогідні, оскільки ми живемо у неправовій державі...

Коник І.І. вважає, що ув'язненим українцям ніколи не бути на свободі...

Наказ про заборону побачень викликав масу розмов, які зводяться до того, що Соловки залишаються в'язницею»[104].

На думку ще одного в'язня, «Ягоді не уникнути зашморгу, він надто забагато знав того, що багато з членів Політбюро не знали»[105].

Одним з найвідоміших соловецьких в'язнів був академік-історик Матвій Яворський. В останні роки про нього написано і сказано чимало[106].

У своїй книзі спогадів «Українська інтелігенція на Соловках» Семен Підгайний, згадуючи Яворського, пише: «Здається, ніхто так одверто не виявляв своєї люті і презирства до енкаведистів і всього, що нагадувало совєти і Москву, як Яворський»[107]. Нововіднайдені матеріали дають додаткову інформацію про цю непересічну особистість. Наприклад, про те, як він постійно і напружено слідкував за подіями у тодішньому СРСР, особливо в Україні, і у світі. І не просто слідкував, а давав власні оцінки цим подіям, прогнозував деякі з них. Характерно, що Яворський був творцем праць з історії України, написаних з марксистських позицій. Його розстріляли в листопаді 1937 року і лише після цього, 25 вересня 1938 року, Головлітом УРСР було видано наказ, за яким всі його твори підлягали вилученню.

Завдяки постійним повідомленням таємних інформаторів ми можемо тепер ніби почути голоси соловецьких в'язнів, а серед них і Яворського. Ось що, наприклад, говорив він 4 лютого 1936 року, осмислюючи події в Україні у 20–30-ті роки: «Самогубство Скрипника було наслідком його розчарування у Сталіні, який змінив своє ставлення до українських справ у 1932–1933 роках і підтримав Постишева у його боротьбі проти українського народу. Така зміна у настроях Сталіна особливо тяжко відбилася саме на Скрипникові, оскільки 1929 року ЦК ВКП(б) санкціонував не лінію Постишева, а лінію Скрипника. Спрямо-

ваність Постишева — довести Україну до повного розчинення її в «единой неделимой». Після виконання цього завдання Постишев піде на відпочинок, оскільки, безсумнівно, буде усунений Сталіним. Поки що боротьба проти українського націоналізму не скоро вщухне. «Врятований» за Кагановича у 1936 році, обов'язково буде викритий Гринько як голова націоналістичної організації. Тут, до речі, йому пригадають складання боротьбистського меморандуму проти ЦК КП(б)У у 1919 році»[108].

11 листопада 1936 року Яворський скаже: «Україна це тепер лише одна назва, оскільки українського там нічого немає». У тій самій розмові він також зауважував: «На Соловках за 150 років їхнього існування як царської в'язниці пробули лише 102 чоловіки ув'язнених, а скільки ж тисяч прибуло на Соловки, рахуючи з 1923 року?»[109].

М.Яворський вів на Соловках якісь записи, але, напевно, вже ніколи їх не вдасться прочитати, оскільки в одному з оперативних документів знаходимо таку настанову: «Дано завдання з'ясувати характер його записів у зошиті, який при першій можливості у Яворського буде вилучено»[110].

У грудні 1936 року, говорячи про своє визволення, що формально наближалось, Яворський зауважив, що його, напевно, кудись вишлють, а там «удавлять як кошеня, оскільки він сам особисто вважає себе відкритим ворогом Радянської влади». А далі він сказав: «Допоки мій народ, тобто Україна, бідує, я повинен або боротися, або сидіти у в'язниці, що також є боротьбою»[111].

У матеріалах знаходимо чимало такого роду висловлювань інших соловецьких в'язнів. Наприклад, один з них, який раніше належав до партійно-державної номенклатури, у 1934 році розповідав письменникові Мирославові Ірчану-Бабюку, що з 1927 року більшовики «заарештовують і висилають за межі УРСР всіх значних українських працівників державного масштабу. Для чого це робиться? Для того, щоб майбутній українській державі не дати керівників і державних діячів. Ви, звісно, не знаєте про те планове, систематичне винищення української інтелігенції, оскільки Ви бачили все іншими очима, але я знаю прекрасно, я працював у центральних організаціях і мені було відомо, що діється по всій Україні»[112].

Дуже часто у соловецьких матеріалах можна знайти згадки про події, пов'язані із самогубством М.Скрипника і з погромними акціями проти того, що офіційно іменувалося «скрипниківщиною». Наприклад, за твердженням Миколи Хама, в минулому комуністичного діяча у Польщі, який 1930 року втік до СРСР, «по справі Скрипника було заарештовано 3 000 чоловік, в тому числі 300 біженців з Польщі»[113]. Ще один галичанин, Іван Туз, обвинувачений свого часу в участі в «УВО», на запитання, чому саме Скрипник застрелився, відповів: «...Тому що він був переконаний у своїх поглядах і переконаний був, що за погляди тюрми не оминути, а до того його поховав заживо Постишев»[114].

Інший в'язень свідчив, що на власному досвіді знає, як робилися провокації, зокрема він зазначав: «...Мені пропонували написати заяву ще до арешту, що я член УВО. Потім я все-таки піддався провокації, повірив наполегливим запевненням слідчого у те, що писати потрібно, оскільки цього вимагають інтереси партії і Радвлади. Нині я цілком усвідомив увесь розмах цієї справи, ненавиджу себе за малодушність і наївність... Вважаю, що Павло Петрович Постишев як головний махер цієї уявної справи УВО увійде в історію українського народу як найбільш відразливий, жадібно-кривавий погромник українсько-національної культурної сили, народної душі — інтелігенції. Історія не знає такого погрому на Україні. Усі інші арешти, зокрема так званих троцькістів та інших, це маскування поголовного погрому українських кадрів... Під гаслом єдино неділимого Союзу... захищається єдино неділима Росія»[115].

Надзвичайно важливі саме ті частини розмов соловецьких в'язнів, які відбивають механізм організації тих або інших репресивних акцій, ілюструють, як саме виникали ті чи інші «справи», фабрикувались свідчення. Принципово те, що це були оцінки, висловлені не для офіційних осіб, а у розмовах між собою, у процесі спогадів про події минулого, переосмислення їх. Ось, наприклад, уривок однієї розмови у квітні 1937 року: «Гуцуляк розповідав, як Балицький і Постишев покликали до себе Чичкевича і запропонували йому писати про дії УВО у блоці з троцькістами. Чичкевич пішов додому і купив собі кілька

пляшок горілки, випив, прийшов своєчасно, але нічого не написав. Тоді Балицький з Постишевим наказали його заарештувати і через деякий час викликали до себе у кабінет заарештованого Чичкевича, пригостили цигаркою. «Ну як, — запитують, — усвідомили? Будете говорити правду? Ви ж хотіли вбити...» Балицький показує на себе і Постишева. Чичкевич кивнув головою, склали протокол і далі вже він писав на замовлення слідчого» [116].

Цікаво, що у виступі на XII з'їзді КП(б)У у 1934 року ім'я професора М.Чичкевича згадав В.Балицький, якого він обвинуватив у «тероризмі». «Ми, — підкреслював шеф ГПУ, — його допитували разом з П.Постишевим. Він дуже довго не говорив стосовно того, що ця форма (йдеться про тероризм. — *Авт.*), цей метод боротьби застосовується організацією, він довго не зізнавався, що у тому, що такого роду директиву дано з-за кордонного центру, з Берлінського центру, але згодом, побачивши таку компанію, як Постишев і Балицький, вирішив зізнатись (аплодисменти)» [117].

Тепер можна зрозуміти, як саме з М.Чичкевича зробили «терориста». І цей приклад типовий.

Українці знаходились на особливому обліку серед в'язнів і були об'єктом окремої уваги спеціальних підрозділів ГУЛАГу, таких як, скажімо, Секретно-політичний відділ 3-ї частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВД. «УНКР» — цю абревіатуру, що означала «Украинская националистическая контрреволюция», знаходимо на багатьох службових документах, пов'язаних з долями соловецьких в'язнів-українців.

Так, у листі начальника 3-го відділення КАРЛАГу НКВД Жилевського до уповноваженого 3-го відділення по ЦПО у березні 1934 року називались прізвища кількох в'язнів, засуджених по справі «УВО», які перед тим перебували у КАРЛАГу, і пікреслювалось: «Пропонуємо усіх вище перерахованих ув'язнених взяти в агентурну розробку, встановивши за ними постійне стеження. З цією метою прикріпіть до них постійне, перевірене, надійне освідомлення хоча б із загальної сітки СПО...

У процесі агрозробки з'ясуйте їхні зв'язки у таборі і поза ним, як ці з'вязки здійснюються, на якій роботі використовуються, ставлення до безпосередньої і громадської роботи.

Вжийте заходів до припинення тенденцій до втечі. Надішліть на них ділові і політичні характеристики.

Оскільки вищезгадані особи займались вербовкою у к/р організації і мають організаторські здібності, Вам належить це врахувати і перевірити, чи немає навколо них угруповань, з'ясовуючи характер і мету цих угруповань.

Всі матеріали, що надійдуть, вміщуйте в РОС у розділ «Діяльність української к/р» [118].

Надзвичайно прикметним є інший лист — з 3-го відділу ББК НКВД у Москву, до начальника відділу охорони ГУЛАГу НКВД СРСР від 13 жовтня 1936 року. У ньому також було перераховано групу в'язнів, обвинувачених у підготовці «терористичних актів проти вождів партії та уряду». У листі відзначалось, що ці ув'язнені утримуються не на островах, а на материку у різних підрозділах табору. Далі зазначалось: «Повідомляючи про вищевикладене, повторно просимо Ваших вказівок, чи вважати центральними терористами, чи варто брати на облік як «ЦТ» осіб, засуджених згідно з наведеними прикладами, чи підлягає ця категорія ув'язнених направленню на Соловки згідно з наказом 0/93 і як бути надалі з такими ув'язненими, яких буде виявлено» [119].

З початком 1937 року у документах простежується тенденція організаційно оформити всі ті оцінки, судження, думки, що їх висловлювали в'язні. Не випадково у одному з агентурних повідомлень від 23 лютого 1937 року читаємо: «Стає очевидним, що у Кремлі (йдеться про Соловецький Кремль. — *Авт.*) існує українська фашистська організація» [120]. В одному з агентурних донесень у березні 1937 року таємний інформатор повідомляв: «Видно, що існує якась група — частину її членів ми знаємо — що згуртувалась як внутрішня еміграція (підкреслення наше. — *Авт.*) і живе яскраво визначеним і глибоко вкоріненим фашистським духом» [121]. Вдумаємося у це визначення: «внутрішня еміграція» на... Соловках, у одному найсуворіших місць ув'язнення. (Надзвичайно симптоматичним є поняття «внутрішня еміграція», яка подолає часові бар'єри і буде одним з ключових, коли комуністичний режим пізніше буде визначати «статус» дисидентів у колишньому СРСР).

Та перед тим, як чинити розправу, режим мусив бодай формально її виправдати. Тому вирішили створити нові справи, тепер вже тюремні. І їх створили, поклавши в основу повідомлення інформаторів. Саме вони постачали «компромат» — відомості про настрої, розмови, оцінки, що їх висловлюють заплановані до знищення інші в'язні. І таку інформацію видобули, поклавши саме її в основу багатьох розстрільних справ.

Збереглась довідка, що виразно фіксує механізм, за яким здійснювались репресивні акції проти соловецьких в'язнів. Ось він, цей короткий, але страшний за змістом документ, складений навесні 1956 року, в період «відлиги»: «На осіб, які знаходились в ув'язненні у Соловецькій тюрмі чи Соловецьких ИТЛ, попереднє розслідування не проводилось, а за агентурними відомостями або за довідкою по старій слідчій справі виносились на засідання Особливої трійки, яка і ухвалювала своє рішення»[122]. Ці матеріали стали основою для тюремних справ, а також «розстрільних» протоколів засідання особливої трійки Управління НКВД по Ленінградській області, на підставі яких, власне, і відбулася каральна акція.

Як правило, тюремні справи починаються довідкою за підписом начальника Соловецької в'язниці Івана Апетера і його заступника Петра Раєвського. Перший до свого призначення на Соловки, у 1934 році, був начальником Санаторно-курортного відділу НКВД СРСР. Невдовзі після розстрільної акції, а саме 11 грудня 1937 року, його заарештували, 26 грудня того самого року звільнили з органів НКВД. За вироком Військової колегії Верховного суду СРСР його розстріляли у Москві 22 серпня 1938 року, а поховали в одному з таємних могильників НКВД.

П.Раєвського звільнили з посади начальника Соловецької в'язниці особливого призначення у жовтні 1938 року. З того часу він працював начальником Новочеркаської в'язниці НКВД. 10 листопада 1939 року його заарештували і невдовзі розстріляли.

Під «розстрільними» протоколами трійки УНКВД по Ленінградській області за № 81–85, 134, 198, 199 стоїть підпис Леоніда Заковського, справжнє ім'я якого Генріх Штубіс. Один з найвідоміших чекістів сталінської доби, латиш за походженням, Заковський належав до ревних виконавців репресивної політики, про його діяльність було створено чимало міфів і легенд. Ось чому варто бодай коротко зупинитись на деяких сторінках його біографії, яка дуже яскраво відбиває особливості доби, про яку йдеться. Ця біографія підтверджує, що його підпис під фатальними для доль соловецьких в'язнів протоколами з'явилась не випадково.

Він був особою, близькою до Ф.Дзержинського і зробив блискавичну службову кар'єру.

На відміну від наркома внутрішніх справ СРСР Г.Ягоди Заковський відразу зрозумів і прийняв задум Сталіна та М.Єжова звинуватити у вбивстві Кірова опозицію. Цю орієнтацію наркома внутрішніх справ БСРР було помічено — 10 грудня 1934 року він був призначений начальником УНКВД по Ленінградській області. Заковському разом із новим першим секретарем Ленінградського обкому ВКП(б) А.Ждановим було доручено «очисти» місто від опозиціонерів.

Органи НКВД не мали жодних матеріалів як про існування підпільних контрреволюційних організацій, так і про проведення зінов'євцями організованої антирадянської діяльності, але арешти колишніх опозиціонерів та знайомих з ними осіб набули у країні масового характеру. Лише у Ленінграді за два з половиною місяці після вбивства Кірова було заарештовано 843 особи[123]. Вже 29 грудня 1934 року в Ленінграді Військова колегія Верховного суду СРСР засудила на смерть 14 осіб[124].

Рішучість і жорстокість, з якою Заковський взявся за «чистку», здивувала навіть досвідчених чекістів. У своїх спогадах колишній відповідальний співробітник ОГПУ-НКВД М.Шрейдер пише: «Коли Заковський, відомий старим чекістам як кар'єрист і аморальна людина, прибув до Ленінграда, там розпочалися безпідставні арешти комуністів і керівних позапартійних співробітників, яких звинувачували у приналежності до троцькістсько-зінов'євської опозиції. Чекісти, які працювали у той період у Ленінграді, розповідали, що за наказом Заковського у числі інших було заарештовано, вислано або розстріляно багато радянських громадян лише за те, що вони мали таке саме прізвище, як вбивця Кірова Ніколаєв»[125].

Звісно, Заковський скоїв немало злочинів, але він був лише виконавцем. Головним погромником міста на Неві був Жданов, який вже через кілька місяців після свого приїзду у

Ленінград звітував про те, що із міської партійної організації «вичищено» 7274 комуніста, серед яких помітне місце займають контрреволюційні зінов'євці [126]. Їх виселяли з Ленінграда, а згодом почали виселяти і так званий соціально чужий елемент — колишніх дворян, буржуїв та інших неблагонадійних [127].

У 1935 році Заковський звернувся до Ягоди з проханням виселити із прикордонної смуги 3547 неблагонадійних родин. Нарком внутрішніх справ СРСР дав добро і 1700 родин опинилися у Таджикистані, 316 — у Західній Сибірі, а інші у Казахстані [128].

Активність начальника УНКВД по Ленінградській області у викритті ворогів народу була настільки бурхливою, що керівникам НКВД СРСР часом доводилося навіть стримувати його. Скажімо, коли Заковський написав довідку про незадовільну роботу військових заводів міста і вимагав покарати винних, то навіть Ягода здивувався: «А де тут контрреволюція, де шкідництво?» [129].

Робота Заковського у Ленінграді дістала найвищу оцінку керівництва. Постановою ЦВК та Раднаркому СРСР від 26 листопада 1935 року йому було надано звання комісара державної безпеки 1-го рангу, яке дорівнювалося званню командарма 1-го рангу і сучасному званню генерала армії, а 14 лютого 1936 року у зв'язку з п'ятнадцятою річницею прикордонних військ він був нагороджений орденом Червоної Зірки.

Призначений наркомом внутрішніх справ СРСР, Єжов відразу розпочав «чистку» апарату Головного управління державної безпеки НКВД СРСР від людей Ягоди. Для цього він використовував кадри із периферійної чекістської еліти, яка певною мірою протистояла працівникам з Луб'янки, і спирався головним чином на представників трьох «шкіл» ГПУ-НКВД: північно-кавказької Ю.Євдокимова, білорусько-московської С.Реденса та сибірсько-білорусько-ленінградської Л.Заковського [130]. Пізніше, у своєму останньому слові, Єжов визнає, що «всюди я чистив чекістів. Не чистив я їх лише у Москві, Ленінграді та на Північному Кавказі. Я вважав їх чесними» [131]. Саме лідери цих чекістських кланів Євдокимов, Реденс і Заковський виступили на лютнево-березневому (1937 р.) пленумі ЦК ВКП(б) з найгострішою критикою Ягоди і буквально морально знищили свого колишнього шефа.

Заковський похвалявся, що й самого Карла Маркса змусив би зізнатися у роботі на Бісмарка, і мав серед єжовців репутацію начальника УНКВД, у якого всі 100% заарештованих зізнавались у шпигунстві. У той час така слава була ще лише у начальника УНКВД по Свердловській області комісара державної безпеки 3-го рангу Д.Дмитрієва [132].

25 червня 1937 року за зразкове та самовіддане виконання найважливіших завдань уряду Заковський був нагороджений орденом Леніна. Тоді ж таку нагороду отримали ще троє співробітників УНКВД по Ленінградській області: начальник 4-го секретно-політичного відділу УГБ Коркін, начальник 3-го контррозвідувального відділу УГБ Шапіро-Дайховський, помічник начальника 4-го відділу УГБ Карамишев. Ще шестеро ленінградських чекістів одержали ордени Червоної Зірки.

Звістка про нагородження дійшла до Заковського у Москві, де він, за персональним запрошенням, брав участь у червневому пленумі ЦК ВКП(б) [133]. Це був єдиний пленум в історії Комуністичної партії, стенограма якого не велася.

На той час Заковський вже був одним із найпопулярніших людей у країні. За розпорядженням Єжова серед співробітників НКВД було розгорнуто пропагандистську кампанію, у якій начальник Ленінградського УНКВД прославлявся як такий, що зберіг вірність ЦК ВКП(б) [134].

Всю другу половину 1937 року Заковський керував проведенням масових каральних операцій у Ленінградській області. Спочатку тут знищували колишніх куркулів, кримінальників та інший антирадянський елемент. НКВД СРСР встановив для області ліміт — 4000 осіб розстріляти та 10000 засудити до таборів [135], потім розпочалися етнічні чистки — планомірно прибирали поляків, німців, афганців та представників інших національностей.

Для розгляду цих справ було створено особливу трійку під головуванням Л.Заковського. До неї входили другий секретар Ленінградського обкому ВКП(б) П.Смородін та обласний прокурор Б.Позерн. Діяла і особлива трійка при обласному УНКВД. У жовтні 1937 року Л.Заковський разом із своїм заступником старшим майором державної безпеки В.Гарі-

ним, давнім бойовим товаришем по Вінниці, Одесі, Новосибірську, та прокурором Б.Позерном провів «чистку» Соловецької тюрми особливого призначення ГУГБ НКВД СРСР (організовану з 20 лютого 1937 року) і підписав згадані розстрільні протоколи.

При цьому Заковський мріяв про проведення в Ленінграді гучного відкритого процесу — «Ленінградського шкідницького, шпигунського, диверсійного, терористичного центру». Однак здійснити свій задум не встиг — 29 січня 1938 року він був призначений заступником наркома внутрішніх справ СРСР та за сумісництвом начальником УНКВД по Московській області.

З'ясувати коло посадових обов'язків Заковського як заступника наркома внутрішніх справ поки що не вдалося. Зрозуміло лише одне: це було індивідуальне призначення, Єжов доручав йому найважливіші та найбрудніші завдання. Так, нарком внутрішніх справ не наважувався заарештувати начальника 7-го іноземного відділу ГУГБ НКВД СРСР комісара державної безпеки 2-го рангу А.Слуцького, оскільки побоювався, що більшість закордонної агентури відмовиться повертатися після цього в СРСР. Тоді перед своїм від'їздом до Києва він доручив Фриновському «розв'язати» це питання. 17 лютого 1938 року начальник ГУГБ запросив Слуцького до свого кабінету на доповідь. Невдовзі туди завітав Заковський і сів поруч із доповідачем. У середині доповіді Заковський несподівано накинувся на Слуцького та затис йому рота хустиною з хлороформом. Тут же з суміжної кімнати з'явився Альохін зі шприцом у руці та зробив жертві ін'єкцію отрути. Співробітникам НКВД повідомили, що Слуцький перенервував під час доповіді, а газета «Правда» надрукувала зворушливий некролог про вірного сина партії [136].

У кріслі начальника УНКВД по Московській області Заковський змінив комісара державної безпеки 2-го рангу С.Реденса, якого призначили наркомом внутрішніх справ Казахської РСР. Останній, до речі, вважав, що його прибрали із столиці за недостатню активність у боротьбі з ворогами народу [137] і пізніше свідчив: «Після мого від'їзду до Казахстану Заковський за 2 місяця заарештував 12500 осіб, причому арешти проводилися за телефонною книжкою, аби тільки прізвище було схоже на польське, латиське, болгарське» [138].

Та навіть і ця активність не врятувала Заковського від загибелі. 16 квітня 1938 року його усунули з усіх посад у НКВД, через чотири дні призначили начальником будівництва Куйбишевського гідровузла, а ще через дев'ять днів заарештували.

Допитував Леоніда Заковського його старий товариш Ніколаєв-Журід. За словами начальника Спецвідділу НКВД СРСР старшого майора державної безпеки І.Шапіро, «Ніколаєв та його група були для Єжова найнадійнішими, і, в той же час, найбезпринципнішими, готовими на все. Вони не соромились ніяких засобів, йшли на пряму фальсифікацію справ і свідчень» [139]. 29 серпня 1938 року Військова колегія Верховного суду СРСР засудила Заковського на смерть. Вирок було виконано того ж дня [140].

Були знищені і його найближчі родичі: дружина — Заковська Серафима Михайлівна, 1900 року народження, росіянка, позапартійна, домогосподарка; сестра — Заковська Ельза Ернестовна, 1888 року народження, латишка, позапартійна, співробітниця НКВД СРСР, військовий технік 2-го рангу.

Читачі цього видання знайдуть чимало свідчень того, як саме фабрикувалися справи соловецьких в'язнів. Більшість свідчень відноситься вже до періоду хрущовської «відлиги», до 50–60-х років. Цікаво, що тоді були допитані й ті колишні працівники НКВД, які ще залишались живими. Їхні свідчення також містять чимало деталей, важливих для розуміння механізму беззаконь, та умов, за яких вони були скоєні. Щоправда, дехто із допитаних багато чого «забув» або прагнув виправдати свою поведінку у 30-ті роки. Ось, наприклад, уривок з протоколу допиту Ісаака Соколова-Шейніса, який як оперуповноважений СПО ГПУ УСРР, вів справу Мирослава Ірчана. Не відразу, але (на допиті 23 лютого 1956 року) він пригадав Ірчана і його справу:

«*Запитання:* Що Ви можете сказати про слідство по справі Ірчана-Бабюка?

Відповідь: За давниною часу, щось конкретне по справі Ірчана-Бабюка я сказати не можу, оскільки не пам'ятаю. Однак можу сказати, що не тільки стосовно справи Ірчана, а й стосовно інших справ, які я вів, до підслідних жодних засобів

примусу я не застосовував. Свідчення заарештованих по справах, що я їх провадив, надавали без всякого примусу.

Запитання: А чим пояснити той факт, що додані до справи Ірчана-Бабюка як докази витяги з протоколів допитів інших заарештованих не підписані?

Відповідь: По двадцяти з лишком роках з часу слідства по справі Ірчана мені важко це пояснити, але, якщо у справі є не завірені витяги, то це було системою, а не винятком. Причому витяги, які робились з інших справ, повинен був завірити той, хто вів слідство по тій справі, а не я» [141].

Цей приклад, як багато-багато інших, підтверджує, що ті, хто планував і здійснював терор, розраховували на те, що ніколи і нікому не вдасться дізнатись правду, реконструювати трагічні події. Недаремно тоталітарна система та її адепти забороняли, пильно контролювали або дозували інформацію про репресії чи, як заведено було говорити, «порушення соцзаконності». Та, як це часто трапляється в історії, рано чи пізно істина пробивається крізь морок мовчання, десятиріччя безвісті і свідомої фальсифікації.

Повною мірою стосується це доль соловецьких в'язнів. Одним з найцінніших джерел до вивчення цього питання була і залишається книга спогадів Семена Підгайного «Українська інтелігенція на Соловках».

Разом з тим нині можемо уточнити і доповнити багато чого, про що написано у спогадах. Наприклад, згадуючи про Миколу Зерова, С.Підгайний писав: «1937 року, глухого соловецького вечора по всіх камерах бігали конвоїри й кричали: «Такой-то! С вещами!» Похапцем хапав кожен свій «одр» і, поцілувавшись з приятелем, простував за конвоїром. Збирали всіх коло північної брами соловецького Кремля. Далі вели до порожніх бараків сільгоспу, де провадився попередній трус в'язнів (у порту був ще передостанній обшук, а останній аж на материку «Морсплаві»)...

На «Морсплаві» групу, що з нею відплив Зеров, ще раз обшукали, відібрали власні, нетаборові речі, одягли всіх лише в таборовий одяг, пообрізали гудзики та позабирали пояси. З посиленим конвоєм кудись повезли. Уже в січні 1938 року, коли я був на тому самому «Морсплаві», відібрані у в'язнів цього етапу речі розкрадали «урки» та вільнонаймані енкаведисти» [142].

Тепер ми знаємо, **к у д и** повезли згадану групу в'язнів, **д е** вони були знищені і, **х т о** саме це зробив. Довгий час побутувала легенда про те, що в'язнів-українців потопили на баржі. Їх не потопили.

16 серпня 1937 року з'явилась спеціальна директива М.Єжова № 59190: «1. З 25 серпня розпочати і у двомісячний термін закінчити операцію по репресуванню найбільш активних контрреволюційних елементів з числа утримуваних в тюрмах ГУГБ, засуджених за шпигунську, диверсійну, терористичну, повстанську і бандитську діяльність, а також членів антирадянських партій (троцькістів, есерів, грузмеків, дашнаків, ітихатистів, мусаватистів тощо) та інших контрреволюціонерів, які проводять в тюрмах ГУГБ активну антирадянську роботу.

У Соловецькій тюрмі ГУГБ репресуванню піддати також бандитів і карні елементи, які ведуть в тюрмі злочинну роботу.

2. Всі перераховані контингенти після розгляду їхніх справ на Трійках при УНКВД підлягають розстрілу.

3. Вам для Соловецької тюрми затверджено для репресування 1200 осіб» [143].

19 серпня 1937 року ця директива надійшла у Ленінград і Л.Заковський передав її для виконання своєму заступникові В.Гаріну. У серпні і вересні керівництво і оперчекістська частина Соловецької тюрми підготували і передали в Ленінград 1116 довідок і тюремних справ на в'язнів, які підлягали розстрілу. Потім були складені «розстрільні» протоколи.

16 жовтня 1937 року Л.Заковський надіслав заступникові начальника Адміністративно-господарського управління УНКВД Ленінградської області капітану держбезпеки Михайлу Матвєєву предписання: «Предлагается осужденных Особой Тройкой УНКВД ЛО согласно прилагаемых к сему копий протоколов Тройки за №№ 81, 82, 83, 84 и 85 от 9, 10 и 14 октября с/г — ВСЕГО в количестве 1116 человек РАССТРЕЛЯТЬ. Для этой цели Вам надлежит немедленно выехать в г. Кемь и связавшись с Начальником Соловецкой тюрьмы ГУГБ Ст. майором

Госбезопасности т. Апетер, которому одновременно с этим даются указания о выдаче осужденных, — привести приговора в исполнение согласно данных Вам лично указаний.

Исполнение донесите, представив по возвращении акты»[144].

Кому ж доручили виконання розстрільної місії? Хто такий М.Матвеєв? Він народився у 1892 році, а з лютого 1917-го вже був активним червоногвардійцем у Петрограді. Тоді ж, у 1917-му, його жорстоко побили. Як він сам пізніше згадував, «нанесено было до 20 ударов тупым оружием. Перевязку мне сделали в Преображенском полку по распоряжению т. Антонова-Овсеенко»[145]. Можливо, цей епізод вплинув на його психіку, оскільки чекістські органи, до яких він вступив, почали використовувати його як надійного працівника для т.зв. операцій «по виконанню вироків засудженим», тобто для розстрілів. Матвеєв брав участь у такого роду операціях, починаючи з 1919 року (з перервою у 1923–1927 роках). Дослужився до коменданта Ленінградського ГПУ, а у 1933 році передав розстрільні папери своєму приятелю Олександру Полікарпову, а сам став заступником начальника Ленінградського ГПУ по адміністративно-господарській частині. І ось Л.Заковський своїм предписанням знов ніби повертав його у чекістську молодість — знов належало особисто виконувати вироки.

Соловецьких в'язнів етапували морем до Кемі, звідти залізницею їх перевезли до Медвеж'єгорська в Карелії, де розмістили у слідчому ізоляторі ББК НКВД. Саме тут 27 жовтня 1937 року Матвеєв прийняв від Раєвського першу партію в'язнів (207 осіб відповідно до протоколу № 81). Звідси в'язнів вивезли в урочище Сандармох, де того самого дня і розстріляли. Для катів це стало несподіваним уроком: в'язні намагалися втекти і нападали на конвой. Тоді підсилили засоби безпеки. Решту ув'язнених, яких розстрілювали з 1 по 4 листопада, спочатку роздягали до нижньої білизни, зв'язували руки і ноги, затикали кляпом рота, а потім штабелями складували на вантажну машину і вивозили на місце розстрілу.

Матвеєв особисто (іноді за допомогою помічника коменданта УНКВД Ленінградської області молодшого лейтенанта держбезпеки Г.Алафера) в урочищі Сандармох (за протоколами № 81–85) щодня розстрілював від 180 до 265 в'язнів. Розстрілював, як сказано в одному з документів, «быстро, точно и толково»[146].

10 листопада 1937 року Матвеєв підготував рапорт на ім'я заступника начальника УНКВД Ленінградської області В.Гаріна. Він доповів, що з 1116 засуджених на смерть фактично було знищено 1111 осіб. З решти 5 в'язнів один помер ще на Соловках, а чотирьох направили в Ленінград (С.Вишняк), в Одесу (Є.Ликворник), а двох до Києва (Й.Зозуляк, Б.Пероцький).

У кожній тюремній справі є акти про виконання вироків в'язням за підписом Матвеєва. Ці акти являють собою надруковане на машинці кліше з пропусками у певних рядках, куди додруковували прізвище конкретного в'язня, номер відповідного протоколу і дату розстрілу. Ось як виглядав акт стосовно Л.Курбаса: «АКТ. Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 9 октября 1937 года в отношении осужденного КУРБАС Александра Степановича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт».

Після проведених екзекуцій М.Матвеєв був нагороджений («за успешную борьбу с контрреволюцией») цінним подарунком і орденом Червоної Зірки. А невдовзі його заарештували за те, що він виконав незаконний, як з'ясувалось, наказ Л.Заковського і за знущання над соловецькими в'язнями. 30 травня 1939 року Матвеєва було засуджено Військовим трибуналом військ НКВД ЛВО до 10 років позбавлення волі. Етапом він прибув у Волжський концтабір неподалік від Рибінська. Однак сидіти йому довелось недовго: почалась війна і його у 1941 році звільнили, відновили у званні і в партії. Він повернувся в Управління НКВД Ленінградської області, під час війни був заступником начальника внутрішньої тюрми, став кавалером ордена Леніна. Він пережив війну, у 1949 році звільнився «за станом здоров'я» і помер аж у 1971-му[147].

Ще 509 соловецьких в'язнів, засуджених за протоколами №№ 134, 198, 199 засідання особливої трійки Управління НКВД по Ленінградській області, були знищені у грудні 1937-го і в січні 1938 років. Вказівка Заковського Апетеру підготувати цих в'язнів для передачі начальнику конвою датована 28 листопада 1937 року. За наявною версією, цих в'язнів, серед яких також було чимало відомих українців, розстріляли у пустоші Койранкангас під Токсово.

Акти про виконання вироків цього разу підписані приятелем Матвеєва комендантом УНКВД Ленінградської області О.Полікарповим. Його доля склалася інакше: після арешту Матвеєва він зрозумів, що на нього чекає така сама доля, написав передсмертного листа і 14 березня 1939 року застрелився.

І нарешті, останню групу соловчан-в'язнів за протоколом № 303 від 14 лютого 1938 року засідання особливої трійки Управління НКВД по Ленінградській області розстріляли прямо на Соловках в районі «командировки» Ісаково. Підписав документи про розстріл заступник начальника 10-го (тюремного) відділу Головного управління держбезпеки майор держбезпеки Микола (Лука) Антонов (Грицюк). Він приїхав до Ленінграду з Москви десь у 20-х числах листопада 1937 року, щоб особисто проконтролювати ліквідацію в'язнів Соловецької тюрми і прослідкувати за зміщенням з посади І.Апетера. Одначе і цей виконавець залишився живим недовго: 23 жовтня 1938 року М.Антонов-Грицюк був заарештований і 22 лютого 1939 року розстріляний.

Це буде пізніше, а тоді, відразу після розстрілів, 25 січня 1938 року за підписом В.Гаріна з'явилась «Довідка про виконання оперативного наказу № 00447 наркома внутрішніх справ СРСР». Власне, це був звіт про здійснену екстермінацію: «На виконання директиви наркома внутрішніх справ СРСР № 59190 від 16/VIII — 1937 р. Особливою Трійкою розглянуто справ Соловецької тюрми ГУГБ і засуджено по першій категорії — 1627 ув'язнених. В тому числі:

1. За троцькістську діяльність — 780,
2. За шпигунство — 123,
3. За терористичну діяльність — 106,
4. За нац. к/р діяльність — 205,
5. За повстанську діяльність — 147,
6. За фашистську діяльність — 44,
7. За шкідництво — 43,
8. За бандитизм (карний) — 179».

Такою була сумна статистика соловецьких розстрілів.

Коментуючи щойно відкриті факти про соловецькі розстріли, Іван Драч у 1997 році писав: «Жоден Шекспір чи Брехт не має уяви і снаги вигадати такого собі капітана Матвеєва. Його створило Життя — логіка віри в людину опирається щосили і щодуху: такого бути не може. Це надто неймовірно! Але було саме так... Саме політика розвертає усіх нас таким чином, що ми мусимо пам'ятати Розстріляне Відродження, щоб зберегти наше Майбутнє. Документи мають вбивчу силу. За ними полюють. Їх знищують. Але їх і оприлюднюють, щоб люди читали і думали. Робили висновки»[148].

Звичайно, дослідження подій, пов'язаних із соловецькими розстрілами, змушують ставити і більш широкі питання, які ще потребують неквапливих, заснованих на документах і фактах досліджень і відповідей. Насамперед: в чому саме полягав сенс «великого терору»? Що саме режим прагнув за його допомогою здійснити? Знищити потенційну «п'яту колону»? Зміцнити партійно-державну «вертикаль»? Остаточно залякати і нівелювати населення? Чому терор був секретним? Чому він припинився і не повторювався пізніше у таких масштабах, як у добу «єжовщини»?

Сподіваємось, уроки соловецької трагедії допоможуть шукати об'єктивні відповіді на ці запитання. Можуть вони допомогти і у ще одній справі. Вже згаданий С.Підгайний писав: «Треба сказати, що ніде в Совєтському Союзі не було такої, справді, всебічної політичної школи, як на Соловках. Це була своєрідна соловецька академія, з якої виходили люди вже з ясними головами. Кинуті в страшні умови острівної тюрми люди починали таки усвідомлювати, «хто вони, чиї сини, яких батьків, ким і за що закуті». Далі, поступово, з болем і важкими моральними муками засуджували пройдений шлях; перекреслювали своє минуле, народжувалися знову і всі сили клали на збереження свого життя, щоб, як прийде час, виправдати себе в очах свого народу»[149]. Що ж, нехай такою «академією» для наших сучасників стане правда про соловецькі події.

Навесні 1937 року один із ув'язнених, Юрій Машкевич, колишній бухгалтер з Вінниці, обговорював з кількома в'язнями питання про загублений у таборі одяг зеків. Саме тоді

він сказав: «Все це... — ніщо у порівнянні з тим, скільки людей було загублено табором, але ніхто про це не хоче чути. З часом на Соловки будуть значно більше приїздити, ніж навіть до Італії. Приїздитимуть для того, щоб подивитись на ті місця, де голі люди замерзали, а голодні вмирали» [150].

І справді, найголовніше — зберегти пам'ять про соловецьку трагедію. Не забувати означає, на нашу думку, не лише відповідально ставитись до минулого, а й думати про майбутнє.

* * *

Надруковані у цьому виданні документи зберігаються в Управлінні ФСБ Російської федерації по Архангельській області, у Державному архіві СБ України в Києві та його обласних філіалах. Всі документи мають заголовки, дані упорядниками. Назви містять порядковий номер, дату, тип документа. При публікації збережено також лексичні особливості документів і матеріалів, у відповідності до сучасних вимог виправлено пунктуацію і орфографічні помилки. Документи у заголовках містять номер справи, мають легенду, в якій вказано місце зберігання, тобто назва архіву, номер фонду, опису, справи, відповідні аркуші.

Ми вважали за доцільне виокремити з «розстрільних» протоколів списків осіб, репресованих в Україні, а також українців, репресованих за її межами, які відбували покарання на Соловках та були розстріляні у 1937–1938 роках.

На відміну від попереднього, це видання доповнене документами групових справ, що дозволяє глибше зрозуміти передісторію соловецької трагедії.

Висловлюємо щиру подяку всім, хто допомагав у підготовці цього видання, давав слушні поради і рекомендації.

Примітки

[1] День. — 1999. — 11 лютого.

[2] Управління Федеральної служби безпеки Російської Федерації по Архангельській області (далі — УФСБ РФ АО). — Спр. П-6911. — Арк. 90.

[3] Державний архів Служби безпеки України (далі — ДА СБ України). — Спр. 59881-ФП. — Т. 2. — Арк. 133.

[4] *Кокурин А., Петров Н.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. — 1999. — № 8. — С. 110.

[5] *Гришин-Грищук І.* Останні дні поета // Дніпро. — 1990. — № 2. — С. 122–123.

[6] *Осипова И.И.* «В язвах своих сокрой меня...» — М., 1996. — С. 3.

[7] *Підгайний С.* Українська інтелігенція на Соловках. Спогади 1933–1941 рр. — Новий Ульм, 1947. — С. 29–30.

[8] *Ленін В.І.* Повне зібрання творів. — Т. 39. — С. 248; Т. 45. — С. 96.

[9] Там само. — Т. 36. — С. 179; Т. 34. — С. 296 та ін.

[10] Цит. за: *Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. — М., 1996. — С. 205.

[11] *Ленін В.І.* Повне зібрання творів. — Т. 35. — С. 195.

[12] *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М., 1996. — С. 14.

[13] Докладніше див.: *Шаповал Ю., Золотарьов В.* Всеволод Балицький: особа, час, оточення. — К., 2002.

[14] Там само. — С. 95.

[15] Центральний державний архів громадських об'єднань України (далі — ЦДАГО України). — Ф. 1. — Оп. 20. — Спр. 640. — Арк. 35 зв.

[16] Неизвестная Россия. XX век. — М., 1992. — С. 45.

[17] ЦДАГО України. — Ф. 1. — Оп. 6. — Спр. 14. — Арк. 55 зв.

[18] Там само. — Арк. 76.

[19] Там само. — Арк. 120.

[20] Там само. — Арк. 130 зв.

[21] Докладніше див.: *Шаповал Ю.* Людина і система. Штрихи до портрета тоталітарної доби в Україні. — К., 1994. — С. 134–152.

[22] Там само.

[23] Дело членов Центрального Комитета Украинской Партии Социалистов-Революционеров Голубовича, Петренко, Лызанивского, Часныка, Ярослава и др. Стенографический отчет. Под редакцией Мануильского Д.З. и Дукельского С.С. — Харьков, 1921. — С. 5.
[24] Там же. — С. 6.
[25] Там же. — С. 4.
[26] *Янсен М.* Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. — М., 1993. — С. 221.
[27] *Ленін В.І.* Повне зібрання творів. — Т. 45. — С. 179–180.
[28] Цит. за: *Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. — С. 205.
[29] *Гусєв В.* «Застосувати як одну з репресивних мір проти професури виселання за межі федерації» // Вічe. — 1994. — № 10. — С. 124–125.
[30] Там само. — С. 125.
[31] *Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. — С. 221.
[32] *Гусєв В.* «Застосувати як одну з репресивних мір проти професури виселання за межі федерації». — С. 128.
[33] Жертвы репрессий. — К., 1993. — С. 144–145.
[34] Див.: *Абраменко Л.* «Козацька партія» та її доля // Вечірній Київ. — 1994. — 20 вересня.
[35] Див.: *Сахно А.* Щоденник контрреволюціонера. — К., 1999. — С. 8–17.
[36] ЦДАГО України. — Ф. 1. — Оп. 20. — Спр. 1757. — Арк. 1.
[37] Там само. — Арк. 2.
[38] Там само.
[39] Там само. — Арк. 3.
[40] Там само.
[41] Там само. — Оп. 16. — Спр. 1. — Арк. 178.
[42] Там само. — Арк. 179 зв.
[43] Там само. — Спр. 2. — Арк. 136.
[44] *Каганович Л.М.* На путях строительства социализма. — Харьков, 1926. — С. 12.
[45] *Грабович Г.* Совєтизація української гуманістики // Критика. — 1997. — № 1. — С. 19.
[46] УФСБ РФ АО. — Спр. П-6911. — Арк. 131.
[47] Об украинском сепаратизме. Циркулярное письмо Государственного политического управления Украины. — Харьков, 1926. — С. 3.
[48] Там же.
[49] Там же. — С. 11.
[50] Там же. — С. 12.
[51] Докладніше див.: *Пристайко В., Шаповал Ю.* Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД. Трагічне десятиліття: 1924–1934. — Київ, 1996; *Пристайко В., Шаповал Ю.* Михайло Грушевський: справа «УНЦ» і останні роки. 1931–1934. — К., 1999.
[52] Об украинском сепаратизме. — С. 1.
[53] *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. — Москва, 1990. — С. 6.
[54] ДА СБ України. — Справа-формуляр на М.Грушевського № 7537. — Т. 4. — Арк. 8–9.
[55] Там само. — Арк. 8.
[56] Там само. — Арк. 10.
[57] Там само. — Т. 5. — Арк. 314.
[58] Цит. за: *Винар Л.* Михайло Грушевський в українській і світовій історії. У 125-ліття з дня народження. — Нью-Йорк; Торонто; Київ; Париж, 1993. — С. 38.
[59] УФСБ РФ АО. — Спр. П-6911. — Арк. 138.
[60] Там само.
[61] Цит. за: *Снєгірьов Г.І.* Набої для розстрілу. (Ненько моя, ненько...). Лірико-публіцист. розвідка. — К., 1990. — С. 110.
[62] УФСБ РФ АО. — Спр. П-14799. — Арк. 6.
[63] ДА СБ України. — Спр. 67098-ФП. — Т. 67. — Арк. 315–316.
[64] Цит. за: *Замятина Т.* Иосиф Сталин: «Виновных судить ускоренно. Приговор — расстрел». Рассекречен личный архив вождя народов // Известия. — 1992. — 11 июля.
[65] Докладніше див.: *Пристайко В.І., Шаповал Ю.І.* «Справа «Спілки визволення України»: невідомі документи і факти. Науково-документальне видання. — К., 1995.
[66] ДА СБ України. — Спр. С-183. — Арк. 112.

[67] Червоний шлях. — 1933. — № 8–9. — С. 267–268.
[68] *Костюк Г.* Зустрічі і прощання. Спогади. — Едмонтон, 1987. — Кн. 1. — С. 465.
[69] ДА СБ України. — Спр. 48570-ФП. — Т. 7. — Арк. 357–358.
[70] Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. Составители О.В.Хлевнюк, А.В.Квашонкин, Л.П.Кошелева, Л.А.Роговая. — М., 1995. — С. 150.
[71] Докладніше див.: О партийности лиц, проходивших по делу так называемого «Антисоветского правотроцкистского блока»// Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 5. — С. 73.
[72] Сталинское Политбюро в 30-е годы. — С. 152.
[73] Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. — 1994. — № 2. — С. 21.
[74] Там же. — 1995. — № 2. — С. 19.
[75] Там же. — С. 16.
[76] Там же. — С. 26.
[77] Московские новости. — 1994. — № 5.
[78] Там же. — С. 23.
[79] ДА СБ України. — Спр. 24. — Арк. 175, 178, 184, 185.
[80] Там само. — Арк.132.
[81] Там само. — Арк. 133.
[82] *Кокурин А., Петров Н.* НКВД: структура, функции, кадры. Статья первая (1934–1938) // Свободная мысль. — 1997. — № 6. — С. 107.
[83] Докладніше див.: *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. — К., 1997. — С. 347–386.
[84] ДА СБ України. — Спр. 9. — Т. 1. — Арк. 14.
[85] Там само. — Арк. 38–39.
[86] Там само. — Арк. 3 а.
[87] Див. докладніше: Ізраїль Леплевський // *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. — С. 143–186.
[88] Докладніше див.: *Федосеев С.* Фаворит Ежова // Совершенно секретно. — 1996. — № 9; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941. Справочник. — М., 1999. — С. 416–417; *Чисніков В.* Керівники органів державної безпеки Радянської України // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. — 2000. — № 2/4. — С. 368.
[89] Див.: *Петров Н.В.* Первый Председатель КГБ генерал Иван Серов // Отечественная история. — 1997. — № 5. — С. 23–43; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941. — С. 381–382; *Чисніков В.* Керівники органів державної безпеки Радянської України. — С. 369.
[90] ДА СБ України. — Спр. 59881-ФП. — Т. 22-а. — Арк. 33–34.
[91] Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. Под общей редакцией Яковлева А.Н. — М., 1991. - С. 191–210.
[92] ЦДАГО України. — Ф. 1. — Оп. 1. — Спр. 437. — Арк. 59.
[93] Докладніше див.: *Шаповал Ю.І.* Україна 20–50-х років: сторінки ненаписаної історії. — К., 1993. — С. 183–200.
[94] Там само. — С. 181.
[95] Реабілітовані історією. — С. 21; *Яковлев А.Н.* По мощам и елей. — Москва, 1995. — С. 180.
[96] ДА СБ України. — Спр. 9. — Т. 1. — Арк. 2 зв.
[97] УФСБ РФ АО. — Спр. П-15667. — Арк. 17.
[98] Там само. — Спр. П-14801. — Арк. 9.
[99] Там само. — Спр. П-12929. — Арк. 54.
[100] ДА СБ України. — Спр. 51692. — Т. 2. — Арк. 52.
[101] Там само. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 80.
[102] *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. — М., 1991. — Ч. 1. — С. 44.
[103] ДА СБ України. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 88.
[104] УФСБ РФ АО. — Спр. П-11370. — Арк. 35.
[105] Там само. — Спр. П-6911. — Арк. 90.
[106] Див., наприклад: *Касьянов Г.В.* Академік М.І.Яворський: доля вченого // Український історичний журнал. — 1990. — № 8. — С. 75–86; *Рубльов О.С.* Лідер «істориків-марксистів» України // Репресоване краєзнавство. — К., 1991. — С. 293–304; *Абдуллін О., Логвин Е.* Останнє слово // Репресоване «відродження». — К., 1993. — С. 181–197; *Шаповал Ю.І.* Україна 20–50-х років:

сторінки ненаписаної історії. — С. 91–97; *Санцевич А.В.* М.І.Яворський: нарис життя та творчості. — К., 1995. — 60 с.; та ін.

[107] *Підгайний С.* Українська інтелігенція на Соловках. Спогади 1933–1941 рр. — С. 58.
[108] ДА СБ України. — Спр. 51692. — Т. 2. — Арк. 58.
[109] Там само. — Арк. 168.
[110] Там само. — Арк. 169.
[111] Там само. — Арк. 175.
[112] Там само. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 14.
[113] Там само. — Арк. 78.
[114] УФСБ РФ АО. — Спр. П-14789. — Арк. 8.
[115] Там само. — Спр. П-11370. — Арк. 3–4.
[116] Там само. — Арк. 4.
[117] ЦДАГО України. — Ф. 1. — Оп. 20. — Спр. 429. — Арк. 156.
[118] УФСБ РФ АО. — Спр. П-13410. — Арк. 6.
[119] Там само. — Спр. П-13572. — Арк. 11.
[120] ДА СБ України. — Спр. 51692. — Т. 2. — Арк. 129.
[121] Там само. — Арк. 117.
[122] УФСБ РФ АО. — Спр. П-9410. — Арк. 24.
[123] Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. — С. 123–124.
[124] Там же.
[125] *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри. Записки чекиста. — М., 1995. — С. 31.
[126] *Ковалев В.А.* Распятие духа. Судебные процессы сталинской эпохи. — М., 1997. — С. 148.
[127] *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. — М., 1992. — С. 50.
[128] *Бугай Н.Ф.* 20–40-е годы: Депортация населения с территории европейской России // Отечественная история. — 1992. — № 4. — С. 41–42.
[129] Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. — 1994. — № 12. — С. 12.
[130] *Папчинский А.А.* Репрессии в органах НКВД в середине 30-х годов // Политический сыск в России: История и современность. — Санкт-Петербург, 1997. — С. 284.
[131] Московские новости. — 1994. — № 5.
[132] Там же. — 1988. — № 25; Наше минуле. — К., 1993. — С. 41.
[133] *Пятницкий В.И.* Заговор против Сталина. — М., 1998. — С. 66.
[134] *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. — М., 1991. — С. 288.
[135] Труд. — 1992. — 4 июня.
[136] *Петров Н.* Убийство Игнатия Рейса // Московские новости. — 1995. — 17–25 ноября; Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1960. Справочник. — М., 1997. — С. 19.
[137] *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри. — С. 113.
[138] Наше минуле. — С. 41.
[139] *Рыбчинский А.* Командарм Белов // Расправа. — С. 185.
[140] *Кокурин А.И., Петров Н.В.* НКВД: структура, функции, кадры // Свободная мысль. — 1997. — № 6. — С. 114.
[141] ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 2. — Арк. 170–171.
[142] *Підгайний С.* Українська інтелігенція на Соловках. Спогади 1933–1941 рр. — С. 78.
[143] Ленинградский мартиролог. 1937–1938. — СПб., 1998. — Т. 2. — С. 78–79.
[144] Остання адреса. До 60-річчя соловецької трагедії. — Т. 1. — С. 32.
[145] Цит. за: *Шаповал Ю.* Соловецька трагедія: непомічена річниця // Дзеркало тижня. — 2002. — 27 квітня — 10 травня. — № 16.
[146] Там само.
[147] Ленинградский мартиролог. 1937–1938. — СПб., 1998. — Т. 3. — С. 555.
[148] Остання адреса. До 60-річчя соловецької трагедії. — Т. 1. — С. 32.
[149] *Підгайний С.* Українська інтелігенція на Соловках. Спогади 1933–1941 рр. — С. 50.
[150] УФСБ РФ АО. — Спр. П-13599. — Арк. 8.

Розділ І

ПРАВДА КРІЗЬ РОКИ

№ 1

Лист директора Санкт-Петербурзького науково-інформаційного центру «Меморіал» до Державного архіву СБ України 21 березня 1997 р.

Санкт-Петербургский научно-информационный центр

МЕМОРИАЛ

Research and information centre Memorial (St. Petersburg)

Для писем: 193144, С.-Петербург, а/я 199
Телефон/факс: (812) 246–19–28
Эл. почта: memscp@glas.apc.org

For letters: box 199, St/Petersburg, 193144 Russia
Phone/fax: (7–812) 246–19–28
E-mail: memscp@glas.apc.org

№ 113
21.03.1997

Начальнику Государственного архива Службы безопасности Украины

НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург) ведет работу по установлению судьбы 1825 заключенных Соловецкого лагеря особого назначения, осенью 1937 года приговоренных Особой тройкой Ленинградского УНКВД к ВМН и расстрелянных выездной группой Ленинградского УНКВД. Нам удалось установить место расстрела и захоронения (в окрестностях города Медвежьегорска) и в настоящее время мы готовим мемориализацию места захоронения для открытия памятного знака летом 1997 года, а также справочное издание, посвященное памяти погибших. Эти люди были привезены на Соловки со всех концов страны, и мы хотим воздать должное их памяти. Для подготовки издания мы нуждаемся в сведениях об их первичных осуждениях и поэтому обращаемся к вам за помощью. По нашим спискам 71 человек были арестованы и осуждены на Украине в Киевской области (может быть, наши сведения немного неточны, так как многие были осуждены центральной тройкой).

Мы просим сообщить сведения об их образовании, профессии, работе, занимаемой должности, семейном положении, о предшествующих арестах и осуждениях, о мотивах ареста по последнему делу, наличии однодельцев, о статьях обвинения и сроках осуждения. По возможности, мы просим сообщить о возможности получения копий анкет арестованных, обвинительных заключений, автобиографий (если они имеются), личных документов и фотографий.

В этой списке много выдающихся деятелей Украины, и мы хотели бы, чтобы наше издание было достойно их памяти.

Директор НИЦ «Мемориал» *Иофе В.В.*

Приложение: список на 71 чел[овека] (на 3 л[истах]) *.

На документі резолюція заступника Голови СБ України: «Пшеннікову О.М. Вважаю вкрай важливим підтримати цю благородну працю. З іншого боку, не менш важливим є з'ясування питання, чи не зміг би Іофе В.В. поділитись з нами на таких же засадах матеріалами про укр[аїнських] діячів науки та культури, які були розстріляні на Соловках? *В.Пристайко.* 11.04.97»; *а також резолюція начальника Державного архіву СБ України:* «т. Кулаковскому П.К. Для исполнения. Я скажу, что и как будем делать. *А.Пшенников.* 11.04».

ДА СБ України. — Ф. 38. — Оп. 9. — Спр. 10. — Арк. 114.
Оригінал. Машинопис на бланку.

№ 2

Лист виконуючого обов'язки начальника Управління ФСБ РФ по Республіці Карелія В.Дубинського до СБ України з інформацією про нововіднайдене місце розстрілів соловецьких в'язнів 24 вересня 1997 р.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УПРАВЛЕНИЕ
по РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ
(МИНИСТЕРСТВО БЕЗОПАСНОСТИ)

24.09.97 г. № 2248/н
185035, г. Петрозаводск, ул. Андропова, 5

Экз. № 1

Начальнику АУС Службы
безопасности Украины
полковнику Пшенникову А.М.

Украина, г. Киев,
ул. Владимирская, 33

Согласно Вашей просьбе направляем фотографии обнаруженного места массовых захоронений в урочище «Сандармох».

Одновременно сообщаем, что в июле 1997 года в результате организованного поиска сотрудниками УФСБ России по Республике Карелия совместно с представителями местной администрации г. Медвежьегорска, отделений общества «Мемориал» Республики Карелия и г. С.-Петербурга в Медвежьегорском районе обнаружено ранее неизвестное захоронение в лесном массиве (урочище «Сандармох») вблизи песчаного карьера на 19-м километре автомобильной дороги Медвежьегорск-Повенец. Данное захоронение является местом массового захоронения жертв политических репрессий периода 1937–1938 годов.

Исследования местности и пробное шурфование, измерение глубины гумусного слоя и выявленных провалов почвы предположительно показали, что на площади около 6 га покоятся останки 8–9 тыс. человек.

При раскопке одного из захоронений обнаружены человеческие черепа с входными пулевыми отверстиями в затылочной части.

---

* Список не публікується, оскільки про долю осіб, зазначених у ньому, розповідається на сторінках даного видання.

Обнаруженное место массового захоронения является одним из мест расстрелов заключенных БелБалтЛага НКВД СССР в 1937–1938 гг. по постановлениям «троек» НКВД КАССР и УНКВД по Ленинградской области. По мнению членов общества «Мемориал» г. С-Петербурга, данное место является также местом расстрела и захоронения заключенных Соловецкой тюрьмы ББК НКВД СССР (1111 человек), которые осенью 1937 г. были доставлены этапом с острова Соловки в г. Медвежьегорск и расстреляны по постановлениям «тройки» УНКВД по Ленинградской обл.

На месте захоронения погибших местной администрацией планируется установить памятный знак, а общество «Мемориал» предполагает 27–28 октября 1997 г. провести международную акцию «Покаяние» в рамках Всероссийской программы памяти Международного общества «Мемориал», посвященной 60-летию «Большого Террора».

Приложение: три фотографии.

И.о. Начальника Управления *В.Н.Дубинский*

ДА СБ України.— Ф. 38. — Оп. 9. — Спр. 11. — Арк. 82. Оригінал. Машинопис на бланку.

№ 3

Лист директора Санкт-Петербурзького науково-інформаційного центру «Меморіал» до Державного архіву СБ України 27 вересня 1997 р.

Санкт-Петербургский научно-информационный центр

МЕМОРИАЛ

Research and information centre Memorial (St. Petersburg)

Для писем: С.-Петербург, а/я 199
телефон/факс (812) 246–19–28
Эл. почта: memscp@glas.apc.org

For letters: box 199, St/Petersburg, 193144 Russia
Phone/fax: (7–812) 246–19–28
E-mail: memscp@glas.apc.org

27.09.1997
№ 216

252034, Украина, Киев,
Владимирская, 33
Начальнику архива
Службы безопасности Украины
А.М.ПШЕННИКОВУ

Уважаемый Александр Михайлович,

В соответствии с нашей договоренностью посылаю Вам список осужденных на Украине узников Соловецкого лагеря, расстрелянных по приговору Тройки Ленинградского УНКВД в урочище Сандармох (Медвежьегорский район) в период с 27 октября по 4 ноября 1937 года. В связи с тем, что многие из этих людей были первоначально приговорены центральными органами — Коллегией ОГПУ СССР или Военной Коллегией Верховного Суда СССР, место ареста и предварительного следствия из документов не усматривается, поэтому мы были вынуждены включить в этот список фамилии людей, предположительно

осужденных на Украине (исходя, например, из мест рождения). Поэтому список заведомо расширительный (мы не хотели никого случайно пропустить) и требует картотечной проверки.

Посылаемые списки содержат выборку из общего списка 1111 заключенных, расстрелянных в Сандармохе. Обработку остальных списков (509 соловчан, расстрелянных в Ленинграде, и 198, расстрелянных на Соловках) мы будем делать позже (после 27 октября) и можем дослать позднее. Хотя основным «украинским» протоколом является № 83 (расстрел 3 ноября 1937 года в Сандармохе), но и в остальных протоколах осужденные на Украине имеются.

В каждой биографической статье в круглых скобках приведены известные нам сведения о первичном осуждении этих людей (дата осуждения, статьи обвинения, орган, вынесший решение), а в квадратных скобках — сведения о месте хранения дел первичного осуждения (как правило, это управления СБУ или ЦГАООУ) и дел «соловецкой тюрьмы». Дела «соловецкой тюрьмы» (включали в себя документы личного дела заключенного, дела агентурного наблюдения и справку за подписью начальника Соловецкой тюрьмы, которая и была основанием для решения о расстреле) сосредоточены, в основном, в архивах Архангельского и Карельского Управлений ФСБ, частично они (по нашим данным) разосланы по местам первичных осуждений. Все дела «соловецкой тюрьмы», хранящиеся в Архангельске и Петрозаводске (всего около 400 дел), нами скопированы (кроме агентурной части), и если имеется указание на УФСБ РК или УФСБ АО, это значит, что копия у нас имеется и может быть востребована.

Все указания на архивы управлений СБУ (кроме Харьковского) и ЦГАООУ означают, что мы получили от них архивные справки, а из Харьковского СБУ только извещение, что такое дело у них имеется.

В настоящее время мы готовим к изданию полный список расстрелянных по постановлению Тройки УНКВД ЛО соловчан (имея в виду всех 1825 человек) с максимально подробными справками (помимо краткого списка на 1111 человек, расстрелянных в Сандармохе, который мы готовим к Дням памяти 27 октября 1997 года). По этой причине мы хотели бы иметь все фотографии из первичных дел и тексты обвинительных заключений (особенно по большим групповым делам). Поэтому прошу рассмотреть такой вариант — нельзя ли, скажем, к лету 1998 года сосредоточить в Киеве все интересующие нас дела украинских соловчан из этих списков с тем, чтобы мы могли приехать и откопировать (на своей технике) нужные документы (так нам предложило сделать Харьковское управление, но ездить по всем областям довольно сложно), попросив вашей помощи только с копированием фотографий. Для нас это был бы оптимальный вариант.

С уважением,
директор НИЦ «Мемориал» *ИОФЕ В.В.*

ДА СБ України. — Ф. 38. — Оп. 9. — Спр. 10. — Арк. 169–170.
Оригінал. Машинопис на бланку.

№ 4

Стаття В.Іофе до 1-го видання «Остання адреса» 28 вересня 1997 р.

Соловецкий расстрел 1937 года

В конце 1937 и в начале 1938 года, когда в СССР проводилась кампания по репрессированию «врагов народа» (оперативный приказ Наркома внутренних дел Н.Ежова № 00445 и сопутствующие приказы), особая тройка УНКВД Ленинградской области (начальник

УНКВД ЛО Л.Заковский, его заместитель В.Гарин и прокурор Ленинграда Б.Позерн) постановила расстрелять большую группу (всего 1825 человек) заключенных Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН), незадолго перед этим, летом 1937 года, уже переведенных на тюремное положение в организованную при лагере (с 20 февраля 1937 года) Соловецкую тюрьму. Полные списки осужденных тройкой были получены в 1995 году сотрудниками Соловецкого музея (А.Сошина) в архиве Архангельского УФСБ (начальник архива Г.Бызов) и затем обработаны московским НИПЦ «Мемориал» (С.Кривенко).

Расстрел был осуществлен в три приема. Последнюю группу приговоренных из 200 человек (фактически расстреляно 198), в отношении которых постановление тройки было вынесено 14 февраля 1938 года (протокол № 303), судя по имеющимся документам, расстреляли в том же месяце прямо на Соловках в районе командировки Исаково. Подписал документы о расстреле заместитель начальника 10 отдела ГУГБ НКВД майор Антонов. Перед этим группу из 509 человек (протоколы тройки № 134, 198 и 199 от 10 и 25 ноября 1937) до прекращения навигации успели вывезти в Ленинград и, по-видимому, расстреляли там (документы о расстреле подписаны 8 декабря 1937 года старшим лейтенантом А.Поликарповым, обычно исполнявшим приговоры в Ленинграде в это время). Однако судьба первой, самой большой группы соловецких заключенных (по спискам октября 1937 года 1116 человек, расстреляно 1111), долгое время оставалась невыясненной. В документах судьба их отразилась следующим образом:

Дата приговора	№ протокола	Дата расстрела	Осуждено	Расстреляно
9 октября	№ 81	27 октября	209	208
9 октября	№ 82	2 ноября	182	180
9 октября	№ 83	3 ноября	266	265
10 октября	№ 84	4 ноября	249	248
14 октября	№ 85	1 ноября	210	210
Итого:			1116	1111 *

В качестве исполнителя во всех случаях фигурирует капитан М.Матвеев, командированный для этого Ленинградским НКВД, однако место и обстоятельства расстрела этих людей до 1996 года оставались неизвестными. Из опубликованных воспоминаний бывших заключенных (Ю.Чирков, С.Пидгайный и др.) известно, что в октябре 1937 года соловецкие узники были вывезены в Кемь несколькими этапами, но дальше след этих этапов терялся. В официальных ответах и справках в качестве места смерти людей «соловецкого этапа» по сей день фигурируют обычно Ленинград, Кемь, Соловки, неофициально раньше иногда называли даже Архангельск. Наиболее вероятным местом расстрела, однако, можно было считать Кемь, так как в предписании, выданном Матвееву, ему предлагалось выехать в Кемь, где и принять 1116 заключенных для исполнения приговора. Однако в рапорте об исполнении задания место расстрела им названо не было. В 1995 году рядом с каменным карьером у 6-го километра шоссе Кемь–Калевала (в прошлом Ухтинский тракт) были обнаружены останки 22 расстрелянных. Наше предположение, что это — искомое место расстрела «соловецкого этапа», однако, не подтвердилось, так как в переписке начальника РО НКВД осенью 1937 года обнаружилось, что единственное оборудованное место расстрела в Кемском районе в то время располагалось на 28-м километре Ухтинского тракта. Это, а также ряд косвенных деталей, привели нас к выводу, что обнаруженные останки относятся к периоду гражданской войны на Севере.

* Число расстрелянных меньше числа осужденных вследствие естественной смерти заключенных или этапирования их в иные места заключения.

Весной 1996 года в опубликованной книге работника ленинградского УФСБ Е.Лукина было упомянуто о том, что капитан Матвеев в 1938 году был сам репрессирован. Там же говорилось, что в 1937 году, выехав для исполнения расстрела на Соловки, он почему-то проезжал через Медвежьегорск. Попытки обнаружить архивно-следственное дело Матвеева в Санкт-Петербургском управлении ФСБ окончились неудачей, его там не было. Однако, тогда же в Московском «Мемориале» появились сведения о том, что Матвеев был осужден не индивидуально, а в качестве одного из участников группового дела бывших оперативных работников Белбалтлага Шондыша, Бондаренко и др. Это указывало на то, что дело Матвеева должно храниться в Карельском Управлении ФСБ в Петрозаводске, и можно было надеяться, что в этом деле могут обнаружиться какие-то сведения о «соловецком этапе».

В июле 1996 года на основании письма Санкт-Петербургской комиссии по восстановлению прав жертв политических репрессий поисковой группе Санкт-Петербургского НИЦ «Мемориал» Карельским УФСБ (начальник архива Г.Свидский) была предоставлена возможность частичного ознакомления с архивно-следственным делом № 11602 в отношении привлеченного и осужденного по этому делу капитана М.Матвеева. Дело оказалось не политическим и не подлежащим реабилитации. Все осужденные обвинялись в превышении власти при проведении расстрелов под Медвежьегорском («в обычном месте исполнения приговоров над заключенными Белбалтлага»), и поэтому дело содержало большое количество документов, как фиксировавших саму технику исполнения приговоров того времени, так и относящихся к обстоятельствам исполнения Матвеевым полученного задания. На основании этих документов можно считать установленным, что осужденные соловецкие заключенные были этапированы по морю в Кемь, оттуда железной дорогой их перевозили в Медвежьегорск, там помещали в СИЗО Белбалтлага (способного одновременно вместить не менее 300 заключенных). Из СИЗО осужденные связанными на автомашинах доставлялись к месту расстрела, находящемуся в 16 км от Медвежьегорска, где М.Матвеев лично (иногда с помощью помощника коменданта УНКВД ЛО Алафера) расстреливал их из револьвера. Ежедневно Матвеев расстреливал около 200-250 человек в соответствии с численностью соответствующего протокола тройки (по одному протоколу в день). Перерыв в расстрелах с 27 октября до 1 ноября 1937 года был вызван попыткой побега заключенных во время перевозки из СИЗО и необходимостью изменения процедуры перевозки.

12 февраля 1997 года рабочей коллегией Международного общества «Мемориал» было принято решение о проведении в 1997 году Дней памяти, посвященных 60-летию «большого террора» 1937 года в СССР, на участке шоссе в районе 16-го километра дороги Медвежьегорск-Повенец, связав их с 60-летием «соловецкого расстрела», среди жертв которого были представители почти всех народов, населявших СССР. Одновременно было решено продолжить работу по более точной локализации самого места расстрела.

В районе 16-го километра дороги Медвежьегорск-Повенец (ныне это 19-й километр) расположен песчано-гравийный карьер, который к этому времени уже был известен местным краеведам (много сил сбору свидетельств отдал покойный Н.Ермолович) и местной администрации, как место, с которым жители округи связывали проведение расстрелов довоенного периода. В настоящее время прямых свидетелей расстрелов в этом районе не осталось, и имеющиеся сведения носили вторичный и уже фольклорный характер. В послевоенный период карьер был перепрофилирован с песка на песчано-гравийную смесь, расширен и занял площадь более 1 га. По документам землеотвода предварительно нами была выявлена довоенная его часть. Местные власти Медвежьегорска (зам. главы районной администрации В.Каштанов, начальник РО УФСБ старший лейтенант В.Стариков), ранее уже пытавшиеся вести раскопки в новой части карьера на основании указаний местных жителей, оказали содействие работе поисковой группы, обеспечив помощь местной воинской части.

30 июня поисковая группа Санкт-Петербургского (В.Иофе, И.Резникова) и Карельского (Ю.Дмитриев) «Мемориалов» с помощью солдат воинской части (командир роты стар-

ший лейтенант А.Ждан), приступила к шурфовке пятна старой части карьера. Все пробы дали отрицательный результат, после чего 1 июля поиск был продолжен в прилегающем к карьеру лесу. Примерно в пятистах метрах севернее карьера (девятьсот метров от шоссе) непосредственно у дороги, ведущей вглубь леса, были замечены (Ю.Дмитриевым) первые расстрельные ямы, опознаваемые как провалы земли (глубиной 10–30 см), сохранявшие правильную четырехугольную форму. В первых же раскопах на глубине 2 метров были обнаружены человеческие останки, уложенные в два ряда в ямах размером в плане 4 на 4 метра. Все черепа имели отверстия в затылочной части. Мы зафиксировали около 150 ям, из которых пять в разных частях обнаруженного поля захоронений были вскрыты. Останки были обнаружены во всех вскрытых ямах. После того, как районная прокуратура взяла образцы для экспертизы, ямы были засыпаны, а весь участок леса маркирован по периметру лесной службой для вывода из хозяйственного оборота.

Обнаруженное массовое захоронение помимо жертв «соловецкого этапа» хранит в себе останки расстрелянных в ходе той же кампании «большого террора» заключенных Белбалтлага и просто жителей южных районов Карелии. По предварительным документальным оценкам, общее количество расстрелянных может достигать 5–6 тыс. человек. По этой причине 14 августа 1997 г. Комиссия по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий Республики Карелия под председательством главы правительства Карелии В.Н.Степанова приняла решение поддержать инициативу «Мемориала» и провести Дни памяти, посвященные 60-летию «большого террора» в Медвежьегорске, в урочище Сандармох.

Многие годы слово Соловки было символом политических репрессий в СССР. В 1939 году лагерь в Соловках прекратил свое существование, но и конец его оправдал его страшную славу. В «соловецком этапе» погибли: выдающийся украинский режиссер Лесь Курбас и украинские министры А.Крушельницкий (независимой Украины) и М.Полоз (советской Украины); знаменитый адвокат А.Бобрищев-Пушкин (защитник Бейлиса и Пуришкевича), создатель Гидрометслужбы СССР А.Вангенгейм и московский литературовед Н.Н.Дурново, основоположник удмуртской литературы Кузебай Герд, член правительства советской Белоруссии Ф.Волынец, группа татарских общественных деятелей во главе с И.Фирдевсом, выборный глава московского цыганского табора Г.Станеско, князья Н.Эристов и Я.Андронников из Грузии, черкесский писатель князь Х.Абуков, видный деятель корейской общины Ан Тай До... У всех народов бывшего СССР есть, кого оплакать в Сандармохе. Там же погибли православные епископы: Алексий (воронежский), Дамиан (курский), Николай (тамбовский), Петр (самарский); католический администратор Грузии Ш.Батмалашвили, глава баптистской церкви СССР В.Колесников и множество католических священников, в том числе о. П.Вейгель, посланный Ватиканом для проверки фактов преследования верующих в СССР.

Дни памяти 27 октября — 4 ноября 1997 года, приуроченные к 60-летию расстрела «соловецкого этапа», и открытие памятных знаков в Сандармохе могут и должны послужить актом единения для представителей различных народов, культур и религий Восточной Европы и напоминанием политикам и народам о бессмысленности и тщетности как самого политического насилия, так и попыток его скрыть.

В.Иофе
(Научно-информационный центр «Мемориал»,
Санкт-Петербург)

28.09.1997

Друкується за: Остання адреса. До 60-річчя соловецької трагедії. — К., 1997. — Т. 1. — С. 28–30.

№ 5

Лист директора Санкт-Петербурзького науково-інформаційного центру «Меморіал» до Державного архіву СБ України 15 жовтня 1998 р.

Санкт-Петербургский научно-информационный центр
МЕМОРИАЛ
Research and information centre Memorial (St. Petersburg)

Для писем: С.-Петербург, а/я 199
телефон/факс (812) 246–19–28
Эл. почта: memscp@glas.apc.org

For letters: box 199, St/Petersburg, 193144 Russia
Phone/fax: (7–812) 246–19–28
E-mail: memscp@glas.apc.org

15.10.1998
№ 248

Службы безопасности Украины
Начальнику Государственного архива
ПШЕННИКОВУ А.М.
(252034, Киев, Золотоворотская, 7)

Уважаемый Александр Михайлович!

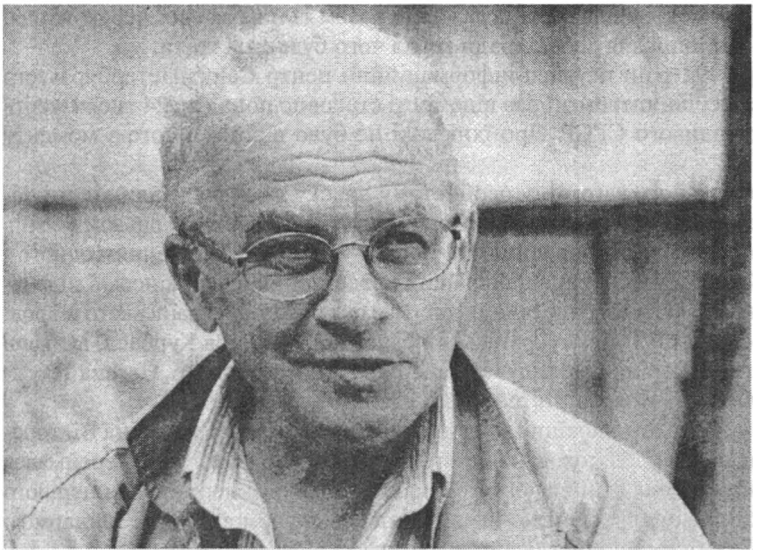
Посланные Вами книги получил. Поздравляю с чрезвычайно удачным изданием. Буду с нетерпением ожидать выхода второго тома (сборник «З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ» также для нас чрезвычайно интересен). Прилагаю 3 фотографии, сделанные в Сандармохе 22 августа 1998 года во время открытия памятника жертвам политических репрессий Карелии (общекарельский и «соловецкий» памятники и часовня), 2 «украинские» фотографии, сделанные 27 октября 1997 года, и фотографию, сделанную 1 июля 1997 года, в день открытия захоронения («раскопана первая яма»). С местной администрацией мы согласовали дни памяти в Сандармохе в будущем проводить каждый год 5 августа (в день начала операции по оперативному приказу № 00447 1937 года).

В настоящее время мы ведем поиск места, где был исполнен приговор в отношении 509 человек «соловецкого этапа» (протоколы «тройки» №№ 134, 198, 199), которые расстреляны «в Ленинграде». В этом этапе также было много украинцев: писатель Вражливый-Штанько, Владимира Крушельницкая, преподаватель Киевского университета Ананий Лебедь, журналист Николай Любченко, литературовед Николай Нарушевич, профессор-медик Владимир Удовенко и много других. По нашим предположениям (мы исходим из того, что 509 человек невозможно было расстрелять в один день в подвалах «Большого дома» и затем вывезти тела на Левашовскую пустошь), этап по прибытии отправили «для исполнения» за город в «обычное место для расстрелов». Таким местом была пустошь Койранкангас под Токсово, которую мы обследуем. Однако, поскольку территория пустоши около 30 га, возможности производить шурфовки у нас ограничены, а содействия в этой работе мы не имеем, боюсь, что этот поиск затянется надолго. Тем не менее надеюсь, что со временем и эту загадку удастся разрешить.

С благодарностью и пожеланием успеха в Вашей публикаторской работе

Директор НИЦ «Мемориал»: *ИОФЕ В.В.*

ДА СБ України. — Ф. 38. — Оп. 12. — Спр. 4. — Арк. 99.
Оригінал. Машинопис на бланку.



В.В.Іофе (1938–2002)

№ 6

Слово про Веніаміна Іофе

...Бо ти на землі — людина,
і хочеш того чи ні –
Усмішка твоя — єдина,
Мука твоя — єдина,
Очі твої — одні.

Василь Симоненко

Здається, саме такими думками було сповнене життя засновника і керівника науково-інформаційного центру Санкт-Петербурзького «Меморіалу» Веніаміна Іофе, який присвятив себе увічненню пам'яті про репресованих за часів тоталітаризму людей.

Напевно, він дуже добре розумів ціну і неповторність життя кожної людини, як і свого власного. Принаймні, після відбуття у 1968 році 3-х-річного покарання за антирадянську агітацію (участь у підпільній марксистській групі) збирання біографічних та інших відомостей про людей, яких жертвами політичних репресій зробили власні переконання, стало для нього до останнього подиху головною справою.

Інтелігент і інтелектуал Веніамін Іофе був приречений увійти до ленінградської когорти «шестидесятників», породженої хрущовською «відлигою». У 1964 році 25-річний аспірант Інституту синтетичного каучуку, член ВЛКСМ В.Іофе прийняв участь у поширенні серед ленінградських студентів летючок із закликами до боротьби з радянською бюрократією. На суді, який відбувся у листопаді 1965 року, крім згаданих летючок фігурували також підпільні книга «Від диктатури бюрократії до диктатури пролетаріату» та журнал «Колокол» — орган «Спілки комуністів».

Після цього молодий хімік стає політв'язнем і для нього розпочинаються «університети» у сумнозвісних мордовських таборах. Саме тут В.Іофе отримав нагоду побачити й

дати оцінку моральній стійкості людей, які страждали разом із ним за свої переконання. Напевно, саме тут він і вирішив для себе, заради кого і чого буде далі жити.

Створений В.Іофе у 1991 році науково-інформаційний центр Санкт-Петербурзького «Меморіалу» під його ж керівництвом зібрав відомості стосовно понад як 24 тисяч жертв репресій на теренах колишнього СРСР. Про їхні долі не було відомо нічого з моменту арешту.

Завдяки участі В.Іофе та його вагомому особистому внеску людству стали відомі обставини розстрілу у жовтні 1937 року в урочищі Сандармох під Медвеж'єгорськом в'язнів Соловецького табору особливого призначення. На той час у ньому, за свідченням одного з в'язнів табору С.Підгайного, було зібрано найкращих представників «української підсовєтської інтелігенції та українських комуністичних кіл». Це був розстріл українського відродження, видатних, за висловом В.Іофе, «українських соловчан» — Леся Курбаса, Миколи Куліша, Марка Вороного, Валер'яна Поліщука, Валер'яна Підмогильного, Євгена Плужника, Петра Дятлова, Михайла Полоза, Петра Солодуба та багатьох інших.

З пам'яттю про них у громадян України завжди буде пов'язане ім'я Веніаміна Вікторовича Іофе, який, відкриваючи місця поховань безвинних жертв, кожного разу переймався їх стражданнями. Він же, як справжній вчений, зібрав по крихтам і передав для першого 3-томного видання «Останньої адреси» всю наявну у нього інформацію про Сандармох. Щоб про цю трагедію не забули всі прийдешні покоління.

Страченому під Сандармохом відомому українцю Миколі Зерову належать такі рядки:

«Стою німий і жити вже безсилий:
Вся думка — з білим і сумним горбом
Немилосердно ранньої могили»

На превеликий жаль, з квітня 2002 року ці слова вже відносяться і до Веніаміна Іофе.

Земний уклін Вам, Веніаміне Вікторовичу!

Сергій Богунов,
начальник Державного архіву
Служби безпеки України

Розділ II

ШЛЯХ НА СОЛОВКИ

Документи з архівно-слідчих справ майбутніх соловецьких в'язнів

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО А.БАРБАРА, В.ПІДГАЄЦЬКОГО, В.УДОВЕНКА, Г.ХОЛОДНОГО ЗІ СПРАВИ «СПІЛКИ ВИЗВОЛЕННЯ УКРАЇНИ»

№ 1

Протокол допиту Г.Холодного
23 серпня 1929 р.

Протокол допроса

от 23-го августа 1929 г. обвиняемого Холодного Григория Григорьевича, 1886 г. рождения...

Будучи предупрежденным о содержании ст. 89 УК УССР, 61 и 161 УПК УССР, по существу дела показал:

Моя участь у роботі українських організацій починається, приміром, з 1914 року. В 1912 році я приїхав до Москви (там я учителював до 1917 р.) і зустрівся з деякими членами тодішньої Московської української колонії (Зайкевич, Байєр, Гавсевич та інші), які мене і втягли потроху в життя організації. Взагалі тоді я був мало активною фігурою і участь моя обмежувалася відвідуванням зборів українського гуртка при Петровсько-Розумовській Академії (де, між іншого, ще й тоді йшла робота коло збирання термінологічного матеріялу) — зборів «Товариства Слав'янської Культури» (власне Общ̧ества слав. культ.), яке могло існувати й працювати під своєю «защитною назвою».

Фактично це товариство складалося з однієї української секції. Збори ці відбувалися не більш, як раз на місяць. Найбільша частина відвідувачів була студенти, але там я бачив і багатьох укр. робітників старшої генерації (Сірополко, Кримський(?), Саліковський, приїздив якось і Єфремов). Окремі збори виходили за вузькі межі організації і були певною демонстрацією укр. сил у залі (збори пам'яті Корша). Взагалі, млява робота укр. осередків зазнає різної зміни тоді, коли в Москві наприкінці 1916 року з'являється Михайло Грушевський, що дістав тоді дозвіл на переїзд із Казані (?) до Москви для наукової роботи. Рік 1916 був ювілейним для М.Грушевського (50 років) і це було першим приводом до пожвавлення роботи і гуртування сил коло «Украинской Жизни», що 1912 року виходила в Москві.

В грудні 1916 р. Грушевський засновує Укр. видавниче товариство і я був секретарем цього видавництва. Працювали в новій організації Грушевський, Винниченко, Саліковський, Маєвський, д-р Дикий і його дружина. В перші місяці 1917 року була закінчена велика підготовча організаційна робота, складений план видання, одержано згоду працювати від

багатьох укр. письменників і публіцистів і інш. Збори відбувалися часто нелегально. Навіть здебільшого нелегально, бо з наближенням революції зростали репресії (див. 8 стор.).

В березні 1917 року природньо переривається видавнича робота. Українська стихія в Москві швидко виходить з берегів первісних вузьких рамок. Вперше з'являються соціялістичні угруповання, яких абсолютно не було в осередках, що закладалися і працювали за проводом М.Грушевського. На початку березня М.Грушевський переїздить до Києва і швидко за ним майже всі московські робітники (Винниченко, Петлюра, Саліковський, Лебединський, Маргуліс, Я.Шеремещинський і інш.). Навесні [19]17 року відбувається національний конгрес у Києві (6–8.IV.1917). Конгрес називався всеукраїнський, хоч фактично на ньому репрезентовані були переважно ті організації, нитки яких держав у своїх руках М.Грушевський. Я був представником від «Общ. славянской культуры».

В серпні 1917 року я дістав запрошення від «генерального секретаря освіти» І.Стешенка працювати в Київській другій українській гімназії імені Кирило-Мефодіївського братства. Я покинув Москву і, залишив родину у Чернігові, поїхав сам у Київ. Нові обставини змінили цілком характер і моєї української роботи. Укр. школа була вже реальним фактом і на шкільну роботу я тоді почав віддавати всі свої сили. Я читав лекції з математики, фізики й космографії в старших класах гімназії, лекції фізики і астрономії на «Підготовчих до Укр. держ. унів. курсах». Працював як бібліотекар Держ. університету.

В політичній роботі ніякої участі з того часу і по цій день я не брав. Життя школи було бурхливе, відбиваючи в собі всі ті зміни, що заходили на Україні. Характеризував би той період, як час захоплення національною романтикою, захоплення вельми невиразною ідеєю окремої української держави, чим і можна з'ясувати те, чому так гаряче приймала тоді і школа всякі зміни, коли їх приносила закрашена цією національною романтикою стихія (повернення Центральної Ради в 1918 р. в березні, прихід Директорії 1918 року в зміну, навіть повернення Української Нар. Респ. на кілька день перед Денікінщиною.

Вперше на довгий час затверджується Радянська Влада в лютім [19]19 року). Реорганізується швидко й боляче і українська школа, переходячи на трудову. Персонально для мене зайшли тоді такі зміни. З квітня [19]19 р. я стаю товаришем голови Ради нашої школи (з обрання). Влітку працюю як лектор математики в «Нуль-семестрі» університету, що замінив собою, до певної міри, колишні «підготовчі курси». Працюючи також і в Всеукраїнськім держ. видавництві, в Науковім його відділі, де налагоджувалася широка укр. видавнича робота. І та, і та робота обривається в серпні [19]19 року з приходом Денікіна і ліквідацією українських організацій.

Змінюється з того моменту різко і відношення до радянської влади, дедалі частіше говорилося, що іншим нам не по дорозі, що рад. влада прийде неминучо і як визволительниця. В кінці жовтня я виїхав на кілька день до Чернігова, щоб забрати і перевезти до Києва свою родину, але на другий день прийшли більшовики і я втратив змогу повернутися більше як на $2^1/_2$ місяця. Мене запросили працювати до Чернігівськ. укр. школи.

Робота школи абсолютно зруйнована за Денікіна, почалася тоді тільки на початку листопада. Тоді ж я беру участь у методологічній роботі Наросвіти (вироблення нових навчальних планів).

В лютім 1920 року я повертаюсь до Києва і знову працюю в своїй школі на «Нуль-семестрі» університету. Також продовжую свою роботу і в гімназії для дорослих. Працюю тоді-ж і в термінологічних організаціях Київ. наук. товариства. Восени, не витримавши матеріяльної скрути, кидаю Київ і їду до Чернігова. Коротенько характеризувати можу роботу II укр. гімназії і тієї трудов. школи, що утворилася на її місці. II гімназія була добре забезпечена педагог. силами. Тут працювали Зеров, Гермайзе, Дорошкевич, Кравчук, Шаля, Кисіль, Шарко, Прохорова (франц. мова), Зайцев П., Сушицький Ф.И. (перший директор), Козленко (другий директор). Але належного ідейного проводу не було і ми просто копіювали в своїй роботі стару гімназію.

Цим з'ясовується те, що II-га гімназія не мала такої виразної фізіономії, як I гімназія, що з самого початку працювала під керівництвом талановитого пед[агога] В.Ф.Дурдуківського і за короткий час здобула собі репутацію найкращої школи, попереду в Києві, а

потім і на Україні. Вчителі нашої школи частенько відвідували показові свята і школи (спільні вчителі були Гермайзе, Шарко, Прохорова). В роботі вчителів І шк. почувалося відразу любов до справи, до школи, до дітей і одна з відзнак школи була та, що й діти любили активно свою школу.

Слід відзначити ще організацію в 1916 і на початку 1917 року в Москві кількох гуртків «ТУП» — «Товариства Українських Поступовців». Ці гуртки розкидані були по всій Україні. Складалися з невеличкого числа членів (4–5 чоловіка). Члени гуртка, за винятком керівника-організатора, не знали за склад суспільного осередку і цим забезпечувала цілість організації на випадок арештів будь-якої групи. Завдання ТУПа були, скільки пригадую, виключно культурно-національні. Я був членом одного з гуртків на початку [19]17 року. Товариство дало велике число представників «Всеукраїнського Національного Конгресу» 6–8.IV. Восени [19]17 року Товариство під впливом подій реформується і прибирає назву СУАФ — Союз українських автономістів-федералістів, і скоро зовсім зникає з обрію політичного життя України. До складу осередку «ТУПа», де був я, входив ще Пасічник-Самійленко, здається ще Лебединський Ів. Вас. і ще якась особа (не пам'ятаю прізвища). Керував Мих. Грушевський.

В серпні [19]20 року я переїхав до Чернігова. На другій день по приїзді я одержав від наросвіти * пропозицію взяти завідування школою ім. Коцюбинського, через кілька день пропозицію від Черніг. інст. нар. освіти читати лекції геології й фізики, а від Черн. політехнікуму — читати лекції з математики. Я дав свою згоду і працював у школі до VШ 1924 р., в Черн. ІНО теж до VШ-1924 р., а в Політехн. здається до 1923 року. В Чернігові тоді тільки розпочиналося укр. життя і мене, як нову людину, втягували в кожну нову роботу.

Наприкінець [19]20 року і початку [19]21 я брав участь в організації місцевої української церкви і навіть короткий час (працювали в першем складі Ради Луговий, Кошовий, Лебідь, Шматько) був головою Ради, хоч фактично всю роботу вели інші. Навесні [19]21 року я за порадою К.С.Дорофеєва, тодішнього завнаросвітою Чернігівською, покинув церковну справу (в ті часи це була ще тільки «незручність») і більше ніколи до неї не вертався.

Того самого року, здається в лютім, я організував Чернігівське наукове Товариство, дістався на те згоду Академії Наук, а певно, наприкінець [19]21 року мене обрали на голову Черн. «Просвіти». Я був останнім головою «Просвіти»; [вона] скоро вмерла, як і всі інші «Просвіти» на Україні, бо вони з своїм вузькими завданнями стали вже очевидним анахронізмом, а в Чернігові, до того ж, з народженням Наук. т-ва створювалось і рівнобіжність у роботі. Сили були майже ті самі, і їх не вистачало на обидві організації. Я особисто прочитав у «Просвіті» тільки одну лекцію (планета Марс). Наукове т-во дістало широку підтримку з боку наросвіти — коштами і книжками і стало доволі помітним явищем у черн. житті. Всі доповіді наукові в Т-ві збирали дуже численну аудиторію. Товариство підтримувало зв'язок із Київом і київські вчені завжди виступали з доповідями на наших зборах.

Найближчу участь у роботі Т-ва брали такі особи: Шматько Мих. Капіт., Зубко (помер), Федоренко П.К., Смолочів П.І., Заушкевич Д.О., Верзилів Арк. Вас.

Навесні 1921 року наросвіта запросила мене до участі в роботі. Мене призначено завідувачем відділу губерніяльних шкіл соцвиху (точної назви посади я не пам'ятаю) і влітку 1921 р. я виступав від Черн. соцвиху з доповіддю на ІІІ Всеукраїнській конференції освіти в Харкові, а потім доповідав про роботу конференції наросвіті і загальним зборам профспілки. Був короткий час членом правління спілки (правда, мало активним, бо переобтяжений усякою іншою роботою). Років зо два я був членом місцевої управи (чл. ради) УЧХ (Укр. Черв. Хрест), де працювали тоді ще Биструкова В.Гр. (голова Черніг. Виконкому), Комовий І.А. і ще дві-три особи. В 1922 році я працював у громадському комітеті «АРА» (головував зав. наросвітою К.С.Дорофеєв).

Крім того я був постійним співробітником методкому наросвіти (Неаполітанський, Заушкевич, Воробйов). Школа ім. Коцюбинського за чотири роки виросла надзвичайно (з 50–60 чол. до 520–530 на час мого від'їзду) і скоро дістала репутацію трудової, особли-

* Мається на увазі губернський відділ народної освіти. — *Упорядники.*

во після виставки 5-ти річчя Радвлади 1922 року. Після неї школа дістала найкращий шкільний будинок, добре устаткування (в колективі працювало тоді до 35 чолов. З доручення спілки я робив про шкільну роботу доповідь на загальних зборах спілки в 1923 р. про спроби здійснити ідею далтовпляну * в наших шкільних умовах). Школа ім. Коцюбинського одна з перших перейшла до комплексової системи в молодших групах і до організації лябораторної праці в групах старших.

В 1924 році змінилась ситуація в наросвіті і новий зав. наросвітою тов. Зерновський зайняв виразно неприхильну позицію щодо школи, висловлюючи певні підозріння. Школа звернулась до Контрольної комісії Губкому з проханням обслідувати роботу школи. Акт обслідування, зазначаючи деякі хиби в організації політичного виховання, в цілому був вельми позитивний і Контрольна комісія Губкому, стверджуючи результати ревізії, висловила догану тов. Зерновському. Але в серпні 1924 року мене наросвіта звільняє з посади зав. школою і я покидаю Чернігів, дставши пропозиції від В.Ф.Дурдуківського працювати в І школі і від О.Б.Курило — вернутися до термінологічної роботи в Інститут наукової мови ВУАН. Приїхавши до Києва, я дістав ще лекцію математики і світознавства на робфакові КМІ і вступив у Бюро викладачів укр. мови, де працював рік.

Додам, що в Чернігові я працював також по українізації в 1923–24 році з часу відомих декретів і в 1924 році завідував «практикумом української мови», цеб-то курсами української мови підвищеного типу. В Київі в І школі я працював два шкільні роки (1924–26) і мусив покинути роботу, бо навесні 1925 року мене обрано на посаду вченого секретаря Інституту наукової мови; коли поширилася робота Інституту наукової мови, мене обрано на керівника його. Посаду цю я мав до останніх днів. Там само до цього часу з 1924 р. я був лектором математики на робфакові КМІ, де, крім того, всі п'ять років був за Голову предметової фіз.-математичної комісії.

В школі ім. Шевченка я застав розцвіт роботи. Педагогічна рада збиралася дуже часто і збори її завжди були надзвичайно цікаві. Їх завжди провадив Вол. Фед. Дурдуківський, що укладав пляни роботи і керував. На радах ставилися широко проблеми організації трудової дисципліни, питання орг. самоврядування, організації шкільних гуртків, питання доцільного розподілу обов'язків серед дітей, питання організації загально-шкільних свят політичних і національних, питання про застосування нових методів, погодження програм між окремими предметами і багато інших. Працювало багато предметових комісій. Взагалі педагогічна робота кипіла. Працювалось в школі легко під надійним керівництвом. Було багато творчих сил в учителів і в дітей багато лобові до роботи.

Політичне виховання, на мою думку, стояло цілком нормально і в усякому разі школа робила все, щоб розсівати ті підозріння, які періодично з'являлися коло шкільної роботи, ніколи не спускала з ока ні свого, ні дитячого політичних моментів. Шкільні часописи були завжди цілком витримані... з погляду радянської ідеології. Такими ж витриманими були всі виступи на шкільних святах В.Дурдуківського. Без цих виступів не обходилося ні одне таке свято. Взагалі вся робота школи йшла цілком відверто і була предметом як найпильнішої уваги громадянства і наросвіти. Школа, мені здається, справді мала право носити ім'я І трудової і радянської. На питання про те, хто саме найбільш працював, важко дати відповідь, якщо виключити В.Дурдуківського. В молодших групах виділялися Прохорова, Трезвинський і Токаревська, в старших — Гнаткевич, учитель природознавства Валентин Абрізонович, Скрипник, Гребенецький. Перевантаження було дуже велике і для вчителів, і для дітей, і в цьому головна хиба, бо так працювати довго не можна було — надмірна втома дітей — безперечний факт у нашій шкільній роботі.

Гурт педагогів був дуже тісний, дружний. Разів два на рік вчителі збиралися на товариську вечірку, здебільшого на початку й наприкінці шкільного року. Збиралися найчастіше в помешканні М.І.Прохорової на Тургенівській. Оскільки я пригадую, в колективі не було нікого, кого не запрошувано на такі збори. Я особисто був разів два-три в Прохорової і раз у Гребенецького. Ці збори-вечірки майже мали характер неорганізований, ніколи, в

* Вірогідно, йдеться про дельтапланеризм. — *Упорядники.*

усякім разі, не носили характера будь-якої конспірації. Вечеря, тости, чай, різноманітні безневинні жарти, співи, музика, читання віршів. Зрідка оповідання, які слухали всі. На одних зборах 1925 року я оповідав за свою подорож аеропланом з Києва в Харків в 1926 році, про подорож самокатом у Крим.

Одні з таких зборів (у Прохорової) були в день 50-тирічного ювілею Дурдуківського (я тоді вже здається не працював у школі). Був Єфремов С.О., Веселовський С.Ф., із сторонніх — я, Гермайзе і Вовчанецький — з колишніх учителів. Було кілька привітальних промов. [Зокрема,] Вовчанецького (який почав і не знав як скінчити), Гермайзе, який казав за роботу школи з б/року, про те, що в школі довгий час жили старі українські традиції, що ті традиції, як і скрізь, поволі вмирають і тепер уже можливі такі випадки, коли студент ІНО може в Вас запитати: «А хто такий Єфремов?». Веселовський щось казав за роботу студентства його часів в Галичині і давав якісь факти з давньої роботи В.Дурдуківського. В.Ф.Дурдуківський казав за труднощі роботи, як завжди за свою втому, за бажання кинути роботу. Промови Єфремова я зовсім не пам'ятаю. Не пам'ятаю навіть чи була така промова.

Ні на яких зборах у Єфремова я ніколи не був і не знаю його кімнат, не бував також ні разу на зборах в Дурдуківського. В самого Дурдуківського був мабуть двічі, в останнє тижнів за два до його арешту. Від нього я вперше почув, питаючись за причини арешту молоді — колишніх учнів І школи, — про товариство «ТЕС» чи «ТЕЗ», яке існувало уже кілька років. В мене залишилися в пам'яті такі, що передано як слова В.Ф.: «Було безневинне товариство — об'єднання дітей, що скінчили школу. Наша школа тим може і різнилася з іншими, що діти не поривали зв'язків зі школою. Вони бували на вечірках. Виступали з привітаннями, коли діти збиралися на останнє своє шкільне свято. Головне завдання товариства — була інформація від тих, що скінчили школу — членів товариства про профшколи і вищі школи, щоб полегшити дітям вступ до дальшої школи, полегшити вибір дороги. Ніякого офіційного статуту товариство не мало, мене (В.Дурдуківського) турбувало, бо ніколи й думки не було про те, що тут може виникнути якась історія». Дуже добре пам'ятаю такі слова Дурдуківського: «Хто його знає, може діти й мали якусь там організацію. Я завжди тішився з того, що знаю дітей, що не пориваю з ними. Але може я й помиляюся і тоді як гірко знати, що щось молодь робила, нічого мені не казала, не питала поради». З тих членів організації, що мені називав Вол. Федор., я знаю Павлушка і Юркевича. Серед арештованих дітей є ще мій учень Віктор Дубровський. Не пам'ятаю, чи казав В.Ф.Дурдуківський за нього як за члена організації.

Про існування «ТЕЗ» взагалі я вперше чув від Волод. Федоровича. Не чув ніколи щоб у школі чи поза школою відбувалися збори будь-якого товариства, знаю тільки, що були збори 1927 р. з приводу десятиріччя школи, на які запрошувано всіх колишніх учнів школи і всіх колишніх учителів. Я теж дістав запрошення, але на зборах не був і чув про них від Мих. Пилип. Кравчука в Академії Наук.

За існування другої організації під назвою «СУМ» я вперше почув 24/VIII–29 р. в кімнаті слідчого ДПУ.

Щодо зборів у Прохорової, то розмови, що там точилися (крім хиба згаданій), нічим не різнилися з тими, що звичайно йшли і в учительській І школи і в Академії і скрізь, де збиралися люди знайомі. Розмови про можливість війни і окупації не припиняються з 1920 року і що війни чогось чекають. Це відомо всім і мені. Можливо цілком, що говорили і в Прохорової, але нічого, що б виділялося на загальному сірому тлі моїх спогадів, я не бачу.

Можу сказати, що В.Ф. взагалі завжди був настроєний песимістично. Загально думка м. б. така: окупація можлива тільки підтримана від еміграції. Еміграція доживає свій вік, відірвана від свого грунту. Окупація польська несе найгірше поневолення, бо бачимо стан української культури в польській частині України. Фігура Петлюри імпонувала ще з певної інерції. Фігура Андрія Левицького не говорить нічого, невдоволення взагалі скрізь дуже багато, але порятунку шукати в інтервенціях не можна і т.д. і т.д.

Конкретно пригадую тільки єдину розмову в Прохорової — В.Ф. оповідав за якийсь лист, одержаний скоро по убивстві С.Петлюри з Парижа. Петлюрі дано якесь біблійське ім'я. Він загинув від руки чи «Бердичівського» чи «Таращанського» (розумій від руки єврея).

Його (Симона) поховано з великою помпою. Процес Шварцбарда займає багато уваги в 1926 році. Факт убивства обурював у нас кожного. Особа Шварцбарда нікого не цікавила, за процес казали, що його інсценовано, що його штучно підготовано, що присяжних підкуплено, що матеріяли збірано тенденційно. Хтось казав навпаки, що серйозні дані дав Інститут книгознавства і т.д.

Для більшості, і для мене, Петлюра був тінь минулого. Для нас, українців старшої генерації чи краще середньої, що найшли собі в період 1905–1914 рр., Петлюра був одним з передових укр. діячів (Рада, Українська Жизнь, виступи в Москві). Про панахиду по Петлюрі я не чув у той час. Звичайно на ній і не був (з VIII–1924 — VIII–1929 р. я ні одного разу не був у церкві). Абсолютно не пригадую, щоб я давав кому-небудь гроші на якийсь пам'ятник Петлюрі, про це я казав і торік слідчому ДПУ. Чи не збиралися гроші на якусь іншу мету? Зборів на всяку допомогу то тому, то іншому скрізь дуже багато.

При мені на зборах про утворення Укр. держави розмов не було, не чув від товаришів, щоб у кого-небудь складався якийсь план організації Держави і щоб про це хтось ділився думками з товаришами. Але добре пам'ятаю, що сумнівів завжди бувало дуже багато. Казали про природу українського народу, про анархічність, про грунт для бандитизма і відсутність грунту для справжньої організації. З певним місцем і особами ці розмови в моїй пам'яті не в'яжуться. Про Андрія Левицького розмови в Прохорової були. Якщо не помиляюсь, Вадим Віктор. Шарко ділився своїми спогадами за нього, як за члена Київської студентської громади, характеризував його як людину не дуже високого інтелекту і висловлював своє здивування з приводу того, що він може стати заступником Петлюри. З приводу цього чув, що це не дивно, коли доводиться заступати порожнє місце. Чи це останнє [мало місце] в школі, чи в Прохорової — не пригадую.

Гр. Холодний

Допросил *Южный*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — Т. 101. — Арк. 4-19. Оригінал. Рукопис.

№ 2

Звернення підслідного А.Барбара до слідчого ОДПУ Правдіна 4 жовтня 1929 р.

Следователю ОГПУ тов. Правдину

Подследственного доктора
Барбара Арк[адия] Ал[ексеевича]

Состояние тяжелого душевного потрясения, граничащего с отчаянием, которое Вы наблюдали вчера во время моего допроса, Вы расценили как реакцию от нежелания сказать правду из боязни ответственности за нея. Меньше всего я там думал вчера о результатах самой ответственности, ибо вся психика моя поглощена была тогда желанием понять совершенно непонятную мне столь категорическую уверенность Вашу в принадлежности моей к ныне расследуемой организации «Сп. Виз. Укр.», а также понять и непостижимые для меня вчера прочитанные Вами показания об этом Дурдуковского и Ефремова.

Дело в следующем: арест сына проф. В.В.Виноградова, обеспокоивший нас — сослуживцев покойного, естественно, заставил нас интересоваться причиной его ареста. Сначала говорили, что виновата связь его с семьей Ефремова, где арестован был племянник его, а затем стали говорить, что обнаружена целая контр-революц. организация укр. молодежи, группирующаяся вокруг школы Дурдуковского. Когда же были арестованы и сами Дурдуковский с Ефремовым, то роль школы Д., как дирижирующего центра этой органи-

зации, в городских слухах стала несомненной. Даже причину ареста Гермайзе объяснили тем, что он был преподавателем, будто бы, этой школы. Говорили между прочим, что началом этой организации послужила вечеринка окончивших школу, на которой утверждено было «Объединение окончивших».

С таким представлением об этой организации я был арестован и заключен: т.е. что это совершенно новая, исходящая из школы Дурдуковского организация, рожденная в последние 2–3 года. Сначала я думал, что организация эта является плодом пылких темпераментов патриотических юнцов и убежден был, что ни Ефремов, ни Дурдуковский никаких деловых отношений к ней не имели и арестованы в связи с ролью в этом деле школы. Но когда Вы показали мне целые фолианты исповедей Дурдуковского и Ефремова, то я принужден был признать факт причастности их к делу этому; перед этим я слыхал, что и многие и из молодых сознались.

В дальнейшем, когда Вы говорили мне о разветвлении целого ряда филиальных отделов этой «Спілки» по разным учеб[но]-просветительным учреждениям и, между прочим, у нас в Мединституте, то я, естественно, все эти данные наслаивал, как детали, на то представление мое об этой организации (в смысле времени и места ея), каковое перед этим у меня уж составилось о ней. И так как, в самом деле, я никогда прежде о такой организации нигде не слыхал, к школе Дурдуковского и к ея кругам никакого отношения не имел ни я, ни моя семья, и, вообще, последние годы был очень далек от всяких мест общения укр. интеллигенции, то я совершенно спокойно отнесся как к своему аресту, так и к последующему обвинению в принадлежности к этой организации.

Я считал это тогда простым недоразумением, которое легко рассеется при первом же анализе фактических оснований. Я терпеливо ждал этого и досадовал, что Вы затягиваете его. Правда, меня смутило несколько утверждение Ваше, что и в Мединституте были члены этой организации, подтвержденное арестом и сознанием д-ра Кудрицкого, но я был убежден, что в организацию эту, вероятно, вступило лишь несколько членов Президии, да и то, несомненно, в последние годы, когда я был в стороне от ея жизни.

Вот почему Ваши прежние упоминания, что в деле имеются компрометирующие меня показания о моем участии в этой организации, а также и предупреждения Ваши об очных ставках меня совершенно не пугали, хотя я вполне и верил Вам, и уже знал, что почти все члены ея и д-р Кудрицкий сознались. Вот почему, не взирая на это последнее, я так категорично и письменно и устно отвергал не только участие в ней, но даже и знакомство с ней. Так вот почему вчера моя нервная система не выдержала натиска Вашего и я потерял самообладание, хотя во время ареста моего я чувствовал и вел себя совершенно спокойно, что хорошо знает тов. Половецкий, проведя со мной тогда 8 часов подряд.

Я не смею утруждать Вас описанием своего самочувствия за пределами кабинета Вашего. Приведенное внешне в порядок, оно в глубине стало еще более невыносимыми, в самом деле, приближалось к психологии человека во время засасывания его топким болотом.

Но в камере ночью у меня возникло предположение, что быть может, речь здесь идет не о новой организации и не о новых связях ея с Мединститутом. Быть может, Дурдуковский и Ефремов показывали о старых связях Всеукр. спілки лікарів и объединяющим Центром. Это предположение, как уж возможный выход из мрака заколдованного круга, и является предметом настоящего заявления Вам, которое я подаю согласно разрешению Вашему. Если это так, то я прошу Вас вызвать меня на допрос для чистосердечного выяснения сего. Нервы у меня сейчас очень плохие, ослаблена память, но, мне думается, еще пока трудно объяснять все предшествовавшее поведение мое (при наличии почти общего сознания всех подсудимых) — методикой защиты страуса, для чего нужна ведь прежде всего «страусова голова».

4 октября 1929 г.

Барбар

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — Т. 116. — Арк. 141–143. Копія. Машинопис.

№ 3

Додаткові свідчення В.Підгаєцького 27 грудня 1929 р.

В чому я винен.

Я, бувший член УСДРП та Центральної Ради, визнаю себе винним у тому, що на протязі останніх 10 років, коли Радянська влада зміцнилася на Україні, я, залишивши УСДРП, цілий цей час чинив спротив Радвладі, фактично стоячи на грунті, ворожому Радвладі, домагаючись створити на Україні нову владу, яка б фактично уявляла собою Уряд реставрованої УНР.

Для того я в перші роки — 1920 до польської навали — організував та проводив к-р. роботу в установах, що їх лишила в Київі УНР — ЦБ ВУС та Раді т-ва шк. освіти, організовуючи там к-р сили укр. інтелігентства в першу чергу, та робив спробу цю боротьбу перенести й в Радянські організації: правління губ. від. спілки «РОБОС» (1920, 1921 р.), Міська рада (укр. фракція 1921 р.), правління ІНО.

Перенісши к.-р. роботу з В. лік. спілки до мед. секції УНТ, а пізніше ВУАН, я разом з декотрими членами Президії М.С. (Корчак-Чепурківський, брати Черняхівські, Удовенко, Барбар, Крупський, Кудрицький, Колесницький та інші) також і в цій організації систематично робив к-р. роботу, яка полягала в зібранні сил укр. к-р. лікарів, опануванні ними позицій в Київ. мед ін-ті (висунення та проведення своїх кандидатів на адмін. посади, на катедри та інші навчательски посади, в першу чергу всіх вищеназваних осіб та багатьох інших, зокрема з молодих к-р. лікарів, що мали творити нам допомогу та зміну), використання КМІ для пропаганди своїх ідей — редакція «Укр. Мед. Віст.», виховання молодих лікарів в антирадянському, ворожому до організації рад. культури дусі, блокування з антирадянською професурою інших національних носіїв, але також к-р. (Ліндеман), щоби врешті створити з КМІ «свій» заклад, а не Радянської влади.

Для того ми позбавились співучасті в Президії М.С. непевних, з конспіративного погляду, осіб (Вашетко, Кучнівський)..., систематично скликали нелегальні конспіративні збори (на прим[іщенні] Колесницького, в каб. Удовенко, Корчак-Чепурківського, Черняхівського і др.), де обговорювалися такі питання: опанування КМІ, створення з КМІ к-р. фактично УНРівського ВУЗу; як і загальнополітичні (притягнення політемігрантів Б.Матюшенко, Пісняневський; роля і положення та завдання укр. к-р. лікарів на укр. селі та наша робота з підготовки кадрів; методи боротьби з Радвладою; використання антисемітизму як метода політичної боротьби; інтервенція польська в 1920 р. — Мед. секція в особі Барбара та з нагоди його доповіді вітала польську інтервенцію і організовано підтримувала німецьку в пізніші роки; підготовка повстання; терор супроти представників Радвлади і т.ін.).

Крім того, для зв'язку зі своїми членами Президія влаштовувала ширші збори — вечірнє в рр. 1921–1922 на приміщенні Є.Черняхівського, кущові збори членів М.С. по групам клінік, доручаючи це окремим членам (Барбару та іншим), мобілізувала своїх членів на ріжні загальноміські збори — Секції наук. роб. для підтримки всіх загальних ухвал укр. к-р. кол. та місцеві КМІ — Місцевкому для проведення своєї лінії супроти ухвал ячейки КП(б)У і т.ін.

Одночасно з цією к-р. роботою я з 1920 р. входив в ріжні нелегальні гуртки, в гурток, організований Дорошкевичем, в складі ще Хотовицького, Цішнівського, Болозовича, Голоскевича, пізніше і Гермайзе («БУД»), де був і Єфремов, взяв участь в нараді у Єфремова, влаштував, за дорученням свого гуртка, нелегальний підпорядкований гурток разом з Цішнівським в складі Ярослава, Гаданюка, Сарневського. В гурткові цьому (де я був з Дорошкевичем), крім загальнополітичних питань, стояло також питання організації нами к.р. т-ва «Слово» (Голоскевич), яке мало стати засобом притягнення до нас співзвучних елементів укр. сільської інтелігенції і матеріяльної підтримки нами та через Болозовича й більшими коштами.

З наступом доби НЕП я, Дорошкевич, Гермайзе відійшли від Єфремова з міркувань розходження в політиці, переважно і ставши на позицію тактичного зміновіховства за нових

обставин, створили новий нелегальний гурт, втягши туди Іваницю. Я і інші співучасники не прийняли проекту Іваниці що до декларації Рад. Уряду — дуже ліва, і створили другий гурт, закликавши на місце Іваниці Пастернака, Попова, Ганчеля, що незабаром одійшов. В цьому гурті викристалізовувалася моя (і наша спільна) політична ідеологія, як що не платформа. А саме — визнання Радвлади як історичного факту: розрахунки на переродження Радвлади в дусі буржуазного демократизму; ставка на укр. куркульне село, якого ми ідеологи, коли не лідери, мали бути; відпинення інтервенції і визнання повстання як методу боротьби; тактичне зміновіховство; праця на користь визволення України; консолідація укр. к.р. сил; підготовка кадрів; захоплення позицій у ВУАН, БЕНР, ІНО і т.ін., розрахунки на еміграцію.

У розв'язанні поставлених завдань я разом з Дорошкевичем та Гермайзе взяв участь в організації т.зв. Молодої Академії зі складу співзвучних елементів з співробітників ВУАН (Голоскевич, Дем'янчук, Ганцов, Тимченко, Зеров ботан., Огієнко, Пастернак, Холодний Гр. та інші), яка мала створити над ВУАН зміновіховську завісу від Рад. Уряду і приховати к-р. зміст цієї роботи і складу ВУАН, ...використати ВУАН як агітаційний осередок для впливу на ширші кола студ. молоді, організувати ВУАН і ВБУ — співробітників для спільних к.р. виступів в ЕНР, Місцевкомі і т.ін., консолідувати к-р. сили з активних співробітників ВУАН, та спрямувати їх в спільне річище.

Політична платформа М.В.А. була більш строката, ніж нашого об'єднання, але більш відверта у певної частини (Ганцов, Голоскевич, Плевако) щодо методів боротьби — визнання терору, неприхований антисемітизм і т.ін. Так тут, як і в Президії М.С., я також винуватий у тому, що примиренські ставився до цих методів та фактично користався і сам антисемітизмом як методом політ. боротьби, активно провадячи в життя ухвали Президії М.С. і т.ін. Організуючи свою фахову роботу (катедра проф. гігієни КМІ, н.-дослідн. катедра медицини Інфізкульт) я добирав в співробітники таких же к.р., як я сам (Кудрицький, Драпалюк), або людей спільних по минулій к-р. діяльність, чи таких, що я їх сподівався обробити, та що вони будуть знаходитися під моїм впливом та виплянувати мої завдання і підтримувати мене по потребі. Отже з тих осередків я мав міцну технічну базу для своєї к-р. діяльності.

Щоб зміцнити її я велику увагу віддав набуванню своєї наукової кваліфікації та своїх помічників-однодумців, щоб використати якнайширше для гарантії і імунітету прихильне ставлення Радвлади до наук. робітників і їх досягнень, та під охороною науки провадити свою к-р. роботу. Я на протязі двох років 1925–1927 приймав участь у нелегальному керівництві місячн. «Життя і Революція», який я з іншими (Дорошкевич, Попов і др.) хотів повернути в орган нашого політичного напрямку для опанування укр. інтелігенцією, в першу чергу сільською.

Велику вагу надаючи справі к-р. виховання молодняка з посеред укр. студ-ва, я в інших ВУЗах, по технічними міркуванням, не зміг сам цього робити, і тому в КМІ, щоб не проминути і тут цієї форми роботи, доручив її своїм помічникам — більш одверто Кудрицькому, а також і Драйомоку. Підтримуючи владу своїх, я «непевних» з бувших «своїх» всіляково пристосовував (виступав супроти Вашетко на Н/Д катедрі тощо). Коли я побачив, приміром в 1926 р., що робота консолідації укр. к-р. сил в Київі довершена — позиції в КМІ, БЕНР, ВУАН за мной і поплічниками моїми забезпечені, гуртування нелегальні (Президія М.С., М.А., інтимний гурт, Президія наук. пед. т-ва) налагоджені, то я перейшов до праці на ширшому терені, впливаючи й інших тому відповідних методів.

В Президії наук. педаг. т-ва, що перейняла традиції Т-ва шк. осв., я взяв участь в організації роботи по здійсненню к-р. впливу на сільське учительство... На засіданні Президії М.С. восени 1926 р. я вступив в єдину к-р. організацію («С.В.У.»), отже знов став у лави єдиного укр. к-р. фронту з Єфремовим на чолі і на двох засіданнях брав участь в обговоренні цієї справи. Я сприяв організації молодих укр. к-р. лікарів (Пітенка, Махуліно-Горбацевич), допомагаючи переведенню багатьох членів цієї групи в ординатори КМІ, виступивши з промовою на V-річн. ювілеї першого випуску лікарів Україн. лектури, обмірковуючи пильно захоплення позицій лікарями к-р. в місті (посади на заводах, захоплення ЕНМО і т.ін.).

Для поширення свого к-р. впливу поза Київом я взяв участь в блокуванні з рос. к-р. професурою Харкова (Воробьев, Мельнікив) та ін., на вечері в Ренесансі, на зборах у О.Чер-

няхівського), в обговоренні цих справ з І.Холодним в Харкові та Одесі і т.ін. Після 1926 р. я прийняв участь в роботі Президії М.С. по стягненню в Київі к-р. сил (Зелинський, Яковенко та інші) та по організованій перекидці к-р. лікарів в інші місця (Вороний в Харків).

Фактично стоячи на визнанні положення, що в боротьбі з Радвладою всі засоби дозволені, цілою своєю діяльністю індивідуальною і разом з іншими (в ріжних нелегальних організаціях), що була активно і незмінно скерована на опанування укр. к-р. селом, на організацію його антирадянських сил та збудження в ньому к-р. антирадянських течій (участь в роботі «Життя й Революція») «Укр. мед. ін-та», власні друковані роботи — «Матеріали за режим роб. дня», «Жіноча праця в с.г.», «НОП і с.г.» і друг., виховання к-р. активістів з молодих лікарів, пособництво у вселюванні таких же учителів, кооператорів тощо, що з них мали повстати і повстали провідники к-р. села), я спричинявся до підготовки повстання супроти Радвлади. При обговоренні в укр. к-р. колах взагалі (Наук. педаг. т-во М.А.) та в медичних зокрема (Дурдуківський, Плевако, Ганцов, Кучеренко, Барбар) я виявив своє примиренське ставлення до терору як методу боротьби та до тої форми його, яка сполучена була з зловживаннями обов'язком лікаря та порушенням лік. етики у відношенні представників Радвлади. Я розраховував свою к-р. роботу на труднощі Радвлади у періоді відбудування та особливо в періоді реконструкції і сподівався на успіх моєї діяльності та досягнення її мети — створення нової влади на Україні, не виключаючи з цього розрахунку і міжнародні труднощі, отже фактично примиренські ставлячись і до інтервенції.

Я не в силі зміряти всіх наслідків цієї своєї к-р. роботи, але я певний, що вона велику шкоду зробила Радвладі на Україні та СРСР, та обумовлювала не лише випадки і систему вчинку культурного шкідництва в середині Рад. України, але й збуджувала надії та ставила об'єктом розрахунків політичних як політ. української еміграції за кордоном, так і ворожих СРСР та УСРР капіталістичних держав, себ-то я фактично продавав Україну, що з любові до неї став к-р., та Радянський Союз капіталістичному світу за ціну сумнівної вартості «національних святощів», що були мотивами та метою моєї к-р. діяльності.

Лише широка, об'єктивна громадська оцінка Радянського Суду зможе викрити та виявити цілу шкоду, яку я робив і зробив Державі працюючих; не лише визначивши мені сувору кару, але й поставивши мене з помічниками моїми до стовпу ганьби як зрадників робітників і селян, Радянської Держави, національної культури і добробуту укр. народу, одночасно знявши з мене облудні прикраси буржуазної ідеології, що ними я (б. соціял-демократ) прикривав свої ганебні вчинки супроти робітників і селян, працюючи на користь міжнародного капіталу, реакційного фашизму, виявивши цілу безпідставність та безперспективність тої к-р. течії, до котрої я належав. Радянський Суд як орган Радянської Громадськости та Диктатури Пролетаріяту, приведе до пам'яті тих, кого я перетяг на к-р. стежку, [і вони] спинять к.р. діяльність, яка набула інерції...

Лише в такій спосіб можна буде обмежити шкідливий вплив надалі моєї минулої к-р. роботи. Я вірю зараз в те, що Радвлада і надалі так само вийде переможцем на шлях будування соціялізма в Союзі СРР *, як виходило досі. Я визнаю, що лише Диктатура пролетаріята та провід ВКП, Комінтерну забезпечать Україні та робітництву і селянству її найбільший розвиток та добробут. Я відмовляюсь від своїх хибних, на сліпій ненависті збудованих, політичних переконань, що призвели мене на шлях к-р. діяльності, і прошу дати змогу працею довести щирість мого зізнання та глибину свідомості зроблених мною злочинів і працею-ж спокутувати хоча б частково мою провину перед робітництвом і селянством УСРР, ССРР ** та цілого світу. Я вірю в перемогу робітничої кляси та прошу дати мені змогу працею поновити морально втрачене право радянського громадянства.

В.Підгаєцький

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — Т. 121. — Арк. 42–48. Копія. Машинопис.

* Так у тексті. Правильно «Союзі РСР».

** Так у тексті. Правильно «СРСР».

№ 4

Життєпис А.Барбара
13 січня 1930 р.

Барбар
13 января 1930 года

Родился в 1879-м году в слободе Поповшино быв. Роменского уезда Полтавской губер. Отец мой по происхождению крестьянин из крепостных и в этом сословии остался до самой смерти. Что же касается имущественного положения его, то после женитьбы на моей матери (вдове-дворянке), он получил значительную земельную собственность, которую затем сам увеличил до 500 десятин земли, а также приобрел в Ромнах дом с небольшим при нем домиком. Скончался он уже во время революции (конец марта или в апреле 1917 г.) и указанное имущество оставил 6 наследникам, из которых мне лично отписано было 300-дес. земли и упомянутый уже дом в Ромнах.

Я служил тогда на фронте и неразделенным имуществом, по поручению наследников, распоряжался до конца Деникинщины брат мой от 1-го брака моей матери М.Е.Шрамко; при этом я лично отказался тогда от доходов с этого неразделенного имущества в пользу старухи матери и 2-х сестер-инвалидов. Об окончании процесса утверждения меня в правах наследства (который тогда тянулся долгое время) я узнал лишь незадолго перед концом Деникинщины... Я испытываю искреннее раскаяние, что этих сведений я не показал при первом допросе моем, когда к вопросу об имущественном положении моем я отнесся тогда исключительно лишь с формальной точки зрения.

В 1890 г. я поступил в Полтавскую гимназию, откуда в 1897 г. перевелся в Киев[скую] 2-ю гимназию, которую окончил в 1900 г. В этом же году поступил на медфакультет Киев[ского] университета. Еще в Киевск. гимназии я стал читать нелегальную украинскую литературу, которая впервые разбудила у меня национальное самосознание и народницкие настроения. Поэтому сразу же в университете я вступил в Укр. студ. громаду и в Полтавское землячество, которые в то время считались нелегальными организациями и были объединены с другими землячествами Студ. союзным советом, руководившим тогда студ. движением.

Мои студ. годы совпали с наиболее бурным периодом студ. движения, в связи с которым я уже [на] 2-м году (за известную греческую забастовку) был сдан в солдаты на год в числе 183-х студ. нашего университета. На 2-й год по делу нашей студ. укр. громады и РУП я арестован был на родине, препровожден в Киев и заключен в Лукъяновскую тюрьму, откуда через 3-4 месяца был выслан на родину под надзор полиции. Летом с 3-го на 4-й год по поводу агитации среди крестьян был арестован на родине и заключен в Роменскую тюрьму.

Укр. студ. громада того времени находилась под идейным руководством Рев. укр. партии (РУП), которая в 1904 или 1905-м переформировалася в УСД, и я лично вместе с большинством громады разделил на себе идейное влияние сначала РУП, а затем УСД, и с 1904 по 1907 года я принимал участие в Киев. ком[итете] УСД. При ликвидации 1-й революции я за участие в крестьянском движении у себя на родине был заключен в Роменскую тюрьму (1907-й год), после чего этапным порядком выслан был в г. Курск под гласный надзор полиции.

Уже во время этого я наново привлечен был к явно провокационному делу об аграрном терроре в селе Медвежьем того же Роменского уезда (где я ни разу не был тогда), к этому делу я буквально не имел никакого отношения ни фактического, ни тем паче, идейного, ибо уже тогда был убежденным противником террора. Тем не менее, дело это передано было в Киев[ский] Воен[ный] Окр[ужнной] Суд, где в декабре 1908-го года и слушалось с применением квалификации по 279 ст. (смерть, казнь через повешение), и лишь благодаря сильной защите нашей (меня защищал Ратнер) все 8 человек нас были оправданы судом тогда.

Не имея политической благонадежности, без которой не допускали меня к государственным экзаменам в университете, я последние мог сдать лишь в 1910-м году. После всего

пережитого, а отчасти и по некоторым принципиальным разочарованиям, я в дальнейшем не возобновлял уже своих связей с УСД и весь целиком отдался профессионально-врачебной работе, которая протекала в таком порядке весь 1909-й год в частн. Киев[ской] Тарасовской лечебнице (ординатор еще без диплома). Весь 1910-й года работал вне штата в Хирург[ической] клинике проф. Волковича. С начала 1911 г. по весну 1914 г. служил штатным в Киев[ской] Кирилловск[ой] больнице.

С весны 1914 г. до мобилизации в империалистической войне заведовал Терапевт[ическим и] Инфекц[ионным] отделами больницы в гор. Александрии Херсонск. губ. От мобилизации этой до конца 1916-го года в Киев. воен. госпитале (старш. ординатор). С конца 1916 г. до зимы 1917 г. на фронте — во 2-м дивизионном лазарете 122 пех. дивизии (старш. ординатор).

В октябре или ноябре 1917 г. в Киеве назначен был 3-й «Всеукр. військ[овий] з'їзд», куда меня и делегировал наш дивизионный комитет. На этом съезде я, по старой памяти, записался во фракцию УСД, и хотя на самом съезде я ни разу и не выступал и был пассивным и во фракционных заседаниях, однако в конце съезда от имени фракции УСД я был избран кандидатом в члены Центральной Рады, что давало право на откомандирование от своей части. На этом основании я вскоре и был откомандирован из своего лазарета и прикомандирован к Киевск[ому] Воен[ному] клинич[ескому] госпиталю.

По возвращении в Киев, я стал посещать как общие заседания Центральной Рады, на которых я ни разу не выступал, а также и заседания ее фракции УСД. Должен сказать, что еще на таких же заседаниях фракции съезда я уже чувствовал, что я значительно отстал от партийной жизни УСД и ее программы, но здесь в Центральной Раде это еще острее стало ощущаться. Большую путаницу оставляла у меня и острая борьба между левым и правым крылом фракции, в которой мне часто было трудно разобраться за отсутствием знаний социальных и экономических наук. Вот почему, когда д-р Матюшенко Б.П., только что назначенный председателем «головної мед. санітарної управи» (гражданской), предложил мне работать там с ним, то я сразу же согласился и окончательно ушел из Центральной Рады и из состава ее фракции УСД, где я участвовал недолгое время. С этого времени я уже более не возобновлял своих связей с УСД и нигде не выступал от ее имени.

В голов. сан. управе я работал на должности пом. головы, одновременно состоя прикомандированным врачом в Воен. клин. госпитале. При первом вступлении Соввласти в Киев и в течение всего пребывания ее здесь работал в Лаврском отделе военного клин. госпиталя. После ухода Соввласти и восстановления Головн. мед. сан. управы я продолжал работать в ней на той же должности до гетманского переворота. После переформирования Г[оловной]. сан. управы в Министер. народ. здоровья я ушел оттуда и получил место пом. главврача гарнизонного госпиталя (от предложения главврача я сам отказался тогда). Кажется осенью того же 1918 г. я сам ушел и отсюда, не имея возможности далее переносить здесь обнаглевшей реставрации старой военизации в санит. ведомстве.

Вскоре, по приглашению д-ра Матюшенка, который тогда был директором медиц. департамента мин. народ. здоровья, я начал работать в его департаменте в качестве его помощника (Вице-директора). При Директории Матюшенко же стал комиссаром комис. народн. здоровья и был назначен им уже директором этого департамента. При вступлении Директории в Киев я получил еще назначение комиссаром голов. військ. санит. управи, но я категорически отказался от этой роли и даже не вступал в эту должность. Помню я тогда лично просил д-ра Галина (украинца и знатока воен. сан. службы) взять на себя вместо меня это назначение. Он согласился и меня освободили от этой роли, но взамен этого потребовали хоть на короткий срок побыть комиссаром воен. клин. госпиталя. Таким образом, помимо работы в комиссариате народного здоровья я около 10 первых дней Директории состоял еще комиссаром воен. клин. госпиталя.

После изгнания Директории комис. народн. здоровья был ликвидирован и я перешел на работу в головну управу Укр. Черв. Хреста, где и занимал здесь различные административные должности в медицин. части ее до прихода деникинцев. Последние Укр. Чер. Хрест ликвидировали и имущество его конфисковали. Мы с д-ром Златковским тогда отказались

служить у них, хотя нам и предлагали видные места здесь в Киеве. Когда же я увидел, что деникинцы собираются меня мобилизовать и вывезти в Ростов, то я скрылся в Ромны и вернулся перед самим уходом их из Киева, когда они все-таки мобилизовали меня, но уже не успели вывезти из Киева, а оставили в гарнизонном госпитале.

С приходом Соввласти Укр. Чер. Хрест был восстановлен, и я, оставаясь в гарнизонном госпитале, стал снова работать в головной управе Укр. Чер. Хреста. Тогда же я избран был врем. исп. об. представителя организационного комитета Укр. Чер. Хр. на время отсутствия в Киеве действительного председателя его д-ра Петровского П.В. Вскоре после вступления соввласти я заболел тяжким сыпным тифом с последующими осложнениями, почему и пролежал в постели около 3-х месяцев. Вспоминаю, что еще во время выздоровления моего в лечебнице УЧХ (быв. Маковского), где я тогда лежал, раза 2 происходили под моим председательством заседания организационного комитете УЧХ, большинство членов которого, а также и я, были враждебно настроены к Соввласти.

После выписки из лечебницы (в апреле 1920 г.) я переведен был из гарнизонного госпиталя в воен. клинический госпиталь, где и оставался на службе до демобилизации своей (начала 1923 г.). Во время эвакуации Киева, еще за 10 дней до вступления в него поляков, приказом по Киев. окр. воен. санитарному управлению переданы были УЧХ под его защиту и на его иждивение все оставляемые в Киеве воен. сан. учреждения и сан. имущество, а также значительное количество больных и раненых красноармейцев и крас. командиров.

На 2-й день сандиктатор передал УЧХ для этих же целей все находящиеся в Киеве и его окрестностях гражданские и медико-санитарные учреждения и их имущество. В связи с этим тогда же в Гол. управе УЧХ на заседании представителей различных общественных организаций были учреждены ряд комиссий (городск. медицины, земской медиц., Рос. креста, пленбеж. и наконец, военная санитарная комиссия) для распределения между ними оставляемых мед-санитарных учреждений и имущества и последующей охраны и обслуживания этих учреждений. На этом заседании был избран и я председателем воен. санит. комиссии, после чего немедленно и приступил к приему, регистрации и охране оставленного имущества, а также и обеспечения довольствием целого ряда оставленных действующих учреждений (госпиталь, санитарная воен. фельд. школа и т.д.).

Благодаря дружной работе сотрудников учет и охрана оставленного имущества успешно налажена была до прихода поляков. Но с вступлением их в Киев уже в первые дни обнаружился целый ряд случаев, где поляки, игнорируя охранные грамоты УЧХ, срывали печати его и силой овладевали некоторыми учреждениями и имуществом (напр., тыл. эвак. пункт на вокзале и др.) под видом военной добычи согласно, будто бы, военной конвенции их с Петлюрой. Не помогали и мои личные протесты, а также головы УЧХ — Линниченко и его помощ. Златковского.

Такое поведение поляков убедило Линниченко и Златковского, что дальнейшая защита имущества эмблемой Красного Креста на основании Женевской Кр. Кр. конвенции не действительны для поляков и, что необходимо поскорее использовать для этого официального представителя воен. санит. петлюровской власти, который легко мог бы защитить все это имущество от поляков на основании военной конвенции их с Петлюрой, по которой (как они тогда узнали), все военно-санитарное имущество в Киеве не могло считаться военной добычей поляков.

А между тем, тогда в Киеве не только не было никакого представителя воен. санитар. ведомства, но и вся петлюровская власть олицетворялась в это время в Киеве единственным представителем Петлюры — полковником (фамилии не помню), который и производил тогда здесь назначения местных должностных лиц. Все это и побудило тогда Линниченко и Златковского немедленно использовать этого полковника для назначения меня «комиссаром вiйськ. санiтарних справ по м. Киïву» для защиты имущества и содержания больных в госпитале и служащих во всех действующих учреждениях.

Я повторно и категорически отказывался тогда вести эту работу в новом звании «комиссара», о чем подробно описано в моем заявлении военному комиссару Киев. воен. клин. госпиталя, которому я излагал тогда эту деятельность на свежую память вскоре пос-

ле освобождения Киева от польск. петлюровской оккупации. Дубликат этого заявления взят при моем аресте и на нем значится ряд собственноручных приписок (некоторые с печатями), подтверждающих правдивость фактического в нем изложения (а, именно, Голова и пом. головы УЧХ Линниченко и Златковский, быв. сан. директор д-р Сыроичковский, быв. пом. главврача воен. клин. госпиталя д-р Левин, оставленный тогда Соввластью в Киеве, воен. врач Бернштейн и президия Всеукр. спілки лікарів).

Мне много раз приходилось повторно перечитывать это заявление, а недавно я переписывал его, поэтому я отчетливо помню сейчас все обстоятельства этого периода моей деятельности, часть которых подробно и изложена мною выше здесь. Правда, хотя эта фактическая сторона и соответствует действительности, однако само заявление это написано без откровенного и полного освещения всей тогдашней идеологии моей и действительного отношения моего к Соввласти.

Помимо сего в этом заявлении не упоминается о моем присутствии на вокзале при встрече Петлюры, не описана и моя речь в военно-фельдшерской школе с антисоветским выпадом и, наконец, скрыто было, что острый момент после вступления Соввласти в Киев я пересиживал около 2-х недель в квартире д-ра Левина (которого я тогда 2 раза освобождал из-под ареста, не будучи с ним тогда близко знакомым). Обо всем этом я подробно скажу, когда буду суммировать вину мою против Соввласти.

После ликвидации польско-петлюровской оккупации я уже службы своей в УЧХ не возобновлял и исключительно отдался работе в воен. клин. госпитале (завед. отделением), где служил до демобилизации (кажется, начало 1923 г.). В 1921 году поступил на службу в КМИ (ассистент кафедры проф. Виноградова — госпит. терап. клиника), в 1925 году назначен стар. ассистентом этой кафедры. Заседания президии стал посещать после освобождения от военной службы с 1923-го года, хотя прежде изредка я общался с членами президии. В нелегальную организацию президии вступил в 1925 г. К СВУ присоединился вместе с группой президии осенью 1926 года.

Барбар

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — Т. 115. — Арк. 57–61. Оригінал. Рукопис.

№ 5

Постанова про пред'явлення обвинувачення В.Підгаєцькому 21 січня 1930 р.

м. Харків, року 1930, січня 21 дня. Я, уповноважений ДПУ УСРР Правдін, розглянувши матеріяли передсудового слідства в справі №... за звинуваченням гр. Підгаєцкий Володимир Яковлевич, 1889 р. нар., син учителя, був. чл. УСДРП, був. чл. Центральної Ради, професор КМІ, [нерозбірливо], член спілки «Робос», мешкає у Києві

з н а й ш о в,

що матеріалами слідства, свідченнями обвинувач. Підгаєцького В.Я. та інших обвинувач. по цій справі, встановлено: обвинувач. Підгаєцький В.Я. у [1]925 р. разом з іншими членами президії Медсекції ВУАН утворив запільну к.р. організацію, яка під назвою «пленум президії» проводила контр.-револ. роботу серед студентства та навчательського складу КМІ з метою відірвати їх від комуністичного впливу та утворення серед них кадри самостійників для боротьби з Радваладою.

Восени [1]926 р. голова президії й запільної організації проф. Черняхівський О. та доктор Колесницький з доручення керівника к.р. організації СВУ Єфремова запропонували членам запільної організації, які входили в склад Президії М.С., у том числі й Підгаєцьому В.Я., злитися з утвореною Єфремовим контр.-револ. організацією під назвою «Спілка визво-

лення України» (СВУ), що ставила собі завданням шляхом повстання повалити на Україні Радвладу, силоміць відірвати територію України із складу СРСР та відновити на Україні капіталістичний лад у формі УНР.

Обвинувачений Підгаєцький В.Я. разом з іншими членами президії згодився з пропозицією проф. Черняхівського та доктора Колесницького й вступив в члени СВУ. Як член СВУ обвинув. Підгаєцький провадив к.р. роботу згідно з програмою та новими завданнями к.р. організації СВУ.

На підставі вищенаведеного, керуючись арт. 126, 127 Кримінально-процесуального Кодексу УСРР та постановою ВУЦВКу з 10/X–28 року «Про уточнення функцій органів ДПУ та Прокурорського догляду»,

у х в а л и в:

пред'явити гр. Підгаєцькому Володимиру Яковлевичу обвинувачення в заподіянні злочину, що його передбачено арт. арт. 54–11 стосовно до арт. 54–2 Кримінального Кодексу УСРР.

Копію цієї постанови напрямувати Прокуророві до погляду за органами ДПУ УСРР.

Уповноважений ДПУ УСРР

Нач. СВ ДПУ УСРР *Горожанін*

Вищезазначене обвинувачення мені пред'явлено.

Підгаєцький

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — Т. 120. — Арк. 134–135. Оригінал. Рукопис на бланку.

№ 6

Життєпис В.Удовенка
1930 р.

Народився я в 1881 р. у Києві. Батько був залізничним службовцем (старшим бухгалтером Київ. головн. майстерень Півд.-Зах. залізниці); «сословие» його — з міщан, за 30-річну службу на залізниці одержав звання «личного почетного гражданина». Вчився я в Київській 4-й гімназії. Весь уклад сімейний батьків — дрібнобуржуазно-патріархальний, що й давав свій вплив до юнацької пори. Впливи, оточення позасімейного (шкільне товариство) призвели до юнацької кризи в поглядах, що почалася, як звичайно, з релігії, а далі дала певний власний світогляд.

Того самого часу з'явилися й перші впливи національні українські, що йшли з шкільного оточення: бесіди, часом бування в нелегальному «Українському клубові» (що збирався у вигляді вечірок у проф. Антоновича, композитора Лисенка та інш.) — все це витворило ідеалістично-романтичне сприймання українського національного питання.

Далі я вчився на медичн. факультеті Київ. університету (1900–1907). Нове ширше оточення затінило, а далі й витіснило юнацькі розуміння в національному питанні і я впав у протилежну крайність, властиву інтелігентським течіям тодішнього часу — ігнорування національного моменту. За керівників мого світогляду стали народницькі течії «Русского Богатства», зокрема Короленко та Михайловський. В університеті, не входячи до певних партійних організацій (один час, р. 1906, вступив був до якогось «Радикального союзу», чи щось вроді цього), брав участь у визвольному рухові того часу; зовнішніми проявами моїх громадсько-політичних поглядів були такі факти: я був (р. 1906) членом «Ради студентських представників», тобто центрального університетського керівного органу, членом, а потім головою видавничої студ. комісії мед. фак. (за обранням курсу) — увесь час;

заступником старости курсу (р. 1905–1906); виступав з друкованим (спільно з іншими) публічним протестом проти директора колишньої своєї гімназії — відомого тоді чорносотенця Н.В.Стороженка (газ. «Киев. Мысль», 1906 р.).

В університеті, я перейшов і на власний економічний грунт в особистому житті — з 1905 р. вже жив без допомоги батьків. Р. 1906, ще студентом здобув посаду інтерна Київської «лікарні для чорн. робочих», де й був до 1909 р. Щоб уже не повертатися ще раз до питання про джерела свого матеріального існування взагалі, додам тут, що взагалі із згаданого часу й досі єдиним джерелом мого заробітку і існування мене й сім'ї була служба. По смерті матері, вже після революції, я спільно з 4 сестрами й братами отримав за правом трудового користування колишній материн будинок, де я тепер і жив у Києві (будинок безприбутковий, що ніколи прибутковим податком не оподатковувався, оцінений р. 1929 в суму щось 13000 крб., служив для житла мені, сестрам і братові з сім'ями).

Далі з р. 1909 я вступив на земську службу — в Бердичівському повіті був участковим земським лікарем (р. 1909–1911), а далі санітарним земським лікарем (1912–1913). З 1913 р. перейшов до Києва на таку саму посаду по Київському повіту, де й був до 1915 р. Роки 1915–1917 за мобілізацією був військовим лікарем. Щодо громадсько-політичної своєї характеристики за цей час (після університету до революції), можу відзначити таке. До партійних організацій не належав. В загальній громадській діяльності орієнтувався на угрупування, що купчилися навколо відомого Пироговського товариства лікарів, що в свій час мало своє певне значення в історії боротьби з царатом. Я був увесь час активним членом цього товариства, брав участь у всіх його з'їздах. Загалом належав до типових представників земського «третього елементу» з його прогресивним, але не досить диференційованим політичним світоглядом. Після революції, будучи ще на військовій службі, брав участь в новій організації військово-санітарної справи на громадських підвалинах, був обраний на члена «Ради військових депутатів» Кам'янець-Под., але ж до безпосередньо політичних угруповань не входив.

Повернувшись в 2-й половині 1917 р. до Києва, я спочатку був чужий хвилі гострого національного піднесення серед української інтелігенції того часу, але ж увійшовши в діловий дотик у справі фахової моєї роботи з українськими націоналістичними колами (посада зав. санітарно-статистичним відділом медично-санітарної управи генерального секретаріату внутр. справ), я почав, головне через д-ра В.Матюшенка, входити до цього загального руху, набувати його ідеологію.

Цей період є пора з'явлення й розвитку моїх антирадянських думок. Вони з'явилися ще до часу з'явлення радянської влади на Україні — гострі виступи проти Радвлади та більшовицької партії з боку проводирів Пироговського т-ва лікарів у Москві, їх заклик до всіх лікарів саботувати Радвладу викликали, пам'ятаю, в мене перше, конкретно вороже ставлення до ще далекої тоді Радвлади. Далі національна свідомість, що була першим наслідком мого вливання до українського руху, перейшла до загального річища українського шовінізму, що просякав тоді всю українську інтелігенцію. На революційну силу, що поволі зростала на Україні, а зовні йшла з Росії, я дивився як на ворожу навалу, що її викликав фанатизм керівників більшовицької партії, які не розуміють життя, навалу, що нищить не тільки національну культуру, а й взагалі культурні цінності, основи гуманності. Перші хвилі громадянської війни на Україні, захоплення в січні 1918 р. Києва Муравйовим для мене були проявами насування цієї напіванархічної, в моїй уяві, сили.

Дальші зовнішні факти мого життя були такі. По утворенні міністерства здоров'я я за часів гетьмана та Директорії служив у ньому на посаді помічника директора (віце-директора) санітарного департаменту. Після повалення «УНР» та з встановленням Радвлади р. 1919 в організованому в Києві Народному комісаріаті охорони здоров'я мене призначено було на посаду завідувача санітарно-епідемічного відділу як відповідного фахівця з апарату колишнього міністерства. При цій безпосередній зустрічі з Радвладою на праці я сприймав її так само вороже, як про неї раніш думав на віддаленні, залишившись працювати в НК здоров'я, тільки не бажаючи викликати обвинувачення в саботажі. Гостра пора військового комунізму, весь бойовий тон самої праці в комісаріаті, потреба керувати бага-

тьма заходами, яким я не співчував, викликали в мене глибоке незадоволення та живили моє вороже ставлення до влади. Не виявляв я тоді якоїсь певної акції проти влади, бо не було грунту в мене для такої акції, але за зовнішньою лояльністю в моїх думках панував шовінізм і ворожість до влади.

За денікінців (восени 1919 р.) я вступив на працю до санітарного бюро земської управи, перетвореного з відповідного відділу Губ-здоров'я, і короткий час працював там. Швидка перспектива повернення Радвлади, зв'язана в моїй уяві з перспективою повороту Наркомздоров'я та знов тої самої примусово-тяжкої праці, керівництва тим, чому я не вірив, штовхнула мене шукати якогось виходу, і я вирішив виїхати з Києва, як з центра, кудись на периферію, щоб коли вже доведеться жити при Радвладі, то хоч бути на меншій, чисто технічній роботі, щоб не відчувати цього розладу. Наявність брата в Одесі штовхнула мене туди. Отож, не маючи зовнішніх ніяких підстав виїздити з Києва, я опинився в Одесі (листопад 1919 р.). Знайшов працю в обласній комісії по боротьбі з епідеміями як фахівець, а після повернення Радвлади до Одеси взяв посаду в Губздороввідділі (заввід, санітарної секції), де й працював до весни 1920 р.

Весною цього року я на запрошення Київського Губздороввідділу повернувся до Києва на посаду зав. саніт. підвідділом. Одночасно з тим одержав посаду в медчастині управи Українського Червоного Хреста, де й працював і за часу, коли в Києві були 1920 року поляки з Петлюрою. Мої антирадянські настрої втратили під упливом часу гострість відчування, але по суті ні в чому не змінилися; активно вони не проявлялися ще тим часом, бо оточення не сприяло цьому, але пригадую своє вороже ставлення до керівника Здороввідділу Канівського, злорадне почуття, коли констатовано було якісь великі непорядки в аптекоуправі тощо. Можливість перейти з осені 1920 року до праці науково-навчальної, яка мене давно вабила й взагалі (ще 1918 р. я добився призначення професорським стипендіатом) була для мене тим бажаніша, що там я сподівався знайти близьке до своїх націоналістичних поглядів оточення.

Отже, з 1920–1921 р. я почав роботу як асистент катедри гігієни української лектури (у проф. Корчак-Чепурківського) Медакадемії. Одночасно з цим мав ще посади: р. 1921 — завідувача центральної санітарної лабораторії Губздороввідділу, а р. 1922 — зав. санітарної лабораторії Півд.-Зах. залізниці. Восени 1923 р. отримав посаду професора загальної гігієни Київ[ського] мединституту. Крім того, викладав гігієну на архітектурному факультеті Художн[ього] інституту, був дійсним членом науково-дослідчої катедри теоретичної медицини (з р. 1928). З осені 1928 р. працював ще в Інституті гігієни праці. В мединституті, крім професорської посади, ще в різні часи мав такі посади: р. 1922–1923 — секретаря бюро інституту, а р. 1925–1928 — секретаря редакції журналу «Укр. Мед. Вісті».

До зазначеного вважаю ще за потрібне додати про таке. Восени 1928 р. в газеті «Правда» вміщено було анонімного дописа про хиби в Київ[ському] мединституті взагалі, й там, між іншим, на мене було зроблено наклепа, що я ніби був «активним членом» «Союза Русского народа». В цій справі я звернувся до профорганізації, зокрема до голови спілки «Робос» т. Скарбека та до секції наук[ової] роб[оти] з проханням розслідувати справу, при цьому подав свої пояснення, деякі документи, що в мене збереглися та свідчили про абсолютно протилежну згаданій продажній організації, громадсько-політичну мою орієнтацію, як за студентського часу (до якого здається й стосувалося обвинувачення), так і за дальшою, послався на осіб, що мене знали за дореволюційного часу (д-р С.І.Радченко та Корчак-Чепурківський).

Секція визнала наклеп за цілком безпідставний і свою ухвалу опубліковала. Такий самий висновок дав мені й особисто т. Скарбек.

В.Удовенко

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — Т. 117. — Арк. 122–124. Оригінал. Рукопис.

№ 7

Витяг із Вироку Найвищого Суду УСРР 19 квітня 1930 р.

ВИРОК

іменем Української Соціалістичної Радянської Республіки, 1930 року, квітня 19 дня, Найвищий Суд УСРР, в особливому складі, за головуванням тов. Приходько А.Т., членів — т.т. Волкова Г.І., Коробенка Д.Ф., Одинця Г.М. та Соколянського І.П., при секретарі т. Лоцмані, за участю прокурорів т.т. Михайліка, Ахматова, Бистрюкова, Якимішіна, громадських винувателів — т.т. Любченка, Слісаренко і Соколовського та оборонців — т.т. Ратнера, Віленського, Пухтинського, Гродзинського, Ривліна, Обуховського, Потапова, Виноградського, Волкомирського, Вознесенської, Ковалевської, Юровицького, Ідельовича й Шаца, розглянувши на публічному засіданні з 9-го березня по 19 квітня ц.р. справу контр-революційної організації «Спілка Визволення України (скорочено СВУ) за обвинуваченням:

21. Холодного Григорія Григоровича в злочинах, що передбачені арт.арт. 54–11 54–2 Крим. Код. УСРР;

[...]

27. Барбара Аркадія Олексійовича в злочинах, що передбачені арт.арт. 54–11, 54–2 КК УСРР;

28. Удовенка Володимира Васильовича в злочинах, що передбачені арт.арт. 54–11, 54–2 КК УСРР;

29. Підгаєцького Володимира Яковича в злочинах, що передбачені арт.арт. 54–11, 54–2 КК УСРР.

[...]

Розглянувши всі обставини справи, матеріяли попереднього слідства, вислухавши дебати та репліки сторін та останнє слово підсудних, допитавши свідків і підсудних, Найвищий Суд встановив:

1. В червні 1919 р. органи Державного політичного управління викрили і ліквідували контр-революційну організацію, що звалася «Спілка Визволення України», яка була створена колишніми членами партій українських соціялістів-федералістів та українських соціял-демократів, партій, що свого часу стояли на чолі так званої УНР, яка вславилась жорстоким масовим терором проти робітників і селян, свавільними розстрілами революціонерів і ватажків робітничого руху, масовими єврейськими погромами на всьому терені України.

«СВУ» ставила собі за завдання повалити Радянську владу на Україні шляхом збройного повстання за допомогою чужоземних буржуазних держав і реставрувати капіталістичний лад.

«СВУ» була організацією єдиною з петлюрівським закордонним центром, що називав себе урядом УНР.

Це була вже друга контр-революційна організація, створена теперішньою провідною групою «СВУ».

Раніше 1920 року членами партій с.-ф. та У.с.-д. була створена запільна контр-революційна організація «Братство Української Державности» (скорочено «БУД») з метою продовження збройної боротьби проти влади робітників і селян після розгрому петлюрівщини 1919 року.

В першій половині 1920 року БУД веде підготовчу до збройного повстання роботу і, продовжуючи попередню злочинну діяльність партій, що його створили, санкціонує польсько-петлюрівський варшавський договір. БУД, тримаючи зв'язок з бандитськими загонами та польськими контр-розвідниками, що працювали тоді (1920 р.) на терені Радянської України, всіма заходами полегшував польському військові захоплення Правобережної України і, при захваті Києва, делегував до петлюрівського уряду в час польської окупації своїх офіційних представників.

[...]

Вся вищезазначена контрреволюційна діяльність СВУ здійснювалася її членами і стосовно до кожного з цих членів Найвищий Суд встановив:

[...]

21. Холодний Григорій Григорович, 43 роки, син директора гімназії, науковий співробітник ВУАН, викладач Київськ. ІНО, керівник Інституту укр. наук. мови, не судився, що він:

а) 1926 року утворив в Інст. укр. наук. мови запільну к.-р. організацію під назвою: «Інарак», був її керівником, гуртував навколо неї к.-р. елементи, що через них «Інарак» виконував роль нелегального керівника Інститутом;

б) наприкінці 1927 року він — Холодний за вказівкою С.О.Єфремова перетворив «Інарак» в осередок СВУ. «Інарак» переняв програму і статут СВУ, продовжував к.-р. діяльність та опрацьовував пляни повалення Радвлади.

Злочини ці передбачено арт.арт. 54–11 та 54–2 КК.

[...]

27. Барбар Аркадій Олексійович, 50 років, син поміщика, кол. член У.С.-Д., кол. віце-директор департаменту в Міністерстві охорони здоров'я за часи гетьмана; директор департаменту того ж Міністерства при Директорії; лікар військового гарнізонного шпиталю за денікінської влади; комісар військово-санітарної справи за часів польської окупації, викладач Київськ. мед. інституту; науковий співробітник ВУАН; не судився, та

28. Удовенко Володимир Васильович, 49 років, син службовця, кол. віце-директор департаменту Міністерства охорони здоров'я за часи гетьмана; кол. службовець земської управи за часи Денікіна; науковий співробітник ВУАН, професор Київськ. медичного інституту; не судився, та

29. Підгаєцький Володимир Якович, 41 рік, син службовця, кол. член У.С.-Д.; науковий співробітник ВУАН; професор Київського мед. інституту, не судився; що вони:

а) були активними членами СВУ;

б) захопивши до своїх рук Президію Медсекції ВУАН та використавши легальні форми її існування, перетворили її в осередок СВУ; провадили там за директивами СВУ к.-р. діяльність згідно з програмою та основними завданнями СВУ; підбирали та виховували молоді кадри лікарів на село для к.-р. пропаганди та підготовки збройного повстання проти радянської влади; разом з цим широко використовували антисемітизм як засіб своєї агітації. Розроблюючи пляни своєї к.-р. діяльності, вони визнавали використання становища лікаря, під час лікування хворих комуністів не для медичної допомоги, а як засіб медичного терору.

Злочини Барбара, Удовенка та Підгаєцького передбачено арт.арт. 54–11, 54–2 КК.

[...]

Беручи на увагу все вищезазначене, вважаємо, що злочини, заподіяні вищепоіменованими підсудними, були спрямовані на відновлення влади буржуазії та реставрацію прав поміщиків і капіталістів, на поневолення трудящих України чужоземним капіталом і тому є надзвичайно соціально-небезпечні, поруч з цим, беручи до уваги, що підсудні визнали всю шкідливість своєї контр-революційної діяльності та діяльності зв'язаних з ними контр-революційних організацій — закордонної «Спілки Визволення України» та так званої «Української Народної Республіки», — що вони, підсудні, виказали повне каяття і цілковито засудили своє контр-революційне минуле, Найвищий Суд Української Соціалістичної Радянської Республіки на підставі арт.арт. 302, з 308 до 316 КПК і арт.арт. 42, 43, 44 КК,

присудив

21. Холодного Григорія Григоровича, на підставі 54–11, 54–2 КК, беручи під увагу підвищену його соціяльну небезпеку, що виявилась в його вчинках, — позбавити волі з суворою ізоляцією терміном на вісім років з поразкою в правах терміном на три роки за п.п. «а», «б», «в» арт. 29 КК, себто позбавивши його активного та пасивного виборчого права, права посідати державні посади та виборчі посади в громадських організаціях.

[...]

27. Барбара Аркадія Олексійовича, на підставі арт.арт. 54-11, 54-2 КК, беручи під увагу проявлену ним підвищену соціяльну небезпеку, — позбавити волі з суворою ізоляцією

терміном на вісім років з поразкою в правах терміном на три роки за п.п. «а», «б», «в» арт. 29 КК, себто позбавивши його активного та пасивного виборчого права, права посідати державні посади та виборчі посади в громадських організаціях.

28. Удовенка Володимира Васильовича, на підставі арт.арт. 54–11, 54–2 КК, беручи під увагу проявлену ним підвищену соціяльну небезпеку, — позбавити волі з суворою ізоляцією терміном на вісім років з поразкою в правах терміном на три роки за п.п. «а», «б», «в» арт. 29 КК, себто позбавивши його активного та пасивного виборчого права, права посідати державні посади та виборчі посади в громадських організаціях.

29. Підгаєцького Володимира Яковича, на підставі арт.арт. 54–11, 54–2 КК, беручи під увагу проявлену ним підвищену соціяльну небезпеку, — позбавити волі з суворою ізоляцією терміном на вісім років з поразкою в правах терміном на три роки за п.п. «а», «б», «в» арт. 29 КК, себто позбавивши його активного та пасивного виборчого права, права посідати державні посади та виборчі посади в громадських організаціях.

[...]

I. На підставі ч. II та III арт. 27 КК всім засудженим, що їх вище перелічено, час, відбутий у передсудовому ув'язненні, зараховується до реченця позбавлення та видалення.

II. Речові докази — документи з контр-революційним змістом, що через це не підлягають розповсюдженню, стосовно до п. 2 арт. 69 КПК передати до архіву. Решту документів — речових доказів повернути їх власникам.

III. Судові витрати на підставі арт. 307 КПК покласти на державну скарбницю.

IV. Вирок цей за арт.арт. 315 та 382 КПК набуває правної сили з моменту його оголошення та направляється до виконання негайно.

[...]

VI. Вирок остаточний та на підставі арт. 380 КПК оскарженню не підлягає.

Оригінал підписали:

Голова — Приходько

Члени Суду: Волков
Одинець
Коробенко
Сокалянський

Згідно: Секретар *Лоцман*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — Т. 4. — Арк. 144–154. Копія. Машинопис.

№ 8

Лист В.Удовенка до Голови КПК при ЦК КПРС М.Шверника 24 листопада 1961 р.

Председателю Комитета партийного контроля
при ЦК КПСС тов. Швернику М.Н.

Осенью 1929 года, когда мне исполнилось 17 лет, мой отец Удовенко Владимир Васильевич, профессор кафедры общей гигиены Киевского медицинского института был арестован в своем доме (Киев, ул. Павловская, 9). Затем на процессе КПЗУ в 1929 или 1930 г. был осужден на 8 лет заключения. Моя мать Удовенко Мария Ивановна вела довольно регулярную переписку с отцом до 1937 года, когда он должен был вернуться на свободу.

Из писем отца известно, что он находился в местах заключения на о. Соловки в 1935–36 и 1937 гг. Последнее письмо — от 19 сентября 1937 года, когда он работал врачом лазарета и лаборатории. В 1937 г. отец перестал отвечать на письма. Уведомления о смерти отца

ВГ-2

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УПРАВЛЕНИЕ
по РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ
(МИНИСТЕРСТВО БЕЗОПАСНОСТИ)

24.09.97г. № 2248/ус

185035 г. Петрозаводск, ул. Андропова, 5

Экз.№ 1

Начальнику АУС Службы
Безопасности Украины
полковнику Пшенникову А.М.

Украина, г.Киев,
ул.Владимирская,33.

Согласно Вашей просьбы направляем фотографии обнаруженного места массовых захоронений в урочище "Сандармох".

Одновременно сообщаем, что в июле 1997 года в результате организованного поиска сотрудниками УФСБ России по Республике Карелия совместно с представителями местной администрации г.Медвежьегорска, отделений общества "Мемориал" Республики Карелия и г.С-Петербурга в Медвежьегорском районе обнаружено ранее неизвестное захоронение в лесном массиве (урочище "Сандармох") вблизи песчаного карьера на 19-м километре автомобильной дороги Медвежьегорск-Повенец. Данное захоронение является местом массового захоронения жертв политических репрессий периода 1937-1938 годов.

Исследования местности и пробное шурфование, измерение глубины гумусного слоя и выявленных провалов почвы предположительно показали, что на площади около 6 га покоятся останки 8-9 тыс.человек.

При раскопке одного из захоронений обнаружены человеческие черепа с выходными пулевыми отверстиями в затылочной части.

Обнаруженное место массового захоронения является одним из мест расстрелов заключенных БелБалтЛага НКВД СССР в 1937-1938г.г. по постановлениям "троек" НКВД КАССР и УНКВД по Ленинградской области. По мнению членов общества "Мемориал" г.С-Петербурга, данное место является также местом расстрела и захоронения заключенных Соловецкой тюрьмы ББК НКВД СССР(IIII человек), которые осенью 1937г. были доставлены этапом с острова Соловки в г.Медвежьегорск и расстреляны по постановлениям "тройки" УНКВД по Ленинградской обл.

На месте захоронения погибших местной администрацией планируется установить памятный знак, а общество "Мемориал" предполагает 27-28 октября 1997г. провести международную акцию "Покаяние" в рамках Всероссийской программы памяти Международного общества "Мемориал", посвященной 60-летию "Большого Террора".

Приложение: три фотографии.

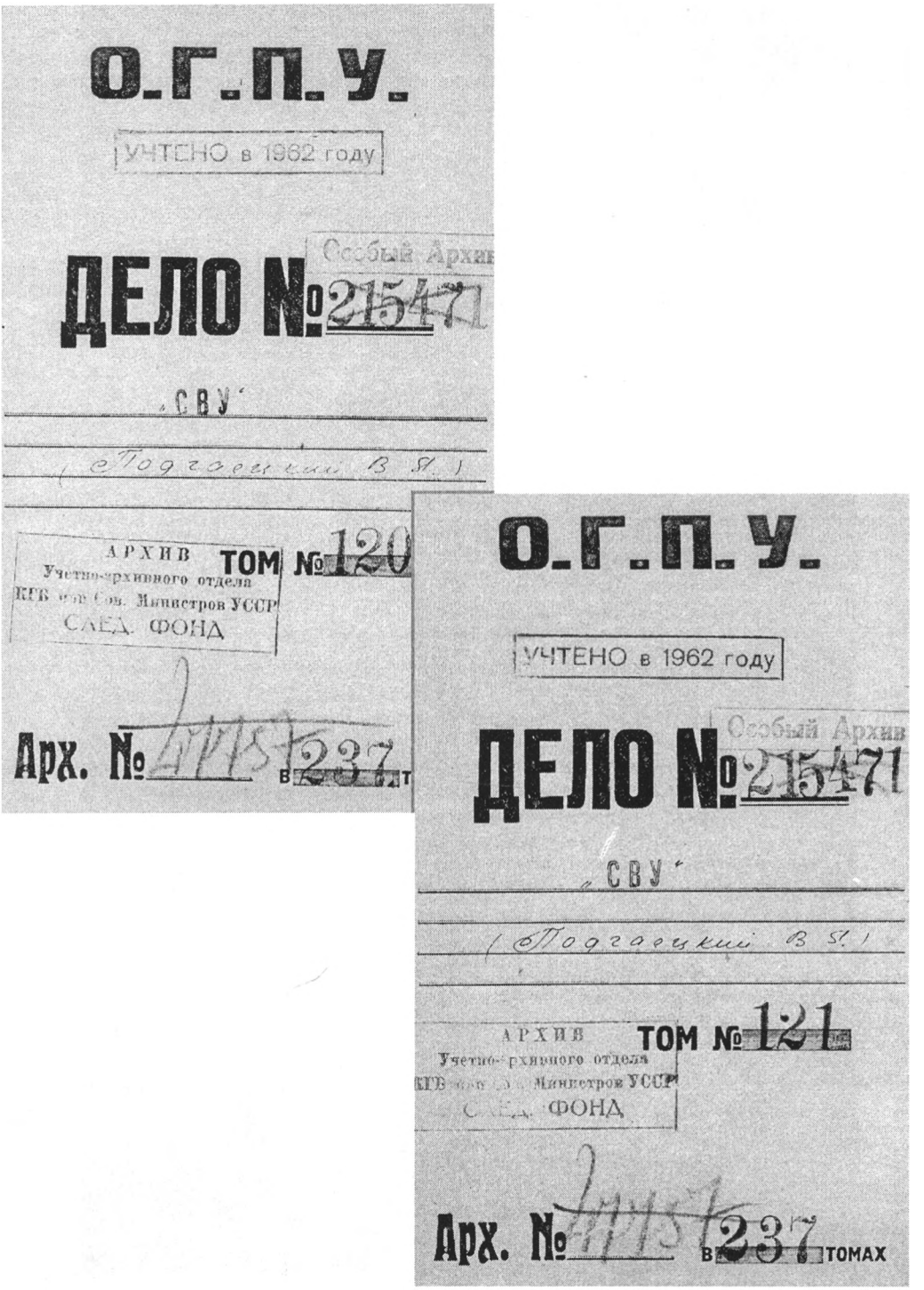
И.о.Начальника Управления В.Н.Дубинский.

Вх 2836 3.10.97.

Лист тимчасово виконуючого обов'язки начальника Управління ФСБ Російської Федерації по Республіці Карелія В.М.Дубинського начальнику Державного архіву СБ України О.М.Пшеннікову з інформацією про віднайдене місце розстрілів соловецьких в'язнів. 24 вересня 1997 р.

Місце поховання і останки соловецьких в'язнів, розстріляних у Сандармосі (Карелія). Фото від 1 липня 1997 р.

Пам'ятний камінь на місці, де з 27 жовтня по 4 листопада 1937 р. були розстріляні соловецькі в'язні. Фото 2001 р.



Обкладинки томів архівної слідчої справи В.Підгаєцького (1929–1930 рр.), що зберігається у Державному архіві Служби безпеки України

Дело №_____

Протокол допроса

1929 г. августа м-ца „23" дня. Уполномоченный ДПУ УСРР

отд. ГПУ УССР Южный допросив ниженазванного гр. Холодного

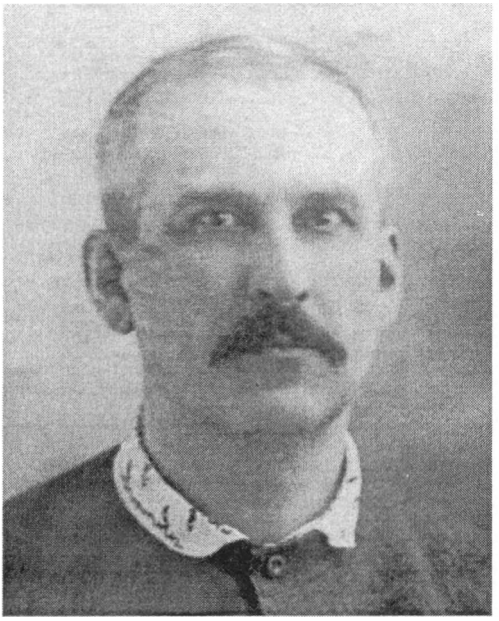
в качестве обвиняемого, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия Холодный Григорий Григорьевич.
2. Возраст, год рожд. 1886.
3. Место рождения и приписки г. Тамбов.
4. Социальное происхождение сын учителя.
5. Сословная принадл. до революции мещанин, имуще-
вен. положение до револ. и в наст. момент неимущий
6. Гражданство ДСР.
7. Образование вышес. Петроградск. университет физико-матем.
8. Семейное положение женат.
9. Отношение к воинской повинности как учитель пользовался отсрочк
10. Профессия педагог.
11. Место службы и занимаемая должность лектором Киев. Инст. лектор матем. Рабфака КМУ, управляющий Ин. Укр. Наук. Зав. при Науки.
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием несудим.
13. Партийная принадлежность беспартийный.
14. Состоит ли в профсоюзе член союза работпроса
15. Точный адрес г. Киев. Некрасовская № 6 кв 8.
16. Служба в антис. армиях и учрежд., и организациях (добровольно или по
мобилизации) ДСР.

Будучи предупреждённым о содержании ст. 89 УК УССР, 61 и 161 УПК УССР
по существу дела показал:

Моя участь у роботі українських організацій
починається приміром з 1914 року. В 1912 році
я приїхав до Москви (там я учителював до 1917 р.)
і зустрівся з деякими членами тодішньої мос-
ковської української колонії (Зайкевич, Байєр, Гав-
ревич та інші) які мене і втягли потроху в
життя організацій. Взагалі тоді я був мало активною
рібуною

Перша сторінка протоколу допиту Г.Холодного від 23 серпня 1929 р.



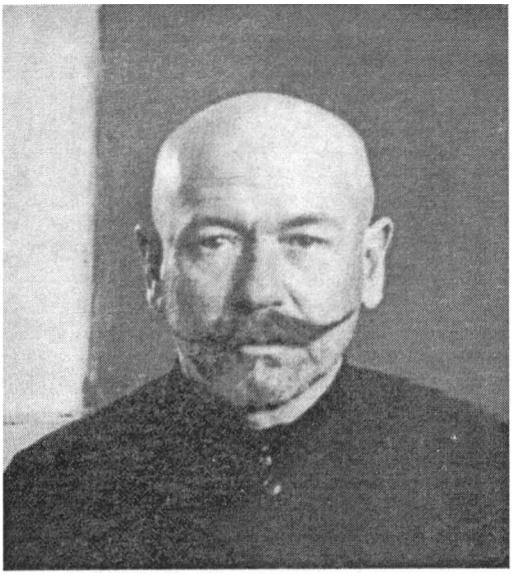
Володимир Чехівський
(1876–1937, розстріляний)

Андрій Ніковський
(1885 р.н., загинув в ув'язненні, вірогідно у 1942 р.)

Всеволод Ганцов
(1892–1979)

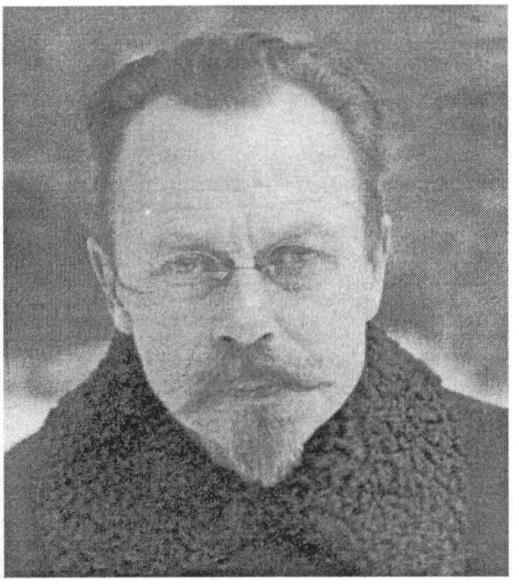
Микола Павлушков
(1904–1937, розстріляний)

Керівники і члени міфічної «Спілки визволення України», які відбували покарання на Соловках (знімки з архівних слідчих справ 1929–1930 років)

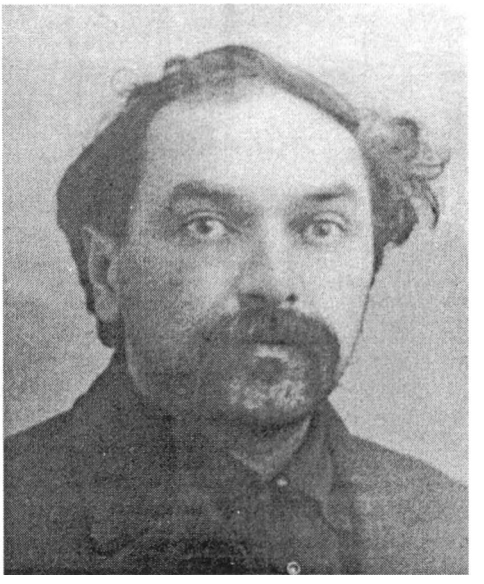


Аркадій Барбар
(1879–1937)

Володимир Підгаєцький
(1899–1937)



Володимир Удовенко
(1881–1937)



Григорій Холодний
(1886–1938)

Українські медики і педагоги, засуджені за справою «СВУ», які відбували покарання на Соловках і були розстріляні у 1937–1938 роках (знімки з архівних слідчих справ 1929–1930 років)

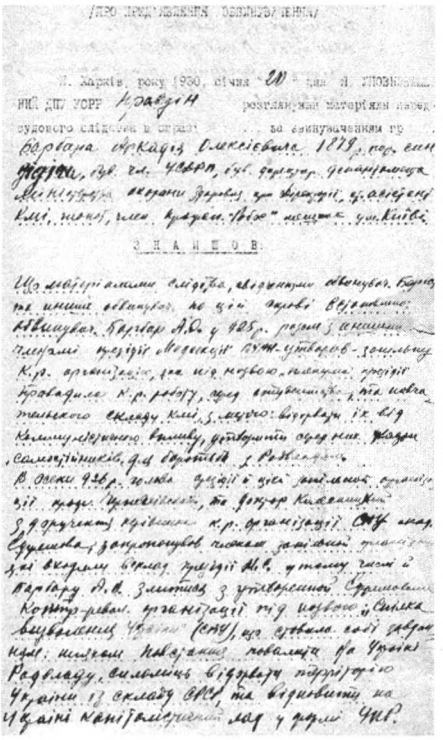
28/XII-1929.

Звязок президії Медсекції з „Спілкою Визволення України"

Момент, який я можу вважати за момент встановлення звязку з СВУ, стосується до 1926 року. На засіданні президії Медсекції О. Чернявівський виступив з таким приблизно повідомленням, що не тільки в нас, у Мединституті, українські елементи об'єдналися для спільної акції за національну справу, а і в ряді інших наукових установ та Виш'ів склалися аналогічні організації, що мають завдання такі самі, як і президія. Якщо остання вважає це за бажане, то вона може вступити в звязок з цими об'єднаннями, склавши спільно з ними єдину організацію; для цього вона має виділити уповноважену на це особу з свого складу.

Цілком конкретно я не можу пригадати тих членів президії, що були на цьому засіданні. Склад був у всякому разі неповний, ця я памятаю ясно. Гадаю, що ця неповність залежала від того, що скликано було свідомо не всіх. Конкретно пригадую присутність

Власноручні показання В.Удовенка у справі «СВУ» від 28 грудня 1929 р.

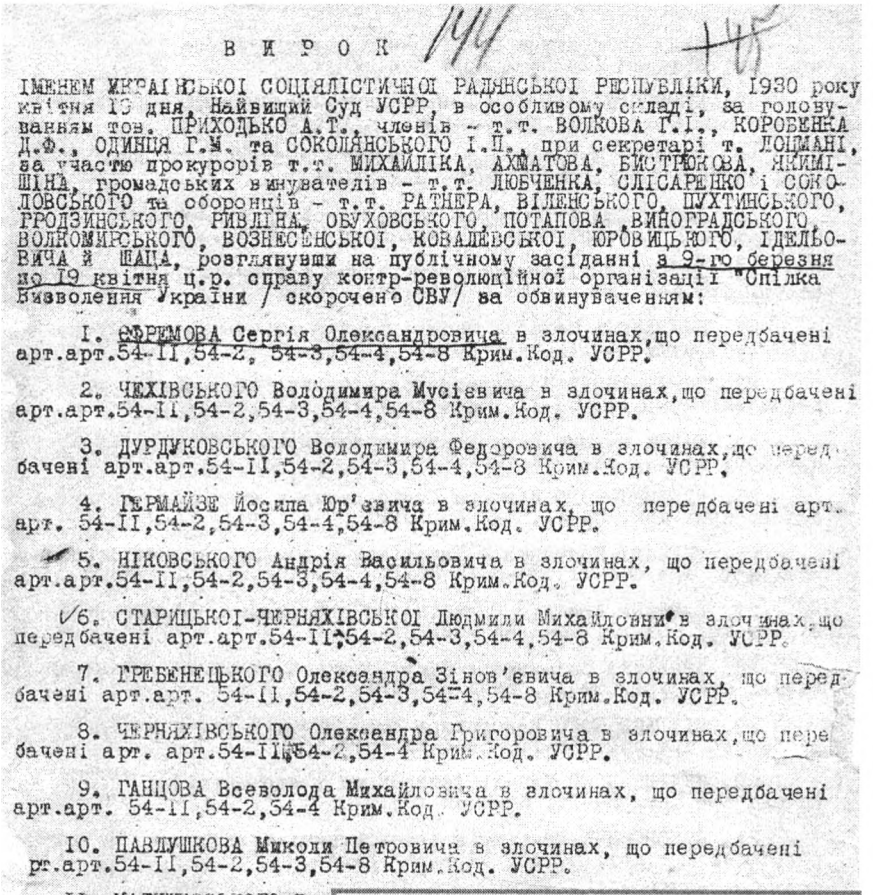


/ПРО ПРЕД'ЯВЛЕННЯ ОБВИНУВАЧЕННЯ/

м. Харків, року 1930, січня "20" дня. Я, УПОВНОВАЖЕНИЙ ДПУ УСРР Кравців, розглянувши матеріяли передсудового слідства в справі № ..... за звинуваченням гр. Барбара Аркадія Олексіевича 1879 р. нар. ... Освіта, чл. пр. УАПРП, член. директор. дослідчої лабораторії Держ. ун. Харкові, ... Київ, ... "Вісті" ... Київ.

З Н А Й Ш О В:

Що матеріялами слідства, свідченнями обвинуваченого Барбара та інших обвинувачених, а також зовні виробленим обвинуваченням Барбара А.О. у 925 р. разом з іншими членами групи "Медицина СВУ" утворив злочинну К.Р. організацію, для чого широко залучив групу працівників Держ. ун. Харкові, ... Київ, ... Київ, ... Київ



В И Р О К 144 145

ІМЕНЕМ УКРАЇНСЬКОЇ СОЦІЯЛІСТИЧНОЇ РАДЯНСЬКОЇ РЕСПУБЛІКИ, 1930 року квітня 19 дня, Найвищий Суд УСРР, в особливому складі, за головуванням тов. ПРИХОДЬКО А.Т., членів - т.т. ВОЛКОВА Г.І., КОРОБЕНКА Д.Ф., ОДИНЦЯ Г.М. та СОКАЛЯНСЬКОГО І.П., при секретарі т. ДОЦМАНІ, за участю прокурорів т.т. МИХАЙЛІКА, АХМАТОВА, БИСТРЯКОВА, ЯКИМІШІНА, громадських винуватців - т.т. ЛЮБЧЕНКА, СЛІСАРЕНКО і СОКОЛОВСЬКОГО та оборонців - т.т. РАТНЕРА, ВІЛЕНСЬКОГО, ШУХТИНСЬКОГО, ГРОДЗИНСЬКОГО, РИВЛІНА, ОБУХОВСЬКОГО, ПОТАПОВА, ВИНОГРАДСЬКОГО, ВОЛКОМИРСЬКОГО, ВОЗНЕСЕНСЬКОЇ, КОВАЛЕВСЬКОЇ, ЮРОВИЦЬКОГО, ІДЕЛЬОВИЧА й ШАЦА, розглянувши на публічному засіданні з 9-го березня по 19 квітня ц.р. справу контр-революційної організації "Спілка Визволення України / скорочено СВУ/ за обвинуваченням:

1. ЄФРЕМОВА Сергія Олександровича в злочинах, що передбачені арт.арт.54-11,54-2, 54-3,54-4,54-8 Крим.Код. УСРР.

2. ЧЕХІВСЬКОГО Володимира Мусієвича в злочинах, що передбачені арт.арт.54-11,54-2,54-3,54-4,54-8 Крим.Код. УСРР.

3. ДУРДУКОВСЬКОГО Володимира Федоровича в злочинах, що передбачені арт.арт.54-11,54-2,54-3,54-4,54-8 Крим.Код. УСРР.

4. ГЕРМАЙЗЕ Йосипа Юр'євича в злочинах, що передбачені арт. арт. 54-11,54-2,54-3,54-4,54-8 Крим.Код. УСРР.

5. НІКОВСЬКОГО Андрія Васильовича в злочинах, що передбачені арт.арт.54-11,54-2,54-3,54-4,54-8 Крим.Код. УСРР.

6. СТАРИЦЬКОЇ-ЧЕРНЯХІВСЬКОЇ Людмили Михайлівни в злочинах, що передбачені арт.арт.54-11,54-2,54-3,54-4,54-8 Крим.Код. УСРР.

7. ГРЕБЕНЕЦЬКОГО Олександра Зінов'євича в злочинах, що передбачені арт.арт. 54-11,54-2,54-3,54-4,54-8 Крим.Код. УСРР.

8. ЧЕРНЯХІВСЬКОГО Олександра Григоровича в злочинах, що передбачені арт. арт.54-11,54-2,54-4 Крим.Код. УСРР.

9. ГАНЦОВА Всеволода Михайловича в злочинах, що передбачені арт.арт. 54-11,54-2,54-4 Крим.Код. УСРР.

10. ПАВЛУШКОВА Миколи Петровича в злочинах, що передбачені рт.арт.54-11,54-2,54-3,54-8 Крим.Код. УСРР.

11. МАТУШЕВСЬКОГО Бор
арт.арт. 54-11, 54-2, 54-

12. ТРЕЗВИНСЬКОГО Юрі
ії арт.арт. 54-11, 54-2 К

13. ТОКАРЕВСЬКОЇ Ніни
арт.арт. 54-11, 54-2 Кри

14. ЗАЛІСЬКОГО Андрія
арт. 54-11,54-2, Крим.Код

15. ІВАНИЦІ Григорія
арт.арт. 54-11, 54-2 Крим

16. ДОГИ Василя Михай
арт.54-11, 54-2 Крим. Код

I. На підставі ч. II та III арт. 27 КК всім засудженим, що їх вище передбачено, час відбутий у передсудовому ув"язненні зараховується до покарання позбавлення та видалення.

II. Речові докази - документи з контр-революційним змістом, що через це не підлягають розповсюдженню, стосовно до п. 2 арт. 59 КПК передати до архіву. Решту документів з речових доказів повернути їх власникам.

III. Судові витрати на підставі арт. 307 КПК покласти на державну скарбницю.

IV. Вирок цей за арт. арт. 315 та 382 КПК набуває правної сили в моменту його оголошення та направляється до виконання негай

V. На підставі арт. 313 КК запобіжний захід щодо засуджених умовно до КУДРИЦЬКОГО, КРИВЕНЬКА, ТУРКАЛА, ІВЧЕНКА, ТРЕЗВИНСЬКОГО ТОКАРЕВСЬКОЇ, ЛАГУТИ, ВІДНОВОЇ і ШИЛА касується.

VI. Вирок остаточний та на підставі арт. 380 КПК оскарженню не підлягає.

Оригінал підписали:

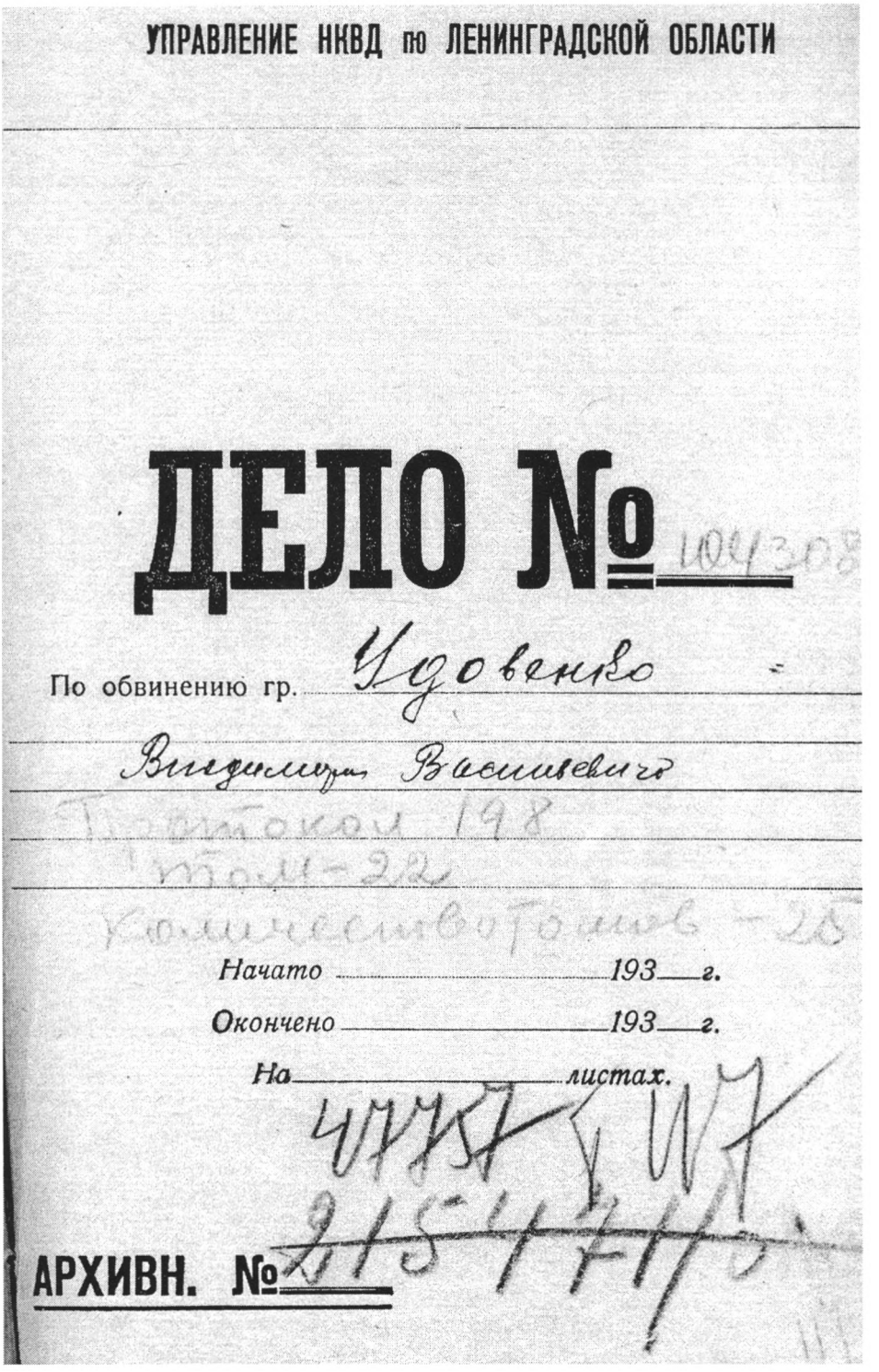
Голова - ПРИХОДЬКО

Члени Суду:- ВОЛКОВ
ОДИНЕЦЬ
КОРОБЕНКО
СОКАЛЯНСЬКИЙ

З Г І Д Н О :

С Е К Р Е Т А Р /ДОЦМАН/

Перша і остання сторінки вироку Верховного Суду УСРР у справі «Спілки визволення України» від 19 квітня 1930 р.


УПРАВЛЕНИЕ НКВД по ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ДЕЛО №

По обвинению гр. Удовенко

Владимиру Васильевичу

Начато 193 г.

Окончено 193 г.

На листах.

АРХИВН. №

Обкладинка тюремної справи В.Удовенка (1937 р.), що зберігається у Державному архіві Служби безпеки України

Ф № 1

УПРАВЛЕНИЕ СОЛОВЕЦКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ ОГПУ

Составлена в „.....“ Отделении

Учетно-статистическая карточка

Личное дело № 1675

Прибыл в лагерь „.....“ ..... 193 г.

Категория содержания				
Категория трудоспособности				

Место для фотокарточки

1. Фамилия и кличка Удовенко
2. Имя и отчество Владимир Валентинович
3. Год рожд. 1881 Место рождения и приписки г. Киев
4. Образование: общее (гимназия), среднее; специальное в Киев. Университ. Медиц. Фак.
5. Гражданство УССР национальность Украинец
6. Специальность: общая врач и преподаватель; узкая б. профессор коммун. гигиены и санитарии; стаж врачебный с 1907 г., профессор с 1923
7. Постановл. Квалификац. Комиссии
8. Какие языки знаете, кроме родного английский, немецкий
9. Социальное происхождение отец служащий железнодор.
10. Социальное положение служащий
11. Партийность беспартийный
12. Служба в армиях: старой комобилизаций врачем в империал. гайку; белой нет; Красной нет
13. Служба в судебных органах и ГПУ не служил
14. Время ареста 20 ноября 1929 г.
15. Прошлая судимость не было который раз в лагере первый
16. Семейное положение женат, двое детей указать фамилию и адреса ближ. родственников жена Мария Ивановна Удовенко Киев Павловская 9 кв. 1
17. Постоянное и последнее место жительства Киев, Павловская 9 кв. 1.

Особые приметы:

1. Рост средн.
2. Телослож. правил.
3. Цвет волос темно-русо
4. Цвет глаз серо-голуб.
5. Нос правильн.
6. Пр. приметы нет

Работа до заключения:

Учреждение или предприятие	Занимаемая должность	От	До
Киевское Земство	1) Земск. участк. врач 2) зем. санитарн. врач	1909	1918
Наркомздрав УССР	Зав. санит.-эпид. отделом	1919	
Губздрав Киевский	1) Зав. сан.-эп. подотдел. 2) Зав. центр. Санитарн. Лаборат.	1920	1922
Киевск. Медиц. Институт	Ассистент с 1919 г.; профессор с 1923	1929	1929

Об ответственности за дачу ложных сведений мне об'явлено.

Подпись заключенного В. Удовенко

Обліково-статистична картка на соловецького в'язня В.Удовенка

моя мать не получила. Она многократно запрашивала самые высокие инстанции, куда именно она писала, мне неизвестно. Но ничего о смерти отца ей так и не удалось узнать. Ответа на свои письма она так и не получила. Умерла моя мать в 1944 году.

По понятным соображениям во время культа личности мне этот вопрос поднимать не хотелось — не было надежды на выяснение истины. Теперь, после XXII съезда КПСС, когда восторжествовали ленинские принципы и нормы партийной жизни, я считаю своим долгом выяснить судьбу отца, так как с мыслью, что он был врагом народа, мне трудно согласиться.

Прошу Вас поручить соответствующим органам выяснить, если это представляется возможным, судьбу моего отца.

В настоящее время я работаю врачом Шатурской больницы, заведую специализированным отделением.

Адрес: г. Шатура, Московской области, проспект Ильича, д. 1/1, кв. 14, Удовенко Всеволоду Владимировичу.

24/XI–61 г. *Удовенко*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — Т. 117-А. — Арк. 4.
Оригінал. Рукопис.

№ 9

Постанова у справі В.Удовенка 28 липня 1962 р.

Утверждаю
Зам. прокурора Украинской ССР
государственный советник юстиции 3 класса
И.Ардерихин
28 июля 1962 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о прекращении производства в порядке надзора по жалобе Удовенко В.В.

Заместитель начальника отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры УССР Малый, рассмотрев в порядке надзора уголовное дело по обвинению Удовенко Владимира Васильевича и др.,

нашел:

Верховный суд УССР в особом его составе 19 апреля 1930 года за контрреволюционную деятельность приговорил:

Удовенко Владимира Васильевича, 49 лет, служащего, до ареста работал научным сотрудником ВУАН, профессора Киевского медицинского института, по ст. 54–11, 54–2 УК УССР сроком на 8 лет лишения свободы с поражением в правах на три года.

По этому же делу всего было осуждено к разным срокам лишения свободы 45 участников контрреволюционной организации СВУ (Ефремов С.А., Чеховский В.М., Дурдуковский В.Ф., Гермайзе И.Ю., Никовский А.В., Старицкая-Черняховская Л.М., Гребенецкий А.З., Черняховский А.Г., Ганцов В.М., Павлушков Н.П., Матушевский Б.Ф., Трезвинский Ю.К., Токаревская Н.С., Залеский А.П., Иваница Г.Н., Дога В.М., Шило К.С., Маргулис З.Г., Ивченко М.Е., Голоскевич Г.К., Холодный Г.Г., Кривенко М.В. *, Страшкевич В.М., Шарко В.В.,

* Так у документі. Правильно — «Кривенюк».

Дубровский В.Г., Туркало К.Т., Барбар А.А., Подгаецкий В.Я., Кудрицкий Н.А., Болозевич А.А. *, Ботвиновский М.Н., Чеховский Н.М., Ефремов П.А., Белый Н.П., Беднова Л.Е., Товкач К.И., Щепотьев В.А., Близнюк П.С., Лагута Н.Д., Карнович И.Р. **, Отамановский В.Д., Слабченко М.Е., Слабченко Т.М. и Панченко-Чаленко К.М.).

Предварительным и судебным следствием установлено, что названные выше лица состояли в контрреволюционной организации, именовавшей себя «СВУ» (Спілка визволення України). «СВУ» ставила своей задачей свергнуть советскую власть на Украине путем вооруженного восстания с помощью иностранных буржуазных государств и реставрировать капиталистический строй.

Все осужденные в предъявленном им обвинении виновными себя признали.

В судебном заседании Удовенко В.В. показал, что он в украинском националистическом движении начал принимать участие с 1917 года, считая, что это жизненное движение.

Отрицательное отношение к советской власти, как показал далее Удовенко, появилось у него еще до встречи с советской властью, так как он знаком с выступлением Пироговского общества, которое заявляло, что большевики — варвары, вандалы и т.п.

В организацию «СВУ», как показал Удовенко, он вступил в 1926 году и находился в ней до дня ареста, находясь на позиции восстановления капитализма.

Удовенко признал, что среди студенчества они сеяли национальную вражду.

Осужденный по этому делу Барбар А.А. показал, что у него с Удовенко был разговор о том, что большевики настолько безжалостны и жестоки, что сожаления они не вызывают, и в этом смысле врачебной этики не заслуживают.

Кроме того, Удовенко проходит по показаниям Барбара и Кудрицкого как сотрудник санитарной управы при Центральной Раде.

В показаниях Дурдуковского, осужденного по этому делу, указывается, что к организации «СВУ» при мединституте принадлежал также Удовенко В.В., который принимал активное участие в ее деятельности. Заседание группы «СВУ» в мединституте часто проходило в кабинете Удовенко. На одном из заседаний, в частности, обсуждался вопрос о насаждении национально «свідомих» кадров и вовлечении их в «СВУ».

Из показаний свид[етеля] Павлушкова видно, что данная организация намерена была проводить террор против представителей советской власти, используя для этого врачей, которые должны были неправильно лечить лиц из своих идейных противников, т.е. коммунистов.

Сын осужденного Удовенко В.В. — Удовенко Всеволод в своем заявлении просит проверить обоснованность осуждения его отца, не приводя к этому каких-либо доводов.

Учитывая, что материалами предварительного и судебного следствия виновность Удовенко В.В. и всех остальных лиц, осужденных по данному делу, полностью доказана, а поэтому не усматривая оснований к отмене или изменению приговора Верховного суда УССР от 19 апреля 1930 года и руководствуясь ст. 386 УПК УССР,

постановил:

Производство в порядке надзора по делу Удовенко Владимира Васильевича и др. прекратить.

Жалобу Удовенко Всеволода Владимировича оставить без удовлетворения, о чем ему и сообщить.

Дело возвратить в УАО КГБ при СМ УССР для хранения.

Зам. начальника отдела по надзору за следствием
в органах госбезопасности ст. советник юстиции *Г.Малый*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — Т. 117-А. — Арк. 72–73.
Оригінал. Машинопис.

---

* Так у документі. Правильно — Болозович.

** Так у документі. Правильно — Карпович.

№ 10

Довідка про реабілітацію В.Удовенка 4 вересня 1989 р.

Гр. Удовенко В.В.
Киевская обл., г. Украинка,
ул. 50-летия Октября, 14, кв. 29

Справка

Постановлением Пленума Верховного Суда УССР от 11 августа 1989 г. приговор Верховного Суда УССР от 19 апреля 1930 г. в отношении Удовенко Владимира Васильевича, научного сотрудника ВУАН, члена Президиума медсекции ВУАН, профессора Киевского медицинского института, отменен, а уголовное дело производством прекращено на основании п. 2 ст. 6 УПК УССР за отсутствием в его деяниях состава преступления.

Гр. Удовенко В.В. по данному делу реабилитирован.

Заместитель председателя судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда УССР *В.И.Овчинников*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — Т. 117-А. — Арк. 80. Оригінал. Машинопис.

№ 11

Висновок у справі В.Удовенка 25 березня 1996 р.

Утверждаю
Первый заместитель Генерального
прокурора Украины государственный
советник юстиции 3 класса
А.А.Христенко
25 марта 1996 г.

Заключение

в отношении Удовенко В.В.
по материалам уголовного дела (арх. № 67098 фп)
Фамилия, имя и отчество *Удовенко Владимир Васильевич*
Год рождения *1881*
Место рождения *г. Киев*
Место работы и должность до ареста *профессор-медик*
Место жительства до ареста *г. Киев, ул. Павловская, 9, кв. 1*
Когда, каким органом, по каким статьям УК был осужден (репрессирован), в чем признан виновным, изменялось ли решение по делу и как: *25 ноября 1937 года Тройка УНКВД Ленинградской области протоколом № 198 постановила применить высшую меру наказания к Удовенко В.В. Решение по делу не изменялось, исполнено 8 декабря 1937 года. Из материалов дела усматривается, что Удовенко В.В. был репрессирован на основании оперативных материалов, поскольку его политическое настроение враждебно советс-*

кой власти. Предварительное следствие по делу не проводилось, обвинение Удовенко В.В. не предъявлялось и он не допрашивался. Доказательств совершения Удовенко В.В. контрреволюционных и иных преступных действий в деле нет. Арестован: нет данных. Расстрелян *8 декабря 1937 г.*

На *Удовенко Владимира Васильевича* распространяется действие ст. 1 Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 года ввиду отсутствия совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности.

Сотрудник Реабилитационного отдела СБУ
лейтенант *Б.В.Чернецкий*

Начальник Реабилитационного отдела СБУ
полковник юстиции *А.Д.Лябах*

25 марта 1996 года

Начальник отдела по вопросам реабилитации жертв
полит. репрессий Генеральной прокуратуры Украины
Государственный советник юстиции 3 класса *Е.А.Налетов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — Т. 117-А. — Арк. 92. Оригінал. Машинопис на бланку.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО Й.МІОДУШЕВСЬКОГО, Р.ШИШКА ЗІ «СПРАВИ КСЬОНДЗІВ»

№ 12

Протокол допиту Й.Міодушевського 28 січня 1930 р.

Протокол допроса

гор. Проскуров, 1930 года, января 28 дня. Допрошенный Уполномоченным ГПУ УССР Зинько обв. Миодушевский Иосиф Иванович * показал:

В развитие данных вчера показаний имею следующие добавления:

I. О моей связи с польским консульством

Мое знакомство с польским консульством в Киеве началось в 1923 году, когда я захотел вторично поехать в Польшу. Познакомился я тогда в консульстве с Веловейским, который при первой нашей встрече принял меня сухо-официально. Он мне обещал, что когда будет разрешение на въезд в Польшу, он мне об этом сообщит. Оставив ему адрес свой, я уехал в Погребище. В октябре месяце 1923 года я получил от Веловейского открытку, в которой сообщал, что разрешение уже имеется. Я снова поехал в Киев и был принят Веловейским.

На этот раз я имел с ним продолжительную беседу, рассказал ему о том, что недавно сравнительно был в Польше, вернулся оттуда летом 1921 года. Веловейский меня расспрашивал, где я переходил границу, как меня пропустила пограничная польская стража, я ему

* У документах справи Міодушевський по-батькові пишеться або «Иванович», або «Янович».

обо всем этом рассказал. Далее меня Веловейский подробно стал спрашивать о положении в моем приходе. Интересовали его следующие вопросы: какое количество польского населения, из кого оно состоит, есть ли интеллигенция, есть ли польские школы, польские учителя, как относилось население к польским войскам, каково отношением к соввласти, каково благосостояние населения, есть ли патриотично настроенные поляки, положение костела, много ли верующих отходят ли от религии, охотно ли платят взымаемые с костела налоги, посещают ли костел, катехизируются ли дети. Больше не помню. На все эти вопросы я Веловейскому подробно рассказал все, что мне было известно. Так как я получил визу и на Олемнскую, Веловейский меня подробно расспросил о ней и о ее муже, интересовался, где он служит, зачем она едет в Польшу.

Больше я Веловейского не видел.

В 1924 году, когда получил загранпаспорт и поехал его визировать в Польконсульство в гор. Харьков, я беседовал лично с консулом Скшинским. Он очень хорошо меня принял, т.к. узнал меня, ибо в 1906 году видел меня в Чечельнике, у своего деда — арендатора имения Шмидта, у которого я бывал. Я Скшинского не знал, но когда мы разговорились, и он мне рассказал, что видел меня в молодости, я вспомнил, что приезжал со своей матерью. В беседе он меня также как и Веловейский расспрашивал о политическом и религиозном состоянии моего прихода и я ему об этом подробно рассказал. В Харькове я остановился у кс. Ильгина, пробыл день до вечернего поезда и уехал.

С Киевским консулом Бабинским я познакомился в 1926 году, когда пошел в консульство просить, чтобы сына Олемнской, оставшегося в Польше, как-нибудь доставить в СССР. Я просил Бабинского, чтобы он устроил, дабы кто-либо из едущих из Польши в СССР приписал его, как своего ребенка, т.к. ему было 14 лет. Бабинский меня выслушал, сказал, что это сделать возможно и что мне об этом сообщит. Просил меня оставить ему адрес, что я и сделал, т.е. адрес свой сказал, а он записал.

Вторая моя встреча с Бабинским имела место через год, в 1927 году, когда я снова к нему обратился по просьбе кс. Круммеля. Дело было так: Круммель вел переписку с Дубовским о награждении его каким-либо отличием. Дубовский устроил зачисление Круммеля в члены Тиберийской академии и написал ему, что документ и значок этой академии ему переслан через Польконсульство в Киеве. По получении этого письма Круммель обратился ко мне с просьбой, во-первых, получить в Консульстве для него посланное Дубовским, во-вторых, желая отблагодарить Дубовского, просил переслать ему через польконсульство 200 (двести долларов). Обратился он ко мне потому, что я ему рассказывал о том, что был в польском консульстве. Я ему обещал все сделать и специально ради этого поехал в Киев.

Придя к Бабинскому, я был хорошо принят и он меня узнал сразу-же, как я сказал свою фамилию. Рассказав о цели своего визита, я узнал, что посылка Дубовского действительно имеется и Бабинский мне ее передал. На этот раз Бабинский меня подробно расспрашивал о политическом и религиозном положении в районе Проскуровщины. Бабинский у меня расспрашивал о настроениях ксендзов, спрашивая, оправдывают ли ксендзы свое назначение, об отношении власти к ксендзам, притесняются ли налогами, имеют ли влияние на верующих. В это время в Проскурове сидели в ГПУ ксендзы Квасневский, Ганский и Нановский. Об этом я Бабинскому рассказал, и на вопрос за что их арестовали, я высказывал мнение, что т.к. они сидят в ГПУ, то это не за уголовные какие-либо преступления а из каких-нибудь политических соображений. Об аресте этих ксендзов Бабинский знал и сказал, что им не следует совать носа куда не нужно. Бабинский выяснил настроение ксендзов в связи с предполагавшимся выпуском декларации, о чем он был осведомлен, как я понял из разговора. В процессе этой беседы с Бабинским я почувствовал, что он ксендзами недоволен.

Затем я попросил Бабинского переслать в Польшу 100 долларов, из них 50 ед. Дубовскому и 50 — какой-то родственнице кс. Круммеля, адрес которой я ему дал. Бабинский взял деньги и сказал, что перешлет. Деньги были пересланы по адресам, о чем Круммель получил подтверждение. В том же 1927 г. кс. Свидерский вызвал меня и Квасневского в Деражню и у кс. Ганского мы имели беседу по поводу того, что необходимо переслать в Польшу текст декларации, выпущенной группой ксендзов по инициативе Квасневского с

объяснительным письмом по поводу причин, вызывающих необходимость выпуска этой декларации. Особенно это было необходимо потому, что ОКОЛО-кулак публично выступил в печати и, определяя ксендзов на советской Украине как аванпост западной цивилизации, тем самым порочил декларацию.

Письмо было написано Свидерским и читал его я и кс. Ганский. В письме говорилось, что мы, ксендзы, не являемся предателями веры, не забываем своих обязанностей, такими, какими были, мы останемся, но местные условия заставляют нас легализоваться перед государственной властью. Письмо было адресовано ОКОЛО-кулаку, которого просил не публиковать никаких комментариев об этой декларации и вообще ничего не писать на страницах закордонной прессы о находящихся на Украине ксендзах.

Это письмо Свидерский поручил мне отправить через польское консульство в Киеве. Я специально в декабре 1927 года поехал в Киев и явился к Бабинскому. Бабинский на этот раз принял меня чрезвычайно нелюбезно и когда я объяснил ему цель своего посещения, он начал читать декларацию и дочитав до места, где в декларации говорилось о том, что если до сих пор ксендзы имели нелегальную связь с Польшей через польконсульство, то теперь мы будем поддерживать связь с Римом через НКИД. Бабинский, выйдя даже из рамок приличия, с бранью и отплевыванием чрезвычайно резко сказал, что никаких поручений он принимать от меня не хочет, пусть ксендзы, как пишут в декларации, пересылают это через НКИД, а мне, мол, пусть не морочат голову. Никакой помощи от ксендзов мне не нужно, пусть знают себе свои религиозные дела.

Я попытался объяснить Бабинскому, что мы поэтому хотим переслать письмо ОКОЛО-кулаку в Польшу, чтобы обрисовать наше тяжелое положение в связи с репрессиями со стороны власти и чтобы он престал писать в газетах о нас, как о польских форпостах, потому что это дает основание власти нас рассматривать как враждебный элемент. На это Бабинский резко возражал и кончилось тем, что я забрал декларацию вместе с письмом ОКОЛО-кулаку и ушел.

Этот инцидент произвел на меня очень тяжелое впечатление и мне было очень обидно, что [он] проявил такое нечуткое отношение к положению ксендзов, причем в то время, как фактически Польша в действительности считает нас проводниками своей политики. Когда мы, в интересах своей легализации, задели интересы Польши — с нами не захотели считаться. Об этом инциденте я абсолютно никому не говорил и когда Свидерский спросил меня, после моего приезда, как я выполнял его поручение, я коротко ему ответил «сделано».

Письмо ОКОЛО-кулаку я в вагоне разорвал и выбросил клочки через окно, а затем написал Раковской, в котором просил, чтобы она передала ОКОЛО-кулаку то, о чем писал Свидерский, конечно, в более сдержанном виде.

кс. Миодушевский

Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 68067-ФП. — Т. 10. — Арк. 86–95. Оригінал. Рукопис.

№ 13

Протокол допиту Й.Міодушевського 4 лютого 1930 р.

Протокол допроса гр. Миодушевского И.И. от 4/II–30 г.

В развитие данных мною ранее показаний о контр-революционной и шпионской деятельности ксендзов на Украине по вопросу об осведомлении Польши о происходящем в советских республиках и о положении костела, могу показать следующее:

Шпионская деятельность ксендзов выражалась в следующих формах:

1. Пересылка информационных докладов о положении на месте, о положении костела, количестве и состоянии верующих, об отношении власти к костелу, ксендзам и к верующим, о налоговой политике Соввласти, о репрессиях по отношению к ксендзам и полякам вообще. Короче — информационные доклады носили религиозный и политический характер.

2. Нелегальные поездки ксендзов в Польшу.

3. Легальная и нелегальная переписка ксендзов с лицами, проживающими в Польше.

4. Легальные поездки и выезды в Польшу ксендзов и поляков вообще.

5. Связи ксендзов с польскими консульствами.

6. Присылка к ксендзам специальных людей из Польши.

7. Приезд в СССР лиц высшего духовенства. В последнем случае я имею в виду приезд в СССР епископа д'Эрбиньи *, который объездил Украину, был в Ленинграде, Москве, был в Крыму и на Кавказе.

д'Эрбиньи был информирован о положении на месте ксендзами и лично имел возможность наблюдать жизнь в СССР. В Киеве д'Эрбеньи был у кс. Скальского. Будучи в СССР, д'Эрбиньи нелегально рукоположил в епископы нескольких ксендзов, о чем даже не всем ксендзам известно. Я лично знаю, что он рукоположил Малецкого в Ленинграде, одного ксендза в Могилеве на Днепре или в Витебске, фамилии не знаю, он ныне сослан в Соловки, одного ксендза-немца в Симферополе и кс. Нево в Москве... О рукоположении Симферопольского ксендза я узнал только летом прошлого года от кс. Наскренского. д'Эрбиньи, по возвращении на родину, издал в Париже книжку, в которой описывал свое путешествие и положение костела в СССР. Известно мне об этом из газеты «Пшеглонд Новшехный« (не газета, а ежемесячный журнал), который я получал по почте от Раковской до 1928 года.

По поводу присылки к ксендзам специальных людей из Польши мне известно о приходе к Квасневскому мальчика из Польши и о приходе к Шишко человека с поручением разыскать какого-то Комоду. Больше конкретных случаев, кроме тех, которые были выявлены органами власти и о которых мне известно из прошедших процессов над ксендзами, как-то: Скальским, Федуковичем, Желинским и из того, что в декларации Квасневский об этом писал, — я не знаю.

Я полагаю, что ксендзы, жившие вблизи границы, как-то: Ладыго, Нановский, Слатвинский, Ендрущак имели связь с Польшей через контрабандистов.

Связи с польским консульством в Киеве имели: я, кс. Герватовский, кс. Змигродский, брат находящегося в Киеве, кс. Петровский, бывший ранее в Зиновьевске. Это я перечислил тех, которые в консульстве бывали. Кроме того, не бывая лично, с консульством имел связь Наскренский и Свидерский, через кого были связаны с консульством Наскренский и Свидерский, я не знаю. Вообще же о их связях я знаю из того, что я лично выполнял поручения обоих и что Бабинский принимал от меня их письма, о них знал.

Касаясь ксендзов, посещавших польконсульство, то исходя из того, что при моих посещениях консульства я давал информацию религиозного и политического содержания, я имею основание считать, что также делали и другие ксендзы. Такую информацию польконсульство получало от лиц, которым можно было доверять.

Допрос прервал в 14 часов.

В правильности записи моих показаний расписываюсь *И.Миодушевский*

Допрашивал *Зинько*

Продолжение допроса 4/II–30 г. в 18 часов.

Приезжая из Киева я рассказывал кс. Свидерскому о той информации, которую я давал польскому консулу Бабинскому. Свидерский говорил, что лучше было бы если бы поляки материально помогали бы костелу, ибо в тех тяжелых условиях, в которых мы находимся, нам очень тяжело работать.

---

* У документі прізвище подається «Д'ербеньи».

Из указанных ксендзов, бывающих в польконсульстве, Герватовский и Змигродский выехали в Польшу, а Петровский ходатайствовал о выезде; что Петровский ходил в польконсульство мне в октябре м-це 1929 г. говорил кс. Блехман в Киеве. Петровский где-то сейчас на Киевщине, я его лично не знаю.

Выехавшие в Польшу ксендзы и поляки, близкие к костелу, как это было и со мною, когда я в 1924 году ездил в Польшу, безусловно, достаточно подробно информировали лиц, интересовавшихся этим, о положении в советских республиках. Последним из ксендзов выезжал из Могилев-Под. униат отец Макарий, который перед отъездом был у Свидерского. Какие Свидерский дал ему поручения — не знаю. Вообще о поручениях, какие давались таким лицам, я не знаю.

Переписку с Польшей имели почти все ксендзы. В посылаемых в Польшу родным и знакомым письмах по почте, ксендзы вскользь сообщали о жизни в СССР. Знаю я это по собственному опыту, так как я в письмах к Раковской, Фульде, Згурскому, Франкевичу, Оржеховскому и др. неоднократно писал, что приходится работать в очень тяжелых условиях, окружающая обстановка еще тяжелее, морально чувствуешь себя угнетенным. Больше в простом письме по почте написать нельзя было. Это я писал, имея ввиду сообщить в Польшу о тяжелом положении костела на Украине при советской власти.

Практиковали посылку писем в один адрес для других лиц. Так я, например, писал Раковской и Фульде, а они уже отправляли мои письма по другим адресатам. Делалось это для того, чтобы не обратить на себя внимание, как на лицо, имеющее обширную переписку с Польшей.

Таким же порядком я получал письма и обратно, в частности от д-ра Амброжевича через Фульде и от брата через Раковского — письма эти были из Румынии.

Нелегальная переписка с Польшей велась, насколько мне известно, через польское консульство. О фактах я могу указать только на те случаи, когда я лично передавал через консульство письма Наскренского, Свидерского и Круммеля — деньги.

О нелегальных поездках ксендзов в Польшу я знаю о двух случаях таких поездок кс. Свидерского. Ездил он, кажется, еще в 1923 г. Об этом он мне лично рассказывал. Ездил он оба раза к епископу Маньковскому для получения директив в работе. Подробности мне неизвестны. Информированные* доклады о положении в СССР посылал кс. Скальский через Рашковского — б. председателя репатриационной миссии польской в Киеве. Знаю об этом со слов кс. Наскренского. Кто еще из ксендзов посылал такие писанные доклады, не знаю.

Касаясь снова той контр-революционной деятельности ксендзов на территории СССР, которую мы в своей работе осуществляли, могу показать, что в беседе с кс. Наскренским он лично мне говорил, что наилучшей формой организации прихода являются кружки «ружанцев« и терциары. Наскренский рекомендовал своим ксендзам всемерно эти кружки поддерживать. Наскренский лично в Киеве очень оберегал эти кружки. Я лично присутствовал в 1927 году в Киеве на специальном служении, которое отправлял Наскренский для терциаров, которых в костеле было тогда человек около пятидесяти. Вообще в Киеве терциарство было небольшим, и когда я в беседе с Наскренским сказал ему, что в Проскурове имеется около восьмисот терциаров, он был очень обрадован этим и назвал это значительной силой прихода.

Свидерский в своей административной деятельности также постоянно напоминал ксендзам, что нужно кружки максимально развивать.

Максимальное количество кружков и терциариев в Проскурове. Кс. Квасневский очень умело организовывал и имел на них очень большое влияние. Проводил он свое влияние через пшеположенных и золяторов. Персонально знаю следующих лиц: 1) Сивек Юзеф, жит. с. Гречан, зажиточный крестьянин, польский патриот, недовольный Советской властью, пользуется известным влиянием в селе, развитой человек, был лишен избирательных прав, впоследствии восстановлен.

---

* Так у тексті. Можливо, правильно — «информационные».

2) Зембицкий Войтек — тоже из Гречан — личность, идентичная Сивеку, но несколько менее развитый и более набожный. Сивек менее набожный и больше интересуется политикой.

3) Белинский — Проскуров, каменщик, человек, недовольный советской властью, польский патриот, пользующийся уважением в польском населении, деятельный человек.

4) Свинцицкий — Проскуров — человек, резко проявляющий свои антисоветские взгляды, поляк-патриот.

5) Жолкевская Рузя — религиозная фанатичка, очень деятельная в смысле организации кружков «ружанцев».

6) Добровольский Карл. Интеллигентный человек, большой польский патриот. Был состоятельным человеком, недовольный советской властью.

7) Бексяк Лаврентий — каменщик-подрядчик, поляк-патриот меньше, чем Белинский и Свинцицкий, очень деятельный в организации кружков «ружанцев». Он же и терциар.

8) Курдзель Антоний — Заречье. Главный пшеположенный терциариец Проскуровского прихода. Большой фанатик, в политическом отношении пассивный, умеющий личным примером привлечь к терциарству верующих.

Через этих лиц, фамилии которых я помню, Квасневский проводил свою организационную и идеологическую деятельность. Квасневский лично является сознательным польским патриотом, умеющим применяться ко всякой обстановке, свободомыслящий в религиозном отношении, очень интересуется политическими вопросами, критически относится к мероприятиям Советской власти, хороший оратор и умеет увлечь за собой слушателей, хороший организатор.

Характерным случаем изворотливости Квасневского может послужить следующий факт: под рождество 1929 г. польский клуб наметил в канун рождества антирелигиозную демонстрацию, намереваясь отвлечь население от костела. С целью парализовать влияние клуба Квасневский перенес служение, которое испокон веков начинается в 12 часов ночи на 7 часов утра, и действительно достиг того, что на этом служении было значительно больше людей, чем обычно. Об этом Квасневский с удовлетворением рассказывал мне.

Показания мои записаны с моих слов правильно, мною прочитаны и в правильности записи их расписываюсь.

И.Миодушевский

Допрашивал: *Зинько*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 68067-ФП. — Т. 10. — Арк. 128–131. Оригінал. Рукопис.

№ 14

Протокол допиту Й.Міодушевського 25 лютого 1930 р.

Протокол допроса

г. Харьков, 1930 г., февраля 25 дня, допрошенный Уполномоченным КРО ГПУ УССР Зинько обв. Миодушевский И.И. показал:

В дополнение ранее данным показаниям заявляю, что я, будучи идейным противником советского строя, на протяжении всех лет своей деятельности при Советской Власти всеми доступными мне способами, используя свой авторитет и влияние на своих прихожан, всячески вредил Советской власти, старался развивать и обострять те антисоветские тенденции, какие я отмечал среди своих прихожан. О достигнутых результатах в борьбе с местной Советской властью и местными общественными политическими организациями я, как и все другие ксендзы, главным образом на отпустах, делился со своими товарищами, а также о результатах своей контрреволюционной работы беседовал со своими администраторами — Наскренским и Свидерским, от которых получал, во-первых, идеологи-

ческую поддержку и подбадривание и, во-вторых, по конкретным вопросам — конкретные указания о том, что и как надлежит делать.

[...]

Делалась вся контрреволюционная работа мною, как и другими ксендзами, с определенной целью помощи Польше в ее борьбе с Советской властью. Я, как и другие, был уверен в том, что рано или поздно советская власть погибнет от войны с Польшей, и вся моя деятельность была направлена к тому, чтобы подготовить почву и польские кадры к приходу поляков.

Для того, чтобы подробно и конкретно показать о всей моей к.р. работе, как именно я ее проводил, через кого, где и когда, каких результатов я достигал, я прошу предоставить мне возможность все это припомнить, поскольку эта деятельность протекала при целом десятилетии, в разных местах и в соприкосновении с разными людьми, после чего я дам соответствующие показания.

Показания мною лично прочитаны и в правильности их записи расписываюсь.

И.Миодушевский

Допросил *Зинько*

Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 68067-ФП. — Т. 10. — Арк. 202–203. Оригінал. Рукопис.

№ 15

Свідчення Р.Шишка 16 квітня 1930 р.

Показания Шишко Р.И. от 16/IV–30 г.

Руководство нашей контрреволюционной и шпионской деятельностью из Польши.

а) Первым источником, бросившим ясный и определенный свет на наши политические обязанности по отношению к Польше, были разговоры и вообще все слышанное мною, как я уже показывал раньше, в Варшаве в 1920 г. Что именно я и коллеги мои — ксендзы должны делать и чего держаться, это детально было сказано мне Носалевским в политических директивах и указаниях Маньковского перед их отъездом из Каменца в Польшу. Задания эти брались Носалевским от Пилсудского и «Союза подольских помещиков», с которыми и Маньковский и Носалевский были связаны и общей политически-национальной идеей, и родством. Мать Носалевского — графиня Потоцкая, а считать родственников Маньковского не берусь, оба они жили, как и мы все, одной идеей и для нее боролись, а именно, чтобы т.наз. «Кресы» были присоединены к Польше. Когда в 1920 г. выезжали делегаты от поляков в Подолии к Пилсудскому в Варшаву просить, чтобы Польша как можно больше забрала в свое господство украинской земли, я очень горячо со своей стороны просил их приложить все свои старания для достижения общего нашего идеала. Помимо активных деятелей польских и помещиков Журовск[ого], Градовск[ого], Червинск[ого], Махницк[ого], Толкач[а], Жебровск[ого] и друг., руководил, значится, моей политико-антисоветской работой через Маньковского «Союз помещиков» и Пилсудский.

б) Имея указания и зная, чего от нас хочет польское правительство и наши подольские помещики и единомышленники их, я всем этим делился со своими товарищами-ксендзами. Таким образом, через меня делались политич. указания Нездельскому, Дворжецкому, Шиманским — Валерию и Вацлаву, Линевичу (жившему тогда в Залесцах возле Каменца), Чирскому, Матушевичу и Соколовскому, которого я вскоре выслал с политическими указаниями в Винницу. Подобно мне поступал коллега мой Свидерский — другой генеральный викарий Маньковского, поселившийся в м. Воньковцах.

в) Свидерский вскоре начал вести нашу контрреволюц. и шпионскую работу под руководством «Союза помещиков», но уже в масштабе всей нашей епархии, как единственный теперь заместитель еп. Маньковского.

г) Осуществлял эту работу Свидерский через свою связь с Маньковским, к которому сам лично ездил в Польшу в г. Бучач; был и в Варшаве у кс. Токоржевского — уделял ему политические информации, а потом вел переписку с Маньковским и Носалевским при содействии Левинского через Польконсульство. Ездил сам в Киев к консулу, в этом имел помощь со стороны кс. Наскренского, посылал также к последнему своих знакомых в Воньковцах с письмами для консула.

д) Хотя писем этих и вообще своей переписки Свидерский мне не показывал, но со слов его я узнавал, что было им посылаемо и что он получал. Писал о переменах в жизни костела, работе ксендзов, их арестах и процессах, о декретах Соввласти, о настроении населения к коммунизму и его правительству, о материальном положении в стране и т.д. Сам получал задания, сводившиеся к следующему: не прерывать нашей антисоваботы, воспитывать массы в польско-национальном и государственном духе...

Гниванская группа

1. После Зинькова я был назначен Свидерским в Браилов и Гнивань — приходы, управляемые прежде Федоровичем. Федорович — личность, знакомая мне и известная как активный политический деятель. В Кременце, при поляках, по инициативе польского правительства Носалевский просил Федоровича прочесть лекцию-митинг о польско-украинских общих идеях и общей жизни. Работник он энергичный и ярый, великолепный агитатор и пропагандист. Информировал о своей работе Свидерского, который ее хвалил и официально донес о ней Маньковскому, а последний в письме через консульство поблагодарил и похвалил политич. деятельность Федоровича, высоко поставившего Браилов и особенно Гнивань в антисоветской боеспособности.

2. Приняв после ареста Федоровича его приходы, я обязывался вести его работу в дальнейшем, но тактичнее и осторожнее. Все им созданное я должен был сохранять и так же, как и он, информировать о политич. известиях Свидерского, что я осуществлял через Левинского, у которого часто бывал в Виннице.

3. В Гнивани я принял в свое руководство созданную Федоровичем группу молодых парней, возглавляемых Сабином Яворским; об этом я узнал от Свидерского и Левинского, рекомендовавших его как своего человека и полезного в политической работе помощника. Как я начал приводить в жизнь руководство группой Яворского? 1) Познакомившись с Яворским и его как бы помощником Петрчицким, я старался показать им, что во мне они могут смело видеть и иметь другого Федоровича, и как они его уважали и любили, так само пусть и меня любят и мне доверяют. Если будут меня любить, то и слушать меня тоже будут. 2) Открывал перед ними свою антисов. физиономию; высказывал свои взгляды на большевизм и его власть. 3) Старался развивать в них польский государствен. патриотизм. Польша — это их отчизна и они ее должны любить, служить ей и помогать. Ее враги должны быть их врагами, первые ее неприятели — это коммунисты. 4) Бросил им мысль ухода в Польшу для воспитания и подходящей их идеям работы и учебы. 5) Советовал собирать вокруг них как можно больше молодежи обоего пола и влиять на них, чтобы и они были твердыми патриотами Польши и врагами большевиков; чтобы не поддавались влиянию советской молодежи и комсомола. 6) Просил сообщать мне все, что только услышат из политики Советов и жизни, говорил, что это меня очень интересует. 7) Говорил им, что здесь на Подолии будут поляки, а большевики не удержатся, и об этом надо помнить и т.п., антисоветские и контрреволюционные вести с ними беседы.

Группа эта была со мной в первом году, т.к. в начале второго года моей работы в Гнивани их арестовали.

Шишко

Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 68067-ФП. — Т. 35. — Арк. 419–422. Оригінал. Рукопис.

№ 16

Додаткові свідчення Р.Шишка
16 квітня 1930 р.

Дополнительные показания Шишко от 16/IV–30 г.

В показаниях моих о руководстве группой Сабина Яворского считаю нужным в нескольких конкретных словах указать на одну существенную вещь по этому вопросу, а именно:

1. Как от каждого ксендза, так и от меня, Свидерский, при назначении моем в Гнивань, требовал давать нужные и интересующие его политические сведения всякого характера, среди которых военные, без сомнения, являлись бы очень ценными.

2. Как человека, могущего оказывать мне помощь в этом направлении, Свидерский, а потом Левинский указывали мне Яворского с его товарищами, как группу и дело политической работы Федоровича.

3. Познакомившись с Яворским и узнав его большую популярность среди многочисленной молодежи Гнивани, я кроме помощи в агитации среди польского населения, кроме сведений о характеристике и настроении поляков по селам, требовал от Яворского известий и военного характера. Среди последних осталось в моей памяти, какая часть армии стоит в Гнивани, сколько имеет красноармейцев и какое среди них настроение к Соввласти.

4. Когда был разговор о том, что Янчицкий пойдет служить в армию, я высказался, что хотя и жалко парня, но он нам может принести пользу своими информациями о военных частях, стоящих в г. Жмеринке, куда он направлялся.

5. Думал я тоже, что он там научится военному делу, т.к. группа наша, кроме задач агитационного и шпионского характера, без сомнения, будет использована в своем окончательном предназначении на случай военных действий как маленький партизанский отряд против большевиков. К этому я собственно стремился в моей воспитательной работе и агентурной работе и в других тоже приходах, но здесь, в Гнивани, я получил уже почти готовую, как бы боевую единицу.

6. Подробностей и деталей я теперь не в состоянии припомнить, но факт тот, что обо всем поступающем ко мне от Яворского и вообще мне известном из политики и военной жизни на горизонте моей работы, я ставил в известность Левинского, с которым виделся довольно часто, а Свидерского — при встречах.

Шишко

Допросил *Правдин*

Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 68067-ФП. — Т. 35. — Арк. 327–328. Оригінал. Рукопис.

№ 17

Вирок Надзвичайної сесії Верховного Суду УСРР
27 червня 1930 р.

Приговор

именем Украинской Советской Социалистической Республики
1930 года июня 27 дня Чрезвычайная сессия Верховного Суда УССР
в составе: Председательствующего тов. Быстрых, членов Суда т.т. Сороцкого и Горчинского, при секретаре тов. Абрамове и наблюдающем прокуроре наркомюста т. Трунчинс-

ком, рассмотрев в закрытом заседании с 21 июня по 27 июня с.г. дело о польской контрреволюционной и шпионской организации на Правобережной Украине по обвинению:

[...]

3) Миодушевского Иосифа Яновича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–11, 54–3, 54–4, 54–5, 54–6, 54–10 УК УССР,

[...]

27) Шишко Ричарда Иустиновича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–11, 54–3, 54–4, 54–5, 54–6 и 54–10 УК УССР,

[...]

Ознакомившись со всеми обстоятельствами дела, материалами предварительного следствия, допросив обвиняемых по делу, заслушав заключение прокурора и последнее слово подсудимых, Чрезвычайная Сессия Верховного Суда установила:

1) В конце 1929 года органами ГПУ УССР раскрыта и ликвидирована контрреволюционная и шпионская организация, во главе которой стояло преимущественно польское католическое духовенство.

Конечной целью этой организации, которая была все время руководима из-за кордона, было свержение Советской власти на Украине и присоединение украинской территории или части ее к Польше.

Организация эта берет начало со времени образования на Украине (в Киеве) с первых дней Октябрьской революции «Польского комитета на Руси», задача которого заключалась в объединении всех поляков на Украине и включении Украины в состав польского фашистского государства.

Одновременно с этим Комитетом была создана на Украине подпольная боевая шпионская организация «Польская организация войскова» (сокращенно «ПОВ»), которая имела целью вооруженно овладеть территорией Украины. *Руководили «ПОВ» нынешний директор восточного отдела министерства иностранных дел Польши Голувко и премьер-министр Славек**.

Уже в этих организациях польское католическое духовенство принимало активное участие...

Вся контрреволюционная деятельность осуществлялась обвиняемыми по этому делу и в отношении каждого их них Чрезвычайная Сессия Верховного Суда установила:

[...]

3) Миодушевский Иосиф Янович, 1872 года рождения, ксендз, не судился, — что он с 1921 по 1930 год проводил агитацию против Советской власти и, будучи лично связан с польскими консульствами на Украине, принимал активное участие в передаче в Польшу сведений об экономическом и политическом состоянии Украины, давал лично сведения также консульству, что предусмотрено ст.ст. 54–11, 54–3, 54–4, 54–5, 54–6 и 54–10 УК УССР.

[...]

27) Шишко Ричард Иустинович,1881 года рождения, ксендз, судился за сокрытие церковных ценностей, — вел массовую контрреволюционную работу и агитацию против Советской власти, через контрабандистов и других лиц был нелегально связан с Польшей, передавал за кордон сведения об экономическом и политическом состоянии Украины и военные сведения, после ксендза Федоровича руководил активной контрреволюционной и шпионской группой молодежи в м. Гнивани Винницкого округа, что предусмотрено ст.ст. 54–11, 54–3, 54–4, 54–5, 54–6 и 54–10 УК УССР.

[...]

Принимая во внимание, что преступления, совершенные вышепоименованными подсудимыми, были направлены на реставрацию власти буржуазии, прав помещиков и капиталистов и учитывая социальную опасность подсудимых, Чрезвычайная сессия Верховного Суда, на основании ст.ст. 302, с 308 до 316 УПК и ст.ст. 42, 43 и 44 УК УССР

* Тут і далі виділене курсивом у документі дописано від руки.

приговорила:

Свидерского Яна Евстафьевича, Левинского Яна Ипполитовича, Скальского Антона Иосифовича, Наскренского Казимира Эдуардовича, *Миодушевского Иосифа Яновича*, Андрушевича Франца Антоновича на основании ст.ст. 54–11, 54–3, 54–4, 54–5, 54–6 и 54–10 УК УССР — к высшей мере социальной защиты — расстрелу, но, принимая во внимание, что указанные обвиняемые сознались в своей преступной деятельности и осудили эту деятельность, *так же учитывая их преклонный возраст*, высшую меру социальной защиты расстрел заменить лишением свободы сроком на десять лет каждого с поражением в правах на основании 29 ст. УК УССР п. а, б и в на пять лет.

[...]

Шишко Ричарда Иустиновича, на основании ст.ст. 54–11, 54–3, 54–4, 54–5, 54–6 и 54–10 УК УССР к 8 годам лишения свободы с поражением в правах на основании ст. 29 УК УССР пп. а, б и в на пять лет.

Приговор этот согласно ст.ст. 315 и 382 УПК вступает в силу с момента его оглашения и направляется к исполнению немедленно.

На основании ст. 313 УПК мера пресечения, избранная ранее в отношении осужденных условно Ционтковского, Миллера, Святзинской, Рудской, Бентковской, Михайловской, Буйновской, Брудзинской и Квасневского, аннулируется, *и таких немедленно освободить*.

Приговор окончательный и на основании ст. 380 УПК обжалованию не подлежит.

Председатель *Підпис нерозбірливий*

Члены суда *Підписи нерозбірливі*

27 июня 1930 года

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 68067-ФП. — Т. 1. — Арк. 1–22. Копія. Машинопис.

ДОКУМЕНТИ ЗІ СПРАВИ СТОСОВНО К.ШЕВЧЕНКА

№ 18

Постанова про застосування запобіжного заходу стосовно К.Шевченка 4 листопада 1930 р.

Гор. Одесса, 1930 года, ноября 4 дня. Уполномоченный Особого отделения 5-го сектора отдела ГПУ УССР Весеньев, рассмотрев материалы дознания по подозрению гр. Шевченко Кузьмы Кузьмича в том, что он принимал деятельное и активное участие в подпольной контрреволюционной повстанческой организации, ставившей себе целью свержение Соввласти путем вооруженного восстания, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 54–10 УК, и принимая во внимание, что нахождение Шевченко К.К. на свободе может повлиять на ход дальнейшего следствия, а посему на основании ст.ст. 95 и 97 ч. 2 УПК и руководствуясь ст.ст. 145 и 156 УПК,

постановил:

Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда в отношении подозреваемого гр. Шевченко Кузьмы Кузьмича, род. в 1901 году в Бессарабии, село Тудорово, проживающего в с. Ясски, занимающегося хлебопашеством, по профессии садовод... по соц.

положению бедняка, ...б/п, по национальности украинец, гражданства УССР, избрать содержание под стражей в Одесском ДОПРе № 3, о чем объявить подозреваемому на сем же.

Копию настоящего постановления сообщить Одесскому прокурору.

Уполномоченный *Весеньев*
Согласен: Нач. Особого отделения *Валейко*
Утверждаю: Нач. 5-го сектора отдела ГПУ *Каминский*

ДА СБ України, Одеса. — Спр. 22413-П. — Т. 1. — Арк. 121. Оригінал. Машинопис на бланку.

№ 19

Витяг з обвинувального висновку у справі К.Шевченка та інших 23 травня 1931 р.

По следделу № 6224

Обвинительное заключение

По обвинению гр.гр. 1) Иоввы Александра Трофимовича, 2) Паненко Ивана Федоровича, 3) Попова Кондрата Федоровича, 4) Халявки Арсения Степановича, 5) Тарасенко Романа Михайловича, 6) Шевченко Ивана Ивановича, 7) Крокуса Палладия Ивановича, 8) Дмитрашко Федора Тимофеевича, 9) Барбы Ивана Михайловича, 10) Шевченко Кузьмы Кузьмича, 11) Татарчука Ивана Гавриловича, 12) Карауша Ивана Ивановича, 13) Пустовойтенко Ивана Терентьевича, 14) Татарчука Михаила Терентьевича, 15) Маренченко Ефима Евдокимовича, 16) Горбулинского-Кругляка Ивана Савельевича, 17) Иоввы Григория Трофимовича, 18) Дьяченко Филиппа Ивановича и 19) Мисаилова Якова Лазаревича.

Одесским оперативным сектором ГПУ УССР раскрыта и ликвидирована на территории Приднестровья — Ясски, Граденицы, Слободзея и др. — кулацкая повстанческая контрреволюционная организация, каковая ставила себе целью активное и вооруженное выступление против советской власти.

Означенная к-р организация проводила работу по сколачиванию повстанческих кадров из числа кулацких элементов села и их подкулачников, антисоветской части сельской интеллигенции из бывших офицеров, а также из лиц, антисоветски настроенных, затесавшихся в органы милиции и кооперации, подготовляя вооруженное выступление против Соввласти. Организация также проводила работу по скоплению оружия для целей вооруженного восстания.

Происходившие в марте 1930 года кулацкие выступления в Ясских и других соседних пограничных селах свидетельствовали о том, что эти пограничные районы особенно поражены кулацким и к-р элементами, готовыми с оружием в руках выступать против Соввласти и ее мероприятий, направленных, в основном, против проведения сплошной коллективизации и на ее основе — ликвидации кулака как класса.

После ликвидации мартовских к-р выступлений при помощи передовой колхозной и бедняцко-середняцкой массы села наиболее активные представители кулачества были изолированы и высланы.

Процесс же дальнейшего активного сопротивления кулачества мероприятиям Соввласти на почве успешного осуществления сплошной коллективизации и на ее основе ликвидации кулака как класса не прекратился.

Повстанческие тенденции кулачества и его практические шаги в этом направлении перерастали в форму насаждения повстанческих к-р ячеек в пограничных селах, подготовляя активное к-р выступление против Соввласти.

О наличии подобных к-р ячеек в Ясских и других пограничных селах были получены сведения Одесским оперсектором ГПУ.

В процессе проработки этих сведений было установлено, что в Ясских имеется группа к-р элемента, связанная с румстороной, на совстороне — по линии демаркации — с другими пограничными селами, которая готовится к активным выступлениям против Соввласти.

Этими же данными также было установлено, что в августе 1930 г. в селе Ясски в квартире Шевченко Ивана Ивановича, агронома села Слободзеи Тираспольского района АМССР, собрались: Иовва Александр Трофимович — кулак, житель села Ясски, его брат — Иовва Григорий Трофимович, студент Одесского мелиоративного техникума и Дмитрашко Федор Тимофеевич — быв. партизан, работающий в АМССР инструктором плодоовощной кооперации, где вели беседу о подготовке вооруженного восстания против Соввласти.

Иовва Александр Трофимович по материалам проходит как активная к-р личность, который осведомлен о повстанческих тенденциях и лицах других сел, прилегающих к Ясскам, как Граденицы, Беляевка и Троицкое, проявляя тенденции связать Ясковскую к-р организацию с имеющимися к-р элементами в городе Одессе.

Иовва Александр Трофимович, бывая в Одессе, посвящает своего брата Григория Трофимовича Иовву в дела Ясковской к-р организации, а также ее тенденции связаться в городе с к-р элементом.

Как активный фигурант к-р организации проходит Паненко Иван Федорович, кулак, житель села Ясски, который поддерживает тесную связь с Иоввой Александром и также осведомлен о деятельности к-р организации.

Параллельно были получены сведения от жителя села Ясски Яцкевича Александра Станиславовича, сына середняка, что Халявка Арсений Степанович вербовал его в к-р организацию, которую возглавляет Шевченко Кузьма Кузьмич, проммилиционер, служащий в Рыбнице и проживающий постоянно в Ясских, и в которую входит он, Халявка, Тарасенко Роман, Данилов Стихий, Андреев Николай и Клименко Андрей.

Допрошенный Халявка Арсений Степанович подтвердил данные Яцкевича и сообщил, что о существовании к-р организации, которая готовит вооруженное восстание против Соввласти, ему рассказал Тарасенко Роман, который его и завербовал в эту к-р организацию.

По данным Тарасенко Романа, разработан следующий план действий: Шевченко Кузьма руководит работой в Ясских, Барба Иван Михайлович — быв. начмилиции в Рыбнице, как один из руководителей к-р организации, остается для работы на месте в Рыбнице, а Дмитрашко Федор Тимофеевич, член к-р организации, поддерживает связь между ними.

По тем же сведениям, имеется конспиративная квартира Попова Кондрата Федоровича для связи с румстороной, и связь осуществляет Паненко Иван Федорович.

На основании имеющихся агентурных данных, а также предварительного следственного материала, были арестованы и привлечены к ответственности в качестве обвиняемых по данному делу следующие:

1) Иовва Александр Трофимович, житель села Ясски, по соцположению кулак, 1895 года рождения;

2) Паненко Иван Федорович, житель села Ясски, по соцпроисхождению из кулаков, 1903 года рождения;

3) Попов Кондрат Федорович, житель села Ясски, кулак, 1885 года рождения;

4) Халявка Арсений Степанович, житель села Ясски, кулак, 1896 года рождения;

5) Тарасенко Роман Михайлович, житель села Ясски, кулак, 1895 года рождения;

6) Шевченко Иван Иванович, агроном Слободзейского района, житель села Ясски, 1897 года рождения;

7) Крокус Палладий Иванович, бывший прапорщик царской и белой армий, 1891 года рождения, служащий сельской кооперации;

8) Дмитрашко Федор Тимофеевич, б. партизан, инструктор плодоовощной кооперации в Тирасполе, 1896 года рождения, член ВКП(б) с 1927 года;

9) Барба Иван Михайлович, быв. нач. раймилиции в Рыбнице, из кулаков, член ВКП(б) с 1926 года;

10) Шевченко Кузьма Кузьмич, служащий милиционером в проммилиции Рыбницы, из середняков, 1901 года рождения;

11) Татарчук Иван Гаврилович, кулак, житель села Ясски, 1898 года рождения;

12) Карауш Иван Иванович, житель села Ясски, происхождением из кулаков, 1903 года рождения;

13) Пустовойтенко Иван Андреевич, житель села Ясски, по соцпроисхождению бедняк, 1901 года рождения;

14) Татарчук Михаил Терентьевич, житель села Ясски, по социальному положению середняк, 1889 года рождения;

15) Маренченко Ефим Евдокимович, житель села Ясски, по соцположению бедняк, 1896 года рождения;

16) Горбулинский-Кругляк Иван Савельевич, житель села Ясски, по социальному положению середняк, 1890 года рождения;

17) Иовва Григорий Трофимович, происхождением из кулаков, студент Одесского мелиоративного техникума, 1906 года рождения;

18) Дьяченко Филипп Иванович, житель села Ясски, по социальному положению середняк, 1889 года рождения;

19) Мисаилов Яков Лазаревич, житель хутора «Дружба», из бедняков, 1891 года рождения.

Следствием вполне установлено участие вышеперечисленных обвиняемых в кулацкой к-р организации, которая подготовляла вооруженное выступление против Соввласти:

[...]

Яцкевич Александр Станиславович в своих показаниях сообщает, что его Халявка Арсений Степанович завербовал в организацию, руководимую Шевченко Кузьмой Кузьмичем (стр. № 5).

Член к-р организации Халявка Арсений Степанович показывает, что он, со слов Тарасенко Романа, знает Шевченко Кузьму Кузьмича как одного из руководителей к-р организации в Тираспольском районе (см. стр. № 14).

Член к-р организации Паненко Иван Федорович показывает, что знает Шевченко Кузьму Кузьмича как члена организации со слов Иоввы Александра, а также знает его лично как члена к-р организации, участника совещания членов к-р организации, на котором Шевченко заявил, что необходимо заниматься работой по подбору надежных людей в к-р организацию, которые с оружием в руках пойдут против Соввласти (см. стр. № 34, 37, 38, 39).

Дьяченко Филипп Иванович показывает, что со слов Дмитрашко ему стало известно, что Барба, будучи председателем сельсовета Яссок, был убит Шевченко Кузьмой (см. стр. № 182).

Мисаилов Яков Лазаревич показывает, что, скрывая у себя бежавшего из-под стражи Шевченко Кузьму, он в беседе с последним узнал, что Шевченко обвиняется в участии в подпольной к-р организации, причем Шевченко ему сообщил, что виновниками и застрельщиками этого дела являются Барба Иван Михайлович и Дмитрашко Ф.

Член к-р организации Шевченко Кузьма Кузьмич свою принадлежность к к-р организации отрицает.

[...]

Суммируя изложенное выше и принимая во внимание, что следствием вполне установлено, что обвиняемый:

[...]

10) Шевченко Кузьма Кузьмич, 1902 года рождения, уроженец Бессарабской губернии, село Тедрово *, житель села Ясски, по социальному положению середняк, лишен избирательных прав за спекуляцию контрабандой. Женат, двое детей, малограмотный, служил проммилиционером в Рыбницкой милиции, гражданства УССР, малограмотный, судился за участие в мартовском Ясковском восстании, во время последнего ареста бежал из-под стражи:

* Різночитання у написанні назви села («Тудорово», «Тедрово») подані за оригіналами (див. також док. № 18).

а) состоял членом к-р организации, которая подготовляла вооруженное выступление против Соввласти;

б) принимал участие в совещании членов к-р организации, где обсуждался вопрос о необходимости организации восстания против Соввласти и вербовки членов к-р организации;

в) во время последнего ареста по дороге следования из Тирасполя в Одессу бежал из-под стражи, –

т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 54–11 УК УССР.

Виновным себя не признал.

[...]

а посему,

полагал бы:

В отношении нижепоименованных обвиняемых применить следующие меры социальной защиты:

[...]

10) Шевченко Кузьмы Кузьмича — применить меру социальной защиты — высылку на Север сроком на пять лет.

Следственное дело за № 6224 направить на рассмотрение Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР.

Уполномоченный ОО *Весеньев*

Согласны: Начальник ОО *Сапир*

Зам. нач. Одоперсектора ГПУ УССР *Галицкий*

Утверждаю: Нач. Одоперсектора ГПУ УССР *Перцов*

Обвинительное заключение утверждаю. С предлагаемыми в отношении обвиняемых мерами социальн. защиты согласен.

Прокурор Одесского оперсектора ГПУ *В.Буман*

ДА СБ України, Одеса. — Спр. 22413-П. — Т. 2. — Арк. 282–318. Оригінал. Машинопис.

№ 20

Витяг з протоколу засідання Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР 19 липня 1931 р.

Ф. 11/УСО

Выписка
из протокола № 90/276 Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР
от 19 июля 1931 года

Слушали:	Постановили:
Дело № 6224 — Одесского Оперсектора ГПУ по обв. гр. Шевченко Кузьмы Кузьмича, 28 лет, по ст. 54–11 УК УССР.	Шевченко Кузьму Кузьмича выслать через ПП ОГПУ в Северный Край сроком на пять лет, считая срок с 5/XI–1930 года. К месту ссылки направить этапом. Дело сдать в архив.

Верно: Секретарь Судебной тройки *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України, Одеса. — Спр. 22413-П. — Т. 2. — Арк. 321. Копія. Машинопис.

№ 21

Висновок у справі К.Шевченка 21 жовтня 1989 р.

Утверждаю
Зам. прокурора Одесской области
государственный советник юстиции
III класса
В.В.Дацюк
21 октября 1989 года

Заключение

в отношении *Шевченко Кузьмы Кузьмича*
По материалам уголовного дела (арх. № *1989)*
Фамилия, имя, отчество *Шевченко Кузьма Кузьмич*
Дата и год рождения *1901*
Место рождения *с. Тудорово Аккерманского уезда, Бессарабия*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *б/п*
Место работы и должность до ареста *хлебороб*
Место жительства до ареста *с. Ясски Червоно-Повстанческого р-на (др. данных не имеется)*
Данные о родственниках *не имеется*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Арестован 30 октября 1930 г. и предъявлено обвинение по ст. 54–10 УК УССР: решением тройки при Коллегии ГПУ УССР № 90/276 от 19 июля 1931 г. подвергнут ссылке сроком на 5 лет*
Шевченко Кузьма Кузьмич подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40 и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора Одесской области
старший советник юстиции *З.А.Садикова*

Начальник следственного отдела КГБ УССР
по Одесской области полковник юстиции *И.И.Левченко*

ДА СБ України, Одеса. — Спр. 22413-П. — Т. 2. — Арк. 419.
Оригінал. Рукопис на бланку.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО М.КОСТРУБИ

№ 22

З оперативного повідомлення у справі М.Коструби та інших 29 жовтня 1931 р.

В субботу 24/X с.г. ночью приблизительно часа в 3 в помещение М. Дивлинского сельсовета пришли 3 вооруж. скрываемых кулака, жит. села М. Дивлина: 1. Кирейчук Нечипор Романович, 2. Янковец Лукьян Степанович и 3. Кирейчук Прохор Иванович, которые хо-

тели убить председателя СВТ тов. Горщевского Якова, но благодаря тому, что он спрятался и были люди в сельсовете, то есть 2 сельвиконавця, упомянутые от сельсовета ушли к дому председателя СВТ и подожгли сарай, где сгорело 2 свиней и плуг, они ушли в лес урочище Круг.

В нашем селе имеется кулацкая организационная шайка в составе этих 3-х человек, к которым присоединились из Большого Дивлина Федоренко Максим, Мосейчук Адам, Коструба Николай, Скидан Острат, Скидан Степан Остратов. из хут. Злотина, б/стражник Хомутовский Федор, совместно с ними скрылся из с. М. Дивлина Омельчук Опанас.

Причем у нас женится Омельчук Александр Максимович на дочке скрываемого кулака — вооруженного Янковца Лукьяна, где пьянствовали скрываемые кулаки. По данным сведениям, жена Кирейчука — Одюшка Кирейчук носит кушать в клуню свою.

ДА СБ України, Житомир. — Спр. 29325–ОФ. — Т. 3. — Арк. 22. Оригінал. Машинопис.

№ 23

Меморандум у справі М.Коструби та інших 19 лютого 1932 р.

Сов. секретно

Меморандум след. дела № 1095

В 1931 г., в период массовых операций по высылке кулацкого и к-р элемента на север, из сел Радовель, Стовпинка и Жубровичи Олевского района скрылись подлежащие высылке кулаки: Кравченко Юрий, Кравченко Семен, Фомин Никон, Рудык Иосиф, Филимончук Иван и др., которые образовали вооруженную группу и начали подготовлять нелегальный переход границы в сторону Польши.

Через некоторое время вышеуказанные лица связались со скрывающимися кулаками из с. Б. Дивлин Лугинского района: Скиданом Калистратом *, Мосейчуком Адамом и другими, составив в общем группу в количестве 25-ти человек, большинство участников были вооружены огнестрельным оружием.

Руководителем данной группы являлся бежавший из ДОПРа уголовник Кравченко Юрий.

Будучи на сов. стороне, группа, скрываясь в лесах Олевского района, одновременно с этим занималась террористическими актами и поджогами зданий государственных учреждений.

Впоследствии, т.е. с 15 ноября 1931 г., вышеуказанная группа в составе 21 чел., будучи вооруженной, в районе с. Лопатичи совершила нелегальный переход границы в Польшу.

В Польше всех через Остки направили в Ракитно, где после соответствующих допросов отдельных лиц направили в Сарны, часть оставили в Ракитно, а Скидана Калистрата с сыном Степаном и женой Пелагеей, Рудыка Иосифа, Рудыка Ефима и Рудык Акулину перебросили обратно на сов. сторону, якобы потому, что родственники их являются членами коллектива. Через некоторое время были переброшены польской разведкой на сов. сторону другие участники группы. Вне сомнения, что часть из них завербована поляками.

При обратном переходе на сов. сторону были задержаны: Фомин Никон, Фомин Евдоким, Рудык Иосиф, Рудык Ефим, Филимончук Иван, Кравченко Семен, Кравченко Мария, Рудык Акулина, Омельчук Афанасий, Омельчук Мария, Омельчук Иван, Скидан Калистрат, Скидан Степан и Пелагея. Также были сняты отдельные активные пособники и учас-

* Різночитання у написанні імені («Острат», «Калистрат») подані за оригіналами (див. також док. № 22).

тники к-р группы Рудык Василий, Бондарчук Сазон, Кравченко Ульян, Коструба Николай и Янковец Лукьян, — всего 19 человек.

Арестованные на предварительном следствии признались в участии в контрреволюционной группе вооруженных кулаков и в нелегальном переходе границы в сторону Польши и обратно.

Кравченко Юрий также задержан при переходе границы из Польши на сов. сторону и содержится в настоящее время под стражей в Олевском погранотряде ГПУ.

Дело подлежит передаче для дальнейшего ведения следствия в Особый отдел Киевского областного отдела ГПУ.

Оперуполномоченный *Буторов*

Утверждаю: Нач. ОО 8/44 и сектора *Шемена*

ДА СБ України, Житомир. — Спр. 29325–ОФ. — Т. 3. — Арк. 69–70. Оригінал. Машинопис.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО К.КОЗЛОВА

№ 24

Витяг з обвинувального висновку у справі К.Козлова та інших 15 травня 1933 р.

Утверждаю
Нач. Харьков. Облотдела ГПУ
Кацнельсон

К след. делу № 5003

Обвинительное заключение
по делу участников к-р повстанческой организации

По обвинению гр. гр.: Козлова Кузьмы Васильевича, Кияна Михаила Фокиевича и друг., в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 54–2, 54–11 УК УССР.

В апреле м-це текущего года Особым отделом Харьковского областного отдела ГПУ на территории Хорольского района ликвидирована к-р повстанческая организация, активно подготовлявшая вооруженное выступление против Соввласти.

Восстание приурочивалось к апрелю с/г, началом которого мыслился захват в районе хранилищ с посевными фондами, каковые должны были служить предварительной материальной базой для восставших.

Успех контрреволюционного выступления по расчетам руководства вскрытой организации обеспечивался создавшимися временными продовольственными трудностями на селе, пользуясь которыми, костяк повстанческой организации активно проводил подбор к-р кадров для восстания.

Произведенное по данному делу следствие с достаточной полнотой вскрыло историю зарождения ликвидированной повстанческой организации, деятельность ее, стремления и планы таковой.

Эти основные моменты материалами следствия, состоящими из показаний самих же обвиняемых, рисуются в следующем виде:

Еще с осени 1932 года находившийся на нелегальном положении жит. с. Покрово-Богачки, Хорольского района Козлов Кузьма и отдельные кулаки этого же села в силу своей исключительной враждебности к Соввласти, собираясь периодически в доме кулака Лапко Моисея, высказывали необходимость вооруженной борьбы с существующим строем.

К числу наиболее активных носителей означенного стремления относятся Козлов Кузьма, Киян Михаил и Лапко Моисей, которые, благодаря общности взглядов и преследуемых к-р интересов, вскоре стали на путь организационного закрепления своих стремлений в виде создания повстанческого костяка, в задачу коего входило создание, в свою очередь, разветвленной повстанческой организации.

На одном из контрреволюционных собраний актива организации сказанный выше Козлов Кузьма заявил: «...Соввласть довела крестьян до тяжелого положения. Единственный выход состоит в том, чтобы создать организацию и воспользовавшись трудностями на селе поднять вооруженное восстание. Главная задача — подобрать надежных людей, вокруг которых можно было бы сплотить остальную селянскую массу и повести ее на восстание...» (показ. обв. Кияна).

Исходя из такой установки, вопросу создания крепкого повстанческого костяка руководство организации придавало серьезное внимание, в результате чего он был создан и представлен в лице экономически ущемленного и враждебно настроенного к Соввласти элемента.

Достигнув желаемых результатов в этом направлении, обвиняемые Козлов Кузьма, Киян Михаил и Лапко Моисей, вместе с созданным ими к-р активом, в который вошли Лапко Макар, Дворовенко Иван, Козлов Петр, Лапко Тимофей, Лукьяненко Егор и друг., перешли к организованной конкретной выработке планов вооруженного выступления и всех связанных с подготовкой его вопросов.

На неоднократно состоявшихся в доме кулака Лапко Моисея и Козлова Кузьмы к-р собраниях, где в среднем присутствовало постоянно от 10 до 15 человек, в центре внимания стояли вопросы расширения вербовочной работы, изыскания оружия для предполагавшегося восстания, выработки плана такового и сроки его. И, наконец, вопрос об установлении связей с терчастями Лубенского гарнизона в такой же степени занимал участников этой организации. Последнее, т.е. стремление к установлению связей с терполком, расположенным в Лубнах, особенно озадачивало руководство описываемой организации, и, будучи убежденным в необходимости такой связи, актив ее пытался установить эту связь путем привлечения в свои ряды терармейцев, что и было сделано в виде вербовки Лапко и Козловым отдельных жителей с. Покрово-Богачки, посещающих временные сборы в Лубнах.

Данное обстоятельство подтверждается показаниями Козлова Кузьмы, заявившего: «...К нашей повстанческой организации было привлечено несколько человек терармейцев...».

Характерно то, что актив рассматриваемой организации, в плане выступления предусматривая налет на склады с оружием в Лубнах, рассчитывал если не на полную поддержку расположенного там полка, то, во всяком случае, на то, что кр-цы 225 тер. полка откажутся выступить против восставших.

По этому поводу показания ряда обвиняемых сводятся к единому следующему: «...Захват гор. Лубен и складов с оружием легко удастся исходя из того, что в армии тоже недовольны Соввластью. Об этом информировали [нрзб.], привлеченные к организации...» (показ. Кияна и Козлова).

Не менее важным обстоятельством в данном вопросе является и то, что руководство организации учло факт формирования Лубенского терполка из числа жителей Хорольского и Лубенского р-нов и поэтому оно было убеждено в получении прямой поддержки со стороны указанного. Обвиняемый Козлов Кузьма на следствии по этому поводу говорил: «...Лубенские воинские части против нас не пошли бы, поскольку они состоят из селян, и преимущественно Хорольского и Лубенского р-нов, поэтому мы расчитывали даже на поддержку их. Это доказывали и терармейцы, состоявшие в нашей организации...».

Таким образом, конкретная деятельность организации в вопросе приближения к красноармейским частям выразилась в привлечении в ряды ее отдельных терармейцев, каковые информировали руководство о возможности поддержки полком восставших.

Вопрос создания к-р кадров, являясь одним из центральных в деятельности организации, приобрел конкретное определение уже на 2-м к-р собрании в виде закрепления за к-р активом определенных участков, на коих тот или иной из этого актива, по взятому на себя обязательству, должен был провести вербовку новых лиц.

Так, Козлов Кузьма принял на себя миссию по вербовке в с.с. Шершневке и Енковцы, Лапко Моисей в с.с. Тарнавщине и Березняки; Лукьяненко Егор в с. Бузиновке, Киян Михаил и Лапко Тимофей в с. Покрово-Богачке.

Действуя по этим населенным пунктам, эти лица привлекли к повстанческой деятельности: Киян — 10 чел., Лапко Моисей примерно такое же количество и Козлов Кузьма — 6 чел. Всем вновь завербованным излагались цели и задачи организации, а также поручалось, в свою очередь, производство вербовки.

Эта практическая деятельность в направлении сколачивания к-р кадров подтверждена показаниями Козлова Кузьмы, Лапко, Кияна и ряда других обвиняемых по делу. В частности, первый из них показал: «...Таким образом к февралю 1933 года мною были завербованы (перечисляет ряд лиц). Всем этим лицам, мною завербованным, я дал задание также проводить вербовку...».

Киян Михаил, излагая о своей практической деятельности в направлении проведенной им вербовки, сообщил: «...В осуществление взятой на себя миссии по вербовке и полученной установки от Козлова я завербовал в организацию следующих лиц (идет перечисление)...».

Аналогичные показания о своей практической деятельности в том же направлении дал обвиняемый Лапко Моисей.

Контингент вербуемых, в смысле социальной принадлежности их, ядром вскрытой организации был определен необходимостью вербовки ущемленного Соввластью и недовольного ею элемента. По этому вопросу арестованный Киян Михаил при допросе показал: «...При вербовке поручалось держать курс на обиженных Соввластью и противников таковой по идеологии...».

Придавая особо серьезное значение вопросу вооружения организации, она в этом направлении четко определила задачу перед каждым ее участником, состоявшую в необходимости максимального выявления имеющегося в селах оружия, которое представилось бы возможным использовать в целях восстания.

«...По вопросу изыскания оружия было решено на собрании использовать максимум возможностей по выявлению в селах всякого рода оружия, вплоть до дробовиков и холодного оружия, дабы с помощью его поднять вооруженное восстание, добраться до Лубенских военскладов и захватить там оружие. С захватом складов с оружием в Лубнах вопрос вооружения повстанцев был бы разрешен положительно...» (показ. Козлова К.).

Как усматривается из приведенной выдержки, организация, ориентируясь на добычу оружия путем изыскания такового на месте в селах, одновременно ставила перед собой задачу захвата военскладов с оружием и лишь тогда, как сказано в показаниях обвиняемого Козлова, положительно был бы разрешен вопрос вооружения восставших.

В результате неоднократного тщательного обсуждения плана восстания он был выработан в следующем виде: выступление должно было начаться с захвата, как выше было указано, хранилищ с посевфондами и расправой над местным активом.

Захватив таким образом власть в свои руки в Покрово-Богачке, предполагалось восстание распространить в окружающих селах Березняки, Енковцы, Тарнавщина и других и при содействии существующих там ячеек, а также сообща с ними разворачивать повстанческое движение по всему району. Укрепив свои действия в Хорольском районе, повстанцы по тому же плану должны были из Хорольского р-на двигаться на Лубны и, захватив склады с оружием, обратиться к расквартированным там частям с просьбой оказать поддержку поднявшим восстание.

«...Мы наметили вооруженным путем разгромить склады с посевными материалами, снабдить хлебом восставших и, объединившись с подготовленными соседними селами, поднять восстание против власти в районе, затем захватить Лубны, где произвести тоже самое...» (показ. Лапко М.).

Назначая вооруженное выступление на апрель м-ц, руководство повстанческой организации исходило:

1. Выступление в период посевной кампании даст возможность захватить посевматериал для снабжения повстанцев.

2. В случае неудачи восстания повстанцы могли бы укрыться в лесах и организовать банду для террора совпартактива и разгрома колхозов:

«...Подбор людей необходимо провести ко времени, когда станет тепло, но не позже апреля, дабы на случай неудачного исхода можно было бы укрыться в лесах...» (показ. Кияна Михаила).

«...Было принято твердое решение выступать обязательно в период посевкампании, что дало бы возможность захватить склады с посевматериалом...» (показ. Лапко М.).

Одновременно с проведением вышеизложенной деятельности руководство рассматриваемой организации связалось с контрреволюционной группировкой молодежи, создавшейся в с. Покрово-Богачка, и направляло ее работу также в сторону выполнения намеченного плана восстания.

К-р группировка молодежи в с. Покрово-Богачка возникла в феврале м-це текущего года и основателями ее были комсомольцы Цвиркун Борис, Гриценко Ефим и Слюсенко Елизавета. В процессе следствия один из этих лиц, Цвиркун Борис, сообщил, что создавшиеся порядки на селе привели его к мысли о неправильности политики партии и Соввласти, в результате чего он пришел к выводу о необходимости борьбы с ней.

«...Создавшиеся трудности на селе, выкачка хлеба и прочее, по моему мнению, являются результатом неправильной политики Соввласти и партии в сельском хозяйстве. На основании этого у меня зародилась мысль о необходимости борьбы с Соввластью за улучшение положения крестьян... » (показ. обв. Цвиркуна Бориса).

О своих выводах в вопросе необходимости борьбы с Соввластью Цвиркун рассказал членам комсомола Гриценко Ефиму и Слюсенко Елизавете (учительница), которые целиком поддержали мнение Цвиркуна Бориса и решили приступить к изготовлению листовок контрреволюционного содержания, а также начать работу по подготовке к восстанию.

«...В конце февраля м-ца мы обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что для борьбы с Соввластью необходимо поднять народ, использовав нездоровые настроения, и с целью этого решили выпустить к-р листовки, призывающие к восстанию против Соввласти...» (показ. Цвиркуна).

В оформившуюся группировку в дальнейшем Цвиркун втянул учащегося ФЗУ в Лубнах Лапко Ивана, комсомольца, и приступил к вербовке Кияна Михаила, который уже в это время являлся активным участником описанной выше повстанческой организации.

Вербовка Кияна была намечена исходя из того, что Цвиркун и другие участники группировки знали его как антисов. личность и могущего дать им ряд практических советов для развертывания к-р деятельности.

Киян, связавшись с группировкой молодежи, дал указание заняться распространением листовок и вербовкой молодежи для участия в предстоящем восстании.

«...Нами решено было выпустить к-р листовки в большом количестве, чтобы распространением их охватить как можно больше сел. Киян говорил, что имеет уже опыт, так как в свое время распространением таких листовок он занимался, и организационную роль в этом деле Киян взял на себя. К-р листовки Киян предложил расклеить в селах: в Лукомье Оржицкого р-на, Худолеевке Оболонянского р-на, в Ореховском сахзаводе, Ромодане Миргородского р-на, Тарнавщине, Березняках, Шершневке, Покрово-Богачке, гор. Хороле и друг. местах...» (показ. Цвиркуна).

Тогда же были изготовлены первые листовки, распространенные на другой день в селе. Листовки писались от руки, печатными буквами, а содержание их гласило: «...Селяне, годі

терпіти знущання над Вами і голод. Організовуйтесь і організованим порядком піднімайте заколот. Важка індустріалізація й колективізація, це є тягар. Так організовуйтесь і зі зброєю в руках бийте гнобителів, які риють могилу для Вас...».

В течение марта м-ца участниками к-р группировки, согласно показаний, полученных от Кияна, производились вербовки новых участников, и к моменту ликвидации ее в группировку было завербовано 8 человек. Одним из участников группировки, Лапко Иваном, была создана ячейка в г. Лубнах, где он в ФЗУ завербовал 3-х учащихся.

Лубенская ячейка получила задание приобрести пишущую машинку путем хищения ее на заводе «Коммунар» для изготовления и распространения листовок.

Вся контрреволюционная повстанческая деятельность представляемой суду организации, а также к-р деятельность группировки молодежи, была пресечена наступившей ликвидацией как первой, так и второй, в начале апреля м-ца текущего года путем изъятия всего к-р актива.

На основании вышеизложенного:

1. Козлов Кузьма Васильевич, 1884 г. рождения, происходит из с. Покрово-Богачка Хорольского р-на. Хлебопашец, до революции имел 25 дес. земли, эксплуатировал наемный труд, в последнее время имел середняцкое хозяйство, состоял в колхозе, однако в нем не работал, так как скрывался от ареста за хранение оружия, украинец, гражданства СССР, женат, грамотный, со слов под судом и следствием не состоял.

Обвиняется в том, что:

1. Являлся инициатором создания к-р повстанческой организации в Хорольском р-не и руководил всей проведенной к-р работой этой организации.

2. Участвовал в неоднократно происходивших контрреволюционных собраниях, где активно обсуждались под его руководством вопросы подготовки вооруженного восстания.

3. Завербовал в повстанческую организацию до 10-ти человек.

4. Подготовлял вместе с Дворовенко Иваном и Бабенко вооруженное ограбление в с. Землянка гр-на Драчко.

5. Являлся инициатором обсуждения плана теракта в отношении председателя сельсовета тов. Смоленского.

6. Хранил револьверы системы «наган», «браунинг» и винтовку русского образца, которые изъяты. Находясь на нелегальном положении, имел при себе «наган» и «браунинг», — что предусмотрено ст. ст. 54–2, 54–11 УК УССР.

В означенных деяниях изобличается обвиняемыми по делу Кияном, Цвиркуном, Козловым Петром, Лапко Моисеем, Дворовенко Иваном, Лапко Макаром, Бабенко Семеном и друг.

Виновным себя признал (л.д. 29–49).

Считаю необходимым — расстрелять.

[...]

Ввиду того, что настоящее дело следствием закончено, таковое передается на рассмотрение Суд. тройки при Коллегии ГПУ УССР.

Уполномочен. ОО *Горшунский*
Нач. Особ. отдела *Евгеньев*

Согласен:
Нач. облотдела ГПУ УССР *Самовский*

Обвинительное заключение утверждено. В отношении меры соцзащиты считаю необходимым в отношении Козлова Кузьмы вместо расстрела применить заключение в к/л сроком на 10 лет.

Прокурор КООГПУ *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України, Полтава. — Спр. 16418-С. — Арк. 234–260.
Оригінал. Машинопис.

№ 25

Витяг з протоколу засідання Колегії ОДПУ 22 липня 1933 р.

Слушали:	Постановили:
17. Дело № 6326 по обвин. гр. Козлова Кузьмы Васильевича по 58/2, 11 ст. УК (дело рассм. в пор. постан. През. ЦИК СССР от 9/6–27 г.).	Козлова Кузьму Васильевича приговорить к расстрелу с заменой заключением в исправтрудлагерь сроком на десять лет, сч. срок с 13/II–33 г. Дело сдать в архив.

Верно: Секретарь Коллегии ОГПУ *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України, Полтава. — Спр. 16418-С. — Арк. 262. Копія. Машинопис.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО М.ЗАЙЦЯ

(фігурант справи «Української військової організації»)

№ 26

Витяг з постанови партколегії ЦКК КП(б)У у справі М.Зайця 16 березня 1933 р.

Сов. секретно

Выписка из постановления партколлегии ЦКК КП(б)У
от 16.III –1933 года

Заяц Николай Васильевич — член партии с 1930 г. Зав. сектором отделения Цекомбанка в Артемовске. Обвиняется в участии в контрреволюционной фашистской организации, стремившейся к свержению советской власти путем вооруженного восстания.

За участие в контрреволюционной организации из партии исключить.

Зам. пред. ЦКК КП(б)У *Иванов*

Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 30700-ПФ. — Арк. 6. Копія. Машинопис.

№ 27

Обвинувальний висновок у справі М.Зайця
Вересень 1933 р.

Следдело № 737. 1933 г.

Обвинительное заключение

по обвинению Зайца Николая Васильевича
по ст. 54–11 УК УССР

[...]

ГПУ УССР в конце 1932 г. по обвинению в принадлежности к указанной организации был арестован зам. директора Артемовского Комбанка Заяц Н.В.

Следствием установлено, что Заяц в 1918 г. служил в «Сичевых стрельцах» в чине бунчужного и принимал участие в боях против Красной армии (л.д. 12). После разгрома галицкой армии Заяц возвратился во Львов и поступил в укр. университет, где и был в 1923 г. завербован в УВО студентом того же университета Коцюбой (л.д. 12, 13, 43, 45).

Осенью 1924 г. Заяц принимает участие в совещании, состоявшемся во Львове в составе Приступы, Березинского и др. На совещании в ряде других вопросов стоял вопрос о создании повстанческих ячеек на территории УССР (л.д. 13). Проведение в жизнь обсуждавшихся на совещании вопросов было возложено на избранную пятерку, в состав которой вошел Заяц (л.д. 13).

В апреле 1925 г. Заяц по поручению к-р организации выезжает в УССР, где связывается с членом УВО и информирует Яворского о положении и состоянии организации (л.д. 17). Связавшись с Яворским, Заяц по поручению последнего выполняет задание по вербовке новых членов УВО (л.д. 17). В мае 1925 г. Заяц направляется во Львов, где вербует и посылает к Яворскому в Киев Михенко и Близнюка (л.д. 18). В июле 1925 г. Заяц вновь переброшен в УССР при помощи одного из руководителей УВО — Крилыка (л.д. 19, 30). При приезде в УССР и связавшись с Яворским, Заяц, по указаниям последнего, занялся переброской членов УВО из-за границы (л.д. 31). Параллельно с этим Заяц проводил вербовку из числа перебежчиков-галичан, надежных для работы по линии УВО. Всего им было завербовано 5 человек (л.д. 31).

Обвиняемый Заяц сознался в своих преступлениях и изобличается показаниями членов УВО Онишкевича, Мороза, Приступы, Михенко, Тютюнника и др.

Таким образом, следствием установлено, что Заяц являлся членом «УВО» и до дня ареста проводил активную контрреволюционную работу, направленную к свержению советской власти и установлению украинской буржуазно-демократической республики, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 54–4, 54–6, 54–11 УК УССР.

На основании изложенного

полагал бы:

Дело по обвинению Зайца Николая Васильевича, 1896 г. рождения, галичанина, быв. бунчужного «Сичевых стрельцов», с высшим образованием, быв. члена КП(б)У, женатого, подданного УССР, работавшего до дня ареста в качестве зам. директора Артемовского Комбанка, передать на рассмотрение Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР с ходатайством о заключении его в концлагерь сроком на 10 лет.

Справка: 1. Арестованный Заяц содержится под стражей в Харьковском ДОПРе № 1.
2. Вещественных доказательств по делу нет.

Уполномоченный СПО ГПУ УССР *Проскуряков*

Согласен и утверждаю:

ВРИД начальника СПО ГПУ УССР *Козельский*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 30700-ПФ. — Арк. 65–67. Оригінал. Машинопис.

№ 28

Витяг з протоколу засідання Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР 1 жовтня 1933 р.

Выписка
из протокола № 108/544 Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР

от 1 октября 1933 г.

Слушали:	Постановили:
Дело № 737/53861 СПО ГПУ УССР по обв. гр. Заяц Николая Васильевича, 1896 г.р., ур. Галиции, бывш. чл. КП(б)У, украинца, по ст. 54–11 УК УССР.	Заяц Николая Васильевича заключить в исправтрудлагерь сроком на десять лет, считая срок с 1/II–33 г. Дело сдать в архив.

Верно: Секретарь Судебной тройки *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 30700-ПФ. — Арк. 68. Оригінал. Машинопис.

№ 29

Лист З.Турчиної до прокуратури Донецької області 23 жовтня 1990 р.

Копия

В прокуратуру Донецкой области
гр-ки Турчиной Зинаиды Гавриловны,
проживающей в г. Чернигове, ул. Белова, дом 6, кв. 55, индекс 250034

Прошу рассмотреть вопрос о реабилитации моего мужа Зайца Н.В., 1896 г. рождения, уроженца с. Новоселки, Галиция.

Мой муж Заяц Николай Васильевич, украинец, член КПСС, с высшим образованием, работал управляющим коммунальным банком г. Артемовска Донецкой области и проживал в г. Артемовске по ул. Ленина, дом 14, кв.12.

1 февраля 1933 г. он был арестован Артемовским ГПУ Донецкой области по обвинению в участии в контрреволюционной организации.

Постановлением тройки при Коллегии ГПУ УССР от 1 октября 1933 года Заяц Н.В. приговорен к лишению свободы на 10 лет. До февраля 1934 года я изредка получала от мужа известия о его местонахождении. В феврале, получив от него письмо из лагеря на Соловках, я отправила ему посылку, которая была мне возвращена, и на мой запрос я получила из лагеря сообщение, что мой муж Заяц Н.В. выбыл. Но куда? Неизвестно.

С тех пор никаких известий о его дальнейшей судьбе я не имею. Прошу, по возможности, сообщить о его судьбе или о месте захоронения моего мужа.

Турчина

Копия верна:

Помощник прокурора Донецкой области советник юстиции *Д.И.Стёбин*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 30700-ПФ. — Арк. 73. Оригінал. Рукопис.

№ 30

Довідка про реабілітацію М.Зайця 1990 р.

250034, г. Чернигов, ул. Белова, дом 6, кв. 55
Турчиной Зинаиде Гавриловне

Справка

В соответствии со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года № 10036-XI «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов», постановление тройки при Коллегии ГПУ УССР от 1 октября 1933 года в отношении Заяц Николая Васильевича, 1896 года рождения, уроженца с. Новоселки, Галиция (Польша), до ареста работавшего управляющим коммунальным банком г. Артемовска Донецкой области, отменено, а уголовное дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Ваш муж Заяц Николай Васильевич реабилитирован.

Зам. прокурора Донецкой области
государственный советник юстиции 2 класса *Н.К.Демиденко*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 30700-ПФ. — Арк. 82. Копія. Машинопис.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО Й.ЗОЗУЛЯКА * ТА ІНШИХ

(фігуранти справи «Української військової організації»)

№ 31

Постанова про міру запобіжного заходу стосовно Й.Зозуляка 28 жовтня 1937 р.

Постановление

1937 г. октября 28 дня, пом. нач. отделения 3 отдела УГБ НКВД УССР ст. л-нт госбезопасности Волосов, рассмотрев материалы по обвинению гр-на Зозуляка Иосифа Михайловича в преступлениях, предусмотренных ст. 54–6 п. 1 и 54–11 УК УССР,

нашел:

Зозуляк И.М. в 1933 г. был осужден на 10 лет концлагеря за шпионаж и контрреволюционную деятельность.

Дополнительно поступившими материалами установлено, что он в 1933 г. скрыл от следствия ряд существенных фактов своей шпионской и контрреволюционной деятельности и на основании этого 21 октября 1937 г. возвращен из Соловецкого лагеря в Киевскую тюрьму.

---

* Зозуляк Й.М., відбуваючи за справою «УВО» покарання на Соловках, 09.10.1937 р. рішенням Особливої трійки УНКВС Ленінградської області був засуджений до ВМП (протокол № 83), але був етапований до Києва для проведення додаткового слідства.

Руководствуясь ст. 143, 145 и 156 УПК УССР,

постановил:

Оставить Зозуляку И.М. меру пресечения способов уклонения от суда и следствия содержание под стражей в спецкорпусе Киевской тюрьмы.

Копию настоящего постановления направить Военному прокурору Киевского военного округа.

Пом. начальника отделения
ст. лейтенант госбезопасности *Волосов*

Утверждаю:
Пом. начальника 3 отдела УГБ НКВД УССР
капитан государственной безопасности *Сапир*

ДА СБ України, Харків. — Спр. 016491. — Т. 2. — Арк. 2.
Оригінал. Машинопис.

№ 32

Обвинувальний висновок у справі Й.Зозуляка 1937 р.

Обвинительное заключение

По следделу № 49445 по обвинению
Зозуляка Иосифа Михайловича
в преступлениях, предусмотренных
ст.ст. 54–6, п. 1 и 54–11 УК УССР

В III отделе УГБ НКВД УССР имелись данные о том, что осужденный в 1933 году член Украинской военной организации («УВО») Зозуляк Иосиф Михайлович скрыл от следствия ряд существенных обстоятельств своей шпионской и контрреволюционной деятельности.

На основании этого Зозуляк в октябре 1937 г. возвращен из Соловецкой тюрьмы.

Произведенным следствием и личным признанием самого обв. Зозуляка установлено, что последний прибыл на Украину из Польши в 1919 году с заданиями польской разведки проводить шпионскую работу.

«Признаю, что я являлся одним из руководителей Украинской военной организации и в 1933 г. действительно скрыл от следствия ряд существенных обстоятельств подрывной работы...

В 1919 г. в г. Станиславове я был завербован польской дефензивой для разведывательной работы...». (Из показ. Зозуляка от 20.XI–37 г., л.д. 211–212).

По прибытии на Украину Зозуляк под руководством польского агента Миронова, участника УВО с некоторыми перерывами в течение многих лет проводил шпионскую работу.

«...В тот же вечер я был у него (Миронова) в гостинице, где он заявил, что знает о моей работе в польской разведке и имеет задание поляков предложить мне продолжать шпионскую работу. Я согласился ее возобновить...». (Из показ. Зозуляка от 20.XI–37 г., л.д. 220).

В 1926 году Зозуляк был завербован в Украинскую военную организацию и, являясь с 1929 г. одним из ее руководителей, проводил уже в широких масштабах контрреволюционную и шпионскую работу, блокируясь с контрреволюционными организациями троцкистов, боротьбистов и польской военной организации (ПОВ).

«...Я проявил себя как активный участник УВО и в результате в 1929 г. введен в состав руководства Харьковского центра УВО. Украинская военная организация проводила свою

работу, блокируясь с Польской военной организацией, с боротьбистами и троцкистами». (Из показ. Зозуляка от 20.XI-37 г., л.д. 217, 235).

На основании изложенного обвиняется:

Зозуляк Иосиф Михайлович, 1900 года рождения, уроженец Галиции, украинец, гражданин СССР, быв. член ВКП(б), быв. руководитель пропгруппы ЦК КП(б)У. До ареста проживал в Харькове, в 1933 году осужден на 10 лет лишения свободы за контрреволюционную работу, возвращен из Соловецкой тюрьмы.

В том, что он, являясь одним из руководителей Украинской военной организации, проводил шпионскую и контрреволюционную работу, подготавливая вооруженное восстание против Советской власти, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 54–6 п.1 и 54–11 УК УССР.

Руководствуясь приказом ГУГБ НКВД СССР № 485

постановил:

Следдело № 49445 на Зозуляка Иосифа Михайловича направить в НКВД СССР.

Пом. начальника отделения
старший лейтенант госбезопасности *Волосов*

Утверждаю:
Зам. начальника III отдела УГБ НКВД УССР
капитан государственной безопасности *Самойлов*

ДА СБ України, Харків. — Спр. 016491. — Т. 2. — Арк. 266-268. Оригінал. Машинопис.

№ 33

Витяг з протоколу стосовно Й.Зозуляка 20 листопада 1937 р.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 363
НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР И ПРОКУРОРА СССР

от 20 ноября 1937 года

Слушали:	Постановили:
Материалы на обвиняемых, представленные НКВД Украинской ССР в порядке приказа НКВД № 00485 от 11 августа 1937 года.	Зозуляк Иосифа Михайловича, 1900 г.р., урож. Галиции — расстрелять.

Основание: копия протокола № 363 от 20 ноября 1937 г.

Верно: Зам. начальника отделения
Учетно-архивного отдела КГБ при СМ УССР
капитан *Кизиль*

9 декабря 1957 г.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 016491. — Т. 2. — Арк. 270. Оригінал. Машинопис.

№ 34

Довідка про виконання вироку стосовно Й.Зозуляка 23 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Справка

К следственному делу УГБ НКВД УССР №____
Зозуляк Йосиф Михайлович 20/XI–1937 г. осужден по первой категории (протокол № 363).
Приговор приведен в исполнение 23/XI.

Нач. 1 отделения 8 отдела УГБ НКВД
лейтенант госбезопасности *Гроссман*

ДА СБ України, Харків. — Спр. 016491. — Т. 2. — Арк. 269.
Копія. Машинопис.

№ 35

Ухвала Військового трибуналу Київського військового округу про реабілітацію Й.Зозуляка 3 березня 1959 р.

Копия
Секретно
Экз. № 4

Определение № 163/0-59
Военный трибунал Киевского военного округа

В составе: председательствующего — генерал-майора юстиции Архиповича, членов — подполковников юстиции Сиротенко и Березина,

рассмотрев в заседании от 3-го марта 1959 года протест в порядке надзора военного прокурора Киевского военного округа на постановление Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 23 сентября 1933 года, по которому был заключен в места лишения свободы сроком на десять лет, арестованный 12 мая того же года,

Зозуляк Иосиф Михайлович, 1900 года рождения, уроженец города Комарно (Галиция), до ареста работавший старшим научным сотрудником Истпарта ЦК КП(б)У в городе Харькове, а также на постановление НКВД СССР и прокурора СССР от 20 ноября 1937 года, по которому Зозуляк Иосиф Михайлович расстрелян.

Заслушав доклад тов. Березина и заключение помощника военного прокурора округа подполковника юстиции Козина об удовлетворении протеста, военный трибунал округа

установил:

Арестованному в мае 1933 года Зозуляку И.М. было вменено в вину проведение шпионажа на Украине в пользу польской разведки с 1919 года, активное участие в Харьковской организации «УВО», размещение прибывающих из-за кордона членов «УВО» и оказание им материальной помощи, насаждение повстанческих ячеек в УССР (см. л.д. № 12977 — 303 и 304).

По выводам обвинительного заключения, составленного в ноябре 1937 года, Зозуляку вменялось в вину и то, что он был одним из руководителей Украинской военной организации («УВО»), которая проводила свою работу, блокируясь с Польской военной организацией (ПОВ), а также с боротьбистами и троцкистами (см. л.д. № 52552 — 226–268).

В протесте прокурора ставится вопрос об отмене постановлений от 23 сентября 1933 года и от 20 ноября 1937 года в отношении Зозуляка И.М. по следующим основаниям.

Показания Зозуляка, данные им как в 1933 году, так и в 1937 году, несостоятельны, по своему содержанию носят надуманный характер и противоречат материалам дополнительной проверки. По сообщению соответствующих государственных архивов, данных о принадлежности Зозуляка и лиц, с которыми он якобы имел связь по шпионской деятельности, к агентуре разведорганов иностранных государств не имеется.

Привлекавшиеся ранее к уголовной ответственности, из называемых Зозуляком в своих показаниях, Кулик И.Ю. реабилитирован в 1956 году, а Сохацкий С.В. и Кленович Л.И. реабилитированы в 1958 году. В отношении Хрусцеля, он же Бондаренко и Шиманович, установлено, что также он был привлечен к уголовной ответственности необоснованно и поставлен вопрос о его реабилитации.

Изучением дел по обвинению Демчука П.И. и Яворского М.И., которые, по показаниям Зозуляка, вовлекли его в «УВО», установлено, что ни Демчук, ни Яворский показаний о вербовке Зозуляка в эту организацию не давали. Установлено также, что Демчук был репрессирован необоснованно, а поэтому поставлен вопрос о его реабилитации. Яворский, как видно из материалов дела по обвинению его, отрицал свое участие в какой-либо антисоветской организации.

Названные Зозуляком как участники «УВО», с которыми он был связан якобы по антисоветской деятельности, — Максимович, Шумский, Палиев, Палько, Чехович и еще 26 человек реабилитированы в 1956–1958 годах, а в отношении Репы, Козореза, Викула и других установлено, что они были репрессированы необоснованно и о них поставлен вопрос о реабилитации.

Поэтому выписки из протоколов допроса ранее арестованных Демчука, Чеховича, Кулика, Козореза и других, приобщенные к делам по обвинению Зозуляка,не могут служить доказательством вины последнего.

В показаниях обвиняемых по делам Коссака, Танашевича, Коника, Романюка, Олейника, Эрстенюка и Копач-Холодного участником «УВО» хотя и назван Зозуляк, однако о его конкретной деятельности в их показаниях ничего не говорится.

Допрошенные в процессе проверки свидетели Овчаров, Сухино-Хоменко и Галько, знавшие Зозуляка по совместной учебе и работе, характеризуют его положительно (мат. пров. л.д. 2–10).

По сообщениям партийных органов материалов об участии Зозуляка в антипартийных группировках и оппозициях не имеется (мат. пров. л.д. 215–219).

На основании изложенного прокурор округа просит постановления Судебной тройки и НКВД СССР в отношении Зозуляка И.М. отменить и дела о нем прекратить за недоказанностью обвинения.

Проверив материалы дел №№ 12977 и 52552, соглашаясь с протестом и руководствуясь ст. 347 УПК УССР, военный трибунал округа

определил:

Постановление Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 23-го сентября 1933 года и постановление НКВД СССР и прокурора СССР от 20 ноября 1937 года в отношении Зозуляка Иосифа Михайловича отменить и дело о нем производством прекратить за недоказанностью обвинения.

Подлинное за надлежащими подписями

Верно:
Член Военного трибунала КВО
подполковник юстиции *Березин*

С подлинным сверил:
Судебный секретарь ВТ КВО *Полунина*

ДА СБ України, Харків. — Спр. 016491. — Т. 1. — Арк. 306–307.
Копія. Машинопис.

№ 36

Ухвала Судової колегії з кримінальних справ Верховного Суду УРСР стосовно М.Барана 19 вересня 1958 р.

Копия
Секретно

Дело № 1778п–58 г.
Докладчик т. Антонов

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

ИМЕНЕМ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда УССР в составе: председательствующего т. Антонова Н.Ф., членов суда тт. Каплуновой Е.И. и Удовицкого И.С. с участием прокурора тов. Осипенко П.Г.

рассмотрела в судебном заседании 19 сентября 1958 года уголовное дело по протесту прокурора Украинской ССР на постановление тройки при Коллегии ГПУ УССР от 14.II.1934 года, которым —

Баран Михаил Лукич, 1884 года рождения, уроженец Тернопольской области, украинец, гр-н СССР, бывший член ВКП(б) с 1918 г., до ареста работал директором Института литературоведения им. Шевченко в гор. Киеве, по ст. 54–2 и 54–11 УК УССР заключен в ИТЛ сроком на 5 лет.

В протесте ставится вопрос об отмене указанного постановления и прекращении дела производством за отсутствием состава преступления.

Заслушав доклад члена суда Антонова и заключение помощника прокурора УССР Осипенко, поддерживающего протест, судебная коллегия

установила:

По обвинительному заключению Барану вменено в вину то, что он являлся одним из видных участников Украинской войсковой организации «УВО» и проводил антисоветскую деятельность.

Отбывая наказание, Баран в 1937 г. постановлением тройки УНКВД Ленинградской области подвергнут расстрелу.

Определением Верховного суда Карело-Финской ССР от 10.VII.1956 г. указанное постановление за 1937 г. в отношении Барана отменено и дело производством прекращено.

Из материалов дела видно, что обвинение Барана по данному делу было основано на выписках из показаний обвиняемых по другим делам Коссака, Карбоненко, Рудька, Атаманюка, Марфиевича и других.

Между тем, приобщенные к делу выписки из показаний обвиняемых по другим делам не могут служить доказательством вины Барана.

Во-первых, изложенные показания в этих выписках из протоколов допросов неконкретны, причем часть из них не заверена.

Во-вторых, некоторые обвиняемые, которые признавали себя виновными и изобличали Барана в антисоветской деятельности, в 1956–1958 гг. полностью реабилитированы.

Дела в отношении Черняка, Лапшина, Левицкого, Сирко и Семко, которые по показаниям Барана являлись якобы участниками антисоветской организации, в 1955–1957 гг. судебными органами производством прекращены за отсутствием состава преступления.

Допрошенные в 1958 г. свидетели Доудек П.П., Теслюк-Эрнест-Горин М.Н., Левитский Л.М. *, и Сирко И.Н. охарактеризовали Барана положительно и показали, что об антисоветской деятельности Барана им ничего не известно.

* Так у тексті, правильно — Левицкий.

Из приобщенных к делу документов видно, что Баран являлся членом Галицкого ревкома и подписал ряд документов, которые были направлены на упрочнение завоеваний революции и советской власти на территории Галиции. В 1919–1920 гг. Баран входил в состав оргбюро компартии Восточной Галиции и Буковины, был избран в состав политбюро ЦК компартии Галиции.

При таких обстоятельствах Баран осужден необоснованно.

На основании изложенного и соглашаясь с протестом, Судебная коллегия, руководствуясь ст. 362 УПК УССР

определила:

Постановление тройки при коллегии ГПУ УССР от 14.II.1934 г. в отношении Барана Михаила Лукича отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Подлинное за надлежащими подписями.

Верно: Ст. следователь сл.управления КГБ при СМ УССР
майор *Ионов*

ДА СБ України, Харків. — Спр. 016491. — Т. 3. — Арк. 83–84. Копія. Машинопис.

№ 37

Огляд по архівно-слідчій справі у звинуваченні П.Демчука 10 листопада 1958 р.

Обзор
по архивно-следственному делу № 38342 по обвинению

Демчука Петра Ивановича, 1900 года рождения, уроженца м. Городенко (Западная Украина), украинца, из крестьян-бедняков, с высшим образованием, бывшего с 1921 г. членом австрийской компартии, члена ВКП(б) с 1929 г. (исключен после ареста по настоящему делу), профессора философии, руководителя кафедры диалектического материализма Харьковского коммунистического института соц. строительства.

Демчук арестован СПО ГПУ УССР в мае 1933 г. без санкции прокурора за «принадлежность к к.р. организации» (наименование этой организации не указано). Дату ареста Демчука установить невозможно; ордер на его арест выписан 4 мая 1933 г., обыск в квартире Демчука произведен 5 мая; объединенное постановление о начатии следствия, избрании меры пресечения и предъявлении обвинения по ст. 54–11 УК УССР датировано 9 мая 1933 г. (ордер и указанное постановление Демчуку не объявлялись под расписку. По существу предъявленного обвинения он не допрашивался).

Демчук арестован на основании показаний ранее арестованных членов УВО Герасимовича И.Т., Чеховича М.Т., Бабьяка В.В., Собкова И.И., Кузняка Н.Г., Бадана-Яворенко А.И., Бойко В.А., Романишина В.И., Орловского-Бея Ф.В., Коссака Г.И., Турянского Р.Б., Романюка Н.М., выписки из которых приобщены к делу Демчука.

В начале следственного дела приобщена выписка из постановления центральной контрольной комиссии НК РКИ УССР от 31.V.33 г., из которой видно, что Демчук исключен из ВКП(б) как лицо, прибывшее на территорию СССР и пробравшееся в партию с целью создания контрреволюционной фашистской организации, ставившей своей задачей свержение советской власти путем вооруженного восстания. Указанное постановление подписано Киселевым и Балицким — председателем ГПУ УССР.

Первый протокол допроса Демчука датирован 10 июня 1933 г.

Во время этого и последующих допросов Демчук признал себя виновным — первоначально в принадлежности к Украинской военной организации (УВО), а затем — и к контр-

революционному блоку, представляющему собой объединение членов УВО, боротьбистов и других антисоветских элементов.

Демчук, в частности, показал следующее:

В УВО он был вовлечен в 1920 г. в Вене Старосельским, Чичкевичем, Коссаком и Свидерским. Вскоре после этого он по предложению членов УВО Коссака, В.Чичкевича и Поддубного поступил на работу в советское представительство в Вене с той целью, чтобы иметь возможность информировать УВО о деятельности этого представительства.

В 1925 г. Демчук, по предложению одного из руководителей УВО Максимовича, выехал в УССР для «усиления организации». Прибыв в Харьков, Демчук связался с руководством УВО — Яворским, Максимовичем, Витеком, Репой и Черняком и по заданию Репы должен был заниматься организацией ячеек УВО в институтах, в которых он работал. В ВУАМЛИНе (Всеукраинской ассоциации марксо-ленинских институтов) он был в ячейке вместе с Олейником, Зозуляком, Сарваном, Юринцом.

В 1929 г., по заданию УВО, с помощью Зозуляка (секретарь закордонного бюро помощи КП(б)У) выехал для работы в Галицию, где должен был по указанию Бея «всеми мерами отстранять от руководства компартией Западной Украины настоящих большевиков и заменять их членами УВО». (Необходимо отметить, что из других показаний самого Демчука видно, что со слов Боднара ему было известно, что руководство КПЗУ было захвачено УВО еще в 1920 г. Поэтому становится непонятным, какую же работу в этом направлении должен был вести Демчук в Галиции). Бей также связал Демчука с представителем польской дефензивы Воевудским, которого Демчук информировал о состоянии дел в КП(б)У, о деятельности УВО на Украине и по другим вопросам. Воевудский дал УВО установки о борьбе УВО против Коминтерна.

В 1930 г. Демчук по указанию Копача-Холодного, также являвшегося членом УВО, возвратился в УССР и ко дню ареста был связан с членами УВО Романюком, Репой, Сарваном, Зозуляком, Олейником, Черняком, Боднаром, Слипанским, Билашом, Кириченко и другими. По приезде в Харьков на квартире Демчука состоялось совещание с участием Зозуляка, Олейника, Сарвана, Боднара, Билаша, на котором Демчук информировал собравшихся о состоянии дел в организации в Зап. Украине. К этому же времени относится вхождение Демчука в состав возглавляемой Яворским «боевки» (Верхомый, Эрстенюк), намечавшей убийство Постышева и Петровского, взрыв зданий ЦК КП(б)У и ГПУ.

Демчук также показал, что контрреволюционный блок имел целью антисоветское восстание, намечавшееся к моменту войны против СССР, и создание «соборной Украины» при помощи Польши (до 1932 г.), Германии (после прихода к власти Гитлера) и Англии. Непосредственно УВО, входившая в указанный блок, имела свой штаб, который проводил работу как в городах, так и в селах, используя для этого командировки членов УВО (ездили Олейник, Юринец, Сарван, Чичкевич, Сияк, Тур и другие, которых Демчук не назвал). Сам Демчук также один раз в 1930 г. ездил на хлебозаготовки в с. Антоновку Сквирского р-на, где «организовал два колхоза и в них сгруппировал куркульский элемент» (?!). В подготовке повстанческих кадров на селе большую роль играли: сельхозакадемия (этой работой там занимались Слипанский, Билаш, Харченко, Синько, Буцкий, Боднар, Запара) и агроинститут (Билаш, Боднар и Луценко).

Контрреволюционным блоком руководили Шумский, Грушевский, Солодуб, Речицкий, Викул, Максимович. Кадры непосредственно УВО размещали в совпартаппарате (в т.ч. в ЦК КП(б)У и ГПУ) и учреждениях Максимович, а затем Зозуляк, а также Гринько, Приходько и Левицкий; большую роль (какую именно, Демчук не показал) в расстановке увистских кадров играли также Талалай и Бадан. Подбор кадров в комвуз им. Артема и ВУАМЛИН проходил на совещаниях в квартирах Талалая, Сарвана, Кириченко, Билаша, Олейника, его — Демчука, Зозуляка, на которых присутствовали, кроме них, также Кузьменко, Бадан, Луценко, Приходько. Основными определяющими лицами в отношении подбора кадров и создания самого блока в ВУАМЛИНе были М.Яворский, Камышан, Слипанский, Свидзинский, Билаш, Боднар, Харченко, Шуран, Куликовский.

Как показал далее Демчук, до 1928 г. участники блока надеялись на националистическое перерождение «совласти на Украине», на «мирный» переход всего партийного и го-

сударственного аппарата в руки к.р. организации. После провала (какого провала — Демчук не указал) Шумского и Максимовича начался второй период — ориентация на интервенцию против СССР и на вооруженное восстание против соввласти.

В последнее время силы блока были размещены следующим образом: в Харькове — руководство — Березинский, Букшованный, Репа, Бадан, Крилык, Романюк, Лозинский, Витек, Рудницкий, Викул; в ВУАМЛИНе — Чичкевич, Юринец, он — Демчук, Сидорович, Гаврилюк, Бойко, Сарван, Витек, Кушин, Олейник, Боднар, Зозуляк, Свидзинский, Приступа, Куликовский, Мицкевич (все члены УВО); Билаш, Онищенко, Синько, Буцкий, Кузьменко, Семко, Десняк, Степовой-Диденко, Овчаров, Шаркивна, Терезанская, Трублаевич П., Кириченко, Шумский (все члены блока); в Институте совстроительства и права — Романюк, Чехович, Романишин, Коссакова, Сарван, Демчук (члены УВО), Ливый, Клавченко (блок); в Сельхозакадемии — Астахов, Слипанский, Харченко, Соколовский, Виторт, Боднар, Билаш, Савенко, Кравчук, Запара (блок) и он — Демчук (УВО); в Географическом институте — Рудницкий, Крушельницкий, Бабьяк (УВО); во Всеукраинском институте компроса — Свидзинский, он — Демчук, Гаврилюк, Куликовский, Бабинский, Невина (УВО); в театре «Березиль» — Дацкив, Курбас, Гирняк, Федорцева, Крушельницкий, Коссакова (УВО); в институте «Артема» — Свидзинский, Олейник, Нерегинец (УВО), Карпенко, Кузьменко, Горбань, Каретникова, Хоменко В., Гавриленко, Карбоненко (блок); в институте Шевченко — Черняк, Невина (УВО), Пилипенко, Коряк, Бойко, Шевченко (блок); в издательстве «Западная Украина» — Зозуляк, Ирчан, Гирняк (УВО); в издательстве «Литература и искусство» (ЛИМ) — Эпик, секретарь Заклиновского, Седляр, Падалка, Лебедь, Яловой, Кулиш, Хвыльовый, Савченко, Йогансен, Кузмич (блок), Заклинский, Репа, Поддубный (УВО), Бабинский, Гжицкий, Ирчан, Качанюк, Крушельницкий; в Лесном институте — Вилленберг, Боднар, Коваль (блок), Гладилович, Длугаш (УВО); в Укрлесе — Тютюнник, Макаровский (УВО); в Укрсовэнциклопедии (УРЭ) — Березинский, Бадан, Качанюк, Дятлов, Мороз (УВО), Речицкий, Наконечный, Немчиков, Ткаченко (блок); в Госплане — Гуцуляк, Коник (УВО); в Наркомпросе — Дятлов, Копач-Холодный, Палько, Федчишин, Зозуляк, Верба, Эрстенюк (УВО), Кириченко, Минкевич (блок); в изд-тве «Пролетарий» — Попович (УВО), переводчик «Капитала» (блок); в Институте педагогики — Герасимович (УВО); в ЦК КП(б)У — Боднар, Сирко В., Тур и пом. секретаря «ЗБД» (УВО); в ЦККа — Новаловский (УВО); в Совнаркоме — Хоменко Кость (УВО); в Тракторострое — Верхомый (УВО); вне учреждений названы Биляч, Коник, Сорочан, Корбутяк, Грапианский, Касьяненко, Трутель, Шелеп; в Киеве: во Всеукраинской академии наук — Сияк И., Баран, Сидоряк, Кузняк, Шуран, Ол. Яворский (УВО), Камышан, Ныручук, Христовой, Левицкий Л.М., Ворона, Артемовский (блок), Децик, Чучкевич; в Полтаве: Воробьев, Щусь; в Одессе: два врача из Вены, фамилии которых Демчук не назвал; в Каменец-Подольске: Виголь (УВО); в Херсоне: Веклячшов, Песторович; в Черкассах, Знаменке, в Донбассе — так же имелись члены организации, но фамилий их Демчук не назвал; Феклис, Галушка, Пасечник Иван, Голка Дреус, Степанов — где они проживали, Демчук не знает.

Кроме этого Демчуком во время предварительного следствия как члены к.р. организации названы Химинко, Кузьма, Богдан, Рудик, Краковский, Раздольский, Кучабский, Думин, Артемович, Бащук, Рудзинский, Здубовский, Чорный, Трилевский, Калюжный, Ярема, Куприянец, Матвей, Рудольф, Ильницкий, Турянский, Слиненко, Роман, Веселовский, Курбас, Озерский, Бараба, Заячковский, Савчук, Гаврилюк, Гуцуляк, Руслан, Розенфельд, Заречный, Нестерович, Фик, Солодуб, Попов П., Медведь и Гирчак.

Другие лица по показаниям Демчука не проходят.

Демчук далее также показал, что контрреволюционная организация, членом которой он состоял, проводила подрывную деятельность в области науки, литературы и искусства (лично он вредил в области философии), а также, что УВО имела связи с иноконсульствами через Бея — руководителя главного штаба УВО в Берлине и Зозуляка.

Других более существенных показаний Демчука в деле не имеется. Показания Демчука во многих случаях неконкретны, в них почти нет ссылок на конкретные факты. Из этих показаний, в частности, не видно при каких обстоятельствах и кем именно он — Демчук

был завербован в УВО, как он оказался в «к.р. блоке», откуда вообще ему известно об этом блоке, кто, когда организовал этот блок; что конкретно делал Демчук по заданию УВО в советском полпредстве в Вене; создавал ли (и создал ли) Демчук ячейки УВО в вузах по заданию Репы; какую практическую работу проводил он в 1926–1929 гг. против коммунистического движения, находясь в Западной Украине, что он делал как член боевки Яворского; в каких конкретных трудах по философии он осуществлял вредительскую деятельность и т.д., какую конкретно деятельность проводили называвшиеся им члены контрреволюционной организации.

Показания Демчука через других лиц не перепроверялись. В то же время через него не проверялись показания других арестованных членов УВО, выписки из которых приобщены к делу Демчука (последние Демчуку не предъявлялись). К делу Демчука приобщена никем не заверенная копия протокола очной ставки Коссака Г.И. с Демчуком от 10.VI.33 г., на которой Коссак показал, что в декабре 1930 г. на квартире Демчука было совещание членов УВО по некоторым вопросам организации, Демчук категорически это отрицал.

Ст. 200 УПК УССР по делу не выполнялась.

23.IX.33 г. Демчук осужден тройкой при Коллегии ГПУ УССР по ст. 54–11 УК УССР к 5 годам л/с.

Показания Демчука в отношении Билаша (Белаша Т.И.), приобщенные в выписках к делу последнего, соответствуют подлинным протоколам. Более подробных показаний о Билаше (Белаше) Демчук не давал.

Архивно-следственное дело по обв. Демчука хранится в УАО КГБ при СМ УССР.

Ст. следователь Следуправления КГБ при СМ УССР
майор *Ганенко*

10 ноября 1958 года

Дело на Демчука находится в Военной Коллегии Верх. Суда СССР, куда было переслано Главной Военной прокуратурой 17/X–1958 г. при № 5а — 13859 — 58 г.

Ст. следователь Следуправления КГБ при СМ УССР
майор *Ионов*

ДА СБ України, Харків. — Спр. 016491. — Т. 3. — Арк. 180–184
Копія. Машинопис

№ 38

Висновок у справі М.Козоріза
17 грудня 1958 р.

Утверждаю
Председатель Комитета госбезопасности
при Совете Министров УССР
генерал-майор *В.Никитченко*

17 декабря 1958 года

Заключение

гор. Киев 16 декабря 1958 года

Ст. следователь Следуправления КГБ при СМ УССР майор Ионов, рассмотрев материалы дополнительной проверки и архивно-следственных дел № 31994 и № 3356 по обвинению Козореза Михаила Кировича, 1882 года рождения, уроженца города Калуш, украин-

* Виділене у тексті документу курсивом написано від руки.

ца, гр-на СССР, б. члена ВКП(б) с 1920 г., до ареста работал научным сотрудником ВУАН и состоял в литературном объединении «Західна Україна», проживал в г. Киеве, —

нашел:

Козорез был арестован 14 февраля 1933 года ГПУ УССР за принадлежность к контрреволюционной организации.

1-го октября 1933 года Судебной тройкой при Коллегии ГПУ УССР Козорез был осужден к пяти годам ИТЛ. 9 октября 1937 года Особой тройкой УНКВД Ленинградской области осужден к расстрелу.

Козорез был признан виновным в том, что принадлежал к руководству киевской организации УВО, вел подготовку к вооруженному восстанию, работал в легальной группе УВО «Західна Україна», поддерживал связь с заграницей и проводил вербовки в УВО.

Обвинение Козореза основано на его показаниях и на показаниях обвиняемых по другим делам: Струхманчука, Палиева, Атаманюка, Будая, Биляча, Лозинского М., Крилык-Василькова, Коника, Максимовича, Малицкого, Рудика, Рудницкого, Турчинской и Турянского.

В процессе дополнительной проверки установлено, что Лозинский М.М., изобличавший Козореза в причастности к УВО, в 1957 году реабилитирован и его дело прекращено за отсутствием состава преступления (м.п., л.д.10-12).

Будай Л.Д. в 1958 г. также реабилитирован за недоказанностью преступной деятельности (м.п., л.д. 35 об.)

Проходящие по показаниям Козореза участники УВО Марфиевич Н.И., Глушко Д.А., Новицкий Н.К., Ирчан-Бабюк М.Д., Сирко И.Н., Чичкевич М.В., Загул Д.Ю. после проверки их дел реабилитированы за отсутствием состава преступления в их действиях (м.п., л.д.13-15, 16-26).

Сияк, Клименко, Сирко В. и Конар, которые прошли по показаниям Козореза как участники УВО, на предварительном следствии виновными себя в этом не признали (м.п., л.д. 36, 37–38, 39–41, 43). Атаманюк, выписки из протоколов допроса которого приобщены к делу Козореза, в последующем отказался от своих показаний, однако это обстоятельство не было отражено в материалах дела на Козореза (м.п., л.д. 42).

По показаниям обвиняемых Грека Я.Д., Крушельницкого А.В., Гирняка И.И., Биленького-Березинского А.А., Качанюка М.А., Коссака В., Коссака Г., Савченко Ф.Я., Яворского А.К., названных Козорезом как участники УВО, он не проходит (м.п., л.д. 44–47–53, 56–57, 61–66, 67–68, 97–99, 106–107).

В показаниях обвиняемых Максимовича, Яворского М., Рудницкого, Коника, Крилык-Василькова, Биляча, Струхманчука, Кичуры, Рудика и Найдана упоминается Козорез как участник Украинской военной организации, но их показания записаны общими неконкретными выражениями и другими объективными данными эти показания не подтверждены.

В материалах дела на Козореза за 1937 год никаких следственных документов вообще нет. Козорез осужден Особой тройкой УНКВД Ленинградской области к расстрелу на основании справки начальника Соловецкой тюрьмы, в которой указано, что Козорез среди заключенных вел антисоветские разговоры.

Будучи допрошенными в процессе проверки в качестве свидетелей Малицкий Ф.М., Турчинская А.Ф., ранее изобличавшие Козореза в принадлежности к УВО, в настоящее время охарактеризовали его положительно и заявили, что на допросах в 1933 г. под воздействием следствия они вынуждены были давать вымышленные показания как о себе, так и о других лицах, в том числе и о Козорезе (м.п., л.д. 3–6).

Свидетель Марфиевич Н.И., упоминаемый Козорезом в числе участников УВО, на допросе в 1958 году также положительно характеризует его (м.п., л.д. 7–8).

Союз писателей Украины творческую и общественную деятельность Козореза оценивает положительно (л.д. 9).

Институт истории партии ЦК КП Украины — филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, партархивы Львовской, Тернопольской и Винницкой областей компрометирующими данными на Козореза не располагают.

Центральный государственный исторический архив, архивные управления Житомирской, Закарпатской, Черкасской, Харьковской и Винницкой областей компрометирующими сведениями на Козореза не располагают.

По учетам ПГУ КГБ при СМ СССР, 1-го отдела КГБ при СМ УССР и ЦГОА МВД СССР Козорез не проходит.

На основании изложенного, —

полагал бы:

Архивно-следственные дела № 31994 и № 3356 по обвинению Козореза Михаила Кировича вместе с материалами проверки направить Военному прокурору КВО для возбуждения вопроса об отмене постановления судебной тройки ГПУ УССР от 13 октября 1933 года и решения особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 9-го октября 1937 года и прекращении дел за недоказанностью обвинения.

Ст. следователь Следуправления КГБ при СМ УССР
майор *Ионов*

Согласны:
Начальник отдела Следуправления КГБ при СМ УССР
полковник *Защитин*

Начальник Следственного управления КГБ при СМ УССР
полковник *Пивоварец*

Справка *

Дело Козореза М.К. направлено в Военный трибунал КВО на рассмотрение.

Пом. военного прокурора КВО
подполковник юстиции *Козин*

29/I–1959 г.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 016491. — Т. 3. — Арк. 134–136. Копія. Машинопис.

№ 39

Ухвала Військової колегії Верховного Суду СРСР стосовно М.Косара-Заячківського 4 квітня 1956 р.

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР
ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 4н-04062/56
ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА С С С Р

В составе: председательствующего полковника юстиции Дажина и членов: полковника юстиции Миловзорова и подполковника юстиции Квятковского,

рассмотрев в заседании от 4 апреля 1956 года протест генерального прокурора Союза ССР на постановление тройки Коллегии ГПУ УССР от 29 мая 1934 года, по которому был заключен в исправительно-трудовые лагеря сроком на 10 лет Косар-Заячковский Мирон Титович, 1897 года рождения, уроженец г. Коломыя (Польша), и на постановление тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 года, по которому Косар-Заячковс-

* Довідка написана від руки.

кий расстрелян, и заслушав доклад тов. Квятковского и заключение пом. главного военного прокурора майора юстиции тов. Репина об удовлетворении протеста, —

установила:

Косар-Заячковский был признан виновным в том, что он являлся одним из руководителей «Украинской военной организации». По заданию руководства «УВО» прибыл в 1933 году в СССР для усиления работы «УВО» и подготовки террористических актов.

В своем протесте генеральный прокурор СССР просит оба постановления в отношении Косар-Заячковского отменить и дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления по следующим основаниям:

Обвинение Косара-Заячковского основано на показаниях арестованных Турянского, Приступы, Копач-Холодного, Букшованного, Бадан-Яворенко, Хрусцеля, Наварского, Грицая, Озерского, Полоза и самого Косар-Заячковского, который виновным себя признал и в собственноручном заявлении написал, что с 1920 года он состоит членом «Украинской военной организации». В 1933 г. перед выездом в СССР он вместе с Барабой-Иваненко от Кучавского и бывшего члена политбюро ЦК КПП Генриховского, являвшегося участником «ПОВ», получил указание усилить подрывную работу «УВО» на Украине, организовать террористические акты над Постышевым и Балицким, а также над одним из руководителей партии и правительства в Москве. По прибытии в Москву он связался с руководителем «УВО» в Москве Полозом и представителем «ПОВ» Чарным-Белецким, которым и передал план действий на ближайшее время. Это заявление Косар-Заячковский в дальнейшем подтвердил и в своих показаниях на допросе.

На допросе 22 февраля 1934 года Косар-Заячковский свои показания изменил и заявил, что его показания относительно того, что Чарный является контрреволюционером и вел с Барабой-Иваненко разговоры контрреволюционного характера, являются ложными, т.к. они им выдуманы, чтобы услужить следствию и улучшить свое положение.

В процессе проверки установлено, что дело по обвинению Генриховского, названного Косар-Заячковским участником «ПОВ», определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 апреля 1955 года прекращено за отсутствием состава преступления.

Просмотром дела по обвинению Турянского установлено, что в судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 16 июня 1940 г. он признал себя виновным только в принадлежности к националистической организации, а от остальных показаний отказался и заявил, что они были даны им в результате применения к нему незаконных методов ведения следствия. Показания Турянского о том, что Косар-Заячковский был направлен в СССР с контрреволюционной целью, при проверке не подтвердились. Установлено, что Косар-Заячковский был вызван в 1933 г. в СССР по решению партийных органов.

На допросе 19 июня 1933 г. Приступа показал, что со слов Васильева и других ему известно, что Косар-Заячковский состоял членом «УВО», однако эти показания Приступы не могут служить доказательством, т.к. при проверке дела по обвинению Приступы за 1933 г. не обнаружено, а по материалам дела Приступы за 1937 г. Косар-Заячковский им не упоминается.

Копач-Холодный на допросе 25 июня и 31 августа 1933 г. уличал Косар-Заячковского в антисоветской деятельности, при проверке же установлено, что эти его показания являются ложными, т.к. уличаемый им на этих допросах Сахацкий ни в чем себя виновным не признал и покончил жизнь самоубийством. В предсмертной записке в день самоубийства Сахацкий написал, что он является коммунистом и предателем никогда не был.

Просмотром дела на Букшованного и Хрусцеля-Бондаренко-Шимановича установлено, что протокол допроса Букшованного от 3 июля 1933 г., выписка из которого приобщена к делу Косар-Заячковского, в материалах дела отсутствует, и, таким образом, она является сфальсифицированной, а выписка из показаний Хрусцеля от 25 августа 1933 г. не соответствует подлиннику протокола допроса Хрусцеля, в котором фамилия Косар-Заячковского не упоминается.

Материалами дополнительной проверки установлено, что дело по обвинению Косар-Заячковского от начала до конца сфальсифицировано, доказательством чему являются

показания бывшего оперуполномоченного СПО ГПУ УССР Пустовойтова, осужденного за фальсификацию дел, который на допросе по своему делу показал, что группа предателей в СПО ГПУ УССР в конце 1932 и в начале 1933 г. начала муссировать слухи о якобы существующем новом центре «УВО» и, чтобы подтвердить это, направляла агентов с заданием выступать друг перед другом в роли участников нового центра «УВО», которые затем в своих ложных донесениях называли ряд спровоцированных ими лиц как членов центра и участников организации «УВО».

Проверив материалы дела, и находя протест генерального прокурора СССР обоснованным, Военная коллегия Верховного суда СССР, —

определила:

Постановление тройки Коллегии ГПУ УССР от 29 мая 1934 г. и постановление тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 года в отношении Косар-Заячковского Мирона Титовича отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Подлинное за надлежащими подписями.

Верно:
Ст. следователь следуправления КГБ при СМ УССР
капитан *Короткий*

ДА СБ України, Харків. — Спр. 016491. — Т. 3. — Арк. 34–35.
Копія. Машинопис.

№ 40

Ухвала Військового трибуналу Київського військового округу стосовно М.Лозинського 24 вересня 1957 р.

Копия

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 1782/0–57
ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

В составе: Председательствующего — полковника юстиции Захарченко, членов — гв. полковника юстиции Коломийцева и подполковника юстиции Козлова Ю.

рассмотрел в заседании от 24 октября 1957 года протест Военного прокурора Киевского военного округа на постановление Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 23 сентября 1933 года, на основании которого гр. Лозинский Михаил Михайлович, 1880 года, работавший до ареста — до 22 марта 1933 года в городе Харькове профессором Всеукраинского коммунистического института строительства и права, был заключен в ИТЛ сроком на 10 лет, и на постановление тройки УНКВД по Ленинградской области 9-го октября 1937 года, по которому тот же Лозинский М.М. был расстрелян.

Заслушав доклад гв. полковника юстиции Коломийцева и заключение пом. военного прокурора КВО подполковника юстиции Быкова, поддержавшего протест, —

установила:

По обвинительному заключению Лозинскому было вменено в вину то, что он являлся одним из создателей так называемой Украинской военной организации (УВО) за кордоном и по поручению руководителя этой организации Коновальца написал платформу «УВО». Прибыв в 1927 году в СССР по заданию закордонного центра «УВО», Лозинский участвовал в деятельности Харьковского центра этой организации и занимался шпионажем в пользу

Германии. Через эмиссаров и немецкое консульство Лозинский поддерживал связь с закордонным центром «УВО» и с германскими правительственными кругами с целью получения поддержки в подготовке восстания и вооруженной интервенции против Советского Союза.

Военный прокурор КВО в протесте просит постановление Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР и постановление тройки УНКВД по Ленинградской области в отношении Лозинского отменить и дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления по следующим основаниям.

Обвинение Лозинского, по которому он был заключен в ИТЛ, было основано на его показаниях и на выписках из протоколов допросов арестованных по другим делам Чеховича М.Т., Бадана-Яворенко, Онишкевича В.К., Рудницкого С.Л. и др., а постановление тройки УНКВД по Ленинградской области было вынесено без всяких дополнительных материалов.

После ареста Лозинский виновным себя в принадлежности к какой-либо антисоветской организации не признал и заявил, что о существовании таковой на территории СССР ничего не знал.

В своем заявлении от 13 апреля 1933 года (л.д. 103, п. 1) и на последующих допросах Лозинский признал, что он с 1921 г. состоял в УВО и назвал ряд известных ему участников УВО.

В своих заявлениях, написанных во время содержания в лагерях, Лозинский отказался от своих показаний, данных им на следствии и заявил, что в УВО он не состоял и антисоветской деятельностью не занимался (пакет с заявлениями л.д. 489, т. 3).

Из выписок из протоколов допросов Чеховича М.Т., Бадана-Яворенко, Онишкевича В.К., Рудницкого С. и др. видно, что их показания неконкретны, носят общий характер, и в них не указано от кого им стало известно о принадлежности Лозинского к антисоветской организации (л.д. 405–471, т. 3).

В процессе дополнительной проверки установлено, что дела на Христового Н.Ф., Теслюка-Эрнест-Горина М.Н., изобличавших Лозинского в принадлежности к УВО, в 1955–1956 гг. прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления (л.д. 3 и 135 мат. проверки), а дела на Крушельницкого Ю.А., Витека С.И. и Черняка Е.И. после проверки органами КГБ направлены в суд для их реабилитации (л.д. 162, 79–82, 91–93 мат. проверки).

Дела на Ирчана-Бабюка М.Д. и Кулиша Н.Г., названных Лозинским участниками УВО, в 1956 г. прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления (л.д. 72–74 и 37 мат. проверки).

Тур И.П., Приходько А.Т., Цьокан И.Н., которых Лозинский называл участниками УВО, виновными себя в этом не признали (л.д. 62, 67 и 96 мат. проверки), а Геринович В.А., Чехович М.Т. и Мельник М.Р. от своих показаний о принадлежности к УВО отказались (л.д. 89–90, 81 и 32 мат. проверки).

В государственных архивах компрометирующих материалов в отношении Лозинского не установлено.

Допрошенные в процессе дополнительной проверки в качестве свидетелей Волобуев-Артемов М.С., Лукьянович Д.Я., Сирко И.Н., Гжицкий В.З. и Чехович М.Т., а также Крипьякевич И.П. в своем отзыве охарактеризовали Лозинского положительно (л.д. 136, 142, 143, 144–148 мат. проверки).

Из справки Института общественных наук УССР видно, что Лозинский был активным общественно-политическим деятелем Галиции, являлся членом правительства ЗУНР, в 20 годах выступал в печати и критиковал украинскую буржуазно-националистическую эмиграцию за ее выпады против Советской Украины и стоял на позиции воссоединения всех украинских земель в Украинском Советском государстве (л.д. 149–152 мат. проверки).

Таким образом, Лозинский был заключен в ИТЛ и расстрелян необоснованно.

Проверив материалы дела, и соглашаясь с доводами, изложенными в протесте, руководствуясь п. 1 ст. 346 и ст. 247 УПК УССР,

определил:

Протест военного прокурора Киевского военного округа удовлетворить.

Постановление Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 23 сентября 1933 г. и постановление тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 года в отношении Лозинского Михаила Михайловича отменить и дело о нем на основании п. «д» ст. 4 УПК УССР производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Подлинное за надлежащими подписями.

Верно: Ст. следователь следуправления КГБ при СМ УССР
капитан *Короткий*

ДА СБ України, Харків. — Спр. 016491. — Т. 3. — Арк. 40–42. Копія. Машинопис.

№ 41

Оглядова довідка по архівно-слідчій справі В.Олійника 15 листопада 1958 р.

Обзорная справка
по материалам архивно-следственного дела № 31993

по обвинению Олейника Василия Онуфриевича, 1900 года рождения, уроженца с. Добромирцы (Галиция), украинца, гр-на СССР, образование высшее, член КП(б)У с 1922 года, до ареста преподаватель Института красной профессуры, проживал в г. Харькове.

Олейник был арестован 12 мая 1933 года ГПУ УССР за причастность к контрреволюционной организации.

14 июня 1933 г. Олейник подал заявление на имя Коллегии ГПУ УССР о своем намерении честно и откровенно рассказать о совершенной им контрреволюционной работе и о своих преступных связях. Как участников организации назвал Демчука, Билаша, Слипанского, Боднара, Сарвана и Приходько Корнея.

На последующих допросах Олейник показал, что в 1920 г. он принадлежал к подпольной контрреволюционной организации, которая стремилась создать на Украине «Соборную демократическую республику».

В деятельности организации он усматривает два периода: 1-й — с 1920 по 1928 гг., когда организация стремилась вооруженным путем захватить власть, разгром ее и переход в подполье.

Второй период 1928–1933 гг. открывается выступлением Шумского. К концу 1928 г. организация начала подготовку к вооруженному восстанию, а также выполнялись задачи по захвату в свои руки различных средств для их использования по пропаганде националистических идей и по захвату руководства в КПЗУ.

К этому периоду организация представляла из себя блок между УПСР, боротьбистами, УКП, украинской военной галицийской организацией и коммунистами-перерожденцами, возглавляемый Всеукраинским центром во главе с Грушевским, Шумским и Максимовичем (л.д.13).

В центр также входил от эсеров Лизанивский, Чечель, Шраг, Христюк и Голубович. От УВО — Левицкий Михаил, Палиев Емельян, от боротьбистов — Приходько Антон, Калюжный, Слипанский, от УКП — Речицкий.

К концу 1932 г. силы организации были расставлены следующим образом: в Москве — Шумский, Грушевский, Максимович, Палиев; в Харькове — Копач-Холодный; в УРЭ — Беленький-Березинский, Бадан-Яворенко, Рудницкий Степан; в институтах — Романюк, Билаш, Сарван, Приходько, Федчишин, Чичкевич, Витек, Зозуляк, Слипанский; в Киеве — Сияк Иван, Баран, Камышан, Лапшин, Чучкевич, Струхманчук; в Днепропетровске — Палько, Добудек.

Руководство организации рассчитывало, что в восстании большую роль должны сыграть лица, переброшенные в СССР из Галиции, Чехословакии, Австрии и Америки, из числа которых ему были известны: Максимович, Левицкий М., Баран, Палиев, Яворский

Матвей, Нагуляк, Струхманчук, Безпалько, Биляч, Буйный, Марцинюк, Трач Иван, Гирняк, Заячковский, Кузьмович Степан, Ирчан, Лапшин, Петриця, Жаровский, Музычко А., Коник, Зозуляк, Лацкив, Геринович, Кондрацкий, Макарушка, Боднар И., Юринец, Тур, Сорачан, Огар, Ничка, Мороз, Фидек, Лапчинский и другие.

Устройством прибывших на работу занимались Максимович, Левицкий, Приходько Антон и Мазуренко Ю.

В школе красных старшин была ячейка УВО в составе: его — Олейника, Коссак Г., Петрици, Богдая, Макарушки, Билаша и Макаровского — все они через Коссака Г. были связаны с клубом политэмигрантов.

В части связи с заграничными руководителями Олейник показал, что в 1928 году на квартире Коссака Гр. с участием его, Мельника, Коссака Г., Ткачука и Медведева состоялось совещание, на котором прибывший из Америки Сичинский информировал их по вопросу подготовки кадров для будущей Украинской армии.

В 1929 году он встречался с депутатом в польский сейм от украинской партии труда Захидным, который его информировал о переговорах Петрушевича с немцами по поводу создания с их помощью «Самостоятельной Украины».

В 1929 г. по предложению Зозуляка был послан за границу Демчук. Возвратился он в СССР в 1930 г., а в 1932 г. после возвращения Демчук лично ему говорил о своих встречах с Коновальцем и о связях последнего с немцами.

Каких-либо конкретных показаний об организационной деятельности названных им лиц, а также о своей деятельности, Олейник не дал.

В качестве доказательства вины Олейника к делу приобщены выписки из показаний обвиняемых: Геращенко Н.Т., Коссака Г.И., Беленького-Березинского А.А., Максимовича К.А., Зозуляка, Демчука, Ивасюкова Л.М., Коника К.И., Приступы Ф.М. и Струхманчука Я.М.

23 сентября 1933 года Судебной тройкой при Коллегии ГПУ УССР Олейник Василий Онуфриевич был осужден по ст. 54–11 УК УССР к 5 годам ИТЛ.

Стрельбицкий Ярослав Теодорович по показаниям Олейника не проходит.

Выписки из протокола допроса обвиняемого Олейника, приобщенные к делу по обвинению Зозуляка (л.д. 294–196, 298–300), соответствуют подлинникам протоколов. Протокола допроса Олейника от 2 августа 1933 года, выписка из которого приобщена к делу Зозуляка (л.д. 297), в деле не имеется.

Архивно-следственное дело № 31993 по обвинению Олейника Василия Онуфриевича хранится в УАО КГБ при СМ УССР.

Ст. следователь Следуправления КГБ при СМ УССР
майор *Ионов*

15 ноября 1958 года

ДА СБ України, Харків. — Спр. 016491. — Т. 3. — Арк. 159–161. Копія. Машинопис.

№ 42

Ухвала Військового трибуналу Київського військового округу стосовно М.Полоза 8 березня 1957 р.

Копия
Секретно

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 387/0–57
ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

В составе: председательствующего — полковника юстиции Мазурова, членов — подполковника юстиции Плющ и подполковника юстиции Козлова Ю.

рассмотрел в заседании от 8 марта 1957 года протест в порядке надзора военного прокурора Киевского военного округа на постановление Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 4 июня 1933 года, которым, —

Полоз Михаил Николаевич, 1891 года рождения за контрреволюционную деятельность был заключен в ИТЛ сроком на 10 лет.

Заслушав доклад подполковника юстиции Козлова и заключение помощника военного прокурора КВО подполковника юстиции Дарчука об удовлетворении протеста, —

установил:

Полозу было вменено в вину то, что он, состоя в партии боротьбистов и являясь ее активным деятелем, в 1920 году пошел в КП(б)У с тем, чтобы захватить власть на Украине и установить буржуазное государство.

В последующие годы, до ареста, являлся членом антисоветской организации, разделяя установки этой организации по ведению террора против руководителей партии и Советского государства, и был членом Московского центра УВО.

Военный прокурор КВО в протесте просит указанное постановление отменить и дело производством прекратить по следующим основаниям:

Материалами, поступившими из архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, установлено, что Полоз примкнул к революционному движению в ранней молодости, еще в 1905 г., что в 1918 г., состоя в партии боротьбистов, контрреволюционной деятельностью не занимался, после слияния боротьбистов с КП(б)У в 1920 г. весь последующий период времени был на руководящей партийной и советской работе, а перед арестом работал заместителем председателя бюджетной комиссии ЦИК СССР. В октябре 1938 г., т.е. за два месяца до ареста, прошел партийную чистку и был оставлен в рядах ВКП(б).

Институт истории партии ЦК КПУ при проверке дела сообщил, что он никакими материалами об антипартийной или антисоветской деятельности Полоза не располагает.

Из дела видно, что Полоз, будучи арестован, на протяжении двух месяцев на допросах виновным себя не признавал, заявляя, что он ни в какой контрреволюционной организации не состоял и враждебной антисоветской деятельностью не занимался. Признательные показания Полоз дал на допросе оперуполномоченному Соколову, который вел следствие по делу до конца.

На этих признательных показаниях и выписках из протоколов допросов Ялового, Христового, Викула, Бараба-Иваненко, Заячковского, Коссака, Букшованного, Юринца, Беленького-Березинского и других было основано обвинение Полоза в контрреволюционной деятельности.

В настоящее время установлено, что эти показания не являются достоверными. Установлено, что Соколов при ведении следствия, в том числе по делам лиц, арестованных в 1933 году как активных боротьбистов, применял противозаконные методы следствия и допросов, шантажировал арестованных и добивался от них ложных показаний на себя и других.

Приобщенные к делу выписки из показаний осужденных по другим делам не могут служить доказательством вины Полоза, так как они неконкретны, противоречивы, никакими объективными доказательствами не подтверждены, процессуально не оформлены. Кроме того установлено, что ряд лиц, названных Полозом как руководители националистической организации, вообще к ответственности не привлекались, а другая часть названных им, хотя и была привлечена к ответственности, но дела в отношении них в настоящее время прекращены.

При проверке дела граждане Вовчик, Филатова, Басехес, Михайлова и Крыжов — члены КПСС с первых лет революции, знавшие Полоза по совместной работе и в частной жизни, дали о нем отзывы, как о честном и преданном коммунисте.

Таким образом, указывается в протесте, следует прийти к выводу, что Полоз был осужден неосновательно.

Рассмотрев материалы дела и соглашаясь с доводами протеста, Военный трибунал округа, руководствуясь п. 1 ст. 346, ст. 317 УПК УССР, —

определил:

Постановление Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 4 июня 1934 года в отношении Полоза Михаила Николаевича отменить и дело о нем производством в уголовном порядке прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления по п. «д» ст. 4 УПК УССР.

Подлинное за надлежащими подписями.

Верно: Ст. следователь следуправления КГБ при СМ УССР
капитан *Короткий*

Справка: подлинник определения находится в арх. следделе за № 39030 по обв. Полоза М.Н.

Ст. следователь следуправления КГБ при СМ УССР
капитан *Короткий*

ДА СБ України, Харків. — Спр. 016491. — Т. 3. — Арк. 72–74.
Копія. Машинопис.

№ 43

Оглядова довідка по архівно-слідчій справі Т.Репи 13 жовтня 1956 р.

Обзорная справка
по архивно-следственному делу № 31187 на

Репу Тимофея Ивановича, 1895 года рождения, уроженца с. Чишки Золочевского уезда (Польша), украинца, гр-на СССР, члена ВКП(б) с 1925 года, работавшего нач. Харьковского обллита.

Репа арестован СПО ГПУ УССР 29 апреля 1933 года за принадлежность к к.р. организации, санкции прокурора на его арест в деле не имеется.

На допросах Репа показал, что с 1920 года он являлся участником УВО. Проживая за границей и работая в советском полпредстве в Варшаве, Репа провел большую работу по переброске участников УВО на Советскую Украину. Прибыв в 1927 году в СССР, Репа вошел в состав Харьковского центра УВО, который, как показал Репа, проводил активную антисоветскую деятельность.

Центр УВО рассчитывал с помощью иностранной интервенции и в первую очередь Германии и Польши, свергнуть советскую власть на Украине и с этой целью через закордонный центр УВО в Берлине велись переговоры с правительством Германии. Для этого использовались также германское и польское консульства в Харькове. На нелегальных совещаниях участники УВО неоднократно обсуждали эти вопросы и при этом присутствовали представители польского консульства.

Центр УВО, как показывал Репа, вел подготовку к совершению терактов над Постышевым и другими членами ЦК КП(б)У, а также к взрыву здания ЦК КП(б)У и Госпрома. Кроме того участники УВО вели переговоры с представителями ПОВ (Польская организация войскова), а также с грузинскими и белорусскими националистами.

В числе активных участников УВО Репа назвал Лизановского, Чечеля, Приступу, Максимовича, Зозуляка, Березинского, Яворского Олексу, Крилык-Василькова, Юринца, Эрнеста, Лозинского, Ирчана, Качанюка, Ткачука, Демчука, Сарвана, Рудницкого, Дацкова,

Бадан-Яворенко, Кубрака, Ялового, Викула С.П., Христового, Приходько Антона Терентьевича, Речицкого, Букшованного Осипа, Авдиенко, Тура, Барана М., Кийко, Орловского, Черняка, Волоха, Трублаевича, Сияка, Витека, Романюка, Чеховича, Ящуна, Даниленко Михаила, Кореньковского, Пащук Андрея, Ильницкого В.В., Калинчука, Сырик Ивана, Цыганчука, Тарновского, Олейника, Крылика*, Гладиловича Тараса, Бегуна, Сабота.

В качестве доказательств к делу Репы приобщены выписки из показаний Березинского, Онишкевича В.К., Веретко, Романюка, Чеховича, Сияка Н., Лесюка И., Коссака Г.И., Бадана-Яворенко, Викула С.П., Демчука П.И., Крылика-Василькова И.В., Копача С.И., Лозинского М.М., Максимовича К.А., Приступы Ф.М. и других.

Ст. 200 УПК УССР по делу не выполнялась.

Постановлением судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 1.X.1933 г. Репа осужден к 10 годам лишения свободы.

Архивно-следственное дело хранится в архиве УАО КГБ при СМ УССР.

Ст. следователь Следуправления КГБ при СМ УССР
капитан *Тюлькин*

13 октября 1956 года

ДА СБ України, Харків. — Спр. 016491. — Т. 3. — Арк. 198–199. Копія. Машинопис.

№ 44

Огляд по архівно-слідчій справі С.Рудницького 20 лютого 1956 р.

О б з о р
по архивно-следственному делу № 36912
по обвинению Рудницкого Степана Львовича

Рудницкий С.Л., 1877 г.р., уроженец г. Перемышль (Польша), украинец, гр-н СССР, академик ВУАН, работал директором Института географии, проживал в г. Харькове по ул. Либкнехта, 33, кв. 11.

Из материалов архивно-следственного дела видно, что Рудницкий С.Л. был арестован 21 марта 1933 года ГПУ УССР как участник к.р. организации.

В материалах дела имеются обширные собственноручные показания Рудницкого и протоколы его допросов, в которых содержатся записи о том, что он является участником «Украинской военной организации» (УВО), был доверенной личностью диктатора ЗУНР Петрушевича, а в 1916 г. переброшен для работы на Украине. Перед приездом на территорию УССР получил поручение от «УВО» поддерживать постоянную связь с правыми немецко-политическими кругами через влиятельных немецких ученых.

Встретившись в г. Харькове в 1926 г. с Коссаком Иваном, впоследствии имел ряд встреч и бесед с ним о работе «УВО». Коссак сообщил ему, что на Украине «УВО» проводит широкую работу, причем в этой работе принимают участие не только переброшенные из-за границы кадры, но и приднепрянская интеллигенция.

Из руководства УВО на Украине Коссак назвал Коссака Григория, Максимовича, Яворского Матвея, Коника, Романюка и Чеховича.

Его, Рудницкого, задачи должны были заключаться в том, чтобы создать украинское географическое товарищество и через него популяризировать идеи независимого украин-

* Різночитання у написанні прізвища подаються за документами.

ского соборного государства, чтобы создать ячейку УВО в организовавшемся геодезическом институте.

Ему, Рудницкому, был известен такой состав УВО в УССР: Конар-Палащук, Максимович, Геринович, Лозинский, Чехович, Романюк, Герасимович, Яворский М., Индишевский, Лизановский, Волощак, Мельник, Биляч, Бадан-Яворенко, Коник, Эрстенюк, Качанюк, Ирчан, Березинский, Сияк, Бабьяк, Буцура, Витек, Юринец, Свидзинский, Козориз, Сияк Иван, Демьянчук, Яворский Алексей и Цьокан и т.д.

Наряду с этим в материалах дела имеются протоколы очных ставок: между Рудницким и Коссаком Григорием Иосифовичем, между Баданом-Яворенко Александром Ивановичем и Рудницким.

На очных ставках Рудницкий подтверждал свою принадлежность к УВО в «рамках» данных им показаний, однако отрицал свою связь с немецким консульством.

В качестве доказательств по делу являются выписки из показаний Бадана-Яворенко А.И., Гериновича В., Коссака Г.И., Крилыка-Василькова И.О., Лозинского М.М., Приступы Ф.М. и ряда других.

Материалы следствия в порядке ст. 200 УПК УССР Рудницкому не предъявлялись.

По делу составлено обвинительное заключение, подписанное Гордоном и Козельским, согласно которому дело на Рудницкого подлежало передаче на рассмотрение Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР с ходатайством о его заключении в политизолятор сроком на 5 лет.

Решением Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 23.IX.1933 г. Рудницкий Степан Львович на основании ст.ст. 54–4 и 54–6 УК УССР был осужден на 5 лет ИТЛ.

В имеющейся в деле копии заявления Рудницкого от 10.VII.1936 г. изложены ходатайства о возврате ему отобранных у него для просмотра научных работ, а также содержится указание на то, что он — бывший профессор австрийских университетов и вузов во Львове, Вене и Праге, что он был приглашен в УССР как специалист по физической географии, картографии и геологии. На территории Советской Украины работал с 1926 по 1933 гг. как директор научно-исследовательского института и был академиком ВУАН.

Выписки из показаний Рудницкого, имеющиеся в материалах дела на Ирчана-Бабюка (л.д. 185, 192, 221 и 228), соответствуют записям в материалах дела на Рудницкого (л.д. 46 и 12–13).

Архивно-следственное дело № 36912 на Рудницкого Степана Львовича хранится в УАО КГБ при СМ УССР.

Ст. следователь Следуправления КГБ при СМ УСРР
капитан Короткий

20 февраля 1956 г.

Верно: Ст. следователь следуправления КГБ при СМ УССР
майор *Сапожников*

ДА СБ України, Харків. — Спр. 016491. — Т. 3. — Арк. 194–196. Копія. Машинопис.

№ 45

Висновок у справі В.Сірка 29 листопада 1958 р.

Утверждаю
Председатель Комитета госбезопасности
при Совете Министров УССР
генерал-майор *В.Никитченко*

29 ноября 1958 года

Заключение

гор. Киев 29 ноября 1958 года

Ст. следователь Следуправления КГБ при СМ УССР майор Ионов рассмотрел материалы архивно-следственных дел № 32239 и № 3368 по обвинению Сирко Василия Петровича, 1899 года рождения, уроженца с. Кинашев Рогатинского уезда, украинца, гр-на СССР, быв. члена КП(б)У с 1918 г., исключенного из партии в 1933 г., до ареста был секретарем Криворожского горкома партии.

Сирко арестован 17 мая 1933 года ГПУ УССР за принадлежность к антисоветской т.н. «Украинской военной организации». 10-го ноября 1933 года Судебной тройкой при Коллегии ГПУ УССР Сирко был осужден по ст. 54–11 УК УССР к 10 годам ИТЛ и 9 октября 1937 года особой тройкой УНКВД Ленинградской области осужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 3 ноября 1937 года.

Сирко В.П. был признан виновным в том, что он являлся членом центра «Украинской военной организации», организовывал ячейки «УВО» в Днепропетровске, участвовал на заседаниях центра «УВО», на которых рассматривались вопросы о подготовке восстания против советской власти (л.д. 121).

Обвинение Сирко было основано на показаниях обвиняемых Беленького-Березинского, Викула, Войтюка, Демчука, Крылика-Василькова, Максимовича, Приступы, Сарвана, Солодуба, Теслюка, Турянского, Черняка, Ялового, Коссака и Зозуляка (л.д. 57–119).

На допросах Сирко виновным себя ни в чем не признал.

В процессе дополнительной проверки установлено, что Войтюк, Приступа, Сарван, Солодуб, Теслюк, Черняк и Яловой, ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности за принадлежность к «УВО», судебными инстанциями в 1956–1957 гг. реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступления.

Кроме того, допрошенный в 1955 г. в качестве свидетеля Теслюк М.Н. показал, что на допросах в 1933 году он оклеветал Сирко. В действительности он знал Сирко как участника революционного коммунистического движения на Западной Украине (м.п., л.д. 6–31).

Показания Беленького-Березинского, как установлено, сфальсифицированы с участием б. сотрудника ГПУ Пустовойтова (л.д. 69).

Показания обвиняемых Турянского, Демчука, Крылик-Василькова, Максимовича, Коссака и Зозуляка записаны в общих неконкретных выражениях и другими объективными данными не подтверждены.

В материалах дела на Сирко за 1937 год следственных документов не имеется. Сирко осужден особой тройкой УНКВД Ленинградской области к расстрелу на основании оперативных материалов, в которых данных об антисоветской деятельности Сирко не имеется.

По материалам Института истории партии ЦК КП Украины — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в докладе Косиора на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У 20 ноября 1933 года указано, что Сирко Василий, Волох, Яловой (реабилитирован) и другие украинские националисты были главной надеждой и опорой иностранной интервенции.

Партархив Днепропетровского обкома КП Украины сообщил, что 24 мая 1933 года Сирко был выведен из состава бюро обкома КП Украины как выбывший из области.

По учетам Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства, Государственного исторического архива УССР, Госархивов Закарпатской, Днепропетровской, Львовской, Сталинской областей Сирко не проходит.

По учетам ПГУ КГБ при СМ СССР, ЦГОА МВД СССР и 1-го отдела КГБ при СМ УССР Сирко не значится.

На основании изложенного, —

полагал бы:

Архивно-следственные дела № 32239 и № 3368 по обвинению Сирко Василия Петровича вместе с материалами проверки направить Прокурору УССР для возбуждения вопроса об отмене постановления Судебной тройки ГПУ УССР от 10 ноября 1933 года и решения Особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 года об осуждении Сирко В.П. и прекращении дела за недоказанностью обвинения.

Верно: Ст. следователь Следуправления КГБ при СМ УССР
майор *Ионов*

Согласны:
Начальник отдела Следуправления КГБ при СМ УССР
полковник Защитин

Начальник Следственного управления КГБ при СМ УССР
полковник Пивоварец

ДА СБ України, Харків. – Спр. 016491. – Т. 3. – Арк. 104–106. Копія. Машинопис.

№ 46

Оглядова довідка по архівно-слідчій справі Й.Фур'єра 5 липня 1956 р.

Обзорная справка
по архивно-следственному делу № 32175
по обвинению Фурьера Иосифа Мироновича в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–11 УК УССР

Фурьер И.М., 1898 года рождения, уроженец Галиции, украинец, гр-н СССР, из служащих, с высшим образованием, бывший член компартии Чехословакии в 1926–1928 гг., кандидат в члены КП(б)У, до ареста работал лектором Коростышевского педагогического техникума, проживал в г. Коростышеве.

Из материалов архивно-следственного дела видно, что Фурьер был арестован 17 января 1933 года уполномоченным СПО Киевского облотдела ГПУ и этапирован в распоряжение СПО ГПУ УССР, г. Харьков.

Санкции прокурора на арест Фурьера в материалах дела не имеется.

Фурьер, как видно из постановления на избрание меры пресечения (дата не указана), был арестован за принадлежность к контрреволюционной организации.

В протоколах допросов Фурьера содержатся записи его показаний о том, что он, Фурьер, являлся участником контрреволюционной организации УВО, которая ставила своей целью свержение советской власти на Украине, в которую он был вовлечен в 1923 г. в Праге Потийчуком Степаном.

В начале 1928 года, перед отъездом на территорию Советской Украины, Потийчук сказал ему, что он, Фурьер, должен будет выполнять целый ряд поручений, связавшись с Харусем в г. Харькове, который даст указание ему относительно его дальнейшей работы на территории УССР, а также первое время приютит его.

По приезде в Харьков первые несколько дней проживал у Альтштиллера (члена УВО). При встрече с Харусем спрашивал его, как ему надо работать. Харусь, будучи расстроенным, на это ответил: «Вы сами хорошо знаете, что надо делать, устраивайтесь и работайте, как надо».

Как участники УВО, выехавшие на территорию УССР для проведения контрреволюционной работы, в протоколе допроса Фурьера от 4 февраля 1933 г. записаны: Харусь, Онишкевич В., Альтшиллер *, Бабьяк, Романюк, Мельник, Рудницкий, Лесюк П., Стадник В., Романишин, Вахняк, Танашевич, Гладун, Стадниченко, Буцура, Осередчук, Танчаковский, Ронис и Грабовой.

Перед отъездом из Харькова Стадник дал ему письмо для вручения в Киеве Левицкому и Танчаковскому, а в Житомире Бабецкому (какого содержания были эти письма, не указано).

По приезде на территорию УССР он, Фурьер, давал на протяжении двух лет информацию о настроениях населения и политическом состоянии УССР, такую же информацию он посылал и Утриско в Прагу.

Далее в протоколе допроса от 9 февраля 1933 г. записано, что Фурьер дополняет свои предыдущие показания об известных ему членах УВО как лично, а также и со слов Стадника: Мекелита, Михалкива, Кондратюк, Иона, Ганджа, Пирхавка, Забуцкий **, Чехович и Утриско.

В Коростышеве он, Фурьер, встретил старых лекторов, которые впоследствии оформились в контрреволюционную группировку. В состав этой группировки первоначально входили: Чистолин, Кустовой, Юхимчук и Вомачко. Позже в эту группировку влились: Шумейко, Руткевич и Стеблицкий. С этой группой он, Фурьер, был связан с момента приезда вплоть до ареста.

Допрашивал Фурьера в процессе предварительного следствия уполномоченный СПО ГПУ УССР Хает.

Наряду с протоколами допросов Фурьера в материалах дела, как доказательства, имеются выписки из показаний Онишкевича, Бабьяка, Осередчука, Танашкевича Николая Митрофановича и Туза Ивана Андреевича. Других доказательств в материалах дела не имеется.

Материалы следствия Фурьеру в порядке требования ст. 200 УПК УССР не предъявлялись.

По делу уполномоченным СПО ГПУ УССР Хает составлено обвинительное заключение, которое утверждено врид. начальника СПО ГПУ УССР Козельским. Согласно обвинительному заключению, Фурьер обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 54–2, 54–4 и 54–11 УК УССР.

Судебной тройкой при Коллегии ГПУ УССР 23.IX.1933 года по ст. ст. 54–4 и 54–11 УК УССР Фурьер Осип Миронович был осужден к 5 годам ИТЛ.

Конкретно на предварительном следствии Фурьер в отношении Танчаковского Константина Александровича не допрашивался.

Выписки из показаний Фурьера И.М., приведенные в качестве доказательства по делу Танчаковского и Сысака (т. 4, л.д. 27), соответствуют записям в протоколах допроса Фурьера И.М. от 3.II.1933 г. и от 4.II.1933 г. (л.д. 12 и 23).

Архивно-следственное дело № 32175 на Фурьера Иосифа Митрофановича хранится в УАО КГБ при СМ УССР, г. Киев.

Ст. следователь Следуправления КГБ при СМ УССР
ст. лейтенант *Короткий*

5 июля 1956 года

ДА СБ України, Харків. — Спр. 016491. — Т. 3. — Арк. 200–202. Копія. Машинопис.

---

* Різночитання у написанні прізвища подані за документом.

** Помилка у написанні прізвища, правильно — Забудский.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО М.ІРЧАНА, Л.КУРБАСА
(фігуранти справи «Української військової організації»)

№ 47

Висновок у справі М.Ірчана
20 грудня 1955 р.

Утверждаю
Председатель Комитета госбезопасности
при Совете Министров УССР
генерал-майор *В.Никитченко*

21 декабря 1955 года

Заключение

гор. Киев, 20 декабря 1955 года

Я, зам. нач. отдела Следуправления КГБ при СМ УССР полковник Кабанов, рассмотрев архивно-следственное дело № 208577 по обвинению Ирчана Мирослава Дмитриевича, он же Бабюк Андрей Дмитриевич, 1896 года рождения, уроженца с. Пядики Коломыйского уезда, украинца, писателя, члена ВКП(б) с 1920 года, до ареста проживал в г. Харькове, работал редактором журнала «Захидна Украина»,

нашел:

Ирчан арестован ГПУ УССР 28 декабря 1933 года как участник «Украинской контрреволюционной организации». Санкции прокурора на арест Ирчана в деле не имеется. В постановлении об избрании меры пресечения от 27 декабря 1933 года указано, что вопрос об аресте Ирчана согласован с ЦК КП(б)У.

На допросе 3 января 1934 года и на последующих допросах Ирчан дал показания о своей принадлежности к «Украинской военной организации» (УВО), которая ставила своей задачей «путем восстания и интервенции свергнуть советскую власть на Украине, создав здесь капиталистический строй». О своей практической антисоветской деятельности Ирчан показал, что он вместе с участником УВО Кривенко обсуждал вопрос о совершении терактов над руководителями партии и правительства.

Эти показания Ирчана не проверены и другими объективными данными не подтверждены. Кривенко по делу не допрошен, и не установлено, подвергался ли он аресту.

На допросе 10 января 1934 года Ирчан показал, что им по линии УВО проводилась работа в частях Красной Армии, выражавшаяся в том, что он давал задание бывшему участнику УСС (Украинские сечевые стрельцы) Микитюку распространять в частях Красной Армии журнал «Захидна Украина», редактором которого являлся Ирчан.

Эти показания являются надуманными, так как указанный журнал официально издавался в г. Харькове и распространение его не являлось каким-либо преступлением. Микитюк по делу не допрошен, и установить его местонахождение в настоящее время не представилось возможным.

Далее Ирчан показал, что задачей членов УВО был сбор секретных сведений о частях Красной Армии, что с этой целью после пробной мобилизации в г. Харькове в 1931 г. (дата указана не точно) он, Ирчан, вместе с Гирняком и Гасько составили подробное сообщение в штаб УВО обо всем том, что ими было замечено в то время, но о чем конкретно, не указано.

Эти показания Ирчана также не проверены и другими объективными данными не подтверждены. В выписке из показаний Гирняка по этому вопросу ничего не сказано, а Гасько вообще не допрашивался.

На допросе 26 и 27 января 1934 года Ирчан показал, что он с 1923 по 1929 год находился в Канаде, где также проводил работу по линии УВО, однако в чем выражалась его деятельность в Канаде, из материалов не видно.

На предварительном следствии Ирчан назвал по фамилиям более 70 человек как участников украинской контрреволюционной организации. Так, на допросе 3 января 1934 года Ирчан показал: «Рассматривая вместе с Кривенко лиц, арестованных по УВО, мы вместе перебирали следующих членов нашей организации, не затронутых арестами...». Далее идет перечисление около пятидесяти человек по фамилиям, и в конце этого перечисления записано: «...И еще два-три человека из ЗВД — фамилий коих Кривенко мне тогда не назвал. Перебирая эти фамилии, Кривенко отметил, что это та фаланга, которая ни перед чем не уступит».

Из этих показаний Ирчана не видно, кто же ему лично известен как участник контрреволюционной организации, откуда и при каких обстоятельствах стало ему известно об этом, не указано. В процессе следствия эти показания не проверены, Кривенко, как уже указано выше, по делу не допрошен, перечисленные в протоколе допроса Ирчана лица, как видно из материалов следствия, не устанавливались и специально по делу Ирчана не допрашивались.

Из перечисленных в протоколе допроса Ирчана лиц к делу приобщены незаверенные выписки из протоколов допроса О.Вишни, Гжицкого, Атаманюка, Гирняка, Ткачука, Дацькова, Гриценко, Струхманчука, Черняка, Хама, Холодного и Яворского, по показаниям которых Ирчан проходит как участник контрреволюционной организации. По делу Ирчана эти лица не допрашивались. Их показания в отношении Ирчана тогда не проверялись, и не выяснено, когда, от кого и при каких обстоятельствах им стало известно о принадлежности Ирчана к контрреволюционной организации и его практической преступной деятельности. Ирчан в отношении показаний этих лиц также не допрашивался.

Просмотром архивно-следственных дел на указанных выше лиц установлено, что Атаманюк отказался от своих показаний еще на предварительном следствии в 1933 году, однако об этом в деле Ирчана не отражено; Гжицкий отказался от своих показаний после его осуждения; писатель О.Вишня от своих показаний также отказался, дело в отношении него Военным трибуналом при КВО 25 октября 1955 года прекращено, а О.Вишня реабилитирован.

К делу Ирчана приобщены также незаверенные выписки из протоколов допроса Коссака Г., Яворского М.И., Биляча, Днистренко, Мельника М.Р., Козориза М.К., Рудницкого, Репы, Сарвана, Турянского, Кичуры, Малицкого, Стасюка, Будай, Викула, Зозуляка, Беленького-Березинского, Крилыка, Максимовича, Будай, Турянского, Копач-Холодного, Дацькова, Иваненко-Барабы и других, всего 38 человек, по показаниям которых Ирчан проходит как участник контрреволюционной организации.

Перечисленные выше лица допрошены по другим делам, а по делу Ирчана не допрашивались. Показания их неконкретны и в процессе следствия не проверялись. Сам Ирчан по показаниям этих лиц также не допрашивался и, как видно из материалов дела, он не был ознакомлен с их показаниями.

Протокола об окончании следствия и ознакомлении обвиняемого с материалами следствия не имеется.

Решением тройки при Коллегии ГПУ УССР от 28 февраля 1934 года Ирчан был заключен в ИТЛ на 10 лет и для отбытия наказания был направлен в Соловецкую тюрьму.

В 1937 году в Соловецкой тюрьме на Ирчана было заведено новое дело, в котором имеется справка начальника тюрьмы о том, что Ирчан, отбывая наказание в Соловках, установил тесную связь с членами контрреволюционной националистической организации «УВО», продолжает оставаться на своих контрреволюционных убеждениях, высказывает недоверие в правдоподобности показаний врагов народа Пятакова и других членов террористического центра, заявляя, что они дали показания под давлением следствия, считает, что в СССР нет демократических свобод, что Украина, якобы, разорена культурно и политически.

Каких-либо следственных действий по делу не проводилось.

На основании указанной выше справки тройкой УНКВД Ленинградской области 3 ноября 1937 года Ирчан осужден к расстрелу.

В процессе проверки по делу были допрошены в качестве свидетелей писатели Украины Головко А.В., Бедзик Д.И. и Марфиевич Н.И., которые характеризуют Ирчана с положительной стороны. Положительный отзыв в отношении Ирчана дал и писатель Дмитерко Л.Д.

Так, Головко А.В. в отношении Ирчана показал: «Судя по его пьесе «Плацдарм», он был вполне советским писателем, пьеса написана очень хорошо. Я его знал только как положительного, способного писателя».

Дмитерко Л.Д. в своем отзыве пишет: «О Мирославе Ирчане у меня остались юношеские воспоминания. Он произвел на меня впечатление очень честного человека, прекрасного коммуниста. Был способным писателем и драматургом, проводил большую общественную работу... Встречался я с ним несколько раз, и каждый раз у меня оставалось неизменное впечатление о нем, как о советском патриоте, талантливом писателе...».

Марфиевич Н.И. показал: «...В своем творчестве Ирчан ставил самые насущные социальные проблемы и разрешал их с партийных, советских позиций. Писатель он был одаренный. Он был одним из крупнейших драматургов Украины...».

Бедзик Д.И. показал: «Ирчан прибыл из Канады как прогрессивный украинский писатель... Ирчан в своих пьесах ставил остросоциальные проблемы, разрешал их с классовых советских позиций...».

На основании вышеизложенного, учитывая, что материалы, послужившие поводом к осуждению Ирчана, являются недостаточно основательными и в процессе следствия не были проверены, к тому же по делу допущены грубые нарушения процессуальных норм (арест без санкции прокурора, не выполнена ст. 200 УПК УССР и др.),

полагал бы:

Дело по обвинению Ирчана вместе с материалами проверки направить Прокурору УССР для рассмотрения на предмет отмены решения тройки при Коллегии ГПУ УССР и прекращения дела.

Зам. нач. отдела Следуправления КГБ
при СМ УССР — полковник *Кабанов*

Согласен:
Начальник Следственного управления КГБ
при СМ УССР — полковник *Пивоварец*

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 2. — Арк. 92–97.
Копія. Машинопис.

№ 48

Оглядова довідка по архівно-слідчій справі Л.Курбаса 19 грудня 1955 р.

Обзорная справка
по архивно-следственному делу № 208566 по обвинению

Курбаса Александра Степановича, 1887 г.р., уроженца г. Самбора, Галиция, постоянно проживавшего в г. Харькове, б/п, украинца, сына артиста, с высшим образованием, окончившего Львовский университет, имеющего жену — Чистякову Валентину Николаевну, артистку, проживающую в г. Харькове, до ареста проживавшего временно в гостинице в г. Москве, где должен был работать постановщиком в Еврейском и Малом театрах по профессии артиста-режиссера.

Курбас арестован в Москве 26 декабря 1933 г. по ордеру № 14101, выданному Объединенным Государственным Политическим Управлением. Там же ему было предъявлено

обвинение в том, что он является участником контрреволюционной организации «Украинской военной организации» и принимал участие в ее террористической деятельности, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58–8 и 58–11 УК РСФСР. При допросе по существу предъявленного в этом обвинении Курбас виновным себя не признал.

За время следствия по делу Курбас в Москве показаний не дал.

28 февраля 1934 г. по решению Коллегии ОГПУ от 26 февраля 1934 г. следдело Курбаса вместе с личностью обвиняемого было направлено в СПО ГПУ УССР в г. Харьков.

10 марта 1934 г. в гор. Харькове в Коллегию ГПУ Украины Курбас написал заявление, в котором указывается: «Настоящим заявляю о своем полном и окончательном разоружении перед Соввластью и признаюсь в том, что принадлежал к контрреволюционной организации УВО. Работа моя в организации разворачивалась в театре, ставила своей целью на театральном фронте направлять ход культурно-творческого процесса на Украине на буржуазно-националистические рельсы, воспитание новых кадров в националистическом духе, установление связей с другими театральными центрами других национальностей для поддержки в них националистических тенденций.

С организацией я был связан через членов бывшей литгруппы «ВАПЛИТЕ» Хвылевого, Ялового, Кулиша.

Тактика на театральном фронте последнего времени сводилась к саботажу (в рамках возможного) политических кампаний Соввласти и компартии, к отрыву по линии репертуара украинского театрального процесса от всесоюзного, к ослаблению темпов работы в театре «Березиль».

Указанное заявление является результатом анализа всей моей предыдущей деятельности с точки зрения политических критериев — результатом переоценки всех ценностей. Надеюсь, что органы Соввласти, принимая во внимание абсолютную искренность моего раскаяния, указанного заявления, а также связанных с этим дальнейших показаний, дадут мне возможность не только жить, но и исправить совершенный мной вред самоотверженной работой на пользу социалистического отечества.

Александр КУРБАС, Харьков, 10 марта 1934 года».

В деле имеется протокол допроса Курбаса А.С. от 17-го марта 1934 года. Ответы на поставленные вопросы в протоколе допроса написаны, как видно, Курбасом собственноручно. Допросил уполномоченный СПО ГПУ УССР Соколов.

На вопрос: к какому времени относится Ваша активная к-р работа как члена подпольной к-р организации, ответ им записан так: «Ярко националистической и определенно контрреволюционной становится моя деятельность с переездом театра «Березиль» из Киева в Харьков по приглашению Наркома Шумского в 1926 г. Более точно: в период моего сближения с литературной группой ВАПЛИТЕ и с момента моего поступления в националистическую к-р организацию, ячейкой которой была литгруппа ВАПЛИТЕ.

Свою принадлежность к организации я датирую со дня моего разговора с Яловым (кажется, на рубеже 1926–1927 гг.). Яловой так определил цель общественного течения, выразителем которого в литературе была группа ВАПЛИТЕ: «Сделать революцию на Украине органичной, путем украинизации-дерусификации революционного процессса (на Украине)». Этот разговор, как и ряд последующих встреч, постепенно разбили мое полукритическое отношение к выступлению Хвылевого и группы ВАПЛИТЕ, за спорным литературным оформлением нашлась общая платформа — украинский национализм. С этого времени моя работа проходила в тесном и глубоком контакте с верхушкой ВАПЛИТЕ и делается частью контрреволюционной украинской акции».

Курбас в этих же показаниях показал, что в театре «Березиль» он проводил националистическую работу, протаскивал в постановках националистические идеи. Имея влияние на Украине, он проводил работу по отрыву театров украинской драматургии, ориентируясь на буржуазный Запад.

Как руководитель театра концентрировал у себя контрреволюционный элемент (кого, не указано), воспитывал кадры в националистическом духе.

По заданию организации использовал театр «Березиль» для связи с грузинскими и белорусскими националистами во время выездов туда на гастроли.

В деле также имеется протокол допроса Курбаса от 3 апреля 1934 года, произведенного заместителем прокурора ГПУ УССР Крайним. В этом протоколе повторяются вышеизложенные показания.

Из имеющейся в деле копии протокола допроса обвиняемого Дацькова Михаила Александровича от 8.XII–1933 года следует, что Курбас являлся руководителем контрреволюционной группы УВО в театре «Березиль». По линии к-р организации был связан с Шумским, Яловым, Хвылевым, Досвитным, Вишней и другими, что Курбас, будучи руководителем театра «Березиль», использовал последний для националистической пропаганды и связи с другими националистами.

Об этом же, а также о террористических высказываниях Курбаса, указывается в имеющихся в деле копиях протоколов допроса обвиняемого Ткачука Ивана Васильевича от 22 декабря 1933 года и обвиняемого Гирняка Иосифа Иосифовича от 31 января 1934 г.

Других доказательств в деле нет.

По заключению заместителя прокурора ГПУ УССР Крайнего и решению Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 9 апреля 1934 года Курбас Александр Степанович заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет, считая с 26.XII–1933 года. О дальнейшем местопребывании Курбаса из материалов дела не известно.

Архивно-следственное дело № 208566 хранится в Учетно-архивном отделе КГБ при СМ УССР.

Обзор дела Курбаса производился в связи с проверкой материалов архивно-следственного дела по обвинению Бортника Януария Демьяновича, который в материалах следдела Курбаса не упоминается.

Ст. следователь Следотдела УКГБ майор *Підпис нерозбірливий*

Верно: Следователь Следотдела УКГБ при СМ УССР
по Харьк. обл. ст. лейтенант *Старков*

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 2. — Арк. 261–264. Копія. Машинопис.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО К.КОНИКА (фігурант справи «Української військової організації»)

№ 49

Обвинувальний висновок у справі К.Коника 1933 р.

Обвинительное заключение

по делу Коника Климентия Иосифовича по обвинению его в преступлениях предусмотренных ст. ст. 54–6, 54–7, 54–11 УК УССР

ГПУ УССР раскрыта и ликвидирована националистическая, контрреволюционная, диверсионно-повстанческая, шпионская Украинская Военная Организация« (УВО).

5-го мая 1933 г. арестован и привлечен по настоящему делу Коник Климентий Иосифович.

Проведенным по делу следствием установлено: Коник Климентий Иосифович, 1888 г. рожд., происходит из семьи судебного чиновника Саноцкого уезда в Галиции, офицер австрийской армии, жандармский офицер галицийской армии, член КП(б)У с 1920 г. В Украинскую военную организацию был завербован в 1930 г. (л.д. 10, 18), оставлен в УССР для проведения к-р работы (л.д. 191, 197, 200).

Занимая ряд ответственных должностей по линии Наркомпроса в 1932 г., проводил активную к-р вредительскую работу на культурном фронте, принимая активное участие в Житомирской и Одесской организациях (л.д. 101). Перейдя на работу в Харьков, Коник был близок к Всеукраинскому руководству УВО, занимаясь последнее время вредительской работой в Главнауке и Госплане (л.д. 19, 55, 60, 89, 96). Одновременно проводил работу по экономическому шпионажу и насаждению повстанческих ячеек (л.д. 183, 189, 190, 193).

Обвиняемый Коник в предъявленных обвинениях виновным себя признал частично.

Таким образом, следствием установлено, что Коник до дня своего ареста проводил активную контрреволюционную работу, направленную к свержению Советской власти и установлению украинского буржуазного демократического государства, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 54–6, 54–7, 54–11 УК УССР.

На основании изложенного полагал бы:

Дело по обвинению Коника Климентия Иосифовича, 1888 г. рожд., уроженца Галиции, из семьи судебного чиновника, офицера австрийской армии, жандармского офицера галицийской армии, подданного УССР, с высшим образованием, женатого, члена КП(б)У с 1920 г., в момент ареста — руководитель сектора планирования науки Госплана УССР, — передать на рассмотрение Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР с ходатайством о заключении его в концентрационный лагерь сроком на 5 лет.

Справка: 1. Коник содержится под стражей в спец. корпусе № 1.
2. Вещественных доказательств по делу нет.
3. Отобранную при обыске личную переписку Коника вернуть его жене.

Уполномоченный СПО ГПУ УССР Хает

Согласен и утверждаю:

Врид. начальника Секретно-политического
отдела ГПУ УССР Козельский

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 52281-ФП. — КНС. — Арк. 13–14. Копія. Машинопис.

№ 50

Витяг з протоколу Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР стосовно К.Коника 23 вересня 1933 р.

Выписка из протокола № 107/540
Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 23/IX–33 г.

Слушали:	Постановили:
Дело № 737/53751 СПО ГПУ УССР по обв. гр. Коника Климентия Иосифовича, 1888 г.р., ур. м. Сянок, Галиция, украинца, б. чл. КП(б)У, по ст. 54–11, 6 и 7 УК.	Коника Климентия Иосифовича заключить в исправтрудлагерь сроком на пять лет, считая срок с 6/V–33 г. Дело сдать в архив.

Верно: Секретарь Судебной тройки *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 52281-ФП. — КНС. — Арк. 1. Копія. Машинопис.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО А.МАРЦИНЮКА (фігурант справи «Української військової організації»)

№ 51

Зізнання А.Марцинюка 31 грудня 1932 р.

Мої щирі зізнання від 31 грудня 1932 р.

У розвиток моєї цілком щирої заяви від 30.XII подаю такі свідчення:

Ще на коректорській роботі за гетьмана і Петлюри, про що я скрив в біографії і анкетах, у мене вже тоді були антирадянські к-р настрої. Ці к-р настрої виходили з того, що я був захоплений петлюрівськими ідеями і гадав, що тільки УНР може своєю політикою визволити український народ. Цей настрій продовжувався до моменту мого знайомства з Гериновичем і Любарським року 1920.

З Гериновичем познайомився під час моєї роботи на посаді коректора. З самого початку знайомства Геринович почав мене розпитувати про мої політичні переконання, причому в процесі розмови виявилося, що ми маємо ідентичні к-р настрої і установки, а саме, що радянська влада є тимчасове явище й що загибель її неминуча. В зв'язку з цим перед українською національно-свідомою інтелігенцією стає завдання боротися проти Радвлади. Це полягало в тому, що українська інтелігенція повинна організувати боротьбу проти Радвлади, опираючися на заможне селянство і галицькі кадри, а зовні — на Німеччину. Згодом ці думки почали перетворюватися в життя, а саме з року 1926 в Кам'янці почала існувати к-р організація в складі Гериновича, Любарського, Гаморака, Мельника А.С., Добуша, Кобилянського, Волинського, Кожухова. Крім них до організації входили вчителі багатьох сіл, в яких були засновані краєзнавчі осередки.

В зазначеній організації керівну ролю відігравав Геринович.

Ця організація будувалася під маскою краєзнавчої роботи. Настановлення було — засновувати краєзнавчі осередки по школах, сельбудах, де мали працювати шовіністично і к-р настроєні вчителі, і ці осередки мали служити за базу для к-р організації.

Щодо села давалися також настановлення Гериновичем і Савченком (обидва члени окр. ком. краєзнавства), щоби к-р осередки під маскою краєзнавчих осередків засновувати по сельбудах і зміцнювати їх за рахунок селянської молоді.

Основна мета к-р організації — було повалення Радвлади шляхом повстання заможного селянства і рівночасної допомоги з-за кордону. Така установка була до останнього часу. Сприятливими умовами для повстання Геринович рахував те, що селянство незадоволене колективізацією і хлібозаготівлями, а прикордонна смуга давала надію на успіх тому, що це повстання буде підтримано з заходу.

Краєзнавчі осередки, про які я вище згадував, мали служити для організації повстання. Таких осередків на території кол. Кам'янецької округи було організовано приблизно 50.

Року 1931 приїхав Геринович з центру і у себе на квартирі стурбований розповів, що заарештовано Коссака Гр. і Яворського, і треба організації перебудовуватися.

Одного разу, коли я йшов з Гериновичем по вулиці, то останній почав говорити, що партія приймає в свої ряди наукових робітників і це треба використати з к-р метою. Ще раніше, зимою 1930 року, Геринович і Любарський подали заяви про вступ до партії з метою замаскування своєї к-р роботи. Це виходило з їх поведінки і розмов.

Моя особиста к-р робота полягала у виконанні доручень від Гериновича, оскільки я був членом Краєзнавчого комітету і його фактичним секретарем і був обізнаний з роботою к-р організації. Між іншим, Геринович з метою приближення до себе та приєднання до к-р роботи влаштував мене на роботі і видав мені липове свідоцтво про закінчення ІНО, а також дав мені рекомендацію на аспіранта.

Мені, як члену Краєзнавчого комітету, до якого я був введений Гериновичем, доручалася вербовка в організацію учителів під маскою приєднання до краєзнавчої роботи. Я вибрав серед них контрреволюційно-шовіністично настроєних. З таких осіб вдалося завербувати на з'їзді учителів 5–6.

Вищезазначене попереднє свідчення я зобов'язуюся в дальніших додаткових протоколах уточнити та поглибити низкою фактичного матеріалу, цілком без будь-якого винятку розповісти детально про к-р роботу організації, кожного її члена, в тому числі і про себе, зокрема.

Ці свідчення щирі, писав їх власноручно. *А.Марцинюк*

Допитав: Оперуповноважений СПВ *Герсонський*

Державний архів Хмельницької області (далі — ДАХмО). — Спр. П-17758. — Арк. 3–6. Оригінал. Рукопис.

№ 52

Протокол допиту А.Марцинюка 2 січня 1933 р.

В 1927 году Геринович сообщил мне о том, что он командируется на научный Всеславянский съезд в Польшу. При этом он выразил большое удовольствие по поводу возможности повидаться со старой профессурой и политическими деятелями за кордоном.

Вопрос: Что Вам рассказывал Геринович по возвращении из Польши?

Ответ: Через некоторое время, возвратившись со съезда, Геринович, передавая свои впечатления, рассказывал, что в Польше он встретил исключительно теплый прием со стороны польских и украинских деятелей, проведя хорошо время в бесчисленных, устраивавшихся в честь делегации, банкетах. Здесь же он упомянул о встрече с профессором Роммером, с которым Геринович ранее был в состоянии вражды.

Из разговоров Гериновича следовало, что их, т.е. Роммера и Гериновича, теперь объединила общая ненависть к Соввласти, что на данном этапе их политические взгляды целиком совпадают. Геринович характеризовал Роммера как весьма влиятельного человека в польских правительственных кругах. Характерно, что в то время, как до своей поездки в Польшу Геринович ориентировался на Германию, связывая с последней будущие судьбы Украины, — после возвращения из Польши Геринович начал высказывать определенные симпатии к Польше, ориентируясь на нее в своих контрреволюционных устремлениях.

Хочу также отметить, что все поведение Гериновича по возвращении из Польши стало весьма подозрительным, а именно:

1) На протяжении всего времени по возвращении из Польши Геринович особенно интересовался и собирал сведения о настроениях населения. Его интересовало, как селянство относится к коллективизации и хлебозаготовкам, чем конкретно селянство недовольно, как относится селянство к возможной войне и интервенции. В числе информаторов о настроениях населения был и я, причем Геринович, расспрашивая меня о настроениях и получая от меня информацию, всегда добавлял, что «настроениями необходимо интересоваться, ибо это важное дело».

2) Геринович для получения всяких таких информаций использовал студентов ИНО, причем некоторым из них (это мне известно с его слов) давал деньги под видом помощи без возврата. Деньги он раздавал из личных средств. Получал он также сведения от студентов-заочников (с периферии б. Каменецкого округа), с которыми вел переписку и с которыми виделся лично, когда заочники приезжали в Каменец для сдачи зачетов.

3) Геринович начал усиленно интересоваться геолого-разведочной работой. Вскоре по инициативе Гериновича ВУФКУ приступает к съемкам кинокартины «На грани двух миров». Съемки производятся на территории Каменеччины. Процессом съемки руководит

непосредственно Геринович, занимаясь лично подбором объектов (мест), подлежащих засъемке. Геринович получает от ГПУ специальный пропуск, открывающий доступ в любые места пограничной зоны. По окончании съемок картины Геринович выехал на Киевскую кинофабрику, откуда привозит с собой ряд заснятых кадров. Еще в процессе съемок картины пребывавший тогда в Каменце сын Гериновича был заснят на кинопленку. Спустя некоторое время из Польши в адрес Гериновича от его первой жены Стефанович прибыло письмо, в котором пересылался увеличенный фотопортрет сына с того самого кадра, о котором я упомянул. Из этого я делаю вывод, что Геринович посылал кадры из указанной картины в Польшу. Кроме того, Геринович говорил о продаже картины за кордон.

4) Вслед за этим Геринович принимает участие в качестве ассистента-консультанта (1930 год) в киносъемке картины «Кармелюк». Съемка этой картины также производилась на территории б. Каменецкого округа. В этой картине были засняты горы Тоутры, которые относятся к числу стратегических, и овраги.

5) Начав усиленно заниматься вопросом геологических разведок на Каменеччине, Геринович выпустил несколько брошюр («Каменеччина» ч. II, «Экскурсант Каменеччины» и «Природные производительные силы Каменеччины») и статей («Каменец-Подольский», «Тоутры» и др.), в которых описал богатейшие экономические богатства и возможности Каменеччины, в частности, об одних из первых в мире по толщине пласта горючих сланцах, о залежах кила, антрацита и т.д.

Эти книжки были посланы в Польшу в нескольких экземплярах по разным адресам. Здесь я отмечу, что Геринович по возвращении из Польши установил вообще обмен изданиями с Польшей (адреса вспомню и дам дополнительно). Эта работа проводилась с целью заинтересовать польские круги богатствами Украины, близко расположенными к польской границе.

6) Геринович начал интересоваться фотографией, систематически выезжал в пункты производства геологических работ и производил различные съемки. Для этой цели он использовал своего близкого знакомого — ассистента Каменецкого ИНО Педоса (ныне выехал на постоянную работу в Ленинград, где учится в физическом институте), который, выезжая с Гериновичем, производил по его указанию фотосъемки.

7) На квартире Гериновича я видел военные карты темного цвета с нанесенными местностями и точками Подолии.

8) Геринович взял из архива Каменецкого ИНО негативы, на которых были засняты отдельные местности, мосты, реки и пр. Каменеччины.

Для меня было ясно, что Геринович по приезде из Польши начал заниматься работой разведывательного характера.

Протокол записан с моих слов и мной прочитан. *Марцынюк*

Допросил: Оперуполномоченный *Герсонский*

Державний архів Харківської області (далі — ДАХО). — Спр. П-17758. — Арк. 25–30. Оригінал. Машинопис.

№ 53

Обвинувальний висновок у справі А.Марцинюка
Вересень 1933 р.

Следдело № 737

Обвинительно заключение

По делу Марцынюка Антона Андреевича по обвинению в преступлениях по ст. ст. 54–11, 54–6 УК УССР.

В декабре 1932 был арестован и привлечен в качестве обвиняемого по делу вскрытой ГПУ УССР контрреволюционной организации, именующей себя «УВО» (Украинская военная организация), аспирант Каменецкой гидробиологической станции Марцынюк Антон Андреевич.

Проведенным следствием установлено:

Марцинюк до 1918 г. проживал в Галиции. В апреле 1918 г. после оккупации Украины германской армией, прибыл в Киев, где вначале при гетманской, а затем при петлюровской власти служил при редакции «Сборника Правительственных распоряжений» и редакциях армейских газет «Украинская ставка» и «Укр. казак».

После разгрома Петлюры Марцинюк остается на постоянное жительство в г. Каменец-Подольске.

Свою работу при гетмане и Петлюре Марцинюк до дня ареста скрывал (л.д. 6, 7, 13).

С 1923 г. Марцинюк близко сошелся с руководителем Каменецкой к-р организации УВО Гериновичем и последним был втянут в работу организации (л.д. 5, 8, 39). Марцинюк принимал участие в совещаниях к-р организации и входил в состав ее руководящего центра (л.д. 39, 134, 151, 152, 40); создавал повстанческие ячейки и осуществлял с ними связь (л.д. 40, 41, 42, 44, 108, 152); лично завербовал в организацию 6 учителей во время учительского съезда в 1928 г. (л.д. 11, 15); по заданию Гериновича занимался собиранием сведений о настроениях населения в шпионских целях (л.д. 26, 27, 30, 151, 152).

Вся изложенная к-р деятельность Марцинюка подтверждается его сознанием и показаниями членов к-р организации Гериновича, Любарского, Гаморака, Мельника, Добуша и других.

Таким образом, следствием установлено, что Марцинюк состоял членом к-р организации УВО и проводил активную контрреволюционную работу, направленную к свержению советской власти и установлению украинской буржуазно-демократической республики, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 54–6, 54–11 УК УССР.

На основании изложенного

полагал бы:

Марцинюка Антона Андреевича, 1892 г. рожд., галичанина, с высшим образованием, беспартийного, подданного УССР, аспиранта Каменецкой гидробиологической станции, — передать на рассмотрение Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР с ходатайством о заключении его в концлагерь сроком на пять лет.

Справка: 1. Арестованный Марцинюк А.А. содержится под стражей в Харьковском ДОПРе № 1.
2. Вещественных доказательств по делу нет.

Уполномоченный СПО ГПУ УССР *Проскуряков*

Согласен и утверждаю:
Врид. начальника СПО ГПУ *Козельский*

ДАХО. — Спр. П-17758. — Арк.157–158.
Оригінал. Машинопис.

№ 54

Витяг з протоколу засідання Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР 1 жовтня 1933 р.

Ф. 11/УСО

Выписка
из протокола № 108/541 Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР

от 1 октября 1933 г.

Слушали:

17. Дело № 737/53870-СПО ГПУ УССР по обв. гр. Марцынюка Антона Андреевича, 1892 г.р., ур. Галиции, б/п, украинца по ст. 54–11 УК УССР.

Постановили:

Марцынюка Антона Андреевича — заключить в исправтрудлагерь сроком на пять лет, считая срок с 31/I–33 г. Дело сдать в архив.

Верно: Секретарь Судебной тройки

Підпис нерозбірливий

ДАХО. — Спр. П-17758. — Арк. 160. Копія. Машинопис.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО І.МОНДОКА (фігурант справи «Української військової організації»)

№ 55

Обвинувальний висновок у справі І.Мондока 1934 р.

Следдело № 737

Обвинительное заключение

по делу Мондока Ивана Ильича
по обвинению в преступлениях,
предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–11 УК УССР

В ноябре 1933 года был арестован и привлечен в качестве обвиняемого по делу вскрытой ГПУ УССР контрреволюционной организации, именующей себя «УВО» («Украинская военная организация»), аспирант Харьковского института красной профессуры Мондок Иван Ильич. Проведенным по делу следствием установлено:

Мондок из крестьянской семьи, родился в 1893 году в с. Русский-Грабовец (б. Венгрия). Получил воспитание в духе венгерского национализма и клерикализма. В 1913 г. поступил добровольно в армию в 9-й Венгерский полк, в 1916 г. попал в русский плен и был отправлен на работу в Астрахань. В 1918 году вступил в члены астраханской организации РКП(б). После октябрьского переворота в Венгрии венгерской секцией РКП(б) был отправлен из Москвы в Будапешт. В январе 1919 года с поручениями ЦК партии выехал в Москву. Перед отъездом был арестован полицией на несколько дней и отпущен. Этот арест вызвал подозрение в партийных кругах, так как после отъезда Мондока из Будапешта там вскоре была арестована советская миссия Красного Креста.

В августе 1920 года познакомился с Крилыком-Васильковым, Ф.Беем, Яворским, Демчуком, которые проходили как активные члены УВО. Был также близок к другой группе, «москвофильской», — в составе Ивана Туза, Евгения Черняка, Владимира Нечая.

В 1921 году Мондок вступил членом КПЧ и до марта 1924 года работал как секретарь Закарпатской организации в КПЧ. Был избран депутатом от компартии в Чехословацкий парламент. В декабре 1925 года выезжал на съезд КП(б)У в Харьков, где вновь встретился с Крилыком-Васильковым и познакомился с Букшованным, Максимовичем, Сарваном, Леонтовичем и другими членами УВО. Принимал участие в совещаниях, где Мондока агитировали стать борцом за «українську справу на Прикарпатській Україні».

По дороге в Чехо-Словакию в Берлине познакомился с активным членом УВО Баданом. Вернувшись в Чехию, Мондок вместе с Баданом объявили все закарпатское население украинским и под ширмой Коминтерна начали перестраивать весь аппарат в националшовинистическом духе.

После такого поворота в нац. вопросе много украинских националистов-эмигрантов вступили в закарпатскую организацию КПЧ. В частности, Мондоком были обработаны и завербованы Бойчук, Борканюк, Антон Дивнич и другие. В связи с тем, что вербовка проходила слабо, по просьбе Мондока Крилык-Васильков прислал в Прагу двух активных членов УВО Зенона и Ивана Туза. Одновременно поддерживалась тесная связь с выехавшим в Харьков Баданом, который посылал письма и инструкции по линии УВО диппочтой.

В марте 1924 года Мондок связался с Нечасом, активным работником чешской контрразведки. В 1926 году Мондок был завербован Баданом в УВО и продолжал к-р работу до дня ареста.

В начале связь с Нечасом Мондок осуществлял через членов УВО Зенона и Туза, а потом встречался с ним лично, информируя его о делах КПЧ и Коминтерна. Осенью 1927 года информировал Нечаса о Пленуме ИККИ. Донесения Мондока Нечасу, по его же показаниям, о разногласиях между отдельными руководителями КПЧ, о фракционной борьбе КПЧ, давали возможность Нечасу (чешской контрразведке) «углублять эти разногласия, расширять фракционную борьбу».

В результате активной увовской работы и связи с чешской контрразведкой Мондока Закарпатская партийная организация уменьшила свое влияние на массы. На выборах в 1928 году потеряла половину своих голосов, а на выборах в парламент в 1929 году получила всего депутатских мандатов 2 — вместо 6 в 1924 году. Количественно партийная организация уменьшилась с 7 тыс. членов до 500 человек. По показаниям Мондока, «последствия его контрреволюционной работы в закарпатской организации КПЧ чувствуются и сейчас», не говоря уже о том, что организация после ухода Мондока засорена членами УВО.

В 1929 году у Мондока, по его показаниям, связь с чешской контрразведкой прекратилась. В марте 1930 года его арестовали за подготовку к демонстрации, но через два месяца освободили. Вскоре Мондок через Москву выехал в Харьков. До дня ареста Мондок был тесно связан с активными членами УВО в Харькове — Баданом, Максимовичем, Крилыком-Васильковым, Яворским А., Романюком, Дятловым, Приступой и Войтюком.

По показаниям Приступы, Мондок был связан на Харьковском тракторном заводе с фашистской группой чешских специалистов и их часто посещал. По показаниям Гриценко-Цивинского, Мондок после ареста Копача-Холодного был связан от УВО с немецкой фашистской организацией. Мондок был также тесно связан с увовской группой Ирчана.

Мондок признал себя виновным в принадлежности к УВО и связи с чешской контрразведкой до 1929 года.

Таким образом, следствием установлено, что Мондок являлся активным членом к-р организации УВО и проводил к-р работу. Был связан за кордоном с чешскими разведывательными органами и занимался провокаторской работой, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. 54–4 и 54–11 УК УССР.

На основании изложенного

полагал бы:

Дело Мондока Ивана Ильича, 1893 года рождения, сына учителя, уроженца Чехо-Словакии, члена компартии с 1918 года, бывшего секретаря Закарпатской краевой организации КПЧ, члена интернациональной контрольной комиссии Коминтерна с 1928 года, бывшего члена ЦК КПЧ, прибывшего на Советскую Украину в 1930 году, подданства УССР, работавшего по день ареста аспирантом Харьковского Института красной профессуры — направить на рассмотрение Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР с ходатайством о заключении его в политизолятор сроком на пять лет.

Справка: Обвиняемый Мондок содержится в Спецкорпусе при ГПУ УССР. Вещественных доказательств по делу нет.

Уполномоченный СПО ГПУ УССР *Проскуряков*

Согласен: Пом. нач. СПО ГПУ УССР *Долинский*

Утверждаю: Врид. нач. СПО ГПУ УССР *Козельский*

ДАХО. — Ф. Р-06452. — Оп. 4. — Спр. 1296. — Т. 1. — Арк. 223–227.
Оригінал. Машинопис.

№ 56

Заява Ф.Мондок
11 квітня 1956 р.

До Президії ЦК КПУ
Мондок Ф.І. із Львівської обл.,
Кам'янка-Бузького р-ну, с. Батятичі

Заява

Мій чоловік, Мондок Іван Ілліч, був на протязі 1920-1930 рр. керівним партійним робітником на Закарпатській Україні, яка в той час входила до складу Чехословаччини. Він був: голова крайкому партії, редактор краєвої партійної преси («Карпатська правда»), депутат від компартії в чехослов. парламенті, член ЦК КП Чехословаччини і в 1927 р. на конгресі Комінтерну обраний до КК Виконкому Комінтерну.

У 1930 р. ЦК КП Чехословаччини вислав Мондока у Рад. Союз, щоб він міг уникнути багаторічної тюрми в Чехословаччині за свою партійну роботу. ЦК КП(б)У післав його на навчання у ВУАМЛІН (Всеукр. Асоціація Марксо-Ленінських Інститутів), де він на протязі 3-х років був аспірантом в інституті історії (в Харкові). В листопаді 1933 р. він був арештований (в Харкові) і в березні 1934 р. засуджений на 5 років по 58 ст., п. І-а. Спочатку він був висланий в с. Дмітрієво під Москвою на будівництво каналу Москва-Волга, а влітку 1934 р. пересланий у м. Кємь над Білим морем (мабуть, на острови). До осені 1937 р. він писав мені листи із Кємі, а потім зовсім перестав писати. В 1938 р. я звернулась до Генеральної прокуратури СРСР і мені відповіли, що він, перебуваючи у засланні, зробив новий злочин, за який його засуджено на 10 років заслання в дальніх лагерях без права листування. Більше я нічого про нього не знаю.

Прошу зарядити перегляд його справи і про наслідки повідомити мене.

До цього додаю точніші біографічні дані з вказанням, чим вони підтверджуються.

Мондок Ф.І.

Львівська обл., Кам'янка-Бузький р-н, с. Батятичі

ДАХО. — Ф. Р-06452. — Оп. 4. — Спр. 1296. — Т. 2. — Арк. 3–6.
Оригінал. Рукопис.

№ 57

Заява Ф.Мондок
1 липня 1956 р.

Военному прокурору Киевского военного округа, г. Киев

На мою просьбу найти местопребывание арестованного в 1933 г. Мондока Ивана Ильича, рожд. 21.V.1893 г. в Закарпатской Украине, или, в случае его смерти, произвести посмертную реабилитацию, я получила письмо из Прокуратуры УССР в Киеве о том, что 25.IV. с.г. это дело было передано в Ваше ведение и я должна к Вам по этому вопросу обращаться.

С тех пор прошло больше 2-х месяцев, и я не получила от Вас никакого сообщения. Предполагая, что из-за давности дела и утери мной писем арестованного у Вас нет о нем достаточных данных, хочу настоящим дать следующие дополнительные сведения:

1) арест произошел в Харькове 2.XI.1933 г. органами ОГПУ;

2) в начале марта (или в феврале) 1934 г. Мондок был осужден выездной тройкой ОГПУ по 58 ст. (на Украине, кажется, 54) п. 1 на 5 лет;

3) в марте 1934 г. был отправлен на стройку канала Москва-Волга в с. Дмитриево под Москвой, где работал в редакции газеты «Перековка» до лета 1934 г. (точно месяца не помню);

4) куда был отправлен из с. Дмитриево, не помню, но у меня есть данные предполагать, что это была Архангельская область, Свирьстрой (постройка электростанции, думаю). Там работал на лесозаготовках, тяжело заболел и был переведен из госпиталя на работу в какое-то санитарное учреждение, где находился до 1936 года;

5) последний известный мне этап — это Соловецкие острова. Туда он был переведен приблизительно в феврале 1936 г. через Мурманск. Не помню точно его адреса на островах (хотя, мне кажется, что он начинался от слова «г. Кемь, почт. ящ. ...»). Моя подруга, у которой муж тоже находился на Соловках и встречался с Мондоком, утверждает, что у них был общий адрес: АКССР, почт. отделение Рабоче-Островск, в отделение ББК. Я теперь вспоминаю, что в самом деле у него был такой адрес.

На островах Мондок находился до осени (приблизительно сентябрь мес.) 1937 г. Дальнейшие его судьбы мне неизвестны.

На мой запрос в Генеральную Прокуратуру СССР в 1938 г. мне ответили, что он был вновь осужден на 10 лет и сослан в дальние лагеря без права переписки.

Не откажите сообщить мне, каков результат произведенных Вами розысков.

С совершенным уважением,

Мондок Ф.И.

ДАХО. — Ф. Р-06452. — Оп. 4. — Спр. 1296. — Т. 2. — Арк. 7–8.
Оригінал. Рукопис.

№ 58

Заява Ф.Мондок
19 листопада 1956 р.

Ст. следователю Следуправления КГБ при СМ УССР тов. Короткий
На Ваше письмо от 15.X.1956 г. № 28/1/4971

1) В г. Берегово Закарпатской обл. находится областной архив Закарпатской области. Там сообщили мне, что они располагают богатым материалом о жизни и деятельности

Мондока Ивана Ильича. Если Вы обратитесь к ним, они согласны дать Вам данные, т.к. у них имеются документы как партийных организаций, так и материалы полиции и государственных учреждений капиталистических учреждений дореволюционного периода в Чехословакии.

2) В Закарпатской области очень много людей, которые знали Мондока И.И. Указываю нескольких старых членов партии в Ужгороде. В случае надобности они же могут указать других лиц, живущих в селах и других городах Закарпатской области.

а) Пфеффер Адольф Гейзович, г. Ужгород, Больничная ул., № 3. Вместе с Мондоком присутствовал в Будапеште на организационном собрании Компартии Венгрии, а затем работал с ним в парт. организациях в Ужгороде с 1920 по 1930 гг.

б) то же самое Давид Гейзович Пфеффер, г. Ужгород, Больничная, 3.

в) рабочий Александр Бурич, г. Ужгород, ул. Толстого, 50, член бюро Закарпат. крайкома КП Чехословакии с 1919 г.

г) Клемпотюк Николай Васильевич, г. Ужгород, площ. Ленина, 14. Старый член КПЧ, в настоящем корреспондент «Рад. Украины».

д) Юдкович Моисей, г. Ужгород, Юридическая консультация, Советская ул. Член КПЧ с 1918 г.

е) Варга Петр Ильич, г. Ужгород, председатель Облсобеса.

ж) Липовский, рабочий горводопровода в Ужгороде, старый рядовой член партии.

Одновременно обращаюсь к Вам с личной просьбой. Если Вам известно местопребывание Мондока И.И., то прошу сообщить мне об этом. В случае, если он умер, прошу прислать подтверждение.

Мондок

ДАХО. — Ф. Р-06452. — Оп. 4. — Спр. 1296. — Т. 2. — Арк. 9–10.
Оригінал. Рукопис.

№ 59

Висновок у справі І.Мондока
18 червня 1957 р.

Утверждаю
Председатель Комитета Госбезопасности
при Совете Министров УССР
генерал-майор *В.Никитченко*

18 июня 1957 года

Заключение

Ст. следователь Следственного управления КГБ при СМ УССР капитан Короткий, рассмотрев материалы архивно-следственных дел № 32518 и № 3155 на Мондока Ивана Ильича, 1893 года рождения, уроженца с. Русские Грабовцы (Чехословакия), украинца, гр-на СССР, из служащих, бывшего секретаря Закарпатского краевого комитета компартии Чехословакии, редактора газеты «Карпатская правда», члена интернациональной контрольной комиссии Коминтерна, в последнее время — аспиранта института красной профессуры ВУАМЛИНа, и материалы дополнительной проверки,

нашел:

Мондок был арестован 3 ноября 1933 года СПО ГПУ УССР. Что послужило основанием к его аресту, в деле не указано.

На предварительном следствии Мондок признал себя виновным в том, что он являлся членом «Украинской военной организации» («УВО»), в которую был в 1926 году завербован Баданом, а также в том, что проводил борьбу с коммунистическим движением на Закарпатской Украине и Чехословакии.

Далее Мондок показал, что в феврале 1926 года, во время его пребывания в Харькове, он познакомился со Скрыпником, Максимовичем, Васильковым, которые много говорили ему о неправильности политики КПЧ (компартии Чехословакии) по украинскому вопросу, в результате чего он согласился на Закарпатской Украине проводить украинскую линию в национальном вопросе. Затем на квартире у Скрыпника, в присутствии Максимовича и Бадана, он подписал соглашение, по которому обязывался делать все в интересах украинизации Закарпатской Украины.

После подписания этого соглашения Бадан и Максимович заявили ему, что теперь он принадлежит к «Украинской военной организации», которая работает в рамках всех компартий или коммунистических организаций в интересах украинского народа. «УВО», — как ему объяснили Максимович и Бадан, — это ударный отряд борцов за дело украинского трудящегося народа и Соборной Украины.

На основании директив и инструкций Бадана, Максимовича, Зенона и руководителей разломовцев из КПЗУ его основная задача состояла в «украинизации» населения Закарпатской Украины и Восточной Словакии.

Мондок показал, что начиная с 1926 года им проводилась вредная для коммунистического движения работа по линии «УВО»: перевел на украинский язык все издания партии, переорганизовал партаппарат, развернул пропагандистскую и агитационную работу в пользу роста украинской национальной сознательности в рядах рабочих, крестьян и интеллигенции. Эти показания Мондока несостоятельны.

Далее он показывал, что после того, как партийная организация (Закарпатья) перешла на «украинскую линию» в национальном и языковедческом вопросе, началось наступление чешского правительства, конфисковавшего издания и не разрешавшего употреблять слово «украинцы».

Проведение в жизнь «украинской линии» привело к тому, что влияние партии, по показаниям Мондока, на широкие массы сильно уменьшилось. На выборах в 1928 г. партия потеряла половину голосов, а на выборах в 1929 году в парламент партия получила всего лишь два депутатских места, значительно уменьшилось количество членов партии, а КПЧ осталась засоренной членами «УВО».

Наряду с этим Мондок показал, что он давал сведения о работе КПЧ Зенону и Тузу как работникам чешской разведки, а также о том, что он по указанию Бадана «в интересах украинизации Закарпатской Украины» связался с Нечасом (ответственным работником чешской контрразведки), которого информировал во время встреч с ним о делах КПЧ и Коминтерна.

В 1930 году в связи с угрозой ареста и длительного тюремного заключения он с согласия КПЧ выехал в Советский Союз.

В своих показаниях, как известных ему участников «УВО», арестованных ранее его, Мондок назвал Бадана, Максимовича, Василькова, Турянского, Бея, Яворского, Романюка, Дятлова, Тура, Войтюка, Приступу, Сидоряка, а как участников «УВО», находившихся за границей, — Зенона (Богдан, Кузьма), Рудзинского, Дубинского, Цуперяка, Бойчука, Туцканюка, Гренджа-Донского, Дивнича, Ярему, Ладана, Железняка, Зейкань, Сикура, Затворницкого, Борканюка, Клемпотюка, Петрущака и Туряницу.

Кроме признательных показаний Мондока, других доказательств в деле по его обвинению не имеется, однако в обвинительном заключении по делу отмечено, что Мондок проходит по показаниям Приступы и Гриценко-Цивинского.

28 февраля 1934 года Судебной тройкой при Коллегии ГПУ УССР Мондок был осужден к 5 годам ИТЛ. Отбывая наказание, как это видно из архивного дела № 3155, 25 ноября 1937 года тройкой УНКВД Ленинградской области Мондок был осужден к ВМН.

В архивном деле, по которому Мондок осужден вторично, имеются только оперативные материалы, следственных не имеется. В оперативных материалах содержатся сведе-

ния о том, что в разговорах с другими осужденными Мондок говорил, что он был арестован и осужден неправильно и что виновным он себя ни в чем не признает.

В процессе дополнительной проверки по настоящему делу установлено, что Бадан, Максимович, Туз, Васильков, Турянский, Яворский, Войтюк, Сидоряк и другие лица, прошедшие по показаниям Мондока, арестовывались органами НКВД и были осуждены как участники «УВО».

Из архивно-следственного дела на Бадана-Яворенко видно, что на предварительном следствии он в отношении Мондока дал показания как об участнике «УВО», который, по его показаниям, в 1925 году был им вовлечен в эту организацию. По показаниям Приступы Мондок также проходит как участник «УВО», который был тесно связан с Тузом и Ирчаном.

Кроме того Приступа показал, что сам Мондок несколько раз рассказывал ему и Войтюку, что Тур вел с ним переписку по организационным вопросам «УВО», используя для этого дипломатическую почту. В частности, они вели таким способом переписку о тактике в отношении скомпрометированного на Советской Украине Бадана, с которым они дружили и работали в Чехии как члены «УВО», а потом решили пожертвовать им, чтобы самим лучше законспирироваться.

О Мондоке как об участнике повстанкома на предварительном следствии в 1933 году были даны показания и Гриценко-Цивинским, признавшим себя виновным в принадлежности к «Украинской военной организации» и связи с польской дефензивой, однако 19 апреля 1957 года Военной прокуратурой КВО после проверки вынесен протест о прекращении его дела за отсутствием состава преступления.

По показаниям Максимовича на предварительном следствии Мондок как участник «УВО» не проходит. Крилык-Васильков, Букшованный, Зозуляк, Демчук, Бей-Орловский, Викул, Яворский и Сарван, осужденные как участники «УВО», показаний в отношении Мондока не дали, а Туз и Сидоряк свое участие в контрреволюционных организациях отрицали.

В I спецотделе МВД УССР сведений о том, что Клемпотюк, Борканюк, Дивнич, Жупник, Туцканюк и Туряница привлекались к ответственности, не имеется. Проверить по учетам I спецотдела МВД УССР Петрущака, Бойчука и Нагорного без полных установочных данных не представилось возможным.

Дело на Войтюка 28 августа 1956 года Военным трибуналом Киевского военного округа прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Допрошенный 15 апреля 1957 года в качестве свидетеля Гаско показал, что он в 1933 году, будучи арестованным, длительное время находился в одной камере с Баданом, что последний в камере вел разговоры о необходимости подписывать любые обвинения, выдвигающиеся следствием, так как это необходимо из политических соображений, и что он, Бадан, исходя из этого, оговорил себя и всех своих знакомых, кроме одного Скрыпника, память которого он не хотел осквернять.

В отношении Мондока свидетель Гаско заявил, что он не помнит, был ли он лично с ним знаком, однако показал, что Мондок в статьях, публиковавшихся в периодической печати, выступал как убежденный коммунист, веривший в победу трудящихся Закарпатья, в их освобождение и объединение с Советской Украиной.

Свидетель Туцканюк, прошедший по показаниям Мондока как участник «УВО», находившийся за границей, на допросе 6 ноября 1956 года эти показания Мондока не подтвердил и характеризовал его как человека, преданного делу компартии, активно выступавшего перед трудящимися Закарпатья с призывами к борьбе против буржуазии за улучшение материального благосостояния трудящихся.

Свидетель Липовский, будучи допрошенным 14 ноября 1956 года, показал, что Мондок с 1921 года был членом компартии Чехословакии, непродолжительное время являлся секретарем краевого комитета компартии Чехословакии на Закарпатье, но с этого поста был снят за пассивность в работе. Кроме того, свидетель Липовский показал, что Мондок был редактором газеты «Карпатская правда», избирался депутатом Чехословацкого парламента от коммунистической партии, арестовывался за выступления против буржуазии, во

время дискуссии отстаивал линию ЦК ВКП(б) и что в связи с предстоявшим длительным тюремным заключением Мондок выехал в Советский Союз.

Свидетель Гросман на допросе 14 ноября 1956 года заявил, что об антипартийной деятельности Мондока ему ничего не известно, и показал, что Мондока он знает с 1919 года по совместной работе в компартии и по работе в редакции газеты «Карпатская правда».

Являясь секретарем краевого комитета компартии Чехословакии на Закарпатье, Мондок избирался от компартии депутатом парламента. Выступая на проводимых им митингах, он критиковал буржуазные порядки Чехословакии и призывал трудящихся Закарпатья к борьбе против буржуазии за улучшение благосостояния народа. В 1930–1932 гг., как показал далее Гросман, Мондок в связи с преследованиями карательных органов Чехословакии за деятельность в компартии Чехословакии эмигрировал в Советский Союз.

Как преданного делу коммунистической партии, бывшего секретаря краевого комитета компартии Чехословакии на Закарпатье, депутата буржуазного парламента Чехословакии и редактора газеты «Карпатская правда» характеризовал Мондока и допрошенный 16 ноября 1956 года свидетель Варга.

По документальным материалам Государственного архива Закарпатской области (донесения, информации, отчеты полицейских, жандармских, судебных органов, а также коммунистической прессы) Мондок значится как член социал-демократической партии Венгрии с 1913 года. В период Первой мировой войны в 1915 году он попал в русский плен. После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России учился в социалистической академии в Москве. В период советской власти в Венгрии в 1919 году находился в Будапеште и был политическим уполномоченным советского правительства и редактором газеты «Русская правда». После поражения советской власти в Венгрии пребывал в Ужгороде, затем в Вене. Являлся одним из организаторов международной социалистической партии в Закарпатье, стоящей на платформе III Интернационала, а затем в 1931 г. — краевой организации коммунистической партии Чехословакии в Закарпатье. В апреле 1920 года был избран секретарем международной социалистической партии и редактором органа партии газеты «Правда», затем «Карпатская правда», после образования коммунистической партии Чехословакии в 1921 году стал секретарем Закарпатского краевого комитета партии и в этой должности проработал до 1929 года. С 1925 по 1929 год являлся депутатом чехословацкого парламента от КПЧ. За период политической деятельности принимал участие в конференциях и партийных съездах КПЧ, которые состоялись между 1921 и 1930 годами. В 1928 году он являлся членом ревизионной комиссии Коминтерна.

В 1929 году после перемещения краевого комитета КПЧ из г. Ужгорода в г. Мукачево он остался в Ужгороде в должности секретаря окружного комитета компартии. В 1930 году в связи с репрессиями чехословацких буржуазных властей нелегально эмигрировал в Советский Союз в г. Харьков. В Госархиве Закарпатской области сведений об антипартийной деятельности Мондока не обнаружено.

В материалах, хранящихся в ЦК КПСС, в отношении Мондока содержатся сведения о том, что он являлся членом РКП(б) с 1918 года, с 1919 по 1921 год — членом компартии Венгрии, с 1921 по 1930 год — членом компартии Чехословакии.

Прибыл в СССР из Чехословакии 29 июля 1930 года из-за преследования чехословацкими властями. Разрешение на выезд дано ЦК компартии Чехословакии. В 1919 году Мондок был политкомиссаром Красной дивизии «Руськой краины», затем уполномоченным политкома автономной «Руськой краины», принимал участие в создании компартии Чехословакии, являлся редактором «Карпатской правды», избирался секретарем крайкома на Закарпатской Украине и членом бюро крайкома, был также депутатом от Закарпатской Украины в чехословацком парламенте. В 1931 году он являлся членом Интернациональной контрольной комиссии.

В сообщении Института истории партии ЦК КП Украины — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — указывается, что «Мондок Иван Иванович (но не Ильич), 1893 года рождения, член КП(б)У с 1931 года, был членом коммунистической партии Чехословакии, служил в венгерской армии вольноопределяющимся. Аспирант Института

красной профессуры ВУАМЛИНа. Обвиняется в активном участии в контрреволюционной фашистской организации, стремившейся к свержению советской власти путем восстания. За участие в контрреволюционной фашистской организации Мондока И.И. из партии исключить».

Это решение ЦКК КП(б)У в отношении Мондока было принято, как видно из этой справки, 13 декабря 1933 года, т.е. после его ареста.

Других документальных материалов на Мондока И.И. в партархиве филиала ИМЛ не обнаружено.

При проверке Мондока по материалам Центрального государственного особого архива ГАУ МВД СССР и ПГУ КГБ при СМ СССР сведений о его связи с чешскими разведорганами и его провокаторской деятельности не обнаружено.

В ПГУ КГБ при СМ СССР сведений о связи Туза, Зенона и Нечаса с чешскими разведорганами не имеется.

В I отделе КГБ при СМ УССР сведений о связи с чешскими разведорганами в отношении Туза и Зенона также не обнаружено, а Нечас по архивным материалам I отдела КГБ при СМ УССР проходит как видный член социал-демократической партии, находившийся в близких отношениях с украинской социал-демократией и с украинской эмиграцией, высказывавший веру в творческие силы советского народа и в прочность социализма.

На основании вышеизложенного,

полагал бы:

решение Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 28 февраля 1934 года и решение тройки УНКВД Ленинградской области от 25 ноября 1937 года по делам на Мондока Ивана Ильича отменить и дела прекратить за отсутствием состава преступления.

Ст. следователь следуправления КГБ
при СМ УССР капитан *Короткий*

Согласны:
Начальник отдела Следуправления КГБ
при СМ УССР подполковник *Защитин*

Начальник Следственного управления КГБ
при СМ УССР полковник *Пивоварец*

ДАХО. — Ф. Р-06452. — Оп. 4. — Спр. 1296. — Т. 2. — Арк. 187–195. Оригінал. Машинопис.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО О.САРВАНА (фігурант справи «Української військової організації»)

№ 60

Заява О.Сарвана до Колегії ДПУ УРСР 22 лютого 1933 р.

Заявление

В Коллегию ГПУ УССР от арестованного Сарвана

В 1925 году я, Сарван А.Г., приехал из Америки на Украину и начал жить в городе Харькове, где учился в коммунистическом Университете им. Артема.

Начиная с этого времени, я начал систематически встречаться с группой лиц, которые постоянно собирались в так наз. Закордонном бюро КПЗУ по ул. Карла Либкнехта, № 6 и клубе «Західна Україна», членом которого я был.

К этим людям принадлежали: Максимович — активный деятель «Розлама в КПЗУ» и провокатор этой партии; Романюк — который приехал из Праги как член ЧКП, который впоследствии завербовал меня в контрреволюционную организацию; Лизицкий, Куликовский, Зозуляк, Торбак, Шуран и друг.

С этими людьми, особенно с Максимовичем и Романюком, при встречах не раз приходилось мне вести контрреволюционные разговоры национально-шовинистического содержания. Суть этих бесед сводилась к тому, что на Украине есть несправедливости, что Украина — неравноправный член Советского Союза, а за некоторое время эти разговоры приобрели более острый характер и, наконец, Романюк предложил мне вступить в так наз. Украинскую военную организацию, которая действовала на территории Советской Украины.

Задание этой организации — свержение Советской власти на Украине путем вооруженного восстания.

Романюк дал мне указания в практической работе. Выявить среди студентов и преподавателей шовинистические тенденции, приверженцев шовинистической мысли, обрабатывать их в контрреволюционном направлении и втягивать их в организацию.

Таким путем я стал членом контрреволюционной организации, одновременно прикрывая свою контрреволюционную работу партийным билетом, который я использовал как двурушник в рядах партии.

За время моего пребывания в Харькове мне приходилось вести откровенные контрреволюционные разговоры с такими членами нашей контрреволюционной организации: Романюком, Максимовичем, Яворским А., Сияком И., Баданом, Зозуляком. От последнего я получил для перевода с английского на украинский журнал, в котором была помещена контрреволюционная петиция канадских украинцев к Английской короне. Речь идет о том самом документе, который у меня нашли при аресте.

Этот документ был отпечатан в 3-х или 4-х экземплярах, один из которых остался у меня, а остальные я передал Зозуляку. Документ использовался организацией как агитационный материал в контрреволюционной работе, которую мы проводили.

Подробные показания о моей контрреволюционной деятельности и деятельности известных мне членов организации дам отдельно.

Мое заявление прошу считать документом, которым я раз и навсегда порываю со своим контрреволюционным прошлым, и даю обещание помочь следствию в вопросах, которые мне известны во вскрытии контрреволюционной работы организации, членом которой я был.

При рассмотрении моего дела прошу взвесить это мое заявление и возможно облегчить наказание, которое я заслужил.

Заявление писал собственноручно: *Сарван*

Принял: Уполномоченный ОО УВО ГПУ УССР *Гаврилов*

23-го февраля 1933 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 46497-ФП. — Арк. 10–12. Оригінал. Рукопис.

№ 61

Витяг із Постанови Центральної контрольної комісії КП(б)У 31 травня 1933 р.

Пролетарі всіх країн, єднайтеся!

ЦЕНТРАЛЬНА КОНТРОЛЬНА КОМІСІЯ КП(б)У
НАРОДНІЙ КОМІСАРІЯТ РОБІТНИЧО-СЕЛЯНСЬКОЇ ІНСПЕКЦІЇ УСРР
Адреса: Харків, буд. Держпрому, 7-й підїзд. заг. тел. 68–05

Сов. секретно

Выписка
из постановления Комиссии от 31 мая 1933 года

О членах партии, арестованных по делу Украинской контрреволюционной организации.
[...]
15. Сарван Алексей Григорьевич, член КП(б)У с 1926 г., зам. директора института им. Артема. Галичанин, бывш. член Американской социалистической партии, член Американской компартии [с] 1919 г. по 1926 г., активный член Харьковской организации УВО, участник боевой орагнизации («боевки») при центре УВО.

Сарвана Алексея Григорьевича, прибывшего на территорию Советского Союза и пробравшегося в партию с целью создания контрреволюционной, фашистской организации, ставившей своей задачей свержение Советской власти путем вооруженного восстания, из партии исключить.

Комиссия — *Киселев*

Балицкий

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 46497-ФП. — Арк. 6. Оригінал. Машинопис.

№ 62

Протокол допиту О.Сарвана 10 червня 1935 р.

Протокол допроса

Сарвана Алексея Григорьевича, зам. директора Ин-та красной профессуры совстроительства и права, ответственный секретарь секции научных работников, член Президиума Всеукр. комитета союза «РОБОС», от 10 июня 1933 г.

Вопрос: С кем из членов Вашей организации УВО Вы вели беседы, информируя их о решениях совещаний, на каких Вы лично присутствовали как член руководства организации?

Ответ: О совещаниях руководства УВО, на коих я присутствовал, я дал показания еще 12-го мая 1933 г., и в разрезе решений этих совещаний и имел беседы с[о] следующими членами УВО:

С Баданом я говорил осенью 1932 года о том, что положение на Украине в разрезе оценки, данной Максимовичем на совещании, чрезвычайно тяжелое, что политика партии на селе получила поражение, что крестьянство голодает, что среди крестьянства развиты повстанческие тенденции, которые УВО должна будет использовать для ближайшего совместного выступления. Говорил я ему также о том, что под влиянием Москвы национальная политика на Украине стала формальностью и свелась ни к чему. С этими установками Бадан целиком соглашался.

С Викулом Сергеем Павловичем также осенью 1932 года я имел ряд разговоров у него на дому по Каразинской ул., № 15/а. В этих разговорах я информировал Викула о том, что политика партии в отношении села зашла в тупик, что украинское крестьянство в результате этой политики обречено на голодную смерть, что крестьянство на почве голода бежит из села, что на селе все уничтожено — наступает полнейшая деградация с-хозяйства, что на этой почве развито массовое недовольство крестьянства, могущее вылиться в восстание, что этот момент нужно во что бы то ни стало использовать для совместного выступления. Одновременно долг каждого члена организации, выезжающего на село, а главным образом тех, кто живет на селе или непосредственно связан с селом, проводить саботаж кампаний, направив внимание, в первую очередь, на саботаж хлебозаготовок.

Викул говорил мне о настроениях украинской интеллигенции, с коей он сталкивался в процессе своей служебной работы. Настроение это он описывал в мрачных красках, говоря, что укр. интеллигенция бежит из Украины в Россию, т.к. она чувствует себя здесь в опасности быть арестованной за проведение в жизнь националистической работы, без коей вообще их работа немыслима.

Говорил также он о том, что за последнее время особенно чувствуется, что Украина решительно сводится к положению Московской колонии.

С Викулом разговоры у меня были неоднократные, причем всегда Сергей Викул соглашался с теми выводами, предложениями и оценкой, даваемой нашей организацией УВО по тем или иным вопросам.

С Демчуком Петром я имел разговор о тяжелом положении украинского крестьянства, росте недовольства и задачах, вытекающих из этого положения для нас, как членов организации УВО, а именно –использование подходящего момента для выступления.

Демчук в ответ, соглашаясь с тем, что я говорил ему, жаловался на то, что проведение к-р националистической работы на идеологическом фронте, какую проводит Демчук, встречает резкий отпор со стороны партийного аппарата. Демчук высказывался также при этом, что до тех пор, пока мы сами не добьемся создания независимой Украины, дело национального выступления масс будет всегда подавляться партией и Соввластью. Хочу отметить, что Демчук, соглашаясь с оценкой положения на селе и задачами нашей организации, подкреплял это положение известными ему фактами о полном обнищании украинского крестьянства и о массовых выездах селян в Москву, выкачавшей все из Украины, за хлебом.

Этот разговор был в конце июля 1932 года, это я помню точно.

Вопрос: В прошлых показаниях Вы указываете, что имели встречу в один из приездов Яворского Алексея из Киева в Харьков. Расскажите, о чем Вам говорил Яворский?

Ответ: Яворский Алексей — один из активных деятелей УВО Киевской организации, во время приезда в Харьков осенью 1931 г. из Киева рассказывал мне о том, что организация наша УВО несет сейчас большую потерю в связи с тем, что власть проводит высылку низовых кадров увистских, что наш национальный актив на селе — кулацко-зажиточный элемент.

При этом Яворский добавил, что когда казаки были опасными для России, их высылали на работу по постройке Петербурга, а сейчас высылают из села национально-сознательный украинский элемент, надежную опору в работе УВО.

Показания читал, записано с моих слов правильно. *Сарван О.Гр.*

Допросил: *Хает*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 46497-ФП. — Арк. 37–40.
Оригінал. Рукопис.

№ 63

Обвинувальний висновок у справі О.Сарвана 1933 р.

Обвинительное заключение

По делу Сарвана Алексея Григорьевича по обвинению его в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–6, 54–3, 54–4, 54–11 УК УССР.

ГПУ УССР раскрыта и ликвидирована националистическая контрреволюционная, диверсионно-повстанческая, шпионская «Украинская военная организация» (УВО).

17-го февраля 1933 г. арестован и привлечен по настоящему делу в качестве обвиняемого Сарван Алексей Григорьевич.

Проведенным по делу следствием установлено:

Сарван Алексей Григорьевич, 1893 г. рожд., уроженец с. Ланы, Галиция, быв. член американской социалистической партии, быв. член ЦК Украинской секции компартии Америки с 1919 г. по 1926 г., член КП(б)У. Прибыл на Украину с целью проведения к-р работы и вошел в состав Всеукраинского центра УВО (л.д. 7, 8, 21).

Являясь членом боевой группы УВО, провел ряд вербовок в повстанческие ячейки (л.д. 90, 85, 141). Будучи на селах, вел подрывную работу по срыву сельхоз. кампаний (л.д. 123, 124).

По линии УВО был связан с Английским посольством в Москве (л.д. 102, 104), а также осуществлял связь с представителями американской и канадийской групп УВО, принимая меры к распространению полученной из-за кордона «петиции канадийских украинцев к британской короне» (л.д. 49, 56, 110). Собирал политическую информацию для руководства организации (л.д. 30).

Обвиняемый Сарван в предъявленных обвинениях виновным себя признал.

Таким образом, следствием установлено, что Сарван, принадлежа к руководству к-р организации, до дня своего ареста проводил активную контрреволюционную работу, направленную к свержению Советской власти и установлению украинского буржуазного демократического государства, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 54–3, 54–4, 54–6, 54–11 УК УССР.

На основании изложенного

полагал бы:

дело по обвинению Сарвана Алексея Григорьевича, 1893 г. рожд., уроженца Галиции, быв. члена ЦК Укр. секции компартии Америки, члена КП(б)У, с высшим образование, по национальности украинца, подданного УССР, профессора истории, женатого, до ареста зам. директора Института совстроительства и права в Харькове, передать на рассмотрение Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР с ходатайством о заключении его в концентрационный лагерь сроком на 5 лет.

Справка: 1. Сарван содержится в спец. корпусе № 1.
2. Вещ. док. — «петиция канадийских украинцев к британской короне» в отдельном пакете при деле.
3. Отобранный при обыске портфель с личной перепиской Сарвана вернуть его жене.

Уполномоченный СПО ГПУ УССР *Хает*

Согласен и утверждаю:
Врид. начальника Секретно-политического
отдела ГПУ УССР *Козельский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 46497-ФП. — Арк. 161–162. Оригінал. Машинопис.

№ 64

Архівна довідка за стенограмою виступу М.Кіллерога на об'єднаному пленумі ЦК і ЦКК КП(б)У у листопаді 1933 р. 30 липня 1956 р.

Пролетарі всіх країн, єднайтеся!

ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ ПАРТІЇ ЦК КП УКРАЇНИ — ФІЛІАЛ ІНСТИТУТУ МАРКСИЗМУ-ЛЕНІНІЗМУ ПРИ ЦК КПРС
м. Київ, вул. Карла Лібкнехта, 10, телефон 3–32–84

30 июля 1956 г.

Зам. Председателя Комитета
государственной безопасности
при Совете Министров УССР
т. Тихонову П.П.

на Ваш № 1439/Т от 19 июля 1956 г.

Архивная справка

В стенограмме выступления Киллерога на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У от 18–22 ноября 1933 года указано:

«...Перехожу к Всеукраинской ассоциации марксо-ленинских институтов — ВУАМЛИН. Не случайно враг избрал этот участок теоретического фронта Украины для бешенного развертывания своей контрреволюционной работы. В ВУАМЛИНе и «Украинская военная организация» имела прочную базу, захватив в свои руки работу отдельных звеньев научно-исследовательских институтов. Чичкевичи и Демчуки, Олейники и Сарваны, Приступы и Войтюки были руководящими научными работниками, ответственными сотрудниками научных журналов ВУАМЛИНа, то есть той организации, которая должна разрабатывать отдельные положения марксистско-ленинской политэкономии, истории, философии, аграрной теории».

В письме бывшего ученого секретаря научно-исследовательского института советского строительства и права при ВУЦИКе Мураховского секретарю ЦК КП(б)У от 17.IV.–1934 года упоминается Сарван (инициалы не указаны), как вредитель.

Архивная справка составлена по документальным материалам партархива Института истории партии ЦК КП Украины — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Директор Института истории партии
ЦК КП Украины — филиала Института
марксизма-ленинизма при ЦК КПСС *Н.Доний*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 46497-ФП. — Арк. 209. Оригінал. Машинопис.

№ 65

Заява І.Сияка
23 червня 1924 р.

Архівна копія

До наукового комітету Народного комісаріату освіти УСРР в м. Харкові

Члена КП(б)У, партбілет ч. 300358, голови Харк. Губ. Колегії Оборонців, юрисконсульта УВО і Нарповітрошлях Івана Михайловича Сияка, проживав в м. Харкові, при вул. Римарській, ч. 18/30

Заява

Прохаю прийняти мене науковим робітником науково-дослідної катедри по питанням сучасного права при Головпрофосвіті наркомосвіти УРСР.

Я родився в Галичині, в селі Ляшки біля м. Львова, в 1887 р. в родині сільського народнього учителя. З 14-го року життя я пробивався сам через життя, власним заробітком, зразу корепетиціями співучнів, а з 1905 р. службою у адвокатів, зразу писарем, машиністом, а потім секретарем і помічником, та публіцистичною й літературною працею. Я вчився з 1893–1897 рр. в народній школі, у батька на селі, потім з 1897–1905 р. в гімназії у Львові, нарешті з 1905–1910 р. в університетах у Відні й у Львові, на правничо-економічному та філософічно-філологічному факультетах і закінчив студії зі ступеню доктора прав Львівського університету в 1910 р. Після того я працював помічником адвоката у Львові з 1910–1914 р., до світової війни. Будучи в університеті, я цікавився теоретичними питаннями з обсягу історії, енциклопедії й теорії права, а після закінчення університету я готувався для праці яко приват-доцент до катедри філософії й енциклопедії права, але світова війна перешкодила тому.

До отримання докторського диплому я виготовив на семінарі цивільного права проф. Дністрянського у Львові працю на соціологічно-правничу тему: «Становище нешлюбних дітей в сучасному законодавстві Європи й тенденції до зміни його в існуючих законопроектах», що її я боронив на двох засіданнях семінара й яка друкувалася потім у «Правничому Віснику» у Львові. Окрім цього, я цікавився також питаннями з історії філософічних учень та соціологією і на 2-му Всеукр. з'їзді студентів Вищих шкіл у Львові в 1909 р. я прочитав доклада про «Віру й науку» та провів резолюцію про виключення із майбутнього українського університету теологічного факультету, за що мене потім митрополит Гр. Шептицький публічно анафемізував в «пастирському посланію». Я був одним з організаторів інтернаціональної студентської Ліги вільної думки у Львівському університеті, в 1909 р. заст. голови, в 1910 р. голова цієї організації. З 1909–1914 р. я був членом інтернаціональної «Спілки Моністів» [нрзб.] в Німеччині». З 1908–1910 р. я був членом Президії студентської соціалістичної організації в Львівському університеті «Вільна Громада».

Ще з 1904 р. я приймаю живу участь в громадському житті. З 1904–1905 р. я був ідейним [нрзб.] школи П. [нрзб.] потім я перейшов на практичну працю в масах і вступив осенью 1905 р. до Української соц-дем. партії Австрії, де я працював яко звичайний член агітатор, лектор, публіцист, літерат. організатор з 1905–1910 р. та яко член ЦК партії (екзекутивного комітету — на різних ділянках партійної праці — представник лівого крила партії в ЦК з 1909–1919 р. (міс. липень), коли я вийшов з партії по причині принципових і тактичних непогоджень. За весь час моєї активної праці в партії (з 1905–1914 р.) я просидів по судовим і адміністративним засудам около 2-х років в'язниці. З 1914–1918 р. я мобілізований на війну в австро-угорську армію на фронті, в бригаді [нрзб.], зразу рядовим, опісля старшиною, нарешті командиром технічної (саперної) сотні.

Весною 1916 р. на бойовому відтинку над Золотою Липою в Галичині я проводжу перший мітинг на фронті полку УСС в повному бойовому поготівлі (я — організатор і доклад-чик), на якому полк УСС відмовляє послуху т.зв. «Нар. Бойовій Управі» (секції «Комітета визволення України») у Відні й залишає за собою вільну руку на дальше. В 1917 р. на бойовому фронті над Збручем в моїй технічній сотні організуються комітети: адміністративно-господарський і освітньо-культурний, виборні з поміж стрільців. Моя сотня стала в 1920 р. в УГЧА — технічний курінь 1-ої Г.Е. бригади, дав багато політруків для 1-ої бригади.

Осінь 1918 р., після демобілізації Австр. армії, я остався в Кам'янці на Поділлі, організую повстання проти Гетьмана, розбиваю під Вінницею (8/XII–1918 р.) німецько-саксонський корпус, я — самочинний військовий комісар Поділля, переговорюю з Директорією. Після невдалого порозуміння (розгром профспілок в Київі, переговори з французами в Одесі) — моє невдале повстання проти Директорії в Кам'янці-Под., присудження Петлюри до розстрілу, перехід на Бесарабію, організація повстання проти румун (січень 1919 р.), командир повстанської армії і член Бесарабської (Хотинської) директорії. Невдача повстання, тяжко поранений, лікування в Кам'янці-Под., переїзд до Галичини. Тут арешт в м. Чуткові (яко більшовик), потім перебування під поліц. доглядом в м. Станіславові.

Організація (24-25 травня 1919 р.) робітничого полку, повстання проти уряду Петрушевича, перехід через Збруч на Вкраїну в червні 1919. Організація в м. Кам'янці-Под. «Залізної бригади», два фронти: уряди Петлюри й Петрушевича. Заочне присудження мене до розстрілу й оголошення «поза законом», вихід з бригадою в кінці липня 1919 р. на схід, напрямок: Полтава-Катеринослав, — мета: організація повстань в тилу Денікіна і проголошення «Самостійної нар. Рад. республіки», по дорозі — бої з галичанами, Тютюнником, Божком, масою дрібних бандитів, Григорієвим (2-им), Махном, денікінцями (полк. Белогорцев), третій безвихідний «шестикутник смерті» в Таращанщині й передача на бік Червоної Армії (південна група — 45, 47, 58, 63 дивізії), стріча з тов. Затонським.

Поїздка до Москви — зима 1919–1920, поворот на Вкраїну разом з тов. Раковським і Всеукрревкомом — лютий 1920 р. Уповноважений РВР Півд.-Зах. фронту по організації Гал. Черв. Армії з 1.III — 1.VIII.1920 р., і член Комісії по розслідуванню переходу ГА на фронті. Керм. справами Галревкому й голова Ліквідкомісії Галревкому з 1.VIII–15.XII.1920. Керм. справами ВУЦВКа з 15.XII.1920 — 15.IV.1921 , [водночас] кандидат в члени ВУЦВК IV складу; секретар Посольства УСРР в Польщі з 15.IV.1921 — 15. XI.1922 р.; заст. Голови «Всеукрторгпрому» з 15.XI.1922 — 1.V.1923 р.; слюсар інструментального цеху ХПЗ з 1.V. — 15.X.1923 р.; Голова Харк. Колегії оборонців 1-го й 2-го складу з 1.V.1923 — дотепер, юрисконсульт УВО з 1.I.1924 р., юрисконсульт «Укрповітрошляху» з 1.I.1924 р., консультант ОАВУК з 1.IV.1924 р.

Прохаю прийняти мене науковим робітником катедри по секції міжнародного публічного права зі співробітництвом по секціях державного права і загальної теорії права.

Згоджуюся взяти на себе обов'язкові теми наукових праць на протязі року, і — якщо необхідно — приймаю кольоквій по упливі першого року праці, після чого поступити на педагогічну працю до В.Ш. (УНГ).

Іван Сияк

Харків, 23 червня 1924 р.

P.S. В додатку до цього: заповнена анкета аспіранта катедри.

Підстава: ф. 166, оп. 21, спр. 7504, арк. 1, 1 зв; 5, 5 зв.

Заст. начальника ЦДАЖР УРСР *Розин*

Начальник від. секр. фондів *Чернов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48085-ФП. — Т. 1. — Арк. 143–145. Копія. Машинопис.

№ 66

Заява І.Сияка
22 жовтня 1925 р.

Завідуючому Наук.-досл. катедрою «Проблеми сучасного права»
проф. Гордону

Голови Колегії Оборонців, наукового співробітника Марксівського Інституту, члена КП(б)У, ч. 300538, Іван Мих. Сияка, в Харкові, вул. Римарська, ч.13/30.

Заява

В доповнення до моєї попередньої заяви про призначення мене за наукового співробітника катедри додаю, що я працював науково в правовій царині з 1910-1914 р., підготовляючись до праці приват-доцента у Львовському університеті по «філософії й енциклопедії права», для цього були мною заготовлені дві праці: перша дисертаційна, для отримання ступіня «доктора прав» в 1910 р. під загол. «Правове становище нешлюбних дітей в сучасному законодавстві культурного світу та проект реформи» в зв'язку з проектом новели до австрійського цивільного кодексу з 1909 р., що була опісля надрукована в «Північному Віснику» у Львові, друга під загол. «Право — вислів взаємовідношення суспільних сил», яку я читав в 1912 р. в укр. студентській соціалістичній організації «Вільна громада» у Львові, та яка не була надрукована з незалежних од мене причин.

Окрім цього я читав на протязі 4-х років, з 1910–1914 р. цілу низку лекцій та докладів по різних правових питаннях в робітничих освітніх організаціях «Воля» в Галичині й на Буковині.

З 1914–1920 рр. з незалежних од мене причин я не приймав безпосередньої участі в теоретичній правовій роботі.

Тільки з початку науково-шкільного року 1924/25 я став знову ближче до справи наукової праці в правових питаннях. Зимою 1924/25 рр. я викладав в «Комуністичному університеті ім. Артема» в Харкові «державне право і конституцію СРСР», крім цього на протязі цілого шкільного року: на «Профосі ХІНО — «Радянське будівництво» та на «Соцвиху ХІНО «Історію революцій».

15.Х. ц.р. мене призначено науковим співробітником «Марксівського інституту» та керовником правового кабінету Інституту.

Працюю зараз над науковою темою під загол.: «Соціально-правова проблема колективної родини підчас переходової доби пролетарської диктатури», що її закінчу на протязі цієї зими.

Бажаю працювати науково в царині загальної теорії права, державного та міжнародного публічного права.

Харків, 22 жовтня 1925 р.
14.XI.25 р.

З оригіналом згідно:
Секретар катедри *Підпис нерозбірливий*

Підстава: ф. 166, оп. 21, спр. 7504, арк. 8.

Заст. начальника ЦДАЖР УРСР *Розін*

Начальник від. секр. фондів *Чернов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48085-ФП. — Т. 1. — Арк. 147. Копія. Машинопис.

№ 67

Повідомлення про результати розгляду заяви І.Сияка 14 листопада 1925 р.

Архівна копія

До управління науковими установами на Україні «Укрнаука»

Керовника катедри «Проблеми сучасного права»

В загальному зібранні катедри з 2 лютопаду 1925 р. заслухано було заяву І.М.Сияка про бажання його вступити до складу наукових співробітників. Підстави, що до зарахування його до катедри, зазначені в його заяві (до цього додаються).

Катедра ухвалила в цій справі таку постанову: «Клопотання підтримати й зробити подання до Укрнауки про зарахування І.М.Сияка до складу наукових співробітників катедри по секції публічного права».

Маю за честь подати про це до відому Укрнауки й прошу затвердити т. І.М.Сияка за наукового співробітника катедри.

Додаток: заява т. Сияка з 22 жовтня 1925 р.

14.XI.–1925 р.

Керовник катедри *Акад. В.М.Гордон*

Секретар *Я.І.Рапопорт*

Підстава: ф. 166, оп. 21, спр. 7504, арк. 7.

Заст. начальника ЦДАЖР УРСР *Розін*

Начальник від. секр. фондів *Чернов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48085-ФП. — Т. 1. — Арк. 146. Копія. Машинопис.

№ 68

Постанова про відправлення заарештованого І.Сияка у розпорядження СПВ ДПУ УСРР 2 лютого 1933 р.

Постановление

1933 года, февраля 2-го дня. Я, оперуполномоченный СПО КООГПУ * УССР Погребинский, произведя арест Сияка Ивана Михайловича, 1887 г.р., члена партии с 1919 г., директора Лингвистического института, на основании распоряжения СПО ГПУ УССР,

постановил:

Сияка Ивана Михайловича спецконвоем направить сегодня, 2 февраля, в Харьков в распоряжение СПО ГПУ УССР.

---

* У даному випадку — КООГПУ — Киевский областной отдел ГПУ.

Приложение: пакет с документами, изъятыми при обыске.

Оперупол. 2 отд. СПО *Погребинский*

Согласны:
Нач. 2 отд. *Гольдман*
Нач. СПО *Медведев*

Утверждаю:
Нач. КООГПУ *Розанов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48085-ФП. — Т. 1. — Арк. 3.
Оригінал. Машинопис.

№ 69

Рапорт начальника Спецкорпусу № 1 І.Нагорного Коменданту ДПУ УСРР про стан здоров'я заарештованого І.Сияка 11 березня 1933 р.

Коменданту ГПУ УССР
Нач. Спец. Корпуса
Нагорного И.Т.
11 марта 1933 года

Рапорт

При сем прилагаю заключение врача Санотдела ГПУ доктора Озервера о состоянии здоровья голодающего арестованного Сияка Ивана, содержащего[ся] в С/К 1, кам. № 22., на Ваше распоряжение.

Нач. Спец. Корпуса *Нагорный*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48085-ФП. — Т. 1. — Арк. 6.
Оригінал. Рукопис.

№ 70

Висновок лікаря Санвідділу ДПУ УСРР Д.Озервера про стан здоров'я І.Сияка 11 березня 1933 р.

Начальнику Корпуса № 1

Заключ. кам. № 22 — страдает артериосклерозом и миокардитом. Печень увеличена, болезненна. Язык влажный. Пульс 120 в 1 мин. Общая слабость... 6-й день ничего не ест, кроме кипятку без сахару. На сегодняшний день нет абсолютных и категоричных показаний со стороны здоровья для кормления его искусственно. Учитывая, что в конце концов, придется приступить к искусственному питанию, ввиду его упорства, — считаю лучше приступить к кормлению сегодня, чем приступить к оному при более истощенном организме.

Доктор *Д.Озервер*

11–III–33 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48085-ФП. — Т. 1. — Арк. 7.
Оригінал. Рукопис.

№ 71

Обвинувальний висновок у справі І.Сияка 1933 р.

Обвинительное заключение

по делу Сияка Ивана Михайловича по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–6, 54–11 УК УССР

Следствием по делу раскрытой и ликвидированной «Украинской военной организации» установлена принадлежность к УВО бывшего члена ЦК УСДП, бывшего директора Лингвистического института в Киеве Сияка Ивана Михайловича.

На основании этих материалов Сияк И.М. был арестован, причем следствием по его делу было установлено следующее:

Сияк Иван Михайлович, бывший лейтенант австрийской армии, быв. военный комиссар Подолии, назначенный правительством Директории, бывший командир железного отряда, являвшегося наиболее надежной опорой петлюровского правительства, бывший член ЦК УСДП с 1919 года, принимал активное участие в борьбе против Соввласти.

Летом 1919 года Сияк поддерживал петлюровское правительство, а после развала петлюровского правительства Сияк со своим отрядом направился на Украину, примкнув к повстанческим украинским к.р. силам, которые вели подпольную партизанскую борьбу с Красной Армией. Эту работу Сияк проводил, имея задания от ЦК УСДП организовать повстанчество на возможно более широкой основе.

В 1920 году Сияк, избежавший расстрела, вступает с к.р. целью в коммунистическую партию, ведет разложенческую работу в период польско-советской войны. Будучи на Украине в период [19]20–21 гг., Сияк являлся одним из первых организаторов Украинской военной организации.

В 1921 году Сияк выехал в Варшаву в качестве секретаря полпредства УССР в Польше и там вместе с Шумским поддерживал связи с Украинской контрреволюционной эмиграцией, с закордонным центром УВО и с подпольем украинской контрреволюции в УССР.

По возвращении в Харьков из Польши Сияк Иван принял активное участие в работе Харьковского центра УВО, вел основную работу по группированию контрреволюционных кадров УВО в Институте марксизма и ленинизма, а также делая попытки проникновения на Харьковские заводы.

В 1930 году Сияк переехал в Киев для усиления контрреволюционной повстанческой работы на Правобережьи, вошел в Киевский областной центр УВО, руководил контрреволюционной работой УВО на Правобережьи и одновременно вел к.р. работу в Лингвистическом институте, директором которого он состоял, вербуя к.р. кадры среди студенчества.

Будучи в Киеве, Сияк поддерживал связи с польским консульством, передавая туда шпионские материалы, а также непрерывно поддерживал связи с Харьковским центром УВО.

Указанные преступления предусмотрены ст.ст. 54–4, 54–6, 54–11 УК УССР.

Обвиняемый Сияк виновным себя не признал.

Вследствие того, что виновность Сияка, а именно принадлежность его к руководству УВО и активная к.р. работа вплоть до шпионажа в пользу поляков, является доказанной

полагал бы:

Дело Сияка Ивана Михайловича, 1887 г. рожд., галичанина, быв. лейтенанта австрийской армии, быв. члена ЦК УСДП, быв. директора Лингвистического института в Киеве,

быв. члена КП(б)У с 1919 года, исключенного ЦКК КП(б)У из партии за участие в контрреволюционной организации, направить на рассмотрение Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР с ходатайством о заключении Сияка Ивана Михайловича в политизолятор сроком на 10 лет.

Справка: 1. Обвиняемый Сияк Иван Михайлович содержится в Допре № 1.
2. Вещественных доказательств по делу нет.

Опер. уполномоченный СПО ГПУ УССР *Пустовойтов*

«Утверждаю»
Врид. начальника Секретно-политического
отдела ГПУ УССР *Козельский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48085-ФП. — Т. 1. — Арк. 132–134. Оригінал. Машинопис.

№ 72

Заява Н.Сияк
3 жовтня 1957 р.

Первому секретарю ЦК КПСС
тов. Хрущеву Н.С.

Первому секретарю ЦК КПУ
тов. Кириченко

От Сияк Надежды Ивановны,
г. Харьков, ул. Бассейная, 35, кв. 8

Заявление

XX-й съезд КПСС признал незаконными и осудил репрессии, примененные в свое время ко многим честным советским гражданам, невиновным в обвинениях, которые им предъявлялись. Были арестованы и сосланы без суда и следствия также мои отец и мать.

Мой отец, Сияк Иван Михайлович, рождения 1887 г., украинец, старый революционный деятель, был принят в ряды Коммунистической партии по личной рекомендации В.И.Ленина в период октября. В годы Советской власти он занимал ряд ответственных партийных и государственных постов на Украине, был на руководящей дипломатической работе, затем в ВУЦИКе. Последняя его должность перед арестом в 1932 г. — директор Института иностранных языков в г. Киеве.

Моя мать, Кобзей Стефания Юрьевна, рождения 1897 г., украинка, была научным работником — географом, работала в украинском научно-исследовательском институте географии и картографии в г. Харькове. Ее арестовали в 1937 г.

Повторяю, оба были высланы без приговора суда и без законного следствия. Таким образом, еще ребенком я осталась без родителей.

Я участвовала в Великой Отечественной войне, была на фронте. Теперь я живу мечтой о восстановлении честного имени моих отца и матери и прошу ЦК КПСС и ЦК КПУ

пересмотреть их дела и снять обвинения, восстановить их доброе имя советских граждан. С момента ареста я никаких сведений о них не имею.

О Вашем решении прошу сообщить по указанному выше адресу.

Сияк Н.И.

3/X–1957 г.
г. Харьков

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48085-ФП. — Т. 1. — Арк. 136. Оригінал. Машинопис.

№ 73

Протокол допиту свідка Н.Сіяк 10 березня 1958 р.

Копія

Протокол допроса свидетеля

10 марта 1958 года, гор. Харьков, Помощник Военного прокурора КВО майор юстиции Ничипуренко допросил с соблюдением требования ст. 160–165 УПК УССР в качестве свидетеля:

Сияк Надежда Ивановна, 1919 г. рожд., урож. гор. Каменец-Подольск, украинка, высшее, б/п, лейтенант м/с (запаса), инспектор сектора лечпроф. помощи детям и матерям Харьковского Облздравотдела, замужняя, награждена одной медалью, не судимая, адрес: г. Харьков, ул. Бассейная, 35-б, кв. 8, отношение к обвиняемому — дочь.

Об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу ложных показаний по ст. 87 и 89 УК УССР следователь меня предупредил. (Сияк).

Мой отец, Сияк Иван Михайлович был арестован в 1932 г. в г. Киеве, где он жил в течение нескольких лет и работал директором Всеукраинского института иностранных языков. Член партии с 1919 г., рекомендован в члены коммунистической партии В.И.Лениным.

Несмотря на то, что арестован был в г. Киеве, под следствием находился в г. Харькове. Следователь дважды вызывал меня к себе в Управление ГПУ (ул. Совнаркомовская), разрешил приносить передачи и книги через него непосредственно. Затем передачи передавала в общем порядке. В 1933 г. отец мой был сослан, как мне стало известно из его писем, на 10 лет (в то время высшая мера наказания). Летом 1936 г. я ездила повидаться с отцом в лагерь, находившийся в Лодейном поле. Во время свидания отец говорил мне и давал слово коммуниста, что всегда был честным, ни в чем себя не считает виновным, ни одного обвинительного протокола не подписывал, сослан без ознакомления с приговором, без суда. Во время следствия, со слов отца, к нему неоднократно применялись недопустимые меры воздействия, как-то: бессонные ночи с беспрерывными допросами, жажда, воздействия морального порядка (поездка ночью по г. Харькову в легковой открытой машине и обещание свидания с дочерью после подписания им обвинительного протокола), от чего он категорически отказался и свидания не получил).

Из лагеря отец неоднократно писал письма в центральные органы, но ответа не получал. Во время моего пребывания у отца, он написал 3 письма в центральные органы и просил меня передать их непосредственно в Москве, но перед посадкой в поезд в Лодейном поле меня пригласили в комендатуру и изъяли из чемодана. В центральные органы писала и я, но ответа не получала. Из Лодейного Поля отец мой был в 1936–37 году переведен в лагерь в Медвежьей Горе, после чего моя переписка с ним прервалась и о дальнейшей судьбе его я ничего не знаю.

Вторая жена отца Морозова Ася Николаевна, (45–47 лет в настоящее время) работала в Институте иностранных языков в г. Киеве, которым отец руководил. Сын ее, Сияк Юрий Иванович, рождения 1932–1933 г. (точно не помню). Я их пыталась разыскать через адресное бюро г. Киева и центральное адресное бюро, но попытки не увенчались успехом. В г. Киеве отца хорошо знали все работники института, очевидно некоторые из них работают и в настоящее время.

Мать моя, Кобзей-Сияк Стефания Юрьевна, была арестована в 1937 г. С момента ареста я о ней совершенно ничего не знала, мне даже не сообщили, в чем она обвинялась, а лишь сказали, что она осуждена на 10 лет Тройкой. Ни одного письма от нее я не получила, а по моему запросу в Прокуратуру СССР мне ответили в 1938 г., что она числится умершей.

Мать моя в г. Харькове работала в научно-исследовательском институте географии и картографии научным работником. В 1935–1936 г. (точно не помню) институт был переведен, но так как квартира не предоставлялась, мать со мною осталась в г. Харькове. По специальности устроиться на работу не могла, поэтому поступила работать табельщицей на фабрику «Красный швейник» (ул. Клочковская), где и работала по день ареста. После ареста мне не выплатили причитающуюся ей зарплату (отказали).

Я, как дочь, совершенно уверена в невиновности моих родных. Они были честными тружениками. Я хочу реабилитировать память о них.

Я с матерью прожили в г. Харькове на ул. Рымарской, № 19, кв. 30 с 1924 по 1937 г., я жила до 1941 г. Мою мать знают все жильцы, проживавшие в этом доме в то время.

Фамилии, имена и отчества в настоящее время мне указать трудно, т.к. с тех пор прошло много лет, но я постараюсь уточнить дополнительно.

Записано собственноручно

п/п Сияк

Пом. Военного прокурора КВО
по Харьковской области
майор юстиции Ничипуренко

Дополнительно

Вопрос: Кто такой был Сияк Николай Михайлович?

Ответ: Сияк Николай Михайлович был старшим братом моего отца Ивана Михайловича Сияк. Сияк Н.М. проживал вместе с женой по соседству с нами по ул. Рымарской, д. № 19, кв. № 30 до его ареста, как мне вспоминается, он был арестован в 1932 или 1933 г. До ареста мой дядя работал преподавателем украинского языка в каком-то институте. За что его арестовали, мне не известно. Находясь в 1936 г. на свидании с отцом в лагере «Лодейное поле» Ленинградской области, отец мне говорил, что его брат Сияк Н.М. под влиянием угроз наговорил на него, т.е. отца того, что в действительности не было. Отец, как мне сказал, требовал очную ставку с братом, но как мне помнится очная ставка не состоялась.

Записано с моих слов верно и мне прочтено.

п/п Сияк

Допросил:
Пом. Военного прокурора КВО по Х/обл.
майор юстиции Ничипуренко

Секретарь ВП Харьковского гарнизона *Грязева*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48085-ФП. — Т. 1. — Арк. 185–186.
Оригінал. Машинопис.

№ 74

Архівна довідка стосовно І.Сияка 26 серпня 1958 р.

ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ ПАРТІЇ ЦК КП УКРАЇНИ — ФІЛІАЛ ІНСТИТУТУ МАРКСИЗМУ-ЛЕНІНІЗМУ ПРИ ЦК КПРС

м. Київ, вул. Карла Лібкнехта, 10. Телефон 3–32–84

Секретно
26 августа 1958 г.

Зам. Военного прокурора Киевского военного округа
полковнику юстиции Кузнецову

На Ваш № 2/709–58 г. от 17 августа 1958 г.

Архивная справка

В постановлении Партколлегии ЦКК КП(б) от 16 марта 1933 года за № 92-а указано, что Сияк Иван Михайлович, член партии с 1919 года, бывший член ЦК УСДП, директор Лингвистического института в Киеве обвиняется в участии в контрреволюционной фашистской организации, стремившейся к свержению Советской власти путем вооруженного восстания.

За участие в контрреволюционной организации Сияка из партии исключить.

Затонский В.П. в своем выступлении на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У 21 ноября 1933 года, касаясь арестов директоров пединститутов на Украине, указал: «...Из 29 директоров пединститутов за время моего пребывания в Наркомпросе 11 человек снято с работы, исключены из партии, большинство арестованны... Вы сами теперь подсчитайте, какой здесь процент амортизации. Что это за публика? Некоторых мы заменили при помощи Всеволода Апполоновича, например Сияка (инициалы не указаны)... Некоторых заменили, правда, не из-за проявления украинского национализма, например, в Луганске; там за троцкизм, но в большинстве это были как раз те люди, которых расставлял Яворский, когда он руководил кадрами Наркомпроса».

Архивная справка составлена по документальным материалам партийного архива Института истории партии ЦК КП Украины.

Зам. директора Института истории партии
ЦК КП Украины — филиала Института
Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС *П.Павлюк*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48085-ФП. — Т. 1. — Арк. 202–203. Оригінал. Машинопис.

№ 75

Витяг з обвинувального висновку у справі контрреволюційної «Української військової організації» («УВО») 20 жовтня 1933 р.

Утверждаю
Председатель Государственного
политического управления УССР
В.Балицкий
20 октября 1933 года
г. Харьков

Обвинительное заключение

По делу контрреволюционной организации, именовавшейся «Украинской Военной Организацией» («УВО»), подготовлявшей свержение Советской власти путем вооруженного восстания.

ГПУ УССР раскрыта и ликвидирована широко разветвленная контрреволюционная организация, именовавшаяся «Украинской Военной Организацией» (УВО), которая вела активную повстанческую, шпионскую, диверсионную и террористическую работу с целью свержения диктатуры пролетариата на Украине, отторжения УССР от Советского Союза и установления фашистской диктатуры в форме «независимой» буржуазной республики.

«Украинская Военная Организация» была создана активными контрреволюционными кадрами украинско-галицкого воинствующего национализма, прошедшими закалку вооруженной борьбы в гражданской войне и активной повстанческо-шпионской деятельности, направленной против Советской власти.

Контр-революционная деятельность руководящего закордонного центра и подпольного центра УВО на территории СССР и Советской Украины протекала при самом тесном участии и политическом руководстве со стороны руководящих украинско-галицких контрреволюционных буржуазно-националистических партий.

Активное участие в деле создания УВО принимали лидеры украинской контрреволюционной эмиграции Петрушевич, Винниченко, Грушевский, Шаповал и др., руководившие той коалицией украинских буржуазных партий, которая была основной политической силой украинской контр-революции в борьбе против диктатуры пролетариата. Эта коалиция создалась еще в период существования Центральной Рады в Киеве в 1917 году.

[...]

На протяжении всего существования УВО в СССР являлась надежным боевым оплотом «Украинского Национального Центра», возглавлявшегося М.Грушевским, который в 1924 г. переехал из Вены в Киев.

С 1926 г., после переворота Пилсудского и усиления интервенционистских тенденций за кордоном, УВО ведет активную подготовку вооруженного восстания, приуроченного к интервенции. В 1927–28 гг. группа членов УВО — Максимович, Турянский, Васильков, под руководством закордонного центра УВО и боротьбистской к.р. организации во главе с Шумским, входящей в националистический блок, подготовляет и проводит раскол КПЗУ с целью ослабить коммунистическое и революционное движение на Западной Украине и подготовить тыл для интервенции.

Наряду с этим на Советской Украине ведется перестройка работы УВО, усиление шпионажа в Красной Армии, усиление вербовки повстанческих кадров с целью подготовки к интервенции.

[...]

В конце 1930 и в начале 1931 года был ликвидирован эсеровско-эсдековский «Украинский Национальный Центр», возглавлявшийся Грушевским, Шрагом и другими, а в 1931 г. был частично ликвидирован центр УВО во главе с б. полковником украинских сичевых стрельцов Г.Коссаком, членом ЦК УПСР Лизанивским, б. академиком ВУАН Матвеем Яворским и другими, а также ряд периферийных организаций УВО.

В 1932–33 гг. были полностью вскрыты руководящие центры УВО в Москве и Харькове, выявлен руководящий кадровый состав УВО, ее закордонные связи.

[...]

Следствием установлено, что вся контрреволюционная деятельность УВО в УССР направлялась и руководилась закордонным центром УВО и что между «начальной командой УВО» в Берлине (Коновалец, Кучабский), краевым руководством УВО на Западной Украине (Д.Палиев, Дашкевич, Матчак и др.) и УВО в УССР существовала постоянная связь с момента создания УВО на Советской Украине.

Именно благодаря этой поддержке, несмотря на непрерывные удары, наносившиеся галицийскому контрреволюционному подполью и повстанческому подполью в УССР (дело Цупкома — Центрального украинского повстанкома, по которому был расстрелян коновальцевский эмиссар полковник Андрух и др.), УВО в УССР возобновляла свою работу, втягивая в нее новые боевые к-р кадры галичан.

С другой стороны, уже в начале контрреволюционной деятельности УВО на Украине, было широко применено вливание членов УВО в компартию Восточной Галиции и в КП(б)У для лучшей зашифровки контрреволюционной работы. Это вливание приняло особенно широкий характер в начале 1920 года в период вынужденного перехода галицийской армии на сторону Красной армии.

Опираясь на прямую помощь военных штабов Антанты, УВО организовывала повстанческую, шпионскую, диверсионную работу на территории УССР, начавшуюся с момента перехода галицийской армии на сторону Красной армии и принявшую особенно широкий характер в период советско-польской войны.

Под непосредственным руководством закордонного центра УВО, используя многочисленные офицерские к-р. кадры, переброшенные для к-р. работы на Советскую Украину, а также контрреволюционные галицийские кадры, оставшиеся на Украине после измены галицийской армии, «Украинская Военная Организация» применяла в борьбе против диктатуры пролетариата весь богатый опыт агентурной работы крупных военных штабов и все навыки и практику подпольной борьбы украинских националистических партий против царизма.

[...]

В процессе построения организации и развития ее деятельности создались руководящие центры УВО в Москве и в Харькове, непосредственно связанные в организационном отношении с закордонными центрами в Берлине и во Львове.

Главный руководящий центр, «Главный Штаб УВО», находится в Берлине. В состав его входят: Коновалец, Кучабский, Бандривский, Ярый. «Главный Штаб УВО» осуществляет директивное руководство по подготовке вооруженного восстания на территории СССР, переброске руководящих и военно-технических кадров на Украину и в СССР и вместе с тем представительствует от имени УВО в сношениях с представителями иностранных государств, ведет с ними переговоры о подготовке к интервенции и совместных действиях с УВО (в основном, по линии немецкой ориентации).

Во Львове находится Краевой (галицийский) центр УВО. В состав его входят: Волынец, Дмитро Палиев, Дрешер-Крайковский, ранее входили также: Дашкевич, Сушко. Львовский центр осуществляет основное руководство подготовкой к вооруженному выступлению на территории Украины к моменту интервенции, контактируя эту работу с Берлинским руководством УВО, проводит переброску кадров УВО через польскую границу, поддерживает постоянные связи с Польским Главштабом и дефензивой.

Оба центра — Берлинский и Львовский, поддерживали постоянную тесную связь с центрами УВО в Москве и Харькове (см. главу «Связи с закордонными центрами»). Руководство всей работой УВО на территории СССР находилось в Москве. Состав Московского цент-

ра за период 1924–33 гг. изменялся, но основное руководящее ядро его оставалось одно и то же: Конар-Палащук, Максимович, Бей-Орловский, Турянский и Палиев Емельян.

[...]

Всеукраинский центр УВО, непосредственно руководящий всей к-р. деятельностью УВО на Украине, находился в Харькове. Состав его неоднократно изменялся. Основные изменения в составе были вызваны арестами 1931 г. (ликвидация ЦК УПСР и части актива УВО), а также арестами 1932–33 гг. в связи с ликвидацией УВО органами ГПУ.

После арестов 1931 г., когда из руководства УВО выбыли представители украинских эсеров (Христюк, Шраг, Чечель), происходил в течение 1931-32 г. ряд совещаний, в результате которых был сформирован Всеукраинский центр УВО.

[...]

Вокруг руководящего ядра Всеукраинского центра группировался в Харькове сильный актив, составлявший вместе с центром «Харьковскую организацию УВО», среди которой и были распределены основные функции по проведению в жизнь решений Всеукраинского центра УВО.

[...]

В непосредственной связи с центром УВО в Харькове и под его руководством проводилась работа на местах в областных и крупных районных центрах: Киев, Одесса, Днепропетровск, Каменец-Подольск, Винница и городах Донбасса. Наиболее крупные периферийные филиалы УВО находились в Киеве, Одессе и Каменец-Подольске.

Особенно значительную роль в общей к-р. деятельности УВО на Украине играла Киевская организация, во главе которой стояли Яворский Алексей и Сияк Иван, а одно время и Тютюнник Николай, непосредственно связанные со Всеукраинским центром УВО в Харькове. К ним тесно примыкал актив организации: Атаманюк, Струхманчук и другие.

Основной функцией Киевской организации УВО было руководить и организовывать повстанческую работу на Правобережьи Украины, насаждать крупные районные базы, проводить систематическую разведывательную работу в интересах, главным образом, Польши с целью подготовки почвы для интервенции. Таким образом, Киевская организация объединила ряд районных ячеек в Житомире, Б. Церкви, Коростышеве, Умани и др.

[...]

В состав руководства остальных областных организаций УВО входили: в Одессе — Чайковский, Гадзинский; в Днепропетровске и с конца 1932 г. — Палько, Заяц, Кондрацкий, Теслюк-Эрнест; в Виннице — Гринюк.

[...]

В целях возможно полного развертывания своей контрреволюционной деятельности УВО стремилась так расставить свои силы, чтобы увистская сеть охватывала наиболее важные пункты на территории Украины и наиболее удобные для к-р. работы центральные и периферийные системы советских и партийных учреждений, создавая в них своего рода опорные пункты и легальные базы организации.

В построении этой сети, на которой держалась вся структура организации, УВО преследовала цель:

а) обеспечить наилучшее использование своих активных сил, особенно перебрасываемых из-за кордона;

б) обеспечить постоянную связь между отдельными звеньями организации;

в) приблизить свое руководство непосредственно к тем массам, на которые рассчитывала организация опереться в момент восстания;

г) захватить под свое влияние и наиболее использовать те системы советских и партийных учреждений, которые по своей работе наиболее связаны с широкими массами укр. интеллигенции и села.

[...]

В результате планомерного размещения в течение ряда лет своих членов, «Украинская Военная Организация» имела базы и пункты, в виде ячеек и отдельных лиц, более чем в 80-ти городах и районах (вскрытых следствием).

[...]

Для создания легальных баз своей к-р работы УВО широко использовала систему культурно-просветительных учреждений, в особенности же широко была использована система и аппарат Наркомпроса УССР. Органы народного просвещения удобны были к использованию в том, что галичане, не имевшие специальности, но обладавшие средним образованием, всегда могли быть направлены преподавателями украинского либо немецкого языков в институты и школы, а при невозможности использования члена УВО в качестве преподавателя они направлялись на административную работу в учебные заведения либо на учебу.

В центральном аппарате Наркомпроса в г. Харькове работало 6 членов УВО из состава актива организации, в том числе Эрстенюк, Зозуляк, Бадан-Яворенко. Эта ячейка, наряду с задачами насаждения и переброски членов организации в районы, проводила также шпионско-разведывательную работу, будучи связана с польским, немецким и чешским консульствами.

Занимая должности секретарей и инспекторов в самом аппарате Наркомпроса, члены руководства УВО направляли нужных им людей на желательные участки территории УССР. Когда по предложению закордонного центра организации возникла необходимость переброски членов руководства на периферию, то член УВО Коник был направлен директором Института народного хозяйства в Одессу, Сияк И. получил назначение директором Лингвистического ин-та в Киев, Яворский Алексей — преподавателем и научным сотрудником ВУАН в Киев, ряд лиц был направлен в Винницу, Зиновьевск, Каменец-Подольск и другие города.

Сеть УВО в органах Наркомпроса, научно-исследовательских учреждениях и ВУЗах охватила 94 точки, не считая отдельных ФЗС, как в городе, так и на селах.

[...]

Ячейки УВО имелись среди преподавательского состава и студенчества 66-ти ВУЗов и техникумов Украины...

Помимо органов Наркомпроса, научных учреждений и ВУЗов, ячейки УВО имелись в ряде издательств, в литобъединениях, театрах и культурно-просветительных учреждениях.

[...]

Наиболее мощными ячейками из всех перечисленных как по составу, так и по характеру развернутой работы, были ячейки в Наркомпросе, ВУАМЛИНе, ВУАНе, лит. объединении «Західна Україна», в издательствах: «РУХ», «УРЭ», научно-исследовательских ин-тах: Совстроительства и права и Географо-картографическом.

Большая и влиятельная группа членов УВО работала в институтах ВУАМЛИНа в гор. Харькове, насчитывая в своем составе более 13-ти человек активных членов организации, в том числе: Витек, Демчук, Зозуляк, Онишкевич, Приступа, Сарван и другие.

[...]

По характеру своей деятельности к ячейке УВО в ВУАМЛИНе примыкает ячейка УВО во Всеукраинской Академии наук. В ВУАНе работало более 20-ти членов УВО. В составе этой ячейки имелись члены руководства, как-то: Сияк И., Яворский А., Баран М., Загул, Козориз и другие.

Члены УВО, работавшие в Академии, осуществляли насаждение периферийных ячеек, предоставление мест прибывающим на Украину галичанам — членам УВО, собирание агентурных данных для иностранных разведок, а также руководство менее мощными ячейками.

Членами организации — сотрудниками ВУАН была проведена большая работа по созданию повстанческих кадров. Для этого использована была корреспондентская сеть исторического цикла, а также различные комиссии, [такие] как этнографическая, материальной культуры, археографическая, имеющие связи на периферии.

Одной из крупнейших ячеек УВО была ячейка, созданная группой галичан-писателей, объединившихся в конспиративных целях под легальным названием товарищества литераторов «Західна Україна».

«Західна Україна», пережив ряд организационных этапов, за все время своего существования представляла собой место собирания и концентрации украинско-галицийских контрреволюционных сил. Эта группа членов УВО — литераторов, наряду с созданием националистической, фашистской по своему направлению литературы, использовала свои

связи и возможности как для связи с закордонными кругами националистической интеллигенции, так для выездов на село и вербовки повстанческих кадров из петлюровской сельской интеллигенции и кулачества.

В состав группы «Західна Україна» входили активные члены УВО Качанюк, Гирняк П. — по г. Харькову; Атаманюк, Козориз, Загул, Струхманчук — в Киеве; Гадзинский — в Одессе и др. Основными базами этой группы членов УВО были города Харьков и Киев.

Отдельные издательства, как например, издательство «РУХ» или «УРЭ», являлись прикрытием для контрреволюционной деятельности УВО. Так, издательство «РУХ», где работали Березинский, Лизанивский, Яворский А., являлось пунктом явок членов организации из заграницы, местом собраний, источником получения оборотных средств и финансирования организаций, а также идеологическим центром контрреволюционной националистической пропаганды.

«УРЭ» использовалась Чеховичем, Баданом-Яворенко, Романюком и др. как в целях финансирования к.р. организации, так и для личного обеспечения членов УВО. Многочисленные корреспондентские связи давали возможность членам УВО, работавшим в «УРЭ», сноситься с местными ячейками УВО.

Крупной ячейкой, состоявшей в основном из членом Всеукраинского руководства и актива УВО, была ячейка научно-исследовательского института совстроительства и права, куда входили: Романюк, Чехович, Сарван, Демчук, Лозинский, Веретко, Романишин. Этой группой осуществлялось проталкивание членов УВО в судебные органы УССР, как в центре, так и на периферии, а также расстановка членов организации — юристов в коллегиях защитников в гг. Одессе и Виннице. Большинство членов этой ячейки являлись агентами иностранных разведок, в пользу которых проводили работу по шпионажу.

Члены УВО Романюк, Чехович, Романишин и другие имели большие связи среди партийцев и использовали эти связи не только для собирания агентурных материалов для иностранных разведок, но и для отыскивания неустойчивых элементов из членов партии и вербовки их.

Ячейка УВО в Географо-картографическом институте в Харькове поставляла для иностранных разведок топографические данные о приграничных местностях Украины. Эту работу проводил академик Рудницкий с группой аспирантов, в числе коих находился активный член УВО, прибывший с заданием из-за кордона, Бабьяк Василий.

[...]

По линии советских, административных и хозяйственных учреждений ячейками УВО охвачены были: Наркоминдел, Госплан, Наркомпрос, Верхсуд, Трактороцентр, Укрколхозцентр, Киевская милиция и ряд областных, городских и районных учреждений.

Одним из чрезвычайно важных для УВО участков по линии сов. аппарата являлся Наркоминдел с его представительствами, как на территории УССР, так и за кордоном. В разное время в органах Наркоминдела работали члены УВО: в должности Зам. Уполнаркоминдела УССР — Максимович; в должности Зам. Уполнаркоминдела УССР — Тур Иван; в Варшавском посольстве — Максимович, секретарями посольства — Репа и Сияк Иван; в Варшавском торгпредстве — Верхомый-Конкевич; во Львове в консульстве — секретарем посольства* — Стронский и др.

Ячейки в органах милиции (Киев) имели для организации значение легального боевого звена. Они должны были являться при начале восстания базой, снабжающей восставших оружием, поставляющей командный состав и осуществляющей ряд террористических актов.

Более 10-ти членов УВО, из коих некоторые являлись одновременно агентами иностранных разведок и членами боевой группы УВО, служили в рядах Киевской милиции. В составе Киевской милиции работали такие члены УВО, как польские разведчики Кнышек, Беган, а также Шикула, Борис, Перляк и др., занимавшие ответственные должности по милиции.

---

* Так у документі. Правильно — консульства. — *Упорядники.*

Большое значение для развертывания работы УВО имели ячейки членов УВО, работавший в МОПРе и в ЗБД («Закордонное бюро допомоги»):

[...]

Зам. председателя ЦК МОПР Приступа, совместно с Репой, создали при Харьковском городском комитете МОПРа комиссию по делам политэмигрантов и иностранных рабочих. Эта комиссия являлась легальным прикрытием для работы УВО по приемке, размещению и вербовке из числа перебежчиков новых кадров. Тут же в этой группе членов УВО концентрировался учет сил организации. Члены УВО работали также в периферийных отделах МОПРа: в Днепропетровске — Теслюк, в Киеве — Баран и др.

Легальным прикрытием для деятельности организации служило также «Закордонное Бюро Допомоги» (ЗБД) при ЦК КП(б)У, в состав которого в последние годы входили: Букшованный, Зозуляк, Приступа, Сирко В.

[...]

Из привлекаемых в качестве обвиняемых 63-х членов КП(б)У, отдельные лица использовали партийный аппарат в интересах организации...: в Госпаркоме в Кривом Рогу — Сирко В.; в Горпаркоме в г. Харькове — Черняк Е.; в ЦК КП(б)У — Олейник, Тур; в Истпарте при ЦК КП(б)У — Виттек и Зозуляк.

[...]

На основании материалов следствия нижепоименованные лица, привлеченные по настоящему делу,

ОБВИНЯЮТСЯ:

1. **Бадан-Яворенко** Александр Иванович, 1894 г. рождения, урож. Галиции, быв. подпоручик австрийской армии, быв. секретарь председателя Директории Винниченко, быв. член с-д. партии Закарпатья, украинец, с 1924 по 1929 г. член КПЧ, затем КП(б)У, профессор института Профроба в Харькове, — обвиняется в том, что:

1. Являясь активным членом УВО на протяжении 1920–1933 гг., выполнял ответственные поручения на самых серьезных участках работы организации.
2. В первый период своей организационной деятельности, будучи за кордоном в Праге, Ужгороде, проводил широкую разложенческую работу внутри КПЧ, активно содействовал проникновению в ряды КПЧ членов УВО.
3. Был одним из организаторов переброски транспортов членов УВО на Украину.
4. С 1920 г. проводил шпионскую работу в пользу чешкой разведки, особенно усилив эту работу со времени переезда в Харьков «Закарпатского Представительства», являвшегося экспозитурой чешской разведки и ширмой для работы УВО.
5. Проводил шпионско-разведывательную деятельность в пользу Германии, осуществляя в то же время связь украинского центра УВО с закордоном через немецкое консульство.
6. Проводил активную работу по: а) организации боевой группы и подготовке к террористическим актам, б) руководству повстанческой деятельностью, в) вредительству на культурном фронте, г) размещению членов УВО в системе Наркомпроса, д) созданию ячеек УВО в ВУЗах,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–2, 54–4, 54–6, 54–8, 54–11 УК УССР. Виновным себя признал.

[...]

3. **Букшованный** Осип Иванович, 1890 года рождения, урож. Галиции, быв. офицер австрийской армии и командир бригады Галармии, быв. член КПЗУ с 1920 г., член Редколлегии органа ЦК КПЗУ «Наша Правда», — обвиняется в том, что:

1. Состоя активным членом закордонной УВО, проводил разложенческую и провокаторскую работу в КПЗУ.
2. По предложению Главного Штаба УВО был переброшен в 1933 г. на Украину для командования всеми вооруженными повстанческими силами во время предполагавшейся в 1933 г. интервенции.

3. По прибытии на Украину весной 1933 г. вошел в состав Всеукраинского центра УВО, участвовал в ряде совещаний Всеукраинского центра по подготовке к вооруженному выступлению, передал директивы закордонного центра подготовки к восстанию и был избран в состав руководящей оперативно-боевой тройки для составления и проведения в жизнь конкретного оперативного плана восстания.
4. Имел от Украинского центра УВО поручение связаться с грузинскими к-р. националистическими организациями по вопросу о подготовке общего вооруженного выступления, для чего выехал на Кавказ,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–2, 54–4, 54–8, 54–11, 54–13 УК УССР.
Виновным себя признал.

[...]

5. **Викул** Сергей Павлович, 1890 года рождения, сын попа, быв. член РСДРП с 1905 г., быв. член УСДРП с 1911 г. и в 1917-19 гг. член ЦК УСДПР, быв. член редакции центрального органа ЦК УСДРП «Робітнича Газета», член КП(б)У с 1929 г., зав. сектором Партиздата ЦК КП(б)У, — обвиняется в том, что:

1. Входя в Берлинскую группу УСДРП, участвовал в создании к-р. группы, замаскировавшейся вывеской Украинской коммунистической группы, и в ее деятельности, сводившейся к переброске в УССР к-р кадров для повстанческой работы.
2. В 1920 г. вступил в КП(б)У с целью ведения к-р работы, направленной к свержению Соввласти.
3. Принимал участие в работе к-р. группы членов УВО, проводивших разложенческую работу в КПЗУ.
4. Входя в центр на Украине, принимал участие в совещаниях, на которых разрешались вопросы подготовки вооруженного восстания, приуроченного к интервенции.
5. Будучи членом центра УВО, поддерживал связи с украинской к-р. эмиграцией, как во время своей поездки за кордон, так и через немецкое консульство в Харькове.
6. Передавал в немецкое консульство материалы разведывательного характера,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–6, 54–11 УК УССР.
Виновным себя признал.

[...]

7. **Войтюк** Яков Семенович, 1894 года рождения, урож. с. Сельцы Холмского уезда б. Люблинской губ. (Польша), сын зажиточного крестьянина, быв. депутат польского Сейма (с 1922 по 1927 гг.), бывш. член КПЗУ, член КП(б)У с 1924 г., окончил ВУАМЛИН, преподаватель соц. экономических наук в харьковских ВУЗах, — обвиняется в том, что:

1. Являясь активным членом УВО с 1924 г., принимал деятельное участие в разложении коммунистического движения на Холмщине.
2. Способствовал переброске членов УВО и польских агентов в УССР.
3. Проводил шпионско-разведывательную работу в пользу Польши.
4. Был связан с руководством Харьковского центра УВО и присутствовал на его совещаниях.
5. Вел работу по организации повстанчества и срыва сельхоз. кампаний,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–6, 54–11 УК УССР.
Виновным себя признал.

8. **Волох** Емельян Иванович, 1886 года рождения, украинец, уроженец Кубани, быв. штабс-капитан царской армии, быв. полковник Армии УНР, бывш. командир бригады петлюровской армии, в Красной армии был командиром роты, быв. боротьбист, член КП(б)У с 1920 г., председатель Укрбюро ВУКа союза шоферов, — обвиняется в том, что:

1. Принадлежал к Харьковской группе «УВО» и с 1931 г. входил в состав Всеукраинского центра организации.
2. Активно проводил работу по непосредственной подготовке вооруженного восстания на Украине, руководил рядом восстаний, имевших место на Правобережье и в пограничной полосе, являясь уполномоченным по повстанческой работе на Черниговщине.

3. Ведал диверсионно-террористической работой, к началу восстания должен был организовать ряд диверсионных актов (взрывы Киевского и Винницкого мостов) и провокационное покушение на представителя иностранного государства с целью ускорения интервенции против СССР.
4. Поддерживая личные связи с московским центром, присутствовал на его совещаниях, где делал информации о состоянии работы УВО на Украине и получал директивы по дальнейшей работе.
5. В апреле этого года был избран в состав тройки по подготовке и проведению восстания в 1933 г.,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 54–2, 54–4, 54–8, 54–11 УК УССР.
Виновным себя признал.

9. **Зозуляк** Иосиф Михайлович, 1900 года рождения, галичанин, сын рабочего, бывш. рядовой австрийской и галицийской армий, затем рядовой Красной Армии и политрук 45 дивизии, научный сотрудник Истпарта ЦК КП(б)У, бывш. секретарь ЗБД КПЗУ, быв. секретарь наркома просвещения УССР, руководитель пропгруппы ЦК КП(б)У в Николаеве, член КП(б)У с 1919 г., — обвиняется в том, что:

1. Являясь членом Харьковской организации УВО, участвовал в совещаниях актива организации и держал связь с представителями Московского центра УВО.
2. Был активным участником боевой террористической группы («боивки») в Харькове, намечавшей совершение террористических актов против ответственных руководителей Соввласти и партии на Украине.
3. Состоял с 1919 г. агентом польской дефензивы и по переезде в том же году на Украину, продолжал шпионскую работу, с 1928 г. по 1932 г. был связан с польским консульством (на его квартире были встречи с представителями польконсульства), передавал для польского и чешского консульств политинформации о настроениях отдельных частей Красной Армии, о состоянии села, о работе и положении в КПЗУ.
4. Передавал руководству организации секретные партийные и государственные документы, пользуясь своим служебным положением.
5. Использовал положение секретаря ЗБД для оказания материальной помощи членам УВО, для организации переброски и размещения прибывших из-за кордона членов УВО, для связи с закордонными центрами УВО и для насаждения повстанческих ячеек на местах,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–2, 54–4, 54–6, 54–8, 54–11 УК УССР.
Виновным себя признал.

[...]

15. **Репа** Тимофей Иванович, 1895 года рождения, урож. Галиции, лейтенант австрийской армии, член КПЗУ с 1920 г. по 1925 г., член КП(б)У с 1925 г., с 1922 по 1927 г. работал в Пресбюро, затем секретарем консульского отдела Советского Полпредства в Варшаве, до ареста — зав. обллитом в Харькове, — обвиняется в том, что:

1. Вступил в члены УВО в 1919 г. и, работая в Варшавском полпредстве, способствовал переезду на Сов. Украину членов УВО.
2. Прибыл на Украину в 1927 г. для подпольной контрреволюционной работы и вошел в состав Харьковского центра УВО.
3. Проводил большую шпионско-разведывательную работу в пользу Польши и был также связан по делам организации с представителями немецкого консульства в Харькове.
4. Входил в состав боевого отдела Харьковского центра УВО, после ареста руководителя этого отдела Романюка, возглавлял руководство, являясь одним из инициаторов и организаторов подготовки ряда терактов в 1933 г. на членов ЦК КП(б)У и правительства.
5. В апреле 1933 г. был введен в состав «тройки» по подготовке к вооруженному восстанию.
6. Провел большую подготовительную работу по организации повстанческой периферии,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–6, 54–8, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

[...]

19. **Сирко** Василий Петрович, 1899 года рождения, урож. Галиции, быв. сичевой стрелец, быв. член КП(б)У с 1919 г. быв. зав. Агитмасс ЦК КП(б)У, до ареста секретарь Криворожского городского партийного комитета, — обвиняется в том, что:

1. Состоял членом УВО, принимал активное участие в расколе КПЗУ, специально выезжал для этой цели за кордон, где участвовал в заседаниях УВО.
2. Участвовал на совещаниях руководства УВО, где разбирались вопросы по подготовке вооруженного восстания против Соввласти.
3. На Днепропетровщине и Донбассе организовывал группы УВО.
4. Работая в аппарате ЦК КП(б)У, информировал Харьковский центр УВО о материалах ЦК по сельскому хозяйству, промышленности и материалах секретного характера, каковые затем передавались в польское и немецкое консульства,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–6, 54–8, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

20. **Сияк** Иван Михайлович, 1887 года рождения, урож. Галиции, быв. лейтенант австрийской армии, быв. военный комиссар Подолии при правительстве Директории, быв. командир «железного отряда» при Петлюре, быв. член ЦК УСДП, директор Лингвистического ин-та в Киеве, член КП(б)У с 1919 г., — обвиняется в том, что:

1. В 1919 г., после развала петлюровского правительства, по заданию ЦК УСДП направился на Украину и со своим отрядом примкнул к повстанческим украинским к-р. силам, которые вели партизанскую борьбу с Красной Армией.
2. В 1920 г. вступил с к-р. целью в коммунистическую партию, вел разложенческую работу в период польско-советской войны и был одним из первых организаторов УВО на Украине.
3. В 1921 г. будучи секретарем полпредства УССР в Варшаве, поддерживал связи с украинской к-р. эмиграцией, с закордонным центром УВО и подпольем украинской контрреволюции в УССР.
4. Возвратившись в Харьков, принял активное участие в работе Харьковского центра УВО, вел основательную работу по группированию к-р. кадров УВО.
5. В 1930 г. переехал в Киев для усиления к-р. повстанческой работы на Правобережье, вошел в Киевский областной центр УВО, руководил работой УВО на Правобережье и являлся одним из руководителей Киевской «боивки».
6. Поддерживал в Киеве связи с польским консульством, передавая туда материалы шпионского характера,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–6, 54–11 УК УССР.

Виновным себя не признал.

21. **Сияк** Николай Михайлович, 1872 года рождения, урож. Польши, сын учителя, быв. офицер австрийской армии и УГА, украинец, гражданин УССР, доцент Всеукраинского института коммунистического образования, — обвиняется в том, что:

1. Являясь членом УВО с 1920 г., принимал активное участие в деятельности Харьковской организации УВО, присутствовал на ряде ответственных организационных совещаний.
2. В декабре 1930 г. был командирован Харьковским центром в Каменец-Подольск для конкретных директив Каменец-Подольскому руководству об активизации повстанческих кадров и о подготовке вооруженного восстания.
3. Проводил вербовку в к-р организацию в Харькове, Каменец-Подольске, Одессе,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–2, 54–4, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

[...]

24. **Тур-Запаренюк** Иван Петрович, 1890 г. рождения галичанин, быв. рядовой австрийской армии, быв. работник полпредства УССР в Праге, зам. Упол. НКИД УССР, член КП(б)У, — обвиняется в том, что:

1. В 1920 г. установил в Москве связь с группой членов к-р. организации — Конаром-Палащуком и др. и в составе этой группы вел к-р. работу, выполняя поручения группы, вплоть до заданий разведывательного характера.
2. В 1921–23 гг., работая в полпредстве УССР в Праге, передавал УВО информацию о работе полпредства.
3. Вернувшись на Сов. Украину, связался с к-р. организацией УВО и вел работу по заданиям организации, принимая участие в совещаниях центра, где обсуждались вопросы подготовки вооруженного восстания.
4. Будучи зам. уполн. НКИД на Украине, информировал УВО о секретных материалах для передачи их в польское консульство,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–6, 54–11 УК УССР.

Виновным себя не признал.

[...]

26. **Черняк** Евгений Иосифович, 1895 года рождения, из Галиции переселился в Россию во время империалистической войны, член КП(б)У с 1918 г., в 1930–32 гг. — зам. зав. Культпропа Окрпарткома и Горкома в Харькове, зам. директора Ин-та украинской культуры, — обвиняется в том, что:

1. Являясь в течение ряда лет активным членом УВО, состоял членом Всеукраинского центра УВО в 1932–1933 гг. и принимал участие в совещаниях центра по подготовке восстания в 1933 г. и срыву хлебозаготовок.
2. Являлся связистом между Харьковским и Московским центрами УВО.
3. Информировал закордонную увистскую группу КПЗУ о работе и директивах розламовской группы на Украине и принимал активное участие в подготовке раскола в КПЗУ.
4. Проводил к-р. вредительскую работу на культурном фронте, выражавшуюся в срыве выпуска статей и книг, в придании контрреволюционного направления работе издательства и в использовании этой работы для объединения укр. к-р. элементов,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 54–2, 54–7, 54–4, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

[...]

28. **Эрстенюк** Николай Васильевич, 1892 года рождения, урож. Галиции, украинец, по профессии — юрист, быв. лейтенант австрийской и галицийской армий, беспартийный, секретарь наркома просвещения УССР, — обвиняется в том, что:

1. Являлся членом «Украинской Военной Организации» с 1922 г. На Украину переброшен с конкретными к-р. заданиями УВО в 1924 г. с фиктивным партбилетом КПЧ.
2. В Харькове примкнул к руководству УВО и используя свое служебное положение сначала, как секретарь наркомюста, а в последние годы, как секретарь наркомпроса, сообщал организации секретные материалы.
3. Являясь агентом польской, чешской и немецкой разведок, передавал генеральным штабам этих государств через их консульства в Харькове секретные материалы и сведения, составляющие государственную тайну.
4. Являлся активным членом боевой организации УВО в Харькове, подготовлявшей диверсионно-террористические акты,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–2, 54–3, 54–4, 54–6, 54–8, 54–11, 54–13 УК УССР.

Виновным себя признал.

29. **Яворский** Алексей Климентьевич, 1892 г. рождения, урож. Галиции, быв. жандарм и офицер УГА, подданный УССР, быв. член КП(б)У с 1923 г., научный сотрудник Всеукраинской библиотеки при ВУАН и представитель издательства «РУХ» в Киеве, — обвиняется в том, что:

1. Являлся активным членом УВО, организатором и руководителем закордонной боевой группы, переброшен руководством УВО, а также польразведорганами на Украину для организации повстанческих отрядов и шпионажа.

2. Прибыв в УССР, вошел в состав Всеукраинского центра УВО и в руководство повстанческого комитета, а затем направлен был на руководящую работу по организации повстанчества на Правобережье Украины — в Киев.
3. Развернул большую организационную работу по подготовке восстания на Советской Украине в вербовке повстанческих кадров.
4. Войдя в состав сотрудников Развед-пункта 4-го отдела Украинского военного округа, проводил сбор и передачу материалов, представляющих государственную и военную тайну, сотрудникам и офицерам польразведки, а также закордонным центрам УВО; подставлял 4-му отделу Штаба Украинского военного округа членов УВО и агентов польской разведки в качестве сотрудников.
5. Использовал связь с 4-м отделом Штаба Украинского военного округа для осуществления связи между Всеукраинской и закордонной организациями УВО, поддерживая ее через членов УВО, сотрудников Разведупра.
6. Являлся одним из руководителей Киевской УВО и Киевской «боевой группы»,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–2, 54–3, 54–4, 54–6, 54–8, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

30. **Яловой** Михаил Николаевич, 1895 года рождения, украинец, по профессии литератор, редактор ЛИМа, быв. президент «Вольной академии пролетарской литературы» — «ВАПЛИТЕ», редактор журнала «Червоный Шлях», член КП(б)У с 1918 г., — обвиняется в том, что:

1. В 1919 г., будучи в составе боротьбистской делегации в Галиции, участвовал в переговорах с радикалами и эсерами о создании единого фронта против большевиков и в установлении связи с польско-петлюровским штабом.
2. Был членом подпольной боротьбистско-укапистской к-р. организации, подготовлявшей вооруженное восстание против Соввласти.
3. Принимал участие в к-р. деятельности УВО, участвуя на совещаниях центра УВО, на которых разрешались вопросы подготовки восстания и интервенции.
4. От лица Всеукраинского центра УВО держал связь с контрреволюционными ячейками и группами, насажденными в литературных кругах, являясь их руководителем.
5. Был связан с польским консульством в Киеве и передавал туда шпионские материалы,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–6, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

[...]

32. **Заяц** Николай Васильевич, 1896 года рождения, урож. Галиции, бывш. бунчужный сичевых стрельцов, подданный УССР, с высшим образованием, член КП(б)У, зам. директора Коммунального банка в Артемовске, — обвиняется в том, что:

1. Являлся членом УВО, в каковую вступил во Львове в 1923 г. В 1924 г. принимал участие в совещании, где стоял вопрос о создании повстанческих ячеек на территории УССР, и вошел в состав повстанческой пятерки.
2. В 1925 г. по поручению к-р. организации переброшен был на территорию УССР, где связался с членом руководства УВО — Яворским и по поручению последнего, развернул работу по вербовке новых членов УВО, как на территории УССР, так и в Галиции.
3. Состоя агентом польской разведки, проводил работу по переправе на польсторону и обратно членов УВО и подставлял Разведупру польских агентов.
4. Находясь в УССР, проводил работу по организации повстанчества в Вапнярском районе.
5. В 1931 г., работая в Донбассе, связался по заданию Яворского с членом УВО Игнатюком и передал последнему инструкции Яворского об активизации к-р деятельности в Донбассе,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–6, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

33. **Кнышек** Алексей Михайлович, 1896 г. рождения, урож. Галиции, служащий, украинец, подданный УССР, с 1928 г. член КП(б)У, пом. нач. охраны кооперативов в Киеве, — обвиняется в том, что:

1. Являлся членом УВО с 1920 г., вступив в организацию в Юзефовском лагере.
2. По директиве организации был переброшен в 1924 г. на территорию УССР и в целях маскировки снабжен фиктивным партбилетом.
3. Находясь в 1925 г. на работе в Киевской РК Милиции, занимался обработкой и вербовкой новых членов в организацию.

[...]

5. В 1932 г. был завербован польской разведкой, которой передавал ряд шпионских материалов, о ... состоянии Красной Армии, военной промышленности и т.п.,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–6, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

[...]

36. **Лозинский** Михаил Михайлович, 1880 г. рождения, урож. Польши, в 1918–19 гг. член галицийского правительства, тов. министра иностранных дел ЗУНР, украинец, подданный УССР, профессор Харьковского научно-исследовательского института строительства и права, — обвиняется в том, что:

1. С 1921 г. входил в состав актива организации, являлся участником ряда ответственных совещаний с участием Коновальца, Д.Палиева, К.Левицкого и др., и по поручению Коновальца в 1921 г. написал платформу УВО.
2. В своей практической деятельности являлся связующим звеном между УВО и к-р. организацией Грушевского, Шаповала и Григорьева.
3. Выехал по предложению руководства УВО в 1927 г. в УССР и весь последующий период, будучи связан с руководством Харьковского центра, проводил активную организационную работу по связи с закордонными центрами УВО и представителями укр. к-р эмиграции.
4. По заданию Чешской разведки вел шпионскую работу в УССР.
5. Держал постоянную связь с немецким консульством в Харькове и передавал через представителей консульств информацию о деятельности организации в Берлинский центр УВО, а также сообщал консульству сведения шпионского характера,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–2, 54–4, 54–11, 54–6 УК УССР.

Виновным себя признал.

[...]

40. **Терлецкий** Михаил Андреевич, 1907 г. рождения, урож. села Старый Самбор в Галиции, украинец, служил в польском флоте матросом, беспартийный, студент Педпрофоса в г. Харькове, — обвиняется в том, что:

1. Вступил в «Украинскую Военную Организацию» во Львове в 1931 г. В 1932 г. Львовским центром был переброшен на территорию УССР с целью проведения диверсионно-террористической работы.
2. Связавшись с руководителем боевой тройки УВО Теслюком, наладил связь между Харьковским и Львовским центрами УВО и получил сведения о посылке на Украину взрывчатых веществ для диверсионных целей.
3. Вошел в состав террористической тройки при Харьковском центре УВО и приступил к созданию среди студенчества боевых групп для проведения террористическо-диверсионных актов.
4. Собирал и пересылал в зашифрованном виде в адрес членов УВО и агентуры польской дефензивы секретные сведения о политическом и экономическом состоянии СССР,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–6, 54–8, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

41. **Тютюнник** Николай Антонович, 1896 г. рождения, урож. Галиции, б. унтер-офицер УГА, быв. член УСДРП, б. член КПЗУ, кандидат КП(б)У, украинец, с высшим образованием, старший референт сектора отд. кадров Укрлесхоза в Харькове, — обвиняется в том, что:

1. В 1921 г. вступил за границей в члены УВО. До отъезда на Сов. Украину проводил к-р. организационную работу за кордоном.
2. Будучи переброшенным в 1927 г. на Сов. Украину для подпольной к-р работы, привез Харьковскому центру директивы от Пражской организации УВО. Одно время входил в состав руководства Киевской УВО.
3. Являясь членом «боевого отдела» организации, использовал свою работу в аппарате Укрлесхоза в Киеве и Харькове для создания по лесхозам боевых повстанческих ячеек.
4. Лично вербовал новых членов организации и принимал в лесной аппарат прибывавших из-закордона членов УВО,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–7, 54–11, УК УССР.

Виновным себя признал.

[...]

43. **Ящун** Михаил Иосифович, 1895 г. рождения, уроженец села Шнырев в Галиции, галичанин, быв. прапорщик австрийской армии и офицер галицийской армии, беспартийный, подданный УССР, экономист Вукомпромсовета в г. Харькове, — обвиняется в том, что:

1. Принадлежал к «Украинской Военной Организации»;
2. В 1925 г. закордонным руководством УВО был направлен на Совесткую Украину для ведения подпольной к-р работы;
3. Являлся членом боевой террористической группы в 1933 г. и в апреле месяце должен был принять участие в совершении террористических актов на членов ЦК КП(б)У и правительства;
4. Проводил вербовку новых членов организации;

[...]

6. Проводил в пользу поляков шпионско-разведывательную работу в РККА, Осоавиахиме, на военных курсах, а также сообщал о числе тракторных единиц, расположении ремонтно-тракторных мастерских;
7. Поддерживал непосредственную связь с членами закордонных членов УВО,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–3, 54–4, 54–6, 54–8, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

44. **Демчук** Петр Иванович, 1900 г. рожд., уроженец Галиции, доброволец украинских легионов австрийской армии, командир сотни Галармии, быв. член австрийской компартии с 1920 г., член КП(б)У с 1929 г., руководитель кафедры диалектического материализма в Коминституте совстроительства и права, — обвиняется в том, что:

1. С 1920 г. до дня ареста состоял членом УВО, в 1925 г. был переброшен на Украину для к-р. работы, связался с руководством УВО в Харькове и являлся одним из активных членов ячейки УВО при ВУАМЛИНе;
2. Являлся членом «боивки» и принимал непосредственное активное участие в подготовке и разработке планов террористических актов против ответственных руководителей партии и Соввласти на Украине;
3. По поручению центра УВО на Украине выезжал для организации повстанческой работы в ряд районов и проводил разложенческую работу в колхозах.
4. Являлся агентом польской дефензивы, которой сообщал сведения о работе УВО в КПЗУ, о повстанческой работе на Украине, политинформации о положении села на Украине, проводил по заданиям дефензивы провокаторскую и разложенческую работу по линии КПЗУ;
5. Проводил к-р. вредительскую работу на культурном фронте, используя свою преподавательскую и литературную деятельность для пропаганды фашистских идей,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–2, 54–4, 54–6, 54–7, 54–8, 54–11, 54–13 УК УССР.

Виновным себя признал.

45. **Дятлов** Петр Юрьевич, 1883 г. рожд., урож. города Стародуб б. Черниговской губ., украинец, подданный УССР, б. член КП(б)У с 1926 г., профессор Института коммунального хозяйства в г. Харькове, — обвиняется в том, что:

1. Являлся членом Украинской к-р. организации, в каковую вошел в Вене и по заданиям которой прибыл на территорию УССР;
2. По заданиям организации осуществлял связь с Американским и Канадским филиалами УВО;
3. Был связан с резидентом Чешской разведки Воцедалеком;
4. Предоставлял свою кандидатуру прибывшим нелегально эмигрантам-боевикам, членам УСДРП и УВО,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–6, 54–11 УК УССР.

Виновным себя не признал.

46. **Рудницкий** Степан Львович, 1877 г. рожд., урож. г. Перемышля в Австрии, украинец, поданный УССР, директор Украинского картографического института, академик ВУАН, — обвиняется в том, что:

1. Будучи активным членом УВО с 1920 г., был переброшен в 1926 г. для организации к-р деятельности в УССР;
2. Входил в состав руководства Харьковской УВО;
3. Будучи сторонником немецкой ориентации, широко использовался организацией для связи с немецким правонационалистическими и фашистскими кругами и Берлинским руководством УВО с целью информирования их о работе УВО на Украине.
4. Проводил шпионско-разведывательную деятельность в пользу Германии;
5. Проводил вредительскую деятельность в Картографическом институте, изготовлял этнографические карты и проч. материалы по заданиям Берлинского общества «Ост. Европа», деятельность которого была направлена в интересах политики немецкой экспансии на Востоке, —

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–6, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

47. **Атаманюк** Василий Иванович, 1897 г. рождения, уроженец Галиции, быв. офицер австрийской армии, работал в разведке австрийской армии, б. боротьбист, украинец, б/парт., до ареста лит. редактор Киевского радиоцентра, — обвинялся в том, что:

1. Принадлежал к «Украинской Военной Организации» и являлся одним из руководителей Киевской организации УВО;
2. По его инициативе и под его руководством была создана в Киеве организация галицийских писателей «Заплуг», переименованная в 1925 г. в «Західну Україну», проводившая работу по организации к-р. повстанческих сил.
3. Поддерживая связи с представителями закордонных к-р. центров, руководил подготовкой повстанчества на селе, лично завербовал в организацию ряд новых членов, давал установки на вредительство в сельском хозяйстве.
4. Являясь членом Киевского центра УВО, поддерживал связи с областными организациями УВО на Украине и Московским центром.
5. Проводил вредительскую работу на литературном фронте,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–2, 54–3, 54–4, 54–7, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

48. **Бабьяк** Василий Васильевич, 1895 г. рожд., урож. Галиции, сын кулака, хорунжий УГА, с высшим образованием, до ареста — геолог Донбассводтреста в Харькове, — обвиняется в том, что:

1. В 1920 г. в Юзефском лагере вступил в УВО.
2. В 1927 г. по директиве организации был переброшен в УССР для подпольной к-р. работы.
3. В своей практической к-р. деятельности был связан с активными членами УВО Коссаком Г., Рудницким и др., принимал участие в совещаниях Харьковской организации и проводил работу по организации повстанчества,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

[...]

51. **Гарбуз** Антон Никитович, 1890 г. рождения, урож. села Гельмязево, украинец, гражданин УССР, сын кулака, бывший член КП(б)У, аспирант Института Ближнего Востока и преподаватель Машиностроительного ин-та в Харькове, — обвиняется в том, что:

1. С 1927 г. являлся членом УВО и проводил активную к-р. работу, поддерживая связь непосредственно с членами руководства в Харькове.
2. Проводил вербовку новых членов УВО,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

[...]

55. **Ильницкий** Владимир Владимирович, он же **Телепянович** Иосиф Иванович, рожд. 1898 г., уроженец села Ивашовки в Галиции, быв. унтер-офицер УГА, подданный УССР, зав. отделом снабжения Научно-исследовательского ин-та педагогики в Харькове, — обвиняется в том, что:

1. Вступил в «Украинскую Военную Организацию» в 1921 году в Киеве и как член таковой проводил к-р. работу.
2. Являлся связистом между Харьковским и Московским центрами УВО и грузинской к-р. организацией в Тифлисе.
3. Являлся членом боевой группы и принял в 1933 г. задание от центра УВО по организации взрыва в помещении ЦК КП(б)У и Госпрома.
4. Проводил вербовку в члены УВО,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–8, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

56. **Качанюк** Михаил Адамович, 1889 г. рождения, галичанин, б. офицер австрийской и галицийской армии, украинец, подданный УССР, с высшим образованием, по профессии литератор, служил референтом Всеукркомдрама, — обвиняется в том, что:

1. Находясь в 1921 г. в Праге был завербован в члены УВО Романюком, Чеховичем, Романишиным и др., в 1924 г. был переброшен для подпольной к-р. работу в УССР.
2. По заданию Харьковского центра организации проводил к-р. вредительскую работу в области литературы и искусства по линии агитации и пропаганды националистических идей.
3. Принимал участие в обсуждении вопросов активизации повстанческой деятельности и организации срыва мероприятий соввласти на селе,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

57. **Коник** Климентий Иосифович, 1888 г. рождения, из семьи судебного чиновника Саноцкого уезда в Галиции, экономист по образованию, офицер австрийской армии, жандармский офицер галицийской армии, член КП(б)У с 1920 года, руководитель сектора планирования науки Госплана УССР, — обвиняется в том, что:

1. Являясь членом закордонной организации УВО, остался в 1920 году, после окончания польско-советской войны, на Украине по директивам главного штаба УВО для проведения к-р. работы.
2. Занимая ряд ответственных должностей по линии народного образования, проводил активную работу на культурном фронте, организовал ячейку УВО в Житомире и активно участвовал в работе организации в Одессе.
3. Перейдя на работу в Харьков, был близок к всеукраинскому руководству УВО и проводил вредительскую работу в Главнауке и Госплане по линии подготовки кадров.
4. Передавал полякам материалы Госплана о состоянии промышленности Украины.
5. Проводил работу по насаждению повстанческих ячеек на периферии,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–6, 54–7, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

58. **Козориз** Михаил Кириллович, 1880 г. рождения, уроженец Галиции, б. секретарь министерства земледелия при Галревкоме, беспартийный, научный сотрудник ВУАН, писатель, — обвиняется в том, что:

1. Являясь одним из организаторов измены галицийской армии остался после ее поражения на Советской Украине по заданиям УВО.
2. Играл руководящую роль с 1925 г. по день ареста в Киевской организации УВО, лично вербовал в организацию, поддерживал связи с закордоном, руководил организацией повстанческих ячеек.
3. Принадлежал к руководству Киевской организации УВО, неоднократно выступал на совещаниях руководства, требовал ускорения сроков вооруженного восстания и являлся лицом, связывавшим киевскую группу УВО с наддніпрянской укр. к-р. организацией,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–2, 54–3, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

59. **Карбутяк** Василий Юрьевич, 1883 г. рождения, уроженец Галиции, быв. унтерофицер австрийской армии, с 1924 г. по 1925 г. член ЦК КПЗУ, украинец, подданный УССР, зав. агро-тех. базой Научно-исследовательского хим. института в Чугуеве. Исключен из партии в 1933 г. за бесхозяйственность, — обвиняется в том, что:

1. На протяжении 1920–1933 гг. принимал активное участие в организационной деятельности УВО в Америке, Чехословакии, Галиции и в УССР.
2. Проводил разложенческую работу в КПЧ и КПЗУ, был участником разгрома революционного движения на Западной Украине.
3. Будучи членом Харьковской организации УВО, был выделен Харьковским центром в террористическую тройку и получил конкретное задание о проведении теракта на тов. Постышева.
4. Проводил шпионско-разведывательную работу в пользу Польши,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–5, 54–8, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

60. **Коренковский** Павел Лукьянович, рожд. 1900 г., урож. села Сороцкое в Галиции, украинец, служил в австрийской и галицийской армиях, подданный УССР, быв. член КП(б)У, ассистент мединститута в Харькове, — обвиняется в том, что:

1. Являлся членом к-р. «Украинской Военной Организации».
2. По заданиям организации проводил внедрение в ВУЗах шовинистских элементов и членов УВО.
3. Проводил вербовку членов УВО среди сотрудников Мединститута и вовлек в организацию 4-х человек.
4. По поручению Харьковского центра УВО должен был в 1933 г. провести взрыв в здании ЦК КП(б)У,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–8, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

[...]

63. **Кузняк** Николай Григорьевич, 1895 г. рождения, украинец, сын кулака, б. офицер галицийской армии, член КП(б)У с 1920 г., профессор пединститута в Мариуполе, — обвиняется в том, что:

1. Являясь членом закордонной УВО с 1920 г., вступил в австрийскую компартию для проведения к-р. работы.
2. Переброшенный на Украину в 1924 г., проводил до последнего времени активную работу по подготовке повстанческих кадров, занимаясь лично вербовкой новых членов УВО.
3. В 1932 году, выезжая на село для проведения хлебозаготовок, организовывал повстанческие ячейки в ряде сел,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–2, 54–11, 54–13 УК УССР.

Виновным себя не признал.

64. **Марцинюк** Антон Андреевич, 1892 г. рожд. урож. Галиции, при гетмане и Петлюре работал в редакции армейских газет, б/парт., аспирант Каменецкой гидро-биологической станции, — обвиняется в том, что:

1. Являлся членом Каменецкой организации УВО, принимал участие в совещаниях к-р. организации, создавал повстанческие ячейки и осуществлял с ними связь.
2. Входил в состав руководства организации УВО, принимал участие в совещаниях к-р. организации, создавал повстанческие ячейки и осуществлял с ними связь.
3. Провел лично ряд вербовок членов УВО,
4. Собирал сведения о полит. настроениях в шпионских целях,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–6, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

[...]

66. **Олейник** Василий Онуфриевич, 1900 г. рождения, уроженец Галиции, украинец, б. унтер-офицер галицийской армии, на Советскую Украину приехал в 1919 г. с галицийской армией, член КП(б)У с 1922 г., научный работник и преподаватель коммунистических вузов, аспирант ВУАМЛИНа, — обвиняется в том, что:

1. Являясь членом УВО с 1920 г., в которой до последнего времени играл активную роль, организовал ячейку УВО в Школе Червонных Старшин, создал ячейки УВО в Красной Армии.
2. Поддерживал связи с представителями закордонных к-р. центров...
3. Являлся одним из руководителей подготовки вооруженного восстания на Украине, непосредственно занимался организацией и насаждением повстанческих ячеек, принимая активное участие в разработке планов повстанческой работы на совещаниях Харьковского центра УВО,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–2, 54–3, 54–6, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

[...]

68. **Плюндрас** Прокофий Васильевич, 1893 г. рожд., урож. села Дубрисин Жовковского уезда в Галиции, офицер австрийской и хорунжий галицийской армии, украинец, подданный УССР, беспартийный, технический руководитель из-ва «РУХ» в г. Харькове, — обвиняется в том, что:

1. С 1928 г. являлся активным членом УВО.
2. Проводил активную к-р. работу по связи и взаимному информированию внутри организации.
3. Принимал участие совместно с другими членами Харьковской организации в обсуждении вопросов, связанных с организацией саботажа вредительства, срыва мероприятий на селе,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

69. **Сарван** Алексей Григорьевич, 1893 г. рождения, уроженец с. Лапы, Галиция, быв. член Американской Социалистической Партии, б. член КП Америки, член КП(б)У, зам. директора Института совстроительства и права в Харькове, — обвиняется в том, что:

1. Прибыл на Украину для ведения контрреволюционной работы, вошел в состав Всеукраинского центра УВО в Харькове.
2. Являлся членом боевой группы УВО.
3. Проводил вербовки в повстанческие ячейки и создал ряд «боивок».
4. Будучи на сельхоз. кампаниях на селе, вел подрывную работу по срыву хлебозаготовок и др. мероприятий Соввласти.
5. Поддерживал сношения в контрреволюционных целях с представителями чужеземных капиталистических государств, производил сбор материалов о положении на селе, которые передавал для немецкой разведки.
6. Осуществлял связь Всеукраинского центра УВО с Американской и Канадской группами организации, получил из-за кордона «петицию канадских украинцев к Британской короне»,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–3, 54–4, 54–6, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

70. **Слюсарь** Григорий Иванович, 1886 г. рождения, уроженец с. Добровляны, Львовского окр. в Галиции, подданный УССР, украинец, жандарм Галармии, младш. унтерофицер австрийской армии, участник УГА, уполном. при Союзмолоке в г. Киеве, чл. КП(б)У с 1923 г., — обвиняется в том, что:

1. Будучи в лагере интернированных галичан в Чехо-Словакии, вступил в организацию УВО.
2. Для зашифровки своей к-р. деятельности прибыл на Украину с фиктивным партийным билетом КПЧ.
3. Проводил активную к-р. работу по расширению повстанческих кадров УВО, лично завербовал в организацию 8 человек.
4. Руководил работой по созданию повстанческой периферии.
5. Поддерживал связь с закордонными центрами УВО и польским развед. органами, —

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–3, 54–4, 54–6, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

71. **Туз** Иван Андреевич, 1894 г. рождения, уроженец Галиции, сын кулака, быв. унтерофицер австрийской армии и офицер галицийской армии, быв. член Компартии Чехословакии с 1920 г., кандидат КП(б)У с 1928 г., зав. производством фабрики наглядных пособий в Харькове, — обвиняется в том, что:

1. Являясь членом УВО за кордоном, по заданиям Пражского центра УВО проводил широкую разложенческую работу среди революционных организаций Закарпатья.
2. В 1927 г. закордонным руководством УВО переброшен на Сов. Украину для подпольной к-р. работы.
3. Проводил работу по организации «боивок» и насаждению ячеек УВО, занимался вербовкой членов организации.
4. Входил в состав Всеукраинской боевой группы и был намечен Всеукраинским центром УВО для проведения теракта над тов. Постышевым,

т.е. в преступлениях предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–11 УК УССР.

Виновным себя не признал.

[...]

73. **Фреев** Степан Михайлович, 1898 г. рождения, уроженец с. Нижне-Струтонь, Рожницкого уезда в Галиции, быв. прапорщик Галармии, украинец, гражданин УССР, б/партийный, доцент Украинского полиграф-комбината (ВУЗ) в гор. Харькове, — обвиняется в том, что:

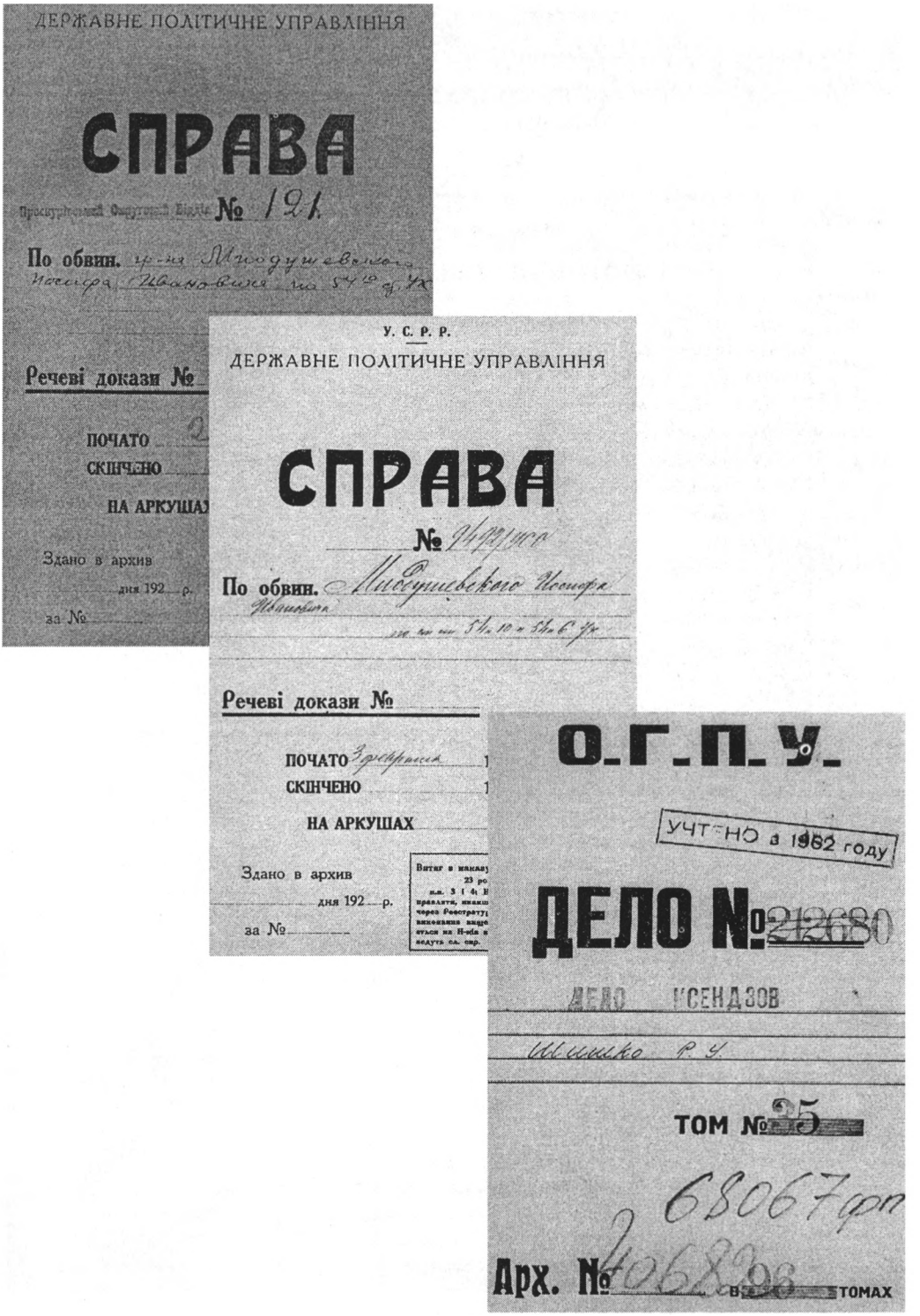
1. Являясь членом УВО с 1920–21 гг. и членом боевой группы УВО, он по заданиям Пражского центра организации выехал в 1924 г. на Советскую Украину с целью проведения к-р повстанческой работы.
2. Связавшись с членами центра УВО на Украине Коссаком проводил вербовку в к-р. организацию и сбор материалов разведывательного характера.
3. Вовлек в к-р. организацию ряд членов.
4. При начале арестов членов УВО через члена УВО Бадана принял задание Харьковского центра о проведении террористических актов,

т.е. в преступлениях, предусмотренных, ст.ст. 54–4, 54–6, 54–8, 54–11 УК УССР.

Виновным себя признал.

74. **Фурьер** Осип Миронович, 1898 г. рождения, уроженец Галиции, служил в австрийской и галицийской армиях, до 1928 г. состоял членом КПЧ, преподаватель Коростышевского педагогического техникума, — обвиняется в том, что:

1. Являясь активным членом УВО с 1923 г., по заданию закордонного УВО в 1926 г. влился в Чешскую компартию для разложенческой работы и для использования легальных возможностей в деле переезда в УССР.
2. Будучи за кордоном, по заданию руководства УВО наладил связь с членами УВО выехавшими на Украину и информировал Пражское руководство УВО о политическом состоянии УССР.



Обкладинки архівних слідчих справ ксьондзів Й.Міодушевського і Р.Шишка (1930 р.), що зберігаються у Державному архіві Служби безпеки України

Протоколи допитів ксьондза Й.Міодушевського від 16, 17, 18 січня і 4 лютого 1930 р. з його архівної слідчої справи

ПОСТАНОВА

про притягнення до відповідальности та про обрання заходів запобігнення.

м. Харьків 1930 року Лютого 26 дня, Уповноважений ДПУ УСРР Дрогдов розглянувши матеріяли передсудового слідства по справі № 112

ЗНАЙШОВ:

що в цих матеріялах маються данні про участь гр. Шишко Річарда Іустиновича в агітації проти мірогрійців Радвлади, в організації нелегальних учительських дмк-р роботи на користь Польщі, тобто передачі відомостей політичного змісту в Польщі

а тому, керуючись КПК УСРР і Постановою ВУЦВК від 10/X-28 року " Про уточнення функцій органів ДПУ та Прокурорського догляду"

УХВАЛИВ:

Притягти гр. Шишко Річарда Іустиновича по цій справі, як обвинуваченого по ознаках злочину, що його передбачено арт. 54-10, 54-11 та 54-2 КК УСРР та мірою запобігнення обрати утримання гр. Шишко Р. І. під вартою.

Копію цієї постанови надіслати до Прокурора Н.К.Ю.

...голосити обвинуваченому під росписку на цьому.

...ВАЖЕНИЙ: Дрогдов

Постанову мені об"явлено 26/V 1930 року

Обвинувачений: Р. Шишко

Постанова про притягнення до відповідальності ксьондза Р.Шишка від 26 лютого 1930 р. та фотознімок з його архівної слідчої справи

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

1933 года, февраля 2-го дня. Я, Оперуполномоченный СПО КООГПУ УССР, ПОГРЕБИНСКИЙ, произведя арест СИЯКА Ивана Михайловича, 1887г.р., члена партии с 1919г., директора Лингвистического Института, на основании распоряжения СПО ГПУ УССР,

П О С Т А Н О В И Л:

СИЯКА Ивана Михайловича спецконвоем направить сегодня, 2.Февраля, в Харьков в распоряжение СПО ГПУ УССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ: пакет с документами изъятыми при обыске.

ОПЕРУПОЛ.2 ОТД.СПО /ПОГРЕБИНСКИЙ/

СОГЛАСНЫ: НАЧ 2 ОТД. /ГОЛЬДМАН/

НАЧ СПО /МЕДВЕДЕВ/

УТВЕРЖДАЮ: [redacted] НАЧ КООГПУ /Розанов [redacted]/

Постанова про направлення заарештованого І.Сияка з Києва до Харкова у розпорядження СПВ ДПУ УСРР від 2 лютого 1933 р.

ГПУ—УССР

Ф. № 20/УСО

Сектор

Рай(Гор)Отделения

7 февраля 1933 г.

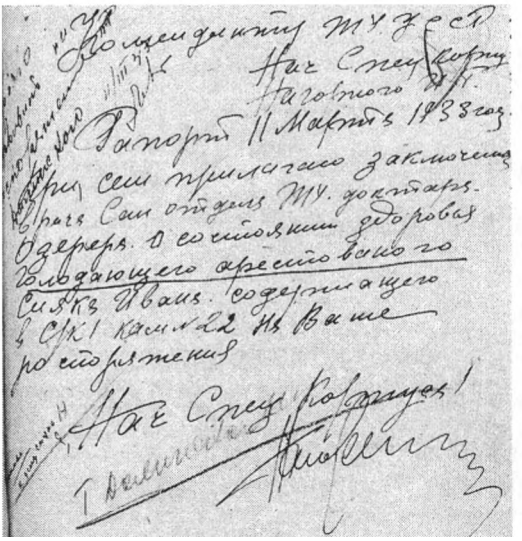
За дачу ложных сведений обвиняемый несет уголовную ответственность

АНКЕТА ОБВИНЯЕМОГО

1. Фамилия Сияк
2. Имя и отчество Иван Михайлович
3. Год рожд. 1887 4. Место рожден. Галиция г. Львов
5. Адрес г. Киев ул Карла-Маркса № 17 кв 10
6. Профессия Профессор 7. Профсоюзная принадлежность РОБОС
8. Место службы и должность или род занятий г. Киев Институт лингвистического образования Директор-Профессор
9. Социальное положение Служащий (Научный сотрудник Академии
10. Социальное и политическое прошлое сл. в Австрийской Армии вольноопределяющий - подпоручик запаса
11. Гражданство и национальность сеср Украинец
12. Образование Высшие 13. Партийность член ВКПБ № бил. — с 1919 г
14. Категория воинского учета 10, ком полит состав
15. Имущественное положение нет
16. Состояние здоровья гриппозное состояние, порох сердца, катар кишок
17. Сведения о прежних судимостях и нахождении под следствием был арестован в 1920 г за провокацию, 1903 г был арестован в Галиции за забастовку
18. Члены семьи (степень родства, место службы и должность или род занятий и адрес)—перечисляются: отец, мать, сестры, братья, сыновья и дочери жена 25 лет Настя Морозова г. Киеве преподавательница физкультуры. Брат 60 лет Николай Сияк в Харькове римарская ул № 19 кв 30 Преподаватель

Подпись обвиняемого [signature]

Анкета обвинуваченого І.Сияка від 7 лютого 1933 р.



Комендантуру ТУ УССР
Нач. Спецкорпуса
Нагорного И.Г.

Рапорт 11 Марта 1933 год.

При сем прилагаю заключение врача Сан отдела ТУ. доктора Озерера о состоянии здоровья Голодающего арестованного Сияка Ивана, содержащего в СКI кам. №22 на Ваше распоряжение

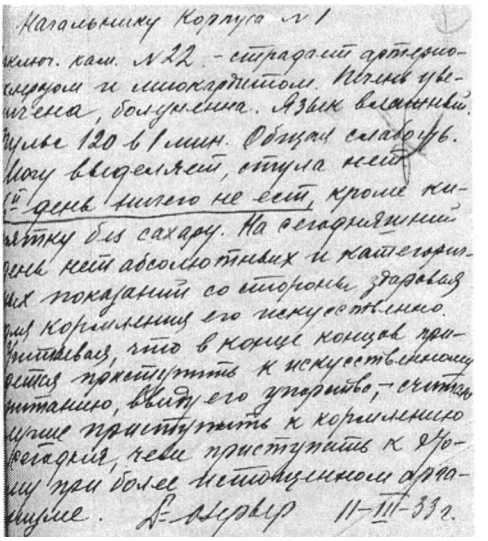
Нач. Спецкорпуса I

Начальнику Корпуса №1

Заключ. кам. №22 - страдает артериосклерозом и миокардитом. Печень увеличена, болезненна. Язык влажный. Пульс 120 в 1 мин. Общая слабость. Мочу выделяет, стула нет. 5-й день ничего не ест, кроме кипятку без сахару. На сегодняшний день нет абсолютных и категоричных показаний со стороны здоровья для кормления его искусственно. Учитывая, что в конце концов придется приступить к искусственному питанию, ввиду его упорства, - считаю лучше приступить к кормлению сегодня, чем приступить к этому при более истощенном организме. Д-Озервер 11-III-33 г.

2

Копия с копии



ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА №108/541

Судебной тройки при Колегии ДПУ УССР

~~Особого совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел УССР~~

от „1" октября 1933 г.

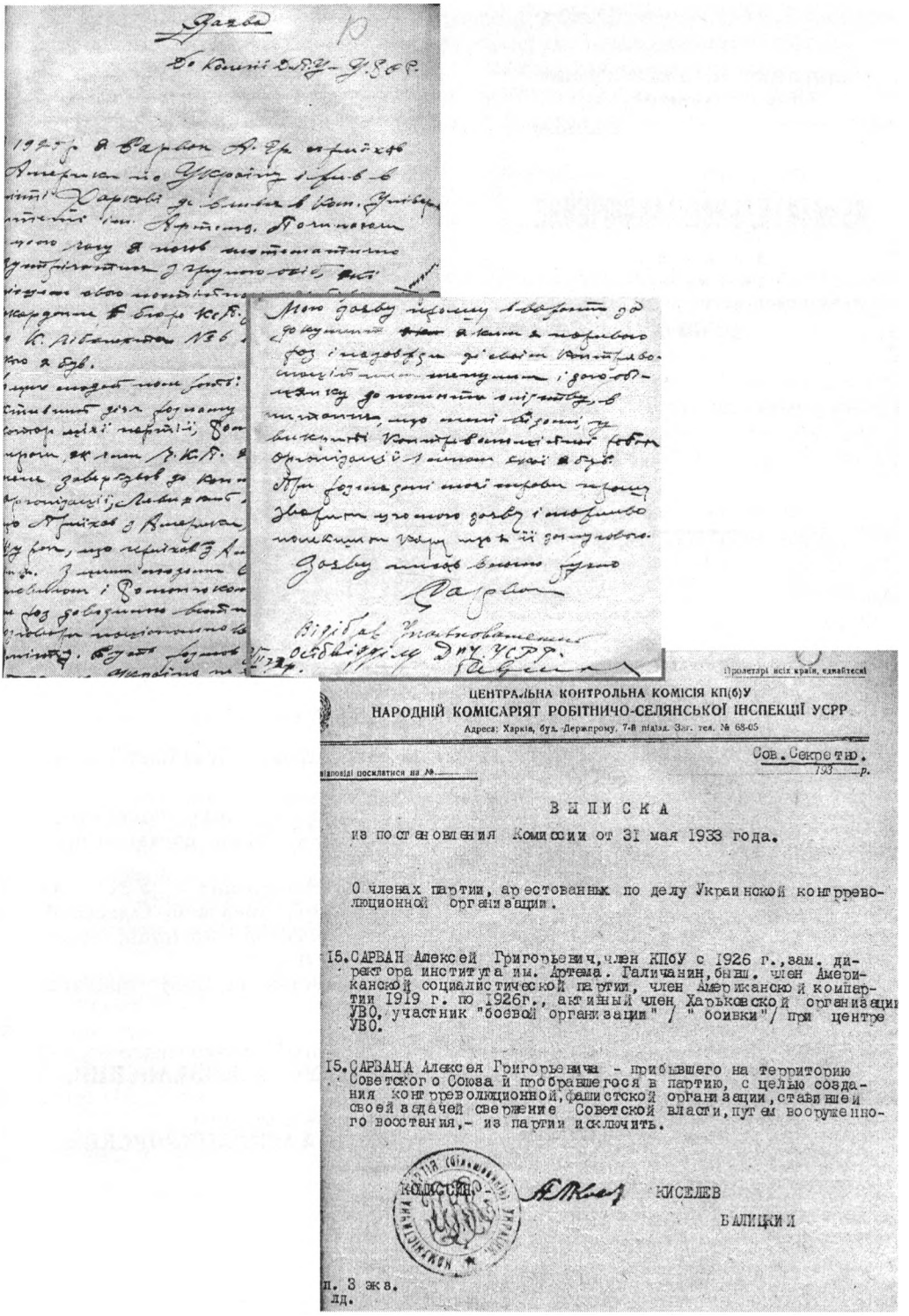
СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
...л 737/53856 СПО ...у УССР по обвин. Сияка Ивана Михайловича ...7 г. р. Ур. г. Львова ...ция - украинца ...о ст. 54-11 Ук.	Сияка Ивана Михайловича заключить в места лишения свободы подведомственные ОТУ срока на десять лет, считая срок с 2/II-33 г. Дело сдать в архив.

Отв. Секретарь Особого Совещания

Верно: Уполномоченный УСО УГБ НКВД УССР

Учетно-Стат.

Рапорт начальника Спецкорпусу № 1 І.Нагорного і висновок лікаря Санвідділу ДПУ УСРР Д.Озервера про стан здоров'я заарештованого І.Сияка від 11 березня 1933 р. та витяг з протоколу засідання Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР стосовно І.Сияка від 1 жовтня 1933 р.



Пролетарі всіх країн, єднайтесь!

ЦЕНТРАЛЬНА КОНТРОЛЬНА КОМІСІЯ КП(б)У
НАРОДНІЙ КОМІСАРІЯТ РОБІТНИЧО-СЕЛЯНСЬКОЇ ІНСПЕКЦІЇ УСРР

Адреса: Харків, буд. Держпрому, 7-й під'їзд. Зат. тел. № 68-05

Сов. Секретно.

відповіді посилятися на №

193 р.

ВЫПИСКА

из постановления Комиссии от 31 мая 1933 года.

О членах партии, арестованных по делу Украинской контрреволюционной организации.

15. САРВАН Алексей Григорьевич, член КПбУ с 1926 г., зам. директора института им. Артема. Галичанин, бывш. член Американской социалистической партии, член Американской компартии 1919 г. по 1926г., активный член Харьковской организации УВО, участник "боевой организации" / "боевки"/ при центре УВО.

15. САРВАНА Алексея Григорьевича - прибывшего на территорию Советского Союза и пробравшегося в партию, с целью создания контрреволюционной, фашистской организации, ставшей своей задачей свержение Советской власти, путем вооруженного восстания, - из партии исключить.

КОЛЛЕГИЯ: КИСЕЛЕВ

БАЛИЦКИЙ

п. 3 экз.
дд.

Власноручна заява заарештованого О.Сарвана до Колегії ДПУ УСРР від 23 лютого 1933 р. та витяг з постанови ЦКК КП(б)У про виключення його з партії від 31 травня 1933 р.

У. С. С. Р.

Государственное Политическое Управление

СЕКРЕТНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Сов. секретно

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПО ДЕЛУ

контр-революционной

„УКРАИНСКОЙ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ"

(„УВО")

ХАРЬКОВ
1933

УТВЕРЖДАЮ
Председатель Государственного
Политического Управления УССР
В. БАЛИЦКИЙ
20 октября 1933 года
г. Харьков

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу контрреволюционной организации, именовавшейся «Украинской Военной Организацией»(«УВО»), подготовлявшей свержение Советской власти путем вооруженного восстания.

ГПУ УССР раскрыта и ликвидирована широко разветвленная контрреволюционная организация, именовавшаяся „Украинской Военной Организацией" (УВО), которая вела активную повстанческую, шпионскую, диверсионную и террористическую работу с целью свержения диктатуры пролетариата на Украине, отторжения УССР от Советского Союза и установления фашистской диктатуры в форме „независимой" буржуазной республики.

Украинская Военная Организация была создана активными контрреволюционными кадрами украинско-галицийского воинствующего национализма, прошедшими закалку вооруженной борьбы в гражданской войне и активной повстанческо-шпионской деятельности, направленной против Советской власти.

Контр-революционная деятельность руководящего закордонного центра и подпольного центра УВО на территории СССР и Советской Украины протекала при самом тесном участии и политическом руководстве со стороны руководящих украинско-галицийских контр-революционных буржуазно-националистических партий.

Активное участие в деле создания УВО принимали лидеры украинской контрреволюционной эмиграции **Петрушевич, Винниченко, Грушевский, Шаповал** и др., руководившие той коалицией украинских буржуазных партий, которая была основной политической силой украинской контр-революции в борьбе против диктатуры пролетариата.

Эта коалиция создалась еще в период существования Центральной Рады в Киеве в 1917 году.

В нее входили, как правые либерально-буржуазные круги во главе с **Грушевским** (перекрасившимся в 1917 г. в „социалиста-революционера"), упорно искавшие соглашения с русскими кадетами и керенщиной

На основании изложенного

ПОСТАНОВИЛ:

следственное дело за № 737 направить на рассмотрение Судебной Тройки при Коллегии ГПУ УССР.

Справка: 1. Арестованные по настоящему делу содержатся под стражей в местах заключения согласно прилагаемого списка.

2. Дела в отношении лиц, входивших в „УВО" на на территории Харьковской, Киевской, Одесской, Винницкой и Днепропетровской областей, выделены в особое производство.

3. Вещественные доказательства по делу прилагаются по особому списку.

Зам. Начальника Секретно-Политического
Отдела ГПУ УССР **КОЗЕЛЬСКИЙ.**

„СОГЛАСЕН" — Начальник Секретно-Политического
Отдела ГПУ УССР **АЛЕКСАНДРОВСКИЙ**

10 октября 1933 г.

Перші дві і фрагмент останньої сторінки обвинувального висновку у справі «Української військової організації» від 10–20 жовтня 1933 р.

3. Будучи переброшен в 1929 г. в УССР, организовал письменную связь с пражским руководством УВО, систематически информируя о положении дел в организации.
4. По прибытии в УССР, установил связь с членами Харьковского центра.
5. Находясь на работе в Коростышевском техникуме, связался с к-р повстанческой группировкой из лекторов этого техникума и направлял деятельность группировки в духе установок УВО.
6. Принимал активное участие по линии организации повстанческих кадров,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–2, 54–4, 54–11 УК УССР.
Виновным себя признал.
[...]

76. **Шах** Иван Григорьевич, 1898 г. рождения, урож. Галиции, г. Куликово Жовковского уезда, быв. чл. КПЗУ, студент Художественного института в г. Харькове, — обвиняется в том, что:

1. С 1923 г. являлся членом УВО и входил в состав боевой группы.
2. По ликвидации УВО в 1933 г. прибыл на Украину с заданием от Львовского центра УВО для: а) выявления числа арестованных членов УВО; б) налаживания связей между оставшимися на свободе членами УВО и закордонными центрами; в) шпионажа; г) проведения вербовки и осуществления актов вредительства; д) подготовки организации к вооруженному восстанию;
3. Харьковским центром намечен был для проведения акта взрыва в Госпроме,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–2, 54–4, 54–6, 54–8, 54–11 УК УССР.
Виновным себя признал.

На основании изложенного

ПОСТАНОВИЛ:

следственное дело за № 737 направить на рассмотрение Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР.

Справка: 1. Арестованные по настоящему делу содержатся под стражей в местах заключения согласно прилагаемому списку.
2. Дела в отношении лиц, входивших в «УВО» на территории Харьковской, Киевской, Одесской, Винницкой и Днепропетровской областей, выделены в особое производство.
3. Вещественные доказательства по делу прилагаются по особому списку.

Зам. Начальника Секретно-политического
отдела ГПУ УССР Козельский

Согласен:
Начальник Секретно-политического
отдела ГПУ УССР Александровский

10 октября 1933 г.

ДА СБ України. — Ф. 13. — Спр. 117. — Арк. 1–215.
Друкарський примірник.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО І.ЯНКА

№ 76

Автобіографія І.Янка до 1917 р.
5 січня 1934 р.

Автобиография Янко Ивана Романовича до 1917 года

Родился 18 мая 1896 года в деревне Углах Голобской волости Ковельского уезда Волынской губернии в семье бедного крестьянина, имеющего 3½ десятины земли (в том числе 1½ десятины неудобной) на 9 едоков семьи. С 2-х десятин земли Полесской собираемого урожая еле хватало до февраля месяца, а потому большую часть года родным приходилось работать у кулаков и помещика поденно, чтобы как-нибудь прокормить семью до нового урожая. Особенное убожество обрушивается на нашу семью, когда во время русско-японской кампании отца мобилизуют на военную службу. Имея 15 лет от роду, старший брат Федор должен был заступить в семье место отца, а меня нанимают пасти коровы соседям. Пасучи коровы, я изучаю, при помощи одного гражданина, азбуку.

В 1906 году отец возвращается с военной службы. В это время уже подрос мой меньший брат Митрофан, который заступил меня как пастуха, а я начал ходить в Голобскую 2-х классную школу, каковую я окончил в 1911 году. В этом же году по постановлению общества в деревне Углах организовывают школу грамоты, где я работаю учителем за плату 30 рублей в год. Получив от ст. брата Федора, который уже работал поденным рабочим на железной дороге, соответствующее согласие на помощь, в 1912 году я вступаю во Владимир-Волынскую церковно-приходскую учительскую второклассную школу, каковую кончаю в 1915 году весною, а осенью меня призывают на военную службу, как досрочного призыва 1917 года.

На распределительном пункте в Пинске я получил назначение в 177-й пехотный запасный полк в Новгород Великий. При формировании батальона я попал в 4-ю роту, в которой пробыл до февраля 1916 года.

В феврале этого же года меня посылают в учебную команду. По окончании учебной команды меня оставили на должности отделенного к[оманди]ра там же. К концу 1916 года меня произвели в ст. унтер-офицеры и назначили командиром 3-го взвода и старшим обучающим роты. В учебной команде во время февральской революции 1917 г. я принимаю участие в аресте н[ачальни]ка команды и н[ачальни]ка бригады. Арестами командного упорствующего состава руководил прапорщик Арефьев, он же первый известил команду о перевороте, созвав в 12 часов ночи митинг.

Приблизительно в апреле месяце приказом по полку меня вместе с другими командируют в Виленское военное училище в Полтаву. Прибыли мы в Полтаву, когда уже набор был закончен, и нас опоздавших прикомандировали до полтавского воинского н[ачальни]ка до следующего набора. В связи с тем, что до набора пришлось ожидать почти 1½ месяца, опоздавших было отпущено в отпуск. Отпуск я провел в селе Адамовка В-Днепровского уезда (теперь Криворожский район), где в то время проживали мои родные, эвакуировавшиеся в 1915 году перед наступлением австро-германских войск.

В июньский набор я, благодаря прибытию большого количества командированных с высшим и средним образованием, не был принят. С низшим образованием оставшихся непринятыми было в количестве до 150 человек. От этих 150 человек была избрана делегация к военному министру с требованием разрешить прием для всех командированных. Военное министерство разрешило прием для всех с условием, что все должны выдержать экзамен за 6 классов гимназии без иностранных языков. После такого ответа почти все организовались в группы и наняли себе репетиторов за плату 20 рублей от человека. Я, не имея возможности заплатить таких денег, купил несколько книг и опять уехал к родным в Адамовку, подготавливаясь к экзаменам. В июле месяце после выдержания вступительно-

го экзамена меня зачислили юнкером Виленского военного училища. В Виленском военном училище я пробыл до 1 января 1918 года, то есть до расформирования училища. Демобилизовавшись, я прибыл в Адамовку, где в начале февраля меня было избрано секретарем в волостной беженский комитет при Адамовском волревкоме.

5/I–34 года *Янко*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1153. — Арк. 21–24.
Оригінал. Рукопис.

№ 77

Автобіографія І.Янка за 1918 р.
17 січня 1934 р.

Автобиография Янко Ивана Романовича за 1918 год

С февраля месяца по март месяц включительно, т.е. до оккупации В-Днепровского уезда, я работаю секретарем беженского комитета при Адамовском волревкоме. С приходом австро-германских войск начались массовые репрессии и, в первую очередь, вылавливание всех тех, кто имел отношение к ревкому. Чтобы избежать репрессии, во-первых, и, во-вторых, выяснить возможность возврата на родину родных, я уезжаю в Голобы. В Голобы тогда можно было выезжать без специальных пропусков.

Прибыв в родное село и убедившись на месте, что кроме окопов и бурьянов ничего не осталось, я написал родным письмо не срываться с места, ибо в противном случае грозит голодная смерть, а сам останавливаюсь в Рожищах в подыскании работы. В это время в связи с возвращением беженцев возобновляется эксплуатация узкоколейной конной железной дороги бывшей прифронтовой полосы для подвозки на родные места прибывающих беженцев.

В Рожищах открывается контора подъездных путей Рожище-Кошевка. Приблизительно в конце мая я получил место н-ка охраны этого участка, где и работал до конца года. Во время петлюровского восстания против гетмана я принимаю участие в разоружении державной варты, использовав для этого оружие охранников и несколько человек. Безболезненному и очень быстрому разоружению способствовало также и то обстоятельство, что стрелки коменданта города Ковеля приняли самое горячее участие в этом. (За неразрешением въезда в город Ковель комендатура гор. Ковеля была расквартирована в Рожищах.)

По свержении гетманата и приходе к власти Директории была объявлена мобилизация, причем мобилизованные Рожищской волости все направлялись в распоряжение петлюровского командующего Ковельской группой Куприйчука Игната, бывшего до того комендантом Ковеля. В связи с получением известий о том, что немцы должны будут начать эвакуацию и по ту сторону отхода, в первую очередь Голоб, и то, что со стороны Варшавы Ковелю угрожает занятие поляками, сформированная комендантская сотня была переформирована на боевую, которой я был назначен к-ром. В первых числах января я расположился с сотней вдоль прифронтовой полосы по Стоходу по обе стороны железной и шоссейной дорог. Приблизительно 15 числа января месяца немцы, узнав об этом, сорвали железнодорожный мост на р. Стоходе и начали жечь бараки, в которых раньше содержались военнопленные. И так по стопам отступающих германских частей я занимаю с сотней Голобы.

17/I–34 г. *Янко*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1153. — Арк. 25–27.
Оригінал. Рукопис.

№ 78

Автобіографія І.Янка з 1919 р. 21 лютого 1934 р.

Автобиография Янко Ивана Романовича с 1919 года по день ареста

С января месяца по конец февраля — в боях против поляков под Ковелем, Голобами и на Стоходе. С марта месяца по июнь месяц болел, пролежавши сначала в Рожищской больнице после контузии и воспаления легких до эвакуации Рожищ, а после эвакуации — в санитарном вагоне. С июня по август — в резерве при штабе 18-й дивизии. С сентября месяца по ноябрь месяц — писарем при штабе 21-й бригады 2-го Галицкого корпуса.

С ноября месяца по 19 декабря лежал больным на сыпной тиф в Проскуровском военном госпитале. Избегая репрессий деникинцев, будучи еще совершенно больным, я пробираюсь к родным на Екатеринославщину. Добравшись до Зиновьевска, я скрываюсь у родственника Янко Федора Даниловича до прихода Красной Армии. Приход Красной Армии — январь месяц 1920 года.

В январе месяце я выезжаю к родным, Адамовка В-Днепровского уезда (теперь Криворожье). С марта месяца по июль — секретарь Адамовского волземотдела. Целый июль месяц прошел в дороге по переезду на родину (ехали подводами). С августа месяца по конец сентября — председатель Голобского волревкома. С ноября месяца 1920 года по июль 1923 года — в лагере интернированных на Познанщине.

По возвращении в родное село на правах конфискованного, без будь-какого права отлучки, с обязательной явкой в полицию два раза в неделю, я всецело отдаюсь партийной работе, используя все легальные возможности и, в первую очередь, газету, становясь корреспондентом Луцкой газеты «Селянская Доля», издаваемой посольской фракцией до Польского Сейма. На отдельных примерах насилия над крестьянами помещицких лесников мобилизую внимание общественности на необходимости сплочения всех сил вокруг компартии как единственной верной защитницы интересов рабочих и беднейших крестьян.

Такую роботу мне одному пришлось провести не только в своем селе, но и в окружающих близлежащих — с. Новый Моссор, колония Старая и Новая Дуброва, село Майдан. За промежуток времени примерно полгода, в этих пунктах был выявлен и сгруппирован актив, регулярно выписывающий газету и проводящий коллективную читку, так что к моменту официального опубликования о выходе комфракций из Украинского посольского клуба, [нрзб.] состоялось предварительное совещание в Луцке на квартире б. посла Пащука с участием б. посла Приступы представителей с мест: В-Волынск — Яворский Николай, Голоба — Возный Тимофей, Луцк — Матиенко. Мне не приходилось принимать участие в этом совещании, ибо было поручено быть на страже, чтобы не нагрянула внезапно полиция.

По возвращении из Луцка было созвано заседание районного партийного комитета, на котором и было решено приступить к оформлению партийных ячеек. Секретарем РПК в то время был Возный Тимофей. Я по заданию РПК получил участок на юг от железной дороги, куда входили такие населенные пункты: кол. Божедаровка, д. Углы, Новый и Старый Моссор, колонии Новая и Старая Дуброва и Ново-Дворская волость. В продолжение февраля месяца 1924 года ячейки были оформлены в Углах, Новом Моссоре и Майданах. Секретарями ячеек были: в Углах оставался я, в Новом Моссоре — Байда, в Майданах — Майданский Максим. В остальных селах пришлось и далее ограничиться только разбрасыванием листовок и проведением работы по выявлению надежного актива.

Организовав ячейки, была развернута работа марксистско-ленинского воспитания. Однако недостаток соответствующей литературы был главным тормозом успешного проведения этой очередной задачи. Приблизительно в июне месяце к нам прибыл как функционер от ВК КПЗУ Форналь, и первое заседание РПК было посвящено оргвопросам, и первое — это выборы секретаря вместо Возного, который выбыл на территорию УССР.

Секретарем был избран Копанчук Филипп. На том же заседании было решено, чтобы силами РПК активизировать работу в Ковеле, Мациеве и др. местах. В Голобах создается база партийной литературы, налаживается техника доставки.

Приблизительно в сентябре месяце на одном из заседаний РПК по докладу Форналя принимается решение об организации Ковельского повиткома с местом пребывания в Голобах, ибо все старания и проведенная работа в самом Ковеле не дала возможности выявить надежный актив. Силы повиткома бросались в самые слабые места, и в первую очередь было обращено внимание на сам город Ковель и часть уезда с населенными пунктами, лежащими на северо-запад от Ковеля. Я получил Ново-Дворскую волость. Получив Ново-Дворскую волость, я в октябре месяце устраиваюсь репетитором семи крестьянских мальчиков в м. Озеранах, и тем самым создается полная возможность проведения партработы. В помощь мне, с согласия повиткома, дается еще Майданский.

Приблизительно в начале декабря месяца меня срочно вызвали из Озеран в Голобы. Прибыв в Голобы, я на квартире Зуба застал уже в полном составе Повитком и Форналя. Были присутствующими секретарь Копанчук, члены: Наумчик, Зубицкий и Зуб. На повестке дня был лишь один вопрос: доклад Форналя о революционной ситуации в Германии и о задачах в связи с этим компартии Польши. Из доклада явствовало, что в соответствии с решением ЦК КПЗУ необходимо немедленно приступить к организации боевых пролетарских дружин, необходимость организации таковых продиктована двумя обстоятельствами:

1) не дать возможности использовать революционно настроенное крестьянство Волыни украинским фашистам, которые начали активизировать свою работу в Дубенском, Ровенском и Луцком уездах;

2) организовав революционно настроенные элементы и подчинив их определенной дисциплине, будет исключена возможность стихийных поодиночных выступлений, и что, подчинив влиянию и руководству партии через выделение на руководящие командные места надежных, вполне проверенных членов партии, боевые пролетарские дружины станут солидной боевой силой партии, на каковую можно будет опереться в решающий момент борьбы.

Поскольку, как заявил Форналь, по этому вопросу было решение высших партийных организаций, дискуссии не открывали, а приняли к руководству и исполнению.

Далее Форналь сообщил, что такие пролетарские дружины уже организованы в В-Волынском уезде, что в общем уже охвачено до 1500 человек и что одним недостатком есть то, что нет соответствующего центрального руководящего органа этими боевыми дружинами, и сразу поставил вопрос о выделении на руководящую работу одного из членов повиткома, а другого из рядовых членов партии, но знакомого с военным делом. Первая кандидатура была названа Зубицкого, но, учитывая его личные качества, был дан отвод. Окончательно остановились на моей кандидатуре, несмотря на мое категорическое возражение. Я подчинился этому решению.

Второго выделили Куприйчука Исаака, и на моей обязанности было ему сообщить об этом решении и включить в работу. По договоренности уже с Форналем я должен был вместе с Куприйчуком прибыть в В-Волынск, где и должно было состояться первое организационное заседание штаба. Я уже не помню, какой пароль был дан мне для того, чтобы встретиться во В-Волынске с Форналем, но помню, что был дан адрес к Панасевичу, который по прибытию нас связал с Форналем, сделав встречу у будки железной дороги.

Встретившись с Форналем, мы отправились в с. Островок, $1^1/_2$ км от города, и на кв. Бондаренко, впоследствии, как выяснилось на В-Волынском процессе, провокатора, было устроено заседание штаба. Таким образом, в штаб от ЦК КПЗУ вошел Форналь, от В-Волынской организации — Бондаренко, нас двое — от Голобской организации. Из информации Форналя, о том, как обстоит дело с пролетарскими дружинами в В-Волынском уезде, я уловил, что организация их приняла сразу неправильный характер, громоздкая, не обеспечивавшая гарантии проникновения враждебного элемента и недисциплинированная.

Про себя я усомнился в действительности количественного состава, ибо это было ненормальным явлением, чтобы в одном уезде эта организация получила такие огромные размеры, в то время, когда в других уездах даже и зародков их не было. Изъявив желание лично повидаться с Крайцем (к-ром В-Волынской повстанческой бригады) и проверить действительность, я, кроме одного предложения — ввести строжайшую дисциплину порядком приведения всех членов к пролетарской присяге, текст которой я обещал выработать и предложить на утверждение партийной организации, отказался что-либо другое предпринимать.

На следующий день я имел встречу с Крайцем, и по тем данным, которые он мне представил, можно было констатировать, что пролетарскими дружинами охвачено до 800 человек. Оставил категорическое указание Крайцу не расширять количественно организацию, а, направив все внимание на проверку командных кадров и очищение от ненадежных и классово враждебных элементов, ожидать дальнейших указаний штаба, которому он с этого дня подчиняется и в первую очередь несет всю ответственность.

Во второй половине декабря на окружной партконференции был заслушан доклад, что проделал уже штаб, и доклад Крайца о состоянии повстанческой В-Волынской бригады. На этой же конференции и был апробирован текст пролетарской присяги, предложенный мною. На конференции, кроме членов Окружкома, был присутствующий и представитель ЦК КПП Завадский. После доклада Крайца Завадский задал мне вопрос такого содержания: «Возможно ли рассчитывать на успешный исход восстания на Волыни только силами Волыни?» Я ему ответил, что это был бы авантюризм, который расценивать иначе как провокацию революционного движения на Волыни нельзя. Успешный исход восстания может быть обеспечен лишь только при непосредственном руководстве и активном участии всего пролетариата Польши, и в первую очередь пролетариата Варшавы.

Получив такой ответ от меня, Завадский ответил следующее: «Работу пока продолжайте, как Вы наметили, я Ваше мнение доложу в ЦК партии, и решение по этому вопросу Вам сообщим». Оставив текст присяги Крайцу и оставив указания о приведении всех остальных, я по возвращении в Голобы на повиткоме поставил вопрос о выделении членов партии, которые должны будут возглавить руководство пролетарских дружин в Ковельском уезде. Выделили таких тов.: для дружины Голобской — Байду Виктора, для дружины Угольской — Куприйчука Исаака, Мельницкой организации — Шклярука. Приводя каждого из них к присяге, было пояснено, что организация должна ограничиться только пятерками, на обязанности которых лежит выявить революционно настроенные пролетарские элементы, посредством которых выявлять оружие, имеющееся у крестьян, взять на учет это оружие, чтобы в решительный и любой момент можно было выставить боевую единицу.

Приблизительно в конце февраля месяца мне сообщили, что должно на днях состояться окружное совещание и, поскольку в самих Голобах опасно, желательно устроить это у меня в Углах. Я сообщил, что место совещания обеспечиваю и встречу всех представителей. Совещание происходило в землянке Климука Дмитрия. На совещании были присутствующие: из В-Волынского — Белецкий, Форналь; из Ковельского повиткома — Копанчук, Наумчик, Зуб; Верба из Рожищ, которая в это время пребывала на нелегальном положении в Голобах. Как уполномоченный от ЦК прибыл б. посол комфракции Пащук. На повестке дня был один вопрос: военная работа и, в частности, состояние боевых пролетарских дружин. После моего доклада содоклад сделал Форналь. В обсуждении приняли участие Копанчук, Верба и др. Подытоживая все, Пащук в конце сообщил, что актуальность в организации пролетарских дружин в таких размерах, как они приняты в В-Волынском уезде, отпала, и необходимо срочно принять все меры, чтобы распустить их. Единогласно было принято решение о роспуске, и тут же было поручено Форналю это решение провести в жизнь по В-Волынскому уезду. В Ковельском уезде это не представляло никаких осложнений. Было объявлено решение, и основной партийный кадр людей был переключен исключительно на партработу.

В ночь с 29 на 30 марта 1925 года начались массовые аресты на Волыни. Мне стало известно об арестах 30-го, когда брат мой Николай явился в Озеряны и сообщил, что по-

лиция у нас дома сделала обыск, вскрыв мой чемодан, забрала книжки и направилась через Гончеброды до Озерян. Отпустив сразу детей домой, я сказал хозяину, чтобы он на следующий день, когда соберутся дети, сообщил им, что больше занятий не будет, а сам через лес направился домой. Вскочив в землянку и посмотрев чемодан, сверив, что было забрано во время обыска, я сразу же ушел из дому. Узнав за сутки, что у арестованных т.т. никаких документов, которые могли бы служить серьезным основанием для обвинения, не найдено, я на следующий день пошел в Голобы, где и был арестован и в тот же день отправлен в Ковель.

В Ковеле сразу посадили в кино Одеон, где в одной комнате содержали до 40 человек следственных арестованных, в том числе в полном составе Ковельский повитком. Через неделю следствия со всей очевидностью стало ясным, какого характера был провал организации, и перед повиткомом был только один вопрос, чтобы сообщить ЦК о характере провала и принятии соответствующих мер для перемены места явок. Через неделю следствия, когда уже окончательно были засыпаны Копанчук и Наумчик, ночью в 12 часов в комнату вошли два чиновника с двумя полицейскими и, как потом сообщили мне, один из чиновников был сам Суйко (шеф дефензивы), а другой — знаменитый Шпицель. Войдя в комнату, вызвали пофамильно Зубицкого, Зуба, Копанчука, меня, Наумчика, Щесюка и под сильным конвоем привели в дефензиву.

В дефензиве вызывали поодиночке, и больше никто уже ни с кем не виделся. Третий по очереди был вызван я, и, как выявилось, это был допрос. Допрос продолжался не более 45 минут. Мне было предъявлено обвинение в принадлежности к компартии Западной Украины, причем принадлежность эту обосновали со времени пребывания моего председательствования в Голобском ревкоме, 1920 год, как будто мотивируя это официальным документом — анкетой, которую я заполнял в 1920 году. Зная прекрасно, что анкета моя вывезена во время эвакуации в 1920 году, о чем мне говорил секретарь укома партии т. Баринов в Рожищах, я категорически возражал против предъявленного мне обвинения, и дело кончилось тем, что от меня была взята подписка о невыезде.

Допрос проводил какой-то следователь, специально вызванный из Варшавы. Под конец вошел сам Суйко и, погрозив мне, заявил, что он через пару дней докажет мне, что я таки да принадлежу к компартии. Такой исход я отношу исключительно только к тому обстоятельству, что я, будучи под сильным надзором полиции, избегал всякой встречи с кем бы то ни было в Ковеле, чтобы этим самым не подвергать подозрению других т.т. Прийдя на вокзал, я там уже встретил Щесюка и Здетовецкого, тайняка полиции, который специально был брошен в гущу арестованных для определенной работы, которого нашими голобскими т.т. было расшифровано во время сидения в Одеоне и сообщено всем арестованным. Тот же Здетовецкий сказал, что Зубицкого тоже выпустили, и он пошел к какому-то знакомому и будет ночевать в Ковеле.

Прибыв в Голобы, я сразу же, зайдя на квартиру Копанчука, куда вызвали жену Возного, снабдив последнюю деньгами, отправил в Луцк к Пащуку с тем, чтобы она сообщила, какого характера провал организации, и получить указания для дальнейшей работы. На следующий день по возвращении Возной я получил такое указание: «Быть осторожными, для подробных указаний прибудет специальный человек».

На третий день аресты повторились. Я был дома в Углах, и так приблизительно около 12 часов дня брат мой, сидящий сейчас в Дрогобычской тюрьме, вызвал меня на двор. На дворе стоял Кареньга, который сообщил мне следующее: «Меня прислал к Вам Бенесько Олексей» передать, чтобы я скрылся, если не хочу быть арестованным, ибо полиция произвела уже аресты Щесюка, Киричка. Зубицкого он насилу спас, вытащив его из квартиры Адамчука, известного в Голобах как шефа главаря тайняков, и что несколько полицаев направилось для ареста меня. Получив такое сообщение, я перешел на нелегальное положение, на котором пробыл до 25 апреля.

Усиленные розыски полиции, отсутствие каких-либо документов создало положение, при котором мне далее оставаться на нелегальном положении в своем районе было рискованно. Я, держа связь через своего брата Александра с Бенеськом, уже секретарем РПК,

поставил вопрос перед Форналем: «Перебросить меня для работы в Галицию или Беларусь, снабдив надлежащими документами, чтобы я мог передвигаться с места на место, или же передо мной стоит вопрос идти в тюрьму». Форналь пообещал доложить в ЦК об этом и решение по этому вопросу сообщить.

Приблизительно числа 21 апреля ко мне явился Бенесько вместе с братом Александром и сообщил следующее: в связи с тем, что Форналь сам не мог быть у меня лично, поручил ему передать мне решение ЦК о том, что мне, в связи с невозможностью достать соответствующих документов и невозможностью переброски ни в Галицию, ни в Беларусь, разрешено отправиться в СССР, и поскольку сейчас в связи с тем, что из В-Волынского уезда пошла в направлении к границе целая группа, совершающая по дороге террористические акты, полицией стянуты силы, увеличена охрана границы, явки, которые были на границе, переменены, и ЦК не может взять на себя гарантии за благополучную переправку, а потому разрешено взять мне с собою т.т., которые уже расконспирированы и которым неминуем арест с тем, что, возможно, путь себе придется пробивать силой. Было сказано, что группу нужно иметь не менее 12 человек и с обязательством, чтобы я забрал с собой Зубицкого.

Было дано на дорогу 60 злотых польских и сообщен пароль «Форналь». Я наметил 4 человека, а именно — Майданский, Куприйчук, Кулацкий (если не ошибаюсь) и брата. Пятым был Зубицкий и я шестой. С этими людьми я и должен быть выйти. Я назначил место отправки Углы, где все должны были собраться, имея при себе оружие, преимущественно револьверы системы «наган».

В ночь с 24 на 25 апреля собрались к отправке Майданский, Куприйчук, Кулацкий, брат мой. Зубицкий должен был пристать к нам по пути в колонии Ориховщина. Однако встретил меня Бенесько и передал Хицевича Михаила, сообщив, что Зубицкий в таком состоянии, что идти не может. Тут же я узнал, что он скрывался у Хлапука, известного кулака на весь Голобский район. Впоследствии Корней Хлапук каким-то образом попал на съезд КПЗУ, который отбывался в Москве. Когда мне стало известным, я в свое время писал письмо через ЗБД Пашуку, указывая определенно, что Хлапук явный провокатор и неизвестно, каким путем он мог попасть на съезд, когда всем известно, насколько организация Голобская остерегалась этого классового врага. Приняв от Бенесько неохотно Хицевича, я еще должен был взять по дороге Мартынюка, как сказал мне Бенесько. С этими людьми я и отправился в направлении Сарны, где, как мне было передано, еще можно было рассчитывать на благополучный переход за границу.

Через пять дней я дошел до границы. В верстах 9 от границы мы встретили крестьянина, который за 10 злотых подвел нас к одному крестьянину в 5 верстах от границы, и последний, взяв за вознаграждение 30 злотых польских, подвел нас ночью к границе отдаленностью $1^1/_2$–2 км. Обходя осторожно польскую заставу, я перешел границу в районе Витчины, пройдя 4 км за границу на советскую сторону. Взяв с собою десятихатника, я отправился на сторожевую заставу № 4. После сдачи оружия и сообщения пароля нас приняли, потом отправили в отряд, а из отряда в Олевск. В Олевске пробыли до 3-х дней, откуда нас отправили в Житомир, в ГПУ.

В Житомире мы пробыли 7 суток. Пребывая в Житомире, насколько я теперь вспоминаю, мне сказали в ГПУ, что там есть группа во главе с Атласом, которая на днях перешла границу, и не знаю ли я об этом. Я ответил, что мне было известно перед отходом, что из В-Волынского уезда пошла сильная группа, но та ли — утверждать я не могу, и я изъявил желание повидаться с Атласом. Во время отдыха в саду, что я припоминаю очень смутно, на вопрос, откуда он и как перешел границу, Атлас рассказал, что они совершили нападение на камеру гминного суда, сожгли все документы, кого-то убили и отрядом отправились в УССР. Преследуемые полицией, они отходили с боем, и недалеко уже от границы в последнем бою у них погиб самый отважный товарищ, который почти сам сдерживал преследование полиции, метко стрелял с колена, однако в неравном бою был смертельно ранен, и они должны был его оставить, взяв только его часы и оружие. Убитый, как заявил Атлас, был в свое время помощником известного Даманского, который

оперировал в В-Волынском уезде, убитый своим же помощником из-за спора при дележке награбленного имущества.

Из Житомира меня отправили в Киев. Из Киева после истечения 9 дней при соответствующих документах я прибыл в Харьков в распоряжение Отдела политэмигрантов при ЦК МОПР.

Моя работа в УССР

С июля месяца 1925 года по март месяц 1927 года — Правление Укргосстраха в должности сначала контролера гарантийного страхования, впоследствии секретаря Правления. Председателем Правления был Левицкий Михаил, заместителем Иванов И.А., члены Правления Руденко Михаил, Гутовский А.М. и Галилеский Н.Д. Приблизительно в конце лета 1926 года председателем Правления был Солодуб П.К. Конфликтов по работе никаких не было.

С марта месяца 1927 года по август месяц 1929 года — заведующим окружной конторой Госстраха в Запорожье. Штат конторы, если не ошибаюсь, был количественно до 18 человек. Из ответственных работников в конторе были Евтушенко С.Ю., Павленко, Бондаренко, Бер. Из членов партии только один Кишлач и одна комсомолка Ситницкая Клара. Через пару месяцев я убедился, что такой аппарат с задачами, которые были поставлены в связи с развитием и расширением операций, не справится, и я поставил вопрос перед Правлением Укргосстраха о командировании в Запорожье вполне квалифицированных сильных работников. В процессе работы мною было вскрыто гнездо растратчиков при самом активном участии заведующего добровольно-неокладным страхованием Павленко, контролера окладного страхования Палазовой. Устранив от работы этих преступников и предав суду, я вторично поставил вопрос перед Правлением о командировании в Запорожье хотя бы 2-х сильных работников. В результате был командирован Павловский Н.И., работавший в Кривом Роге.

В процессе работы я окончательно убедился, что особой ценности как работник Павловский не представлял, болтун самопохвальства и до того с плохим прошлым, мною был уволен. Был снят с работы также и бухгалтер Бер — дворянин, а на место бухгалтера был назначен зав. деловод Ковалев. На место Ковалева был принят Сюссель, комсомолец, впоследствии в 1928 или 29 году арестованный ГПУ. Отношение к сотрудникам у меня было ко всем одинаковое как руководителя к подчиненным. Провинившийся получал соответствующее взыскание, а выполняющий в срок и добросовестно задание — благодарность.

С сентября месяца 1929 года по март месяц 31 года — Правление Укргосстраха в должности ст. инспектора и заместителя заведующего планово-оперативным отделом. Председателем Правления был Мазлах С.М., зам. председателя Денисенко Ф.К. и член правления Фролов. Из близких сослуживцев был ст. инспектор Кремер Евгений, с которым мы и прожили в одной комнате больше года. Никаких конфликтов по работе у меня не было.

С реорганизацией Правления и передачей системы Госстрахования финансовым органам, с 1 марта 31 года по 15 мая 1933 г. — руководитель страховой группы сектора массовых платежей. Руководителем сектора были Беринский, потом Козис, Горбенко и последним Лактионов.

С 15 мая 1933 года по день ареста — заместитель н-ка Управления Госстраха УССР. Сотрудники Управления: Голосков С., Гутовский, Курочка, Мирошниченко, Кобрин, Павленко, Логинов, Поздняков, Шуранова, Бойчевский.

В бытность ВИО н-ка Управления мною уволен из аппарата главный бухгалтер Управления Ковранский как чуждый элемент и не внушающий доверия. Больше особых конфликтов таких не было.

21/11–34 г. *Янко*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1153. — Арк. 27–54.
Оригінал. Рукопис.

№ 79

Обвинувальний висновок у справі І.Янка 1934 р.

Следдело № 737

Обвинительное заключение

по делу Янко Ивана Романовича по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–4, 54–8, 54–11 УК УССР

В 1933 году ГПУ УССР разгромлена контрреволюционная диверсионно-повстанческая и шпионская «Украинская военная организация» (УВО). После разгрома основных кадров этой организации остатки ее перестроили свои ряды и вновь повели ожесточенную борьбу против советской власти.

Стремясь поднять дух для активной борьбы, уцелевшая часть организации по директивам закордонного центра УВО приняла в качестве основного метода борьбы индивидуальный террор против руководителей партии и советской власти. Для осуществления террористических актов против руководителей партии на Украине был создан ряд боевых террористических троек, ликвидированных ГПУ в момент подготовки террористических актов.

По этому делу арестован и привлечен в качестве обвиняемого Янко Иван Романович. Проведенным по делу следствием установлено:

Весной 1925 г. увовское руководство на Польской Волыни в составе Приступы, Волынца, Теслюка и Завадского разложило в значительной степени коммунистическую организацию. Используя обстановку разгрома, руководство УВО начало перебрасывать активных увовцев на Советскую Украину. Таким образом была переброшена на совсторону группа членов УВО во главе с бывшим петлюровским сотником Янко Иваном.

Прибыв в Киев, Янко при поддержке Максимовича — члена руководства УВО, прошел в партию.

Работая в системе Госстраха, под руководством активных членов организации Левицкого Михаила и Волоха, Янко проводил активную к-р работу, насаждая петлюровские и другие к-р элементы в низовые звенья страховых органов.

По показаниям Зозуляка, Янко был связан за кордоном с начальником Ковельской дефензивы, которого информировал о состоянии партизанского движения и делах КПЗУ. По показаниям Максимовича — члена Московского центра УВО, Янко проводил активную разведывательную работу в пользу поляков.

Работая в Запорожье, Янко был тесно связан с бывш. винницким петлюровским комиссаром Павловским. До дня ареста по работе в УВО соприкасался с такими активными членами организации, как Матиенко-Кривенко, Атлас, Возный-Максимчук, Приступа, Зозуляк, Сеничук и целым рядом других.

Брат Янко — Янко Александр разрабатывается по линии польского шпионажа. Жена Янко — дочь жандарма перешла нелегально на советскую сторону с некоей Берновской, которая привлекалась к ответственности за разведывательную работу в пользу Польши. Янко поддерживал письменную связь с братом Возного, который осужден на 5 лет концлагеря за польшпионаж.

Арестованный член УВО Хомяк Алексей показал, что он был завербован польской дефензивой, переброшен на сов. сторону и встречался в Харькове с Янко Иваном. Кроме того, последний знал, что член УВО Киричок Давид — агент польдефензивы, однако с ним тоже поддерживал связь.

Янко виновным себя не признал.

Таким образом, следствием установлено, что Янко являлся активным членом организации УВО, проводил до дня ареста разведывательную работу в пользу поляков, перешел

на сов. сторону во главе террористическо-диверсионной группы и был тесно связан с рядом членов к-р организации польских разведчиков, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 54–4, 54–8, 54–11 УК УССР. На основании изложенного

полагал бы:

дело Янко Ивана Романовича, 1896 г. рождения, уроженца дер. Углы Ковельского уезда, б. прапорщика царской армии и сотника петлюровской армии, украинца, подданства УССР, бывш. члена КПЗУ с 1920 года и КП(б)У с 1925 г., до ареста работавшего зам. начальника Управления Госстраха в Харькове, направить на рассмотрение Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР с ходатайством о применении к Янко высшей меры социальной защиты — расстрела.

Уполномоченный СПО ГПУ УССР *Проскуряков*

Согласен: Пом. нач. СПО ГПУ УССР *Долинский*

Утверждаю: Врид. нач. СПО ГПУ УССР *Козельский*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1153. — Арк. 70–72. Оригінал. Машинопис.

№ 80

Довідка у справі І.Янка 27 серпня 1935 р.

СПРАВКА

Янко Иван Романович, 1896 г. рождения, уроженец дер. Углы Ковельского уезда, б. прапорщик царской армии и сотник петлюровской армии, украинец, б. член КПЗУ с 1920 г. и КП(б)У с 1925 г. До ареста работал зам. начальника Управления Госстраха в Харькове.

В 1933 г. Янко привлекался к ответственности СПО ГПУ УССР по обвинению его в участии в террористической диверсионной группе, а также проводил разведывательную шпионскую работу в пользу Польши, являлся членом организации «УВО», т.е. по ст.ст. 54–4, 54–8, 54–11 УК.

Согласно постановлению Судтройки ГПУ УССР от 28 февраля 1933 г. Янко осужден к заключению в исправтрудлагерь сроком на десять лет, считая срок с 7/XII–33 г.

Вр. нач. УСО УГБ НКВД УССР *Мунвез*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1153. — Арк. 74. Оригінал. Машинопис.

№ 81

Довідка про реабілітацію І.Янка 4 вересня 1963 р.

Гр-ну Янко Николаю Романовичу село Углы-первые Рожищенского р-на Волынской области.

Высылаю Вам справки о посмертной реабилитации Ваших братьев Янко — Ивана Романовича и Александра Романовича.

По вопросу получения свидетельства о смерти Янко Ивана Романовича следует обращаться в Управление КГБ по Архангельской области — город Архангельск, Янко Александра Романовича — в Управление КГБ по Днепропетровской области — город Днепропетровск.

Приложение: 2 справки.

Зам. председателя ВТ КВО полковник юстиции Захарченко

Верно: Суд. секр. *Підпис нерозбірливий*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1153. — Арк. 82.
Оригінал. Машинопис.

№ 82

Запит у справі І.Янка
4 травня 1991 р.

КОНТРОЛЬНАЯ КОМИССИЯ
АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПАРТИЙНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ КОМПАРТИИ РСФСР

Управление Комитета государственной безопасности по Киевской области

Контрольной комиссией областной парторганизации рассматривается вопрос о партийной реабилитации Янко Ивана Романовича, 1896 года рождения, уроженца с. Углы Ковельского уезда.

По постановлению Судебной тройки при коллегии ГПУ УССР от 28 февраля 1934 года Янко И.Р. был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет, а на основании решения Особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 25 ноября 1937 года он расстрелян.

Определением Военного трибунала Киевского военного округа от 31 августа 1963 года оба ранее принятые постановления в отношении Янко И.Р. отменены и дела прекращены за отсутствием состава преступления.

Убедительно просим проверить, не находятся ли в уголовном деле документы, связанные с партийностью Янко И.Р.

Партийные архивы Харьковского и Киевского обкомов КП Украины сообщили, что данными документами об исключении из рядов ВКП(б) Янко И.Р. не располагают.

В своем объяснении он указывал, что состоял членом КПЗУ с 1920 года, а в 1925 году переведен в члены КП(б)У со стажем с 1925 года.

В период ареста в 1933 году Янко И.Р. работал заместителем начальника Управления Госстраха УССР.

Заместитель председателя контрольной комиссии
областной парторганизации *В.Елезов*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1153. — Арк. 89.
Оригінал. Машинопис на бланку.

№ 83

Довідка у справі І.Янка
21 травня 1991 р.

Заместителю председателя Контрольной Комиссии
Архангельской областной партийной организации
Компартии РСФСР
тов. Елезову
гор. Архангельск, пл. имени В.И.Ленина, 1

На Ваш № 179/кк от 4 мая 1991 года сообщаем, что в архивном уголовном деле на Янко Ивана Романовича имеется копия документа следующего содержания:

«Выписка из протокола № 120 Заседания Президиума ЦКК КП(б)У (проведено опросом 13.XII.1933 года).

26. Янко Иван Романович, г.р. 1896, член КП(б)У с 1925 г., член КПЗУ с 1920 года, служащий, украинец, образование среднее. Работал зам. нач. управления Госстраха Наркомфина.

Обвиняется в активном участии в контрреволюционной, фашистской организации, стремившейся к свержению соввласти путем вооруженного восстания.

За активное участие в контрреволюционной, фашистской организации — Янко И.Р. из партии исключить.

Зам. председателя ЦКК КП(б)У Кузьменко». Других документов, относящихся к партийности Янко Ивана Романовича, в материалах архивного дела не имеется.

Начальник подразделения Фомин А.В.

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1153. — Арк. 90.
Копія. Рукопис.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО М.ЯВОРСЬКОГО

№ 84

Обвинувальний висновок у справі М.Яворського
1934 р.

Следдело № 737

Обвинительное заключение

по делу Яворского Николая * по обвинению его в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–11, 54–8 УК

В ГПУ УССР поступили сведения о том, что после ликвидации в 1933 г. террористических групп УВО организовалась из остатков террористическая организация, ведущая подготовку к совершению террористических актов над руководителями партии и правительства.

Привлеченный по этому делу в качестве обвиняемого Яворский Николай, 1900 г.р., бывший рядовой Волынской сотни УГА. В результате проведенного следствия установлено:

* За документами справи, М.Яворський був позашлюбним сином, тому офіційно він не записувався по-батькові. — *Упорядники.*

Яворский Николай в 1923 г. вступил в Украинскую военную организацию УВО (л.д. 11, 12, 16) и, будучи членом УВО, по заданию руководства вступил в компартию для проведения в ней националистической работы (л.д. 12, 17). Будучи осужденным и находясь в польской тюрьме с 1925 по 1932 г., Яворский по заданию руководства УВО вел разложенческую националистическую работу среди коммун политзаключенных (л.д. 34, 37).

С осени 1933 г. Яворский принял по заданию центра руководство террористическими группами, ведя работу по дальнейшей подготовке терактов (л.д. 14, 15, 20).

С начала января 1934 г. Яворским Николаем были привлечены к террористической работе члены УВО: Максимюк, Клосс, Масаков-Чермуш и др. (л.д. 20, 23, 24, 69, 70). Арестованные по этому же делу Максимюк, Клосс и Масаков подтвердили факт привлечения их Яворским к террористической работе (л.д. 87, 89, 90, 97; д/ф 50, 51). Обвиняемый Яворский Николай виновным себя признал. Об активной деятельности Яворского Николая показывают арестованные: Гриценко, Хам, Сеничук, Клосс, Масаков, Мандель, Максимюк и др. (л.д. с 75 по 98 и д/ф). На основании изложенного

полагал бы:

дело по обвинению Яворского Николая, 1900 г.р., ур. Владимира-Волынска, служащего, украинца, подданного УССР, бывш. члена КПЗУ с 1924 г., в КП(б)У не переведен, бывш. рядового армии УГА, персонально обмененного как политэмигранта, — передать на рассмотрение Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР с ходатайствам о заключении его в исправтрудлагерь сроком на десять лет.

Справка: Обвиняемый Яворский Н. находится в спецкорпусе и с сего числа перечисляется содержанием за судтройкой. Вещдоков по делу нет.

Уполномоченный СПО ГПУ УССР *Хает*

Согласен: Нач. 2 отделения СПО *Долинский*
Утверждаю: Врид. нач. СПО ГПУ УССР *Козельский*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 3. — Спр. 1593. — Арк. 103–104.
Оригінал. Машинопис.

№ 85

Витяг з протоколу засідання Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР 25 травня 1934 р.

Ф. 11/УСО

Выписка
из протокола № 59/619 Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР
от 25/V–34 г.

Слушали:

2. Дело № 737/5709 СПО ГПУ УССР по обв. гр. Яворского Николая (без отчества) 1900 г.р., ур. г. Владимиро-Волынска, украинца, б. чл. КПЗУ, служащего, по ст. 54–8, 54–11 УК УССР.

Постановили:

Яворского Николая (без отчества) заключить в исправтрудлагерь сроком на десять лет, считая срок с 19/III–34 г.
Дело сдать в архив.

Верно: Секретарь Судебной тройки *Підпис нерозбірливий*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 3. — Спр. 1593. — Арк. 105.
Копія. Машинопис.

№ 86

Заява О.Яворської
3 травня 1960 р.

Прикарпатский округ, город Львов Прокурору УКГБ
от Яворской Ольги Матвеевны, проживающей г. Новоград-Волынск, Житомирская область, улица Леси Украинки, № 1

Заявление

Прошу Вашего распоряжения помочь разыскать моего мужа Яворского Николая, 1900 года рождения, который был арестован в Харькове 19 марта 1933 года, где работал, т.е. был в распоряжении ЦК. Сам он уроженец г. Владимира-Волынского. Приехал в Харьков как политзаключенный с группой обмена в апреле 1932 г. Польским капиталистическим судом в 1924 году был арестован и осужден на 15 лет каторги, что и просидел в Польше с 30 июля 1924 года по апрель 1932 г. Приехал в Советский Союз, прожил в Харькове несколько месяцев, тогда всех эмигрантов хватали, в том числе и моего мужа. Сколько тов. приехало — всех схватили и вывезли на Соловки, и по сегодняшний день я не знаю, где мой муж, жив или мертв. В Польше он был коммунист, хороший подпольный работник. Хочу знать, за что я переживаю все годы, что мой муж всю жизнь просидел в тюрьме в Польше, что был коммунист, а здесь за что.

А мне старухе на старости лет хоть побирайся, детей у меня нет.

Прошу не отказать в моей просьбе.

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 3. — Спр. 1593. — Арк. 108.
Оригінал. Рукопис.

№ 87

Довідка про М.Яворського
Жовтень 1960 р.

Секретно

Начальнику следотдела Управления КГБ при СМ Украинской ССР по Харьковской области

На Ваш № 06/8682 от 3 октября 1960 г.

Сообщаем, что в обработанных документальных материалах Центрального государственного особого архива, в фонде «Главное управление государственной полиции» буржуазной Польши, имеются следующие сведения о Яворском Николае.

Яворский Николай, внебрачный сын Марии, родился 18 марта 1900 г. во Владимире, проживал там же, по улице Флюрской, дом 10, украинец, крестьянин.

Приметы: рост 180 см, шатен, глаза карие, мизинец левой руки согнут.

По сведениям за август 1924 г. Яворский Николай был арестован за распространение коммунистических брошюр и 31 июля 1924 г. передан судебному следователю Владимирского уезда.

По сведениям за октябрь 1925 г. Яворский Николай был арестован за принадлежность к организации, которую полиция считала коммунистической и диверсионной, и передан судебному следователю Владимирского уезда.

10 января 1927 г. окружной суд в Луцке приговорил Яворского Николая к 15 годам строгого тюремного заключения с зачислением 1 года и 3 месяцев предварительного заключения.

10 декабря 1927 г. окружной суд в Луцке приговорил Яворского Николая к 8 годам тюремного заключения с зачислением 1 года предварительного заключения.

Основание: ЦГОА, ф. 312, д. 2572, л. 250 об.; ф. 312, д. 2573, л. 366 об.; ф. 312, д. 2575, л. 93; ф. 312, д. 2576, л. 30 об.; ф. 312, д. 2579, л. 449 об.

Сведений о принадлежности Яворского Николая к агентуре разведорганов буржуазной Польши не обнаружено.

Ваш запрос возвращается.

Приложение: запрос на 1 листе.

Начальник IV отдела Центрального государственного особого архива *Кавешников*

Научный сотрудник IV отдела ЦГОА *Баранский*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 3. — Спр. 1593. — Арк. 111. Оригінал. Машинопис.

№ 88

Висновок у справі М.Яворського 29 жовтня 1960 р.

Утверждаю
Зам. начальника Управления КГБ
при СМ УССР по Харьковской области
полковник *Решетов*

Заключение
по архивно-следственному делу

Следователь следотделения УКГБ при СМ УССР по Харьковской области ст. лейтенант Черноиванов, рассмотрев материалы проверки и архивно-следственное дело № 22045 на Яворского Николая (отчества нет), 1900 года рождения, уроженца г. Владимир-Волынска Волынской области, украинца, б. политэмигранта, гр-на СССР, б. члена КПЗУ, работавшего фрезеровщиком турбинного завода,

нашел:

Яворский арестован 20 марта 1934 года ГПУ УССР как член контрреволюционной украинской организации. Арест был произведен без санкции прокурора.

Решением Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 25-го мая 1934 г. Яворский осужден по ст.ст. 54–8 и 54–11 УК УССР к 10 годам ИТЛ.

10 ноября 1937 г. Особой тройкой УНКВД по Ленинградской области Яворский осужден к ВМН, и это решение приведено в исполнение 8 декабря 1937 года.

На следствии Яворский признал себя виновным в предъявленном ему обвинении и показал, что с 1923 года принадлежал к контрреволюционной организации «УВО».

В 1925 г. был арестован польскими властями как член КПЗУ и находился в заключении по 1932 год, до момента обмена советским правительством.

Прибыв в 1932 году в г. Харьков, установил связь с членами «УВО» Хоминым Н., Вантухом И., Ящуном, Кривенко-Матиенко и др., однако до мая 1933 г. активной деятельностью не занимался. В дальнейшем до дня ареста поддерживал связь с увистами Клоссом М.Н., Максимюком-Гопкало, Приступой Ф.М., Левченко и другими, с которыми подготовляли террористические акты против Постышева и Балицкого, но не совершили их.

К проверяемому делу приобщены выписки из показаний обвиняемых по другим делам Хама Н.А., Иваненко-Барабы, Сеничука, Ярошкевича, Манделя, Гриценко-Цивинского, которые в числе других лиц называли Яворского участником контрреволюционной организации «УВО», однако конкретных показаний о его практической антисоветской деятельности не давали.

Других доказательств виновности Яворского в деле нет.

Очные ставки между Яворским и другими обвиняемыми не проводились, свидетели о нем не допрашивались.

Проверкой установлено, что Вантух И.Д., Хомин Н.В., Приступа Ф.М., Бараба-Иваненко Г.В., Косар-Заячковский М.Т., Баян-Зарибницкий Б.П., Чичкевич М.В., Полищук В.Л. и Зайончковский Н.В., которых Яворский называл как членов «УВО», арестовывались, но в настоящее время все они реабилитированы.

Проходящие по показаниям Яворского участники «УВО» Мандель М.И., Клосс М.Н., Приступа Ф.И., Фарина П.Д., Максимюк-Гопкало Ю.Г., Хам Н.А. были арестованы в 1935–1934 г., и из архивно-следственных дел по их обвинению видно, что они называли Яворского участником УВО, но их показания об этом неконкретны, носят общий характер.

По данным особого архива СССР, Яворский Николай в августе 1924 г. был арестован польской полицией за распространение коммунистических брошюр, а в октябре 1925 г. арестован за принадлежность к организации, которую полиция считала коммунистической и диверсионной.

Окружным судом в г. Луцке Яворский был осужден 10 января 1927 года к 15 годам строгого тюремного заключения.

10 декабря 1927 года окружной суд в Луцке приговорил Яворского к 8 годам тюремного заключения.

В УКГБ по Харьковской области компрометирующих данных на Яворского не имеется.

Учитывая изложенное,

полагал бы:

войти с ходатайством перед судебными органами об отмене решения Судебной тройки ГПУ УССР от 25 мая 1934 г. в отношении Яворского Николая и прекращении дела о нем по ст. 4 п. «д» УПК УССР, т.е. за отсутствием состава преступления.

Следователь следотделения УКГБ при СМ УССР
по Харьковской области
ст. лейтенант *Черноиванов*

Согласен:
Начальник следотделения УКГБ при СМ УССР
по Харьковской области
подполковник *Самаркин*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 3. — Спр. 1593. — Арк. 171–173.
Оригінал. Машинопис.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО Р.МАКАРЕНКА

№ 89

Протокол допиту Р.Макаренка 21 червня 1933 р.

Протокол допроса обвиняемого

Макаренко-Леха Романа Игоревича, 1906 г. рождения, уроженца Польши, с. Добровляны, Дрогобычского уезда, украинца, политэмигранта, члена КПЗУ, служит аспирантом в г. Киеве в микробиологическом институте.

Начиная с 1925 года я работал в КСМ ЗУ, сначала в Добровлянах, а затем в Стрые, где был окружным техником под названием Иосиф Лех. С июня 1926 года я работал в г. Львове в центральном техническом аппарате вместе с Владимиром. Позже я работал в КСМ и КПЗУ, занимая разные должности. Перед луцким провалом я занимал должность центрального техника в КПЗУ. В январе 1931 года за активное участие в КПЗУ я был арестован в г. Львове вместе с Дудикевичем. Арест был произведен комиссаром полиции Зарембой, который руководил операциями по ликвидации КПЗУ. В день ареста мы были отправлены в г. Луцк и заключены под стражу в дефензиве, где пробыли 3 дня.

Во время допросов мне удалось узнать от Зарембы, что он использовал в качестве провокатора члена КПЗУ «Петрика» (по фамилии Козак), и здесь же отметил, что у него в качестве провокаторов работают даже члены ЦК КПЗУ, которые полностью разрабатывают КПЗУ.

Я, убедившись из этого разговора, что действительно Заремба полностью осведомлен о деятельности КПЗУ, сознался в своем участии в КПЗУ и дал показания не только о себе, но и о товарищах, которые мне были известны как члены КПЗУ, а именно: что в 1926 году я вместе с Владимиром, Ванькой, он же Чумак, он же Яворский, Козаком и Дудикевичем работал в центральном техническом аппарате КПЗУ и что принадлежал к коммунистической студенческой фракции, которой руководил «Лысый» — Копач.

Наряду с этим я сознался в том, что был связан по работе в КПЗУ с Мироном, Ванькой, Матвеем Яворским (он же Зеленый) и женой Германа (экономист) Розой, с которой меня познакомила ее подруга, а с подругой меня свел Ванька. Она-то должна была через меня получать литературу для какого-то товарища, которого я не знаю.

Там же, в дефензиве меня допрашивал следователь по особо важным делам Демонт, который, наряду с занимаемой должностью в суде, работает в дефензиве. Во время допроса Демонт мне заявил, что если я полностью сознаюсь, он из-под стражи меня освободит. Демонту я дал такие же показания, как Зарембе, после чего он мне заявил, что эти показания являются неполными и лживыми. После этого допроса я вместе с остальными арестованными был переведен в Луцкую тюрьму.

Вторично Демонт меня допрашивал в апреле 1931 года, и этот допрос был поверхностным. Во время допроса присутствовал еще один из арестованных, и здесь же Демонт мне заявил, что в скором времени будет слушаться дело в суде. Этот допрос Демонтом был произведен в Луцкой тюрьме. Демонт на мое ходатайство разрешил меня перевести во Львовскую тюрьму.

После этого я был вызван и препровожден в дефензиву к Зарембе. Здесь Заремба мне заявил, что будет держать меня под стражей до смерти или я должен дать согласие работать в пользу дефензивы. Из этой беседы я понял, что его особенно интересовал секретариат КПЗУ.

На предложение Зарембы я дал согласие работать в пользу дефензивы. Заручившись согласием, он указал, что мне будет устроен побег с поезда с тем, чтобы мое появление на

свободе не вызвало никаких подозрений. Наряду с этим я получил у него указания все свои донесения посылать по адресу: г. Луцк, до востребования. Будучи направлен во Львов, я в 40 км от г. Львова бежал с поезда.

Несмотря на устроенный мне побег, мое появление в среде коммунистов вызвало подозрение и они относились ко мне с недоверием, что и лишило меня возможности наладить связи с ответственными работниками КПЗУ, и полученное задание от Зарембы я не выполнил.

Вторично я имел свидание с Зарембой около Львова в Бжуховицах. Здесь Заремба мне предложил поехать в СССР для работы, но это нужно устроить так, что меня как будто командировала компартия. Для этого я должен был пробраться в Чехо-Словакию нелегально, где через МОПР выехать в Берлин для получения необходимых документов на право выезда в СССР.

По прибытии в СССР, по указаниям Зарембы, я с ним связи лично поддерживать не буду, а должен связаться на Украине с Чумаком или Лапинским, которые, по его заявлению, работают в пользу дефензивы. При встрече с Чумаком или Лапинским на территории УССР я должен был заявить пароль «Я втік з Луцька», после чего получу от них указания о проведении необходимой работы в пользу дефензивы.

От студента-комсомольца Чапельского я получил студенческое удостоверение, по которому я проживал сначала в Ивоничи, а затем в Чернице. В Чернице я получил пропуск через Карпаты и перешел в Чехо-Словакию. В Праге я явился в МОПР, откуда по предварительному соглашению с берлинской организацией я был отправлен в Берлин. В Берлине я имел встречу с Боробко, членом ПБ ЦК КПЗУ.

По постановлению Политбюро ЦК КПЗУ я был направлен на Украину.

По прибытии в Харьков я явился к Чумаку и в процессе беседы назвал ему пароль и рассказал о своей связи с Зарембой. Чумак мне заявил, что все в порядке, и здесь же отметил, что плохо только то, что ко мне относились как к провокатору, ибо здесь будут проверять. Чумака (Яворского) я знаю с детства. Родом он из Добровлян, отец его железнодорожник. Вместе с Чумаком я вступал в КСМ ЗУ. После он был на руководящей работе в КСМ, затем принимал участие в 3-м съезде КПЗУ.

После ликвидации КПЗУ в декабре 1930 г. Чумак был командирован в СССР, где пробыл до сентября 1932 года, после чего отсюда был послан обратно на работу по заданию Коминтерна. Писал он мне два раза, первый раз в ноябре 1932 г. из Берлина, и в этом письме упоминал, что о моих ходках в Польшу известно. Вторично писал он в мае 1933 года из Вены.

Лапинского я знаю с 1929 г., встретился с ним в первый раз в «Сельробе». Работал он на руководящей работе в ППС (левица). Сын помещика. Направлен в СССР также после разгрома КПЗУ и ППС (левицы). В Польше он известен как фракционер от меньшинства.

Я, будучи направлен Зозуляком в Киев по указанию Чумака, должен зайти к Лапинскому и сказать ему, что я от «Ваньки». Явившись к Лапинскому, я это выполнил и рассказал, что прибыл от Зарембы. Лапинский моим прибытием был очень доволен, но когда я ему рассказал о том, что меня в КПЗУ считают провокатором, — он высказал опасение.

В беседе с Лапинским последний мне рассказал, что он в своей к-р деятельности по заданию Зарембы связался с Яворским, но не сумел вклиниться к полякам, которых должен был организовать для проведения к-р работы на совтерритории в пользу Польши. Здесь же он отметил, что мне необходимо сначала ознакомиться с обстановкой на Украине, приобрести авторитет и зарекомендовать себя с положительной стороны. В этой же беседе Лапинский интересовался у меня адресами в Праге и Берлине, которые, по его словам, ему нужны для дела. Поскольку эти адреса мне были не известны, я не мог удовлетворить его просьбу. Позже, как мне известно, необходимые ему адреса он получил у Михенко и Мензата. Несколько позже мне удалось выяснить, что Лапинский вел часто деловую переписку с закордоном. Корреспонденцию из закордона он получал в адрес института и получаемые письма сразу уничтожал.

В Киев прибыл Чумак, который стал работать инструктором нацменов Областного комитета КОМ. По словам Михаила (Лапинского) мною интересовалось ГПУ, так что во

избежание провала меня ни с кем не знакомили и в работу не втягивали. Чумак упорно настаивал на необходимости мне повременить.

Когда Лапинскому стало известно, что Берлин узнал о его фракционной переписке с лицами, принадлежащими к меньшинству Польши, и о том, что его в партию не переведут, он решил бежать из СССР. Бегство из СССР он полагал осуществить таким образом: выехать на Дальний Восток, там пробыть полгода, оттуда пробраться в Монголию, а из Монголии направиться в Польшу, где остаться бесповоротно. В Польшу бежать таким образом Лапинский предлагал и мне, но я отказался, и мы остались в Киеве.

[...]

В тот период времени Чумак довольно часто выезжал в нацменовские районы на территории УССР, как-то: Мархлевск, Олевск, Пулино. Возвращаясь, он рассказывал, что крестьяне там голодают, живут в очень тяжелых условиях.

Впервые я совершил ходку в Польшу в мае 1932 года... и тогда Михаил мне поручил побывать во Львове, связаться там со студентом политехникума Синкевичем, которого я мог разыскать в чертежном зале. Для связи с Синкевичем я от Михаила получил пароль «Я від Міська» и задание наладить с ним деловую связь. Кто он — мне не известно, но если меня к нему направлял Лапинский как к своему человеку, то я делаю вывод, что он является работником дефензивы.

Задание Михаила я выполнил и связался с Синкевичем. Последний интересовался, принес ли я что-либо от Лапинского. Я ответил отрицательно, и после этого мы обусловили следующую встречу в том же месте.

Вторично... я был в Польше в июне 1932 года. Отправляясь в Польшу, я получил письмо от Лапинского для Синкевича, которое вручил ему по прибытии во Львов. По поручению Лапинского я должен был взять письмо у Синкевича, но из-за боязни обнаружения такового при возвращении в СССР я от Синкевича для Лапинского письма не взял.

После этой ходки я дважды... ходил в Польшу — раз в октябре и в последний раз в декабре 1932 г. В эти две ходки, как и в предыдущие, я по заданию Лапинского связывался с Синкевичем и передавал ему письма, полученные мною от Лапинского. Содержание этих писем мне не известно.

Лапинский мне рассказывал о своей контрреволюционной работе среди поляков в Киеве, проводимой им по заданию Зарембы, которую он, главным образом, проводит в институте СОЦВОСа и польском театре. В проведении этой контрреволюционной работы принимали участие:

1. Комсомолец поляк, фамилию его не знаю. Лапинский о нем отзывался как о хорошем организаторе.

2. Артист польского театра — фамилию не знаю. Лапинский мне охарактеризовал его как контрреволюционера до мозга костей. В этой же беседе Лапинский говорил, что все артисты польского театра — контрреволюционеры. Лапинский работал в худож. политсовете и поэтому имел обширные связи среди артистов польского театра, с которыми он ездил до Гуты-Шкляной (стеклянной).

3. Инженер-землемер из Мархлевска — фамилию не помню. Сейчас он находится в армии, в какой части, мне не известно, ведет переписку с Лапинским. В последний раз этого землемера я видел у Лапинского в январе 1933 г. перед его уходом в армию.

4. Снацкий — аспирант Института польской культуры. Лапинский отзывался о нем как о человеке, легко поддающемся трудностям. Снацкого, по словам Лапинского, Институт польской культуры командирует в ближайшее время в Польшу в научную командировку. Брат Снацкого живет в селе, где в 1931 году имело место восстание.

5. Органишек — научный работник Института польской культуры. Лапинский неоднократно говорил во время частых посещений Органишеком его квартиры, что он является одним из его близких людей в проводимой им к-р работе.

Перед моим арестом в марте 1933 г. я с Лапинским встречался очень редко, так как он жил у одного своего товарища Лося и дома бывал очень мало. Лось является уроженцем Варшавы, был членом КПП, в 1931 или 1932 г. прибыл из Польши на Украину, как член

партии не был утвержден и, кажется, принят только в кандидаты партии. В настоящее время Лось является студентом института СОЦВОСа.

Мне известно со слов Лапинского, что он в Киеве был связан с контрреволюционной группой Яворского, Михенко, Германа и с приезжавшими к Яворскому Максимовичем и Васильковым. Когда кто-либо из перечисленных лиц являлся к Яворскому, то всегда приглашался Лапинский.

Лапинский часто бывал в Харькове и Москве, где связывался с Копачем из Главлита, Хрусцелем-Бондаренко — быв. член ППС (левицы), в настоящее время работает в [нрзб.] при ЦК КП(б)У, а в Москве он связывался с Кленовичем — б. секретарем КПЗУ, ныне работает в редакции газеты «За индустриализацию», а также со многими поляками, проживающими в Москве.

Когда в Киеве начались аресты, особенно после ареста Яворского, Лапинский был очень взволнован, опасаясь своего ареста. В январе месяце 1933 года Лапинский, возвратившись из Харькова, упорно утверждал о том, что он вскоре по заданию Коминтерна поедет на подпольную партийную работу в Польшу по линии КПЗУ.

Тогда же Лапинский высказал опасение в том, что возможный его арест может помешать ему в этой поездке, и что если ему удастся выехать за кордон на эту работу, то он больше в СССР не возвратится.

В начале июня мне Лапинский говорил, что в конце июня он выедет в Харьков, а затем в Москву, откуда с заданием Коминтерна отправится за кордон на подпольную партийную работу, не заезжая в Киев.

Показания мои не полные. О всей моей контрреволюционной и шпионской деятельности и к-р деятельности других известных мне лиц я дам сведения дополнительно в последующих показаниях.

Макаренко

Допросил: Опер. уполномоченный ОО УВО и ГПУ УССР *Бренер*

Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 60830-ФП. — Т. 11. — Арк. 3–10. Копія. Машинопис.

№ 90

Висновок у справі Р.Макаренка 2 лютого 1934 р.

Заключение

по делу члена «ПОВ» Макаренко Романа Игоревича по ст. 54–6, 54–11 УК

Материалами следствия и признанием самого обвиняемого Макаренко установлено:

1. Макаренко, работая в Окружном комитете, а потом в ЦК КПЗУ, будучи арестован дефензивой, дал согласие на работу в пользу последней. Для маскировки своей провокаторской работы ему был подготовлен дефензивой побег во время его отправки из Луцка во Львов.

2. Встретившись после этого побега с видным работником дефензивы Зарембой, получив предложение от последнего выехать на Украину, связался с членом «ПОВ» Михайловым (Лапинским) и членом «УВО» Чумаком (Яворским), которых он знал еще по работе в комсомоле и КПЗУ.

[...]

4. По всем данным, несмотря на отрицание этого Макаренко, он был связующим звеном по заданию дефензивы между «УВО» и «ПОВ» и проводил в этом направлении работу. Это подтверждается тем, что Макаренко знает всех виднейших членов «УВО», был с ними близок, знал о провокаторской и к-р работе как по линии КПЗУ, так и на Советской Украине.

При личном опросе Макаренко признал, что он был завербован Заремба для работы в дефензиве, послан был той же дефензивой для работы по линии ПОВ и шпионажа на Советскую Украину.

Исходя из этого, учитывая соц. опасность Макаренко, с предлагаемой мерой соцзащиты — заключение в концлагерь ср. на 10 лет — согласен.

Прокурор Облотдела ГПУ *Хомич*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 60830-ФП. — Т. 11. — Арк. 87. Оригінал. Машинопис.

№ 91

Обвинувальний висновок у справі Р.Макаренка 2 лютого 1934 р.

Обвинительное заключение

по делу № 5555 по обвинению
гр. Макаренко Романа Игоревича
по ст.ст. 54–2, 54–11 УК

Органами ГПУ раскрыта и ликвидирована контрреволюционная организация, именовавшаяся «Польская военная организация» («ПОВ»), которая вела активную шпионскую, диверсионную, террористическую и повстанческую работу с целью свержения диктатуры пролетариата на Украине, отторжения УССР от Советского Союза и захвата ее польским империализмом.

Созданная в 1915 г. Пилсудским, «ПОВ» с 1918 г. развертывает на территории УССР, особенно на Правобережьи, широкую шпионскую повстанческую и диверсионную работу, являющуюся составной частью подготовки похода польских помещиков и буржуазии на Украину и оккупации Правобережья в 1920 г.

В целях маскировки своей работы и создания легальной базы для своей деятельности ПОВ широко практикует вливание своих активных членов в ряды коммунистической партии. Следствием установлено, что еще в 1919 г. при руководящем участии членов «ПОВ» была создана в Киеве так называемая польская рабоче-крестьянская коммунистическая партия, через которую проникли в ряды КП(б)У руководящие кадры ПОВ.

Следствием также установлено, что организация широко практиковала внедрение своих членов в компартию Польши и Западной Украины, которые проводили в рядах этих партий провокаторскую работу, а потом под видом политэмигрантов перебрасывались в СССР для шпионской и диверсионной работы, пополняя кадры «ПОВ» на территории Советского Союза.

Оправившись после ликвидации органами ЧК в 1921 г., «ПОВ» налаживает организационные связи, перестраивает свои ряды и восстанавливает деятельность организации. Следствием установлено, что деятельность организации особо активизируется после майского, 1926 г., фашистского переворота Пилсудского.

Организация развернула широкую шпионскую, диверсионную террористическую, вредительскую и повстанческую работу, имея основной своей задачей подготовку интервенции со стороны Польши и поднятия вооруженного восстания в момент интервенции. Опираясь на польские национальные и культурные учреждения, которые служили легальным прикрытием деятельности организации и базой концентрации ее основных кадров, ПОВ развернула широкую работу по насаждению ячеек организации в Киеве и на периферии, особенно в пограничной полосе.

ПОВ работала под руководством II отд. Польгенштаба, поддерживая систематические связи с закордоном через посредство польских дипломатических представительств в СССР пу-

тем посылки специальных курьеров по каналам связей, которыми располагали члены организации, проникшие в ряды партии и занимавшие ответственные государственные должности.

Показаниями арестованных по делу Скарбека, Политура, Михайлова, Лапинского, Органишека, Болина-Вернера и Моравской установлено, что активным членом организации являлся Макаренко Роман Игоревич. В своих показаниях указанные выше обвиняемые показывают, что Макаренко переброшен был на Украину для шпионской работы.

Привлеченный в качестве обвиняемого, Макаренко Роман Игоревич по ст.ст. 54–2, 54–11 УК виновным себя признал и показал, что родился он в 1905 г. в селе Добровляны (Галиция). По окончании сельской школы поступил в гимназию, каковую закончил в 1926 году. В том же 1926 году поступил в Ветеринарную академию, где учился до 1931 г. В 1931 г. он, как коммунист, был арестован поляками, а по освобождении приехал в СССР. В комсомол Зап. Укр. он вступил в 1925 г. в Добровлянах и в том же году поступил в КПЗУ.

В январе 1931 г. он был арестован дефензивой за активное участие в КПЗУ. Комиссар дефензивы Заремба на допросе предложил ему рассказать все известное ему о работе КПЗУ, за что обещал его освободить с тем, чтобы по освобождении сотрудничать в дефензиве. Согласие на предложение Зарембы он дал и рассказал обо всем, что ему было известно о работе КПЗУ. Чтобы зашифровать его освобождение, Заремба условился с ним устроить ему побег с поезда. Для этого его, Макаренко, повезли поездом и в 40 км от Львова он с поезда бежал.

Несмотря на подстроенный побег, коммунисты, с которыми он после побега начал встречаться, отнеслись к нему с недоверием, и это лишило его возможности связаться с ответственными работниками КПЗУ и выполнять задания Зарембы по освещению работы КПЗУ.

На свидании с Зарембой он, Макаренко, о его положении в КПЗУ рассказал, и последний предложил ему выехать в СССР для работы в пользу дефензивы. Для этого Заремба предложил ему пробраться в Чехословакию и там через МОПР направиться в Берлин для получения необходимых документов на право въезда в СССР, на Украину. В Харькове и в Киеве Заремба предложил ему связаться с Чумаком (Яворский) и Лапинским, от которых он и получит установки в работе.

Паролем для связи с обоими будет служить фраза: «Я втік з Луцька».

По прибытии на Украину он связался с Чумаком и Лапинским. При встрече с Чумаком последний заявил ему, что в первое время надо быть осторожным, так как ГПУ, безусловно, будет известно, что в КПЗУ к нему относились подозрительно...

Первую ходку в Польшу он совершил в мае 1932 г. ... и тогда же Лапинский поручил ему связаться со студентом Политехникума Синкевичем и наладить с ним связь. Никаких писем на этот раз он от Лапинского для передачи Синкевичу не получал. Задания Лапинского он выполнил, причем Синкевич очень интересовался, нет ли письма от Лапинского. Второй раз... он ходил в Польшу в июне 1932 г. На этот раз он от Лапинского для Синкевича получил письмо, которое вручил ему по прибытии во Львов. По поручению Лапинского он, Макаренко, имел взять у Синкевича письмо для него, но из боязни обнаружения такового при возвращении в СССР он письма не взял.

...Он переходил границу еще в октябре и декабре 1932 г. При всех ходках он от Лапинского получал письма и передавал их Синкевичу.

На основании изложенного Макаренко Роман Игоревич, 1906 г.р., уроженец с. Добровляны (Польша), служащий, аспирант Микробиологического института, украинец, со слов несудившийся, бывший член КПЗУ, обвиняется в том, что:

1) Начиная с 1931 года являлся сотрудником польской дефензивы, выполняя роль провокатора в КПЗУ.

2) С того же 1931 г. по день ареста являлся членом Польской военной организации, ставившей себе целью отторжение Украины вооруженным путем в пользу Польши.

3) Являясь членом указанной организации и будучи переброшен для контрреволюционной работы на Украине, ...переходил в Польшу, выполняя роль связного между агентами дефензивы на Украине и дефензивой в Польше.

Деяния эти предусмотрены ст.ст. 54–2, 54–6, 54–11 УК.

А посему

полагал бы:

Дело № 5555 по обвинению Макаренко Романа Игоревича по ст.ст. 54–2, 54–6, 54–11 УК направить на рассмотрение Судтройки при Коллегии ГПУ УССР с ходатайством о применении к нему меры соцзащиты — заключение в концлагерь сроком на десять лет.

Справка: Обвиняемый Макаренко Роман Игоревич содержится под стражей при тюрподе КООГПУ и с сего числа перечисляется содержанием за С/Т при Коллегии ГПУ УССР. Вещдоков по делу нет.

Уполномоченный сл. гр. *Ямпольский*

Согласен: Нач. следгруппы *Гольдман*

Утверждаю: Зам нач. КООГПУ *Чердак*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 60830-ФП. — Т. 11. — Арк. 82–86. Оригінал. Машинопис.

№ 92

Витяг з протоколу засідання Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР 26 лютого 1934 р.

Ф. 11/УСО

Выписка

из протокола № 28/588 заседания Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР

от 26/XI–34 г.

Слушали:

Дело № 5555/55569 Киевского облотдела ГПУ по обв. гр. Макаренко Романа Игоревича, 1906 г. р., ур. с. Добровляны, Польша, украинца, служащего, б/п, по ст. 54–6 и 54–11 УК УССР.

Постановили:

Макаренко Романа Игоревича заключить в исправтрудлагерь сроком на пять лет, считая срок с 11/VII–33 г. Дело сдать в архив.

Верно: Секретарь Судебной тройки *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 60830-ФП. — Т. 11. — Арк. 88. Копія. Машинопис на бланку.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО С.ЯРОСЛАВЕНКА

№ 93

Витяг з протоколу № 6 у справі С.Ярославенка 8 грудня 1929 р.

Из протокола № 6 заседания по проверке и чистке ячейки ин-та педагогики от 8 декабря 1929 г.

Слушали: 3. Ярославенко Степан Семенович, год рождения 1893, партстаж с сентября 1920 г. (в карточке с мая 1921 г.), партбилет № 0711843, соц. происхождение — из рабо-

чих, соц. положение — служащий, образование — гимназия, филологический факультет Венского университета, основная профессия — педагог, производственный стаж — 16 лет. Выполняемая работа в момент проверки — ректор ЗИНО и научный работник ин-та педагогики. До 1917 г. — учился.

В Красной Армии был с марта 1920 г. по июль 1920 г., в белой армии был в галицкой армии с ноября 1918 г. по ноябрь 1920 г. В др. партиях не был, партнагрузки — чл. бюро ячейки, в бригаде на «Серпе и молоте», в бригаде по массовой работе. Вне ин-та по мобилизации ЦК, по пионерслету, по набору 1000 в с.х. ин-т, заочные курсы КДР. Партвзыскания были по Херсону в 1925 г., при проверке вынесен выговор за зажим по работе в КПО, в 29 г. по линии РКИ — вынесен строгий выговор по работе в ЗИНО.

Выступавшие тт. отмечали со стороны т. Ярославенко зажим самокритики, бесхозяйственность по линии издательской работы ЗИНО, неумение сработаться с коллективом. После окончания чистки в комиссию поступили заявления от т. Песковского о намеренном изменении выписки из протокола правления о получении аванса. О выдаче авансов в счет литературных работ лицам (хорошим знакомым), непосредственно не имеющим отношения к ЗИНО и до сих пор не сдавшим своих работ.

Поступило в комиссию заявление от т. Григорьева о взятых т. Ярославенко неоправданных авансах в сумме свыше 900 руб.

Постановили: ввиду того, что для выяснения всех выдвинутых обвинений против т. Ярославенко необходимо самое глубокое обследование ЗИНО, комиссия считает необходимым передать дело для глубокой ревизии в КК РКИ.

Выписка взята из материалов партархива Харьковской области.

Зав. партархивом Харьковской области *А.Шаповал*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1881. — Арк. 128. Оригінал. Машинопис.

№ 94

Наказ № 99 по Харківському державному педінституту 7 грудня 1933 р.

§ 1

Проф. Ярославенко припустив в своїх теоретичних роботах низку буржуазно-націоналістичних теорій, а також явно класово-ворожі теорії націоналістичного, лівацького та троцькістського характеру («10 років світового піонерського руху», «Станемо на оборону братів», «Рік народження 1917»), не розгорнув критики своїх помилок після ухвал червневого Пленуму КП(б)У, після ухвали ЦК КП(б)У про «УНДІП та Т-во Педагог-Марксис.», після ухвали листопадового Пленуму ЦК та ЦКК КП(б)У, тим самим сприяв дальшому просуненню цих класово ворожих теорій в маси студентства і практичних робітників ДКР. Не забезпечив керівництва кафедрою та її нормальної роботи в галузі провідної дисципліни ДКР. Припускав в своїй роботі зажим критики та самокритики з боку студентів.

Проф. Ярославенка зняти з роботи керівника кафедри ДКР та позашкільної освіти та звільнити від викладання курсу ДКР як носія класово ворожих, буржуазно-націоналістичних теорій.

§ 2

Призначити т.в.о. зав. кафедри доцента т. Войтінську. Доручити кафедрі негайно розподілити керівництво дипломовими роботами, виправивши невірні настанови, що були дані Ярославенком в попередній консультації дипломникам. Кафедра повинна організува-

ти критику помилок Ярославенка по всіх відділах й особливо на відділі ДКР, широко притягнувши до цього студентів-випускників.

Директор ХДПІ — Подольський

Пом. директ. по учб. частині — Попов

Секретар — Головко

З оригіналом згідно — *Підпис нерозбірливий*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1881. — Арк. 21. Копія. Машинопис.

№ 95

Додаток до протоколу № 47 засідання президії Районної контрольної комісії у справі С.Ярославенка 21 грудня 1933 р.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума РайКК — РКИ Дзержинского района от 21/XII–33 г. по делу зав. кафедрой КДР Харьков. Пединститута т. Ярославенко С.С., члена партии с 1921 г.

1) Президиум констатирует, что т. Ярославенко-Предун *, по национальности галичанин, в 1920 г. (вступив добровольно в добровольческий украинский полк хорунжим) вместе с галицкой армией принимал активное участие в борьбе против Соввласти.

2) В КПЗУ Ярославенко-Предун вступил по рекомендации контрреволюционеров Барана, Гаврилова, Соколянского и этими же лицами был рекомендован в 1921 г. в компартию большевиков.

3) Ярославенко-Предун признает, что до вступления в компартию был ярым националистом, но по вступлении в партию изменил свои взгляды и перешел на сторону большевиков и стал ярым защитником Соввласти, однако все время пребывания Ярославенко остался тем же националистом и не только не исправился, но наоборот, вел борьбу, всячески извращая ленинскую национальную политику.

Так, напр., Ярославенко написал брошюру под названием «Інтернаціональне виховання піонерів та учнів шкіл соцвиху» и брошюру «Станемо на оборону братів» тоже для пионеров. Эти брошюры с начала до конца пропитаны духом национализма, в них нет ни одного слова о классовой борьбе галицийского пролетариата и крестьянства, а, наоборот, в этих книгах извращается классовая борьба. Так, на стр. 8 брошюры «Станемо на оборону братів» Ярославенко говорит: «Клясові інтереси щільно переплеталися. Робітники висували свої революційні вимоги, селяне вимагали землі, але на шляху до задоволення своїх революційних вимог трудящі Західної України зустрілися з загрозою втратити національну самостійність», и дальше в той же брошюре характеризуется пребывание Красной Армии в Галиции.

Ярославенко расписывается за всех трудящихся Западной Украины и делает такой вывод: «Робітники та селяни (Західної України) у вічі побачили шлях, що ним треба прямувати до свого політичного й національного визволення», в этом же духе проникнута вся брошюра. В брошюре «Інтернаціональне виховання піонерів та учнів шкіл соцвиху» Ярославенко,

* Різночитання у написанні прізвища подаються за документами.

анализируя преподавание в украинской школе, говорит так: «Ставиться опір українізації справи проведения загального навчання рідною мовою, як це було там, де запровадили обов'язкову дисципліну — есперанто, занехаюючи викладання української мови, говорили і провадили всю роботу переважно російською мовою». Это в то время, когда группа под протекторатом Скрыпника зажимала русский язык, переводя русские школы на украинский язык. Ярославенко нигде не объясняет причин такой постановки учебы, не анализируя ее с точки зрения большевистской национальной политики, все время трактует фразы под углом зрения узкой национальной политики и обязательно восхваляет галицийскую культуру, смешивая пролетарскую культуру с буржуазной национальной культурой.

Несмотря на то, что Ярославенко давно признает свои ошибки, отмеченные в указанных брошюрах, все-таки до сих пор он эти ошибки не исправил. Кроме того, Ярославенко, считая себя большевиком, знал всех галицийских контрреволюционеров (Баран, Конар, Гаврилов, Соколянский) и не вел борьбу с ними, не сигнализировал партии об их к-р действиях на Украине, больше того, Ярославенко игнорировал посещение галицийско-национального клуба, отказывался вести партийную работу.

4) Ярославенко остался на Украине, будучи взятым в плен Кр. Армией, тогда как во всех анкетах и на двух партийных чистках (в 1921 и 1929 г.) все время утверждал, что он добровольно перешел на сторону красных войск.

5) Ярославенко на чистках партии (1921 и 1929 г.) имел выговора за то, что был неоткровенен, скрывал активное участие в борьбе против Соввласти в чине хорунжего и за то, что изменил свою фамилию.

6) Ошибки свои Ярославенко признал только тогда, когда их партия выявила.

7) Принимая во внимание все вышеизложенное, Президиум РайКК-РКИ постановляет: Ярославенко-Предуна, как чуждый элемент рабочему классу, как вступившего в ряды ленинской компартии с целью проведения своих буржуазно-националистических взглядов, из партии исключить и предложить НКО снять Ярославенко с руководства кафедрой КДР ин-та УНДАИ.

Председатель РайКК–РКИ Дзержинского района Гусима

Верно:

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1881. — Арк. 27–28.
Копія. Машинопис.

№ 96

Витяг з протоколу засідання партколегії Комісії партійного контролю при ЦК ВКП(б) по Харківській області у справі С.Ярославенка 7–8 квітня 1934 р.

Ярославенко-Прядун Степан Семенович, г.р. 1893, ч.п. с 1921 г., п/б № 711843, был в КПЗУ с июля по ноябрь 1920 г., украинец, служащий-педагог, образование высшее. Служил в австрийской армии добровольно в украинском полку с 1914 по 1919 г. подпрапорщиком, с 1918 по 1920 г. служил в галицкой армии в чине прапорщика. Во время возникновения дела — зав. сектором научно-исследовательского ин-та Комдетдвижения.

21/XII–33 г. Дзержинск. РКК исключила Ярославенко из партии как чуждый классово враждебный элемент, вступивший в партию с целью проведения своих буржуазно-националистических взглядов, скрывшего о том, что был взят в плен Красной Армией.

Из материалов установлено, что в апреле 1920 г. Ярославенко, будучи комендантом ст. Вапнярка, в связи с разоружением галицийских частей, перешедших на сторону Пилсудского и Петлюры, был взят в плен Красной Армией. До этого Ярославенко, по его же

заявлению, был националистом, поборником идеи самостийной соборной Украины — УНР. До самого последнего времени скрывал от партии обстоятельства взятия его в плен, изображая дело, как самостоятельный добровольный переход на сторону Красной Армии. В своих литературных работах Ярославенко допустил ряд ошибок националистического характера. После вскрытия его ошибок парторганизацией не подверг их развернутой критике, не вскрывал их также в своей педагогической работе. Был связан с Бараном, Гавриловым и Гоца, выявленными впоследствии как активные контрреволюционеры. Рассматривается по апелляции т. Ярославенко.

За двурушничество, обман партии и сокрытие от нее своих действительных националшовинистических взглядов, направленных на срыв нац. политики партии — подтвердить решение Дзержинской РКК от 21/XII-33 г. об исключении Ярославенко из партии.

За секретаря партколлегии КПК *Лагода*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1881. — Арк. 26.
Копія. Машинопис.

№ 97

Автобіографія С.Ярославенка
29 квітня 1934 р.

Я родився 7 січня 1893 р. в с. Кніжнин (Станіславів) Зах. України. Мій батько був помічником машиніста залізниці; мати наймичка. Пізніше батько після залізничної катастрофи як інвалід одержував 11 карб. (27 крон) пенсії. Закінчивши чотирьохрічну народну школу, я поступив до укр. гімназії в Станіславові, яку закінчив з відзначенням в 1913 р. Починаючи з другого класу гімназії, я уроками став заробляти собі на життя, а в старших класах не лише утримував себе, але й допомагав сім'ї (вдома було крім мене 6 дітей). Після закінчення гімназії я поступив у Віденський університет, готуючися на учителя в гімназії. В гімназії і пізніше в університеті я одержав виховання в укр. національному дусі.

Коли вибухла імперіалістична війна, я поступив добровільцем в український добровільний полк австро-венг. армії (українські січові стрільці). Восени 1914 р. і зимою 1915 р. приймав участь в боях в Карпатах як вістун (согрогаї). Після того (після госпіталя) я находився частину часу в тилу (в запасній роті), а після того в 1917 р. і 1918 р. працював учителем укр. гімназії в Відні і водночас продовжував свої заняття в університеті. Літом 1918 р. мене знов покликано до запасного батальйона, який тоді знаходився в с. Грузькому на Єлисаветградщині (тепер Зинов'ївщина). Через 1/2 міс. запасний батальйон відкликано до Чернівців на Буковині.

Напередодні листопада 1918 р. мене відряджено з 14 стрільцями до м. Копичинців з директивою в ніч з 30.IX на 1.X підняти повстання. Цю задачу разом з місцевими організаціями, робітниками і селянами я виконав. Після проголошення української державності в Галичині я став комендантом ст. Копичинці і протягом листопаду м[ісяця] мною було роззброєно багато тисяч австр.-венг. і нім. частин, що тікали з награбленим майном з України. Мене було назначено хорунжим (прапорщиком) української галицької армії.

В кінці грудня 1918 р. мене було перекинено на прифронтову крупну станцію Полутори, де я пробув аж до весни 1919 р., звідкіля в травні 1919 р. мене перекинено комендантом ст. Ворохта в Карпатах, звідкіля через короткий час прийшлося втікати в зв'язку з відступом Укр. Гал. армії з Галичини під контроль польських військ. За весь час відвороту я був комендантом станцій Бучач та інш., і після того літом 1919 р. я відступив з Гал. армією на Збруч, до Кам'янця-Под. Звідтіля після 2-х тижневої недуги мене було назначено комендантом ст. Могилів-Под., де я пробув аж до осені 1919 р., тобто до часу переходу Гал. армії на сторону Денікіна.

Відступивши з Могиліва до Вінниці, я через короткий час був назначений коменд. станції Янів вузькоколійної залізниці з дорученням перевозити транспортом хворих на сипний тиф галичан у Вінницю і на Південь. Я заразився сипним тифом і мене довезли на ст. Гайворон до лікарні. Після кризи в недузі мене відправили на ст. Балту, де стояли ешелони ЧУГА (Червоної Укр. Гал. армії). Після видужання в березні 1920 р. мене було назначено коменд. ст. Вапнярка лінією ЧУГА. На ст. Вапнярка в часі зради численних галицьких частин (перехід від Червоної Армії до Пілсудського і Петлюри) я, незважаючи на намови галицького офіцерства, не пішов на зраду.

В часі роззброєння галицьких ешелонів на ст. Вапнярка мене заарештовано. Через сутки завдяки Комісару пересування військ 14-ї Армії тов. Заксу мене звільнено з-під арешту і направлено в розпорядження Уполнаркомпуті України. З особистого дозволу т. Постникова мене було прийнято на службу в Упр. пересув. військ Півд.-Зах. зал., де я прослужив до липня 1920 р., до часу, коли мене було відкликано в розпорядження Галревкому. Там я був комендантом ешелону Галревкому і після прибуття до Тарнополя був назначений завідувачем одного з підвідділу Народної Освіти. Осередком Галревкому був принятий до лав Комуністичної партії. Після возвороту з Галичини, я, доставивши ешелон Галревкома до Харкова, був відряджений ЦК КП(б)У в розпорядження НКО, яка мене направила на роботу в Полтаві.

В часі нашого побуту в Галичині КПЗУ була внаслідок зради Конаря та інших розпущена. В перереєстрації мене було залишено в рядах партії (кандидатом).

В Полтаві 1921 р., в Вінниці 1922–1923, в Житомирі 1923–1924 р., в Києві 1923 р. я працював зав. губ. соцвихом. В березні 1924 р. був назначений ректором Херсонського Інституту Н.О., де я був аж до лютого 1928 р. Мене було знято з посади внаслідок допущеної мною помилки з викладачем суспільствознавства. 1928-1929 р. я був ректором Всеукр. заочного інституту Н.О. (ВЗИНО). В часі чистки 1929 р. одержав догану за слабе керівництво і безгосподарність. З 1930 по кінець 1931 р. я працював штатним науковим працівником УНДІПу. З 1932 р. (січень міс.) по грудень 1933 р. я працював зав. сектором в Інституті комдитруха і наук. роб. В той же час — з осені 1930 р. по грудень 1933 р. працював керівником катедри КДР в Харк. педінституті і заштатним інструктором в Центральнім бюрі юних піонерів ЦК ЛКСМУ. В грудні мене виключено з лав компартії за націоналізм і звільнено з роботи. З того часу я був неповних п'ять міс. без роботи.

29.IV.1934 р. *С.Ярославенко-Прядун*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1881. — Арк. 7–8.
Оригінал. Рукопис.

№ 98

Протокол допиту свідка у справі С.Ярославенка 27 жовтня 1964 р.

Следователь следотдела КГБ при СМ УССР майор Гребенев в помещении КГБ при СМ УССР, ул. Владимирская, 33, с соблюдением требований ст.ст. 85, 167 и 170 УПК УССР допросил в качестве свидетеля Литвинова Степана Андреевича, 1898 г.р., урож. с. Чурсино Короченского р-на Курской обл., русский, гр-н СССР, член КПСС с 1921 года, образование высшее, доцент педагогики Киевского пединститута, заведующий указанной кафедрой, постоянное место жительства г. Киев, ул. Саксаганского, 34, кв. 2, паспорт XIV-ГК № 708390 выдан 7 марта 1957 г. 2-м отделением милиции г. Киева.

В соответствии с ч. IV ст. 167 УПК УССР Литвинову С.А. разъяснены обязанности свидетеля, предусмотренные ст. 70 УПК УССР, и он предупрежден об ответственности по ст. 179 УК УССР за отказ или уклонение от дачи показаний и по ст. 178 УК УССР за дачу заведомо ложных показаний.

На поставленные мне вопросы сообщаю следующее.

Ярославенко (Прядуна) Степана Семеновича я знал по совместной работе в г. Харькове сначала во ВЗИНО (Всеукраинский заочный ин-т народного образования), а затем — в Научно-исследовательском ин-те комдетдвижения. Происходило это в 1930–1934 гг. Я в это время работал в указанных учреждениях преподавателем педагогики и имел близкое общение по работе.

Взаимоотношения наши были чисто служебные, нормальные.

В этот период времени Ярославенко состоял членом КП(б)У, а затем он был исключен за якобы националистические извращения. На партсобрании, на котором был исключен из партии Ярославенко С.С., я лично присутствовал. На этом собрании Ярославенко обвинялся в том, что он выходец из Галиции и к нам пришел со шпионскими целями, что он изменил свою фамилию не случайно и что он в своих брошюрах протаскивал украинский буржуазный национализм. Я лично выступал против этого обвинения, такого взгляда я придерживаюсь и в настоящее время.

Содержание брошюр Ярославенко мне хорошо известно и никакого буржуазного национализма в них нет, кроме некоторых незначительных неточностей.

Как на указанном выше партсобрании в своем выступлении, так и в настоящее время я характеризовал и характеризую Ярославенко С.С. как человека, который относился к своей работе честно, в политическом отношении себя ни в какой мере не скомпрометировал и из партии был исключен без оснований.

На партсобрании, где исключался Ярославенко С.С., последний указывал в своем выступлении, что он с начала своей деятельности стоял за советскую власть, что он никаких преступлений против нее не сделал, что он происхождением из крестьян-бедняков и лишь своим личным трудом добился высшего образования. Однако присутствующие на партсобрании ему не поверили и приняли решение о его исключении из рядов КП(б)У.

Показание написано мною собственноручно *Литвинов*

Допросил: следов. следотдела КГБ
при СМ УССР майор *Гребенев*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1881. — Арк. 89–91.
Оригінал. Машинопис.

№ 99

Запит у справі С.Ярославенка
5 січня 1965 р.

Копия
Секретно

Зам. директора научно-исследовательского института
педагогики тов. Корниенко П.А.
г. Киев

В связи с пересмотром уголовного дела на Ярославенко-Прядуна Степана Семеновича, просим Вас дать отзыв на опубликованные им в 1930–1932 годах брошюры:

1. «Станемо на оборону братів», 2. «Інтернаціональне виховання піонерів та учнів шкіл соцвиху», 3. «10 років світового піонерського руху», 4. «Десять років світової піонерії», 5. «Виховаймо наших дітей інтернаціоналістами», 6. «Рік народження 1917», 7. «Для нас немає кордонів».

Приложение: по тексту — 7 брошюр.

Начальник Отдела КГБ при СМ УССР Пивоварец

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1881. — Арк. 146.
Копія. Машинопис.

№ 100

Відгук у справі С.Ярославенка 16 січня 1965 р.

Отзыв
на опубликованные в 1930–1932 годах брошюры
Ярославенко-Прядуна Степана Семеновича

По заданию дирекции Научно-исследовательского института педагогики УССР нами были внимательно проанализированы следующие работы С.С.Ярославенко-Прядуна:

1. «Десять років світового піонерського руху» — Державне видавництво «Молодий більшовик», Х., 1930; 2. «Для нас немає кордонів» — «Молодий більшовик», Х.-К., 1931; 3. «Станемо на оборону братів» — ДВОУ «Молодий більшовик», Х.-К., 1931; 4. «Інтернаціональне виховання піонерів та учнів шкіл соцвиху» — «Радянська школа», Х., 1932; 5. «Рік народження 1917» — «Молодий більшовик», Харків — Одеса, 1932; 6. «Виховаймо наших дітей інтернаціоналістами-ленінцями» — «Радянська школа», Харків, 1932; 7. «Десять років світової піонерії та МОПР» — в-во ЦК МОПР УСРР.

Внимательный просмотр и анализ всех этих работ убеждает в том, что их автор С.С.Ярославенко был основательно подготовлен для ведения научно-популяризаторской деятельности в области изучения истории международного и советского коммунистического детского движения, а также интернационального воспитания учащейся молодежи.

Брошюры содержат значительный фактический материал о зарождении и развитии детского коммунистического движения и прогрессивного антиимпериалистического движения в целом в 1917–1930 гг. В своих работах автор оперирует данными о количестве участников движения, об их конкретных делах, а также об отдельных конгрессах, собраниях, конференциях, слетах, встречах советских пионеров с участниками международного детского движения, о фактах расовой и национальной дискриминации в странах капитала, об угнетении детей в колониальных странах и др. В работах приведены в больших фрагментах или же полностью такие документы, как Відозва КІМу «До пролетарської молоді, жінок, робітників, до трудящих усього світу», «Інтернаціональний договір піонерів України, Америки, Англії і Бельгії на революційне змагання» и многих других.

Автор очень часто ссылается на методологические и политические указания К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина.

Брошюры были в свое время полезными. Автор в то время, когда он писал вышеупомянутые брошюры, был на уровне стоявших перед ним задач, правильно освещал вопросы классовой борьбы и национальной политики и не допустил в рецензируемых работах каких-либо преднамеренных искажений действительности.

Вместе с тем нельзя не отметить, что брошюры носили прежде всего пропагандистский характер, а потому, как и все другие пропагандистские материалы периода начала развития культа личности Сталина, нередко содержат славословия в адрес Сталина, а также цитаты из его статей, докладов и выступлений. Вообще все брошюры изобилуют цитатами в такой степени, что во многих местах их трудно назвать самостоятельными работами автора.

Таким образом, давая общую оценку рецензируемых работ С.С.Ярославенко-Прядуна, можно сделать вывод, что они соответствуют духу марксизма-ленинизма, не содержат какого-либо антисоветского и националистического материала, но в настоящее время являются устаревшими и существенной научной ценности не имеют.

Зав. отделом методики истории НИИП УССР канд. историч. наук *Н.Н.Лысенко*

Старший научный сотрудник отдела пионерской,
комсомольской и внешкольной работы канд. педагогич. наук *И.А.Винниченко*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1881. — Арк. 147–149.
Оригінал. Рукопис.

№ 101

Заява Л.Полташевської 14 січня 1991 р.

Начальнику Харьковского УКГБ
Полташевской Л.С., проживающей по адресу:
290026, Львов-26, ул. Мичурина, № 6-б, кв. 30

Заявление

Обращаюсь к Вам по рекомендации Военной коллегии Верховного Суда СССР и прошу сообщить мне о судьбе моего отца Ярославенко Степана Семеновича, проживавшего в г. Харькове и репрессированного в 1934 году. Я не знаю ни даты его рождения, ни даты его смерти, ни места погребения, ни кто мои дедушка и бабушка по отцовской линии. По словам матери, он был честным человеком из бедной семьи, интернационалистом: хочу знать правду и даты жизни для поминовения родных.

14.01.91 *Полташевская*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1881. — Арк. 237.
Оригінал. Машинопис.

№ 102

Відповідь на заяву Л.Полташевської 30 січня 1991 р.

290026, гор. Львов, ул. Мичурина, № 6-б, кв. 30
Полташевской Л.С.

На Ваше заявление от 14.01.1991 года сообщаем, что Ярославенко-Прядун (так указана фамилия в анкете, в других документах — Ярославенко-Придун, по паспорту Ярославенко) Степан Семенович, рождения 7 января 1893 года, уроженец с. Книжнин Станиславского уезда, Зап. Украина, работал в Харьковском пединституте и в научно-исследовательском институте Деткомдвижения, на день ареста 29 апреля 1934 года был безработным 5 месяцев. По обвинению в принадлежности к контрреволюционной националистической организации Судебной тройкой при коллегии ГПУ УССР от 29 мая 1934 года осужден к 5 годам ИТЛ. Имеются сведения только о составе его семьи: жена — Надежда Леонтьевна, 32 года, сын — Спартак, 11 лет, дочь — Ленида, 6 лет.

По делу за 1934 год он реабилитирован 31 марта 1965 года Судебной коллегией Верховного суда УССР, где Вы можете получить справку об этом.

В материалах имеется справка от 19.10.1964 года о том, что Ярославенко-Прядун (Придун) С.С., находясь в заключении, по решению Особой тройки УНКВД по Ленинградской области был расстрелян 8 декабря 1937 года. Место исполнения приговора и захоронения не указаны. По состоянию на 1964 год дело на него с этим приговором находилось на хранении в УКГБ по Архангельской области, куда рекомендуем Вам обратиться за получением сведений о Ярославенко С.С.

Фотографий и личных документов Ярославенко С.С. в хранящихся в УКГБ архивных материалах не имеется.

Начальник подразделения А.В.Фомин

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 4. — Спр. 1881. — Арк. 238.
Копія. Машинопис.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО Г.ЕПІКА, М.КУЛІША, М.ЛЮБЧЕНКА, Ю.МАЗУРЕНКА, А.ПАНОВА, В.ПОЛІЩУКА, В.ПІДМОГИЛЬНОГО, В.ШТАНГЕЯ

№ 103

Рапорт про результати обшуку у квартирі Г.Епіка
5 грудня 1934 р.

Нач. СПО Хар. обл. упр. НКВД

Опер. уполн. Лукьянова

Рапорт
о результатах обыска у Эпика

Во время обыска у Эпика Г.Д. обнаружена и изъята националистическая литература в количестве 13 книг, а также адреса неизвестных лиц.

Оружия не обнаружено.

Эпик и его жена держали себя очень спокойно. Под конец обыска он сказал жене, чтобы она продала охотничье ружье и собрала долги.

Видно, что жена была подготовлена к аресту Эпика, так как все время улыбалась. Эпик говорил, что он не надеется скоро быть на свободе.

Опер. уп. *Лукьянов*

5/XII–34 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 1. — Арк. 100. Оригінал. Рукопис.

№ 104

Протокол допиту Г.Епіка
9 грудня 1934 р.

Протокол
допроса Эпика Григория Даниловича от 9/XII–1934 г.

Вопрос: Кто из лиц — с какими Вы были связаны — знакомых или приятелей был арестован органами ГПУ за последние два года?

Ответ: Из моих знакомых и приятелей, с какими я был связан, органами ГПУ с конца 1932 года по день моего ареста были арестованы следующие лица:

1. Яловой — приятель, знаю с конца 1925 года;
2. Досвитный — приятель, знаю с конца 1925 года;
3. Вишня Остап — приятель, знаю с 1929 года;
4. Соколянский — приятель, знаю с 1929 года;
5. Петренко — приятель, знаю с 1930 года;
6. Черняк Евген — приятель, знаю с 1929 года;
7. Пилипенко — знакомый с 1924 года;
8. Гжицкий — знакомый с 1929 года;

9. Речицкий — знакомый с 1926 года;
10. Десняк — знакомый с 1930 года;
11. Курбас — знакомый с 1929 года;
12. Ирчан — знакомый с 1929/30 года;
13. Демчук — знакомый с 1929 года;
14. Федчишин — знакомый с 1929 года;
15. Косынка — знакомый с 1929 года;
16. Влызько — знакомый с 1931 года;
17. Фалькивский — знакомый с 1930 года;
18. Билаш — знакомый с 1929/30 года;
19. Слисаренко — знакомый с конца 1925 года;
20. Гирняк Йосип — знакомый с 1932 года;
21. Репа — знакомый с 1929 года;
22. Христовой — знакомый с 1924 года;
23. Грицай — знакомый с 1930/31 года;
24. Озерский — знакомый с 1933 года;
25. Камышан — знакомый с 1930 года, возможно с [19]29 года.

Протокол читал сам, показания с моих слов записаны правильно.

Эпик

Допросил Упол. СПО УГБ НКВД УССР *Хает*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 4. — Арк. 1–2. Оригінал. Рукопис.

№ 105

Постанова про відправлення М.Куліша спеціальним конвоєм у розпорядження СПВ УДБ НКВС УСРР Грудень 1934 р.

Постановление

Гор. Харьков, 1934 г. декабря, « » дня, я, оперуполномоченный 2 отделения СПО Управления госбезопасности НКВД УССР по Харьковской области — Бордон, рассмотрев дело по обвинению гр-на Кулиша Николая Гуровича в преступлениях, предусмотренных ст. 54–8 УК УССР,

нашел:

Кулиш Николай Гурович является членом ликвидированной СПО УГБ НКВД УССР террористической организации. Поскольку дело ведется в Киеве, на основании распоряжения СПО УГБ НКВД УССР,

постановил:

Кулиша Николая Гуровича вместе с вещественными доказательствами направить усиленным спецконвоем в распоряжение СПО УГБ НКВД УССР — в г. Киев.

Оперуполномоченный *Бордон*

Согласен: Начальник 2 отд. СПО *Лисицкий*

Утверждаю:
Начальник Секретно-политического отдела *Говлич*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 1. — Арк. 89. Оригінал. Машинопис.

№ 106

Автобіографія М.Куліша
16 грудня 1934 р.

Автобиография

Месторождение, происхождение, образование

Родился 5.XII–1892 г. в с. Чаплынка Таврической губ. (ныне Хорловский район Одесской обл.).

Родители — крестьяне-незаможники. Отец служил чернорабочим, сторожем. Умер в 1920-м (мать раньше).

Жена — Антонина, дочь служащего, была народной учительницей. Один из ее братьев в эмиграции, в Париже (принял французское подданство). Связи нет.

1901–1905 учился и окончил народную школу. Летом служил у кулаков (пастухом погонычем). 1905–1909 жил в г. Алешках в детском приюте. Учился в городском училище. Не окончил. 1909–1914 в Алешк. 8-ми классном училище. Экстерном сдал экзамен за 6 классов гимназии (Сочи, 1913). На аттестат зрелости экзаменов не выдержал (Тифлис, 1914).

Служба в старой армии

1914–1917 мобилизован (23.XI–14). Два месяца — рядовым в запас[ном] б[а]т[а]л[ьоне] в Херсоне. Отправлен, как имеющий среднее образование, в Одесскую школу прапорщиков. После окончания (20.II.–15) — в Смоленск в запасн. батал. и в августе 1915-го — на фронт. Пробыл до декабря 1917-го в 224-м пехотн. полку. Был полуротным. Последний чин — поручик. После февральской революции — членом полкового комитета.

После Октябрьской революции

1917–1919 — Председателем Алешковского городского совдепа (первый период совласти). При гетьманщине — в тюрьме (около 5 месяцев). Во время повстанчества (январь-февраль) — членом городской управы. С установлением совласти — зав. комхозом.

Служба в РККА

1919–1920. В июле 1919 эвакуировался вместе с Алешковской парторганизацией, принимал активное участие в организации Днепровского совет[ского] полка (из партизанских отрядов) в Херсоне. Помощником командира полка принимал участие в боях полка под Херсоном-Николаевым (июль-август 1919) с деникинцами, на ст. Монастырище-Володарка с петлюровцами (август-сентябрь, полк в составе 58 сов. стр. дивизии т. Федька 517 сов. стр.), в дальнейших боях с деникинцами на ст. Трубецкая-Ирпень-Киев (сентябрь-октябрь). В ноябре был послан полковой партячейкой (с ведома политотдела дивизии) с т. Ермаковым (секретарь Николаевского окрисполкома, умер в 1929-м) в Николаев-Херсон-Алешки для установления связи с подпольными организациями. В дороге заболел сыпным тифом (с. Липняжка Елисаветградск. уезда). Февраль-июнь был членом уездного ревкома в Алешках. Июль-август — начальником штаба Херсонской местной группы войск (на положении отдельной бригады, командир — т. Исакович) и участвовал в боях с врангелевцами (Алешки — Казачьи Лагери).

Сентябрь-октябрь — военруком Херсонского, потом Днепровского увоенкомата.

Партийная, советская и литературная работа

1921–1922 — членом уездного исполкома (г. Алешки), завполитпросветом и завнаробразом. По линии партийной — был членом упарткома и редактором газеты. В партии с июля 1919 года (работал с т.т. Марьяновым, Милюковым, Королевым, Ерещенком).

1923–1925 — членом коллегии Одесского губоно (соцвос), работал с т. Хаитом (ныне зам. наркома просвещения УССР), редактором газеты «Червоний шлях» в Зиновьевске. В 1924 году написал первую свою пьесу «97». В 1925 — «Комуна в степах». 1925–1926 — инспектором НКО (соцвос). 1927–1933 — был членом и президентом ВАПЛИТЕ (литературная националистическая организация). 1927–28 — написал пьесы «Народний Малахій», «Мина Мазайло», «Патетична соната» (шла в Москве). Пьесы оценены партийной критикой как националистические и политически вредные.

С лета 1933 г. до лета 1934 г. — член оргкомитета советских писателей Украины. Основная работа — литература (драматургия).

В белой армии не был. В других партиях не состоял.

В 1934 году был исключен из КП(б)У за связь с к-р. украинскими националистическими элементами и систему националистических ошибок в пьесах: «Мина Мазайло», «Патетична соната», «Народний Малахій» и др.

Судимость

Был под судом ревтриба 6-й армии (январь 1921 г. в Херсоне) за нарушение приказа Реввоенсовета за то, что в бытность председателем Херсонской гарнизонной комиссии мы допустили увольнение больных и раненых красноармейцев на сроки, превысившие установленные в приказе Реввоенсовета. Дело ликвидировано по амнистии.

Кулиш

16/XII–1934 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 3. — Арк. 93а–96. Оригінал. Машинопис.

№ 107

Протокол допиту М.Куліша 25 грудня 1934 р.

Протокол допроса

обв. Кулиша Николая Гурьевича
от 25/XII–34 г.

Вопрос: Продолжаете ли Вы настаивать, что предъявленное Вам обвинение неверно.

Ответ: Нет. Я признаю, что я являлся активным участником к-р украинской националистической организации, которая ставила своей целью свержение Соввласти на Украине путем организации вооруженного восстания и совершения террористических актов над рядом руководителей партии и Соввласти.

Записано с моих слов правильно и мной прочитано.

М.Кулиш

Допросил: Уполн. СПО *Проскуряков*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 3. — Арк. 104. Оригінал. Рукопис.

№ 108

Заява Е.Штейнберга стосовно М.Куліша
1935 р.

Копия

Следователю СПО НКВД УССР
тов. Грозному

Заявление

В камере со мной живет Николай Гурьевич Кулиш. Идеи и положения, которые в беседах со мной Кулиш отстаивает, убедили меня в том, что он сейчас еще остается злейшим врагом диктатуры пролетариата и коммунистической партии, врагом не разоружившимся, спрятавшим (для лучшего часу) не один обрез и не одну пулю отравленную для борьбы с коммунизмом. Я считаю поэтому необходимым изложить основные взгляды, высказанные Кулишом. Их и не надо подвергать критике — они достаточно красноречивы и говорят сами за себя.

В центре всего, всех проблем мира Кулиш ставит национальный вопрос. У него еще, правда, большое место занимает крестьянский вопрос, но и его он рассматривает с точки зрения национального вопроса. Причем национальный вопрос интересует Кулиша не в широком смысле слова (судьба колониальных народов, которые борются против империализма, его обходит, как прошлогодний снег — он ни разу о них не заговорил), а только отношения Украины с Советской Россией. Национальный вопрос он рассматривает ограниченно, как украинской националист.

Москву Кулиш сравнивает со старым Римом. Точно так же, утверждает он, как старый Рим жил за счет своих провинций, высасывал из них все соки, концентрировал у себя все богатства, ценности и произведения искусства, точно так же Москва живет за счет национальных республик. Причем он не считает нужным даже доказывать, что экономически положение Украины является колониальным по отношению к Советской России — он это считает само собой разумеющимся. Кулиш ставит вопрос еще шире — он говорит, что помимо хлеба, угля, железа, произведений промышленности и т.д., Москва забирает также все ценное из людей, все талантливое из области литературы, искусства, живописи и науки — одним словом — во всех областях Москва живет паразитом.

Величайшие достижения Советской Украины Кулиш, со своей точки зрения, считает как раз ее несчастьем. На возражения, противоставленные ему, что он недооценивает культурного и особенно экономического развития Украины, которое окончательно ликвидировало ее былое колониальное положение, — это наследие царизма, что он не понимает значения развития у нас крупной машиностроительной промышленности, таких гигантов как Днепрогэс и Днепровский комбинат, ставящих Украину в ряду первоклассных индустриально и культурно-развитых стран, Кулиш дал такую оценку таким фактам: «Что такое Днепрогэс и Днепрокомбинат с точки зрения национального вопроса? Это ничто иное, как мощная опорная база дальнейшей руссификации Украины, мощная ячейка для закрепления великодержавной политики, а, следовательно, не уничтожения, а закрепления и углубления колониального положения Украины».

Стоит ли опровергать эти комические взгляды злобствующего националиста? Он готов жертвовать Днепрогэсом, Краматорским машиностроительным заводом, ХТЗ — всеми великими достижениями нашей страны, лишь бы разорвать и нарушить союз трудящихся Украины с рабочими и крестьянами других Союзных республик.

Многие «теории» излагаются Кулишом в неважном виде в устах третьих лиц. Так, он излагает, например, «теорию», высказанную будто-бы Курбасом, о том, что русский народ не выдвинул ни одного таланта, ни одного гения. Все великие люди, которые выдвинулись в России в разных областях на протяжении всей истории, по национальности — не русские. Отсюда мораль — русский народ представляет собою низшую категорию в сравнении с другими, может ли он претендовать на передовое руководящее место? Известно, что Гитлер

считает славян низшей расой. В своей книге «Моя борьба» он говорит о том, что цементирующим элементом, способствовавшим созданию русского государства, являлся арийский элемент, а именно прибалтийские, немецкие бароны (как известно, они являлись творцами и руководителями царской жандармерии). У Кулиша та же самая теория — только модифицированная на украинско-фашистский лад. Оказывается, что великие люди России — это только украинцы: здесь и Паскевич — покоритель Кавказа (Черниговский казак Басько), Гоголь — в области литературы, Немирович-Данченко — в области театра и т.д. и т.п.

Для подтверждения своих высказываний у Кулиша на все есть тенденциозно-подобранные факты. Так, например, чтобы доказать, что из Украины все забирают, вплоть до произведений искусства, он рассказывает о том, что из Полтавы забрали в Москву существовавший там с давних пор музей национальной вышивки, что в Киеве нашли известную картину «Адам и Ева» и тоже забрали и т.д. Я не берусь утверждать, нужно было или не нужно было забрать музей из Полтавы, но Кулиш эти фактики обобщает и делает вывод: «Видите у нас ничего не остается, а вы говорите о возможности создания Всеукраинского музея и картинной галереи».

Руководителей нашей партии Кулиш считает великодержавными шовинистами. Они, мол, утверждает Кулиш, под разговорами о братстве народов, живущих в Советском Союзе, осуществляют, по существу, идеал единой и неделимой. Ярким представителем великодержавничества на Украине Кулиш считает тов. Постышева. Причем, вместе с набившей оскомину клеветой, он занимается также фальсификацией высказываний Павла Петровича Постышева. Так, Кулиш присутствовал на том партийном активе, где тов. Постышев говорил о том, что он ненавидел старую царскую Москву, которая посылала революционеров на высылку и Сибирскую каторгу, но он после победы Октября любит Москву пролетарскую, Москву — столицу великого Советского Союза, Москву — центр мирового коммунистического движения, Москву — являющуюся надеждой и оплотом угнетенных и эксплуатируемых всего мира. Кулиш совершенно извращает смысл высказывания т. Постышева и утверждает, что Постышев говорил о своей любви к Москве вообще, к Москве безотносительно, какой она является — пролетарской или буржуазной.

«Постышев говорил о любви к Москве с истеричностью в голосе и я почувствовал, что если его поскрести, то вылезет из под маски интернационалиста настоящий великодержавный шовинист», — так утверждает Кулиш. Великодержавный шовинизм — говорил Кулиш — процветает в Москве во всех областях и никто с ним не ведет никакой борьбы — наоборот он еще поощряется. Проявлением этого в области театра Кулиш считает пьесу «Дни Турбиных», в литературе — произведения Хлебникова и т.д. Но это не все. Кулиш выдвигает теорию существования советского фашизма. Проявлением этого в литературе он считает роман Ал. Толстого «Петр I». О политике он от своего имени не говорит, но сообщает, что Курбас считал представителем советского фашизма в политике П.П.Постышева.

Толстой, мол, рисует Петра сильным волевым человеком, беспощадно расправлявшимся со всеми, кто мешал созданию великой России. Что это такое, как не призыв, спрашивает Кулиш, к тому что надо кончить раз и навсегда с российской мягкотелостью, расхлябанностью, интеллигентским мягкосердечием, что надо быть сильными в подавлении других народов и укреплении великодержавной России? Попробывал бы, говорит Кулиш, кто-нибудь из украинских писателей написать такой роман о гетмане Мазепе, его бы сразу посадили в ГПУ.

Положение украинской литературы он считает самым печальным. Талантливый писатель должен или отказаться от украинской литературы, перекочевать в русскую, или, если он послушается голоса своего сердца и напишет подлинное художественное произведение, его посадят в тюрьму. В виду этого в литературе на Украине остались одни посредственности, лжецы и бездарности. В советской Украине литература обречена на прозябание, на провинциализм, она никогда не достигнет уровня большой мировой литературы.

Всесоюзный съезд писателей был, по определению Кулиша, по существу фальшью и обманом. Писатели одно говорили на трибуне, другое утверждали в кулуарах. Писатели не могут создавать больших вещей, потому что они обходят важнейшие проблемы, а обходят они их потому, что боятся писать правду. И тут же приводятся тенденциозно подобранные

фактики. Он, мол, встретил крестьянку, которая крала детей и съедала их, а другую, которая в Харьковском парке занималась проституцией. Попробуйте об этом написать, что Вам скажут — хихикает Кулиш. На мое замечание, что Энгельс учил нас, что художественное великое произведение создается тогда, когда писатель умеет схватывать типичное, в типичных обстоятельствах — и что типичным для нас является не кулачка, которая занимается проституцией, а создание нового, невиданного в истории колхозного строя, строя, который впервые создает для трудящегося крестьянина перспективу и создающего ему выход к условиям подлинно человеческой и культурной жизни, и что если бы Кулиш написал произведение, показывающее рождение этого строя диалектически, всесторонне, не приукрашивая ни на йоту все трудности, неизбежные при таком великом деле, то его бы только похвалили за это; он мне ответил: «Я уже много лет слышу эти казенные утверждения, однако от этого литературе не легче».

Быть писателем с пролетарской идеологией и крупным художником — вещи несовместимые, по мнению Кулиша. Все талантливые люди, говорит он, всегда были в конфликте со своим обществом. Причем он безбожно путает о конфликте революционных писателей со старым отжившим обществом и конфликте ретроградных писак и реакционных романтиков с новым и молодым и революционным обществом.

Вокруг больших вещей всегда идет драка, борьба. Этим Кулиш намекает, что если сейчас его критикуют и даже арестовали, то потомством он будет признан и все те, которые писали против пролетарской революции. Все же пролетарские писатели ничего ценного не создадут и переживут свои произведения.

Общий вывод в отношении строительства культуры на Украине Кулиш делает самый плачевный. Балицкий, говорит он, может только разрушать. Ему скажут, так он еще три тысячи арестует за одну ночь. А вот создавать некому. Все ценное и талантливое разогнано и уничтожено.

Нечего удивляться, что когда я напомнил Кулишу мнение Гейне о том, что партия националистов будет первая, которая попадется коммунизму на пути к его победе, и что первым дебютом коммунизма будет то, что этот великан прибьет националистов даже не палицей, а раздавит ногой, как гада, что коммунизм не совместим с национализмом, Кулиш реагировал на это взрывом злобы и негодования.

Кулиш делает вид, что он для себя разрешил национальный вопрос, но при этом он ехидно добавляет: «Пусть колхозники перейдут на русский язык, мне это все равно».

Но, как Вы думаете, спрашивает он меня, когда вся так называемая большевистская украинизация окажется блефом (в городах уже провал, село переходит на русский язык, советский и партийный аппарат живет русской культурой, при этом, добавляет, как царские чиновники), кто исторически будет оправдан? И Кулиш выражает большую надежду, что исторически будут оправданы они, украинские националисты, а не партия большевиков.

В основе всей политики, которую партия проводит на селе, лежит принцип принуждения — таков тезис Кулиша. Он отрицает, что было добровольное движение миллионов крестьян к социализму, организованное партией. Колхозный строй он считает внешне навязанным крестьянству и поэтому шатким и непрочным. Нам воевать нельзя, говорит Кулиш, ибо при первом большом историческом испытании колхозы разбегутся. Он меня высмеивал, когда я доказывал ему обратное, что победа контрреволюции и реставрация невозможна уже потому, что в массе своей крестьянство не захочет вернуться к старому и поднимется сознательно на борьбу за свои колхозы. Разве, спрашивает он, колхозный строй принес крестьянству счастье, что оно станет за него бороться. Наоборот, они помнят хорошее, старое время, когда они были хозяевами своей пшеницы и своей судьбы, когда они могли на выбор привозить гостинцев жинке с ярмарки. Они наверное захотят скорее вернутся к старому. Так подкидывает Кулиш кулацкую романтику о прошлом всему трудовому крестьянству.

История повторяется, утверждает Кулиш. С этой точки зрения строительство бесклассового общества — это сказка. Конечно будет что-то новое, старые классы исчезнут, но возникает новая форма неравенства и социальный вопрос останется неразрешенным по-старому. И две тысячи лет тому назад люди в старом Риме сидели в тюрьмах и рассуждали

о том, что можно установить общество, где будет царствовать справедливость и равенство. Передовые люди того времени видели этот идеал в христианстве. Однако, как видите, после двух тысяч лет христианство обанкротилось, справедливое общество не установлено и социальный вопрос не разрешен. Коммунизм, утверждает Кулиш, тоже обещает справедливое общество, но он неизбежно придет к тем же результатам. Поэтому все разговоры о бесклассовом обществе являются только разговорами.

Надо ли доказывать теоретическую скудность и банальные плоскости исторических аналогий Кулиша, обнаружившие полное невежество как в истории возникновения и развития христианства, так и в знании закономерностей становления и развития коммунистического общества.

Вообще, я должен сказать, что эти господа высокомерно относятся к марксизму, но на самом деле они не доросли до его понимания. Они, мнящие себя европейцами по образованию и культуре, повторяют, гады, самых пошлых, самых вульгарных буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков. Не стоит тратить труда, чтобы теоретически опровергнуть все их пошлости.

Теперь о некоторых других теориях Кулиша. Он считает, что оправдалась теория крайних — Эпика и его же утверждение, что политика — жестокая вещь. Смысл этой теории и этого утверждения в следующем. Государство арестовывает не тех, кто провинился, а кого надо взять по политическим соображениям. Политика — жестокая вещь. При ней попадают под арест всегда крайние, т.е. в свое время крайними были Ефремов, Гермайзе и др., сейчас — Эпик, Кулиш и т.д. Такова теория крайних.

Отсюда следует, что дела фабрикуются или создаются «грязными методами», как любит иногда выражаться Кулиш. Он считает, например, дела о террористической деятельности украинских националистов выдуманными и сфабрикованными. Эта правда — говорит он — обнаружится. Мы узнаем самые сокровенные тайны древнего Египта, раскапывая пирамиды. Тем более, правда наших дней; она обязательно обнаружится и мы будем оправданы. При этом Кулиш высказывает надежду, что новое поколение, не окажется таким боязливым, как он и его товарищи, и когда кто-то из тех, будущих противников Советской власти, о которых Кулиш мечтает, попадет в ГПУ — он заговорит со следователями иным языком. Вот тогда они почувствуют, что выросла сила, а она обязательно вырастет, добавляет он. Вот с чем он носится и какие мечты имеет.

Кулиш откровенно признается, что он верил во все рассказы об ужасах ГПУ, о пытках, о вынужденных показаниях. Сейчас, говорит он, я правда разубедился, но в народе ГПУ не верят. И это имеет свои основания. Даже какие-то ответственные коммунисты (он не называл фамилии) уверяли его, что в ГПУ раздувают пустяковые дела и ссылают на 10 лет.

Таковы думы будто бы разоружившегося Кулиша, таков облик этого рыцаря печального образа. И если он думал о поддержке восстания против диктатуры пролетариата, и только сильно сокрушался о его безнадежности и неизбежности поражения, как он в этом признается, — то он еще когти себе не обломал. Он их только скрыл и может еще ими царапаться.

В заключение следует указать на то, что Кулиш сокрушается о «нашем народе», который-де не воспитан. Мы, говорит он, не пережили счастливой поры демократии, а прямо перескочили из царской деспотии в новую деспотию, которая называется диктатурой пролетариата. Он проливает слезы умиления по «достижениям» капиталистического запада, произносит напыщенные речи какой он сторонник «народных прав» и «народных свобод». Но под этим хвастливым народолюбием нетрудно открыть досаду, гнев и озлобление эксплуататорских классов, которых революция лишила политических прав. А под трепетным восхищением «демократическими» достижениями запада нетрудно видеть восхищения фашизмом — этим политическим продуктом загнивания буржуазного парламентаризма и предсмертных судорог капиталистического мира.

Что создала Россия — говорит Кулиш от своего и Хвильового имени — протопопа Аваакума, жидкобородую интеллигенцию. Вот Запад, он дал Лютера и т.д. и т.п. Кто не поймет, что в этом так дальше лежит и Муссолини, и Гитлер, о которых он тактически умалчивает. И лишь под нажимом критики он спохватился и должен был выразить согла-

сие, что де мол, революционная Россия выдвинула Желябова, Чернышевского, русский пролетариат — Ленина и Сталина и т.д. А каков образ той «самостийной» республики, о которой мечтали эти господа? Вот он. Литературный салон Старицкой-Черняхивской (судившаяся по СВУ). Кулиш вхож в это общество, хотя там участвует немецкий князь, которого думали подыскать, чтобы за него выдать замуж дочку Черняхивской Верочку и этим самым породниться с высшим обществом своих хозяев. Они, литераторы буржуазной Украины, целуют дамам ручку и почтительно и с благоговением садятся в сторону. Прусский князь как представитель европейской культуры и цивилизации! Вот уж действительно, зрелище для богов!.. К этому идеалу пробирались проселочными дорогами эти провинциальные поэты и мыслители, эти идеологи украинского кулачества. Таково было их хуторянское представление о европейской культуре и образ их «республики».

Идеология Кулиша сшита из пестрых лоскутьев, она перевита злобными пасквилями на все пролетарское, советское, коммунистическое, фальшивой романтикой по отношению к прошлому вообще и националистическому прошлому в особенности, страстным умилением перед всеми «достижениями» и продуктами капиталистического мира периода его загнивания.

21.II.–35 г. *Штейнберг*

P.S. Стоит напомнить, что читая «военные мемуары» Ллойд Джорджа, Кулиш обратил особое внимание на Ирландское восстание. На мой вопрос почему он считает это особо важным, он ответил: «Видите национальный вопрос существовал и существует и его нельзя отменить никакими арестами». Как видно, этот идеолог укр. нац. все еще не отказался от возможности восстания на случай войны капиталистов с СССР.

Штейнберг

P.P.S. Вообще, я должен сказать, что Кулиш напитан контрреволюционными идейками и баснями, как филистер предрассудками. Когда его в первые дни ареста отводили в Лукьяновскую тюрьму и при регистрации попросили подождать в какой-то неубранной комнате, то он про себя решил: ну, теперь ужасы ГПУ начинаются. К его большому удивлению, рассказывает он, его потом повели в обыкновенную камеру, но его вера в ужасы была так велика, что когда долго не светило, то он решил, что его все же посадили в абсолютно темную камеру.

О положении Украины 1932-1933 гг. он говорит, что она была обречена на голодное вымирание. Он рассказывает, что верил что было много миллионов умерших. И сейчас еще Кулиш утверждает, что советские органы нарочно не регистрируют смертность для того, чтобы скрыть то, что происходило на Украине.

Все сколько-нибудь мыслящие люди, смевшие иметь свое мнение, рассуждает этот господин, сидят в тюрьмах или сосланы. При этом он задается вопросом: кто будет сейчас строить украинскую культуру? На мой ответ, что у нас ведь есть академия наук, Союз писателей, университеты, много научно-исследовательских институтов, и всюду свои кадры, то он разразился хохотом.

Странный Вы человек, заметил он мне, там ведь ничего ценного не осталось. В выдвижение молодых кадров он тоже не верит. Бедный Владимир Петрович, говорит он о Затонском, он ведь побоится и шагу сделать, чтоб не скрутить себе шею.

Весь мир рисуется этим господином в черных красках. Все это темные люди с низменными инстинктами, подхалимы — одним словом, серая скотская масса. До таких геркулесовых столбов доходит Кулиш в своем контрреволюционном озлоблении.

Только три фигуры возвышаются на этом темном фоне: это он, Курбас и Хвыльовой. У них одних были светлые идеи, открытые, правдивые сердца, честное стремление делать добро своему народу. И все это растоптали и уничтожили безжалостные варвары большевики.

Таковы на сегодня подлинные мысли и высказывания этого обанкротившегося рыцаря.

Нет, господин Кулиш еще своего контрреволюционного жала не выпустил.

Штейнберг

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 3. — Арк. 212–218. Оригінал. Рукопис.

№ 109

Протокол допиту М.Любченка 8 грудня 1934 р.

Протокол допроса

Любченко Николая Петровича
от 8 декабря 1934 г.

Вопрос: Расскажите коротко Вашу биографию?

Ответ: Родился я в 1896 году в г. Киеве, отец ранее работал письмоводителем в гимназии, а затем в полиции в г. Киеве. У моей матери был небольшой собственный дом. Закончил в 1914 году Киевскую 3-ю гимназию. С 15 лет порвал связь с родными. После окончания гимназии я поступил в Киевский университет на филологический факультет, где проучился год с несколькими месяцами. В конце 1915 года поступил на службу делопроизводителем в Военно-дорожный отряд путей сообщения. В этом отряде прослужил до февральской революции. В 1917 году переехал в Бердичев в главное управление дорожных отрядов и одновременно начал работать в местной газете. По социалистическому списку был избран в гласные думы, был секретарем совета.

В 1918 году поступил преподавателем и работал в думе до разгрома ее немцами. При гетмане был трижды арестован. При свержении гетмана был комиссаром города, организовал газету «Свобода» при штабе повстанческих войск. Был арестован затем атаманом Оскилко и выдан немцам, которые провели меня с собой в качестве пленного до немецкой границы. Освобожденный на границе немцами, вернулся в Бердичев, где работал с подпольным большевистским ревкомом до установления Советской власти.

В марте 1919 года с установлением Соввласти я был Зам. Пред. ревкома в Бердичеве, а затем членом Уездисполкома. Деникинское подполье по заданию партии боротьбист. провел в Киеве. Весь 1920 год был членом Киевского Губисполкома, а затем Губревкома и одновременно редактором ряда советских газет.

С 1921 и 1922 г. работал в Наркоминделе Украины в качестве зав. отделом информации, уполномоченного НКИД в Одессе, первым секретарем полпредства в Варшаве (Польша) и старшим референтом в НКИД. В НКИД фактически работал я по март-апрель 1924 года. С 1924 по 1929 г. работал в редакции газеты «Коммунист» в качестве зав. отделом, а затем члена коллегии. С 1929 по 1931 год в г. Праге (Чехо-Словакии) — советником полпредства.

С декабря 1931 года по май 1934 г. — председателем ВОКСа Украины. С мая 1933 г. в редакции «Коммунист» членом редколлегии по 15.XI–34 г. С 15 ноября 1934 г. по день ареста нигде не работал.

Вопрос: В каких политических партиях или организациях Вы состояли?

Ответ: В 1918 г. во время гетманского подполья вступил в партию боротьбистов. В марте 1930 г. был принят в коммунистическую партию. Из партии исключался по обвинению в сведении личных счетов — был вне партии с 1923 по начало 1926 г.

Протокол читал, показания записаны с моих слов верно.

Любченко

Допросил: *Хает*

ДА СБ Україні. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 2. — Арк. 67–68. Оригінал. Рукопис.

№ 110

Протокол допиту М.Любченка 10 грудня 1934 р.

Протокол допроса

Любченко Николая Петровича
от 10 декабря 1934 года

Вопрос: Кто из Ваших знакомых за период 1932-34 г. был арестован органами ГПУ?
Ответ: Из моих знакомых за 1932-34 гг. были арестованы органами ГПУ за контрреволюционную деятельность следующие лица:

1. Тур — знаю с 1929 года.
2. Приходько — знаю с 1920 г., был у него в 1931 году 1 раз на квартире.
3. Озерский — знаю с 1926 года.
4. Пилипенко — знаю с 1920 г., был в 1925 г. у него 1 раз на квартире.
5. Максимович — знаю с 1922 года.
6. Сирко Вас. — знаю с 1931 года.
7. Остап Вишня — знаю с 1923 года.
8. Репа — знаю с 1922 г., заходил он ко мне и я к нему на дом два раза.
9. Яловой — знаю с 1919 года.
10. Христовой — знаю с 1926 г.
11. Досвитний — знаю с 1926 г.
12. Березинский — знаю с 1931 г., был у него 1 раз на дому.
13. Десняк — знаю с 1925 года.

Все эти знакомства были служебного и делового характера.

Со всеми этими лицами разговоров антисоветского характера не было. Хочу добавить еще 2-х чел. из моих знакомых, которые были арестованы за к-р. деятельность и которых я выше не указал — это Сияк Иван — знаю с 1922 г. и Ирчан — знаю с 1931 года, на дому у него не бывал.

Протокол читал сам, показания записаны верно.

Любченко

Допросил: Уполномоченный СПО УГБ НКВД УССР *Хает*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 2. — Арк. 70. Оригінал. Рукопис.

№ 111

Окрема ухвала партійного комітету журналу «Комуніст» 1934 р.

Окрема ухвала про тов. Любченка

1. Партійний комітет відзначає, що не зважаючи на попередження, яке парторганізація «Комуніста» зробила тов. Любченку влітку 1933 р., не зважаючи на попередження під час чистки парторганізацій, Любченко не зробив жодних політичних висновків з цих вказівок й досі не приймає участі в політичному житті парторганізації.

2. Партійний комітет вважає зовсім неприпустимим той факт, що тов. Любченко останніх місяців і надто останні півтора місяця відмовчувався на партійних зборах. Він відмовчувався, коли обговорювали на кустових партійних зборах постанову ЦК від 3 листопада «Про контрреволюційну роботу решток націоналістів і троцкістів і про пособництво їм з боку гнилих і ліберальних елементів». І це, не зважаючи на пряму пропозицію висловитися з боку секретаря парткома тов. Файбісовича.
   Любченко також відмовчувався, не прийняв участі у викритті контрреволюціонера — троцькіста Штейнберга, викритого і вигнаного парторганізацією «Комуніст».
3. Одним з виразів непартійного ставлення до своїх обов'язків, як члена партії, є політичне безвідповідальне ставлення Любченка щодо виконання своїх обов'язків члена редколегії. Яскравий приклад цього — факт припущення найгрубішої, що перекручує текст, помилки в «Комуністі» від 26 жовтня 1934 року.

Секретар парткому *Файбісович*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Арк. 106-107. Оригінал. Машинопис.

№ 112

Протокол допиту Ю.Мазуренка 7 грудня 1934 р.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Мазуренко Юрия Петровича
от 7 декабря 1934 г.

Вопрос: Расскажите коротко Вашу автобиографию?

Ответ: Родился я в 1885 году в слободе Криворожье б. Донской области около Миллерово. Отец адвокат, крупный сельский буржуа, имел около 700 (семьсот) десятин земли, имел наемную рабочую силу от 20–25 чел. постоянно и сезонных около 60–80 чел. Умер отец в 1907 году.

До 1896 г. я учился в приходском училище у себя на селе. С 1897 г. по 1905 г. учился в гимназии — сначала в Новочеркасской, а затем в 6-й Петербургской, каковую и закончил. В том же 1905 году поступил в петербургский университет, каковой закончил в 1914 году. За этот период я арестовывался царским правительством в период 1905–1907 г. и был осужден на 1 года без зачета предварительного заключения. Обвинялся по ст. 129 ч. II и III — в крестьянских восстаниях на Дону.

С 1915 г. был мобилизован царской армией на фронт. Сначала был вольноопределяющим[ся], а затем в окопах был произведен в прапорщики, подпоручики и поручики. Последнее производство в поручики было в начале 1917 года. После февральской революции я несколько дней был уполномоченным военного министра, на правах комиссара при V армии. Июнь — 1917 года — командиром сводного отряда, на правах командира корпуса, в Петербурге. В Петербурге пробыл до декабря мес. 1917 года.

Вопрос: Что Вы делали в 1918 году?

Ответ: В декабре 1917 года я прибыл в Киев по командировке Всероссийского Союза защиты Учредительного собрания для организации военных сил на Юго-Западном и Румынских фронтах. В Киеве был председателем Военного комитета, объединявшего эти фронты. Комитет был эсеро-меньшевистский. В конце января 1918 года комитет был распущен.

Весь 1918 года занимался подпольной работой в период пребывания гетмана в Киеве, в организации УСДРП. Принимал участие в организации и руководстве восстанием против гетмана.

Вопрос: В период 1919-21 года что Вы делали?

Ответ: В 1919, вначале я был комиссаром культуры и искусств и одновременно комиссаром над б. министерством по иностранным делам и до приезда советского правительства; затем с апреля 1919 г. по август 1919 года был головным атаманом бандитского контр-революционного отряда, выступившего вместе с атаманами Зеленым, Григорьевым и др. против Советской власти. 1½ мес. сидел арестованным по приказанию Петлюры в Каменецк-Подольске, был освобожден при наступлении Деникина. В ноябре мес. 1919 г. я совместно с Ткаченко выехал, как представитель УКП в Москву — в ЦК для переговоров о едином фронте. Оттуда с Всеукр. ревкомом выехал в Харьков — то было в конце января 1920 года. С февраля 1920 года по декабрь 1921 года жил в Харькове, занимаясь партработой от УКП, членом ЦК и политтройки которых я был.

Вопрос: Где Вы работали с 1921 года до последнего времени?

Ответ: С апреля 1921 года по декабрь включительно 1921 года я работал в НКЗеме УССР в должности Нач. Главного Управления советскими коллективными хозяйствами. С апреля 1922 года по 1930 г. работал в Наркомюсте УССР, сначала зам. зав. отделом кодификации — до 1925 года, а с 1925 по 1930 г. — членом коллегии НКЮ и одновременно зав. отделом кодификации.

С 1930 по 1931 г. был председателем Всеукраинского общества культурной связи с заграницей.

С 1932 по 1933 г. был членом президиума Госплана УССР.

С сентября 1933 г. был начальником Госстрахконтроля, сначала при Госплане, а затем при Наркомхозе — до 1 августа 1934 года.

С августа 1934 года по день ареста — начальником планово-финансового сектора Наркомхоза.

Вопрос: В каких политических партиях и в какие периоды Вы состояли?

Ответ: С 1904 г. до января вкл. 1918 года я состоял в партии меньшевиков — РСДПР. С мая 1918 года в УСДРП — левая фракция, каковая в январе 1919 года, после решения съезда УСДРП, организовалась сначала во фракцию, а затем в партию, именовавшуюся УСДРП — незалежников. Затем в январе 1920 года УСДРП — незалежников реорганизовалась в УКП, вместе с УСДП — нез. я перешел в УКП.

8 декабря 1921 года на конференции УКП произошел раскол и я вместе с группой т.т. Ярко Яворский, Симон Андрей, Кулиниченко и др. вышел из УКП. Тогда же эта группа и я в том числе подали заявлением о приеме в КП(б)У. До 1923 года был вне партии. В 1923 году был принят через ЦК КП(б)У в ряды компартии.

Вопрос: Были ли под арестом, судом или следствием за период существования Совласти?

Ответ: В марте 1919 года был арестован Киевской ГубЧК, через 5 дней был освобожден; арестовывался как политический заложник вместе с группой незалежников.

В апреле 1919 года решением Украинского ЦИКа за участие в бандитском контрреволюционном восстании был объявлен вне закона. В начале 1920 года я был Всеукрревкомом амнистирован.

Протокол читал сам, показания с моих слов записаны правильно, что и удостоверяю подписью.

Мазуренко

Допросил: Уполномоченный СПО УГБ НКВД УССР *Хает*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 2. — Арк. 205–208. Оригінал. Рукопис.

№ 113

Протокол допиту Ю.Мазуренка 11 грудня 1934 р.

Вопрос: Кто из лиц, с коими вы были связаны, из числа Ваших знакомых был арестован органами ГПУ за 1932–34 годы?

Ответ: Из моих знакомых, связанных со мной, были арестованы органами ГПУ за контрреволюционную деятельность в период 1932–34 гг. следующие лица.

1. Шумский — знаю с 1919 г., на дому друг у друга не бывали.
2. Полоз — знаю с 1920 г., я бывал у него на дому.
3. Сирко Вас. — знаю с 1926/27 г., на дому друг у друга не бывали.
4. Скарбек — знаю с 1925 г., на дому друг у друга бывали.
5. Чехович — знаю с 1925 г., на дому друг у друга бывали.
6. Романюк — знаю с 1925 г.
7. Эрстенюк — знаю с 1925 г., на дому друг у друга не бывали.
8. Бадан — знаю с 1920 г.
9. Лозинский — проф., знаю с 1928/29 г.
10. Речицкий — знаю с 1918 г., друг у друга на дому бывали.
11. Авдиенко — знаю с 1918 г.
12. Приходько — знаю с 1920 г. — я у него на дому бывал.
13. Вишня Остап — с 1930 г., на дому друг у друга не бывали.
14. Тур — знаю с 1930 г.
15. Гуцуляк — знаю с 1931/32 г., на дому друг у друга бывали.
16. Максимович — знаю с 1926 г., на дому друг у друга не бывали.
17. Солодуб — знаю с 1920 г., на дому друг у друга бывали.
18. Рудницкий Ак. — знаю с 1928/29 г., на дому друг у друга не бывали.
19. Сияк Иван — знаю с 1919 г., на дому друг у друга не бывали.
20. Волох — знаю с 1919 г., на дому друг у друга не бывали.
21. Слипанский — знаю с 1928/29 г.
22. Билаш — знаю с 1928-29 г.
23. Викул — знаю с 1918 г., на дому друг у друга не бывали.
24. Виттек — знаю с 1928/29 г. —"—
25. Дятлов — знаю с 1928/29 г. —"—
26. Петренко — знаю с 1921 года —"—
27. Романишин — знаю с 1925 г. —"—
28. Мельник — знаю с 1925 г. —"—
29. Демчук — знаю с 1930 г. —"—
30. Озерский — знаю с 1926–27 г. —"—
31. Волобуев — знаю с 1927 г. —"—
32. Ковалев Левко — знаю с 1927 г. — бывал у него на дому и он бывал у меня.
33. Баран Мих. — знаю с 1926/27 г., друг у друга не бывали.
34. Коник — знаю с 1926/27 г.
35. Камышан — знаю с 1926/27 г., я у него бывал на дому.
36. Свидзинский — знаю с 1929 г., на дому друг у друга не бывали.
37. Левицкий — знаю с 1926–27 г. —"—
38. Бон — знаю с 1931 г. —"—
39. Конар — знаю с 1920 г.

За последний период времени, примерно с 1929, я имел беседы и встречался с Полозом, Чеховичем, Романюком, Эрстенюком, Баданом, Приходько, Тур, Гуцуляк, Максимовичем, Петренко, Демчук, Волобуев, Левко Ковалив, Камышан.

О датах знакомств со всеми лицами, указанными в протоколе, я приводил с приближенной точностью.

Протокол записан с моих слов правильно, сам читал.

Мазуренко

Допросил: Уполномоченный СПО УГБ НКВД УССР *Хает*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 2. — Арк. 211–212. Оригінал. Рукопис.

№ 114

Протокол допиту А.Панова 23 грудня 1934 р.

Протокол допроса

Панова Андрея Степановича
23.XII.34 г.

Вопрос: В своих показаниях от 9.XII.1934 г. Вы говорили, что вокруг Пилипенко группировалось националистическое ядро писателей, в том числе и Вы. Показаниями Пилипенко установлено что Вы являетесь членом контр-революционной организации. Подтверждаете ли Вы показания Пилипенко?

Ответ: Членом контр-революционной организации я себя не считаю.

Признаю себя виновным в том, что был в националистическом ядре Пилипенко среди писателей.

Протокол записан с моих слов правильно, мне прочитан.

А.Панов

Допросил: начальник 2 отд. СПО *Лисицкий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 6. — Арк. 91–92. Оригінал. Рукопис.

№ 115

Протокол допиту А.Панова 29 грудня 1934 р.

Протокол допроса

Панова Андрея Степановича
29.XII.34 г.

Вопрос: Признаете себя виновным в участии в подпольной контр-революционной организации?

Ответ: Да, признаю.

Вопрос: Кем и когда Вы были завербованы в подпольную контр-революционную организацию?

Ответ: Завербовал меня в организацию Пилипенко в 1929 году, с которым я вообще был связан еще с 1922 года. В 1929 году Пилипенко начал активно предпринимать меры к организованной борьбе с Советской властью. Он говорил об угнетении Украины, о том, что Украина — колония России.

Вопрос: Какие причины понудила Вас стать на путь борьбы с Советской властью?

Ответ: С одной стороны, мое мелкобуржуазное происхождение, я — сын волостного писаря, с другой — я находился под большим влиянием Пилипенко, который воспитывал меня в националистическом контр-революционном духе.

Вопрос: Кого Вы знаете как членов контр-революционной организации?

Ответ: В подпольную организацию, руководимую Пилипенко, входили следующие лица: я — Панов, Штангей, Головко, Савченко, Грудына, Ведмицкий, Лавриненко, Заяц, Гуменна и друг.

В последующих показаниях я буду давать конкретные факты деятельности контр-революционной организации.

Протокол написан с моих слов правильно, мною прочитан.

А.Панов

Допросил: начальник 2 отд. СПО *Лисицкий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 6. — Арк. 96–97. Оригінал. Рукопис.

№ 116

Постанова про долучення до справи В.Поліщука речового доказу 9 січня 1935 р.

Постановление

Гор. Киев, 9-го января, 1935 г. я, уполномоченный СПО УГБ НКВД УССР Проскуряков, рассмотрев переписку и вещдоки, изъятые при обыске у гр. Полищука Валерьяна Львовича, арестованного по обвинению в принадлежности к контрреволюционной украинской националистической организации и участии в подготовке террористических актов против руководителей партии и Советской власти на Украине,

нашел:

что в отобранном при обыске журнале «Авангард» № 3, выходившем под редакцией Полищука В.Л., кроме разлагающих афоризмов порнографического содержания (стр. 119, 180), на стр. 117 помещена статейка к-р украинско-шовинистического характера «Ванька-Встанька», которую Полищук характеризует в своих показаниях от 11.I–35 г., как «Гнуснейший пасквиль на СССР».

Учитывая, что направление журнала «Авангард», в частности его № 3, и указанный характер статейки «Ванька-Встанька» свидетельствуют об определенных антисоветских и националистических взглядах редактора журнала и автора статейки «Ванька-Встанька» Полищука Валерьяна, который использовал редактируемый им журнал «Авангард» как легальную возможность для протаскивания к-р украинско-шовинистической литературной продукции, —

постановил:

Приобщить журнал «Авангард» № 3 к следственному делу № 1255 по обвинению Полищука ВЛ. по ст.ст. 54–8 и 54–11 УК УССР как вещественное доказательство.

Уполномоченный СПО *Проскуряков*

«Согласен» Нач. 2 отделения СПО *Долинский*

«Утверждаю» Нач. СПО УГБ НКВД УССР *Козельский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 5. — Арк. 68–69. Оригінал. Машинопис.

№ 117

Протокол допиту В.Підмогильного 12 грудня 1934 р.

Протокол допроса

обвиняемого В.Пидмогильного
12.XII.1934 г.

Вопрос: С кем и когда Вы вели разговоры о Ваших террористических тенденциях?
Ответ: Никогда, ни с кем разговоров о своих террористических тенденциях я не вел, так как этих тенденций не имел.
Вопрос: В своих показаниях обвиняемый С.Пилипенко от 22.XII.1933 г. показывает, что на заседании актива контр-революционной организации в качестве резерва террористических троек им были выделены Вы — Пидмогильный. Вы подтверждаете эти показания?
Ответ: Эти показания я отрицаю и считаю, что это показание является сплошной клеветой. С Пилипенко я лично не был знаком, никогда с ним не встречался, Пилипенко со мной на улице не здоровался. О существовании контр-революционной террористической организации, к которой принадлежал Пилипенко, ни о какой-либо иной я никогда не знал. С.Пилипенко знал меня по издательству «Червоний шлях», ДВУ, «ЛИМ» лишь официально.
Протокол записан с моих слов верно и мне прочитан.

В.Пидмогильный

Допросил: Уполномоченный 2 отд. СПО *Блиок*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 5. — Арк. 271. Оригінал. Рукопис.

№ 118

Заява В.Підмогильного 14 грудня 1934 р.

До слідчого Бліока

Заява

Вислухавши пред'явлене мені обвинувачення в приналежності до терористичної організації і провадженні терористичної діяльності; Мавши змогу на підставі чотирьох допитів уяснити собі, що матеріал мого обвинувачення складається з зізнань осіб, які (зізнання) Ви в праві мені не показати, осіб, з якими Ви не можете або не вважаєте за потрібне дати мені зведення на очі і про яких Ви заявляєте мені, т.к. я не побачу їх навіть на суді, а в таких умовах попереднє слідство втрачає для мене цінність, бо я не можу мати ніякого реального способу спростувати ці зізнання; Беручи до уваги, що, за Вашою заявою, матеріал у моїй справі достатній для віддання мене до суду, отже попереднє слідство в цій справі є лише додатковим, а поскільки я категорично заперечую обвинувачення, я не зможу ніяким чином доповнити той матеріал, що вже є, ні в частині, скерованій проти мене, ні в частині, яка може бути скерована проти інших осіб. Почуваючи, отже, свою цілковиту безсилість вплинути на наслідок попереднього слідства по кожному окремому даному проти

мене зізнанню, а також свою неспроможність бути корисним у процесі переднього слідства як для себе самого, так і для справи, порушеної проти мене, — я даю таке сумарне зізнання:

1) Ніколи ні до якої терористичної організації я не належав і не належу.

2) Ніколи ніякої терористичної діяльності не проводив.

3) Про існування подібних організацій, про їх діяльність або про діяльність осіб, зв'язаних з ними, я ніколи нічого не знав інакше, як з виступів представників Радвлади й партії в пресі й на прилюдних зборах.

4) Тому всякі зізнання інших осіб по обвинуваченню мене в приналежності до терористичної організації і в терористичній діяльності я рішуче відкидаю, як брехливі і наклепницькі.

Підмогильний

14.XII.34.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 5. — Арк. 272.
Оригінал. Рукопис.

№ 119

Протокол допиту В.Штангея 31 грудня 1934 р.

Протокол допроса обвиняемого

Штангея Владимира Фокиевича
31.XII.1934 г.

Вопрос: В показании от 27.XII.34 г. вы указывали, что из членов к-р организации наибольшую активность к контрреволюционным действиям проявляли Пилипенко и Гжицкий. Расскажите детально по этому поводу.

Ответ: Гжицкий Вл.З. с особой ненавистью относился к секретарю ЦК КП(б)У П.П.Постышеву. Часто, буквально с пеной у рта, он говорил, что П.П.Постышев разгромил украинскую культуру, село гибнет. Украинское село русифицируется, все из села забирают, а ничего не дают. В последний раз Гжицкий об этом мне говорил в 1933 году, в августе месяце, когда я его встретил на курорте в Мацесте. Все его мысли сводились к тому, чтобы Постышева не было на Украине. Среди членов нашей контрреволюционной организации Гжицкий отличался как наиболее ярый фашист.

Пилипенко с особой злобой и ненавистью относился к Секретарю ЦК — Коссиору С.В. О Постышеве он мне ничего не говорил. Много Пилипенко говорил о Скрипнике, о том, что его в ЦК КП(б)У затирают и дословно выразился: «Там старика съедят». Пилипенко часто посещал Скрипника и о нем говорил, как о лучшем представителе Украины.

Вопрос: Кто еще из членов контрреволюцинной организации говорил с Вами по такому вопросу?

Ответ: В менее резкой форме говорили Лавриненко и Заяц. Они также проявляли злобное отношение к Постышеву и ко всем его мероприятиям.

Протокол написан с моих слов, мною прочитан.

В.Штангей

Допросил: Начальник 2 отд. СПО *Лисицкий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 6. — Арк. 209–211.
Оригінал. Рукопис.

№ 120

Вирок у справі № 0024 стосовно М.Любченка, Г.Епіка та інших 28 березня 1935 р.

Дело № 0024

Копия с копии
Совершенно секретно

ПРИГОВОР № 26

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

в составе:

Председателя — В.В.Ульрих
Членов: — Я.Я.Рутман и И.Т.Голякова
при секретаре — А.А.Батнер

без участия обвинения и защиты, в закрытом судебном заседании 27 и 28 марта 1935 года в гор. Киеве, рассмотрела дело по обвинению:

1. Полоцкого Александра Аркадьевича, 1886 года рождения, урож. Харьковской обл., с высшим образованием, бывш. члена ВКП(б), до ареста — директор «Укркнигторга».

2. Любченко Николая Петровича, 1896 года рождения, урож. гор. Киева, с незаконченным высшим образованием, бывш. члена ВКП(б), бывш. члена редколлегии газеты «Коммунист».

3. Семко-Козачука Семена Михайловича, 1889 года рождения, урож. Польши, бывш. офицера царской армии, бывш. члена КП(б)У, бывш. завотделом Госстраха Наркомфина УССР.

4. Мазуренко Юрия Петровича, 1885 года рождения, урож. бывш. Донской области, сын помещика, с высшим образованием, бывш. офицера царской армии, бывш. члена КП(б)У, бывш. начальника планово-финансового сектора Наркомхоза УССР.

5. Кудри Данила Евменовича,1885 года рождения, урож. УССР, сына кулака, бывш. штабс-капитана царской армии, исключенного из КП(б)У, бывш. директора Всеукраинской конторы сельхозбанка.

6. Ковалева Левко Борисовича, 1894 года рождения, урож. гор. Харькова, из дворян, с высшим образованием, беспартийного, бывш. старшего химика Института им. Карпова.

7. Кулиша Николая Гурьевича, 1892 года рождения, урож. УССР, бывш. офицера царской армии, литератора, со средним образованием, исключенного из КП(б)У за национализм.

8. Эпика Григория Даниловича, 1901 года рождения, урож. Днепропетровской области, с высшим образованием, бывш. участника петлюровской банды, исключенного из КП(б)У за национализм.

9. Полищука Валерьяна Львовича, 1897 года рождения, урож. УССР, литератора, с высшим образованием, беспартийного.

10. Вражливого-Штанько Василия Яковлевича, 1903 года рождения, урож. УССР, сына кулака, с высшим образованием, литератора, беспартийного.

11. Пидмогильного Валерьяна Петровича, 1901 года рождения, уроженца Днепропетровской области, петлюровца, с высшим образованием, беспартийного, литературного переводчика.

12. Плужника Евгения Павловича, 1896 года рождения, урож. Воронежской области, сына торговца, с незаконченным высшим образованием, литератора, беспартийного.

13. Панова Андрея Степановича, 1899 года рождения, урож. Харьковской области, с высшим образованием, литератора, беспартийного.

14. Штангея Владимира Фокиевича, 1896 года рождения, урож. Киевской области, бывш. участника эсеровского восстания против Соввласти, литератора, с высшим образованием, беспартийного.

15. Ванченко Петра Захаровича, 1898 года рождения, урож. Полтавского района, УССР, с незаконченным высшим образованием, литератора, беспартийного.

16. Майфета Григория Иосифивича, 1903 года рождения, урож. Харьковской области, сына священника, с высшим образованием, по профессии педагога, беспартийного, бывш. литератора, бывш. лектора истории музыки в Полтавском музтехникуме, и

17. Ковинько Александра Ивановича, 1900 года рождения, урож. Решетиловского района, УССР, бывш. хорунжего петлюровской армии, со средним образованием, литератора, беспартийного — всех семнадцать в преступлениях, предусмотренных статьями 54–8 и 54–11 Уголовного Кодекса УССР.

ДАННЫМИ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР УСТАНОВИЛА СЛЕДУЮЩЕЕ:

При ликвидации украинской партии боротьбистов в КП(б)У влилась значительная часть контрреволюционно-настроенных элементов, которые вошли в партию как двурушники с целью ведения в партии подрывной работы. Эти боротьбистские элементы создали впоследствии контрреволюционную подпольную боротьбистскую организацию, которая в течение ряда лет до конца 1934 года проводила внутри КП(б)У работу по накоплению националистических сил, по распределению их в Советском и партийном аппаратах.

Контрреволюционная боротьбистская организация основной задачей ставила свержение Советской власти в УССР, отрыв ее от Советского Союза и создание независимого украинского буржуазного государства.

Потерпев полную неудачу в подготовке вооруженного восстания, не встречая никакой поддержки у рабочих, колхозников и остальных трудящихся Советской Украины, контрреволюционная боротьбистская организация осенью 1933 года поставила перед собой задачу — подготовку террористических актов против руководителей Советской власти и коммунистической партии.

Руководящий центр контрреволюционной боротьбистской организации в 1934 году состоял из Полоцкого, Любченко Николая, Мазуренко, Эпика, Кудри, Симко-Козачука, Кулиша, Ковалева.

Для непосредственной подготовки террористических актов руководящим центром были созданы местные террористические группы в Полтаве, Харькове и Киеве. Полтавская террористическая группа, которая состояла из Панченко, Майфета и Ковинько, готовила совершение теракта против тов. Постышева.

Харьковская группа, организованная Эпиком, и состоявшая из Полищука, Вражливого-Штанько и Пидмогильного, приступила к подготовке теракта в отношении т.т. Постышева и Балицкого. Организованная осужденными впоследствии по делу УВО Пилипенко Харьковская террористическая группа в составе Панова и Штангея, тесно связанная с членами руководящего боротьбистского контрреволюционного центра Эпиком и Кудрей, подготовила террористические акты против т.т. Коссиора и Постышева.

Киевская террористическая группа, организованная Эпиком состояла из Косынки (уже осужденного) и подсудимого по данному делу Плужника и подготовляла покушение на руководителей Советской власти и коммунистической партии. Кроме того Плужник поддерживал связь между Киевской и Харьковской тергруппами.

Члены руководящего центра контрреволюционной боротьбистской организации Кулиш, Эпик, Ковалев, при содействии руководителя Харьковской тергруппы Полищука, осенью 1934 года приступили к подготовке террористического акта в отношении тов. Сталина, причем непосредственное исполнение теракта было ими поручено члену организации бывш. члену ЦК ПСР Буревому, уже осужденному. Прямое содействие Буревому в

исполнении этого теракта было возложено на Ковалева, большую часть времени проживавшего в Москве.

Полоцкий, Любченко и Мазуренко, как члены руководящего центра контрреволюционной боротьбистской организации, занимались не только вербовкой членов организации, но и созданием местных террористических групп, а Полоцкий, кроме того, поддерживал связь с эмиссарами «Объединения украинских националистов» (ОУН) Бачинским и Антоном Крушельницким.

Член того же центра Кудря, работая в качестве директора Всеукраинской конторы с/х банка, насаждал контрреволюционные элементы в банковском и кооперативном аппаратах, оказывая им материальную помощь. Как член центра, Кудря был осведомлен о террористических планах организации.

Семко-Козачук, являясь членом центра контрреволюционной боротьбистской организации, занимался вербовкой новых членов организации и, кроме того, принимал активное участие в решении вопросов, связанных с переходом организации к тактике террора.

Таким образом устанавливается виновность:

1. Полоцкого, Мазуренко, Любченко, Семко-Козачука, Кудри, Ковалева, Кулиша, Эпика, Полищука, Вражливого-Штанько, Пидмогильного, Плужника, Панова, Штангея, Майфета, Ванченко, Ковинько — в совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 54–8 и 54–11 УК УССР.

На основании изложенного и руководствуясь постановлением ЦИК СССР от 1-го декабря 1934 года, Выездная Сессия Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР, —

приговорила:

1. Полоцкого Александра Аркадьевича,
2. Любченко Николая Петровича,
3. Мазуренко Юрия Петровича,
4. Ковалева Левко Борисовича,
5. Кулиша Николая Гурьевича,
6. Эпика Григория Даниловича,
7. Полищука Валерьяна Львовича,
8. Вражливого-Штанько Василия Яковлевича,
9. Пидмогильного Валериана Петровича,
10. Плужника Евгения Павловича,
11. Панова Андрея Степановича,
12. Штангея Владимира Фокиевича,
13. Ванченко Петра Захаровича,
14. Майфета Григория Йосифовича,
15. Ковинько Александра Ивановича –

всех пятнадцати к лишению свободы сроком на десять лет каждого с конфискацией лично принадлежащего им имущества.

16. Кудрю Данила Евменовича и
17. Семко-Козачука Семена Михайловича —

к лишению свободы на семь лет, с конфискацией лично им принадлежащего имущества.

Всем осужденным зачесть время предварительного заключения.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

П/П Председательствующий — В.Ульрих

члены: — Рутман, Голяков

Справка: Подлинник приговора находится в архивно-следств. деле № 234896, которое хранится в Отделе «А» МГБ СССР.

Верно: Оперуполном. 1 Отд. 1 Отдела УО МГБ на Печерской ж.д.
майор *Можаров*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 8. — Арк. 95–98. Копія. Машинопис.

№ 121

Ухвала Військової колегії Верховного Суду СРСР про реабілітацію групи осіб 4 серпня 1956 р.

Копия с копии.
Секретно
Экз. № 1

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № СП-0034/35

Военная коллегия Верховного Суда СССР

В составе: Председательствующего — полковника юстиции Лихачева
и членов: — подполковника юстиции Иваненко
— подполковника юстиции Бороздина

Рассмотрела в заседании от 4 августа 1956 года заключение Главного военного прокурора по делу осужденных приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР от 27–28 марта 1935 года по ст.ст. 54–8 и 54–11 УК УССР:

Полоцкого Александра Аркадьевича, 1886 года рождения, уроженца с. Сорочинцы Харьковской области, работал до ареста 5 декабря 1934 года директором Укркнигторга;

Любченко Николая Петровича, 1896 года рождения, уроженца г. Киева, работал до ареста 5 декабря 1934 года членом редколлегии газеты «Коммунист»;

Мазуренко Юрия Петровича, 1885 года рождения, уроженца слободы Криворожье Донской * области, работал до ареста 5 декабря 1934 года начальником планово-финансового сектора Наркомхоза УССР;

Ковалева Левко Борисовича, 1894 года рождения, уроженца гор. Харькова, работал до ареста 5 декабря 1934 года старшим химиком института им. Карпова;

Кулиша Николая Гурьевича, 1892 года рождения, уроженца с. Чаплинка Хорловского района, работал до ареста 8 декабря 1934 года литератором;

Эпика Григория Даниловича, 1901 года рождения, уроженца с. Каменка Днепропетровской области;

Полищука Валерьяна Львовича, 1897 года рождения, уроженца села Вильче Волынской губернии, до ареста 6 декабря 1934 года литературный работник;

Вражливого-Штанько Василия Яковлевича, 1903 года рождения, уроженца местечка Спошня Полтавской губернии, до ареста 25 декабря 1934 года литературный работник;

Пидмогильного Валерьяна Петровича, 1901 года рождения, уроженца села Чапли Днепропетровской области, работал до ареста 8 декабря 1934 года переводчиком в издательстве «ЛИМ»;

---

* Так у тексті документу.

Плужника Евгения Павловича, 1898 года рождения, уроженца гор. Кантемировка Воронежской области, работал до ареста 5 декабря 1934 года литературным работником;

Панова Андрея Степановича, 1899 года рождения, уроженца села Прорув Белопольского района Харьковской области, работал до ареста 6 декабря 1934 года литературным работником;

Штангея Владимира Фокиевича, 1895 года рождения, уроженца села Мажурово Тальновского района Киевской области, работал до ареста 6 декабря 1934 года литературным работником;

Ванченко Петра Захаровича, 1898 года рождения, уроженца села Жуки Полтавского района той же области, до ареста 6 декабря работал литературным работником;

Майфета Григория Иосифовича, 1903 года рождения, уроженца Харьковской области, работал до ареста 6 декабря 1934 года преподавателем музыки в Полтавском музыкальном техникуме;

Ковинько Александра Ивановича, 1900 года рождения, уроженца села Плоски Решетиловского района, до ареста 6 декабря 1934 года — литературный работник;

Все пятнадцать человек к десяти (10) годам лишения свободы в ИТЛ каждый с конфискацией лично принадлежащего им имущества.

Семко-Козачука Семена Михайловича, 1889 года рождения, уроженца мест. Холмщина (Польща) работал до ареста 8 января 1935 года зав. отделом Госстраха Наркомфина УССР;

Кудрю Данила Евменовича, 1885 года рождения, уроженца хутора Березовские Полтавского района той же области, работал до ареста 13 декабря 1934 года директором Всеукраинской конторы Сельхозбанка —

Оба к семи (7) годам лишения свободы в ИТЛ каждого с конфискацией лично принадлежащего им имущества;

и постановления Особой тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года в отношении Эпика Г.Д., Мазуренко Ю.П., Пидмогильного В.И., Панова А.С., Кулиша Н.Г. и Штангея В.Ф.; от 25 ноября 1937 года в отношении Вражливого-Штанько В.Я. и Любченко Н.П. — которыми все восемь человек подвергнуты расстрелу; и постановления Особого совещания при МГБ СССР от 24 мая 1947 года и от 7 июля 1950 года, которыми Ковинько А.И. первоначально сослан в ссылку в Якутскую АССР на три года, а затем сослан на поселение на Дальний Север, и от 9 июня 1951 года, коим Майфет Г.И. сослан на поселение в Коми АССР под надзор органов МГБ.

Заслушав доклад тов. Бороздина и заключение пом. Главного военного прокурора подполковника юстиции Базыкина об отмене приговора, постановлений тройки УНКВД Ленинградской области и Особого совещания при МГБ СССР и прекращении дела в отношении всех осужденных, Военная коллегия Верховного Суда СССР —

у с т а н о в и л а:

Судом Полоцкий, Любченко, Мазуренко, Эпик, Кудря, Семко-Козачук, Кулиш и Ковалев были признаны виновными в том, что они являлись членами центра антисоветской боротьбистской организации, а Ванченко, Майфет, Ковинько, Полищук, Вражливый-Штанько, Пидмогильный, Панов, Штангей и Плужник — участниками террористических групп, созданных этой организацией.

По тому же обвинению Эпик, Мазуренко, Пидмогильный, Панов, Кулиш, Штангей, Вражливый-Штанько и Любченко тройкой в 1937 году были расстреляны, а Ковинько и Майфет решением Особого совещания при НКВД СССР сосланы на поселение.

В своем заключении прокурор указывает, что все подсудимые за исключением Ковалева, который виновным себя не признал, а также Пидмогильного и Панова, частично признавших себя виновными, виновными себя в суде признали, однако, как видно из материалов дела, их признательные показания весьма противоречивы, путаны и неубедительны, а потому, как доказательства, не внушают доверия.

Так, Кулиш, Полищук, Кудря и Ковинько в поданных ими жалобах после осуждения утверждают, что они никаких преступлений не совершали и просят их полной реабилитации.

Допрошенные в ходе проверки данного дела Ковинько и Кудря показали, что они ни в каких антисоветских организациях не состояли, причем первый из них утверждал, что подобных показаний о принадлежности к антисоветской организации не давал, а Ковинько заявил, что вынужден был оговорить себя в силу применения к нему незаконных методов следствия.

По показаниям осужденных по настоящему делу и другим делам Вражливого-Штанько, Кулиша, Озерского, Пилипенко, Чечванского и др. проходят как активные участники антисоветской боротьбисткой организации Остап Вишня, Досвитный, Тычина, Бажан и Рыльский, между тем установлено, что двое первых, хотя и были осуждены, однако они в октябре 1955 года полностью реабилитированы, а трое последних к уголовной ответственности не привлекались и в настоящее время являются известными писателями и общественными деятелями.

В ходе проверки были изучено 53 смежных дела более чем на 100 осужденных, причем установлено, что многие из них уже реабилитированы, другие виновными себя не признали или отказались от своих показаний, по показаниям остальных никто из осужденных по данному делу не проходит.

Так, Семко-Козачук назвал в своих показаниях активными участниками антисоветской организации Рубач (Рубанович) и Трилисского. Установлено, что они в настоящее время реабилитированы.

Савченко, Грудин, Фальковский, Божко, Турская, Косяченко и др., которые показали о принадлежности некоторых из осужденных по данному делу к антисоветской организации, впоследствии от этих показаний отказались.

Показания арестованных по другим делам Озерского, Кириленко, Чечванского, Иогансона, Волобуева, Лебедя, Коссака, Минкевича, Проня и многих других, изобличавших осужденных по данному делу в контрреволюционной деятельности, также не внушают доверия, так как установлено, что они наряду с этим оговорили ряд лиц, которые вообще не привлекались к уголовной ответственности и что следствие по их делам вели бывшие работники НКВД, осужденные впоследствии как фальсификаторы.

Допрошенные в ходе дополнительного расследования свидетели Головко и Бедзик, знавшие Кулиша, Эпика, Штангея и Полищука, дали на них положительную характеристику, положительно отзываются о Полищуке председатель правления советских писателей Украины М.Бажан, О.Вишня и член КПСС с 1917 года Зельдич.

Зав. отделом Украинской советской литературы кандидат филологических наук С.Крыжановский дал положительные рецензии на произведения Ковинько и Панова.

Проверкой также установлено, что бывшие работники НКВД УССР Пустовойтов, Проскуряков, Грушевский, Гордон и другие, участвовавшие в расследовании данного дела, впоследствии за фальсификацию уголовных дел и применение к арестованным незаконных методов следствия были осуждены, причем им вменялась в вину и фальсификация дела в отношении Пидмогильного, Плужника, Эпика и Штангея.

По вышеизложенным основаниям Главный военный прокурор просит приговор, постановления тройки УНКВД и Особого совещания при НКВД СССР в отношении всех осужденных по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о них прекратить за отсутствием состава преступления.

Проверив материалы дела и соглашаясь с доводами, изложенными в заключении прокурора, а также учитывая, что Полоцкий, Любченко и другие лица, проходившие по данному делу, были осуждены необоснованно по сфальсифицированным материалам, Военная коллегия Верховного Суда СССР, —

о п р е д е л и л а:

Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 27–28 марта 1935 года в отношении Полоцкого Александра Аркадьевича, Любченко Николая Петровича, Мазуренко

Юрия Петровича, Ковалева Левко Борисовича, Кулиша Николая Гурьевича, Эпика Григория Даниловича, Полищука Валерьяна Львовича, Вражливого-Штанько Василия Яковлевича, Пидмогильного Валерьяна Петровича, Плужника Евгения Павловича, Панова Андрея Степановича, Штангея Владимира Фокиевича, Ванченко Петра Захаровича, Майфета Григория Иосифовича, Ковинько Александра Ивановича, Семко-Козачука Семена Михайловича и Кудри Данила Евменовича, а также постановления Особой тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября и 25 ноября 1937 года в отношении Эпика Г.Д., Мазуренко Ю.П., Пидмогильного В.П., Панова А.С., Кулиша Н.Г., Штангея В.Ф., Вражливого-Штанько В.Я., Любченко Н.П. и постановления Особого совещания при МГБ СССР от 24 мая 1947 года и от 7 июля 1950 года в отношении Ковинько А.И. и от 9 июня 1951 года о Майфете Г.И. — по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о них прекратить за отсутствием состава преступления.

Председательствующий *Лихачев*

Члены: *Иваненко*
Бороздин

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 36546-ФП. — Т. 8. — Арк. 112–117. Оригінал. Рукопис.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО В.КРУШЕЛЬНИЦЬКОЇ

№ 122

Постанова про арешт В.Крушельницької 14 грудня 1934 р.

г. Харьков 14.XII.1934 г. Я, уполномоченный 2 отд. СПО Упр. госбезоп. ХОУ НКВД УССР, рассмотрев материал по обвинению гр. Крушельницкой Вольдемиры Антоновны, 1903 г. рождения, врача института венерологии, б/п, в преступлениях, предусмотренных ст. 54–8 УК и выразившихся в том, что она, Крушельницкая В.А., является участницей к-р террористической организации, ставившей своей целью организацию террора на вождей партии, нашел, что Крушельницкая, находясь на свободе, может осуществить свои намерения.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 143, 145 УПК УССР,

постановил:

1) Избрать мерой пресечения способов уклониться от суда и следствия по отношению к обвиняемой Крушельницкой В.А. содержание под стражей в спецкорпусе № 1.

2) Настоящее постановление в порядке ст. 144 УПК УССР и приказа ОГПУ и Прокурора Союза от 16/V–33 г. № 1/065 представить для санкции военному Прокурору.

Уполномоченный СПО *Блиок*

Согласен: Пом. нач. СПО *Якушев*

Согласен: Нач. ХОУ НКВД *Карлсон*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 2. — Спр. 1720. — Арк. 1. Оригінал. Машинопис на бланку.

№ 123

Обвинувальний висновок у справі В.Крушельницької 4 лютого 1935 р.

По делу № 7273

Обвинительное заключение

По обвинению Крушельницкой Вольдемиры Антоновны в совершении преступлений, предусмотренных ст. 54–8 УК УССР.

В Харьковское облуправление НКВД поступили данные о том, что Крушельницкая Вольдемира Антоновна, ассистент венерологического института, прибывшая из Польши в декабре 1931 года, является членом контрреволюционной террористической организации, тесно связана с руководителями ОУН Бачинским и Сказинским, а также связана с польским консульством.

Отец Крушельницкой — Антон Владиславович Крушельницкий — в декабре 1934 года был арестован как один из руководителей контрреволюционной организации ОУН, два брата ее — Иван Антонович и Тарас Антонович Крушельницкие — в декабре 1934 года, согласно приговору Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР в г. Киеве, расстреляны как участники террористической организации.

Два брата — Богдан Антонович и Остап Антонович Крушельницкие — были также арестованы в декабре 1934 г. как участники террористической организации, следствие о которых ведется Секретно-политическим отделом УГБ ХОУ НКВД.

На основании изложенного привлеченная в качестве обвиняемой Крушельницкая Вольдемира Антоновна, 1903 г. рождения, уроженка г. Коломыи (Польша), по национальности галичанка, подданная УССР, дочь бывш. петлюровского министра, по профессии врач-дерматолог, ассистент института венерологии и дерматологии, со слов не судима, —

обвиняется в том, что она являлась членом контрреволюционной террористической организации «Объединение украинских националистов» (ОУН).

Допрошенная в качестве обвиняемой Крушельницкая Вольдемира Антоновна виновной себя в предъявленном ей обвинении не признала, отрицая свое участие в контрреволюционной организации, однако подтвердила свое знакомство с членами организации Сказинским и Бачинским.

«...Познакомилась я с Бачинским на квартире у отца в июле-августе 1934 года. Во второй раз он был с визитом в сентябре м-це вместе с дочкой, разговоры у меня были больше с дочерью Бачинского, которая рассказывала о своей жизни в Германии и своей работе в Советском Союзе, высказывала мнение, что в Советском Союзе ей все чужое и что надо ознакомиться» (л.д. 27).

«Со Сказинским я познакомилась во Львове в кафе в 1930 г. Познакомил меня с ним мой отец; в Харькове я встретилась с ним также на квартире у отца, у которого он был раза три...» (л.д. 27).

Крушельницкая также подтвердила свое знакомство с рядом осужденных по делу УВО и лиц, привлеченных в 1934 г. по делу ОУН. «...Я была знакома с Курбасом, Бучмой, Бортником, Гирняком, Бабинским, Крушельницким, Ирчаном, Гжицким, Рудницким...» (л.д. 25). «...Я была знакома с Ивановым, Подмогильным, Полищуком, Семенко и Вражливым...» (л.д. 25).

По поводу своей связи с польским консульством в Харькове — Крушельницкая показывает: «...В 1932 г. я была в польском консульстве 2 раза по поводу получения справки о работе моей в Харькове для получения разрешения на возвращение из Польши в Харьков. В 1933 году я была один раз по поводу продления своего паспорта и в 1934 г. в марте я была тоже один раз по поводу паспорта...» (л.д. 25).

Допрошенная в качестве свидетеля гр-нка Крицман З.Ф. — ассистент венерологического института — показала, что Крушельницкая среди сотрудников высказывала контррево-

люционные настроения по поводу самоубийства Скрипника: «...После самоубийства Скрипника в июле 1933 г., Крушельницкая в беседе с сотрудниками института о причинах самоубийства Скрипника в присутствии меня заявила приблизительно так: «Вот теперь я узнала, что такое диктатура пролетариата. Человеку нельзя высказывать свое справедливое мнение. В партии большой зажим. Так, например, Постышев всегда нападал и обвинял Скрипника, который этого зажима уже перенести не мог, почему и решил покончить с собой...» (л.д. 30).

Принимая во внимание, что следственных материалов для предания обвиняемой Крушельницкой В.А. суду недостаточно и учитывая ее социальную опасность,

полагал бы:

Следственное дело № 7273 по обвинению Крушельницкой Вольдемиры Антоновны направить на рассмотрение Особого совещания при НКВД УССР с ходатайством о заключении ее в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года.

Справка: Обвиняемая Крушельницкая содержится в спецкорпусе № 2 и с сего числа перечисляется за Особым совещанием. Вещдоков по делу нет.

При деле находится один пакет с личными документами и материалами обыска.

Уполномоченный *Блиок*

Начальник 2 отд. СПО *Лисицкий*

Согласен: Пом. начальника СПО УГБ ХОУ НКВД *Говлич*

Утверждаю: Зам. нач. ХОУ НКВД УССР *Каминский*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 2. — Спр. 1720. — Арк. 31–34.
Оригінал. Машинопис.

№ 124

Висновок у справі В.Крушельницької 11 лютого 1935 р.

7223 №-057/СП

Заключение

Гор. Харьков, 1935 г., 11 февраля. Пом. Военного прокурора 14 стр. корпуса Цирульницкий, рассмотрев следственное дело № 7273 по обвинению Крушельницкой Вольдемиры Антоновны в преступлениях, предусмотренных ст. 54–8 УК УССР,

нашел:

1. Что следственным материалом по делу гр. Крушельницкая Вольдемира в достаточной степени изобличается в том, что она является членом к-р террористической организации и по прибытии в 1931 г. из Польши установила тесную связь с активными руководителями организации «УВО» и поддерживала таковую на протяжении всего времени, впоследствии с руководителями к-р организации «ОУН».

2. Что допрошенная в качестве обвиняемой Крушельницкая Вольдемира в предъявленном ей обвинении виновной себя не признала, однако не отрицает своей связи с ныне осужденными руководителями к-р организации Бачинским и Сказинским.

3. Что собранных материалов по делу достаточно для привлечения к судебной ответственности Крушельницкой Вольдемиры по ст. 54–8 УК УССР, но имея в виду, что проверить свидетельские показания ныне осужденного Бачинского и Сказинского не представляется возможным, учитывая социальную опасность Крушельницкой Вольдемиры — два брата Иван

и Тарас Крушельницкие в декабре 1934 года согласно приговору Военной коллегии Верхсуда Союза — расстреляны, два брата арестованы как участники к-р организации, отец — быв. петлюровский министр — предан суду как руководитель к-р организации «ОУН», и руководствуясь постановлением ЦИКа СССР от 10.7.34 г.,

постановил:

Обвинительное заключение по делу Крушельницкой Вольдемиры Антоновны, 1903 г. рождения, уроженка г. Коломыи (Польша), по национальности галичанка, подданная УССР, дочь быв. петлюровского министра, ассистент Института венерологии и дерматологии, не судившаяся, по обвинению ее по ст. 54–11, 54–8 УК УССР — утвердить и дело направить на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР на предмет высылки ее в отдаленные местности Союза.

Пом. Военного прокурора 14 стр. корпуса *Цирульницкий*

С заключением пом. ВП 14 с/к и СПО УГБ НКВД УССР высылке Крушельницкой В.

Согласен: ВП УПО *Підпис нерозбірливий*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 2. — Спр. 1720. — Арк. 35.
Оригінал. Машинопис.

№ 125

Постанова у справі В.Крушельницької 27 лютого 1935 р.

УТВЕРЖДАЮ
Зам. Нар. Ком. Внутр. Дел УССР
Кацнельсон
19.III.1935 г.

Постановление

1935 года, февраля 27-го дня. Я, уполномоченный СПО УГБ НКВД УССР Акимов, рассмотрев следственное дело за № 7273/64612 Харьковского облуправления НКВД УССР по обвинению Крушельницкой Вольдемиры Антоновны по ст. 54–11 УК УССР и найдя, что:

1. Материалами следствия обвиняемая изобличается в причастности к к-р террористической организации «ОУН», к которой принадлежали также привлеченные по этому делу отец — Крушельницкий Антон и осужденные братья — Иван и Тарас Крушельницкие, расстрелянные по приговору ВС Военной коллегии Верховного Суда СССР;

2. Обв. была тесно связана с руководителями организации «ОУН» Бачинским и Сказинским, а также с польским консульством;

3. Отрицает свою принадлежность к к-р организации. Обвиняемая признала связь с указанными лицами и с польским консульством, — в соответствии с постановлением ЦИК СССР от 10.VII.1934 года

постановил:

Дело за № 7273/64612 Харьковского Облуправления НКВД по обвинению Крушельницкой Вольдемиры Антоновны направить на рассмотрение Особого совещания при НКВД с ходатайством о заключении Крушельницкой В.А. в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года.

Уполномоченный СПО *Акимов*

Согласен: Нач. 2 отделения СПО *Долинский*

Утверждаю: Нач. СПО УГБ НКВД УССР *Козельский*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 2. — Спр. 1720. — Арк. 36.
Оригінал. Машинопис.

№ 126

Витяг з протоколу Особливої наради при наркомі внутрішніх справ СРСР 10 квітня 1935 р.

Слушали:

118. Дело № 16640 о Крушельницкой Вольдемире Антоновне, 1903 г.р.

Постановили:

Крушельницкую Вольдемиру Антоновну за участие в к-р организации — заключить в исправтрудлагерь сроком на пять лет, считая срок с 4/XII–34 г.
Дело сдать в архив.

Отв. секретарь Особсовещания

Підпис нерозбірливий

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 2. — Спр. 1720. — Арк. 39.
Копія. Машинопис на бланку.

№ 127

Лист Л.Крушельницької 14 липня 1956 р.

Копия

Генеральному прокурору СССР

от Крушельницкой Ларисы Ивановны,
проживающей в гор. Львове
по ул. Карла Маркса, 49, кв. 2

Прошу Вашего содействия и помощи.

В 1931 г. моя тетя Владимира Антоновна Крушельницкая выехала из Львова в Советский Союз. В 1932 году выехал в Харьков мой отец, писатель Иван Антонович Крушельницкий, а в 1932 году в мае месяце переехала в Советский Союз вся наша семья в составе: деда — писателя Антона Крушельницкого, жены его — Марии Крушельницкой, сыновей Тараса, Богдана, Остапа и их семей.

В ноябре 1934 г. были арестованы дед Антон Крушельницкий, отец Иван Крушельницкий и дядя Тарас Крушельницкий. Судимые 14 декабря в Киеве, Иван и Тарас были приговорены к расстрелу, а Антон Крушельницкий осужден на 10 лет.

В начале 1935 г. были также в Харькове арестованы и осуждены в июне 1935 г. на 5 лет остальные члены семьи: Владимира Крушельницкая, Богдан Крушельницкий, Остап Крушельницкий.

Поскольку я после смерти матери (Галины Львовны Левицкой, профессора Львовской государственной консерватории, умершей в 1949 г.) осталась совершенно одна и у меня нет никого из родных, мне бы очень хотелось узнать о дальнейшей судьбе моих родственников и разыскать их.

В первую очередь тетю — врача-дерматолога Владимиру Антоновну Крушельницкую, 1903 года рождения, работавшую до ареста в гор. Харькове.

Прошу сообщить мне о месте ее пребывании после отбытия наказания, или же прошу сообщить, куда следует обратиться для наведения справок о судьбе моих осужденных родственников.

По вопросу возможности реабилитации буду писать в Верховный Совет СССР.

Л.Крушельницкая

Верно:

Підпис нерозбірливий

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 2. — Спр. 1720. — Арк. 48.
Копія. Машинопис.

№ 128

Протокол допиту Б.Френкеля 26 жовтня 1957 р.

Гор. Харьков, 1957 года, октября 26 дня. Я, ст. следователь следотдела УКГБ при СМ УССР по Харьковской обл. капитан Гаврюшенко, допросил в качестве свидетеля Френкеля Бориса Израилевича, 1895 года рождения, уроженца гор. Гомеля, беспартийного, с высшим образованием, не судившегося, проживающего в гор. Харькове, ул. Руставели, № 37, кв. 4, работающего зав. орготделом Института кожных и венерических болезней.

Вопрос: Знали ли Вы Крушельницкую Вольдемиру Антоновну и какие между Вами взаимоотношения?

Ответ: Крушельницкую Вольдемиру я знал в довоенные годы, примерно в 1933 году. В те годы Крушельницкая обучалась в качестве аспиранта у нас в венерологическом институте. Взаимоотношения между нами были нормальные.

Вопрос: Как Вы можете охарактеризовать Крушельницкую?

Ответ: В близких взаимоотношениях я с ней не был. Но на совещаниях и заседаниях при мне Крушельницкая выступала с научными докладами и проявляла интерес к научной работе. Ее ценили как успевающего аспиранта. Одновременно Крушельницкая принимала активное участие в общественной жизни коллектива. Одним словом, отрицательного о ней ничего показать не могу.

Протокол допроса с моих слов записан правильно и мной прочитан.

Ст. н/с *Б.Френкель*

Допросил: Ст. следователь следотдела *Гаврюшенко*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 2. — Спр. 1720. — Арк. 53–55.
Оригінал. Рукопис.

№ 129

Протест у справі В.Крушельницької 7 березня 1958 р.

В Президиум Харьковского областного суда
по делу Крушельницкой Вольдемиры Антоновны, обвиняемой по ст. 54–11 УК УССР.

Протест
в порядке надзора

Крушельницкая Вольдемира Антоновна, 1903 года рождения, уроженка г. Коломыя, украинка, беспартийная, с высшим образованием, работавшая до дня ареста ассистентом Всеукраинского венерологического института, была арестована органами УНКВД по Харьковской области 14 декабря 1934 года, а 10 апреля 1935 года осуждена Особым совещанием при НКВД СССР к 5-ти годам ИТЛ.

По обвинительному заключению Крушельницкой вменялось в вину то, что она являлась членом контрреволюционной террористической организации, была тесно связана с руководителями ОУН Бачинским и Сказинским. Ее отец и два брата также являлись участниками ОУН и осуждены за к-р деятельность.

Как видно из материалов дела, данное обвинение ничем не подтвердилось и не соответствовало имеющимся в деле документам. Так, обвиняемая Крушельницкая виновной себя не признала, и в деле нет никаких данных о принадлежности Крушельницкой к ОУН.

Произведенной по делу проверкой установлено, что архивно-следственное дело по обвинению Бачинского Ю.А., Сказинского Р.Ф., Крушельницкого А.В., Крушельницкого И.А., Крушельницкого Т.А. и др. пересмотрено Главной Военной прокуратурой и направлено в Военную коллегию Верховного Суда СССР с заключением об отмене приговора и прекращения дела по ст. 4 п. 5 УПК РСФСР. В Управлении КГБ при СМ УССР по Харьковской области никаких компрометирующих материалов на Крушельницкую В.А. не имеется (л.д. 52).

Допрошенный в качестве свидетеля бывший сослуживец Крушельницкой Френкель Б.И. охарактеризовал ее с положительной стороны (л.д. 49-51).

На основании изложенного усматривается, что гр. Крушельницкая В.А. осуждена без каких-либо доказательств и состава преступления, а поэтому дело в отношении ее подлежит прекращению по ст. 4 п. «д» УПК УССР.

Руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года и ст. 25 «Положения о прокурорском надзоре в СССР»,

прошу:

Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 10 апреля 1935 г. в отношении Крушельницкой Вольдемиры Антоновны отменить и дело производством прекратить за отсутствием в ее действиях состава преступления.

Приложение: Архивно-следственное дело № 11357.

Прокурор Харьковской области
ст. советник юстиции *М.Кулик*

ДАХО. — Ф. Р-6452. — Оп. 2. — Спр. 1720. — Арк. 60–61.
Оригінал. Машинопис.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО З.ГОЛЬДБЕРГА

№ 130

Постанова про пред'явлення обвинувачення З.Гольдбергу 17 березня 1935 р.

г. Горловка, 1935 года, марта, 17-го дня. Я, нач. СПО Горловского горотдела НКВД Доноблуправления НКВД Конько, сего числа, рассмотрев материалы следственного дела № 772 по обвинению гр-на Гольдберга Зельмана Евсеевича в преступлениях, предусмотренных ст. 54–10 УК УССР,

нашел:

что Гольдберг Зельман Евсеевич на протяжении продолжительного времени проводил контрреволюционную работу, направленную против мероприятий Соввласти и ком. партии, в чем достаточно изобличен в конкретной деятельности имеющимися материалами в деле, а посему, на основании ст. 125 УПК и руководствуясь ст. 127 УПК УССР,

постановил:

Привлечь гр-на Гольдберга Зельмана Евсеевича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст. 54–10 УК УССР.

Копию настоящего постановления сообщить Горловскому горпрокурору.

Начальник СПО УГБ *Конько*

Утверждаю: Нач. горотдела НКВД *Вейс*

Постановление мне объявлено *Гольдберг*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 30137–ПФ. — Арк. 7.
Оригінал. Машинопис.

№ 131

Протокол допиту свідка у справі З.Гольдберга 21 березня 1935 р.

1935 года, марта м-ца, 21-го дня. Я, нач. СПО УГБ Горловского горотдела Доноблуправления НКВД Конько, допросил в качестве свидетеля гр-на Гросмана, который дал о себе такие сведения:

Гросман Вильгельм Алоизович, 27 лет, уроженец гор. Одессы, служащий, неимущий, гражданство СССР, образование высшее, русский, женат, профессия — экономист, работает на азотно-туковом заводе ст. экономистом стр.-монт. отдела, не судим, б/п, член союза раб. осн. хим., проживает: жилплощадка, Н/Горловка, дом № 4, кв. 5.

Будучи предупрежденным о содержании ст. 89 УК УССР, по существу дела свидетель показал следующее:

Знаком с т. Гольдбергом с октября-декабря 1933 года по работе на заводе. Предмет встреч — игра в преферанс. Впечатление о тов. Гольдберге как о человеке — следующее: он старается отойти от случаев жизненной борьбы и создать себе обеспеченную изолированную жизнь. В свободное от работы время, насколько я знаю, занимался в основном игрой на скрипке и преферансом. Последнее время (4–5 месяцев) проявлял желание уехать из Горловки, по его словам, временно в Москву, а затем на периферию на более самостоятельную работу. По его словам, есть у него родители, которым он высылает по 100 руб. (примерно). Видел мельком его брата, приехавшего на один день.

Его знакомые, с которыми он наиболее часто разговаривал: инж. Биндер, Бондарь, Бурлаченко, Янгель, Царюк, Желиховский, Систер, Васберг, Кругликов. Во время пребывания в Горловке Шумиловский очень часто играл с ним в преферанс.

Прошлого его, а также его социального происхождения — я ничего не знал. Четкого представления о его политической системе я не имею, но мое впечатление, что у него вообще никакой системы нет, а человек он аполитичный. Разговоров откровенных я от него не слышал, ибо когда жена запретила мне играть в карты, а он приходил с надеждой сыграть, и когда это не удавалось, то у нас тем для разговоров не находилось, и когда обоюдное молчание становилось тягостным, а производственные разговоры были исчерпаны, то он уходил.

Гросман

Допросил: Нач. СПО УГБ *Конько*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 30137–ПФ. — Арк. 18. Оригінал. Рукопис на бланку.

№ 132

Протокол допиту З.Гольдберга 8 квітня 1935 р.

1935 года, апреля м-ца, 8-го дня. Я, нач. СПО УГБ Горловского горотдела НКВД УССР Конько, допросил в качестве обвиняемого гр-на Гольдберга, который дал о себе такие сведения:

Гольдберг Зельман Евсеевич, 1905 года рождения, 2-го марта, уроженец Саксаган Пятихатского р-на Днепропетровской области, служащий, неимущий, гражданство УССР, имеет высшее образование, еврей, холост, имеет профессию ИТР — экономист, работает — азотно-туковый завод, плановый отдел, старший экономист, со слов не судим и под следствием не был, б/п, член союза «Химиков» с 1925 года. Проживает в Горловском р-не, азотно-туковом з-де, жилплощадка, дом 6, кв. 41.

Будучи допрошенным по существу дела, обвиняемый показал следующее:

Я сын служащего, отец мой работал приемщиком на мельнице в селе Саксагане с 1915 года по 1916 год, был кассиром в Саксаганском едином потребобществе. В 1919 году с 7-го мая в селе Саксагане Григорьевской бандой был учинен еврейский погром, 86 человек убили, после которого наша семья уехала в гор. Днепропетровск, отец работал в гор. Днепропетровске зав. коллективным распредом ЕПО до 1922 года, с 1922 года наша семья уехала в гор. Херсон, где были братья отца, отец мой в данное время работает в гор. Херсоне в Госбанке.

Я с 1922 года проживал в Москве до 1925 года, учился музыке в Музтехникуме Гнесиных. В 1925 году впервые я стал работать в школе ТОГПУ в качестве барабанщика. Проработав там до сентября м-ца 1925 года, я был сокращен.

С 1925 года по 1926 год готовился в ВУЗ на курсах при Союзе совторгслужащих. В 1926 году поступил в первый Московский госуниверситет на исторический отдел экономического факультета и, окончив первый курс, я был переведен на второй курс факультета советского права отделения советского строительства, каковой окончил в 1930 году.

До апреля м-ца работал одновременно статистиком в разных учреждениях по 2–3 месяца. В апреле 1930 года поступил в ВСНХ СССР в посевную тройку при президиуме ВСНХ. В октябре м-це 1930 года посевтройка была расформирована, и я поступил на Апрелевскую фабрику грамофонных пластинок.

Проработав на фабрике плановиком до 12/III–31 года, я был призван в Красную Армию, где прослужил до ноября м-ца 1931 года. В декабре м-це 1931 года поступил опять в ВСНХ в центрально-плановый сектор старшим экономистом. В 1933 году в октябре м-це в порядке мобилизации молодых специалистов был послан в гор. Горловку на азотно-туковый завод в плановый отдел старшим экономистом, где и работал по настоящее время.

Живя на азотно-туковом заводе в доме холостяков, я познакомился с живущим там механиком завода Систером, нач. цеха мокрой очистки Желиховским, начальником газового хозяйства Долженко и техником аммиачного цеха Янгелем. Наше знакомство носило характер не дружбы, а соседского знакомства.

Все вышеупомянутые лица в январе м-це 1934 года переселились в семейные дома, и мое отношение с ними свелось к уличным встречам.

Ближе их мое знакомство было с Гросманом (экономистом отдела капитального строительства), он прибыл на завод после меня в ноябре м-це 1933 года из Москвы и, находясь с ним в одинаковых условиях одиночества и скуки, мы начали искать партнера в карты (преферанс). Как-то Гросман мне сказал, что на заводе в лаборатории работает Шумиловский — любитель преферанса. Однажды в плановый отдел явились двое из лаборатории к начальнику планового отдела, я спросил у одного из них, не Шумиловский ли он, последний оказался Шумиловским, и я его пригласил к себе играть в карты, на что он согласился. После неоднократной игры Шумиловский привел ко мне 4-го игрока Померанцева, с которым он был хорошо знаком еще по работе до Горловки.

5-го октября 1933 года из-за отсутствия квартир я был помещен в доме приезжих, где помещалось около 35–40 человек, в том числе и Бурлаченко. Поскольку я с азотным производством до приезда в Горловку знаком не был, я просил живущих в бараке аппаратчиков и рабочих объяснить мне техпроцесс. Таким образом я познакомился с Бурлаченко. Дальнейшее мое знакомство с ним носило характер случайных встреч и личных общений.

Спустя месяц-полтора после моего приезда в Горловку в плановый отдел завода явился командированный трестом «Азот» Столовский, работавший до Горловки на Черноречен-ском химзаводе № 8, уехал он из Горловки в мае м-це 1934 года. Мое с ним отношение ограничивалось служебными часами и делами. Жил он с моим знакомым Гросманом, и я, будучи у Гросмана, раза два был у Столовского. Я узнал, точно не помню от кого, что Столовский бывший троцкист.

Показания с моих слов записаны правильно, мне прочтены, в чем и расписываюсь.

Гольдберг

Допросил: Нач. СПО УГБ *Конько*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 30137–ПФ. — Арк. 13–14. Оригінал. Рукопис на бланку.

№ 133

Обвинувальний висновок у справі З.Гольдберга 1935 р.

По след. делу 2110

Обвинительное заключение

по обвинению гр-на Гольдберга Зельмана Евсеевича
по ст. 54–10 УК УССР

Управлением НКВД по Донецкой области с января 1934 г. разрабатывался ст. экономист азотнотукового комбината в Горловке Гольдберг З.Е. как поддерживавший связи с рядом подозрительных по своему антисоветскому прошлому лиц и высказывавший антисоветские суждения (см. д/ф, л.д. 3–5).

Имеющимися материалами в контрреволюционных проявлениях Гольдберга устанавливается, что он на протяжении 1934 и частью 1935 года, общаясь с отдельными лицами, в частной обстановке развивал перед ними резко выраженные к-р взгляды, принявшие незадолго до ареста Гольдберга прямо террористический характер.

Материалы, предшествующие следственному делу о Гольдберге, сводятся к следующим основным моментам его контрреволюционных проявлений:

Гольдберг, проживая в Горловке, откуда он приехал из Москвы, где до этого работал, в своей частной жизни ограничивался общением с отдельными инженерно-техническими работниками комбината, причем с некоторыми из этих работников Гольдберг в той или иной степени обсуждал политические, текущие события, расценивая их с антисоветской точки зрения. Так, имевшие место затруднения в период 1932–1933 гг. Гольдбергом расценивались так:

«...Колоссальный голод на Украине вызван ненужной ликвидацией кулачества и хлебозаготовками. Чтобы создать необходимую рабочую силу, производятся массовые аресты и суды. Сталин сколотил себе прочную группу, чтобы опереться на штыки Ворошилова, Менжинского, т.е. людей, выдвинутых им и поэтому против него не возражающих...» (см. д/ф, л.д. 4).

Вопросы индустриализации страны, материального состояния населения, угроза интервенции находили в суждениях Гольдберга ярко выраженный антисоветский характер (д/ф, л.д. 7), причем наиболее ярко это проявлялось у Гольдберга в его высказываниях о руководстве партией и страной, когда Гольдберг заявлял: «Я лично сильно озлоблен и ненавижу руководство партии и правительства, оно было и есть виной страдания народов» (д/ф, л.д. 7).

Необходимо отметить, что к этому периоду (февраль 1934 года) относится откровенное заявление Гольдберга террористического характера, связанное с его общими контрреволюционными суждениями. Гольдберг в одной из бесед при обсуждении политического состояния страны заявил следующее:

«...Когда я работал в НКТП, у меня была мысль убить Орджоникидзе, т.к. была полная возможность, я с ним мог сталкиваться очень часто. Правда, у него была личная охрана, всегда его сопровождавшая. Я предполагал заранее написать декларацию очень громкого содержания и произвести сильное впечатление...» (см. д/ф, л.д. 7).

Свои высказывания подобного характера Гольдберг сопровождал оскорбительными отзывами о тт. Сталине и Орджоникидзе.

Важнейшие мероприятия партии и правительства находили у Гольдберг контрреволюционную оценку. В связи с изменениями в конституции Гольдберг высказывался:

«...Я был прав, когда говорил после убийства Кирова, что надо ожидать уступок... Это могло быть только следствием убийства Кирова и выступлений за границей рабочих и интеллигенции против осуждения Зиновьева... После проведения новой конституции, если бы кто шлепнул Сталина, то скорее можно было в России прийти к государству типа Керенского...» (см. д/ф, л.д. 58).

Проходившую партийную чистку Гольдберг расценивал в связи со своими контрреволюционными суждениями о состоянии села, говоря об этом: «...На Украине надо ожидать такого же положения, как и в 1933 году, поэтому партийная чистка подогнана к хлебосдаче, чтобы под угрозой исключения из партии заставить выкачать хлеб из села...» (д/ф, л.д. 32).

Угроза войны против СССР в связи с агрессивностью Японии на Дальнем Востоке в разговорах Гольдберга (летом 1934 года) характеризуется его к-р пораженческими настроениями: «...Независимая Украина — очень значительное дело, у нее все данные экономической единицы, и притом СССР без Украины и Сибири ничего из себя серьезного в экономическом и военном отношении не представляет. Если Япония займет Сибирь, а Украина приобретет самостоятельность, то центральные области не смогут оказать серьезного сопротивления, и большевизм окажется без серьезной базы» (д/ф, л.д. 37).

Гольдберг по своему мировоззрению откровенно в этих беседах солидаризовался с буржуазно-фашистскими идеологами, характеризуя себя как ярого противника марксизма. Свои взгляды в этом направлении Гольдберг развивал так:

«...В связи с рядом критических статей в нашей прессе о т.н. философии фашизма, критикой фашистских теоретиков, в том числе философа Шпенглера, Гольдберг высказывался, что марксизм — это не подлинная наука, и что развал, по его мнению, сельского хоз-ва в СССР, смертность населения, продовольственные затруднения разочаровали рабочий класс в идеях социализма. По словам Гольдберга, «...другие страны не пойдут по пути СССР, я не верю, что буржуазия уже не способна управлять производственным аппаратом... если бы не СССР с его декретированной идеологией марксизма, то марксизм был бы фактически похоронен» и т.д. (см. д/ф, л.д 37).

В этом смысле заслуживает внимания высказывание Гольдберга в связи с вопросами развития искусства, где Гольдберг характеризует этот вопрос как «материал для изучения сумасшествия русского народа, официально именуемого Октябрьской революцией» (д/ф, л.д. 39).

Контрреволюцинные высказывания Гольдберга характеризуются также клеветническими вымыслами о руководителях партии и правительства, пересказыванием антисоветских анекдотов и т.п. (д/ф, л.д. 41, 42), распространением провокационных слухов о «борьбе за портфели» и т.п., причем о партии Гольдберг говорил так:

«...Все живут ради личной жизни, никакого социализма не строят, хотя об этом широко афишируют. Любое банкротство прикрывается диалектикой, нужно только Стецкому выступить со статьей, придуманной для всех пропагандистов, и тогда машина заработает, банкротство в хоз-ве объяснено диалектикой классовой борьбы как переходной период...» (д/ф, л.д. 48).

Развернутая система контрреволюционных взглядов Гольдберга нашла свое наиболее яркое выражение в форме откровенно террористических высказываний в период, связанный с убийством тов. Кирова и репрессиями к террористам. Основным мотивом в этих высказываниях является следующее:

«...Террор против работников партии мог бы иметь значение, если бы он был массовый и внушительный, если бы было убито 15-20 человек... Если бы кто убил Постышева, Молотова, Чубаря, Коссиора, Микояна и др. солдат Сталина, они бы истинно задумались... Во имя чего может быть террор? Только во имя идеи парламентаризма...» (л.д. 48, д/ф).

В этих высказываниях Гольдберг снова повторил свою мысль о необходимости убийства тов. Орджоникидзе: «...Несколько лет назад я был большим романтиком, я мечтал когонибудь «кокнуть», я был страшно озлоблен и мечтал, на ком разрядить свою злобу. Я мог свободно убить Орджоникидзе когда работал в НКПТ. Правда, я должен был разрешить этим вопрос о своей жизни, но такой психоз очень силен, и когда он овладевает тобой, перестаешь думать... Этим бы разрядил свою ненависть на шашлычнике Орджоникидзе, закончил бы свою жизнь и оставил несчастными родителей...» (д/ф, л.д. 48).

Убийство тов. Кирова Гольдберг объяснял идейными мотивами оппозиционеров, оправдывая методы террора в ответ на репрессии партии и правительства, причем Гольдберг распространялся о пытках, применяемых по отношению к арестованным. Высказывания Гольдберга в связи с убийством тов. Кирова были таковы:

«...На террор, который к ним применяет ЦК, — правильно отвечать также террором. Я не допускаю мысли, чтобы эти 100 человек были террористами... Единственно правильный путь настоящего террориста — это две пули — в расстреливаемого и другую в себя, чтобы не быть предметом издевательства грязных работников ГПУ...» (см. д/ф, л.д. 48, 49).

В различных вариантах Гольдберг оправдывал деятельность террористов, в частности зиновьевцев, характеризуя их как левую рабочую группу, вынужденную стать на путь террора благодаря существующему зажиму и подавлению оппозиционных течений в стране (д/ф, л.д. 50).

«...Эта группа, выросшая в идейном соку и смотревшая на вещи только глазами своей идеи, пошла на это эффективное средство — убийство. Я бы на это мог пойти только возмущаясь бесправием народа, во имя элементарной идеи справедливости. Я лично не беспокоюсь о рабочих, но этой группе, выросшей в идеях рабочего класса, дальше идти было некуда...» (л.д. 50, д/ф).

Ряд крупных политических событий, имевших место в начале 1935 года в стране (съезд Советов, отмена карточной системы, изменения в конституции и т.д.) опять таки в высказываниях Гольдберга характеризовалась им в изложенном выше духе, причем возвращаясь к событиям, связанным с убийством тов. Кирова, Гольдберг систематически высказывал одобрение этому убийству и свою готовность совершить террористический акт (см. д/ф, л.д. 50–69).

В декабре-январе м-цах 1934–35 гг. Гольдберг имел намерение выехать в Москву в служебную командировку, имея в виду в перспективе остаться там. Учитывая крайнюю социальную опасность Гольдберга, в особенности при пребывании его в Москве, эта поездка принятыми УНКВД мерами была предотвращена. Одновременно с этим, учитывая контрреволюционный террористический характер высказывания Гольдберга, он был арестован.

На следствии Гольдберг не сознался в своих контрреволюционных и троцкистских настроениях.

Опрошенный ряд свидетелей, соприкасавшихся с Гольдбергом в служебной и частной обстановке, характеризуют его как замкнутого, по их мнению, человека, избегавшего политических суждений, причем отдельные свидетели показывают об известных им некоторых антисоветских открытых высказываниях Гольдберга. Так, свид. Белый показывает: «...В ноябре-декабре 1934 года при составлении плана по контрольным цифрам за 1935 год Гольдберг по отдельным видам расходов выразился о нереальном выполнении спущенных промпланов и их проработке ввиду тяжелых условий выполнения в данное время...» (см. сл. дело, л.д. 24–35).

По показаниям свид. Кругликова (сл. дело, л.д. 27–28), Гольдберг в беседе с ним о роли тов. Орджоникидзе в развитии тяжелой индустрии Союза высказывался таким образом, что заслуга в этом не Орджоникидзе, а его аппарата. Тогда же Гольдберг проводил параллель в положении рабочих в СССР и за границей в пользу последних.

Уже находясь арестованным при УНКВД, Гольдберг, как видно из материалов следственного дела (л.д. 31–47), высказывал резкие контрреволюционные суждения (см. д/ф, л.д. 80–82).

На основании вышеизложенного,

обвиняется:

Гольдберг Зельман Евсеевич — 1905 года рождения, уроженец с. Саксагань Пятихатского р-на Днепропетровской области, сын торговца, служащий, с высшим образованием, плановик азотнотукового комбината в Горловке, беспартийный, подданный УССР, член профсоюза, в том, что будучи контрреволюционно настроенным, высказывал террористические настроения, в частности о необходимости убийства тов. Орджоникидзе, заявляя о своей готовности совершить над ним теракт, что предусмотрено ст. 54–10 УК УССР. В связи с чем

полагал бы:

следственное дело № 772 вместе с материалами дела-формуляр № 355 представить на рассмотрение Особ. совещания НКВД СССР с ходатайством, исходя из социальной опасности Гольдберга, о заключении его в концлагерь сроком на 5 (пять) лет.

Справка: Вещдоков по делу нет. Обв. Гольдберг содержится под стражей при УНКВД по Донецкой области и с сего числа перечисляется содержанием за Особ. совещанием НКВД СССР.

Опер. уполномоченный СПО *Ширин*

Согласен: Нач. СПО УГБ *Герзон*

Утверждаю: Нач. Управления НКВД по Донецкой области *В.Иванов*

С обв. заключением и предлагаемой мерой соц. защиты
Согласен: Облпрокурор спецсектора *Онуфриенко*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 30137–ПФ. — Арк. 42–46.
Оригінал. Машинопис.

№ 134

Постанова у справі З.Гольдберга 16 червня 1935 р.

Утверждаю
Зам. нар. ком. внутр. дел УССР
Кацнельсон

Постановление

г. Киев, июня 16 дня, 1935 года. Уполномоченный СПО УГБ НКВД УССР Вигдергауз, рассмотрев следственное дело № 2110/65957 Донецкого облуправления НКВД по обвинению гр. Гольдберга Зельмана Евсеевича в преступлениях, предусмотренных ст. 54–10 УК УССР,

нашел:

а) материалами следствия преступная деятельность обвиняемого доказана;
б) обвинительное заключение Донецкого Облуправления НКВД соответствует имеющимся в деле материалам.
На основании постановления ЦИК СССР от 10.VII–34 г.

постановил:

Следдело № 2110/65957 по обвинению Гольдберга З.Е. направить Прокурору УССР по спецделам для передачи на рассмотрение Особого совещания при НКВД с ходатайством о заключении в концлагерь сроком на 5 лет.

Уполномоченный СПО *Вигдергауз*
Согласен: Нач. I отделения СПО *Брук*

Утверждаю: Зам. нач. СПО УГБ НКВД УССР *Рахлис*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 30137–ПФ. — Арк. 47.
Оригінал. Машинопис.

№ 135

Витяг з протоколу Особливої наради при НКВС СРСР 13 серпня 1935 р.

Слушали:	Постановили:
6. Дело № 17784 о Гольдберге Зельмане Евсеевиче, 1905 г.р., сыне торговца.	Гольдберга Зельмана Евсеевича за к-р деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на пять лет, считая срок с 2/3–35 г. Дело сдать в архив.

Отв. секретарь Особсовещания *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 30137–ПФ. — Арк. 50. Копія. Машинопис.

№ 136

Висновок у справі З.Гольдберга 20 березня 1980 р.

Утверждаю
Зам. прокурора Донецкой области
государственный советник юстиции 2 класса
В.Г.Синюков
23 марта 1980 г.

Заключение

в отношении *Гольдберга З.Е.*
по материалам уголовного дела (арх. № 58595)
Фамилия, имя, отчество *Гольдберг Зельман Евсеевич*
Дата и год рождения *1905*
Место рождения *с. Саксагань Днепропетровской обл.*
Национальность *еврей*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *не имеется*
Место работы и должность до ареста *Горловский азотнотуковый завод, зам. нач-ка планового отдела*
Место жительства до ареста *г. Горловка, азотнотуковый з-д, дом № 6, ком. 41*
Данные о родственниках *имеющихся в деле данных недостаточно для их установления*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Арестован Горловским ГО НКВД 2 марта 1935 года по ст. 54–10* УК *УССР за контрреволюционные проявления, высказывания недовольства правительством, солидарность с буржуазно-фашистскими идеологами. Особым совещанием при НКВД СССР от 13 августа 1935 г. подвергнут заключению в ИТЛ на 5 лет. Обвинение не предъявлялось. Имущество не конфисковывалось. Гольдберг Зельман Евсеевич* подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора Донецкой области
старший советник юстиции *Ю.Я.Носков*

Начальник следотделения УКГБ УССР
по Донецкой области майор *А.С.Головин*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 30137–ПФ. — Арк. 51. Оригінал. Рукопис на бланку.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО І.ПІДГАЙЦЯ

№ 137

Постанова про початок попереднього слідства у справі І.Підгайця 21 лютого 1935 р.

К следделу № 826

Постановление

Гор. Макеевка, 1935 года, февраля 21-го дня. Я, опер. уполномоченный СПО Макеевского гор. отделения НКВД Афанасьев, рассмотрев материал о преступной деятельности гр-на Подгайц Израиля Александровича, 1904 года рождения, уроженца гор. Херсона, выразившейся в том, что последний в прошлом примыкал к троцкистской оппозиции и в данный момент, работая при научно-исследовательском институте, проводит к-р троцкистскую работу, и усматривая в совершенных обвиняемым Подгайцем действиях признаки преступления, предусмотренные ст. 54–10 УК УССР,

постановил:

На основании 2 п. ст. ст. 90 УПК УССР и 108 УПК начать по настоящему делу производство предварительного следствия.

Копию настоящего постановления направить Макеевскому гор. прокурору.

Вр. нач. СПО *Афанасьев*

Утверждаю: Нач. Мак. г/о НКВД *Шильгорин*

Санкционирую: Мак. гор. прокурор *Руденко*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 4987-2Ф. — Арк. 1. Оригінал. Машинопис на бланку.

№ 138

Характеристика І.Підгайця 1935 р.

Харьковскому областному управлению НКВД

Настоящим сообщаю, что инженер Подгайц работал в Харьковском отделении Электропрома ВЭТ в горно-промышленном отделе и в 1934 году самовольно оставил работу.

По собранным мною сведениям о его политическом лице выявил, что Подгайц был комсомольцем — исключен за принадлежность к троцкистской оппозиции, какой организации, не знаю.

Работая в Харьковском отделении Электропрома, Подгайц активно своих взглядов не проявлял, но в беседе моей с членами партии т.т. Бривулем и Родяхиным они указывают, что это очень хитрый, замкнутый человек, наружно показывающий себя советским, по сути нигде не проявлял себя в общественной жизни.

Тов. Родяхин говорит, что Подгайц имел мнение, что линия партии правильна, да вот, мол, в верхах засели бюрократы и ее гробят.

Подгайца можно характеризовать как хорошего специалиста, большого рвача и совершенно не принимающего участия в общественной жизни.

Секретарь ЗПК: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 4987-2Ф. — Арк. 4. Оригінал. Машинопис.

№ 139

Додаткові свідчення І.Підгайця
13 березня 1935 р.

Вопрос: Кого из работников научно-исследовательского института Вы хорошо знаете?

Ответ: За время моего 2-х месячного пребывания на работе в институте ближе всех я знал по работе Котлярского, Цейтлина, Емелина, Федоренко, Петрова и Руденчика, причем встречался в быту с Цейтлиным и Котлярским, но очень редко, так, примерно, у Котлярского был на квартире раза 2, а у Цейтлина 5–6.

Вопрос: Знали ли Вы кого-либо из перечисленных лиц до момента поступления в институт и при каких обстоятельствах были знакомы?

Ответ: Только 2-х, Цейтлина и Котлярского, я узнал в 1931 году, когда было обследование состояния электрохозяйства шахты, в котором участвовал я, будучи в институте дня 2 или 3, в то время мне пришлось видеть Цейтлина и Котлярского, со вторым меня даже познакомили, но разговоров как с этим, так и другим я не вел.

Вопрос: Охарактеризуйте, что из себя представляют указанные лица.

Ответ: 1. Котлярский, поскольку я его знаю, совершенно безличный человек, т.е. он хочет быть всем хорошим человеком, а особенно к партийным, что из себя последний представляет в прошлом, мне не известно.

2. Цейтлин, б/п, хитрый и изворотливый человек, причем с моим приездом сильно воспылал ко мне дружбой, как производственник будто бы ничего.

3. Федоренко — комсомолец-техник, квалификации ниже средней, но с большими претензиями на работу, с которой не может справиться, в хороших взаимоотношениях он с Петровым, Емелиным и Руденчиком, с политической стороны вполне лояльный человек.

4. Емелина, Петрова и Руденчика знаю абсолютно мало, а поэтому охарактеризовать их в достаточной степени не имею возможным, как и первых трех, но столкновения у меня с ними были.

Вопрос: С кем из названных Вами лиц Вы вели разговоры как на производстве, так и в быту на политические темы и какого характера?

Ответ: Иногда такие разговоры всплывали, точно когда и при каких обстоятельствах, я сейчас в достаточной степени не помню, но примерно это было так. В первых числах января с.г. в институте в присутствии Петрова, Федоренко, Руденчика, Цейтлина и, кажется, Котлярского, я взял газету «Мак. рабочий» и прочел там статью и сообщение о хорошей подготовке в Макеевке продажи хлеба, согласно правительственному постановлению, на что я заявил: «Все это — очковтирательство, на деле безобразия, очереди и т.д., и куда смотрит партийный комитет».

Все присутствующие при этом посмеивались и на сказанное мною ничуть не реагировали. Затем в этот или на следующий день, когда я встретился с Котлярским, последний мне заметил, что таких разговоров не следует вести в присутствии партийных лиц института. В январе с.г., не помню какого числа, в рабочем кабинете Цейтлин затронул разговор о хлебе и сказал: «Газеты сообщали о компенсации в связи с повышением [цен] на хлеб, а в действительности этого нет, т.к. у меня стало лишних 150 руб. уходить на хлеб».

Я ответил, что из этих сумм вряд ли что пойдет в госбюджет, а из первого повышения, когда была прибавка низко оплачиваемым категориям рабочих, — вероятно, в бюджет пошло миллиардов 5 или 6. Кажется, к концу нашей беседы подошел Емелин, который поддержал Цейтлина и, обругавшись нецензурными словами, заявил: «Что же они по 20 руб. набавили, а на хлеб уходит 150 руб. лишних».

Еще о хлебе, у меня был случай, когда зайдя в столовую на завтрак, я в буфете заметил хлеб по 3 р. 30 коп. кило, после чего, подойдя к столику, где сидел Петров, сказал: «Безобразие, хлеб только по 3 р. 30 коп.», — и выразился, что в Макеевке большие беспорядки. Петров в то время мне ничего не ответил, только улыбнулся.

После того, как получили газетное сообщение о расстреле участников тер. организации Ленинграда, в том числе и Николаева, в кабинете присутствовали Цейтлин, Котлярский, кажется, Емелин, кто-то из них — Емелин или Цейтлин — спросил: «Почему Николаев не застрелился?». «Вероятно, не успел», — ответил я. Цейтлин или Котлярский, точно не помню, интересуясь, как НКВД добилось сознания у Николаева, вслух выразился, что по отношению к нему, вероятно, применяли пытки, на что опять я же заявил, что «в данном случае если было какое давление, то в этом вопросе все средства хороши».

Помимо этого, я высказал мысль, как можно считать себя идейным марксистом и дойти до индивидуального террора — эти люди были мерзавцы или дураки.

Помню еще, что когда вынесли приговор над Зиновьевым, Каменевым и другими, ко мне вошел в кабинет Котлярский и дал мне прочесть газету, в которой об этом сообщалось, на что я реагировал так: «Для человека, всю жизнь свою будучи профессиональным революционером, это большая личная трагедия, но объективно с этим, конечно, нельзя считаться. Лично я думал, что их расстреляют».

Больше каких-либо разговоров на политические вопросы я ни с кем и никогда не вел.

Вопрос: Имели ли вы у себя какую-либо запрещенную литературу и не распространяли ли ее?

Ответ: Имею книгу «1917 г.» Троцкого, находится у моих родных в гор. Харькове, помимо этого есть книга «Оборона Петрограда» — находится у Цейтлина, которому дал для прочтения, по характеру она рисует оборону Петрограда от Юденича, имеется там обращение Зиновьева, но запрещена она или нет, мне не известно, и я последнюю относил на счет беллетристики. Давать эти книги мне никому не приходилось, за исключением «Обороны Петрограда» — Цейтлину.

Вопрос: Какие Вами разговоры велись в быту с Цейтлиным и Котлярским?

Ответ: Разного характера, но насколько помнится, политические вопросы не затрагивались.

Вопрос: Велись ли Вами разговоры о бывшей троцкистской оппозиции гор. Харькова и с кем?

Ответ: Да, это было примерно в начале февраля, я с Цейтлиным был в кабинете, кто-то еще присутствовал, сейчас не помню, кто именно. Цейтлин начал вспоминать, что у него есть двоюродный брат, который в годы революции занимался спекуляцией, после был в Красной Армии, гор. Царицын — вступил в комсомол и партию, и уже впоследствии, работая в Харьковском губкоме комсомола, был в троцкистской оппозиции, за деятельность которой выслан.

Я задал вопрос, как его фамилия, он назвал Рисенберг, после чего я отметил, что его знаю и даже видел, как его везли в автомобиле в сопровождении конвоя, кажется, в ссылку. Помимо изложенного, я начал рассказывать о деятельности Харьковской троцкистской опозиции, говорил, что они на заводе раскидали листовки к-р характера, вкладывали их в верстаки рабочих и т.д. Организовали бурное собрание и требовали на завод Раковского. Как говорили, Раковский от приезда отказался, а выехал тов. Петровский, Шлихтер, Финьковский и другие, и когда Петровский начал выступать (это я рассказывал), ему не дали говорить, и когда председатель — фамилии не знаю — сказал, что Раковского не будет, оппозиционеры хотели сорвать собрание, обращались к рабочим, чтобы они расходились. Часть из рабочих ушла, а другие остались, и собрание прошло нормально. Я говорил, что на этом собрании против Петровского и других выступал троцкист Шапиро. Рассказывал еще, что в этой оппозиции, как мне говорили, принимал участие сын Чубаря и племянник уполномоченного НКИД УССР — Берзина, у которых, используя положение, печатались прокламации и т.д.

Вопрос: Что еще к своим показаниям Вы можете добавить?

Ответ: Я упустил из виду, что незадолго до моего ареста, как-то идя с работы домой вместе с Цейтлиным, последний, как-то не помню, затронул вопрос об убийстве тов. Кирова и убийце Николаеве, вдруг заявил: «Может, и мне под давлением когда-либо по этому вопросу придется давать показание».

Это им было сказано в виде шутки, после чего он засмеялся. Я его спросил, что это Вам вдруг стукнуло в голову (подлинное мое выражение), на что получил ответ: «Мало ли в жизни чего бывает».

Больше показать ничего не имею, записано с моих слов верно, прочитано мне вслух, в чем и расписываюсь.

Подгайц

Допросил: *Афанасьев*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 4987-2Ф. — Арк. 18–22. Оригінал. Рукопис.

№ 140

Постанова у справі І.Підгайця 19 травня 1935 р.

Утверждаю
Зам. нар. ком. внутр. дел УССР
Кацнельсон

Постановление

г. Киев, мая 19 дня, 1935 года. Уполномоченный I отделения СПО УГБ НКВД УССР Вигдергауз, рассмотрев следственное дело № 826/65296 Донецкого облуправления НКВД по обвинению гр. Подгайца Израиля Александровича в преступлениях, предусмотренных ст. 54–10 УК УССР,

нашел:

а) материалами следствия преступная деятельность обвиняемого доказана;

б) обвинительное заключение Донецкого облуправления НКВД соответствует имеющимся в деле материалам.

На основании постановления ЦИК СССР от 10.VII–34 г.

постановил:

Следдело № 826/65296 по обвинению Подгайца Израиля Александровича направить Прокурору УССР по спецделам для передачи на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР с ходатайством о заключении в концлагерь сроком на три года.

Уполномоченный I отд. СПО *Вигдергауз*

Согласен: Нач. I отделения СПО *Брук*

Утверждаю: Зам. нач. СПО УГБ НКВД УССР *Рахлис*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 4987-2Ф. — Арк. 63. Оригінал. Машинопис.

№ 141

Заява Б.Рехсон 19 травня 1989 р.

Военной коллегии Верховного суда СССР
Рехсон Б.З.

Заявление

Прошу Вас сообщить о судьбе моего мужа Подгайца Израиля Александровича, 1905 года рождения, уроженца г. Херсона, арестованного в г. Макеевка в марте 1935 года. По приговору «тройки» он получил 3 года лагерей и отбывал наказание в г. Кемь.

В 1938 году переписка с ним оборвалась, мне было сообщено, что он переведен в Соловки. С тех пор след его потерян.

Прошу Вас сообщить мне дату, место и причину его смерти, а также пересмотреть его дело на предмет реабилитации.

Ваш ответ прошу направить по адресу: 125040, Москва, Ленинградский пр., д. 28, кв. 115.

Рехсон Б.З.

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 4987-2Ф. — Арк. 72.
Оригінал. Рукопис.

№ 142

Довідка про реабілітацію І.Підгайця 6 вересня 1989 р.

125040, г. Москва, Ленинградский проспект,
д. № 28, кв. 115, гр-ке Рехсон Б.З.

Справка

В соответствии со статьей 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года № 10036-XI «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов», Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 22 сентября 1935 года в отношении Подгайца (Подгаец) Израиля Александровича, 1904 года рождения, уроженца г. Херсон (УССР), до ареста работавшего ассистентом в Макеевском НИИ Донецкой области, отменено, а дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления,

Подгаец Израиль Александрович реабилитирован.

Зам. прокурора Донецкой области
государственный советник юстиции 2 класса *В.Г.Синюков*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 4987-2Ф. — Арк. 75.
Оригінал. Машинопис.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО І.ДОРОЖНЬОГО, О.ПАЛАМАРЧУКА, В.СНІЖНОГО, Д.МАРТИШЕВСЬКОГО

№ 143

Постанова про відправлення заарештованого І.Дорожнього у розпорядження ОВ УДБ НКВС УСРР і КВО 15 серпня 1935 р.

г. Винница,15 августа, 1935 г. Я, уполномоченный Особого отдела ВОУ НКВД Шишкин, рассмотрев сего числа переписку Особого отдела Управления государственной безопасности НКВД УССР и КВО от 13/VIII–с.г. за № 18386 в отношении производства ареста гр. Дорожного Ивана Дмитриевича.

Руководствуясь указаниями ОО УГБ НКВД УССР и КВО от 13/VIII — с.г. за № 18386 об аресте гр. Дорожного Ивана Дмитриевича — жителя г. Винницы, принимая во внима-

ние, что гр. Дорожный Иван Дмитриевич сего числа арестован и подлежит направлению в распоряжение ОО УГБ НКВД УССР и КВО г. Киев, —

п о с т а н о в и л:

Арестованного Дорожного Ивана Дмитриевича направить спецконвоем в распоряжением Нач. ОО УГБ НКВД УССР и КВО г. Киев.

Копию настоящего постановления направить военному прокурору 17 стрелкового корпуса.

Справка: арест Дорожного санкционирован прокурором Киевского военного округа.

Уполномоченный ОО *Шишкин*

Согласен: Пом. нач. ОО УГБ ВОУ НКВД *Толчинский*

Утверждаю: Врид. нач. Управления НКВД по Винницкой области *Симхович*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 51249-ФП. — Т. 1. — Арк. 4. Оригінал. Машинопис.

№ 144

Постанова про прийняття запобіжної міри стосовно Д.Мартишевського 8 липня 1935 р.

П о с т а н о в л е н и е

г. Киев, 1935 года, июля м-ца, 8-го дня. Я, уполномоченный Особого отдела УГБ НКВД УССР и УВО Овчинников, рассмотрев материалы по обв. гр-на Мартышевского Дмитрия Рафаиловича, 1906 г. рожд., б/п, б. студента Кино-института, проживающего по ул. Дикой, № 7, кв. 2 — в преступлениях, предусмотренных ст. 54–8 УК УССР, выразившихся в том, что он является активным участником к-р террористической группы,

н а ш е л:

пребывание Мартышевского Дмитрия Рафаиловича на свободе может повлиять на ход следствия.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 143, 145, 156 УПК УССР, —

п о с т а н о в и л:

Избрать мерой пересечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обв. Мартышевскому Дмитрию содержание его под стражей при НКВД УССР.

Копию настоящего постановления представить Военному прокурору.

Уполномоченный ОО *Овчинников*

Согласен: За Нач. 4 отделения ОО *Бондаренко*

Утверждаю: Пом. нач. Особого отдела УГБ НКВД УССР и УВО *Самойлов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 51249-ФП. — Т. 1. — Арк. 73. Оригінал. Машинопис.

№ 145

Постанова про прийняття запобіжної міри стосовно О.Паламарчука 5 липня 1935 р.

Постановление

г. Киев, 1935 года, Июля м-ца, 5-го дня, Я, Уполномоченный Особого отдела УГБ НКВД УССР и КВО Овчинников, рассмотрев материалы по обвинению гр-на Паламарчука Алексея — артиста Всеукраинского Дома Красной Армии, проживающего в Киеве, в преступл., предусмотренных ст. 54–8 УК УССР, выразившихся в том, что он является активным участников к-р террористической группы, —

нашел:

Паламарчук Алексей может скрыться от суда и следствия, а пребывание его на свободе может повлиять на ход следствия.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 143, 145, и 156 УПК УССР, —

постановил:

Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обв. Паламарчуку Алексею содержание его под стражей в Тюрподе НКВД УССР.

Копию настоящего постановления представить Военному прокурору.

Уполномоченный ОО *Овчинников*

Согласен: За нач. 4 отделения ОО *Бондаренко*

Утверждаю: Пом. нач. Особого отдела УГБ НКВД УССР и УВО *Самойлов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 51249-ФП. — Т. 1. — Арк. 60. Оригінал. Машинопис.

№ 146

Витяг з наказу № 7 по видавництву «Комуніст» 13 січня 1935 р.

§ 14

Тов. Сніжний, що працює у відділі культури і освіти з 11/I–1935 р., з роботи звільняється за: невиконання завдань відділу, за випадки плагіату, за невпорання з організацією відділу дозвілля в газеті (без виплати компенсації).

Підстава: Лист до наказу відп. секр. редакції т. Шафіра.

Оригіналові відповідає: Секретар вид-ва *Кольчинський*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 51249-ФП. — Т. 2. — Арк. 307. Оригінал. Машинопис.

№ 147

Постанова про пред'явлення обвинувачення В.Сніжному 2 липня 1935 р.

г. Киев, 1935 года, июля м-ца, 2-го дня. Я, оперуполномоченный 4 отделения Особого отдела УГБ НКВД УССР и УВО Бондаренко, рассмотрев следственный материал по обвинению гр-на Снижного Виталия Сергеевича, 1895 г. рождения, уроженца г. Киева, б/п, педагога — в преступлениях, предусмотренных ст. 54–8 УК УССР,

нашел:

Произведенными следственными действиями установлено, что он является участником террористической группы и готовился к совершению терактов над руководством Компартии и сов. правительства.

На основании ст. 126 УКП и руководствуясь ст. 127 УПК УССР,

постановил:

Привлечь гр. Снижного Виталия Сергеевич в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст. 54–8 УК УССР, о чем копией настоящего постановления сообщить Военному прокурору.

2 июля 1935 г.

Оперуполномоченный ОО *Бондаренко*

Согласен и утверждаю:
Пом. нач. Особого отдела УГБ НКВД УССР и УВО *Самойлов*

Постановление мне объявлено *Снижный*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 51249-ФП. — Т. 1. — Арк. 47.
Оригінал. Машинопис.

№ 148

Заява В.Сніжного 21 серпня 1935 р.

Следователю НКВД тов. Бондаренко
от Снижного Вит. Сергеевича

Заявление

Настоящим в целях правдивого освещения вопроса о моем участии в к-р. группе, в которой меня обвиняют, считаю необходимым заявить, что мои показания не соответствуют действительности, ибо сделаны под влиянием сильного душевного волнения, страха и не вполне осознанного обвинения. Давая их, я надеялся, что сами факты, основательное изучение и исследование дела и опрос всех окружающих меня людей покажет настоящее положением вещей и непричастность меня к контр-революционной работе.

Контрреволюционной деятельностью я и на самом деле не занимался, к существующему строю относился с полным доверием и искренне хотел быть полезным обществу.

И мои литерат. очерки, и педагогическая работа, и научно-популярная работа для детей — тому доказательство.

21.VIII.35 г. *В.Снижный*

Верно: Опер. Уполномочен. ОО *Бондаренко*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 51249-ФП. — Т. 2. — Арк. 282.
Оригінал. Рукопис.

№ 149

Протокол допиту В.Сніжного 21 серпня 1935 р.

Вопрос: На допросе 25 июня сего года Вы показали, что Вы находились в антисоветском окружении, что эти лица, в окружении которых Вы находились, контрреволюционно себя проявляли. Кого именно Вы имели в виду, давая эти показания?

Ответ: Давая показания о том, что я был в антисоветском окружении и что эти лица, в окружении которых я находился, проявляли себя контрреволюционно, я имел в виду Зоренко и Марташевского *.

Вопрос: На допросе 7 июля Вы показали, что Марташевский Вам, как контрреволюционный элемент, известен с 1933 года, а Зоренко как враждебный Соввласти элемент, Вам известен с конца 1934 года. Эти показания Вы сейчас подтверждаете?

Ответ: Мои показания от 7.VII в той части, что Марташевский мне как к-р элемент, известен с 1933 г., а Зоренко с конца 1934 года, не совсем точны. О том, что они контрреволюционно настроены, мне стало известно весной 1935 года, май-июнь м-цы.

Вопрос: На допросах 25.VI. и 7.VII. Вы показали о том, что Марташевский рассказывал Вам о своей принадлежности к к-р троцкистской организации, восхвалял троцкизм. Эти показания Вы подтверждаете?

Ответ: Эти показания, т.е. о том, что Марташевский мне рассказывал о своей принадлежности к к-р троцкистской организации и что он восхвалял троцкизм и т.п., я целиком и полностью подтверждаю.

Вопрос: На допросе 7.VII Вы показали о том, что Марташевского с Зоренко Вы познакомили а апреле 1935 года, а с Жигалко Вас познакомил Зоренко в этот же период. Эти показания Вы подтверждаете?

Ответ: Да. Свои показания о том, что Зоренко с Марташевским я познакомил в апреле 1934 года и что меня с Жигалко познакомил Зоренко в тот же период, я полностью подтверждаю.

Вопрос: Сегодня, 21.VIII.35 г., после того, что Вы давали неоднократные показания о своей и др. к-р и террористической деятельности, Вы подали заявление, в котором указываете, что Ваши показания до сегодняшнего дня не соответствуют действительности. Следствие требует от Вас ответа на вопрос, почему Вы после подачи заявления на допросе подтвердили частично предыдущие свои показания, в частности об известных Вам фактах к-р деятельности Зоренко и Марташевского?

Ответ: Своим заявлением о том, что мои предыдущие показания не соответствуют действительности, я в основном хотел указать, что в к-р террористическую группу я не входил и ее не создавал, что у меня и у др. лиц, которых я перечислил в своих предыдущих показаниях, террористических настроений не было. Что же касается Зоренко и Марташевского, то я свои предыдущие показания в отношении их частично подтверждаю, поскольку к-р взгляды Зоренко мне стали ясны в апреле м-це на основе его некоторых высказываний явно к-р характера, а Марташевский в июне м-це 1935 г., рассказывая мне о своей принадлежности к к-р троцкистской организации, прямо заявил: «Пока не снимем существующего руководства — улучшения ждать нечего...».

Это я и после подачи мною заявления не отрицаю.

Считаю, что я совершил преступление перед Соввластью тем, что своевременно не сообщил органам власти об этом.

Показания записаны с моих слов правильно, читал. *Снижный*

Допросил: Оперуполномоченный ОО *Бондаренко*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 51249-ФП. — Т. 2. — Арк. 286–291. Оригінал. Рукопис.

* Написання прізвища подається за документом.

№ 150

Протокол очної ставки В.Сніжного і М.Жигалка 21 серпня 1935 р.

Вопрос Снижному: Известен ли Вам сидящий против Вас гр-н, где и когда Вы с ним познакомились?

Ответ: Сидящий против меня гр-н мне известен, фамилия его Жигалко. Познакомился я с ним в конце апреля в квартире Зоренко.

Вопрос Снижному: Имеются ли у Вас какие-либо личные счеты с Жигалко?

Ответ: Никаких личных счетов с Жигалко не имею.

Вопрос Жигалко: Подтверждаете ли Вы показания Снижного в части Вашего знакомства?

Ответ: Целиком подтверждаю. Я действительно познакомился со Снижным в апреле м-це 1935 г. в квартире Зоренко.

Вопрос Жигалко: Имеются ли у Вас какие-либо личные счеты со Снижным?

Ответ: Личных счетов со Снижным я не имею.

Вопрос Жигалко: Что Вам известно о к-р террористической деятельности Снижного?

Ответ: Со слов Зоренко мне известно, что Снижный является участником к-р террористической организации, к которой принадлежал и он — Зоренко. При одной из встреч 28 апреля 1935 года в разговорах на политические темы Снижный высказал свои контрреволюционные взгляды. Он говорил, что украинская нация угнетается, что культура уничтожается, что писателей арестовывают, писать не дают и т.п. Из всего сказанного тогда Снижным я понял, что он контрреволюционно настроен, и это подтверждало сказанное мне Зоренко о том, что Снижный является участником к-р террористической организации.

Вопрос Снижному: Подтверждаете ли Вы показания Жигалко?

Ответ: Показания Жигалко отрицаю.

Вопрос Снижному: 28 апреля Вы были в квартире Зоренко?

Ответ: Да, 28 апреля я был на квартире Зоренко.

Вопрос Снижному: Жигалко был в это время в квартире Зоренко?

Ответ: Да, Жигалко тогда тоже там был.

Вопрос Снижному: Разговоры на политические темы происходили тогда между Вами?

Ответ: Разговоров на политические темы совершенно не было.

Очную ставку производил: Оп. уполн. *Бондаренко*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 51249-ФП. — Т. 2. — Арк. 294–298. Оригінал. Рукопис.

№ 151

Протокол Судового засідання 22 жовтня 1935 р.

Дело № 00.... 1935 г. Сов. секретно

ПРОТОКОЛ
судебного заседания

[...]

Судебное заседанием открывается в 11 час. 35 мин.

Председательствующий объявляет, что слушается дело по обвинению граждан Дорожного-Миненко И.Д., Снижного В.С., Калистратенко Н.Я., Зоренко С.В., Паламарчука А.Т. и Марташевского Д.Р. в преступлениях, предусмотренных статьями 54–8, 54–11, с/с по 54– 2 ст. УК УССР.

Подсудимые доставлены в суд под конвоем. Пред-ющий удостоверяется в самоличности подсудимых, которые на предложенные им вопросы, отвечают:

Дорожный-Миненко Иван Дмитриевич (Дорожный – это литературный псевдоним), украинец, родился в 1897 году в селе Байковке Харьковской области. Отец мой крестьянин-бедняк, был выслан в 1904 году в Сибирь, мать домашняя хозяйка. До 1926 года я жил в Сибири. Являюсь членом Коммунистической партии с 1917 года, за что и исключили ли меня из партии, я до настоящего времени не знаю, в других партиях не состоял. В 1918 году был красным партизаном на Алтае. В 1920–21 гг. был в Красной Армии в первом революционном полку, три месяца занимал должность комиссара полка, а затем опять был в партизанах до октября 1921 г. Образование имею высшее — аспирант 3-го курса Института красной профессуры. Работал в Политотделе МТС в Этушкове Винницкой области, а затем преподавателем литературы в Винницком педагогическом техникуме. Женат, имею ребенка 10 лет, не судился, под стражей нахожусь с 15 августа 1935 года. В чем меня обвиняют, знаю. Обвинительное заключение мне было объявлено 13 октября 1935 года.

[...]

Снижный Виталий Сергеевич, ранее у меня была фамилия Курочко, но я ее в законном порядке изменил на фамилию Снижный, украинец, родился в 1898 г. в селе Снижном Донецкой области. Отец мой крестьянин-бедняк, переселился из Украины в Сибирь. Образование имею высшее педагогическое: окончил в 1910 году Хабаровский педагогический институт, а в 1924 году Ленинградский учительский институт. Учился на стипендию, работал сельским учителем в Сибири, а последнее время работал преподавателем украинской и русской литературы в Городнянском техникуме, специальность моя — педагог и автор научных детских книг. В царской армии, в белых армиях, а также и в Красной Армии, не служил, т.к. был освобожден по слабости здоровья. Холост, не судился, беспартийный. Под арестом нахожусь с 23 июня с.г. В чем обвиняюсь, знаю. Обвинительное заключение мне объявлено 11 октября с.г.

[...]

Паламарчук Алексей Тимофеевич, фамилия моего отца Барчук-Паламарчук, но я этой полной фамилией никогда не пользовался, украинец, родился в 1895 г. в м. Хмельники Винницкой области. Отец был в течении 21 года рабочим на винокуренном заводе, а с империалистической войны стал заниматься хлебопашеством, имел 4 десятины земли на 9 душ семьи. Я имею высшее медицинское образование и незаконченное высшее театральное образование, работаю 15 лет в качестве артиста, последнее время работал актером Киевского Дома Красной Армии. Перед арестом мой договор с ДКА окончился, я был без работы и собирался ехать на Урал для артистической работы в «Уралмаштрест». В царской армии я был унтер-офицером-телеграфистом. При Петлюре и Гетмане я служил в ночной военно-сторожевой команде. Я не был офицером, имел чин подстаршины. Я получал в этой команде паек, носил военную форму. Во время этой службы я учился в гимназии. Службу свою в ночной военно-сторожевой команде я даже не считал службой в армии. Во время деникинщины я арестовывался и сидел 6 дней в контрразведке, но был выпущен по просьбе администрации гимназии и за отсутствием против меня улик. Я беспартийный, женат, имею на иждивении мать. В чем меня обвиняют, знаю. Обвинительное заключение мне читали. Под арестом по настоящему делу содержусь с 8 июля с.г.

Марташевский Дмитрий Рафаилович, родился я в 1909 году, у меня в бумагах неправильно записано, что я родился в 1906 году. Записано это было с моих слов, т.к. я хотел раньше, чем дозволялось по возрасту, поступить на работу и сказал, что я родился в 1906 году. Родом я из села Дрогуско Холмской губернии (Польша). Отец мой был учителем, мать тоже была учительницей, а теперь находятся на моем иждивении. Считаю, что имею незаконченное высшее образованием. Учился на Горных курсах в Киеве, а затем в мединституте, но его не окончил, т.к. студенты узнали, что я работаю секретным сотрудником у директора и стали звать меня провокатором. После этого я поступил в кино-институт, но оттуда меня исключили за прогулы и неуспеваемость. Работал экономистом и счетоводом. Последнее время был болен, не работал, а находился на иждивении своего

брата. Безработным был с декабря 1934 года. Беспартийный, холост, не судился, арестован был по настоящему делу 9 июля с.г. В чем меня обвиняют, знаю. Обвинительное заключение читал 13 октября с.г.

[...]

Председательствующий спрашивает подсудимых, понятно ли им обвинение и признают ли они себя виновными. Подсудимые отвечают:

[...]

Подс. Снижный: Обвинение мне понятно. Признаю себя виновным только в том, что был связан с лицами, контрреволюционно настроенными, но ни в какой к-р. организации с террористическими тенденциями я участия не принимал. Объяснения суду давать желаю.

Подс. Паламарчук: Обвинение мне понятно. Признаю себя виновным в антисоветском поведении, которое объективно способствовало контрреволюции, но виновным в участии в контрреволюционной организации себя не признаю. Показания давать желаю.

Подс. Дорожный-Миненко: Обвинение мне понятно. Виновным себя признаю в том, что держал связь с раскулаченными родственниками жены, которые скрывались у меня на квартире, и в том, что нелегально держал у себя оружие. В к-р. организации не участвовал. Объяснения дать суду желаю.

Подс. Марташевский: Обвинения мне понятно. Признаю себя виновным в том, что рассказывал к-р. анекдоты, и в том, что присвоил бланки. В участии в к-р организации не виновен. Показания дать желаю.

[...]

На вопросы председательствующего подсудимый Паламарчук отвечает:

На предъявленной мне фотокарточке снят я. Это была снята ночная военно-сторожевая команда, где я служил при Центральной Раде. Я был в то время в чине подстаршины, а офицером не был. Письма и тетрадь с анекдотами, которые мне предъявляете – мои; они были отобраны у меня при обыске. Письма, которые я писал жене, имеют контрреволюционный характер. Относятся они к 1930–1933 году. Это было время обострения моего отрицательного отношения к Советской власти. Я относился вообще отрицательно к Советской власти, т.е. не всегда отрицательно, но в разные периоды по разному.

В 1930–1933 году – в эпоху коллективизации, самоубийства Скрыпника и Хвылевого мое отрицательное отношение к Советской власти резко обострилось. Я воспитан националистически. Воспитывался в гимназии, где преподавателями были Зеров, Гермайзе, брат Грушевского. Был я среди учеников националистически и к-р. настроенных. Гимназия, очевидно, подготовляла националистические украинские к-р. кадры.

Записи в тетрадь анекдотов я делал с 1928 г. по 1931 год. Я актер-конферансье и не брезговал к-р. анекдотами и каламбурами и записывал их. Я не выбирал специально к-р. анекдотов, а записывал всякие анекдоты, и к-р. анекдотов у меня только небольшая часть. В этом я теперь раскаиваюсь.

С Калистратенко у меня была очная ставка. Он показал, что у меня с ним была случайная встреча на улице в Киеве и что он тогда сказал мне, что руководство Советской властью нужно уничтожить и что будто бы я молчаливо с ним согласился. Я точно этого разговора не помню, может быть Калистратенко и говорил это. У меня с Калистратенко мог быть такой разговор, так как он соответствовал моим тогдашним убеждениям. Я был в то время националистом. Помню, другой раз как-то Калистратенко говорил мне: «Чего Вы, украинцы, ссоритесь в Радиокомитете, вместо того, чтобы быть вместе».

У меня действительно нашли при обыске националистическую литературу — книжки Вишни, Гирчака, Эпика и друг.

Я отрицаю, что служил в белых армиях. Я служил в военно-сторожевой команде. Эти команды были при всех армиях: во время Гетмана, во время Петлюры и при Красной Армии. Службу в этой команде я не считал службой в армии. Поступил я в эту команду при Петлюре добровольно, чтобы иметь возможность учиться в гимназии. Меня неправильно обвиняют, что я скрыл свою службу офицером в Петлюровской и Гетманской армиях. Я был в царской армии унтер-офицером, и в этом чине служил и в сторожевой команде.

С Остапом Вишней я не гастролировал по Украине, а ездил по гастролям с его произведениями. Один раз меня уволили с работы из театра Революции за то, что в селе я вывесил афишу о своем выступлении и что вычеркнул имя Остапа Вишни из числа авторов, которых я должен был читать на сцене.

В период обостренного отрицательного отношения моего к Советской власти я действительно писал в письме своей жене, что я против того, чтобы ундовцев изображали в пьесе отрицательно, как никчемных людей. Я считал ундовцев социалистами и хотел, чтобы в пьесе ундовец был дан, как герой.

Я отрицаю, что собирал к-р. анекдоты с контрреволюционной целью. На первом плане у меня была любовь к разного рода шуткам и каламбурам.

Участия в террористической к-р. организации я не принимал.

Подсудимый Снижный: Свои показания на предварительном следствии я давал в состоянии крайнего угнетения и потрясения. Потом в письменной форме я от них отказался и только часть из них признал правильной.

Оглашаются показания подсудимого Снижного от 25/VII–35 года (т. 1, ст. 250–251).

На вопросы председательствующего подсудимый Снижный отвечает суду: У меня к-р. взглядов не было, так как не было несогласий с политикой Советской власти. Когда меня на предварительном следствии спрашивали, в каком я жил окружении, то я перечислил всех своих знакомых писателей, не зная их убеждений. Почему я сказал, что одни из перечисленных мною писателей разделяли мои к-р. убеждения, а другие не разделяли — объяснить не могу.

Из всех сидящих рядом со мной на скамье подсудимых лиц знаю только Зоренко и Марташевского, остальные мне совершенно не известны. О существовании к-р. группы я ничего не знаю и к ней не принадлежал. Показание мое об этом на предварительном следствии записано неверно. Марташевский говорил, что он троцкист, но это была его ироническая кличка в Институте.

Оглашается протокол очной ставки подсудимого Снижного и подсудимого Зоренко (т. 1, л. 265).

С Зоренко я был знаком с 1930 года. Я его учил технике писания заметок, информаций и статей. В к-р. организацию я Зоренко не вовлекал. Можно взять все мои произведения и убедиться, что в них ничего контрреволюционного нет. Зоренко считал советским человеком и не помню, чтобы вел с ним к-р. разговоры. Марташевского я знал с 1928 года. Я давал показания о Марташевском, что он антисоветски настроен, но на самом деле я с ним, как и с Зоренко, разговоров политических не вел. Были просто реплики и оброненные слова.

Оглашается показание Снижного (т. 1, л.л. 270–272).

О том, что Марташевский сказал мне, что пока мы не снимем существующего руководства, улучшения ждать нечего — я дал показание на предварительном следствии верное *. В своем заявлении от 21.VIII. с.г. я отказался от сделанных мною *о себе* ** ложных показаний и отказ свой подтвердил затем при допросе.

Оглашается показание подсудимого Снижного (т. 1 л.л. дела 283–284).

Эти показания свои подтверждаю. Подтверждаю, что Марташевский говорил мне о своей принадлежности к троцкистской к-р. организации. Сам я контрреволюционную террупу не создавал и в нее не входил. У меня с Зоренко были личные счеты из-за женщины. Очная ставка у меня с Жигалко была. Личных счетов у меня с Жигалко не было.

Оглашается протокол очной ставки Снижного и Жигалко (т. 1, л.л. 292–293). На вопросы Председательствующего подсудимый Снижный отвечает: Показание Жигалко неверное. С Жигалко я виделся очень короткое время и плохо его знаю.

На вопросы Председательствующего подсудимый Зоренко отвечает: Когда пришел ко мне Жигалко, у меня был Снижный. Они познакомились и у них начался разговор про арестованного брата Жигалко. Затем 1-го мая с.г. пришел ко мне Жигалко. Я дал ему ха-

* Надруковано «неверное», «не» від руки жирно закреслено.

** Вписано від руки.

рактеристику контрреволюционного настроения Снижного. Пришел ко мне в то время Снижный. Они с Жигалко стали пить и Снижный напился пьяным. Жигалко как то издевательски относится к Снижному и говорил, что он странный человек.

На вопросы Председательствующего подсудимый Снижный отвечает: Мне приписывают к-р. настроения, но на самом деле большинство моих знакомых считает меня человеком оторванным от жизни. С Коханским я знаком. С Петровым я раньше жил на одной квартире, но он разругался со мной, выгнал меня из своей квартиры и выбросил мои вещи. Косынко приходил к Петрову, они были приятели. У меня с Косынко близкого знакомства не было. Я ушел от Петрова с квартиры и с Косынко последние пять лет не встречался. С Коханским я встречался только официально, как с сотрудником газеты, которому я передавал свои статьи. С Евлашенко я последние 4–5 лет не встречался. Петров и Евлашенко были антисоветски настроены и потому я от них ушел. С Петровым после 5-тилетнего перерыва я встретился мимолетно на улице.

Книжку «Стугонить країна» написал я. Критика оценила книжку отрицательно, но контрреволюционного ничего в ней не нашла. В газете «На зміну» я работал и был уволен за то, что не мог выполнить организационных заданий и за плагиат, но плагиата я за собой не признаю. Больше меня ниоткуда не увольняли. Но после конфликта с этой газетой обо мне стали давать отрицательную характеристику.

Оглашается показание Коханского (т. 1, л.л. 318–319).

Коханский говорит неправду. Я не высказывался против Советской власти. Кроме того, Коханский неверно оценивает мои произведения.

Оглашается показание Петрова (т. 1, л.л. 310–311).

Подсудимый Снижный: Действительно, я после 5-тилетнего перерыва в 1935 году встретил на улице Петрова и говорил с ним. Я шел тогда к Коханскому. Говорил тогда с Петровым о расстреле Косынко, но в каких выражениях, не помню.

Оглашаются выдержки из показаний Коханского (т. 1, л.д. 315).

Подсудимый Снижный на вопросы Председательствующего: Косынко я видел у Петрова, когда жил на квартире у последнего, а после этого с ним совершенно не встречался. Все показания подсудимого Зоренко о терроре — неправдивые. Я не был врагом Советской власти, так как я по происхождению из крестьян-бедняков и Советская власть дала мне все. Я признаю себе виновным лишь в том, что вел знакомство с контрреволюционерами Зоренко м Марташевским.

Оглашаются выдержки из показаний Снижного (т. 1, л. 229).

Да, так я показал на предварительном следствии. Я виноват в том, что не донес по своей слабости о к-р. разговорах Зоренко и Марташевского и принимал участие в этих разговорах. Последние два месяца перед арестом я жил не в Киеве, а в Городне. Коханский не знает Зоренко и Марташевского, а потому я и говорил на предварительном следствии, что Коханский не принадлежит к этой группе. Политическое лицо Зоренко и Марташевского было мне неясно до последнего времени, и если бы я узнал об их контрреволюционной деятельности, то раньше отошел бы от них.

Подсудимый Марташевский на вопросы Председательствующего отвечает: Предъявленная мне записная книжка – моя. Все записи в ней я делал собственноручно. Мнение Троцкого о лозунге самокритики, выдвинутом тов. Сталиным, записано мною собственноручно. Записал я это мнение Троцкого для того, чтобы в нем разобраться. Две книжки об анархизме, которые Вы мне показываете, мои. Надписи чернилами на этих книжках сделаны мною собственноручно. Эти надписи не выражают моих убеждений, а сделаны просто так еще в 1927 году.

Оглашается показание Снижного (т. 1, л. 299).

Снижный показывает неправду. Наоборот было, Снижный говорил мне, что его преследуют коммунисты, но я не высказывался против Советской власти. Я говорил Снижному, что если его преследуют, то пусть он пожалуется в высшие инстанции и там правильно во всем разберутся.

Я никогда не говорил таких слов, что положение не улучшится, если не снимем руководство. Это наглая ложь. Из сидящих на скамье подсудимых я знаю только Снижного и два раза

встречался с Зоренко. Я не был анархистом, даже имевшихся у меня книг об анархизме не прочел полностью. У Снижного я бывал на квартире. Заходил посмотреть имевшиеся у него заграничные журналы. После расстрела террористов, последовавшего за убийством Кирова, я заходил к Снижному и он мне говорил, что расстреляли писателей, которые не виновны.

Оглашаются показания подсудимого Марташевского (т. 2, л.180).

Подсудимый Марташевский на вопросы Председательствующего отвечает: Показания свои на предварительном следствии я помню. Я сразу сказал, что я не фашист, не террорист и не контрреволюционер. Я сразу сказал, что у меня есть оружие и что разрешения на оружие не имею. У меня сначала был «Браунинг», а потом я его обменял на «Наган». Оружие я брал с собой, когда ездил на хлебозаготовки. Разрешения на право иметь оружие я взять не успел.

Я член партии с 1917 года, а партийный билет получил только в 1927 году. Чистку партии я проходил *в 1923 г.* * в гор. Барнауле. После чистки мне выдали только справку, а партийного билета я не получил. Перед ЦК партии, когда меня отправляли на работу в Политотдел МТС, я действительно скрыл те свои дисциплинарные взыскания, которые не были записаны в личное дело.

Жена моя — дочь раскулаченного. Ее отца, мать, 3-х братьев и сестру выслали на Урал. Два брата жены убежали из ссылки в Харьков и скрывались у меня на квартире. Сестра жены также приезжала из ссылки к нам в гости и уехала обратно. Жена моя принимала своих родных – кулаков, бежавших из ссылки, я об этом знал и не принимал никаких мер.

Особенно близких отношений у меня с Калистратенко не было. Разговоры на политические темы у меня с Калистратенко были, но они не носили ни контрреволюционного, ни террористического характера. У Калистратенко действительно я жил два дня на квартире. В то время у меня с ним были разговоры только относительно написанной мною песни и относительно радио. Калистратенко был уволен со службы за ошибки националистического характера, я не старался устроить его на работу в радиокомитете, хотя и обещал дать ему рекомендацию. Я написал письмо заместителю Директора Радиокомитета Карпенко, чтобы он, если возможно, устроил Калистратенко.

[...]

На вопросы Председательствующего подсудимый Дорожный-Миненко отвечает: Револьвер «Наган» был у меня в 1929 года. В 1934 году я получил разрешение на покупку револьвера, но револьвера не купил. Это разрешение было у меня отобрано при аресте. Я все время хотел получить разрешение на имевшийся у меня «Наган», но как-то не собрался этого сделать.

Из дома Блакитного меня исключили в 1929 году. Я был в нетрезвом состоянии, меня обидели и в драке я выстрелил из «Браунинга» в обидчика. После этого товарищеский суд исключил меня из членов дома Блакитного. Было это в январе 1929 года, а затем я «Браунинг» обменял на «Наган» и хранил последний у себя без разрешения.

Оглашаются показания подсудимого Дорожного-Миненко (т. 1, л. 170).

Подсудимый Дороджный-Миненко: Да, я прятал револьвер у себя на квартире, а жена моя укрывала у себя на квартире бежавших из ссылки кулаков, о чем я знал. За эти преступления я готов нести ответ.

Оглашаются выдержки из показаний свидетеля Микитенко (т. 1, л.л. 172–174).

На вопрос Председательствующего подсудимый Дорожный-Миненко отвечает: Выступление мое по радио было не против литературы, а против произведений Микитенко. Я старался дискредитировать Микитенко и за это получил взыскание по партийной линии. Было это в 1932 году.

Оглашаются выдержки из показаний подсудимого Дорожного (т. 1, л.л. 129–138).

Эти показания свои подтверждаю. Колчаковцы держали меня в тюрьме 10 месяцев и освободили. Они знали, что я большевик и партизан, а анненковские офицеры опознали

* Вписано від руки.

во мне члена Трибунала, который их арестовывал. Почему меня освободили колчаковцы, объяснить не могу.

Вся моя жизнь была борьбой за Советскую власть и диктатуру пролетариата. Я не был контрреволюционером, не был фашистом и националистом. На Украину я приехал из Сибири в 1926 году. В 1928 году я свел знакомство с Полищуком. Полищук действительно подарил мне те свои книжки с дружескими надписями, которые были отобраны у меня при обыске и которые мне предъявлены здесь. Мое знакомство с Полищуком было недолгое, я от него отмежевался и с 1929 года ничего общего с ним не имел.

Буревого я знал. Он был врагом Советской власти. Я писал относительно него в ГПУ и с 1929 года ничего общего с ним не имел.

Я боролся с националистами везде, где только я не работал, а также и в Институте красной профессуры. Я честно работал два года в МТС. Контрреволюционером никогда не был, в к-р. организации не состоял и террористических разговоров ни с кем не вел. Свою вину в укрывательстве кулаков и в хранении оружия без разрешения я полностью признаю.

[...]

Подсудимый Паламарчук: Я виноват во всех преступлениях, кроме принадлежности к националистической и террористической организации. Идей фашизма я никому не внедрял. У меня была просто страсть к анекдотам и каламбурам, и я не понимал того, что контрреволюционные анекдоты — это орудие классового врага. Я за всю свою жизнь не сказал ни одной серьезной контрреволюционной или националистической фразы. У меня были все шутки, каламбуры и анекдоты.

Калистратенко сказал, что у меня были националистические и террористические намерения, но на самом деле у меня ни с кем не было таких разговоров, чтобы был повод так обо мне думать. Я был плохим советским гражданином. Относился к Советской власти в разные периоды по разному: в эпоху НЕПа я чувствовал себя хорошо и хорошо относился к Советской власти, а в эпоху коллективизации, под влиянием писем из дома о голоде — стал относиться к Советской власти отрицательно. В стенах НКВД я многое оценил, осознал и мое отношение к Советской власти изменилось.

На предварительном следствии я давал показания безо всякого принуждения. Утверждаю, что я офицером не был, служил в военно-сторожевой команде при всех властях исключительно для того, чтобы иметь возможность учиться в гимназии.

Подсудимый Снижный: Я хотел обратить внимание суда на то, что все объективные данные: мои произведения и то, что я последних два месяца не был в Киеве и не мог ни с кем встречаться, — опровергают выдвинутое против меня обвинение.

У меня при обыске действительно нашли 1000 рублей советскими деньгами и на сто двадцать рублей золотых монет. Золотом я получал жалование, когда был учителем в Дальневосточном крае.

Никаких террористических намерений у меня никогда не было. Какой я националист, когда я на Украине стал жить только с 1926 года и больше люблю говорить по-русски, чем по-украински.

Подсудимый Марташевский: Подсудимый Снижный выставляет меня, как троцкиста. Это неверно. Я на своем факультете разоблачал и громил троцкистов, об этом известно в Институте, националистом я никогда не был.

Подсудимый Дорожный-Миненко: В период всей моей работы на Украине я боролся с национализмом. Когда я был директором Педагогического института, то я разгромил там националистов. Везде, где я работал, я активно выступал по партийному против перерожденцев и украинских шовинистов. Если все это участь, то будет непонятно, почему меня сразу сделали фашистом и националистом. По происхождению я из трудового народа и много перенес в борьбе за Советскую власть.

Полищук действительно подарил мне свою книжку, которая была затем изъята, с надписью, как другу. Подарок он мне сделал в 1928 году, а затем я убедился, что он националист и порвал с ним.

Председательствующий объявляет судебное следствие законченным и предоставляет подсудимым последнее слово.

[...]

Подсудимый Снижный: Я споткнулся и больно ушибся. Я ощущаю позор. Мне непонятно, как все это случилось. Я сознательно не шел по контрреволюционному пути, а попал на этот путь случайно. Я всегда мыслил свою жизнь и работу только в советских условиях. Я хотел быть полезным, и в своих произведениях не дал ни одной строчки классовому врагу. Мне не понятно, как я очутился в контрреволюционном и националистическом окружении. Я не политик и по своей натуре не борец, я по глупости попал в это дело. Я не хотел и не хочу идти по контрреволюционному пути. Все это я докажу своей жизнью.

Подсудимый Паламарчук: Я ничего общего с людьми, которые сидят на скамье подсудимых, не имел. Я жил последние годы вне Киева. Я не хочу сказать, что я лучше этих людей, которые сидят на скамье подсудимых, так как у меня были контрреволюционные взгляды, но никогда не было мысли поднять руку на Советскую власть. В общественной жизни, в театре работал честно, имею хорошие отзывы, в частной жизни у меня были контрреволюционные анекдоты, каламбуры и т.п.

Я совершенно считаю себя неспособным поднять руку и даже подумать о тердействиях против Постышева и Коссиора. У меня была большая общественная работа, я выступал бесплатно в частях Красной Армии и занимал выборные общественные должности. Я сознаю, что был контрреволюционно настроен. Я был националист, не верил в политику коллективизации. Я был враг, но не активный. Я уже теперь не тот националист, каким был раньше, все это я уже изжил и жалею только, что раньше не был арестован НКВД, которое теперь сделало меня другим человеком. Если мне будет представлено, то остаток дней своих употреблю на творческую деятельность на сцене.

Подсудимый Дорожный: Не будучи фашистом и террористом, я оказался на скамье подсудимых по обвинению в контрреволюционной террористической деятельности. Я вышел из доверия рабочего класса, и это для меня урок. Есть возможности исправить и такого преступника, как я. Моя семья была разорена белыми и брат был ими повешен. Мое преступление тут только в том, что я скрывал родственников своей жены — кулаков и хранил без разрешения оружие.

Подсудимый Марташевский: Я начал свою жизнь как рабочий, не достигнув совершеннолетнего возраста. Я никогда не думал о контрреволюции, но я не был бдительным и сталкивался с плохими людьми. Я слушал контрреволюционные разговоры Снижного и не прекращал с ним знакомства. Снижный врет, что будто бы я говорил, что необходимо сменить руководство Советского государства. Я был в мещанском окружении, рассказывал контрреволюционные анекдоты. Я не был анархистом. Надписи на книжках об анархизме я сделал просто так, легкомысленно. Я хочу сделаться честным гражданином-большевиком.

В 18 час. 35 мин. Суд удаляется на совещание и в 23 часа 30 мин. объявляется приговор Суда.

Председательствующий разъясняет осужденным приговор и порядок его обжалования.

Мерой пресечения до вступления приговора в законную силу всем осужденным избирается содержание под стражей.

[...]

Председательствующий Кушнирюк

Секретарь *Знаменский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 51249-ФП. — Т. 4. — Арк. 224–232. Копія. Машинопис на бланку.

№ 152

Визначення у справі В.Сніжного та інших 17 листопада 1959 р.

Копия
Секретно

Верховный Суд Союза ССР
Определение № 001309/р-35

Военная коллегия Верховного Суда СССР в составе: Председательствующего — генерал-майора юстиции Костромина и членов: полковника юстиции Жилина, подполковника юстиции Белова рассмотрела в заседании от 17 ноября 1959 года заключение Главного военного прокурора по делу осужденных Военным трибуналом Киевского военного округа 22 октября 1935 года:

1. Быв. преподавателя Винницкого педагогического института Дорожного-Миненко Ивана Дмитриевича, 1897 года рождения, уроженца с. Бойковка Харьковской области, арестованного 14 августа 1935 года;

2. Быв. дирижера хоровой капеллы завода «Точприбор» в г. Киеве Калистратенко Никиты Яковлевича, 1900 года рождения, уроженца села Лисники Киевского района и области, арестованного 22 июня 1935 года;

3. Быв. преподавателя Городнянского педтехникума Снижного Виталия Сергеевича, 1898 года рождения, уроженца с. Снижное Донецкой области, арестованного 22 июня 1935 года;

4. Быв. преподавателя библиотечного техникума в г. Киеве Зоренко Станислава Васильевича, 1905 года рождения, уроженца м. Борзна Черниговской области, арестованного 18 июня 1935 года;

5. Быв. артиста Киевского дома Красной Армии Паламарчука Алексея Тимофеевича, 1895 года рождения, уроженца с. Хмельник Винницкой области, арестованного 8 июля 1935 года;

6. Марташевского Дмитрия Рафаиловича, 1906 года рождения, уроженца села Дорогуско быв. Холмской губернии, арестованного 8 июля 1935 года, перед арестом нигде не работавшего,

всех шестерых по ст.ст. 54–3 и 54–1 УК УССР: Дорожный-Миненко и Калистратенко — к расстрелу с конфискацией имущества, Снижный, Зоренко, Паламарчук и Марташевский к 10 годам лишения свободы в ИТЛ, без поражения прав, с конфискацией имущества каждый.

Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 20 ноября 1935 года Дорожному-Миненко расстрел заменен 10 годами лишения свободы. В остальной части приговор оставлен в силе.

Заслушав доклад тов. Жилина и заключение пом. Главного военного прокурора подполковника юстиции Химич,

установила:

По приговору суда считается установленным, что Дорожный-Миненко, Калистратенко, Зоренко, Снижный, Паламарчук и Марташевский, являясь участниками антисоветской националистической террористической организации, занимались антисоветской агитацией и обсуждали вопрос о подготовке террористических актов. У Зоренко и Дорожного-Миненко при аресте было изъято огнестрельное оружие.

В заключении прокурора ставится вопрос об отмене судебных решений в отношении всех осужденных и о прекращении дела за отсутствием состава преступления по следующим мотивам.

В процессе дополнительной проверки, проведенной по делу, установлено, что Дорожный-Миненко, Калистратенко, Снижный, Зоренко, Паламарчук и Марташевский были осуждены необоснованно. Все они, кроме Зоренко, в суде категорически отрицали принадлежность к антисоветской националистической организации. Зоренко, признавая свою вину, изобли-

чал в преступной деятельности и остальных осужденных. Однако его показания не заслуживают доверия ввиду их противоречивости и несоответствия другим объективным данным.

Необоснованным является утверждение в приговоре суда о том, что Дорожный-Миненко и Зоренко незаконно хранили у себя огнестрельное оружие. Дорожный-Миненко и Зоренко суду заявили, что оружие им было выдано с ведома органов НКВД в период их работы на ответственных должностях в советских учреждениях. Это заявление Дорожного-Миненко нашло подтверждение при проверке дела.

Допрошенные в ходе проверки преподаватели, журналисты и ответственные работники советского радио: Овчаренко, Сердюк, Холодняк, Вергун, Минько, Мищенко, Химин и др. дали в отношении осужденных положительные отзывы и ничего предосудительного о них не показали.

Таким образом, при проверке дела было установлено, что Дорожный-Миненко и др. были осуждены необоснованно.

Проверив материалы дела и учитывая, что при проверке дела выяснены новые существенные обстоятельства, которые ранее суду известны не были, и соглашаясь с заключением Главного военного прокурора,

определила:

Приговор Военного трибунала Киевского военного округа от 22 октября 1935 года и определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 20 ноября 1935 года в отношении:

1. Дорожного-Миненко Ивана Дмитриевича,
2. Калистратенко Никиты Яковлевича,
3. Снижного Виталия Сергеевича,
4. Зоренко Станислава Васильевича,
5. Паламарчука Алексея Тимофеевича,
6. Марташевского Дмитрия Рафаиловича —

по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о них производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Председательствующий *А.Костромин*

Члены: *Жилин*
Белов

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 51249-ФП.– Т. 4. — Арк. 252–254. Оригінал. Рукопис.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО М.КУЛИЦЬКОГО

№ 153

Протокол допиту М.Вонарського 13 січня 1933 р.

Копия

Вопрос: Расскажите о Вашей практической работе в ПОВ.

Ответ: Как я уже говорил в предыдущих своих показаниях, моя работа в ПОВ шла, главным образом, по линии охвата молодежи. Задача, поставленная передо мной в этой части, заключалась в том, чтобы усилить среди повятской молодежи шовинистическую пропаганду и, организационно лучше объединив ее, обеспечить привлечение кадров польск. националистической молодежи к активной борьбе с Соввластью, как в момент развернутых

ПОВ массовых выступлений в момент интервенции против СССР, так и для выполнения, в меру возможности, ряда отдельных заданий в области вредительства, диверсии и т.д.

Связан я был в процессе своей деятельности более всего с Мирато, позже я имел связь также с Врублевским, по линии контактирования с ним своей деятельности и получения от него ряда установок.

Конкретно моя пропагандистская работа заключалась в том, что я лично по заданиям ПОВ подготавливал и организовывал в 1931 г. нелегальный юбилей польского реакционера-националиста писателя Мицкевича. Выразилось это в том, что группа молодежи — членов ПОВ провела специальное совещание по этому поводу в немецком техникуме на польском отделении в помещении самого техникума.

Вопрос: Кто именно входил в ПОВ из польской националистической молодежи.

Ответ: В ПОВ, в группу молодежи, с которой я был связан, входили: я — Вонарский, Шемето Александр, находящийся сейчас в Каменецком погранотряде на действительной военной службе; Липский Наполеон — вступил позже в комсомол, вместе со мной учился в польском отделении немецкого техникума, а затем ушел на завод «Марти», а оттуда уехал в МТС на периферию Одесской области, Охманович Антон, кончил трудшколу и затем сдавал экзамен при польском техникуме.

Из вышеуказанных лиц каждый в отдельности проводил вербовочную работу среди молодежи. Об этом мне в процессе общения со мной и обмена мнениями о работе ПОВ говорил и Шемето, и Липский.

Я лично подготавливал к вербовке в ПОВ Кулицкого Михаила Тихоновича и Загичек Геню.

Вопрос: Эти последние два лица — Кулицкий и Загичек были Вами завербованы в состав ПОВ или же они только обрабатывались Вами?

Ответ: Вначале они мною обрабатывались, но впоследствии, когда я убедился в том, что Кулицкий уже достаточно подготовлен и сможет быть полезным для антисоветской работы, я его вовлек в ПОВ. Что же касается Загичек Гени, то от мысли вовлечения ее в ПОВ я отказался, так как она ни своими настроениями, ни по личным качествам, к работе и задачам ПОВ не подходила, и от мысли о вербовке ее я отказался совершенно.

Кулицкий Михаил Тихонович, 20 лет, учился вместе со мной в профшколе «Металл № 4», сейчас он работает на заводе быв. ОПИ.

Кулицкий вообще был известен в нашей среде как антисоветский элемент, способный на определенную активность, вследствие чего я поставил перед ним вопрос прямо о вступлении в ПОВ, на что он дал свое согласие. Было это в 1932 году, в сентябре месяце. Точно припомнить все внешние обстоятельства данного разговора с ним, когда я ему сделал предложение о вступлении в ПОВ, которое он принял, я не могу сейчас. Помню, что этот разговор я вел с ним на улице, когда мы вместе с ним шли. Что этот разговор у меня с ним был именно на улице — это я хорошо помню, потому что я в интересах конспирации именно на улице, вне жилой обстановки, решил с ним провести эту беседу.

О вербовке Кулицкого я сообщил Мирото * в одну из встреч с ней, на что она выразила одобрение.

Из других сторон практической деятельности ПОВ я должен указать на диверсионную работу.

Мирато, как и Врублевский, в процессе инструктирования меня о работе ПОВ говорили, что молодежь, особенно техническая молодежь, связанная непосредственно с производством, может быть использована для совершения отдельных диверсионных актов. Эту мысль о готовности к диверсионным мероприятиям неоднократно мне, как и Липскому, Шемето и другим, подчеркивали. Я, как и остальные названные лица, естественно, передавал эту мысль и другим, но конкретно намеченный план в этом отношении я не мог иметь, так как объекты моего производства не представляли в этом смысле интереса, а использовать меня конкретно в другом месте сейчас именно не рассчитывали.

---

* Різночитання у написанні прізвища подані за документом.

Все остальные известные мне моменты изложу в следующих показаниях.

Показание мне прочитано, все изложенное в нем верно, в чем собственноручно и расписываюсь.

Вонарский

Допросил: Нач. IV-го отд. СПО Глебов

Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України, Одеса. — Спр. 22362–П. — Арк. 7–9. Копія. Машинопис.

№ 154

Свідчення Д.Врублевського 21 січня 1934 р.

Копия

Вопрос: Вы в предыдущих показаниях заявили, что в ПОВ были завербованы в 1932 году. Соответствует ли действительности эта дата вступления Вашего в ПОВ?

Ответ: Во изменение данных мной показаний от 25-го октября 1933 г. настоящим заявляю, что в действительности в ПОВ я был завербован осенью 1930 г. прибывшим из Польши политэмигрантом Турчинским Марцелием, а не Бороденко, как я об этом говорил в своих предыдущих показаниях. Эту неточность в своих показаниях я допустил вследствие того, что в момент вербовки в 1930 году до весны 1932 г. моя деятельность в ПОВ по причине постоянного пребывания на селах в командировках была малоактивной, а уже начиная с весны 1932 г., после того, как я связался по работе в ПОВ с Бороденко, моя личная деятельность в ПОВ активизировалась.

Момент активизации моей деятельности в ПОВ я и считал временем фактического вступления в ПОВ.

Вопрос: Расскажите, что Вам известно о группе ПОВ, руководимой Охмановичем.

Ответ: Точно сейчас не помню, но кажется весной 1932 г. я в соответствии с полученными мной указаниями от члена руководства ПОВ Бороденко, дал задание члену ПОВ Охмановичу создать боевую группу польской молодежи, целевым назначением которой являлось вооруженное выступление здесь на территории УССР вместе с другими такими же группами во время интервенции со стороны Польши.

Из ряда последующих информаций Охмановича мне известно, что он на протяжении 1932 г. и части 1933 года завербовал и привлек в группу следующих лиц: Вонарского, Липского, Кулицкого и Шемето. По линии практической деятельности этой боевой группы ПОВ Охманович получал указания непосредственно от члена руководства ПОВ Бороденко, но часть заданий Охмановичу Бороденко передавал также и через меня. В частности, я давал задание Охмановичу о количественном расширении боевой группы, а также о проведении членами группы националистической работы среди польской молодежи.

Вопрос: Расскажите, что Вам известно о работе в ПОВ Лещинского.

Ответ: В дополнение к моим показаниям на очной ставке, заявляю, что Лещинского, состоявшего в должности зав. польским клубом в Одессе, я завербовал в ПОВ весной 1933 г. Техника вербовки Лещинского заключалась в продолжительной предварительной обработке его в духе польского национализма, а затем уже, приблизительно в апреле месяце, я поставил перед Лещинским прямо вопрос о вхождении его в ПОВ. На это Лещинский дал мне свое согласие.

В ПОВ Лещинский по моим заданиям проводил националистическую работу при польском клубе, а главным образом использовался для продвижения членов ПОВ по ли-

нии клубной работы на различные предприятия города. Такие командировки, выданные Лозинским как зав. польклубом, имели я — Врублевский, Миккевич, Глинская, Сохацкий и друг. По работе в ПОВ Лещинский был связан с Сохацким.

Показания записаны с моих слов правильно, мною прочитаны, в чем и расписываюсь.

Врублевский

Допросил: Уполномоченный СПО Каринковский

Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України, Одеса. — Спр. 22362-П. — Арк. 6–17. Копія. Машинопис.

№ 155

Обвинувальний висновок у справі М.Кулицького 22 червня 1935 р.

По следделу № 11504

Обвинительное заключение

по обвинению Кулицкого Михаила Тихоновича в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 54–8 и 54–11 УК УССР.

В конце 1933 года Одесским облотделом ГПУ был вскрыт и ликвидирован на территории Одесщины мощный филиал Польской военной организации — ПОВ, стремившейся организовать на территории Украины к началу интервенции против СССР вооруженное выступление и провести ряд диверсионных актов. Осуществление ПОВ этих мероприятий к началу войны должно было облегчить операцию Польши и ее союзников к моменту оккупации Украины и отторжению ее от Советского Союза.

Значительно активизируется ПОВ в Одессе с осени 1931 года, с момента приезда сюда из Польши с диверсионно-разведывательными заданиями Бороденко. На протяжении 1930–1933 гг. ПОВ в Одессе развертывает широкую националистическую и диверсионную, шпионско-разведывательную работу, охватив своими кадрами ряд предприятий, морской и ж.д. транспорт.

Наряду с этим, из польской националистической молодежи были созданы боевые группы, ставившие перед собой задачи террора.

После разгрома в Одессе в 1933 г. органами ГПУ существовав-шей здесь ПОВ, отдельные нерепрессированные ее участники продолжают вести польско-националистическую работу и высказывать террористические тенденции. К числу этих лиц относится Кулицкий Михаил Тихонович, активный участник ПОВ, член боевой группы, организованной в 1932 г. осужденным по настоящему делу Охмановичем Антоном.

Произведенным в отношении Кулицкого следствием, показаниями ряда лиц, осужденных по делу ПОВ, установлено, что Кулицкий, будучи известен в среде польской молодежи как антисоветский элемент, способный на определенную активность, был завербован членом ПОВ Вонарским в сентябре 1932 года (см. л.д. 8).

Показаниями осужденных по делу ПОВ Вонарского, Липского, Врублевского и Шемето Кулицкий Михаил Тихонович изобличается как активный участник организации, по существу чего перечисленные показали:

Осужденный Вонарский Мечислав Иванович: «Кулицкий вообще был известен в нашей среде как антисоветский элемент, способный на определенную активность, вследствие чего я и поставил перед ним вопрос прямо о вступлении в ПОВ, на что он дал свое согласие. Было это в 1932 г., в сентябре месяце...» (см. л.д. № 8).

Осужденный Липский Наполеон Игнатьевич: «Летом 1931 года на квартире Охмановича состоялось собрание членов организации, на котором, помимо меня и Охмановича, присутствовали Зенькевич, Вонарский, Шемето. На этом собрании Охманович меня инструктировал и давал направление в работе, остальные отчитывались о проделанной ими работе... По вопросу Вонарского было установлено, что он подготовил к вербовке Загичек Геню, которая вместе с ним училась, и Кулицкого Михаила Тихоновича, б. ученика Профметаллшколы № 4» (см. л.д. 12).

Осужденный Врублевский Доминик Адамович: «Из ряда последующих информаций Охмановича мне известно, что он на протяжении 1932 года и части 1933 г. завербовал и привлек в группу следующих лиц: Вонарского, Липского, Кулицкого и Шемето» (см. л.д. 16).

Осужденный Шемето Александр Иванович: «Об известных мне членах к-р организации ПОВ я могу сказать следующее: Кулицкий Михаил Тихонович, 1913 г. рождения, украинец, сын попа, хорошо знал польский язык, ученик профшколы № 4 с 1928 года. В 1930 г. выбыл из школы и поступил на Январский завод в качестве слесаря. В 1932 г. перешел на работу на завод ОПИ. До этого учился несколько дней в Банковском институте, где его разоблачили как сына попа. Это вынудило бросить работу на Январск. заводе. Участник политкружка в польклубе, завербован в ПОВ, точно не помню, Вонарским или Липским, со слов одного из последних» (см. л.д. № 23, 26).

Несмотря на наличие всех этих данных, будучи полностью ознакомлен с показаниями перечисленных выше членов организации, Кулицкий отрицает свою причастность к ПОВ, но вместе с тем показал, что на протяжении ряда лет был очень близок со всей группой молодежи, осужденной по ПОВ (см. л.д. 31–42, 47–49).

Характерно, что Кулицкий, будучи по национальности украинцем, по соцпроисхождению сыном попа, в целях сокрытия своего соц. прошлого, поступает в польскую Профметаллшколу, будучи совершенно незнаком с польским языком, в дальнейшем принимает активное участие в работе польского клуба, так как в среде поляков он был гарантирован от разоблачения (см. л.д. 2, 3, 49).

Начиная с 1923 года, по день ареста, Кулицкий обманным путем выдавал себя за сына рабочего, проникает в ряд учебных заведений и производств в г. Одессе (см. л.д. *).

На основании изложенного Кулицкий Михаил Тихонович обвиняется в том, что, начиная с 1932 г., являлся активным членом Польской военной организации — ПОВ, входил в состав молодежной боевой группы, ставившей перед собой задачи террора в период интервенции против СССР со стороны Польши, что предусмотрено ст. ст. 54–8 и 54–11 УК УССР, а посему

полагал бы:

Следделло за № 11504 по обвинению Кулицкого Михаила Тихоновича, 1913 г. рожд., уроженца г. Одессы, рабочего, украинца, подданства УССР, с незаконченным средним образованием, холостого, слесаря, несудимого, работавшего на заводе им. XVI партсъезда, сына священника, — направить на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР с ходатайством о применении меры социальной защиты — заключение в концлагерь сроком на 3 года.

Справка: Кулицкий Михаил Тихонович содержится под стражей в 4-м корпусе Одпромколонии НКВД и сего числа перечисляется за Особсовещанием НКВД СССР. Вещдоков по делу нет.

Уполномоченный Особого отдела *Роит*

Согласен: Начальник Особого отдела *Ратынский*

Утверждаю: Начальник Управлен. НКВД УССР по Одесской области *Розанов*

ДА СБ України, Одеса. — Спр. 22362–П. — Арк. 50–53. Оригінал. Машинопис.

* В документі відсутні номери аркушів справи.

№ 156

Постанова у справі М.Кулицького 25 червня 1935 р.

Утверждаю
Зам. нар. ком. внутр. дел УССР
Кацнельсон
15.IX.1935 г.

Постановление

г. Киев, июля 25 дня, 1935 г. [Я,] Опер. уполномоченный 1-го отделения ОО УГБ НКВД УССР и УВО Домбровский, рассмотрев след. дело № 11504/66194 Одесского облуправления НКВД по обвинению гр. Кулицкого Михаила Тихоновича в преступлении, предусмотренном ст.ст. 16–54–8 и 54–11 УК УССР,

нашел:

Обвиняемый Кулицкий Михаил Тихонович показаниями осужденных 4-х участников к-р организации «ПОВ» — Вонарского Мечислава Ивановича, Липского Наполеона Игнатьевича, Врублевского Доминика Адамовича и Шемето Александра Ивановича — изобличается в том, что он, Кулицкий, с 1932 года являлся членом «ПОВ», входил в состав молодежной группы, ставившей задачи проведения террора.

По агентурным данным, обвиняемый Кулицкий до последнего времени проявлял террористические тенденции против вождей партии и правительства. Виновным себя обвиняемый Кулицкий не признал.

Обвинительное заключение составлено соответственно материалам следствия. Следственная проработка обвиняемого Кулицкого велась без постановки перед ним целеустремленных вопросов, ставились неправильно вопросы («просьба дать следствию», «следствие просит» — л.д. 39, 41, 45, 47), в результате чего он, Кулицкий, не разоблачил себя в принадлежности к к-р террористической организации.

Очная ставка обвиняемого Кулицкого Михаила Тихоновича с осужденными участниками к-р организации «ПОВ» не могла быть проведена вследствие пребывания последних в концлагере.

Принадлежность обвиняемого Кулицкого Михаила Тихоновича к молодежной террористической группе к-р организации «ПОВ» устанавливается показаниями 4-х осужденных участников «ПОВ». Террористические настроения обвиняемого Кулицкого в последнее время свидетельствуются агентурными данными.

Исходя из этого, обвиняемый Кулицкий, сын священника, представляет социальную опасность.

Постановил:

на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 10.VII.1934 г. след. дело № 11504/66194 по обвинению гр. Кулицкого Михаила Тихоновича направить на рассмотрение Особого совещания при НКВД с ходатайством о заключ. обв. Кулицкого Михаила Тихоновича в концлагерь на три года.

Справка: обв. Кулицкий М.Т. содержится под стражей в Одесской промколонии.

Опер. уполномоченный ОО *Домбровский*

Согласен: Врид. нач. 1 отделения ОО *Болотин*

Утверждаю: Пом. нач. Особого отдела
УГБ НКВД УССР и УВО *Самойлов*

ДА СБ України, Одеса. — Спр. 22362–П. — Арк. 55–56. Оригінал. Машинопис.

№ 157

Записка по ВЧ
4 листопада 1935 р.

ОО НКВД, Киев,
Александровскому

В присланном Вами на Особое совещание деле Кулицкого Михаила фигурируют показания Вонарского, Липского и Врублевского, изобличающие его в принадлежности к ликвидированной вами 1933 году организации «ПОВ».

Немедленно сообщите для доклада Особому совещанию, по каким причинам Кулицкий тогда не был арестован.

Пом. нач. ОО ГУГБ НКВД *Гендин*
4 ноября 1935 года
№ 172869

ДА СБ України, Одеса. — Спр. 22362–П. — Арк. 59.
Оригінал. Машинопис.

№ 158

Витяг з протоколу Особливої наради при наркомі внутрішніх справ СРСР
10 грудня 1935 р.

Копия с копии

Слушали:	Постановили:
5. Дело № 11504/УССР о Кулицком Михаиле Тихоновиче, 1913 г.р., сын священника.	Кулицкого Михаила Тихоновича за к-р деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на три года, считая срок с 27/4–35 г. Дело сдать в архив.

Отв. секретарь Особого совещания *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України, Одеса. — Спр. 22362–П. — Арк. 62.
Копія. Машинопис на бланку.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО Й.БОБЕРСЬКОГО

№ 159

Протокол допиту Й.Боберського
19 серпня 1935 р.

Копия

Протокол допроса

1935 г., августа 19 дня. Я, уп. СПО УГБ УНКВД по Донецкой области Ефименко, допросил в качестве обвиняемого:

Боберский Иосиф Александрович, 1896 г. рождения, уроженец м. Сирет (Буковина, б. Австрия), проживает с. Рутченково, Почтовый участок № 105, отец — немец из украин-

цев, мать немка из румынок. Студент Промакадемии, соцпроисхождение — отец рабочий. Соцположение до революции — рабочий, после революции — рабочий-служащий. Семья состоит: жена Мария Федоровна, 1899 г. рождения — студентка медицинского техникума, брат Алексей Александрович Боберский, 1901 г. рождения — студент Харьковского электротехнического института, двоюродная сестра Ольга Ивановна Ясинская, 35–37 лет — работница. Образование — незаконченное высшее специальное. Котельный мастер-инструктор. Член КП(б)У с 1924 года. Репрессиям ни до революции, ни после революции не подвергался. Наград при Соввласти не имеет. Запас 7-й категории — политработник. Служба в Красной Армии: в органах ВЧК с 1920 по 1923 г., баталер, пом. коменданта, контролер и контрольный агент. В действительной армии белых не служил. В бандах и к-р организациях не участвовал. Сведения об общественно-политической деятельности: с 1925 г. бессменный член Бюро партячеек г. Макеевки, сов. ячейка до поступления в Промакадемию, секретарь цеховой партячейки, член правления Макеевского рабкоопа.

Вопрос: В каком году и при каких обстоятельствах Вы впервые прибыли на территорию СССР?

Ответ: В 1915 г. как военнопленный австрийской армии.

Вопрос: В какой части и в качестве кого Вы служили в австрийской армии?

Ответ: 1-й пехотный полк — рядовым.

[...]

Вопрос: С 1915 года, прибыв военнопленным, где и в качестве кого Вы работали?

Ответ: Два месяца я пробыл в Киевском лагере военнопленных, откуда по запросу Бердянского порта я, как бывш. моряк, согласился и был направлен в Бердянский порт в качестве грузчика, впоследствии там же работал на портовом катере в должности матроса, кочегара и т.д. (я до призыва в армию в 1913–1914 гг. матросом-юнгой работал в Триесте), в данной должности я работал до середины 1918 года, т.е. до прихода немецких войск к ст. Пологи в период к-р восстания в Бердянске, в тот же период времени я примыкаю к сов. партизанскому отряду порта.

При поражении партизанского отряда я на рыбацкой лодке добираюсь до Ейска, в котором были белые войска. В Ейске в поисках работы я пробыл 2–3 недели и, не найдя таковой, я поступил на стоявшее в то время в порту гидрографическое судно «Казбек» вольнонаемным рулевым. Судно принадлежало портовому командованию власти белой армии. На данном судне я через две недели прибыл в Новороссийск, также занятый белыми, где я с судна взял расчет, и в целях переправы к себе на родину в Австрию я поступаю матросом на парусное судно «Св. Николай», на котором я прослужил около месяца, после чего я поступил мотористом на прибывшее в порт парусное моторное судно «Али-Бей». За мой хороший ремонт мотора хозяин судна согласился нелегально взять меня с собой в Турцию.

С большим риском, как моим, так и хозяина судна, я ухожу из-под проверки белой контрразведки, с которым я пробираюсь в Трапезунд. С Трапезунда хозяин судна в порту Загундаки высадил меня с судна без всякой оплаты за мой труд у него мотористом. Мои жалобы турецким властям о денежном вознаграждении мне хозяином судна положительных результатов не дали.

Вопрос: Вы прибыли нелегально на сторону Турции; подавая жалобу на хозяина суда, Вы рисковали быть арестованным?

Ответ: Ничего подобного не было, принимали везде радушно, в тот период там было все просто. В Загундаки на французских шахтах я в котельной проработал 2–3 недели кочегаром, после чего случайно, по просьбе, турецкие матросы переправили меня на парусной лодке в Константинополь. В Константинополе я поступаю матросом на буксирный пароход, на котором работаю 2–3 месяца, и по прибытии итальянского парохода, совершающего рейды Константинополь — Триест, на который я поступаю камердинером и выезжаю в Триест, где, как я указывал выше, пробыл около 10 дней.

Вопрос: Почему Вы из Триеста, где вы в прошлом работали и учились, несмотря на Вашу цель попасть на родину, возвратились обратно в Константинополь, не оставшись на работе в Триесте для того, чтобы в дальнейшем пробраться в Буковину?

Ответ: Триест был занят итальянцами. Чтобы жить в Триесте, надо было иметь итальянский паспорт, я не являлся уроженцем и жителем Триеста, не имел документа даже о своем австрийском происхождении, поэтому я выехал обратно в Константинополь.

Вопрос: Какие документы у Вас были при прибытии в Триест?

Ответ: У меня был голландский морской паспорт, полученный мною в голландском консульстве в Константинополе, которое у меня отобрало мой документ австрийского пленного в России. В голландском паспорте было указано, что я русского происхождения.

Вопрос: Почему Вы получили паспорт в голландском консульстве и согласились на документ русского происхождения?

Ответ: Пробираясь к себе на родину, прибыв в Константинополь, я обращался с просьбой получения документа в австрийское консульство, где меня обвинили в том, что я не уехал в Австрию с эшелонами австрийских пленных, что я наверное, как он выразился, «с этой компании», т.е. участник революционного движения в СССР, и отказал мне в выдаче своего паспорта. Не получив в австрийском консульстве паспорта, я случайно от русского матроса узнал, что голландское консульство выдает русским матросам документы на право жительства, после чего я обратился в голландское консульство через русского переводчика. Я объяснил, что австрийский подданный, на что последний ответил: «Это не важно» и написал мне в документе, что я русского происхождения. Данный документ паспортом я не считаю. По-моему, это удостоверение, дающее право проживания в Константинополе и работы на пароходах. На данном удостоверении я делал пометки в тех портах, где я плавал, в частности турецкого, итальянского и греческого государств.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах Вы возвратились в СССР?

Ответ: Работая в Константинополе, я от матросов услышал, что в Трапезунде есть советский консул, куда за получением визы на право въезда в СССР поехал и я. Явившись в Трапезунд, я был арестован по неизвестной мне причине, где просидел под арестом около 3-х дней, в период которого меня расспрашивали, кто я и откуда я. Последним я рассказал, что я австрийско-подданный России, куда я хочу пробраться вновь, т.е. я им рассказал все те же биографические данные и мои перемещения, которые я указал выше в протоколе, после чего турецкая полиция из-под стражи меня освободила. Явившись к советскому консулу, предъявив ему выданный мне голландским консульством документ, в таковом мне без всяких задержек наложили визу на право въезда в СССР, причем право въезда было не закреплено печатями.

Вопрос: Визу на право въезда в СССР Вы получили в 1920 году в маленьком турецком городе без советской печати. Уверены ли Вы в том, что это было советское консульство, был ли на здании советский флаг?

Ответ: Флага советского на здании я не видел, визу на въезд я получил сравнительно легко, по настоящее время я был уверен, что это было советское консульство, сейчас же после логического рассуждения о том, что это было советское консульство, я в этом не уверен.

Вопрос: Получив визу на право въезда в СССР, каким пароходом Вы поехали в СССР?

Ответ: Ввиду отсутствия регулярного пассажирского сообщения СССР с Турцией, я еще до 2-х месяцев проработал на ледорезе «Харлынец», проданном белогвардейцами французам, в качестве матроса.

Вопрос: Кому принадлежало судно «Харлынец» и какие работы оно выполняло?

Ответ: Судно принадлежало французским властям, выполняло оно роль буксирного катера.

Вопрос: Что буксировало данное судно и кто был в составе его команды?

Ответ: Судно буксировало груженные баржи с углем рейсами Загундак — Константинополь и Загундак — Трапезунд. Команда, за исключением 2-х турков, состояла из русских, не служивших у белых.

Вопрос: На каком судне и при каких обстоятельствах Вы возвратились обратно в СССР?

Ответ: В Константинополе с «Харлынца» я уволился, зная, что он вскоре вторично в Трапезунд не пойдет. Из Константинополя в Трапезунд я турецким полупассажирским

пароходом под плитами машинного отделения при температуре 40–50 градусов нелегально приехал вторично в Трапезунд.

Вопрос: Почему Вы, имея визу советского консульства на выезд в СССР, выезжая из Константинополя, прятались в люки парохода?

Ответ: г. Константинополь в то время был международным городом под контролем Англии, Франции, Италии и т.д., у которых и надо было брать право выезда из города, так что виза советского консула там была не действительна.

Вопрос: Впервые приезжая в Трапезунд за получением визы в советском консульстве, на каком пароходе Вы работали?

Ответ: В то время я работал на пароходе «Харлынец», на котором я делал первый рейс в Трапезунд.

Вопрос: Прибыв в Трапезунд, совместно с Вами был ли арестован еще кто-либо из команды «Харлынца» и причины Вашего ареста?

Ответ: С команды «Харлынца» был арестован я один. Причиной моего ареста, вероятно, послужил какой-либо донос на меня.

Вопрос: Какой мог быть донос на Вас?

Ответ: Вся команда парохода, в том числе и капитан его, знали о том, что я еду в Советский Союз.

Вопрос: При каких обстоятельствах и когда Вы выехали из Турции в СССР?

Ответ: Прибыв в Трапезунд в люках парохода, я на следующий день в порту познакомился с турком, владельцем парусной лодки, с которым я договорился о нелегальной переброске меня на своей лодке за 20 лир в СССР. Этот же турок познакомил меня с русским поваром и матросом иностранных судов, которые из России выехали до революции и также нелегально пробирались в СССР (фамилии указанных лиц я не помню).

Вопрос: Зачем владелец лодки ехал на берега СССР?

Ответ: Грузов, кроме нас троих, он не вез никаких, и действительной цели поездки его в СССР я не знаю.

Написанное с моих слов верно, мне прочитано, в чем и расписываюсь.

Боберский

Допросил: Уполн. СПО *Ефименко*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 21035-2Ф. — Арк. 15–26. Оригінал. Рукопис.

№ 160

Додатковий протокол допиту Й.Боберського 20 серпня 1935 р.

Допросил уполном. СПО Ефименко

Вопрос: Сколько месяцев Вы прослужили на ледорезе и когда Вы взяли расчет с последнего?

Ответ: На ледорезе прослужил я $1^1/_2$–2 месяца, расчет с парохода взял, когда он находился в Константинополе 25-го декабря 1920 г.

Вопрос: Какой период времени Вы находились в Константинополе до Вашего нелегального переезда товаро-пассажирским пароходом в Трапезунд?

Ответ: 25-го декабря 1920 года я взял расчет и в тот же день поехал в Трапезунд указанным выше пароходом.

Вопрос: Когда Вы прибыли в Трапезунд?

Ответ: От Константинополя до Трапезунда два дня езды, и в таковой я прибыл 28-го декабря 1920 года.

Вопрос: Долго ли в Трапезунде Вы пробыли в поисках рыбацкой лодки для нелегальной переправы на территорию СССР?

Ответ: На поиски рыбацкой лодки я затратил одни сутки времени и 29/XII–1920 года я отплыл в море, как я указывал выше, на парусной лодке неизвестного мне турка, который перевозил совместно со мной еще двоих русских.

Вопрос: Сколько дней Вы плыли до берега территории СССР?

Ответ: Всего мы плыли около 3-х суток.

Вопрос: Когда же точно Вы прибыли на территорию СССР?

Ответ: Примерно 2-го января 1921 года.

Вопрос: Почему Вы во всех Ваших автобиографических данных указываете, что в СССР Вы прибыли в 1920 году?

Ответ: По моим документам, которыми располагает следствие, видно, что прибыть в СССР в 1920 году я не мог. Прибыл в СССР я в первых числах января 1921 г. Указывая в своих автобиографических данных, что я прибыл в СССР в 1920 году, я никакого злого умысла не имел и отношу исключительно за счет моей неточности дат в своих биографических данных.

Вопрос: Почему Вы в тех же своих автобиографических данных свою службу на пароходе «Казбек», принадлежащем белым, указываете как службу на пароходе дальнего плавания, не указывая прямо, что этот пароход принадлежал белым?

Ответ: Указывая свою службу на пароходе «Казбек», принадлежащем белым, я указывал даты службы и города, рассчитывая на сведущих людей, которым должно быть известно, что в тот период в тех городах были никто иные, как белые.

Вопрос: На прохождении чисток партии говорили ли Вы о том, что в период Вашей службы на пароходе «Казбек» последний принадлежал белым?

Ответ: Сейчас не могу вспомнить, говорил ли я на партчистках или нет, что «Казбек» принадлежал белым, но я сейчас склонен к тому, что говорил, что он принадлежал белым, так как я подробно детализировал все свои перемещения и службы, о коих я указывал в своих автобиографических данных, тем более, что в 1927 году в период моего пребывания в советско-торговой парторганизации г. Макеевки кто-то подал заявление в парторганизацию о том, что я в прошлом служил штурманом на судне, принадлежащем белым. Я тогда же представил документы о своей службе матросом на «Казбеке».

Вопрос: Какое взыскание Вы тогда получили по партлинии за сокрытие службы на судне, принадлежащем белым?

Ответ: Никакого партвзыскания я не получил.

Вопрос: Прибыв на турецкой лодке из Трапезунда на территорию СССР, подвергались ли Вы аресту?

Ответ: Да, при приближении к земле СССР наша лодка была обнаружена наблюдательным постом г. Сочи, и мы немедленно были арестованы. Я с ехавшими со мною поваром и матросом были арестованы и сидели вместе, а турок от нас был изолирован. Через две недели я был освобожден, а повар и матрос остались еще сидеть.

Вопрос: Чем Вы объясняете Ваше освобождение раньше Ваших товарищей по нелегальному переезду в СССР?

Ответ: Мою проверку, в частности мое пребывание в прошлом в Бердянске и причину моего выезда с такового подтвердили знакомые мне по гор. Бердянску матросы, которые в тот период работали в органах ВЧК порта Сочи. Фамилии этих товарищей я сейчас не помню.

Вопрос: После освобождения из-под ареста, где Вы проживали и кем работали?

Ответ: По предложению тех же товарищей я, примерно с 15/I–21 г., остался работать баталером при Особом морском отделе ВЧК г. Сочи, где я проработал до 21/VI–1921 г., после чего я по моей просьбе был откомандирован в распоряжение Новороссийского Особого отдела ВЧК.

Вопрос: Чем была вызвана Ваша просьба перевода из Сочи в Новороссийск?

Ответ:Стремлением попасть в Ейск, где у меня учился мой младший брат, и возможность встречи с любимой девушкой. Сочи не имело права самостоятельно уволить меня с должности или перевести в Ейск, т.е. то, что возможно было сделать в Новороссийске.

Написанное с моих слов верно, мне прочитано, в чем и расписываюсь.

Боберский

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 21035-2Ф. — Арк. 29–32. Оригінал. Рукопис.

№ 161

Витяг з постанови у справі Й.Боберського 20 серпня 1935 р.

Выписка из постановл. Бюро Сталинск. ГПК от 20/VIII–35 г.

20. Боберский Иосиф Александрович, член партии с 1924 г., п/я 0702439. В настоящее время — слушатель Промакадемии. При вступлении в партию, а также во время чистки 1929–33 гг. скрыл пребывание в белой армии и эмиграцию с белыми после разгрома Деникина.

Исключить Боберского И.А. из партии за сокрытие пребывания в белой армии.

Верно: Уп. СПО *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 21035-2Ф. — Арк. 9. Копія. Машинопис.

№ 162

Постанова у справі Й.Боберського 27 вересня 1935 р.

г. Сталино, 1935 года 27-го сентября. Я, уполномоченный СПО УГБ НКВД по Донецкой области Ефименко, рассмотрев следственные материалы на гр-на Боберского Иосифа Александровича,

нашел:

произведенным следствием установлено, что Боберский И.А. при вступлении в ряды КП(б)У скрыл свою службу на судне у белых, а также свои действительные биографические данные, проживая по подложным документам, что преступления Боберского предусмотрены ст. 180 ч. 2 УК УССР.

Постановил:

переквалифицировать предъявленное обвинение Боберскому И.А по ст. 68 УК УССР на ст. 180 ч. 2 УК УССР, о чем копией настоящего постановления поставить в известность прокурора по спец. делам и УСО УНКВД.

Уполномоченный СПО *Ефименко*

Врид. нач. 2 отд. СПО *Підпис нерозбірливий*

Согласен: ВРИД. нач. СПО УГБ *Родал*

Утверждаю: Нач. управления НКВД по Донецкой области *В.Иванов*

Постановление мне объявлено *Боберский*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 21035-2Ф. — Арк. 8. Оригінал. Машинопис.

№ 163

Постанова у справі Й.Боберського 20 жовтня 1935 р.

г. Киев, 1935 г., октября 20 дня, оперуполномоченный СПО УГБ НКВД УССР Двин, рассмотрев следственное дело № 17953 по обвинению Боберского Иосифа Александровича по ст. 180 ч. 2 УК УССР,

нашел:

что в отношении обвиняемого Боберского И.А имеется телеграфное распоряжение ГУГБ НКВД СССР о направлении его в их распоряжение.

Постановил:

Направить арестованного Боберского Иосифа Александровича спецконвоем вместе со следделом № 17953 в распоряжение ОО ГУГБ НКВД СССР тов. Горба, о чем копией настоящего постановления поставить в известность Прокурора по спецделам УССР.

Оперуполномоченный СПО *Двин*

Согласен: Нач. I отделения СПО *Брук*

Утверждаю: Пом. нач. СПО УГБ НКВД УССР *Долинский*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 21035-2Ф. — Арк. 108. Оригінал. Машинопис.

№ 164

Обвинувальний висновок у справі Й.Боберського 17 грудня 1935 р.

19 августа 1935 года Донецким областным отделом НКВД УССР в гор. Сталине был арестован студент Промакадемии Боберский Иосиф Александрович, член КП(б)У с 1924 года.

Основаниями для ареста и привлечения Боберского к ответственности послужили поступившие данные о том, что он скрыл от партии и советских организаций свое пребывание у белых, обстоятельства эмиграции за кордон и нелегального возвращения в СССР.

Следствием по делу установлено: Боберский Иосиф Александрович, уроженец Буковины (Румыния), впервые прибыл в Россию в 1915 году вместе с семьей как беженец через Львов-Киев и первоначально воспитывался в Бердянске в «Детском Галицко-русском приюте для беженцев».

В 1918 году при наступлении немцев на Бердянск Боберский перебрался на территорию, занятую белогвардейскими войсками, — в г. Ейск, где при содействии некоего Сосинского Евгения вскоре поступил на гидрографическое судно «Казбек» (принадлежавшее белогвардейскому командованию) в качестве рулевого матроса.

На судне «Казбек», совместно с работавшим там же Сосинским, Боберский прибыл в порт Новороссийск, где вскоре поступил на турецкую парусно-моторную шхуну «Алибей». На этой шхуне, вместе с Сосинским, Боберский выехал в Трапезунд.

За границей Боберский короткое время работал в качестве кочегара на шахтах в Загундаки, а затем поступил камердинером на итальянский товаро-пассажирский пароход «Наприэт», с которым посетил ряд греческих, итальянских и африканских портов. Летом 1920 года Боберский служил на иностранном ледорезе, буксировавшем баржи из порта Загундаки.

В декабре м-це 1920 г. Боберский, совместно с тремя неизвестными русскими моряками, нелегальным путем, на частновладельческой турецкой фелюге прибыл на рейд г. Сочи, где был задержан.

С 1921–1922 г. при регистрации брака со своей настоящей женой Соколовой М.Ф. — Боберский скрыл фактический год своего рождения — 1902-й, указав, что родился в 1896 г.

Прибавив 6 лет к своему фактическому возрасту, Боберский составил себе вымышленную биографию и оперировал этими ложными о себе сведениями при заполнении различных анкет и получении разного рода документов, а также при поступлении в КП(б)У. При прохождении всех проверок и чисток партии — вплоть до ареста, Боберский придерживался той же ложной версии о себе.

На первом этапе следствия по настоящему делу ложными показаниями упорно пытался ввести следствие в заблуждение и лишь на пятом допросе начал давать соответствующие действительности показания. По вымышленной Боберским биографии получалось, что он не украинец, а немец, не беженец, а военнопленный австрийской армии, что у белых он не служил и т.д.

На основании изложенного обвиняется: Боберский Иосиф Александрович, 1902 года рожден., урож. гор. Серет (Буковина-Румыния), украинец, гр. СССР, сын мастера пивоваренного завода, а затем кустаря-колбасника, до ареста студент IV-го курса Донецкого филиала Промакадемии им. т. Сталина и старший межрайонный технический инспектор по котельному надзору Донецкого облпрофсовета, б/п (до ареста член КП(б)У с 1924 г., исключен из партии Сталинским горпарткомом 20/VIII–1935 г.), со слов — при соввласти не судим, в том, что:

обманным путем проник в ряды КП(б)У, на ответственную хозяйственную работу и учебу, для чего прибавил себе возраст и составил вымышленную биографию, скрыв обстоятельства службы у белых, эмиграции за кордон и нелегального возвращения в СССР.

Боберский в составлении вымышленной биографии и прибавлении себе возраста виновным себя признал.

Настоящее дело подлежит направлению на Особое совещание НКВД СССР. Обвинительное заключение составлено 17 декабря 1935 года.

Оперуполном. XI отд. ОО ГУГБ *Рапопорт*

Согласен: Нач. XI отд. ОО ГУГБ *Пассов*

Утверждаю: Зам. нач. ОО ГУГБ НКВД *Горб*

Справка: 1. Боберский И.А. арестован 19/VIII–35 г. и содержится во внутренней тюрьме ОН НКВД.

2. Вещественные доказательства — документы в деле.

Оперуполном. XI отд-ния ОО ГУГБ НКВД Рапопорт

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 21035-2Ф. — Арк. 152–153. Оригінал. Машинопис.

№ 165

Витяг з протоколу Особливої наради при наркомі внутрішніх справ СРСР 28 грудня 1935 р.

Слушали:

Дело № 17953/УССР о Боберском Иосифе Александровиче, 1902 г.р., студента IV курса Донецкого филиала Пром. акад. им. т. Сталина, б. член КП(б)У.

Постановили:

Боберского Иосифа Александровича — за к-р деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на пять лет, считая срок с 19/8–35 г.

Дело сдать в архив.

Отв. секретарь Особого совещания *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 21035-2Ф. — Арк. 157. Копія. Машинопис на бланку.

№ 166

Заява М.Боберської
30 січня 1970 р.

Прокурору Донецкой области
от Боберской Марии Федоровны, проживающей
в г. Донецк-35, Пограничная, № 37

Заявление

Мой муж Иосиф Александрович Боберский, год рождения и место рождения не помню, в 1935 году учился в Промакадемии г. Донецка. Примерно 19 августа 1935 г. муж был арестован органами НКВД г. Донецка и осужден, кем не помню, к 5 годам лишения свободы. За что мой муж был осужден, мне неизвестно. Я считаю, что мой муж был осужден неправильно, так как он преступлений не совершал, поэтому прошу пересмотреть его дело и реабилитировать его.

30/I–70 г.
Боберская

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 21035-2Ф. — Арк. 162. Оригінал. Рукопис.

№ 167

Висновок у справі Й.Боберського
16 березня 1970 р.

Утверждаю
Начальник УКГБ при СМ УССР по Донецкой обл.
генерал-майор *Е.Кравченко*
17 марта 1970 года

Заключение

Ст. следователь следотделения УКГБ при СМ УССР по Донецкой области майор Воробьев, рассмотрев материалы архивного уголовного дела № 58274 в отношении Боберского Иосифа Александровича, 1902 года рождения, уроженца местечка Сирет (Буковина, ныне Черновицкая обл.), украинца, гр-на СССР, б/п, до ареста студент 4 курса Промакадемии, проживающего в гор. Донецке, почтовый участок № 105,

установил:

19 августа 1935 года бывшим Донецким УНКВД был арестован Боберский И.А. и привлечен к уголовной ответственности по настоящему делу. Что послужило основанием к его аресту, из материалов дела не видно. На слєдствии Боберский обвинялся в том, что он скрыл от партии и советских организаций свой настоящий год рождения, обстоятельства эмиграции за кордон и нелегального возвращения в СССР.

На допросах в 1935 году Боберский показал, что он в действительности родился в 1902 году в Черновицкой области, в 1915 году вместе с семьей как беженец выехал в г. Бердянск, где воспитывался в детском приюте. В 1918 году выехал в гор. Ейск, где поступил матросом на гидрографическое судно «Казбек», на котором выбыл в г. Новороссийск, где вскоре поступил на турецкую шхуну матросом и выбыл в Турцию, где до 1920 г. работал на различных суднах в качестве матроса.

В декабре 1920 года по разрешению советского консула в г. Трапезунде выехал в СССР в г. Сочи, где был принят на работу в Сочинский Особый морской отдел ВЧК в качестве баталера.

По вопросу изменения своего года рождения Боберский показал, что у него была невеста 1899 года рождения, и он, вступая с ней в брак и не желая, чтобы она знала, что он моложе ее, при регистрации брака заявил, что он 1896 года рождения, и в дальнейшем, чтобы оправдать разницу в 6 лет, в биографических данных указывал, что в Россию он прибыл в качестве австрийского военнопленного, тогда как по малолетству в 1914–1918 гг. он ни в каких армиях служить не мог.

Показания Боберского на следствии в 1935 году были подтверждены показаниями его брата Боберского А.А. и двоюродной сестры Ясиницкой О.И. и свидетельством о рождении Боберского И.А., изъятом у него при аресте.

На основании вышеуказанных материалов Боберский постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 28 декабря 1935 года за контрреволюционную деятельность был осужден к 5 годам ИТЛ, тогда как никакого обвинения в процессе следствия Боберскому в какой-либо контрреволюционной деятельности не предъявлялось и материалов об этом в деле не имеется.

В процессе проверки по делу никаких компрометирующих данных в отношении Боберского И.А. не добыто.

Исходя из материалов дела и материалов проверки,

полагал бы:

Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 28 декабря 1935 года в отношении Боберского Иосифа Александровича отменить и дело на него дальнейшим производством на основании ч. II ст. 6 УПК УССР прекратить.

Архивное следственное дело вместе с материалом проверки и настоящим заключением направить прокурору Донецкой области.

Ст. следователь с/о УКГБ при СМ УССР
по Донецкой области майор *В.Воробьев*

Начальник следотделения УКГБ при СМ УССР
по Донецкой обл. подполковник *Е.Жуков*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 21035-2Ф. — Арк. 179-180.
Оригінал. Машинопис.

№ 168

Довідка про реабілітацію Й.Боберського 1970 р.

гр. Боберской М.Ф., проживающей:
г. Донецк-35, ул. Пограничная, дом 37

Справка

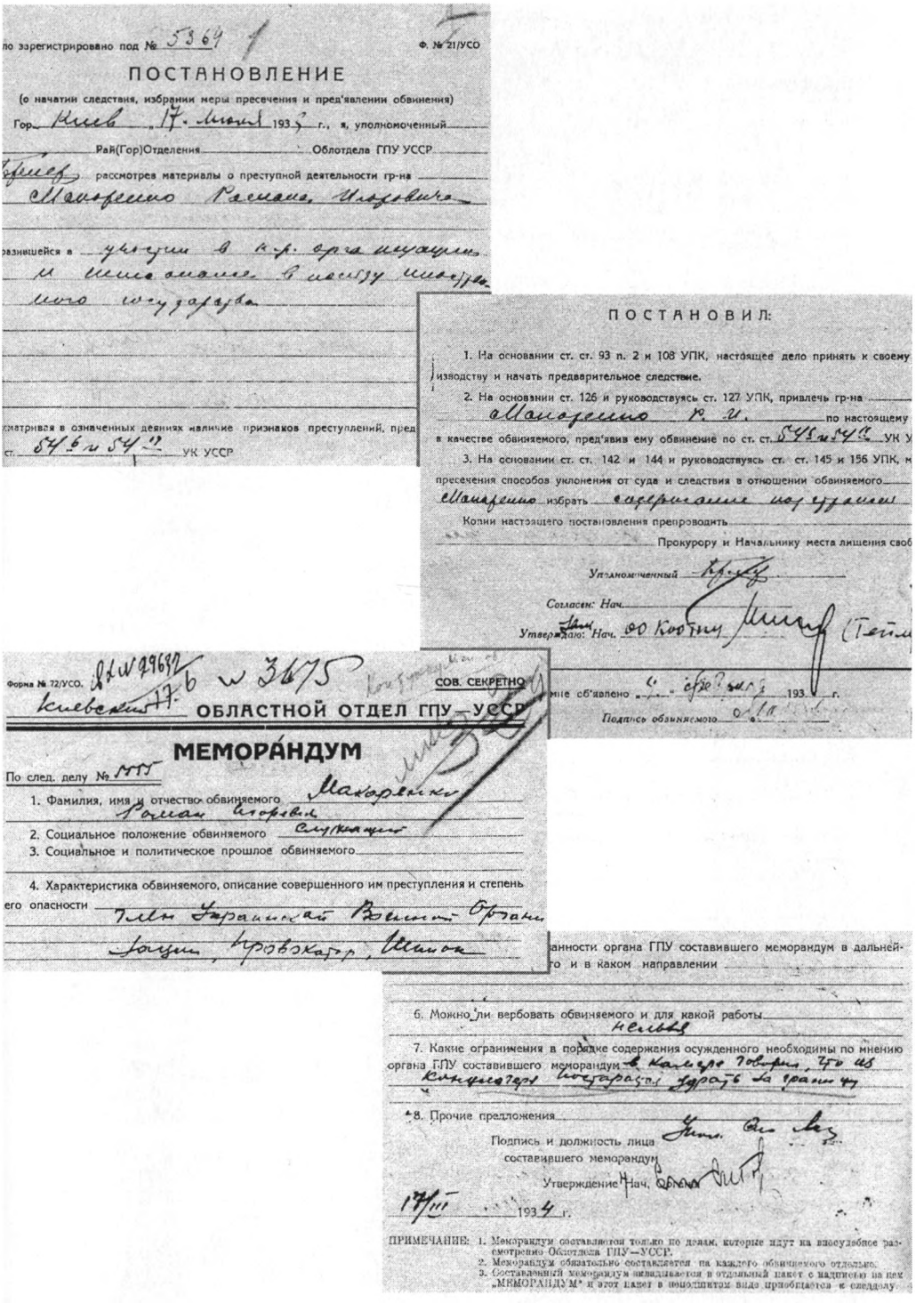
Дело по обвинению Боберского Иосифа Александровича, 1902 года рождения, до ареста являлся студентом Промакадемии г. Донецка, пересмотрено.

Постановлением Президиума Донецкого областного суда от 2 апреля 1970 года постановление от 28 декабря 1935 года отменено и дело в соответствии со ст. 6 п. 2 УПК УССР производством прекращено за отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления.

Боберский И.А. — реабилитирован.

Председатель Донецкого областного суда *Д.Иванченко*

ДА СБ України, Донецьк. — Спр. 21035-2Ф. — Арк. 188.
Копія. Машинопис.



по зарегистрировано под № 5364 Ф. № 21/УСО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о начатии следствия, избрании меры пресечения и пред'явлении обвинения)

Гор. Киев 17. июня 193 3 г., я, уполномоченный

Рай(Гор)Отделения Облотдела ГПУ УССР

Ярмер рассмотрев материалы о преступной деятельности гр-на

Макаренко Романа Иосифовича

явившейся в [illegible] орга[illegible]

[illegible] шпионаже в пользу [illegible]

[illegible]го государства

[illegible]сматривая в означенных деяниях наличие признаков преступлений, пред

ст. 54-6 и 54-11 УК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

1. На основании ст. ст. 93 п. 2 и 108 УПК, настоящее дело принять к своему производству и начать предварительное следствие.

2. На основании ст. 126 и руководствуясь ст. 127 УПК, привлечь гр-на Макаренко Р. И. по настоящему в качестве обвиняемого, пред'явив ему обвинение по ст. ст. 54-6 и 54-11 УК У

3. На основании ст. ст. 142 и 144 и руководствуясь ст. ст. 145 и 156 УПК, м пресечения способов уклонения от суда и следствия в отношении обвиняемого Макаренко избрать содержание под стражей

Копии настоящего постановления препроводить

Прокурору и Начальнику места лишения своб

Уполномоченный

Согласен: Нач.

Утверждаю: Нач. [illegible]

[illegible]мне об'явлено "[illegible]" 193 г.

Подпись обвиняемого

Форма № 72/УСО. 82W29692 Київська 17 № 3675

СОВ. СЕКРЕТНО

ОБЛАСТНОЙ ОТДЕЛ ГПУ—УССР

МЕМОРАНДУМ

По след. делу № 3675

1. Фамилия, имя и отчество обвиняемого Макаренко Роман Иосифович

2. Социальное положение обвиняемого служащий

3. Социальное и политическое прошлое обвиняемого

4. Характеристика обвиняемого, описание совершенного им преступления и степень его опасности Член Украинской Военной Орган[illegible] Боротьби, Чернобатько, Шпион

[illegible]анности органа ГПУ составившего меморандум в дальней[illegible]го и в каком направлении

6. Можно ли вербовать обвиняемого и для какой работы нельзя

7. Какие ограничения в порядке содержания осужденного необходимы по мнению органа ГПУ составившего меморандум в камере говорил, что из концлагеря попытается бежать за границу

8. Прочие предложения

Подпись и должность лица составившего меморандум

Утверждение Нач.

17/III 1934 г.

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. Меморандум составляется только по делам, которые идут на внесудебное рассмотрение Облотдела ГПУ—УССР.
2. Меморандум обязательно составляется на каждого обвиняемого отдельно.
3. Составленный меморандум направляется в отдельный пакет с надписью на нем „МЕМОРАНДУМ" и этот пакет в окончательном виде приобщается к следделу.

Постанова Особливого відділу КОВ ДПУ УСРР про початок слідства у справі заарештованого Р.Макаренка від 17 червня 1933 р. та меморандум за його слідчою справою від 17 березня 1934 р.

ГПУ—УССР

Ф. № 28/УСО

Сектор

ай(Гор)Отделения

/VII" 1933 г.

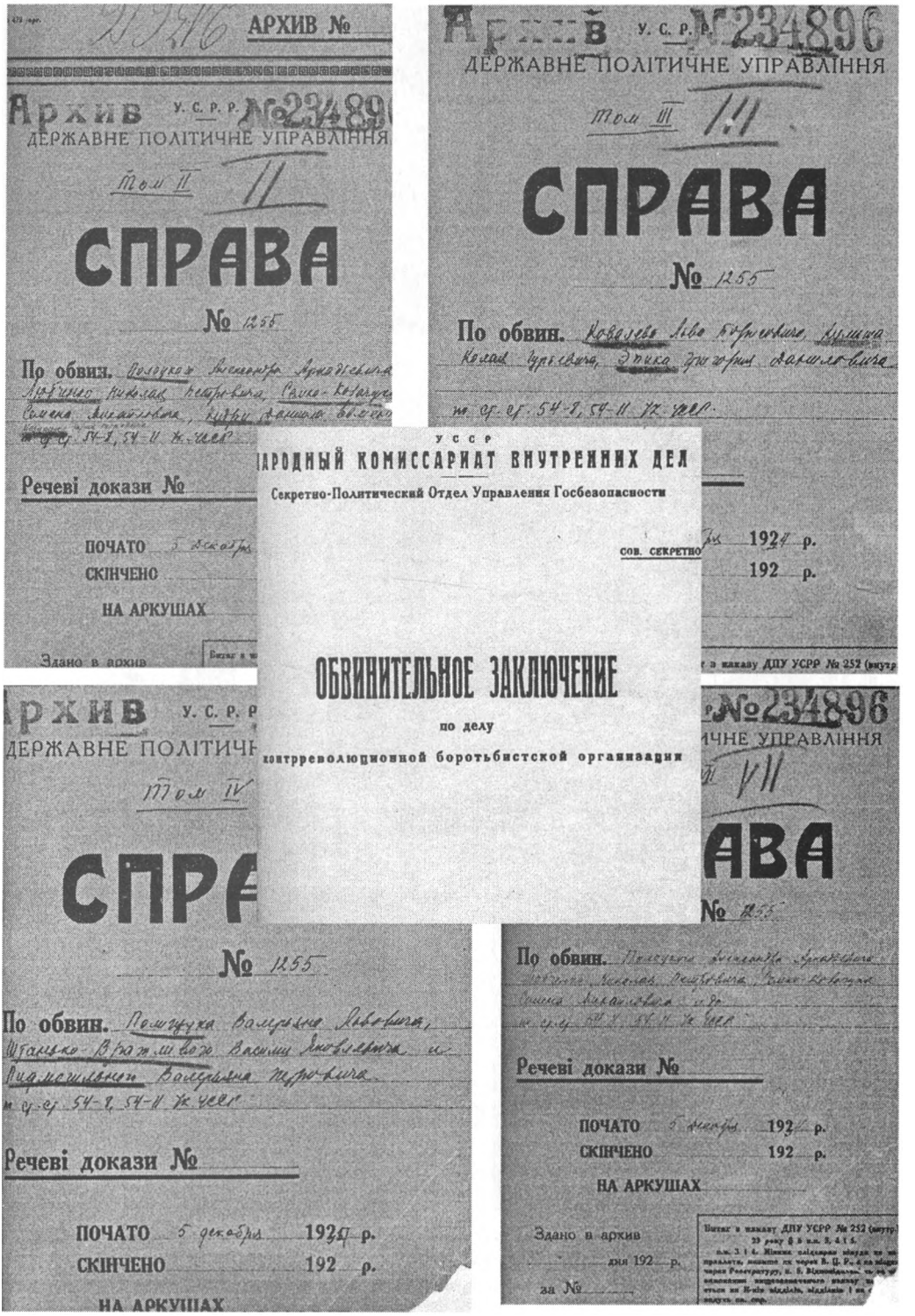
За дачу ложных сведений обвиняемый несет уголовную ответственность.

АНКЕТА ОБВИНЯЕМОГО

1. Фамилия Макаренко
2. Имя и отчество Роман Игоревичь
3. Год рожд. 1906 4. Место рожд. с. добровляны, Польша
5. Адрес Киев. Артема 14а – 41.
6. Профессия Асперант науки Профсоюзная принадлежность Робус.
8. Место службы и должность или род занятий Киев. асперант микробилиоч
9. Социальное положение Служащий
10. Социальное и политическое прошлое
11. Гражданство и национальность Украинец
12. Образование Высшое 13. Партийность нет.
14. Категория воинского учета Несостою
15. Имущественное положение Нет.
16. Состояние здоровья Больной Туберкулез
17. Сведения о прежних судимостях и нахождении под следствием нет
18. Члены семьи (степень родства, место службы и должность или род занятий и адрес)—перечисляются: отец, мать, сестры, братья, сыновья и дочери Брат.
Лех. Дмитрий Иванович. 40 год.
ло добровлян. Польша занимается крестя
стра Лех Мария Ивановна 35 год. Я
ло добровлян занимается крестянством

Подпись обвиняемого Макаренко Р.И.

Анкета обвинуваченого Р.Макаренка від 11 липня 1933 р.



Обкладинки томів архівно-слідчої справи № 1255 та обвинувального висновку щодо «контрреволюційної боротьбистської організації» (1934–1935 рр.)

Василь
Вражливий-Штанько
(1903–1937)

Григорій Епік
(1901–1937)

Микола Куліш
(1892–1937)

Кость Котко
(Микола Любченко,
1896–1937)

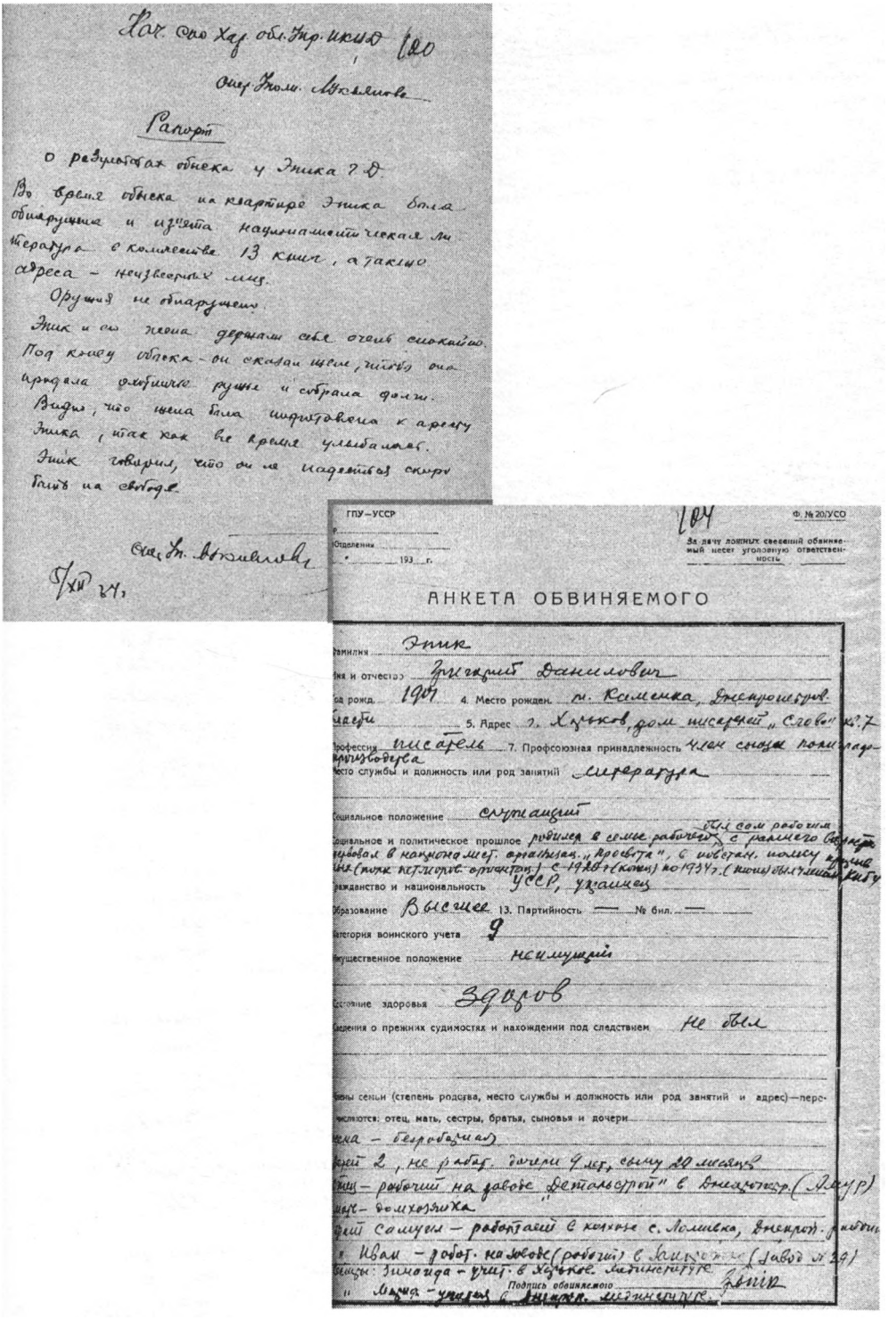
Андрій Панів
(Панов, 1899–1937)

Валер'ян Поліщук
(1897–1937)

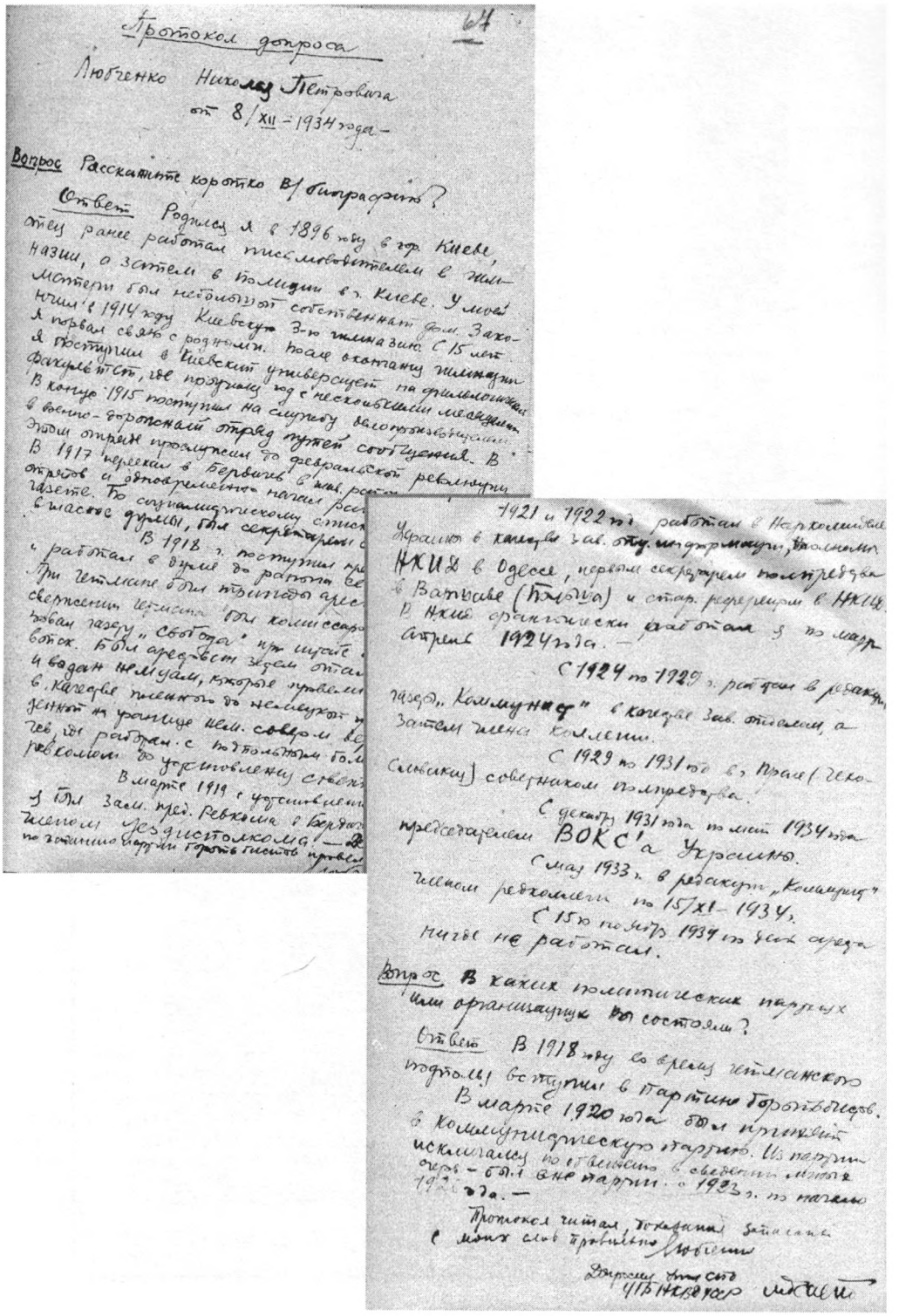
Валер'ян Підмогильний
(1901–1937)

Євген Плужник
(1897–1936)

Українські літератори, заарештовані і засуджені у 1935 р. за справою «Контрреволюційної боротьбистської організації»



Рапорт оперуповноваженого Харківського обласного управління НКВС УСРР про результати обшуку у квартирі Г.Епіка від 5 грудня 1934 р. та анкета обвинуваченого



Протокол допроса

Любченко Николая Петровича

от 8/XII – 1934 года –

Вопрос Расскажите коротко Вашу биографию?

Ответ Родился я в 1896 году в гор. Киеве, отец ранее работал письмоводителем в гимназии, а затем в полиции в г. Киеве. У моего Мастера был небольшой собственный дом. Закончив в 1914 году Киевскую 3-ю гимназию с 15 лет я порвал связь с родными. Моей охотничью гимназию я поступил в Киевский университет на филологический факультет, где пробыл год с небольшим. В конце 1915 поступил на службу вольноопределяющимся в военно-дорожный отряд путей сообщения. В этом отряде пробыл до февральской революции. В 1917 перешел в Вербовые в зав. ред. отрядов и одновременно начал работать в газете. Во социалистическому списку в Учредительное собрание, был секретарем

В 1918 г. поступил работал в думе до работы в При гетмане был трижды аресто свержения гетмана был комиссаром завода газету "Свобода" при штабе войск. Был арестован здесь отпущен и выдан немцам, которые привезли в Киев, где пленного до немецкого денной на границе нем. совдепом Киев был разбран с большим революцию до установления

В марте 1919 г. поступил Зам. пред. Ревкома в Бердич членом Центрального Комитета по защите Бердичева

1921 и 1922 гг. работал в Наркомпроде Украины в качестве зав. отд. информации, затем НКИД в Одессе, первым секретарем полпредства в Варшаве (Польша) и стар. редактором в НКИД. В НКИД официально работал с по март апрель 1924 года. –

С 1924 по 1929 г. работал в редакции газеты „Коммунист" в качестве зав. отделом, а затем члена коллегии.

С 1929 по 1931 год в Праге (Чехословакия) совершенно полпредства.

С декабря 1931 года по июнь 1934 года председателем ВОКС'а Украины.

С мая 1933 г. в редакции „Коммунист" членом редколлегии по 15/XI – 1934 г.

С 15 по ноябрь 1934 по день ареста нигде не работал.

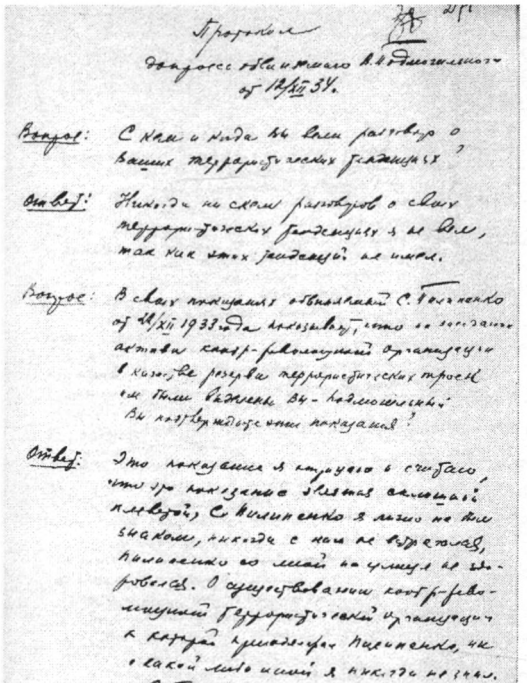
Вопрос В каких политических партиях или организациях Вы состояли?

Ответ В 1918 году во время гетманского переворота вступил в партию Боротьбистов. В марте 1920 года был принят в коммунистическую партию. Из партии исключался по отношению к сведениям моего отца – был вне партии с 1933 г. по начало 1934 года. –

Протокол читал, показания записаны с моих слов правильно Любченко

Допросил ст. уп. сост. 4/IV НКВД сержант госбезопасности

Протокол допиту М.Любченка від 8 грудня 1934 р.



Протокол допиту обвинуваченого В.Підмогильного від 12 грудня 1934 р. та його заява слідчому від 14 грудня 1934 р.

Протокол допроса

обвиняемого Кулиша

Николая Гурьевича

от 25/XII-34 г.

109

Вопрос: Продолжаете ли Вы настаивать, что предъявленное Вам обвинение неверно?

Ответ: Нет. Я признаю, что я являлся активным участником ук. контр-революционной украинской националистической организации, которая ставила своей целью свержение Советской власти на Украине путем организации вооруженного восстания, и совершения террористических актов над рядом руководителей партии и Сов власти.

Записано с моих слов правильно и мной прочитано. М.Куліш.

Допросил:

Уполн. Спо Просвещения

(Проскуряков)

Протокол допиту обвинуваченого М.Куліша від 25 грудня 1934 р.

ДОКУМЕНТИ СТОСОВНО М.ВОРОНОГО, М.ЗЕРОВА, А.ЛЕБЕДЯ, Б.ПИЛИПЕНКА, П.ФІЛІППОВИЧА

№ 169

Постанова про зняття запобіжної міри стосовно М.Вороного 19 березня 1935 р.

Постановление

Гор. Киев, марта 19 дня, 1935 года. Я, уполномоченный Особого Отдела НКВД УССР Бондаренко, рассмотрев материалы по обвинению гр. Вороного Марка Николаевича, 1904 года рождения, холостого, б/п, литератора, исключенного из Союза советских писателей как украинский националист, проживающего по М-Подвальной улице № 14/2, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–6 и 54–11 УК УССР, выразившихся в том, что он на протяжении долгого времени принимал участие в деятельности существующей на Украине глубоко законспирированной к-р националистической организации, охватившей своей деятельностью ряд пунктов СССР и поддерживавшей нелегальную связь с к-р руководящими центрами закордоном, нашел, что пребывание обвиняемого Вороного на свободе помешает успешному ходу следствия по делу и что он может уклониться от суда и следствия вообще.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 143, 145 и 156 УПК УССР,

п о с т а н о в и л:

1. Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обвиняемому Воронному Марку Николаевичу — содержание под стражей при НКВД УССР.
2. Настоящее постановление представить Прокурору УВО.

Уполномоченный ОО *Бондаренко*

Согласен: Начальник 4 отдела *Писарев*

Утверждаю: Начальник ОО УГБ НКВД *Самойленко*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48570-ФП. — Т. 1. — Арк. 2. Оригінал. Машинопис на бланку.

№ 170

Протокол допиту М.Вороного 22 березня 1935 р.

Протокол допроса

Обвиняемого Вороного Марка Николаевича, родившегося 1904 г. в г. Чернигове, украинца, подданного УССР, паспорт № 215047, по профессии литератора-поэта, с высшим образованием, б/п, не судимого; проживающего в г. Киеве.

22 марта 1935 года

Вопрос: Расскажите кратко свою биографию.

Ответ: Родился я в украинской дворянско-интеллигентской семье в г. Чернигове в 1904 году. Учился я в гимназии, Муздраминституте в Киеве, Киевском институте народного образования, которого не закончил.

До 1925 года я проживал в Чернигове, периодически работал в совучреждениях на разных мелких технических должностях. Одно время был репортером местной газеты. Настоящей литературной деятельностью я начал заниматься с 1926 года. До этого времени, начиная уже с 1921–22 гг., я писал стихотворения, которые иногда печатались в местной прессе.

В конце 1925 года я выехал из Чернигова на постоянное жительство в Харьков, где, проработав короткое время техническим секретарем редакции журнала «Цукровик», переехал на жительство в Киев в начале 1927 года.

Проживая в Киеве, я довольно часто наезжал в Чернигов. В 1933–34 гг. я около девяти м-цев проживал в Москве. Там я сотрудничал в журнале «Наши достижения».

Отец мой Вороной Николай Кондратьевич — известный украинский поэт и деятель, являлся одним из основоположников украинской буржуазной поэзии. Высшее образование он получил за границей, в Вене и Львове. В годы революции отец принимал активное участие в украинском национальном движении, являлся сторонником власти УНР. В 1920 году он эмигрировал с петлюровцами за кордон в Польшу. На Украину отец вернулся в 1926 году. В 1934 году отец был органами НКВД в административном порядке из Украины выслан в г. Воронеж.

Вопрос: В какой среде и в каком окружении Вы росли, под чьим влиянием формировалось Ваше националистическое мировоззрение?

Ответ: Я уже выше показал о том, что я родился, рос и воспитывался в украинской интеллигентско-дворянской семье. Товарищи мои по гимназии были выходцами из таких же кругов.

В годы революции меня более глубоко начал интересовать мой отец и его литературно-политическое лицо. Под влиянием этого я начал знакомиться с украинской литературой и вошел в круг Черниговской украинской интеллигенции. Круг этот представлял собой группу молодых начинающих литераторов-украинцев «просвитянцев», группирующихся вокруг видного местного украинского националиста — профессора художника Жука Михаила Ивановича. Означенный Жук являлся старым приятелем моего отца.

В эту группу входили: Коновал Виктор, Лебедь Ананий Дмитриевич, Бардин Николай, Чирков Николай, Ядченко Николай, Кононенко Федор Захарьевич, Кирей Анна, Могилянская Лидия, Могилянский Дмитрий, Лиман Лидия, Колосова Слава и др.

Довольно часто мы тогда собирались на квартире Жука, где разбирали и обсуждали свои литературные произведения. Вот тут в этом окружении, обстановке и на этих собраниях — формировалось мое мировоззрение в националистическом направлении. Особое влияние на меня оказывал Жук, как наиболее авторитетный человек в этом кружке и как друг моего отца.

Вопрос: Кто из Ваших друзей юношеского и последующего периода репрессировался Соввластью?

Ответ: Из черниговских моих близких знакомых — участников вышеозначенного литературного кружка арестовывались: возглавлявший этот кружок Жук Михаил Иванович, Лебедь Ананий Дмитриевич и Могилянская Лидия Михайловна. Последняя за принадлежность к к-р организации была осуждена, а Жук и Лебедь были освобождены. Арестовывались они в разное время и в разных местах.

Могилянская была арестована в Чернигове, кажется в 1928–29 гг. Жук был арестован в Одессе (в 1927–28 г.) или после 1930 г. Лебедь был арестован в Киеве, точно время не знаю. Из близких моих знакомых по Харькову и Киеву был арестован писатель Тувганов Борис Александрович.

Кроме того, из киевских моих знакомых были арестованы и расстреляны за к-р террористическую деятельность: Косынко, Фальковский, Влызько и арестованы ныне Антоненко-Давидович, Шкурупий, Пидмогильный, Плужник и др.

Говоря о своих друзьях — черниговских, которые были репрессированы Соввластью, я не указал на старого моего близкого знакомого Миткевича, который еще в свое время принимал участие в указанной мной выше литературной группе. Этот Миткевич Леонид, не помню точно в каком году, был арестован в Чернигове и осужден.

Кроме того, в 1928–29 г. была арестована моя двоюродная сестра Вербицкая-Антиох Мария Федоровна и также осуждена. Арестована она была тогда в Киеве, будучи студент-

кой Киевского художественного института. Тогда же по этому делу были арестованы и по суду расстреляны из моих знакомых — черниговцев: Каменецкий Олег, Гардон, Селиванов и Бар. Последний как будто бы выслан.

Вербицкая-Антиох отбыла уже наказание и в настоящее время проживает в Петрозаводске. Миткевич также свое наказание отбыл, его настоящее местонахождение мне точно не известно.

Из черниговского моего окружения был также арестован Холодный Григорий Григорьевич — зав. Школой им. Коцюбинского.

Вопрос: Где Вы проживали и в каких отношениях Вы находились с теми лицами, которые тогда были репрессированы Совластью за контрреволюционную деятельность.

Ответ: Тогда, когда мои близкие знакомые были репрессированы за к-р. деятельность, я проживал в Киеве и иногда наезжал в Чернигов. Отношения мои с этими людьми были таковы:

Профессор Жук. С тех пор, что он переехал на жительство в Одессу, я с ним связь не порывал. Мы правда редко, но переписывались. В 1928 году он посетил меня и отца моего в Киеве. В 1930 году, в бытность мою в Одессе, я у него останавливался. В 1932 году, будучи на курорте в Одессе, я его также посещал. Отсюда вывод, что мы были в хороших дружеских отношениях.

Могилянская Лидия. С ней я встречался до ее ареста, т.е. до 1928/29 гг. во время своих приездов в Чернигов. В тот же период времени она приезжала в Киев и была у меня на дому. В 1934 году, летом приехав из Соловецкого лагеря в Киев, также посетила меня. Отсюда понятно, что я с Могилянской также связь не терял до последнего времени.

Лебедь Ананий. С ним я никогда связь не терял. Как в период пребывания в Чернигове, так и в период моей жизни в Киеве.

Миткевич Леонид. До 1928 года мы встречались во время моих приездов в Чернигов. С тех пор, что он был арестован и выслан, я его не видел.

Вербицкая-Антиох. С ней я очень часть встречался и в Чернигове, и в Киеве до ее ареста. После того, хотя она и приезжала недавно в Чернигов, я ее не видел.

С расстрелянными террористами Косынко, Влызько и арестованными за к-р деятельность Антоненко-Давидовичем и другими я, как уже указано выше, был знаком. Нам приходилось встречаться и бывать изредка друг у друга на дому, за исключением Влызько, у которого я лично бывал два-три раза, а он у меня не был вовсе.

Записано с моих слов правильно и мне прочитано.

Марк Вороной

Допросил: Опер. уполномоченный Особого отдела *Бондаренко*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48570-ФП. — Т. 2. — Арк. 7–11. Оригінал. Рукопис.

№ 171

Заява Б.Пилипенка
21 квітня 1935 р.

Начальнику Особого Отдела
НКВД УССР

Арестованного научн. раб.
Бориса Кузьмича Пилипенко

Заявление

По день ареста я был членом контр. революционной организации украинских националистов, которая имела своей целью отторжение УССР от Советского Союза. Данные о

своей контр. революционной деятельности и лиц, известных мне из упомянутой к.р. организации, изложу дополнительно в тексте сознания. Я искренне раскаиваюсь в своем поступке и окончательно разоружаюсь. Я решительно и навсегда порываю с националистической средой и твердо обещаю не только никогда не становиться на путь рецидива, но все силы отдаю на службу Партии и Советской власти, если определением справедливого наказания мне дана будет возможность трудиться и работать.

Б.Пилипенко

1935. 21 апреля

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48570-ФП. — Т. 4. — Арк. 1.
Оригінал. Рукопис.

№ 172

Постанова про направлення М.Зерова та інших заарештованих у розпорядження Особливого відділу Українського військового округу 20 травня 1935 р.

Утверждаю
21/V–1935 г.
Ягода

Постановление

1935 года, 20 мая, г. Москва. Я, опер. уполномоченный 11 отделения ОО ГУГБ НКВД Новобратский, рассмотрев следственное дело № 1966 по обвинению гр-н:

1. Зерова Николая Константиновича,
2. Руденко Николая Константиновича,
3. Тарасевича Григория Ефимовича, —

в причастности к контрреволюционной националистически-террористической организации и, приняв во внимание, что следствие по этому делу сконцентрировано в аппарате ОО Украинского военного округа —

п о с т а н о в и л:

Следственное дело № 1966 вместе с арестованными: Зеровым Н.К., Руденко Н.К., Тарасевичем Г.Е. направить в Особый отдел Укр. в. окр. — г. Киев.

Арестованных направить в Киев спецконвоем. *Руденко при конвоировании изолировать от Тарасевича и Зерова* *.

Опер.уполном. 11 отд. ОО ГУГБ *Новобратский*

Согласен: Нач. 11 отд. ОО ГУГБ НКВД *Пассов*

Утверждаю: Зам. Нач. ОО ГУГБ НКВД *Горб*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48570-ФП. — Т. 1. — Арк. 23.
Оригінал. Машинопис.

---

* Виділене курсивом у документі вписано від руки Новобратським.

№ 173

Постанова про продовження строку утримання А.Лебедя під вартою 8 липня 1935 р.

Утверждаю
Зам. наркома внудел УССР
Кацнельсон

Постановление

г. Киев, 1935 года, июля м-ца, 8-го дня. Я, опер. уполномоченный 4 отделения Особого отдела УГБ НКВД УССР и УВО Денненбург, рассмотрев следдело № 1377 по обв. Лебедя Анания Дмитриевича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–2 и 54–8 УК УССР,

н а ш е л:

а) материалами следствия установлено активное участие Лебедя Анания Дмитриевича в контрреволюционной террористической организации;

б) показаниями участников к-р организации Зерова, Жигалко, Вороного, Пилипенко, Митькевича и др. Лебедь изобличается в том, что входил в руководящее ядро к-р организации.

Для выяснения всех обстоятельств преступной деятельности Лебедя необходимо провести очные ставки между ним и арестованными Жигалко, Пилипенко и Митькевичем.

Следствием намечено также произвести дальнейшие допросы Лебедя для выяснения существенных обстоятельств дела.

в) Для окончательного завершения следствия срок содержания обв. Лебедя под стражей по 19 июля с.г. недостаточен, а посему —

п о с т а н о в и л:

Возбудить ходатайство перед ЦИК СССР о продлении срока содержания обв. Лебедя под стражей на один месяц, т.е. до 19 августа 1935 года.

Справка: Лебедь А.Д. содержится под стражей с 20 апреля 1935 г. Ходатайство о продлении срока содержания возбуждается вторично.

Оперуполномоченный ОО *Денненбург*

Согласны: За нач. 4 Отделения ОО *Бондаренко*

Підпис нерозбірливий

На документі резолюція: «*Продление только до 25/VII–35 г. Кацнельсон*».

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48570-ФП. — Т. 1. — Арк. 44.
Оригінал. Машинопис.

№ 174

Свідчення М.Зерова 14 листопада 1935 р.

На поставленный мне следственными органами НКВД и Прокуратурой вопрос о моей роли в националистическом к-р движении на Украине отвечаю:

1. По своему общественно-политическому воспитанию я являюсь украинским националистом. Весь мой путь от начала Октябрьской революции вплоть до ареста в апреле 1935 года был путем украинского буржуазно-националистического деятеля, сыгравшего

заметную роль в деле формирования националистических к-р кадров. Эту роль я выполнял в разных формах и разными способами в зависимости от общей и политической ситуации на Украине.

С первых годов революции по момент ареста я занимал руководящее место в националистических к-р кругах, являясь идеологом, руководителем, вдохновителем и организатором отдельных к-р националистических групп, входивших в единую цепь националистического подполья, организованно выступавшего против Соввласти. На протяжении более десятка лет я использовал все легальные возможности и пути борьбы против Соввласти, о чем подробно в разное время излагал в своих показаниях.

2. В последние годы, увенчавшиеся успехами социалистического строительства в СССР, окончательно толкнули меня на путь фашизма и организации вокруг себя националистических элементов в целях активизации своей борьбы против Соввласти, борьбы, направленной в конечном счете на отрыв Украины от СССР. Я полагал, что внешнеполитическая ситуация сложится в пользу фашистских стран Европы, как Германия и Польша, и они вмешаются в дела Украины, окажут помощь зарубежным и внутренним националистическим кругам и станут на путь вооруженной борьбы против Советов. Через своих политических единомышленников М.Ф.Рыльского и А.Д.Лебедя и вел активную работу, направленную на вовлечение украинской интеллигенции в сферу нашего влияния, делился с ними своими к-р суждениями, пытавшимися дискредитировать культурное строительство партии на Украине.

Зачитанное мною у Рыльского стихотворение П.Кулиша «До кобзи» одной из строф которому я придал значение поминок по расстрелянным Косынко и др. украинским националистам, ставшим на путь террора, являлось прямым призывом к террору с моей стороны. Мое чтение прозвучало как заявление о солидарности с расстрелянными, как голос сожаления о их судьбе, как призыв к мести по отношению к руководителям партии и власти на Украине. Такие практические выводы и были сделаны, вполне последовательно, присутствовавшим при чтении Жигалко, как он показал при очной ставке со мной 5/VIII.

3. Я считаю себя виновным в том, что являясь в течение ряда лет активным поборником, идеологом национализма, организатором националистических группировок и настроений, идеологически вооружал их на борьбу с Соввластью и идейными принципами ее культурного строительства. Я безусловно повинен в возросшей активности как своей, так и моих единомышленников в их борьбе против Соввласти. Я несу ответственность за те террористические тенденции и попытки, которые явились результатом моего идеологического воздействия на националистические круги.

4. Настоящее заявление я подаю как обобщенный вывод из моих показаний о своей к-р деятельности и как свидетельство о том, что я стал на путь осознания своих преступлений, содеянных мною против Советской власти на протяжении многих лет, с первых годов Октябрьской революции.

Николай Зеров

14/XI–35 года

Заявление Зерова, помимо письменного документа, принято мною устно полностью.

Военный прокурор КВО *Перфильев*

Присутствовал — Начальник 4 Отделения ОО УГБ НКВД УССР и КВО *Писарев*

15/XI–35 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48570-ФП. — Т. 6. — Арк. 128. Оригінал. Рукопис.

№ 175

Постанова про направлення матеріалів слідства стосовно М.Зерова у Військову прокуратуру КВО 15 листопада 1935 р.

Постановление

Гор. Киев, 1935 года, 15 ноября, — опер. уполномоченный ОО УГБ НКВД УССР и КВО Бондаренко, сего числа рассмотрел материалы дополнительных следственных действий, произведенных по предложению прокуратуры в отношении обвиняемых Зерова Н.К., Митькевича Л.И. и Сыроватко А.С.

Указанными материалами, путем ряда дополнительных допросов и произведенными очными ставками обвиняемых Зерова, Вороного, Митькевича и др., целиком подтверждены и окончательно уточнены ряд моментов в следствии.

На основании изложенного —

п о с т а н о в и л:

Настоящие следственные материалы, добытые в процессе дополнительного расследования в отношении обв. Зерова, Митькевича и Сыроватко, направить Военному прокурору КВО для приобщения к следделу № 1377.

Опер. уполномоченный ОО *Бондаренко*

Согласен: Начальник 4 Отд. ОО *Писарев*

Утверждаю: Начальник Особого Отдела
УГБ НКВД УССР и КВО *Александровский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48570-ФП. — Т. 6. — Арк. 101.
Оригінал. Машинопис.

№ 176

Витяг з протоколу допиту Є.Черняка 21 червня 1933 р.

Выписка из протокола допроса

обв. Черняка Евгения Осиповича
от 21.VI–1933 года

«...Будучи редактором «Життя і революція», я в разгар борьбы партии с хвильовизмом представлял страницы журнала для выступления Филипповичу, Зерову, Дорошкевичу и другим выступить в защиту хвильовизма. Фактически, я дал возможность создать единый фронт против партии, путем вмещения статей в защиту Хвилевого, представителям украинских контрреволюционных кадров...».

Том 15, стр. 281.

Верно: Уполн. СПО *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48570-ФП. — Т. 6. — Арк. 102.
Копія. Машинопис.

№ 177

Витяг з протоколу допиту М.Ялового 20 червня 1933 р.

Выписка из протокола допроса

обв. Ялового Михаила Николаевича
от 20.VI–1933 года

«...Работу по вербовке и идейной обработке новых членов организации в основном проводил актив бывшей литорганизации «ВАПЛИТЕ» — я — Яловой, Хвылевой, Эпик, Досвитный, О.Вишня и др. Кроме того, эту же работу активно проводили Е.Черняк и Лебедь. Е.Черняк в этой работе, главным образом, был связан с группой быв. киевских литераторов, переехавших впоследствии в Харьков, как: Тенета, Пидмогильный.

Что касается М.Лебедя, то он по этой линии имел связь, главным образом, со старой, «матерой» украинской литераторской громадой, как по всей Украине, так и в частности по Киеву. Эти круги — Стешенковых, Старицких, Филипповича, Зерова, Чигиринца...».

Том 15, стр. 307.

Верно: Уполн. СПО

Підпис нерозбірливий

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48570-ФП. — Т. 6. — Арк. 103. Копія. Машинопис.

№ 178

Постанова про об'єднання матеріалів справи стосовно П.Філіпповича і М.Зерова в одне кримінальне провадження 8 січня 1936 р.

Секретно

Постановление

8 Января 1936 г. Прокурор ГВП Липов Г.П., рассмотрев дело Филипповича Павла Петровича и Драй-Хмары Михаила Афанасьевича по обвинению их по ст.ст. 54–6 и 54–11 УК УССР, —

н а ш е л:

Постановлением Особого Отдела НКВД УССР дело Филипповича и Драй-Хмары были объединены с делом Зерова и других. Принимая во внимание, что материалами по делу установлено, что Филиппович, будучи контр-революционного настроения последних лет, входил в к-р группировку Зерова и других, будучи там одним из ее руководителей, что на Зерова, Вороного, Лебедя и других имеется самостоятельное уголовное производство, по которому установлено, что Филиппович проходит там как активный участник группировки, что при таком положении материал по настоящему делу, относящийся к к-р деятельности Филипповича, надлежит объединить с делом Зерова и др.

В отношении же Драй-Хмары М.А. не добыто достаточных данных о его участии в к-р группировке Зерова и др., поэтому надлежит материал о нем выделить в самостоятельное уголовное производство, а поэтому, —

п о с т а н о в и л:

1) материал по настоящему делу в отношении Филипповича П.П. объединить в одно уголовное производство вместе с делом Зерова, Вороного и других.

2) материал в отношении Драй-Хмары М.А. выделить из данного дела в самостоятельное уголовное производство, которое направить в Особый отдел УГБ НКВД УССР для дополнительного расследования.

Прокурор Главной Военной прокуратуры РККА *Липов*

Согласен:
Начальник 5 отдела ГВП
Пом. Главного Воен. Прокурора РККА *Козаринский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48570-ФП. — Т. 6. — Арк. 164–164 зв. Оригінал. Машинопис.

№ 179

Обвинувальний висновок у справі М.Зерова, М.Вороного та інших 8 січня 1936 р.

Обвинительное заключение

По делу Зерова Н.К., Вороного М.Н., Лебедя А.Д., Митькевича Л.И., Филипповича П.П., Пилипенко Б.К. в принадлежности к контр-революционной националистической группе, подготовлявшей свержение Советской власти на Украине и готовившей террористические акты против руководителей Советской власти и Компартии.

Особым отделом Управления государственной безопасности НКВД УССР и Киевского военного округа вскрыта и ликвидирована контр-революционная организация. В процессе следствия установлено, что данная контр-революционная организация, ставя перед собой задачу свержения Советской власти на Украине и создания буржуазной «независимой» украинской республики, на протяжении ряда лет проводила контр-революционную деятельность в направлении:

а) подбора и объединения контр-революцион. националистических кадров украинской интеллигенции;

б) воспитания в националистическом контр-революционном духе украинской молодежи;

в) внедрения контр-революционных националистических идей в широкие круги украинского населения путем агитации и использования прессы и литературы, подготавливая таким образом кадры к открытому выступлению против Советской власти;

г) террористической деятельности против руководителей Совесткой власти и Коммунистической партии.

В своей деятельности организация была связана с зарубежными украинскими контр-революционными кругами и имела свои ответвления на Украине — в Харькове, Чернигове, Донбассе и Москве.

Руководящее место в идеологическом и практическом руководстве всей деятельностью группы занимали: Зеров Николай Константинович — профессор-литературовед; Лебедь Ананий Дмитриевич — преподаватель литературы и украинского языка; Филиппович Павел Петрович — преподаватель украинской литературы;

Объединяя, в основном, литературно-националистические круги, украинский лекторско-преподавательский состав и отдельные элементы националистически настроенной вузовской молодежи, руководящий центр этой группы осуществлял практически работу по идеологическому воспитанию, предварительному изучению и последующей вербовке их в организацию.

В целях объединения к-р сил и лучшей конспирации контр-революционной деятельности наряду с нелегальной деятельностью использовались легальные возможности.

[...]

Данная организация имела свой руководящий центр, главным образом, из числа лиц, привлеченных обвиняемыми по делу. По этому вопросу и по вопросу о методе контрреволюционной деятельности данной группы обвиняемый Вороной Марк Николаевич показал: «...Основным руководящим ядром по идеологическому и практическому руководству в последнее время на известных мне участках являлись: Зеров, Лебедь, Драй-Хмара, Филиппович, Вороной Н. и другие... Вороной Николай и другие в основной своей к-р националистической дельности объединяли литературно-националистические круги и через них проникали и привлекали к деятельности к-р организации литературную молодежь и украинскую интеллигенцию. Лебедь и Зеров проводили аналогичную работу среди лекторско-преподавательского состава и вузовской молодежи. Через эти два канала осуществлялась практическая работа по идеологическому воспитанию, предварительному изучению и последующей вербовке и проникновению в крестьянские массы и сельскую интеллигенцию...». (Показания Вороного от 11.IV–35 г., л.д. 66, т. 2-й).

Справка: Вороной Николай за к-р деятельность осужден в 1933 г., находится в ссылке.

[...]

Таким образом, по делу следствием установлено:

1) На территории УССР существовала контрреволюционная националистическая организация, готовившая свержение Советской власти и установление фашистской диктатуры.

2) Организация объединяла, организовывала и подготавливала к-р националистические кадры для вооруженного выступления.

3) Свою работу по воспитанию и вербовке в организацию националистических элементов группа проводила под лозунгом фашизма, ориентировалась на активную поддержку фашистской Германии и Польши.

4) Одним из методов борьбы с Советской властью и Компартией организация избрала террор, создав для этих целей террористическую группу.

5) Террористические действия подготовлялись против руководителей Коммунистической партии и Советской власти на Украине.

На основании материалов следствия нижепоименованные лица, привлеченные по настоящему делу, —

обвиняются:

1. Зеров Николай Константинович, 1890 г. рождения, уроженец м. Зинькового Харьковской области, украинец, беспартийный, с высшим образованием, профессор-литературовед, не судим, снят с работы в ВУЗе за националистическую деятельность, — обвиняется в том, что:

а) входил в состав руководства контр-революционной организации, ставившей перед собой задачу свержения Советской власти на Украине и создания буржуазной независимой украинской республики;

б) на протяжении ряда лет активно проводил работу по воспитанию и подготовке контрреволюционных националистических кадров с целью вооруженного захвата власти и отторжения Украины от СССР;

в) свою работу проводил под лозунгом и в целях фашизации Украины, являлся вдохновителем идей террора, организовал террористические группы с целью совершения терро-

ристических актов над руководителями Коммунистической партии и Соввласти, — т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–11 и 54–8 УК УССР.

Обвинение подтверждается показаниями обвиняемых по данному делу Вороного, Пилипенко.

При обыске у обв. Зерова изъята книга «Политика» с автографом расстрелянного террориста Косынко, «Черна Рада» Кулиша и другая националистическая литература. Изъято также письмо высланного за к-р деятельность Чапленко, свидетельствующее о связи с репрессированным к-р элементом.

Обвиняемый виновным себе признал полностью.

2. Вороной Марк Николаевич, 1904 г. рождения, уроженец г. Чернигова, выходец из буржуазно-дворянской семьи, с высшим образованием, литератор-поэт, беспартийный, служил в деникинской армии, арестовывался органами ОГПУ как бывший белый, исключен из Союза советских писателей за националистическую деятельность, — обвиняется в том, что:

а) являлся активным участником данной организации и в своей деятельности был тесно связан с ее руководящим центром;

б) принимал участие в ряде совещаний руководства, на которых решались основные вопросы орг. и к-р террористической деятельности;

в) был связан с закордоном — Польшей, печатал свои сочинения реакционного характера в закордонной украинской буржуазно-националистической прессе и пытался в 1924 году нелегально уйти в Польшу, — т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–11 и 54–8 УК УССР.

Обвинение подтверждается показаниями обвиняемого Пилипенко и показаниями Жигалко.

При обыске у Вороного обнаружено: статья фашистского деятеля за кордоном Донцова, националистическая литература «История Украины» Грушевского, «История Украинской литературы» Львовского издания и др.

Обвиняемый виновным себя признал полностью.

3. Лебедь Ананий Дмитриевич, 1898 г. рождения, уроженец с. Вертиевки Нежинского района, сын священника, осужденного за к-р деятельность, беспартийный, с высшим образованием, преподаватель украинского языка в Киевском коммунистическом университете, бывш. юнкер царской армии, служил в войсках украинской Центральной Рады, состоял членом Украинской «Просвиты», судим в 1930 г. за к-р деятельность, обвиняется в том, что:

а) входил в состав руководящего центра к-р организации и в своей к-р деятельности был тесно связан с Зеровым и другими;

б) на протяжении ряда лет активно проводил организованную к-р работу по воспитанию в националистическом духе учащейся молодежи и созданию к-р групп;

в) в своей к-р деятельности был связан с осужденными и расстрелянными террористами Косынко и другими, — т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–11, 54–8 УК УССР.

Обвинение подтверждается показаниями обвиняемых Зерова, Вороного, Пилипенко, Филипповича, Митькевича и показаниями Козуба.

При обыске у обвиняемого Лебедя обнаружено: биографические записи расстрелянных террористов Косынко и Фальковского, фотоснимки бывш. Председателя Центральной Рады и Директории УНР Винниченко, одного из руководителей к-р организации «СВУ» Дурдуковского и известного украинского националиста Хвылевого, фотомонтаж эсэровских изданий и националистическая литература «История украинской литературы» Ефремова, «История Украины» и «Кобзарь» петлюровского издания с «тризубом» на обложке, стенографический отчет «СВУ», книга «Политика» Косынко и др.

Обвиняемый виновным себя признал.

4. Филиппович Павел Петрович, 1891 г. рождения, по происхождению сын попа, по профессии преподаватель украинской литературы, обвиняется в том, что:

а) входил в состав руководящего центра названной к-р группы;

б) в течение нескольких лет существования Советской власти активно проводил к-р работу по воспитанию в контрреволюционном националистическом духе учащейся молодежи и созданию среди нее к-р групп;

в) обсуждал вопросы подготовки террористических актов над руководителями Советской власти и Компартии Украины, — т.е. в преступлениях предусмотренных ст.ст. 54–11 и 54–8 УК УССР.

Обвиняемый виновным себя признал полностью.

[...]

6. Пилипенко Борис Кузьмич, 1892 г. рождения, уроженец г. Чернигова, украинец, беспартийный, научный работник Всеукраинского исторического музея им. Шевченко, арестовывался в 1933 роду за к-р деятельность, обвиняется в том, что:

а) являлся активным участником к-р организации и в своей деятельности был связан с представителями ее руководящего центра Зеровым, Лебедем и др.;

б) активно проводил работу по вербовке новых лиц в УНСП; им были вовлечены художник Бизюков, скульптор Мегель и др.;

в) обсуждал вопросы подготовки террористического акта над руководителями Компартии и Соввласти на Украине — с обв. Митькевичем, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–11 и 54–8 УК УСРР.

Обвинение подтверждается показаниями Вороного, Митькевича и показаниями Мегеля.

При обыске у Пилипенко обнаружено: шелковая лента с вышитым УНРовским гербом «Тризуб» и брошюра с УНРовским гимном «Ще не вмерла Україна».

Обвиняемый виновным себя признал полностью.

Постановил:

Следственное дело за № 1377 по обвинению Зерова Николая Константиновича, Вороного Марка Николаевича, Лебедя Анания Дмитриевича, Филипповича Павла Петровича, Митькевича Леонида Ивановича, Пилипенко Бориса Кузьмича — направить Военному прокурору Киевского военного округа для передачи на рассмотрение Военного трибунала.

Справка: 1. Все вещественные доказательства находятся при деле согласно описи.
2. Личные документы обвиняемых находятся при деле.
3. Материалы о лицах, проходящих по следственному делу, но не привлеченных в качестве обвн., выделены в особое производство.

Прокурор Главной Военной прокуратуры РККА *Липов*

Согласен:
Начальник 5 отдела ГВП
Пом. Главного Военного прокурора РККА *Козаринский*

Утверждаю:
Врио Главного Военного прокурора РККА
Корвоенюрист *Розовский*

8 января 1936 года

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48570-ФП. — Т. 6. — Арк. 165–190. Оригінал. Машинопис.

№ 180

Супровідний лист про направлення меморандумів стосовно засуджених М.Вороного, М.Зерова та інших 28 березня 1936 р.

Союз Советских Социалистических Республик

Народный Комиссариат внутренних дел

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Исправительно-трудовыми лагерями, трудпоселениями и мест. заключения

Отдел Охраны
28 марта 1936 г.
№ 0/842133
Москва, ул. Кирова, дом 3
Телефон: коммутатор НКВД

Секретно

Нач. ББЛАГ НКВД тов. Успенскому

Нач. III отдела ББЛАГ НКВД тов. Попову

г. Медгора

Направляем меморандумы на осужденных Военным трибуналом Киевского военного округа от 1–4 февраля 1936 г. за участие в к/р террористической националистической украинской организации:

1. Филипповича Павла Петровича,
2. Пилипенко Бориса Кузьмича,
3. Вороного Марка Николаевича,
4. Митькевича Леонтия Ивановича,
5. Лебедя Анания Дмитриевича,
6. Зерова Николая Константиновича

Всех их содержите на о. Соловки, а в случае прибытия до открытия навигации — на Морсплаве. Обеспечьте невозможность побега. Возьмите на спецучет.

Приложение: по тексту.

Начальник ГУЛАГ НКВД
Комиссар государственной безопасности III ранга *Берман*

Начальник Отдела охраны *Калачников*

На документі 3 резолюції: 1. *«УСО. Сторожевую. СПО — т. Шорбо. Видите, как прав был «Павленко». Сообщите об этом в Москву и Киев. Підпис нерозбірливий. 1/IV–36 г.»*; 2. *«Роллер, Рольф. Прошу срочно справку прибыли ли они на остров. 2/IV. Підпис нерозбірливий»*; 3. *«т. Кара[...]. пр[ошу] срочно оформить оперучет и передать СПО весь материал. Підпис нерозбірливий. 2/IV.»*.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48570-ФП. — КНС. — Арк. 5.
Оригінал. Машинопис.

№ 181

Лист Головної Військової прокуратури СРСР про результати розгляду скарги М.Вороного 31 липня 1937 р.

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических Республик

Главная Военная Прокуратура

№ 2578/272
31 июля 1937 г.

г. Москва, Б. Димитровка, 15а
Тел. 4–58–18

Начальнику Беломорско-Балтийского лагеря НКВД

о. Соловки

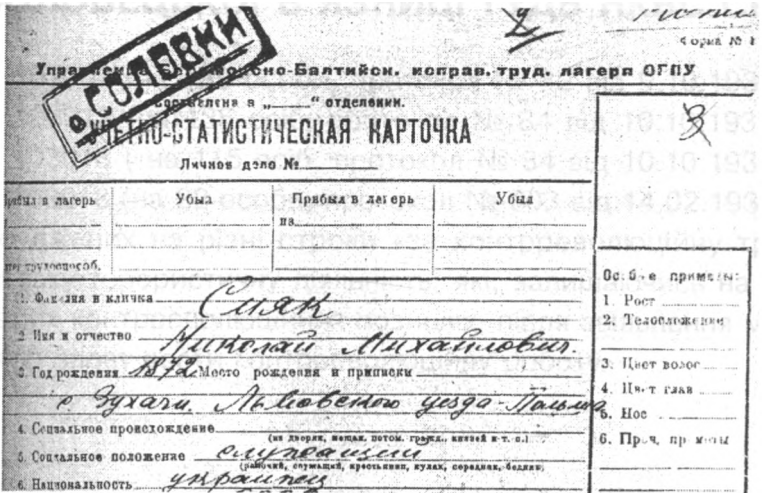
Прошу объявить заключенному Вороному Марку Николаевичу, содержащемуся в 8 отдел. вверенного Вам лагеря, что его жалоба, поданная на имя Прокурора СССР рассмотрена. Оснований к принесению протеста на приговор Военного Трибунала, коим он осужден, не имеется, т.к. он признал себя виновным как на предварительном следствии, так и на суде. Его отказ от этих показаний уже после суда не может служить основанием к пересмотру приговора по его делу.

Прокурор ГВП
Военный юрист 2 ранга *Липов*

На документі резолюція: *«т. Данилову. Объявить. Підпис нерозбірливий. 10.VII.–37 г.».*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 48570-ФП. — КНС. — Арк. 7.
Оригінал. Машинопис.

Розділ III



ВНУТРІШНЬОТАБІРНА «ЗМОВА»

Документи з тюремних справ та матеріали оперативної розробки в'язнів

СПРАВИ ОПЕРАТИВНОЇ ЧАСТИНИ СОЛОВЕЦЬКОЇ В'ЯЗНИЦІ ГУДБ НКВС СРСР

№ 103007 (на 182 особи, протокол № 82 від 9.10.1937 р.), № 103012 (на 135 осіб, протокол № 84 від 10.10.1937 р.), № 103013 (на 115 осіб, протокол № 84 від 10.10.1937 р.), № 103018 (на 22 особи, протокол № 303 від 14.02.1938 р.), засуджених на різні строки «за контрреволюційну троцькістську терористичну діяльність, які, залишаючись на своїх старих контрреволюційних позиціях, після звільнення мають намір знову вести контрреволюційну роботу»

СПРАВА М.БАРАННИКА

(№ П-13593)

№ 1

Довідка про М.Баранника
Жовтень 1937 р.

Баранник Михаил Сидорович, 1900 г.р., украинец, гр-н СССР, уроженец пос. Авреевка Макеевского р-на Донецкой области, служащий, образование высшее, доцент советского права, б. член ВКП(б).

В 1925 г. примкнул к контрреволюционной зиновьевской организации и поддерживал связь с членом Ленинградского зиновьевского террористического центра Мясниковым. В 1933–34 гг. был завербован террористом Изаком в контрреволюционную троцкистско-зиновьевскую террористическую группу и был связан по совместной к-р деятельности с участниками группы террористами Мартыновым, Изаком, Дмитриевым и др. Кроме того, после злодейского убийства тов. Кирова распространял к-р клеветнические слухи о причинах убийства тов. Кирова. Присутствовал на нелегальных сборищах к-р группы, где велись контрреволюционные разговоры, направленные против руководства ВКП(б) и совправительства. При аресте был изъят револьвер, незаконно хранившийся, сист. «наган».

Приговорен Выездной сессией Военной коллегии Верхсуда СССР 28.XII.36 г. к тюремному заключению сроком на 10 лет с поражением в политических правах на 5 лет и конфискацией имущества.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 63.
Копія. Машинопис.

№ 2

Акт про виконання вироку стосовно М.Баранника 4 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 84 от 10 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Баранника Михаила Сидоровича приведен в исполнение 4 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 64.
Копія. Машинопис.

№ 3

Висновок про реабілітацію М.Баранника 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17.07.1989 г.

Заключение

в отношении *Баранника М.С.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15301)*
Фамилия, имя, отчество *Баранник Михаил Сидорович*
Дата и год рождения *1900 г.*
Место рождения *Донецкая обл., Макеевский р-н, п. Авреевка*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *Комвуз, зам. директора, г. Ленинград*
Место жительства до ареста *г. Ленинград*
Данные о родственниках *сын — Юрий Михайлович, дочь — Алла Михайловна*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Отбывал наказание в СЛОНе по приговору Военной коллегии Верх. Суда СССР. Без предъявления обвинения за клеветнические высказывания трой-*

кой УНКВД ЛО от 10.10.37 г. постановлено — Баранника расстрелять. Постановление исполнено 4.11.37 г.
Баранник Михаил Сидорович подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *Андриянов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 65.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА В.ВОЛГАЯ
(№ П-10068)

№ 4

Постанова Президії Вологодського обласного суду 19 жовтня 1959 р.

Секретно

Президиум Вологодского областного суда в составе:
Председателя президиума Кузнецова;
членов президиума — Двойнишникова, Сермягина, Рокиной;
с участием прокурора Вологодской области Мельниченко
при секретаре Корюкиной рассмотрел протест прокурора Вологодской области на постановление Особого совещания НКВД СССР от 28 сентября 1935 г., которым заключен в ИТЛ сроком на 5 лет —

Волгай Василий Константинович, 1903 г. рождения, уроженец Роменского района Сумской области.

Протест внесен на предмет отмены постановления и прекращения дела производством за недоказанностью обвинения.

Заслушав доклад члена Президиума Двойнишникова, заключение прокурора области Мельниченко, полагавшего протест удовлетворить, Президиум

установил:

Волгай обвинялся в том, что в 1927 г. принадлежал к группе троцкистов и вел борьбу с ВКП(б) до 1932 г., в переписке с троцкистом Цикиным излагал контрреволюционные троцкистские взгляды и выдвигал методы борьбы с ВКП(б). В 1934-35 гг., работая ассистентом Вологодского пединститута, в своих лекциях протаскивал троцкизм и обрабатывал в троцкистском духе отдельных коммунистов.

Предъявленное обвинение Волгаю материалами предварительного следствия, а также дополнительной проверкой не доказано. Поэтому постановление Особого совещания НКВД СССР подлежит отмене, а дело прекращению по следующим основаниям:

на предварительном следствии Волгай виновным себя в предъявленном обвинении не признал, Цикин по делу не допрашивался и к уголовной ответственности привлечен не был.

Основанием к осуждению Волгая послужили показания свидетелей Лысановой, Тропина и Сажинова, которые на предварительном следствии дали следующие показания:

Лысанова Н.В.: «На всем протяжении моего знакомства с Волгаем он систематически доказывал, что Троцкий был центральной фигурой Октябрьской революции, что у него

было меньше разногласий с т. Лениным и политических ошибок, чем у т. Сталина. Ленин, организатор партии, всю жизнь отдал ей, поэтому он хотел партию передать в надежные руки, в своем завещании он предлагал себе заместителем Троцкого, а не Сталина, предлагая Сталина с работы секретаря ЦК убрать, иначе неизбежен раскол в партии. Ленин в своем завещании говорил, что Сталин любит властвовать, ну вот теперь своего добился и властвует.

Кроме того, Волгай в своей практической работе протаскивал контрреволюционный троцкизм. На лекции по истории народов СССР Волгай на тему революции 1905 г. не дал характеристики ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, зато много говорил о Думе и характеризовал ее как завоевание рабочего класса. Особенно много искажений исторических фактов в троцкистском духе Волгай делал в лекциях на тему от февраля к октябрю, в ней он Троцкого, Зиновьева и Каменева вывел вместе с т. Лениным как вождей революции, а роль Сталина совершенно опустил».

Сажинов В.Е.: «В последней лекции Волгай протаскивал контрреволюционный троцкизм, искажал отдельные исторические факты. В этой лекции не вывел роль Сталина в революции, ограничившись заявлением, что т. Сталин на VI съезде партии делал доклад. Совершенно не говорил о Троцком и его борьбе против Ленина.

Разбирая апрельскую конференцию большевиков 1917 г., Волгай говорил, что на этой конференции против Ленинских тезисов выступили такие старые большевики, как Каменев, Рыков и другие, тем самым создавал мнение о Каменеве как о старом большевике».

Тропин Н.М.: «Волгай в некоторых лекциях искажал исторические факты, так, например, в период подготовки к октябрьской революции была опущена роль т. Сталина. Говоря о Каменеве и Зиновьеве, Волгай указал лишь один факт об их штрейкбрехерстве накануне Октября, а до этого он их ставил вместе с Лениным».

Таким образом, свидетели Сажинов и Тропин дали такие показания о высказываниях Волгая, в которых не содержится признаков преступления, предусмотренного ст. 58–10 ч. I УК РСФСР.

Показания Лысановой не могут быть объективными доказательствами в проведении антисоветской агитации Волгаем, т.к. они не подтверждены никакими другими доказательствами. Кроме этого, на допросе Волгай заявил, что она против него дала ложные показания на почве личных счетов.

Не подтвердили показания Лысановой и другие свидетели, как то, помощник директора пединститута Паршинский и ассистент Мельников, которые ничего компрометирующего в отношении Волгая не сообщили, отметив лишь некоторые недостатки методического порядка в преподавании курса истории.

Передопрошенные в 1959 г. в связи с перепроверкой дела свидетели Сажинов, Тропин и Свиньин заявили, что какие они давали показания в 1935 г. в отношении Волгая, не помнят, т.к. с того периода прошло много времени. Передопрошенная в 1959 г. свидетель Лысанова некоторые свои показания изменила и заявила, что Волгай допускал антисоветские высказывания.

Каких-либо других доказательств, подтверждающих антисоветские высказывания Волгая, в материалах дела не имеется.

На основании изложенного и руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1959 г., Президиум Вологодского областного суда

постановил:

Постановление Особого совещания НКВД СССР от 28 сентября 1935 г. в отношении Волгая Василия Константиновича отменить и дело производством прекратить за недоказанностью преступления.

Председатель Президиума *Кузнецов*

Копия верна: *Підпис нерозбірливий*

Справка: Подлинник находится в архивно-следственном деле № 8479 по обвинению Волгая В.К., том 1, стр. 136–138, которое хранится в УАО УКГБ по Вологодской области.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 128–130. Копія. Машинопис.

№ 5

Постанова Президії Архангельського обласного суду 12 жовтня 1961 р.

Секретно

Президиум Архангельского областного суда в составе:
Председательствующего Романова;
Членов Президиума — Мимикина, Самойлова, Кафтасьевой и Тарбаева;
с участием врио прокурора области Абакумова
по докладу Самойлова
рассмотрел по протесту прокурора Архангельской области
дело по обвинению Волгая Василия Константиновича.

Президиум установил:

Постановлением Особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 года осужден к расстрелу —

Волгай Василий Константинович — 1903 года рождения, уроженец гор. Ромны Сумской области, украинец, состоял чл. ВКП(б) — исключен.

Рассмотрев протест прокурора и материалы дела, президиум находит постановление Особой тройки подлежащим отмене по следующим основаниям:

Волгай осужден за то, что он, отбывая наказание по постановлению Особого совещания НКВД СССР от 28 сентября 1935 г. за антисоветскую пораженческую деятельность, оставаясь на прежних позициях, продолжал вести среди заключенных в Соловецкой тюрьме антисоветскую троцкистскую деятельность.

Принятыми мерами архивного следственного дела, по которому Волгай осужден в 1937 г., разыскать не представилось возможным, и надо полагать, что в 1937 г. уголовное дело в отношении Волгая не возбуждалось, расследование не проводилось, а он осужден был лишь по представленной начальником Соловецкой тюрьмы справке, как и в отношении других заключенных, отбывавших наказание в Соловецкой тюрьме, без наличия доказательств совершения преступления.

Постановлением Президиума Вологодского областного суда от 19 октября 1959 г. постановление Особого совещания НКВД от 28 сентября 1935 г. в отношении Волгая отменено за недоказанностью обвинения. При таком положении Волгай в 1937 г. осужден необоснованно.

В силу изложенных выше обстоятельств, Президиум областного суда

постановил:

Постановление Особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 года в отношении Волгая Василия Константиновича отменить и дело производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Председательствующий Н.Романов

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 133–134. Копія. Машинопис на бланку.

СПРАВА І.ПЕТРОВА
(№ П-15659)

№ 6

Довідка про І.Петрова
Жовтень 1937 р.

Петров Иван Петрович, 1902 г.р., ур. г. Москвы, русский, гр-н СССР, образование среднее, служащий, с [19]34 по [19]35 гг. зам. пред. и председатель Никопольского райисполкома Днепропетровской области, бывший член ВКП(б), исключен в 1935 году за к-р троцкизм и нарушение финансовой дисциплины.

Осужден Днепропетровским облсудом от 11.IX.35 г. по 99 и 97 ст. УК УССР на 5 л. ИТЛ с поражением в правах на 3 года.

Петров, будучи троцкистом, работая зав. Никопольским райфинотделом, сознательно нарушал финансовую дисциплину, в результате чего местный бюджет за 1934 г. был перерасходован на 259 289 рублей.

В период XIV съезда партии и в последующие годы Петров активно участвовал в к-р троцкистско-зиновьевской организации в г. Ленинграде. В своей к-р деятельности Петров был связан по Днепропетровску с Луговым, Портновым, Ефимом, Богдановым А. и Шустерманом, а также поддерживал связь с так называемой «рабочей оппозицией» — Амосовым, Черниковым, Борисовым и Титовым. Имел связь с троцкистом-террористом Румянцевым, расстрелянным по делу злодейского убийства тов. С.М.Кирова. В лагере занимался вредительством.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 44.
Копія. Машинопис.

№ 7

Акт про виконання вироку стосовно І.Петрова
4 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 84 от 10 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Петрова Ивана Петровича приведен в исполнение 4 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 45.
Копія. Машинопис.

№ 8

Висновок про реабілітацію І.Петрова 30 червня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
30 июня 1989 г.

Заключение

в отношении *Петрова И.П.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15217а)*
Фамилия, имя, отчество *Петров Иван Петрович*
Дата и год рождения *1902*
Место рождения *г. Москва*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *г. Днепропетровск, председатель Никопольского райисполкома*
Место жительства до ареста *г. Днепропетровск, ул. Ленинская, д. 8, кв. 4*
Данные о родственниках *жена — Наталья Александровна, 1906 г.р., дочь — Кира, 1926 г.р., сын — Александр, 1930 г.р.*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Отбывал наказание в СЛОНе по ст.ст. 99, 97 УК УССР, Особой тройкой УНКВД по Ленингр. обл. (протокол № 84 от 10.10.37 г.) приговорен к расстрелу. Приговор исполнен 4.11.37. Расстрелян за участие в троцкистско-зиновьевской оппозиции.*
Петров И.П. подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *В.Ф.Андриянов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 46.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА І.ПІДГАЙЦЯ
(№ П-15379)

№ 9

Обвинувальний висновок у справі І.Підгайця 25 вересня 1935 р.

В Макеевский гор. отдел НКВД на основе агентурных и официальных материалов поступило сведение о том, что работающий в Научно-исследовательском институте в качестве ассистента горной электромеханики некто Подгайц Израиль Александрович, в прошлом б. троцкист, у которого хранится запрещенная троцкистско-зиновьевская литература, как то:

книги «Борьба за Петроград» и «Уроки Октября» Троцкого, причем указанные книги рекомендовал и давал для чтения своим близким знакомым, заявляя, что тов. Сталину приписывают очень многое и только эта книга («Борьба за Петроград») подлинно освещает, какую колоссальную роль Троцкий сыграл в революционном движении (см. д/ф, л.д. № 28–30).

Наряду с изложенным, Подгайц систематически себя а/с проявлял среди сотрудников института, причем его разговоры иногда носили явно контрреволюционный характер (см. д/ф, л.д. №№ 30–31).

На основе вышеизложенных данных Подгайц был подвергнут аресту, при этом у него изъята книга «Борьба за Петроград» (см. л.д. № 5).

Процессом следствия имеющиеся у нас материалы на Подгайца в части его а/с деятельности были подтверждены свидетельскими показаниями, вместе с этим в указанном преступлении он был уличен очными ставками (см. л.д. №№ 50–51–54).

Свидетель Федоренко в разрезе вышеизложенного показал, что со стороны Подгайца за время его работы в институте он неоднократно замечал ряд а/с проявлений и явно контрреволюционных высказываний. При этом приводим выдержку из показаний последнего по вопросу реагирования Подгайца на вынесенный приговор по Ленинградскому центру террористов, персонально о Николаеве, он заявил: «Дурак Николаев, он не учел, что ГПУ ему повыкручивает руки и ноги, чтобы добиться показаний, ему надо было себе пустить пулю в лоб, и тогда бы он никого не выдал» (см. л.д. № 28).

Вообще по показаниям свидетеля Федоренко, Подгайц систематически себя а/с проявлял, так, например, о вольной продаже хлеба, он говорил: «В газетах втирают очки, что нет очередей, что количество хлеба вполне обеспечивает население, когда фактически творятся безобразия, очереди, темного хлеба нет и с рабочего дерут 3 шкуры». «Черт знает, какое безобразие, хлеб кило 3 р. 30 коп., в то время, как рабочий не в состоянии его купить, где же выбор хлеба» (см. л.д. № 29).

Тот же свидетель — Федоренко показал, что Подгайц в разговоре с сотрудниками института затронул вопрос о деятельности Харьковской троцкистской оппозиции, в частности, о высланном за это неком Рисенберге сказал, что это его друг и они вместе с ним «страдали», в заключение добавил, что на ХЭМЗе, где он в то время работал, проходили митинги по разоблачению троцкистов и, коснувшись подробностей таковых, заявил:

«Во время проведения таких митингов приезжали члены ЦК КП(б)У, как Постышев, Петровский, Чубарь и другие, которых при выступлении рабочие затюкивали и говорили, что линия партии неверна, и только благодаря выступлению одного из видных троцкистов Харьковской оппозиции митинг был доведен до конца, но только под антипартийным лозунгом, а прибывшие члены правительства были вынуждены покинуть завод, чуть ли не спасая свою жизнь. В данной оппозиции принимал участие сын одного из членов правительства, причем, пользуясь таким положением, у него на квартире продолжительный период времени была подпольная оппозиционная типография» (см. л.д. № 29–30).

Эти же данные, аналогично показаниям упомянутого свидетеля, дает и допрошенный по существу дела Петров Петр Иванович (см. л.д. №№ 33–34–35). Допрошенный в качестве свидетеля Цейтлин Дмитрий Львович в своих показаниях подтверждает разговор Подгайца в части Харьковской троцкистской оппозиции (см. л.д. № 39–40). Свидетели Емелин Анатолий Тихонович и Руденчик Лука Михайлович дали факты антисов. реагирования Подгайца о вольной продаже хлеба (см. л.д. №№ 46–48).

Сам обвиняемый Подгайц частично признал свои а/с разговоры в отношении вольной продажи хлеба, отметив, что это он говорил в разрезе Макеевской действительности, обвиняя в этом Партийный комитет (см. л.д. № 19). Помимо этого, признал не полностью свой разговор о деятельности троцкистской оппозиции гор. Харькова, отрицая свою принадлежность к последней, в то время как это подтверждается официальными материалами (см. л.д. №№ 20–31–8–9).

На основе изложенного обвиняется:

Подгайц Израиль Александрович, 1904 г.р., уроженец г. Херсона, служащий, б. комсомолец, исключен из рядов ЛКСМУ за участие в троцкистской оппозиции и компромета-

цию Соввласти и коммунистической партии, носившую иногда явно к-р характер, преступление коего предусмотрено ст. 54–10 УК УССР.

Полагал бы:

Следственное дело за № 825 по обвинению Подгайца Израиля Александровича в преступлениях, предусмотренных ст. 54–10 УК УССР, — направить на рассмотрение Особ. совещания с ходатайством о применении к обвиняемому меры соц. защиты — заключения в политизолятор сроком на 3 года.

П/уполномоченный СПО *Афанасьев*

Согласен: Оперуполномочен. СПО *Соляной*

Утверждаю: Нач. Мак. гор. отд. НКВД *Шильгорин*

Санкционирую: Мак. гор. прокурор *Руденко*

Справка: Вещ. док. по делу — книга «Борьба за Петроград». Арестованный Подгайц И.А. находится под стражей при Мак. гор. отделе НКВД с 22/11–35 г., с сего числа перечисляется за Особым совещанием.

П/уполномоченный СПО *Афанасьев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75159-ФП. — Арк. 246–248. Копія. Машинопис.

№ 10

Повідомлення про І.Підгайця 1935 р.

6 июня в помещение стахановцев, Порт-Владимир, комната № 4, вошел з/к Подгайц Израиль Александрович, 1904 г. рождения, осужд. Ос. совещанием НКВД за к-р троцкистскую агитацию сроком на 3 года, в присутствии источника и заключенных Усенко Владимира Прокофиевича, 1891 г. рождения, осужденного тр. НКВД Омской обл. по ст. СОЭ срок 2 года, конец срока 28/IX-37 года, обратился к з/к Папонову Игнату Ивановичу, 1904 г. рождения, осужд. Острогожским окрсудом по ст. 58–8 сроком на 10 лет, конец срока 13/III-38 года, с вопросом:

«Вы читали газеты за 31 марта о постановлении правительства о создании СПК? Это постановление вынуждены выпустить потому, что уже дальше ехать некуда, как говорится, к горлу подперло, дошли большевики до ручки. Да большевикам и свойственно это, говорят одно, а делают другое. Как, например, газета пишет тысячную долю правды, и что на самом деле творилось и творится в нашем Союзе, так, например, мою жену сразу после моего ареста уволили, а когда она попросила справку, почему ее увольняют, то ей дали такую, что увольняется добровольно по своему желанию, а когда обратилась к прокурору, то то же самое, ничего толком не добилась. А что творится еще в других местах, это ужас один. Это постановление будет чревато своими последствиями» (но не сказал з/к Подгайц, что именно будет).

З/к Подгайц говорит о том, что теперь вот все время нам вбивают в голову приказ № 100-Я, а что от этого толку, положение з/к не улучшают. В бараке как стояли двойные нары, так они и стоят, еще при таком малом количестве населения, а стоит появиться рыбе, как на пункт нагонят заключенных и набьют в помещение как селедок в бочку. Попробуй, скажи что-нибудь начальству. Что тогда оно с тобой сделает.

Начальник III части
10 отделения ББК НКВД *Аполлонский*

На правому полі документу зазначено: «*Дело-формуляр направить по месту убытия заключ*[енного] *Подгайц*[а]».

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75159-ФП. — Арк. 252.
Копія. Машинопис.

№ 11

Довідка про І.Підгайця
Жовтень 1937 р.

Подгайц Израиль Александрович, 1904 г.р., гр. СССР, ур. г. Херсона, УССР, еврей, образование высшее, служащий, старший ассистент Донецкого областного научно-исследовательского института г. Макеевки. Бывш. член ВЛКСМ, исключен за участие в троцкистской оппозиции.

Среди сотрудников научно-исследовательского института в г. Макеевке вел к-р троцкистскую агитацию, направленную на компрометацию Соввласти и коммунистической партии. Хранил и распространял троцкистскую литературу.

Особым совещанием при НКВД от 22/IX–35 г. за к-р троцкистскую агитацию осужден в ИТЛ сроком на 3 года.

Во время нахождения в лагере Подгайц клеветал на стахановское движение в стране, называя его «потогонной» системой. Говорит, что это выдумки Сталина для того, чтобы сильнее жать народ. В лагере пытался создать кружок по изучению английского языка, рассчитывая на то, что под видом изучения английского языка можно будет группировать троцкистов, среди которых проводить к-р работу.

Врио нач. Соловецкой тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75159-ФП. — Арк. 253.
Копія. Машинопис.

№ 12

Акт про виконання вироку стосовно І.Підгайця
17 лютого 1938 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 303 от 14 февраля 1938 года в отношении осужденного к ВМН Подгайца Израиля Александровича, 1904 г.р., ур. г. Херсона (УССР), приведен в исполнение 17 февраля 1938 года, в чем и составлен настоящий акт.

Комендант УНКВД ЛО
ст. лейтенант госбезопасности *Поликарпов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75159-ФП. — Арк. 254.
Копія. Машинопис.

№ 13

Висновок про реабілітацію І.Підгайця 20 вересня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
20 сентября 1989 г.

Заключение

в отношении *Подгайца И.А.*
по материалам уголовного дела (арх. *№ 14996*)
Фамилия, имя, отчество *Подгайц Израиль Александрович*
Дата и год рождения *1904*
Место рождения *г. Херсон*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *старший ассистент Донецкого областного НИИ*
Место жительства до ареста *г. Макеевка*
Данные о родственниках *нет*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Арестован в 1935 г. в г. Макеевка за контрреволюционную троцкистскую деятельность. ОСО НКВД СССР 22.9.35 г. приговорен к трем годам лагерей. Отбывал наказание в Соловецкой тюрьме за контрреволюционную деятельность. Решением тройки УНКВД Ленинградской области № 303 14.2.38 г. приговорен к расстрелу. Приговор исполнен 17.2.38 года.*
Подгайц Израиль Александрович подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *В.Ф.Андриянов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75159-ФП. — Арк. 255.
Копія. Рукопис на бланку.

Справа № 103010 Оперативної частини Соловецької в'язниці ГУДБ НКВС СРСР на 134 особи (протокол № 83 від 9.10.1937 р.), засуджених на різні строки «за контр-революційну націоналістичну шпигунську і терористичну діяльність на Україні, які, залишаючись на колишніх позиціях, продовжуючи контрреволюційну шпигунську терористичну діяльність, створили контрреволюційну організацію «Всеукраїнський центральний блок»

СПРАВА З.АЛЬВАЛЯ (АЛЬВАЙЛЯ)
(№ П-9410)

№ 14

Довідка про розгляд справ соловецьких в'язнів
15 березня 1956 р.

Копия
Секретно

№ 9/1267 от 15/III–1956 года

Справка

На лиц, находящихся в заключении в Соловецкой тюрьме или Соловецких ИТЛ, предварительное расследование не производилось, а по агентурным материалам или справке по старому следственному делу выносилось на заседание Особой тройки, которая и выносила свое решение.

Нач. УАО КГБ при СМ КФ КФССР
Подполковник *Васильев*

Верно: Пом. прокурора Арх. области по надзору
за следствием в органах госбезопасности юрист 1-го класса *Волкова*

Подлинник справки находится в архивно-следственном деле № 3363 на Курбаса Александра Степановича.

Дело хранится в УКГБ при СМ КФССР.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 4.
Копія. Машинопис.

№ 15

Лист заступника прокурора Одеської області В.Дрьомова до прокурора Ленінградської області Ципіна 22 серпня 1958 р.

Прокурору Ленинградской области
Советнику юстиции т. Цыпину

При этом направляется заявление гр-ки Карповой Е.П. с просьбой о реабилитации мужа ее дочери Альвайль Зигурда Адольфовича, 1890 г. рождения.

Альвайль З.А. первый раз осужден тройкой при Коллегии ГПУ СССР * 14/XII **–1933 года к 5 годам лишения свободы, считая срок с 15/I–1933 г. (арх. след. дело № 020772 хранится в учетно-архивном отделе УКГБ при СМ УССР по Одесской области).

Судимость с него по данному делу снята в силу Указа от 27/III–1953 г. «Об амнистии», пересматривать это дело за давностью прокуратура Одесской области считает нецелесообразным.

В упомянутом деле находится справка 1-го спецотдела МВД СССР от 28/XII–1957 года за № 25/317662 о том, что Альвайль З.А. 9 октября 1937 г. осужден вторично тройкой УНКВД Ленинградской области, осужден он к ВМН, поэтому заявление Карповой о реабилитации Альвайль З.А. направляется на Ваше рассмотрение.

Приложение: по тексту на 2-х листах.

Зам. прокурора Одесской области
советник юстиции *В.Дремов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 4а.
Копія. Машинопис.

№ 16

Лист заступника прокурора Архангельської області Голуба до заступника прокурора Одеської області В.Дрьомова 10 листопада 1958 р.

Зам. прокурора Одесской области
советнику юстиции тов. Дремову

На Ваш № 01-850с от 22/VIII–58 г.

Возвращаю Вам заявление гр-ки Карповой Е.П., которая просит пересмотреть дело на предмет реабилитации ее зятя — Альвайля Зигурда Адольфовича.

Из Вашего письма от 22/VIII–58 г. видно, что Альвайль первый раз осужден в 1933 г. тройкой при КГПУ УССР на 5 лет ИТЛ.

Прокуратурой Архангельской области разыскивается дело, по которому Альвайль осужден в 1937 г. тройкой при УНКВД Ленинградской области к ВМН. Причем уголовного

* Помилка, має бути «УССР».
** Помилка, має бути «XI».

дела на Альвайля, как и на других заключенных, содержавшихся в Соловецкой тюрьме и осужденных в 1937–1938 гг., не возбуждалось, никакого следствия не проводилось, а он осужден лишь по имевшимся в личном деле оперативным сведениям.

Результаты пересмотра дела о судимости Альвайля в 1933 г. имеют важное значение при решении вопроса об обоснованности его осуждения в 1937 г. Вот почему необходимо проверить обоснованность осуждения Альвайля в 1933 г.

О результатах пересмотра дела за 1933 г. прошу выслать нам копию заключения об отказе в пересмотре дела или копию протеста на постановление тройки от 14/XII *–1933 г.

Карпова Е.П. о направлении ее заявления поставлена в известность.

Приложение: на 2-х листах.

Зам. прокурора Арх. области
советник юстиции *Голуб*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 5.
Копія. Машинопис.

№ 17

Протест у справі З.Альвайля 8 жовтня 1959 р.

Секретно
Экз. № 3

В Президиум Одесского областного суда
По делу по обвинению Альвайля З.А.

Протест
(в порядке надзора)

По постановлению Судебной тройки при коллегии ГПУ УССР от 14 ноября 1933 г. подвергнут к 5 годам заключения в ИТЛ, считая срок с 15 января 1933 г.:

Альвайль Зигурд Адольфович, 1890 года рождения, уроженец Галиции, с высшим образованием, профессор, б/партийный, до ареста работавший директором Одесского учебного кооперативного комбината.

По постановлению тройки Альвайль признан виновным в том, что являлся участником украинской контрреволюционной повстанческой организации, которая ставила своей основной целью — свержение советской власти путем вооруженного восстания.

Упомянутое постановление тройки подлежит отмене.

Произведенной дополнительной проверкой установлено, что Альвайль арестован и осужден необоснованно.

Альвайль в инкриминируемом ему обвинении виновным себя не признал, а показания лиц, изобличавших его в причастности к контрреволюционной организации, неконкретны и противоречивы.

Так, Онишкевич показал, что в 1930 году работа контрреволюционной организации в Одесской области была поручена Альвайлю и Годзинскому, однако, откуда ему об этом стало известно, он не указал. Причем Онишкевич добавил, что ему неизвестно, выполнили Альвайль и Годзинский порученную им работу или нет. Из материалов дела видно, что Годзинский в 1930 году умер.

---

* Помилка, має бути «XI».

Винницкий показал, что Мануляка в члены контрреволюционной организации завербовал Альвайль, а Мануляк говорит, что в контрреволюционное подполье он был вовлечен в период 1922-1924 годов Винницким, Бубелой.

Михалкин показал, что после смерти Годзинского во главе контрреволюционной организации стояли Альвайль и Чайковский.

6 сентября 1956 года, будучи допрошенным по материалам своего дела, Чайковский показал, что в период расследования его дела, в результате применения к нему незаконных методов следствия, он давал вымышленные показания о своем участии в контрреволюционной организации и оговаривал известных ему лиц.

Осмотром архивно-следственного дела на Чайковского установлено, что определением Военного трибунала Одесского военного округа от 13 ноября 1956 года решение Тройки в отношении Чайковского отменено и дело о нем прекращено за необоснованностью обвинения.

Мануляк, говоря о своей принадлежности к контрреволюционной организации, показал, что таковая возглавлялась Альвайлем и Музычко, однако из архивно-следственного дела на Музычко видно, что постановлением президиума Одесского областного суда от 12 сентября 1956 года решение Тройки в отношении Музычко отменено и дело о нем прекращено за недоказанностью состава преступления.

Прекращены также дела на Чудновцева, Бачинского, Попова, которые фигурируют в материалах дела как участники названной выше организации.

Допрошенный в качестве свидетеля Петруня, работающий в настоящее время зав. кафедрой Одесского госуниверситета и проходящий по материалам дела как участник контрреволюционной организации, показал, что он давал признательные показания о принадлежности к этой организации и изобличил в этом других лиц, но это явилось результатом применения к нему незаконных методов следствия, и что о существовании контрреволюционной организации ему ничего неизвестно.

Сияк, Онишкевич, Мислевчук, Юваськов, выписки из показаний которых приобщены к делу Альвайля, арестованными и осужденными не значатся.

Осмотром архивного дела № 25498 на Альвайля установлено, что там имеются рекомендации, написанные в 1930 году рядом членов партии — Колесниченко, Васильевым, Филипповым, Яловым, Константиновым, Токаревым, в которых Альвайль характеризуется исключительно с положительной стороны.

Установить и допросить этих лиц из-за отсутствия установочных данных не удалось.

Других каких-либо компрометирующих материалов в процессе проверки на Альвайля не добыто.

На основании изложенного, руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1956 года «О подсудности дел о государственных преступлениях»,

прошу:

Постановление Судебной тройки при коллегии ГПУ УССР от 14 ноября 1933 года в отношении Альвайля Зигурда Адольфовича отменить и дело о нем за отсутствием состава преступления прекратить.

Приложение: Архивно-следственное дело № 020772.

Прокурор Одесской области
государственный советник юстиции III класса *Е.Лущаенко*

Справка: дело проверено по заявлению гр-ки Карповой Е.П. (тещи осужденного), прожив. в г. Одессе, ул. Подбельского, дом № 38-б, кв. 12, и в связи с письмом зам. прокурора Архангельской области за № 51942 от 10 ноября 1958 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 6–8. Копія. Машинопис.

№ 18

Протест у справі З.Альвайля 24 грудня 1959 р.

Секретно

В Президиум Архангельского областного суда
Протест
(в порядке надзора)
по делу Альвайля З.А.

Постановлением Особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 г. за антисоветскую деятельность осужден к ВМН — расстрелу, —

Альваль, он же Альвайль Зигурд Адольфович, 1890 года рождения, уроженец Галиции, беспартийный, образование высшее, профессор, до ареста по первому делу работал директором Одесского учебного кооперативного комбината, в 1933 г. тройкой при Коллегии ГПУ УССР осужден к 5 годам заключения в ИТЛ, наказание отбывал в Соловецкой тюрьме.

Осужденный обвинялся в том, что он, отбывая срок наказания, оставаясь на прежних контрреволюционных позициях, продолжал контрреволюционную шпионскую, террористическую деятельность, совместно с другими создал контрреволюционную организацию «Всеукраинский центральный блок».

Данных об исполнении Постановления Особой тройки в отношении Альвайля не имеем, т.к. принятыми мерами розыска архивно-следственного дела по Соловецкой тюрьме на Альвайля и других (всего 134 человека) обнаружить не удалось.

Изучив материалы проверки, считаю, что Постановление Особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 г. в отношении Альваля, он же Альвайль З.А., подлежит отмене, а дело производством прекращению по следующим основаниям.

Как видно из выписки протокола № 83 заседания Особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 г., оперативной частью Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР создано уголовное дело на 134 человека (в том числе и обвиняемого Альваля), отбывающих наказание за контрреволюционную националистическую деятельность, которые якобы остались на прежних контрреволюционных позициях, не прекращали преступной деятельности и в тюрьме.

Однако вышеуказанное обвинение Альваля (Альвайля) не нашло своего подтверждения в ходе проверки, произведенной в 1959 г. прокуратурой Одесской области. В связи с чем, по протесту прокурора постановлением Президиума Одесского облсуда от 5/X–1959 г. Альвайль реабилитирован, дело в отношении его за 1933 г. производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Следовательно, Альваль, он же Альвайль З.А., наказание отбывал в Соловецкой тюрьме необоснованно, так как участником националистической контрреволюционной организации он не был и контрреволюционного преступления не совершал. По той же причине незаконно обвинялся Альваль (Альвайль) и по делу в 1937 г. за период его пребывания в Соловецкой тюрьме (л.д. 18, 19–21).

Кроме того, из приобщенных к материалу проверки данных видно, что на лиц, содержащихся в Соловецкой тюрьме и осужденных в 1937–1938 годах, уголовных дел не возбуждалось, никакого следствия не проводилось, а осуждались многие по имеющимся в личном деле оперативно-агентурным сведениям. За грубое нарушение социалистической законности бывший начальник Соловецкой тюрьмы Апетер и его помощник Раевский уволены из органов УКГБ и привлечены к уголовной ответственности (л.д. 24–25).

Таким образом, из материалов проверки видно, что Альваль (Альвайль) в 1937 г. за антисоветскую деятельность осужден необоснованно.

Учитывая изложенное и руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года,

прошу:

Постановление Особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 г. в отношении Альваля (Альвайля) Зигурда Адольфовича отменить и дело производством прекратить на основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР.

Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса *Поспелов*

24 декабря 1959 года

Справка: Дело проверялось по жалобе тещи осужденного гр. Карповой Е.П., г. Одесса, ул. Подбельского, дом 38-б, кв. 12.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 10–11.
Копія. Машинопис.

СПРАВА В.БАБ'ЯКА
(№ П-14791)

№ 19

Меморандум у справі В.Баб'яка
Вересень-жовтень 1933 р.

Сов. секретно

Оперативный сектор ГПУ УССР

Меморандум

По след. делу № 737

1. Фамилия, имя и отчество обвиняемого *Бабьяк Василий Васильевич, 1895 г. рождения, уроженец Галиции.*
2. Социальное положение обвиняемого *Служащий.*
3. Социальное и политическое прошлое обвиняемого *Сын кулака, б. хорунжий галицийской армии.*
4. Характеристика обвиняемого, описание совершенного им преступления и степень его опасности *Член «УВО» (Украинской военной организации). В 1927 году был переброшен из-за кордона в УССР для подпольной к-р деятельности. Виновным себя признал.*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 20.
Копія. Машинопис та рукопис на бланку.

№ 20

Довідка про В.Баб'яка
Жовтень 1937 р.

Бабьяк Василий Васильевич, 1895 года рождения, гражданин СССР, уроженец села Дарсаново (Галиция), служащий, образование высшее, сын кулака, офицер галицийской армии.

До ареста член Украинской военной организации. В 1927 году был переброшен из-за кордона в УССР для подпольной контрреволюционной деятельности.

Постановлением Судебной тройки при КОГПУ УССР от 23 сентября 1933 г. по статьям 54–11 и 4 УК заключен в лагерь на 5 лет.

Отбывая наказание в Соловках, открыто заявляет о своей враждебности к Соввласти и готовности бороться за самостоятельную Украину. Среди заключенных говорил, что он бывший левый эсер и останется им до конца жизни, так как все лозунги советской власти о победах социализма — «голые фразы и обман народа». Аграрный вопрос правильно разрешают только эсеры. Говорил, что на следствии прямо заявил следователю: «Если возникнет борьба, то буду с оружием по ту сторону баррикад». Остается шовинистом по отношению к русским. В Праге был близок с украинскими правыми эмигрантскими организациями, в Харькове — с украинскими реэмигрантами, бывшими петлюровцами.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 21.
Копія. Машинопис.

№ 21

Акт про виконання вироку стосовно В.Баб'яка 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Бабьяка Василия Васильевича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Начальник АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 22.
Копія. Машинопис.

№ 22

Висновок про реабілітацію В.Баб'яка 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 года

Заключение

в отношении *Бабьяк В.В.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15263)*
Фамилия, имя, отчество *Бабьяк Василий Васильевич*
Дата и год рождения *1895 г.*
Место рождения *ур. Галиции*

Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *служащий, Донбасский вод. трест, геолог*
Место жительства до ареста *г. Харьков*
Данные о родственниках *холост*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Арестован 20 января 1933 года. Отбывал наказание в местах лишения свободы (СЛОН) по ст. 54–11, 4 УК УССР. 9 октября 1937 года на заседании Особой тройки УНКВД ЛО приговорен к расстрелу (протокол № 83). 3 ноября 1937 года приговор приведен в исполнение.*
Бабьяк В.В. подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *В.И.Сабинин*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 23.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА М.БАРАНА

(№ П-11618)

№ 23

Лист начальника 3-го відділення Південного району ДМИТТАБУ НКВС до заступника начальника ДМИТТАБУ і начальника III відділу НКВС СРСР 27 жовтня 1935 р.

Совершенно секретно

Зам. Нач. Дмитлага и Нач. III отдела НКВД
тов. Пузицкому

По существу Вашего запроса по телефону сообщаю следующие имеющиеся по агентурной проработке данные на закл. Барана Михаила Лукича:

Установочные данные: Баран Михаил Лукич, 1884 г. рождения, место рождения — Скала на Збруче, Западная Украина, Польша. Образование общее — окончил гимназию, специальное — за границей окончил два факультета: математический и филологический Львовского университета и Торгакадемию во Львове. Специальность: общая — диамат, знание языков и узкая специальность — политэкономия и математика. Стаж по специальности — 20 лет. Знает языки — русский, польский, немецкий, пишет и читает на французском, итальянском, чешском. Бывший член ВКП(б) с 1918 г. по 30/VIII–33 г. В старой армии служил в 1905–1906 гг. вольноопределяющимся, в РККА — с 1918 по 1922 гг. в качестве нач. подива и комиссара 2-й Киевской школы. С 1922 г. по 1932 г. работал зав. Губ. ОНО и зав. Укрнауки НКП УССР. С 1932 по 1933 гг. — директор и профессор Института литературоведения в Киеве и с 1930 по 1933 гг. там же зав. кафедрой ленинизма. Арестован 30/VIII–33 г. Осужден 14/II–34 г. тр. ГПУ УССР по ст. 58–11 сроком на 5 лет, конец срока 2/VII–38 г.

По меморандуму: Баран М.Л. — сын жандарма австрийской армии, служил офицером в австрийской армии. Член УСД партии с 1908 г. Активный член Украинской военной организации. Был связан с Винниченко и с закордонными представителями «УВО». В Киеве входил в руководство организации, был связан с центром в Харькове и с представителями Польской военной организации, участвовал в совещаниях, где прорабатывались вопросы террора. Отношение к вербовке по меморандуму — отрицательное.

В части ограничений: «Необходимо применить соответствующее ограничение, т.к. возможно будет пытаться бежать из лагеря».

По агентурным данным — состоит на учете как участник УВО. Ведет себя очень замкнуто, малообщителен и очень предупредителен с окружающими, среди которых показывает себя лояльным. Подбираем спец. агента для внутреннего освещения. Общее освещение обеспечивается несколькими источниками.

Нами получены данные, что Баран, находясь в общежитии в окружении заключенных за а/с и к-р деятельность, среди последних антисоветски высказывается, поддерживает связи с резко а/с настроенными заключенными Милентьевым, Костенко и Мартыновичем, участвует в травле заключенных, лояльно настроенных. Негласно допрошенный по этим сведениям закл. Харченко Николай Семенович, осужденный н/судом по ст. 116 на срок 3 г., бывший комсомолец, изложенные сведения подтвердил. В данное время сведения перепроверяем через агентуру.

В лагерях Баран помещается на Комендантском участке, работает в системе ФПО, выполняя отдельные поручения и ежедневные инф. сводки по производству.

Нач. III отд-ния Южного района
Дмитлага НКВД *Мироманов*

27 октября 1935 г.
№ 7858

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 35–36.
Копія. Машинопис.

№ 24

З повідомлення про М.Барана
Жовтень 1935 р.

Из разговоров с Бараном установил, что он имеет высшее образование, полученное за границей, окончил два факультета — математический и историко-филологический. Знает 13 языков. Будучи студентом в Цюрихе, прослушал две лекции тов. Ленина. В партии с-д с 1918 г. в Австрии. В Россию попал в 1914 г., будучи на фронте, где был лейтенантом запаса австрийской армии, командовал ротой глубокой разведки и попал в плен.

Стаж в Компартии с 1918 г., все время работал на Украине, занимал руководящие посты как в Облисполкоме, так и в Парткоме ВКП (б), до 1918 г. после плена состоял членом Украинской с-д партии. В 1927 г. по поручению тов. Скрипника был командирован на Кубань для изучения национального вопроса. В Киеве, кроме советской и партийной работы, был лектором в Институте Коммунизма. По этой работе его знает секретарь парткома строительства тов. Никитин и зав. отд. кадров Дмитлага т. Филин, с которыми он встречался здесь в один из их приездов.

Осужден он по делу т. Скрипника, причем поводом к этому послужило следующее:

В 1933 г. он находился на уборочной кампании, откуда его отозвал тов. Мануильский, работавший в то время на Украине — Наркомземом и по партлинии. Вызвали его для исполнения обязанностей председателя комиссии по чистке партии. От этого предложения отказался, как бывш. член УСД, это была для него первая неприятность. После само-

убийства т. Скрипника он выступил с заявлением по поводу этого трагического случая и в тот же день вечером был арестован. Хотя в качестве обвинения ему и не предъявлялось его заявление, но он получил 58-11. Как он выразился, «и теперь мне не к кому обращаться», а на мой вопрос как его понимать, он объяснил, что он считает, что он может по своему делу обратиться только в ЦК партии, но ведь там и так хорошо знают его дело.

В лагерях работает в ФПО, выполняя отдельные контрольные поручения, и составляет ежедневные информационные сводки о недостатках на производстве. С работой справляется и ее усвоил, т.к. не владеет свободно русским языком, ему эта работа была тяжела поначалу. Преподает на курсах отдела кадров и руководит хоровым кружком комендантского л/пункта.

В жизни скромный, живет замкнуто, мало разговаривает. Ежедневно читает газеты, интересуясь, главным образом, политическими и партийными вопросами. Говорил, что если бы он был и до сего времени на воле, то теперь в момент проверки партийных документов он был бы за себя спокоен, т.к. в этом отношении у него все было в порядке. По политическим убеждениям остался большевиком, а если и случился этот трагический случай — его нахождение в лагере, так это, знать, так нужно. Политико-воспитательной работы в части разъяснений, бесед и т.п. не проводит, ни в чем в этом вопросе не выделяясь.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 41.
Копія. Машинопис.

№ 25

З оперативного повідомлення про М.Барана 5 березня 1936 р.

Сов. секретно

Группа СПО 3-й части 8-го Соловецкого отделения ББК НКВД

5 марта 1936 г.

Украинские националисты по-прежнему продолжают клеветать на нынешнее руководство ЦК КП (б)У и Украинское Правительство.

Так, например, з/к Баран говорит:

«Расправа Постышева с революционными элементами, ошельмованными как агентура немецкого и польского империализма предопределена его поведением на Украине в 1929 г. Характерной особенностью борьбы с созданным в кулуарах НКВД троцкистско-националистическим блоком — чудовищной амальгамой, в которой соединены враждовавшие между собой так называемый украинский национализм и троцкизм, является сохранение при покровительстве Постышева подлинных меньшевистско-троцкистских кадров. В Киеве сохранилась группа меньшевиков-бундовцев и троцкистов, объединяющихся вокруг возвратившегося из-за кордона [нрзб.]. Группа эта оказалась при кафедре марксизма-ленинизма при Украинской Академии Наук. Не менее показательным для доказательства моего утверждения является безмятежное существование таких людей, как Посвольский (б. меньшевик), Биттельмахер (б. бундовец), Либерберг (б. меньшевик), директор Института еврейской культуры Левик (б. бундовец), Файбышенко (активный троцкист) — людей, которые, очевидно сейчас, испугавшись репрессий, молчат, но втихомолку продолжают свое дело. Я, например, знаю, что Левик, Файбышенко и Либерберг систематически помогают семьям репрессированных товарищей».

5–6.I.1936 г. в беседе с Репой и Пероцким

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 42.
Копія. Машинопис.

№ 26

Протокол допиту М.Барана 15 квітня 1937 р.

3-й отдел ББК НКВД

Протокол допроса

1937 года, апреля 15 дня. Я, Уполном. 3-й части 8-го Сол. Отд. ББК Кузьмичев, с соблюдением ст.ст. 162, 164, 168 УПК и 95 УК РСФСР допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного, который показал:

1. Фамилия *Баран*
2. Имя и отчество *Михаил Лукич*
3. Происхождение и гражданство *Служащий. Урож. Польши, гр. СССР*
4. Возраст *1884 год рождения*
5. Семейное положение *женат*
6. Род занятий до ареста *Директор научно-исслед. ин-та, г. Киев*
7. Бывшая партийная принадлежность *б. чл. ВКП(б) с 1918 г.*
8. Прежние судимости до прибытия в лагерь *нет*
9. За что отбывает наказание в лагере и где *осужд. по ст. 54 п. 11 УК УССР ср. на 5 лет*
10. Дисциплинарные взыскания за время пребывания в лагере *нет*

По существу дела показал:

Вопрос: Где и при каких обстоятельствах Вы впервые познакомились с Полотнюк Я.В.?

Ответ: С Полотнюком я встретился в 1928 году в г. Киеве, где он работал на партработе. В 1929 году Полотнюк был назначен моим заместителем, в окружном агитпропе, где я был заведующим, и, кроме того, он был руководителем пропагандистской работы.

Вопрос: Когда, где и сколько времени Вы вместе с Полотнюком прожили в одной комнате или квартире?

Ответ: Вместе с Полотнюком я в одной комнате или квартире никогда не проживал.

Вопрос: В каких организациях, где, в качестве кого и сколько времени работал вместе с Вами Полотнюк?

Ответ: Полотнюк совместно со мной работал только в Киевском окружном агитпропе в 1929 году, примерно с полгода.

Вопрос: В каких взаимоотношениях Вы находились с Полотнюком во время Вашей совместной службы?

Ответ: Личной дружбы между нами не было, но деловые отношения между нами были хорошие.

Вопрос: Где и при каких обстоятельствах Вы и Полотнюк познакомились со Скарбеком и какие между Вами были взаимоотношения?

Ответ: Скарбека я знал с 1920 года по партработе в г. Харькове. Дружеских отношений у нас не было, но вообще отношения между нами были хорошие. Какие взаимоотношения были между Скарбеком и Полотнюком и когда и при каких обстоятельствах они познакомились, — для меня неизвестно.

Вопрос: Что и при каких обстоятельствах Вам известно о переходе границы СССР Полотнюка вместе со Скарбеком?

Ответ: По этому вопросу мне ничего неизвестно.

Вопрос: Что Вам известно о принадлежности Полотнюка к националистическим или террористическим и шпионским организациям?

Ответ: О принадлежности Полотнюка к к-р националистическим, террористическим и шпионским организациям мне ничего неизвестно. Но при совместной работе с Полотнюком мне несколько раз приходилось отмечать его националистические уклоны, что было видно из его выступлений как пропагандиста.

Вопрос: Какое участие принимал Полотнюк в к-р националистической деятельности совместно с Вами?

Ответ: В националистической деятельности вместе со мной Полотнюк никакого участия не принимал.

Записано с моих слов верно и мною прочитано, в чем и расписываюсь.

Баран

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 46-49.
Копія. Рукопис на бланку.

№ 27

Довідка про М.Барана
Жовтень 1937 р.

Баран Михаил Лукич, 1884 г.р., украинец, гр-н СССР, ур. г. Скала на Збруче, Зап. Украина (Польша), служащий, образование высшее, из семьи буржуа, сын жандарма австрийской армии, б. член КП(б)У с 1918 г., посл. заним. должность — зав. кафедрой ленинизма в Институте профобразования в г. Киеве, б. офицер австрийской армии, член УСД партии с 1908 года.

Активный член Украинской военной организации. Был связан с Винниченко и с закордонными представителями «УВО». В Киеве входил в руководство организации. Был связан с центром в Харькове и с представителями Польской военной организации. Участвовал в совещаниях, где прорабатывались вопросы террора.

Пост. Суд тр. при КОГПУ от 14.II.34 года заключен в лагерь на 5 лет.

Находясь в Соловках, остался врагом. Примкнул к группе украинцев, осужденных по делу «УВО», мечтающей о разгроме СССР Германией и поставившей задачу осведомлять и сохранять кадры для «будущего государственного строительства Украины». Восхваляет силу фашизма. Занимается травлей заключенных, лояльно настроенных к Соввласти.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 50.
Копія. Машинопис.

№ 28

Акт про виконання вироку стосовно М.Барана
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Барана Михаила Лукича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 51.
Копія. Машинопис.

№ 29

Заява З.Герасимової Генеральному прокурору СРСР 22 березня 1956 р.

Генеральному прокурору СССР по спец. делам
от гр. Герасимовой Зои Михайловны,
проживающей в г. Серпухове Москов. области
по Старослободской ул. 46

Заявление

В 1933 году, когда мне было 4 года, моего отца гр. Барана Михаила Лукича арестовали в г. Киеве за какого-то рода политическое преступление и приговорили к 5-ти годам заключения. Заключение он отбывал, находясь в лагерях под Москвой. За хорошую работу срок ему был сокращен. В 1937 году, накануне его освобождения, неожиданно отец высылается на север, и с этого момента прерывается всякая связь с нами.

В апреле 1955 года я обратилась в МВД с просьбой о розыске отца. Около месяца назад мне ответили из МВД Карело-Финской ССР, что он умер в заключении в 1942 году от разрыва сердца, будучи арестованным в 1937 году и сосланным на 10 лет. Как мне пояснили в МВД, видимо, он получил в 1937 году дополнительный срок заключения, и рекомендовали подать о пересмотре дела.

Ныне я обращаюсь к Вам с просьбой о пересмотре дела отца и посмертной реабилитации.

Все биографические сведения, о которых я сообщаю ниже, мне известны со слов моей матери, Герасимовой Конкордии Николаевны, проживающей в г. Москве, ул. Полковая, д. 46, кв. 3.

Мой отец, Баран Михаил Лукич, родился в 1884 году в Галиции (Западная Украина, бывшая Австрийская провинция). Поступив в высшее учебное заведение, он вскоре примкнул к революционному движению, за что был исключен из университета, и доучивался в Швейцарии, продолжая оставаться членом австрийской революционной партии. С началом первой мировой войны он был взят в австрийскую армию и послан на восточный фронт. По заданию партии в армии он вел агитацию против войны и вскоре вместе со своим подразделением сдался в плен русским войскам. В первые же дни после свержения самодержавия он примкнул к революционному движению в России и вскоре вступил в ряды коммунистической партии большевиков. С этого времени он принимает активное участие в строительстве нашего государства на Украине, работая на различных постах по заданию партии. Последние несколько лет перед арестом он работал в ЦК Украинской Компартии, сначала агитатором, а затем одним из секретарей ЦК.

Вот все немногое, что мне известно из биографических сведений об отце.

22 марта 1956 г. *Герасимова*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 52–53. Копія. Рукопис.

№ 30

Ухвала у справі М.Барана 10 липня 1956 р.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР

в составе: председательствующего Пентукова, членов Легача и Егорова рассмотрела в заседании от 10 июля 1956 года дело по надзорному протесту зам. прокурора СССР на постановление тройки УНКВД Ленинградской обл. от 9 октября 1937 года по обвинению

Барана Михаила Лукича, 1884 г. рождения, урож. Польши, члена ВКП(б) с 1918 по 1933 гг., с высшим образованием, ранее работал директором научно-исследовательского института в г. Киеве, судим 14.II.1934 г. тройкой при коллегии ГПУ УССР на 5 лет, в момент привлечения к ответственности по данному делу отбывал наказание. Подвергнут расстрелу. Постановление тройки приведено в исполнение.

Прокурор в протесте просит постановление тройки отменить и дело в отношении Барана М.Л. производством прекратить.

Заслушав доклад Пентукова, заключение прокурора Курикова, поддержавшего протест, судебная коллегия находит постановление тройки неправильным и подлежащим отмене по следующим основаниям:

в постановлении тройки не указано, за что осужден Баран М.Л. Расследование по делу не проводилось, обвиняемый Баран по существу дела не допрашивался, мера пресечения ему не избиралась, обвинение не предъявлялось, обвинительное заключение с выводами следствия о виновности Барана не составлено;

в деле имеется протокол допроса Барана от 15.IV.1937 г. в качестве свидетеля по делу Полотнюк и копия протокола допроса свидетеля Харченко от 5.X.1935 г.; из содержания этих протоколов нельзя сделать вывод о контрреволюционной деятельности Барана М.Л.

Руководствуясь ст. 418 УПК судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда КФССР

определила:

Протест прокурора удовлетворить. Постановление тройки УНКВД по Ленинградской обл. от 9.X.1937 г. в отношении Барана Михаила Лукича отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления.

П.п. Председатель *Пентуков*
Члены: *Легач, Егоров*

С подлинным верно:
Председатель: *Підпис нерозбірливий*
Секретарь: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 55. Копія. Машинопис.

СПРАВА А.БАРБАРА
(№ 67098-ФП)

№ 31

Прохання А.Барбара про помилування 27 вересня 1931 р.

До Всеукраїнського Центрального Виконавчого Комітету

Засудженого в справі «СВУ»
Барбар Аркадія Олексійовича,
52-х років, ув'язненого
в Ярославському політ. ізоляторі ОДПУ

Прохання про помилування.

Вироком Найвищого Суду УСРР в справі «СВУ» від 19 квітня 1930 р. мене засуджено було на підставі арт. 54–11, 54–2 КК на позбавлення волі з суворою ізоляцією терміном на 8 років і з поразкою в правах терміном на 3 роки за п.п. а, б, в арт. 29 КК з зарахуванням

попереднього ув'язнення. Арештований в цій справі я був з 18 серпня 1929 р.; отже, зараз іде вже 3-й рік ув'язнення в суворій ізоляції.

Під час передсудового слідства й на самому Суді я всебічно й одверто викрив усю минулу контрреволюційну діяльність свою, а також і Президії Мед. секції ВУАН, щодо її нелегальних організацій я належав (так зв. «Пленум», «П'ятерка СВУ»). Зрозумівши величезне політичне та громадське значення повністю цього викриття для остаточної ліквідації УНРовської контрреволюції, я сам відверто висвітлив і нашу колишню антирадянську ідеологію та настрої, й оскільки міг, докладно з'ясував контрревол. суть їх, а також мету і завдання «СВУ», що випливали з цієї суті. Я щиро визнав і цілком усвідомив усю шкідливість своєї колишньої контрреволюційн. діяльності та ідеології; сам суворо засудив і щиро покаявся в них, причому, двічі на Суді привселюдно сам рішуче зрікся їх і висловив урочисту там обітницю — вже ніколи не повертатися до них.

Після Суду минуло вже майже 1½ роки. На протязі цього часу я уважно стежив через газети за успішним, широким розвитком соціалістичного будівництва в країні нашій й це ще більше переконало мене в слушності тих тверджень, що їх я висловив на Суді, й ще дужче стимульовало моє бажання взяти активну участь в цьому колективному будівництві. Отже, тепер я ще гостріше засуджую провину мою і відчуваю тут велику тугу за працею.

Цю тугу за роботою загострює також і стан здоров'я мого. В поточному році я захворів уперше на активний відкритий туберкульоз легенів, встановлений в амбулаторії й лікарні Харк. Бупра I на підставі рентгеноскопій та низки аналізів харкотиння мого з наявністю туберкульозних паличок. Поруч з цим я переніс також двічі гостре запалення нирок, що перейшло в останній час вже в хронічну форму. Після недавнього півторамісячного лікування в лікарні Харківськ. Бупра I (з 3.07 до 18.08 ц.р.) я почуваю себе зараз працездатним і в сприятливих (для свого життя й лікування) умовах я міг би ще досить послужити трудящим корисною їм фаховою своєю працею; але не підлягає сумніву, що дальше ув'язнення, особливо за суворої ізоляції й в несприятливих кліматичних умовах північного краю для обох хвороб моїх, неминуче погіршить стан цих хвороб і тим позбавить мене й самої сподіванки на можливість праці в майбутньому; тим більше, що крім цих цьогорічних хвороб я давно вже нездужаю на хронічний міокардит, склероз з поширенням аорти, розвинений артеросклероз та коронарит, про що я згадував у своєму 1-му проханні про помилування на ім'я ВУЦВК від 28 квітня 1930 р. на підставі доданого там медичного свідоцтва професора М.Д.Стражеска.

Опріч того, довготривала ізоляція моя від лікарні, лабораторії та нової спец. літератури не може відбитися зле на тих фахових знаннях та чималому моєму лікарському досвіді, що я здобув їх під час науково-навчальної клінічної роботи на посадах: молод. асистента (з 25.08.1921 р.), а потім старшого асистента (з 29.03.1924 р.) на кафедрі терапевтичної клініки 5-го курсу Київського державного медичного інституту під керуванням видатних клініцистів: професорів — небіжчика В.В.Виноградова й, особливо, М.Д.Стражеска. За час свого ув'язнення в Харкові я ще мав спроможність одержувати там потрібну мені медичну літературу, але тепер і ця можливість вельми обмежена тут.

Вважаючи на все це, що викладено мною вище, я дозволяю собі ласкаво просити Всеукраїнський Центральний Виконавчий Комітет помилувати мене й не відмовити дарувати мені можливість, нарешті, вже не на словах, а чесною фаховою працею підтвердити трудящим прилюдне своє каяття й виправдати на ділі мою урочисту обітницю їм на суді.

Року 1931, вересня 27 дня *Барбар*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — КНС. — Арк. 2.
Оригінал. Рукопис.

№ 32

Заява А.Барбара
6 квітня 1935 р.

Начальнику III отдела ББК НКВД

З/к в Спец. ИЗО Савватьево
8-го Соловецкого отд. ББК НКВД
Барбар Аркадия Алексеевича, 56 лет

Заявление.

Приговором Верховного суда УССР от 19/IV–30 г. по делу СВУ я осужден по ст. 54 п.11 примен. к п. 2 на 8 лет заключения, срок которого оканчивается 18/VIII–37 года. В заключении я пробыл уже 5 лет 7½ мес. До перевода моего в Соловки (сент. 33 г.) я в течении всего предшествовавшего заключения моего пользовался непрерывной перепиской с семьей. Даже во время следствия я изредка переписывался с женой, а в Ярославском политизоляторе переписка моя цензуровалась на месте без предварительного отправления писем в Москву (ОГПУ), как это и имело там место со многими з/к.

С прибытием на Соловки я в течении 8 мес. писем от жены не имел, но 2/VI–34 г. получил от нее телеграмму, адресованную на ст. Мед.-Гору, и вскоре заказное письмо и деньги по этому же адресу. Затем в течении июля, августа и сентября 34 г. я получил от нее ряд писем, адресованных уже прямо на Соловки через Кемь, а также несколько денежных переводов, посылок и книги. Налаженная таким образом связь с семьей внезапно оборвалась в октябре без объяснения причин. Письмо жены от 7/X–34 г. было последним и с этого времени я уж никаких сведений от нее не имею, хотя твердо знаю, что она аккуратно продолжала мне писать через каждые 10 дней.

Мне известно, что в Ярославском политизоляторе, где режим был весьма строг, лишение переписки даже на короткий срок считалось там наиболее тяжким для з/к наказанием за дисциплинарные нарушения. Я же лично не только не знаю за собой какого-либо преступления, но вот, уже 1½ года, как допущенный к врачебной работе здесь, я бесплатно и без зачета рабочих дней заведую околодком ИЗО. Так как на эту работу я назначен был на 2 мес. раньше других з/к ИЗО, работавших здесь по различным специальностям, лишь в порядке самообслуживания ИЗО и, ввиду того, что, помимо обслуживания з/к ИЗО, я одновременно оказывал врачебную помощь и значительному количеству в/н служащих ВОХРа и членам их семей (за полтора года регистрировано в околодке 3766 посещений этих больных), то и выдачу мне писем жены в указанный период с июня по октябрь я расценивал как некоторую компенсацию мне за безвозмездную службу — работу мою по должности зав. околодком ИЗО. С этой точки зрения является для меня еще более непонятным внезапное прекращение в октябре переписки с семьей.

Не подлежит сомнению, что это полугодовое отсутствие писем помимо меня, мучает точно также, и мою семью гнетущими предположениями о различных неблагополучиях со мной. Наконец, это отсутствие связи с семьей лишает меня и обычной помощи ее, как книгами, нужными для моей работы здесь, так и деньгами и пищевыми продуктами, необходимыми мне, как больному туберкулезом легких, которым я заболел во время текущего заключения.

Поэтому я вынужден просить Вашего распоряжения возобновить прерванную переписку мою с женой и выдать мне хоть последние ее письма, чтобы я мог узнать, что с моей семьей и где она в данное время находится; в случае же некомпетенции Вашей, прошу вас не отказать в благоприятном Вашем отзыве при направлении этого ходатайства моего в Высшую инстанцию, или указать мне, что мне делать и куда обратиться за помощью в этом мучительно-тяжелом для меня вопросе о связи с семьей.

6/IV–35 г. *Барбар*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — КНС. — Арк. 14. Оригінал. Рукопис.

№ 33

Супровідний лист до заяви А.Барбара 24 квітня 1935 р.

Служебная записка № 672465
Нач. III отделения СПО ГУГБ НКВД т. Кагану

Направляю заявление заключенного ББЛага, содержащегося на о. Соловки — Барбар Аркадия Алексеевича, осужденного по делу «СВУ» — о разрешении ему переписки с семьей.

Приложение: по тексту.

Зам. нач. III-го отделения ГУЛАГа *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — КНС. — Арк. 13.
Оригінал. Рукопис.

№ 34

Повідомлення СПВ ГУДБ про дозвіл А.Барбару листування зі своєю сім'єю 26 травня 1935 р.

ГУЛАГ НКВД СССР (3 отд.)
На № 672265

Содержащемуся на острове Соловки заключенному Барбар Аркадию Алексеевичу разрешается иметь переписку с своей семьей.

Нач. Секр.-полит. отд. ГУГБ *Молчанов*

Нач. 3 отд. СПО ГУГБ *Каган*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — КНС. — Арк. 12.
Копія. Машинопис.

№ 35

Характеристика на А.Барбара Жовтень 1937 р.

Барбар Аркадий Алексеевич, 1879 г.р., ур. села Поповщина Роменского уезда, б. Полтавской губернии, украинец, гр-н СССР, служащий, старший ассистент Киевского медицинского института, сын помещика, член УС-Д, вице-директор департамента здравоохранения во время Гетмана, директор департамента того же министерства при Директории, беспартийный.

Барбар совместно с Удовенко, Подгаецким и др. являлся активным членом СВУ. Захвативши в свои руки президиум ВУАН, претворил его в центр СВУ. Проводил по директивам СВУ к-р деятельность, согласно с программой и основными заданиями СВУ. Подбирал и выковывал молодые кадры врачей на село для к-р пропаганды и подготовки вооруженного восстания против Советской власти, вместе с тем широко распространял антисемитизм в своей работе. Разработавши план своей к-р деятельности, давал указания врачам во время лечения больных коммунистов не оказывать им помощи, как метод медицинского террора.

Верховным судом УССР от 19.III–19.IV.1930 года по ст. 54/2–11 УК УССР осужден на 8 лет тюремного заключения с поражением в политических правах.

Нач. Соловецкой тюрьмы ГУГБ
ст. майор гос. безопасности *Апетер*

Пом. нач. Тюрьмы
капитан ГБ *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — КНС. — Арк. 19.
Оригінал. Машинопис.

№ 36

Акт про виконання вироку стосовно А.Барбара 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Барбара Аркадия Алексеевича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
Капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — КНС. — Арк. 29.
Оригінал. Машинопис.

СПРАВА Ф.БАРДАШЕВСЬКОГО (№ П-14013)

№ 37

Характеристика на Ф.Бардашевського 27 вересня 1936 р.

Характеристика
на з/к ББЛАГ НКВД Бардашевского Федора Васильевича,
учетника СПО по окраске «УВО»

1891 г. рождения, б/офицер австрийской, галицийской и петлюровской армий, осужден тр. ПП ОГПУ УССР 14/XI–33 г. по ст. 54–11 на срок 5 лет, к.с. 23/II–38 г.

По данным меморандума территориальных органов, Бардашевский был активным деятелем одесской группы УВО, был связан с немецкими и польскими к-р группами.

В лагере занимается к-р агитацией, направленной к дискредитации т. Постышева, распространял провокационный слух о том, что население терроризуется для того, чтобы потом можно было посадить в лагеря.

Пом. нач. III отдела
ББК НКВД Богданов

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 76.
Копія. Машинопис.

№ 38

Характеристика на Ф.Бардашевського
Квітень 1937 р.

Совершенно секретно

Характеристика
на заключенного 8-го Соловецкого отделения ББК НКВД

Бардашевский Федор Васильевич, 1896 г. рождения, урож. Галиции, из крестьян, служащий, б. офицер, украинец — гр-н СССР, б/парт., педагог.

Осужден КОГПУ 14/XI–1933 г. по ст. 54–11 срок 5 лет, кон. срока 23/II–1938 г.

В лагере используется на общих работах — к труду относится удовлетворительно, принимает участие в общественной работе, поведение в быту удовлетворительное.

По м/м терорганов, Бардашевский — преподаватель, б. офицер галицийской и петлюровской армий, член одесской группы УВО, проводил вербовочную работу, был связан с немецкими и польскими кругами.

Убежденный националист, настроен а/советски.

Начальник 8 отд. ББК НКВД Агапов

Начальник III части Монахов

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 77.
Копія. Машинопис.

№ 39

Довідка про Ф.Бардашевського
Жовтень 1937 р.

Бардашевский Федор Васильевич, 1891 г.р., украинец, гр-н СССР, ур. Галиции, служащий, образование высшее, б. офицер австрийской, галицийской и петлюровской армий.

Член одесской группы «УВО».

Проводил вербовочную работу. Был связан с немецкими и польскими к-р. организациями. В Одессу приехал с войсками в 1920 году. В «УВО» вошел в 1926 году. Собирал у себя на квартире сборища группы и обсуждал вопросы деятельности организации и т.д.

Пост. Суд. тр. ГПУ УССР от 14.XI.36 г. по ст. 54-11 УК УССР заключен в лагерь на 5 лет.

В Соловках входит в группу заключенных, осужденных по «УВО». Среди заключенных заявлял, что его заставили сознаться в несовершенном преступлении и «больше нигде, никогда и ни перед кем он сознаваться не будет». Высмеивал тов. Постышева, видя портрет его в украинской рубашке, говоря: «Вот если бы эту рубашку одел украинец, то ему сейчас же приписали бы национализм». Говорил, что население терроризуется властью, что «лучше сидеть в лагере, так как на воле творится черт знает что».

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 78.
Копія. Машинопис.

№ 40

Акт про виконання вироку стосовно Ф.Бардашевського 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Бардашевского Федора Васильевича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 79.
Копія. Машинопис.

№ 41

Висновок про реабілітацію Ф.Бардашевського 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 года

Заключение

в отношении *Бардашевского Ф.В.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15264)*
Фамилия, имя, отчество *Бардашевский Федор Васильевич*
Дата и год рождения *1891 г.*
Место рождения *ур. Галиции*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *служащий*
Место жительства до ареста *г. Одесса*
Данные о родственниках *женат. Двое детей (иных данных нет).*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Арестован 13 февраля 1933 года. Отбывал наказание в местах лишения свободы (СЛОН) по ст. 54–11 УК УССР и 9 октября 1937 года на заседании Особой тройки УНКВД ЛО приговорен к расстрелу за к-р деят-сть. 3 ноября 1937 года приговор приведен в исполнение.*
Бардашевский Ф.В. подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *В.И.Сабинин*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 80.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА Т.ВІННИЦЬКОГО (Ф.КЮНЦА)
(№ П-12989)

№ 42

Оперативне повідомлення щодо відправки листів
20 січня 1935 р.

Как ведется отправка писем? На этот счет лагерники пользуются всеми способами, очень часто стараются послать письмо лишь по норме, этот нормальный способ через цензуру требует огромного времени, и часто письма пропадают. Самый простой и надежный способ — через шоферов. При этом избегают опускать письма в Караганде, а стараются бросить в вагон или опустить в Михайловке, Май-Кудуке и проч. Делается это и у нас. Крамаренко, Морозов очень часто брали письма, разного рода записки и ценными [отправляли] в Караганде. Если надо отправить срочно, то можно обратиться к преподавателю Винницкому, и он устроит. Свои письма он так и отправляет, и уверяет, что все доходит. Верным способом считается отправка через свободных лиц, так, когда сюда приезжает быв. з/к Асамосов, работающий сейчас в Осокаровке, он везет много писем с тем, чтобы опускать их в ящиках на ж.д. станциях, а наиболее ответственным в Петропавловске. Брал письма Макаровский, работающий в Управлении спецпереселения. Многие в/н не отказывают брать письма и опускать их за пределами лагеря. Бывают и такие случаи. Пишут письма и посылают их с оказией к знакомым в Караганду, и те уже переотправляют дальше, обычно минуя ящики Караганды. Я знаю некоторых з/к, как Альвайль, Баймут, которые так и видят, с кем бы это наиболее верно отправить письма. Когда Альвайль узнал, что едет Рудаков Д.В. (в/н) в Омск, он сейчас же побежал к нему просить опустить письмо в Омске. Когда Гладковский узнал, что я собираюсь ехать в Караганду, сейчас же пришел ко мне просить взять письмо и обязательно опустить в почтовый вагон. Увозят письма и приезжающие на свидание. Одно время, помню, можно было послать письмо в Самарку, а оттуда уже письмо переотправлялось за пределы лагеря.

Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 121.
Копія. Машинопис.

№ 43

Довідка про Т.Вінницького (Ф.Кюнца)
Жовтень 1937 р.

Винницкий Т.И., 1890 г.р., ур. г. Ходорова в Галиции, украинец, гр-н СССР, служащий, зав. учебной частью рабфака при Одесском энергоинституте, беспартийный, быв. офицер австрийской и галицийской армий.

Винницкий является одним из руководителей Одесской группы «УВО». Был связан с закордонным центром во Львове и имел связи по линии шпионажа в Москве, в Австрийском посольстве.

Тройкой при Колл. ГПУ УССР от 14.XI.33 года по ст. 54–11 УК УССР осужден в ИТЛ сроком на 5 лет.

В лагере ведет к-р агитацию, направленную на дискредитацию руководства КП(б) Украины.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 122.
Копія. Машинопис.

№ 44

Акт про виконання вироку стосовно Т.Вінницького 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Винницкого Тараса Ивановича, он же Кюнц Франц Михайлович, приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 123.
Копія. Машинопис.

№ 45

Висновок про реабілітацію Т.Вінницького 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Винницкого Т.И., он же Кюнц Ф.М.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15266)*
Фамилия, имя, отчество *Винницкий Тарас Иванович (Кюнц Франц Михайлович)*
Дата и год рождения *1890 г.*
Место рождения *г. Ходоров, Галиция*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *преподаватель Одесского энергоинститута*
Место жительства до ареста *г. Одесса*
Данные о родственниках *женат (иных данных не указано)*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Арестован 22 июля 1933 года и отбывал наказание в местах лишения свободы по ст. 54–11 УК УССР. 9 октября 1937 года на заседании Особой тройки УНКВД ЛО приговорен к расстрелу, протокол № 83, за к-р деятельность. 3 ноября 1937 года приговор приведен в исполнение.*

Винницкий Т.И., он же Кюнц Ф.М., подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *В.И.Сабинин*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 124.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА А.ГАРБУЗА
(№ П-14794)

№ 46

Довідка про А.Гарбуза
Жовтень 1937 р.

Гарбуз Антон Никитович, 1890 г.р., гр-н СССР, ур. с. Гельмязево Харьковского окр., украинец, сын кулака, служащий, окончил Ком. университет. До ареста аспирант научно-исследовательского института в Харькове. Бывший член КП(б)У.

Член «УВО» с 1927 года. Вел активную к-р деятельность. Поддерживал связь непосредственно с членами руководства в Харькове. Проводил вербовку новых членов в «УВО».

Осужден тр. ПП ОГПУ УССР по Харьк. обл. 23.IX.33 г. по ст. 54–4–11 УК на 5 л. ИТЛ.

Будучи в лагере на Соловках, работал лекпомом, к работе относился плохо. За нарушение режима лагеря подвергался аресту на 5 суток. От общих работ отказывался.

Националист. Настроен а/с и к-р. Резко критиковал проект новой сов. Конституции.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 142.
Копія. Машинопис.

№ 47

Акт про виконання вироку стосовно А.Гарбуза
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Гарбуза Антона Никитовича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 143.
Копія. Машинопис.

№ 48

Висновок про реабілітацію А.Гарбуза 17 лютого 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Гарбуза А.Н.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15268)*
Фамилия, имя, отчество *Гарбуз Антон Никитович*
Дата и год рождения *1890 г.*
Место рождения *с. Гельмязево Харьковского округа*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *аспирант Харьковского научно-исследовательского института*
Место жительства до ареста *г. Харьков*
Данные о родственниках *женат (иных данных нет)*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Арестован 18 февраля 1933 года и отбывал наказание в местах лишения свободы по ст. 54–4, 11 УК УССР. 9 октября 1937 года на заседании Особой тройки УНКВД ЛО приговорен к расстрелу (протокол № 83) за к-р деятельность. 3 ноября 1937 года приговор приведен в исполнение.*
Гарбуз А.Н. подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *В.И.Сабинин*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 144.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА В.ГОЦИ
(№ П-12929)

№ 49

З оперативного повідомлення про В.Гоцу 7 серпня 1935 р.

Гоца считает, что аресты всех галичан по линии УВО произошли вследствие внутрипартийных разногласий в Польше и на Западной Украине. Члены КПЗУ и имеющие к ним отношение члены КПП занимались не политикой, а политиканством, и в результате получился тот крах, что получился. Все дело в том, что, говорит он, они, не имея на это никако-

го права, ни данных, рассчитывали на нас, на галичан, работающих в СССР. Он их ругает, этих политиканов, на чем свет стоит, тем более, что он многих из них хорошо знает. Однако он считает, что не все арестованные по УВО будут навеки обречены на политическую и моральную смерть. Слишком большой диапазон людей захвачен, слишком громкое дело и слишком дутое, чтобы по нему уничтожать такую массу. Он считает, что кто-то все-таки разберет это дело и многих вернет к жизни.

Я вставил, что все наше горе в том, что с преданными коммунизму людьми захвачен целый ряд настоящих, отпетых фашистов. Они фактически компрометируют всех остальных, может быть и невинных. Гоца говорит, что он не верит в то, что будто арестована какая-то к-р организация. До своего ареста он еще кое-как верил, но после ареста — он больше не верит. Он говорит, что теперь украинской литературы больше не осталось и на совещании беспарт. писателей с Постышевым укр. писатели указали, что им нечего писать, что они боятся писать. В завершение Тычина в «Известиях» написал статью, по существу контрреволюционную. Описывая совещание, он кончает аллегорически: «А с потолка у Павла Петровича свисают розы гроздями виноградными...».

Мол, видит глаз, а зуб не достает, мол ходит лисица под виноградом, но не достает... При этом подсчитывал он оставшихся укр. писателей и не набрал их даже 10. Евреев, работающих в укр. литературе, он не считает. Он интересовался, какого настроения были Косынка, Фальковский и остальная киевская группа, советские они или нет. Узнав от меня, что они все-таки фашиствующие были, — был недоволен и с кислой миной сказал: «Ну, тогда их и не жаль».

Откуда-то он прекрасно осведомлен об арестах на Украине. Он называет целый ряд имен, в большинстве мне неизвестных, о которых знает, когда арестованы, сколько получили и где находятся... Эта заинтересованность напоминает мне тех же Шульгу, Гиглавого и др. Но при этом он осторожнее других. Интересовался, что представляет собой Шульга, почему у него вечно озлобленная физиономия, как у сыча. И главное — украинец он или нет, т.е. «сознательный» или нет. Я конечно подтвердил, что он вполне сознательный, но ... осторожный. Ну, это так и надо, говорит он.

Шел разговор о том, что я не мог смириться с моим оскорблением, арестом, осуждением, и что я писал жалобы всем, что я писал т. Сталину несколько раз. Конечно, он посмеялся надо мной, но спросил, на каком языке я писал — на украинском?

Нет, говорю я, писал на русском. Напрасно, нужно писать на украинском, отвечает он. И так «сознательность» его пробивается на каждом шагу, причем довольно аккуратно прикрытой советской оболочкой. Он-то, мне кажется, искренне считает себя советским, но и сам не замечает, что в нем сидит еще довольно крепко закоренелый националист.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 152.
Копія. Машинопис.

№ 50

Агентурна записка СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС 1 квітня 1936 р.

Арест и отправка из Караганды подействовали ошеломляюще. Все были возмущены внезапным изъятием из работы и срочной отправкой под конвоем в довольно тяжелых условиях перевозки.

Слышалось много нареканий на администрацию Карлага, на ГУЛАГ и вообще. Больше всего неистовствовали Николаенко *, Трофименко, Макаренко, Плюндрас, Вайцар и

* Ймовірно, дійсне прізвище: «Николенко».

др. В то же время подавали советы (те же лица), что молчать надо, быть осторожным, ибо все разговоры будут в конечном счете известны органам НКВД.

Тогда стали петь. Запевалой и организатором пения был Гоца. Первым помощником его — Николаенко. Пели все народные песни, все галицийские песни, все националистические, религиозные, австрийские, польские, немецкие, чешские, венгерские... Все, кроме русских. И все, кроме революционных. Вышло это случайно или не случайно, но это факт.

Затем Гоца сообразил, что взят неправильный путь, и стал отказываться от пения под разными предлогами. Увидев, что Николаенко больше нажимает на националистические песни, Гоца передо мной стал осуждать Николаенко, называя его дураком и идиотом.

Врач Коренковский (быв. коммунист) носил на шее крестик. Его стали стыдить. Николаенко взял Коренковского под защиту, развивая при этом теории, что крест и свастика — это могущественные символы, это знаки глубокого содержания и т.д.

Гоца опять мне осуждал Николаенко за его фашистское выступление. После этого Гоца стал чуждаться Николаенко. Однако это носило поверхностный характер. Гоца с Николаенко в дальнейшем не солидаризировался, но и не порывал хороших отношений.

В дальнейшем Николаенко сделал выпад против казаха, единственного в вагоне, сказав ему, что за границей Казахстана казах фактически не имеет никаких прав и еще в этом духе. Это выступление было настолько шовинистическое, что все почти набросились на Николаенко за его слова.

Я читал в «Правде» о Каутском: Николаенко стал восторженно восхвалять Каутского, считая его авторитетом в соцнауке и по сей день. Когда я заметил, что Каутский сегодня ренегат, и Ленин дал хорошую оценку ему и его «науке», то Николаенко возражал, что у Каутского и Ленина учился, и Каутский учителем и остался.

Этим выступлением Гоца опять возмущался потихоньку передо мной.

Получив газеты, я устроил громкую читку, это было еще в Петропавловске. Я стал читать речь Ворошилова. Макаренко враждебно запротестовал, чтобы не читать, он не желает слушать. Выпад его был такой дикий, что всем стало не по себе и все просили читать. Тогда он демонстративно накрыл голову подушкой.

В вагоне читал я статью о книге Сиднея и Беатрисы Вебб о Совсоюзе. Николаенко был очень недоволен, что авторы высказывались положительно о строительстве и системе в СССР, и иронизировал, что Вебб, как старик, выжил из ума.

Гоца, Николаенко и Бардашевский рассказывали о том, что как они на свободе слушали по радио речи Гитлера, Розенберга и чуть ли не Папы Римского, кроме того, слушали церковные песни и речи из Польши. На речах Гитлера и Розенберга останавливались дольше, передавая тембр голоса, стиль, оборот речи и т.д.

Верно:

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 153–154. Копія. Машинопис.

№ 51

З агентурної записки групи СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС 21 квітня 1936 р.

После беседы т. Сталина с Говардом было среди некоторой части заключенных мнение, что будет объявлена амнистия для з/к з/к, за исключением осужденных по п. 8 ст. 58. Это мнение утвердилось еще после беседы т. Молотова с французским корреспондентом, и утешавшие себя этим мнением рассчитывали на 1 Мая. Особенно такое мнение было среди части украинцев — именно по случаю декады украинской музыки в Москве, когда еще на постановках были члены правительства и ЦК партии с т. Сталиным во главе и когда

затем артисты украинской сцены были награждены орденами. Выразителем последнего мнения был Гоца В.Ф., который, наверно, этот вопрос обсуждал со своим другом Ярославенко (учитель школы в/н состава); такого мнения были Попович С.Н., Сенюта З.А., частично — Гуцуляк С.Ю.

Но факт прибытия на Соловки недавно осужденных на Украине рассеял эти расчеты. Быстро разносится в лагере всякое новое известие; итак, говорят, что едет целая партия вновь осужденных к 10 годам «через вышку» украинцев, как то — Рыльский, и что по тюрьмам еще много ожидает этапа. Об этом говорит Козориз М.К., Николенко Н.М. И теперь даже Гоца забросил свою надежду на Первомайскую амнистию; этому способствовала еще напечатанная в «Большевике» статья т. Постышева. Гоца свою надежду перенес к Октябрьским праздникам, когда будет объявлена новая конституция. Отдельную позицию по этому вопросу занимает Яворский М.И. Он слышал о надеждах украинцев и смеется над ними. Он говорит о заигрывании (!) с украинцами ради заграницы и предсказывает усиление арестов украинцев. Он беспокоится, что на Соловках остается много «урок» и «бандитов» среди заключенных; по его мнению, они оставлены для того, чтобы в нужный момент перебить и перерезать осужденных по ст. 58, в первую очередь украинцев. Он упрекал опять Винницкого, что тот верит советской власти, смеялся над Туром, Гоцою и Гуцуляком, что они тоже еще не «поумнели», и предсказал, что скоро будет в Соловках и т. Затонский. Остается пока убеждение, что вообще «лед тронулся» и можно рассчитывать на некоторое послабление (так говорит Шатаев П.Л., работающий в качестве юрист-консульта по 2-й т/к), но надежда на 1 Мая исчезла.

В окружающей среде активных противодействий и подготовки к демонстративным актам не замечаю. Однако по взаимоотношениям отдельных лиц можно судить о наличии определенных группировок.

Николенко, Запорованный, Фурьер составляют группу отъявленных к-ров, которые тихонько, в частной беседе, со знакомыми высмеивают мероприятия Соввласти; главой этой группы является Николенко, к которому часто заходят два другие. Он интересуется приезжающими в Соловки. Узнает от них новости и передает их дальше; он первый принес в камеру известие об аресте Крушельницкой и других; по его мнению, в настоящее время происходит изоляция б. эс-эров и эс-деков.

Все они чрезвычайно осторожны; в камере, в присутствии хотя бы одного мало им знакомого, они молчат и ни в какую беседу не ввязываются. Партийное прошлое Николенко создает ему определенный авторитет, о нем с уважением отзывается даже Яворский.

Отдельную группу составляют попы и монахи. Одна группа: Корзанов, Фурсов, и еще два к ним, фамилии которых не знаю; к ним примыкают б. земский начальник Воинов и б. миллионер Коншин. Все они молятся, игнорируют всякую общественную работу и радио, с презрением смотрят на ударников. Говорят с собой пошепки, по углам и злобно улыбаются, если кто заговорит о достижениях Соввласти. Но когда Быстрый, нач. 2-й т/к, предложил Корзанову снять икону богоматери, все они заговорили от негодования, а Корзанов бросил фразу: «Им можно вешать по стенкам своих богов, а нам запрещают!» Самым большим уважением пользуется Коншин, о котором отзывается Корзанов: «Коля очень хороший и умный человек». Все они (Коншин, Фурсов, Корзанов) заходят к старику уборщику канцелярии лагпункта Кремль. Под влиянием Корзанова находится молодой Полуденный.

Высшее духовенство стоит в стороне от простых попов. Черепанов как будто ни с кем не встречается. К Рудневу заходят несколько человек, и он куда-то уходит. Частым его гостем есть Остроухов.

Польское и немецкое духовенство держится в стороне от русского, между собой держат контакт. К ним заходят в гости и они говорят между собой на своих языках, а часто некоторые слова и фразы высказывают на латинском языке. Все они необыкновенно осторожны и на политические темы беседы с посторонними не ведут. Только Каппес время от времени бросит фразу с насмешкой по отношению к Соввласти, например: «Да, жить стало веселей, а люди голодают».

Есть еще такой тип — Милиций Михаил Иванович. Это великорусский шовинист, антисемит, враг Соввласти, он открыто хвалит старые порядки и критикует советские, на

свою сторону перетягивает Горькина, Карахалима, Статника, Кузнецова (сторожа). В последние дни он почему-то ведет себя очень смирно, так что его поведение бросилось всем в глаза; говорят, что, может быть, его вызывали в III часть.

Сторож Омельченко часто приносит продукты из магазина, где он сторожит с 4-х часов после обеда до 12 часов ночи.

21/IV–36 г.

Верно: Оперуполном. СПО Новоселов

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 59881-ФП. — КНС. — Т. 2. — Арк. 80–81. Копія. Машинопис.

№ 52

Довідка про В.Гоцу
Жовтень 1937 р.

Гоца Василий Филиппович, 1885 г.р., гр-н СССР, ур. Озерно-Таронопольского р-на, Галиция, украинец, служащий, образование высшее — философ, до ареста работал директором ИНО в г. Житомир, профессором укр. литературы.

С 1925 г. по день ареста являлся членом «УВО», ставившей себе целью насильственное свержение Соввласти, объединение украинских земель в «Соборную Украину» и реставрацию капитализма. Являлся руководителем Волынского филиала «УВО». Проводил вербовку членов организации: в 1929 г. им были завербованы впоследствии активные члены «УВО» Скороход, Дическул, Марченко, Ненаткевич, Косяченко, Панфилов, Кудрицкий и др.

Осужден тр. ПП ОГПУ УССР 14.II.34 года на 5 л. ИТЛ.

Находясь в лагере на о. Соловках, держится в группе однодельцев, среди которых высказывает клеветнические слухи о повальных арестах на Украине.

До настоящего времени остается националистом, надеясь на «возрождение Украины», считает политику ВКП(б) великодержавной. Ведет к-р клеветнические разговоры об органах НКВД, говоря, что ГПУ имеет больше власти, чем ВКП(б).

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 155. Копія. Машинопис.

№ 53

Акт про виконання вироку стосовно В.Гоци
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Гоцы Василия Филипповича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ НКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 156. Копія. Машинопис.

№ 54

Висновок про реабілітацію В.Гоци 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Гоцы В.Ф.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15269)*
Фамилия, имя, отчество *Гоц Василий Филиппович*
Дата и год рождения *1885 г.*
Место рождения *Озерно-Таронопольского района, Галиция*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *директор ИНО, г. Житомир, профессор украинской литературы*
Место жительства до ареста *г. Житомир*
Данные о родственниках *женат (иных данных не имеется)*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Арестован 3 августа 1933 года и отбывал наказание в местах лишения свободы (СЛОН) по ст. 54–11 УК УССР, и 9 октября 1937 года на заседании Особой тройки УНКВД ЛО приговорен к расстрелу. Протокол № 83. 3 ноября 1937 года приговор приведен в исполнение.*
Гоц В.Ф. подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *В.И.Сабинин*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 157.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА С.ГУЦУЛЯКА
(№ П-11370)

№ 55

Оперативне повідомлення про С.Гуцуляка, М.Ірчана 24 квітня 1937 р.

Кремль полон «парашами» преимущественно в сторону ухудшения положения з/к, конечно все это связывается с общим политическим положением. Раньше, т.е. сейчас же после отстранения Г.Г.Ягоды, «параши» носили характер радостный, что мол режим будет

ослаблен, будет пересмотр дел, в результате которого наступит амнистия, освобождение большинства з/к и т.п., а за последние дни, наоборот, «параши» носят характер усиления режима в отношении з/к.

Кузьменко Т. говорит, что зачеты все сняты, вся 58 ст. будет переведена на тюремный режим, свободы нам не видать. Но хорошо то, что снимают тех, кто нас посадил. Вот Зам. Наркома НКВД Украины Кацнельсон уже снят. О своей радости по этому поводу он говорил в Финчасти при всех работниках материальной группы.

Вопросом отстранения Кацнельсона заняты, по-видимому, все украинцы. Видно это потому, что даже не говорящий на политические темы Машкевич Ю.Н., бухгалтер л/п Кремль, заговорил об этом в Финчасти.

Ирчан М.Д. два раза вел беседу на «парашные» темы. Он считает, что «параши» об ухудшении положения з/к более правдоподобны, т.к. мы живем в «неправовом» государстве. Ведь дают поощрения в форме зачетов, а потом их снимают. Так же могут переменить заключение в лагерях на тюремное заключение.

Между прочим Ирчана я видел 3 раза с Крушельницкой и всегда они наедине. На окружающих это не производит никакого впечатления, т.к., по слухам театралов, они — влюбленная пара.

[...]

Гуцуляк С.Ю. тоже такого мнения, что всех украинцев лишат зачетов и закроют в тюрьму. Ссылается на достоверный источник, которого не хотел назвать, что это именно так будет. Говорят, что существует даже список и в этом списке и он, и я.

Приказ о запрещении свиданий вызвал массу разговоров, которые сводятся к тому, что Соловки остаются тюрьмой. Но характерно то, что они вызывают нездоровую атмосферу.

Александров М.С. и Хазаров Д.А. пришли к заключению, что обиженные этим приказом могут реагировать голодовкой. Такое самое мнение высказал Сережин Ф.А.

Верно:

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 174.
Копія. Машинопис.

№ 56

Довідка про С.Гуцуляка
Жовтень 1937 р.

Гуцуляк Семен Юрьевич, 1897 г.р., гр-н СССР, ур. Буковины (Австрия), украинец, служащий, окончил университет, экономист, б. член ВКП(б), б. лейтенант австрийской армии.

Являлся членом повстанческой и шпионской организации «УВО». Проводил вредительскую работу по линии Госплана, был связан по шпионской деятельности с консульством Польши.

Осужден тройкой ПП ОГПУ УССР 26.II.34 года на 5 л. ИТЛ.

По прибытии на о. Соловки, среди лагерников проводит к-р разговоры, распространяет клевету на руководящ. работников Сов. Украины. Высказывает сожаление, что не остался за границей. Высказывает клеветнические слухи об органах НКВД. Ведет а/с пораженческую агитацию о Советском Союзе.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 175.
Копія. Машинопис.

№ 57

Акт про виконання вироку стосовно С.Гуцуляка 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Гуцуляка Семена Юрьевича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 176.
Копія. Машинопис.

№ 58

Постанова Президії Архангельського обласного суду у справі С.Гуцуляка 10 березня 1965 р.

Секретно

Постановление
Президиума Архангельского областного суда

Президиум Архангельского областного суда в составе:
Председательствующего Клепцова В.В.,
членов президиума Асахина М.С., Самойлова П.С., Старцевой Т.В.,
Тарбаева П.А. и Яшкина А.А.,
с участием и.о. прокурора области Абакумова В.П.,
по докладу члена президиума Асахина М.С. рассмотрел протест прокурора Архангельской области на постановление Особой тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года, которым:

Гуцуляк Семен Юрьевич, 1897 года рождения, уроженец с. Становцы-Долишны (Буковина), украинец, гражданин СССР, член ЦК КП Буковины с 1920 года и КП(б)У с 1928 года, член Президиума Госплана УССР, до ареста работал директором Онуфриевского совхоза «Свиноводтреста» в Харьковской области, судившийся 26 февраля 1934 года постановлением Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР к 5 годам лишения свободы за принадлежность к контрреволюционной «Украинской военной организации», наказание отбывал в Соловецкой тюрьме, осужден к ВМН — расстрелу.

Постановление тройки приведено в исполнение 3 ноября 1937 года.

Гуцуляк обвинялся в том, что он, оставаясь на прежних антисоветских позициях, продолжал контрреволюционную шпионскую террористическую деятельность, участвовал в создании контрреволюционной организации «Всеукраинский центральный блок».

В справке, составленной бывшим начальником Соловецкой тюрьмы Апетером, указано, что Гуцуляк по прибытии на Соловки, среди лагерников проводил антисоветскую агитацию. Распространял клевету на руководящих работников Советской Украины. Высказывал пораженческие настроения о Советском Союзе и клеветнические слухи в отношении НКВД.

В протесте прокурора области ставится вопрос об отмене постановления Особой тройки УНКВД от 9 октября 1937 года в отношении Гуцуляка и прекращении дела за отсутствием состава преступления.

Заслушав заключение прокурора Абакумова, поддерживающего протест, Президиум находит протест обоснованным.

В материалах дела никаких доказательств вины Гуцуляка не имеется. Расследование по делу не проводилось. Поэтому следует признать, что Гуцуляк в 1937 году за антисоветскую деятельность осужден к расстрелу незаконно.

В процессе проверки установлено, что Гуцуляк и в 1934 г. за принадлежность к контрреволюционной «Украинской военной организации» был осужден неправильно, в связи с чем Комитетом госбезопасности УССР поставлен вопрос перед военным прокурором Киевского военного округа о прекращении уголовного дела в отношении Гуцуляка 1934 г. за отсутствием состава преступления.

В силу изложенного и, руководствуясь ст. 378 УПК РСФСР, Президиум Архангельского областного суда

Постановил:

Постановление Особой тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года в отношении Гуцуляка Семена Юрьевича отменить и дело прекратить на основании п. 2 ст. 5 УПК РСФСР.

П.п. Председательствующий — В.Клепцов

Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 180-181. Копія. Машинопис.

СПРАВА П.ДЕМЧУКА
(№ П-9152)

№ 59

Витяг з протоколу Судтрійки при Колегії ДПУ УСРР 23 вересня 1933 р.

Слушали:

Дело № 737/53751-СПО ГПУ УССР по обв. гр. Демчука Петра Ивановича, 1900 г.р., ур. м. Городянка, Галиция, члена КП(б)У, укр., по ст. 54–11 УК УССР.

Постановили:

Демчука Петра Ивановича заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на 5 лет, считая срок с 5/V–33 г.

Дело сдать в архив.

Верно: Секретарь Судебной Тройки

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 183. Копія. Машинопис.

№ 60

Характеристика на ув'язненого П.Демчука
Червень 1936 р.

Сов. секретно

Характеристика
На заключенного 8-го Соловецкого отделения ББК НКВД

Демчук Петр Иванович, 1900 г. рожд., ур. м. М. Городянка (УССР), украинец, из кр-н, служащий, быв. чл. ВКП(б), образование высшее, спец. преподаватель. До ареста проживал в г. Харькове.

Осужден ОГПУ 23/IX–33 г. по ст. 54–11 УК на срок 5 лет. Кон. срока 5/VI–38 г. Зачтено раб. дней — 18.

Прибыл в лагерь 30/I–34 г. работает на канц. работе, к труду относится неудовлетворительно, нестарателен и неисполнителен. Поведение неудовлетворительное. Имеет ряд замечаний за нарушение лаг. распорядка. Недисциплинирован.

Компрометирующих материалов в III-й Части не имеется.

Составлено « » июня 1936 г. о. Соловки *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 186.
Копія. Машинопис.

№ 61

Рапорт про П.Демчука
2 вересня 1936 р.

Начальнику 3-ей части Сол. отд. ББК НКВД

Рапорт

Доношу, что з/к Демчук Петр Ив. от выполнения Вашего распоряжения — быть отправленным на М.Муксольму, категорически отказался. На его вопрос: кто распорядился отправить, я пояснил, что руководство отделением. В данном случае нач. 3-ей части. Он ответил: «Не подчиняюсь». Куда угодно, только не на М.Муксольму, а если там будет представлена мне отдельная комната, тогда я поеду, или же убраны бандиты, находящиеся там (имеются ввиду з/к Павлович, Гинзбург). Представлять ему — Демчуку — отдельную комнату на М.Муксольме не представляется возможным за отсутствием таковой.

Приложение: Акт.

№ 1720 от 02.09.37 г. *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 187.
Копія. Рукопис.

№ 62

Рапорт стрільця М.Кураченцева стосовно П.Демчука
1 грудня 1936 р.

Рапорт

Стрелка Кураченцева М.И. Командировки Малой Муксольмы 1 взвода 5 отделения Начальнику III части 8 Соловецкого отделения Б.Б.К. Н.К.В.Д.

Сегодня, 1/XII–36 года, в 12 часов дня мною было предупреждено з/к Демчуку П.И. о том, что не положено ходить к рыбакам в помещение без никаких делов. Неоднократно предупреждал, и он все равно продолжал ходить. Придет, сидит и начинает разные цензурные слова говорить. Сегодня, 1/XII–36 г., когда я предупредил з/к Демчука, он меня обругал матом, говорит иди ты к-б. матери, дураком обозвал и сволочью. Это было в рыбацком помещении в присутствии стрелка Баурина, з/к рыбаков. Он говорит, что вы мне не укажете, куда ходить, ваше дело маленькое. И сколько раз ругал начальника л/п. Муксольмы и промеж з/к. часовни агитировал о том, что провоцировал начальника III части. Якобы он нас обманует. Обещал взять нас в Кремль и не взял. Эту агитацию з/к ведет Демчук. Прошу вас принять меры з/к Демчуком. Его невозможно содерживать на командировки М.Муксольмы. Просим убрать его с командировки.

Стрелок 1 взвода 5 отделения *М.И.Кураченцев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 190.
Копія. Рукопис.

№ 63

Рапорт старшого стрільця Баурина і стрільця Кураченцева стосовно в'язнів Гінзбурга і Демчука 3 грудня 1936 р.

Сегодня 3/XII–36 г. з/к Гинзбург придя к помещению охраны и угрожал, если вы будете ходить поверять часто в часовню, то вам будет плохо и говорит что вы хуже себе сделаете. Когда придешь поверять з/к в часовню, то у них двери находятся заперты веревками и начинаешь им стучать, а они не открывают двери. Приходится отрезать веревки. Они начинают угрожать охране. Им неоднократно было предупреждено, что нельзя завязывать двери веревками они на это внимания не обращают. Просим обратить внимание и просим убрать з/к Гинзбурга и Демчука, так как угрозы предъявляют охране опасность.

Старший Стрелок Баурин

и стрелок Кураченцев

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 191.
Копія. Рукопис.

№ 64

Заява П.Демчука начальнику III відділу ББК НКВС і Прокурору ББК НКВС 14 грудня 1936 р.

Начальнику III отдела Б.Б.К. НКВД
Копия: Прокурору ББК НКВД

Заявление

От зк. Демчука П.И.
8 Солов. Отделения
ком. Малая Муксольма

Довожу до Вашего сведения, что с 1.XII по 10.XII с.г. не принимал совсем продуктов, ни хлеба, а с 11.XII с.г. приступил к полной голодовке, как протест против незаконного,

издевательского отношения ко мне со стороны руководства л/п. Б.Муксольма, зк. зк. зам. нач-ка Парсегова и завх. Рауса.

Сущность дела: В первых числах мес. ноября с.г. я, принятым здесь порядком, сдал в стирку л/п. Большая Муксольма мое собственное белье, в числе коего была и моя собственная домашняя простынь. С прачечной, я получил вместо простыни какое-то тряпье, ветошь. На два мои заявления, одно завх. зк. Раусу, а другое н-ку л/п я не получил никакого ответа. Ввиду такого отношения, я решил написать жалобу н-ку 8 отд., но, стр. ВОХРа Курачинцев, которому я сдал заявление, убедил меня «не поднимать шума из-за пустой простыни» и, взяв от меня простынь обещал ее сам обменять. Я согласился, но я не только не получил простыни, но ни одного слова ответа на мои около 10 заявлений, которые я писал н-ку л/п. Как протест против такого незаконного поведения, т.е. попросту: грабежа среди белого дня, я решил не принимать вовсе пайковых продуктов, ни хлеба, т.е. перейти на полуголод. Н-ку л/п. з/к Парсегову я написал соответствующее заявление. Но и это ничего не помогло, тогда 6-го числа объявил, что если к 10 числу не отдадут мне моей простыни, я принужден буду приступить к полной голодовке. Одновременно я написал заявление уполномоченному III части приехать на командировку, или вызвать меня для объяснений. Ничего сделано не было. Н-к л/п з/к Парсегов даже не ответил.

Итак:

1) У меня отнята обманным, незаконным путем моя домашняя простынь и взамен не дадено.

2) На моих 10–12 заявлений, н-ку л/п. я не получил ни одного ответа.

3) На мое заявление в III часть прислать уполномоченного или вызвать меня — никто не приезжал и никто меня не вызывал.

4) Четвертый день голодовки меня держут [нрзб.] командировки несмотря на мои заявления перевести в соответствующие условия.

В результате я прошу Вашей защиты и вмешательства.

Требую:

1) Снять с работы и привлечь к ответственности за покрытие воровства и издевательства, а также за нарушение приказа Нарк. НКВД № 100 — нач-ка л/п з/к Парсегова.

2) Снять с работы и привлечь к ответственности завх. л/п. з/к Рауса за воровство простыни, за издевательское отношение и за использование служебного положения для мести за то, что я раскрыл его воровские комбинации с выдачей на командировке пайковых продуктов, о чем сообщено было в III часть заявлением старосты командировки з/к Гинзбургом.

О получении сего моего заявления прошу меня известить.

Голодовку продолжаю.

14.XII.1936 г. *Демчук*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 193–195. Копія. Рукопис.

№ 65

Довідка про П.Демчука
Жовтень 1937 р.

Демчук Петр Иванович, 1900 года рождения, гр. СССР, уроженец Галиции, служащий, образование высшее, юрист-философ, бывший член ВКП(б).

В 1919 году служил в западно-украинской народной армии в качестве командира сотни. В 1925 году работал в качестве секретаря консульской части полпредства СССР в Вене. Активный член УВО, был связан с польской разведкой и работал в пользу Польши. Был намечен для выполнения террористических актов. Был связан с[о] Скрипником, а так же с активными руководящими членами УВО: Олейник, Коряк, Тютюнником и др.

Судебной тройкой при КОГПУ УССР от 23/IX–33 года по ст. 54–11 УК осужден на 5 лет. Отбывает наказание в Соловецкой тюрьме ГУГБ.

Поддерживает связь с бывшими членами УВО и галичанами: Николашиным, Заборовцевым и др. Стоит на позиции к/р. украинских националистов, стремящихся оторвать Украину от СССР, восхваляет германский фашизм, проповедует поражение и гибель Сов. власти, приемлет террор как метод борьбы с Сов. властью.

Ведет себя резко контрреволюционно.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 204.
Копія. Машинопис.

№ 66

Акт про виконання вироку стосовно П.Демчука 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Демчука Петра Ивановича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 205.
Копія. Машинопис.

СПРАВА В.ІЛЬНИЦЬКОГО (Й.ТЕЛЕПЯНОВИЧА) (№ П-14795)

№ 67

Оперативне повідомлення про В.Ільницького (Й.Телепяновича) 1 грудня 1933 р.

В разговоре со мной Ильницкий стал втолковывать свои взгляды по делу УВО (Украинская военная организация).

Ильницкий сказал, что он арестован благодаря своей халатности, потому что поздно стал хлопотать сначала в немецком, а потом в польском консульстве документы на выезд из СССР. В то время Ильницкий якобы уже знал, что ГПУ его арестует, и не успел совершить оформление соответствующих документов на выезд за границу, и в то время его арестовало ГПУ. Я каюсь, говорит Ильницкий, что не перешел границу нелегальным порядком. В ГПУ я спасся симуляцией от дачи показаний про шпионаж в пользу Польши и Германии. Рассказывая о себе, что он переживал в ГПУ во время следствия, Ильницкий

говорил, что его били и пугали расстрелами, и все же, несмотря на такие страхи, он им не дал правдивых показаний.

Ильницкий интересовался, как источник расценивает УВО: как к-р организацию или иначе. Свои взгляды на этот счет втолковывал так: дело «Украинской военной организации» создано благодаря тому, что СССР заключил пакт о ненападении с Польшей и Францией. В пакте имеются тайные пункты, что СССР обязуется арестовать галичан, а Польша — наддніпровцев. Чтобы оправдать себя перед пролетариатом и замазать аресты в СССР правительство выдумало дело об Украинской военной организации, таким образом мы стали жертвой невиданной провокации. Чтобы уничтожить национальный передовой элемент, из нас сделали разменную монету, СССР нами расплачивается за внутреннюю и внешнюю политику. На мои возражения Ильницкий иронически сказал: «Ничего не понимаешь», и после этого я ему перечить не стал.

В дороге Ильницкий рассказывал к-р анекдоты и делал антисемитские выходки. В разговоре в дороге говорил, что он будет на каторге в Карлаге только до весны, а как потеплеет — обязательно убежит. Уже по прибытии в Карлаг он связался с з/к Палько, который работает в отделе снабжения. Возвращаясь к вопросу о заключенном пакте ненападения между Францией и СССР, указывал, что в Германии после этого пакта рабочий класс пошел за фашистами, этим союзом с Францией СССР поддерживает Версальский грабеж Германии. В бытность в Харькове Ильницкий бывал у немецкого консула, который именно в таком свете рассматривал вопрос союза СССР с Францией. Германия, говорил консул, каждого коммуниста расценивает как агента Москвы и Парижа. Гитлер под знаменем национал-социалистической партии объединил всех немцев. Процесс в Берлине по делу поджога Рейхстага тут на Украине заставил создать дело УВО. Ильницкий верит немецкому консулу про действительность поджога Рейхстага коммунистами, и в разговоре с ним консул (с его слов) делал попытки обработать его в духе фашизма. Ильницкий относится к фашизму с большой симпатией.

Требуется отметить, что в той или иной мере такое же мнение об организации УВО проскальзывало в разговорах фигурантов Качанюка, Бойко, Слюсаря, Добуша, Козориза, Забудского, Атаманюка, Сарвана, Гарбуза, Туза, Цвилишина, Коренковского, Фурьера, Мельника. Олейник говорил, что дело УВО — это последствие внутренней и внешней обстановки и, не соглашаясь, ограничивался поддакиванием или молчанием. Кузняк все время рассказывал про ход своего следствия, проявляя свои взгляды на дело УВО в духе Ильницкого. Остальная часть осужденных по этому делу смотрит на Ильницкого и Гарбуза как на авантюристов. Гарбуз дело УВО рассказывает в анекдотическом духе и добавляет, что он совершенно невиновным попал в лагерь, что его затянул Палько, приобщив к шумскизму. О Палько отзывался как о яром шумскисте. Бойко в свою очередь остерегал Палько, прося не разговаривать с Ильницким, отзываясь о нем как о провокаторе и авантюристе. Бабьяк иногда в разговоре поддакивал, а в большинстве старался молчать.

В разговоре с источником з/к Сарван рассказывал про каких-то Мазуренко и Ливицкого, что якобы они расценивали УВО как историческую полит. линию Москвы по отношению к Украине. Они были рады оттого, что рабочие сели за украинское дело, так мы боролись одни против одних, а теперь сидим разом. ГПУ подтвердило (говорили они) правильность теории Грушевского (безбуржуазность украинской нации) — единство классовых интересов.

Факты, изложенные про Ильницкого, свидетельствуют за то, что он продолжает вести своими разговорами к-р деятельность. Гарбуз выдает себя — признает виновным, заявляя, что он порывает со своими прежними к-р взглядами, выразившимися в той или иной мере, несмотря на это, у него в форме анекдотов проскальзывает к-р взгляд, хотя он часто и говорит, что решил переделаться. Сидя в камере с Олейником, Гарбуз молился богу и называл себя баптистом.

Олейник В. рассказывает: «Наше настоящее положение продиктовано внутренним и внешним положением СССР». Виновным себя не признает, держит себя осторожно, предостерегая источника от провокаторов. Забудский рассказывал про ход следствия и соглашался со взглядами Ильницкого, но сам старался ярко себя не выказывать. Добуш расценивает дело УВО как дутое дело и негодует на ГПУ. Таких взглядов придерживаются Мельник, Коренковский, объясняя свой арест создавшейся международной обстановкой.

Слюсарь считает, что ГПУ несправедливо поступило с ним, и говорит, что он невиновен. Дословно: «Пока я сам не разберусь в этом деле УВО, до того момента я буду расценивать, что дело спровоцировало ГПУ и неправдиво меня репрессировало». Слюсарь говорит, что на него ложно донесли и спровоцировали.

Сарван объясняет арест разломом КПЗУ и внутренней и международной обстановкой СССР, которая сложилась в конце 32 и в начале 33 г. Лагерь разломовцев в КПЗУ считается пока еще у дела. Туз говорит: «На что меня было арестовывать, раз сложились такие условия, и в интересах государства меня нужно было выслать, могли бы мне сказать, и я сам бы выехал в Казахстан или куда мне сказали». Фурьер удивляется делом УВО в духе Ильницкого или старается молчать. Марцинюк объясняет свое положение проделками лукавых людей.

Бойко считает себя невинным или сожалеет, что пошел на провокацию, не зная Кузняка, якобы Кузняк наговорил на него, и он сидит совсем напрасно. В разговорах противоречит Ильницкому. Склонен к тому, чтобы объяснить свое положение органам власти и просить снисхождения. Хочет работать на переводах с иностранных языков или же попасть в библиотеку.

Атаманюк-Яблуненко считает себя невинным и говорит, что в редакции «Путевка» Полищук явно его провоцирует украинскими делами. Цвилишин приписывает свой арест тому, что он галичанин. Очень кается, что приехал на Украину — считает себя невиновным. Плюндрас считает себя невиновным, объясняет арест в связи с Беленьким.

Кузняк ежечасно истолковывает дело УВО в духе Ильницкого и рассказывает про ход своего следствия. Палько признает себя виновным в том, что скатился до ползучего национального оппортунизма, принимает участие в разговорах, иногда возражает, иногда поддакивает и теперь уже не говорит про дело УВО. Козориз солидаризируется со взглядами Ильницкого, «так же поступайте, как Бабьяк». Качанюк рассуждает также в духе Ильницкого, стараясь себя оправдать.

Верно: П/Уполномоченного СПО Соколов

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 233–234. Копія. Машинопис.

№ 68

Довідка про В.Ільницького (Й.Телепяновича) Жовтень 1937 р.

Ильницкий Владимир Владимирович, он же Телепянович Иосиф Иванович, 1898 г. рождения, гр-н СССР, украинец, уроженец Галиции, служащий, образование — окончил с/хозяйственный институт.

Являлся активным членом к-р организации «УВО». Примыкал к террористической группе. Оказывал помощь семьям репрессированных.

Суд. тр. КОГПУ УССР от 23.IX.33 года по ст. 54–4–8–11 УК УССР осужден на 5 лет ИТЛ.

Находясь в Соловках, поддерживает связь с украинцами. Ругает политику партии и правительства.

В целях борьбы с Соввластью написал к-р дневник и имел намерение вывезти его на волю. Вместе с заключенным Забудским готовился к побегу за кордон для того, чтобы попасть на происходивший в Праге конгресс объединения украинских националистов и поднять вопрос о помощи арестованным по делу «УВО».

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 235. Копія. Машинопис.

№ 69

Акт про виконання вироку стосовно В.Ільницького (Й.Телепяновича) 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Ильницкого Владимира Владимировича, он же Телепянович Иосиф Иванович, приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 236.
Копія. Машинопис.

№ 70

Висновок про реабілітацію В.Ільницького (Й.Телепяновича) 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников

17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Ильницкого В.В., он же Телепянович И.И.*
по материалам уголовного дела (арх. *№ 15271)*
Фамилия, имя, отчество *Ильницкий Владимир Владимирович, он же Телепянович Иосиф Иванович*
Дата и год рождения *1898 г.*
Место рождения *с. Ивашковка, Галиция*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *заведующий отдела снабжения Института педагогики УССР*
Место жительства до ареста *г. Харьков*
Данные о родственниках *женат (иных данных нет)*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Арестован 13 июля 1933 года и отбывал наказание в местах лишения свободы (СЛОН) по ст. 54–4, 8, 11 УК УССР, 9 октября 1937 года на заседании Особой тройки УНКВД ЛО приговорен к расстрелу за к-р деят-сть. 3 ноября 1937 года приговор приведен в исполнение.*
Ильницкий В.В., он же Телепянович И.И., подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *В.И.Сабинин*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 237.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА М.ІРЧАНА-БАБЮКА
(№ 0-21515)

№ 71

Спецзведення за матеріалами групи СПВ III частини
4-го відділення ББК ОДПУ
13 червня 1934 р.

Сов. секретно

Спец-сводка № 1
по материалам гр. СПО 3 части 4 отделения ББК ОГПУ
на з/к з/к Ирчана-Бабюка Мирослава Дмитриевича, Курбаса Александра Степановича,
Атласа Петра Андреевича, Озерского Юрия Ивановича,
Крилика-Василькова Осипа Васильевича, Хама Николая Андреевича,
учетников, проходящих по контингенту
«Украинская военная организация» («УВО»).

По состоянию на 10 июня 1934 г.

§ 1

17 мая на 1 л/п наш источник встретился с з/к Ирчаном-Бабюком Мирославом Дмитриевичем (коллегией ГПУ УССР по ст. 54–6–16, 54–8–11, 10 л., к/ср. * в 1943). В разговоре с ним таковой передал, что на Украине за последнее время прошло много арестов руководящих работников, причину которых пояснить не мог. Настроение у него бодрое, неупадочное.

З/к Ирчан говорил, что он был коммунистом, таким и остался, только хотел, чтобы ему можно было поработать на той работе, где бы он принес больше пользы. Из разговоров также выяснилось, что з/к Ирчан много знает по «УВО» и о ее деятельности.

§ 2

18/5–34 г. в помещении начальника КУРа командировки Юж-Губа 1 л/п з/к Ирчан-Бабюк в присутствии воспитателя к/ки з/к Каплан и начальника командировки з/к Швец говорил: «Я состоял членом партии и работал в организации «УВО», в этой организации участвовало много лиц, цель этой организации — отделение Украины от СССР, за что много лиц арестованы и высланы в лагеря».

Далее Ирчан говорил, что их прибыло 9 человек вместе, но по прибытии в лагеря их разъединили и вместе жить не дают. «Аресты нашей организации происходят с 1931 г., но в предыдущие годы арестов так много не производилось, как в этом году, уже вылавливают остатки нашей интеллигенции».

З/к Ирчан далее сказал, что он сознался в своей вине, он доволен, что он арестован — ибо будет иметь материал по освобождении, что описывать про жизнь лагеря.

§ 3

Письмо, исходящее от з/к Ирчана-Бабюка в адрес: г. Омск, Степная улица, д. № 236 гр. Винничуку Михаилу Петровичу, в котором он излагает просьбу о том, чтобы таковой узнал, где находится его жена Зина и дочь Майя, — «если они находятся в Харькове, напиши им мой адрес, что я очень беспокоюсь о них, не могу дождаться письма — буду очень благодарен тебе за это». Также просит, чтобы Винничук написал им с тем расчетом, чтобы

* К/ср. — кінець строку ув'язнення.

они переехали в г. Омск на постоянное место жительства — пока еще теплая погода. Далее пишет: «Напиши Зине, что с моей библиотеки пусть возьмет на память для Майи мои собственные произведения — 76 книг в красном переплете: на украинском, русском белорусском, немецком, польском, английском, грузинском и др. языках. Зина знает, где они находятся в библиотечном шкафу. Еще раз прошу тебя, напиши Зине и постарайся, чтобы она с Майей переехала в Омск, ей теперь очень тяжело жить в Харькове, меня очень много людей знало, поэтому моей жене Зине невыносимо больше жить там (в Харькове)».

§ 4

В разговоре наших источников с з/к Озерским Юрием Ивановичем (осужд. ГПУ УССР по ст. 58–4–11, 10 л., к/ср. в 1943 г.) выяснилось: з/к Озерский Ю.И. в прошлом сын священника, задолго до революции учился в духовной семинарии в г. Чернигове и перед самой революцией закончил высшее образование в Петроградском университете. До 1920 года состоял членом партии украинских левых с.-р. (боротьбистов), с 1920 г. и по день ареста состоял членом КП(б)У в г. Харькове и занимал ряд ответственных должностей как на советской, так и на партийной работе. На периферии Украины в области партийной работы занимал должность зав. агитпропом окружного масштаба, а в правительстве УССР являлся руководителем сектора Наркомпроса, и по ноябрь месяц 1933 г., т.е. по день ареста, являлся членом Коллегии Наркомпроса и Управляющим Украинского ОГИЗа. В Украинском правительстве пользовался большим авторитетом в бытность Наркомпросом т. Скрыпника и являлся сподвижником украинского Наркомпроса Шумского, занимавшего этот пост до Скрыпника. З/к Озерский, находясь в большой личной дружбе с Шумским, игравшим в то время значительную роль в украинских партийных кругах, пользуясь его поддержкой и выдвижением, сам имел большой авторитет у правительства УССР, что делало его лицом авторитетным, стоящим выше подозрений о его причастности к Украинской военной организации, членом Центрального комитета которой и руководителем он состоял после ареста первого ЦК УВО, куда входили Шумский, Максимович и др. Являясь одним из руководителей УВО с конца 1932 г. и в начале 1933 г., Озерский после своего ареста в течение 2–3 месяцев отрицал свою принадлежность к УВО, но в конце концов сознался и, по его словам, разоружился. Формально сейчас Озерский раскаивается в своей принадлежности к этой организации и в беседах со своим однодельцем з/к Хамом Николаем Андреевичем порицает себя за прошлое, но фактически он продолжает оставаться на своих позициях и утверждает, что Украина «остается колонией Москвы». В 1926 г. Озерский ездил в официальную заграничную командировку в Германию, но личных связей, по его словам, за границей у него нет, хотя в бытность его одним из руководителей УВО имел связь с заграничным руководством УВО в лице Коновальца, Ярого и др. В настоящее время Озерский содержится на штабной командировке 7 л/п, держит себя замкнуто, хотя в разговоре с источниками жалуется на то, что его загнали на один из отдаленных участков лагеря, чего он никак не ожидал, рассчитывая на благоприятные отношения к себе органов ОГПУ, которые ему обещали за чистосердечное раскаяние, полное разоружение.

§ 5

З/к Озерским послана открытка в санотдел ББК ОГПУ — Зубареву Александру Георгиевичу, где пишет: «Дорогой Александр Георгиевич, если будет у Вас подходящий случай, поищите, где там мои вещи (мешок с мягкими вещами), одеяло и шинель. Хорошо бы их переправить прежним способом, а то без них мне очень плохо, привет Вашим, если они приехали».

Такого же содержания им отправлена открытка на имя нач. изолятора ББК — Морского.

З/к Озерский написал закрытое письмо на имя Оксаны Дмитриевны Музолевской, г. Харьков, Молочная, 16, кв. Богдановых, где сообщает, что он прибыл на Вожма-Салму, что вблизи СИГ и ВЫГ-озера, приблизительно на полдороге от Ленинграда до Мурманска, где местность довольно живописная, но унылый северный ландшафт, непохожий на южный. Солнце восходит в 3 часа ночи, а заходит в 11 часов, — легко можно обойтись без огня.

«Работаю на общих работах: таскал дрова и лес из воды и складывал в штабеля для погрузки, — о работе по специальности не может быть и речи, да и негде здесь, на острове как челюскинцы живем. Питание неважное, получаем хлеба 700 гр., каша на завтрак, борщ из сушеных овощей и опять каша или рыба, вечером же только кипяток. Сахара имею 400 гр., посему еле хватает на 2 недели вприкусу. Сплю пока на досках — конечно, не на постоянной кровати, — подложивши пальто. Имеем почту и газету, но библиотека здесь очень маленькая, да и не те книги, которые нужны для меня. Работать над собой почти невозможно».

§ 6

В разговоре наших источников с з/к Крилик-Васильковым Осипом Васильевичем (осужд. ГПУ УССР по ст. 58–4–11 на срок 10 л., к/ср. в 1943 г.) выяснилось: з/к Крилик происходит из гор. Краковец Яворовского уезда Западной Украины, где с 1920 г. являлся членом Компартии ЗУ и состоял в период 1920–1928 гг. одним из руководителей этой партии, имея партийную кличку «Васылькив». Будучи по соцпроисхождению крестьянин-середняк, з/к Крилик получил высшее образование в г. Львове, где окончил университет. В период 1914–1920 гг. служил в «украинских сечевых стрельцах» (западноукраинская военная организация), которая в 1918-19 гг. сражалась с польской белой армией и с Красной советской. В период 1920-28 гг. з/к Крилик состоял членом Политбюро КПЗУ и был основным идейным вдохновителем, а также рабочей машиной партии. В течении 2–3 лет Крилик был членом Исполкома Коминтерна и 3 раза заново организовывал КПЗУ, сам же изнутри создавая разлом этой партии. Являясь одним из руководителей Украинской военной организации, Крилик в то же время проживал в Галиции до 1931 г. В 1931 г. он легально приехал на Советскую Украину и вошел в центр УВО, где и работал до дня своего ареста. Находясь под следствием, он свыше 5 месяцев отрицал свою принадлежность к УВО, но когда он сознался и разоружился, остался на своих прежних позициях. По-прежнему утверждает: «На Украине сейчас идет разгром украинской культуры, и Украины, как таковой, не существует».

Крилик имеет за границей много друзей из числа видных членов УВО, так, например, Крайкивский Пантелеймон (партийная кличка «Дрешер»), каковой является членом ЦК и Политбюро КПЗУ, а также одним из видных руководителей УВО. По словам Крилика, Крайкивский сейчас проживает в Галиции и формально отошел от политической жизни, занимается крестьянским хозяйством, имея 5-6 десятин собственной земли. Одним из сподвижников и близких друзей Крилика является Розенберг, проживающий в Галиции, являющийся видным членом КПЗУ, а также одним из руководителей УВО (партийная кличка «Черный»). Розенберг сейчас проживает у своей матери в г. Львове. Крилик в настоящее время ищет каких-либо нелегальных путей для связей с вышеуказанными лицами. Крилик содержится на 20-м квартале 7 л/п, работает сторожем при складе, как имеющий физический недостаток, заключающийся в невозможности владеть левой рукой. В лагере ни с кем не общается, избегает знакомств и держится очень замкнуто.

§ 7

З/к Крилик посланы письма в адрес:

1) Уполномоченного ГПУ УССР т. Пустовойтова, где пишет: «Ввиду того, что с момента моего отъезда из спецкорпуса я потерял связь со своей семьей, прошу Вас убедительно не отказать в моей просьбе, направить положенную открытку в конверте моей жене на место ее пребывания. Одновременно прошу Вас дать мне возможность свидания с женой, если это Вам возможно, а для жены помощь».

2) Открытка на имя Олейник-Крилик Марии Григорьевны — пишет: «Дорогая Марусечка, уже несколько раз я писал тебе, но очень жаль, что не имею от тебя ответа, — надеюсь, что эта открытка дойдет до тебя. Сейчас я на физической работе, я здоров и не голодую. Здесь климат сравнительно здоровый, но сильно холодный, вроде как на Балтийском море. Если бы у тебя была возможность приехать на свидание, я сильно хотел бы тебя видеть, причем пропуск на свидание и литер на жел. дор. («дармовой билет») приобрети в Харьковском СПО. Возможности взять вас сюда я не имею. Также относительно

дела, постарайся поговорить, не можно ли что-либо сделать, чтобы применить ко мне закон о колонизации, т.к. я желаю здесь на месте расписаться, про что знают в Харьковском СПО».

3) В адрес Олейника Николая Григорьевича — ст. Полтава-Южная, учителю жел.-дор. школы Полтава-Дублянщина, дом Костенко № 9, где Крилик просит последнего переслать записку, написанную им на имя жены Марии. Письмо написано на украинском языке: «Больше двух месяцев, как я не имею ни о ком весточки, а думы про них меня сбивают. Будь так добрый, перешли это письмо Марусеньке, я здоров и не голоден. Перешли, пожалуйста».

§ 8

В разговоре наших источников с з/к Хамом Николаем Андреевичем (осужд. ГПУ УССР по ст. 58–11 на ср. 5 л, к/ср в 1938 г.) выяснилось: з/к Хам Н.А. до 1928 г. проживал в г. Львове и являлся польским подданным. С 1926 года по 1928 год состоял депутатом польского сейма, одновременно являясь членом ЦК КПЗУ. Центр этой партии находился в г. Берлине, а технический центр в г. Львове. Из конспиративных соображений з/к Хам в партию не оформлялся, и в 1930 г. был предан польским правительством суду за антиправительственную деятельность. Последнее обстоятельство вынудило его бежать в Советский Союз, где он стал проживать в г. Харькове. Со времени перехода на Сов. Украину в ВКП(б) не входил, т.к., по его словам, не имел соответствующей рекомендации от КПЗУ, с которой у него были разногласия и личная враждебность к нему отношений со стороны некоторых членов Политбюро КПЗУ. Однако, по рекомендации ЦК КП(б)У был принят в Институт народного хозяйства в г. Харькове, в котором получил образование с 1930 по 1932 гг., и в 1933 г. состоял аспирантом этого института, находясь на научной работе. Состоял членом УВО, цели и задачи которой были — восстановление на Украине капиталистического строя путем диверсионных террористических актов, организации восстаний, саботажа и, главным образом, осуществление конечной цели организации — при помощи иностранного капитализма и вооруженной силы отделение Украины от Советского Союза. От своих однодельцев з/к з/к Озерского и Крилика держится обособленно, изредка встречаясь на прогулках с з/к Нефедовым Михаилом Федоровичем и Самбурским Михаилом Васильевичем.

§ 9

З/к Хамом посланы письма: 1-ое на имя следователя ОГПУ в г. Харькове т. Проскурякова, следующего содержания: «Ввиду того, что я потерял всякую связь со своей женой по случаю ее переезда на новое место жительства, прошу направить при сем прилагаемую почтовую карточку».

На имя Бородчак Екатерины Михайловны пишет: «Я приехал 15/5 на новое место жительства, ехал долго, интересно. Сейчас работаю среди карельских лесов, на островах Выг-озера, понятно, не по специальности. Здоровье как-то еще держится. Стараюсь чувствовать себя хорошо, жизнь учит и я этой наукой воспользуюсь. Если ты захочешь приехать сюда на свидание, то имей ввиду два обстоятельства: 1) ты должна узнать там, получишь ли ты здесь свидание со мной или нет (иначе просто потеряешь время, деньги и здоровье); 2) не тащи с собой никаких вещей, потому что дорога тяжелая и далекая. Центральное управление всеми лагерями находится в Мед. Горе, там ты можешь узнать, где я нахожусь в данное время».

§ 10

В разговоре наших источников с з/к Курбасом Александром Степановичем (осужд. ГПУ УССР по ст. 58–11, срок 5 л., к/ср в 1938 г.) выяснилось, что он с з/к Атласом Петром Андреевичем (осужд. ГПУ УССР по ст. 58–11, 3 г., к/ср 1936 г.) познакомился в домзаке, а через 2 дня он ответил, что с з/к Атласом познакомился в вагоне поезда, когда их везли в лагерь. На вопрос нашего источника, почему и за что он попал в лагерь, з/к

Курбас ответил: «Как говорил ВИКС, напишите своему отцу письмо на пять слов, за которые я могу присудить к смерти, так и меня, ни в чем невинного, осудили на 5 лет». На вопрос источника: «А разве у Вас не было знакомых, пользующихся популярностью, которые могли бы Вам помочь», он ответил «Эти люди и посадили меня сюда, а партийные люди тоже на 95% арестованы по этому же делу, так что защиты искать не было у кого». Он ни в чем не виновен, а за других не ручается. Работает на общих работах, скоро утомляется. А нашему источнику говорил, что он, может быть, уедет в Медвежку работать по своей профессии.

З/к Курбас дежурил по кухне, в это время зашел на кухню наш источник и увидел, что он читает книгу на немецком языке, сочинения Шекспира, и завели между собой разговор о литературе. По словам Курбаса «Сейчас писателей хороших нет в России, причиной тому является, то что большие социальные потрясения вызывают застой в художественном творчестве, и в данной обстановке писателю, в которой он находится, развиваться нельзя, т.к. с него требовали сочетания в себе и художника в интересах партийной политики». Жалуется, что условия в лагере плохие, много приходится работать, нет времени подумать о себе. З/к Курбас все время проводит с з/к Атласом.

§ 11

На имя Курбаса поступило 4 открытки и одно закрытое письмо от гр-ки Чистяковой-Курбас В.Н. — Харьков-22, Барачный пер., д. «Слово», кв. 64. Все письма семейного характера, где она сообщает, что едет в Одессу на 20 спектаклей, после чего в Киев тоже на 20 спектаклей и находилась в Горловке 2 недели. После Горловки возвратилась в Харьков на 2 дня. Предлагают ей сниматься в кино, но пока она еще не решается — «У нас прошла пьеса «Леди Грей». Высылаю 1 июня посылку». Далее перечисляется содержимое посылки.

§ 12

З/к Курбас в присутствии нашего источника говорил о своем собственном положении, и, по его мнению, оно беспросветно. Ему приходится слышать, что многие осужденные по ст. 58 отбывают срок без льгот. Также говорил о положении на юге в 1930 г., когда было неспокойно и на Украине, и на Кавказе, доходило до вооруженных восстаний, и что правительство сумело все эти преступления скрыть от заграничной прессы. О теперешнем положении Курбас делает вывод, что оно далеко не таково, как о нем газеты пишут, успехи колхозного движения в смысле улучшения быта и обогащения бывших бедняков существуют только по газетам. В общем, народ мучается и живет впроголодь.

Во время посещения красного уголка з/к Атлас просил разрешения у воспитателя з/к Щербакова о проведении доклада среди заключенных, указывая, что не по экономическим и политическим вопросам, а только на тему антирелигиозного вопроса, ибо на тему экономической стороны ему не разрешат проводить только потому, что он осужден как противник революции.

З/к Курбас приходит в КВЧ за газетой «Коммунист», издаваемой ЦК КП(б) Украины. На вопрос воспитателя, почему он интересуется только этой газетой, он ответил, что эта газета издается в родном городе (Харькове), где он жил.

Уполномоченный СПО *Богданов*
№ 1720/с
13/VI.34 г.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 4–8.
Оригінал. Машинопис.

№ 72

Меморандум групи СПВ III частини 4-го відділення ББК ОДПУ 27 червня 1934 р.

Совершенно секретно

Меморандум
на учетника гр. СПО 3 части 4 отделения ББК ОГПУ
по окраске «УВО» з/к Днистренко В.Г.

§ 1

На 1 л/пункте находится з/к Днистренко В.Г., осужд. ОГПУ по ст. 58–2–6–8–11 на срок 5 л., который является представителем украинской организации, программа которой состоит в том, чтобы отделить Украину от СССР при поддержке Польши или Германии. В последнее время Днистренко говорил з/к Ирчану-Бабюку М.Д. (учет «УВО»), что в крайнем случае мы должны требовать от ВКП(б), чтобы от Украины в Москве был полпред на равных правах с другими государствами, это значит отделить Украину от СССР, сделать ее субъектом права по международному праву, чтобы она нисколько не зависела от СССР ни политически, ни юридически, или на первое время создать не СССР, а конфедерацию, т.е. каждая республика может выйти не по большинству голосов, а по желанию каждого в отдельности. Вот, по словам Ирчана, как ставил вопрос Ефремов в 1930 г.

Второе течение, представителем которого является Днистренко В.Г., своими лидерами считают Донцова и Винниченко, оба они находятся в эмиграции, по их программе вопрос не решается одной украинской эмиграцией.

[...]

Днистренко является во многих вопросах Украины теоретиком, как-то по культуре и литературе. Родился он в Галиции, в г. Львове, участвовал в петлюровской армии, в одном из сильных боев с красными дрался под Бахмачем. До ареста жил в г. Харькове, работал в редакции «Украинский Коммунист» секретарем, близко стоял к партийным кругам, лично знаком с Шумским, Солодубом, в 1933 г. вызывался по делу Шумского в Москву.

Днистренко занимался переводом с немецкого языка на украинский.

Мероприятия: согласно распоряжению III отдела, Д. высылается спецконвоем в Мед. Гору.

Начальник III части 4 отделения ББК ОГПУ Долгов

Уполномоченный СПО *Богданов*

№ 1842/с
27/VI–34 г.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 11. Копія. Машинопис.

№ 73

Спецзведення групи СПВ III частини 4-го відділення ББК НКВС Липень 1934 р.

Совершенно секретно

Спец. сводка
по материалам гр. СПО 3 части 4 отделения ББК НКВД
на з/к з/к Ирчана-Бабюка М.Д., Курбаса А.С., Атласа П.А.,
Крилика-Василькова О.В., Озерского Ю.И., Хама Н.А., Ящуна М.И.
и Соболевского А.Я. — учетников, проходящих по контингенту
«Украинская военная организация» («УВО»).

§ 1

Из разговоров источника с з/к Ирчаном-Бабюком М.Д. источнику удалось выявить, что организация, в которой состоял Ирчан, внутри СССР имеет своих членов, которых он знает по фамилиям в числе 500 чел., и за границей насчитывается около 15000 чел., но в данное время члены этой организации парализованы.

Далее из слов Ирчана установлено, что на л/п № 5 Унижма-командировка Полга находится з/к Якимец, бывш. член организации УПСР, который до настоящего времени насмехается над строем СССР, не уверен в победе Компартии и говорит, что все это одна утопия.

Когда Ирчан был на 1 л/п, то он встречался там на командировке Юг-Губа с троцкистами, которые в настоящее время получают нелегальную троцкистскую литературу.

По прибытии Ирчана на командировку Полга, последний ведет тесную дружбу с з/к Курбасом, разговаривая с ним постоянно на немецком для того, чтобы окружающие лагерники не понимали их разговора. Ирчан является не простым членом партии «УВО», ведет себя очень осторожно, ко всему относится подозрительно и всякое неосторожное лишнее слово наводит его на сомнение.

§ 2

В беседе источника с з/к Ирчаном-Бабюком М.Д., который о своей семье рассказал следующее: после отправки его в лагеря, жена уехала в город Омск и не захотела оставаться жить в Харькове, потому что знакомые все время расспрашивали про его жизнь, что отражалось на ее душевном равновесии. В Омске она сейчас живет у двоюродного брата Ирчана, который служил в отделе снабжения.

За это время Ирчан получил две посылки, которые состояли из экспортных товаров, преимущественно из кондитерских изделий, сахара и жиров.

[...]

§ 3

На имя Ирчана-Бабюка М.Д. поступило две телеграммы от его жены, в одной указано, что выехала из Харькова в Омск, а вторая о том, что она благополучно доехала и живет у Миши. За это время из Омска от жены он получил 4 письма и 2 письма от нее же из Харькова. Письма все семейного содержания, в которых она пишет, что жизнь в Харькове ей тяжела и она решила оттуда уехать и предполагает поездку на юг, но, может быть, если там не устроится работать, то уедет к Мише. Пишет, что из Харькова выслала посылку, распродала часть вещей, а остальные вещи раздала знакомым на хранение и думает взять, когда устроится. Спрятала произведения, написанные Ирчаном, и несколько ценных иностранных книг. Спрашивает, в чем он нуждается и что ему прислать из одежды и белья.

В письмах из Омска описывается ее переезд и встреча, а также о том, что она решила прямо ехать в Омск, где она спокойно может некоторое время отдохнуть, а затем устроиться на работу. Пишет, что в Омске ее встретили радушно и тепло. Просит мужа чаще писать ей, беспокоится о его здоровье. В письме вложены были две фотокарточки: одна балетная

про детей с участием его дочери, а вторая — жена и дочь, снявшиеся перед отъездом из Харькова.

З/к Ирчан отправил письмо по адресу: Харьков, улица Свободной Академии, 2, кв. 5 на имя Сидоровой Анастасии Романовны, в котором запрашивал сообщить ему о местонахождении жены и дочери, как они там живут, а также просил написать за квартиру и вещи, и если они там, то передать ей это письмо.

Также послал в адрес его жены одно письмо на Харьков и два на Омск по адресу: Омск, ул. Степная, 136, Зинаиде Францевне Ирчан. Письма семейного содержания, в которых он пишет о своей жизни в лагере, что устроился ничего, но работает не по специальности, а на общих работах. За полученные им две посылки из Харькова и Омска приносит благодарность. Просит пока посылок ему не высылать до тех пор, пока он об этом не напишет. Передает привет от Курбаса, указывая, что Курбас также получил посылки, которые пришли раньше, чем получил он, и Курбас поддержал его.

Ирчан написал заявление в редакцию газеты «Перековка», в котором указал, что он писатель и не получил гонораров за свои произведения, которые сейчас УЗАП не выплачивает его жене. Просит сообщить, куда и как нужно обратиться, чтобы причитающийся ему гонорар выплатили его жене. Далее изъявляет желание приобрести специальность типографского дела, а именно наборщика, указывая, что знаком с редакторской работой, просит сообщить, кому написать об этом заявление.

Ирчан получил две посылки: одну из Харькова весом 11 кг, ценная на 100 руб., в которой было 37 предметов, преимущественно носильное верхнее платье, белье, продукты, рыболовные снасти и письменные принадлежности.

Вторая посылка из Омска весом 9,600 кг, ценная на 100 руб., которая состоит из одних продуктов.

[...]

§ 4

З/к Атлас Петр Андреевич (см. д/ф.), работает на л/п № 5 Унижма, который в беседе с источником рассказал следующее: жил он в Харькове, где живет его жена, которая работает врачом. У жены много знакомых врачей украинцев-националистов. С этими врачами он познакомился через свою жену. Сейчас эти врачи находятся в Харькове, где и работают, но, кроме того, у Атласа остались еще и идейные связи в Институте красной профессуры, некто Петро Толкачев, живущий в г. Харькове, Сумская ул., д. № 33. В настоящее время Атлас массовой агитацией не занимается и считает это излишним только потому, что находится среди великороссов, которые не знают Украины и не могут разрешить украинской проблемы. Старается познакомиться с украинцами, но разговаривает с ними очень осторожно. Атлас находился 5–6 лет в Польше и боится, чтобы ему за связь и за разговоры о политике не дали бы нового срока. Атлас имеет тесную связь с з/к Курбасом и Ирчаном. По отбытии срока, который Атлас предполагает, что он скоро отбудет, он снова собирается ехать в Харьков, где и будет продолжать свою работу.

§ 5

З/к Атлас П.А. считает себя марксистом, как и все украинские националисты, находящиеся в рядах УКП(б), но их непосредственные действия, т.е. их программа, не отличаются методологически от украинского фашизма типа Ефремова, а также Донцова-Винниченко — кратко: ефремовцы в своих желаниях хотят национальной независимости, и что в настоящее время возможно освободиться только при помощи Польши или Германии, а в последнее время, как сообщил Ирчан-Бабюк укрнационалистам Днистренко и Кнышик, которые считают, что украинский вопрос тогда будет разрешен, когда в Москве будет представитель с такими же полномочиями, как от других капиталистических государств. Требования украинских фашистов типа Донцова и Винниченко: тоже думают освободиться при помощи Польши или Германии, считают, что Украина станет свободна, когда знамя украинского фашизма поднимется в Кремле (Москва). Украинские националисты, которые нахо-

дятся в эмиграции, Донцов, Винниченко и другие, все время ведут переговоры с грузинскими меньшевиками типа Чхеидзе о присоединении Закавказья к Украине, а в отношении Северного Кавказа — с эмигрантами белого офицерства Севкавказа. Затем украинские казаки населяют Амурский край на Дальнем Востоке. Эмигранты-укрнационалисты послали своих представителей в Японию и Китай к эмигрантам, которые там живут как представители от Приамурских украинцев. Далее Атлас сообщил, что группа ефремовцев в восторге от переноса центра Украины в Киев, а партия Донцова против этого мероприятия и считает, что центром Украины должен быть Харьков, потому что он является центром не только одной Украины, но также всего Северного Кавказа и Закавказья. По словам Атласа, шумскисты больше всего винят Постышева, что он больше всего их разоблачил, что он является самым большим врагом ВКП(б), хотя Постышев лично ничего не делает, и о чем бы ни докладывал Сталину, он все действует только лишь по его директивам. По рассуждениям Атласа, в настоящее время ничего нельзя получить от диктатуры пролетариата и что мы варимся в собственном соку. Кроме того, что Атлас имеет дружбу с Ирчаном и Курбасом, он познакомился здесь с з/к М.Я.Пасечным, который жил в Северной Америке 10 лет и задержан на польской границе во время перехода таковой, за что и попал сюда в лагеря (ос. по ст. 58, п.п. 2, 6, 11), с з/к Балинским Федором Петровичем (ос. по ст. 54–10 и 56–17), который говорит, что попал в лагеря за отказ читать лекции о коллективизации.

§ 6

З/к Атлас П.А. отправил 3 письма по адресу: село Зверки Змиевского р-на Харьковской области, Чумаченко Марфе Ивановне. Просит сообщить, где находится его жена. В остальных письмах упоминает об этом же. Следующее письмо адресовано: Днепропетровская область, Каменская на Днепре, Госбанк, Соколенко Наталье Емельяновне. Просит сообщить адрес жены, думая о том, что она имеет переписку с Соколенко. Просит сообщить адрес Леньки, мужа, может, мы близко один от одного, привет Николаю и Васе.

В адрес Атласа поступило закрытое письмо от Самойловой А.В. — Донбасс, Чистяковский р-н, п/с Катык, Шахта-16, Консультация.

Сообщает Атласу о том, что Дуся сейчас работает в гор. Туапсе пока по своей специальности в консультации. Пишет, что думает приехать к Атласу вместе с Дусей. Просит сообщить, что из себя представляет Карелия, так как думает поехать туда работать. Сообщает о засухе и о том, что озимый хлеб плохой, но последнее время стали идти дожди и, возможно, яровой хлеб подправится. Сообщает адрес Дуси следующий: гор. Туапсе, Азовско-Черноморский край.

§ 7

З/к Ящун Михаил Иосифович — активный член УВО, эмигрировал из Западной Украины (Польши), остался в Советской Украине со времен империалистической войны. Ящун был связан по линии работы УВО с заграницей (с Польшей). К Ящуну приезжал весной в 1933 г. из Львова (Польша) для связи член к-р организации Шах Иван Григорьевич, в настоящее время арестован, осужден и сослан в Туркестанские лагеря.

В 1929 г. на Украину из Польши приезжала группа членов УВО под видом кооперативной украинской делегации из Западной Украины во главе с депутатом польского сейма Луцким Остапом. Ящун связался лично с этой группой членов УВО, был с нею в контакте во время ее пребывания на Советской Украине (они были здесь дней 8–10) и продолжал держать эту связь до дня своего ареста. Ящун считался активным членом УВО.

§ 8

З/к Ящун получил две открытки и одно письмо из Белгорода, ул. Дзержинского, д. № 107, от Ящун Надежды Николаевны. В открытках она пишет, что долго не получала от него писем и очень беспокоится. В последнем письме пишет, что сразу получила от него два письма, из которых узнала, что он находится на другом л/пункте, чем и объясняет причину неполучения писем, и просит сообщить, получил ли он ее письма. Далее письмо семейного характера.

Ящун отправил письмо своей жене в Белгород, в котором пишет, что не получает от нее писем, указывая, что он запрашивал о них своих родителей, но также ответа не получил. Далее просит жену не беспокоиться, что живет пока хорошо, просит беречь свое здоровье, и дальше письмо носит чисто семейный характер.

§ 9

З/к Курбас Александр Степанович очень скрытный, ведет себя очень осторожно. Проводя лекцию по докладу т. Молотова о второй пятилетке, во время которой з/к Недопекин сказал, что в СССР скоро будет много машин и мы таковые получим и уедем отсюда, Курбас никакого разъяснения не дал как лектор, а улыбнувшись, обошелся молчанием.

З/к Курбас получил две посылки, одну от жены, а другую от матери, посылки состоят исключительно из продуктов, как-то: кондитерских изделий, сала, масла сливочного, колбасы, сахара, кофе, конфет и т.д.

§ 10

З/к Курбас, возвращаясь с работы вместе с з/к Печковским, который спросил у Курбаса, нет ли чего нового и что пишут в газетах, на что Курбас ответил, что новостей нет, а по газетным данным, СССР признали Чехословакия, Югославия, Румыния.

На замечание Печковского, как это так, что признали СССР малые государства, а Франция, Англия и Германия нет, Курбас ответил, что это вполне возможно, что малые государства признали под диктовку больших, и вообще очень трудно разобрать политику, но самое главное это то, чтобы не было сейчас войны, т.к. в случае войны мне нельзя будет сделать ничего по своей профессии.

§ 11

З/к Курбас получил от жены 8 открыток из Харькова-22, Барачный пер., д. «Слово»-5, кв. 64, Валентины Николаевны Чистяковой-Курбас и 2 телеграммы от нее же из Киева, Пушкинская 12/6, 3 открытки, 1 телеграмму, 3 закрытых письма и одно спешное, 2 открытки с дороги с почтовым штампом Севастополь и Новороссийск.

Из Харькова от матери одно письмо и одна открытка.

Вся почтовая корреспонденция носит семейный характер. Жена делится своими впечатлениями от постановок на гастролях, присылая вырезки из рецензий, спрашивает у него возможность приехать к нему на свидание. Сообщает о высылке ему посылок с просьбой сообщить, в чем он нуждается.

За это время Курбас отправил матери в Харьков 2 открытки, жене в Харьков 2 открытки и два письма и 1 открытку в Киев, в которой благодарит за присланное и просит о нем не беспокоиться, посылки посылать реже и скромнее. Описывает свое житье в лагерях, просит писать о своих впечатлениях о гастролях и просит присылать вырезки из рецензий. В одном из писем запрашивает про одну семью: в Харькове или куда уехала, причем фамилию указывает, что постоянно он ее путает — не то Бедня, не то Крышка, но он отец Катри и Ларисы.

Пишет, что собирается написать художественно-лирическое произведение из жизни Карелии и своих переживаний.

Курбас написал письмо в Харьков на имя жены. Письмо это конфисковано, т.к. написано двусмысленно, как-то: «...У Шекспира как будто есть такое место, когда бросается со сцены в публику:

Я должен избегать языка, которому учился сорок лет,
И мой язык не более мне полезен,
Чем арфа или лютня без струн.
Искуснейший инструмент как будто попадает
В руки того, кто не знает, как его настроить в тон.
Мой язык в моем рту-тюрьме,
А зубы и уста двойная решетка...».

«...У нас было сняли железные печки, но вчера их снова поставили, потому что холодище, но ты знаешь, что я люблю холод, а особенно, когда в печке огонь...».

Курбас получил две посылки из Харькова, одна весом 6 кг., ценная в 120 руб. и вторая 6,400 гр., ценная в 130 руб. Посылки состоят целиком из продуктов, как видно экспортных, и почтовых принадлежностей.

§ 12

З/к Озерский Юрий Иванович получил открытку со штампом «Москва» от жены, судя по смыслу, но подпись неразбочива. В открытке пишет: «Наконец-то получила от тебя известие, а то ни от кого не могла узнать, где ты. Я не знаю, за что ты арестован, какое у тебя обвинение и какой у тебя срок, была у прокурора и сколько ни просила, но ничего не узнала, жить, кажется, буду вместе с Таней, а пока мне сейчас никуда не пиши, я же тебе буду писать часто и вышлю посылку. Мне досадно, что ты мне [нрзб.] не верил, а больше всего следователю. Мы были подвергнуты самым жестоким репрессиям и пришлось быть в Москве и добиваться своих прав, пока что окончилось сравнительно благополучно».

Озерский отправил закрытое письмо по адресу: Харьков, Молочная, 16, кв. Богдановых, Ксении Дмитриевне Мозолевской. В письме просит сообщить, где находится его жена Шура и дети, что он потерял с ними связь и не получает известий. Описывает свое пребывание в Карелии, условия удовлетворительные, но пища неважная, отчего у него начал болеть желудок. Далее пишет, что Шуре можно будет приехать сюда на поселение, когда он отбудет одну треть срока, а прежде чем приехать к нему на свидание, лучше списаться с отделением и получить разрешение на таковое. Далее письмо семейного содержания.

§ 13

З/к Тютюнник Николай Антонович отправил письмо по адресу: Харьков, ул. Грековецкая, № 58, О.К.Погореловой.

Пишет, что все нити, которыми он был связан со светом, начали рваться. «Все, что было для меня дорого, все это далеко от меня. Хотя бы я мог написать своей семье, своим родным братьям, сестрам, но я и этой малой радости лишен». Далее просит написать подробно об их жизни, просит сообщить, где Юзик и Груня, а также живут ли еще Оля с Витей, как всех здоровье. Далее письмо семейного характера. В конце приписка: «Очень прошу беречь мои вещи, а главным образом: пальто, костюм и белье. Коли вздумаете мне что-либо прислать, то не забудьте прислать рубашку, подтяжки, мыло, носки, чай, какую-нибудь серую верхнюю рубашку и гимнастерку».

§ 14

З/к Крилик-Васильков Осип Васильевич получил два письма от жены, первое из Харькова, площадь Розы Люксембург, гостиница «Астория», в котором пишет, что ее выселяют с Украины, не знает, куда ей ехать, как воспитать детей, и боится за себя, что вряд ли она все это переживет, потому что чувствует себя очень плохо, с работы увольняется, т.к. 12/6 должна выехать с Украины, «что будет с хатой не знаю, но, наверное, при отъезде заберут за долги. Вот пишу тебе несколько писем, но не получаю ответа, а также не получаю ни от кого от родных».

Второе — из Белгорода, почтамт, до востребования, Н.Г.Крилик-Олейник. Сообщает, что она переехала в Белгород, но неполучение от него писем ее сильно волнует, и просит написать открытку хотя бы в пару строк.

Крилик отправил письмо по адресу: Полтава, ул. [нрзб.], квартира Костенко № 9, Олейнику Николаю Григорьевичу, в котором пишет, что Ромочка заболел, получил грыжу и, по всей вероятности, придется делать операцию, просит взять на себя хлопоты и заботы по операции. Удивляется, что не получает от него писем, просит переслать имеющиеся медицинские книжки брату, которые якобы он для него покупал. Книжки выслать по адресу: Др. Кр. Волод. Засиня, ул. Франка, 21. Просит написать, где находится его семья.

Второе письмо в том же конверте на имя Дзюника, к которому обращается с просьбой помочь жене и детям и спасти их от положения, в котором они находятся. Просит посылать деньги, поддерживать частой перепиской.

Криликом отправлено письмо по адресу: Харьков, площадь Розы Люксембург, 23, Крилик М.Г. Пишет, что получил от нее письмо, рад, что она находится еще на месте, думает облегчить их материальное положение: «Все не могу написать письма к Дзюньку, ибо не знаю, не получится ли, что это могло бы ухудшить и без того наше скверное положение». Далее в письме указывает, что он помочь ничем не может, и, в основном, ей придется рассчитывать на свои собственные силы. Далее пишет за себя, про свою жизнь, за колонизацию, дает возможность заколонизироваться и далее затрагивает другие вопросы чисто семейного характера.

§ 15

З/к Хам Николай Андреевич получил одну телеграмму и три письма от жены из Чернигова, почтамт, до востребования, Бородчак Екатерине Михайловне.

Письма все семейного содержания, в которых пишет жена, что тяжело ей быть с ним в разлуке, собирается приехать на свидание, сама переехала из Харькова в Чернигов, где предполагает устроиться машинисткой, обижается на то, что он ей редко пишет. Просит сообщить, в чем он нуждается, что ему привезти или прислать. Пишет, что ездила в Киев, но положительных результатов не получила.

Хам Н.А. отправил два письма и открытку по адресу: Чернигов, Городская почта, до востребования, Бородчак Екатерине Михайловне. Письма семейного содержания, описывает свою жизнь в лагерях, советует поехать ей в Киев и переговорить, где надо. Просит приехать к нему на свидание дней на 8-10, но предварительно заехать в Мед.-Гору и получить разрешение, с собой ничего не брать и ему ничего не везти, а все привезенное им предполагает отправить с ней обратно. Все оставшиеся его вещи просит продавать, т.к. они ему не нужны. Сообщает, что он находится вместе с Атласом, Криликом, Озерским, а Курбас и Ирчан находятся от него в 40 километрах.

Начальник III части 4 отделения ББК НКВД Платонов

Врио уполномоченного СПО Куров

«___» июля 1934 г.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 20–26. Копія. Машинопис.

№ 74

З оперативного повідомлення про М.Ірчана-Бабюка 28 серпня 1934 р.

З/к Ирчан-Бабюк М.Д. все время весьма интересовался работой проходившего съезда писателей и с большим интересом следил по газетам за ходом работы съезда, причем некоторые моменты прочитывались им вслух по несколько раз. Он интересовался национальной поэзией, и особенно украинской.

Из беседы з/к Ирчана с Курбасом источнику было заметно, что з/к Ирчан боится, что его имя, как националиста, будет фигурировать на съезде. После ряда критических статей об украинской поэзии он очень был доволен тем, что его имя на съезде не фигурирует, и не скрывал свою радость по этому поводу.

В быту з/к Ирчан-Бабюк в очень близких отношениях с з/к Курбасом, причем разговаривают они всегда уединенно и подолгу. Оба очень интересуются радиопередачами, осо-

бенно из-за границы, и з/к Курбас даже просил пом. нач. по КЗЧ о том, чтобы им разрешили послушать иностранные радиостанции, а особенно Германию, обещая переводить содержание передачи на русский язык.

28.8.34 г.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 16.
Копія. Машинопис.

№ 75

З оперативного повідомлення про М.Ірчана-Бабюка 23 жовтня 1934 р.

З/к Курбас Александр Степанович (содержится на 5 Заозерном л/п) при встрече с источником 22/X с.г. сообщил последнему, что его в скором времени переводят на Мед.-Гору, чему он чрезвычайно рад, т.к. он будет там на месте и займется любимым делом. З/к Курбас говорил о том, что если он будет работать на Мед.-Горе в театре, то, конечно, последний поставит на широкую ногу.

Вечером того же дня источник имел разговор с з/к Ирчаном-Бабюком Мирославом Дмитриевичем, и в продолжение этого разговора, который продолжался весьма долго, з/к Ирчан рассказал некоторые моменты о себе и о своей личной жизни.

З/к Ирчан сообщил, что он является политэмигрантом из Америки, жил в Канаде, и что как коммунисту ему нельзя было больше там оставаться и он выехал в Россию. В гор. Харькове жил на широкую ногу и, по его словам, за свою последнюю пьесу, которая ставилась в театре «Березиль», он одних процентов получил 32000 руб. З/к Ирчан говорил по этому вопросу:

«Имея много денег, я вел красивый образ жизни, двери моей квартиры всегда были открыты для всех. У меня собирались знакомые писатели, артисты, художники. Я работал в редакции журнала и доработался до того, что весь состав редакции был арестован. Последнее время я остался почти один в качестве редактора, без сотрудников. Накануне дня ареста я пошел к Секретарю ЦК партии, обрисовал ему положение с журналом и объяснил, что его придется закрывать за отсутствием сотрудников. Тов. Постышев, с которым я разговаривал, только что вернулся из Москвы и, беседуя со мной, очень радушно уверил меня, что во всем мне поможет, даст людей и т.д. Когда я вышел из помещения, то почувствовал, что меня кто-то берет под руку и затем спрашивает мою фамилию, а когда я назвал себя, то незнакомец предложил сесть мне в автомобиль и меня повезли в ГПУ».

В разговоре з/к Ирчан выражал большое удовлетворение тем, что его друг Курбас будет переведен на Мед.-Гору, и говорил о нем: «Курбас — это большой и талантливый человек. Таких имен, как Курбас, немного, и их можно пересчитать по пальцам».

Лично о себе з/к Ирчан говорил: «Я не думаю, что мне придется сидеть 10 лет в лагерях. Наверное, посижу года два, а затем меня вышлют куда-нибудь на Урал или на Кавказ, и, конечно, я на Украину уж больше не попаду».

23/X-34 г.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 40–41.
Копія. Машинопис.

№ 76

Із спецзведення групи СПВ III частини 4-го відділення ББК НКВС 16 грудня 1934 р.

Совершенно секретно

Спец. сводка
по материалам гр. СПО 3 части 4 отделения ББК НКВД
на учетников по окраске «УВО»

В одной из бесед с источником, в последних числах ноября месяца с.г. з/к Ящун Михаил Иосифович сообщил, что он читал в польской газете «Трибуна» заметку о том, что в Галиции имел место террористический акт — убийство национал-украинца, некоего Гуменюка, за то, что последнего подозревали в принадлежности к компартии. Продолжая далее беседу, з/к Ящун высказывался: «В Западной Украине положение резко изменилось. Раньше она представляла действительно «плацдарм» — советский. Советский Союз пользовался большой симпатией в Западной Украине. После нашего процесса положение резко изменилось. После объявления нам приговора я некоторое время продолжал сидеть в ОГПУ. Месяца полтора спустя меня вызвал уполномоченный ГПУ и сообщил мне, что во Львове совершено покушение на представителя Советского Полпредства, причем он дал мне понять, что это рассматривается как ответное действие по результату нашего процесса. Раньше в Западной Украине Коммунистическая партия пользовалась большим авторитетом, но теперь это положение изменилось».

На вопрос источника к Ящуну о роли и значении Польши в международном отношении з/к Ящун ответил: «Здесь переоценивают значение Польши. За рубежом с ней мало считаются и по значимости приравнивают ее к другим [нрзб.], как, например, Литва, Латвия и т.д. Изменение отношения к Советскому Союзу в Западной Украине объясняется главным образом тем, что развившиеся в Западной Украине советские симпатии были заглушены рядом репрессий, предпринятых Соввластью по отношению к украинским коммунистам в двух процессах. Первый, связанный с именем Ефремова, и второй — с УВО. Близкий Ефремову ученый Донской (или Задонский — источник точно не помнит) успел уйти до процесса за границу и там он много нам навредил».

1/XII с.г. при получении сообщения об убийстве тов. Кирова з/к Ящун в разговоре с источником на тему об этом событии интересовался в первую очередь вопросом, на какой почве произошло это убийство и кто именно убил. З/к Ящун, продолжая разговор с источником, высказывал по этому вопросу следующие свои соображения: «Вернее всего, что Киров убит кем-либо из своих. И за такого рода соображения говорит сама обстановка убийства, т.к. в Смольный попасть постороннему человеку трудно, и особенно во время заседаний. По-видимому, это плоды внутрипартийного разногласия. В сообщениях же, конечно, все преподнесут под таким соусом, что убийство совершено врагом рабочего класса и т.д.».

Разговаривая с источником на тему об убийстве тов. Кирова, этому событию з/к Ящун придавал большое значение и это, по-видимому, сильно на него подействовало. З/к Ящун говорил также источнику, что это событие вызовет теперь большие репрессии и будет много жертв. Точно так же Ящун высказывал беспокойство и в отношении своей семьи, боясь, что все это отразится и на их благополучии.

В конце ноября месяца с.г. з/к Ящун Михаил Иосифович, беседуя с источником в общежитии канцелярских сотрудников, рассказывал о том, что отправленный в Сегежу з/к Ирчан-Бабюк работает там зав. клубом, а з/к Курбас из Сегежи уехал в Мед.-Гору. Ящун говорил, что он очень доволен и рад тому, что з/к Ирчан и Курбас уехали отсюда и будут работать по своей специальности, причем и сам он выражал надежду на то, что его тоже отправят в Сегежу, т.к., по его словам, там совершенно другие условия жизни и, главным образом, имеется возможность переписки с родными. З/к Ящун рассказал, что когда он ранее работал в Сегеже в колонизационном отделе, то имел возможность вести с родными

нелегальную переписку через начальника пристани в/н Евсюкова, в адрес которого родственники Ящуна присылали письма, и через него же з/к Ящун посылал ответы.

1-го декабря с.г. в помещении сотрудников адм.-тех. персонала 5-го л/п з/к Ящун Михаил Иосифович в беседе с источником говорил последнему: «Ирчан теперь живет в Сегеже, работает в клубе и поселился уже в поселке. Ему теперь там очень хорошо. Здесь же такое проклятое место, что просто и не знаешь даже, как бы выбраться отсюда в другое место».

Дальше в беседе с источником з/к Ящун коснулся последнего сообщения об отмене карточной системы на хлеб и другие продукты, причем говорил по этому вопросу: «В СССР уничтожают карточную систему на хлеб и другие продукты, открывают много новых магазинов, но это вовсе не говорит за то, что мы идем к лучшей жизни, т.к. перед Советским Союзом стоит постоянная угроза предстоящей войны».

З/к Ирчан-Бабюк по прибытии с 5-го л/п в Сегежу, по сообщению источника, пытался первым же долгом связаться с содержащимся на 1-м л/п з/к Хамом Н.А., а также с з/к Тютюнником, работающим на Сегежском л/заводе в должности пом. директора. 2-го декабря с.г. з/к Ирчан получил от КВЧ задание проверить работу драмкружка на 1-м л/п, для чего ему туда был выдан пропуск, и он одновременно просил также пропуск и на л/завод (где работает Тютюнник), ссылаясь на необходимость ознакомиться с населением л/завода для привлечения их к работе драмкружка.

На 1-м л/п з/к Ирчан-Бабюк был 2/XII и встречался там со своими однодельцами з/к з/к Хамом и Кнышиком.

По сообщению источника, как з/к Ирчан-Бабюк, так Хам и Кнышик проявляют исключительный интерес к вопросу об убийстве в Ленинграде тов. Кирова. З/к Ирчан-Бабюк по несколько раз в день приходит в КВЧ и интересуется — нет ли каких-либо подробностей о совершенном убийстве.

З/к Ирчан-Бабюк, точно так же, как з/к Хам и Кнышик, в разговоре с источником отмечали, что убийство в Ленинграде является делом рук организации. Они считают, что это событие приведет к изменению общего режима как на воле, а равно и в лагерях.

Еще до получения точных сведений о совершенном в Ленинграде убийстве тов. Кирова з/к Ирчан-Бабюк на замечание источника о том, что неизвестно, кто убийца и пойман ли он, ответил: «Если даже убийца и не пойман, то во всяком случае посадят столько людей, что убийство будет солидно оплачено».

З/к Ирчан-Бабюк переброшен с 5-го л/пункта в Сегежу в связи с затребованием его и з/к Курбаса Управлением лагеря в Мед.-Гору, куда з/к Курбас уже убыл.

Прибывший с 5-го л/п Унижма з/к Ирчан-Бабюк в одной из бесед с ним сообщил о своих впечатлениях, о встрече со своими однодельцами и о разговорах с ними, причем содержание своей беседы з/к Ирчан-Бабюк собственноручно записал в нижеследующем виде: «Впервые в жизни я увидел Кнышика 9/VI–34 года, когда меня перебрасывали через л/п 1 на л/п 5. Я ночевал в бараке, где Кнышик был дневальным. Он много говорил о себе и о своем аресте, тогда Кнышик был в сильно подавленном настроении, чувствовалась горькая обида за свои страдания. Он жаловался, что его слабое здоровье не позволяет ему работать на общих работах и что его только на несколько дней оставили отдохнуть в качестве дневального. От Кнышика я тогда узнал, что он работал в Киеве в 4-м отделе и часто ездил в Польшу. Подробностей он мне не рассказывал.

2/XII–34 года я встретил Кнышика опять на л/п 1. Он сразу начал расспрашивать меня относительно убийства т. Кирова, которое произвело на него очень сильное впечатление. Кто-то сказал ему, что убийца был поляк, и Кнышик боялся, что это дело рук Польши и что может вспыхнуть война. «Только не война, — сказал он, — не хочу и боюсь войны». На мой вопрос, как он себя чувствует, Кнышик ответил: «Плохо и очень плохо. На Октябрьские праздники меня изолировали, и я по сей день не могу забыть этого унижения. После этого у меня появились сердечные припадки. А в общем — ожидаю. Верю еще, что советская власть как-нибудь все же вспомнит обо мне, маленьком человеке, и эта надежда поддерживает меня. Я стал безразличным ко всему, отстаю от всей жизни... Все еще думаю о моем заключении. Я понимаю, я работал в 4-м отделе, часто ездил в Польшу, только в мае 1932 года я

был в Польше 8 раз, и меня можно было подозревать в шпионаже, так как на лбу у меня не написано, что я думаю и делаю. Но вот мне непонятно, для чего арестован и осужден ряд видных людей — членов партии, членов ВУЦИКа, заслуженных революционеров».

Когда же я сказал, что несомненно для этого есть ряд глубоких причин и что партия и Соввласть знают, что и для чего они делают, Кнышик опять сказал: «Вот это единственное, что и меня поддерживает. Бывает, что вкрадываются черные мысли, но я думаю и убеждаю себя, что ведь Партия знает, что делает».

Кнышик думает написать заявление о помиловании, но не решается. В общем, мое впечатление такое, что моральное состояние Кнышика тяжелое.

Вспоминая Ящуна, с которым он знаком, Кнышик высказался так: «Это паршивый, подлый и ничтожный человек. Всем, с кем он встречается, известно, что он провокатор и что его как провокатора и перебрасывают с одного пункта на другой». Кнышик особенно следит за политической жизнью в УССР, но из разговора с ним я вынес впечатление, что он стал каким-то тупым, безразличным, и все достижения или неудачи СССР он расценивает с точки зрения своей личной судьбы. Войны он боится, потому что тогда его (осужден по ст. 58–6) могут расстрелять. Достижения и прочное положение СССР, по его словам, есть приближение к его освобождению из лагерей. По моему мнению, Кнышик не дышит одной грудью со страной. Он «единоличный» со своими вздохами, думая исключительно только о себе.

К сожалению, позднее время и занятость Кнышика в хлеборезке не позволили мне развернуть разговор шире. Передаю отрывки разговора, который мы вели в свободных промежутках от работы Кнышика.

«Хама Николая Андреевича я лично не знал до мая 1933 г., пока мы не встретились как члены похоронной комиссии после самоубийства украинского писателя — члена партии Гирняка Петра, который одновременно был активным членом городского МОПРа в Харькове. Хам входил в комиссию от Президиума МОПРа, а я от Союза писателей.

Второй раз я встретился с Хамом во время нашей отправки спецконвоем в лагеря ББК. Надо отметить, что тогда Хам был большущим оптимистом, чувствовал себя бодро, убеждал каждого, что нам необходимо перенести «это временное бедствие» и что через 1–1,5 года нас, без сомнения, освободят.

Несколько слов о прошлом Хама. Хам принадлежал к той группе западноукраинской (галицийской) интеллигенции, которая еще до империалистической войны входила в так называемую «Партию москвофилов», руководимую и субсидированную графом Бобринским из Петрограда. Эта партия, пропагандируя цареславие и православие, между прочим, не признавала украинского народа и языка и утверждала, что существует только один русский народ во главе с православным царем… «Партия москвофилов» (преимущественно попы и мелкая буржуазия) и ее приверженцы — открыто стали на стороне царской России, и тысячи их после оккупации царской армией Восточной Галиции эмигрировали вглубь России. Мне не известно, где был тогда Хам, но знаю, что в гражданскую войну он был прапорщиком белогвардейской (кажется деникинской) армии и даже получил георгиевский крест.

Приблизительно в 1922 г. Хам появляется на Западно-Украинском политическом горизонте вместе с Кириллом Вальницким во главе новой эс-эровской партии («Воля народа»), которая в 1924 или 1925 г. принимает советскую платформу, осуждает «москвофильство» и эсэровские позиции и вливается в массовую легальную партию «Сельроб» (сельско-рабочая партия), которая работала под контролем Компартии Западной Украины. От этой партии Хам и Вальницкий, не помню точно, в котором году, избираются депутатами в польский сейм.

В 1927–1928 гг., когда на Западной Украине, во главе с членами Политбюро КПЗУ Криликом-Васильковым и Турянским, происходит раскол и партия отходит от позиций Коминтерна, превращаясь в националистическую партию, так называемую «шумскистов» (название от националистической внутрипартийной группировки в УССР, возглавляемой тогда членом ЦК КП(б)У Шумским), в легальной партии «Сельроб» наступает тоже раскол. Надо отметить, что Хам и Вальницкий боролись до конца против «шумскистов» и их раскольнической работы.

В 1930 г. Хам приехал на Сов. Украину, где особенно активно работал в Мопровском движении.

Я не видел Хама больше 6 месяцев и встретил его только 2/XII на л/п № 1. Он очень обрадовался мне, т.к., по его словам, он очень страдает от своего окружения. «Кругом люди (жаловался он мне), с которыми у меня нет ничего общего. Сплошная контрреволюция, к тому же люди тупые, безразличные ко всему». (Речь была о канцработниках.) Оптимизм его немного понизился: «Я отступил процентов на 10, но все-таки не падаю духом».

От жены, которая приезжала к нему на свидание, он узнал, что его друг Вальницкий не арестован и работает в Москве в Профинтерне, но чувствует себя очень скверно и завидует Хаму, что он в лагерях, с Вальницким виделась жена Хама, когда проезжала через Москву, и Хам удивляется, почему Вальницкий не арестован.

Между прочим, Хам сказал мне, что Тютюнник передал через его жену три письма, и жена, чтобы не скомпрометировать себя и Тютюнника, не разрешила сделать у себя обыск. Все-таки Хам, боясь, что Тютюнник сознается в 3 части, что он передал письма, успел предупредить Тютюнника, что «письма доехали». Позднее жена Хама сообщила в письме, что письма она довезла благополучно и «все в порядке».

Теперь Хам жалеет, что связался тогда с Тютюнником, и в разговоре о последнем Хам высказывается как о бывшем «партийном мещанине». Поскольку я почти не знаю Тютюнника, Хам сказал мне, что это человек полезный только как спец. своего дела, но в политической жизни ненадежный, нестойкий и коммунистом был совсем случайно, т.к. с партией, кроме партбилета, у него ничего общего не было.

С пренебрежением и ненавистью вспоминает Хам Ящуна, которого встречал на Вожма-Салме, и утверждает, что это решительно несоветский человек и никогда им не был. Кроме того, по мнению Хама, Ящун вредит особенно в лагерях своими контрреволюционными разговорами.

С большим сочувствием отзывается Хам о Крилике-Василькове, хотя на протяжении лет они были непримиримыми политическими врагами. Хам сказал: «Крилик очень честный и умный человек. В лагерях он много пережил, но переносил все бодро, понимая, что это необходимо пережить. В разговорах со мною он признавал, что своей работой, как вождь раскольников в КПЗУ, он фактически работал на пользу контрреволюции, и за это он заслужил самое строгое наказание. К сожалению, Ящун, работая вместе с Криликом на общих работах, сильно влиял на него своими разговорами. Крилик, не имея никого другого возле себя, к тому же, получая от жены отчаянные письма об ужасно тяжелом положении ее и детей, начал думать о самоубийстве». Хам и на сегодня опасается за Крилика, тем более, что Озерский, с которым остался Крилик, «очень тяжелый человек, совсем не товарищ, и вместо поддержки Крилика часто подсмеивается над ним».

Между прочим, Крилик все время носится с мыслью написать заявление о помиловании. Он мечтает только об одном: спасти свою семью, жить и работать хотя бы в Карелии, но только иметь возможность вырвать детишек и жену из тяжелых бедствий.

Очень интересовался Хам Курбасом и Атласом, за которых он еще в разговорах со мной по дороге в лагеря опасался. Курбаса он расценивал как украинского националиста, который упорно будет стоять на своих позициях, Атласа как молодого, но опытного и сильно обиженного арестом. Когда же я теперь рассказал Хаму, что и Курбас и Атлас сильно переменились, что они прекрасно вели себя и в самые тяжелые минуты не падали духом и даже не думали проклинать-ругать Соввласть, как Ящун, что Атлас сделался прекрасным человеком, твердым и непоколебимым в своих убеждениях, а Курбас осознал все свои прошлые преступления против партии в области национальной политики, Хам был приятно поражен моим сообщением и искренно радовался этому явлению: «Вы втроем счастливы, что были вместе, и к тому же Атлас и Курбас имели Вас».

Когда же я заметил, что и он на Вожма-Салме был не один, Хам ответил: «Мы были на разных командировках, к тому же Озерский, с которым в бо́льшей части работал близко, человек очень загадочный, неискренний и нетоварищеский. Временами он яркий нацио-

налист, временами ультра-коммунист. К тому же Ящун отравлял нас своими «теориями», особенно страдал от него Крилик».

Все время Хам живо интересуется политикой и считает, что в настоящий момент международное положение для СССР хорошее, и потому он все же надеется, что приблизительно через год нас освободят из заключения.

Сильное впечатление произвело на Хама известие об убийстве тов. Кирова. Хам объясняет это убийство или «неизвестным нам внутренним осложнением в стране», или же жестокой расплатой «троцкистов», с которыми тов. Киров был беспощаден. Не исключает Хам и того, что покушение сделали русские эс-эры.

При моей встрече с Тютюнником 3/XII–34 г. он был очень и очень скупой на разговор. Убийство тов. Кирова он расценивает как дело какого-то фанатика и уверен, что оно не имеет политической подкладки.

О себе Тютюнник сказал: «Чувствую себя хорошо, много работаю, но работаю честно и с удовольствием проработал бы весь свой срок. Конечно, бывает тяжеловато, чувствуешь себя не хозяином, каждую мелочь необходимо согласовывать, к тому же до сих пор имею большие неприятности из-за длинного языка жены Хама. Она везде говорила глупости о нашем деле и вмешивала также меня». О том, что он передал через жену Хама письма, Тютюнник не вспоминает ни словом, напротив, утверждает, что он ничего не передавал, а III часть подозревает его.

Касаясь нашего заключения, он сказал: «Аресты по делу «УВО», хотя только политическая конъюнктура, но фактически это «политический бандитизм». Я читаю каждый номер киевского «Коммуниста» и вижу, сколько осталось всякой националистической шантрапы на воле, и их не берут. На Украине среди писателей остались настоящие националисты, которые и по работе, и по произведениям имеют за собой националистический стаж, и они — на воле. Но ничего, все переменится, хотя нам придется все-таки пробыть здесь года 4–5. Новый Киев, который растет с каждым днем, мы увидим не раньше, как через 10 лет. Тогда и нам можно будет свободно приехать на Украину. Советская власть забудет нам все, особенно наше пребывание в лагерях». О Ящуне Тютюнник сказал, что это дурак, который не умеет держать язык за зубами, хотя сам по себе парень неглупый.

«Я его, — говорит Тютюнник, — сотню раз предупреждал и просил быть осторожным, но не помогает. Это тоже своего рода фанатик, и у него что на уме, то и на языке».

Повторяю, что Тютюнник был чрезвычайно скупой на слова но очень просил меня заходить к нему почаще.

Начальник III части 4 отделения ББК НКВД Платонов

Уполномоченный СПО Кузьмичев
исх. № 3390
16/XII–34 г.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 62–70. Копія. Машинопис.

№ 77

Із спецзведення групи СПВ III частини 4-го відділення ББК НКВС 29 січня 1935 р.

Совершенно секретно

Спецсводка
по материалам гр. СПО 3 части 4 отделения ББК НКВД
на учетников по окраске «УВО»

21 января с.г. з/к Ящун Михаил Иосифович беседовал с источником в помещении канцелярии 5 л/п Унижма на тему об убийстве в Ленинграде т. Кирова. Коснувшись вопроса

о выявленной и привлеченной к ответственности группе лиц, возглавляемой Зиновьевым, з/к Ящун говорил источнику, что всю организацию все равно не выявят и она в СССР существовать все равно будет. Далее з/к Ящун говорил источнику: «Сейчас, в связи с убийством Кирова, в лагерях очень плохо обстоит дело в отношении осужденных по ст. 58, т.к. смотрят теперь на этих заключенных чрезвычайно неважно».

В продолжение дальнейшей беседы з/к Ящун рассказал источнику, что у него имеется очень близкий товарищ на воле по фамилии Крупа, проживающий в г. Ленинграде, от которого он, Ящун, недавно получил посылку, и который пишет ему, что будет помогать его семье, материально поддерживая ее. Кроме этого з/к Ящун рассказал также источнику, что его одноделец з/к Ирчан-Бабюк Мирослав Дмитриевич писал ему и сообщал в письме об изменениях в своей личной жизни, т.е. о разводе со своей женой.

23/I с.г. з/к Ящун М.И. при встрече с источником говорил последнему: «В этом году должно случиться то, что всех нас заключенных распустят по домам». На вопрос о том, откуда это Ящуну известно, последний ответил: «Это по всему видно для того, кто следит за газетами».

22/I с.г. з/к Ящун М.И., прогуливаясь с источником, беседовал с ним на тему о возможности применения льгот для заключенных в лагерях. По этому вопросу Ящун рассказывал в следующем направлении: «Скоро мы все будем на свободе. В общем, я смотрю на этот вопрос так, что льготы для заключенных могут быть большие, и Вы увидите, что они и нас с Вами коснутся. Сейчас такое положение, что для правительства является необходимостью разгрузить лагеря. Здесь наивно было бы рассматривать вопрос о льготах, как поощрение за работу и за хорошее поведение. Дело обстоит не так-то просто. Поднявшийся удельный вес Германии, скандал с убийством Кирова и процессы, связанные с этим убийством, как-то расстрелы десятков совершенно непричастных к убийству лиц, — все это, несомненно, в корне изменит несколько наладившиеся отношения с Америкой и Францией и положение, занятое в связи с вступлением в Лигу Наций. Все это заставит советское правительство изменить свой курс во внутренней политике. Я крепко уверен в том, что все мы скоро будем на свободе. За свою судьбу я не боюсь, меня не расстреляют, т.к. этого не позволят сделать потому хотя бы, что я осужден по процессу, о котором много шумели за границей и, по которому много видных людей отбывают срок вместе со мной. Так, например, на Вожма-Салме в УРБ работает секретарь ЦК Компартии Западной Украины, там же работает зам. наркома просвещения Украины, а на 1 л/п в УРБ работает бывший депутат Польского сейма. Как видите, все это видные люди и все мои однодельцы».

16/I с.г. на 5 л/п Унижма в III часть поступило заявление нижеследующего содержания: «Сообщаю, что в разговоре с з/к Ящуном 14/I–35 г. он сообщил, что если у него дома будет какое «несчастье» с женой, то он рискнет бежать. Считаю, Ящун расположен к побегу, и это он может сделать. Я, исходя из анализа всех его взглядов по отношению к мероприятиям Соввласти и партии, сообщаю об этом Вам, как уполномоченному III части».

«Несчастье» следующее: Ящун получил записку от Ирчана с Сегежи, который развелся с женой, и это он считает «несчастьем» по отношению к себе. О нелегальной переписке между Ирчаном и Ящуном сообщалось меморандумом от 10 января с.г. В части полученных данных о возможности побега со стороны з/к Ящуна по месту его содержания приняты меры, предотвращающие возможности совершения побега.

18 января с.г. прибывший в командировку с 5 л/п источник при встрече с з/к Ирчаном-Бабюком по поручению Ящуна передал ему привет и просьбу написать что-либо Ящуну. На следующий день з/к Ирчан-Бабюк при встрече с источником передал письмо на имя Атласа.

В отношении же Ящуна Ирчан-Бабюк просил передать ему лишь привет и сообщить, что он, Ирчан, в скором времени предполагает быть в Мед.-Горе, о чем ему якобы известно от приезжавших из Мед.-Горы артистов, которые передавали ему о том, что он в скором времени должен быть переведен в Мед.-Гору для дальнейшей переброски на Тулому, где он должен будет на порученную ему тему начать пьесу.

Письмо, переданное Ирчаном через источника Атласу, было следующего содержания: «Любимый, хороший Петр! Как Вы живете, вспоминаете ли про меня? Я еще в Сегеже, но

надеюсь, в недалеком времени уеду в Медвежку работать над пьесой. Об этом я написал заявление т. Рапопорту и надеюсь, что просьба моя будет удовлетворена. Если бы не эта сволочная, подлая история в Ленинграде (негодный акт над т. Кировым), то я может уже работал бы литературно. Ал. Степ, очень хорошо себя чувствует (правда, некогда написать). Ставит сейчас пьесу Славина «Интервенция» и вообще с радостью работает. Передал Вам привет и любит Вас так же тепло и хорошо, как и раньше. В моей собственной жизни произошло изменение, про которое Вы, может быть, уже слышали. Я разошелся с любимой женой, и она уже вышла замуж. Помимо того, что это очень трудно переживать, это очень большая для меня утрата. Но что поделаешь, нужно перенести и этот тяжелый груз. Как выдержит только спина, — но, очевидно, выдержит. Мне нужно втянуться в любую работу, работать над собой всеми силами, работать для себя и для всех и в новой работе добывать снова свою жизнь, найти нужное равновесие и быть полезным человеком. Нелегко мне то, что за перестройку жизни берусь на 35 году. По-моему, это еще не поздно, правда, Петро? Ну, Вам уже не так много осталось быть здесь, и скоро Вы будете равноправным гражданином СССР. Мы с Ал. Ст. приедем позднее и твердо верим, никто из нас своей работой не принесет стыда великой социалистической Родине. Позднее буду писать. Отвечайте. Привет т. Ходоровичу. Крепко жму Вашу руку и целую Вас. Ваш М.Ирчан. 19/I–35 г.».

Подлинное письмо через источника передано по назначению.

В одной из очередных бесед с з/к Ирчаном-Бабюком Мирославом Дмитриевичем последний рассказал о своем впечатлении, которое на него произвела встреча с присланным обратно в Сегежу из Мед.-Горы его однодельцем з/к Курбасом А.С.: «Курбаса А.С. я застал в крайне подавленном настроении, он в буквальном значении этого слова совершенно растерялся и, как сам говорит, чувствует, что теряет над собой контроль».

«Почему меня сняли с работы в театре и вывезли опять в Сегежу, да еще на подконвойный пункт, я не имею ни малейшего понятия, даже не могу догадаться. В театре я работал все время честно, с большим удовольствием, и никогда не было даже у меня мысли сделать хотя бы один противозаконный шаг. В театре мне неоднократно предлагали отправить нелегальным путем письма, получать на частных лиц из дому деньги, но я категорически отказался, т.к., во-первых, мне решительно нечего писать, чтобы миновать лагерную цензуру, и, во-вторых, я и не думал и не думаю ставить свою семью в нелегальные отношения с Соввластью.

Чем объяснить мою неожиданную переброску в 4 отделение, да еще на л/пункт 1? Я не знаю, решительно не знаю. Неужели то, что в своей последней речи на Всеукраинском съезде Советов Постышев опять упомянул обо мне? Но ведь же на протяжении 1934 года подобные выступления встречались часто на страницах как украинской, так и центральной московской прессы. Неужели меня считают слишком опасным для работы в Мед.-Горе. Почему же? В чем заключаются эти опасения? Пункт у меня только 11, значит, даже при сегодняшней ситуации он не играет решающей роли. Возможно, что моя переброска связана с каким-то подлым, лживым, но удачным доносом на меня в III отдел. Мне известно, что часть верхушки в театре была против меня, опасаясь конкуренции. Знаю тоже, что в театре я как режиссер был очень нужный, тем более, что серьезной культурной режиссуры у них нет. И все-таки в самом разгаре моей работы меня вывезли.

Я был всегда большим оптимистом, но теперь опасаюсь за себя — я стал пессимистом, мое состояние духа ужасное. Я потерял жизненную перспективу. Первоначальные трудности давались легче, тогда мы имели какие-то иллюзии. Работая тяжело на общих работах первый раз в жизни и в немолодых годах, мы работали честно, мы все-таки знали, что этот этап необходимо пройти, что существует определенный план в исправительных методах в лагерях и что позднее нас все-таки используют по специальности. Теперь вижу, что это не так. Тот факт, что меня без всяких причин с моей стороны вторично в жизни арестовали и осудили на жалкое существование, доказывает, что по специальности нам работать не разрешают. Мало того, я все больше убеждаюсь, что нас решили медленно, но планово физически уничтожить совсем. Мне дали срок 5 лет, но жизнь сокращают на 20 лет. Я впервые в жизни серьезно призадумываюсь — стоит ли вообще тянуть такое жалкое существование и

отравлять себе и своей семье жизнь. Я не верю и в то, что буду работать еще на Мед.-Горе. Считаю, что на л/п № 1 я временно, что меня с этого пересыльного пункта перебросят дальше, потому я даже свои вещи оставил в УРЧ. Я часто забываю, что я в ужасных условиях, что надо мной и моей жизнью издеваются и что кругом меня враги советской системы и власти, которые часто радуются надо мной, т.к. не считают меня своим, частью сочувствуют мне, а видеть сочувствие врага мне противно и больно. Все-таки постараюсь, пока хватит сил, выдержать. 26/I-35 г.».

Составлена 29/I–35 г.

Начальник III части 4 отделения ББК НКВД Климин

Уполномоченный СПО Кузьмичев

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 71–74. Копія. Машинопис.

№ 78

Характеристика на М.Ірчана-Бабюка 4 квітня 1935 р.

Совершенно секретно

З/к Ирчан-Бабюк в прошлом активный член к-р организации на Украине «УВО». Находясь в лагере, з/к Ирчан держится чрезвычайно осторожно и всеми мерами старается показать себя вполне советским человеком. Держит тесную связь со всеми своими одно-дельцами, с которыми встречается в лагере.

Начальник III части 4 отделения ББК НКВД Климин

4/4–35 г.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 75. Копія. Машинопис.

№ 79

Агентурна записка СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС 27 березня 1936 р.

Совершенно секретно

Разгром украинской контрреволюции и националистических элементов служит неиссякаемой темой для разговоров, бесед и воспоминаний участников этих группировок:

Ирчан-Бабюк М.Д.

«Измена Галицкой армии в 1920 году сопровождалась переходом части бойцов на сторону красных. Последнее было определенным маневром, т.к. искренность перебежчиков вроде Коныка была весьма сомнительна. Затонскому принадлежит заслуга спасения ряда галичан, в том числе и меня, от расстрела, т.к. советское командование, напуганное систематическими изменами, зачастую прибегало к уничтожению перебежчиков целиком».

«Преследование всего украинского проводится с математической планомерностью, и пока жив Сталин, Украина не перестанет быть объектом непрекращающейся чистки». «КПЗУ фактически разрушена постоянными арестами ее руководителей». «Наряду с пре-

следованием революционных украинских писателей уничтожаются революционные традиции украинской литературы. Блестящие поэты периода 1918–20 гг. Элан-Блакитный, Михайличенко, Чумак, Залывчий объявлены враждебными революции, а Иван Кулик, еврей по национальности, примыкавший к рабочей оппозиции, а затем к троцкизму, превращен в основателя украинской пролетарской поэзии».

«Знаменательным результатом трехлетней борьбы с национализмом в области украинской литературы является сохранение перекрасившихся националистов вроде Рыльского и Тычины, фашиствующего поэта Бажана М., реакционера Яновского, петлюровца Панча и других. Литературная критика представлена скрыпниковцем Коваленко и троцкистом из бывших бундовцев Щупаком».

«Постышев проявил типичное для русского великодержавника сановное высокомерие к крупнейшему в СССР мастеру сцены Курбасу. Близкое общение с Курбасом убедило меня в том, что он сохранил верность своим прежним творческо-идеологическим принципам. Если Курбас и перестроится, то не в лагере, ибо здесь он будет держаться за свои идеи, хотя бы по одному тому, что нынешнее положение дает ему возможность фигурировать в качестве «идейного» страдальца».

«Коник — бывший работник полевой жандармерии Галицкой Армии. Для настроений показательна его оценка ВКП(б) как партии сталинского фашизма. Стрелков ВОХРа Коник называет сталинскими жандармами».

«Репа — мастер фракционных комбинаций, сохранивший свои убеждения шумскист. Любченко и Хвыля примыкали к шумскизму, сформировавшемуся в качестве фракции КП(б)У. Их активное участие во фракционной работе шумскистов проявлялось в закрытых обсуждениях совместно с Антоном Приходько статей Волобуева о колониальном характере экономики Советской Украины».

Мондок — доверенное лицо Ленина и друг Белы Куна — сохранил свою преданность коммунизму, однако действия НКВД изменили его мнение о добросовестности руководства ВКП(б) и КП(б)У.

Резолюция Конгресса Коминтерна по украинскому вопросу была платформой, на которой Скрыпник сколачивал вокруг себя группу работников Исполкома Коминтерна из партий, угнетенных польским империализмом стран.

К этой группе принадлежал и Мондок, несмотря на свои расхождения со Скрыпником о Бадане. Будучи Комиссаром Венгерской Советской Республики по делам Закарпатской Украины, Мондок, следуя примеру венгерских коммунистов, осуществлял в основанном им печатном органе «Червоный Прапор» единство с контрреволюционными элементами украинской социал-демократии и Украинской партии социалистов-революционеров Галаганом и Шаповалом.

Исторической заслугой возглавлявшегося Мондоком руководства Компартии Закарпатской Украины было пробуждение национального сознания населения Закарпатской Украины, борьба за развитие украинской культуры, борьба за превращение русинов в украинцев. Мондоку делает честь то обстоятельство, что на следствии признавал себя украинцем и отстаивал революционность и правильность своей работы на Закарпатской Украине.

Статья Сталина «Головокружение от успехов» — маневр, преследовавший цель освобождения руководства ВКП(б) от ответственности за развал сельского хозяйства и голод.

«Интервью Сталина, данное Рой Говарду, как бы ни были завуалированы его высказывания, проникнуто желанием «быть как все» и ввести СССР в круг буржуазных государств. С этой целью провозглашается отказ от идеи международной пролетарской революции, по существу лишь подтверждающий фактическое положение вещей».

«Только война изменит господствующий курс, курс преследования украинских революционных элементов. Мы же получим свободу лишь тогда, когда репрессии 32–35 гг. будут признаны перегибом и виновники репрессий будут привлечены к ответственности».

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 81–83. Копія. Машинопис.

№ 80

Агентурна записка СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС 4 квітня 1936 р.

Совершенно секретно

О смерти Скрыпника Ирчан выразился:

«У него были свои счеты с Политбюро. Это и было причиной самоубийства. Он все знал, что там происходит, почему произошли эти аресты... То же самое — Хвылевой застрелился в знак протеста против ареста укр. писателей и укр. интеллигенции. Он был политик и после ареста Ялового сразу сообразил, что происходит. Он знал, что и до него дойдет».

Рудницкий говорит, что наука не может быть политична, и там, где политика, там уже нет науки. Это же мнение поддерживает и другой сосед доктор Гильфман.

Мондок говорит, что напрасно он пришел к укр. нации, напрасно он приехал в Союз. Оставаясь мадьяром, он никогда не был бы арестован. Ирчан говорит, что все равно забрали бы. Репа считает, что на мадьяр еще не пришла очередь.

Истомин М.И. переспросил Петракова, о каком Кагановиче он говорит.

— Это Нарком тяжелой промышленности, — отвечает тот.

— Тяжелой? Да... Она даже очень тяжелая у нас... Тяжело беременная и не может родить...

В этом духе иронизирует он часто.

Гильфман, развивая теорию, говорил, что для пользы дела необходимо было бы всех членов партии и ВЛКСМ пропустить через лагеря, чтобы они перевоспитались и закалились.

Верно: Оперуполномоч. СПО Новоселов

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 84. Копія. Машинопис.

№ 81

Агентурна записка СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС 14 квітня 1936 р.

Совершенно секретно

Ирчан М. сильно подавлен. Часто в разговоре задает вопрос: «Что дальше будет с ним?» и приходит к выводу: «Мы уже конченые люди, с нами расправились раз и навсегда». Выражает желание провести конец жизни хотя бы в отдаленных местностях Союза.

Говорит даже такое: «Я задумываюсь, стоит ли дальше жить?». Указывает на самоубийство Хвылевого и Гирняка. Свое заключение он поясняет специальной политикой, проводимой Постышевым и имеющей целью ликвидацию целой прослойки украинской партийной интеллигенции, происходящей из Западной Украины. Из выступления т. Постышева на Пленуме ЦК КП(б)У (см. «Большевик», № 5–36 г.) и выступления на последнем съезде Комсомола Украины делает вывод, что национальная политика, проводимая т. Постышевым, настолько непопулярна в массах, что приходится делать официальное заявление, чтобы оправдать массовые аресты украинцев. Считает, что Соввласть беспримерно в истории жестоко расправляется с людьми, ни в чем не повинными и работавшими для революции, и в то же время разных проходимцев — в прошлом активных врагов Соввласти, вроде украинского писателя Панча (бывший петлюровский офицер) — поддерживает.

Считает, что Соввласть этим убивает творческие силы, могущие быть использованными для строительства социализма. Особенно на это действует подавляющая лагерная атмосфера и моменты массового скопления уголовного элемента, как, напр., в театре и на собраниях. В лагерях он впервые столкнулся с этим элементом и на него сильно подействовало особенно то, что Соввласть считает этот элемент более близким себе, чем лиц, осужденных по так назыв. к-р статьям. Заявляет, что исправительно-трудовая политика в лагерях не дает никакого положительного результата.

Ирчан — единственный человек, с которым Курбас поддерживает близкие отношения. Ирчан высказывает свое мнение и мнение Курбаса, что национальная политика партии и Соввласти идет зигзагами. Так, например, национальная политика 1932–35 гг. диаметрально противоположна нац. политике 1924–25 гг., которая, по их мнению, была правильна. Этой политики Курбас и придерживался в своей работе в театре «Березиль». Курбас признает, что с точки зрения теперешней нац. политики его работу можно признать контрреволюционной.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 85. Копія. Машинопис.

№ 82

Агентурна записка СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС 27 квітня 1936 р.

Совершенно секретно

Среди бывших членов партии — украинцев наблюдается деление на 2 враждебных друг другу группы. Первая, называющая себя полностью разоружившейся перед орг. НКВД, раз и навсегда порвавшей связь с прошлым, твердо ставшей на путь полного исправления. Сюда входят: Эпик Григорий — бывший боротьбист, Пероцкий Борис, троцкист Штангей Владимир, Ирчан Мирослав.

Вторая группа неразоружившаяся, т.е. не давшая, как они выражаются, никаких показаний. Сюда входят: Бервицкий, Кузьменко, Андриянов. 1-я считает, что раз и навсегда порвали с прошлым. Теперь твердо стоят на пути генеральной линии Партии. Никаких враждебных настроений среди них не наблюдается.

2-я часть, критикуя первых, называя таковых провокаторами, оправдывает себя. Очень часто можно встретить их специально среди реакционной среды; так, например, недавно Кузьменко в канцелярии ф/ч по адресу Эпика и Ирчана произнес, что эти люди много написали на себя и на других. Этим самым посадили много людей ни в чем не повинных, называя их разными словами. Такие разговоры ведет и Бервицкий, который сказал, что тот, кто на себя много клеветал, тот долго будет сидеть, и будущее его надо считать умершим, а те, кто не признавал себя виновным, — надо считать, что скоро будут освобождены, т.к. скоро будет изменение политики партии к бывшим членам партии, осужд. ОГПУ.

Что касается характеристики каждого, то она такова:

Эпик Гр. добросовестно относится к общественной работе, пишет рассказы. Вскрывает врагов. Никогда нездоровых разговоров не замечается. Твердо верен линии партии и ее ЦК.

Пероцкий настроен пессимистически, имеет связи с враждебными в прошлом людьми — Яворским Матвеем, Жантиевым и др., попав под влияние, колеблется, не верит порой партии, пускает свою судьбу под откос, нигде никакой работы не ведет. Над ним надо поработать, дать возможность работать, что рассеет окружающее влияние.

Штангей работает рабочим на складе ч/снабжения; добросовестно относится к труду, учится на курсах лекпомов. Связи ни с кем не поддерживает. Выдержан. Искренне стоит на платформе компартии. Не теряет надежды на возврат в ОСО.

Ирчан ненапряжен. Выдержан. «Я был и останусь коммунистом», — говорит он. Никаких разговоров ни с кем не ведет. Настроение бодрое и неунывающее.

27/IV

Верно: Оперуполном. СПО Новоселов

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 86.
Копія. Машинопис.

№ 83

З оперативного повідомлення про М.Ірчана-Бабюка 22 серпня 1936 р.

§ 11

З/к Ирчан-Бабюк Мирослав Дмитриевич (осужден по ст. 54–6, 8, 11, 16, ср. 10 л.) по вопросу о судебном процессе над Зиновьевым, Каменевым и другими говорил: «Этим процессом руководство Партии хотело уничтожить таких людей, как Зиновьев и Каменев, для того, чтобы избавиться от свидетелей всяких махинаций и дел сталинского руководства».

З/к Ирчан осужден по делу УВО.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 87.
Копія. Машинопис.

№ 84

З оперативного повідомлення про М.Ірчана-Бабюка 6 жовтня 1936 р.

§ 5

З/к Ирчан-Бабюк Мирослав Дмитриевич (54–6, 8, 11 и 16 срок 10 лет) при встрече с источником высказывался о проекте новой конституции: «В новой конституции я не вижу существенных изменений. Самое главное в том, как она будет проводиться в жизнь. Новая конституция, по сравнению со старой, имеет больше декларативный характер, рассчитанный на внешний эффект. Вопрос о конституции меня интересует исключительно с практической стороны, т.е., скоро ли будут освобождать из лагеря. Из той атмосферы, в которой объявляется новая конституция, не видать возможности скорого освобождения».

З/к Ирчан осужден по делу УВО. Состоит на формулярном учете.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 88.
Копія. Машинопис.

№ 85

З оперативного повідомлення про М.Ірчана-Бабюка 10 грудня 1936 р.

З/к Ирчан-Бабюк Мирослав Дмитриевич, осужденный по ст. 54–6, 8, 11, 16 УК УССР сроком на 10 лет, в беседе, которая у него имела место с источником, на тему о докладе т. Сталина на VIII Чрезвычайном Съезде Советов, высказывался:

«Выступление Сталина на Съезде было только для заграницы, а в общем, после всех этих съездовских выступлений у меня развеялись всякие иллюзии на какое-либо смягчение моей участи, а также и на амнистию. Все, имеющие 58-ю статью, теперь осуждены на физическое уничтожение. Новая конституция, принятая у нас — это фразы, известные из конституции передовых буржуазных стран. Разве является новым право на труд? Ведь нигде в мире не запрещают трудиться. Право на труд — это принудительный труд в лагерях. Одним словом, говорят и пишут одно, а делают другое. Недавно, например, из Соловков освободился з/к Федчишин и направлен в ссылку в г. Архангельск. В своих письмах кому-то из лагерников на Соловки он жалуется, что уже 8 месяцев находится без работы, т.к. его, как быв. заключенного, никуда на работу не принимают. Аналогичные письма получают и от других лиц, также находящихся в ссылках, например, в Алма-Ате, где ссыльные опухают от голода».

З/к Ирчан-Бабюк осужден по делу УВО.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 89.
Копія. Машинопис.

№ 86

Агентурне донесення СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС 9 березня 1937 р.

Совершенно секретно

Во время разговора среди з/к з/к Валаева Ростислава Георгиевича, осужд. по ст. УК КРД, 3 г., Ирчана-Бабюка, Крушельницкой Вальдемары Антоновны, Курбаса Александра Степановича, на вопрос з/к Валаева Ростислава Георгиевича к Крушельницкой Вальдемаре Антоновне: «Как вы реагируете на ваш арест?», з/к Крушельницкая отвечает: «Я считаю, что мой арест был слишком ранним; я, мои братья и мой папа могли бы больше сделать, чем это думает НКВД. Все то, что мы сделали, не осталось без последствий, зернышки дали свои всходы. На сегодняшний день наша организация еще живет, и вот Александр Степанович, получая письма от своей жены, уведомлен о наших посевах. У меня эти хамы убили брата, но вера в нашу победу не убита. И я думаю, да и вы все, здесь сидящие, будете со мной согласны, что скоро мы будем опять теми, кем были, а они обезглавленными животными».

З/к Курбас, обращаясь к Крушельницкой, говорит: «Вальда, не надо себя расстраивать, не обращайте внимания на эту, с позволения сказать, сволочь».

З/к Ирчан говорит, что «ваш отец, находясь на Соловках, будет помнить, кто его враги и с кем ему объединяться, или кого он может вовлечь и на кого опираться. Вальда Антоновна, когда я смотрю на все, у меня появляется такая ненависть ко всем тем, кого здесь считают лагруководством. И я перед собой поставил задачу остаться верным тем, от кого меня оторвали (и от жены, и от семьи, и от других). Моя месть будет жестокой местью».

З/к Валаев говорит, что «товарищи, я бы попросил в моем присутствии такими разговорчиками не заниматься. Я спрашивал Вальду Антоновну, а не вас».

На этом разговор был окончен.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 97.
Копія. Машинопис.

№ 87

Агентурне донесення СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС 10 березня 1937 р.

Совершенно секретно

З/к Ирчан М. по поводу событий на Украине (арест кадров т. Постышева, выступления против жены и сестры жены гр. Постышева). Лично Ирчан удовлетворен: «Пусть знают всю эту бюрократическую махину и работу НКВД. Кричали против нас, а теперь сами сели. Но вся эта политика к добру не доведет. А ну, случись война? Когда нет такой семьи в СССР, чтобы не было кого-либо в заключении. Из этого надо полагать, что недовольство есть в широких массах с той или иной политикой Советского правительства».

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 96.
Копія. Машинопис.

№ 88

З оперативного повідомлення про М.Ірчана-Бабюка та Й.Зозуляка 7 квітня 1937 р.

§ 8

З/к Ирчан-Бабюк Мирослав Дмитриевич, осужден по ст. 54–6, 8, 11 и 16 на 10 л., в беседе с з/к Зозуляком о постановлении правительства относительно Ягоды говорил: «Что посадили Ягоду — это хорошо, но его упрятали как опасного свидетеля».

З/к Зозуляк Иосиф Михайлович, осужден по ст. 54–2–4–6–8–11 ср. на 10 лет, продолжая разговор, высказывался: «Режим Сталина окутал фетишизмом ряд партийных руководителей и организаций, а в отдельности НКВД. НКВД представлялся как непогрешимый и безошибочный орган, как меч диктатуры пролетариата. Теперь, с преданием Ягоды суду, разваливается эта фетишизация среди масс о непогрешимости НКВД, ибо возглавлял эту организацию, оказывается, преступник. Плюс ко всему этому расстрел Зиновьева, быв. члена Коминтерна, и др. быв. вождей. Все это колеблет доверие масс к вождям вообще. Почему же, когда Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин и др. оказались предателями, не могут быть такими же предателями и другие из правящей верхушки. Теперь осталось только вскрыть и разоблачить фетишизацию около Красной Армии, и киты, на которых держится советская власть, рухнут».

З/к Ирчан-Бабюк и Зозуляк осуждены по делу УНКР, активно прорабатываются.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 101.
Копія. Машинопис.

№ 89

Агентурне донесення СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС 12 травня 1937 р.

Совершенно секретно

По прокатившимся в апреле парашам — первое мая должно было принести коренные перемены в Соловках. И как видно, Соловецкая масса ожидала чего-то потрясающего, если происходящие на глазах все же немаловажные события (отправка женщин, Курбаса, Андронникова и др., развертывание строительства и т.п.) не производят большого впечатления. Масса ожидала большего, массового вывоза с открытием навигации; последняя уже открыта, и никого не вывозят. Настроение таково — идет не к лучшему, а к худшему. Первым толчком к установлению такого настроения был следующий случай.

При отчете за апрель типография сдала вместе с другими оправдательными документами инструкцию для тюрем, напечатанную в нашей типографии в 250 экземплярах. Конечно, ее сейчас же прочитали все работники финчасти, известие о существовании такой инструкции быстро разошлось по всем частям отделения, приходили многие читать ее, даже и не работники Управления; из украинцев приходил Кузьменко. Факт запрещения свиданий, разрешение получать с личного счета до 50 руб. в месяц, запрещение писать больше 2 писем в м-ц — утверждают лагерников в мнении, что Соловки переведены на тюремный режим; называют фамилию И.И.Пономарева как нач. хоз. части, говорят, что Соловки называют «Соловецкие тюрьмы», и друг друга спрашивают: «Неужели всех замкнут в тюрьму и тех, кто не осужден к тюремному заключению».

Бардашевский не верит зачетам, но думает, что всех вывезут в течение лета на материк. Атаманюк утверждает, что придется сидеть календарный срок в Соловках. Гуцуляк говорит, что все «зачеты лопнули» и всех украинцев возьмут в тюрьму.

Кузьменко убежден, что украинцев на свободу никогда не выпустят, а оканчивающим срок — под разными предлогами будет срок удлиняться. Такого же мнения и Коник.

Вторым толчком явилась отправка по командировкам женщин, а также театральных работников. Женщин увезли ввиду организации женской тюрьмы. Андронникова «съели» Привалов и Курбас (так говорят многие под предводительством Арванитаки). Кузьменко утверждает, что накануне 1 Мая Андронников ходил к т. Агапову и «настучал», что первомайская программа выхолощена из праздничных номеров, а преобладает опереточность; что Курбас и Привалов затирают красноармейский ансамбль; и вот тогда т. Агапов поручил Андронникову режиссуру. За это Привалов и Курбас «съели» Андронникова. Но некоторые говорят, что Андронникова вывезли за нетактичное поведение с женщинами в клубе вольнонаемных. Оставшийся Плейх «съел» тогда Курбаса и Ирчана, пощадив на некоторое время Привалова. Антипов сказал в комнате № 29 финчасти, что нужно уничтожить украинскую группировку в театре, Курбас уже снят, будут еще сняты Ирчан и Паламарчук. Такое самое мнение и там же (знаю это от Бардашевского) высказал Макаров. Последний поставил себе целью отомстить Курбасу за критику первомайского фельетона 14 с. м. Андреев убеждал не трогать Андронникова и Курбаса, а «протянуть» «Носача» (Тараненко) и его — «лярву» — Родович, т.к. Тараненко вдохновил Курбаса. Макаров ответил, что Тараненко трогать опасно, а вот Курбаса нужно бить. В общем, склока в театре ничуть не ослабела, и вызов Курбаса и Ирчана все объясняют как результат склоки. Такого мнения все украинцы; единственный Гуцуляк говорит, что причина вывоза Курбаса — не театральная склока, а определенное мероприятие по отношению к украинцам.

Перед отъездом Ирчан сказал мне, что Крушельницкая наотрез отказалась выступать на сцене, боясь склоки. Ирчан жаловался, что совсем несправедливо назвали его в «Литературной газете» шпионом и диверсантом и пристегивают к делу Киршона. Он того мнения, что Курбас и он пострадали благодаря склоке.

Вчера беседовал с Трофименко. Он где-то слышал о существовании распоряжения о лишении зачета и переводе в тюрьму всех шпионов, диверсантов, террористов и националистов, — он думает, что будет определенный отбор и многие з/к з/к будут реабилитированы.

Все ожидают приезда комиссии из Мед.-Горы и Москвы.

Нужно разъединить работников финчасти в 4-й комнате. Это «клуб», где обсуждается каждое радио- и газетное сообщение в контрреволюционном духе. Главный — Стройков Б.И., второй — Рамашев; досказывает к ним Майстренко (большой парашник) и Глущенко.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0–21515. — Т. 3. — Арк. 104-105. Копія. Машинопис.

№ 90

Довідка про М.Ірчана-Бабюка
Жовтень 1937 р.

Ирчан Мирослав Дмитриевич, он же Бабюк Андрей Дмитриевич, 1896 г.р., ур. Галиции, служащий, образование высшее, писатель-драматург, подпоручик австрийской армии, хорунжий «УГА», б. член КПЗУ, б. член КП Канады с 1923 по 1929 год и б. член КП(б)У, гражданин СССР.

Является активным участником к-р организации «УВО». Участвовал в подготовке восстания и террористических актов к-р организации и был выделен как исполнитель терактов.

Суд. тр. КОГПУ УССР от 28.II.34 г. по ст. 54–11, 16, 6, 8 УК УССР заключен в к/л на 10 лет.

Отбывая наказание в Соловках, установил тесную связь с членами к-р нац. организации «УВО» и, в частности, с Курбасом и Ящуном. Продолжает оставаться на своих к-р нац. убеждениях. Высказывал неверие в правдоподобность показаний врагов народа Пятакова и др. членов террористического центра. Заявляет, что они дали показания под давлением следствия. Считает, что в СССР нет демократических свобод. Украина разорена культурно и политически.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0–21515. — Т. 3. — Арк. 2. Оригінал. Машинопис.

СПРАВА М.КАЧАНЮКА
(№ П-14790)

№ 91

Довідка про М.Качанюка
Жовтень 1937 р.

Качанюк Михаил Адамович, 1889 г.р., ур. Галиции, служащий, образование высшее, литератор-критик, бывш. офицер галицийской и австрийской армий. Гр. СССР.

Является активным членом к-р организации «УВО». Был связан с руководством контрреволюционной организации «УВО». Проводил вредительство на культ. фронте. Судебной тройкой при КОГПУ УССР осужден по ст. 54–4–11 УК УССР сроком на 5 лет 23/IX–33 г.

На протяжении всего периода нахождения в Соловлагерях и Соловецкой тюрьме ГУГБ Качанюк группируется с к-р националистическими элементами, с которыми занимается критикой мероприятий партии и правительства и, в частности, лозунгов тов. Сталина о защите родины, о едином фронте, о вхождении СССР в Лигу Наций и т.д.

Злостный убежденный фашист, ненавидящий коммунизм и советскую власть. Среди заключенных украинцев проповедует учесть ошибки и промахи в своей к-р деятельности, агитирует, чтобы «каждый националист научился ненавидеть своих врагов». Заявляет, что хотя украинский народ демократический, но «нужно брать установку на воинственную национальную политику и вождя», «надо иметь своего Муссолини или Гитлера». Проповедуя необходимость вооруженного восстания, выдвигает ряд лозунгов, под которыми должна вестись работа. Заявляет, что борьба за развал колхозов будет борьбой с системой. Нужно уничтожать всех украинских коммунистов.

В лагере тесно связан с украинскими националистами: Корсовецким, Полищуком, Олейником, Середой, Шваюком, Курбасом, Прокопенко, Зайцем, Кнышеком, Ильницким, Гладковым и др. Солидаризируется с террористами, проповедует террор, подогревает террористические настроения, высказываемые его единомышленниками в отношении руководства партии и правительства, в частности, в отношении тт. Сталина и Кагановича. В группе украинских к-р националистов выражал намерение организовать побег одного из своих единомышленников и направить его в Польшу для разрешения вопроса борьбы с большевиками.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 263–264.
Копія. Машинопис.

№ 92

Акт про виконання вироку стосовно М.Качанюка 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Качанюка Михаила Адамовича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ НКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 265.
Копія. Машинопис.

СПРАВА О.КНИШИКА
(№ П-12990)

№ 93

Із меморандуму групи СПВ III частини 4-го відділення ББК НКВС
13 червня 1935 р.

Совершенно секретно

Меморандум
на учетников гр. СПО 3 части 4 отделения ББК НКВД
по окраске «УВО» з/к з/к Гоккель Ганса Гансовича, Кнышика Алексея Михайловича, Ящуна Михаила Иосифовича и Хама Николая Андреевича.

[...]

Гоккель Г.Г. все время живет в уверенности, что как только стабилизируется международное положение в пользу СССР, нас освободят из лагерей и на воле, особенно нам, бывшим членам ВКП(б), не будут создавать тяжелых условий как лицам, осужденным в прошлом по 58 статье УК.

«Они прекрасно знают, — говорит Гоккель, — что большинство из осужденных по нашему делу даже не думали совершать тех преступлений, за которые мы получили срок и в которых путем провокаций и принуждений нас заставили «сознаться». СССР — как говорится в каком-то произведении — прекрасная страна, но только немножко сумасшедшая. Человек, который знает иностранные языки или вообще побывал за границей, пусть он самый честный коммунист, считается если не врагом, то возможным врагом. Временами мне кажется, что я понимаю, для чего это делается, но временами просто схожу с ума от того, что не могу найти ответа. Ведь если нас считали опасными на случай войны, то можно было сослать адмпорядком в далекие районы СССР, но не давать самую гнусную статью УК и самые тяжелые пункты, да еще бросать в лагеря на тяжелую физическую работу, не разрешая работать хоть приблизительно по специальности. Ведь для нас не находится места даже в канцелярии. Нас считают худшими настоящих контрреволюционеров и действительных классовых врагов. Спрашивается, какая же цель этой ненужной жестокости? Вот тупик, из которого я со своими мыслями не могу выйти...».

18/5 Гоккель между прочим сказал мне: «Во время моего следствия в Киеве следователь сказал мне: «Вы, Гоккель, имеете счастье, что попали к нам в 1933, а не в 1934 г., тогда с Вами было бы хуже». И теперь я все время думаю: неужели ОГПУ уже тогда знало о том, что погибнет Киров? Если это так, то в органах ОГПУ сидят провокаторы и контрреволюционеры. Фраза моего следователя заставляет меня часто и много думать, хотя поверить в то, что о Ленинградской трагедии, случившейся в декабре 1934 г., ОГПУ могло знать в 1933 или в начале 1934 г. — слишком трудно. Впрочем, я уже не знаю, что думать и кому верить. Слишком много было во всем нашем деле грязи и лжи».

С большим недоверием и даже со скрытой враждебностью относится Гоккель к з/к Курбасу А.С. и Кнышику А., он характеризует их так (26/5): «Курбас не наш человек, сердце его несоветское, и потому ему легче здесь, чем нам. Он какой-то странный конгломерат украинского национализма и советской идеологии. Он просто только розовый.

Кнышик никогда не был советским человеком, и я не верю, что он бывший партиец. С Кнышиком я уже несколько месяцев в одной бригаде и изучил его хорошо. Это просто мелкий политический спекулянт, плюс украинский буржуазный националист.

Я очень страдаю от того, что не имею здесь товарища, с которым имел бы возможность поговорить как с равным себе по убеждениям. Потому не сердись, что я часто надоедаю тебе моими посещениями. С тобой я чувствую себя в совершенно другом мире. Странная

101 — Остання адреса

вещь! Вот ты и я узнали, что подписан советско-французский договор, что умер Пилсудский — злейший враг СССР, прочли речь Сталина, не пропустили ни одной строчки в газетах о первомайских демонстрациях в СССР — и все это нас радостно волнует, мы загораемся такой искренней гордостью, как наши честные товарищи на воле, как миллионы трудящихся, — какие же мы контрреволюционеры тогда?» (После этой фразы в глазах Гоккеля заблестели слезы).

В разговоре 5/5 после обсуждения нами фактов подписания советско-французского договора я между прочим сказал, что все-таки на случай войны Красная Армия без сомнения выйдет победительницей, на что Гоккель ответил: «Советско-французский договор нажимает на фашистскую Германию с двух сторон, и теперь война против нас на некоторое время отсрочена. Но не надо забывать, что во всех войнах русских всегда и все били за их техническую отсталость. Правда, Красная Армия сильна не только своим однородным классовым составом и глубокой сознательностью, но и техникой, но все-таки навряд ли может она сравниваться по технике с германской армией. Русские способны дать миллионные массы, как они всегда делали, но сегодня не массы решают, а в первую очередь техника, и за техническую отсталость Красной Армии я боюсь. Единственное преимущество Красной Армии над фашистскими армиями — это активная помощь международного пролетариата, и одну из главных ролей в будущей победе Красной Армии будет, без сомнения, играть международный пролетариат в глубоком фашистском тылу.

Я лично не могу представить себе, что теперь, на случай войны как судимый за контрреволюцию, я буду только тыловым ополченцем... Ведь я на отлично окончил Военную академию, меня в пример другим ставил на выпуске нарком Ворошилов, я имею печатные труды по военному делу, в запасе я имел два ромба, — и помимо моей честности и преданности Соввласти и партии, я в лучшем случае буду иметь право быть только тыловым ополченцем. Это настоящая трагедия. Подобных случаев я даже не встречал в истории французской революции, которую очень тщательно изучал по редким материалам».

Недавно Гоккель получил отрицательный ответ на свое заявление относительно пересмотра его дела прокуратурой.

«Я не теряю надежд, — говорит Гоккель, — и скоро напишу другое заявление, в котором укажу, как меня путем провокации принудили давать выдуманные показания. Правда, я понимаю, что существует своего рода установка относительно нашей изоляции, но писать я буду два, пять и десять раз и буду кричать о своей невиновности».

Кнышик А. за последнее время, по его собственному выражению, «сильно опустился» и «потерял всю веру и уважение» к Соввласти. В нескольких разговорах со мной (9, 18 и 31 мая 1935 г.) Кнышик сказал, что свое заключение он считал все время ошибкой со стороны ОГПУ, но теперь убедился, что 95% з/к страдают в лагерях уже по 6–8 лет по такой же ошибке, как совершенно невиновные в тех преступлениях, за которые их осудили на «советскую каторгу». На мой вопрос, какими же убеждениями живет теперь Кнышик, последний ответил мне:

«Я был убежденным коммунистом, теперь я совершенно разочаровался во всем. Коммунизм хороший только в книгах, в теории, но не на практике, особенно если коммунистические идеи проводят в жизнь русские и евреи. Я уверен, что если бы Октябрьская революция была не в России, а в Германии, там не было бы таких диких безобразий, как здесь. Русские — азиаты, грубые, некультурные, великодержавные и слепые шовинисты. Пусть русский человек и тысячу раз клянется, что он интернационалист, пусть он будет наркомом или членом Политбюро, все равно он останется русским шовинистом, который думает только о «единой неделимой советской матушке России» и безжалостно уничтожает другие национальности, хуже и грубее, чем это делали царские черносотенцы».

Все-таки, — заметил я, — культурный человек, тем более бывший партиец, не может, по-моему, жить без убеждений. В нашу эпоху можно быть или революционером, точнее, советским человеком (невзирая на личные обстоятельства), или фашистом. Нейтральных быть не может, как не может быть какой-то середины между революцией и фашизмом. Меня просто интересует с психологической стороны этот вопрос.

«Я не могу сказать точно, кто я теперь такой, — ответил Кнышик, — к коммунизму я пришел сам, но в ГПУ, и особенно в лагерях, меня заставили считать себя фашистом. Очень возможно, что они достигнут своей цели и перекуют меня окончательно, если не в сознательного фашиста, то, по крайней мере, в человека, который со злобой и ненавистью смотрит на все те идеалы, которыми он жил в прошлом, а теперь на каждом шагу видит подлость и лицемерие. Все эти громкие речи и лозунги — только лживые фразы, потому я совсем перестал интересоваться советской прессой. В каждой строчке я вижу только ложь».

Когда я с Гоккелем обсуждал речь т. Сталина, произнесенную на выпуске Военной академии, Кнышик после того, как з/к Гоккель ушел, с ненавистью сказал мне: «Сталин в своей новой речи говорит о людях, но конечно не о нас, ибо мы уже не люди. Нас бросили на гнусное издевательство, как скот, если не хуже. Какое неслыханное лицемерие! Кричать, что «все дело в людях», и в то же время убивать сотни тысяч полезных верных людей на каторжных работах. Я удивляюсь, как Вы можете не только читать, но даже интересоваться, обсуждать и находить что-то новое в подобных речах. Я не хочу обидеть вас, но по-моему это просто рабство. Только раб может спокойно терпеть, если его бьют по голове, и верить дальше своему «пану».

Когда же я (действительно обиженный) ответил, что в связи с моим заключением у меня уничтожено все — честь, слава, доброе имя, семья, — кроме одного — моих убеждений, Кнышик, вздыхая, ответил: «Значит Вы — счастливый человек, Вам все-таки легче, Вы не на распутье, как я. Возможно, даже я завидую Вам».

Кнышик ожидает ответа от прокуратуры на свое заявление, переданное им через III часть, и говорит, что если он получит отрицательный ответ, он навряд ли сможет дальше терпеть. Все чаще и чаще его охватывает мысль покончить самоубийством.

30/5–35 г. з/к Ящун Михаил Иосифович в беседе с з/к Бараном Антоном Михайловичем (54–6, 10 л.) около 24 часов в общежитии адмтеххозобслуги 5 л/п Унижма говорил последнему о том, что он на днях получил из дому письмо, где жена ему пишет, что на воле сейчас жизнь неплохая, скучает и думает приехать к нему на свидание, которое ему почему-то не разрешают, причем он неодобрительно выражался по адресу Соввласти.

Далее, перейдя в разговоре на тему о международном положении, он продолжил: «Из газет видно, что война неизбежна. Хотя СССР и заключил договор с Чехословакией о взаимной помощи, но этого мало, т.к. в Чехословакии имеется около 2 миллионов немцев, которые всегда пойдут на сторону Германии. Сейчас Соввласть все золото отправляет за границу на содержание войск ОГПУ, но этого мало, и мы, лагерники, скоро все будем дома».

4/6–35 г. з/к Хам Николай Андреевич, который содержится на 1 л/п, в беседе с з/к Горнэ Вильгельмом Иосифовичем (58–10, 10 л.) рассказал о себе следующее: «Уроженец он из Галиции, г. Львова, польскоподданный. В 1929–30 гг. состоял там членом крестьянской партии, задачи которой были направлены против польского правительства. В 1930 г. Хам был арестован, как руководитель этой партии и приговорен к 8 г. заключения и бежал в СССР.

В 1931 г. такая же организация существовала и на Украине. По делу Скрыпника было арестовано около 3000 чел. на Украине, в том числе около 300 чел. беженцев из Польши, которые в свое время состояли в польской крестьянской партии.

Далее Хам говорил, что у него есть два брата, которые арестованы в Польше за участие в указанной выше организации.

Составлен 13/6–35 г.

Начальник III части 4 отделения ББК НКВД Климин

Врио уполномоченного СПО Куров

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 76–79. Копія. Машинопис.

№ 94

Довідка про О.Книшика
Жовтень 1937 р.

Кнышик Алексей Михайлович, 1896 года рождения, гр. СССР, уроженец Галиции, служащий, бывший член ВКП(б), служил в австрийской армии.

Шпион. Являлся активным членом к-р организации УВО с 1923 года. Будучи связанным с польской разведкой, был переброшен в УССР для подпольной работы. Занимался вербовкой новых членов в организацию, передавал польской военной разведке ряд военных секретных данных по РККА.

Судебной тройкой КОГПУ УССР от 23/IX–33 г. по ст. 54-4, 6 УК УССР приговорен к заключению в ИТЛ сроком на 10 л.

Находясь в Соловецкой тюрьме ГУГБ, Кнышик высказывал мысль о побеге, интересовался направлением в Финляндию. На воле имеет нерепрессированных единомышленников.

В Соловках связался с активными членами к-р организации УВО Ирчаном, Тютюнником, Курбасом, вместе с которыми симпатизирует фашизму и проявляет террористические настроения.

Враждебно настроен к партии и правительству.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 272.
Копія. Машинопис.

№ 95

Акт про виконання вироку стосовно О.Книшика
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Кнышика Алексея Михайловича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 273.
Копія. Машинопис.

№ 96

Висновок про реабілітацію О.Книшика 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Кнышика А.М.*
по материалам уголовного дело (арх. № *15272*)
Фамилия, имя, отчество *Кнышик Алексей Михайлович*
Дата и год рождения *1896 г.*
Место рождения *г. Меженец, Галиция*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *помощник начальника охраны кооператива в г. Киеве*
Место жительства до ареста *г. Киев*
Данные о родственниках *жена — Михайлина Осиповна, 37 л.*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Арестован 30 ноября 1932 года и отбывал наказание в местах лишения свободы (СЛОН) по ст. 54-4,6 УК УССР, 9 октября 1937 года на заседании особой тройки УНКВД ЛО приговорен к расстрелу за к-р деятельность. 3 ноября 1937 года приговор приведен в исполнение.*
Кнышик А.М. подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *В.И.Сабинин*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 274.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА П.КОРЕНКОВСЬКОГО (№ П-15385) ТА І.ШАХА (№ П-13595)

№ 97

Оперативне повідомлення про висловлювання ув'язнених 13 червня 1934 р.

Олейник, Коренковский, Сарван, Слюсар, Гуцуляк, Шах, Тур говорят следующее:

1) Заявление Постышева о неделимости великого Советского Союза надо читать — единая неделимая Россия. Ведь в Конституции СССР сказано о добровольном даже выходе из Союза, а сейчас заявляют противоположное. В своих ответах свердловцам Сталин

говорил о трех опасностях перерождения партии, где он указал один из трех моментов — внешнюю политику Октябрьской революции. Конечно, он сейчас не только может, но и проводит то, против чего он предупреждал, а именно — политика самого меньшего сопротивления по линии самой ликвидации Октябрьской революции, т.е. сделка с империалистическими группировками. Ведь Лигу Наций всегда клеймили как организатора войны, а сейчас ее восхваляет даже Сталин как орудие мира. Что же из себя сейчас представляет Лига Наций? Лига Наций из себя в настоящее время представляет воинственную империалистическую группировку Франции.

Вот, диалектика: СССР превратился из критика Версальской системы в защитника ее. Ленин по поводу Брест-Литовского мира говорил, что мы от бандитов откупаемся, но с ними грабить и убивать не пойдем, а что же делают сейчас «славные» продолжатели Ленина? Они заключили союз с Францией, а сейчас даже на конференции разоружения Литвинов предлагает подписывать пакт определения агрессора с санкциями и т.д. Что это значит? Это значит, что СССР потерял всякую перспективу международной революции, переродился в единую неделимую Россию и ведет националистическую фашистскую как внутреннюю, так и внешнюю политику.

Что значит заявление — без всякой родины? Это значит, что партия переродилась, что никакой почвы внутри страны, кроме великодержавно-националистической, нет, а поэтому крой по Николаевской. Кто содействовал ускорению перерождения партии и СССР? Этому перерождению содействуют два фактора — внутри страны великодержавный элемент в партии, а во внешней политике этому содействовала Англия.

Ленин неоднократно предупреждал, что пошкрябай русского коммуниста, найдешь в нем русского шовиниста и даже черносотенца. Так вот, эти-то элементы вместе с явной черной русской сотней толкали партию по пути ликвидации партии, по линии ликвидации национальной политики партии, также они знают, что националисты разрушили русскую империшку, они могут противодействовать установлению единой неделимой Россиюшки, а поэтому, пока была рука Сталина, все это ликвидировать. Великодержавные элементы добились ликвидации национальной политики, сейчас свободно могут выбросить бело-черный флаг, и они это сделают. С того времени национальную политику в СССР начали восхвалять Эррио — французская буржуазия и вся русская монархическая зараза.

Возможно, что где-то есть чудаки, что думают и верят, что так званое провокационное дело УВО есть интерес самой революции. Они не знают, что это провокационное дело есть дело рук великодержавников в интересах единой неделимой России. Тому, что СССР во внешней политике, в интернациональной невинности очутился в объятиях французской проститутки содействовала Англия, с Востока подбадривая Японию, а в Европе Германию против Франции и СССР, и тем самым содействовала сближению СССР с Францией, т.е. толкала на гибельную советскую дипломатию, на проституцию (потерю интернациональной невинности).

При заключении договора СССР с Францией и Польшей поляки потребовали уничтожить всю эмиграцию с Западной Украины, посадить несколько польских коммунистов, и тем самым Польша добилась следующих политических результатов: настроение, а также аресты польских коммунистов отрицательно отразились на коммунистическом движении в Польше, потому что там и так мало было по национальности поляков в партии, перевес имели евреи. Проделав эту операцию, Англия руками СССР ликвидировала коммунистическое движение в Польше, тем самым обеспечила Польшу на случай войны с СССР.

После того Англия нажала на Германию, чтобы последняя поднажала на националистические элементы в Галиции, чтобы они стали лояльней по отношению к польской государственности. Так и случилось, сейчас украинское движение в Галиции не есть антигосударственным, сейчас защитником национальной политики украинской оказалась Польша. Англия проделала этот фокус руками СССР, толкнула Польшу на тайный союз с Германией.

Союз СССР с Францией помог Гитлеру в Германии идеологически разбить коммунизм. Ведь как же могут германские коммунисты выступать против Версаля, когда СССР его допускает. Такой позорной политикой СССР разбил в пух и прах интернациональную со-

лидарность. Конечно, Гитлеру нетрудно было пояснить рабочему, смотри, кто такой СССР. Таким путем Англия добилась ликвидации коммунизма в Польше и в Германии, а сейчас (Англия) стала подготовлять Германию к войне против СССР. Англия добилась ликвидации во внутренней и внешней политике СССР завоеваний Октябрьской революции, дискредитировав коммунизм-социализм и т.д. и т.п., сейчас планомерно подготовляет войну — медленно, но верно, в которой рассчитывает разбить СССР раз и навсегда и тем покончить историческое соперничество между Англией и Россией.

Вопрос соборной Украины уже решен, его технически только осуществить — это война. Мы жестоко поплатились, что жили чуждой нам идеологией, которую нам ловко навязал русский медведь, когда он притворился лисицей. Свои уши из-под интернациональной маски он начал высовывать, когда начал проповедывать строительство социализма в одной стране, а потом лозунгом «догнать и перегнать», и заканчивая тем, что Сталин сказал на XVII съезде партии, что готовит буржуазия нападение на русскую культуру и ее высшее достижение — ленинизм. Таким образом Сталин поставил точку над і, т.е. утверждение социал-демократии, что ленинизм есть чисто русское явление.

Конечно, что раз ленинизм русское явление, то отсюда русское отечество, отсюда ликвидация национальной политики, отсюда слияние наций путем арестов и заключения в Сибирь, Соловки, Казахстан и т.д., а на Украине путем уничтожения украинцев голодом, где опустошены целые районы, и на то место привозят русских, по старой стежке колонизации. Ведь творение или творчество ГПУ организовано как УВО и т.п. Это все делается по образцу знаменитого русского провокатора в Ростове Карпова, который арестовывал рабочих и принуждал их писать заявления в соц-дем. организации. Как-то сказал Затонский, спасибо царю, что сделал революцию, черная сотня может сказать спасибо большевикам, что сделает контрреволюцию. Так, безусловно, погибли герои «десяти дней, что потрясли мир».

Ильницкий, Забудский, Фреев, Атаманюк, Мельник, Добуш, Полищук, Олейник, Хоменко, Качанюк говорят, что все это хорошо, что случилось, большевики возвратили интеллигенцию народу, что из народа выгнаны всякие иллюзии. Правда, это все обходится слишком дорого — на Украине вымерло только в прошлом году больше чем 7 миллионов людей, а сколько выстреляли, но что бы ни делали, как бы ни свирепствовали, Украина-то — не их будет. Она в будущей войне освободится при помощи Германии. Германия для Украины — это все. Германия Украине — историческая союзница. Т.к. они нас преследуют в седьмом поколении, так и мы их будем — мы им предъявим векселя. Конечно, они чувствуют утрату Украины и поэтому все берут из нее, а население Украины уничтожают голодом — перед уходом дверью хлопнут. Сталин, а сейчас Литвинов, прямо уговаривают Германию, Японию и Англию: ради бога не воюйте, ибо пропадете, но эта забота о жизни [нрзб.] не удерживает. Вот поскорей бы война, в ней мы потеряем цепи и достигнем нашей цели. Да здравствует молодец Гитлер, он им перцу даст.

Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 303–305. Копія. Машинопис.

№ 98

Агентурне донесення
8 вересня 1934 р.

Съезд советских писателей приковывает внимание постольку, поскольку по речам ораторов можно судить про направления политики точно по флюгеру. Конечно, особое внимание уделяется освещению украинского вопроса. В речах украинских писателей, в особенности председателя Союза т. Кулика, ожидалось громительного удара по укр.

контрреволюции, по Скрыпнику, по УВО. Однако довольно сдержанное и умеренное выступление Кулика и др. было встречено даже недоумением, а затем ему дано такое толкование, что, очевидно, Кулик получил указание не раздувать этого вопроса, на сегодня уже устаревшего. И из этого делают заключение, что «кампания» против украинцев кончена, что дело Скрыпника и УВО уже отодвинуто в область прошлого, это не является более злободневным вопросом и не будет вызывать новых репрессий.

Какие могли быть политические причины этого явления? Их считают в общем две:

1. Что руководством партии и органами ОГПУ сделан перегиб, «перебрали мерку» в погоне за разоблачениями и искоренением укр. национализма.

2. Что двурушническая, подозрительная политика Польши, ее заигрывание и тайные договоры с Германией и Японией, уклонение от восточного пакта и пр. подействовали отрезвляюще на советских политиков. Теперь возникает вопрос, как бы на случай войны привлечь и использовать укр. интеллигенцию и повлиять на украинские массы в Польше, которые, несомненно, оттолкнулись от союза после массовых арестов галичан прошлого года.

В общем, массовые аресты галичан и в первую очередь интеллигенции, активистов и тех, кто был известен своей непримиримой деятельностью против Польши, рассматриваются как выполнение какого-то пункта обязательства секретного дипломатического договора с Польшей. На этот шаг совполитики пошли и честно этот договор выполнили, перепуганные приходом к власти фашистов в Германии. Теперь, однако, приходит отрезвление, т.к. Польша и не думала всерьез ориентироваться на СССР.

Вместе с выполнением обязательства в части изоляции галичан, попутно разрешались и другие вопросы, как-то сведение счетов т. Постышева со Скрыпником, использование момента великодержавными шовинистами, чтобы разгромить укр. культуру и поссорить укр. коммунистов с Совластью, выявление действительных контрреволюционеров и нитей укр. фашизма, ведущих из-за границы.

Некоторые, однако, не упрощают этого вопроса и смотрят глубже. Они находят, что процесс преследования укр. культ. элемента не только не кончился, а продолжается, пошел вглубь. Теперь преследуют тех, кто не раскрыл своевременно этой контрреволюции, как это видно из чистки партактива в Чернигове и др. (В.Олейник).

Обращают внимание на то, что часть пролетарских писателей обойдена молчанием, как, например, Коряк. И наоборот, некоторые, такие как националисты-приспособленцы — Микитенко, — пока еще фигурируют.

Некоторые смотрят на этот съезд как на говорильню, необходимую для политической демонстрации, за которой кроется творческая пустота и паразитарное существование великорусской литературы. Эти лица, пожалуй, читают «Правду» через фашистские очки, и их ничто не убедит и не увлечет.

Много толков вызвало появление в лагере зам. прокурора СССР т. Киселева, а еще больше — дела, направленные им во ВЦИК. Появлению прокурора не придавали никакого значения. Вообще верить в какую-то там помощь от высших органов — это для дураков. Поэтому подавляющее большинство не писало никаких заявлений.

Были два взгляда. Одни считали, что их изоляция явилась результатом сознательного разгрома украинской интеллигенции, культуры, уничтожением творческих сил, что Совласть обрекла их на уничтожение и поэтому все ходатайства смешны и напрасны. «Врага не просят, с ним борются». Эта часть смотрит на вещи так, что ожидать какого-то сокращения срока, облегчения, снисхождения — дико и глупо. Наоборот, можно ожидать, что «любого дня всех перестреляют к черту, чтобы не возиться с нами». Что «им» укр. кровь дорога или «они» крови боятся? Поэтому они не писали никаких прошений, а если и писали когда-то, то теперь больше не будут. Это из разговоров.

Другие считают, что по общим признакам хода политических событий еще не пришло время на пересмотр этого дела, еще оно недостаточно устарело, и поэтому нужно ожидать перемены курса политики или нового этапа ее.

Тот факт, что прокурором направлено несколько дел во ВЦИК, внес смятение в ряды этих групп. В первое время отнеслись с недоверием к этому мероприятию. Считали, что

прокурор сделал это, чтобы хоть что-нибудь сделать, но это никого ни к чему не обязывает, на лагерников это должно подействовать успокаивающе перед уборочной, подымая их трудовую производительность, а ВЦИК положит дело под сукно и на этом конец.

Однако начали проскальзывать слухи, что отправленные дела будут рассмотрены и получат те или другие скидки, облегчения и освобождения. Это вызвало брожение умов и расслоение групп.

Сейчас самые заядлые жалеют, что не подавали заявлений, они колеблются в своих предыдущих убеждениях насчет того, что они обречены на использование и истребление и только... Остальные, если и не выражают открыто своего отступления, то, во всяком случае, все, как только далеко распространяется их связь между собой, с необыкновенной тревогой и нетерпением ожидают результатов прокурорского ходатайства в отношении осужденных по УВО. Если только хотя бы несколько лиц будет освобожденных по УВО, — утверждает общее мнение, — это будет признаком, того, что можно еще надеяться и стремиться, что дело не безнадежное... Вместе с тем острые раньше выпады против Соввласти как-то стушевываются, смягчаются. Озлобление выдыхается.

Обождем результатов, а тогда будем и себе просить... Но психологическая подготовка к этому уже наметилась.

Одновременно выдвигается уже вопрос и о том, как могут быть сглажены те раны, которые им нанесены? Как можно будет привлечь к работе с прежней искренностью и преданностью оскорбленных и отверженных при политической надобности? Обыкновенно выражаются за то, что они никогда больше не будут по-прежнему преданы Соввласти (Слюсар, Коренковский, Палько и др.).

— У меня всегда будет к ним вражда и жажда мести! — говорят другие.

— Нужно, чтобы Соввласть нас так приласкала, чтобы мы так же, как физически чувствовали и переносили оскорбления физически, материально, всячески почувствовали возмездие, почувствовали теплую руку Соввласти (Сарван).

Вообще чувствуется, что появление прокурора, или, вернее, направление им дел во ВЦИК, как рычагом переключило мысли на другой ход. Самые твердые и закоренелые враги, если не сдаются, то задумываются, или еще издеваются, что из этих прокурорских ходатайств ничего не выйдет, но делают это неуверенно.

Удивительно для меня, что почти поголовно все, и в особенности б/партийные, выражают страшные к-р мысли, анекдоты, ругань, открыто враждебно относятся к партии и Соввласти. Некоторые кичатся именем «фашист», любят его употреблять во всех случаях как что-то хорошее. На этой почве я даже вынужден был поссориться с Баймутом, и он очень недоволен, что я сделал ему резкое замечание при Аркадакском, а не наедине. Это кичение замечается и у других.

Верно: Вр о/уполномоч. III отд. *Клопов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 331–333. Копія. Машинопис.

№ 99

Довідка про П.Коренковського
Жовтень 1937 р.

Коренковский Павел Лукьянович, 1900 года рождения, гр. СССР, уроженец Галиции, служащий, образование высшее, ассистент Харьковского мединститута, бывший член КП(б)У, служил в австрийской и галицийской армиях.

Являлся членом к-р Украинской военной организации (УВО), по заданию которой проводил внедрение в ВУЗы шовинистических элементов и членов УВО. Проводил вербовку

членов в УВО среди работников медицины. По поручению Харьковского центра УВО должен был принять участие в организации взрыва в здании ЦК КП(б)У. Был связан с членом руководства к-р организации УВО Репой.

Судебной тройкой при КОГПУ УССР от 23/IX–33 г. по ст. 54–4–8 и 11 УК осужден к заключению в исправтрудлагерь сроком на 5 лет.

Отбывая наказание в Соловецкой тюрьме ГУГБ, продолжает вести к-р агитацию.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 306.
Копія. Машинопис.

№ 100

Акт про виконання вироку стосовно П.Коренковського 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Коренковского Павла Лукьяновича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 307.
Копія. Машинопис.

№ 101

Висновок про реабілітацію П.Коренковського 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Коренковского П.Л.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15273)*
Фамилия, имя, отчество *Коренковский Павел Лукьянович (Лукич)*
Дата и год рождения *1900 г.*
Место рождения *с. Сороцко, Галиция*

Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *Харьковский медицинский институт, ассистент*
Место жительства до ареста *г. Харьков*
Данные о родственниках *жена — Полина Ивановна*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Арестован 17 июня 1933 года и отбывал наказание в местах лишения свободы (СЛОН) по ст. 54–4, 8, 11 УК УССР. 9 октября 1937 года на заседании Особой тройки УНКВД ЛО приговорен к расстрелу за к-р взгляды без обвинения. 3 ноября 1937 года приговор приведен в исполнение.*
Коренковский П.Л. подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *В.И.Сабинин*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 308.
Копія. Рукопис на бланку.

№ 102

Довідка про І.Шаха
Жовтень 1937 р.

Шах Иван Григорьевич, 1898 г.р., по нац. украинец, гр-н СССР, ур. Галиции, служащий, образование среднее, б. канд. КП(б)У, б. член КПЗУ.

В СССР прибыл нелегально в 1933 году с заданием от Львовского к-р руководства «УВО» для собирания данных о провале к-р организации и перестройки работы шпионажа.

Судебной тр. при КОГПУ УССР 23.IX.33 года по ст. 54-2-4-6-8 и 11 УК осужден на 5 л. к заключению в ИТЛ.

В лагерях в среде заключенных ведет антисоветскую работу против партии и Совласти.

Интересуется близостью границ и практикой побега из Соловков.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 398.
Копія. Машинопис.

№ 103

Акт про виконання вироку стосовно І.Шаха 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Шаха Ивана Григорьевича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 399.
Копія. Машинопис.

№ 104

Висновок про реабілітацію І.Шаха 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Шаха И.Г.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15283)*
Фамилия, имя, отчество *Шах Иван Григорьевич*
Дата и год рождения *1898*
Место рождения *Галиция*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *студент художественного института*
Место жительства до ареста *г. Харьков*
Данные о родственниках в анкете *не указаны*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Отбывал наказание в СЛОНе по постановлению тройки КОГПУ УССР по ст. 54–2, 4, 6, 8, 11 УК. Без предъявления обвинения за ведение а/с агитации среди з/к тройкой УНКВД ЛО 9.10.37 г. (протокол № 83) постановлено — Шаха расстрелять. Постановление исполнено 3 ноября 1937 г.*
Шах Иван Григорьевич подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *Андриянов*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 400.
Копія. Рукопис на бланку.

Обкладинка слідчої справи № 1377 М.Зерова, М.Вороного, А.Лебедя, Б.Пилипенка, П.Філіпповича (1935–1936 рр.)

УТВЕРЖДАЮ
1935 г.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е.

1935 года, "20" мая, в Москве, я, Опер.Уполномоченный 11 Отделения ОО ГУГБ НКВД, НОВОБРАТСКИЙ, рассмотрев следственное дело № 1966. по обвинению гр-н:

1. ЗЕРОВА Николая Константиновича,
2. РУДЕНКО Николая Константиновича,
3. ТАРАСЕВИЧА Григория Ефимовича, -

в причастности к контрреволюционной националистически-террористической организации и, приняв во внимание, что следствие по этому делу сконцентрировано в аппарате ОО Украинского Военного Округа -

п о с т а н о в и л:

Следственное дело № 1966. вместе с арестованными: ЗЕРОВЫМ Н.К., РУДЕНКО Н.К., ТАРАСЕВИЧЕМ Г.Е. направить в Особый Отдел Укр.В.Окр.- г.Киев.

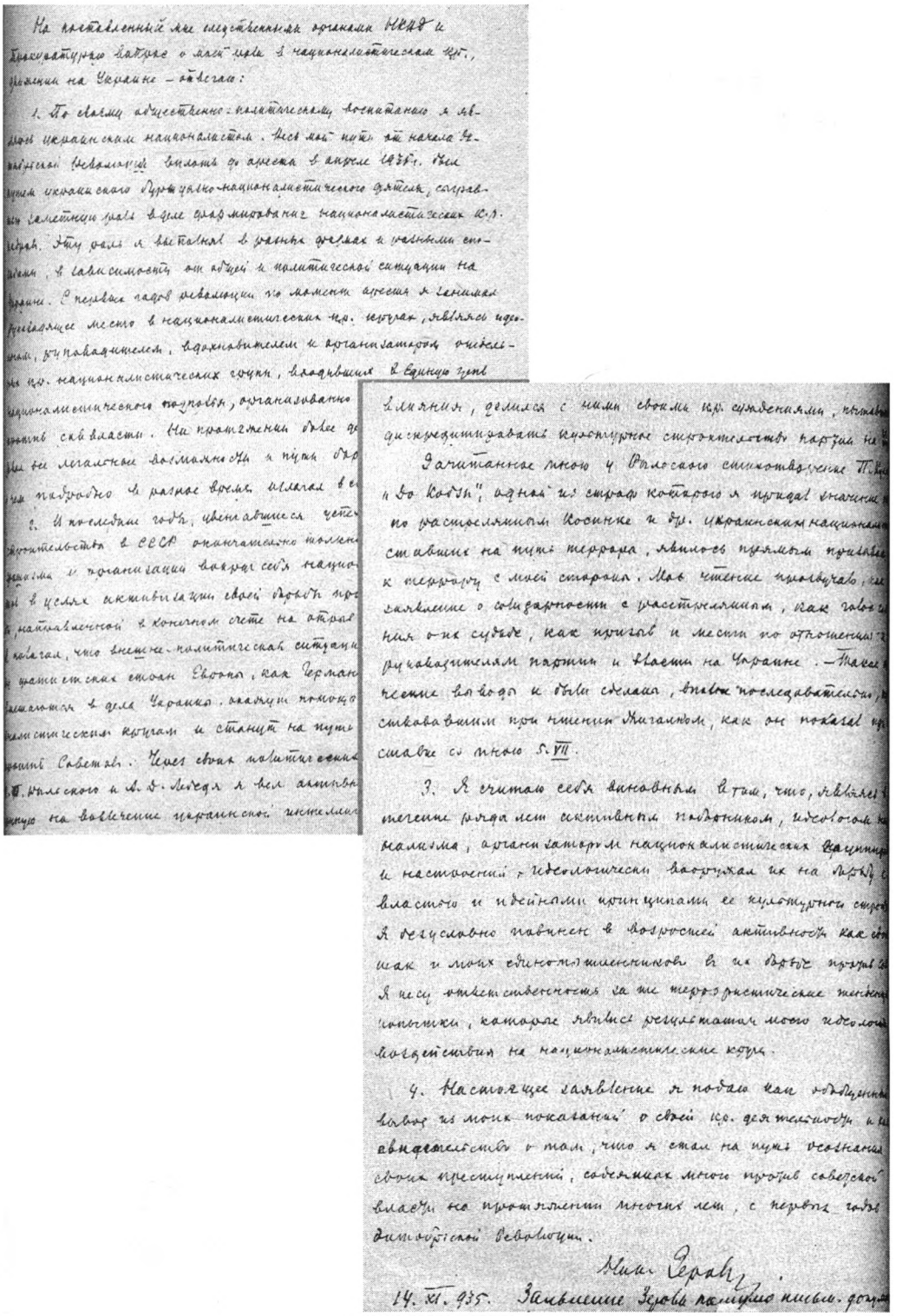
Арестованных направить в Киев спецконвоем. Руденко при конвоировании изолировать от Тарасевича и Зерова.

ОПЕР.УПОЛНОМ.11 ОТД ООГУГБ:
(НОВОБРАТСКИЙ)

"СОГЛАСЕН". НАЧ.11 ОТД ОО ГУГБ НКВД:
(ПАССОВ)

"УТВЕРЖДАЮ". ЗАМ.НАЧ.ОО ГУГБ НКВД:
(ГОРБ)

Постанова про направлення слідчої справи М.Зерова та інших заарештованих з Москви до Києва, затверджена першим заступником наркома внутрішніх справ СРСР Я.Аграновим (20–21 травня 1935 р.)



На поставленный мне следственными органами НКВД и Прокуратурой вопрос о моей роли в националистической к-р., существующей на Украине – заявляю:

1. По своему общественно-политическому воспитанию и мировоззрению я являюсь украинским националистом. Весь мой путь от начала Февральской революции вплоть до ареста в апреле 1935 г. был путем украинского буржуазно-националистического деятеля, сыгравшего довольно видную роль в деле формирования националистических к-р. кадров. Эту роль я выполнял в разных формах и различными способами, в зависимости от общей и политической ситуации на Украине. С первых дней революции, по моменту ареста я занимал руководящее место в националистических к-р. кругах, являясь идеологом, вдохновителем, вдохновителем и организатором отдельных к-р. националистических групп, входивших в Единую Укр. национал-демократическую партию, организованную после скоропостижной власти. На протяжении более двух лет легальных возможностей и путем быстрого подбора в разное время собрал в с

2. В последние годы, ознаменовавшиеся усилением строительства в СССР, окончательно полюбил идеалы и организацию вокруг себя национ в целях оживления своей борьбы против с нарастающей в конечном счете на отрав убежден, что внешне-политическая ситуация и украинские отношения Европы, как Германии, складываются в дело Украины, вскоре помощь националистическим кругам и станут на путь крушения Советов. Через своих политических [illegible] Н. Шлецкого и А. Д. Лебедя я вел агитацию на вовлечение украинской эмиграции

с ними, делился с ними своими соображениями, планами, [illegible] дискредитировать культурное строительство партии на

Начатая мною и Шлецким антисоветская [illegible] "Во Кодзь", одной из строф которого я придал значение по расстрелянном Косинке и др. украинским националистам, ставшим на путь террора, явилось прямым призывом к террору с моей стороны. Мое чтение произведения, как заявление о солидарности с расстрелянными, как голос [illegible] ния о их судьбе, как призыв и месть по отношению к руководителям партии и власти на Украине. – Такое чтение вполне и было сделано, вплоть последовательно, [illegible] сказавшим при чтении Жигановым, как он показал на [illegible] ставке со мною 5.VII.

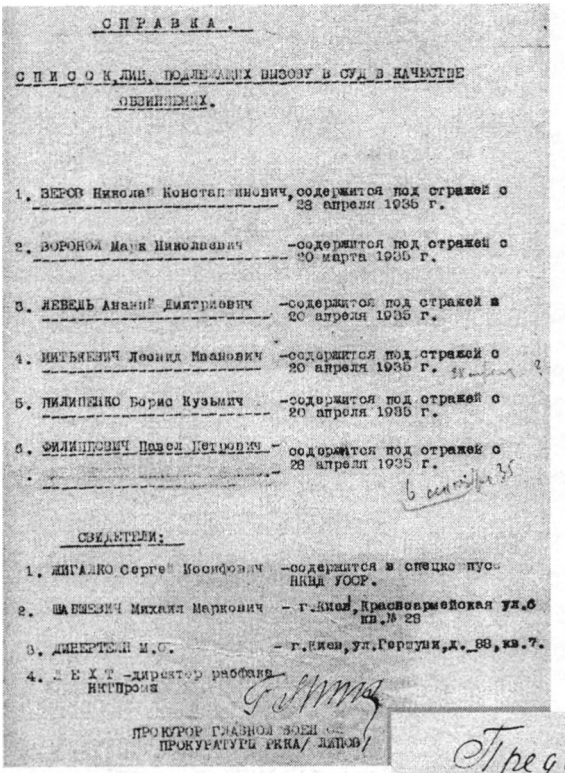
3. Я считал себя виновным в том, что, являясь [illegible] течение ряда лет активным подпольем, идеологом [illegible] памятника, органа которым националистические вредители и шпионский, идеологически вооружал их на борьбу [illegible] властью и идейными принципами ее культурного строи [illegible] Я безусловно повинен в возросшей активности как [illegible] так и моих единомышленников в их вредительской [illegible] Я несу ответственность за те террористические тенденции, которые являлись результатом моего идеологического воздействия на националистические круги.

4. Настоящее заявление я подаю как подтверждение [illegible] моих показаний о своей к-р. деятельности и [illegible] совершенное о том, что я стал на путь осознания [illegible] своих преступлений, совершенных мною против советской власти на протяжении многих лет, с первых годов [illegible] Октябрьской революции.

Зеров

14. XI. 935. Заявление Зерова полностью написано [illegible]

Власноручні показання М.Зерова від 14 листопада 1935 р.



СПРАВКА.

СПИСОК ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ ВЫЗОВУ В СУД В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМЫХ.

1. ЗЕРОВ Николай Константинович, содержится под стражей с 28 апреля 1935 г.
2. ВОРОНОЙ Марк Николаевич -содержится под стражей с 20 марта 1935 г.
3. ЛЕБЕДЬ Ананий Дмитриевич -содержится под стражей с 20 апреля 1935 г.
4. МИТЬКЕВИЧ Леонид Иванович -содержится под стражей с 20 апреля 1935 г.
5. ПИЛИПЕНКО Борис Кузьмич -содержится под стражей с 20 апреля 1935 г.
6. ФИЛИППОВИЧ Павел Петрович - содержится под стражей с 28 апреля 1935 г.

6 сентября 35

СВИДЕТЕЛИ:

1. ЖИГАЛКО Сергей Иосифович -содержится в спецкорпусе НКВД УССР.
2. ШАБШЕВИЧ Михаил Маркович - г.Киев, Красноармейская ул.6 кв.№ 28
3. ДИНЕРТЕЙН М.С. - г.Киев, ул.Гершуни, д. 88, кв.7.
4. Л Е Х Т -директор рабфака НКТПрома

ПРОКУРОР ГЛАВНОЙ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ РККА/ ЛИПОВ/

Предать суду ВТ КВО —

Зерова Ник. Конст.
Вороного Марка Никол.
Лебедя Анания Дмитр.
Филипповича Павла Петрович —
Митькевич Леонид Ивановича —
Пилипенко Бориса Кузьмича —

Всех интерных в пр. присуж. ст. ст. 54-11 и 54-8 УК

Военная прокуратура КВО предлагает дело слушать без сторон.

ВТ КВО Перфильев

19го января 1936 года

Список осіб, які підлягали виклику до суду, з резолюцією військового прокурора КВО Перфільєва від 19 січня 1936 р.

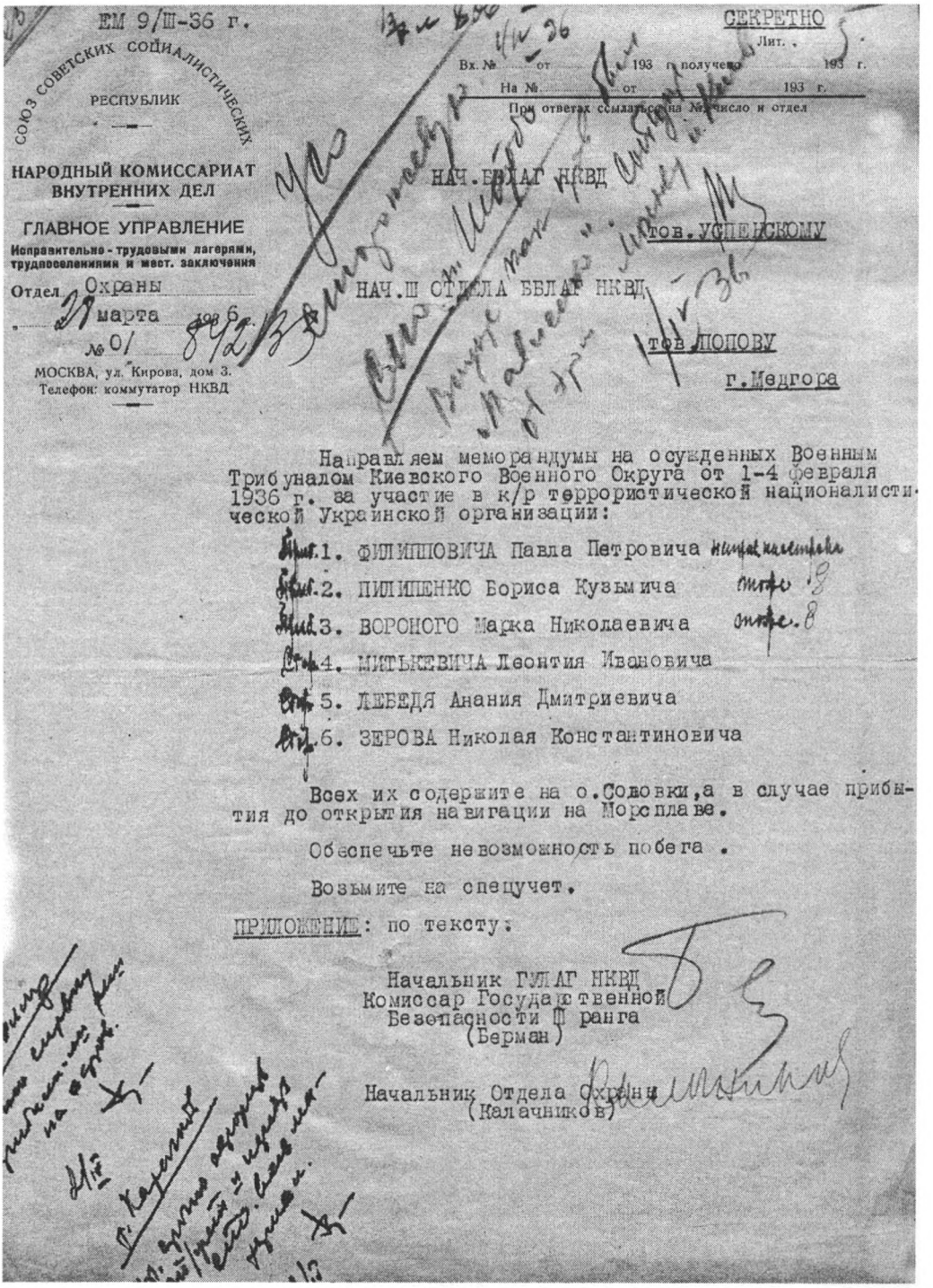
Марко Вороний
(1904–1937)

Микола Зеров з відомим українським літератором Миколою Вороним (батько Марка Вороного, розстріляний за «контрреволюційні злочини» у 1938 р.)

Микола Зеров
(1890–1937)

Павло Філіппович
(1891–1937)

Українські літератори, заарештовані і засуджені у 1936 р. за «участь у контрреволюційній терористичній націоналістичній українській організації»



ЕМ 9/III-36 г.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Исправительно-трудовыми лагерями, трудпоселениями и мест. заключения

Отдел Охраны
28 марта 1936 г.
№ 01/ 842

МОСКВА, ул. Кирова, дом 3.
Телефон: коммутатор НКВД

СЕКРЕТНО
Лит.

Вх. № от 193 г. получено 193 г.
На № от 193 г.
При ответах ссылаться на № число и отдел

НАЧ. ГУЛАГ НКВД
тов. УСПЕНСКОМУ

НАЧ. III ОТДЕЛА ГУЛАГ НКВД
тов. ПОПОВУ
г. Медгора

Направляем меморандумы на осужденных Военным Трибуналом Киевского Военного Округа от 1-4 февраля 1936 г. за участие в к/р террористической националистической Украинской организации:

1. ФИЛИППОВИЧА Павла Петровича
2. ПИЛИПЕНКО Бориса Кузьмича
3. ВОРОНОГО Марка Николаевича
4. МИТЬКЕВИЧА Леонтия Ивановича
5. ЛЕБЕДЯ Анания Дмитриевича
6. ЗЕРОВА Николая Константиновича

Всех их содержите на о. Соловки, а в случае прибытия до открытия навигации на Морсплаве.

Обеспечьте невозможность побега.

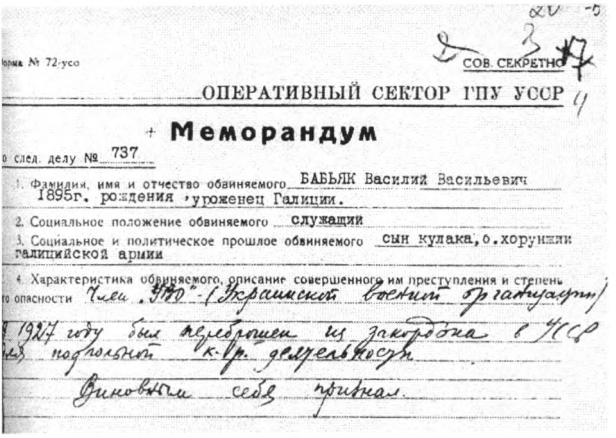
Возьмите на спецучет.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту:

Начальник ГУЛАГ НКВД
Комиссар Государственной
Безопасности II ранга
(Берман)

Начальник Отдела Охраны
(Калачников)

Супровідний лист начальника ГУТАБу НКВС СРСР М.Бермана до меморандумів на П.Філіпповича, Б.Пилипенка та інших осіб, засуджених Військовим трибуналом КВО. 28 березня 1936 р.



Форма № 72-усо

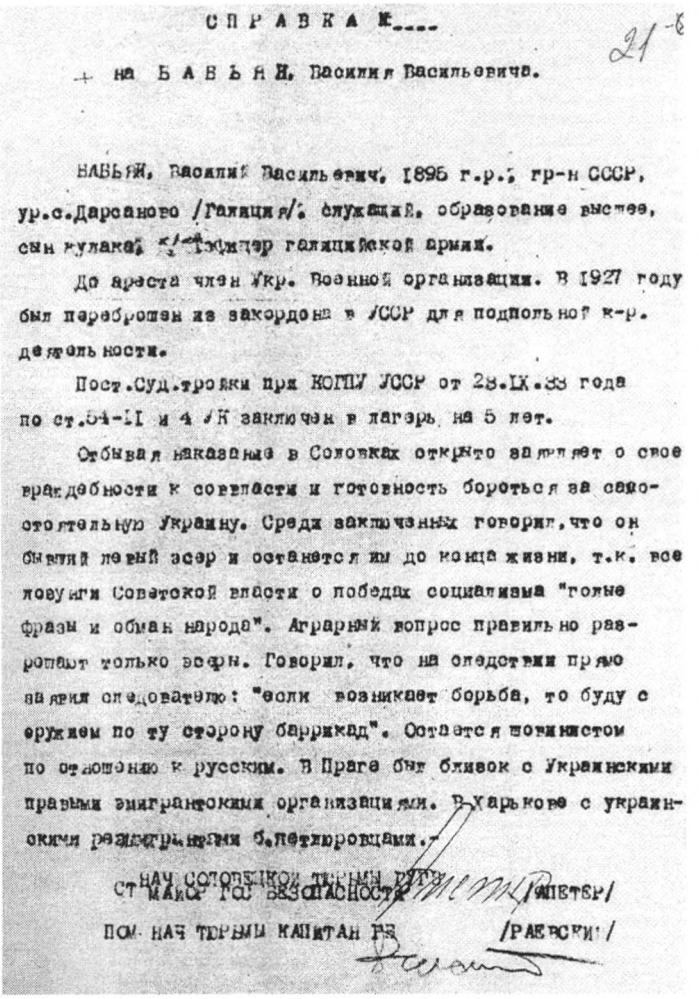
СОВ. СЕКРЕТНО

ОПЕРАТИВНЫЙ СЕКТОР ГПУ УССР

Меморандум

По след. делу № 737

1. Фамилия, имя и отчество обвиняемого БАБЬЯК Василий Васильевич
1895г. рождения, уроженец Галиции.
2. Социальное положение обвиняемого служащий
3. Социальное и политическое прошлое обвиняемого сын кулака, о.хорунжий галицийской армии
4. Характеристика обвиняемого, описание совершенного им преступления и степень его опасности Член "УВО" (Украинской военной организации)
В 1927 году был переброшен из заграницы в УССР для подпольной к-р. деятельности.
Виновным себя признал.



СПРАВКА К....

на БАБЬЯК, Василия Васильевича.

БАБЬЯК, Василий Васильевич, 1895 г.р., гр-н СССР, ур.с.Дарсаново /Галиция/, служащий, образование высшее, сын кулака, хорунжий галицийской армии.

До ареста член Укр. Военной организации. В 1927 году был переброшен из заграницы в УССР для подпольной к-р. деятельности.

Пост.Суд.тройки при КОГПУ УССР от 28.IX.33 года по ст.54-II и 4 УК заключен в лагерь на 5 лет.

Отбывая наказание в Соловках открыто заявляет о своей враждебности к советской и готовность бороться за самостоятельную Украину. Среди заключенных говорил, что он бывший левый эсер и останется им до конца жизни, т.к. все лозунги Советской власти о победах социализма "голые фразы и обман народа". Аграрный вопрос правильно разрешают только эсеры. Говорил, что на следствии прямо заявил следователю: "если возникает борьба, то буду с оружием по ту сторону баррикад". Остается пессимистом по отношению к русским. В Праге был близок с Украинскими правыми эмигрантскими организациями. В Харькове с украинскими реакционерами был репрессирован.

НАЧ СОЛОВЕЦКОЙ ТЮРЬМЫ ГУЛАГ
СТ МАЙОР ГОС БЕЗОПАСНОСТИ /АПЕТЕР/

ПОМ. НАЧ ТЮРЬМЫ КАПИТАН РКВ /РАЕВСКИЙ/

Меморандум за слідчою справою (вересень-жовтень 1933 р.) та довідка про В.Баб'яка начальника Соловецької тюрми ГУДБ НКВС СРСР І.Апетера (жовтень 1937 р.)

Форма №

гийского исправительно-трудового лагеря НКВД

VIII-е отделении

ЧЕСКАЯ КАРТОЧКА

№ Б-24536.

Прибыл в лагерь из Ленинград. Б.Б.З. 30 / XII 1936 г.
(указать наименование тюрьмы, лагеря и проч.)

Категория трудоспособности

1. Фамилия и кличка Баранник
2. Имя и отчество Михаил Сидорович
3. Год рождения 1900 Место рождения г. Двинская обл. Мстиславский р. м. Дубровка
4. Социальное происхождение из рабочих
(из дворян, мещан, потомственных, личных и т. п.)
5. Социальное положение служащий
(рабочий/служащий, крестьянин, кулак, середняк, бедняк)
6. Национальность украинец
7. Подданство СССР
8. Партийность член ВКП(б) 1933 - 1936
(состоял ли в парт. ВКП(б), ВЛКСМ, КП, анархистах и т. д., с какого по какое время)
9. Образование: общее
специальное ком. ВУЗ им. Сталина
10. Специальность: общая Экономист-плановик
узкая Доцент советского права 193 г. Пр. №
(Постановл. квалиф. комиссии)
11. Какими языками владеет, кроме родного: читаете русский
пишете
12. Служба в армиях: старой
белой
красной 1918 - 1923 рядовой
(чин и должность)
13. Служба в суд. следственных органах, ГПУ и органах дознания 1923 - 1925 уполномоч. Мингарчека
14. Кем, когда и где арестован Ленингр. Н.К.В.Д. 27.X 36 г. Ленингр.
15. Прошлая судимость не суд.
16. Который раз в лагере первый
(когда и в каких лагерях содержался)
17. Семейное положение жена Клавдия Николаевна сын Юрий 10 лет г. Ленинград Советский пр. 49 кв 34
(указать фамилии, имена и адреса ближайших родственников)
18. Постоянное и последнее местожительство до ареста Ленинград. 17

Особые приметы:

1. Рост высокий
2. Телосложение нормальное
3. Цвет волос
4. Цвет глаз
5. Нос нормальный
6. Проч. приметы

Работа до ареста

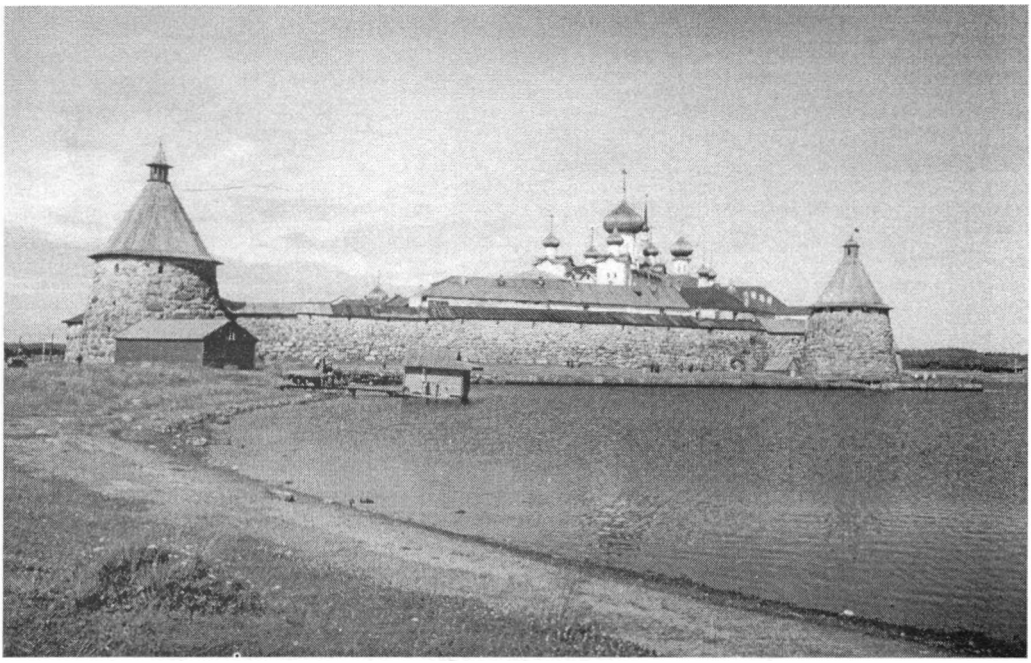
Учреждение или предприятие	Занимаемая должность	от	до
г. Ленингр. Юридический	с. сотрудн.	1923	1930
г. Ленингр. ком. ВУЗ	зав. директ. кафедр	1930	1936

Об ответственности за дачу ложных сведений мне объявлено

Подпись заключенного Баранник Михаил Сидорович
(Подпись, фамилия, имя, отчество)

Разбор или подпись лица, отобравшего анкету

Обліково-статистична картка на соловецького в'язня М.Баранника. 30 грудня 1936 р.



Соловецький кремль. Сучасне фото

Будинки колишнього адміністративного управління Соловецького табору

Колишній нарком освіти УСРР і «керівник УВО» Олександр Шумский (1890–1946). Фото з архівно-слідчої справи. 1933 р.

Академік Матвій Яворський (1884–1937). Соловецька тюрма. 1937 р.

1867

Министерство Внутренних Дел СССР 112

Архив МВД Карело-Финской ССР

УЧТЕНО В 1962 г.

Общий следственный фонд

НАБЛЮДАТЕЛЬНОЕ ДЕЛО

по обвинению

Винницкого Тараса Ивановича

оч-же

Кюнц Франц Михайлович

Арх. № ~~5966~~ 3343

Количество томов „1“ том „1“

Арх № II-12989

(наименование органа в производстве которого находилось дело)

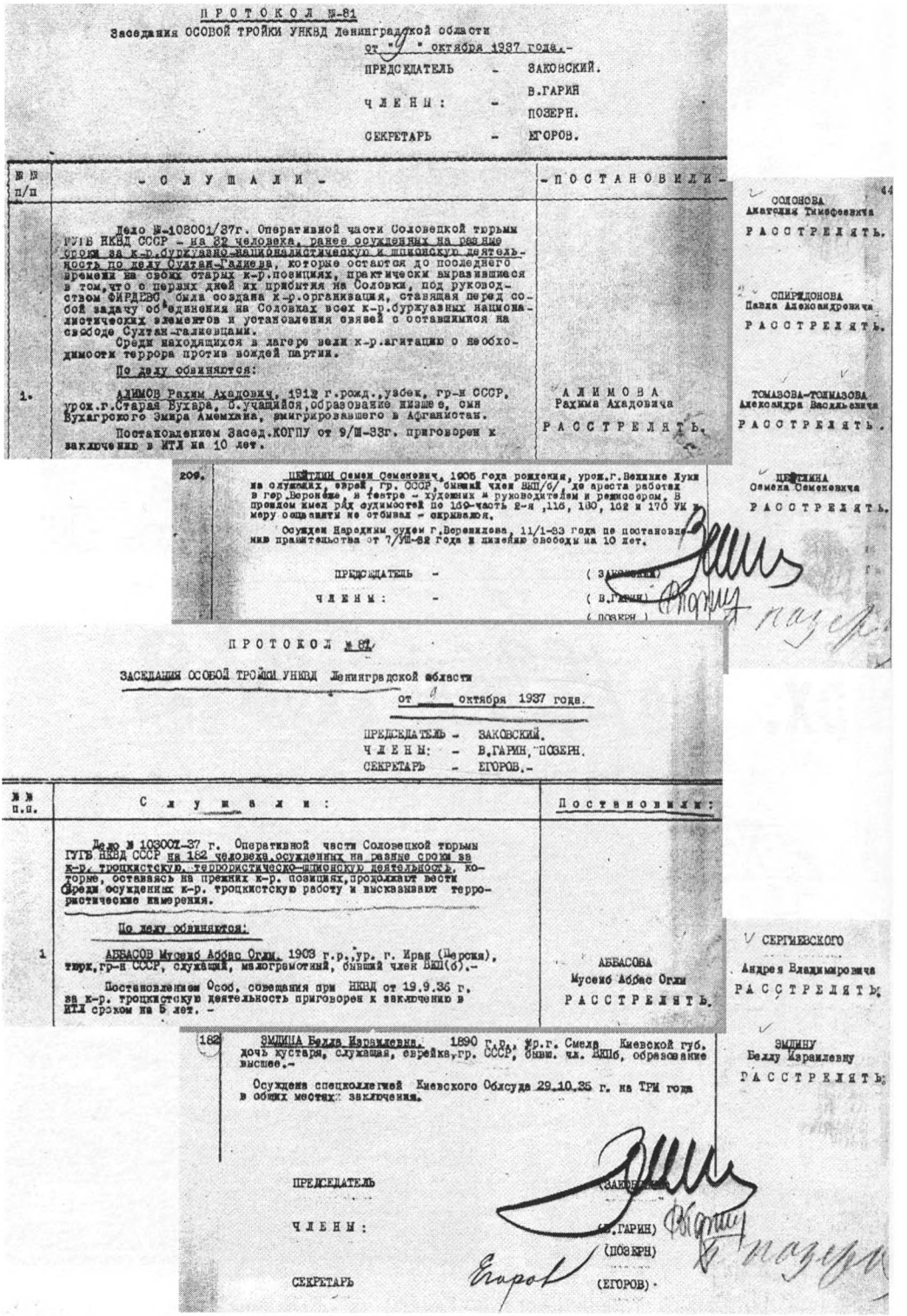
Год производства

По исполь

возвращен

КФССР.

Тюремний фотознімок Т.Вінницького (Ф.Кюнца) та обкладинка архівної наглядової справи, що зберігаються в Регіональному управлінні Федеральної служби безпеки Російської Федерації по Архангельській області



ПРОТОКОЛ №-81

Заседания ОСОБОЙ ТРОЙКИ УНКВД Ленинградской области

от "9" октября 1937 года.-

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - ЗАКОВСКИЙ.

ЧЛЕНЫ: - В.ГАРИН

ПОЗЕРН.

СЕКРЕТАРЬ - ЕГОРОВ.

№№ п/п	- СЛУШАЛИ -	- ПОСТАНОВИЛИ -	
	Дело №-103001/37г. Оперативной части Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР - на 32 человека, ранее осужденных на разные сроки за к-р.буржуазно-националистическую и шпионскую деятельность по делу Султан-Галиева, которые остаются до последнего времени на своих старых к-р.позициях, практически выразившиеся в том,что с первых дней их прибытия на Соловки, под руководством ФИРДЕВС, была создана к-р.организация, ставящая перед собой задачу об'единения на Соловках всех к-р.буржуазных националистических элементов и установления связей с оставшимися на свободе Султан-галиевцами. Среди находящихся в лагере вели к-р.агитацию о необходимости террора против вождей партии. По делу обвиняются:		44 СОЛОНОВА Анатолия Тимофеевича РАССТРЕЛЯТЬ. СПИРИДОНОВА Павла Александровича РАССТРЕЛЯТЬ.
1.	АЛИМОВ Рахим Ахадович, 1912 г.рожд.,узбек, гр-н СССР, урож.г.Старая Бухара, б.учащийся,образование низшее, сын Бухагрского Эмира Амемхана, эмигрировавшего в Афганистан. Постановлением Засед.КОГПУ от 9/Ш-33г. приговорен к заключению в ИТЛ на 10 лет.	АЛИМОВА Рахима Ахадовича РАССТРЕЛЯТЬ.	ТОМАЗОВА-ТОЛМАЗОВА Александра Васильевича РАССТРЕЛЯТЬ.
209.	ЦЕЙТЛИН Семен Семенович, 1905 года рождения, урож.г.Великие Луки из служащих, еврей, гр. СССР, бывший член ВКП/б/, до ареста работал в гор.Воронеже, в театре - художник и руководителем и режиссером. В прошлом имел ряд судимостей по 169-часть 2-я ,116, 180, 162 и 170 УК и меру оцеванити не отбывал - скрывался. Осужден Народным судом г.Воронежа, 11/1-33 года по постановлению правительства от 7/УШ-32 года и лишению свободы на 10 лет.		ЦЕЙТЛИНА Семена Семеновича РАССТРЕЛЯТЬ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - (ЗАКОВСКИЙ)

ЧЛЕНЫ: - (В.ГАРИН)

(ПОЗЕРН)

ПРОТОКОЛ №81

ЗАСЕДАНИЯ ОСОБОЙ ТРОЙКИ УНКВД Ленинградской области

от 9 октября 1937 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - ЗАКОВСКИЙ.

ЧЛЕНЫ: - В.ГАРИН, ПОЗЕРН.

СЕКРЕТАРЬ - ЕГОРОВ.-

№№ п.п.	Слушали:	Постановили:	
	Дело № 103001-37 г. Оперативной части Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР на 182 человека,осужденных на разные сроки за к-р. троцкистскую, террористическо-шпионскую деятельность, которые, оставаясь на прежних к-р. позициях,продолжают вести среди осужденных к-р. троцкистскую работу и высказывают террористические намерения. По делу обвиняются:		СЕРГИЕВСКОГО Андрея Владимировича РАССТРЕЛЯТЬ.
1	АББАСОВ Мусеиб Аббас Оглы, 1903 г.р.,ур. г. Иран (Персия), тюрк,гр-н СССР, служащий, малограмотный, бывший член ВКП(б).- Постановлением Особ. совещания при НКВД от 19.9.36 г. за к-р. троцкистскую деятельность приговорен к заключению в ИТЛ сроком на 5 лет. -	АББАСОВА Мусеиб Аббас Оглы РАССТРЕЛЯТЬ.	
182	ЭМДИНА Белла Израилевна, 1890 г.р., ур.г. Смела Киевской губ. дочь кустаря, служащая, еврейка,гр. СССР, бывш. чл. ВКПб, образование высшее.- Осуждена спецколлегией Киевского Облсуда 29.10.35 г. на ТРИ года в общих местах заключения.		ЭМДИНУ Беллу Израилевну РАССТРЕЛЯТЬ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (ЗАКОВСКИЙ)

ЧЛЕНЫ: (В.ГАРИН)

(ПОЗЕРН)

СЕКРЕТАРЬ (ЕГОРОВ)

«Розстрільні протоколи» 1937 року

А К Т.

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83
от " 9 "октября 1937 года, в отношении осужденного к
ВМН ГОЦА, Василия Филипповича
приведен в исполнение " 3 "ноября 1937 года, в чем и
составлен настоящий акт.

ЗАМ. НАЧ. ОТДЕЛА УНКВД ЛО
Капитан Государственной безопасности
(МАТВЕЕВ)

" 3 "ноября 1937 года

159-11

Прокуратура СССР

ПРОКУРАТУРА
Архангельской области

163061, г. Архангельск,
ул. Ванеева, 11

08.92 г. № П-12929

282110. Тернопольская область,
с.Великие Борки, ул.Ленина,63
Коненко М.В.

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

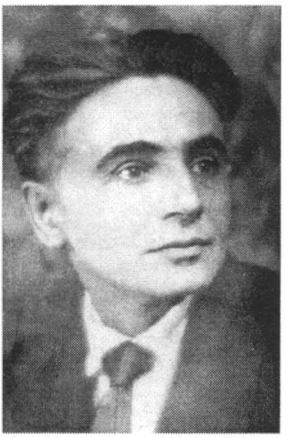
В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов", внесудебное постановление тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 года о расстреле ГОЦ ВАСИЛИЯ ФИЛИППОВИЧА, 1885 года рождения, уроженца Озерно-Тернопольского района (Галиция), отменено и ГОЦ ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВИЧ РЕАБИЛИТИРОВАН.

Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции
1 класса А.В.Пушкин

Акт про виконання вироку стосовно В.Гоци від 3 листопада 1937 р. та довідка про його реабілітацію від 25 серпня 1992 р.

Василь
Атаманюк-Яблуненко
(1897–1937)

Мирослав Ірчан-Бабюк
(1896–1937)



Лесь Курбас
(1887–1937)

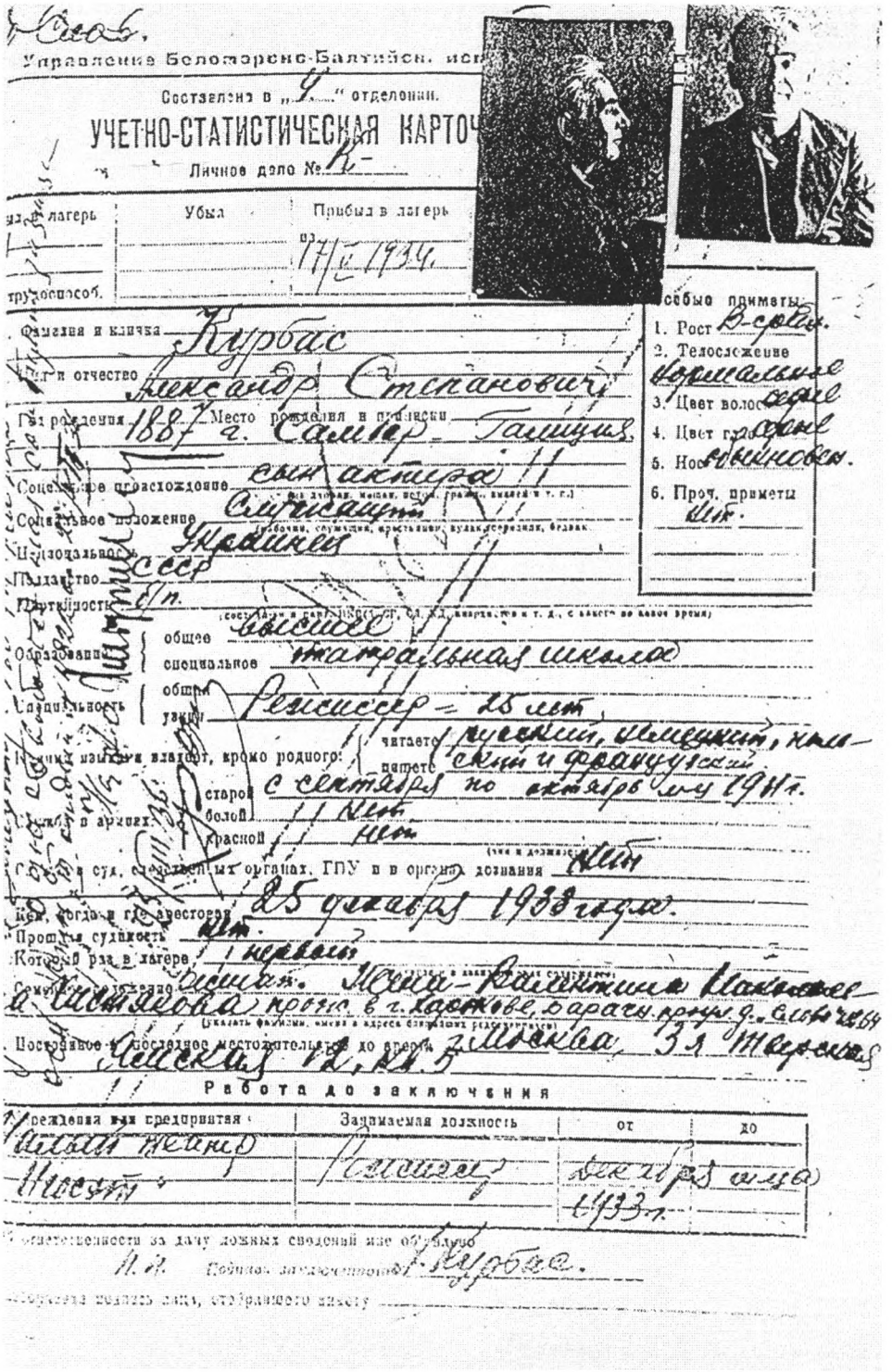
Антін Крушельницький
(1878–1937)

Олекса Слісаренко
(1891–1937)

Михайло Козоріз (Козоріс)
(1882–1937)

Михайло Яровий
(1895–1937)

Репресовані діячі української культури



Управление Беломорско-Балтийск. ис...

Составлено в „4" отделении.

УЧЕТНО-СТАТИСТИЧЕСКАЯ КАРТОЧ...

Личное дело № К-

...ыл в лагерь	Убыл	Прибыл в лагерь
		на 17/V 1934
трудоспособ.		

Фамилия и кличка: Курбас

Имя и отчество: Александр Степанович

Год рождения: 1887 г. Место рождения и приписки: Самбор - Галиция

Социальное происхождение: сын актера (из дворян, мещан, потом. гражд., вышел и т. п.)

Социальное положение: Служащий (рабочий, служащий, крестьянин, кулак, середняк, бедняк)

Национальность: Украинец

Подданство: СССР

Партийность: б/п.

(состоятельн. и парт. ВКП(б), СР, СД, КД, анархистов и т. д., с какого по какое время)

Образование: общее высшее; специальное театральная школа

Специальность: общая; узкая Режиссер - 25 лет

Родным языком владеет, кроме родного: читаете русский, немецкий, польский и французский; пишете

Служба в армиях: старой с сентября по октябрь м-ц 1911 г.; белой нет; красной нет (чин и должность)

Служба в суд, следственных органах, ГПУ и в органах дознания нет

Кем, когда и где арестован 25 декабря 1933 года.

Прошлая судимость нет.

Который раз в лагере первый

Семейное положение: (подробно в заключительных содержаниях) Жена-Валентина Николаевна Чистякова прож. в г. Харькове, Барачн. проул. д. Слово 2/64 (указать фамилии, имена и адреса ближайших родственников)

Постоянное и последнее местожительство до ареста г. Москва, 3-я Тверская Ямская 12, кв. 5

Работа до заключения

Учреждения или предприятия	Занимаемая должность	от	до
Малый театр	Режиссер	декабря 1933 г.	лица
Ивсет			

По ответственности за дачу ложных сведений мне об'явлено

Н. Н. Подпись заключенного А. Курбас.

Подпись лица, отобравшего анкету

Обліково-статистична картка на ув'язненого О.Курбаса. 17 травня 1934 р.

Природна пам'ятка Соловецької доби, що у такому вигляді зберіглася до наших часів.

Фрагмент експозиції Соловецького музею

СПРАВА А.КРУШЕЛЬНИЦЬКОГО
(№ П-5186)

№ 105

Вирок у справі № 0025
щодо А.Крушельницького, Ю.Бачинського
28 березня 1935 р.

Совершенно секретно

Приговор № 27

Именем Союза Советских Социалистических Республик
Выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР

В составе
Председателя — В.В.Ульрих
Членов: Я.Я.Рутман и И.Т.Голякова
При Секретаре — А.А.Батнер

без участия сторон обвинения и защиты, в закрытом судебном заседании, в городе Киеве, 28 марта 1935 года, рассмотрела дело по обвинению:

1. Крушельницкого Антона Владиславовича, 1878 г.р., уроженца Австрии, гражданина СССР, литератора, с высшим образованием, до ареста — сотрудника «Украинской Советской Энциклопедии», и
2. Бачинского Юлиана Александровича, 1870 г.р., уроженца Польши, гражданина Польской республики, сына священника, с высшим образованием, б. члена ЦК УСДРП, до ареста — сотрудника «Украинской Советской Энциклопедии»

обоих в преступлениях, предусмотренных статьями 54–8 и 54–11 Уголовного Кодекса УССР.

Данными судебного следствия Выездная Сессия Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР установила следующее:

Крушельницкий Антон и Бачинский, являясь активными членами зарубежной организации «Объединения Украинских Националистов» (ОУН), по заданию заграничного руководства этой организации прибыли на территорию Советской Украины с целью объединения украинского подполья.

Крушельницкий и Бачинский вместе с агентом заграничного центра ОУН Сказинским, уже осужденным, связались в Советской Украине с остатками разгромленной контрреволюционной Украинской военной организации «УВО» и другими контрреволюционными националистическими группировками и создали контрреволюционную националистическую подпольную организацию. В руководящий украинский центр ОУН вошли А.Крушельницкий, Бачинский и Сказинский.

А.Крушельницкий и Бачинский в качестве членов украинского центра ОУН направляли всю работу этой организации как по вербовке новых членов, так и по формированию террористических групп в Киеве и Харькове для подготовки террористических актов в отношении руководителей Советского правительства и коммунистической партии.

На Бачинского, кроме того, была возложена задача по организации саботажа и вредительства в отдельных учреждениях и предприятиях УССР.

Для контактирования контрреволюционной и, в частности, террористической деятельности ОУН и подпольной контрреволюционной, боротьбистской организации между их руководящими центрами был заключен блок.

Таким образом устанавливается виновность Антона Крушельницкого и Бачинского Юлиана в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 54–8 и 54–11 УК УССР.

На основании изложенного Выездная Сессия Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

приговорила:

Крушельницкого Антона Владиславовича и Бачинского Юлиана Александровича к лишению свободы сроком на десять лет каждого.

Срок наказания, с зачетом предварительного заключения, исчислять: Крушельницкому Антону с 5 ноября 1934 г., а Бачинскому Юлиану с 4 ноября 34 г.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

П.п. Председательствующий (В.В.Ульрих)
Члены: (Я.Рутман)
(Голяков)

Верно: Секретарь ВК ВС СССР Кудрявцев

Верно: Оперуполномоченный УСО *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 44987-ФП. — Арк. 212–214.
Копія. Машинопис.

№ 106

Акт про бійку між А.Крушельницьким і П.Демчуком 29 січня 1937 р.

Акт
1937 года, января 29-го дня, л/п М.Муксольма

Опер. сотр. Гречкин в присутствии старшего стрелка М.Муксольма Арехова и нач. л/п Муксольма Жордани составил настоящий акт о нижеследующем. 29 января с.г. совершена драка среди заключенных. З/к Крушельницкий А.В. ударил по лицу з/к Демчука.

Вопрос: З/к Крушельницкий, за что вы ударили по лицу ладонью з/к Демчука? З/к Крушельницкий ответил, что он, з/к Крушельницкий, ударил потому з/к Демчука [за то], что он меня, з/к Крушельницкого, обругал нецензурными словами, т.е. матерщиной, поэтому я, з/к Крушельницкий, не сдержался и ударил по лицу з/к Демчука.

Вопрос: з/к Демчук, за что вы обругали нецензурными словами з/к Крушельницкого? З/к Демчук ответил, что я просто заругался по матерщине, но з/к Крушельницкий предполагал, что я, з/к Демчук, обругал Крушельницкого лично. И он, з/к Крушельницкий, з/к Демчука ударил ладонью по лицу. Я, з/к Демчук, схватил топор и просто выгнал с каморы Крушельницкого.

Мною, опер. сотр. Гречкиным, в присутствии нач. л/п Жордани сразу приняты меры о предотвращении хулиганских выходок со стороны з/к з/к, произведено в полный порядок.

О чем и составлен настоящий акт.

Опер. сотр. Гречкин

Стрелок Арехов

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 318–319.
Копія. Рукопис.

№ 107

Заява А.Крушельницького про припинення голодування 6 лютого 1937 р.

Начальнику 3-ей части Б.Б.К.
От з/к Крушельницкого Антона Владиславовича
М.Муксольма

Заявление.

Вследствие того, что жилищные условия, приведшие меня к вынужденной голодовке, ликвидированы, я прекращаю сегодня голодовку.

М.М. 6/II–1937 *Крушельницкий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 320.
Копія. Рукопис.

№ 108

Довідка про А.Крушельницького Жовтень 1937 р.

Крушельницкий Антон Владиславович, 1878 г.р., гр. Австрии, украинец, гр-н СССР, б/п, образование высшее.

Являлся активным членом зарубежной к-р. организации «ОУН». По заданию заграничного руководства этой к-р. организации Крушельницкий вместе с другими членами к-р. организации и Бачинским прибыли на территорию Советской Украины с целью объединения украинского к-р. подполья. Вместе с агентом заграничного центра «ОУН» Сказинским в Советской Украине связались с остатками разгромленного к-р. подполья «УВО» и другими к-р. националистическими группировками и создали к-р. националистическую организацию. В руководящий центр созданной к-р. организации «ОУН» вошли Крушельницкий, Бачинский и Сказинский.

Для осуществления терактов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства направили деятельность к-р. организации на создание террористических групп в Киеве и Харькове. В целях контакта террористической деятельности сблокировались с подпольной к-р. организацией боротьбистов.

Осужден В/с. Воен. Колл. Верхсуда СССР на 10 л. л/свободы.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 321.
Копія. Машинопис.

№ 109

Акт про виконання вироку стосовно А.Крушельницького 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Крушельницкого Антона Владиславовича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 322. Копія. Машинопис.

№ 110

Клопотання Спілки письменників України про реабілітацію А.Крушельницького 19 березня 1957 р.

Прокуророві Української Радянської
Соціалістичної Республіки
тов. Панасюку Д.Х.

Надсилаємо Вам характеристику на українського письменника Антона Крушельницького, який був репресований.

Правління Спілки письменників України просить розглянути питання про можливість його реабілітації.

Голова Правління Спілки Радянських
Письменників України М.Бажан

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 323. Копія. Машинопис.

№ 111

Характеристика на письменника А.Крушельницького Без дати.

Антон Крушельницкий (выступавший также под псевдонимом Антон Владиславович) родился в 1878 году. Свою литературную деятельность начал в конце прошлого века. В 1898 г. он издал во Львове первую книгу «Пролетарі», в 1902 г. «Світло і тіні», а к 1910 г. вышли его известные драматургические произведения «Артист», «Орли», «Тривога».

В 1929 году в украинском советском издательстве «Рух» была напечатана его новая повесть «Буденний хліб», в 1930 г. в ДВУ — роман «Гомін Галицької землі» и др.

А.Крушельницкий жил и работал на Западной Украине, во Львове. По своим политическим взглядам принадлежал к передовой, прогрессивно настроенной старой украинской интеллигенции. Его мировоззрение формировалось под сильным влиянием И.Франко. Об этом свидетельствуют уже первые произведения писателя, в частности «Пролетарі», «Рубають ліс», в которых он реалистически изобразил положение рабочего класса и бедного крестьянства, показывал их борьбу против эксплуататоров.

В 1929 г. Крушельницкий был редактором прогрессивного западноукраинского журнала «Нові шляхи», который ориентировался на Советский Союз, печатал произведения пе-

редовых писателей. Впоследствии Крушельницкий вместе со своей семьей переезжает в Советский Союз на постоянное жительство.

Антон Крушельницкий поддерживал вначале идеи украинского националистического движения. Это в частности проявилось в его критической и публицистической деятельности. Он был даже назначен на должность министра просвещения УНР, но в его литературном наследии нет контрреволюционных и антисоветских выступлений. Его лучшие прозаические и драматургические произведения и сейчас не потеряли своей художественной ценности и представляют интерес для нашего читателя.

Копия верна: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 324.
Копія. Машинопис.

СПРАВА Й.КУБРАКА
(№ П-10969)

№ 112
Довідка про Й.Кубрака
Жовтень 1937 р.

Кубрак Иосиф Никитович, 1899 г.р., ур. Галиции, гр-н СССР, служащий, образование незаконченное среднее, бывш. член УКП, б. член партии Укр. с-р., служил в петлюровской армии.

Осужден Суд. тр. при КОГПУ УССР от 25.V.34 года по ст. 54–11 УК на 10 лет.

Состоял активным членом укр. к-р организации. Содержатель явочной квартиры. Был доверенным агентом руководителей УВО (Максимовича, Тура и др.). Террорист. На следствии откровенных показаний не дал. Находясь в Соловецкой тюрьме ГУГБ, Кубрак встретился со своими однодельцами, которых подготовил: «Нам контрреволюционерам, добра от Советской власти ожидать не приходится. Вообще всем заключенным на полную свободу надеяться, в связи с обострениями взаимоотношений Советского Союза с Германией, Польшей и Японией, нельзя. А может быть, чего-либо и дождемся».

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 333.
Копія. Машинопис.

№ 113
Акт про виконання вироку стосовно Й.Кубрака
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Кубрака Иосифа Никитича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 335.
Копія. Машинопис.

№ 114

Протест у справі Й.Кубрака
Жовтень 1964 р.

Секретно

Постановлением Особой тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года —

Кубрак Иосиф Никитич, 1899 года рождения, уроженец Галиции, гр-н СССР, образование незаконченное среднее, бывший член КПСС, осужденный в 1934 году Судебной тройкой при КОГПУ УССР по ст. 54–11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы, наказание отбывал в Соловецкой тюрьме, осужден к расстрелу.

Постановление тройки приведено в исполнение 3 ноября 1937 года (л.д. 6).

Из протокола заседания Особой тройки УНКВД Ленинградской области 9/X–1937 года усматривается, что Кубрак обвинялся в том, что он, якобы оставаясь на прежних антисоветских позициях, продолжая контрреволюционную шпионскую, террористическую деятельность, совместно с другими осужденными создал контрреволюционную организацию «Всеукраинский центральный блок» (л.д. 19).

Указанное постановление Особой тройки УНКВД Ленинградской области в отношении Кубрака И.Н. подлежит отмене, а дело прекращению по следующим основаниям: никаких объективных доказательств, подтверждающих вину Кубрака в проведении организованной антисоветской деятельности в Соловецкой тюрьме, в материалах дела нет.

Обвинение Кубрака было основано только на справке, составленной б/начальником Соловецкой тюрьмы Апетером по имеющимся материалам личного тюремного дела, и выписке тройки КОГПУ по первому уголовному делу за 1934 год.

Свидетели по делу не допрашивались.

В настоящее время установлено, что Кубрак И.Н. по первому делу был осужден за антисоветскую деятельность неправильно и водворен в Соловецкую тюрьму по неправосудному постановлению тройки КОГПУ. В связи с чем прокуратурой Харьковской области в прокуратуру Украинской ССР внесено представление на предмет отмены постановления тройки при Коллегии ГПУ УССР в отношении Кубрака и прекращения уголовного дела за отсутствием в его действиях состава преступления.

При таких обстоятельствах следует признать, что Кубрак И.Н. в 1937 году за антисоветскую деятельность был расстрелян незаконно.

Учитывая изложенное и руководствуясь ст. 371 УПК РСФСР,

прошу:

Постановление Особой тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года в отношении Кубрака Иосифа Никитича отменить и дело о нем прекратить на основании п. 2 ст. 5 УПК РСФСР.

Прокурор Архангельской области
Старший советник юстиции *Жданов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 338–339.
Копія. Машинопис.

№ 115

Довідка у справі Й.Кубрака
16 жовтня 1990 р.

Кубрак Иосиф Никитич, 1899 года рождения, уроженец Галиции, гражданин СССР, образование неполное среднее, бывший член ВКП(б).

Кубрак И.Н. 22 мая 1934 г. Судебной тройкой при Коллегии ГПУ УССР заключен на 10 лет в ИТЛ. Срок наказания отбывал в Соловецкой тюрьме. По постановлению Особой тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года Кубрак расстрелян. Приговор приведен в исполнение 3 ноября 1937 г.

В справке начальника тюрьмы указано, что он, оставаясь на прежних антисоветских позициях, продолжал контрреволюционную шпионскую террористическую деятельность, совместно с другими осужденными создал контрреволюционную организацию «Всеукраинский центральный блок».

Президиум Архангельского областного суда (по протесту прокурора) от 9 октября 1964 г. постановил:

«Постановление тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года в отношении Кубрака Иосифа Никитича отменить и дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления».

В 1964 году сын Кубрака И.Н. — Кубрак Олег Иосифович проживал в г. Одессе, проспект Патриса Лумумбы, д. 5, кв. 11.

Заместитель начальника УКГБ СССР
по Архангельской области *Г.Л.Коровин*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 342.
Копія. Машинопис.

СПРАВА Т.КУЗЬМЕНКА
(№ П-15387)

№ 116

Витяг з протоколу засідання Судової трійки при Колегії ДПУ УСРР
9 червня 1934 р.

Слушали:

Пересмотр дела Кузьменко Тимофея Тарасовича, 1899 г., обв. по 54–10 ст. УК и осужд. СТ ГПУ УССР 24/II–34 г. на 10 лет исплагеря.
(Дело № 737/55597 СПО ГПУ УССР арх. № 207253).

Постановили:

Прежний приговор СТ в отношении Кузьменко Тимофея Тарасовича оставить в силе. Направить в лагерь ближайшим этапом.

Верно: Секретарь судтройки

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 355.
Копія. Машинопис.

№ 117

Витяг з меморандуму у справі Т.Кузьменка 13 лютого 1936 р.

Совершенно секретно

1. Кузьменко Тимофей Тарасович.
2. Соц-положение — служащий.
3. — нет.
4. Член к-р организации УВО, проводил вредительскую работу на нац. культфронте, занимался срывом проводимых хоз. политкампаний на селе, входил в состав террористической тройки, подготавливавшей покушение на руководителей партии на Украине. Виновным себя не признал.
5. Степень заинтересован. органа — связи и конкретная к-р работа по линии организации, связи по линии террора.
6. Вербовать нельзя.
7. Необходимо принять меры к изоляции ввиду возможности побега из лагеря.
8. Обязательная изоляция.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 361.
Копія. Машинопис.

№ 118

Лист III відділу УСВИРТАБУ НКВС начальнику III відділу БЕЛБАЛТТАБУ НКВС 6 листопада 1935 р.

Серия «К»

Начальнику III Отдела БЕЛБАЛТЛАГ НКВД
Гор. Мед. Гора, АКССР.

При сем препровождается агентурное дело № 32 «Конспираторы» для дальнейшей разработки з/к Кузьменко Тимофея Тарасовича, 1899 года рождения, осужденного по ст. 54 п. 10 на 10 лет, с окончанием срока 6/XII-43 года — быв. члена УВО, входившего в состав террористической тройки, подготовлявшей покушение на руководителей партии на Украине, который 2/XI с.г. по наряду ГУЛАГа убыл в БЕЛБАЛТЛАГ для дальнейшего содержания на островах.

Получение аг. дела просим подтвердить.

Начальник III отдела *Чулков*

Оперуполномоченный *Кандыбин*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 360.
Копія. Машинопис.

№ 119

Акт про виконання вироку стосовно Т.Кузьменка 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Кузьменко Тимофея Тарасовича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 362.
Копія. Машинопис.

№ 120

Висновок про реабілітацію Т.Кузьменка 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Кузьменко Т.Т.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15277)*
Фамилия, имя, отчество *Кузьменко Тимофей Тарасович*
Дата и год рождения *1899 г.*
Место рождения *с. Л. Будище, Зиньковского района, Харьковской обл.*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *Институт красной профессуры, преподаватель истории, г. Харьков*
Место жительства до ареста *г. Харьков*
Данные о родственниках *жена — Елизавета Федоровна 30 л., дочь — Рада 8 л.*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Арестован 6 декабря 1933 года и отбывал наказание в местах лишения свободы (СЛОН) по ст. 54–10 УК УССР, 9 октября 1937 года на заседании Особой тройки УНКВД ЛО приговорен к расстрелу. 3 ноября 1937 года приговор приведен в исполнение.*
Кузьменко Т.Т. подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *В.И.Сабинин*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 363.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА М.КУЗНЯКА
(№ П-12930)

№ 121

Меморандум у справі М.Кузняка
3 жовтня 1933 р.

Сов. секретно

Оперативный Сектор ГПУ УССР

Меморандум

По след. делу № 737
1. Фамилия, имя и отчество обвиняемого *Кузняк Николай Григорьевич, 1895 г. рождения, уроженец Галиции.*
2. Социальное положение обвиняемого *служащий, директор ин-та Профобра.*
3. Социальное и политическое прошлое обвиняемого *б. офицер галицийской армии, б. член компартии Австрии, б. член КП(б)У.*
4. Характеристика обвиняемого, описание совершенного им преступления и степень опасности *Упорный враг Соввласти, за время следствия обрабатывал находившихся с ним в камере арестованных отказываться от показаний, были попытки симулировать психическое заболевание.*
В 1919–20 гг., будучи офицером Укр. галицийской армии, принимал участие в боях с Кр. армией, с 1920 г. член к-р укр. организации «УВО». В 1922–23 гг. провокатор австрийской компартии. На Украине проводил активную работу в орг., маскируясь партбилетом.
5. Степень заинтересованности органа ГПУ, составившего меморандум, в дальнейшей разработке обвиняемого и в каком направлении *Ни в коем случае не допускать общения с осужденными с Украины, разрабатывать связи с Украиной.*
6. Можно ли вербовать обвиняемого и для какой работы *Нет.*
7. Какие ограничения в порядке содержания осужденного необходимы по мнению органа ГПУ, составившего меморандум. *Имеет родственников в Польше, возможны попытки к побегу.*
8. Прочие предложения —

Подпись и должность лица,
составившего меморандум Упол. СПО ГПУ УССР *Підпис нерозбірливий*

Утверждение Нач. Органа
3/X–1933 г.

Примечание: 1. Меморандум составляется только по делам, которые идут на внесудебное рассмотрение ГПУ УССР.
2. Меморандум обязательно составляется на каждого обвиняемого отдельно.
3. Составленный меморандум вкладывается в отдельный пакет с надписью «Меморандум» и этот пакет в неподшитом виде приобщается к следделу*.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 371–372.
Копія. Машинопис та рукопис на бланку.

* У подальшому на бланках меморандумів текст примітки не друкуватиметься.

№ 122

Агентурне донесення 3-го відділення СПВ УДБ УНКВС по Саратовському краю 1936 р.

Сов. секретно

Агентурное донесение
3-го отделения СПО УГБ УНКВД по Сарат. краю

8 Соловецкое отделение ББК

События на Рейне ободрили и Увистов — Коник, Рудницкий, Костецкий, Кузняк, Кузьменко, Мондок, Репа, Олейник В.О., Трофименко, Маноренко, Гоца, Гуцуляк, Тур, Николенко, Фреев, Фурьер, Бабьяк, Рудницкий, Ирчан, Баран, Поддубный, Кубрак, Озерский, Козорез, Коренковский, Посенько, Василькив (Крилик), Сарван, Слюсар, Олейник Михаил Андреевич, Добуш.

Активными агитаторами о силе гитлеровской Германии являются Коник и Рудницкий. Коник доказывает идеологическую силу фашистской Германии по Каутскому, разоблачает большевизм. Коник действительно воинствующий укрфашист. Академик Рудницкий, сравнивая вооружение Германии и СССР, заявил — пусть Тухачевский хвастает ребятам, дело идет о качестве вооружения. Германский аэрофлот летит в 5 раз выше и в 2 раза быстрее и не шумит, германская пушка стреляет в 5 раз дальше, карманные револьверы — пулеметы, электричество, сталь, химия, машины грузовые в 3 раза идут быстрее; в СССР количество, а в Германии прекрасное качество. В основном все сводится к тому, что в будущей схватке будет разбит СССР и Франция, не говоря о мелких государствах. Увисты события в Рейне оценили как будущую победу Гитлера в Центральной Европе, а позицию Польши и результат плебисцита в Мамеле как будущую победу на Востоке. Программу действий Гитлера изображали так: 1. Вооружение. 2. Саар. 3. Рейн. 4. Колонии. 5. Австрия. 6. Объявление суверенного украинского государства и союзных обязанностей Германии, разгром России, Франции, Чехо-Словакии и Румынии.

Все это будет осуществляться последовательно и неуклонно. Наша задача осведомлять и готовить кадры для будущего государственного строительства.

Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 373. Копія. Машинопис.

№ 123

Довідка про М.Кузняка Жовтень 1937 р.

Кузняк Николай Григорьевич, 1895 г.р., гр-н СССР, ур. Галиции, образование высшее, служащий, работавший директором института Профобра гор. Мариуполя, б. офицер галицийской армии, бывший член компартии Австрии, бывший член КП(б)У.

Упорный враг советской власти, во время следствия по делу «УВО» обрабатывал находящихся с ним в камере арестованных отказываться от показаний. Пытался симулировать психическое заболевание.

В 1919–20 гг., будучи офицером Укр. галицийской армии, принимал участие в боях против Красной Армии. С 1920 года являлся членом украинской к-р организации «УВО».

В 1922–23 гг. провокатор в австрийской компартии. На Украине проводил организационную к-р работу, маскируясь партбилетом.

Суд. тр. КОГПУ УССР от 23.IX.33 года по ст. 54–11 УК УССР осужден на 5 лет.

Кузняк, находясь в лагере, группируется с единомышленниками националистами. В 1936 году, в связи с событиями на Рейне, среди единомышленников-националистов высказывал надежду о приближении будущей победы Гитлера, увистов и поражении СССР.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 375–376.
Копія. Машинопис.

№ 124

Акт про виконання вироку стосовно М.Кузняка 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Кузняка Николая Григорьевича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 377.
Копія. Машинопис.

№ 125

Висновок про реабілітацію М.Кузняка 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Кузняка Н.Г.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15275)*
Фамилия, имя, отчество *Кузняк Николай Григорьевич*
Дата и год рождения *1895 г.*
Место рождения *Галиция*
Сведения о партийности(в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *директор института Профобра, г. Мариуполь*
Место жительства до ареста *г. Мариуполь*
Данные о родственниках *женат*

Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Арестован 30 января 1933 года и отбывал наказание в местах лишения свободы (СЛОН) по ст. 54–11 УК УССР, 9 октября 1937 года на заседании Особой тройки УНКВД ЛО приговорен к расстрелу (протокол № 83). 3 ноября 1937 года приговор приведен в исполнение.*
Кузняк Н.Г. подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *В.И.Сабинин*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 378.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА О.КУРБАСА
(№ П-3843)

№ 126

Спецзведення
СПВ III частини 4-го відділення ББК НКВС
15 серпня 1934 р.

Совершенно секретно

По инициативе лагерной администрации л/п № 5 Унижма, где содержатся з/к з/к Курбас Александр Степанович и Ирчан-Бабюк Мирослав Дмитриевич, последние воспитчастью были использованы по общественно-массовой работе для оформления клубных выступлений на л/пункте, т.к. з/к з/к Курбас и Ирчан в прошлом являлись квалифицированными специалистами, и первый из них был народным артистом Республики и режиссером ряда крупных театров, а второй — автором ряда пьес. Указанные выше мероприятия в отношении использования на общественно-массовой работе з/к з/к Курбаса и Ирчана-Бабюка были санкционированы начальником отделения.

Между тем, на практической работе в лагерных условиях оба они, как Курбас, так и Ирчан-Бабюк, проявили полное отсутствие понимания лагерных интересов и замыслов в постановках, которые могли бы вызвать интерес в лагерной массе или могли бы служить агитационным моментом в осуществлении задач, проводимых руководством ББК.

Все это выявилось с самого начала их попыток в работе по культурно-воспитательной линии. Пробыв на общих работах в лагерной среде довольно продолжительное время, как Курбас, так и Ирчан-Бабюк совершенно не освоились с лагерной массой и при формировании агитбригады не проявили внимания к отбираемому для этой цели контингенту лагерников, в результате чего первая же постановка этих квалифицированных специалистов, устроенная в честь л/пунктовского слета, показала, что они не уяснили и не понимают задач лагерной действительности.

Текст частушек, сочиненных Ирчаном, помимо отсутствия самой примитивной рифмовки их, по смыслу был бессодержательным и касался лишь вопросов кухни, уборной и пьяного завхоза. Сцена-диалог «Испорченный завтрак», написанная Ирчаном, содержит по своему замыслу испорченное настроение некоего богатого иностранца, который за завт-

раком читает центральную газету «Известия» об успехах строительства в СССР и почему-то об успехах лагерного производства, что портит ему аппетит. Все это было в достаточной степени убого по своему политическому и агитационному значению, что даже использование этой сцены при участии самого Курбаса и автора ее Ирчана — не изменили впечатления скудности постановки. Остальные номера, поставленные Курбасом в этот вечер, были самыми обыкновенными, ничего не выражающими номерами, как, например: игра на балалайке, пляска-чечетка, плохое чтение стихотворений и украинские анекдоты.

Когда же воспитчастью л/п № 5 к з/к з/к Ирчану-Бабюку и Курбасу было предъявлено требование работать в направлении заострения политическо-производственно-бытовых сторон лагерной жизни, последние заявили, что им с тридцатьпятниками работать трудно, т.к. последние не дисциплинированны, и что они не могут от них ожидать хорошего исполнения своих постановок.

Карьера клубно-лагерной деятельности з/к з/к Ирчана и Курбаса, невзирая на то, что они переведены на работу лесных сторожей, еще не закончилась, и им дана возможность продолжать свои попытки участия в культурно-воспитательной работе, но вся деятельность их в этом направлении протекает под контролем старшего воспитателя л/пункта № 5.

Попытка испробовать Ирчана и Курбаса на работе по оформлению клубных постановок была сделана по инициативе лагадминистрации, согласованной с Начальником отделения. Материал к постановке был просмотрен на месте Уполномоченным III части л/п № 5, частично им исправлен и разрешен в связи с необходимостью провести постановку в день л/пунктовского слета.

Уполномоч. III части на л/п даны указания все произведения и материалы для постановок з/к з/к Курбаса и Ирчана представлять для предварительного осмотра в III часть. Старшему воспитателю л/п № 5 дана соответствующая установка о том, в каких рамках должна вестись культурно-массовая работа з/к з/к Курбасом и Ирчаном.

По официальным данным, имеющимся от лагадминистрации 5 л/пукта и КВЧ отделения, з/к з/к Курбас и Ирчан-Бабюк характеризуются нижеследующими моментами:

З/к Курбас Александр Степанович в течение 2–3 месяцев содержался на 5 л/п на общих работах, выполняя производственную норму удовлетворительно. Активности к общественной жизни не проявлял, замечалась тенденция получать освобождение от работ без достаточных оснований, для каковой цели им использовались личные отношения с лекпомом. В быту компрометирующего за ним ничего не замечалось. Часто говорит в бараке о себе в прошлом, как о большом мастере советского театра. Рассказывает, что был режиссером государственных театров и народным артистом Республики, но первая его постановка на пункте не вызвала у лагерников никакого интереса. Производит впечатление человека, имеющего большие знания и способности, но держит себя подчеркнуто выше окружающей его массы. На исправительно-трудовую политику смотрит как на зажим человечества и принуждение. Недоброжелательно относится к работникам культурновоспитчасти за их указания себе о том, как нужно строить культурно-массовую работу в условиях лагерной действительности. Порученную работу выполняет шаблонно. В общении с окружающими сух, в поведении нервен, скрытен.

З/к Ирчан-Бабюк Мирослав Дмитриевич, находясь на общих работах на 5 л/пункте, норму выполнял, но к перевыполнению не стремился. К общественным начинаниям лагерной массы, соцсоревнованию и ударничеству относился хладнокровно и свысока, считая себя человеком, выделяющимся из общей лагерной среды. Поскольку лагадминистрации л/п Ирчан был известен как писатель и драматург в прошлом, он был допущен к участию в культработе, где активность проявил и работал охотно, однако эта работа успеха не имела. Политическое значение и злободневность его произведений для клубных постановок была незначительна, и з/к Ирчан-Бабюк был снова снят на общие работы, но с использованием по общественной линии как работник КВЧ. Компрометирующих данных в быту за ним не замечалось, человек безусловно способный. В настоящее время работает лесным сторожем, но продолжает работу и по общественной линии на работе при КВЧ, но создается впечатление, что работает он неуверенно и боязливо. В быту и общении с окружаю-

щими жизнерадостен, интересуется чтением, политической литературой. В обращении с лагерниками уживчив и прост. В беседах старается показать, что он безразличен к вопросам политической жизни.

Содержащийся на 5 л/пункте з/к Атлас Петр Андреевич 24/7 с.г. в беседе с источником высказывал свое мнение о постановлении правительства в связи с реорганизацией органов ОГПУ: «Хотя ОГПУ и влилось в НКВД, но решение по политическим делам все же будет выносить Особое совещание, а не суды, да еще к тому же народные суды. Разве Вы не знаете всех жестокостей диктатуры пролетариата и не понимаете, что нас с Вами открыто в нарсуде судить не станут. Суд будет разбирать только лишь крестьянские дела, а лиц, привлекаемых за политические преступления, до гласного суда допускать не будут. Да и при разборе мелких крестьянских дел ничего хорошего также не будет. Ведь Вы же знаете, что теперь защитников в советском суде фактически нет. Конечно, я придаю большое значение этому постановлению правительства с международной точки зрения, так сказать, для мировой политики.

Деспотизм ОГПУ и его репрессии прославились во всем мире так, что партии сейчас это крайне необходимо нужно было сделать, т.к. все это имеет значение международного политического шага. Их заставили это сделать, но партия формально объясняет этот шаг окончательным укреплением диктатуры пролетариата настолько, что якобы одни только гласные суды могут легко бороться с внутренней контрреволюцией».

Начальник III части 4 отделения ББК НКВД Платонов

Уполномоченный СПО Кузьмичев

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 12–14. Копія. Машинопис.

№ 127

Оперативне повідомлення про перебування на Соловках кіноекспедиції 24 вересня 1934 р.

Во второй половине сентября с.г. находившаяся в 4 отделении киноэкспедиция выезжала на 5 заозерный л/пункт Унижма, и во время своего нахождения там некоторые из членов киноэкспедиции проявляли повышенный интерес к отдельным заключенным, в частности, к содержащимся там з/к з/к Курбасу Александру Степановичу и Ирчану-Бабюку Мирославу Дмитриевичу.

Находившийся в составе киноэкспедиции артист Московского театра Революции Останков Михаил Федорович говорил источнику, что еще в Мед. Горе он интересовался, где находится Курбас, который является одним из крупнейших режиссеров СССР, и просил дать ему возможность повидаться и поговорить с ним. Режиссер киноэкспедиции гр-н Червяков сделал попытку беседы с з/к Ирчаном-Бабюком, но начавшаяся беседа была вежливо прервана комендантом л/пункта, который имел инструкцию на этот счет по линии III части.

В день приезда киноэкспедиции на Унижму, вечером во время ужина, киноактеров артист Останков говорил, что здесь дело поставлено так, что никак нельзя было поговорить с Курбасом, несмотря на желание и все предпринятые попытки в этом, т.к. Курбас три раза пытался начать с ним разговор, но каждый раз кто-либо из администрации под благовидным предлогом подходил и присутствовал при разговоре.

В этой же беседе режиссер Червяков заметил, что страшно досадует на то обстоятельство, что не сможет в Москве даже передать привет от Курбаса, к которому он имел поручение от общих знакомых.

Несколько других участников киноэкспедиции (фамилии которых источник не знает), обмениваясь впечатлениями, говорили о жестком режиме и дисциплине в лагерях, вследствие чего Курбас и Ирчан, виднейшие представители литературы и искусства, содержатся на общих работах и их знания и специальность не находят себе применения в лагере.

23/9 с.г. руководитель киноэкспедиции, находясь на Унижме, говорил завхозу л/п з/к Польскому Николаю Викторовичу, что удивляется тому обстоятельству, что их здесь никто не обокрал и не ограбил, как их об этом предупреждали в Сегеже, рассказывая о лагерниках заозерных л/пунктов самые страшные чудовищные вещи.

В беседе источника со старшим воспитателем л/п Шабурниковым последний рассказал, что он слышал разговор во время киносъемок между Червяковым и его женой киноактрисой, которые говорили, что неужели им не удастся повидаться с Курбасом, а режиссер Червяков сказал при этом: «Я из-за этого только и тащился на Унижму, т.к. для киносъемок есть места более удобные и более красивые».

24/9–34 г.

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 35.
Копія. Машинопис.

№ 128

Оперативне повідомлення про О.Курбаса 2 жовтня 1934 р.

«Я был еще учеником низших классов гимназии, как Курбас Александр Степанович был уже известным актером на Западной Украине, тогда под Австрией. Молодой, очень талантливый, закончивший философский факультет университета и Венскую драматическую академию, Курбас сразу как актер занял первое место в украинском театре. Активный участник революционного национального движения, Курбас принадлежал к той группе украинской молодежи, которая стремилась к созданию самостоятельного объединенного украинского государства, конечно, под протекторатом и при помощи австро-германского империализма. Фактически это было почти целое поколение украинской молодежи, по убеждениям — фанатические националисты, которые, между прочим, ставили себе за цель вывести украинский вопрос и украинскую культуру на европейскую арену. Особенно молодой Курбас в отрасли театрального искусства повел открытую борьбу против старого националистического театра, стараясь создать новый, европейского типа театр. Империалистическая война застала Курбаса в первой стадии организации небольшой группы его приверженцев — молодых актеров. В начале войны 1914 г. Курбас записался добровольцем в украинский легион на стороне Австрии, но по каким-то причинам остался в оккупированной русской (царской) армией Восточной Галиции, и только в 1918 г. я встречаю имя Курбаса в прессе и на афишах г. Киева, как организатора и главного режиссера нового «молодого театра». Это было во время к-р Центральной Рады, позже монархического гетманата Скоропадского и оккупации австро-германской армией Украины.

«Молодой театр» — осуществленная мечта Курбаса — был революционно-националистическим театром буржуазного европейского образца, в репертуаре которого самым левым драматургом был известный писатель и социал-патриот (сегодня белый эмигрант-фашист) Винниченко. Революционность «молодого театра» была только в том, что он отбрасывал национальную романтику (исторические пьесы и т.п.) старого буржуазного украинского театра и создавал новую, только в западно-европейском костюме — фактически копируя буржуазные театры запада.

Мне известно, что на протяжении 1918–1919 гг. Курбас жил в Киеве, и во время наступлений Красной Армии (как известно — неоднократных) он ни разу не бежал из Киева,

как большинство украинской националистической интеллигенции. Как относился Курбас в это время к соцреволюции и Соввласти — могу ответить его словами, сказанными мне позже: «Национальная революция, все эти Центральные Рады, гетман, Директория пробудили Украину к новой жизни, но одновременно это великое возрождение они строили на разрытых казацких могилах, копаясь в давно прошлом, вплоть до исторических костюмов, взятых из музеев. Великую идею сделали плохой дешевой опереткой. Соцбольшевистская революция несла что-то новое, для меня не совсем понятное, но главное — свежее и великое. Правда, я чувствовал, что большевики несут много враждебного украинской нации, к ее возрождению, но я верил, что со временем это пройдет. Силу нации не могут убить никакие декреты. Я не мог согласиться, что Украине дадут что-либо хорошее русские, хотя бы коммунисты, но я верил в одного человека, который не допустит компрометации великой идеи коммунизма. Этим человеком был Ленин».

В 1919–20 гг. во время гражданской войны Курбас организовал новый театр, который обслуживал красноармейские части 12 и 14 армий. Это было продолжение традиций «молодого театра», но с некоторым уклоном в сторону пролетариата, с примесью футуристического оформления и повышением театрального мастерства как со стороны режиссуры, так и актерской игры.

В первых месяцах 1922 года я впервые лично познакомился с Курбасом, который в это время организовал в Киеве новый революционный театр, выросший позже в самый крупный театр УССР — «Березиль». Нарождался НЭП. Курбас в НЭПе видел эволюционный переход диктатуры пролетариата (как государственной формы) к демократической трудовой республике, в которой особенно буйно расцветет украинская культура и украинский вопрос перестанет быть вопросом, а Украина, этот «сфинкс востока», заставит считаться с ней Россию.

До 1929 г. Курбаса не видел и не переписывался с ним, но знаю, что Курбас, начиная с 1922 г., как режиссер и театральный теоретик, делал, если можно так выразиться, головокружительную карьеру. Постановки его театра были шедевром нового театрального искусства. Из Киева театр перевели в Харьков. Курбас получил звание народного артиста УССР одним из первых на Украине, не имея перед этим звания заслуженного артиста Республики. Нужно однако заметить, что все время Курбаса и его театр во всех отношениях активно поддерживала группа националистически настроенных писателей, художников, журналистов, партработников, членов ВУЦИКа и членов правительства. Особенно большой поддержкой пользовался Курбас в своей работе со стороны бывших членов Украинской коммунистической партии (боротьбистов), которая в 1920 г. влилась в КП(б)У. Вождь этой партии... Шумский был в это время наркомпросом УССР и членом Политбюро ЦК КП(б)У.

Репертуар высоко художественного театра Курбаса с начала 1922–25 гг. заключался почти в пьесах иностранных драматургов (Кайзер, Чапек и др.), позже — в большинстве из пьес современных украинских драматургов — национал-уклонистов, как их тогда называли.

В 1926–27 гг., во время т.н. «шумскизма» на Украине (антипартийная группировка Шумского против ВКП(б)) в Харькове была организована литературная организация «Ваплите» (Вольная свободная академия пролетарской литературы *) во главе с Хвылевым, Досвитным, Яловым, Кулишем Николаем.

Фактически это была к-р националистическая организация, лозунгом которой было: «Украина для украинцев. Прочь от Москвы. Все русское — плохое. Здоровое и хорошее только на Западе. Ориентация на психологическую Европу, а не на азиатскую Россию». Меценатом этой организации был наркомпрос Шумский. Активным участником и душой в отрасли театрального искусства — Курбас. И даже после разгрома «Ваплите» (которая безуспешно всеми способами боролась против пролетарской культуры и литературы) и признания ее вождей в том, что работа «Ваплите» была враждебна Соввласти и партии, Курбас остался один на старых позициях этой организации. До 1932 г. формально, а факти-

* Так у тексті. Правильно — «Вольная ассоциация пролетарской литературы».

чески до 1933 г., во время существования «Ваплите» и после разгрома ее, Курбас ставил антипартийные, насквозь националистические пьесы члена партии — драматурга Кулиша Николая, в которых высмеивалась национальная ленинская политика, совсем игнорировалось социалистическое строительство и выражалось самое враждебное отношение ко всему русскому (характерно, что Курбас категорически отказывался ставить пьесы русских драматургов, классиков и пролетарских, а украинских пролетарских драматургов только по решительному настоянию парторганов начал ставить в 1932 г.).

Гостеатр «Березиль» Курбас сделал рупором украинского национализма и с этих позиций не сходил до октября 1933 г., когда он был смещен с главного режиссера. В декабре 1933 г., еще до ареста, у Курбаса отобрано звание народного артиста Республики.

Как Курбас переносит заключение и как понимает его? На заключение он смотрит, как на натуральный факт, и признает, что он заслужил свое наказание, но что это — работа русских черносотенцев-шовинистов. «Я страдаю за то, что люблю украинскую нацию, украинскую культуру, искусство», — говорит он. «Я был слишком откровенный и не был политиком-дипломатом. К политической жизни я никогда больше не вернусь, буду ли я на воле, или на ссылке, но никогда больше не принесу малейшего вреда Соввласти. Вижу, что все, что я делаю, это бессильные попытки плыть против течения. Для меня непонятна великая сила большевистской революции, но я чувствую, что она великая и сильная, и что малейшие колебания она беспощадно затирает».

Курбаса очень волнуют статьи в ЦО КП(б)У «Коммунист» и в московской центральной прессе, где пишут о его националистической работе, недавно он очень тяжело переживал (я боялся, что он сойдет с ума, т.к. начал говорить сам с собой и т.п.) статью члена ЦК КП(б)У Хвыли А., в которой последний назвал Курбаса фашистом. Курбас говорит, что он злейший враг фашизма, что он не враг Соввласти и мечтает доказать это своей работой в будущем.

Курбас рассчитывает на то, что в лагерях он пробудет года три, после чего поедет в ссылку и будет работать как режиссер. О том, что когда-нибудь ему разрешат поехать на Украину, он не думает. В лагерях мечтает только о том, чтобы иметь возможность работать по своей специальности. Со своей стороны замечу, что состояние его здоровья с каждым днем (особенно за последний месяц) ухудшается, имея в виду его нервную систему. Он стал ужасно рассеянный, все забывает, часто говорит сам с собой и т.д.

Верно: Уполномоченный СПО *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України, Харків. — Спр. 0-21515. — Т. 3. — Арк. 36–37. Копія. Машинопис.

№ 129

Акт про виконання вироку стосовно О.Курбаса 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года, в отношении осужденного к ВМН Курбаса Ал[ексан]дра Степановича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 385. Копія. Машинопис.

№ 130

Довідка у справі О.Курбаса
15 травня 1956 р.

Справка

по делу материалов к заседанию тройки УНКВД по Ленинградской области

от 9 октября 1937 г.

(архивное дело № 272, хранящееся в учетно-архивном отделе УКГБ при СМ СССР по Ленинградской области)

На стр. 126 настоящего дела записано: «Дело № 103010 — оперативной части Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР на 134 человека украинских буржуазных националистов, осужденных на разные сроки за к-р националистическую, шпионскую и террористическую деятельность на Украине, которые, оставаясь на прежних к-р позициях, продолжая к-р шпионскую, террористическую деятельность, создали к-р организацию «Всеукраинский центральный блок».

По делу обвиняются...

Последующие страницы дела являются справками на заключенных, содержащихся в Соловецкой тюрьме.

На стр. 198 изложена справка за № 178 на Курбаса А.С.: «Курбас Александр Степанович, 1887 года рождения, ур. Галиции (г. Самбор), гр-н СССР, служащий, образование высшее, режиссер, бывш. социал-демократ. Является одним из руководителей к-р организации «УВО». Был связан с Шумским и др. видными к-р националистами. Для к-р националистической пропаганды и связи с к-р националистами использовал Украинский театр «Березиль», руководителем которого он являлся. Концентрировал в театре к-р элемент и воспитывал кадры в к-р националистическом духе.

Суд. тройкой при КО ГПУ УССР от 9/V-34 г. по ст. 54-11 УК УССР осужден к заключению в ИТЛ на 5 лет. Находясь в Соловецком лагере на руководящей работе по линии театра, упорно подбирал в таковой кадры исключительно из украинских к-р националистов. Вращался среди украинцев Ирчана-Бабюка, Бабьяка, Владимирова, Гоккеля, Генрикса, в среде которых говорит, что в «Советской Украине господствует диктатура черносотенной русской клики и что эта клика уничтожила ленинскую национальную политику, украинскую культуру и уничтожает украинский язык».

Интересуется политическими событиями, считает, что судьба заключенных зависит от международного положения. В беседе с з/к Потураевым сказал последнему о том, что известные ему осужденные — украинские националисты, находясь в лагерях, «духом не падают», т.к. у него имеются сведения о том, что оставшиеся на воле часть руководителей организации продолжают вести работу так же, как и до их ареста. Сведения он получил от своей жены, продолжающей иметь связи с частью руководителей к-р организации украинских националистов в Харькове, оставшихся на воле.

Справка подписана начальником Соловецкой тюрьмы ГУГБ ст. майором госбезопасности Апетером и помощником начальника тюрьмы капитаном госбезопасности Раевским.

Никаких других материалов в деле в отношении Курбаса А.С. нет.

15 мая 1956 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 388–389. Копія. Машинопис.

№ 131

Клопотання В.Чистякової про перегляд справи О.Курбаса 1956 р.

Копия

Генеральному Прокурору Союза ССР тов. Руденко
от народной артистки УССР и Уз. ССР
В.Н.Чистяковой
(Харьков 2, ул. Гиршмана, д. № 19,
кв. № 18, тел. 3–07–97)

В связи с тем, что на протяжении свыше 18 лет я не имею никаких сведений об участи моего мужа Александра Степановича Курбаса, осужденного в 1934 г. на 5 лет пребывания в лагерях, прошу Вас рассмотреть материалы, имеющиеся по его делу, и сообщить мне о местопребывании его, если он жив, и Ваше заключение о возможности его реабилитации.

Александр Степанович Курбас родился в 1887 г. в г. Старый Скалаб, Тернопольской области (Западная Украина) в семье артиста, окончил историко-филологический факультет Львовского университета, с 1910 г. работал в театре и в 1916 г. был приглашен на работу в Киевский украинский театр Садовского в качестве актера. В Киев он переехал вместе со своей матерью (В.А.Курбас, 1865 г. рождения), причем никаких других родственников в Западной Украине у него не осталось и переписки с заграницей он никогда ни с кем не вел.

В 1917 г. он организовал «Молодой Украинский театр» (в Киеве), которым и руководил до 1922 года. В 1922 г. им был организован театр «Березиль», при содействии и с помощью руководства 45-й Краснознаменной Волынской дивизии.

В период гражданской войны ни в каких антисоветских выступлениях он не был замешан.

Звание народного артиста УССР было присвоено ему, одному из первых на Украине, в 1925 г. В 1926 г. театр «Березиль» был переведен в Харьков, где А.С.Курбас и работал в качестве художественного руководителя и режиссера вплоть до 1933 года.

В декабре 1933 г. он был арестован. Какие обвинения были ему предъявлены, я не знаю, как не знаю и многих обстоятельств этого дела. Но знаю, что в нашей квартире обыска не было. С его перепиской, библиотекой и другими документами никто не знакомился. Меня (как наиболее близкого ему в течение 14 лет человека) ни разу не вызывали, не допрашивали, и никаких репрессий по отношению ко мне и к семье не проводили.

Все вышеизложенное дает мне основание предполагать, что обвинения, предъявленные А.С.Курбасу, были не столь велики и на сегодняшний день, может быть, могут вообще не подтвердиться.

Эти соображения и побудили меня обратиться к Вам с просьбой пересмотреть дело Александра Степановича Курбаса.

В.Чистякова

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 386–387. Копія. Машинопис.

СПРАВА Ю.МАКСИМЮКА (М.ГОПКАЛА)
(№ П-14797)

№ 132

Довідка про Ю.Максимюка (М.Гопкала)
Жовтень 1937 р.

Максимюк Юзеф Григорьевич (он же Гопкало Николай Федорович), 1907 г.р., уроженец г. Борислава (Польша), рабочий, украинец, гр-н СССР, состоял членом КП(б)У с 1929 по 1932 год, студент Харьковского комвуза им. Артема.

В 1930 году был вовлечен в Украинскую военную организацию (УВО). Входил в состав террористической группы, подготовлявшей теракты над руководителями партии и правительства УССР.

29.V.34 года Судебной тр. Коллегии ГПУ УССР по ст.ст. 54–8 и 11 УК УССР заключен в ИТЛ сроком на 5 лет.

Находясь в лагере, продолжает с ненавистью относиться ко всем мероприятиям Совласти. Говорит, что он решительно против советской системы и поэтому за поражение Советского Союза в будущей войне. Считает, что разговоры о демократии в СССР просто смешны. Восхваляет польскую конституцию. Держит связь с осужденными польскими шпионами Пачишневским и Левковичем. По возвращении на материк собирается бежать за границу. Распространяет провокационные слухи о положении на Украине и методах ведения следствия в органах НКВД.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 394.
Копія. Машинопис.

№ 133

Акт про виконання вироку
стосовно Ю.Максимюка (М.Гопкала)
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября года в отношении осужденного к ВМН Максимюка Юзефа Григорьевича, он же Гопкало Николай Федорович, приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 395.
Копія. Машинопис.

№ 134

Висновок про реабілітацію Ю.Максимюка (М.Гопкала) 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Максимюка Ю.Г. (Гопкало Н.Ф.)*
по материалам уголовного дела (арх. № *15286)*
Фамилия, имя, отчество *Максимюк Юзеф Григорьевич (он же Гопкало Николай Федорович)*
Дата и год рождения *1907 г.*
Место рождения *ур. Польши*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *студент Харьковского комвуза*
Место жительства до ареста *г. Харьков*
Данные о родственниках *в анкете не указаны*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Отбывал наказание в СЛОНе по постановлению тройки при КОГПУ УССР по ст. 54–8, 11 УК УССР. Без предъявления обвинения за распространение провокационных слухов среди з/к тройкой УНКВД ЛО 9.10.37 г. постановлено — Максимюка-Гопкало расстрелять. Постановление исполнено 3 ноября 1937 г.*
Максимюк Ю.Г. (Гопкало Н.Ф.) подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *Андриянов*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 1. — Арк. 396.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА М.МАНДЕЛЯ
(№ П-14800)

№ 135

Меморандум у справі М.Манделя 29 травня 1934 р.

Совершенно секретно
Подлежит особому учету отдел ГПУ УССР

1. Фамилия, имя и отчество *Мандель Моисей Исаакович, 1893 г.р., уроженец Львова*
2. Социальное положение обвиняемого *служащий*
3. Социальное политическое прошлое обвиняемого *сын торговца, быв. капрал австрийской армии, быв. член австрийской с-д. партии, быв. член КПП и КП(б)У.*

4. Характеристика обвиняемого, описание совершенного им преступления и степень его опасности *Активный член УВО с 1924 года. Сидел в польской тюрьме 7½ лет. Вообще арестовывался польской дефензивой шесть раз, но вскоре освобождался. Прибыл в УССР в 1932 году для к-р работы. Входил в руководство украинской террористической организации, занимался шпионажем. Руководил подготовкой терактов на Постышева, Балицкого и Затонского.*

5. Степень заинтересованности органа ГПУ, составившего меморандум, в дальнейшей разработке обвиняемого и в каком направлении *Необходима разработка связей в укр. ссылке, не допускать установления связи с б. политобмененными, членами УВО и ведения разложенческой работы среди арестованных.*

6. Можно ли вербовать обвиняемого и для какой работы *Нет*

7. Какие ограничения в порядке содержания осужденного необходимы по мнению органа ГПУ, составившего меморандум *Ограничить передвижение территорией испр. лагеря.*

8. Прочие предложения *Можно допустить к работе.*

Уполномоченный СПО ГПУ УССР *Проскуряков*

Утверждаю: Нач. отдела ГПУ УССР *Козельский*

29/V–1934 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 5–6.
Копія. Рукопис на бланку.

№ 136

Витяг з наказу по 8-му Соловецькому відділенню ББК НКВС 20 лютого 1937 р.

Выписка из приказания
по 8-му Соловецкому отделению ББК НКВД

о. Соловки № 0058 20 февраля 1937 г.

Содержание: объявления благодарности работникам торговой сетки отделения.

Распоряжением отдела общего снабжения ББК НКВД торговая сеть Соловецкого отделения с 1-го апреля 1936 г. в целях достижения рентабельности была переведена на самостоятельную работу с возложением на нее ответственности за конечные результаты торговой деятельности. Торгсеть не только добилась рентабельности, но дала отделению за 1936 год прибыль в размере 32706 р. 58 к. Это достижение явилось следствием рациональной перестройки работы Торгсети, давшей значительное снижение недостач сверх нормы по сравнению с предыдущими годами, сведение до минимума издержек при хранении товаров и значительное сокращение прочих накладных и торговых расходов. Вместе с тем, торгсеть добилась достижений в улучшении обслуживания потребителя, расширении ассортимента товаров, переоборудования и расширения средствами Торгсети торговых помещений. Отмечая указанные достижения как результат хорошего руководства деятельностью торгсети со стороны ответственных работников части снабжения и весьма добросовестного отношения работников Торгсети к порученному им делу, объявляю благодарность з/к Манделю Моисею Исааковичу.

Кассир размага

П.п. Начальник отделения

Верно *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 7.
Копія. Рукопис.

№ 137

Довідка про М.Манделя
Жовтень 1937 р.

Мандель Моисей Исаакович, 1893 года рождения, уроженец Львова, еврей, гр. СССР, до ареста работал зав. иностранным отделом редакции центрального органа КП(б)У. Коммунист, бывший член австрийской СДП, КПП и КПЗУ.

Активный член УВО, с 1924 года сидел в польской тюрьме семь с половиной лет. Вообще арестовывался польской дефензивой шесть раз, но вскоре освобождался. Прибыл в УССР в 1932 году для к-р деятельности. Входил в руководство украинской террористической организации. Занимался шпионажем. Руководил подготовкой террористических актов.

Осужден тройкой КОГПУ УССР 25/V–34 года по ст. 54–8, 11 УК к 10 годам заключения в исправтрудлагерях.

Находясь в лагерях, Мандель высказывал отвращение к органам ГПУ и говорил, что надо остерегаться агентов, которые занимаются провокацией. Мандель поддерживает близкие отношения с Ольским и Яворским, как со старыми знакомыми из польских тюрем. На некоторое время Мандель сблизился с Солодубом, но потом порвал с ним связь. При встрече с з/к Вайзер-Дарским, Кузьминенко и Ливым Мандель высказался: «НКВД является неким филиалом и исполнителем предначертаний Коминтерна. Все неугодные лица из КП Польши и КПЗУ, Компартии Германии переданы Коминтерном в руки НКВД. Методы работы Коминтерна — НКВД постепенно приобретают все более широкую печальную известность среди революционеров всего мира. Некоторый спад революционной волны на Западе можно объяснить частично этой печальной популярностью. Некоторая часть коммунистов из ЦК КПП отказалась ехать в Москву для разрешения своих споров, так как эти лица хорошо знают, что при приезде в СССР им не миновать внутренней тюрьмы НКВД и политизоляторов». На словах Мандель признает свою контрреволюционную деятельность и даже с начала заключения мечтал вслух о возвращении в партию.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 8–9.
Копія. Машинопис.

№ 138

Акт про виконання вироку стосовно М.Манделя
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года, в отношении осужденного к ВМН Манделя Моисея Исааковича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 10.
Копія. Машинопис.

№ 139

Висновок про реабілітацію М.Манделя 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Манделя М.И.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15293)*
Фамилия, имя, отчество *Мандель Моисей Исаакович*
Дата и год рождения *1893 г.*
Место рождения *г. Львов*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный, бывший член австрийской КП*
Место работы и должность до ареста *журналист, зав. иностранным отделом редакции центрального органа КП(б)У «Коммунист»*
Место жительства до ареста *г. Харьков*
Данные о родственниках *жена — Макуаль Дора Максимовна*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Отбывал наказание в СЛОНе по постановлению тройки КОГПУ УССР по ст. 54–8, 11 УК УССР. Без предъявления обвинения за к-р агитацию среди з/к тройкой УНКВД ЛО 9.10.37 г. (протокол № 83) постановлено — Манделя расстрелять. Постановление исполнено 3 ноября 1937 г.*
Мандель М.И. подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *Андрианов*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 11.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА Ю.МАШКЕВИЧА № П-13569

№ 140

Меморандум Вінницького обласного відділу ДПУ УСРР у справі Ю.Машкевича Грудень 1933 р.

Совершенно секретно

Винницкий областной отдел ГПУ УССР

Меморандум

По след. делу № 6741

Машкевич Юрий Николаевич, из служащих, бывш. петлюровский деятель.

Состоял в руководстве Укр. к-р организации церковников на Подолии — организовывал к-р повстанческие ячейки в селах, проводил лично вербовку в организацию, был связан с руководящим центром.

Обработке не подлежит.

Вербовать не следует.

Порядок содержания — на общих основаниях.

Подлинный за надлежащими подписями:
Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 18. Копія. Машинопис.

№ 141

Вирок стосовно Ю.Машкевича та інших 23 травня 1935 р.

Приговор
Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики

1935 года, мая 23 дня Спецколлегия Отделения Дальневосточного краевого суда при Бамлаг НКВД (г. Свободный), в составе председательствующего т. Шишкина, членов тт. Опалько и Шалыгина при секретаре т. Неклюдовой в открытом судебном заседании рассмотрела уголовное дело за № 208 по обвинению гр.:

1) Лисогора Якова Павловича, 29 лет, происходящего из села Юрьевка Звенигородского района Киевской области УССР, крестьянина, бедняка, осужденного 10/III–34 г. по ст. 174 УК УССР на пять лет лишения свободы;

2) Коломака Якова Александровича, 35 лет, происходящего из села Добровольское Каменского района Зап.-Сиб. края, кулак, раскулачен, осужденного 28/II–33 г. по закону от 7/VIII–32 г. на десять лет;

3) Шиманского Кирилла Константиновича, 37 лет, происходящего из села [нрзб.] Могилевского р-на Винницкой области, крестьянина-бедняка, осужденного 6/II–34 г. по ст.ст. 180 и 196 УК УССР на пять лет;

4) Машкевича Юрия Николаевича, 49 лет, происходящего из села Новосельцы Литинского р-на Винницкой области УССР, окончившего духовную семинарию, происходящего из семьи служителя религиозного культа, осужденного 1/I–34 г. по ст. 58–11 УК на пять лет, обвиняемых в преступлении, предусмотренном ст. 58–11 УК.

Заслушав показания подсудимых и вызваных по делу свидетелей, рассмотрев имеющиеся в деле данные и оценив в порядке ст. 319 УПК все обстоятельства дела в совокупности, суд нашел доказанным:

1) Подсудимый Машкевич, будучи осужден за активную контрреволюционную деятельность на Украине, которая ставила своей целью свержение советской власти на Украине, и отбывая меру наказания в Бамлаге НКВД, не только не проявил признаков исправления, а наоборот продолжал свою контрреволюционную работу.

Имея большой практический опыт контрреволюционной деятельности, занимаясь этим делом все время существования советской власти, он решил в лагере организовать контрреволюционную группу, которая бы на случай войны или при других подобных условиях сумела организовать и руководить восстанием в лагере.

Для этой цели Машкевич начал подбирать надежных людей, преимущественно из украинцев, которых, он считал, легче всего склонить к антисоветским настроениям на почве национальных чувств.

В июле месяце 1934 года, находясь на фаланге № 24, Машкевич встретил заключенного Лисогора и в разговорах с ним сообщил, что неизбежно скоро будет война с Японией, что Япония обязательно должна победить СССР, что когда вспыхнет война, советской власти не поздоровится, что им нужно организоваться, заняться подбором людей, которые бы в нужное время могли восстать против советской власти. При этом Машкевич предупредил Лисогора, что в организации должны быть люди исключительно из числа обиженных и недовольных советской властью.

Лисогор дал согласие и приступил к подбору людей, после чего Машкевич часто стал посещать место работ Лисогора и продолжать начатые разговоры.

2) Подсудимый Лисогор, будучи осужден за разбойное нападение и отбывая меру наказания в Бамлаге НКВД, в июле месяце 1934 г., встретившись с заключенным Машкевичем и договорившись с ним об организации контрреволюционной группы в лагере, которая должна совершить восстание в удобный момент, приступил к вербовке людей. После чего Лисогор присмотрелся к заключенным Коломаку и Шиманскому, осведомившись, за что они осуждены и что из себя представляют, и т.к. Коломак происходил из кулаков, а Шиманский выдавал себя за Георгиевского кавалера и высказывал недовольство на обращение с ним в лагере, Лисогор решил поделиться с ними намеченными с Машкевичем планами и завербовать их в организацию, но оказалось, что Коломак и Шиманский об этом уже знают от Машкевича.

В своих беседах с Коломаком и Шиманским Лисогор доказывал, что Япония выступит с двух сторон, с моря и от Монголии.

Япония заберет Сибирь, Украину заберут поляки, и тогда будет на Украине самостоятельная свобода. Когда начнется война, он первый пойдет бить коммунистов. При этом делал призыв, что нужно организоваться, чтобы быть всегда готовым и ударить с тыла, а для этого нужно подбирать хороших ребят. Указывал, что советская власть грабит Украину.

3) Подсудимые Коломак и Шиманский, отбывая меру наказания в Бамлаге, на предложения Машкевича, а потом и Лисогора, изъявили свое согласие участвовать в контрреволюционной группе и часто на эту тему вели беседы по вопросам практического осуществления. Осведомлялись об оружии и т.д., на что Лисогор ответил, что будут указания. Таким образом, под руководством Машкевича, при активном участии Лисогора в лагере организовалась и вполне оформилась контрреволюционная группа, которая ставила своей целью сделать восстание в лагере. Эти действия предусмотрены ст. 58–11 УК.

Признавая исключительную социальную опасность совершенного преступления, особенно в лагере и в условиях ДВК, руководствуясь ст. 45 УК,

приговорил:

Шиманского Кирилла Константиновича подвергнуть лишению свободы на три года, этот срок присоединить к ранее вынесенному приговору и считать срок восемь лет.

Коломака Якова Александровича подвергуть штрафизолятору на три года.

Лисогора Якова Павловича и Машкевича Юрия Николаевича подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Спец. кол. Верх. Суда РСФСР в течение 72-х часов с момента вручения копии приговоренным.

П.п. Предс. Шишкин
Члены: Опалько и Шалыгин

Копия с подлинным верна: Секретарь отделения ДВК Неклюдова
Копия с копии верна: Нач УСО КРО ББК НКВД *Якубович*
Печатала Смирнова
Проверил *Ануфриев*

Написано від руки: «*Подлежит исполнению в отношении з/к Машкевич л.д. 20764 сод. в 8 отд. Підпис нерозбірливий*».

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 20–21.
Копія. Машинопис.

№ 142

Ухвала спеціальної колегії Верховного Суду РРФСР стосовно Ю.Машкевича та інших 15 червня 1935 р.

Определение

Специальная Коллегия Верховного Суда РСФСР
В составе Председателя Санникова
Членов: Хропова и Рукавицина

Рассмотрев в заседании от 15 июня 1935 г. в кассационном порядке жалобу гр.гр. Машкевича Ю.Н.

на приговор СК Дальневосточн. крайсуда от 23/V–35 года по делу, коим осуждены:

1) Машкевич Ю.Н. и 2) Лисогор Я.П. по ст. 58–11 УК к ВМН (расстрелу) каждого,

3) Шиманский К.К. по ст. 58–11 УК к трем (3) г. лиш. свободы, этот срок присоединить к ранее вынесенному приговору и считать восемь (8) лет,

4) Коломак Я.А. по ст. 58–11 УК подвергнуть ШИЗО на три (3) года,

заслушав члена докладчика Хропова и заключение прокурора Преснякова, полагавшего расстрел заменить 10 г. лиш. свободы, квалифицировать действия осужденного по 58–10 ч. 1 ст. УК,

СК определила:

Суд определил меру наказания по 58–11 ст. УК, тогда как эта статья не имеет карательной санкции — применяя 58–11 УК, суд должен был сослаться на статью, по которой должна быть определена санкция и которая соответствовала бы цели, ставившейся контрреволюционной организацией.

Действия осужденных, как они проходят по материалам дела, оставляют лишь контрреволюционную агитацию, что предусмотрено 1 ч. 58–10 ст. УК, на основании которой меру наказания определить:

Машкевичу Ю.Н. и Лисогору Я.П. десять лет лиш. свободы каждому, поглотив настоящим приговором неотбытый срок наказания по предыдущему приговору. В отношении остальных осужденных оставить меру наказания, определенную приговором.

Предс. Санников
Члены: Хропов и Рукавицин

Копия верна: Секретарь *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 22.
Копія. Машинопис.

№ 143

Оперативне повідомлення про Ю.Машкевича 28 березня 1937 р.

§ 7

З/к Машкевич Юрий Николаевич, осужд. по ст. 54 п. 11 УК ср. на 5 лет, беседуя с з/к з/к Зингаревым и Спиридоновым на тему о лагерных промотчиках, сказал: «Все это потерянное в лагере обмундирование ничто по сравнению с тем, сколько людей было утеряно лагерем, но об этом никто не хочет ни говорить, ни слышать. Со временем на Соловки будет гораздо больше приезжать, нежели даже в Италию. Приезжать будут для того, чтобы посмотреть на те места, где голые люди замерзали, а голодные умирали».

Приписка: *з/к Машкевич агентурно прорабатывается как АСЭ.*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 23.
Копія. Машинопис.

№ 144

Довідка про Ю.Машкевича Жовтень 1937 р.

Машкевич Юрий Николаевич, 1887 года рождения, уроженец с. Новоселица Литинского р-на Винницкой области, служащий, украинец, гр. СССР, работал бухгалтером в гор. Винница.

Священник. Являлся членом Украинской военной организации — УВО, использовал легальные возможности украинской церкви для создания к-р повстанческих ячеек на периферии, ставящих перед собой задачу свержения Соввласти вооруженным путем. Проводил лично вербовку в организацию, был связан с руководящим центром.

Судебной тройкой при КОГПУ УССР 27–28/II–34 г. по ст. 54–11 УК УССР приговорен к заключению в исправтрудлагерь сроком на пять лет.

Отбывая меру наказания в Бамлаге НКВД, продолжал свою к-р работу. Организовал к-р группу, которая бы в случае войны или при других подобных условиях сумела бы организовать и руководить восстанием в лагере. Для этой цели Машкевич начал подбирать надежных людей, преимущественно украинцев, которых он считал легче всего склонить к антисоветским настроениям на почве национальных чувств. В лагере организовалась и вполне оформилась к-р группа, ставившая своей целью — сделать восстание в лагере.

23 мая 1936 года Спецколлегией отделения ДВК суда при Бамлаге НКВД по ст. 58–11 УК приговорен к расстрелу.

Определением кассационной коллегии Верхсуда РСФСР от 15 июня 1935 года действия Машкевича переквалифицированы по части 1-ой ст. 58–10 и расстрел заменен лишением свободы сроком на 10 лет.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 24.
Копія. Машинопис.

№ 145

Акт про виконання вироку стосовно Ю.Машкевича 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Машкевича Юрия Николаевича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 25.
Копія. Машинопис.

№ 146

Висновок про реабілітацію Ю.Машкевича 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Машкевича Ю.Н.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15288)*
Фамилия, имя, отчество *Машкевич Юрий Николаевич*
Дата и год рождения *1887*
Место рождения *Винницкая обл., Литинский р-н*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *бухгалтер в г. Виннице, радиотехнический узел*
Место жительства до ареста *г. Винница*
Данные о родственниках *Жена — Ольга Владимировна, дочь — Юлия Юрьевна*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Отбывал наказание в СЛОНе по постановлению тройки при КОГПУ УССР по ст. 54-11 УК УССР. Без предъявления обвинения за ведение к-р работы среди з/к тройкой УНКВД ЛО 9.10.37 (протокол № 83) постановлено — Машкевича расстрелять. Постановление исполнено 3 ноября 1937 г.*
Машкевич Юрий Николаевич подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *Андрианов*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 26.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА Ю.ОЗЕРСЬКОГО
(№ П-10837)

№ 147

Характеристика на Ю.Озерського
Серпень 1936 р.

Характеристика
на заключенного 8-го Соловецкого отделения ББК НКВД

Озерский Юрий Иванович, рожд. 1896 г., ур. с. Смяч Новгород-Северского р-на Черниговской обл., из служащих, служащий, б. член ВКП(б), образован. высшее — историко-филологическое — педагог, женат, посл. м/жит. и работы — г. Харьков, Украинский Госиздат, преподаватель, украинец, гр-н СССР.

Осужден Кол. ОГПУ по делу УВО по ст. 58–4–11 ср. 10 л., кон. срока 23/XI–43 г. Прибыл в лагерь 11 мая 1934 г., в лагере работает на общих работах.

Настроен антисоветски, ярый антисемит, предсказывает в скором времени войну и высказывает пораженческие настроения.

Работал на разных работах, к труду относился удовлетворительно. С 15 июля с.г. не работает из-за отсутствия работы.

Составлено « » августа 1936 г. о. Соловки

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 36. Копія. Машинопис.

№ 148

Довідка про Ю.Озерського
Жовтень 1937 р.

Озерский Юрий Иванович, 1896 г. рожд., урож. Новгород-Северского р-на Черниговской области, село Смяч, служащий, украинец, гр. СССР, состоял членом КП(б)У с 1920 по 1933 г., работал председателем Украинского Госиздата.

В дореволюционное время принадлежал к эсеровской группе украинского студенческого союза в Петрограде. В 1917 г. вступил в УПСР, с 1918–20 г. член партии украинских с-р боротьбистов, в 1920 году, при ликвидации этой партии, вступил в КП(б)У с целью ведения внутри партии к-р. националистической работы совместно с группой бывших боротьбистов.

Будучи в рядах КП(б)У, выполнял задания подпольной боротьбистской к-р. организации. Вел работу по группированию к-р. шовинистических кадров в Совнаппарате. Работал в качестве председателя Главнауки НКО УССР, провел широкую работу по засорению научных учреждений активными к-р. националистическими элементами.

В мае 1933 года договаривается с представителем московского центра к-р. организации Полозом по вопросам подготовки восстания. От Полоза получил информацию о необходимости подготовки терактов против вождей партии и правительства на Украине и осенью того же года связался с приехавшими из-за кордона эмиссарами закордонного центра УВО, привезшими директивы о подготовке терактов, принимал участие в вербовке исполнителей терактов. Являлся членом центра по подготовке терактов.

26 февраля 1934 года Судебной тройкой КОГПУ УССР по ст. 54–11 УК УССР приговорен к заключению в исправтрудлагерь на 10 лет.

Пребывая в лагере, продолжает оставаться на своих позициях, враждебно настроен по отношению к Сов. власти и партии, утверждает, что Украина остается колонией Москвы.

В разговорах среди заключенных выражает недовольство всеми мероприятиями, проводимыми Советской властью, клевещет на нее. Предсказывает в скором времени войну и высказывает пораженческие настроения. Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР истолковывал как перерождение партруководства и переход на немарксистские позиции. Особое недовольство выражает в отношении лишения осужденных по делу УВО зачета рабочих дней. Подачу во ВЦИК ходатайств о помиловании считает абсурдом. Ярый антисемит.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 37–38.
Копія. Машинопис.

№ 149

Акт про виконання вироку стосовно Ю.Озерського
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Озерского Юрия Ивановича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 39.
Копія. Машинопис

СПРАВА М.ПАВЛУШКОВА
(№ 67098-ФП)

№ 150

Заява М.Павлушкова
16 квітня 1934 р.

В Коллегию ОГПУ
Копии: Генеральному Прокурору УССР
Начальнику Соловецкого отд. ББК

Содержащегося на о. Соловки
в изоляторе Савватьево политзаключенного
Павлушкова Н.П.

Заявление

Я арестован 18/V–1929 года и привлечен по делу «СВУ» («Спілка визволення України»). 19/IV–1930 года был осужден Верховным Судом УССР к 10 годам лишения свободы.

В настоящее время я кончаю отбывать первую половину своего срока и за эти пять лет изоляции не имел ни одного дисциплинарного взыскания, замечания или предупреждения, был, что называется, примерным заключенным.

Несмотря на это, и даже наоборот, как бы в насмешку надо мной и совершенно вразрез всем даваемым мне в свое время обещаниям ответственных представителей ГПУ УССР, условия моего содержания, режим его, непрерывно ухудшались, резко распадаясь на определенные периоды — Киев, Харьков, Ярославль, Соловки. Лишь с переводом нашего изолятора с горы Секирной в Савватьево жизненные условия приняли для меня приемлемый характер.

Однако, где бы я ни находился, даже в предварительном заключении во время следствия, я имел одно — самое главное и дорогое — укреплявшее меня и дававшее душевное равновесие, а именно — постоянную и совершенно регулярную личную и почтовую связь с моими родными. В Киеве и Харькове почтовые сношения были у меня абсолютно ничем не ограничены. В Ярославле я принужден был укладываться в определенные нормы, однако регулярность и постоянство связи от этого никак не страдали.

Лишь 9/IX–1933 года, когда я поступил на этап, доставивший меня 18/IX того же 1933 года на о. Соловки, произошел полнейший отрыв меня от родных. Даже письма, какие должны были быть получены мной в Ярославле и которые начальник Ярославского политизолятора обещал (и конечно сдержал свое слово) отправить по новому моему адресу, они не были мне вручены.

Прошло более полугода, кончается уже 7-й месяц фактического лишения меня натуральнейшего права всякого человека, даже заключенного, иметь хотя бы почтовую связь со своими близкими.

Сначала я верил даваемым мне местной администрацией объяснениям и уверениям, что это, мол, временное явление, вызванное исключительно «техническими неполадками», главным же образом, по причине нахождения моего вместе со всей группой, в составе которой я прибыл на остров, в «карантинном положении».

Эти уверения, как потом я в этом убедился, оказались совершенно ложными, т.к. никакого карантина ни я лично, ни вся группа, с которой я прибыл, не проходили. Однако, было время, когда я этому верил.

Верил также многим последующим, данным в самом категорическом тоне заявлениям наиболее ответственных представителей ББК и Соловецкого начальства, одно время довольно часто посещавших наш изолятор, о том, что весь вопрос с перепиской разрешится (и конечно в положительном смысле) в течение ближайших 2–3 недель, месяца, максимум полтора… Однако и эти заявления оказались пустыми и были продиктованы, в лучшем случае, желанием успокоить чрезмерно и законно разнервничавшихся людей...

Время шло, связь не восстанавливалась и, чем дальше, объяснения представителей местной администрации на повторные мои и моих товарищей вопросы становились все менее вразумительны, нарушая порой все рамки приличия и простейшего правдоподобия.

Заявлялось даже, что, откуда мы (заключенные) можем, дескать, знать, ведь за это время возможно все наши жены нам изменили, родственники перемерли, близкие наши разучились писать, просто вдруг «разлюбили» и «забыли» о нас… Нет писем, значит не пишут!..

И это, и подобное, не раз заявлялось в глаза, во всеуслышание взрослым людям. Это и подобное приходилось выслушивать.

Наиболее же частой и «правдоподобной» бывала ссылка снова на «технические затруднения» — отсутствие в зимний период связи острова с материком. Но и от этого окончательного аргумента, слыша его в сотый раз, в вчуже приходится краснеть. Ведь я прибыл на Соловки за 2 с половиной месяца до закрытия навигации.

К тому же, даже малому ребенку известно, что весь зимний период между островом и материком поддерживались достаточно надежные авиарейсы, не говоря уже о нескольких рейсах лодок, когда пачка писем всегда могла быть доставлена, если бы только тому желание. Ведь была же возможность доставить на самолете партию посылок, когда явилась потребность вручить содержащейся вместе со мной группе поляков-ксендзов рождествен-

ские и пасхальные подарки. Ведь был же по какой-то случайности доставлен моему сопроцесснику профессору Удовенко денежный перевод...

Однако, довольно истории!

Я заявляю, что больше терпеть подобного положения я не могу.

4 года я пользовался правом регулярной почтовой связи с моими близкими, женой, родителями и сестрами. О лишении меня этого права никто мне не объявлял, ничем я его со своей стороны не вызывал и потому, расценивая настоящее положение, как ничем не оправдываемое, а потому и неправомерное наказание меня, я настаиваю на полном восстановлении фактически нарушенных моих прав.

Имея, кроме того ввиду, что лишение меня как заключенного, связи с семьей ложится бременем тяжелой муки и тревог не только на меня, но и на ничем и ни в чем неповинных моих родных, я решительным образом протестую против этой недопустимой жестокости. Я требую немедленного предоставления мне вновь возможности нормальной, регулярной и постоянной почтовой связи с моими родными (письма, телеграммы, денежные переводы и посылки), а также разрешения личных свиданий, как только явится к тому техническая возможность.

В случае, если настоящее мое требование не будет удовлетворено в 2-х недельный срок со дня его подачи, т.е. — до 30 апреля с.г. включительно, я вынужден буду прибегнуть к последнему средству и с 1 мая с.г. объявить голодовку.

16 апреля 1934 г.
о. Соловки *Павлушков*

Примечание: Копии настоящего заявления направляются начальнику Соловецкого отделения ББК и Генеральному Прокурору СССР.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — Т. 70 (додаток). — Арк. 16–17. Оригінал. Рукопис.

№ 151

Заява М.Павлушкова 25 травня 1934 р.

Начальнику Соловецкого отделения ББК-ОГПУ

Политзаключенного
Павлушкова Н.П.

Заявление

1-го апреля с.г. я подал заявление о голодовке в случае, если до 1-го мая не будет восстановлена для меня связь с родными.

Впоследствии после разговоров с начальником П/ИЗО т. Шатировым и уполномоченным Черешко-Быковским, а также получив 27/IV твердое словесное уверение начальника III части т. Макеева, что с началом навигации (и никак не позже 20/V) весь вопрос с перепиской будет выяснен и урегулирован окончательно, я заявлением от 28/IV назначенную мной голодовку условно снял.

Однако, в том же заявлении от 28/IV я предупредил, что в случае неисполнения данных мне обещаний, я оставляю за собой право вновь придать силу приостановленному мной заявлению от 16/IV и приступить к голодовке уже без всякого предупреждения.

Теперь, когда навигация уже началась и 20-е число осталось уже в прошлом, я вижу, что действительность ничем не подтвердила данных мне обещаний, и мои ожидания и доверие оказались вновь обманутыми.

Поэтому, будучи больше не в силах выносить этого беспримерно-возмутительного положения, я вынужден, на основании резервированного мной 28/IV права, снова придать силу своему заявлению от 16/IV и немедленно приступить к голодовке.

В настоящем я извещаю, что к голодовке я уже приступил с утра этого дня, т.е. с 25 мая 1934 г.

Требование мое остается прежним, восстановление регулярной и постоянной связи с моими родными.

25 мая 1934 г. Николай Павлушков
о. Соловки, п/изо Савватьево

Верно: Уполн. ОО

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — Т. 70 (додаток). — Арк. 21.
Копія. Машинопис.

№ 152

Довідка про М.Павлушкова
Жовтень 1937 р.

Павлушков Николай Петрович, 1904 г.р., ур. г. Тулы, украинец, гр-н СССР, служащий, научный сотрудник Всеукраинской Академии Наук, беспартийный.

Являлся организатором террористической организации СУМ (Союз украинской молодежи), которая работала под непосредственным руководством С.О.Ефремова. Впоследствии вступил членом к.-р. организации Спилка Вызволения Украины, своей задачей ставившей проведение террора против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Верховным Судом УССР от 19.IV.30 года по ст. 54–2, 3, 4, 8, 11 УК УССР осужден на десять лет лишения свободы с поражением в правах на 3 года.

В Соловецком лагере находится со своими однодельцами членами СВУ Ганцовым, Чернявским, Барбаром, Пидгаецким, Билым и другими, образующими к.-р. группу украинских к.-р. националистов и продолжающих к.-р. деятельность в лагере.

Нач. Соловецкой тюрьмы ГУГБ
ст. майор гос. безопасности *Апетер*

Пом. нач. Тюрьмы
капитан ГБ *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — Т. 70 (додаток). — Арк. 1.
Оригінал. Машинопис.

№ 153

Акт про виконання вироку стосовно М.Павлушкова
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Павлушкова Николая Петровича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
Капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 67098-ФП. — Т. 70 (додаток). — Арк. 23.
Оригінал. Машинопис.

СПРАВА В.ПОЛІЩУКА
(№ П-11065)

№ 154

Постанова про В.Поліщука 11 серпня 1937 р.

Постановление
о наложении взыскания на з/к Полищука В.Л.

1937 г., августа 11 дня, я, врио начальника Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД капитан госбезопасности Раевский П.С., рассмотрев материал, представленный мне дежурным по корпусу, о нарушении тюремного режима з/к Полищуком В.Л.,

постановил:

На основании Временного Положения о содержании заключенных в тюрьмах ГУГБ, § 18, за нарушение тюремного режима з/к Полищука В.Л. лишить прогулки на двое суток.

Врио начальн. Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД
капитан госбезопасности *Раевский*

Постановление мне объявлено:
Объявил:

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 53.
Копія. Машинопис.

№ 155

Довідка про В.Поліщука Жовтень 1937 р.

Полищук Валериан Львович, 1897 г.р., ур. с. Бильче б. Волынской губ., украинец, гр-н СССР, служащий, б/п, известный украинский писатель.

В/с Военной коллегии Верхсуда СССР от 27–28 марта 35 года по ст. 54–8–11 УК УССР с применением постановления ЦИК СССР от 1.XII.34 года осужден на 10 лет лишения свободы с конфискацией принадлежащего ему имущества.

В беседе с заключенным Корсовецким Полищук заявил, что он является активным участником Украинской нац.-социалистической партии, задачей которой являлось свержение советской власти на Украине при помощи фашистской Германии. Украинская НСП связана с заграничными национальными партиями. Далее рассказывал, что вся Украина покрыта сетью ячеек этой партии, что советская власть превратила украинцев в денщиков и что он, несмотря на свое нахождение в лагерях, будет продолжать на воле начатое им дело.

В августе мес. 1937 года за нарушение тюремного режима лишен прогулки на двое суток.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 54.
Копія. Машинопис.

№ 156

Акт про виконання вироку стосовно В.Поліщука 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Полищука Валериана Львовича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 55. Копія. Машинопис.

№ 157

Протест у справі В.Поліщука 31 жовтня 1962 р.

Секретно
Экз. № 1

В Военный Трибунал Ленинградского Военного Округа

Протест
(в порядке надзора)

По делу Полищука В.Л.

По постановлению Особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 года расстрелян —

Полищук Валериан Львович, 1897 года рождения, уроженец с. Бильче бывшей Волынской губернии, украинец, гражданин СССР, с высшим образованием, беспартийный, известный украинский писатель, осужденный Военной коллегией Верховного Суда СССР 28 марта 1935 года по ст.ст. 54–8 и 54–11 УК УССР к 10 годам лишения свободы.

Основанием к расстрелу Полищука В.Л. послужила справка администрации Соловецкой тюрьмы о том, что Полищук в беседе с заключенным Корсовецким рассказывал о деятельности Украинской националистической социалистической партии и, несмотря на то, что за это он уже осужден, «будет продолжать начатое им дело на воле» (л.д. 1). К делу приобщена также выписка из агентурной сводки, никем не заверенная, о том, что Полищук, якобы, допускал антисоветские высказывания по поводу хода гражданской войны в Испании и деятельности Сталина в период гражданской войны в Советском Союзе.

Предварительное следствие по делу не проводилось. Сам Полищук по поводу фактов, изложенных в справке и в агентурной сводке, не допрашивался. Никаких объективных доказательств, подтверждающих совершение преступления Полищуком в период отбывания наказания в Соловецкой тюрьме, в деле нет.

Как теперь установлено, архивно-следственное дело, по которому Полищук В.Л. был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР 28 марта 1935 года, определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 4 августа 1956 года по вновь открывшимся обстоятельствам прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Из изложенного видно, что Полищук В.Л. преступлений против советской власти не совершал, расстрелу подвергнут необоснованно, а поэтому, руководствуясь ст. 25 Положения о прокурорском надзоре в СССР и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года, —

прошу

Постановление Особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 года в отношении Полищука Валериана Львовича отменить, а дело прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Приложение: Арх. след. дело № 3388
вместе с нашим вх. № 04753,
наблюдат. производство № 3388.

Военный прокурор ЛЕНВО
генерал-майор юстиции *М.Шаров*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 56–57.
Копія. Машинопис.

СПРАВА М.ПОЛОЗА
(№ П-4053)

№ 158

Заява М.Полоза наркому внутрішніх справ СРСР Г.Ягоді 23 серпня 1934 р.

Копия

Народному Комиссару Внутренних Дел СССР
тов. Ягоде.

От заключенного в Соловецком отделении специзолятора —
Полоза Михаила Николаевича

Заявление

Обращаюсь к вам, т. Ягода, с горячей просьбой спасти меня от сумасшествия.

Все время следствия и проведения моего дела, кроме первых дней 15–20 в Москве и первых дней 25 в Харькове, меня не держали в одиночке, а всегда в общей камере с кем-либо другим. Это делалось потому, что мое психическое состояние и состояние моей нервной системы не позволяли оставлять меня одного, т.к. со мной начинались острые нервно-психические припадки. После острых депрессий, слез и т.д. начинались буйно-сумасшедшие состояния, когда я бросался на стены и двери, ломал отопление, бился о стены и т.д. Были галлюцинации. Были рвоты по целым ночам. Обо всем этом может доложить зав. спецкорпусом ГПУ УССР т. Нагорный и дежурные по спецкорпусу, вызывавшие врача. Эти явления, очевидно, были углублением и обострением той болезни, от которой я лечился еще на воле в Харькове у психиатра профессора Платонова.

Когда в Киеве, вероятно, в результате долгого сидения в спецкорпусе (где я, впрочем, сидел также не в одиночестве), эти явления вновь начинали обостряться, я обратился к т. Балицкому с заявлением-просьбой о скорейшей высылке меня, согласно объявленному мне приговору, на работу в трудлагерь, т.к. только пребывание среди людей и работа могут остановить развитие болезни и вылечить меня.

Эта просьба была удовлетворена, и я был через несколько дней отправлен в трудлагерь в г. Кемь, где пробыл на работе 5 суток и чувствовал себя вполне здоровым. Но на 5-ые сутки я был снова посажен в изолятор в Кеми, а через несколько дней переведен в Соловки и помещен в одиночное заключение в Соловецком специзоляторе. При моей болезни за-

ключение в специзолятор есть самое тяжелое страдание, какое для меня можно придумать. Я всеми силами креплюсь, но не знаю, как долго смогу один бороться с надвигающимся на меня безумием.

У меня вновь начались припадки, хотя не такие острые, как в Харькове, но повторяющиеся по нескольку раз в сутки и продолжающиеся часами. Я начинаю бояться неодушевленных вещей, как бы одушевленных волевых существ, могущих творить добро и зло. Пока я еще ясно понимаю, что это болезнь, и всячески борюсь с этим, но представленный самому себе, не знаю, долго ли продержусь.

Я горячо прошу вас спасти меня от сумасшествия! Для этого только надо осуществить вынесенное обо мне постановление о направлении меня на работу в трудлагерь.

В выписке из протокола о моем осуждении, которая была дана мне тов. Долинским для прочтения и на обороте которой я расписался, сказано, что постановлением тройки ГПУ от 4/VI-1934 г. я осужден на 10 лет исправительно-трудового лагеря.

Перед отправкой меня в лагерь мой следователь И.И.Соколов говорил мне, что это решение было согласовано с московскими инстанциями, утверждено и является окончательным. Я и прошу его осуществить.

Ни после вынесения приговора о посылке меня в трудлагерь на работу, ни в самом трудлагере в Кеми, где одновременно со мной был также Шумский, я ни одним своим шагом, ни одним словом не подал повода для моей изоляции. Я глубоко понимаю свое положение и заверяю вас, что впредь я такого повода никогда ни при каких условиях не подам.

Наоборот, своей работой и поведением в трудлагере я покажу, что мое признание вины и заявление о разрыве с прошлым и раскаяние являются твердыми и искренними, и в дальнейшем постараюсь получить смягчение приговора. Сейчас я не прошу о таком смягчении. Сейчас я прошу лишь о том, чтобы ко мне была применена лишь та мера, которая значится в объявленном мне приговоре, т.е. направление меня в обыкновенный исправительно-трудовой лагерь.

Я знаю, что ряд осужденных по одному со мной делу, вина которых не меньше моей, находятся в гораздо более легких условиях, но я прошу лишь об одном: выпустить меня из специзолятора и поместить в обыкновенные условия нормального трудлагеря, где я мог бы выжить и работать среди людей и тем спасся бы от сумасшествия, надвигающегося кошмаром.

Я верю, т. Ягода, что вы удовлетворите это мое ходатайство и тем спасете меня от безумия.

П.п. заключенный — Полоз

23/VIII-34 года о. Соловки — Специзолятор

Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 64-65. Копія. Машинопис.

№ 159

Лист М.Полоза наркому внутрішніх справ УСРР В.Балицькому 23 серпня 1934 р.

Копия
Киев — Наркомвнудел У.С.С.Р.
Лично — В.А.Балицкому

Обращаюсь к Вам, Всеволод Аполлонович, не как к наркомвнуделу, а как к человеку, который непосредственно руководил проведением моего дела и знал меня до и во время его проведения. Обращаюсь к Вам с мольбой о спасении!

Я сейчас на границе полной гибели. Вы вероятно знаете, что почти все время следствия и разбора моего дела, за исключением первых 15–20 дней в Москве и первых дней 20–25 в Харькове, меня не держали в одиночке, а всегда держали в общей камере с кем-либо другим. Это делалось потому, что мое психическое состояние и состояние моей нервной системы не позволяли оставлять меня одного, т.к. со мной начинались острые припадки. Подробно об этом может Вам доложить нач. спец. корпуса т. Нагорный или дежурные по корпусу, вызывавшие доктора. Эти явления были углублением и обострением той болезни, от которой я лечился еще на воле, в Харькове, у психиатра профессора Платонова.

В ходе дела мой следователь И.И.Соколов говорил мне, что я не должен волноваться, а лишь должен целиком отдать свою судьбу в руки Коллегии ГПУ УССР. Я так и сделал, т.е. целиком отдал свою судьбу в руки Коллегии ГПУ УССР.

В начале июня меня вызвал тов. Долинский и дал мне прочесть выписку из протокола о моем осуждении. В этой выписке говорилось, что постановлением тройки ГПУ от 4/VI–1934 г. я осужден на 10 лет исправительно-трудового лагеря. На обороте выписки я расписался в ее прочтении. Тогда же тов. Долинский мне сказал: «Ну, теперь поедете, и надо работой загладить свою вину».

На что я ответил, что сделаю все усилия в этом смысле.

Позже, в Киеве, месяца через полтора после вынесения мне вышеуказанного приговора, присутствовавший при моем свидании с родственницей заместитель нач. СПО тов. Шерстов, отвечая на вопросы моей родственницы, сказал, что я буду в трудлагере в хороших условиях работы и что, вероятно, мне разрешат взять к себе семью, т.е. подтвердил то, что уже говорил мне раньше и т. Соколов.

В Киеве, в результате моего долгого пребывания в спецкорпусах ГПУ, у меня сильно расшатались нервы и психика, снова начались припадки, и я обратился к Вам с заявлением-просьбой о возможно скорой высылке меня на работу в трудлагерь, т.к. только пребывание среди людей может остановить развитие моей болезни и вылечить меня.

Как мне сказал тов. Соколов, вы согласились удовлетворить мою просьбу и дали распоряжение о моей отправке в лагерь. Перед отправкой в лагерь И.И.Соколов сказал мне, что приговор ГПУ УССР о направлении меня на 10 лет в трудлагерь на работу согласован с московскими инстанциями, утвержден как окончательный, и я отправляюсь на его исполнение.

Я действительно был направлен в исправтрудлагерь в Кемь, где пробыл на работе 5 суток и чувствовал себя вполне здоровым. Но на пятые сутки я был вновь посажен в изолятор (как мне сказали, это было сделано по указанию свыше), пробыл несколько суток в изоляторе в Кеми, а затем перевезен в Соловки и помещен в одиночное заключение в Соловецком специзоляторе, условия которого не мягче спецкорпуса ГПУ УССР. При моей болезни помещение в специзолятор есть самое тяжелое страданье, какое для меня можно придумать.

Я всеми силами креплюсь, Всеволод Аполлонович, но не знаю, как долго смогу бороться с надвигающимся на меня безумием. Припадки бывают у меня здесь по несколько раз в сутки и продолжаются часами.

Я начал бояться неодушевленных вещей, как бы одушевленных и могущих делать зло и добро. Пока я еще ясно осознаю, что это болезнь, и всячески борюсь с этим. То, что я пишу об этом, есть результат большого усилия воли. Но не знаю, как долго продержусь в этой борьбе с самим с собой и страшно боюсь сумасшествия.

Всеволод Аполлонович! При моем допросе вы говорили мне, что «Советская власть чрезвычайно милостива» (ваши точные слова), что ей не нужно наше уничтожение, и что вы знаете, что через несколько лет мы, загладив свою вину, сможем стать полезными для социалистического строительства работниками.

После вынесения мне приговора о трудлагере ни в самом трудлагере в Кеми, где я был вместе с Шумским, я ни одним своим шагом, ни одним словом не подал никакого повода для моей изоляции.

Я глубоко понимаю значенье моего положения и заверяю вас всем, что у меня есть дорогое, что и впредь я такого повода никогда не подам.

Наоборот, своей работой в трудлагере я покажу, что мое признанье своей вины и заявленье о разрыве с прошлым являются искренними и твердыми, и в дальнейшем постараюсь получить смягчение приговора.

Сейчас же я прошу только о том, чтобы ко мне была применена лишь та мера, которая установлена в объявленном мне приговоре, т.е. направление меня в обыкновенный исправительно-трудовой лагерь.

Я знаю, что ряд обвиняемых по одному со мной делу находятся в гораздо более легких условиях, но я прошу лишь об одном: освободить меня из специзолятора и поместить в нормальные условия обыкновенного трудлагеря, где я мог бы жить и работать среди людей и тем спасся бы от кошмара надвигающегося сумасшествия.

Я прошу Вас, Всеволод Аполлонович, поддержите мое ходатайство перед т. Ягодой, к которому я посылаю соответствующее заявление.

Я верю, что при вашей поддержке меня выпустят из специзолятора, поместят в нормальный трудлагерь и тем спасут от кошмара безумия.

Надо ли говорить, как я буду вам за это благодарен.

Спасите человека, Всеволод Аполлонович.

П.п. заключенный — Полоз

23/VIII–34 года о. Соловки — Специзолятор

Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 62–63. Копія. Машинопис.

№ 160

Довідка про М.Полоза
Жовтень 1937 р.

Полоз Михаил Николаевич, 1891 г.р., гр-н СССР, ур. г. Харькова, служащий, образование высшее, сын б. дворянина, б. офицер авиации, состоял членом КП(б)У.

Являлся членом ЦК партии боротьбистов. С 1920 г. член руководства укр. к-р организации «УВО», «УНЦ». Принимал участие в разработке планов восстания и террористических актов.

КОГПУ УССР от 4.VI.34 г. по ст. 54–11 УК УССР осужден на 10 лет в ИТЛ.

Находясь в Соловецкой тюрьме ГУГБ, поддерживает переписку со своей женой-троцкисткой — Мягковой Татьяной Ивановной, содержащейся в Ярославской тюрьме ГУГБ. Продолжает поддерживать связь с осужденными членами к-р организации «УВО» Кийко-Шелест П. и др. Настроен резко враждебно. Отказывается от лагерных работ. На полученное задание идти на ремонт бани ответил: «Пусть работают и ремонтируют сами враги, раз они меня посадили, я этим гадам работать не стану».

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 66. Копія. Машинопис.

№ 161

Акт про виконання вироку стосовно М.Полоза 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Полоза Михаила Николаевича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 67. Копія. Машинопис.

СПРАВА С.ПОПОВИЧА
(№ П-14601)

№ 162

Довідка про С.Поповича Жовтень 1937 р.

Попович Степан Николаевич, 1887 г.р., ур. села Осташевичи в Галиции, украинец, гр-н СССР, служащий. Пом. редактора экономического отдела Партиздата ЦК КП(б)У, беспартийный, хорунжий галицийской армии.

Попович являлся членом к-р организации «УВО». Входил в состав террористической группы.

Тройкой при КГПУ УССР от 24.II.34 года по ст. 16–54/8, 54/11 УК УССР осужден в ИТЛ сроком на 10 лет.

Находясь в лагере, ведет систематическую антисоветскую агитацию, заявляя, «что национальная политика партии — это физическое уничтожение украинцев как народа. Положение украинцев сейчас хуже, чем во время татарского ига». Не оставляет мысли каким бы то ни было способом уйти за границу. Враждебен. Среди заключенных заявлял, что не может даже читать речи, статьи тов. Сталина.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 74. Копія. Машинопис.

№ 163

Акт про виконання вироку стосовно С.Поповича 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Поповича Степана Николаевича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 75.
Копія. Машинопис.

№ 164

Висновок про реабілітацію С.Поповича 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Поповича С.Н.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15290)*
Фамилия, имя, отчество *Попович Степан Николаевич*
Дата и год рождения *1887*
Место рождения *Галиция, с. Осташивцы, Зборов*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *редактор экономической газеты, изд-во КП(б)У*
Место жительства до ареста *г. Харьков, пр. Короленко, 10-3*
Данные о родственниках *сын — Юрий Степанович, 1927*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Отбывал наказание в СЛОНе по постановлению тройки КОГПУ УССР по ст. 54–8, 11 УК УССР. Без предъявления обвинения за к-р агитацию среди з/к тройкой УНКВД ЛО 9.10.37 (протокол № 83) постановлено — Поповича расстрелять. Постановление исполнено 3.11.37.*
Попович Степан Николаевич подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *Андриянов*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 76.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА П.ПРИСТУПИ
(№ П-15667)

№ 165

Меморандум у справі П.Приступи 31 травня 1934 р.

Совершенно секретно
Подлежит особому учету отдел ГПУ УССР

Меморандум

По следделу 737
1. Фамилия, имя и отчество *Приступа Петр Иванович, 1905 г.р., урож. Польши, из крестьян*
2. Социальное положение обвиняемого *служащий*
3. Социальное политическое прошлое обвиняемого *б. член УСДП, б. член КПЗУ с 1923 г. и КП(б)У с 1928 года*
4. Характеристика обвиняемого, описание совершенного им преступления и степень его опасности *Активный член украинской к-р организации УВО с 1923 года. Агент дефензивы. Переброшен из Польши в УССР для к-р работы в 1925 г. Два раза ходил в Польшу с поручениями от организации. Проводил шпионскую работу в пользу Польши. Террорист. В 1933–34 году получил задание и готовился к совершению теракта над Якиром, ком.войск УССР.*
5. Степень заинтересованности органа ГПУ, составившего меморандум, в дальнейшей разработке обвиняемого и в каком направлении *Необходима разработка связей по украинской ссылке, особенно с б. членами УВО, урож. Польской Волыни, тщательный надзор за обвиняемым.*
6. Можно ли вербовать обвиняемого и для какой работы *Можно, после предварительного наблюдения за поведением.*
7. Какие ограничения в порядке содержания осужденного необходимы по мнению органа ГПУ, составившего меморандум *Ограничить передвижение территорией лагеря.*
8. Прочие предложения —

п.п. Уполномоченный СПО ГПУ УССР Проскуряков
«Утверждаю» Нач. СПО ГПУ УССР Долинский

31 мая 1934 г.

Верно: Начальник СПО *Коновалов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 82. Копія. Машинопис.

№ 166

Агентурне донесення 5 грудня 1934 р.

На другой день после убийства т. Кирова з/к з/к Грушевский, Приступа П.И., Королев Ф.Ф. начали обсуждать вопрос об убийстве т. Кирова, говорили, что сейчас ожидать улучшения нашего положения нечего, т.к. сейчас будут приняты репрессивные меры как на воле, так и в лагере. «Если убийство совершено кем-либо из видных членов партии, — говорит Грушевский, — из-за личных вопросов, то дело не может принять большого политического

значения в сторону репрессий, если же убийство проведено политическим врагом, то будет ухудшение для нас и большей изоляцией на воле, так что надо ожидать нового пополнения в Соловки». Грушевский задал вопрос Приступе — не думает ли он, не могло ли здесь произойти такого же убийства, как с убийством Столыпина, для того, чтобы поднять новую волну террора, на что последний ответил, что он такого же мнения.

Верно: О/уполномоченный СПО *Долинский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 83.
Копія. Машинопис.

№ 167

Довідка про П.Приступу
Жовтень 1937 р.

Приступа Петр Иванович, 1905 г.р., ур. хутора Кильнятич Волынской губ. (Польша), украинец, гр-н СССР, учащийся-студент II курса Харьковского института сов. строительства и права, б. член КП(б)У.

Агент польской дефензивы. Активный член укр. к-р организации «УВО» с 1923 года. Переброшен из Польши в УССР для к-р работы в 1925 году. Два раза ходил в Польшу с поручениями от организации. Проводил шпионскую работу в пользу Польши.

Тройкой при Коллегии ГПУ УССР от 31.V.34 г. по ст. 54–8–11 УК УССР осужден в ИТЛ сроком на 10 лет.

Находясь в Соловецком лагере, связался с рядом осужденных членов «УВО» и «ПОВ» Грушевским, Гнитецким, Сеничуком, Вишневским, Бараба-Иваненко и др. украинскими нац., совместно с которыми ведет к-р националистические разговоры. Заявил, что жизнь в Польше значительно лучше, чем в СССР, польская армия сильнее и дисциплинированней Красной Армии.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 84.
Копія. Машинопис.

№ 168

Акт про виконання вироку стосовно П.Приступи
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Приступы Петра Ивановича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 85.
Копія. Машинопис.

№ 169

Висновок про реабілітацію П.Приступи 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Приступы П.И.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15289)*
Фамилия, имя, отчество *Приступа Петр Иванович*
Дата и год рождения *1905*
Место рождения *Польша*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *Студент Харьковского института соц. строительства и права*
Место жительства до ареста *г. Харьков*
Данные о родственниках *Сестра — Суничук Людмила Ивановна*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Отбывал наказание в СЛОНе по постановлению тройки при КГПУ УССР по ст. 54–8, 11 УК УССР. Без предъявления обвинения за к-р разговоры среди з/к тройкой УНКВД ЛО 9.10.37 (протокол № 83) постановлено — Приступу расстрелять. Постановление исполнено 3 ноября 1937 г.*
Приступа Петр Иванович подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *Андрианов*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 86. Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА Т.РЕПИ
(№ П-4136)

№ 170

Постанова про заведення справи-формуляру на Т.Репу 4 листопада 1933 р.

4 ноября 1933 г.
Я, пом. нач. 1 отдела Усвирлага ОГПУ, рассмотрев материал на гр. з/к Репу Тимофея Ивановича

1. Фамилия, имя и отчество *Репа Тимофей Иванович*
2. Адрес *г. Харьков, ул. Садово-Куликовская, д. 7*
3. Место службы и род занятий *г. Харьков, нач. Обллит*
4. Социальное положение *служащий, сын зажиточного крестьянина*

5. Социальн. и полит. прошлое *б. лейтенант австрийской армии, служил в УЧД*
6. Гражданство и национальность *СССР с 1920 г.*
7. Партийность *б. чл. КП(б)У*

Найдя, что з/к Репа являлся активным членом организации УВО с 1929 г., член Всеукраинского руководства УВО, руководитель «боевого отдела», организатор террористической акции, проводил разведывательную работу в пользу немцев и поляков, требует особо тщательной серьезной проработки.

Постановил: на з/к Репу Тимофея Ивановича завести дело-формуляр, взяв его на учет по линии СПО по окраске укр. нац. к-р.

П. нач. III отдела Усвирлаг *Підпис нерозбірливий*

«Утверждаю» Нач. III отд. Усвирлаг *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 119.
Копія. Рукопис на бланку.

№ 171

Довідка про Т.Репу
Без дати

Репа Тимофей Иванович, 1897 года рождения, гр. СССР, уроженец Галиции, служащий, образование среднее, бывший член КП(б)У, бывший лейтенант австрийской армии.

Являлся активным членом к-р. организации УВО. В 1929 году член Всеукраинского руководства УВО, руководитель боевого отдела, организатор терактов, проводил разведывательную работу в пользу поляков и немцев.

Тройкой ГПУ УССР от 1/X–33 года по ст. 54–11 УК осужден на 10 лет.

Находясь в Соловецкой тюрьме ГУГБ, ведет среди украинцев к-р. пропаганду, распространяет клеветнические к-р. разговоры о проводимой ВКП(б) и Сов. правительством политике. Высказывает симпатии фашизму и, в частности, преклоняется «смелости, геройству» Гитлера. Проповедует пораженчество СССР, скорое падение Советской власти. Одобрительно высказывается о террористах.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 120.
Копія. Машинопис.

№ 172

Акт про виконання вироку стосовно Т.Репи
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Репы Тимофея Ивановича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 121.
Копія. Машинопис.

СПРАВА О.САРВАНА
(№ П-6511, № П-5707)

№ 173

Розпорядження стосовно в'язнів О.Сарвана, Г.Садовського, Г.Кіпіяні
Жовтень 1936 р.

Отдел охраны
Октябрь 1936 г.
№ 0/874538

З/к з/к Сарвана А.Г., Садовского Г.Л. и Кипияни Г.А. лишить всех зачетов и привлечь их за а/с агитацию.

Калачников

Верно: *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 95.
Копія. Рукопис.

№ 174

Постанова про пред'явлення обвинувачення
і визначення запобіжного заходу О.Сарвану
27 грудня 1936 р.

Постановление

о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения

1936 года, декабря, 27 дня, о. Соловки

Я, уполном. 3-й части 8-го отд. ББК НКВД Кузьмичев, рассмотрев следственный материал по делу № 3654 и приняв во внимание, что Сарван Алексей Григорьевич достаточно изобличается в том, что отбывая срок изоляции в 8-м Соловецком отделении систематически среди лагерников вел антисоветскую агитацию, критикуя политику и мероприятия, проводимые партией и правительством, а потому

постановил:

З/к Сарвана Алексея Григорьевича привлечь в качестве обвиняемого по ст.ст. 58 п. 10 УК РСФСР, а мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание в следизоляторе.

Уполномоченный *Н.Кузьмичев*

Согласен
Начальник 3-й части 8-го отд. ББК НКВД *Підпис нерозбірливий*

Настоящее постановление мне объявлено 27 декабря 1936 года

Сарван

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 102-103.
Копія. Рукопис на бланку.

№ 175

Постанова про затримання у таборі О.Сарвана 8 березня 1937 р.

Утверждаю
Нач. 3 отдела
ББК НКВД *Підпис нерозбірливий*
8.III.37 г.

Постановление
о задержании в лагере

1937 года, марта, 8 дня

Я, уполномоченный 3-го отдела ББК НКВД Спиридонов, рассмотрев следственный материал в отношении з/к Сарвана Алексея Григорьевича, содержащегося в 8 отделении ББК,

нашел:

Что обвиняемый по делу № 3654 1937 года материалами следствия достаточно изобличается в том, что в бытности его нахождения в лагере проводил систематическую антисоветскую агитацию среди лагерников, совершил преступление, предусмотренное ст.ст. 58 п. 10 УК РСФСР, и по обвинению его следственное дело направляется прокурору ББЛаг-НКВД на утверждение и для предания обвиняемого суду.

Постановил:

Обв. Сарвана А.Г., как окончившему срок изоляции 16 февраля 1937 г., как подлежащему преданию суду освобождение из лагеря задержать до получения решения по делу.

Уполномоченный *Підпис нерозбірливий*

«Согласен» Нач. СПО 3 отд. ББК *Підпис нерозбірливий*

Задержан. освобождением з-к Сарван А.Г.
Санкционирую: Прокурор ББЛАГ НКВД *Підпис нерозбірливий*

8–III–1937 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 104–105.
Копія. Рукопис на бланку.

№ 176

Обвинувальний висновок у справі О.Сарвана 7 березня 1937 р.

Утверждаю
Начальник 3 отдела ББК НКВД
лейтенант госбезопасности
Попов
7 марта 1937 года

Обвинительное заключение
по делу № 3654:
По обвинению з/к. Сарвана Алексея Григорьевича, в пр.пр. ст. 58 п. 10 УК РСФСР.

Отбывающий срок изоляции на о. Соловки з/к Сарван Алексей Григорьевич, среди лагерников систематически вел антисоветскую агитацию.

Произведенным по настоящему делу расследованием установлено:

З/к Сарван Алексей Григорьевич в разговоре с лагерниками критиковал политику и мероприятия, проводимые партией и правительством.

Рассказывая лагерникам о своей жизни за границей, з/к Сарван эти разговоры постоянно сводил к к-р. агитации, восхваляя жизнь рабочего в буржуазных странах, вел также клеветнические разговоры, направленные против органов НКВД и руководителей Сов. правительства.

Контрреволюционные разговоры з/к Сарван А.Г. систематически вел как в помещении кухни, где он работал поваром, а также и в общежитии с отдельными лагерниками, там проживающими, и с приходящими к нему знакомыми з/к з/к украинцами (л.д. 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 24, 26, 27, 30, 31).

Допрошенный в качестве обвиняемого з/к Сарван виновным себя не признал, но рядом свидетельских показаний и очных ставок, предъявленное ему обвинение подтверждается.

На основании вышеизложенного — обвиняется:

З/к Сарван Алексей Григорьевич, 1893 г. рождения, ур. с. Лоты (Галиция), по национальности украинец, гр. СССР, из рабочих, служащий, с высшим образованием, по специальности — профессор истории, ранее не судим, осужден по делу к-р. украинской военной организации по ст. 54 п. 3, 4, 6 и 11 УК УССР сроком на 5 лет. Конец срока 16/II–1937 года по номиналу. В 1936 году за антисоветскую агитацию был лишен зачетов рабочих дней за все прошлое время.

В том, что, отбывая срок изоляции на острове Соловки, среди лагерников систематически проводил к-р. работу, выражающуюся в антисоветской агитации и пропаганде, т.е. в пр.пр. ст. 58 п. 10 УК РСФСР.

Считая следствие по делу законченным и руководствуясь ст. 208 УПК, след. дело за № 3654 по обвинению з/к Сарвана направить Прокурору ББЛАГ НКВД на утверждение и для предания обвиняемого суду.

Уполномоченный СПО III отдела *Спиридонов*
«Согласен» Начальник СПО III отдела *Шондыш*

Составлено 6/III–37 г.
Ст. Мед. Гора, Кир. Ж. Д.

Справка: 1. Вещдоказательств по делу не имеется.
2. Обвиняемый з/к. Сарван А.Г. содержится в СИЗО 8-го отделения.

Уполномоченный СПО III отдела *Спиридонов*

Список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание

Обвиняемый 1. З/к САРВАН Алексей Григорьевич — 8-е отд. ББК
Свидетели:
1. З/к Курчук Николай Александрович * –"–
2. З/к Макеев Виктор Викторович –"–
3. З/к Зейналов Усейн Ага –"–
4. З/к Шилов Сергей Федорович –"–
5. З/к Степанов Владимир Алексеевич * –"–
6. З/к Дружков Григорий Петрович * –"–
7. З/к Штангей Владимир Фомич * –"–
8. З/к Мисин Василий Александрович –"–

Уполномоченный СПО: *Спиридонов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 106–107. Копія. Машинопис.

* Свідки під номерами 1, 5, 6, 7 викреслені.

№ 177

Протокол судового засідання у справі О.Сарвана 9 серпня 1937 р.

Августа, 9 дня, 1937 г. Отделение Главсуда АКССР при ББК НКВД в составе председательствующего Иост, членов Скуратова и Пехоцкого, при секретаре Свиньине слушало в закрытом заседании дело по обвинению Сарвана Алексея Григорьевича в пр.пр. ст.

Заседание открыто в 10 ч. 05 м. Заседание закрыто в 11 ч. 15 м.

Обв. Сарван А.Г., свид. Курчук Н.А., Зейналов У.А., Шилов С.Ф., Мисин В.А. доставлены.

Устанавливается личность обвиняемого Сарвана Алексея Григорьевича, 1893 г. рождения, ур. с. Лоты (Галиция), по национальности украинец, гр. СССР, из рабочих, служащий, с высшим образованием, по специальности — профессор истории, судим по к-р. украинской военной организации по ст. 54 п. 3, 4, 6 и 11 УК УССР сроком на 5-ть лет.

Конец срока 16/II–1937 года по номиналу. В 1936 году за антисоветскую агитацию был лишен зачетов рабочих дней за все прошлое время.

Копию обвинительного заключения получил. Суд считает личность подсуд. установленной.

Ходатайств и заявлений не было.

Свидетели предупреждены по ст. 95 ч. 1 об ответственности и из зала суда удалены.

Отводов суду не заявлено.

Оглашается обвинительное заключение.

Председательствующий спрашивает обвин., признает ли он себя виновным.

Обв. Сарван заявил, что виновным себя не признает и по делу показал, что контрреволюционной агитацией не занимался, наоборот всегда был дисциплинированным и честно отбывал свое наказание, а свидетели, допрошенные по делу, в момент предварительного следствия на меня, будучи не довольны, все наклеветали.

Председательствующий обращается к обв. Сарвану: Расскажите конкретно, за что вы ранее судимы.

Обв. Сарван: Я не хочу возвращаться к своему старому прошлому, а поэтому отказываюсь рассказывать о том, за что я был судим.

Председ.: Сарван, вы происходите из рабочих?

Обв. Сарван: Да, я происхожу из рабочих. В 1931 году я окончил Институт красной профессуры и вышел из института профессором-историком.

Председ.: Сарван, вы признаете себя виновным?

Обв. Сарван: Виновным себя не признаю.

Председ.: Сарван, вы говорили среди заключенных о том, что у руководства Советским Союзом сидят головотяпы.

Обв. Сарван: Я этого не говорил, на меня свид. Макеев, Зейналов дали ложные показания, с ними я никогда не разговаривал ни о чем, также не разговаривал на контрреволюционные темы с Шиловым и Мисиным и, по существу, я с ними очень редко здоровался.

Председ.: Какая надобность свид. Макееву, Зейналову, Шилову и др. на вас клеветать?

Обв. Сарван: Не знаю, что им за надобность была на меня клеветать, этого я не могу объяснить.

Член суда Пехоцкий: Обв. Сарван, вы разговаривали с заключенными на контрреволюционные темы, о Германии, о самолетах и восхваляли Гитлера?

Обв. Сарван: Об этом я не разговаривал и никакими разговорами на политические темы с заключенными не занимался.

Допрос свидетелей.

Свид. Курчук: Обв. посторонний, не ссорился и враждебно против его не настроен; по делу показываю, что обв. Сарван говорил среди заключенных, что если в Советском Союзе м-ц не поработаешь, так и не проживешь. [нрзб.] и говорил, что там рабочие хорошо мате-

риально обеспечены, имеют собственные машины, хорошо питаются и вообще хорошо живут по сравнению, как в Советском Союзе. Сарван еще говорил, что у руководства Советским Союзом сидят все головотяпы. Кроме этого, обв. Сарван говорил, когда среди заключенных зачитывали газеты, что в Советском Союзе, чуть что, немного сделают, об этом много говорят, а в Германии Гитлер много делает из-под тешка, но об этом ничего не говорит. Разговоры эти происходили в ноябре или декабре м-цах 1936 года, всегда после работы на кухне столовой, после 6-ти часов вечера. Сарван, вероятно, меня считает, что я [нрзб.] и что он говорит с заключенными, не понимаю на самом деле, я в политических вопросах разбираюсь, т.к. имею среднее образование, он напрасно меня не признает о том, что меня не знает, он меня знает, я с ним работал на кухне в столовой вместе [нрзб.] двух месяцев и слыхал его контрреволюционный разговор неоднократно.

Обв. Сарван: Я Зейналова не знаю и с ним никогда не разговаривал ни на какие темы, он все врет на меня, потому что вор, клеветник и т.д.

Свид. Зейналов: Я подтверждаю правильность мной данных показаний — они правильны.

Свид. Шилов С.Ф.: Обв. Сарван посторонний, не ссорился никогда.

Следствию обв. Сарван ничем больше не дополнил.

Следствие по делу объявляется законченным. Предоставляется последнее слово обв. Сарвану.

Говорит, что свидетели все лгут, все что они показали, является неверным. Я на протяжении отбытия наказания 5-ти лет, честно трудился, боролся за высокие показатели работы, чистоту, порядок, являлся общественником, все то, что может характеризовать личность, и это суд я прошу учесть.

Суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

Оглашается приговор.

Председательствующий Иост

Секретарь Свиньин

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 108-111. Копія. Рукопис на бланку.

№ 178

Вирок у справі О.Сарвана 9 серпня 1937 р.

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

9 августа 1937 г., отделение Главсуда АКССР при ББК НКВД в выездной сессии на острове Соловки в составе председательствующего Иост, членов суда Скуратова и Пехоцкого, при секретаре Свиньине, заслушав и рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению заключенного Сарвана Алексея Григорьевича, 44 лет, происходящего из гр-н села Лоты (Галиция), подданного СССР, с высшим образованием, по специальности профессора истории, служащего, беспартийного (исключен из рядов ВКП(б)). Судим по ст. 54 п.п. 3, 4, 6, 11 Украинской ССР на 5 лет. Конец срока 16 февраля 1937 года. Ныне обвиняется в преступлениях, предусмотренных ст. 58-10 ч. I Угол. Код. РСФСР.

Выслушав показания свидетелей и объяснения подсудимого Сарвана, суд считает доказанным его вину в том, что он, отбывая меру наказания на острове Соловки в период 1936–37 г.г., систематически проводил среди заключенных контрреволюционную антисо-

ветскую агитацию, восхваляя строй капиталистический и высказывая всякие клеветнические выпады против мероприятий Советской власти (см. л.д. 9, 11, 13, 14, 24, и 34), совершил преступления, предусмотренные ст. 58–10 ч. I УК, а посему, руководствуясь 319, 320 и 326 ст.ст. УПК,

приговорил

Сарвана Алексея Григорьевича по ст. 58–10 ч. I УК подвергнуть лишению свободы сроком на пять лет с последующим поражением в правах по п.п. а, б, в ст. 31 УК сроком на пять лет. Началом срока считать 16 февраля 1937 г. Приговор может быть обжалован в течение 72 часов в кассационном порядке в Верхсуде РСФСР.

Председ. Иост

Члены Скуратов, Пехоцкий

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 112–113. Копія. Рукопис на бланку.

№ 179

Розписка про отримання О.Сарваном копії вироку 11 серпня 1937 р.

Расписка

1937 г., августа, 11 дня, 20 часов 15 минут, мною, з/к Сарваном Алексеем Григорьевичем получена копия приговора отд. Глав. Суда АКССР при ББК НКВД от 9 августа 1937 г., коим и приговорен за пр.пр. ст.ст. 58–10, часть 1 УК на срок пять лет.

Подпись: *Сарван*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 115. Копія. Рукопис на бланку.

№ 180

Ухвала Спеціальної колегії Верховного Суду РРФСР у справі О.Сарвана 17 вересня 1937 р.

Определение

Спец. Коллегия Верховного Суда РСФСР

В составе: Председательствующего: Мальцева

Членов: Линтина и Шершакова

Рассмотрев в заседании от 17/IX–37 г. в кассационном порядке по жалобе гр. Сарвана А.Г. приговор отд. Главсуда АКССР при ББК НКВД от 9.8–37 г., коим: Сарван А.Г. по ст. 58–10 ч. I УК л/св. на 5 лет, с поражением прав ст. 31 п. А-Б-В УК на 5 лет.

Заслушав члена докладчика т. Линтина, СК определила: приговор суда оставить в силе.

Председатель Мальцев

Члены Линтин и Шершаков

Верно: секретарь *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 116. Копія. Машинопис на бланку.

№ 181

Довідка про О.Сарвана
Жовтень 1937 р.

Сарван Алексей Григорьевич, 1893 г.р., гр-н СССР, ур. Галиции, служащий, образование высшее, б. член КП(б)У.

Являлся членом Харьковского руководства к.-р. организации «УВО». Проводил вербовку в «УВО». Являлся членом боевой группы. Был связан с английским посольством в Москве.

КОГПУ УССР от 23.IX.33 г. по ст. 54–4, 3, 6, 11 УК приговорен на 5 лет заключения в лагерь.

Находясь в тюрьме ГУГБ, примкнул к к.-р. группировке украинских националистов. Связан с наиболее к.-р. элементом, ведет систематическую агитацию и к.-р. пропаганду. За активную к.-р. деятельность в лагере дополнительно в 1937 году привлекался к уголовной ответственности по ст. 58–10 УК.

Остался отъявленным врагом Советской власти. При каждом удобном случае пытается вести к.-р. пропаганду против мероприятий партии и правительства. Защищает террористов, врагов народа Троцкого, Зиновьева и восхваляет фашизм. Принимал участие в объявлении коллективных голодовок.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 93.
Копія. Машинопис.

№ 182

Акт про виконання вироку стосовно О.Сарвана
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Сарвана Алексея Григорьевича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 94.
Копія. Машинопис.

№ 183

Ухвала Військового трибуналу Ленінградського військового округу
25 грудня 1957 р.

Секретно

Определение № 2582-Н-57
Военный трибунал Ленинградского военного округа
в составе:
Председательствующего — генерал-майора юстиции Писарькова
и членов: полковников юстиции Самсонова и Парфенова
рассмотрел в заседании от 25 декабря 1957 г. протест Военного Прокурора ЛенВО в порядке надзора на Постановление судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 23 сентяб-

ря 1933 года, в соответствии с которым был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет —

Сарван Алексей Григорьевич, 1893 года рождения, уроженец с. Лоты (Галиция), член КП(б)У с 1926 года, бывший заместитель директора Института красной профессуры в гор. Харькове, арестован 16 февраля 1933 года.

По постановлению Особой тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года Сарван А.Г. расстрелян.

Заслушав доклад тов. Парфенова и заключение помощника Военного Прокурора ЛенВО подполковника юстиции Хрусталева, полагавшего протест удовлетворить,

установил:

Сарван признан виновным в том, что он, являясь руководящим участником «Украинской военной организации», проводил активную контрреволюционную работу, направленную к свержению Советской власти и установлению украинского буржуазно-демократического государства». Эти действия Сарвана квалифицированы по ст.ст. 54–3, 54–4, 54–6 и 54–11 УК УССР.

Указанное обвинение Сарвана было основано на его собственных показаниях, а также на показаниях осужденных по другим делам Бадана-Яворенко А.И., Викула С.П., Демчука П.И., Максимовича К.А., Романюка Н.М. и других.

В показаниях Сарвана, указывается далее в протесте Военного Прокурора Округа, утверждается, что он, будучи завербован осенью 1931 года в Украинскую военную организацию (УВО) Романюком, принимал участие в обсуждении планов работы этой организации, по заданию руководителя центра УВО Максимовича завербовал в организацию двух колхозников, а в 1932 году в Москве получил от сотрудника английского посольства Джеко письмо для Максимовича.

Однако, как видно из материалов дела и дополнительной проверки, изложенное не подтверждается показаниями ни Романюка, ни Максимовича, которые Сарвана лишь назвали в числе других участников контрреволюционной организации. Никаких сведений о практической контрреволюционной деятельности Сарвана в их показаниях не имеется, также, как в КГБ при СМ СССР нет никаких сведений о связях Сарвана с бывшим сотрудником английского посольства в Москве Джеко.

Дела по обвинению Теслюка-Эрнеста-Горина М.Н., выписка из показаний которого приобщена к делу Сарвана, а также Дабудека М.Н. и Ирчана М.Д. *, которые Сарваном названы в качестве соучастников его преступной деятельности, в 1956 году прекращены за отсутствием состава преступления.

Эрстенюк, Козориз, Чехович, Яворский А., Шумский, Сияк и Сироко, также названные Сарваном участниками УВО, никаких показаний о нем не давали, а Шумский, Сияк и Сироко в принадлежности к указанной организации виновными себя не признали вообще.

Допрошенные в процессе проверки свидетели Теслюк-Эрнест М.Н., Чехович М.Т. и Дабудек М.П. показали, что ни о контрреволюционной деятельности Сарвана, ни о существовании Украинской военной организации (УВО) им ничего не известно.

Кроме того, из материалов дела видно, что в отношении Сарвана допущены грубейшие нарушения закона: в 1933 году он арестован без санкции прокурора, а затем во время пребывания в Соловецкой тюрьме без проведения следствия и без предъявления какого-либо обвинения на основании агентурных материалов по решению особой тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года расстрелян.

Исходя из изложенного, в протесте ставится вопрос об отмене указанных постановлений в отношении Сарвана и прекращении о нем дела на основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР.

Рассмотрев материалы дела и учитывая, что доводы, изложенные в протесте, обоснованы объективными материалами дополнительной проверки, Военный трибунал Округа, руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года,

определил:

---

* Так у документі.

Постановление судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 23 сентября 1933 года и постановление Особой тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года в отношении Сарвана Алексея Григорьевича отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинными верно: член Коллегии ВТ ЛЕНВО
полковник юстиции *Парфенов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 96–97. Копія. Машинопис.

СПРАВА М.СИЯКА
(№ П-14788)

№ 184

Меморандум у справі М.Сияка 5 жовтня 1933 р.

Сов. секретно

Оперативный Сектор ГПУ УССР

Меморандум

По след. делу № 737
1. Фамилия, имя и отчество обвиняемого *Сияк Николай Михайлович, 1872 г. рождения, уроженец Галиции*
2. Социальное положение обвиняемого *служащий, преподаватель немецкого яз.*
3. Социальное политическое прошлое обвиняемого *б. австрийский чиновник, б. офицер австрийской, галицийской армий.*
4. Характеристика обвиняемого, описание совершенного им преступления и степень его опасности *Активный член УВО с 1920 г. В 30 г. был командирован Харьковским центром УВО в Кам.-Подольск для активизации повстанч. кадров и подготовки вооруж. восстания, проводил вербовочную работу в организацию в Харькове, Каменце, Одессе.*
5. Степень заинтересованности органа ГПУ, составившего меморандум, в дальнейшей разработке обвиняемого и в каком направлении —
6. Можно ли вербовать обвиняемого и для какой работы *Нет.*
7. Какие ограничения в порядке содержания осужденного необходимы по мнению органа ГПУ, составившего меморандум *Особых ограничений не требует.*
8. Прочие предложения —

Подпись и должность лица, составившего меморандум *Підпис нерозбірливий*

Утверждение Нач. Органа

5/X–1933 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 127–128. Копія. Рукопис на бланку.

№ 185

Довідка про М.Сияка
Жовтень 1937 р.

Сияк Николай Михайлович, 1892 г.р., ур. Галиции, служащий, образование высшее, аспирант, б. прапорщик австрийской армии, б. член КП(б)У, гр. СССР.

Является активным членом к-р организации «УВО» с 1920 года. В 1930 году был командирован Харьковским центром «УВО» в Каменец-Подольск для активизации повстанческих кадров и подготовки вооруженного выступления. Проводил вербовочную работу в организацию в Харькове, Каменце и Одессе.

Суд. тр. при КОГПУ УССР от 23.IX.33 г. по ст. 54–11 УК УССР осужден на 10 лет в места л/свободы.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 129.
Копія. Машинопис.

№ 186

Акт про виконання вироку стосовно М.Сияка
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Сияка Николая Михайловича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 130.
Копія. Машинопис.

№ 187

Висновок про реабілітацію М.Сияка
17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 года

Заключение

в отношении *Сияка Н.М.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15259)*
Фамилия, имя, отчество *Сияк Николай Михайлович*
Дата и год рождения *1872 г.*

Место рождения *д. Зухачи Львовского уезда*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *преподаватель немецкого языка Харьковского института*
Место жительства до ареста *г. Харьков*
Данные о родственниках *не указаны*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *31 декабря 1936 года. Отбывая наказание в местах лишения свободы (СЛОН) по ст. 54–11 УК УССР, был приговорен на заседании Особой тройки УНКВД ЛО к расстрелу за к-р деят-ть, протокол № 83 от 9 октября 1937 года. 3 ноября 1937 года приговор приведен в исполнение.*
Сияк Н.М. подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *В.И.Сабинин*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 131.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА О.СЛІСАРЕНКА
(№ П-5179)

№ 188

Довідка про О.Слісаренка
Жовтень 1937 р.

Слисаренко Алексей Андреевич, 1891 г.р., гр-н СССР, ур. г. Волчанск Харьковской обл., сын управляющего имением, служащий, образование высшее, литератор.

Является членом украинской к-р организации, причастен к террористической деятельности.

Воен. трибуналом Укр. военного округа, закрытым суд. заседанием от 19.III.35 г. по ст. 54–11, 8, с с/с 2 части 54–2 УК УССР приговорен к заключению в ИТЛ сроком на 10 л. с поражением прав по пунктам А, Б, В ст. 29 УК.

Находясь в Соловецкой тюрьме, рассказывал заключенным, что он был активным членом ПСР. По прибытии в Соловки в 1935 году он быстро связался с активом осужденных по делу «УВО» и сообщил сведения о новых арестах на Украине. Характеризуется как украинский националист, ориентирующийся на зап. европейские государства.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 138.
Копія. Машинопис.

№ 189

Акт про виконання вироку стосовно О.Слісаренка 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Слисаренко Алексея Андреевича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 139. Копія. Машинопис.

№ 190

Ухвала у справі О.Слісаренка 19 вересня 1957 р.

Копия
Секретно

Верховный Суд Союза ССР
Определение № 0068/211/35

Военная коллегия Верховного суда СССР
В составе: Председательствующего полковника юстиции Костромина и членов подполковника юстиции Капустина и подполковника юстиции Ухванова рассмотрела в заседании от 19 сентября 1957 года заключение Главного военного прокурора по делу Слисаренко Алексея Андреевича, 1891 года рождения, уроженца села Хашня Волчанского района Харьковской области, до ареста писатель, арестован 29 апреля 1934 года, осужденного военным трибуналом Украинского военного округа 19 марта 1935 года по ст.ст. 54–8 и 54–11 УК УССР к 10 годам лишения свободы в ИТЛ с поражением в правах на 3 года без конфискации имущества.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 8 апреля 1935 года приговор оставлен в силе.

Постановлением тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 года Слисаренко за те же действия расстрелян.

Заслушав доклад т. Ухвалова и заключение пом. главного военного прокурора подполковника юстиции Ярчевского о прекращении дела, Военная коллегия

установила:

По приговору Слисаренко признан виновным в том, что он в 1932 году вступил в контрреволюционную националистическую организацию «УВО». В октябре 1933 г. вошел в тройку для подготовки террористического акта против секретаря ЦК КП(б)У Постышева, но в дальнейшем участия в подготовке теракта не принимал.

Прокурор в своем заключении просит приговор, определение Военной коллегии и постановление тройки УНКВД отменить, дело производством прекратить за отсутствием состава преступления по тем основаниям, что в ходе дополнительной проверки установлены новые обстоятельства, свидетельствующие о невиновности Слисаренко.

Рассмотрев материалы дела и соглашаясь с доводами, изложенными в заключении прокурора, Военная коллегия Верховного суда СССР

определила:

Приговор Военного Трибунала Украинского военного округа от 19 марта 1935 года, определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 8 апреля 1935 года и постановление тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 года в отношении Слисаренко Алексея Андреевича по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Председательствующий Костромин
Члены: Капустин, Ухвалов

Верно: Ст. оперуполномоченный учетно-архивного отдела КГБ
при СМ УССР ст. лейтенант *Алексеев*

19 декабря 1957 г.

Справка: Подлинник определения № 0068/211/35 приобщен к арх. с/делу 44937 от УАО КГБ при СМ УССР.

19/XII–57 г. *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 140–141. Копія. Машинопис.

СПРАВА П.СОЛОДУБА № П-6911

№ 191

Характеристика на П.Солодуба 9 грудня 1933 р.

На Ваш № 1193 от 16/XI с.г.

По агентурно-наблюдательному делу «Активные» на з/к Солодуба Петра Кирилловича, рожд. 1893 года, уроженец гор. Изяслав Волынской губ., б. офицер-прапорщик.

Осужден КООГПУ по делу УВО 5/IX с.г. по ст. 58–4–11 УК на срок 10 лет.

Согласно предписанию О. отдела б. УСЛАГ ОГПУ за № 32025/к от 22/IX с.г. содержится в одиночной камере, т.е. изолирован от всего остального лагерного населения.

Агентурное обслуживание з/к Солодуб затрудняется ввиду полной изоляции его содержания, в камере ведет себя спокойно, интересуется вопросом, «скоро ли он будет переведен на содержание на общих основаниях».

Опер. уполномоченный ОО III части Сол. отд. *Ишанин*

9/XII-1933 г.
о. Соловки

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 148. Копія. Машинопис.

№ 192

Заява П.Солодуба до Колегії ОДПУ СРСР 28 квітня 1934 р.

Пользуясь предоставленным мне правом через 6 месяцев пребывания в лагерном заключении ходатайствовать о смягчении приговора и о частной (личной) амнистии, прошу Коллегию рассмотреть мое заявление.

Оно не может носить характера политического заявления, т.к. политическое заявление я направил 25 ноября 1933 года, оно не будет формально-правовым, ибо формальная сторона не имеет никакого отношения к моему личному делу.

Мне остается тогда правдиво и искренне изложить мои политические убеждения, допущенную мной политическую ошибку и совершенное политическое преступление, дабы доказать (убедить и показать) Коллегии, что я никогда не был контрреволюционером и не могу им быть, что никаких других убеждений, кроме коммунистических, у меня нет, что политику партии, как единственно правильную в наших исторических условиях, я целиком и полностью разделяю и безоговорочно принимаю. Мой национализм, приведший меня к суровому наказанию, является следствием не моих убеждений, а: 1) теоретической путаницы, которую я допустил в ряде политических вопросов, желая, как Ленин говорит, дойти до всего «своим умом», в том числе и до того, что в марксистской литературе давно решено, но мне, ввиду моей политической безграмотности, было неизвестно или неправильно мной понято, либо намеренно неверно истолковано; 2) рядом неблагоприятных внешних обстоятельств и стечением случайностей на пути моей общественно-политической работы, которая втянула меня в националистическое окружение, приведшее к политическому преступлению; и, наконец, 3) политическая неряшливость с моей стороны, небрежный выбор политических друзей, непонимание и недооценка своей объективной роли в контрреволюционной деятельности украинского национализма.

I. Начало политического развития и национальный момент

Примкнув в ранней молодости к революционному движению, я должен в нем отметить две черты: а) революционный радикализм и б) отрицательное отношение к национализму как черте, характерной на всем протяжении моего политического развития.

Так, уже в духовной семинарии при мне было три бунта, два из них с частичным закрытием семинарии и временным исключением из нее участников бунта. Во всех трех я принимал активное участие и каждый раз подвергался наказанию.

При мне в семинарии было несколько национально-украинских кружков. Я ни в один из них не входил, тогда как в кружке дарвинистов я активно участвовал и сам вел литературный кружок.

Таким образом, несмотря на то, что до 16 лет включительно я почти не знал русского языка, родной язык украинский, плохо знал польский и еврейский народный (жаргон), древний еврейский я учил уже в семинарии, я не примыкал к национальному движению потому, что меня интересовали вопросы социального, а не национального порядка.

Интерес к социальным вопросам был результатом моего происхождения, за которое меня везде преследовали.

В высшей школе, в Киеве, я также не примыкал к национальному движению, хотя оно широко распространялось в Киевских высших школах, но на второй месяц пребывания в высшей школе меня избрали членом правления землячества, что следует отнести к разряду исключений.

То, что и в высшей школе я продолжал отдавать преимущество вопросам социальным перед национальными, говорит, что я инстинктивно шел по пути радикального движения. Некоторые из моих близких друзей примыкали к национальным социалистическим группировкам, но я считал, что главное — революция, только и нужно за нее бороться, а революция принесет с собой социальное и национальное освобождение.

Конечно, я представлял собой специфический тип мелкобуржуазного революционера. «Народ» и «революция» — вот примитивно элементарные формулы моих действий, которые подслащались зажигательной фразой в момент активизации общественного движения. Поэтому, принимая участие во всех студенческих выступлениях, а при мне были: а) толстовские дни, б) бейлисовские дни, в) шевченковские дни (было общее выступление) и день протеста против открытия памятника Столыпину, ведя общественную работу, я все это делал не только радикально, но с налетом некоторого буйства, что в свое время было известно довольно широко.

Но я всегда утверждал и утверждаю, что если бы до революции встретил живого большевика или познакомился с сущностью большевизма, я бы стал большевиком.

Может возникнуть вопрос — неужели я не мог дойти «собственным умом» до правильного понимания борьбы за революцию.

Очевидно, нет, и вот почему. Жизнь моя была невероятно материально тяжелая. Мне никто не помогал, а была огромная жажда знания. Борьба за то, чтобы быть полуголодным, отвлекала от всех других вопросов, а революция рисовалась и проявлялась в стихийном порыве и действии.

Это материальная сторона. С идеологической — обстояло еще хуже. Как семинарист, которому приходилось изучать значительную часть библии наизусть, с самым серьезным видом доказывать, что Адам говорил на древнем еврейском языке, то, что он существовал — сомнений не было, что Иисус Навин действительно остановил солнце и луна не двинулась, и что это было не астрономическое явление, а чудо — доказывалось цифрами, фактами и цитатами из «научных трудов». За этими абсурдами следовала философская [нрзб.] (логика и психология), история философии, преподносившаяся в специфических формах, и основное богословие как философия религии, в которой говорилось, что Фейербах, Спиноза, Кант, Гегель и др. — самые что ни на есть «православные христиане».

Из духовной семинарии «собственным умом» я мог дойти до атеизма и зоологической ненависти к черному и белому духовенству, что я сделал.

В высшей школе я был учеником по политической экономии русского черносотенца А.Д.Билимовича, который, правда, однажды заявил, что «социализм — есть высшая форма хозяйственного развития человечества, но он наступит через тысячу лет, а Солодуб хочет его завтра».

Вот примерный багаж, с которым я попал на войну. Империалистическая война, о которой исписаны миллионы страниц, мне после всего, что я пережил, рисуется как лучшие годы моей жизни. Страдания людей, гибель миллионов в глупой войне не оставили большого следа, вероятно, потому, что я относился к этому, как к должному. Но я всегда был сыт, обут, одет и абсолютно независим.

Потому что бои с атаками были сравнительно редки. Только октябрь-ноябрь 1915, когда отстаивали Двинск, за месяц было шесть атак, а как правило, бои с атаками были раз в три месяца, а то и в полгода.

Т.к. я был всегда в строю, то неприятно, конечно, было сознание, что могут каждый день убить, но я настолько был беспечен, что получил разрешение от командира полка на продолжение образования, готовился в окопах к экзаменам и сдавал их при очередных отпусках.

В полку я вел революционную работу так, как я ее понимал: вел открытую агитацию среди солдат, у меня в роте отпускали и распределяли обмундирование [нрзб.], на офицерских собраниях говорил ярко (в смысле фразы) революционные речи, в том числе и при начальнике дивизии, избил командира батальона подполковника Солонина во время атаки, подполковника Мончина за то, что он при мне ударил солдата моей роты, выгнал и вытолкал из окопа, даже Пуришкевич выгнал меня из вагона библиотеки и требовал от командира корпуса предания суду за оскорбление царя. Неприятностей была уйма, но на выговоры и замечания я не обращал внимание. Все более-менее сходило с рук. Только с распространением программы партии с-р сорвался в 1916 г., но и это кончилось сравнительно благополучно.

Все это я пишу для того, чтобы подчеркнуть, что я никогда не жалел себя для революционного действия, как я его понимал.

Начало революции я проводил бурно. Достаточно сказать, что полк под моим руководством уже в марте выбрал командира полка, некоего Кабордо, а начальник дивизии в апреле хотел меня арестовать за «демагогию», но солдаты дивизии по своей инициативе охраняли меня, и дивизия тогда была больше в моих руках, чем ее начальника.

Большевикам я уже тогда помогал, так как к нам приехала рабочая делегация с большевиками из Одессы с подарками. Ее не хотели принять. Я устроил делегатов в офицерском собрании, как устраивались все делегации, председательствовал на митингах во всех частях дивизии и дал им полную возможность говорить, что они хотели.

В значительной мере мои крайние действия привели к тому, что дивизия (30 пехотная) при выборах в Учредительное собрание подала 90% голосов за большевиков, несмотря на то, что она стояла в Румынии между Галацом.

А нужно иметь в виду, что по Румынскому фронту в Учредительное собрание прошло 14 с-р, 4 украинца и 3 большевика.

Правда, пораженцем я стал в июне-июле 1917 г., а до этого вел среди солдат агитацию за то, чтобы свалить всех царей путем революционной борьбы.

Все это меня сближало с большевиками, с которыми я охотно сходился на фронте, в Ленинграде и др. местах.

Так, в мае 1917 г. на крестьянском съезде, когда я руководил делегацией румынского фронта, т. Ермощенко вел со мной переговоры о блоке как организатор фракции большевиков, а положение его было трудное, ибо некоторые в прошлом большевики отмежевывались от фракции.

Тогда я выступал примерно с таким лозунгом. Мы должны быть за Учредительное собрание, но если оно постановит не то, что нужно рабочим и крестьянам, мы его разгоним и новое созовем.

На этом съезде Авксентьев, которого я довел до белого каления своими разговорами, назвал меня авантюристом, с которым нечего возиться, т.к. он все равно уйдет к большевикам, а Авксентьев, как известно, всех большевиков считал авантюристами. Прогноз, что я стану в конце концов большевиком, делали Перекрестов и Соколин, тогда меньшевики.

На Румынском фронте, когда я был председателем Комиссии по выборам в Учредительное собрание, я работал в полном контакте с большевистским ревкомом.

Примерно во второй половине мая 1917 г. проездом из Ленинграда я посетил украинский войсковой съезд. Но он мне был неприятен своим национализмом, в котором совершенно тонули социальные моменты революции.

Это в основном оттолкнуло меня от украинского движения. В армии была армейская рада, фронтовая — как меня ни тянули в них, я всегда подчеркивал, что я украинец: Чмыря, Писнячевский, Грищенко, Терниченко и др. — я с ними не пошел.

Когда я прибыл в Ленинград с отчетом по выборам и сдал кассу и материалы, вопреки требованию ЦК с-р, Урицкому, это ему настолько понравилось, что между нами установились самые хорошие отношения. Я часами просиживал в его кабинете в Таврическом дворце и выслушивал крайне захватывавшие меня идеи большевизма.

Он неоднократно предлагал мне вступить в партию, но я считал и говорил ему, что мне неудобно войти в победившую партию.

Чтобы охарактеризовать мои личные отношения с т. Урицким, я позволю себе указать на факт, возможно, несерьезный, но характерный. В одну из бесед я пожаловался, что обряд венчания с моей женой откладывается с 1916 года за отсутствием разрешения начальства на мою женитьбу (я как офицер должен был представить такое разрешение в церковь, где совершается обряд) и что родители жены тревожатся, а я не знаю, как их успокоить. Он предложил выдать такое разрешение за его подписью и подписью т. Бродского, и обряд состоялся.

Когда я был на VII съезде партии, я знал все решения по вопросу о войне и мире. Слушал все прения и расписался на листе под Лениным, когда он предложил, что его доклад и, кажется, резолюция не могут быть ни предметом устных, ни письменных сообщений. Насколько я помню, тогда выходили социалистические и буржуазные газеты. Лю-

бая газета с радостью поместила бы информацию, чтобы скомпрометировать большевиков, но я никому ни слова не сказал, т.к. считал, что дал честное слово большевикам, и слово сдержал.

В момент наступления немцев я с женой записался в Красную гвардию, т.к. считал необходимым защищать Октябрьскую революцию, затем работал в ВСНХ.

Когда правительство решило переехать в Москву, я под впечатлением речи Ленина отправился на подпольную работу на Украину, опять-таки при помощи Урицкого.

На этих деталях я останавливаюсь потому, что они характеризуют мою близость к большевикам и мое честное к ним отношение за все время революции.

В 1917 г. я часто бывал в Киеве. Мне неоднократно предлагали сблизиться с Центральной Радой, говорили, что там есть левая группа, но я даже не заходил в музей.

В 1918 г., когда я перешел на Украину, уже произошел германский переворот. Первое, что на меня произвело убийственное впечатление, это немцы и их грубое отношение к населению. Впечатление было так гнусно, что я предложил жене вернуться в РСФСР. Но решили все же добраться до Киева. В Киеве я сразу приступил к подпольной работе. Работал по саботажу и в военной комиссии.

После блока всей социалистической контрреволюции и левых кадетов во главе с Ульяницким я вышел из партии и поступил переводчиком в советскую делегацию.

Когда началось движение против гетмана, я с женой направился на встречу Красной Армии, но вернулись из села Бречинцы Черниговской губ., т.к. Киев был взят Петлюрой (Директорией).

Часть моих товарищей пошла на работу к Директории, я не пошел, а начал опять борьбу с национализмом.

После некоторых колебаний, попыток организовать свою партию или группу «рабоче-крестьянский союз», которая должна была отстаивать Советскую власть по принципу пропорционального представительства от рабочих и крестьян, я отклонил предложение Науменко о вступлении в партию боротьбистов и на предложение т. Бубнова ответил согласием. Вместе с Павловым, Соляновым и др. приступил к организации рабочей обороны г. Киева.

Так я стал большевиком.

Во всех национальных формированиях, в том числе при гетмане, были мои знакомые, были и товарищи по высшей и средней школе. Если бы я был человеком не радикальных политических убеждений, а хоть немного политическим авантюристом или националистом, то каждое из этих формирований открывало бы передо мной широкие перспективы для «политической карьеры».

Что характерно было в моей работе до прихода Советской власти на Украину?

а) революционный радикализм, который меня все время толкал к большевикам, б) теоретический сумбур, который выветривался у меня лишь с практическим столкновением с революционными событиями, и в) отсутствие всякой политической связи с националистическим движением, несмотря на чрезвычайно благоприятную для этого обстановку.

По приходу Советской власти на Украину меня назначили начальником мобилизационной части Киевского Губвоенкомата.

Возложенные на меня работы по общевойсковой мобилизации и трудовой (буржуазии) я выполнял вполне удовлетворительно. После этого меня назначили губковоенруком и начальником боевого участка Волыни. Мне пришлось вести работу с известными в истории гражданской войны Богунцами и Таращанцами. (При мне ликвидировали «бога богов и царя царей» — частность.) Приступил я к новой работе на ст. Казатин, т.к. Житомир предстояло еще взять, и мы в сравнительно короткий срок продвинулись к Славуте. После двух- или трехмесячного пребывания в Житомире меня вызвали в Киев и назначили начальником штаба обороны Киева с правами, как говорилось в приказе, начальника штаба неотдельной армии.

Работа, как впрочем и все работы в период гражданской войны, трудная. В самом Киеве приходилось принимать участие в подавлении трех восстаний — на Подоле, 9 полка и кавалерии под командой некоего Дорошенко, не говоря о борьбе с внешними бандами, в частности, не совсем удачная операция с бандой Зеленого.

За работу по штабу обороны Киева меня и тов. Павлова, нач. боевого участка, решено было представить к ордену Красного Знамени. Я по недомыслию наотрез отказался от знака оценки моей работы. Тов. Павлова представили, и он получил орден.

Удержать Киев не было возможности. Из всех направлений только Черниговское было более-менее свободное. Помимо Струка, Зеленого и др. банд — шел Петлюра и Деникин с разных сторон. Киев оставили, кажется, 3 августа.

После эвакуации меня направили в распоряжение XII армии, где тов. Мануильский предложил перейти к нему на работу. Жили мы с тов. Мануильским в Житомире. Здесь впервые я познакомился с боротьбистами как партией. По поручению тов. Мануильского я два раза выступал против Шумского на специальном крестьянском съезде и на Октябрьской годовщине.

Поручение это исполнял я, т.к. был одним из членов парторганизации, владеющим украинским языком.

Кроме того, я участвовал в организации Съезда Советов и был докладчиком о Красной Армии.

В Москве сформировался Укрревком — в него вошел тов. Мануильский, и я, по его предложению, назначен Управляющим делами. Укрревком за армией из Серпухова переехал в Харьков.

Из Харькова меня послали в Киев как уполномоченного, вместе с тт. Порайком и Михайликом, ЦК КП(б)У по работе среди крестьян и украинской интеллигенции.

Но вскоре прогнали Деникина. На нашу сторону перешла Галицийская армия, в состав командования которой вошли Порайко, Михайлик и я как военный руководитель. Шефом всего дела был тов. Затонский.

Штаб армии находился в Балте. Армия представляла отступившую небольшую страну — Галицию. Здесь были все — от членов парламента до владельцев скаковых конюшен. В ее составе находилось свыше 200 б. русских офицеров и примерно 2000 австрийских, германских и, главным образом, галицийских и др. офицеров.

Я выехал в армию в составе четырех б. офицеров — генерала Иванова — н-ка штаба, полковника Каменского — инспектора артиллерии и двух младших офицеров, фамилии не помню.

Особый отдел — т. Фриновский (н-к), т. Бредис — зам. и Поле — уполномоченный, председатель трибунала Кириченко и комиссар штаба, не совсем нормальный член партии Пучко.

Офицерский состав в массе встретил нас враждебно, но и масса солдат, находящихся под руководством этих офицеров, несмотря на то, что «ячейки росли как грибы», — слова тов. Порайко в интервью, по меньшей мере, были сдержанны.

Особый отдел не имел штата и был бессилен. А когда приехал штат, то он перепился и перестрелялся в тот же день — пришлось с помощью немца Люнца, коменданта штаба, их арестовать и выпроводить в Киев.

Армия располагалась в районе действий Заболотного, к ю-з. от Балты, Тютюнника — у Тирасполя, банды какого-то члена конгресса — в районе Бирзулы и безначальной банды в лесу в верстах 7–8 от Балты, она ставила задачу устроить еврейский погром. Принятыми мерами ее наступление на город парализовалось и она разошлась. Галичане соглашались биться только с поляками, а «з селянами» отказались.

Порайко и Михайлик редко бывали в армии. Чаще всего с утра до вечера. Только дважды Михайлик пробыл несколько дней, и то ему не повезло — в нас стреляли. По словам Особого отдела, была группа, которая хотела уничтожить меня.

Враждебность армии требовала особой жесткости в оперативной работе и только официальных отношений с разными группами, которых было много. Это проводилось.

Работа была выполнена. Бригады Галицийской армии влились в общекрасноармейские дивизии.

Должен отметить, что среди всех лиц из галичан один Пашев, будучи комиссаром оперативного отдела штаба, во главе которого стоял член генерального австрийского или германского штаба Лебковиц, вел свою работу исключительно добросовестно и преданно, и его переход на нашу сторону не внушал никаких сомнений. Вот почему у меня на все

время сохранились к нему хорошие личные отношения. Преданная работа в неблагоприятной обстановке всегда сближает людей.

Работа в Галицийской армии меня не приблизила, а еще больше отдалила от национально-украинского вопроса. Я стал смотреть на всю галицийскую и петлюровскую интервенцию, как на потенциальных предателей. Измена галицийских частей меня потрясла. Правда, в тот момент меня при них не было, но считал, что это результат слабой политической работы, требовал расследования дела и предания суду Порайко, Михайлика и меня.

Чтобы показать, как долго я находился под впечатлением этой измены, я позволю себе указать, что когда я впервые встретил Максимовича у Шумского и узнал, что он галичанин, я предостерегал против него, но Шумский лишь рассмеялся. Это было в 1925 г., либо даже в 1926 г.

Из Галармии меня назначили начальником Школы червоных старшин (батальон пехоты, эскадрон кавалерии и батарея артиллерии).

Правда, это назначение можно рассматривать как политическое доверие, т.к. школа организовалась вследствие специального политического акта правительства, и, кроме того, Шумский и др. бывш. боротьбисты выдвигали Немоловского, а ЦК КП(б)У возражал этому, назначил меня.

Школу я создал не в легких условиях. Разработал систематизированную терминологию (галицийская не годилась, петлюровскую я не знал) для всех родов войск, утвержденную ВУЦИКом, перевел строевой и полевой уставы на украинский язык.

Школа, среди многих курсов в курсантской дивизии, где я был пом. н-ка дивизии, была первой в боевом и строевом отношении. В приказах того времени школа часто отмечалась как образцовая часть. Здесь отмечу личный факт, который, возможно, охарактеризует мое отношение к делу. Когда я выезжал на фронт, моя жена находилась на последних месяцах беременности и больна брюшным тифом перед кризисом. Тов. Мануильский спросил: «Вы уезжаете? Попросите остаться на несколько дней». «Не могу, — заявил я, — война». «Это по-революционному и, вероятно, чересчур», — ответил тов. Мануильский.

Как известно, дивизия [нрзб.], и была в резерве командующего. Словом, значительная часть моей военной работы связывалась со мной как с человеком украинского языка.

Работа в школе еще больше затуманила мое представление по национальному вопросу. Я его стал считать специфически политическим, т.е., что все это делается в виде уступок украинскому национализму, а вообще-то никому не нужно. Это убеждение у меня укреплялось еще потому, что в штабе фронта я встречал резко враждебное отношение к школе, особенно среди специалистов.

С этим пониманием национального вопроса в политике партии я демобилизовался и меня назначили Управделами СНК Украины.

III. Советская работа и национальная политика

Своими политическими учителями я считаю т. Мануильского в большей степени и т. Раковского — в меньшей.

Тов. Мануильский рассказывал мне историю партии, он меня посвятил в сущность классовой борьбы, при нем я впервые читал «Капитал» II-й том и «Финансовый капитал» вместе с ним, он рассказал мне подробно про фракционную борьбу в партии, издание «Нашего слова», роль Троцкого и пр. При этом намекал, что никогда больше против ЦК и Ленина, в частности, не выступит.

Я так научился его понимать, что он начинал интервью — я мог заканчивать, он начинал статью — я ее заканчивал. Но по национальному вопросу он мне не мог ничего ответить, он был и для него [нрзб.].

Я стал требовать ответа от Раковского. Он мне ответил, что национальный вопрос — важнейшая часть политики партии, но в основном — крестьянский, и что он может сыграть среди угнетенных народов решающую роль в успехе революции. В заключение отсылал меня к речи Маркса на Парижском конгрессе Интернационала.

В то же время в государственном строительстве шли два процесса на Украине. С одной стороны, группа бывш. боротьбистов, а отчасти Раковский, Скрыпник, Затонский, я и др.,

стремились к развитию украинской государственности как экономически независимого организма, с другой стороны, центр, подчиняясь необходимости планомерной организации производства и распределения, шел по линии централизованного распоряжения экономическими ресурсами Украины.

Я в то время перечитал всю марксистскую литературу (большевистскую и меньшевистскую) по национальному вопросу и государственному строительству и большое количество буржуазной, а начитавшись, начал путать.

Выступая по докладу тов. Сталина на фракции 1-го учредительного съезда Союза по государственному строительству, я стал на точку зрения конфедерации, считая, что в интересах защиты Союза Армия и международные дела должны быть объединены, а все остальные разъединены.

Тогда же выступал тов. Затонский, предварительно напечатавший статью, кажется, в «Известиях». Я не помню его концепции. Тов. Сталин в заключительном слове сказал, примерно: «Хотя Солодуб и Затонский по-разному говорят, но одного и того же хотят».

Тут же на поставленный мной вопрос о бюджете республик тов. Сталин лично мне ответил: «Бюджет у республик будет».

Вернувшись на Украину, я разработал проект конституции на конфедеральных началах. При проведении его я чаще всего терпел поражения, но частично также иное положение протаскивал. На президиуме ВУЦИКа, председательствовал Гр. Ив. Петровский, при поддержке тов. Скрыпника против Раковского, было принято принципиальное положение о «конфедерации». Присутствовали Владимирский, Угаров, Ермощенко, Киркиж, Шумский, Полоз и др. — не помню состава.

В Москве, где этот вопрос защищал Раковский, в отношении Украины принято специальное решение, обсуждавшееся на пленуме ЦК КП(б)У — меня не пустили, докладчиками выступали тт. Владимирский, Мануильский и Фрунзе (подробностей не знаю, никто не хотел рассказать, т.к. моя фамилия фигурировала в неприглядном свете).

Общая моя работа в СНК ценилась высоко. Неоднократными предложениями тт. Фрунзе и Раковского меня хотели представить к ордену Трудового Красного Знамени за организацию работы СНК и восстановление первого дома на Украине, в котором разместился СНК и работал ЦК (пленумы, комиссии, политбюро), но я вновь, по недомыслию, отказался от знака внешней оценки моей работы.

В то время я был в окружении: Раковский, Фрунзе, Мануильский, Серебряков, Маняев, Балицкий, Кузнецов, Угаров, Ермощенко, Кантарович и др., т.е. никаких дел с национальными группами не имел, т.к. считал их неполноценными коммунистами.

Это тем более важно, что с Шумским, у которого собирались все бывшие боротьбисты, я долго жил на одном коридоре — дверь против двери. Попытки мои и т. Порайко сблизиться не увенчались успехом, т.к. я не мог в душе простить ему манкирование революционным делом (Галармия), и наши отношения всегда были искусственными, были попытки с обеих сторон сдружиться с т. Любченко, но мы оказались разными людьми, некоторое время нечто вроде дружбы было с т. Хвылей.

Когда Раковский уехал с Украины, мне пришлось уйти из Упрделами.

Тов. Фрунзе хотел забрать меня в армию, но т.к. я не верил в войну, то я категорически отказывался, но все же был персонально мобилизован и освобожден, когда развеялись военные тучи (1923 г.).

В период работы в Госстрахе меня привлекли к разработке проекта о государственном бюджете. Я вновь самостоятельно разработал проект, выступал в печати по этому вопросу, выдвигая идеи независимости республиканских бюджетов от союза и проводя принципы содержания союза на регулярные взносы республиканских бюджетов. Проект не был принят, но сторонники у меня были, в частности, тогда НКФ Кузнецов принимал большую часть моих положений.

В 1924 г. Раковский предложил перейти на дипломатическую работу. Я согласился. С делегацией выехал в Англию, но за границей я не мог работать. Капитализм и его неравенство меня настолько подавляли, что я нервно заболел. У меня являлось непреодолимое жела-

ние взорвать это все, а между тем, я должен был пребывать в мещанском благополучии коммуниста, попавшего за границу, у которого, по существу, серьезного дела никакого (жалование 60 или 50 фунтов в месяц, все капиталистические блага и специфические «наши за границей» с мелкими склоками и подражаниями лучшим образцам «европейской культуры»).

Решил бежать. Раковский ни за что не отпускал, предлагая любую работу. Но я ответил: «Я предпочитаю работу секретаря ячейки паровозного завода должности советника, а общество т. Ермощенко всей английской буржуазии». Это, я думаю, показывает мое отношение к капитализму. Раковский обиделся, расстались мы очень холодно, но я был бесконечно счастлив, что вырвался из «рая».

Когда я вернулся на Украину, никаких перемен не произошло в отношении меня. В этот период ЦК прислал на работу в Госстрах Волоха. Я его не знал, т.е. видать — видел, знал, что у него в прошлом была банда, знал, что он принят в партию по рекомендации Г.И.Петровского и т. Мануильского, но с ним не встречался и не говорил. Я его назначил зав. отделом, но он вскоре стал секретарем ячейки и выставлялся кандидатом в Райком.

Примерно в это время Шумского назначили наркомпросом. Он считал меня хорошим организатором. Вызвал к себе и предложил быть его заместителем. Я вначале отказывался, но он нарисовал такие радужные перспективы работы, что согласился. Назначение тянулось месяца два, а то и три. Наконец назначили.

Когда я пришел в Наркомат, я увидел, что попал в «глубоко штатское учреждение». В Наркомате на меня повеяло ужасом грязи, беспорядка, неопределенности, отсутствием всякой дисциплины, совершенного незнания, чем этот комиссариат управляет и т.д.

Пришлось вымыть лестницы, вставить стекла, натереть полы, всех раздеть (сидели все в пальто, шапках и галошах), установить дисциплину — стало известно, кто, куда и зачем идет, и проч. элементы нормальной работы.

Но сколько школ, кто в них учится и т.д.? Все говорили по-разному. Завел статистику, чтобы знать, что такое просвещение в цифрах и фактах. Но когда я копнул «систему», поехал по местам, то эта «гордость Украины» предстала во всей своей красоте. Университетов нет, экзаменов нет, профшкола — облюдок недомыслия, учебников, как правило, нет, методы преподавания, рассчитанные на высокую квалификацию педагогов и богатое оборудование, калечили людей и пр.

Можно тома написать об этих анекдотических фактах. Я не подозревал, что в нашей системе что-либо подобное может существовать.

Только т. Бутвин знал свое дело, но де-факто он был наркомом для просвещения, а мы все лишь представляли просвещение. Шумский мало работал, а т. Ряппо так напутал, что нужно было вмешательство по крайней мере ЦК, чтобы привести это в некоторый вид.

Но против меня началась «политика». Ряппо открыто заявлял, что Солодуб насаждает «фельдфебелизм» в просвещении, другие ему помогали.

Мне пришла в голову мысль изгнать «петлюровщину». Я предлагал выгнать Яворского, заменить Ястремского или Ястржембского (не помню фамилии) товарищем Соколиным, Христового т. Ахматовым, ввести т. Икса в Коллегию как главного цензора и т.д. Хотел, если нельзя заменить «военных художников» знающими дело, то хоть способными что-либо организовать.

Присоединился к «политике» украинцев, мне стало душно в Комиссариате. Шумский меня перестал поддерживать и действовал вопреки мне.

В это время уехал т. Квиринг и приехал т. Каганович. Просвещение приобретало важную роль в общей политике партии, которую т. Каганович резко изменил, особенно национальный вопрос, как основной в то время.

Но с самого приезда т. Кагановича Шумский вступил в конфликт с ЦК и с т. Кагановичем. Я не поддерживал Шумского. Несколько раз уговаривал подчиниться ЦК, однажды это делал в присутствии Хвылевого.

Я не буду перечислять поставленных и решительно сдвинутых вопросов в области национальной политики, как, в частности, всей работы ЦК, культуры и просвещения как части ее, и направленных для практической разработки т. Кагановичем, скажу лишь, что я

целиком разделял политику партии. Не разделять я не мог, ибо еще никогда на Украине так ярко и выпукло эти вопросы не ставились, и они не приобрели той ясности и важности, какое приобрели при т. Кагановиче.

Но кроме того, т. Каганович и ЦК поддерживали и мои начинания, так что, несмотря на удушливую атмосферу в Комиссариате, со стороны ЦК, вернее, т. Кагановича, я пользовался вниманием, которое могу сравнить с вниманием ко мне в прошлом со стороны Раковского и т. Фрунзе. Но, несмотря на все это, мне пришлось уйти из комиссариата на совершенно неинтересную работу — вернуться в Госстрах.

Что я тогда решительно стоял на точке зрения ЦК, говорит мое выступление на IX съезде партии. Я говорил по докладу т. Кагановича: «Впервые после длительного перерыва мы заслушали действительный политический отчет о работе ЦК. Нужно заявить, что, как видно из доклада т. Кагановича, не только политическая линия, но и работа ЦК были правильны. И если можно иметь какие-либо претензии к т. Кагановичу, то лишь те, что нам было бы еще более приятно, если бы этот доклад был сделан на украинском языке, но я надеюсь, что к следующему съезду партии т. Каганович это сделает».

Я ушел из Комиссариата. Шумский, как выражается т. [нрзб.] и др., продал меня. На X съезде КП(б)У т. Каганович делал доклад на украинском языке, но я его не слушал, т.к. был изгнан как «агент классового врага в партии из Украины».

IV. Национализм-фашизм (шумскизм)

Как же могло случиться, что если бы то, что я пишу, верно, что я стал национал-фашистом (шумскистом)?

К моему несчастью, все то, что я пишу, верно, но верно и то, что я стал национал-фашистом (шумскистом).

Здесь необходимо еще отметить, что когда Хвылевой выступил со своими лозунгами «Геть от задрипанки Москвы» и «ориентация на Европу», я не поддерживал его. Свое отношение, правда устно, формулировал следующим образом: «Глупо, но контрреволюционно».

Все равно, как если бы Хвылевой при царе выбросил печатно лозунг «Геть шмаркатого царя» — было бы революционно, но глупо. Правда, с той разницей, что за такой лозунг при царе сослали бы на каторгу, а при Советской власти пускают на пленум ЦК и дают «давать объяснение».

Почему я не выступил против Хвылевого? Я его мало знал или вернее, лично не знал в то время, но его художественные и некоторые публицистические работы отличались высоким качеством и говорили о нем как о человеке большого таланта, много, систематически, тщательно работающем над собой.

Когда я с ним познакомился, он мне сказал, что образцом писателя, которому он следует, он взял Бальзака. Известно, как высоко ценили Маркс и Энгельс этого гениального творца реалистического социального романа. Это заставило меня смотреть на Хвылевого как на человека исключительного по силе таланта, в котором я видел украинского Чернышевского (пусть простит мне великий просветитель, что я позволил такое сравнение).

Я считал, что выступить печатно против Хвылевого — значило погубить талант. Сейчас я уверен, что невыступление с зубодробительной критикой против этой контрреволюционной мерзости погубило не только Хвылевого, но и всех тех, кто потерял классовую бдительность, мирился с оппортунизмом и шел на поводу у контрреволюции и национализма.

Всякий оппортунизм даже в мелочах ведет к контрреволюции (теперь мне это ясно), а прямая контрреволюция, да еще ярко сказанная, требует не [нрзб.], а сурового наказания.

Воинствующий материализм, как основа Марксо-Ленинизма, единственное оружие, хорошо отточенное, которым должен пользоваться каждый революционер-коммунист в борьбе за социализм.

Теперь для меня все это просто, ясно и понятно, а тогда, очевидно, я мог стать тем, кем я стал, т.е. национал-фашистом (шумскистом).

Почва была приготовлена, ибо как я ни отбивался, но моя путаница в национальном вопросе давала себя знать. А тут пришла директива. Я бегло прочитал, но она не имела

никакого отношения ко мне, прочитав, не все понял, другое по-своему истолковал, т.е. вычитал то, чего там не было написано. Этому предшествовал разговор с Шумским, который изложил по-своему «историю вопроса».

Решил директиву выполнить. Я не взваливаю вины на Шумского — я не меньше виноват, чем он, ибо нужно думать, когда лезешь в политику, а не верить.

На пленуме ЦК, на котором произошла консолидация сил и средств, выступили Шумский, тт. Гринько, Хвылевой, Максимович и я. Предварительным разговором между Шумским, Гринько и мной были намечены примерные тезисы выступлений. Я, в частности, набросал тезисы на клочке, который показал т. Шумскому и т. Гринько. Тезисы и речь были одобрены.

Хотя я не выступал против руководства, я этого не мог и в этом состоянии сделать, но я нарисовал часть программы национал-фашизма (шумскизма), которая была увенчана «историческим» сравнением конституции Союза с Переяславским договором.

Так я стал национал-фашистом (шумскистом), внеся каплю идеологического капитала — свои «конфедерацию», «бюджет» и «Переяславский договор». Мои «теоретические работы» получили почву для действия и развития.

V. Изгнание из Украины и контрреволюционная работа

Свое преступление, граничащее с глупостью, я скоро понял. Но логика вела меня дальше по пути преступления. Мне стало известно из различных источников, что выступление нашей группы получило одобрение в «широкой украинской общественности» вплоть до автокефалистов (говорю без всякого преувеличения). Я решил уехать из Украины.

На приеме у т. Кагановича, которому я предварительно написал личное письмо, вместо того, чтобы раскаяться, признать свою глупость и свое преступление, я защищал себя и своих друзей и критиковал ту практическую работу ЦК, которую я сам так недавно вполне разделял. Кончил просьбой отправить меня в распоряжение ЦК ВКП(б) — обиделся, называется. Просьба моя была исполнена.

Но это не значит, что я не понимал, куда я попал. Когда меня в 1927 г. в Москве спросили: «А нельзя ли Вам остаться на Украине», я ответил: «Нет, потому что если я останусь, вокруг меня начнет лепиться националистическая контрреволюция. Если бы Шумскому дали свободную дискуссию, то банда в 100 тысяч человек в 2–3 недели собралась бы. Конечно, это движение ничего общего с коммунизмом не имело бы».

Постановлением ЦК ВКП(б) меня направили на работу в Ленинград. В Ленинград я прибыл 1 мая 1927 года. Так как кроме Шумского и т. Гринько я никаких связей среди украинцев не имел, а потому за отсутствием почвы угар национализма выветривался — теплилось лишь чувство личной обиды, что мне — украинцу на Украине не верят.

Начал работать. Все шло хорошо. Попытка наладить личную связь письмами не увенчалась успехом, и к лучшему. Но вдруг я от т. Угарова узнаю, что Шумский также едет в Ленинград. Это меня удивило, но и обрадовало, ибо я в Ленинграде чувствовал себя довольно одиноко.

Шумский приехал примерно в октябре либо в ноябре и остановился первое время на моей квартире. Начались разговоры, критика и пр. Шумский мне как-то заявил: «Через года два-три нас вернут на Украину». Я ответил: «Из истории революции известно, что революции не возвращаются к раз отброшенным людям. Люди возвращаются к революции с трудом».

Однако, хотя после переселения Шумского территориально мы были отдалены, но идеологически становились все ближе и ближе.

Начались «наезды гостей». Часто приезжал т. Гринько, нередко т. Лебедь, приезжал Максимович, Досвитный, Яловый, Волох, Яворский М., кажется, т. Полоз и т. Тараненко (не утверждаю), точно не помню. Вообще всякий изгнанный из Украины считал своим долгом связаться и побывать у Шумского.

Получалась систематическая информация об Украине. Приезжавших я почти не знал или был полузнаком, за исключением т. Гринько, которого я знал и высоко ценил как государственно-политического работника. Из всех приезжавших я мог считать, что Волох мой

знакомый, но и он в Ленинграде останавливался у Шумского, т.к. я был в это время в командировке. Разные разговоры, сплетни и пр. не прекращались. Приезжал Скрыпа, которого я направил к Шумскому.

Шумский встречался, как на следствии выяснено, с Беем. Я знал, что он встречался, но не знал, с кем — с Беем или с Островским. Правда, ни того, ни другого я лично не знал и не слыхал о них, вообще в то время я никого не знал из КПЗУ.

В один из приездов Максимовича я узнал о расколе КПЗУ постфактум и был против раскола, о чем говорил т. Мануильскому и Н.Н.Лонову. Но раскол произошел. Давал ли директиву Шумский на раскол — не знаю, я ведь уехал на 5 месяцев раньше Шумского, но думаю, что давал. Основная связь тогда с КПЗУ была у т. Гринько, у которого долго жил в Москве Шумский и Максимович (эпизодически). Знаю это со слов Шумского, который жаловался, что т. Гринько перехватывает связи.

Я в это время выражал усиленно свою оппозиционность, считая, что мы правы, но главным мотивом было то, что «нам не верят».

В 1928 году рассматривалось дело в ИКК. Были вызваны Шумский, Максимович и т. Гринько. Приехал и я в Москву. Двое суток мы обсуждали линию поведения на ИКК. Тов. Гринько выдвинул компромиссную точку зрения — не признавать ошибок, т.к. на Украине сделано много политических глупостей, критиковать политику партии, но не рвать с партией.

Выступал я очень резко: «Есть два пути: а) или с партией, тогда нужно признать свои ошибки, раскаяться, подчиниться всем решениям партии, правильные они или неправильные с нашей точки зрения, т.е. я говорил — стать на колени перед партией; б) или против партии. Но тогда нужно рвать, разнести всю политику партии и начать вести настоящую борьбу с партией. Однако нужно иметь в виду, что никакого коммунизма мы представлять не будем, а выродимся в отряд национал-фашизма, и партия в будущем по-другому и квалифицировать нас не будет».

Большинство склонялось ко второму пути. Тов. Гринько нас покинул. Группа раскололась. Через некоторое время Шумский поехал к т. Гринько, а я пошел к т. Мануильскому. Тов. Мануильский меня обругал за то, что если не раскаются, Шумский получит строгий выговор с предупреждением, Максимовича исключат, т. Гринько не тронут, а меня не считают ответственным за это дело.

В тот же приезд я встретился с т. Хвылей, которому развил свою теорию насчет неверия нам и эксплуатации нас (украинцев).

На следующий день трое с компромиссной позицией направились в ИКК. Результат известен.

Решение ИКК заставило меня задуматься. Не помню, кто привез в Ленинград статью Волобуева, который тоже числился в нашем отряде. Статья меня возмутила. Я решил, что пора порвать, ибо чем дальше в лес, тем больше дров. Начинается настоящая контрреволюция — там раскол, здесь «колониальная» эксплуатация Украины. Я решил ответить на статью — разбить ее политически и экономически. Но, подумав, поступил как обычно впечатлительные люди. Когда говорят о себе — переоценивают себя, когда думают — страшно недооценивают. Я напишу статью — скажут, Солодуб хочет выслужиться, — думал я, и статьи не написал. Но я понял, что никаких идей шумскизма нет, что это просто «альманах» националистической контрреволюции. И когда в 1928 г. я получил письмо от Волоха об отчаянном положении на Украине, граничащем с восстанием, то этот абзац письма я продемонстрировал т. Кирову на приеме у него, но он, как мне показалось, не обратил на это внимания.

Работа в Гипромезе меня захватила. Я с жадностью работал, боролся с проявлениями безразличия или вредительства со стороны специалистов. Так, когда дело Фаркуара было провалено без достаточных оснований, я рассказал это т. Яковлеву, а он меня повел к т. Орджоникидзе. В мое отсутствие Гипромез принял решение по проекту Днепростали, по которому вся сталь (1200 т. тонн) пропускается через электропечи, причем и сталь самого рядового сорта. Не говоря о том, что это была техническая глупость, экономическая

чепуха, но это значительно усложняло организацию производства на этом заводе и его строительство.

Вызвал гл. инженера проекта Лебедева: «Что Вы чепуху проектируете?». — «Знаю, что чепуха, но мое дело нарисовать, а их (начальства) дело приказать». Меня взорвал этот ответ — добился отмены решения Гипромеза. Лебедев впоследствии арестовывался ГПУ, но вскоре освобожден.

Примерно в это время 2 инженера-профессора и инженер-коммунист «отказались» вести работу по проектированию реконструкции «Югостали». Работа поручена мне. Я ее выполнил. Докладывал на двух сессиях технического совета, а впоследствии на комиссии политбюро т. Томского. Работу утвердили во всех инстанциях.

В период пребывания моего в Ленинграде партия вела борьбу с объединенной оппозицией. Я искренне принимал участие в этой борьбе, т.к. считал оппозицию безусловно контрреволюционной.

Но в период XV съезда партии в Москве встретил Раковского. Как бы я ни был «ослеплен» своими политическими друзьями Шумским, т. Гринько и Максимовичем, но ни в какое сравнение я не мог ставить их с Раковским ни по революционному прошлому, ни общей культуре, наконец, ни по личным отношениям. Мне было крайне неприятно, что Раковский вновь влез в оппозицию. Я убеждал его порвать с Троцким, говоря, что оппозиция не имеет никакой серьезной причины вести борьбу с партией, что партия абсолютно правильно делает, борясь с троцкизмом, и что она поведет с ним борьбу не только партийного, но и государственного порядка, рассматривая их как контрреволюционеров. Раковский взволнованно с акцентом ответил: «Да, но я не могу лгать. Не хочу обмануть, мой товарищ по партии».

И в ответ на мои доводы предложил: «Присоединяйтесь к нам, включим в платформу кадры, конфедерацию и бюджет». Я отклонил предложение, считая, что этим я ухожу от контрреволюции, а она все ближе настигала меня с другого конца.

В 1929 году чистили партию. На чистке мне задали вопрос о разногласиях в КП(б)У. Я ответил: «Разногласия касались национального вопроса, но они такого свойства, что я никогда с ними не выступал вне стен ЦК КП(б)У, т.к. не было гарантии, что они (разногласия) не сольются с общей националистической контрреволюцией».

Шумского чистили часов десять. Я присутствовал на чистке. Шумский вновь поднял все вопросы, пытаясь дать принципиальное объяснение или доказать свою правоту. Не обошлось без личных выпадов против т. Кагановича.

Я решил, что пора кончать это дело. При очередной поездке в Москву я, не посоветовавшись ни с Шумским, ни с т. Гринько, по своей инициативе записался на прием к т. Кагановичу. На поставленный вопрос, что нужно сделать, чтобы окончательно ликвидировать этот проклятый шумскизм, т. Каганович ответил: «Пусть Шумский приедет и мы договоримся». Мне лично никаких предложений не было сделано.

Вернувшись в Ленинград, я сообщил о моем разговоре с т. Кагановичем, и Шумский выехал в Москву. Тов. Бирман, а потом и И.В.Косиор предложили мне работать в «Новостали», я дал согласие. В это же время я был избран доцентом Политехнического института. Перспектива научной работы меня больше тянула, чем объединение. Думал, поработаю года 2–3, получу кафедру и кончу свой универсализм. Тут узнаю, что Шумский, по всей видимости, переедет в Москву. Я стал просить т. Косиора отказаться от меня, но было поздно, т.к. решение ЦК ВКП(б) состоялось.

Я и Шумский очутились почти одновременно в Москве. Еще раньше, по просьбе т. Гринько, т. Чернов дал в Москве работу Максимовичу, который к тому же поселился у моего личного друга т. Ермощенко.

К началу 1931 г. вся группа, поднявшая знамя национал-фашизма (шумскизма) в борьбе с партией на советской и Западной Украине, in corpora собралась в Москве.

VI. Личные связи в украинском национализме

Я знаю, что в политической борьбе не всегда играет роль масса людей, но часто количество может заменить качество. Особенно в тех случаях, когда создана политическая

платформа, питающая сторонников борьбы. Политические идеи, которые человек исповедует и проповедует, либо объективно представляют, либо могут иметь решающее значение для определения политического преступления.

Однако я попытаюсь дать картину личных связей в украинском национализме, дабы выяснить субъективно мое влияние в нем.

По определению следствия, я, будучи опутан, был вовлечен в организацию, в которую входили все контрреволюционные националистические группы, от Ефремова — Грушевского до коммунистов включительно. Я уже говорил, что до вступления в партию я ничего общего не имел с украинским национализмом и вел борьбу с ним во всех видах; кроме того, я отметил также, что у меня не было никаких личных или общественных связей с боротьбистами.

Ефремова я видел один раз в своей жизни на заседании комиссии по выработке единого правописания украинского языка в 1925 г., на котором я председательствовал. Я с ним никогда ни о чем не говорил. Грушевского видел 3 раза в жизни: первый раз в Наркомпросе, он зашел ко мне с рядом просьб. При этом разговоре я предложил ему написать статью о том, что Украина обязана своим существованием коммунистической партии. В то время я это доказывал в своих устных и печатных выступлениях. Мне хотелось, чтобы эту мысль подтвердил Грушевский, как историк. Он отказался, заявив: «Я не юный пионер и не всегда готов». Мне ничего не оставалось сделать, как дать понять, что разговор окончен.

Второй раз, кажется, в 1931 г. Грушевский просил меня помочь ему достать 3-ю путевку в Кисловодск, он имел две, а нужно ему было три. Я ничем помочь не мог.

Третий раз он был у меня в 1932 г. с просьбой хлопотать об арестованных его товарищах. Я посоветовал обратиться к т. Балицкому, но он, по его словам, уже обращался. «Ну тогда, т.к. Вы академик, можете написать письмо т. Сталину», — сказал я. Он мне ответил, что и это сделал через своего двоюродного брата т. Ломова. При таком положении я, конечно, ничего сделать не мог. В этот период он неодобрительно отзывался о партийной политике и руководстве, на что я реагировал не столько резко, сколько грубо. Впоследствии у меня остался неприятный осадок от моей грубости, ибо то, что я сделал, можно было провести более тактично.

Украинских кооператоров, эс-эров, эс-деков я не знал, с ними не встречался, и они меня не интересовали. Для примера могу указать, что когда я работал в Харькове, мне говорили, что в ВСНХ, кажется, работает Голубович. Простое любопытство могло заставить меня посмотреть этого премьера опереточного правительства, если бы я был хоть в малейшей степени заражен национализмом.

Беленького и Кийко-Шелеста я не знал и не подозревал об их существовании, точно так же я никогда не видел Василькова и Коссака. На следствии я заявил, что Коссак приходил ко мне в Госстрах просить, чтобы я обратил служебное внимание на его дочь, которая работала в Госстрахе. Просьба настолько дика и несуразна в наших условиях, что она одна могла вызвать ироническую улыбку. Но оказывается, был еще один Коссак — профессор, у которого также была дочь. Возможно, что я видел профессора Коссака.

Ивана Сирко, Репу, Яворского (не Матвея, а другого) и др. видел один раз — никогда ни о чем не говорил лично. М.Яворского всегда считал политическим жуликом, требовал изгнания его из Главнауки, и он жаловался Шумскому, что если я не перестану травить его, он покончит с собой.

С Калюжным и Приходько я никогда никаких политических разговоров не вел. С Сияком и Кондрацким разговаривал в 1920 г. в связи с Галицийской армией. Правда, Сияка встречал после этого, но никогда с ним не раскланивался. У меня было к нему безосновательное чувство неприязни, которого я не пытался перебороть. Думаю, так же он относился ко мне.

Черняка в своей жизни видел три раза: раз на пароходе Севастополь-Ялта в 1927 г., второй раз на квартире т. Гринько, кажется, в 1931 году и третий раз он пришел ко мне на квартиру с т. Ермощенко за полчаса до моего отъезда в отпуск в 1932 г. Василя Сирко видел раз пять-шесть, всегда в обществе, чаще всего Мазура. Христового, которого я считал «невысокого ума» человеком, и Кулиша видел в 1927 г.

Хвылевого видел в 1927 г. и раз в 1929 г. — он пришел с Б.Лившицом на квартиру т. Ахматова, у которого я остановился. Ялового я видел в Москве в последний раз в 1929 г. В Москве у меня было 8 человек украинцев, с которыми я встречался, и изредка из Харькова приезжал Волох, который заходил ко мне.

Кроме т.т. Мануильского, Гринько, Полоза и Шумского, я был в личной дружбе с Максимовичем. Дружба эта объясняется, в частности, и тем, что к нему исключительно хорошо относились, всегда его превозносили, и он был желанным гостем у медлительного Полоза, у решительного Шумского и у умно-осторожного Гринько. И нет ничего удивительного, что моя восторженность безоговорочно приняла его, тем более, что я считал его жертвой честолюбивых замыслов Шумского. Мне известно, что т. Гринько неоднократно хлопотал за Максимовича и накануне его ареста говорил с т. Кагановичем о восстановлении его в партии.

В 1931 г. мне было сказано дословно: «Говорят, что Максимович колебался между нами и поляками». Меня это сообщение как громом поразило. Я спросил Шумского, ручается ли он за Максимовича, — «как за самого себя» был ответ, такой же ответ дал мне т. Гринько и подтвердил т. Полоз. Я говорю об этом потому, что Шумский и Полоз знали Максимовича с 1917 г., а т. Гринько с 1919 г. или 1920 г. Я с ним подружился не раньше 1929–1930 гг.

Но их заявления меня не успокоили. Я разыскал т. Балицкого, который тогда еще не работал в Москве, и сообщил ему существующее мнение о Максимовиче, прося проверить, что кроме того, т.к. Н.Н.Попов стоял близко к КПЗУ, то я сообщил и ему об этом. Максимович знал о моих действиях.

Совершенно очевидно, что если бы я заметил малейшее подозрение, то не только передал бы об этом т. Балицкому, с которым я когда-то дружил, но сообщил бы т. Ягоде, Прокофьеву или Агранову.

Причину моего расположения к Палиеву я объяснил выше. Что он встречался с Дмитром Палиевым, я узнал от него по его освобождении из-под ареста в 1932 г. Он сообщил об этом в присутствии большого количества лиц, состава не помню, что встреча состоялась с разрешения т. Балицкого, то его alibi я считал установленным.

С Турянским я познакомился, когда он приехал в Москву в 1932 г. В отношении к людям он был сдержан и производил впечатление абсолютно раскаявшегося. Тов. Мануильский мне сказал, что если Турянский подаст заявление о его восстановлении в партии, то он возражать не будет. Еще более внимательное отношение проявлял к нему Н.Н.Попов, который принимал разные меры, чтобы дать ему работу.

Мои отношения с Беем носили неискренний характер, хотя Максимович всячески подчеркивал его положительные качества. Поэтому с Беем никаких серьезных разговоров я никогда не мог вести. Я его встречал часто на кв. т. Раевской, где обычно собирались польские коммунисты, разговор шел на польские темы и велся на польском языке, на кв. Датеревой, где о политических вопросах никогда не говорили.

Неискреннее мое отношение к нему объясняется тем, что мне не нравилась его манера обращения с людьми. Он был очень близок к группе т. Барского, состоял в хороших отношениях с т. Прухняком и, по его словам, с т. Лянским, был принят в кругу т. Раевского как абсолютно свой человек. Умел быть в отличных отношениях с т. Пятаковым и окружавшей его средой, Мазуром и набивался на дружбу Шумского с т. Гринько. Все это я знал, и это невольно отталкивало от него.

Помимо этих лиц, я встречался с Волохом, который обычно критиковал Советскую власть, особенно в области крестьянской политики, и всегда говорил о возможности восстания. Так как последнее было из года в год повторяющимся явлением, то я не придавал этому значения, считая его «профессиональным дефектом» у Волоха.

За месяцев 9 до моего ареста я работал с т. Мануильским. Помогал по его просьбе по составлению доклада на пленум ИККИ. Совместная работа вновь нас сблизила. Тов. Мануильский был доволен моей работой и заявлял, что моя манера изложения и материал, которым я располагаю, помогли ему обстоятельно ознакомиться с вопросом. В это же время он мне сделал категорическое предостережение порвать всякие связи с националистическими кругами.

Примерно в это время приехал Волох (июль 1932 г.), он опять затеял старую песню об ужасах на Украине, о возможном восстании и пр. Появление Волоха вызывало какой-то панический страх у моей семьи, вплоть до детей. На его разговоры я ответил: «Доки зброя у радянської влади, то всяке повстання буде [нрзб.] роздушене. Замість того, щоб нісеніт-ницю молоти — треба боротись за комунізм». После моих слов Волох заявил: «Служишь!? Служи, служи, выслужишься!!!».

Меня это окончательно взорвало, и я дал понять, что лучше было бы, если бы он перестал меня посещать. Разговор этот имел место, не утверждаю, но, кажется, в присутствии т. Ермощенко. Впрочем, мой ответ Волоху, как я установил на следствии, ГПУ был известен.

Желанием порвать связи был продиктован мой отказ встретиться с Янко, в прошлом секретарем правления Госстраха, где я был председателем, которого я не видел года три-четыре, а то и больше.

С Турянским я разошелся настолько, что он через третьих лиц, свою жену, передал, что больше никогда ко мне не придет. Что касается разговора Василя Сирко о том, что на Украине такое положение, что хоть брось партийный билет, то, хотя следствию известен мой ответ: «Дывысь, Васылю, щоб тобою не кинули так, що ты соби мисця не знайдеш», но я считаю необходимым отметить и этот факт.

Следствие инкриминировало мне связь через специальных курьеров с Украиной и КПЗУ. Я себя не оправдываю. Но для установления истины хочу сообщить, что до тех пор, пока я был один в Ленинграде, никто ко мне не ездил. И только с приездом Шумского начались наезды. Причем формально они все приезжали, конечно, не ко мне, хотя по существу я с некоторыми из них встречался и был более менее в курсе дела, но все же должен отметить, что лично ко мне приезжали тт. Ермощенко, Канторович, встречался я с Порайко, бывал у меня В.И.Иванов, Кальмансон, Колесников и др., т.е. лица, ничего общего не имеющие с украинским национализмом и более близкие мне как лично, так и политических лиц, приезжавших по украинским делам.

Вообще я думаю, что органам ГПУ известно, уверен, что известно лично тт. Балицкому и Горожанину, что когда я приезжал в Харьков, то я никогда ни с кем не встречался из украинцев и не искал встреч, а приезжал я довольно часто, особенно в связи с «Югосталью», и что обычно останавливался у своих личных друзей тт. Ахматова, Канторовича либо Ермощенко. Не потому, что я избегал встреч, предвидя опасность, я считал себя вне всяких подозрений, а потому, что меня украинцы ни с какой стороны не интересовали.

В заключение сообщаю: 25 апреля 1933 года я встретил т. Балицкого, который сообщил мне, что Максимович связан с поляками. Не буду описывать произведенное на меня этим впечатление, но т.к. я несколько раз (два или три) допытывался у Максимовича и в полувменяемом состоянии об этом факте, то я сообщил об этом т. Балицкому и просил лично проверить это. Тов. Балицкий обещал, но, вероятно, в то время уже было решение о моем аресте.

С сообщением т. Балицкого я побежал к Шумскому с вопросом: «Вы же говорили, что ручаетесь за Максимовича?». «Настолько, насколько можно ручаться за другого человека», — ответил Шумский. Это меня еще больше обеспокоило. Я пошел к т. Гринько. Последний вместо прямого ответа заявил: «Нам нужно было порвать с Карлом после его телеграммы, мы этого не сделали. Жаль было хорошего человека — отнеслись к делу не политически, а психологически».

Я понял, что мне нужно было порвать со всеми — с Шумским, т. Гринько, Максимовичем и всем национализмом, ибо я крутился как белка в колесе, будучи по существу, по своим убеждениям непричастным не только к делу, но и к политическим интригам, которых я не вел и не умею вести.

Да, я запутался с головой в украинском национализме.

VII. Мои попытки окончательного разрыва с национал-фашизмом (шумскизмом)

На следствии мне заявили (т. Люшков), что если бы я порвал свои связи в 1931 г., то меня бы не привлекли к ответственности.

В 1931 г. действительно мне было предложено поехать на работу на Урал. К моему несчастью, это предложение совпало с моим личным предложением тому лицу, с которым мне предстояло работать, но от этого лица я получил категорический отказ. Отказ я объяснял тем, что лицо это в прошлом многим обязано мне. Встал вопрос о моральном давлении на него — я не хотел быть навязчивым, правда, и не объяснил причин этого, точно так же, как у меня не хватило мужества объяснить причин присоединения моего к шумскизму ни в 1927, ни в 1931 г., хотя я понял, что мой национал-фашизм (шумскизм) продолжает рассматриваться, как серьезный политический акт, а не как недоразумение, как я это считал.

Но после этого разговора мне сообщили по телефону, что я буду вызван к т. Орджоникидзе, с которым должен договориться о работе. Тов. Орджоникидзе предложил мне работать по планированию промышленности. Мне не хотелось этого, т.к. я решил все же уехать из Москвы, но предложение я принял.

Начал работу. Мысль, что я должен покинуть Москву, меня не оставляла. Я неоднократно просил т. Гурвича разрешить мне уйти, но получал категорический отказ.

Через некоторое время мне стало известно, что тт. Рухимович и Квиринг хотят забрать меня в НКПС, в частности, т. Квиринг говорил со мной о предполагаемом мне поручении огромной работы по реконструкции Московского узла. Я не договаривался окончательно о работе, полагая, что если мне удастся попасть в НКПС, то оттуда я смогу перебраться на строительство или на одну из дорог.

Лично я считал в то время, что мне нужно либо вернуться на Украину, категорически отмежеваться от национализма и на практической работе доказать свою преданность партии и умение работать, либо выехать в один из районов Союза, но при всех условиях покинуть Москву.

Тов. Рухимович, по его словам, несколько раз ставил вопрос предварительно в ЦК о передаче меня в НКПС, но ему заявили, что без согласия т. Орджоникидзе сделать этого не могут. Когда он лично поговорил с т. Орджоникидзе, то получил ответ: «За Солодуба буду драться».

Тов. Рухимович тогда предложил мне сделать так, чтобы т. Орджоникидзе меня сам отпустил, но, посоветовавшись с некоторыми товарищами, я понял, что об этом и заикаться не следует.

У меня оставалось единственное средство выполнить хорошо порученную работу по второй пятилетке и тогда поставить вопрос. Работу я сделал на оценку «работа выполнена политически правильно и технически интересно» (слова т. Орджоникидзе).

Я вновь поставил вопрос перед т. Пятаковым, но он и слушать не хотел, тогда я решил действовать обходным путем. На партконференции встретил т. Гуревича, одного из секретарей Средне-Волжского края. Стал договариваться с ним о работе в Крайплане. Он обещал после партийной конференции зайти ко мне, но не зашел.

Меня встретил т. Кондратьев, предложил пойти к нему заместителем, я охотно согласился, хотя Ленинград мне меньше улыбался других районов. Тов. Кондратьев взял на себя разговор с т. Орджоникидзе, но, по его словам, получил категорический отказ.

Однажды я увидел начальника Нижегородского строительства, не помню его фамилию, он теперь заместитель т. Свистуна, разговорились. После разговора он предложил поехать к нему помощником, наладить план, финансы и т.д. Я согласился. Разговор происходил в период усиленного внимания к этому строительству, но вскоре этот товарищ сам очутился в объединении. Летом 1932 г. я письменно и устно ставил вопрос, но получал отказы с мотивировкой, что я веду серьезную работу.

Тогда я стал изобретать способы мобилизации. Мне пришло в голову обратиться к т. Ворошилову, чтобы меня мобилизовали на военную работу, а я возьму на себя обязательство в течение 2-х лет сдать за генеральный штаб. Поделился этим планом с т. Гринько — он обещал при случае переговорить с т. Ворошиловым.

Параллельно я попросил т. Бредиса переговорить с т. Евдокимовым, чтобы он меня мобилизовал для работы в Ростовское ГПУ по эконом. отделу. Со слов т. Бредиса я понял, что мысль т. Евдокимову понравилась, но он не верил в серьезность предложения с моей

стороны. При приезде т. Евдокимова в Москву я лично к нему направился. Идея действительно ему понравилась, но реализация ее, по его словам, затруднялась тем, что я — Солодуб, и тем, что вряд ли меня отпустят из Наркомтяжпрома, но он обещал переговорить с т. Орджоникидзе.

И только в начале 1933 г., когда в Кисловодске была доложена пятилетка и т. Орджоникидзе признал: «Пятилетка хорошо разработана», я вновь поставил вопрос и просил послать меня начальником Балхашстроя.

Тов. Пятаков в присутствии т. Орджоникидзе сказал, что он не возражает, чтобы я был одним из переходящих начальников этого строительства. Переходящим я, конечно, не был бы, ибо еще не было случая, чтобы я не справился с порученной работой.

Но было поздно. Меня ждало другое назначение.

VIII. Отношение к политике партии

Этому разделу своего заявления я придаю самое большое значение. Трудность его изложения заключается в том, что я беру на себя обязанность доказать тому, кто будет читать мое заявление, правильность политики партии не с тем, чтобы он поверил в это, а с тем, чтобы он поверил в то, что я в это верю.

Прежде всего формальный момент. Я уже говорил, что за мою работу в управлении делами СНК т. Раковский и т. Фрунзе предлагали представить меня к ордену Трудового Знамени, кроме того, Раковский представил в ЦК КП(б)У письменный отзыв о моей работе. Когда я работал в Наркомпросе, такой же отзыв дал обо мне т. Чубарь, но в настолько лестных тонах, что самому неловко было его читать. Со слов т. Орджоникидзе я знаю, что Киров охарактеризовал меня как опытного и знающего работника, но капризного. Моя работа в «Новостали», «Востокостали» т. Косиором И.В. оценена в специальном письме, направленном в ЦК ВКП(б), об оценке моей работы т. Орджоникидзе я говорил выше.

Помимо этого, все ячейки, где бы я ни работал, при заслушивании моих докладов обычно выносили решения, что работа выполняется технически хорошо и в точном соответствии с политикой партии. Если бы я был теоретическим Макиавелли или практическим Меттернихом, Фуше или Талейраном, т.е. классическим двурушником, то и в этом случае я бы не сумел и не смог так подлаживаться под политику партии, но тем более я не мог этого сделать, что вокруг моей фамилии общественное мнение клеило разные эпитеты, но никто никогда меня не называл дипломатом или политиком, что на разговорном языке означает человека, умеющего обмануть окружающих и скрыть свои мысли. Меня все считали человеком искренним и человеком непосредственных отношений с партийными товарищами, вне зависимости от занимаемого ими общественного положения.

В чем сущность нашей политики, как я ее понимаю? В построении социализма в СССР. Для этого в области внутренней политики необходимо: а) индустриализовать Союз и б) коллективизовать и совхозовать (непривычное слово), т.е. обобществить сельское хозяйство, а для этого: а) организовать производство через самокритику, не взирая на лица, б) поднять производительность труда через социалистическое соревнование и ударничество, в) в заработной плате ввести политику от каждого по способностям и каждому по труду (Сталин) и г) установить личную ответственность в отношении к средствам производства и труду (ликвидировать обезличку).

В национальной политике оказать всемерное содействие трудящимся бывших угнетенных национальностей, развить максимально национальный язык и культуру как средство быстрейшего овладения наукой социализма и вовлечения в социалистическое строительство и общество трудящихся отсталых и бывших угнетенных наций.

Так как национальная политика, питаясь историческим прошлым, может быть извращена и из средства приобщения к социализму превращена в цель контрреволюционного закабаления трудящихся, с одной стороны, а с другой, вследствие длительного господства русской культуры возможна недооценка или пренебрежительное отношение к языку и культуре угнетенных народов за счет переоценки русской культуры с отведением ей навязанного господствующего положения, то необходимо решительно бороться с местным на-

ционализмом и великодержавным шовинизмом. Этот тезис я нарочно развил, всего, конечно, не охватил, ибо, как Ленин говорит, всякое определение условно, но коротко в национальном вопросе развить национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру.

В области международной политики: всемерная борьба за мир.

Все вместе подчинено построению социализма в СССР, как части земли, где победил пролетариат, который является «ударной бригадой международной социалистической революции» (Сталин). Однако по путях строительства социализма в СССР неизбежны преодолимые трудности.

Ленин говорил: «Для каждого, кто вдумается в экономические предпосылки социалистической революции, в Европе неизмеримо труднее начать, а у нас неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать, чем там, революцию».

Тов. Сталин заявил: «Нет сомнения, что трудностей на этом пути (построение социализма) многое множество, что придется еще пережить целый ряд испытаний. Нет сомнения, что дело было бы облегчено в корне, если бы подоспела на помощь победа социализма на Западе».

Верно ли то, чему учат Ленин и Сталин? Я привык к расчету, поэтому позволю себе привести ряд арифметически простых и ясных цифр. До войны, рисуется положение в странах, о которых я более-менее помню цифры:

Название страны	Население в миллионах	Народный дох. в миллиард. руб.	Доход на душу в сотн. руб.	Примечание
Северная Америка	110	200	1800	
Германия	70	80	1100	
Франция	40	60	1500	
Россия	180	180	100	

Примечание: все цифры и большинство ссылок воспроизведены по памяти, прошу быть снисходительным.

Как видно из этой таблички, народный доход на душу населения в России в 18 раз ниже Америки, в 15 — ниже Франции и в 11 — ниже Германии, вот почему трудности строительства социализма в СССР.

А нужно иметь в виду, что, по исследованию профессора Фомина, % эксплуатации основного капитала в капиталистических странах никогда не бывает выше [нрзб.].

Из доклада т. Сталина на XVII съезде партии видно, что капитализм не сдвинулся с места и из года в год идет вниз с небольшим подъемом в 1933 году, а социализм с 1929 г. удвоил производство к 1933 году. Народный доход на душу населения в сравнении с 1930 годом утроился. 50 миллиардов рублей: 168 миллионов населения = 297 руб. на душу вместо 100 приведенных в табличке.

Абсолютно много ли это? Очень мало. Относительно много ли это? Так много, что история мирового хозяйства за 19 и 20 век не знает такого успеха. В народном хозяйстве был единственный случай удвоения народного дохода за 10-тилетие в 1880–1890 г. в России при Александре 3-м, который не боялся Витте и др. назначить министрами и завел такой режим экономии, что его гвардия имела некомплект офицеров, т.к. аристократия отказалась служить в упрощенной форме. Я привел этот пример, конечно, только для иллюстрации, а не для сравнения.

Но если утроили народный доход на душу, то должно быть отлично. Нет, пока не отлично, и когда меня товарищ Орджоникидзе спрашивал в 1931 г., когда станет легче жить, я ему не отвечал, что через год, когда подрастут поросята, как это делали другие, а говорил: еле заметное улучшение наступит в 1934 г., заметное в 1935 и резко заметное в 1936 г. В самом деле — доход утроили, но организованное население выросло с 18-ти миллионов до 40, а потребление души и у нас несравненно выше сельской.

Я не знаю наших цифр. При царе на душу сельского населения приходилось 20 руб., а на душу городского 434 руб. в год, т.е. почти в 24 раза больше. Конечно, нужно учесть, что в составе городского населения числился весь паразитический класс: помещики, буржуазия, бюрократы и их прихлебатели. В абсолютных числах село потребляло 10,2 миллиарда рубл., а производило 12, город потреблял 7, 8, а производил 6 миллиардов рубл.

У нас паразитический класс ликвидирован. Перераспределение между городом и селом идет по совершенно другому (социалистическому) пути. Я думаю, цифр не знаю, что даже развитый капитализм идет не по такому уродливому пути, как царская Россия. Всем этим я хочу лишь подчеркнуть, что душевое потребление в городе и у нас выше, чем в селе.

Однако наш успех не одну буржуазную экономическую голову заставит перевернуть мозги на счет «извечности и незыблемости капитализма». Успех тем более важен, что, по существу, мы начали серьезно строить в 1929 г. и за это четырехлетие перестроили все сельское хозяйство на социалистический лад, что не могло обойтись без потерь в народном хозяйстве.

Наша кривая, приведенная т. Сталиным на XVII Съезде, похожа на вылет снаряда из 3-х дюймовой пушки, с той разницей, что снаряд, подчиняясь законам механики, все же падает, а мы нашу кривую можем гнать вверх по нашей разумной воле и закрепить ее на том уровне, какой нам будет необходим. Вот почему практический вопрос о темпах для нас является вопросом подсчетов.

Попытки профессора Кондратьева и Соболева, кажется, вогнать наше капитальное строительство в определенный процент к народному доходу на примерах капиталистических стран, по меньшей мере, не выдерживают критики. Эти авторы приводили для Америки 16%, Франции — 12, Германии — 12–14%, России — 110%, как законные нормы капитального строительства. А мы тратим в 1932 г. — 39,6%, в 1933 г. (из доклада т. Сталина) — 36% и намечено на 1934 г. (доклад т. Молотова) — 40% от народного дохода на капитальное строительство.

Можно сказать, что если у нас трудности, правда вполне преодолимые, как неоднократно говорил т. Сталин и как показала жизнь, то не лучше ли попридержать темпы. Нет, не лучше, ибо мы действуем в капиталистическом окружении.

И хотя известна формула Л.Толстого, что так называемый «дух армии» может создать отношения в бою, когда Х:У = 4:15, откуда 4У = 15Х, но мы знаем, что современная война, в которой сила наших идей будет играть огромную роль, но решить победу идея коммунизма может вместе с техникой. Поэтому до полного насыщения народного хозяйства промышленностью я считаю, что это насыщение, учитывая количество нашего населения и социалистическое преимущество в распоряжении ресурсами страны, наступит при 600 руб. народного дохода на душу населения, а до этого нужно гнать темпы.

Правда, дальше они сами будут гнаться без того напряжения, которое требуется сейчас.

Некоторые экономисты говорят — у нас трудно, но Япония и Пруссия также выголодали свою индустрию. Нужно сказать, что это совершенно неверное (оппортунистическое) сравнение. Японцы и пруссаки выголодали индустрию с тем, чтобы трудящимся дальше еще больше голодать. Маркс учит, что развитие капитализма создает богатство и роскошь на одном полюсе, нищету и вырождение на другом.

Наши успехи в первую очередь улучшают положение трудящихся. При этих условиях «закон социалистического накопления», открытый (тоже открытие!) т. Преображенским, что наша индустриализация покоится на колониальной эксплуатации села, что верно для капитализма, как показано выше, является измышлением оппортунистов, о чем я говорил ему лично.

Наша индустриализация и коллективизация (это ведь тоже идустриализация) есть результат творческой самодеятельности трудящихся масс с неизбежными жертвами с их стороны, как пролетариата, так и крестьянства при экономической ликвидации паразитических классов. Так я понимаю нашу индустриализацию.

Когда т. Сталин на докладе аграрников-марксистов подсчитал, что экономическое положение страны, в частности хлебный баланс, дает нам возможность начать развернутое

социалистическое наступление на капиталистическое (в основном) село, т.е. приступить к его коллективизации, — это гениально просто изложенная истина меня поразила. Я ухватился за нее всем моим существом. Почему?

Потому что во всяком положении бывают три выхода (только ли три — не смею утверждать), но «безвыходного положения не бывает» (Ленин).

Первый выход — идти по пути, который, не додумав до конца, предложил тов. Бухарин: «Обогащайтесь» на чисто капиталистической основе. Насколько я помню, в момент этого лозунга капитализм в сельском хозяйстве составлял не менее 90%.

Что это означало — это блестяще разработал русский сменовеховец Устрялов. Ему почудился советский кулак с орденом Трудового Знамени на груди, канонизация Ленина в «национальные русские герои» и переход политической власти к а-ля Устряловым. А т.к. политическая власть современной буржуазии вырождается в национал-фашизм, то, идя по этому пути, Россия к нему бы пришла. Это не наш путь.

Второй выход. Идти по пути уравнения села. Но политика есть концентрированная экономика (Ленин) — это привело бы и частично приводило к безудержной парцеляции сельского хозяйства и превращению его из товарного в узкопотребительское. Этот выход означал — закрыть всякую промышленность и надрубить сук, на котором сидел социализм в городе.

Сторонники этой политики были. Она не получила теоретического обоснования, но известно, что было время, когда пытались безвредность кулака определить в % в массе сельского хозяйства. Как будто капитализм определяется не хозяйственной системой, а % Морганов и Рокфеллеров, которые в монополистическом капитализме могут быть связаны [нрзб.].

Но речи насчет уравнения в капиталистической основе были — всех сделаем вначале середняками, а затем кулаками. Троцкий, который никогда не знал, чего он хочет, формулировал эту политику на Украинском съезде так: «А с села мы должны брать ежегодно столько, чтобы у него оставалось больше, чем в предыдущем году». Как фраза — красиво звучит, а как экономическое положение — чепуха. Село — не абстракция, а живые люди, а люди при капиталистических производственных отношениях делятся на классы. Выход не годится.

Тогда был третий выход. Выход, который гениально просто изложил т. Сталин: «Сплошная коллективизация села и на этой основе ликвидация кулака как класса». Это было экономическое положение, выдвинутое вождем рабочего класса, утверждающее перспективу социалистического развития сельского хозяйства и определяющее классовые отношения в селе. Это положение доказывалось расчетом, и таким простым и ясным, какой может быть простая арифметика для всякого трудящегося.

В этом отношении Ленин и Сталин по методу мышления и действия напоминают современную американскую технику, которая в практической работе все низводит с малопонятных вершин на математической кабаллистике к простой и скромной арифметике. Тогда как Троцкий, подобно русской дореволюционной технике, все возводит в математическую (политическую) абстракцию, чтобы другие не поняли и самому легче запутаться.

Так я понимаю и воспринимаю коллективизацию. Мне могут возразить. Ты поддерживаешь политику партии, так ты утверждаешь. Но ведь ты «украинский националист». Неужели на тебя не действовали трудности, которые возникали на Украине в связи с коллективизацией?

Отвечаю: во-первых, я не националист, а запутавшийся в национализме коммунист, во-вторых, конечно, действовали. Но действовали в значительной степени слабее, если искать сравнения, чем поле битвы после атаки, которое оставлено позади наступающих частей. Потери были, но они неизбежны во всяком экономическом сражении, но победивший коммунизм продолжает успешное наступление.

Я думаю, меня никто не заподозрит в том, что я когда-нибудь предполагал, что экономическая революция в сельском хозяйстве (сплошная коллективизация) есть экономический октябрь для села.

Может произойти на основе полюбовного соглашения. В том, что я разбираюсь удовлетворительно в вопросах прикладной экономики, хотя бы владею методом счета, как будто никто не сомневался.

Трудности на Украине были неизбежны, но и они не носили специфически украинского характера, а имели место и в др. районах Союза. В Союзе украинское крестьянство, по исторически сложившимся условиям, было массой аграрного населения производящих районов, которое вело свое хозяйство на основах относительной интенсификации его. Это создало большие навыки в частной собственности, как основе капиталистического хозяйствования на Украине.

В значительной части России, где общинное землепользование с периодическими переделами воспитывало массы населения в том, что земля ничья, а общественная, процесс коллективизации прошел при несравненно меньших затруднениях. И Чернышевский был прав, когда утверждал, что община создает предпосылки для более легкого перехода к социалистическим формам хозяйствования, против чего не возражал и Энгельс в свое время.

Но ведь сам ЦК признал ошибки на Украине и действия контрреволюции, скажут мне. И я это признаю, но ЦК нигде не утверждал, что это была единственная или основная причина трудностей, и я этого не утверждаю.

Сводить все дело борьбы за социализм в украинском сельском хозяйстве к ошибкам или частным диверсиям контрреволюции было бы идеалистическим упрощенчеством. Сущность трудностей на Украине — результат резко выраженной классовой дифференциации села, а значит, классовая борьба, которая развернулась вокруг обобществления сельского хозяйства. На определенном этапе эта борьба, как это всегда бывает и во всех массовых социальных движениях классового общества, приняла ожесточенный характер. Гибель капиталистических элементов втянула в эту борьбу кулака, но частично середняка, бедняка и даже колеблющегося мелкобуржуазного коммуниста, поддержанного общей и украинской националистической контрреволюцией.

Вот сущность процесса, происходившего в украинском селе, в победу коммунизма в котором я абсолютно верил, т.к. знал это и открыто об этом говорил.

На одном из заседаний у т. Орджоникидзе я утверждал, заявлял, что социалистическое производство в селе наладится значительно скорее, чем на наших новых предприятиях в городе. Присутствовавший при этом т. Пятаков не преминул меня обвинить в том, что я сбился в этом суждении на привычный мне парадокс. Как показал опыт, утверждение не было парадоксальным.

Правда, скуления, нытья, потери веры в наше дело, растерянности в тот период было и очень много. Можно было привести сотни примеров, как выдающиеся экономисты нашей страны заговорили языком, конечно втихую, таким, какому могла б позавидовать суеверная баба, не могущая понять и объяснить простого экономического явления. Я нисколько не преувеличиваю состояния «умов».

Но ведь не каждому дано знать и понимать процессы. Троцкий знает Маркса, но он никогда его не понимал, есть и др. лица, которые в достаточной степени напутали в экономических вопросах.

Но зато когда читаешь Ленина и Сталина, то тебе кажется, что они говорят и пишут именно то, что ты думаешь, и так ясно, просто и понятно это все, если человек хочет понимать, конечно, что иначе быть не могло. О, это, конечно, не значит, что, скажем, я сумел бы написать или сказать то же, что встречаю у Ленина и Сталина. Ощущение, которое испытывает человек, читая гениальное художественное произведение.

При чтении, предположим, «Войны и Мира» Толстого, некоторых произведений Бальзака или Горького, я думаю, каждому кажется, что вот сяду и напишу такой роман, захватывает правдивость описания и простота истины — вот сущность ощущения при изучении Ленина и Сталина.

Можно ли мне после всего этого не быть сталинцем, тем более, что я плоть от плоти и кровь от крови рабочего класса — я сын сапожника и сам в прошлом подмастерье?

Что я всегда был сторонником политики партии, я думаю, в достаточной степени подтверждает то, что я не примкнул ни к троцкистам, ни к правым, ни к рабочей оппозиции.

А могло ли быть, чтобы я «[нрзб.] фигура», «авантюрист», «оригинально мыслящий человек» и прочая чепуха, которой меня награждают недруги, не примкнул к «блестящему обществу» и не воспользовался случаем в борьбе с партией сверкнуть фразой?

Мне остается пожалеть, что я не руководствовался в политике и, любя Раковского, а я его любил, и для меня Шумский, Гринько, Максимович и др. политические друзья моего несчастья были никто в сравнении с личностью Раковского, не пошел за ним, а действовал по убеждению.

В самом деле, я мог войти как «лидер» группы — приятно честолюбию, я был соавтором «исторического документа» — лестно самолюбию. Меня, как троцкиста, сослали бы, я бы поднял декларацию, но идея всегда побеждает [нрзб.], и вернулся бы в партию [нрзб.]. Но я мог действовать так, как свойственно мне.

Когда троцкисты говорили, что социализм построить в одной стране нельзя, я их спрашивал: а что мы строим? И отвечал словами т. Сталина: «Мы уже строим социализм».

«Строить можно, но построить нельзя», — компромиссно заявляли некоторые. Я говорил, что только по преданиям Вавилонскую башню строили и не достроили, но это потому, что была глупая затея, и неба нет, как конечной цели этого строительства. А строительство социализма — это человеческое знание, понимание развития общества, построенное на точной науке социализма. Строительство социализма так же просто и возможно, как и всякое другое строительство.

В самом деле, Троцкому скучно было строить социализм в полудикой стране — вот в Америке другое дело. Поэтому лучше уйти, сверкая по Европе, чем заниматься арифметикой, считать кирпичи, чугун, уголь и пр. прозаические вещи.

Что такое его фраза «из лодок флота не построишь», которую он бросил по поводу положения т. Сталина, что «простое сложение индивидуальных крестьянских орудий значительно увеличит производительность сельского хозяйства».

Если бы Троцкий понимал мануфактуру Маркса, он бы этой фразы не бросил. Экономически эта фраза безграмотна, ибо и в наше время для определенных экономических целей из лодок создают грузоподъемный флот, исторически она неверна, т.к. когда ветер и мускулы человека были двигательной силой, то только из лодок составляли флот, политически она контрреволюционна и ничего другого в период ее произнесения не означала, как положения знаменитого украинского анекдота, по которому, когда крестьянин увидел тонущего кума, борющегося со стихией за жизнь, он, вместо того, чтобы кинуться на помощь, ничего лучшего не придумал, как посоветовать: «Не тратьте, куме, даром силы, спускайтесь на дно».

Так я расценивал троцкизм.

С правыми я пойти не мог. Я их считал оппортунистами, а некоторых из них русскими националистами. Обычно правые говорили: «Нам бы полегонечку, да не спеша. Кроме того, нам без Европы трудно, вот если бы германская революция, тогда другое дело. И зачем ссориться с мужиком — с ним нужно по-хорошему, по-рабочему. Ведь наш рабочий тоже мужик». Вот, насколько я понял, вся сумма идей правых.

И я отвечал: «Вы хотите быть в дружбе не с мужиком, а с кулаком. Ваш лозунг «обогащайтесь» прекрасно разделяет [нрзб.]. И вам не без удовольствия помогают «русские радикальные люди» Кондратьев, Чаянов и др. А о германской революции зря говорите. Ведь некоторые русские коммунисты к революции в Европе относятся так, как русский мужик во время разграбления помещичьих имений. Будет в Германии революция, мы все перевезем к нам, и у нас будет хорошо. Они забывают, что после германской революции могут ничего не дать, а пришлют мастера-коммуниста, который поставит хронометр и заставит семь часов работать, не разгибая спины». Вот что может означать для нас германская революция — культура труда, которая у нас слаба.

Что касается рабочей оппозиции, я не мог идти вместе с ней. Я хорошо помнил и никогда не забуду слова т. Сталина: «Рабочая оппозиция — это мещане в русском рабочем классе», это метко и индивидуально правильно.

Вот почему я был всегда с партией. Свое отношение к национальной политике партии я изложил выше.

Мое пребывание вне Украины излечило у меня теоретическую путаницу по национальному вопросу и выветрило контрреволюционную болтовню, которую я развивал в

свое время на Украине. Причиной этому послужило то, что я добросовестно проработал вопросы национальной политики и государственного устройства по решениям съездов партии и по научной марксистской литературе.

Я хорошо знал речи т. Сталина на XVI съезде партии и то положение, что «уклон к местному национализму неизбежно ведет к помощи международных интервентов» (боюсь, что неточно), но я понял еще и то, что «федерация при советской организации государственного устройства является лишь переходным шагом к действительному демократическому централизму» (Ленин).

Вот почему я позволю себе воспользоваться для доказательства совершенного изменения моих взглядов по национальному вопросу и государственному устройству [нрзб.]: если бы партия признала, что украинский язык и культура мешают нормальному развитию Украины и ее социалистическому строительству, то и тогда я проводил бы политику партии, и не потому только, что «социализм и советская власть выше позора похабного (Тильзитского) мира и выше самоопределения наций», как учил Ленин, но и потому, что я внутренне убежден, что социализм и советская власть для коммуниста выше всего.

Такая резкая перемена в моих взглядах привела к тому, что, начиная с 1930 г., я перестал читать украинскую прессу, следить за ее литературой и потерял всякий интерес к украинским делам (об этом я заявлял на следствии). Когда в 1931–1932 г. распространился слух о предстоящей перемене украинского руководства, то я мечтал о возвращении на Украину т. Кагановича или о поездке туда т. Орджоникидзе — о чем открыто говорил.

Я никогда не допускал, что Шумский может быть генеральным секретарем Украины. Я его считал недостаточно марксистски грамотным. Мне не приходилось видеть, чтобы он когда-нибудь теоретически работал над собой или хотя бы бегло просматривал классиков марксизма. Я его считал стихийным революционером с большим классовым чутьем и природным оригинальным умом, но совершенно сырым. Меня всегда поражала его уверенность, что Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин больше ничему другому и учить не могут, как только тому, что он думает по каждому вопросу.

Я не помню, как долго длились разговоры о перемене руководства на Украине, но на Украину выехал т. Постышев. Когда я прочитал речь т. Постышева о посевной кампании, она произвела на меня такое сильное впечатление, что я позвонил Шумскому и т. Гринько, чтобы поделиться этим впечатлением, в частности, я это (впечатление) отметил в своем личном письме к т. Канторовичу. После речи т. Постышева я перестал вести всякие разговоры об Украине.

Чтобы дать представление о практическом преломлении политики партии в моей работе, я позволю себе дать иллюстрацию из моей последней работы над II пятилеткой тяжелой промышленности.

Под моим руководством разработаны два варианта II пятилетки (при большем количестве подвариантов): а) всей промышленности, обнимавшей свыше 60% народного хозяйства, — вариант закончен к XVII партийной конференции (тогда еще был ВСНХ) и б) тяжелой промышленности, утвержденный в марте 1933 г. т. Орджоникидзе, подписанный т. Пятаковым и направленный в Госплан 31 марта 1933 г.

Последний вариант, очевидно, утвержден XVII партийным съездом с незначительными изменениями, как я могу об этом судить по тезисам тт. Молотова и Куйбышева.

Когда я приступил к работе над II пятилеткой, существовал полуофициальный вариант на 65 млн. тонн чугуна. Буду в дальнейшем говорить о чугуне, т.к. он дает возможность определить всю структуру народного хозяйства с точностью до 10%, что вполне достаточно для экономического суждения.

Я выступил категорически против этого варианта, и вот почему: т. Сталин говорит: «Проблема построения социализма означает проблему организации народного хозяйства в целом, проблему правильного сочетания индустрии и сельского хозяйства».

[...] *

* Відсутня сторінка документу.

...странах внеевропейских с постепенным переходом власти к фашиствующим элементам или прямым фашистам. На путях национальной автаркии мне казался возможным, наряду с проповедью национализма, хозяйственный подъем капитализма, начиная с 1934 г. в странах капитализма, который накануне нового кризиса мог привести к военному столкновению с нашим, а возможно, и без нашего участия.

Но было совершенно ясно, что приход к власти Гитлера смешает политические карты в Европе. Все вместе позволило мне заявить, что наш вариант преувеличен на 30–35% от реально возможного и необходимого.

Выслушав меня, я докладывал не менее 3-х часов, т. Орджоникидзе спросил: «А что происходит в сельском хозяйстве?». С сельским хозяйством я был знаком постольку, поскольку необходимо для моей работы. На поставленный вопрос ответил: «Экономически в сельском хозяйстве происходит бурный процесс отмирания частной собственности, которая фактически существовала, и вызревания общественной собственности, т.е. процесс борьбы двух хозяйственных систем. Поэтому нет ничего удивительного, что часть пахотных площадей оказалась пустующей — отсюда сбор урожая недостаточный. Но это вовсе не значит, что коллективизация в какой-либо степени скомпрометирована».

В общем, на мой доклад его окончательное решение: «Пожалуй, вы правильно думаете и правильно считаете. Действуйте!».

Находила ли отражение в моей практической работе Украина? Да находила. Из большего количества примеров я приведу один.

На всех заседаниях по размещению промышленных предприятий, на которых мне приходилось присутствовать, как правило, представители военного ведомства возражали против размещения предприятий на правом берегу Днепра. Я считаю, что такая стратегия никуда не годится, беру на себя смелость утверждать это, т.к. стратегия — наука экономическая в основном, так ее определяют некоторые авторы. Мне казалось, что в будущей войне мы не должны уступить ни пяди Украины не потому, что это моя родина, а потому что Украина превращена в главную индустриальную базу Союза на ближайшие пятилетия. По опыту войны и истории войн я знаю роль опорных пунктов в защите той или иной территории. Вот почему, когда бывало экономически целесообразным разместить предприятия на правом берегу Украины, я категорически это отстаивал, правда, такую же позицию я занимал в отношении Ленинграда.

В частности, в свое время я высказывал мысль о размещении Днепровского комбината на правом берегу, но там не оказалось подходящей площадки.

Правда, это не имело принципиального значения, т.к. комбинат-станция находится на правом берегу. И при современных боевых средствах (огневых и химических), кто владеет правым берегом, тот, при необходимости, может парализовать жизнь и на территории, непосредственно примыкающей к левому берегу. Экономически меня интересовал Криворожский завод. По общим показателям он был выгоднее других заводов, но, кроме того, на него возлагалась задача разрешать вопрос о промышленной эксплуатации миллиардных запасов криворожских кварцитов. Опытно эта задача решена Гумбольтом, кажется, в 1907 г., Круппом в 1911 г. и нашим Механобром в 1929 г.

По сравнительным данным вследствие пористости агломерата из кварцитов и хорошего проникновения в него газов при плавке чугуна получался чугун хорошего качества и вполне допустимой себестоимости. Причем, если мы эту задачу практически решим, то не менее 60% кварцитов Кривого Рога могут быть промышленно использованы, т.е. Криворожский бассейн превращается в практически неисчерпаемый источник сырья.

Поэтому я добивался все время строительства Криворожского завода, имея в виду, что Днепростанция и Комбинат, группа Екатеринославских заводов и Криворожский завод послужат в будущем достаточной гарантией тому, что мы не отдадим криворожской руды. Криворожская же руда меня интересовала потому, что если бы мы ее лишились, то пришлось бы потушить левобережную металлургию, не всю, конечно, но значительную ее часть.

Правда, могла бы прийти на помощь керченская руда. Но последняя имеет ряд неприятных свойств физических и химических, в частности, из нее не все сорта металла можно

получить. Академик Бойков со своими сотрудниками несколько сдвинул вопрос о свариваемости керченского металла, но окончательно не решил его. Помимо этого, если домны и могли бы на керченской руде работать, то сталеплавильные цехи подлежали бы переустройству на Томас или Тальбот (качающийся мартен).

Вопрос о технико-экономическом преимуществе качающегося мартена перед стационарным удовлетворительно разработан инженером Краузе (издание Ленинградского ПП ГПУ).

Во всяком случае, если бы представилась необходимость, криворожская руда не может быть без больших затруднений заменена керченской. Конечно, здесь можно иметь в виду Курск, Тулу, Липецк и проч. как заместителей.

По изложенным соображениям я был решительным сторонником криворожского строительства. Идею строительства Криворожского завода я отстаивал несколько лет и, когда мне довелось присутствовать на заседании комиссии политбюро по черной металлургии, я позволил себе поднять и этот вопрос там, хотя это прямого отношения ко мне не имело, т.к. я представлял «Востокосталь». Правда, я не просил предварительно разрешения. Тов. Орджоникидзе решительно поддержал эту идею. Вскоре вопрос о строительстве Криворожского завода был окончательно решен. Я не хочу этим приписать себе решающей роли в этом вопросе, а хочу лишь подчеркнуть свой способ защиты того, что я считал полезным для народного хозяйства Союза.

Так я понимал и проводил политику партии. Описанные факты говорят за то, что идейно я порвал абсолютно с украинским национализмом и ничего общего с ним не имел и что моим единственным политическим убеждением является коммунизм и его практическое выражение — политика партии.

Вот почему, когда мне здесь, в одиночном заключении, довелось прочитать доклад т. Сталина на XVII съезде партии, который является, по-моему, сведением и развитием его докладов на совещании хозяйственников и на январском пленуме ЦК ВКП(б), о последнем я говорил т. Мануильскому, что если бы Ленин прочитал его, то сказал бы, что т. Сталин достойный его приемник, я целиком и полностью его принял.

Доклад т. Сталина, подобно докладу Ленина о продналоге, который знаменовал собой политику партии на целый этап — от военного коммунизма до социализма, определяет собой политику партии на всю эпоху от социализма до (если мы дойдем без войны) коммунизма.

Изучив тезисы тт. Молотова и Куйбышева, я их целиком разделяю, как правильно определяющие перспективы развития Союза, точно так же, как целиком и полностью принимаю блестящие по четкости, но несколько суровые по содержанию в духе суровости периода эпохи, в котором мы живем, но в точном соответствии с наукой социализма, — тезисы т. Кагановича.

Я всегда утверждал, что я считаю себя сталинцем с 1921 года, ибо еще в 1921 году я говорил т. Мануильскому, Ермощенко, Канторовичу и др., что т. Сталин будет играть историческую решающую роль в партии, и поэтому я всегда следовал его учению, как единственно правильному.

И уже одно то, что т. Сталин лично принимал меня по моей просьбе и что было предположение о привлечении меня для работы под его непосредственным руководством, исключает всякую возможность с моей стороны сознательного участия в контрреволюции.

Коммунизм — мое политическое убеждение, сталинизм — мое руководство к действию как участника великой эпохи строительства социализма.

Я уверен, что бывшие мои политические соратники Шумский, Максимович, Турянский, Волох и другие ничего другого не могли обо мне на следствии сказать, как только то, что я являюсь энтузиастом второй пятилетки, безоговорочным сторонником политики партии, преданно служившим в борьбе с контрреволюцией политическому руководству партии и ее вождю — вождю мирового рабочего класса т. Сталину.

IX. Сущность ходатайства

На следствии мне было предъявлено следующее обвинение: «Начиная с 1927 года я вел контрреволюционную работу и, будучи опутан, был вовлечен в националистическую

контрреволюционную организацию, в которую входили все националистические контрреволюционные группы от Ефремова–Грушевского, через кооператоров, украинских с-д и с-р вплоть до коммунистов-двурушников».

Как мне ни было тяжело, но когда я подумал над сущностью предъявленного мне обвинения и когда узнал, что мой арест состоялся с разрешения ЦК партии, я заявил, что «у меня нет никакой силы идейного сопротивления следствию».

Я лишь спросил, точно ли такие же обвинения предъявляются правым и троцкистам. На поставленный вопрос я получил не заверение в этом, но выражение недоумения со стороны следствия (тов. Каган), что я, очевидно, не читаю газет, если задаю подобные вопросы.

Я признал свою вину

Я не мог не признать: а) что в 1927 году, войдя в группу Шумского для борьбы с партией, я вел контрреволюционную работу, б) я не мог не признать контрреволюционных связей с Советской и Западной Украиной через особых лиц, в) я не мог не признать преступного раскола КПЗУ, чем нанесен огромный вред коммунистическому движению на Западной Украине и усилено украинское и польское фашистское движение, г) я не мог не признать, что национал-фашистская (шумскистская) группа коллективно разработала платформу национал-фашизма, д) я не мог не признать, что часть коммунистов на Советской Украине была отторгнута от партии, и если в КП(б)У не произошло раскола, то не по вине контрреволюционной группы, как это показал опыт КПЗУ, а по другим причинам, в частности, потому что в КП(б)У национал-фашизм не имел достаточного влияния, и когда мне были предъявлены письменные показания Максимовича и Турянского и устно сообщены показания Палиева и Бея, е) я не мог не признать, что был опутан прямыми врагами революции.

Выше я изложил мое личное участие в этом политическом преступлении.

Непризнание моей вины означало бы для меня отрицание всех перечисленных фактов, а отрицание этих фактов говорило бы о том, что я продолжаю стоять на враждебных партии и революции позициях, в которых я запутался, но из которых, как рыбы из сети, я бился, чтобы вырваться.

Я считаю, что безразлично, в какое время и в каких условиях, но я должен принести повинную, я должен политически раскаяться в совершенном мною преступлении, чтобы раз и навсегда порвать с тем идейным гнойником, нарыв которого закрыл и на моем теле коммунистические убеждения и преданность партии.

Но само следствие стремилось поставить границы моей субъективной вине. Когда я признал принципиально вину, что «будучи опутан, был вовлечен и т.д.», ибо я, кроме всего, считал, что Украину нужно очистить от контрреволюционных элементов, то следствие в лице т. Люшкова предложило вписать слова «только в том», т.е. «виновен только в том, что, будучи опутан, я был вовлечен и т.д.», что, кажется, я и сделал.

Я знаю, что это несущественно, но все же обращаю на это внимание.

На следствии мне неоднократно подчеркивали, что мерой пресечения в отношении меня будет принято такое наказание, которое «политически меня сохранит», т.е. позволит вернуться в ряды партии (утверждали тт. Люшков и Каган). Вначале я относился к этому недоверчиво, потому что мое дело рассматривалось в период «ожесточенной классовой борьбы» и «чрезвычайных полномочий по борьбе с контрреволюцией».

Но, т.к. следствие каждый раз подчеркивало именно об этой мере пресечения, т.е. административной высылке, и на мой вопрос, смогу ли я вести работу по специальности, меня заверили, что, предположим, вести планово-производственную работу, но не работу директора предприятия, на предприятии я получу безусловную возможность, то я поверил этому.

В первой половине июля на свидании я сообщил, что мне предстоит административная высылка, при молчаливом подтверждении этого со стороны следствия.

Этим я хочу подчеркнуть, что, очевидно, моя субъективная вина и следствию рисовалась как вина запутавшегося и не сумевшего выпутаться из сетей контрреволюции, сущ-

ность которой была прямо враждебна моим практическим действиям (т. Люшков заявил, что ГПУ известно, что я хорошо работал) и ничего общего не имела с моими коммунистическими убеждением и безоговорочным признанием политики партии.

Что именно так следствие и органы ГПУ расценивали мое политическое преступление, меня убеждало еще и то, что в своем выступлении от 22 июня 1933 года т. Постышев заявил «Солодуб изгнан из Украины в 1927 году как агент классового врага, и он остался агентом классового врага». Я вправе был рассматривать это заявление, как то, что сущность моего политического преступления не изменилась, но изменилась форма политического отношения к нему.

Со второй половины июня 1933 года я почувствовал резкую перемену в отношении меня со стороны следствия, а объявленное мне наказание превзошло все мои ожидания.

Однако я бы не хотел, чтобы Коллегия думала, что мое политическое заявление от 25 ноября 1933 года и настоящее заявление продиктованы исключительно суровостью наказания, которому я подвергнут; в основе моих заявлений лежит искреннее раскаяние и глубокое убеждение, ибо направляя свое заявление от 25 ноября 1933 года, я не знал еще о праве ходатайства о смягчении приговора и частной (личной) амнистии после шестимесячного лагерного заключения, но этим заявлением считал необходимым подчеркнуть, что в моей личной жизни никогда не будет такого положения, которое бы меня оттолкнуло от революции и поставило в число сознательных врагов партии.

Как ни сурово наказание, но я считал своим долгом коммуниста и гражданина Советского Союза решительно отмежеваться от контрреволюции во всех ее видах и заклеймить свое вольное или невольное политическое преступление. Вне революции, какое бы личное положение в ней мне ни было отведено, но раз я существую, я места себе не нахожу и не ищу его.

Я прошу Коллегию, приняв во внимание все изложенное в заявлении и мое искреннее раскаяние, освободить меня от наказания, предоставив честным и добросовестным трудом заслужить доверие партии и Советской власти и смыть с себя позор национал-фашизма. Либо поселить меня в одном из городов, предоставив право вести педагогическую и научную работу, либо оставить на работе органов ГПУ по моей специальности, либо, наконец, направить меня для работы на одно из восточных строительств (Магнитострой, Калиловстрой, Балхашстрой и др.) или действующих предприятий.

О последнем прошу потому, что мне известен ряд случаев, когда лица инженерно-технического персонала освобождены от наказания и работают на строительствах и предприятиях Союза и в учреждениях Москвы и Ленинграда.

Правда, я не имею формального звания инженера, но я прослушал специальные курсы черной и цветной металлургии, металлообработки и машиностроения, энергетики, горнорудного и строительного дела. Я был избран в 1930 году доцентом Политехнического института и должен был вести больше технический, чем экономический курс («методологию проектирования»).

Я шесть лет работаю в области тяжелой промышленности, из них два года в Гипромезе. Состоял членом Высшего технического совета при ВСНХ, членом технического совета черной металлургии, членом президиума Научно-технического комитета машиностроения и военной промышленности. По всем важнейшим проектам я привлекался другим техническим советом и входил в специально создаваемые экспертные комиссии. Мои экспертные оценки чаще всего клались в основу решений.

Все это говорит о том, что на любом предприятии я буду полезен не менее любого среднего инженера, т.к. располагаю достаточными техническими знаниями и обширными технико-экономическими.

На XVII съезде партии т. Сталин заявил: «Разбиты и рассеяны национал-уклонистские группировки. Их организаторы либо окончательно спаялись с интервенционистской эмиграцией, либо принесли повинную». Это дает мне надежду, что я не отвергнут революцией и что в разряд «принесших повинную» включен и я.

Я не враг революции и не контрреволюционер. Я преданный партии и революции коммунист, запутавшийся в сетях национализма. Я уверен, что буду не последним работником

в великом строительстве и не последним солдатом в войне за коммунизм. Нет такого приказа, которого я бы не выполнил, и нет такого действия, которого бы я не совершил во имя партии и революции.

Прошу Коллегию Объединенного Государственного Политического Управления рассмотреть мое заявление и удовлетворить мое ходатайство.

28 апреля 34 г. о. Соловки П.Солодуб

Верно: Уполномоченный ОО III части Сол. отд. *Каценберг*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 149–186. Копія. Машинопис.

№ 193

З оперативного повідомлення про П.Солодуба 27 травня 1934 р.

В Соловецком отделении делопроизводителем Финчасти работает з/к Солодуб Петр Кириллович, осужд. КОГПУ по ст. 58-4-11, срок 10 лет, к/срока в 43 г. (служащий, быв. член ВКП(б), осужден по делу УВО, в прошлом штабс-капитан, до ареста работал управделами Совнаркома УССР).

20/V в 4 часа дня з/к Солодуб был на СОПе, куда приходил для проработки отчетности по СОПу. З/к Солодуб интересуется всеми заключенными, расспрашивает, по какой статье сидят и за что, в частности, спрашивал у з/к Гедеонова и источника, которому о себе рассказал, что он (Солодуб) разрабатывал пятилетний план по тяжелой индустрии на вторую пятилетку, что он переконструировал многие заводы и вообще занимал крупные ответственные посты. Был на Украине зам. наркома просвещения. По своему делу сказал, что ему пришлось сесть за Шумского, и что в этой организации он состоял с 1926 г., что его втянули в это дело, но он активного участия в этой организации не принимал. Дальше он говорил о том, что он виновен перед Соввластью и крестьянством Украины, что с мая м-ца 1933 г. сидел в одиночке полный год. В Соловках сидел в изоляции. Жаловался о том, что не знает ничего о своей семье и не получает никаких известий, что написал помилование и через полгода будет писать лично т. Сталину, просить о помиловании.

21/V в присутствии з/к Алимджанова А. з/к Солодуб говорил, что написанное им заявление направлено в Москву и будет напечатано в газете, и что его для окончательной проработки этого заявления вызовут в Москву.

Настроение у него упадническое, по его словам, он является политзаключенным и не должен работать, думает опять проситься в тюрьму, и тут же рассказал свою биографию, что он сын сапожника, окончил духовную семинарию и Киевский университет, что его брат Андрей был три раза арестован, но освобожден, и теперь он не знает, где он находится.

З/к Солодуб удручен своим сроком, и в беседе с з/к Гедеоновым говорил о том, что он этого срока не выживет и что если бы началась война, то его, может быть, взяли бы на войну. На вопрос источника: «А разве из лагеря берут на войну?». З/к Солодуб ответил: «Конечно, я ведь командир дивизии, во время войны старых побьют, и, кроме того, у нас командного состава на случай войны может хватить не больше, как на 2 месяца».

26/V с.г. з/к Солодуб рассказывал о жизни в Англии, где, по его словам, он был вместе с Раковским, обрисовал жизнь в Лондоне, как капиталистов, так и бедноты, и в конце разговора вскользь упомянул, как Раковский и Шумский уговорили его войти в блок против единства партии.

27/V в разговоре с з/к Гедеоновым на тему о войне з/к Солодуб высказал мнение, что раньше 1937 г. войны не будет, и если будет война, то он будет проситься в армию. Потом

рассказывал о том, почему именно в последнее время идут большие аресты, и, по его словам, это связано с тяжелым положением страны, как вообще поступают органы ОГПУ с оформлением самого ареста в части согласования вопроса об аресте.

Рассказывал случай самоубийства т. Скрыпника и что этому послужило второе выступление т. Постышева.

Отдельными фразами у з/к Солодуба проскользнуло, что он не мог равнодушно смотреть на слезы крестьянства Украины и что во всем виноват Шумский, через которого сидит и он. Упомянул о том, что Шумский сидел на Морсплаве, но что его оттуда куда-то вывезли.

В отношении политизолятора з/к Солодуб говорил, что политизоляторы ликвидируются и всех политзаключенных вывезут в Соловки. В конце разговора з/к Солодуб упомянул о том, что, исходя из экономических условий, война может быть не раньше, чем в 37 г., т.к. в данный момент она невыгодна.

В конце этого разговора вошел з/к Бенедик Антон Наумович, 58–2–11, ВМН — 10 лет, к/срока в 41 году (учитель, осужден по делу УВО), последнему з/к Солодуб задал вопрос, за что он сидит. З/к Бенедик ответил: «За то, что бил коммунистов».

Взаимоотношения з/к Солодуба с з/к Гедеоновым становятся с каждым днем теснее.

Настроение у з/к Солодуба подавленное.

Мероприятия:

Продолжать освещать настроение и связи з/к Солодуба и в беседе с ним установить, кто интересуется Шумским, уточнить вопрос, при каких обстоятельствах Раковский и Шумский уговаривали его войти в блок партии и в чем заключалась его деятельность в Англии, кто их посещал и с кем Шумский и Раковский были там связаны. Поскольку з/к Гедеонов и Бенедик являются активными каэрами в Соловках, фиксировать все малейшие суждения их о Солодубе и разговоры с последним, установив, чем больше интересуется последний и как эти разговоры используют.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 187–188. Копія. Машинопис.

№ 194

Витяг з повідомлення про П.Солодуба 2 серпня 1934 р.

[...]

З/к Солодуб говорит, что «наши вошли в Лигу Наций — положение СССР окрепло, и войны не будет раньше, как через 5–7 лет». Много говорит о второй пятилетке, что она является оплотом СССР, и на реплики з/к Гедеонова и Кязиева о том, что крестьяне голодают, доказывает обратное, говоря, что крестьяне достигли большого благосостояния.

Говоря о предпосылках по международному положению, з/к Солодуб устойчивость СССР объясняет тем, что «налажены дипломатические отношения с Чехо-Словакией, Румынией, указывая на то, что в этом деле играет большую роль Франция».

На работе в СОПе з/к Солодуб близко сталкивается с троцкистами Дингельштедтом и видит изредка Абрамского и Юдкиса. «В разговорах с троцкистами, в частности, с з/к Дингельштедтом з/к Солодуб доказывал их ошибки, причем з/к Юдкису указывал на то, что в капиталистических странах засуха, о чем пишут в газетах, но умалчивают про СССР, где засуха хуже — на это з/к Солодуб ответил, что есть отдельные районы, пораженные засухой, и в перспективе он видит хорошую урожайность».

В июне месяце з/к Солодуб был укушен собакой и, согласно распоряжению III отдела ББК, был направлен на спецлечение в г. Петрозаводск, надо отметить, что к этому времени настроение з/к Солодуба резко изменилось: «З/к Солодуб говорит, что он устал и не выносит политики, и если бы его отправили бы куда-либо на завод, то он бы был очень

доволен. Необходимо отметить отношение к работе, по сравнению с первыми днями, пошло на понижение, и настроение у него за последние дни весьма нервное. Между прочим, он говорил о том, что, встретивши троцкиста Абрамского, последний его ругал за то, что он работал, считая, что ему, как политическому, работать нет надобности».

Возвратившись из Петрозаводска, з/к Солодуб делился своими впечатлениями и рассказал следующее: «Отправляясь на лечение, я решил подходить ко всем явлениям критически и вывел следующее заключение, что страна перерождается, на базарах преимущественно колхозники, чувствуется организованность и спайка. Не видно оборванцев. Всех захватывает физкультурный дух — кажется, что каждый хочет быть крепким и сильным. Наблюдая жизнь в Петрозаводске, я видел бодрость и сдвиг вперед». В отношении упразднения ГПУ Солодуб выразился так: «СССР настолько окрепло, что ГПУ стало лишним, и можно перейти к другим формам карательной политики. Сейчас заискивают дружбы с СССР — правда, образуется блок Германии с Японией, но они на войну не рискнут, а через 3–4 года воевать с нами никто не захочет. События в Германии имеют значение, но ничего серьезного пока нет, и Германия сейчас достаточно сильна, чтобы подавить междоусобицу».

«Возвратившись из Петрозаводска, з/к Солодуб рассказывал, что ему нач. ББК т. Рапопорт обещал устроить работу на заводе в Петрозаводске и что он будет этого добиваться всеми силами. Дальше он рассказывал, что получил посылку от жены и что это его очень расстроило. О жизни на воле говорил, что она дорога, но что это временное явление, на что присутствующий при этом з/к Гедеонов иронически заметил: «Кончим вторую пятилетку и всего будет вдоволь».

На СОПе з/к Бенедик Антон Наумович 23/VII с.г. начал говорить о Солодубе, что он бывший красный партизан, боролся за советскую власть, и добавил: «Хвалю этих кацапов, что они умели использовать Солодуба, а потом взяли и посадили — пусть теперь чувствует, за что он боролся».

В лагере связь з/к Солодуб ни с кем не имеет, и лишь в июне м-це виделся с з/к Ланиной-Максимович, с которой говорили часа два, о ней он рассказывал: «2/VI в 7 часов вечера на СОП приходила з/к Ланина, и з/к Солодуб говорил о ней, что она была личной машинисткой у Скрыпника и что ее муж Максимович сидит в Соловках в СИЗО».

За последнее время настроение у з/к Солодуба сводится к желанию вырваться из Соловков и устроиться где-либо на работе, с уверенностью, что его дело будет пересмотрено, причем высказывает неоднократные желания доказать свою преданность партии и в случае войны быть ее участником.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 189–191. Копія. Машинопис.

№ 195

Спецзведення на П.Солодуба 25 січня 1935 р.

Начальнику III отдела ББК НКВД т. Попову
Серия «К»

Спец-сводка
на учетника по окраске «УНКР»
з/к Солодуб Петра Кирилловича

На 25/I–35 года Ст. Мед.-Гора

Вследствие того, что з/к Солодуб живет в лагере совершенно обособленно (в отдельной комнате вне л/п Кремля) и не работает, агентурная проработка крайне затруднена, почему мы до последнего времени и не располагали на него достаточным агентурным материалом.

В январе м-це нами прикреплены для освещения Солодуба с/о «Ясинский» и «Чермаш», которые имели с ним несколько бесед.

«14/I–35 г. вечером источник был у Солодуба, с которым и беседовал на целый ряд тем политического характера. Солодуб говорил, что он еще раньше связи с Шумским имел свой выработанный взгляд на национальный вопрос, выразившийся в идеи конфедерации. Этот взгляд разделял тогда (1922–23 гг.) и Раковский, за что был снят с работы. Солодуб говорил, что в это время (1922–23 гг.) никто серьезно не относился к разрешению национального вопроса, и ему самому пришлось проработать массу материала по национальному вопросу, в результате чего и он пришел к идее конфедерации.

Признает свою ошибку в том, что напрасно они, т.е. «шумскисты», боролись против Кагановича, который, по его словам, проводил то, чего требовали «шумскисты». Теперь Солодуб признает, что нападая на партию по национальному вопросу, они, «шумскисты», давали оружие классовому врагу и украинской контрреволюции за кордоном для борьбы против Соввласти и тем объективно очутились в лагере украинской контрреволюции с Донцовым, Палиевым и др. К этому убеждению он (Солодуб) пришел после 6-месячного пребывания в одиночке. И в связи с этим Солодуб говорит, что он написал об этом в своем заявлении на имя ЦК партии.

Далее Солодуб сказал, что до революции он был эс-эром максималистом, был в Красной гвардии, а также комендантом Галицийской армии, которая изменила и перешла на сторону Деникина, за это он, Порайко и Михайлик, неся ответственность, якобы, требовали от партии суда над собой и расстрела. В разговоре Солодуб подчеркнул, что он был сталинцем уже с 1921 года и что т. Сталин его любил. В данное время Солодуб пишет письмо т. Сталину по поводу того, что исполняется 4-я годовщина, как он был принят т. Сталиным, и в разговоре с которым договорились, что через 4 года они встретятся вновь и «тогда будет о чем поговорить». Вот теперь Солодуб, не имея возможности лично побывать у т. Сталина, пишет ему письмо и припоминает об условленной встрече.

По поводу своего осуждения Солодуб говорит, что он этим сильно поражен и дезориентирован и чувствует себя совсем разбитым и уже ни к чему не пригодным, т.к. не может заниматься умственной работой. Высказывал жалобу на тяжелое положение семьи. Одновременно высказал уверенность, что он будет еще восстановлен в правах члена партии, ссылаясь при этом на свой разговор с т. Акуловым. В разговоре Солодуб был весьма осторожен и всячески старался выпятить свои заслуги перед революцией, подчеркивал о своих приятельских отношениях с т. Акуловым и близких с т. Сталиным.

Наш источник, встретившись 14/1 с.г. с з/к Мандель (учетник по окраске «УНКР») и беседуя с ним о Солодубе, Мандель сказал, что он в первых числах января разговаривал с Солодубом, и последний заявил, что ожидает вторую годовщину своего заключения, по истечении которой начнет решительную голодовку под лозунгом «Или свобода — или смерть».

Об аналогичном настроении Солодуба сообщает и другой наш источник. «24/1 с.г. источник заходил на квартиру к Солодубу по приглашению. В беседе с источником Солодуб рассказал о том, что к нему ежедневно заходит жена Максимовича з/к Ланина. Сам Максимович, по словам Солодуба, содержится на одной из глухих и отдаленных командировок. При этом высказал чувство сожаления Максимовичу, заявив, что «он был самым лучшим моим другом». Далее в разговоре по поводу националистского уклона Солодуба и о признании им своих ошибок, Солодуб заявил: «Что с этого я имею, хотя как будто бы признал свои ошибки, я их никогда собственно не имел, сижу совсем ни за что». Высказав сожаление по поводу своего признания, Солодуб сказал: «Не знаю, что будет дальше, если меня не освободят, то мне надо что-нибудь над собой устроить, ибо так жить дальше невозможно».

В своих же письмах к жене Солодуб старается подчеркнуть свою преданность партии и указывает, что «что бы с ним не случилось, он никогда не будет в другом лагере, не только действиями, но и мыслями». «...Несмотря на мой «национализм», я никогда не уклонюсь от политики партии, ибо она мое единственное убеждение». (Из письма Солодуба к своей жене от 28/I–35 г.).

В своих беседах с оперработниками отделения Солодуб постоянно высказывает недоумение по поводу содержания его на Соловках, при этом ссылаясь на то обстоятельство, что «он сделал все, что требовалось от него, т.е. во всем признался и раскаялся».

Поданые Солодубом заявления о своих «политических ошибках» и затем последовавшее освобождение из изолятора вселили в него уверенность в ближайшем освобождении или переводе на материк для использования на ответственной работе. Собственное умозаключение, что он полностью разоружился и поэтому должен быть освобожден, привело Солодуба к выводу о необходимости подачи заявления о восстановлении в правах члена партии, на каковое получил через КВЧ ответ, отклоняющий его ходатайство, что и повергло Солодуба в уныние.

По этому поводу Солодуб в письме к жене пишет: «Не знаю, как это трактовать. Хочу надеяться, что этот отказ продиктован тем, что меня нельзя восстанавливать в партии, пока я нахожусь в заключении и с меня не снята судимость, а не вообще отказ, исключающий всякую надежду вернуться к жизни».

Это обстоятельство, а также неудовлетворительное материальное положение семьи и потеря всякой надежды быть вывезенным на материк (в чем Солодуб был уверен после произведенного ему медосвидетельствования, согласно предписанию III отдела № 12906 от 22/IX–34 г.), отрицательно влияет на моральное состояние Солодуба.

«Тяжесть изоляции усиливается тем, я считаю это основное, — абсолютное совпадение моих дум, чаяний и стремлений с проводимой партией политикой. В самом деле, отменили карточки, но я за это. Получили 10 млн. тонн чугуна — это приводит меня в телячий восторг. Вступили в Лигу Наций — значит оттяжка войны и наше укрепление, признала Румыния, Америка и т.д. — я об этом мечтал, усилили внимание к человеку и его потребностям (вплоть до бритвенных ножей, зубщеток и проч.) — я не могу этим не восхищаться. И всегда стоит проклятый вопрос, а я зачем и при чем». (Из письма Солодуба к жене от 28/I–35.).

Анализируя агентурный материал наших источников, в правдоподобности которого у нас сомнений не имеется, и сопоставляя с официальными заявлениями Солодуба и содержаниями его писем, мы приходим к выводу, что Солодуб совершенно неискренен в своих заявлениях «о признании ошибок, о преданности партии и т.п.» и ведет определенную двурушническую политику. Этот вывод подтверждается также еще одним сообщением источника, который в своем донесении от 5/I–35 г. указывает следующее: «Заключенный л/п Кремль Ходжаев А.Х. (ст. 58–6, срок 5 лет) в последнее время установил тесную связь с з/к Солодубом П.К., проводя с ним время в длительных беседах, причем Ходжаев, пользуясь невниманием вахтера у ворот, выходит за Кремль и совместно с Солодубом ходит на прогулку в лес. Недавно в беседе с Солодубом он солидаризировался со взглядами последнего в национальном вопросе и, разговорившись по поводу убийства т. Кирова, высказал мысль, что убийство сделано не зря, т.к. индивидуальный террор по отношению к руководству Совласти может иметь желательные последствия для оппозиции, и что приговор суда слишком жесток, т.к. все приговоренные, являясь членами партии, боролись за рабочий класс».

Имея в виду, что двурушническое поведение Солодуба может оказывать нежелательное влияние на заключенных, особенно на учетников по окраске «УНКР», а также не исключена возможность группирования Солодубом около себя единомышленников, мы считаем целесообразным и своевременным поставить вопрос об изменении ему режима содержания в смысле обратного водворения в изолятор.

Изложенное докладываем на Ваше распоряжение и просим указания по существу.

Приложение: Меморандум документа (закрытое письмо) Солодуба.

3/II–35 г. о. Соловки

Начальник III части 8 Сол. отделения ББК НКВД *Акимов*

О/уполномоченный СПО *Долинский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 196–198. Копія. Машинопис.

№ 196

Оперативне повідомлення про П.Солодуба
1 квітня 1935 р.

УНКР

Особый интерес вызвали среди заключенных новоприбывшие с материка. К ним обращаются с вопросами о положении (экономическом и политическом) страны, в отдельности интересуются арестами за к-р деятельность. Прибыли два брата Дидушки — украинцы, родом из Галиции. Один из них в одежде гражданского воздушного флота был арестован после убийства т. Кирова. Он информировал об арестах, что на Украине арестованы Коцюбинский Юрко — зам. Председателя Совнаркома УССР, Михайлик — Ген. Прокурор УССР, целый ряд писателей, об аресте сестры Уншлихта, Зоха и Домбской. Особенно поражен арестом Коцюбинского.

Солодуб, встретив источника, расспрашивал о том, что говорят новоприбывшие и кто арестован. Источник ему передал, что сам слышал об аресте Коцюбинского и Михайлика. Тогда Солодуб сказал: «Видно, этому не будет конца». Кроме того, говорил, что его, Солодуба, органы НКВД, арестовав, сделали главным организатором и вождем украинской контрревол. вместе с неким Биленьким, которого он совсем не знает. Об этом Биленьком Дидушек рассказывает следующее: «Биленький был директором издательства украин. «Рух», был арестован в 1933 г., во время следствия писал большие показания на украинцев, признавался сам в к-р деятельности, в 1934 г. был освобожден, восстановлен в партии и после этого опять арестован и сидит в Киевской тюрьме, что он, Биленький, всех подговаривает писать лживые показания на себя, что это он делает по указанию органов НКВД, короче говоря, что он занимается провокациями вместе с органами НКВД, что этот Биленький опять будет освобожден». Солодуб поясняет аресты в СССР следующим способом: надо воспитать новое чувство любви и преданности к своему отечеству среди граждан СССР в очень короткое время, а для этого ликвидируются когда-либо колебавшиеся в партии элементы, уклонисты, выходцы из друг. партий.

Мандель чем дальше, тем все глубже впадает в упадочное настроение. Последнее время он несколько дней не наряжен, а с тем и питание его ухудшилось. Старался устроится на работу счетоводом в лесхозе, но как-то ему это не удалось, считает, что в этом виноват бухгалтер, который сразу противился его работе там. Говорил, что еще обратится к руководству Отделения за защитой и помощью, чтобы получить подходящую для себя работу, дающую ему возможность получить лучшее питание и бытовые условия. Но если он убедится, что руководство Отделения проводит к нему политику, имеющую своей целью его угнетать физически и морально, то он пребывание в лагерях и свое осуждение поставит в иной плоскости, чем до сего времени он его ставил. Напишет большое политическое заявление с выплывающими из него последствиями, что тогда захлопнет за собой дверь с такой силой, что будет далеко слышно.

От приема сегодня, 12/V, у нач. Отделения он пришел с неплохим настроением, в частности говорит, что нач. III части произвел на него приятное впечатление своей простотой. Но скептически настроен в отношении удовлетворения его просьб.

Верно: Уполномоченный СПО *Алексеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 206.
Копія. Машинопис.

№ 197

Робоче зведення групи СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС СРСР 7 травня 1936 р.

Політичні настрої:

Совершенно секретно

§ 1

З/к Солодуб Петр Кириллович (ст. 58–4–11, ср. 10 л.), беседуя с з/к з/к Вальцевич и Каганом о постановлении Правительства в отношении казачества, говорил: «Советскому Союзу воевать сейчас нельзя, потому что сначала нужно обеспечить себе прочный тыл. Партия и правительство сейчас помирятся с народом, и это потому, что у нас нет такой семьи, в которой хотя один бы член семейства не был арестован и посажен в тюрьму или в лагеря. В особенности это имеется на Украине. Взять хотя бы к примеру мое семейство, где со мной вместе было арестовано 4 человека и в числе их старуха мать. Сколько же всего осужденных по Сов. Союзу? Их большое количество миллионов людей. Вся эта масса не особенно сочувствует советской власти, и в случае войны, она, пожалуй, окажется в другом лагере. Постановление ЦИК о казаках — есть частица примирения с казачеством».

В начале мая м-ца з/к Солодубу не было выдано разрешение на право проживания вне Кремля, и он целый день ходил расстроенный и волновался, не зная, что послужило причиной невыдачи ему справки на жительство за Кремлем. По этому вопросу он высказывался, что ни за что не согласится переходить в Кремль, вплоть до объявления голодовки, или в крайнем случае пойдет на компромисс, т.е. на водворение его в Савватьевский изолятор.

З/к Солодуб осужд. по д. УНКР. Аг. наблюдение за ним продолжается.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 199. Копія. Машинопис.

№ 198

Агентурна записка групи СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС СРСР 18 травня 1936 р.

Совершенно секретно

14 мая з/к Солодуб мне рассказал историю своей женитьбы. Жена его, дочь известного артиллерийского генерала, инспектора артиллерии Южного фронта при старом режиме Мальковского. Жена была солдатом и унтер-офицером, заслужила 4 Георгиевских креста.

Познакомился Солодуб с женой в 1915 г. С женой были две подруги: Зоя Оболенская, княжна, и графиня Корейко Варя. Зоя уехала за границу, выйдя замуж за немецкого офицера, приехавшего за ней через фронт в Россию, в 1916 году. Вторая же — Варя Корейко при революции была у белых, затем вернулась при большевиках в Харьков, к Солодубам, но уже с чужим паспортом. Солодуб не выдал ее, а пристроил в Наркомфине, где она, со слов Солодуба, работает до сих пор. Со слов Солодуба, Варя знакома с такими «вождями», как Д.З.Мануильский, В.Я.Чубарь, Гринько, Шумский и др.

Солодуб характеризует Д.З.Мануильского, которого он считает своим учителем, как пьяницу, большого лентяя, человека, теоретически необразованного. Тов. Мануильский, якобы, в 1932 г. спрашивал у Солодуба объяснения Марксова закона ренты. Тов. Мануильский прибегал, якобы, к помощи Солодуба для составления своих докладов. После докладов однако Солодуб правил стенограмму с экономической точки зрения, а Н.Н.Попов с

точки зрения политической. Так было, со слов Солодуба, и с последним большим докладом Мануильского на Конгрессе Коминтерна.

Со слов Солодуба, в разгар подготовки к XVI съезду партии ему из редакции «Правды», из отдела дискуссии, позвонил В.Матусевич с просьбой редакции дать статью о металлургии (подвал). Солодуб, якобы, понял, что ждут козла отпущения, чтобы, проводя дискуссию о промышленности на его шее, потом исключить из партии. Поэтому Солодуб увильнул. Тогда ему принесли постановление Секретаря ЦК с предложением принять почетное участие в предсъездовской дискуссии, тогда Солодуб, состоящий заместителем Косиора по Новостали, согласился написать статью, но сознательно оттягивал, обманывая редакцию и так статьи и не написал. Солодуб, правда, одно время думал, как он выразился, «бухнуть всю правду» и дать такую статью, будь что будет потом, но в это время как раз исключили из партии «козла отпущения по сельскому хозяйству» — и Солодуб не стал писать. По поводу этой статьи Солодуб советовался с Шумским и Гринько, которые посоветовали ему не писать.

Солодуб все время подчеркивает, что Гринько был ближайшим руководителем с Шумским, шумскистской организацией. Сейчас Солодуб считает, что его не освободят, ибо все время все больше и больше выдвигают в лидера шумскизма, тогда как Шумский отходит на второй план. В этом Солодуб видит, якобы, признак возможности близкого освобождения (Шумского), а так как лидер организации нужен, хотя бы для того, чтобы иметь основание держать в заключении ее членов, то самая подходящая по своему удельному весу может быть только политическая фигура вождя, Солодуба.

Солодуб одновременно заявляет себя не только сталинцем, но самым старым сталинцем. На что он говорит, что у него, Солодуба, полное основание, ибо он сталинец с 1923 г., когда еще никто не был сталинцем. Солодуб себя считает сторонником ген. линии партии и тов. Сталина с 1923 г., но признает одновременно, что если бы его, Солодуба, арестовали в 1929 г., на это были бы полные основания у ОГПУ, и что тогда он, Солодуб, отказался бы дать какие-либо показания. И в период подготовки к XVI партсъезду Солодуб также признает, что он был не согласен с линией партии, ибо считает, что если бы он тогда написал заказанный подвал в «Правде», его бы исключили из партии.

По отношению к тов. Сталину Солодуб проявляет большую любовь. Солодуб, якобы, говорил в 1931 году или 32 тов. Пятакову, говоря о тов. Сталине: «Что Вы думаете, если затея Сталина удастся, то придется Марксу, Энгельсу и Ленину [нрзб.] уступить местечко Сталину».

Иначе говоря, Солодуб верил и верит в Сталина. Солодуб считает, что в течение ближайшего десятилетия совершится мировая революция, и что если до 1939 года на СССР не нападут, то в 1939 г. мы будем настолько сильны, что наша сила будет очевидна для всех и на нас уже не посмеют напасть.

Солодуб, хотя и дружил с Манцевым и Балицким, все же ненавидит чекистов, и с озлоблением мне 16 мая с.г. говорил о том, что пока Украина спасала революцию в 1918–19 гг. (если бы не украинский мужик, то на ближайшее столетие не было бы социализма). Как видите, Солодуб мыслит масштабами, [нрзб.] чекисты окопались, (в особенности евреи, которых не было на фронте) и расстреливали людей. Для Солодуба борьба ЧК и ОГПУ против контрреволюции была отрицательным фактором в революции, а систематическое пьянство, кутежи, дебош со стрельбой и мордобитием, да к тому же в окружении чуждого элемента, обывателей, проституток, это если не положительный фактор, то во всяком случае, «шалости молодости».

Здесь, на Соловках, Солодуб сделал мне упрек, что я разговариваю и, якобы, ищу сближения с заключенными, бывшими работниками ОГПУ, Каганом И.Л. и др., спрашивая: «Зачем Вам надо разговаривать и дружить с этой публикой. Когда они были у власти — они сажали невинных людей, а здесь плачутся, что их посадили».

Верно: Оперуполном. СПО *Новоселов*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 200–201. Копія. Машинопис.

№ 199

Агентурне донесення групи СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС СРСР 14 квітня 1937 р.

Совершенно секретно

4/IV–37 г. в центральной столовой Дорожный И.Д., обращаясь к Кривенко, предложил последнему после обеда подойти к нему, он расскажет новость. 5/IV на вопрос Кривенко, что тебе за новость сообщил Дорожный, Кривенко сообщил: «На днях арестовали Красовицкого, этого молодого парня, который часто приходил к политруку. Красовицкий часто встречался с Дорожным И.Д., поэтому я хочу предупредить тебя, что в случае, если бы забрали меня или тебя, нужно будет уметь себя соответствующе держать. Хотя я с ним и мало встречался, но достаточно и этого, кого же больше взять, я осужден судом через вышку [нрзб.]. Ты тоже с ним дружил, вот я и предупреждаю тебя. Да еще на днях ко мне подошел Ковальчук Гр. и говорит: «Слушай, скоро всему будет конец, начнут бить коммунистов и чекистов». Я, конечно, сказал ему так: «Если тебя послала III часть, то пойди и скажи, чтобы они больше таких дураков, как ты, не присылали с этими глупыми сообщениями, а если ты это от себя делаешь, то знай, что я напишу заявление в III часть, чтобы ты больше такими делами не занимался».

Присутствовавший при этом разговоре Борец говорит: «Я не знаю, что может там наговорить Красовицкий, но за Яворского М. я больше уверен, чем за самого себя. Этот никого не впутает в дело — это могила. За это я спокоен».

4/IV–37 г., квартира Солодуба: Дятлов П.Ю. направил заявление, написанное Солодубом в Политбюро ЦК ВКП(б) о смягчении участи. Особых разговоров не было. Солодуб больше всего рассказывал за свои похождения в старой армии, о встрече Королевы Румынской и ряд других эпизодов.

[...]

6/IV–37 г., на кв. Солодуба.

Дятлов, закончив просмотр вторично написанного заявления Солодубом, на вопрос последнего: «Ну как?» — сказал: «Ничего, конечно, с вашей точки зрения, раз Вы себя признаете виновным, но если Вы коммунист, как Вы говорите, коммунист сталинец-ленинец, то такого заявления нельзя писать. Такое заявление — позор. Коммунист должен быть до конца твердым. Не просить нужно, а требовать, кричать на весь мир».

Солодуб: «Я же принадлежал к группировке Шумского, это факт, это партия осудила, и я никогда не допускал даже в мыслях, чтобы ЦК партии от моего ареста был в стороне. Тот факт, что Прокофьев при первом вызове сказал мне, Вас арестовали с ведома тов. Сталина, то что же мне оставалось делать больше. Я не только признал свои ошибки в национальном вопросе, но пошел дальше. Рассуждая логически, я дошел до того, что Шумский ставил своей целью в конечном итоге создание буржуазного типа Украины, чего, конечно, никогда Шумский не ставил и не имел в виду. Когда я писал это, плакал, был уверен, меня расстреляют, ибо так нужно для партии».

Дятлов: «Это клевета на партию, клевета на Александра Яковлевича. Это уркаганская политика. Меня тоже стращали расстрелом, но я от этого смеялся. Что это я за большевик, который может так рассуждать. Я потому и не пишу о помиловании; чтобы просить о помиловании, нужно прежде сделать преступление. А какие у вас преступления, что Вы прошли естественный период своего мировоззрения. А кто его не проходил, тов. Сталин не проходил его — проходил, так за это тюрьму давать? Это не линия партии, это не нужно партии, а нужно посадить тех, кто Вас посадил, ибо он сделал преступление и тягчайшее преступление, так как честного коммуниста держать в тюрьме, это могут делать только уркаганы, пилсудчики, — вот кто меня посадил, а не партия».

Вошел Слипанский и спрашивает: «Что нового, о чем спорите?». Дятлов: «Петр Кириллович кается, а я говорю, что это не в моем духе, нужно сделать раньше преступление, чтобы каяться, а нового то, что Ягода сел».

Слипанский: «Я давно говорил, что Ягоде не избежать «петли», он много слишком знал того, чего многие члены Политбюро не знали». «Повторится история, подобная истории с Пилсудским, когда тот в своем кабинете застрелил генерала, чтобы избавиться от живого свидетеля». «Смешно, конечно, думать, чтобы у Ягоды были какие-то служебные злоупотребления по Наркомату связи. Все это грехи его бесконтрольной работы по Наркомату внутренних дел. Тут вскроется до конца и дело убийства Кирова».

Дятлов: «А что, Ягода не знал, что на Кирова убийство готовится, ведь Медведя судили за то, что он знал об этом и не принял мер, а раз Медведь знал, то и Ягода был информирован. Тот факт, что Медведь получил 3 года, свидетельствует о том, что Ягода затушевал это дело, покрыл, а может быть и больше этого?».

Слипанский: «Имел неограниченную власть, что хотел, то и делал, точно так выходит, как накануне империалистической войны было в Америке, когда в конце концов Вильсон вызвал к себе н-ка департамента полиции и потребовал показать ему личные карточки, заведенные на неблагонадежных, и что тоже к его удивлению первая карточка это была карточка его Вильсона. Он тут же приказал все карточки уничтожить. Когда уничтожили карточки, он сказал, что можно чувствовать себя свободнее. На это ему ответили, что уничтожили только один экземпляр карточек, а второй — остался. Так и с нашими делами — их не замажешь и не уничтожишь. Ведь тома целые написаны».

6/IV в камере 3 т/к № 11. Любченко: «Мне кажется, что с лишением звания Генерального комиссара безопасности Ягоды мы лишимся звания лагерников. Это безусловно!».

Петренко: «[нрзб.] с самого начала революции в органах ЧК, а теперь уголовный преступник. Думал ли он, что придет и к нему очередь? Он думал, что бесконтрольный, валил все на одну кучу. Но этому еще не конец. Теперь все «гепеушники» потерпят и не один из них уже ночи не спит. Доберутся до Всеволода Аполлоновича. Получит он свое. Немало он попил крови безвинной. Пока что не пишут, в чем конкретно эти преступления, а другого ничего не могло быть».

Верно:

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 204–205. Копія. Машинопис.

№ 200

Довідка про П.Солодуба
Жовтень 1937 р.

Солодуб Петр Кириллович, 1893 г.р., ур. г. Изяславль Винницкой обл., служащий, инженер-экономист, б. член ВКП(б), старой армии штабс-капитан, б. правый эсер, б. пом. командующего галицийской армии, до ареста на Украине и в Ленинграде работал на ответственных должностях.

Являлся членом центра Украинской военной организации, тесно связанной и руководимой разведорганами Польши и Германии, ставившей задачу свержения Соввласти вооруженным путем. Убежденный враг Соввласти. Настроен озлобленно. Резко критикует политику ВКП(б) и сов. правительство, в особенности национальную политику на Украине.

КОГПУ от 5.9.33 года за принадлежность к Укр. к-р организации «УВО» и активную в ней работу по ст. 54–4, 11 УК УССР приговорен в лагеря сроком на 10 лет.

Находясь в Соловках, Солодуб группирует вокруг себя своих единомышленников, членов «УВО» и «УНКР», польшпионов, среди которых пользуется огромным авторитетом. Продолжает вести открытую к-р нац. пропаганду, отрицая и критикуя победы соц. строительства страны. Проповедует пораженчество.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 208. Копія. Машинопис.

№ 201

Акт про виконання вироку стосовно П.Солодуба 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Солодуба Петра Кирилловича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 209. Копія. Машинопис.

№ 202

Постанова у справі П.Солодуба 19 квітня 1957 р.

Президиум Архангельского Областного суда в составе
Председательствующего Мимикина, членов президиума Пирогова, Самойлова и Мережко, с участием прокурора области Голуб по докладу члена суда Чупракова, рассмотрел по протесту прокурора Архангельской области дело по обвинению/иску Солодуба Петра Кирилловича.

Президиум установил: Солодуб Петр Кириллович, 1893 года рождения, уроженец гор. Изяславля Винницкой области (УССР), украинец, состоял в КПСС с 1919 года по 1933 год, со средним образованием, судим 5-го сентября 1933 года по ст. 54–4, 11 УК УССР коллегией ОГПУ к 10 годам заключения в ИТЛ, наказание отбывал в Соловецкой тюрьме на о. Соловки Архангельской области, осужден постановлением Особой тройки УНКВД Ленинградской области 9 октября 1937 года к расстрелу.

На постановление Особой тройки УНКВД прокурором принесен протест, в котором поставлен вопрос о его отмене и прекращении дела за недоказанностью преступления.

Изучив дело, обсудив доводы, изложенные в протесте, и заслушав заключение прокурора, Президиум считает, что протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела, основанием к осуждению Солодуба послужила его судимость в 1933 году и агентурные сведения о пребывании Солодуба в Соловецкой тюрьме.

Осуждение по данным материалам было неосновательным, так как дело по обвинению Солодуба от 1933 года определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР 18 июля 1956 г. прекращено за недоказанностью преступления, а агентурные сведения по делу следственными органами не проверялись, поэтому не могут служить доказательством вины Солодуба.

По делу никакого расследования не проводилось, обвинение Солодубу не предъявлялось, как он сам, так и никто из свидетелей допрошены не были. Таким образом, органами следствия по делу допущено грубое нарушение социалистической законности.

Ввиду изложенного и соглашаясь с протестом, Президиум Архангельского Областного суда

Постановил:

Постановление Особой тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года в отношении Солодуба Петра Кирилловича отменить и дело в отношении его прекратить за недоказанностью преступления.

Председательствующий *Мимикин*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 212–213. Копія. Машинопис на бланку.

СПРАВА М.СТРЕЛЬЦОВА
(№ П-14801)

№ 203

Меморандум ІІІ відділу УСТАБ ОДПУ 1934 р.

Сов. секретно

Меморандум №
III отдела УСЛАГ ОГПУ
Открытого, закрытого, простого, заказного документа
Нужное подчеркнуть

Адресат		Отправитель	
Кому	Стрельцову Николаю Константиновичу	От кого	от жены
Куда	о. Соловки	Откуда	Харьков
Дата получения		Дата отправления	

«...Неужели высшее начальство так себя держит с услаговцами, что к нему нельзя никак добиться? Хотя мне на Севере неоднократно рассказывали обратное. Знаю даже, что каждый приехавший начальник в лагерь первым долгом обращается к заключенным «есть ли жалобы и проч.». Или это только для проформы делалось? Упомяну одну свою встречу с т. Успенским, когда я с ними поехала в Мед.-Гору и там на мое несчастье никого из начальства я не застала, т.к. тов. Успенский был в то время на Соловках, а т. Рапопорт замещал в Москве т. Бермана, и вот я вернулась обратно в Кемь, зашла в УСЛАГ, и там

мне сказали, что только что приехал с Соловков т. Успенский, я обратилась к нему с просьбой принять от меня заявление или выслушать меня он меня спросил, заключенная ли я. Я ответила, что нет, он с таким презрением (а может мне больной тогда показалось только) посмотрел и сказал заявления я принимаю только от заключенных и выслушиваю только их. Скажу откровенно теперь только, мне было так стыдно, точно меня голую высекли, но ни капельки не больно чего я еще лучшего могла ожидать от них. Мне, жене какого-то каэра, услоновца, конечно, так и должно было быть. И в тот момент я уже прочла книжку «Беломорский канал» и тотчас подумала, как можно писать в книге (не в романе, конечно) одно, идеализировать людей так, а на самом деле получается другое. Но потом меня начали убеждать фактами, что я неверно это поняла, а т. Успенский к заключенным относится изумительно справедливо. Мне стало легче на душе, хотя бы к ним относятся справедливо...».

Верно: Цензор III части *Підпис нерозбірливий*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 221–222.
Копія. Машинопис на бланку.

№ 204

Оперативне повідомлення про М.Стрельцова 1937 р.

З/к Стрельцов особенно враждебно настроен ко всей политике партии и Соввласти. О речи т. Постышева он сказал, что даже не хотел читать «этой билиберды», чтоб не нарушать своего относительного спокойствия, что ему речь т. Постышева пересказал какой-то заключенный, на которого тоже подействовала возмутительно. Речь т. Постышева он назвал маячением. Что теперь т. Постышев торжествует, что он, Стрельцов, не думал, что Постышев настолько мстителен. В общем из разговора со Стрельцовым видно, что борьба с контррев. — это дело только отдельных лиц, как, например, на Украине Постышева и сотрудников НКВД, желавших оправдать свое существование. Центральный интересующий вопрос в речи т. Постышева — это террор, в которой коснулся и убийства т. Кирова. Стрельцов утверждает, что Николаев — убийца т. Кирова, стоял одной ногой в НКВД. Он утверждает, что как сошли со сцены Зиновьев, Каменев и др., так со временем сойдет и Постышев, что в свое время Зиновьев и Каменев тоже немало угробили людей, а все-таки пришел им конец, так будет и тем, которые сейчас торжествуют, как например, Постышев.

Стрельцов считает, что экономическое положение страны ухудшается, результатом чего является отсутствие бюджетных денег (невыплата премвознаграждений), что политически Соввласти целесообразно вести такую «нагонку» на всех и вся, но экономика сильнее и со временем скажет свое. Так, например, система лагерей, по его мнению, экономически себя не оправдывает и что приказ наркома Ягоды — это есть подготовка к ликвидации лагерей с переводом на ссылку. Эпика (письмо которого цитирует т. Постышев) Стрельцов считает последним негодяем, способным на всякие подлости. Эпик действительно был коммунистом формально, и для спасения своей шкуры способен на все.

Верно: О/Уполномоченный СПО *Долинский*

З/к Стрельцов — учетник по окраске «УНКР»

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 223.
Копія. Машинопис.

№ 205

Робоче зведення групи СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК НКВС 25 березня 1937 р.

Рабочая сводка № 24
группы СПО III-й части 8-го Соловецкого отделения ББК НКВД
по состоянию на 25/III–37 г.

Политнастроения:

§ 1

20 марта с.г., вечером, в помещении канцелярии Санчасти, делопроизводитель Санчасти з/к Стрельцов Николай Константинович осужден по ст. 54 п. 6 и 11 УК УССР сроком на 5 лет, в присутствии, источника, беседуя с санитаром лазарета з/к Макарея, с озлоблением высказывался о тов. Постышеве и в связи с его новым назначением говорил: «Постышев сделал свое темное дело на Украине и теперь смотался в Куйбышевский край. На Украине он нажимал на националистов, а троцкистов упустил. Сколько людей он потопил. Хорошо было бы, если бы он сам сел, здесь мы ему кое-что доказали бы».

В дальнейшем разговоре з/к Стрельцов продолжал высказываться в озлобленно-издевательском плане также и в отношении товарища Косиора...

З/к Стрельцов осужден по делу УНКР и состоит на формулярном учете. Агентурное наблюдение за ним продолжается.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 225.
Копія. Машинопис.

№ 206

Довідка про М.Стрельцова Жовтень 1937 р.

Стрельцов Николай Константинович, 1890 года рождения, уроженец гор. Харькова, служащий, украинец, гр. СССР, беспартийный, до ареста работал писателем в гор. Харькове.

Стрельцов Н.К. являлся членом украинской к-р организации. Проводил контрреволюционную вредительскую работу на национально-культурном фронте. Был связан с японским шпионом Пущенко. В прошлом являлся адъютантом батальона петлюровской армии. Офицер галицийской армии.

Судебной тройкой КОГПУ УССР 29/V–34 года по ст. 54–6, 11 УК приговорен к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком на 5 лет.

В лагере ведет контрреволюционную работу среди заключенных, осужденных по делу Украинской националистической к-р, с которыми поддерживает тесную связь и группирует их на массовые протесты против режима содержания и неправильной политики в лагере.

Враждебно настроен к партии и советской власти и распространяет к-р пропаганду о том, что в Советской стране происходит красный террор. Высказывает террористические намерения против руководителей ВКП(б).

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 226.
Копія. Машинопис.

№ 207

Акт про виконання вироку стосовно М.Стрельцова 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Стрельцова Николая Константиновича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 227.
Копія. Машинопис.

№ 208

Висновок про реабілітацію М.Стрельцова 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Стрельцова Н.К.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15294)*
Фамилия, имя, отчество *Стрельцов Николай Константинович*
Дата и год рождения *1890*
Место рождения *г. Харьков*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *писатель*
Место жительства до ареста *г. Харьков*
Данные о родственниках *жена — Шулькевич Марьяна Васильевна*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Отбывал наказание в СЛОНе по постановлению тройки КОГПУ УССР по ст. 54–11 УК УССР. Без предъявления обвинения за к-р работу среди з/к тройкой УНКВД ЛО 9.10.37 г. (протокол № 83) постановлено — Стрельцова расстрелять. Постановление исполнено 3 ноября 1937 г.*
Стрельцов Николай Константинович подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *Андриянов*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 228.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА П.ТИМЕЦЬКОГО № П-13599

№ 209

Меморандум у справі П.Тимецького 31 травня 1934 р.

Подлежит особому учету в порядке приказа ОГПУ № 257
Сов. секретно

Меморандум № 1316

По след. делу № 737
1. Фамилия, имя и отчество *Тимецкий Петр Дмитриевич, 1892 г.р., урож. Галиции*
2. Социальное положение обвиняемого *служащий*
3. Социальное политическое прошлое обвиняемого *быв. член УСДП, служил писарем в австрийской армии, быв. член КПЗУ и КП(б)У с 1926 г.*
4. Характеристика обвиняемого, описание совершенного им преступления и степень его опасности *Активный член к-р организации УВО с 1923 года. Агент польской дефензивы. Переброшен для к-р работы в УССР в 1926 году. Проводил шпионскую работу в пользу Польши. В 1933 году вступил в террористическую организацию. Создал боевую группу, готовился к покушению на Постышева.*
5. Степень заинтересованности органа ГПУ, составившего меморандум, в дальнейшей разработке обвиняемого и в каком направлении *Необходимо разрабатывать связи по украинской ссылке.*
6. Можно ли вербовать обвиняемого и для какой работы *Нет.*
7. Какие ограничения в порядке содержания осужденного необходимы по мнению органа ГПУ, составившего меморандум *Не требует.*
8. Прочие предложения *Можно допустить к работе*

Уполномоченный СПО ГПУ УССР *Проскуряков*
Утверждаю: п/нач. СПО отдела ГПУ УССР *Долинский*

31/V–1934 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 234–235. Копія. Рукопис на бланку.

№ 210

Довідка про П.Тимецького Жовтень 1937 р.

Тимецкий Петр Дмитриевич, 1892 г.р., гр-н СССР, уроженец Польши, служащий, образование н/высшее, служил в австрийской армии, б. член ВКП(б).

Являлся активным членом к-р организации «УВО» с 1926 года. Агент польской дефензивы. Переброшен для к-р работы в УССР в 1926 году. Проводил шпионскую работу в пользу Польши. В 1933 году вступил в террористическую организацию. Создал боевую группу.

Суд. тр. КОГПУ УССР от 29.V.34 г. по ст. 54–8–11 УК осужден на 10 л. к заключению в ИТЛ.

Находясь в Соловках, вошел в группу заключенных галичан-украинцев, в которую входят осужденные Тимецкий, Ильницкий, Кубрак, Батяк, Полищук и др. члены «УВО». Со-

бираясь вместе, члены группы живо реагируют на текущие события в СССР, подвергая критике действия Соввласти в к-р духе. Тимецкий ярый националист. Среди заключенных откровенно заявлял, что он сторонник терроризма, оправданного, даже если он направлен против миллионов. Тюрьмы Польши ставит выше тюрем в СССР. Выступает в защиту фашизма и Гитлера.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 236. Копія. Машинопис.

№ 211

Акт про виконання вироку стосовно П.Тимецького 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Тимецкого Петра Дмитриевича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 237. Копія. Машинопис.

№ 212

Висновок про реабілітацію П.Тимецького 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Тимецкого П.Д.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15279)*
Фамилия, имя, отчество *Тимецкий Петр Дмитриевич*
Дата и год рождения *1892*
Место рождения *Польша*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *Преподаватель иностранного языка в средней школе*
Место жительства до ареста *г. Харьков*
Данные о родственниках *жена — Оксана Ивановна*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Отбывал наказание в СЛОНе по постановлению тройки КОГПУ*

УССР по ст. 54–8, 11 УК УССР. Без предъявления обвинения за ведение к-р пропаганды среди з/к тройкой УНКВД ЛО 9.10.1937 (протокол № 83) постановлено — Тимецкого расстрелять. Постановление исполнено 3 ноября 1937 года.
Тимецкий Петр Дмитриевич подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *Андриянов*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 238.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА М.ТРОФИМЕНКА
(№ П-12988)

№ 213

Меморандум у справі М.Трофименка
21 листопада 1933 р.

Сов. секретно

Киевский областной отдел ГПУ — УССР

Меморандум № 4662

По след. делу № 3391/48773
1. Фамилия, имя и отчество обвиняемого *Трофименко Николай Федотович*
2. Социальное положение обвиняемого *научный работник*
3. Социальное политическое прошлое обвиняемого *сын стражника, б. боротьбист, адъютант банды «Трепета» и «Пампушки».*
4. Характеристика обвиняемого, описание совершенного им преступления и степень его опасности *В 1926 г. вошел в орг. УВО, был близок к руководству, сам завербовал 6 человек.*
5. Степень заинтересованности органа ГПУ, составившего меморандум, в дальнейшей разработке обвиняемого и в каком направлении
6. Можно ли вербовать обвиняемого и для какой работы *Нет.*
7. Какие ограничения в порядке содержания осужденного необходимы по мнению органа ГПУ, составившего меморандум *В общем порядке.*
8. Прочие предложения —

Пом. нач. СПО *Підпис нерозбірливий*

Утверждение нач. Органа
Зам. нач. КООГПУ и нач. СПО *Підпис нерозбірливий*

Ноября 21, 1933 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 245–246.
Копія. Рукопис на бланку.

№ 214

Довідка про М.Трофименка
Жовтень 1937 р.

Трофименко Николай Федотович, 1899 г.р., гр-н СССР, украинец, ур. с. Шойды Каневского р-на, состоял в Украинской партии боротьбистов.

Являлся адъютантом банды «Трепета» и «Пампушки». С 1926 года член к-р организации «УВО», был близок к руководству. Вербовал в к-р организацию членов.

Суд. тр. при КОГПУ УССР от 14.XI.33 года по ст. 54–11 УК УССР осужден в ИТЛ на 5 лет.

Поддерживает с единомышленниками-украинцами связь в лагере. Настроен а/с, враждебно. Критиковал политику партии и правительства, участие СССР в Лиге Наций. Заявлял, что это измена рабочему классу.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 247.
Копія. Машинопис.

№ 215

Акт про виконання вироку стосовно М.Трофименка
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Трофименко Николая Федотовича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 248.
Копія. Машинопис.

№ 216

Висновок про реабілітацію М.Трофименка
17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Трофименко Н.Ф.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15261)*
Фамилия, имя, отчество *Трофименко Николай Федотович*
Дата и год рождения *1899*
Место рождения *с. Шойды Каневского района*

Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *Всеукраинская академия наук, зав. сектором*
Место жительства до ареста *г. Киев*
Данные о родственниках *женат (иных данных нет)*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *4 февраля 1933 года. Отбывал наказание в местах лишения свободы (СЛОН) по ст. 54–11 УК УССР. 9 октября 1937 года на заседании Особой тройки УНКВД ЛО приговорен к расстрелу за к-р деятельность. 3 ноября 1937 года приговор приведен в исполнение.*
Трофименко Н.Ф. подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *В.И.Сабинин*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 249.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА І.ТУЗА
(№ П-14789)

№ 217

Довідка про І.Туза
10 липня 1935 р.

Совершенно секретно

Справка
по материалам на з/к ДМИТЛАГа Туза Ивана Андреевича

Туз Иван Андреевич, 1894 года рождения, урож. местечка Глиняны (Галиция), соц. положение — служащий, сын кулака, бывш. унтер-офицер австрийской армии, офицер галицийской армии, бывш. член КПЧ, бывш. кандидат КП(б)У. До заключения проживал в Харькове, осужден 1.X.1933 года Суд. тройкой при Коллегии ГПУ УССР по ст. 54–11 на 5 лет. Содержится в Волжском районе, работает плановиком-экономистом Управления района.

Туз прибыл в ДМИТЛАГ из КАРЛАГа в 1934 году. III отдел КАРЛАГа препроводил нам в феврале 1935 года краткий меморандум по его делу.

В 4-м пункте меморандума бывш. ГПУ Украины (характеристика обвиняемого Туза) указано: «Активный член УВО, намечался к совершению акта по центральному террору. Опасен». Никаких других данных о нем не приведено. П. 8 — Туз не имеет.

По прибытии в ДМИТЛАГ Туз был взят в активную агентурную разработку, в процессе которой установлено, что он часто ведет разговоры на политические темы в кругу работников аппарата района, выдает себя за коммуниста и зачастую высказывает активные антипартийные к-р настроения.

Ниже приводим высказывания Туза в обстановке групповых к-р собеседований среди работников аппарата района.

1-го апреля с.г. происходил разговор между инж. проектного бюро з/к Сериковым, работавшим в то время по бригадному ученичеству, Тузом и инж. з/к Минченко на тему о лишении пропусков на апрель и о «плохих условиях жизни в лагере». Сериков, обращаясь

к Тузу, высказал: «Ну ты, по крайней мере, эмигрант, тебе, конечно, нельзя поверить, что ты разделял политику социализма, так или иначе, корни твои неизвестны — кто ты, что ты и чем ты дышишь. А я вот, например, своих мнений и политических взглядов никому не высказывал, и меня больше всего поразило — откуда взяли данные для моего ареста и дальнейшего заключения».

Вмешавшись в разговор, Минченко заявил: «А кто бы построил ТЭС, если не Сериков, а много у нас таких Сериковых, ведь это знают и знают нам цену».

С этим мнением согласился и Туз. На высказанное Минченко замечание Сериков ответил: «Но ведь это очень нечестно. Ведь можно проще, зачем же убивать меня, зачем же отбирать у меня право на жизнь».

Туз заявил: «Ну, я понимаю, какая разница, где работать, лишь бы я проводил свою намеченную цель, а дальше никакие условия мне не страшны, я был коммунистом и буду, в этом меня никто не разубедит».

Сериков, обращаясь к Тузу, спрашивает: «Ты вот скажи, как ты поспорил со Скрыпником и почему он застрелился».

Туз отвечает: «Он написал книжку «Закарпатська Україна», я ее раскритиковал, после этого у нас начались споры. Скрыпник меня боялся, что я разоблачу его секретаря Бадана, а Скрыпник защищал его, зная, кто такой Бадан».

На вопрос Серикова — почему же он застрелился, присутствовавший Минченко заявил: «Потому что он убежден был в своих взглядах и уверен был, что за его взгляды тюрьмы не миновать, а до того его угробил заживо Постышев».

8-го апреля с.г. в разговоре с Тузом зав. учебной частью (по подготовке кадров из заключенных) Хапкаев высказал: «Новый нач. курсов не знает основные причины и помехи в работе, ведь это очень ясно, главная причина та, что это лагерь, а отсюда и вывод, что не может быть толковой и полезной работы. Кто эти люди, которые идут на курсы, каково их состояние, всем известно. Разве может человек, который каторжно работает, по-собачьи питается, дать хороший успех в учебе. Все это знают, знает об этом каждый из нас, равно знает и руководство лагеря, наряду с этим знаем мы, а также знает руководство лагеря, что не вооружившись техническими, хотя бы элементарными знаниями, заключенные не построят быстро и успешно канал. А канал фактически является могилой того же заключенного, заживо его погребая. Те же заключенные, обучающиеся на курсах, все это понимают, что государство фактически заботится о канале, а не о человеке, а раз доминирует канал, следовательно, человек для канала, а не канал для человека, а отсюда и все последствия. Посмотрите, какой заботой окружен лагерник, сколько пустых, бесчеловечных разговоров о его быте, о его перевоспитании. Но это псалмопевцы — поют аллилуйя — в этом и хитрость советской власти».

В процессе разговора Туз заявил: «...А разве хорошо было бы, если бы власть не учитывала всей сложности ситуации сегодняшнего дня, знают же они, кто эти люди, заключенные в лагеря, и какую вести по отношению к ним политику».

Хапкаев продолжал свою мысль: «...Посмотри, как мудрено и хитро построена лагерная политика: ВОХР из заключенных. Тому же заключенному дают оружие, и он за 25 рублей убивает брата. Тот же заключенный выдвигается начальником, и он, получая указания, приказ, уничтожает жизнь себе подобных. «Де-юре» получается так, что сама общественность этого требует».

Туз, отвечая Хапкаеву, высказал: «...Неужели ты думаешь, что эта самая измученная масса не понимает закон диалектики, она инстинктивно это чувствует и знает, но потеряла способность создать, творить законы для выхода из положения. Я никак не могу примириться с тем, как подло поступлено со мной, как коммунистом, который взялся развязать выдвинутую Сталиным задачу, составить баланс народного хозяйства, и вот впоследствии изверги, порочащие ленинизм, отобрали мою работу — присвоили себе. Так просто не могли, так значит нашли простой выход — Туза загнали в лагеря. Э [нрзб.] я одно знаю, что я ленинец, я не партиец был, а коммунист. Я уверен, что история этого не забудет. Главное — это не потерять упора той точки зрения, которая у тебя была раньше, а это все явление временное. Переживем и создадим то, что заживо погребают гнусные изверги, исковеркавшие ленинизм».

В начале июля, в беседе с инж. экономистом района з/к Дечевым Туз сообщил, что он в мае послал письмо на имя товарища Сталина и отдельно в ЦК и Комиссию Партконтроля. Тут же Туз прочитал это письмо. Копию письма Туз хранит в записной книжке, которую носит в портфеле. Письмо начинается примерно с такой фразы: «Уважаемый товарищ Сталин, выступая на одном из собраний или съездов, Вы официально признали за каждым коммунистом право на критику линии ЦК. Я хочу воспользоваться этим правом».

На вопрос Дечева: «Какой Вы коммунист?», Туз ответил: «...Я теперь не член партии, но я считаю себя коммунистом и поэтому имею право на критику».

Письмо Туза характеризует его, как озлобленного к-р, который во что бы то ни стало хочет продолжить полемику с товарищем Сталиным, чтобы «доказать свою правоту» и «ошибки» партии. Примерное содержание письма следующее: «...Партия до сих пор не имеет закона развития социализма. Поэтому она идет ощупью и делает много ошибок. Закон партии заменяют воля, убеждение, а в некоторых случаях и репрессии, чего сейчас уже недостаточно. Это происходит в то время, как партии известно, что Туз открыл этот «закон». Тезис этого «закона» Туз послал лично товарищу Сталину еще в 1933 году. Но партия игнорирует этот «закон».

«...Не имея закона развития социалистической экономики, партия строит свое хозяйство, прибегая зачастую к методам «заимствования у капитализма». В частности, даже сейчас, когда есть возможность измерять труд человека не рублем, а количеством затраченных усилий и времени, партия вводит для оценки труда капиталистический признак — деньги являются средством эксплуатации. Ведь известно, — пишет Туз, — что Энгельс и Ленин были иного мнения о деньгах в условиях социализма». «...Тузу не понравилось, что Ворошилов, выступая на Красной площади в Москве, говорил якобы о накоплении «социалистического капитала». Выходит, что у нас есть капитал, а не средства производства».

Туз пишет, что «руководящие работники обеспечили себя пайками, а остальная масса населения испытывает нужду. В стране почти половина людей преступники. Говоря о них, партия считает, что преступники являются наследием капитализма, т.е. партия преступность объясняет политическими факторами, между тем, — говорит Туз, — преступность нужно объяснять экономическими причинами, ибо «бытие определяет сознание».

В подтверждение, что у нас существует присвоение чужой собственности, Туз указывает на то, что еще в 1930 году он в одном из журналов разоблачил Скрыпника, а позже еще одного украинского профессора. Его разоблачением позже воспользовался секретарь ЦК КП(б)У Попов и др., а Туза посадили в лагерь.

Одновременно представляем копию донесения III отдела КАРЛАГа о группе членов «УВО» и отдельных высказываниях Туза.

Это донесение направлено нам III отделом КАРЛАГа при № 930 от 21.II.1935 года.

Разработку Туза продолжаем.

Зам. нач. ДМИТЛАГа НКВД СССР Евгеньев
Нач. СПО III отдела Гоберман

10 июля 1935 г.
№ 12/11088

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 258–261. Копія. Машинопис.

№ 218

Довідка про І.Туза
Жовтень 1937 р.

Туз Иван Андреевич, 1894 г.р., гр-н СССР, ур. Галиции, служащий, образование высшее, экономист, б. член ВКП(б).

Являлся активным членом к-р организации «УВО». Намечался к совершению акта по центральному террору.

131 — Остання адреса

Суд. тр. КОГПУ УССР от 1.X.33 г. по ст. 54–11 УК УССР осужден на 5 л. к заключению в ИТЛ.

В лагерях Туз вращается в среде украинцев-националистов, в среде которых говорит, что «эти кацапы сделали на нашей Украине московскую колонию, и украинский народ как был раньше под гнетом, так и остался теперь. На Соловках как раньше, так и теперь сидят одни украинцы».

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 262.
Копія. Машинопис.

№ 219

Акт про виконання вироку стосовно І.Туза 3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Туз Ивана Андреевича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 263.
Копія. Машинопис.

№ 220

Висновок про реабілітацію І.Туза 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Туза И.А.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15260)*
Фамилия, имя, отчество *Туз Иван Андреевич*
Дата и год рождения *1894*
Место рождения *д. Глиняны, Галиция*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *замдиректора фабрики, г. Харьков*
Место жительства до ареста *г. Харьков, ул. К.Либкнехта, 6, кв. 22*
Данные о родственниках *женат, но данных не указано*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *17 июня 1933 г. Отбывал наказание в местах лишения свободы (СЛОН)*

по ст. 54–11 УК УССР, на заседании Особой тройки УНКВД ЛО 9 октября 1937 года приговорен к расстрелу (протокол № 83). 3 ноября 1937 года приговор приведен в исполнение. Туз И.А. подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*

Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *В.И.Сабинин*

14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 264.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА М.ТЮТЮННИКА
(№ П-14798)

№ 221

Меморандум у справі М.Тютюнника
5 жовтня 1933 р.

Сов. секретно
Оперативный сектор ГПУ УССР

Меморандум

По след. делу № 737-1933
1. Фамилия, имя и отчество обвиняемого *Тютюнник Николай Антонович*
2. Социальное положение обвиняемого *Служащий, специалист по лесному хозяйству.*
3. Социальное и политическое прошлое обвиняемого *Сын зажиточного крестьянина-кулака, б. унтер-офицер УГА, б. член КП(б)У.*
4. Характеристика обвиняемого, описание совершенного им преступления и степень его опасности *Активный член к-р организации УВО с 1921-го года. Вел разложенческую работу в КПЗУ за кордоном и активную работу по созданию ячеек «УВО». Дезинформировал представителей Сов. полпредства в Праге. На территории УССР был активным членом боевого отдела Киевского и Харьковского центров «УВО». Активно работал по созданию боевой повстанческой периферии; весьма опасен.*
5. Степень заинтересованности органа ГПУ, составившего меморандум, в дальнейшей разработке обвиняемого и в каком направлении —
6. Можно ли вербовать обвиняемого и для какой работы *Нет.*
7. Какие ограничения в порядке содержания осужденного необходимы по мнению органа ГПУ, составившего меморандум *Можно разрешить вести работу по специальности в тщательной изоляции.*
8. Прочие предложения —

Подпись и должность лица составившего меморандум

Уп. СПО ГПУ УССР *Проскуряков*
Утверждение нач. органа *Підпис нерозбірливий*

5.X–1933 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 271–272.
Копія. Рукопис на бланку.

№ 222

Довідка про М.Тютюнника
Жовтень 1937 р.

Тютюнник Николай Антонович, 1896 г.р., уроженец с. Игровицы в Галиции, украинец, гр-н СССР, служащий, старший референт отдела кадров Укрлесхоза, бывш. кандидат КП(б)У.

Тютюнник активный член организации «УВО» с 1921 года. Вел разложенческую работу в КП Зап. Украины за кордоном и активную работу по созданию ячеек «УВО». Дезинформировал представителей Сов. полпредства в Праге. На территории УССР был активным членом боевого отдела Киевского и Харьковского центра «УВО». Активно работал по созданию боевой повстанческой периферии.

Тройкой при КОГПУ от 1.X.33 года по ст. 54–11 УК УССР осужден в ИТЛ сроком на 10 лет.

Непримиримый враг советской власти. Систематически ведет антисоветскую агитацию. Высказывал сожаление о расстрелянных в декабре мес. 1934 года украинских террористах Крушельницком, Косынке и др. По поводу арестов, произведенных в 1934 году, Тютюнник говорил: «Во второй пятилетке должна быть война, а по-этому они хотят уничтожить Украину».

Находясь на лагерном положении в Соловках, был тесно связан с активными членами к-р организации «УВО».

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности Апетер

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности Раевский

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 273.
Копія. Машинопис.

№ 223

Акт про виконання вироку стосовно М.Тютюнника
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Тютюнника Николая Антоновича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 274.
Копія. Машинопис.

№ 224

Висновок про реабілітацію М.Тютюнника 17 липня 1989 р.

Утверждаю
Прокурор Архангельской области
Государственный советник юстиции 3 класса
В.А.Мыльников
17 июля 1989 г.

Заключение

в отношении *Тютюнника Н.А.*
по материалам уголовного дела (арх. № *15291)*
Фамилия, имя, отчество *Тютюнник Николай Антонович*
Дата и год рождения *1896*
Место рождения *Галиция, с. Игровицы*
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) *беспартийный*
Место работы и должность до ареста *ст. референт отдела кадров Укрлесхоза*
Место жительства до ареста *г. Харьков, ул. Греховская, д. 58*
Данные о родственниках *жена — Погорелова Лидия Николаевна*
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу *Отбывал наказание в СЛОНе по постановлению Коллегии ГПУ по ст. 54–11 УК УССР. Без предъявления обвинения за а/с агитацию среди з/к тройкой УНКВД ЛО 9.10.37 г. (протокол № 83) постановлено — Тютюнника расстрелять. Постановление исполнено 3 ноября 1937 г.*
Тютюнник Николай Антонович подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области *Т.С.Сабурова*
Начальник следственной группы УКГБ
по Архангельской области *Андриянов*
14 июля 1989 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 275.
Копія. Рукопис на бланку.

СПРАВА П.ФАРИНИ
(№ П-10670)

№ 225

Меморандум у справі П.Фарини 29 травня 1934 р.

Сов. секретно

Подлежит особому учету № 1306 СПО ГПУ УССР

Меморандум

По след. делу № 737
1. Фамилия, имя и отчество *Фарина Петр Демьянович, 1895 г.р., уроженец Польши.*
2. Социальное положение обвиняемого *Служащий.*

3. Социальное политическое прошлое обвиняемого *Быв. унтер-офицер царской армии, быв. член КПЗУ, б. член УСДП, в день ареста безработный.*
4. Характеристика обвиняемого, описание совершенного им преступления и степень его опасности *Активный член к-р организации УВО с 1924 года. Сидел в польской тюрьме 7 1/2 лет. Персонально политобмененный. Прибыл в УССР для к-р работы. Руководил подготовкой тер. актов на ряд руководителей партии и Соввласти на Украине. Входил в руководство к-р украинской террористической организации.*
5. Степень заинтересованности органа ГПУ, составившего меморандум, в дальнейшей разработке обвиняемого и в каком направлении *Необходима разработка связей по украинской ссылке, чтобы не было возможности для ведения разложк. работы среди арестованных.*
6. Можно ли вербовать обвиняемого и для какой работы *Нет.*
7. Какие ограничения в порядке содержания осужденного необходимы по мнению органа ГПУ, составившего меморандум *Ограничить передвижение районом.*
8. Прочие предложения *Можно допустить к работе.*

Уполномоченный СПО ГПУ УССР *Проскуряков*
Утверждаю. Нач. Отдела ГПУ УССР *Підпис нерозбірливий*

29/V–1934 г.

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 281–282.
Копія. Рукопис на бланку.

№ 226

Оперативне повідомлення про П.Фарину
12 травня 1935 р.

3/V–35 года на Голгофе з/к Фарина, встретившись с з/к Баргом, беседовали по текущим вопросам политики.

В беседе Фарина доказывал, что лишь сравнительно недавно для него стало ясно, почему он изолирован в лагеря, осужден на 10 лет. Утверждал с первых дней пребывания в лагере (на Муксалме), что он никогда не принадлежал ни к каким контрреволюционным организациям, ставящим себе цель — террор, и он всегда высказывал мысль, что ему непонятна изоляция. Непонятен обмен его как заключенного из польской тюрьмы, в которой он провел несколько лет. Он до этой беседы подчеркивал, что не видит смысла в изоляции его от группы единомышленников, привлеченных по этому делу, группы лиц, привлеченных по делу Белорусской Громады.

В настоящее время он расценивает свою изоляцию следующим образом: СССР вступил в Лигу Наций, СССР заключил ряд договоров с капиталистическими странами, в силу этих обстоятельств СССР дал ряд конкретных обязательств в отношении поддержки революционного движения в этих странах. Учитывая, что оставление на свободе лиц, имеющих связь с заграничным революционным движением, в настоящее время является угрозой в деле выполнения взятых правительством на себя обязательств — необходима изоляция этой группы людей.

Развивая эту мысль, Фарина добавляет, что поскольку вызов этих людей с целью предупреждения прекратить связь с революционными организациями неудобен, поэтому и правительство через органы НКВД, по его выражению, «оформило» это путем обвинения в подготовке его группы к террористическому акту на т. Постышева, добавляя, что следственный аппарат НКВД блестяще справился с этой задачей, доказывая всем привлеченным по этому делу наличие террористической организации.

В подтверждение правильности своего диагноза, Фарина обратил внимание Барга на то обстоятельство, что в последнее время в центральных газетах начали помещать происшествия, отсутствуют почти статьи о международном революционном движении и поэтому газеты для него стали неинтересными, бессодержательными.

В дальнейшей беседе со злобой заявил, что Павел Петрович Постышев в настоящее время проводит посевную кампанию на Украине и по окончании последней выедет на курорт отдыхать, а он, Фарина (старый революционер), должен находиться на тяжелых физических работах в лагере, отдавая последние свои силы. Таким же духом Фарина начинил находящегося на Анзере однодельца Максимова.

В беседе с представителем из украинской шовинистической молодежи Дорогобедом, прибывшим из Дальневосточных лагерей, установлено, что в настоящее время он отказался от шовинистических тенденций, признавая политику партии и правительства по национальному вопросу правильной, осуждая свои взгляды и поведение в прошлом. Подчеркнул также, что освободился из-под влияния своего однодельца, находящегося на Анзере, который и по настоящее время заражен вредным контрреволюционным национализмом, в настоящее время находится на Реболде и работает в качестве десятника.

Верно: Уполномоченный СПО *Алексеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 283. Копія. Машинопис.

№ 227

Оперативне повідомлення про П.Фарину 24 червня 1935 р.

Фарина уч. СПО по «УНКР»

23/VI — в беседе с з/к Фариной «О 15-летии освобождения Украины от белополяков и петлюровских банд» («Правда») последний заявил — характерно, что в газетах начали часто писать о Щорсе. Он считает, что заключение договоров с Францией и Чехословакией не гарантирует мира для СССР, главная опасность — Германия, Польша, и поэтому в номере, посвященном 15-летнему юбилею, уделялось очень много внимания героям периода освобождения Украины от оккупантов. Тяжелая индустрия на Украине, по его мнению, имеет серьезное достижение, а колхозы продолжают оставаться в тяжелом положении, и поэтому они на случай войны с Польшей неблагонадежны. Обсуждая статью Кольцова «От Киева до Львова», Фарина считает, что поименованные (Сказинский, Бачинский и Крушельницкий) не являются «увистами» Коновальца, а, по его мнению, являются жертвой ошибки НКВД, заявляя, что ему достоверно известно, что в заграничной прессе Коновалец критиковал резко деятельность НКВД по раскрытию УВО на Украине, что, мол, взяты не его агенты. Фарина подчеркивает в разговоре международное положение СССР, что вступление в Лигу Наций в 1929 г. партией и правительством резко осуждалось, т.к. Лига Наций готовит новые войны, душит революционное движение, и только тяжелое положение внутри страны и международное заставили Союз вступить в Лигу Наций, заявляя, что характерным является перенос пленума Коминтерна с 1934 г. на 1935 г., а затем еще на неизвестный срок. Последнее считает ограничением Союза со стороны Лиги Наций. В силу такого положения он считает, что еще много членов КПЗУ приедет на Соловки.

Верно: О/Уполномоченный СПО *Долинский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 284. Копія. Машинопис.

№ 228

Агентурне донесення групи СПВ III частини 8-го Соловецького відділення ББК 28 березня 1937 р.

Если говорить об активных контрреволюционерах л/п Анзер, то главное внимание необходимо сосредоточить на Нестерове В.В. и Нестеровой Т.Н. не только потому, что они сами являются закоренелыми врагами советской власти, а, главным образом, потому, что они служат там притягательным центром, вокруг которого группируются все наиболее активные и закоренелые контрреволюционеры.

С первых же дней пребывания их на Анзере они, осторожно фильтруя каждого лагерника, и найдя подходящего для себя, всякими способами охватывают его своим влиянием: одному лагернику окажут материальную поддержку, другому моральную в «минуту жизни трудную» и т.д.

Кого же притягивают к себе Нестеровы и кто наиболее охотно идет к ним, и становится их послушными учениками, и если это им понадобится, то и верными, надежными исполнителями.

В основном наблюдая, в течение нескольких месяцев они окружают себя и связываются с двумя категориями лагерников: первые — троцкисты со стажем и украинские и белорусские националисты.

Остановимся на отдельных лицах этой группы лагерников, связанных с Нестеровыми.

Анзер

1) Фарина П.Д. — украинский террорист, прибывший в СССР по обмену политзаключенных с Польшей и подготовлявший на Украине террористический акт против т. Постышева. Это один из наиболее хитрых, остроумных и опытных врагов. Заявляя всем лагерникам о том, что до прибытия в СССР пребывал на протяжении 8 лет в польской тюрьме, он старается найти сочувствие у лагерников, с одной стороны, а с другой, это его рекламирует как старого политического работника.

Свою к-р деятельность он проводит [нрзб.] в течение 2 лет. Работа его, как и остальных лиц, связанных с Нестеровыми, ведется в трех направлениях: первое — дискредитация органов НКВД; второе — [нрзб.] и истолкование моментов [нрзб.] и советского строительства, и третье — дискредитация мероприятий лагруководства.

С первых дней его пребывания в лагере, он громогласно каждому лагернику заявляет о том, что ГПУ и НКВД сажают невинных людей в лагеря и тюрьмы, строят на этом карьеру и какую-то, по его выражению, «высокую политику», приводя тут же факт из собственного дела, т.е. 8 лет отбывал за революционную работу в фашистском застенке, а приехавши в СССР, осужден на 10 лет за к-р работу, апеллируя к лагерникам: «Разве это не факт, говорящий о вопиющей несправедливости». События в Советском Союзе и за границей истолковываются с к-р окраской и передаются в массу лагерников, отдельные такие толкования в свое время освещены достаточно ярко мною — это дискредитация и нездоровая критика всей повседневной жизни лагеря.

Фарина является одним из самых почетных гостей Нестеровых, награжденный последними даже портсигаром собственной работы ко дню рождения. В нем Нестеровы нашли стойкого, твердого единомышленника.

2) Кранцевич Н.М. — б. белый офицер, сибиряк, один из советников Нестеровых и [нрзб.]. Обладает меньшим опытом, нежели Фарина, но зато имеет группу лиц, охваченных его влиянием: это Устинов (о нем отдельно), Дряпко более осторожен, нежели Фарина, и менее активен. Между прочим, недавно в своем общежитии выразился: «Пусть мне начальство не угрожает — моим информациям больше верят внизу (имея в виду III часть), нежели его» (со слов н-ка л/п Сойбельмана).

3) Полоз М.Н. — статья укр. контрреволюция. Проживая на Голгофе, последний дошел до того, что заявил Баргу: «На сегодняшний день я лояльный вполне по отношению к Соввласти и жду приезда начальства, чтобы подать заявление об искреннем раскаянии». Но стоило ему переехать в Анзер, и настроение его резко изменилось. С первых же дней в Анзере он с Нестеровыми и другими лагерниками не встречался, вел себя замкнуто. Но прошло 10-15 дней, и Полоз стал непременным гостем у Нестеровых, проводя с ними вместе почти все свободное время. Он теперь во всех вопросах, даже небольших бытового характера, солидаризируется с Нестеровыми как надежный соратник. Имеет огромное желание связаться с находящимся в Кремле полит. з/к Солодубом, но до сего времени, насколько мне известно, не удается.

4) Лейбовский — троцкист. Закоренелый враг советской власти и с поразительной пронырли́востью. Хитер так же, как и Полоз, непременный гость Нестеровых. Об отношении последних к нему свидетельствует такой факт: как-то в одном разговоре я неважно отзывался о Лейбовском. В ответ на это с пеной у рта Нестеровы доказывали, что он очень порядочный человек. Тоже не прочь иметь устойчивую связь с однодельцами Рошаля, находящимся на Троицкой. Сей муж является разведчиком Нестеровых. Он целый день шныряет по канцеляриям, атакует приезжих с командировок из Кремля, добывая новости, узнавая о местах содержания з/к, интересующих их, и т.д.

Троицкая

5) Бахтин — троцкист, всецело находится под влиянием Нестеровых. Научился от них угрожать голодовками по каждому пустяку, посылая даже угрозы НКВД, т. Ежову. Проведя в 1936 г. с лагерниками читку последних известий, он с [нрзб.] тонкостью протаскивал троцкистские теории.

[...]

Посещая Анзер, он свои стопы направляет первым делом к Нестеровым и после 2–3 часового обеда идет уже по бытовым надобностям. Активен и пользуется авторитетом у неустойчивой части лагерников.

6) Волошин П.П. — белорусский националист. Типичный провокатор. Один из самых закоренелых врагов Соввласти. Это подлинная копия Фарины по методам к-р работы, но глупее его. Один из старых друзей Нестеровых. Он даже пользуется материальной поддержкой со стороны последних. Он до того противен, что его однодельцы, более лояльные, его ненавидят.

7) Елесин — б. [нрзб.] контрразведчик. Второй раз в лагерях. Менее активен, нежели предыдущие. Пользуется большим уважением со стороны Нестеровых.

8) Леонов — троцкист. Один из самых сильных, теоретически подкованных, и поэтому пользуется авторитетом среди троцкистов. Хитер. Активен. С первых же дней большой приятель Нестеровых и крепко с ними связан, проводя все свободные минуты у них. Это теоретик троцкизма на Анзере. По пронырливости не уступает Лейбовскому. Проявляет исключительный интерес к Голгофе: лагерникам, быту и т.д.

9) Шкеров — троцкист. Менее активен предыдущих. С первых же дней пребывания на Анзере связан с Нестеровыми и в то же время с троцкистами Анзера Сергиевским, Шайковским, Шустером.

10) Крупский — реакционный профессор, б. офицер. Вредитель на хоз. и идеологическом фронтах. Махровый контрреволюционер. Наилучший друг Нестеровых и большой приятель Фарины. Ехиден, активный.

Объекты из Кремля, интересующие все эту группу: Пузанова (троцкистка), Ходжаев (шпион), Крушельницкий О.А. (укр. фашист) и Ящук (укр. фашист).

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 285–287. Копія. Машинопис.

133 — Остання адреса

№ 229

Довідка про П.Фарину
Жовтень 1937 р.

Фарина Петр Демьянович, 1895 г.р., ур. Суховолья Луцкого уезда Волынского воеводства Польши, служащий, украинец, гр-н СССР, б. член КП(б)У, работал зав. соц-быт. группой треста «Трубосталь» в г. Харькове.

Является активным членом к-р организации «УВО» с 1934 года. Сидел в польской тюрьме $7^1/_2$ лет, политобменен. Прибыл в СССР для к-р работы. Входил в руководство к-р украинской террористической организации. Руководил подготовкой терактов на ряд руководителей партии и Соввласти на Украине. 25.V.34 г. КОГПУ по ст. 54–11–8 УК заключен в ИТЛ на 10 лет.

Находясь в лагере, продолжает свою к-р деятельность — среди осужденных распространяет клеветнические измышления о методах следствия в органах НКВД, дает к-р толкование мероприятиям партии и советской власти, международной политике СССР. Группируется с непримиримыми к Соввласти, осужденными по делу «УВО» Бараба-Иваненко, Кубрак и др.

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ
старший майор госбезопасности *Апетер*

Помощник начальника тюрьмы
капитан госбезопасности *Раевский*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 288.
Копія. Машинопис.

№ 230

Акт про виконання вироку стосовно П.Фарини
3 листопада 1937 р.

Совершенно секретно

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83 от 9 октября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Фарины Петра Демьяновича приведен в исполнение 3 ноября 1937 года, в чем и составлен настоящий акт.

Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО
капитан госбезопасности *Матвеев*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 283.
Копія. Машинопис.

№ 231

Протест у справі П.Фарини
28 червня 1963 р.

Секретно

В Военный Трибунал Киевского Военного Округа

Протест
(в порядке надзора)

По делу Фарины П.Д.

На основании постановления особой тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года расстрелян —

Фарина Петр Демьянович, 1895 года рождения, уроженец села Суховолье быв. Луцкого уезда, по национальности украинец, бывший член КПЗУ с 1922 года, до ареста работал в г. Харькове в тресте «Трубосталь» ответственным исполнителем.

По материалам дела Фарина признан виновным в том, что он, отбывая наказание в Соловецком лагере, продолжал свою антисоветскую деятельность среди осужденных, распространял клеветнические измышления о методах следствия в органах НКВД, давал антисоветское толкование мероприятиям партии и советской власти, международной политике СССР.

На предварительном следствии Фарина не допрашивался. Доказательств, подтверждающих его виновность, в деле нет.

Проведенным дополнительным расследованием по делу за 1934 год было установлено, что Фарина был арестован и осужден необоснованно, это его дело было рассмотрено Военным трибуналом КВО и 8 марта 1963 года прекращено за отсутствием состава преступления.

Вторичное осуждение не обосновано материалами дела, постановление Особой тройки УНКВД Ленинградской области подлежит отмене, а дело прекращению за отсутствием состава преступления.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 26 Положения о прокурорском надзоре в СССР, —

прошу:

Постановление особой тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года по делу Фарины Петра Демьяновича отменить. Дело производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Приложение: Дело в одном томе от н/вх. № 0879, в том числе н/вх. № 0629, 0686, 0529 и 02335, — только адресату.

Вр. военный прокурор КВО
генерал-майор юстиции *Климов*

28 июня 1963 г.
№ 2/439–62 / 01484

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 293–294. Копія. Машинопис.

№ 232

Ухвала Військового трибуналу Київського військового округу 19 липня 1963 р.

Секретно

Определение № 246/0-63
Военный Трибунал Киевского Военного Округа

В составе: председательствующего подполковника юстиции Березина,
членов — подполковника юстиции Пташевского и подполковника юстиции Кошелева в городе Киеве,
рассмотрел в заседании от 19 июля 1963 года протест в порядке надзора военного прокурора Киевского военного округа на постановление тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года, на основании которого подвергнут расстрелу

Фарина Петр Демьянович, 1895 года рождения, до привлечения к уголовной ответственности по данному делу содержавшийся в Соловецком ИТЛ.

Заслушав доклад т. Пташевского и заключение пом. военного прокурора КВО подполковника юстиции Трофимова, поддержавшего протест,

установил:

Фарина признан виновным в том, что он в лагере продолжал свою антисоветскую деятельность, т.е. среди осужденных распространял клеветнические измышления о методах следствия в НКВД, давал антисоветские толкования мероприятиям партии и советской власти и международной политике СССР.

В протесте ставится вопрос о прекращении данного дела за отсутствием состава преступления по следующим мотивам: На предварительном следствии Фарина не допрашивался. Доказательств его виновности в материалах дела нет.

Дополнительным расследованием установлено, что Фарина в 1934 году репрессирован необоснованно, и поэтому его дело за 1934 год было прекращено Военным трибуналом КВО 8 марта 1963 года за отсутствием состава преступления.

Соглашаясь с протестом и руководствуясь ст. 393 УПК УССР,

определил:

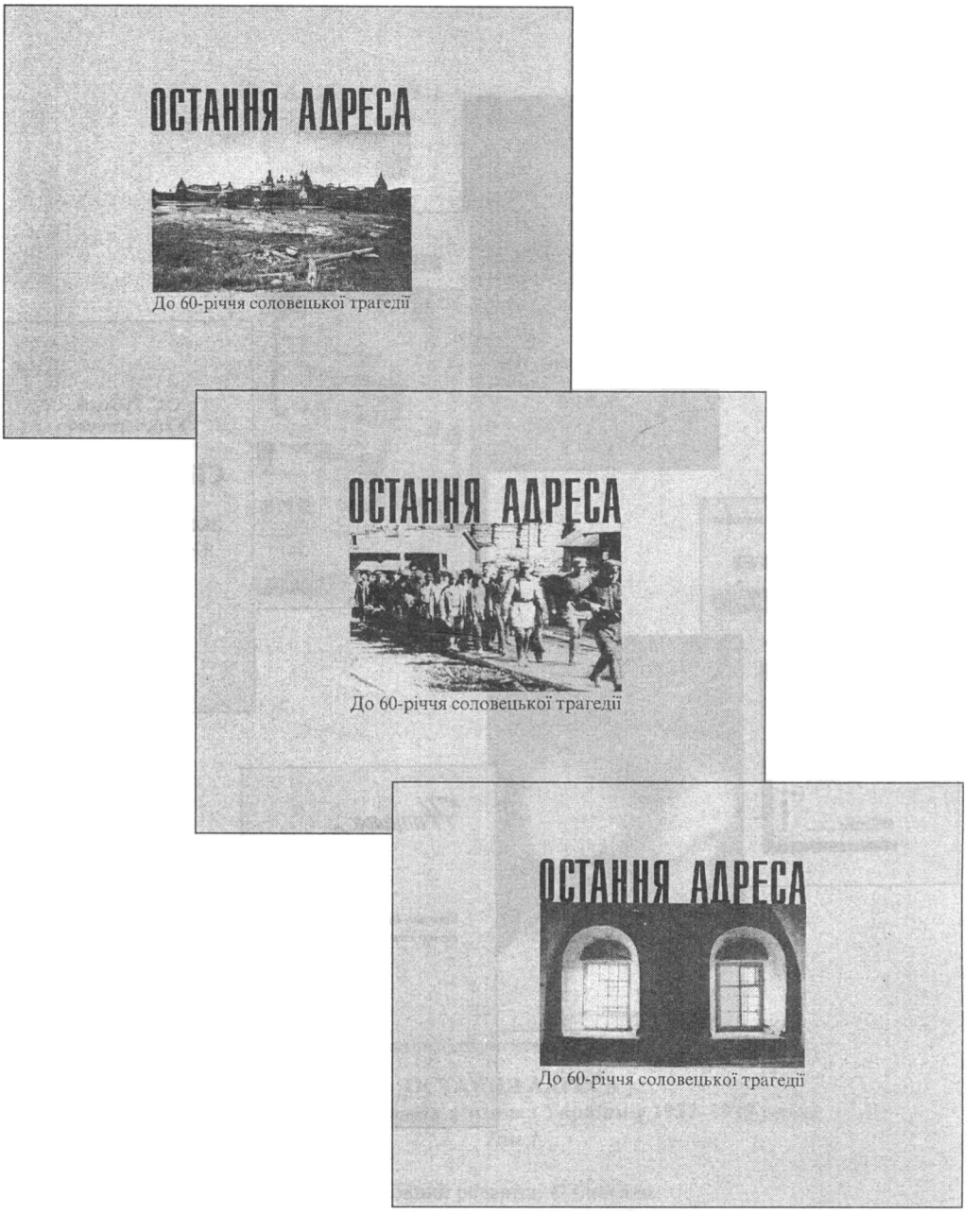
Протест удовлетворить, постановление тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года в отношении Фарины Петра Демьяновича отменить и дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления.

Подлинное за надлежащими подписями.

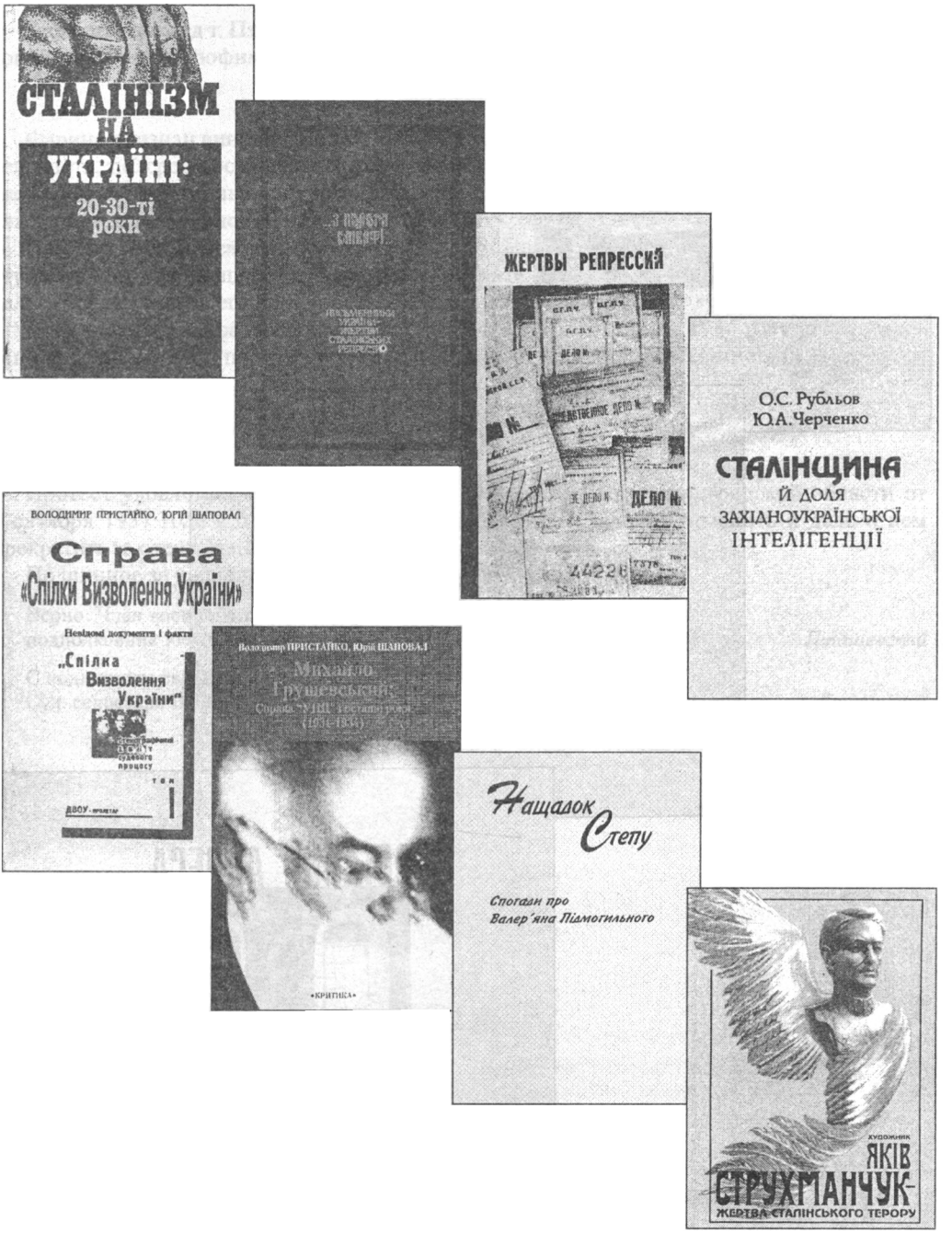
Верно: Член военного трибунала КВО
подполковник юстиции *Пташевский*

С подлинным сверила:
Суд. секретарь ВТ КВО *Лавриненко*

ДА СБ України. — Ф. 6. — Спр. 75160-ФП. — Т. 2. — Арк. 295–296.
Копія. Машинопис.



Перше видання 3-томника «Остання адреса»,
що вийшло друком у 1997–1999 роках



Книги, в яких розповідається про життя
і трагічну долю багатьох соловецьких в'язнів з України

Науково-документальне видання

ОСТАННЯ АДРЕСА
Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках
Том 1

Мовний редактор *О.Спицька*
Комп'ютерне макетування *О.Хлопова*
Комп'ютерний набір *Д.Бойко, І.Бухарєва, Ю.Іванова, О.Мельник, В.Окіпнюк, М.Панова*

Здано до виробництва 24.07.03. Підписано до друку 22.10.03. Формат 70×100/16. Папір офс. Гарнітура Times. Друк офс. Умов. друк. арк. 42,89. Ум. фарб.-від. 44,51. Обл.-вид. арк. 48,13.

Міжнародний Благодійний Фонд «Видавництво Сфера».
Україна, 04107, м. Київ, пров. Делегатський, 3.
Свідоцтво про внесення у Державний реєстр видавців
ДЦ № 233 від 07.11.2000 р.

Остання адреса: Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках: В 2 т.
О76 Т. 1. — 2-е вид., доопрац. і доп. — К.: «Сфера», 2003. — LXII, 470 с., 11 л. іл.
ISBN 966-7841-68-5
ISBN 966-7841-40-5 (Т. 1)

Головна мета цього науково-документального видання — зберегти пам'ять про те, що саме Соловецький табір, ця, за висловом сучасника, «країна мук і відчаю», став останньою земною адресою для багатьох синів і дочок України.

Двотомник містить наукову розвідку «Соловецька трагедія 1937–1938 років: причини та наслідки», а також унікальні матеріали оперативної розробки соловецьких в'язнів, які дозволяють уявити і розкрити найпотаємніші сторони табірного побуту, передодень масових розстрілів, проливають світло на багато попередніх подій в Україні і колишньому СРСР, протоколи засідання Особливої трійки УНКВД Ленінградської області, на підставі яких відбулися масові розстріли соловецьких в'язнів у 1937–1938 роках.

Книжка є цінним джерелом для фахівців, для всіх, хто цікавиться історією України.

ББК 63.3(4УКР)

1997 рік приніс нові відомості про таку, здавалося б, у загальних рисах розроблену тему як «Репресовані українці на Соловках». Сталося так, що саме цього року, коли виповнилося шість десятиріч з часу масових соловецьких розстрілів, працівники Служби безпеки України, українські історики-дослідники та ентузіасти з Санкт-Петербурзького науково-інформаційного центру «Меморіал» об'єднали свої зусилля у з'ясуванні нових обставин загибелі в'язнів з України.

Соловки... Це слово для десятків поколінь українців (і не тільки українців) звучало як синонім жахів і смертей... Саме тут трагічно обірвалося життя багатьох визначних представників розстріляного українського відродження 60 літ тому... Нещодавно було віднайдено й місце поховання жертв сталінських репресій — урочище Сандормох у Карелії...

Рукописи, як знаємо, не горять, документи, виявляється, — також... Унікальні архівні матеріали (більша частина з них — поки що невідома й дослідникам) увійшли до двотомника «Остання адреса. До 60-річчя соловецької трагедії», що його випускає київське видавництво «Сфера».

Літературна України, 1998, 30 квітня

Якось так вийшло, що до певних тем ми вже немовби призвичаїлися. Буденними здаються розмови про ГУЛАГ, репресії, жорстокість, розстріли... Адже стільки написано, стільки обговорено, складається навіть враження, що вже поставлено всі крапки над «і». Однак це оманливе відчуття. Доказ того — нове документальне видання, другий том якого нещодавно побачив світ, — книга, яку можна назвати книгою пам'яті, книга з красномовною назвою «Остання адреса»... Цій публікації передувала колосальна робота, і видання, яке планувалося як двотомне, переростає у тритомне, а може й у багатотомне.

Літературна Україна, 1999, 11 лютого

Невблаганно і швидко минає час... 2002–2003 роки стали черговими сумними ювілеями розстрілів соловецьких в'язнів 1937–1938.

...Шлях на Соловки. У кожного із в'язнів він був своїм і розпочинався порізному, але всіх об'єднала спільна доля. А це було вже результатом дії системи — жорстокої, бездушної.

Знати і пам'ятати — такий лейтмотив нового видання науково-документальної книги. Від попереднього він відрізняється не лише форматом і кількістю томів, а й за структурною побудовою, вмістивши нові розділи і архівні документи. Головне, чого прагнули автори-упорядники, — це зберегти унікальність першого видання та доповнити його так, щоб глибше розкрити причинно-наслідковий зв'язок соловецької трагедії з тогочасною радянською дійсністю.